Еврейские купцы в Москве XVII в.

Еврейские купцы в Москве XVII в. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Д. З. Фельдмана // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 9—12. — Из содерж.: Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства жидов Самоила Яковлева с товарищами его для покупки венгерского вина 1672 г. июня 5. — С. 10—11. — [Т. XII].

О многовековом опыте евреев в коммерции и финансах и их деятельности в Российской империи известно достаточно много*. Однако до сих пор сравнительно мало изучен вопрос о купеческих занятиях евреев во второй половине XVII столетия, поскольку доступ им в пределы страны тогда был значительно затруднен. Так, Торговый устав от 11 сентября 1677 г. в соответствии с указом царя Федора Алексеевича определял: "Которые евреяня впредь приедут с товары утайкою к Москве и учнут являтца и товары свои записывать в Московской большой таможне, тех евреян ис Приказу Большого приходу присылать в Посольской приказ и товары их в таможне не записывать для того, чтоб, по указу, евреян с товары и без товаров из Смоленска пропускать не велено"**. "Трактат вечного мира между Империею Всероссийскою и короною Польскою" от 26 апреля 1686 г. еврейскую торговлю в России также запрещал: "... Обоих великих государей торговым людям, кроме жидов,.. ездить на обе стороны со всякими товары незаказанными..."***.

Но хотя московские власти и оберегали народный быт и православие от влияния иноверцев и противодействовали появлению чужеземцев, экономические интересы требовали и до, и после упомянутых законоположений разрешать отдельным иностранцам, в том числе евреям Польши и Литвы, приезжать по торговым делам.

Одним из подобных редких примеров можно считать публикуемые ниже архивные источники периода правления царя Алексея Михайловича. Кстати, именно при нем, в результате военных действий с Польшей 1654—1656 гг., в России появилось много пленных евреев. По заключении мира 1667 г. им предложили остаться в стране. И большинство, как видно, этим воспользовалось, постепенно растворяясь в окружающем населении, приняв христианство****. Тем не менее, с этого же времени иностранцев в России стали подвергать новым стеснениям. Приехать в Москву смогли немногие, получившие особые грамоты "за красной печатью". Среди этих были и евреи, исполнявшие поручения правительственных учреждений и Двора.

Данные документы первоначально отложились в архиве Посольского приказа, ведавшего приехавшими в Россию иностранными купцами, их поездками за рубеж. Как следует из дела, пятеро евреев, выполнявших царский заказ по доставке импортного вина, являлись жителями г. Шклова (Польско-Литовское государство), где имелась многочисленная еврейская община*. Винная торговля являлась одним из главных занятий местных купцов, и в России, несомненно, об этом знали.

Путь коммерсантов пролегал от Москвы через Можайск, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск (т. е. по Смоленской дороге) до литовской границы. Далее они скорее всего ехали по землям Великого княжества Литовского (через Шклов), Коронной Польши и, наконец, Венгрии. Купцам предоставлялось право беспошлинного провоза товаров и выделялся необходимый транспорт. Кстати, венгерские (токайские) вина считались в то время одними из лучших. И в более поздних материалах РГАДА (за XVIII—XIX вв.) имеются данные о том, что еврейские торговцы доставляли в Россию венгерское вино.

Архивное дело состоит из трех документов: записи в Посольском приказе об отпуске купцов из Москвы за границу (1); наказной памяти из Посольского приказа местной администрации о беспрепятственном пропуске купцов до границы (2); памяти из Посольского в Ямской приказ о предоставлении купцам подводы (3). Документы хранятся в составе фонда "Дела о Посольском приказе и о служивших в нем". (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672. Д. 10. Л. 1—3).

“Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства
жидов Самоила Яковлева с товарищами его
для покупки венгерского вина”
1672 г. июня 5

1

7180-го июня в 5 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца околничей Артемон Сергеевич Матвеев1 да думной дьяк Григорей Богданов2 приказали отпустить с Москвы за литовской рубеж для покупки венгерского вина евреенина Самоила Яковлева, да с ним товарищей ево евреян ж Лазаря Яковлева да Давыда Василева, Осипа Алексеева, Якова Степанова, и дати им великого государя проезжая грамота. А написать в проезжей, чтоб с товаров их пошлин в городех не имати, и пропускали их везде, не задержав. А как Самоила Яковлев поедет из-за рубежа назад к Москве и приедет в Смоленск с венгерским вином, и ему под то вино дав две подводы, отпустить к Москве, и пошлин в городех по тому ж с товаров ево не имати. А с Москвы на чем ему съехать, ныне дать подводу до рубежа и послать о том в Ямской приказ память. Учинить по сему великого государя указ.

2

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белые Росии самодержца от Москвы по городом до Можайска и до Вязмы, и до Дорогобужа, и до Смоленска воеводам нашим и всяким приказным людем. По нашему великого государя указу отпущены с Москвы за литовской рубеж шкловцы евреень Само(и)ло ... да Лазар Яковлевы, да Давыд Василев, Осип Алексеев, Яков Степанов... И как они в которой город, и по городом воеводам нашим и всяким приказным людем велети их пропущать везде, не задержав. А с товаров их, которые у них объявитца, по нашему великого государя указу имать пошлины с них не велено. ... А как они приедут в нашу отчину Смоленску, и боярину нашему и воеводам князю Ивану Андреевичю Хованскому3 с товарыщи... велети их из Смоленска отпус(ти)ть за литовской рубеж по тому ж, не задержав. И нашу великого государя проезжую грамоту... взяти у них в Смоленску в приказной избе. А как из-за литовского рубежа евреенин Самоило Яковлев приедет с венгернским вином назад в Смоленеск, и ему дав... под то венгерское вино две поводы, отпустить к нам, великому государю, к Москве, а с товаров бы ево пошлин по тому ж не имати, да о том писати, а отписку велети подать. И ему, Самоилу, с тем венгерским вином явитца в Посолском приказе околничему нашему Артемону Сергеевичю Матвееву да дьяком нашим думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву4, да Ивану Евстафиву5. Писан на Москве лета 7180-го июня в 5 день.

3

7180-го июня в 5 день в Ямской (приказ). Указал великий государь отпустить с Москвы за литовской рубеж шкловца евреенина Самоила Яковлева для покупки венгерского вина. А от Москвы до Смоленска и до литовского рубежа на чем ему съехать, дать подводу, с оборотом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Матвеев Артамон (Артемон) Сергеевич (1625—1682), русский государственный деятель и дипломат, окольничий. В 1654 г. входил в состав русской делегации на Переяславской раде, а в 1656—1657 гг. — посольства в Польшу. С 1669 г. возглавлял Малороссийский приказ, с 1671 г. руководил одновременно Посольским приказом.

2 Богданов Григорий Карпович, думный дьяк. В 1655—1656 гг. упоминается как дьяк, посланный в Крым. В 1657—1661 гг. служил в Разрядном приказе. В 1662—1663 гг. был послом в Польше, в 1663—1664 гг. направлен в Смоленск, в 1664—1665 гг. вновь послан в Польшу, а в 1666—1668

гг. — в Астрахань. В 1668—1676 гг. был дьяком Малороссийского приказа, в 1669 г. — дьяк Посольского и соединенных с ним приказов, в конце 1671 г. пожалован в думные дьяки. В 1666—1667 и 1671—1676 гг. был в Посольском приказе. В 1676 г. — думный дьяк Приказа Большой казны и Приказа Большого прихода.

3 Хованский Иван Андреевич (? —1682) (прозвище — Тараруй), русский политический и военный деятель, князь, боярин. В 1636 г. упоминается в качестве стольника. Служил воеводой в Туле (1650), Яблонове (1650), Вязьме (1651—1654), Могилеве (1656—1657), Пскове (1657—1662), Новгороде (1663, 1666—1667, 1672—1680) и Смоленске (1670—1672). В 1659 г. получил чин боярина. В 1663 и 1667—1668 гг. управлял Ямским приказом. В 1650—1670-х гг.принимал активное участие в войнах с Польшей, Швецией и Турцией.

4 Поздышев Яков, дьяк. В 1660 г. находился при полномочном посольстве на съезде с польским посольством. В 1667 г. — подьячий Посольского приказа, а в 1668 г. — дьяк, посланник в Польше. В 1669—1674 гг. был дьяком Посольского приказа.

5 Евстафьев Иван — дьяк. Первоначально упоминается в качестве подьячего Посольского приказа. В 1672—1675 гг. — дьяк Посольского приказа.

Публикация Д. З. ФЕЛЬДМАНА

Том XII) М. И. Сердюков и А. Д. Меншиков

М. И. Сердюков и А.Д. Меншиков / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 12—13. — Из содерж.: Сердюков М. И. Письмо Меншикову А.Д., 15 ноября 1720 г. Великий Новград. — С. 12—13. — [Т. XII].

М. И. Сердюков и А. Д. Меншиков

Михаил Иванович Сердюков (1678—1754) — выдающийся гидротехник, создатель Вышневолоцкой водной системы, впервые соединившей Балтийское море с Волгой*.

Осуществлять свои новаторские замыслы Сердюкову приходилось в условиях постоянного явного и скрытного противодействия ямщиков Вышневолоцкого яма, которые питали к нему “неугасимую ненависть не только как к человеку, чья работа наносила ущерб извозному промыслу, но и как к конкуренту в торгово-промышленных и подрядно-откупных операциях”**.

Выстоять Сердюкову помогало то обстоятельство, что общегосударственная полезность его начинания была признана лично Петром I.

В 1723 г. Сердюков оказался под следствием в связи с подозрением в принадлежности к старообрядцам, и лишь снисхождение императора избавило Сердюкова от тяжкого наказания.

У Сердюкова был и другой покровитель — Александр Данилович Меншиков. Об этом свидетельствует публикуемое письмо.

Документ хранится в РГАДА. Ф. 198. (А. Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 928. Л. 3—4. Подлинник.

***

Светлейший князь, премного милосердый государь отец.

Вашей высококняжей светлости премилосердому государю отцу всепокорно доношу и слезно жалуюсь на новгородского бурмистра Леонтья Сыренского, которой по указу царского

величества взят в Санкт-Питербурх в Правительствующий Сенат, понеже, государь, в бытности свою здесь бурмистром мне, убогому, а пачеже протчим купцам обиды чинил и всячески бесчинствуя ругался.

И невозмогу государь чрез сие пространно о ево непотребных поступках донести, однако государь о крайнем поношении ево доношу: седя за свои продерзости под караулом он, Сыренской, доносил на меня, убогова, будто царского величества милостивой указ, по которому я, убогой, благоразсмотрительно по вашей государь высокой милости пожалован служеб не служить, дан мне, убогому, подозрительно. И по непотребности ж своей вымышляя ко обиды мне, убогому, в доношении писал, чтоб меня, убогова, допросить отчего я, убогой, пожиток свой полученной неусыпными своими трудами застал. Против которых ево неправых доношении я, убогой, и ответствовал. А из других купцов от предерзостной ево обиды оставя домы сошли.

Всенижайше вашу высококняжую светлость премного милосердаго государя отца слезно прошу впредь от непотребного поношения помянутого Сыренского повели государь меня, убогова, охранить.

Вашей высококняжей светлости премного милосердаго государя отца

нижайший раб последний Михайла Сердюков

Великий Новград

Ноября 15 дня 1720 года

Публикация В. Т. БУХЕРТА

В. Н. Татищев и П. И. Шувалов о межевании в России

Бухерт В. Г. Вступительная статья: В. Н. Татищев и П. И. Шувалов о межевании в России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 13—14. — [Т. XII].

Земельный вопрос в России второй половины XVIII в. был в значительной степени вопросом о межевании, предпринятом “с целью упорядочить дворянское землевладение, донельзя запутанное разновременными законами и неразумной практикой”*.

Манифест 19 сентября 1765 г., положивший начало Генеральному межеванию, произвел в стране, по свидетельству А. Т. Болотова, “великое потрясение”**. Генеральное межевание явилось одной из наиболее значительных экономических и социальных мер, укрепивших государственную власть как раз накануне самых серьезных для нее испытаний.

Необходимость Генерального межевания последовательно отстаивал Василий Никитич Татищев (1686—1750), неоднократно выдвигавший свои предложения на этот счет (в 1719, 1725, 1737, 1744 и 1747 гг.)***. Преемником Татищева выступил граф Петр Иванович Шувалов (1710—1762). 14 февраля 1749 г. Шувалов “словесно предлагал” Сенату разыскать “все прежние о размежевании земель рассуждения и сочиненную инструкцию”*. После проведения межевания в Ингерманландии (1745—1748), охватывавшей территорию Санкт-Петербургской губернии, Шувалов писал, что “размежевание в Ингерманландии земель окончено и определенные к тому размежеванию персоны имеются в наличности, которым как то размежевание и бывшие при том обряды и протчее всё находится в памяти”**. 20 января 1752 г. Шувалов вновь обращается к Сенату и, ссылаясь на желание императрицы Елизаветы Петровны, предлагает безотлагательно приступить к подготовке межевания. 11 апреля 1755 г. Шувалов был назначен “государственным межевщиком”***. Опыт проведенного под его руководством в 1755—1762 гг. Елизаветинского межевания был использован при подготовке Генерального межевания.

Шувалов П. И. Представление П. И. Шувалова Сенату о подготовке межевания в России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 15—16. — [Т. XII].

2

5Ея императорского величества всеавгустейшей г[осу]дар[ы]ни милосердое известное предприятие и желание, дабы подданные под державою ея величества дворянство и всякие владельцы недвижимых имений, обидимые лишением им подлежащих земель, удовольствованы справедливостью без обиды были. И для того неоднократно в разсуждении оных, и ради пресечения доныне в спорах и в завладении земель происходящих убивств, а во взыскании того кровопролитных следствиев происхождений; попечительно милосердуя о г[осу]дарственном межевании, всемилостивейше упоминать соизволяет, требуя ведать, как скоро оное начнется, и чтоб тем не медлить. Сколько же известно, все книги потребные к тому межеванью по Вотчинной коллегии не токмо списаны, но прочтены и приготовлены по порядку находятся, а время того к начатию удобное приближается. Того ради не соизволит ли Высокоправительствующий Сенат, как сие дело важно г[осу]дарственное, дав ему пред другими преимущество, о сочинении инструкции во изобрании межевщиков, во установлении оного во всех к тому потребностях немедленно начало учинить, чрез чтоб так постановить, дабы поднесть заблаговременно ея императорскому величеству к высочайшей апробации, чтоб начало того дела с началом весны действом произвесть. А притом не соизволит ли Высокоправительствующий Сенат в разсуждении постановления порядка основательного и за фундамент одну только Московскую губернию наперед размежевать, ибо что сверх сочиненной инструкции будет потребно ко изъяснению о том так как ближнее место толь чаще докладываясь в силе той инструкции может требовать и скорейшие резолюции получать. Когда же оное окончается, тогда в протчих всех губерниях в одно время начать для того, что уже по большой части те затруднения, которые в оной (ежели явятся), будут резолвированы, а останутся по другим только такие, каковых обстоятельств во оной губернии не имеется, которые удобнее и без замедления резолвировать возможно.

Генваря 20 дня 1752 году

Сенатор граф Петр Шувалов

Шувалов П. И. Представление П. И. Шувалова Сенату о назначении опекуна по межевым делам // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 16—17. — [Т. XII].

3

(ПРЕДСТАВЛЕНИЕ П. И. ШУВАЛОВА СЕНАТУ О НАЗНАЧЕНИИ ОПЕКУНА ПО МЕЖЕВЫМ ДЕЛАМ)

Как я щастие имею высочайшим соизволением ея императорского величества определен быть государственным межевщиком. Ея ж императорского величества монаршее намерение чрез сей способ всякого лишившегося по несправедливости своего и предков своих имения доныне паки доставить в его владение, напротив того, от гнева божия и суда гражданского тех, кои себе несправедливо что или предки их присвоили, избавить неповинных, яко то по наследству в такие неправдою присвоенные имения вступивших от беспокойств и разорения свободить, и чрез сие по касающимся землям происходящей вражды, убивств, продолжительных и почти бесконечных тяжб следствиев истребления рода человеческого в рассуждении: 1) побитием на спорных землях, 2) и тех самых убийц осждением по законам на смерть отвратить, и не токмо прошедшее и настоящее тем окончить, но и на будущие времена спокойство зделать. Которое предприятие единственно для удовольствия подданых своих и оказания правосудия установить и повелеть благоволила. А как ныне Богу поспешествующу оное благословенное и полезное дело начало

свое восприяло, то дабы при таком ея императорского величества наполненном милосердия установлении, толь вящее монаршая воля исполнена быть могла, и самые безгласные владельцы вдовы и сироты к своей справедливости достигли, по должности моей, которая, первое, в том состоит, чтоб по силе вышеписанного всякого звания владельцы без изъятия справедливость свою одержали, имею Высокоправительствующему Сенату представить в рассуждении вышеписанных обстоятельств. Не соизволит ли для защищения безгласных, яко то вдов и сирот и тем подобных владельцев, определить при губернской канцелярии межевой опекуном. К чему способного и надежного к такому нужному делу признаваю флота капитана Осипа Безобразова, которого должность имеет состоять в том: 1) Когда паче чаяния кому из вышеупомянутых людей от межевщиков при размежевании земель учинена будет по какому пристрастию или по другим обстоятельствам несправедливость, и таковой обиженный в надлежащее время в провинции у межевщика или на оного в губернской межевой канцелярии скорой сатисфакции не получит, в таком случае может притесненный опекуну принести письменно или словесно свою жалобу, который, распрося все обстоятельства дела, повинен в защищение обиженного, ежели по делу усмотрит его справедливость, предлагать губернской межевой канцелярии, дабы оная, рассмотря дело, самою истиною безпристрастное и непродолжительное решение учинила. 2) Когда ж в противном случае губернская межевая канцелярия по предложениям опекунским долговремено таковых дел не решит или решение несправедливое последует, то оный опекун должен от себя о всем том обстоятельно представлять в Главную межевую канцелярию. 3) Ежели ж иногда и таковые обиженные случатся, что, по неимуществу своему или за каким другим препятствием и совершенною невозможностию сами из прочих провинций Московской губернии придти и жалобу свою персонально принесть опекуну не могут, то хотя б от таковых обиженных по межевым делам чрез письмо оный опекун уведомлен был, то повинен и тогда поступать по вышеписанному.

Граф П. И. Шувалов

(16 мая 1755 г.)6

Сенатор граф П. Шувалов

Бухерт В. Г. Примечания: В. Н. Татищев и П. И. Шувалов о межевании в России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 17—18. — [Т. XII].

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется по подлинникам, хранящимся в РГАДА. Ф. 248. Документ 1 — Оп. 14. Д. 772. Л. 447—447 об., документ 2 — Оп. 82. Д. 6740. Л. 71—71 об., документ 3 — Оп. 82. Д. 6741. Л. 806—807, с сохранением основных языковых особенностей первой половины и середины XVIII в.

1 Кирилов Иван Кириллович (1689—1737), государственный деятель, географ, картограф, в 1734—1737 гг. возглавлял Оренбургскую экспедицию.

2 После смерти Кирилова Оренбургская экспедиция была переименована в Оренбургскую комиссию, которую возглавил В. Н. Татищев.

3 Т. е. в черчении.

4 Эльтон Джон, английский капитан.

5 Фрагмент этого документа был опубликован С. М. Соловьевым в “Истории России с древнейших времен” (См.: Соловьев С. М. Сочинения. М. 1993. Кн. XII. С. 101—102).

6 Датировано по дню слушания в собрании Сената.

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Брошюра о “революции” 1762 г.

Брошюра о «революции» 1762 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. К. Афанасьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 18—26. — Из содерж.: Письмо из Санкт-Петербурга о последней революции. В Франкфорте. 1762-го года. — С. 19—25. — [Т. XII].

Среди многочисленных документов, освещающих события государственного переворота 1762 г. и воцарение императрицы Екатерины II, есть важный источник, в России оставшийся малоизвестным и неопубликованным. Это пропагандистская, говоря современным языком, брошюра в форме перехваченного конфиденциального письма одного из руководителей заговора, пересланного из Санкт-Петербурга во Франкфурт и там опубликованного на немецком и французском языках.

Текст этот дошел до нас в виде списка на французском языке, а также чернового и белового вариантов русского перевода, относящихся, судя по почерку и бумаге, к третьей четверти XIX в. Первоначально документ находился в личном архиве Давида Марковича Мейчика (1850— ?), историка и юриста, слушателя Археологического института в Петербурге, автора статей по истории русского права и архивоведению, печатавшихся в конце 1870-х гг. в “Историческом вестнике”, “Сборнике Археологического института” и “Вестнике права”.

Впоследствии бумаги Мейчика (немногим более 200 листов) попали в собрание П. И. Щукина и в 1912 г. вместе с его документальной частью поступили в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, где и хранятся ныне. Это рукописные тексты статей и подготовительные материалы к научным работам, которые историк готовил к печати, но, по-видимому, так и не смог опубликовать.

В статье “Ученый архив Археологического института” Мейчик делает обзор рукописных сборников, один из которых относился ко второй половине XVIII в. “В этой-то книге, — пишет ученый, — я, между прочим, нашел современный русский перевод брошюры, изданной в 1762 году во Франкфурте за подписью П. Брошюра носит название: “Письмо из С. Петербурга о последней революции”. Автор этого письма, очевидно, близкий ко Двору, с большим тактом и умом доказывает законность свержения Петра III и вступления на престол Екатерины Второй. Французский оригинал этой брошюры находится в Императорской Публичной библиотеке. С фактической стороны она не прибавляет ничего такого, что не было бы известно из нашей ученой литературы, но как произведение литературно-политическое она у нас весьма мало известна, вследствие чего я и нахожу нелишним издать вновь французский подлинник с современным ему русским переводом”*.

Таким образом, Д. М. Мейчик намеревался издать брошюру, для чего были сделаны списки с печатного французского текста и найденного им русского перевода того времени, который, впрочем, по своей яркой литературности и выразительности вполне мог быть и оригиналом, с которого делался французский перевод для зарубежной публикации (в окружении Екатерины II только Н. И. Панин в совершенстве владел европейскими языками). По-видимому, историку не удалось опубликовать “Письмо”, поскольку оно не упоминается в многочисленных работах о Екатерине II и перевороте 1762 г., списках источников и библиографических указателях.

“Письмо” публикуется по беловому варианту рукописного русского перевода, сохранившегося в бумагах Д. М. Мейчика (ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 214—218).

ПИСЬМО ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА О ПОСЛЕДНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ. В ФРАНКФОРТЕ. 1762-го года

Один из наших приятелей сообщил нам следующее при сем письмо, полученное из Санкт-Петербурга. Оно, кажется нам, содержит в себе столь важных обстоятельств, что мы не сомневаемся получить за то от публики благодарение, когда мы ей сие письмо сообщим. Впрочем, можем мы уверить, что оно происходит от такой персоны, которая достаточно ручается за истину всего описываемого.

Государь мой!

Вы, без сомнения, удивитесь, когда и сего дня еще получаете от меня письмо; но случившаяся в глазах наших революция подает причину к толиким рассуждениям, что хотя я уже честь имел к вам писать, что в самое то время произошло, однако ж мне обойтись невозможно сообщить вам разные о том обстоятельства.

Я не знаю, какого в чужих краях мнения о сем происшествии, да, может быть, мы прямо того и не сведаем; только я уверен, что все, знавшие характер Петра Третьего, его малое понятие, поступки и проекты, — все те, говорю я, не могут, как оправдать российскую нацию в его свержении и возведении на престол достойнейшей и величайшей Императрицы, какая едва ли в свете царствовала. Может быть, думают в чужих краях, что происшедшая революция имеет свое начало от интриг и от факты; может быть, воображают себе, что самодержица искала какими-нибудь хитростями составить себе партию, которая бы ее на трон возвела, и что иногда употребляла сия Государыня всякие способы, чтоб да того достигнуть. Если таким образом Европа думает, то она обманывается и не получит себе никакого понятия ни о характере Императрицы, ни о россиянах, ни о России. Будьте, государь мой, уверены, что Императрица отнюдь трона не искала, но паче, вступив на престол, показала только тем снисхождение к общему народному желанию, и что на сие приклонилась единственно токмо для того, чтоб спасти Россию от тех зол, которым она подвержена была, и чтоб отвратить то кровопролитие, кое уже неизбежно настояло. Но нация имела ли право престолом распоряжаться? Сей вопрос, сколько важным ни кажется, для меня совсем ничего не стоит. Самая истинно, что правление сея Империи деспотическое; что не знают в сей Империи ни уставов, ни договоров, которые бы самодержца и поданного друг другу обязывали; что императрицы имеют право распоряжаться престолом по своим завещаниям и что из сего тотчас оказывается, что кто бы ни был государь, признанной за наследника, народ долженствует ему с молчаливостью повиноваться и его волю и затеи почитать. Но есть ли признается естественное право, то оно правилом служит для всех человек, не заимствуя от каких-либо человеческих установлений, так что сие самое естественное право, вопрошаю я, буде обязывает своему верным быть, то не обязывает ли оно также и защищать подданного и показывать ему справедливость? И есть ли Государь все свои обязательства пренебрежет, то не может ли подданный чрез то и от своих свободен быть? Но что в самом деле произвело революцию, оное состоит единственно в разности характера Петра Третьего и Екатерины Вторыя. Что бы, по истине, российскому народу помышлять надлежало, когда он видел, что Петр Третий, проводя свои молодая лета с шутами, вступил на престол и что хотя в первые недели, в то время, когда он Императрицы слушался и ее советам следовал, подавал подлинно великие надежды, но что вскоре забыл данное обещание, чтоб к делам прилежать, а вместо того совсем вдался пьянству и самому поносному неистовству? Что бы надлежало сему народу помышлять, видя, что славной Указ о вольности1, которою вся нация радостно упоена была, вымышлен, так сказать, для одной поманки, что со всем тем находили способы все о том просьбы и отклонять, и что хотя когда ни есть по сему Указу и исполнялось, но токмо для того, чтоб на места уволенных российских офицеров немцев определять? Что бы думать надлежало народу, когда видел своего самодержца, публично и при собрании всего дворянства хвастать, что он сему народу изменил, сообщая королю прусскому планы компании и все союзнические проекты2? Что бы сему народу думать, видя ту персону, которая ему в сей измене служила, его главным, и, так сказать, единственным министром3? Что бы помышлять сему народу, когда он видел своего государя, презирающего себя самого и свою империю, даже

сему народу, когда он видел своего государя, презирающего себя самого и свою империю, даже что за честь себе поставлял иметь чин генерала-поручика в прусской службе, командовать полком в сих войсках, носить их мундир и орден4, которой он велел носить и знаменитейшим господам? Что бы помышлять надлежало простому народу, услышав о поносном мире, которым возвращены Королю Прусскому не только все толикою кровью и миллионами завоеванные земли, но что ему даны еще и лучшия из государства войска для произведения его гордых замыслов5? Что народу помышлять, сведав, что дело идет о отступлении Лифляндии Королю Прусскому и о исполнении прочих подобных тому проектов? Что б народу помышлять, видя интересы своей камерции в жертву Англию приносимыми, а того пуще сказать, видя министров прусского и английского своим государем совершенно обладающими6? Что б народу помышлять надлежало, услыша, что посланному в Берлин министру7 приказано исполнять слепо повеления Прусского монарха и престерегать, чтобы при будущем произвождении Король Прусской Императора другим не предпочел? Что б сему народу думать, читаючи указ, которым запрещался двор всякому российскому офицеру, когда и последний прапорщик из голштинских войск допускался туда во всякое время? Что бы сему народу помышлять надлежало, видя, что самодержец приказал сделать медную монету, дав ей четвертную цену против ея внутренняго достоинства, чем неминуемо государственная коммерция разорена была бы? Что бы сему народу помышлять надлежало, видев духовенство презираемо и лишено своих деревень за такие пенсии, которыя едва 10-ю часть прежних их доходов составляли? Что бы сему народу помышлять надлежало, видя веру греческую посрамлением и игралищем при дворе, а особливо, что многия церкви сломаны, что император никаких должностей сея религии не наблюдал, но что паче и придворных своих к тому же принуждали, ходя гораздо чаще в лютеранскую кирху, да и весь свой двор туда привлекая? Что бы сему народу помышлять надлежало, видя, что его император всякой день и ночь за столом препровождает, что обыкновенно пьяной является, что к императрице крайнее презрение показывает, что свою метресу8 ей ровняет такими отличными знаками, которыя до того только для принцесс определены были и что, наконец, свое неистовое даже до того распространяет, что хотел освободиться от императрицы ея умерщвлением или разводом, удаля уже при возшествии своем на престол великого князя от наследства и не упомянув в первом своем манифесте в приличных местах ни словом о наследстве.

Я не окончил бы, государь мой, сие письмо, ежели б я вступил в подробность всех тех негодований, которыя Петр Третий своим народам подал, однакож и вышеизображенное кажется мне довольно для показания, что народ российской имел право уклоняться от власти такого государя, которой оную очевидно во зло употреблял. Итак, ежели вы сделаете уважение, что во все время императрица россиянами обожаема была, что она все свое старание употребляла только к тому, чтобы одним делать добро, а притом, сколько возможно, препятствовать, чтобы другим зла не делано было, то вы найдете, что отнюдь не надобно было ни интриг, ни других тому подобных способов к возведению ея в то достоинство, которое она теперь имеет. Нация всегда страшилась царствования Петра Третьяго так, что уже при жизни императрицы Елисаветы возставлялись проэкты ко исключению его от короны. Говорят же, что сие обстоятельство и причины его падения господина Бестужева9 было.

Между тем вступил Петр III на престол весьма спокойно и хотя в первыя дни видны были на всех лицах ужас и недоверие, но бывшие его чрез несколько времени поступки то истребили. К тому ж славной Указ о вольности и ничего нации желать не оставлял бы, ежелиб последование толь хорошим оказательствам соответствовало. Сие было в то время, как я честь имел к вам писать; но вскоре по том Петр III, престав себя усиливать, печаль, роптание и презрение всеми сердцами овладели. Вначале негодовали потаенно, потом мало-по-малу осмеливались и наконец дошли до такого градуса, от которого я многократно трясся, не говорю по причине смелости, но по дерзости, какая в разговорах происходила; одним словом, император не царствовал трех месяцев, как уже легко усмативалось, что, выключая человек с 12 его любимцев, не было ни одного россиянина, которой бы не желал другого государя. В сем состоянии дел каким образом не прибегнули б к императрице! Давно знали великой ея разум и дарования, знали же, что она справедлива, милосерда и щедра; между тем претерпевали, но она также претерпевала, чем она в нации еще гораздо любимее стала.

Итак, когда император не мог показаться в публике, не разгоняя всех людей, она, напротив того, не могла являться, не повстречая кучи людей всякого чина и звания, которыя ее называли своею матерью и своею единственною надеждою. Между толикими ея преданными людьми были такие, которые, имея

Император Петр III

наикрепчайший и отваженнейших дух, не довольствовались желать, чтобы она царствовала, но паче трудились действительно возвести ее на престол. Два звания людей нашлись иметь сие намерение, т. е. придворные и партикулярные. Из числа знатных господ был между другими Господин Панин10, Гоф-мейстер Его Императорского Высочества молодого великого князя, человек препочтенный своими мнениями, знаниями и разумом (за что и от нации весьма любимый, которая за щастие себе почитать иметь персону таких достоинств при его Императорском высочестве государе великом князе), да гетман11 и княгиня Дашкова12, дама 20-ти лет, которая при великом разуме имеет звание добродетели, твердость малослыханную и характер простой, но не лицемерной. Она сестра господина графа Воронцова13, которого вы знаете, сестра ж метрессы Петра III, а дочь такого человека14, что ей надлежало бы иметь наибольшее попечение о сохранении императора; но все сии уважении не оставляли ее в своем предприятии тем меньше, что она размышляла, что спасение ея отечества зависит от возшествия Императрицы на престол, что она всегда народную пользу своей собственной предпочитала. Она благополучно находилась при Императрице во время сего всего происхождения, снося такие беспокойства, какия только кто-либо из доброй воли подъять мог бы. Между тем их труди и старании, конечно, бесполезны были бы, если б они не нашли себе в помощь партикулярных людей, которыя, такого же, как и они, мнения были и которые больше способности имели между народом и солдатством внушение сделать. Чрез сей способ тотчас усмотрели, что все сердца пылают к Императрице и что, так сказать, не было никого, на кого бы она положиться не могла. Из сих партикулярных, т. е. главных сего второго класса, суть 3 брата, именуемыя господа Орловы15, из которых старший был капитан в артилерии, и сии персоны поступали в сем предприятии с ревностью, достойною прямых патриотов.

Императрица Екатерина II

Может быть, думаете вы, что все их меры закрыты были непроницаемою тайностию. Отнюдь ничего; но, напротив того, не было ни одного разумного человека который бы мог притворяться неведением о намеряемом противу императора предприятии, слыша от всех о том разговоры; а что еще больше, то было из них премножество, которыя бы могли все намерения открыть, ежели б они арестованы были, чрез что, конечно, сие дело совершенно испровержено было б, ежелиб горящая в каждом к императрице преданность не была столь сильна и такова, что не нашлось бы, может быть, 1000 жителей в С. П. Б., которые бы отреклись пролить свою кровь за ея сохранение. Вы уже, государь мой, знаете, как дело происходило в самую революцию, а именно: что намерения не было оную предпринять днем, на что принужденными себя видели на то поступить по такой причине, что один из главных под Караул взят был16. Но, что вы знать не можете, так как мы, хотя самовидцы были, состоит в том, что сие обстоятельство имело бы натурально нанести превеликия препятствия в успехе предприятия, ежели бы все сердца к императрице преклонные не были. В самом деле, когда солдаты гвардии возвели Императрицу Елизавету на престол ея родителей, оное учинилось ночью; правительница17 и ея министры арестованы были в постелях, так что, когда их персонами обнадежились, то уже и все сделано было; но здесь совсем другое дело: Императрице надлежало уехать из Петергофа в С. П. Б., где она весь день препроводила принятием присяги от господ, которыя туда съезжались, от войск и от народов. В сие время Петр III находился в загородном доме18, имея при себе весь свой двор, своих министров и своих фаворитов и других тому подобных людей. Он имел при себе деньгами около трех миллионов рублей, 2000 человек голштинских войск и 50 пушек. Сей его загородной дом лежит в одной миле от Кронштадта, где он имел линейные корабли, готовые к выходу в море, великие разные военные и съестные припасы, а сверх того великое число матросов. Он же имел в окольности сего своего дома несколько полков российских, возвратившихся из армии

имел в околичности сего своего дома несколько полков российских, возвратившихся из армии, составляющих около 5000 человек, которые, будучи гораздо ближе к нему, нежели к С. П. Б. могли б весьма удобно к его обороне употреблены быть. Он сведал о всем, в городе происходящем, в 11-м часу утра и со всем тем был совершенно оставлен, так что когда хотел войти в Кронштадтскую гавань, то был уже в том предупрежден одним генералом19, который, по словесному указу императрицы, заставил гарнизон ворота закрыть и который грозил по нем из пушек палить, если он прочь не отойдет. В таком состоянии будучи, послал он указ к близ стоящим его войскам, но его уже не слушались, а, напротив того, приходившии от императрицы повелении принимаемы и исполняемы были с превеликими восклицаниями. Одним словом, все от него отстали, и то в один момент, так что он был оставлен нескольким своим фаворитам и 2000-м своих голштинцев, почему он и охотно сдался на дискрецию20 императрицы. В большее же доказательство того, что я честь имел вам сообщить, служит и сие обстоятельство: при подобных революциях политика всегда требует освобождаться казнию, тюрьмою или ссылкою от тех людей, которые по их преданности к прежнему правительству могли бы быть новому подозрительны; на усердие, кое нация к императрице имеет, — усердие, кое он часу умножается, суть таково, что можно было освободить всех тех, кои сперва арестованы, то есть наибольших конфидентов и наилучших фаворитов Петра III, не имея ни малейшего для преду опасения от подобной милости. Я не окончил бы, государь мой, ежели бы я стал бы подробно вам описывать всю ту преданность, респект и венерицию21, кои ея величество императрица всем своим народом влияла. Да как бы тому инако и быть? Не повседневныя ли они свидетели ея благосклонности, ея правосудия и ея разума в выборе ея министров? Не знают ли они, что она препровождает целые дни да часть и ночей единственно попечением, дабы свою империю щастливою и цветущею сделать? Да, государь мой, я могу вам сказать, не опасаясь слыть льстецом, а предосторожность, которую я употребляю в отправлении моего письма чрез французского курьера, имеет вас уверить, что я чистосердечно говорю. Таким образом престол Российской имеет ныне государыню, которая долженствует быть примером государей. Между тем дело известное, что напасти людей научают: мы можем родиться с понятием, разумом и праводушием, но если мы безпрестанно окружены людьми, которые нас (аванят?)22 превозносят и которыя нас заводят из забав в забавы и из небрежения в небрежение, то почти невозможно, чтобы лутчия наше намерении неутрачивались. Ея величество подлинно прещастливо рождена, но, сверх того, будучи в сию империю в молодых летах привезена, вскоре видела себя принужденную в действо употреблять таланты, которыя натура ей дала. Итак, было весьма мало сходство между характером великого князя и ея, чтобы они друг другу любимы быть могли. Политика придворных императрицы Елисаветы заставила их опасаться, чтоб она им не овладела, почему они искали удалить ея от его любви, в чем и успех имели; напротив же того, она пользовалась сим отдалением к приобретению таких знаний, которыя человека отменным делают. Для чегож разстояние 800-т миль различало бы вас от С. П. Б.? Приезжайте и видите на троне прямого филозофа. Вы знаете уже, без сомнения, о тех предложениях, которыя она господину Даламберту23 учинить повелела: он долженствует императрице, самому себе, обществу человеческому и наукам его принять. Хотя я не имею чести его знать, как только (по) тому, как честной человек, писать о том, что думаю, а вас прошу, естли случится, сказать ему обо мне хоть одно слово в ваших письмах. Засим прощайте, государь мой, я вам о себе и о своих делах ничего не говорю, хотя я знаю, что вы охотно в них вступите; токмо я бытие весьма маловажное, чтоб похотеть себя вместить в свое письмо. В котором о августейшей Екатерине говорю.

Между тем довольно вам уверенным быть, что ныне честной человек не может нещастным быть в Санкт-Петербурге.

Я есть со всяким почтением, государь мой, ваш покорнейший и послушнейший слуга.

С. П. бург, 30 июля 1762-го года

П.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Манифест “О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству”, изданный Петром III 18 февраля 1762 г., освобождал дворян от обязательной военной (в мирное время) и гражданской службы, разрешал им выходить в отставку, беспрепятственно выезжать за границу. В 1785 г. Екатерина II подтвердила основные положения манифеста изданием “Жалованной грамоты дворянству”.

2 Прусский король Фридрих II был кумиром Петра III. В. О. Ключевский писал о Петре III “...Прусский вестовщик до воцарения, пересылавший Фридриху II в Семилетнюю войну сведения о русской армии, Петр на русском престоле стал верноподданным прусским министром”.

3 Двоюродный дядя Петра III Георг Людвиг, принц Голштинский (1719—1763), генерал прусской службы. После воцарения Петра принц Георг прибыл в Петербург и был осыпан милостями: получил титул “Высочество”, звание генерал-фельдмаршала, командование над российской гвардией и даже чин полковника лейб-гвардии Конного полка, который до него принадлежал лишь российским Императорам.

4 Прусский орден Черного Орла.

5 Заключенный Петром III 24 апреля 1762 г. русско-прусский трактат о вечном мире и дружбе, вызвал негодование в русском обществе и армии и послужил одной из главных причин переворота.

6 В это время в Петербурге находились два прусских посла: чрезвычайный посол граф Шверин, присланный для заключения мира и союза с Россией, а также барон Бернард-Вильгельм Гольц, полковник, адъютант и камергер Фридриха II; английским посланником был Роберт Кейт.

7 В декабре 1761 г. к Фридриху II был послан с известием о смерти Елизаветы Петровны и воцарении Петра III генерал-адъютант, камергер Андрей Васильевич Гудович (1731—1808). В июне полномочным послом в Пруссию был отправлен князь Николай Васильевич Репнин (1734—1801).

8 Графиня Елизавета Романовна Воронцова (1737—1792), фрейлина и фаворитка Петра III.

9 Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766). граф, Великий канцлер, фактический правитель России почти во все время царствования Елизаветы Петровны. 27 февраля 1758 г. был смещен и обвинен в государственной измене. Приговорен к смертной казни, замененной Императрицей ссылкой в его имение Горетово. При Екатерине II был возвращен из ссылки, оправдан, возведен в чин генерал-фельдмаршала, однако прежнего влияния на государственные дела уже не имел.

10 Панин Никита Иванович (1718—1783), граф, вице-канцлер, воспитатель великого князя Павла Петровича.

11 Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803), граф, брат фаворита Елизаветы Петровны Алексея Разумовского, последний гетман Малороссии, президент Академии наук.

12 Дашкова (урожд. Воронцова) Екатерина Романовна (1743—1810).

13 По-видимому, Александр Романович Воронцов (1741—1805), граф, полномочный посол России в Англии.

14 Воронцов Роман Илларионович (1707—1783), граф, сенатор, отец фаворитки Петра III.

15 Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), фаворит Екатерины II, и его братья Алексей и Федор. Еще два брата Орловы — Владимир и Иван — служили тогда в Петербурге, но активно участия в перевороте не принимали.

участия в перевороте не принимали.

16 Капитан Преображенского полка Петр Богданович Пассек (1736—1804) 27 июня был арестован, что заставило заговорщиков действовать решительно.

17 Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейгская, правительница России при своем малолетнем сыне, правнуке Петра I, Императоре Иоанне VI Антоновиче. Была смещена в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 г.

18 В Ораниенбауме, подаренном Петру Федоровичу Елизаветой Петровной и расположенном на противоположном от Кронштадта берегу Финского залива.

19 Точнее, адмиралом, Иваном Лукьяновичем Талызиным (1700—1777), посланным 28 июня Екатериной II в крепость Кронштадт с особыми полномочиями.

20 Сдаться "на дискрецию", — то есть без всяких условий, на милость победителя.

21 "Респект и венерицию" — уважение и любовь.

22 Редкий галлицизм XVIII в. от французского "авантаж" — преимущество, выгода, перевес. Здесь скорее всего употреблен в значении "хвалят", "нахваливают".

23 Д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783), французский просветитель, философ и математик. Фридрих II предлагал ему пост президента Академии в Берлине; Екатерина II дважды приглашала его в качестве воспитателя Цесаревича с жалованьем 100 000 франков. Однако от всех предложений Д'Аламбер отказался, предпочитая независимость и свободу творчества.

Публикация А. К. АФАНАСЬЕВА

Неизвестное письмо М. И. Кутузова А. А. Прозоровскому

Кутузов М. И. Неизвестное письмо Прозоровскому А. А., 13 октября 1795 г. С. Петербург / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. К. Афанасьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 27—28. — [Т. XII].

Письма и документы М. И. Кутузова в течение полутора столетий неоднократно публиковались в различных изданиях, от многотомных сборников до журналов и газет.

Тем не менее, до сих пор открываются новые архивные данные, которые позволяют вносить существенные коррективы в биографию великого полководца. Так, в преддверии 250-летнего юбилея Кутузова было опубликовано документальное свидетельство того, что он родился не в 1745, а двумя годами позже — в 1747 году*.

Каждый новый автограф дает дополнительные сведения о событиях, происходивших в тот или иной момент жизни Кутузова, указывает на какое-либо новое лицо из его окружения, проясняет мотивы его конкретных действий и многое другое.

Одним из таких автографов является неизвестное ранее письмо Кутузова одному из крупных военачальников своего времени князю Александру Александровичу Прозоровскому (1733—1809).

Это письмо до сих пор было вне поля зрения исследователей по той простой причине, что находилось в неописанной части родового фонда Прозоровских — Голицыных, хранящегося в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 145. Ед. хр. 80. Л. 1).

Текст письма расположен на первой странице сложенного вдвое листа голландской писчей бумаги с золотым обрезом. Написано оно под диктовку, видимо, одним из адъютантов отправителя, слова, выделенные курсивом, — автограф Кутузова.

В начале 1795 г. Кутузов имел чин генерал-поручика и был назначен главнокомандующим всеми сухопутными войсками, флотилией и крепостями в Финляндии с оставлением в должности генерал-губернатора Казанского и Вятского. Кроме того, он занимал пост директора Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса (с сентября 1794 по декабрь 1797) и поэтому имел постоянное свое местопребывание в С.-Петербурге. Адресат Кутузова, князь Прозоровский, в чине генерал-аншефа командовал Первой дивизией в войсках, расположенных вдоль западных границ империи и подчиненных фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

В начале октября 1795 г., в связи с "открывшимися беспорядками", Прозоровский вынужден был срочно отправиться в свое имение на Волыни, пожалованное ему в 1792 г.

Примечательно, что именно в день отправления этого письма, 13 октября 1795 г., в Петербурге была подписана конвенция между Россией, Австрией и Пруссией о третьем, окончательном разделе Речи Посполитой. Польша — главный враг России на Западе — фактически перестала существовать. 25 ноября король Станислав Август (Понятовский) отрекся от престола и переехал в Петербург. Тогда все были уверены, что польская проблема решена окончательно и бесповоротно и к России навсегда отошли Белоруссия, большая часть Украины, латышские и литовские земли...

***

Милостивой Государь

Князь Александр Александрович

Ваше сиятельство по преданности моей к вам поверит конечно тому участию которое я приемлю приключений дома вашего, от великодушия вашего зависит перенести сии удары, нет сдесь никово которой бы нечувствовал приносимой вами отечеству жертвы когда вы и при всех ваших домашних нещастиях посвящаете себя службе1.

Здесь упражняются при ведении к концу дел польских и надеются остатся в покое с прусаками2, двор же занимается ныне приесжими принцесами из которых кажется останется у нас меньшая3.

Деревни мною полученные находятся от вашего сиятельства по соседству и я поручаю их в милостивое ваше покровительство4.

Пребываю с совершенным высокопочитанием и без предельною преданностию.

Сиятельнейший Князь Милостивой Государь
Вашего сиятельства
всепокорный слуга Михаила Голенищев Кутузов

Октября 13-го дня 1795 года. С. Петербург

ПРИМЕЧАНИЯ

1 1795 г. для Прозоровского был тяжелым как в личной жизни, так и на служебном поприще. В этом году умерла одна их двух его дочерей — Елизавета, 24-х лет от роду. По собственной просьбе и при содействии Румянцева 21 марта 1795 г. он был уволен от должности главнокомандующего в Москве (фактически это должность наместника императрицы, генерал-губернатора и командующего войсками московского военного округа), которую занимал с 19 февраля 1790 г. и возвратился на действительную военную службу под командование

февраля 1790 г., и возвратился на деиствительную армеискую служоу под непосредственным начальством Румянцева, знавшего Прозоровского еще со времен Семилетней войны.

2 Третий раздел Польши после подавления восстания под руководством Т. Костюшко первоначально предполагалось осуществить только между Россией и Австрией, о чем 23 декабря 1794 г. в Петербурге была подписана соответствующая декларация. Однако прусский король Фридрих Вильгельм II в категорической форме заявил о желании участвовать в разделе польских земель. Ради сохранения мира Россия и Австрия пошли на уступки, и Пруссия получила по Петербургской конвенции 13 октября 1795 г. земли между Вислой, Бугом и Неманом — большую часть Мазовецкого воеводства вместе с Варшавой.

3 Речь идет о женитьбе второго внука Екатерины II Константина Павловича (1779—1831). 6 октября 1795 г. в Петербург прибыла супруга наследного принца Кобургского с тремя дочерьми. Младшая из них, принцесса Юлиана Генриета Ульрика, сразу же завоевала общую симпатию. 12 октября вел. кн. Константин попросил ее руки и 14-го помолвка была объявлена. В феврале 1796 г. принцесса приняла православие с именем Анны Федоровны и стала женой Константина Павловича. Брак этот был бездетным и особым императорским манифестом 20 марта 1820 г. расторгнут.

4 Екатерина II щедро награждала своих генералов вновь присоединенными к России землями. В сентябре 1793 г. Кутузов получил на Волыни имение Горошки (свыше 2 тысяч душ мужского пола). В августе 1795 г. ему дополнительно были пожалованы на Волыни поместья, ранее принадлежавшие соратникам Костюшко.

Публикация А. К. АФАНАСЬЕВА

Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым

Безотосный В. М. Вступительная статья: Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 29—30. — [Т. XII].

Переписка современников Отечественной войны 1812 г. всегда представляла большой интерес. Имена Арсения Андреевича Закревского (1786—1865) и братьев Александра Яковлевича (1784—1863) и Константина Яковлевича (1782—1835) Булгаковых хорошо известны по роли, которую они играли в жизни российского государства и общества первой половины XIX в. Из их обширного, оставшегося после смерти каждого эпистолярного наследия, часть была опубликована, но значительное число писем к самым разным адресатам все еще хранится в архивах и не введено в научный оборот. Так, переписка Закревского периода наполеоновских войн — важнейший источник для оценки эволюции его взглядов — до сих пор остается невостребованной историками.

Предлагаемые к публикации письма Закревского к братьям Булгаковым относятся к 1811—1814 гг. — началу их знакомства. Майор Закревский, находясь с 1809 г. в Молдавской армии, близко познакомился и подружился с младшим Булгаковым — Константином, который был прикомандирован к дипломатической канцелярии Главнокомандующего. Переписка с К. Я. Булгаковым охватывает период с момента отъезда Закревского из Молдавской армии, когда он вынужден был сопровождать тяжело заболевшего начальника — Н. М. Каменского 2-го, до начала Отечественной войны 1812 г. Их дружеские отношения продолжались до смерти Константина в 1835 г.*

Начало знакомства Закревского с Александром Яковлевичем относится к сентябрю 1811 г.**, но близко они сошлись после того, как русская армия оставила Москву. А. Я. Булгаков состоял

чиновником для особых поручений у московского Главнокомандующего Ф. В. Ростопчина, а Закревский — адъютантом у М. Б. Барклая де Толли. Когда Ростопчин и Барклай покинули армию, сопровождавшие их Булгаков и Закревский встретились во Владимире и 22 октября вместе ездили навестить раненного М. С. Воронцова в его имение в с. Андреевское***. После отъезда Закревского у них завязалась переписка, продолжавшаяся почти до конца их жизни.

Переписка с друзьями дает возможность помимо бытовых деталей эпохи оценить взгляды и настроения современников. С этой точки зрения весьма любопытен и автор публикуемых писем. В 1812 г. Закревский негласно входил в военную группировку офицерской молодежи, выступавшей против засилья иностранцев (немцев) в армии. В литературе в дальнейшем она получила название "русской партии" (А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, Д. В. Давыдов, И. В. Сабанеев, А. А. Закревский, П. Д. Киселев, С. Н. Марин, П. А. Кикин и др.). Фактически это был дружеский круг единомышленников, взгляды которых удачней всех выражал известный острослов александровского времени генерал Ермолов. "Русская партия" как дружеский и неформальный союз не имел четко очерченной идеологии. Руководствуясь национальными и узко-профессиональными интересами, он отражал мнение новой генерации дворянства, ориентированной на службу Царю и Отечеству и искавшей средний путь между "консерваторами" и "революционерами". Впоследствии они не приняли ни дух аракчеевских военных поселений, ни военный радикализм декабристов.

В 1812 г. эта группа во многом определяла настроения в офицерском корпусе, поддерживала популярных в армии П. И. Багратиона, П. М. Волконского, Н. Н. Раевского, в то же время порицала многих высоких начальников — М. Б. Барклая де Толли, П. Х. Витгенштейна, П. В. Чичагова, а также М. И. Кутузова. Критическое отношение к последнему сложилось во второй период войны, когда фактически была разрушена система армейского управления. Особенно остро это переживали штабные офицеры.

Из обширной переписки с друзьями Закревский предстает как способный штабной чиновник, стремящийся сделать карьеру (как любой военный), но четко придерживающийся правил офицерской чести: без лести к старшим и грубости к подчиненным. В 1823 г. в письме к П. Д. Киселеву Закревский писал: "... льстить не умею, но всегда лишняя правда моя не нравится... я иначе не умею и обманывать не имею духу... Я своих правил ни для кого не переменю"*. Очень точную характеристику своему другу дал Д. В. Давыдов: "Сердце твое русское, твердость английская, а аккуратность немецкая"**.

Воплощением идеалов русского духа для Закревского был Главнокомандующий Москвы граф Ф. В. Ростопчин. В конфликте Кутузова с Ростопчиным он безоговорочно встал на сторону последнего, как одного из представителей когорты "старых русских екатерининского времени", высказывая негативное отношение к Кутузову ("За что произвели его в фельдмаршалы?", "по милости вышних начальников мундир нам носить не хочется")***.

Публикуемые письма Закревского к братьям Булгаковым несомненно являются ценными историческими документами и дополняют наше представление об эпохе 1812 г. Они хранятся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки в фонде Булгаковых (Ф. 41. Карт. 86. Ед. хр. 8 — письма к А. Я. Булгакову; ед. хр. 20 — письма к К. Я. Булгакову). Текст писем печатается с сохранением основных языковых и стилистических особенностей начала XIX в. и орфографии автора.

Закревский А. А. Письмо Булгакову К. Я., 29 апреля 1811 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 31. — [Т. XII].

1

Любезный Константин Яковлевич, Графу худо и весьма худо и по утверждению медиков совершенно нет надежды к выздоровлению1, а потому можите судить каково мое теперь

совершенно нет надежды к выздоровлению1, а потому можите судить каково мое теперь положение. Не имею более духу более писать, прощай, будь здаров и помни тебя любящаго друга.

А. Закревский

Граф А. А. Закревский

29 апреля (1811)

10 верст от Ясс2

Почтенным Фонтонам3 мой поклон.

Андрею Яковлевичу4 и Дяде5 мое всенижайшее почтение и скажите что Графу весьма худо*.

Его Высокоблагородию Константину Яковлевичу Булгакову**

Закревский А. А. Письмо Булгакову К. Я., 29 июля 1811 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 32. — [Т. XII].

2

29-го июля (1811)6 Петербурх

Ты любезной Константин Яковлевич меня совсем забыл, не знаю что за притчина сему, или после неудовольствий каторыя я терпел, не хотел ты меня утешить своими строками, для меня столь приятными. Нет я уверен, что ты ко мне таков как и прежде был.

Радуюсь сердечно что ты мог достигнуть 2-й Анны7.

Храброй8 по прибытии сюда тотчас был отправлен с фельтьегерем в полк. Поклонись пожалуста от меня почтенным Андрею Яковлевичу, Фонтонам и Дяде. Я здешний житель и Адъютант военнаго Министра. Прощай, будь весел и здоров и напиши хотя строчку и помни вернаго тебя любящаго друга.

А. Закревский

Его Высокоблагородию Константину Яковлевичу Булгакову

Закревский А. А. Письмо Булгакову К. Я., 15 сентября 1811 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 32. — [Т. XII].

3

Весьма меня обрадовало писмо твое Любезнейший и Почтеннейший Константин Яковлевич от 27 августа, мною вчерашняго (числа) полученное, благодарю тебя за оное, за дружбу, которую ты ко мне имееш, будь уверен, что оную сохранить успею; попрошу естли когда либо будеш ко мне писать, то не давай писем записывать в реестр, ибо их здесь читают и потом отсылают по подписям, вот от того та я твое получил поздно, потому что было читано; здесь такие же Експедиции нащет писем как и у нас были9. Пришли мне Естампы из Вены тебе присланныя, а я заказал уже тебе Портрет, покойнаго благодетеля10 моего и как скоро будет готов тотчас пришлю с курьером. Гудович11 Сабака по сю пору не приехал и где теперь находится никак отгадать не могу, а что у вас происходило и происходит еще ничего не знаю, но надеюсь по приезде от него узнать. Жаль, что наш Почтенной Воронцов12 болеит, меня о сем уведомил Иван

приезде от него узнать. Жаль, что наш Ив Ивнной Воронцовъ12 болен, меня о сем уведомил Иван

Васильевич13. Кабель редкаго нрава, когда он передом будет крепок, видно так и умрет. Поздрав от меня Фонтона Кавалерством14 и нижайше им всем поклонись, а равно так же Мишо15 и Дяде, здоров еще вынес(ти) проиграть бостонныя. Видел раза два Радофиника16, но по сю пору ни разу еще не успел у него быть, теперь болезнь сему помешал(а) две недели как из комнаты не выхожу, грудь страшно как болит. Видел также Блудова17, он говорят хочет женится; и здесь он не таков как был после Рущука, но гораздо побыстрее. Прощай мой Милой будь здоров и весел и помни вернаго по гроб твоего друга.

Ар. Закревский

15-го Сентября (1811) Петербурх

Естли можно пришли мне штофа 3 или 4 хорошаго Молдавскаго ликеру.

Закревский А. А. Письмо Булгакову К. Я., 9 декабря 1811 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 32—33. — [Т. XII].

4

Посылаю при сем к тебе Почтенный Константин Яковлевич желанный тобою портрет покойнаго моего благодетеля18, за оной заплатил я 75 руб. О здешнем ничего не могу сказать, как к Новому году ожидают много новостей, а от вас

К. Я. Булгаков

ждем каждую минуту Миру, столь желаннаго и нужнаго нам. Я весьма рад, что ты учавствуешь в Трактации о мире. Поклонись от меня добрым Фонтонам и помни вернаго навсегда тебе друга.

Ар. Закревский

9-го Декабря (1811)

Петербурх

Его Высокоблагородию Милостивому Государю Константину Яковлевичу Булгакову при сем следует в Коробочке портрет

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 14 января 1812 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 36—37. — [Т. XII].

6

14-го Генваря Петербурх 1812**

Приятное для меня писмо ваше любезнейший Александр Яковлевич от 30-го Декабря я получил.

Вчерашняго числа посылал здесь к Графу Михаиле Васильевичу Гудовичу и узнал там что Г-н Зернов 19-го числа прибудет в С. Петербурх, почему прошу вас 3 т. рублей прислать обратно сюда, и адресовать оныя на имя Его Высокородия Александра Александровича Поликарпова, живущаго Сергеевской улицы в доме Шлиссера, пересылку его я полагаю для того таким манером, что может статся прежде прибыть оной сюда я получу повеление отправиться в армию, тогда оная здесь залежится.

Где нет Любезный друг злодеев и сквернозычников, которыя только тем на свете и живут

Где нет Любезный друг злодеев и сквернословников, которыя только тем на свете и живут.

Весьма хорошо и полезно, что Граф поехал сам осматривать те места где были сражения, и естли не так исполнится, то можно таковых ленивцев наказать и дать совет. Армия наша заняла Мариенвердер, а большая часть войск и Главная наша Квартира идут на Торно, а частию на Грауденс, Граф же Платов с Корпусом своим пошел к Данцигу. Варшава еще не в наших руках, там запершись оне сей город Капут, как по обходе наших войск онаго в тыл.

Со стороны Торно — адмирал еще не министр иностранных дел — впротчем наш бог все доставил, следовательно и довершит наш благоприятный конец.

Глупостям Каменскаго40 я не удивляюсь, он хорошаго в жизни кроме дурачества ничего не делал, а потому не стоит чтобы заводить об нем материю.

Совершенно неизвестно, чем будет командовать Барклай, он мне напишет коль скоро получит свое назначение.

Граф Воронцов командует летучим корпусом в армии Чечагова. А о братце Константине не имею никакаго сведения. За пьеску41 трудов ваших приношу мою наичувствительную благодарность.

Графу Федору Васильевичу прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение и доложите ему нащет графа Сергея Федоровича, с которым я всякой день вижусь, что я полагаю лучшим его не переводить в Гвардию, а лучше стараться зделать флигель адъютантом42, тогда его можно куда угодно употребить, а всегдашнее пребывание его будет здесь.

Прощайте Любезнейший Александр Яковлевич, будте здоровы, веселы и помните вам душевно преданнаго и искренно вас любящаго.

Ар. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову К. Я., 29 апреля 1812 г. Вилькомир // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 33—34. — [Т. XII].

5

29-го Апреля (1812) Вилькомир

Приношу мою благодарность Любезный друг Константин Яковлевич за писмо от 17-го февраля мною в сем месяце полученное. 75 руб. получил. С Воронцовым и Сенприестом19 я весьма частую веду переписку, оба оне в армии Князя Багратиона. О награждении 2-ю Анною Карабоглу20 приложу старание и тем постараюсь успокоить вас с Иваном Васильевичем. Я не флигель адьютант, а полковник Преображенскаго полка и Директор особенной канцелярии Военнаго Министра21 и по учреждению сверх получаемаго жалованья получаю 3 т. рублей сталовых денег; могу сказать что Милости Государя велики и весьма велики, мне теперь остается оныя заслуживать22. Завтре будет здесь смотр одному корпусу Нашей Армии в присутствии Государя, а после онаго отправимся обратно в Вильно. Прошу засвидетельствовать мое почтение Италинскому, Дяде Боброву и всем добрым Фонтонам. Прощай, будь здоров и весел и помни вернаго тебе друга.

Ар. Закревский

Его Высокоблагородию Милостив. Госуд. Константину Яковлевичу Булгакову

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 4 ноября 1812 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 34. — [Т. XII].
1

Почтеннейший и любезнейший Александр Яковлевич, был здесь Сабанеев23 с которым я не мог довольно наговорится невидевши его два года, он говорил мне о братце Константине Яковлевиче, что здоров и отправляет в Бресте должность гражданскаго губернатора, с чем вас и поздравляю. Премного вам благодарен за Кромина24, катораго граф Федор Васильевич берет к себе. Государь ко мне милостив и зделал меня флигель адъютантом.

С терпением ожидаю вас сюда, дабы граф Федор Васил. наказал здешних гнусных злоязычников, которыя здесь врут мерзости, и один раз за него я побранился препорядочно с одним скотом, каторый не стоит никакаго уважения, но я имею такой нрав, что не могу слушать пустяков о достойных людях, которыя вовсе русския и делают порусски. Прошу уведомить меня что писал Государь к Графу и останется ль он на своем месте. Поклонитесь Николаю Иванову25, Дохтору26, Обрескову27 и Попову28. Будте здоровы, веселы и уведомте обо всем того которой вас душевно любит и почитает.

Арс. Закревский

4-го ноября29 1812

С. Петербурх

Естли есть ко мне у вас писма, то адресуйте оныя Сергеевской улице подле Арсенала в доме Шлиссера.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 6 ноября 1812 г. Новгород // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 34—35. — [Т. XII].

2

Любезнейший Александр Яковлевич по прибытию нашем в Тверь, мы нашли там посланнаго адъютанта из Воладимира в Петербурх, каторай никакого ответа от Государя не привез, а доставил рескрипт со 2-м Георгием30. При сем долгом себе поставляю вас уведомить, что гнусныя Твари, живущие в Петербурхе марают Г(раф) Федора Вас. за Москву31, и всю вину на щет оной кладут на него. Скажите пожалуйте как чудовища тамошния думают о точном патриоте нашего отечества и желают чтобы он в Петербурх не приезжал; ето я тому потому, что хочут еще более марать, по мнению моему не худо бы Графу поспешить туда. Об армиях вы более нашего знаете, но слух носится здесь что армия наша в Красном за Смоленском. Платов пожалован графом.

Графу Федору Василичу прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение. Я через неделю или две поеду в Петербурх, а Михайла Богданович ожидает здесь на прозбу его решение.

Будте здоровы и веселы и не забывайте вас душевно любящаго.

Ар. Закревский

Доктору, Николаю Иванову, Обрескову и Попову мой поклон.

6 ноября 1812

г. Новгород

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 10—14 ноября 1812 г. Новгород // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 35. — [Т. XII].

3

10-го — 14-го ноября 1812 г. Новгород

Любезнейший Александр Яковлевич, податель сего Адъютант32 Михаила Богдановича, рекомендую в ваше расположение, об нем просил начальник наш графа Федора Васильевича взять к себе в Адъютанты, он человек семейный и не желаит уже более продолжать фрунтовую службу, а вся цель сего адъютанта посмотреть Графа желаит быть со временем в Москве полицместером, прошу о сем постарается буде можно. Я сегодня еду в Петербурх, отколь буду к вам писать.

Старайтесь чтобы Г. Ф. В.* скорее ехал в Петербурх, права ето нужно для отечества. Писма к вам на имя мое присылаемыя прошу беречь до случая.

Николаю Иванову, Дохтуру, Обрескову и Попову прошу засвидетельствовать мое почтение. Будте здоровы и веселы и полюбите вам преданнаго так, как он вас любит.

Ар. Закревский

Аракчеев в Петербурхе сила всемогучая.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 16 декабря 1812 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 35—36. — [Т. XII].

4

Петербурх 16-го декабря 1812-го года.

Писмо ваше Почтенейший и любезнейший Александр Яковлевич от 14 ноября я получил только 10 декабря33, и был очень оным обрадован, что меня помните. Позвольте поблагодарить за Кромина, он доволен и щастлив. Я радуюсь весьма, что граф остался на службе и принялся порусски, следовательно и Москва будет Москвою. Об отъезде Государева писать нечива, вы все уже знаете, он приехал в Вильно 10-го числа и в тот же день надел на Старую Камбалу34 Георгия 1-го класса. Естли спросите за што — то ответа от меня не дождетесь. Армии наши за границей, но Главная Квартира и гвардия в Вильне.

Сделайте одолжение пришлите буде можно мне копию с писма Г. Ф. В., которое писал он при отъезде из армии к Кутузову и естли есть прокломации по въезде в Москву, чем меня чувствительно обяжете.

Жаль что Граф не может с Государем видится, ето необходимо бы нужно в нынешних обстоятельствах.

Приятель мой Поликарпов35 будучи должен 3 т. рублей Андреяну Федоровичу Зернову и приближается уже к заплате срок не знает, где он теперь находится, зделайте дружбу достаете прилагаемыи при сем 3 т. рублей и половину тому Зернову и данной вексель ему Поликарповым на сию сумму возмите и доставте ко мне, сим премного меня одолжите.

Графу Федору Васил. прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение, не хочу его обременять своими писмами. Ему и без них есть что читать.

Николаю Иванову, Дохтору, Обрескову, Попову и Кромину прошу от меня кланятся. Прощайте

любезнейший друг, будте веселы и помните душевно вам преданнаго.

Ар. Закревский

Г. Зернов прежде занятия неприятелем Москвы стоял в доме Графа Михайла Васильевича Гудовича36, чин он имел губернской секретарь. Писма ко мне адресуйте Сергеевской улице подле Арсенала в доме Шлиссера под № 29.

Пожалуста постарайтесь в точности выполнить мою прозбу, а приложенное писмо вручите с денгами Зернову*.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 6 января 1813 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 36. — [Т. XII].

5

6-го Генваря 1813-го года Петербурх

Поздравляю тебя Любезнейший и Почтенейший Александр Яковлевич с наступающим Новым годом, желаю провести оной щастливо и приятно. Не желаю обременять Графа Федора Васильевича своими бездельными писмами, прошу вас уведомить его что Михаил Богданович по Высочайшему повелению послезавтра отправляется в армию, а потому графу Сергею Федоровичу37 я щитаю приличнее всего находится при нем и быть полезну Службе, где ему будут все люди знакомыя, коих знаит уже и кем как обходится. Здесь слух носится, что Чечагов38 будет Министром Иностранных дел наместо Румянцева39. Не оставте уведомить меня получили ль вы 3 т. рублей мною вам посланныя для уплаты долгу за моего знакомаго и что с оными зделали. Прошу покорнейше засвидетельствовать мое всенижайшее почтение Графу Федору Васильевичу.

Не оставляйте почасче уведомлять меня о себе и о всем у вас происходящем и не забудте исполнить мои прозбы. Когда же отсель поеду, то уведомлю вас в свое время. Писмо при сем приложенное отдайте Кромину. Николаю Иван., Дохтуру, Попову и Обрескову прошу сказать мое почтение. Будте здоровы, веселы и помните вас душевно любящего.

Ар. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 16 марта 1813 г. Калиш // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 37—38. — [Т. XII].

7

16 марта (1813) Калиш

Писмо ваше Почтенейший Александр Яковлевич к братцу я отправил прежде его повереннаго в Каменец Подольске, куда он отправился жениться43. Сабанеева по сие время не видал, по той причине что Государь оставил меня при себе: то есть непричем. И на несколько прозб Михаила Богдановича обо мне ни какаго решения по сие время не зделал. Но я ни смотря ни на что, после отъезда Короля44 буду просится опять, и каков будет успех бог знаит.

Много бы вам писал, но нельзя по притчинам вам известным. Прошу всевышняго, чтобы он подкрепил нас во всяком случае, и был путеводителем по прежнему.

Занятие Гамбурга вам известно, но ежедневно ожидаем донесения о взятии Дрездена, куда и Главная армия кажется скоро возмет свое направление.

Люди наши, стоя обширно по квартирам, несколько поправились после бывшаго походу в дурное и ненасное время.

Немцы при всем своем холоднокровии всякаго состояния идут служить с нами вместе, для истребления злодея кровожаднаго, каторой на Рейне собрал до 17-и полков войска.

Николаю Иванову прошу засвидетельствовать мое почтение, и скажите ему что братец его45 был у меня раз; в службу не хочет, а просил меня чтобы отправить его вслед за Графом Морковым46, каторой из армии отправляется в Москву, а как я такаго случаю не могу ему приискать то и не знаю на что он решится; но после того раза он у меня более не был и не знаю теперь где находится. Кажется он Шалун. Дохтору, Папову и Обрескову скажите от меня ниской поклон.

Если у вас есть какия сочинения или Сатиры, то прошу не оставлять присылкою оных ко мне хотя изредка, чрез посредство Петербурха. Графа Сергея Федоровича еще нету. Прощайте, будте здоровы, веселы и не забывайте вас душевно любящаго.

Арс. Закревский

Николаю Василичу47 прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 30 мая 1813 г. Петерсвальде // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 38. — [Т. XII].

8

Петерсвальде 30-го мая 1813

Премного вам благодарен Любезнейший и Почтеннейший Александр Яковлевич за присланные книги с братцем Константином Яковлевичем и прежде при писме ведомость о потери французской армии48. Писмо к Графу Воронцову мною доставлено чрез курьера. С братцем я всякой день почти вместе разделяю время49, и вспоминаем старую нашу Молдавскую Компанию.

Заключенное с неприятелем перемирие, позволило нам наслаждатся здешними прекрасными местами, о как бы хорошо было естли бы можно перенести оные в любезную нашу Россию.

Кромин50 жив и здоров и послан с перемирием во французскую армию. О женидьбе Гр. Воронцова на дочери Раевскаго никогда не слыхал, и не знаю правда ли ета или нет.

Попову прошу засвидетельствовать мое почтение и поблагодарить за приписание Его в вашем писме. Ильину51 и Обрескову также покланитесь, и второму скажите что брат его52 при хорошем месте у Довре53, следовательно мне ему полагать другаго места не было нужды, тем более что брат его очень доволен своим начальником.

Прощайте Любезнейший Александр Яковлевич, пишите к нам часче и не забывайте вас душевно любящаго.

Арс. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 9 июня 1813 г. Петерсвальде // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 38—39. — [Т. XII].

9

9-го июня 1813 Петерсвальде

Мы теперь живем мирно Любезный и Почтенный Александр Яковлевич по заключении перемирия. Дожидаем завтрешняго числа Государя из Австрии, куда он поехал 4-го числа, а я из командировки вернулся вчера. Молодаго графа Ростопчина еще нету, но то просил Генерала Сабанеева послать за ним нарачнаго фелтьегеря, которой вскоре должен возвратится обратно. Прошу о чем доложить Графу Федору Василичу и засвидетальствовать ему мое всенижайшее почтение.

Одно желание у нас есть, мир, твердой и ненарушимой. Не забывайте нас и не оставляйте утешать о Москве родимой своими писмами. Будте здоровы и помните вас душевно любящего.

Арс. Закревский

Не браните меня милостивый Государь Александр Яковлевич, что редко пишу право думаю и то уж вам наскучил, и свидетельствую с Арсеньем Андреевичем что ни одного случаю уж не пропускаю, чтоб не оказать вам моего почтения равно вашей фамилии покорнейше прошу сказать, подарить несколькими минутами уведомте что вы здоровы и повинить вашего усердного слугу Павла Кромина*.

Его Высокородию Милостивому Государю Александру Яковлевичу Булгакову

В Москве в дому Главнокомандующаго Его Сиятельства Графа Ростопчина

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 22 июня 1813 г. Петерсвальде // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 39. — [Т. XII].

10

22-го Июня (1813) Петерсвальде

Не могу пропустить верной оказии, чтобы не написать тебе несколько строк Любезный и Почтенный Александр Яковлевич. Мы все еще пользуемся перемирием, которое 8-го июля кончится, а после онаго что будет не знают. Константин Яковлевич посылает к тебе писмо с Кроминым, которой полетел вас посмотреть и о себе напомнить. Вам уже известно желание Кромина, которому хочется быть в Москве полицместером, зделайте одолжение посторайтесь о сем и попросите Графа Федора Василича.

Мы с Константином Яковлевичем бываем всегда вместе и часто ездим разделять время к слепому Сабанееву.

Поздравляю вас с 2-ю Анною, желаю более, более. Обрескову, Попову, Ильину и Доктору прошу засвидетельствовать мое почтение.

Что наша Москва поделывает и Каково выстраивается.

Прощай, будь здоров, весел и помни тебя искренно любящаго.

Арс. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 24 июля 1813 г. Петерсвальде // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 39—40. — [Т. XII].

11

24-го июля Петерсвальде 1813

Вот и конец перемирию Почтеннейший и Любезнейший Александр Яковлевич, миру не будет, а война кровопролитная неизбежна. Соединенные армии наши Славныя и Многочисленныя, естли будет толк, то врага сокрушим. Кто будет командовать соединяющимися русскими, австрийскими и прусскими войсками еще не известно. Граф Воронцов щастлив находится с корпусом у славнаго полководца Бернадота54, от которого можно кой чем занятся. У меня есть к вам Любезнейший Александр Яковлевич прозба, вот в чем она состоит. Покойнаго Графа Николая Михайловича55 крепостныя люди по завещанию должны быть отпущены на волю, что и Сенат при рассмотрении утвердил. Граф Сергей56 не только сего не исполнил, но даже двух из сих людей я думаю в поругание отдал своей бляди во услужение. Зделайте одолжение доложите о сем Графу Федору Василичу, помозем тех людей отпустить на волю сходно с волею покойника. В Московском Губернском правлении дела по сему завещанию имеются, да здесь тоже приказать ему и их на волю отпустить. Постарайтесь отыскать сеи бумаги и буде нужно и должно, то прикажите сему молодцу тех нещастных людей отпустить на волю. За что вечно оне вам будут благодарны.

Писмо от братца при сем прилагаю. Будьте здоровы, веселы и не забывайте вас душевно любящаго.

Арс. Закревский

Чтобы писма Г. Ф. В. ко мне верно доходили, то не угодно ли Ему оныя ко мне адресовать чрез Калинина57 или Князя Горчакова58. Тогда в верном доставлении их ручатся можно. Прошу о сем его Сиятельству доложить.

Его высокородию Милостивому Государю Александру Яковлевичу Булгакову

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 13 декабря 1813 г. Фрейбурх // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 40—41. — [Т. XII].

12

13-го Декабря Фрейбурх 1813

Писмо ваше Почтеннейший Александр Яковлевич от 10-го июля, шедшее с быстрым и исправным курьером я получил в конце ноября, как за оное так и за присланную книгу59 трудов ваших приношу мою наичувствительнейшую благодарность. Вы занимаясь безпрестанною должностью вашею, имеете время помнить шатающихся по свету, довольно кажется с хорошими успехами и Славою оружия нашего. Можно ль было ожидать 1812 года, когда мы от Бородина и шли к Москве, что события нынешния совершатся. Где же мы теперь, часть за Рейном, другая на старых границах Франции, а третья по его сторону Рейна, где и мы еще имеем свое пребывание, но надеемся скоро также отсель следовать в Базель, а может быть и в Берн.

Вот каковы чудеса божии. Любезнейший Александр Яковлевич, подпора злодея отклеиватся от него, а присоединяется к нам, Швейцария присоединилась и дала уже на защиту общую часть войск своих, Дания и Король Неаполитанской также к нам присоединятся, скажите можно ли больше ожидать от бога, как нынешних произшествий для Славы России. Смело можно сказать, что Велик России бог.

Брат Константин при трудах своих ни мало не худеет, а напротив того толстеит, вот каков здесь климат. Позвольте вас побранить за неприслание мне портрета Графа Ф. В., катораго как вам известно чудесно почитаю и люблю.

Я недавно приехал к Армии, шатался по разным местам для обозрения корпусов в Армии, находящихся, а потому и не могу ничего сказать нащет Графа Сергея Федоровича, ибо их Главная Квартира от нашей в 25-и милях, но слышал вчера от приехавшего от туда курьера, что Граф здоров.

А. Я. Булгаков

Прощайте Любезный Александр Яковлевич. Будте здоровы, веселы и помните вас душевно любящаго.

Ар. Закревский

Ильину, Попову, Обрескову и Доктору прошу от меня кланятся.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 23 декабря 1813 г. Фрейбурх // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 41—42. — [Т. XII].

13

23-го Декабря Фрейбурх 1813

Позвольте вас поблагодарить Любезный Александр Яковлевич за память и за писмо от 17 ноября, а мною полученное 19-го Декабря. Признатся должен, что не похож на придворнаго человека. Пора Графу Федору Василичу забыть о бывшем, и продолжать службу как продолжал, для пользы отечественой, ему не должно ни на кого смотреть, ибо клевета всякаго преследует. В нем твердости много, следовательно нада оную поддержать в теперешнее время. Граф Сергей Федорович здоров, я взял от него писмо и посылаю к батюшки. Нащет писем у него есть маленькая леность60, за которую ему часто от меня достается.

Военныя люди приносят свою наичувствительную благодарность попечителям Москвы, которая может утешить после войны. Здесь шатающихся воинов, кои привыкли оную любить, и проводить приятно время после всякаго случая.

Позднякову честь и слава как рускому Барину; не худо бы естлиб ему подобныя богатыя дворяне, построили в Москве большое здание для калек наших, кои не имеют ни какаго содержания, где бы могли провести по милости почтеннаго дворянства остатки дней своих. Всякое же вспоможение изувеченным денгами есть временное и безполезное. А потому подписка у вас зделанная в пользу изувеченных могла бы с большею пользою употребится на таковую постройку и всякаго роду прислугу. А дабы не могло произойти в постройке зла, то полезно бы было естлиб Граф Ф. В. взял сие на себя. Вот мысль моя касательно изувеченных, в протчем я пишу сие как человеку коего я люблю и почитаю.

Естлиб другой был в Москве, а не Граф, то верно бы не было никакой подписки для вспоможения изувеченых, и протчае, и протчае.

Не знаю как благодарить Графа и вас Любезный Александр Яковлевич за людей покойнаго моего благодетеля, коих злодей, похожий в мерзостях Наполеону, оставил у себя на муку, не выполнив воли покойника, а дабы более над покойником изрыгнуть свой Яд, отдал одного и да сих людей во услужение своей блядке — вот каков Сахар Сергей Каменский. Судить о его поступках представляю вам. Воронцову и Сенпри буду кланятся, ибо сейчас к ним пишу. Весьма правильно вы Лейпцигское дело наше называете Александровским, естлиб не Государь наш, то бы сего не было. Сколько ему стоило труда уломать на сие толстаго Шварценберха61. Прощайте любящей друг, будте здоровы, и помните вас душевно любящаго.

Берегите Г. Ф. В.
он нам нужон

Арс. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 23 марта 1814 г. с. Масси // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 42. — [Т. XII].

14

23-го марта (1814) с. Масси от Парижа

4 лье по дор. к Орлеану

Позволь поблагодарить тебя Почтенный Александр Яковлевич за писмо от 9 Генваря; простите что замедлил ответом по причине безпрестаннаго движения. Дела наши идут славно, вы оными должны утешатся. Наши в Париже торжествуют, а другая пошли за неприятелем. Я за Парижское сражение получ(ил) 1-ю Анну.

Бедной Сенпри наш от раны умер.

Прощай почит(ающий) тебя и душев(но) любящий др(уг)

Закревский

Разошли па адресам писма.

Александру Яковлевичу Булгакову

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 28 апреля 1814 г. Париж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 42—43. — [Т. XII].

15

Париж 28-го апреля 1814-го года

Писмо ваше Любезнейший Александр Яковлевич от 19 марта и при оном книшку и писма от моего отца62, я получил исправно вчерашняго числа, за которыя приношу мою наичувствительную благодарность. Старику своему я уже писал, дабы более ко мне сюда писем не адресовал, ибо есть надежда, что через три недели отсель отправимся в Любезное наше отечество. Весьма сожалею, что Граф Федор Васильевич по сие время не поправился от болезни, видно себя не бережет.

Я уверен, что он весьма обрадовался о занятии Парижа и концу нашей кровопролитной войне, ето обстоятельство может поправить его здоровье. Признатся должен вам нынешних событий никто не ожидал и ни кому даже оное в голову не приходило, а потому смело сказать можно что велик России бог.

Наполеон грозной дурно кончил свое царствование и постыдным мандом — не застрелил себя, как бы должно было предприимчивому человеку. Но чорт его возми, а все не худо его умертвить — а до того ветренной народ французской не может быть покоен.

Не желаю опечалить г. Федора Василича при приезде сына его в Москву; нужным щитаю вас уведомить Любезный друг при случае сказать Г. Ф. В. что лечение сие сыну его необходимо и

уплата долгов также кои по мнению моему простираются до 25 т., а может стать и больше63;

сын может откровеннее ему во всем признатся. Меня коль скоро отпустют, то я прямо из Парижа полечу в вашу Матушку Москву. Прощай Любезный друг, будь здоров и помни навсегда тебе преданного.

Арс. Закревский

Константин ужасный

мандом толстенный

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 20 июля 1814 г. с. Ивановское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 43. — [Т. XII].

16

20-го июля 1814-го года с. Ивановское

На пути в Петербурх пишу к тебе Почтеный и Любезный Александр Яковлевич; о приезде Государя я получил известие из Петербурха, прибытие его здыбило столицу без всякай совершеной встречи. Отложение конгреса до октября месяца и раний приезд Государя, меня заставляет думать, что война с какой либо державой неизбежна. Надежда на бога и на кроткаго Государя. Но не менее того нада старатся внутренния злодеяния не зачиная войны окончить, дабы избегнуть всех предыдущих нещастий. Старик мой приездом утешился и получил облегчение от болезни. Я збирался было 19-го числа сего месяца приехать в Москву, но получа уведомление о Государе из Петербурха, решился того же числа ехать прямо к своему месту. Проезжая мимо роднаго своего Ермолаева, каторай может быть сам вручит вам сие писмо. Начевал чисто и завтра пущусь в Питер. Когда явится к тебе мой адъютант, то вели ему поспешать приездом своим ко мне. От куда имееш последния писма от Кости, и где он теперь находится меня не остав уведомить. Зделай одолжение прикажи пресылать моему старику Инвалид64 и не забудь исполнить прежния мои прозбы по записке.

Граф Федор Васильевич верно получил или скоро получит ответ на свои писма.

Графу Федору Васил., Сереже и своему семейству прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение; и не остав уведомить чем бог разряшил супругу.

Прощай, будь здоров и помни тебя душевно любящаго.

Арс. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 20 июля 1814 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 49. — [Т. XII].

26

(не позднее 20 июля 1814 г.)82

Зделай одолжение Любезный Александр Яковлевич выхлопочи Адъютанту моему открытой лист из почтамта подобна моему на почтовых лошадей; дабы не могла быть ему в лошадях оставновка.

Натальи Васильевне мое всенижайшее почтение. Прощай, будь здоров и помни тебя душевно любящаго друга

Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 9 августа 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 43—44. — [Т. XII].

17

9-го августа 1814-го года Петербурх

На последних двух почтах Почтенный и Любезный друг Александр Яковлевич получил я от 1-го июня, 13-го, 23-го, 27-го, 31-го июля месяца от тебя писма, за которые премного тебе благодарен.

Прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение Супруге; и поблагодарить за приписку в твоем писме, желая чтобы после родин была здарова. Какие притчины побудили Волкова65 итти в отставку, я не понимаю. Наконец и ты образумился любезный друг и стал думать о себе, почему же прежде мало о чем заботился; могу тебе уверить, что зделаю приступ на щет твой к графу Ф. В. Ему стыдно будет тебя забыть и не наградить заслуженным; ибо товарищи твои далеко пошли в верх. Граф Ф. В. прибыл сюда благополучно и принят у двора хорошо. Но и тут у него бываит минуты недовольныя.

Ты весьма худо зделал, что с ним не приехал; теперь моя обязанность журжать ему насщет твоей. Я воображаю в каком ты был восхищении, когда приехал к тебе толстай Константин, катораго я здесь не видал, по притчине представлений царской фамилии. Поклон от меня каждому. Прощай, будь здоров и помни тебе душевно преданнаго друга.

Ар. Закревский

Государь выезжает из Петербурха в Вену 2-го или 3-го Сентября.

Зделай одолжение купи мне хорошего белаго казимиру 10 аршин и пришли сюда, ибо здесь онаго совсем нету. Писма ко мне адресуй на Литейную улицу в дом Купчихи Лесинковой под № 139.

Графу Сергею Федоровичу прошу засвидетельствовать мое почтение, и скажи ему дабы не шалил и часче пил бы праписанной декохт.

Приложенное писмо достав Обрескову.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 25 августа 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 44—45. — [Т. XII].

18

Петербурх 25-го августа 1814-го года

Писмо твое от 17-го числа Любезный Друг Александр Яковлевич я получил вчерашняго числа; и спешу тебя уведомить, что граф Ф. В. по прошению уволен от Главнокомандования Московскаго и назначен находится при особе Его Величества, на место его в Москву, город наш назначает четырех, Тормасова66, Князя Лобанова67, Архарова68 и Князя Горчакова, но кто именно из них будет неизвестно. Поздравляю тебя с Колежским Советником, а более ни с чем, теперь сам на себя пеняй. Делаши другим добро и сам себя не забывай. А мои частыя о тебе с ним разговоры не зделали кажется большего влияния.

Я воображаю твоей радости по приезде к тебе толстаго Константина, катораго я здесь не видал за

праздниками, поклонись ему от меня когда будеш писать в Вену. Поздравляю и не поздравляю тебя со свадьбою69, я одинаков, следовательно и говорю с тобой (о) всем по приятельски.

Ну, так тому и быть, когда помочь печали было.

Государь едит отсель в Вену 2-го или 3-го Сентября, а может статся и прежде, а Граф после его отъезда выезжаит в Москву через две недели, а затем возвратится сюда жить до Мая месяца, а потом поедит к водам за границу. Граф Волкова прозбы не представлял и не представит, разве он решится у новаго Главнокомандующего московскаго просится от оной; пускай о сем хорошенко подумаит и потом решится. Ящик брата еще не пришел и не знаю когда прибудет. За казимир каторай получу премного благодарен. Граф Сергей пусть веселится, но смотри чтобы не избаловался, о нем Завтра или после завтра отец будет просить Государя о назначении тебе известном.

Большое имеем желание быть в Москве после отъезда Его Величества, но Комитет в коем ныне нахожусь для вспомоществования изувеченным и раненым70, не могу отсель отъехать, ибо два чиновника из нашего Комитета едут с Государем, а именно Уваров и Кутузов71.

Граф Ф. В. Ростопчин

Наталии Васильевне72 прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение. И поцалуйте за меня ей ручки. Малютак также поцалуй. О Случаи твоем нада молчать и иметь терпение, которым всех утешаит обиженных. Спешу окончить сие писмо, боюсь опоздать на почту. Прощай, будь здоров и помни душевно преданнаго тебе друга.

Ар. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 3 сентября 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 45—46. — [Т. XII].

19

3-го Сентября 1814-го года Петербурх

Последнее твое писмо Любезный друг Александр Яковлевич от 24-го августа и при оном 10 аршин белаго казимиру получил исправно. Не стану тебе говорить ни о манифесте, ни о милостях редкаго Царя бывших 30-го августа, которыя тебе уже известны. Но скажу, что Граф Федор Васильевич, получа увольнение от должности, тотчас отправил как Кромина, так и Ильина к Главнокомандующему Тормасову, и уведомил его, что все протчия чиновники при нем находящиеся остались в Москве. Граф говорил со мною об Обрескове, что может ли он его иметь и позволить жить ему в Москве; все ето можно не знаю к чему сие Обрескова поведет, скажи ему (о) всем от меня, и по приезде Графа в Москву может с ним короче объяснится.

Не знаю удастся ль тебе теперь получить ключ73. Не остав меня уведомить расположен ли ты служить при новом начальнике или удалится на покой. Поздравляю тебя с братьиной свадьбой, желаю чтобы он был щастлив. Признатся тебе должен, я сердечно желаю дабы ты поселился на службу в Петербурхе, и верно бы служба пошла пощастливие нежели по сие время. Супруге прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение, и поблагодари за память, которую она обо мне имеет.

Графу Сергею Фед. от меня поклонись и скажи что он ленивец. Как прикажиш прислать ли к тебе 150 рублей или велиш здесь что купить.

Приложенное при сем писмо доставь пожалуйста Митрофанову. После завтра входит в

Петероурх 2-я гвардеиская дивизия, приплывшая морем. Государь непрежде возвратится к нам, как в начале декабря месяца.
Прощай Любезный друг, обнимаю, душевно, будь здоров, весел и помни истинно тебя любящаго друга.

Арс. Закревский

Шатилов74 тебе кланяется и благодарит за память. Прилагаю при сем наше объявление, естли оно в ваших газетах не напечатано, то прикажи пожалуй оное напечатать.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 15 сентября 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 46—47. — [Т. XII].

20

Петербурх 15-го Сентября 1814-го года

Писмо твое Любезный и Почтенный Александр Яковлевич от 31-го августа я получил третьяго дня. Служа отлично при Графе не так как другая, всегда будешь покоен и любим делавши многим добро, да сверх того и не послуживши за усердную службу нечего, кроме доставшагося чину по выслуженным летам; а потому и злодеи твои, естлиб ты их имел не могут ничего говорить нащет лишних тебе наград. В протчем совесть чиста, всеми любим; может ли сие сравнится с какою либо наградою, но одно может привести в некоторое негодование, что сверстники твои, меньше зани(ма)вшись делами, тебя обошли. Нада иметь терпение и дождавшись брата из Вены, решится на настоящее; и теперь советую занимать свою должность при добром Тормасове.

С Графом был обморок подобной Володимирскому75, но теперь Слава богу ему лучше, я его не видел более недели, простудился и сижу дома, сегодня пускают в Казанской собор помолится за редкаго царя. Графу награда за ревностную службу не совсем лестная, быть членом Совета. О сыне ничего не просил и решися не просить не знаю по каким притчинам.

Естли Волков заблагорассудит непремено итти в отставку, то нада ему подать другую прозбу Тормасову, в протчем может быть он предположения свои теперь переменил. Супруге с малютками прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение. Назначение меня членом в Комитет утешительно по всем отношениям.

Обрескову с супругою также прошу кланятся и поздравить их с новорожденым. Стат-Секретарь Ильин должен бесится, ибо желаемаго ему делать нельзя. Сундук мною взятой у Константина прибыл в Петербурх и находится у меня. Хотел было послать по почте, но так велик, что не принимают. Уведоми как и куда переслать или здесь оставить. На щот мною должных тебе 150 руб. ничего не пишеш, прислать их в Москву или велиш здесь кому отдать. Прощай Любезной друг, будь здоров и помни тебя душевно любящаго и по гроб преданного друга.

Ар. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 18 сентября 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 47. — [Т. XII].

21

Петербурх 18-го Сентября 1814 г.

Вчера получил писмо твое Любезный друг Александр Яковлевич от 10-го Сентября. Граф выезжает отсель 20-го числа в Москву, нанял здесь себе дом Тормасова за 12 т. рублей в год и

выизжаит отсель 20-го числа в Москву, нанял здесь себе дом Тормасова за 12 т. рублей в год и коим весьма доволен. Тормасов же отправляется отсель к вам 22-го числа. Весьма хорошо делаешь, что остаешся при новом Начальнике до возвращения брата из Вены, за что терять понапрасну жалованье и Квартеру; а тогда уже решисся на настоящую должность. Благомыслящие люди и Любящее свое отечество всегда должны жалеть о Графе, каторай доказал на опыте достоинства свои полезныя весьма России; следовательно можно ль смотреть на злоязычников не стоящих никакаго уважения, а заслуживающия одно только презрение. Всякаго состояния люди, всегда ошибались в некоторых, что важна натурально. Граф Сергей Федорович может еще и не поедит в Варшаву, а останется при батюшке пока не получит отзыва от графа Барклая.

Не могу отказать тебе Любезной друг в приеме гостинца присланнаго, но прошу и требую приказывать мне присылать что только тебе нужно, чем меня много утешиш. Супруге прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение и поблагодарить за память. Признатся должен, что Комитет наш приводит калек в восхищение, а Александру I-у зделал вечную и по сей части Славу76. Сожалею я об Обрескове, но он сам пусть хлопочет по приезде Графа. Прощай, будь здоров и помни по гроб вернаго и преданнаго друга.

Ар. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 22 октября 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 47—48. — [Т. XII].

22

22-го октября 1814-го года Петербурх

Здоров ли ты Любезный друг Александр Яковлевич и доволен ли Новым главнокомандующим. Нечива мне описывать тебе Венские новости, которыя ты знаеш чрез брата, он получил от Австрийскаго Императора Командорский Крест Леопольда, оной дает ему титул баронства. Сюда входют остальные Гвардейские войска принадлежащие к Петербурскому Гарнизону, и так хороши, что все оными восхищаются после столь труднаго и продолжительнаго похода. Каково доехал Граф Федор Васильевич и здоров ли, не остав меня уведомить. Супруге прошу засвидетельствовать мое почтение и поцеловать ручку. Здесь на все такая дароговизна, что не можем себе представить. Но приезд сюда Королей, еще прибавит более даро(го)визну, каторая и без того довольно ощутительна.

Признатся тебе должен, что Нам без Государя весьма скучно — не знаиш совершенно как время убить.

Прощай Любезный друг Александр Яковлевич, будь здоров и помни нелицемерно тебя по гроб любящаго друга.

Ар. Закревский

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 21 ноября 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 48. — [Т. XII].

23

21-го ноября 1814 Петербурх

Писмо твое Любезный друг Александр Яковлевич от 2-го ноября я получил недавно, и весьма за оное благодарю. Всегда бывало, что при перемене начальников бывает новый свет, стараго

хвалют, а Новаго естли не бранят, то готовются к тому. Алекс.(андр) Петр.(ович) человек предоброй и пресмирнай. Наконец Брокера77 вы уходили, а на место его поступающий Бибиков78 добрай малай. Хорошо делают, что Волкова не выпускают, предвещание мое совершилось, а он для службы весьма нужен и может сменить мяхкаго нынешняго обер полицмейстера79. Я жду Графа сюда, пора ему переезжать и оставлять ту столицу, которая растроила его здоровье. У нас зимы совсем нет и по дурной погоде ненадеимся скоро оную иметь. Пожалуста приезжай к нам погостить по первому Зимнему пути, чем много одолжиш тебя Любящих. Сундук Константина отправлю к тебе с верною оказиею и зимою. Ежели Графа увидиш то засвидетельствуй ему мой нижайшее почтение. Мы ждем с нетерпением возвращения Государя80, но не прежде можем его увидеть как в конце декабря или начале Генваря. Прощай, будь здоров и помни тебя верно любящаго и преданнаго.

Ар. Закревский

Естли будеш ко мне писать, то адресуй писма на Мойке близ Конюшеннаго моста в доме Г-на Данилова под № 2, куда я на сих днях перешел.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 7 декабря 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 48—49. — [Т. XII].

24

7-го Декабря 1814-го года

Петербурх

На сих днях отправлю к тебе Любезный друг Александр Яковлевич с верною оказиею сундучки Константина. На сих днях я получил писмо из Вены, коим уведомляит меня, что наш Государь сего месяца 3-го или 8-го числа нашего штиля выедит из Вены и возмет свое направление на Штутгарт, Мюнхен, Кальсруэ, Берлин и Варшаву а потом уже и в Петербурх, следовательно и Константин к тебе скоро будет разделять время, я воображаю как ты будиш рад. Зделай одолжение приложенное присем обьявление Комитета прикажи напечатать в Московских ведомостях, дабы оное могло быть известно во всех российских губерниях, ибо Петербургския газеты недалеко разходются за Москву.

Постарайся дабы и впредь присылаемыя такия объявления Комитета были печатавшеми в Московских ведомостях без всякой платы. Чем много одолжиш Калек, понесших труды в прошедшую незабвенную Компанию. Супруге прошу засвдетельствовать мое всенижайшее почтение и пожелай ей от меня здаровья и здаровья. Прощай Любезный Александр Яковлевич будь вессел, здоров и помни вернаго твоего друга.

Арс. Закревский

Здоров ли Граф Федор Васильевич и где теперь находится, ибо збирался ехать в деревню.

Писма ко мне адресуй на Новую Квартеру, подле Конюшеннаго моста в доме Г-на Данилова под № 2.

Закревский А. А. Письмо Булгакову А. Я., 26 декабря 1814 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 49. — [Т. XII].

25

26-го декабря 1814-го года Петербурх

Вчерашняго числа отправил к тебе Любезный друг Александр Яковлевич сундук Константина с верною оказиею, по получению онаго меня не остав своим уведомлением. Поздравляю тебя с наступившим праздником и наступающим Новым годом, желаю провести оныя со всею приятностью. Сколько мы не ждем любимаго нами Монарха, но не имеем надежды прежде февраля его здесь увидеть; дай бог чтобы все кончил, как ему хочется. Много мешают в Венском конгресс французы и англичане, которыя мне кажется сами не знают чего хочут, а может статся наблюдают на будущее время важнейшия выгоды своего Государства. Кто сего последняго не жалаит.

Здоров ли граф Федор Васильевич и скороль сюда будет. Зделай одолжение купи мне вышедшую книшку в Москве Жизнь и военныя действия Графа Николая Михайловича Каменскаго81, она мне нужна для моего журнала, и пришли по почте чем много меня одолжиш. Супруге и Малышкам прошу засвидетельствовать мое всенижайшее почтение.

Прощай Любезный Друг, будь здоров и помни душевно тебя любящаго и вернаго твояго друга.

Арс. Закревский

Писма ко мне адресуй подле Конюшенного моста в дом Г-на Данилова.

Безотосный В. М. Примечания: Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 49—53. — [Т. XII].

1 Речь идет о болезни Главнокомандующего Молдавской армии генерала от инфантерии графа Николая Михайловича Каменского (1776—1811), у которого Закревский служил адъютантом, а после его смерти выступал по завещанию душеприказчиком. В устных разговорах Закревский не раз утверждал, что его начальник был отравлен (См.: Сб. РИО. Т. 73. С. IV).

2 Письмо написано во время остановки по пути следования в Одессу.

3 В 1811 г. к штабу Молдавской армии были прикомандированы три русских дипломата по фамилии Фонтон: Иосиф Петрович (1758— ?); Петр Антонович (1765—1846); Антон Антонович (1780—1864).

4 Италинский Андрей Яковлевич (1743—1827), дипломат, прикомандированный к штабу Молдавской армии. В 1812—1816 гг. — посланник в Турции.

5 Дружеское прозвище русского дипломата, статского советника Алексея Ивановича Боброва.

6 При обработке фонда письмо предположительно датировано 1817 г., поэтому в деле оно отложилось после писем 1812 г. Но все сведения, сообщенные в письме Закревским, дают возможность однозначно отнести его к 1811 г.

7 В письме к Барклаю де Толли от 17 марта 1812 г. Кутузов писал, что орден Св. Анны 2-й степени К. Я. Булгакову “всемилостивейше пожалован по моему ходатайству в июле месяце прошлаго 1811-го года” (ОР РГБ. Ф. 41. К. 31. Д. 3. Л. 1).

8 Имеется в виду штабс-капитан Храбрый. В мае 1811 г. по его доносу одесский комендант Ф. А. Кобле попытался опечатать бумаги и имущество умершего Каменского. Этот приказ был отменен после вмешательства нового Главнокомандующего Молдавской армии Кутузова (См.: Сб. М. И. Кутузов. Т. III. М. 1952. С. 398).

9 Речь идет об экспедициях по перлюстрации писем.

10 Имеется в виду Н. М. Каменский

10 Имеется в виду Н. М. Каменский.

11 Гудович Андрей Иванович (1782—1869), граф, генерал-майор. С 1809 г. — шеф кирасирского Военного ордена полка.

12 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф (с 1845 г. светлейший князь), генерал-фельдмаршал. В 1809—1811 гг. участвовал в боевых действиях против турок, командуя Нарвским пехотным полком.

13 Сабанеев Иван Васильевич (1772—1829), генерал от инфантерии. Воевал против турок в 1810—1812 гг. в чине генерал-майора, был начальником штаба Молдавской армии.

14 Поздравить с кавалерством, то есть с получением ордена.

15 Мишо де Боретур Александр Францевич (1771—1841), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Уроженец Пьемонта, с 1805 г. находился на русской военной службе. В 1809—1811 гг. воевал против турок в штаб-офицерских чинах и в 1811 г. за отличие был произведен в полковники.

16 Родофиникин Константин Константинович (1760—1838), русский дипломат. В 1808—1810 гг. — консул в Бухаресте, с 1812 г. — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел.

17 Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, известный государственный деятель. В 1810—1811 гг. в качестве дипломатического чиновника был прикомандирован к штабу Молдавской армии.

18 В 1811 г. Александр Булгаков просил брата Константина приобрести для него портрет Каменского (См.: Русский архив. 1900. № 4. С. 515).

19 Сен-При Эммануил Францевич (1776—1814), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Французский эмигрант на русской службе, в 1812 г. — генерал-майор, начальник штаба 2-й Западной армии.

20 Речь идет о представлении к награждению орденом Св. Анны 2-й степени ревизора при Валашском диване коллежского асессора Григория Кариб-оглы.

21 На 1812 г. пришелся резкий взлет военной карьеры Закревского. С небольшими перерывами он последовательно получал чины и должности: 30 января — подполковника, 13 февраля — полковника, 21 марта — директора особенной канцелярии при военном министре (до него этот пост занимал полковник флигель-адъютант А. В. Воейков). Закревский специально оговаривает другу, что он не флигель-адъютант (тот назвал его по аналогии с Воейковым), это придворное звание он получил позднее — 3 декабря 1812 г. (ЦГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об., 35, 37 об.).

22 А. Я. Булгаков в письме от 6 мая 1812 г. к брату Константину писал о положении его друга: “Закревский имеет славное место при военном министре... Все радуются фортуне Закревского, он отлично уважаем всеми” (Русский архив. 1900. № 5. С. 20).

23 Сабанеев был отправлен в Петербург адмиралом П. В. Чичаговым для оправдания действий его войск во время операции на р. Березине, но не был принят Александром I и возвратился на театр военных действий.

24 Кромин Павел Евграфович (1787 — после 1835), генерал-майор. С 1810 г. — адъютант Барклая де Толли. После оставления последним армии в сентябре 1812 г. временно перешел на адъютантскую должность к Ростопчину (См. также письмо А. А. Закревского к А. Я. Булгакову от 10/14 ноября 1812 г. из Новгорода).

25 Иванов Николай Иванович, майор, заседатель Московского Совестного суда.
26 Шнауберт Карл Андреевич (1779—1859), врач Ф. В. Ростопчина, а затем А. П. Тормасова.

27 Обресков Василий Александрович (1782—1834). В 1812 г. поручик (затем штаб-ротмистр) Кавалергардского полка, адъютант Ростопчина.

28 Попов, чиновник при Ростопчине.

29 Закревский ошибся в написании месяца. Должно быть 4-го декабря. Об этом свидетельствуют слова в письме о получении звания флигель-адъютанта, пожалованного ему 3 декабря 1812 г. (ЦГИА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—4).

30 Речь идет о награждении Барклая де Толли орденом Св. Георгия 2-го класса.

31 Главнокомандующего Москвы ругали не только в Петербурге. Так, например, Н. М. Лонгинов писал 12 февраля 1813 г. С. Р. Воронцову: "... у Ростопчина нет ни одного друга в Москве, и там его каждый день клянут все... Я получил сотни писем из Москвы и видел много людей, приехавших оттуда: о Ростопчине существует только одно мнение" (Русский архив. 1912. № 5. С. 46).

32 Имеется в виду П. Е. Кромин. Ростопчин в личном письме к Закревскому от 21 ноября 1812 г. писал: "Довольно и вашей похвалы, чтобы я взял в адъютанты г. Кромина" (Сб. РИО. Т. 73. С. 460).

33 Письма были переправлены через чиновника петербургского почтамта Ивана Петровича Оденталя, который писал своему приятелю А. Я. Булгакову 10 декабря 1812 г.: "Закревский приехал, я тотчас послал к нему ваши письма" (Русская старина. 1912. Т. 152. № 12. С. 545).

34 Так Закревский назвал Кутузова. Ранее в письме к Воронцову от 10 октября 1812 г. он писал: "Кутузов при старости лет достиг своей цели, следовательно, ему желать более нечего, как мира, пагубного России" (Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 236—237).

35 Поликарпов Александр Александрович, камер-юнкер 5-го класса, чиновник канцелярии у принятия прошений на Высочайшее Имя; сосед Закревского по дому в Петербурге.

36 Гудович Михаил Васильевич, в 1813 г. капитан лейб-гвардии Драгунского полка.

37 Ростопчин Сергей Федорович (1793—1836), граф. В 1812 г. из камер-пажей был выпущен в армию поручиком. Первоначально назначен адъютантом к герцогу Г. Ольденбургскому, за тем к Барклаю де Толли. После отъезда Барклая из армии оставался без назначения.

38 Чичагов Павел Васильевич (1767—1849), адмирал, Главнокомандующий 3-й армией.

39 Румянцев Николай Петрович (1754—1834), граф, с 1808 по 1814 г. министр иностранных дел.

40 Каменский Сергей Михайлович (1771—1834), граф, генерал от инфантерии, старший брат Н. М. Каменского.

41 Вероятно, Закревский получил сначала ходившее в списках сочинение А. Я. Булгакова "Разговор между королем Неаполитанским и генералом Милорадовичем на передовых аванпостах российской и французской армий в 29-й день сентября 1812 г.", опубликованное затем в "Сыне Отечества" (№ 9 за ноябрь 1812 г.).

42 В 1814 г. С. Ф. Ростопчин был переведен поручиком в Кавалергардский полк.

43 Речь идет о предстоящей свадьбе К. Я. Булгакова с Марией Константиновной Варлам (1796

43 Речь идет о предстоящей свадьбе К. Я. Булгакова с Марией Константиновной Варлам (1790—1879).

44 Фридрих Вильгельм III (1770—1840) из династии Гогенцоллернов, король Пруссии с 1797 г.

45 Иванов Иван Иванович, прапорщик лейб-гвардии Литовского полка в 1813—1814 гг.

46 Морков (Марков) Ираклий Иванович (1750—1829), граф, генерал-лейтенант.

47 Вероятно, Обрезков Николай Васильевич (1764—1821), тайный советник, московский гражданский губернатор с 1810 по 1813 г.

48 Имеется в виду опубликованный в 1813 г. по приказу Ростопчина “Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 г., с приложением расписания потерь, сделанным неприятелем с начала кампании в различных сражениях до вступления в Москву”.

49 В начале 1813 г. К. Я. Булгаков получил короткий отпуск в Москву, затем, прибыв в действующую армию, занимал должность в дипломатической канцелярии К. В. Нессельроде, а в 1814 г. был назначен членом Объединенной комиссии союзных держав при правительстве Франции.

50 П. Е. Кромин, узнав о новом назначении Барклая де Толли, в начале 1813 г. отпросился у Ростопчина в действующую армию (Сб. РИО. Т. 73. С. 461), за отличие был произведен в полковники и награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

51 Ильин Николай Иванович (1777—1823), надворный советник, известный драматург и переводчик. В 1812—1814 гг. служил чиновником для особых поручений при Ростопчине.

52 Вероятно, речь идет о поручике лейб-гвардии Семеновского полка Дмитрии Михайловиче Обрескове.

53 Довре Федор Филиппович (1766—1846), генерал от инфантерии. В 1813 г. — генерал-майор, начальник Главного штаба Главной армии.

54 Бернадот Жан Батист Жюль (1764—1844), маршал Франции, с 1810 г. — наследный принц Швеции, с 1818 г. — король Швеции. В 1813—1814 гг. командовал Северной армией союзников.

55 Каменский Н. М.

56 Каменский С. М.

57 Калинин Николай Игнатьевич (1760— ?), действительный статский советник, в 1799—1819 гг. — петербургский почт-директор.

58 Горчаков Алексей Иванович (1769—1817), князь, генерал-лейтенант, управляющий военным министерством.

59 Книга А. Я. Булгакова “Русские и Наполеон Бонапарте”, изданная в Москве в 1813 г. В составленном автором списке лиц из 21 фамилии для рассылки даримых экземпляров под № 14 значился А. А. Закревский (ОР РГБ. Ф. 41. К. 24. Д. 21. Л. 1—2).

60 В письме от 14 августа 1813 г. А. Я. Булгаков просил своего брата Константина: “... сообщать мне всегда статейку о графском сыне. Он очень ленив писать, и мне очень будет приятно давать об нем известия отцу” (Русский архив. 1900. № 6. С. 211).

61 Шварценберг Карл Филипп (1771—1820), князь, австрийский фельдмаршал. В 1813—1814 гг. Главнокомандующий союзными войсками.

I лавнокомандующий союзными войсками.

62 Отец Закревского — отставной поручик Андрей Иванович Закревский, живший в с. Берниково Зубцовского уезда Тверской губернии.

63 С. Ф. Ростопчин расстроил свое здоровье постоянными кутежами. Уже находясь после 1815 г. за границей, попал в долговую тюрьму из-за отказа отца оплатить очередной долг в 75 тысяч рублей.

64 Газета “Русский Инвалид”.

65 Волков Александр Александрович (1778—1833), полковник лейб-гвардии Семеновского полка, московский полицеймейстер.

66 Тормасов Александр Петрович (1752—1819), граф, генерал от кавалерии.

67 Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), князь, генерал от инфантерии.

68 Архаров Иван Петрович (1774—1815), генерал от инфантерии, в 1814 г. находился в отставке.

69 Речь идет о свадьбе К. Я. Булгакова.

70 Комитет, учрежденный Александром I 18 августа 1814 г. для рассмотрения просьб раненых и больных офицеров. В его состав первоначально вошли пять генерал-адъютантов, в том числе и Закревский.

71 Генерал-адъютанты: Ф. П. Уваров (1773—1824) и П. В. Голенищев-Кутузов (1772—1843).

72 Жена А. Я. Булгакова (урожд. княжна Хованская) Наталья Васильевна (1785—1841).

73 То есть получить придворное звание камергера.

74 Шатилов Иван Яковлевич (1771 — после 1821), командир Бородинского пехотного полка с 1813 г., генерал-майор с 1816 г.

75 Первые признаки расстройства здоровья, выражавшиеся в частых обмороках, появились у Ростопчина уже в сентябре 1812 г. во время его пребывания во Владимире.

76 Впоследствии комитет стал именоваться Александровским комитетом о раненых.

77 Брокер Адам Фомич, полковник лейб-гвардии Семеновского полка, наряду с А. А. Волковым московский полицеймейстер. Был доверенным человеком у Ростопчина. По завещанию последнего был назначен его душеприказчиком и опекуном малолетнего сына Андрея.

78 Имеется в виду один из двух Бибиковых: адъютант Тормасова, штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка Иван Петрович Бибиков, или бывший адъютант Милорадовича, также штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка Дмитрий Гаврилович Бибиков, у которого в Бородинском сражении оторвало руку. Впрочем, Закревский поторопился с вводами: в 1815 г. Брокер все еще находился “при исправлении” своей должности (См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815. СПб. 1815. Ч. 2. С. 23).

79 Должность московского обер-полицеймейстера тогда занимал генерал-майор Петр Алексеевич Ивашкин (1762—1823).

80 29 декабря 1814 г. Закревский напишет в Вену П. Д. Киселеву: “Ваш конгресс нам так наскучил, а более неведение его, что мы выходим из терпения и желаем лабы Царь наш скорее

наскучил, а более неведение его, что мы выходим из терпения и желаем дабы Царь наш скорее возвратился в Россию для искоренения явнаго воровства" (Сб. РИО. Т. 78. С. 182).

81 Имеется в виду книга И. Смирнова "Жизнь и военныя деяния генерала от инфантерии графа Николая Михайловича Каменскаго" (М. 1814—1815. Ч. 1—2). Этот же труд Закревский просил купить для него находившегося в Москве А. С. Меньшикова (Сб. РИО. Т. 78. С. 424—425).

82 Последний документ, написанный в виде записки, имеет на бумаге водяной знак 1812 г. При обработке дела архивисты датировали его 1812—1820 гг. По нашему мнению, записка была составлена не позднее 20 июля 1814 г. (См.: письмо Закревского к А. Я. Булгакову от 20 июля 1814 г.).

Публикация В. М. БЕЗОТОСНОГО

Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 29—53. — [Т. XII].

А. А. Закревский — К. Я. Булгакову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 31—34. — [Т. XII].

О девизе для герба М. Б. Барклая де Толли

Давыдов Б. Б. О девизе для герба М. Б. Барклая де Толли // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 53—54. — [Т. XII].

О девизе для герба М. Б. Барклая де Толли

Публикуемые документы освещают одну из малоизвестных страниц биографии выдающегося полководца М. Б. Барклая де Толли — момент, связанный с выбором девиза для его княжеского герба, утвержденного в августе 1815 г.

Как в дореволюционной, так и в современной отечественной историографии авторы лишь касаются этой проблемы, констатируя факт присвоения девиза*. Обнаруженные в Ф. 35 (Канцелярия начальника Главного штаба Е. И. В.) РГВИА документы позволяют подробно осветить данную тему, дают достаточное представление о механизме

и этапах прохождения этого вопроса в различных инстанциях: от Александра I, отобравшего несколько девизов из множества представленных, до самого Барклая, выбравшего себе девиз "Верность и терпение" — весьма точно выражающий суть характера полководца и, как свидетельствовал журнал комитета министров от 16 января 1817 г., "избранный самим генерал-фельдмаршалом девиз... Государь Император высочайше утвердить соизволил"*.

Материалы хранятся в РГВИА Ф. 35. Оп. 3. Св. 107. Д. 352. Л. 1—4, 41—43. Документы 1—4 — подлинники, сообщение М. Б. Барклая де Толли — копия. Пометы Александра I выделены курсивом.

***

Девизы жалованные в гербах разным фамилиям // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 54—57. — [Т. XII].

1-е НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Графу Головкину4 в диплом на графское Российской Империи достоинство от Государя Императора Петра I-го в 1710-м году февраля 16-го.

“Delit haec insignia virtus” (По доблести даны сии почетные знаки)

Графу Брюсу5 в диплом от Государя Императора Петра I-го 1721 года февраля 18-го.

“Fuimus” (Мы были)

Графу Бестужеву-Рюмину6 в диплом от Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1742-го ноября 26-го.

“In leo salus mea” (В бозе спасение мое)

Граф М. Б. Барклай де Толли

Графам Разумовским7 в диплом от Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1751 марта 1-го.

“Famam extengete factis” (Славу распространять делами)

Графам Воронцовым8 в диплом на графское Римской Империи достоинство от Римского императора Франца9 1760-го января 19-го.

“Semper immota feles” (Всегда непоколебимая верность)

Графам Орловым10 в диплом на графское Российской Империи достоинство от Государыни Императрицы Екатерины II 1763-го июня 1-го.

“Fortituline et conslantia” (Силою и постоянством)

Барону Ашу11 в диплом на баронское Римской Империи достоинство от Римского Императора Франца 1762-го декабря 17-го.

“Vertute luce” (Добродетелью ведомый)

Графу Безбородко12 от Римского Императора Иосифа II-го13 в диплом на графское Римской Империи достоинство 1784 декабря 3-го.

“Labore et zelo” (Трудами и усердием)

NB

Графу Остерману14 в диплом на графское Российской Империи достоинство от Государыни Императрицы Екатерины II-я 1779-го октября 14-го.

“Nec sol nec frigora mutant” (Ни солнце ни мраз не изменяют)

Графам Зубовым 15 в диплом от Римского Императора Франца16 1793-го февраля 7-го.

“Meritis crescunt honores” (По заслугам почести возрастают)

NB

Князю Зубову17 в диплом от Римского Императора на княжеское достоинство 1796-го июня 2-

го.

“Non sibi sel imperio” (Не себе но Государству)

Графу Завадовскому18 от Римского Императора Франца II-го в диплом на графское достоинство 1794-го июня 27-го.

“Fieri praest at guam nasa” (Превосходнее сделаться, нежели родиться благородным)

Графу Гудовичу19 на графское Российской Империи достоинство от Государя Императора Павла I-го 23 1798-го октября 19-го.

“Armis et labore” (Войною и трудами)

NB

Дворянам Брискорнам20 на гербе Высочайше утвержденном 1799-го июня 4-го.

“Tu numinis instar mihi” (Ты для меня подобен божеству)

2-е НА РОССИЙСКОМ И ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Действительному тайному советнику Донаурову21 на гербе Высочайше утвержденном 1799-го марта 30-го.

“Тебе единому. Tibi soli”

3-е НА РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Графу Зотову22 в диплом на графское Российской Империи достоинство от Государя Императора Петра I-го 1713 года.

“Верность и терпение”

NB

Графу Салтыкову23 в диплом на графское Российской Империи достоинство от Государыни Императрицы Екатерины II-я 1792-го марта 4-го.

“За верность, усердие и труды”

Графу Бобринскому24 в диплом на графское Российский Империи достоинство от Государя Императора Павла I-го 1797-го февраля 12-го.

“Богу слава, жизнь тебе”

Вдове гражданина Шелихова25 на гербе Высочайше утвержденном 1799 апреля 1-го.

“Верою и усердием”

Князю Лопухину26 в диплом на княжеское Российской Империи достоинство от Государя Императора Павла I-го 1799 марта 28-го.

“Благодать”

Графу Ливену27 в диплом на графское Российской Империи достоинство 1799 сентября 27-го.

“Богу и государю”

Графу Кушелеву28 в диплом на графское Российской Империи достоинство 1799 сентября 2.

“Единому предан”

Графу Ростопчину29 на гербе Высочайше утвержденном 1799-го марта 15-го.

“Честию и верностию”

Графу Кутайсову30 в диплом на графское Российской Империи достоинство 1799 сентября 15-го.

“Живу одним и для одного”

Графу Аракчееву на герб собственною Государя Императора Павла I-го рукою написано:

“Без лести предан”

Генерал-лейтенанту Обольянинову31 на гербе Высочайше утвержденном 1799 сентября 7-го.

“Твердостию и усердием”

Графу Денисову32 в диплом на графское Российской Империи достоинсто 1801-го апреля 5-го.

“Службою и храбростию”

Графу Мануци33 на гербе Высочайше утвержденном 1800 ноября 26-го.

“Твой есмь аз, спаси мя”

Коллежскому советнику Искрицкому34 на гербе Высочаше утвержденном 1800 декабря 13-го.

“Помяну милость твою в роды родов”

Девице Мусиной-Юрьевой35 в диплом на дворянское достоинство 1802-го апреля 11-го.

“Сила Божия в немощи совершается”

Графу Платову36 по положению Комитета г.г. Министров назначен девиз:

“За верность, храбрость и неутомимые труды”

который внесен в гербовик и Высочайше утвержден 5-го августа 1816 года.

Товарищ герольдмейстера Дмитрий Хвостов37.

Помета рукой А. А. Аракчеева: Получено от Государя обратно 22 декабря 1816.

Девизы, избранные Александром I // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 58. — [Т. XII].

4

ДЕВИЗЫ, ИЗБРАННЫЕ АЛЕКСАНДРОМ I

к № 2710

25 декабря 1816 г.

1-е Lahore et zelo / Трудами и усердием

2-е Mentis crescunt honores / По заслугам почести возрастают

3-е Armis et labore / Войною и трудами

4-е Верность и терпение

Помета на поле перед четвертым девизом: NB

Аракчеев А. А. Отношение председателя Военного департамента Государственного совета А. А. Аракчеева начальнику штаба Е. И. В. генерал-адъютанту П. М. Волконскому2 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 54. — [Т. XII].

1

№ 733

23 декабря 1816 г.

Для избрания девиза в Герб Генерал-Фельдмаршала князя Барклая де Толли, составлена выписка о разных до сего бывших девизах. Из оных четыре отмечены собственною Его Императорского Величества3 рукою, яко приличнейшие для Фельдмаршала. Государю Императору угодно, дабы Ваше сиятельство сообщили о сих четырех девизах Генерал-Фельдмаршалу, и который из них изберет он для себя, уведомили меня для объявления Комитету г.г. Министров.

Г(раф) Аракчеев

Пометы: Декабря 24. 1816.

Исполнить 23 декабря 1816

Писано Генер(ал)-фельдмар(шалу) 25 дек(абря). № 2710

Волконский П. М. Рапорт главнокомандующему 1-й армией М. Б. Барклаю де Толли // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 58. — [Т. XII].

3

С(анкт)-Петербург.

25 декабря 1816 г.

№ 2710

По Высочайшей воле честь имею представить Вашему Сиятельству записку о девизах избранных для помещения одного из них в герб Ваш, с тем, что выбор из них такового Его Императорское Величество предоставляет собственной Вашей воле. О чем покорнейше прошу меня уведомить.

Начальник Главного Штаба князь Волконский

Помета: Получе(но) 4 января 1817

Барклай де Толли М. Б. Сообщение П. М. Волконскому о получении им записки с девизами // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 58. — [Т. XII].

5

№ 54

6 января 1817 г.

М(илостивый) г(осударь) мой к(нязь) Петр Михайлович!

Во исполнение Высочайшей, объявленной мне в рапорте с № 2710, при коем препроводить изволили записку с четырьмя девизами для помещения одного из них в герб мой, с тем, что выбор из них такового Его Императ(орское) Величество предоставляет собственно мне. Имею честь уведомить, что я избрал девиз 4-й т. е. “Верность и терпение” извещая о сем Вас М(илостивый) Г(сударь) мой и препровождая при сем обратно записку о девизах имею честь.

Помета: Снять копию и зап(иску) о девизах. NB

Давыдов Б. Б. Примечания: О девизе для герба М. Б. Барклая де Толли // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 59—61. — [Т. XII].

1 Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), с 1807 г. генерал от артиллерии и инспектор всей артиллерии. В 1808—1810 гг. военный министр. С 1810 г. председатель военного департамента Государственного совета. С 1816 г. начальник военных поселений.

2 Волконский Петр Михайлович (1776—1892), князь. С 1812 г. генерал-адъютант. С 1815 г. начальник Главного штаба Е. И. В. В 1817 г. произведен в генералы от инфантерии. С 1826 г. министр уделов. С 1843 г. генерал-фельдмаршал.

3 Александр I (1777—1825), Российский император с 1801 по 1825 г.

4 Головкин Гаврила (Гавриила) Иванович (1660—1734). С 1709 г. государственный канцлер. С 1718 г. президент коллегии иностранных дел. В 1726—1730 гг. член Верховного тайного совета. Кабинет-министр в царствование Анны Иоанновны.

5 Брюс Яков Виллианович (1670—1735), генерал-фельдмаршал, дипломат, ученый, один из сподвижников Петра I.

6 Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766), с 1744 по 1758 г. канцлер, руководитель внешней политики России времен Елизаветы Петровны, посланник в Ганновере, Дании. Сослан за организацию заговора в пользу будущей императрицы Екатерины II. В 1762 г. возвращен из ссылки, произведен в генерал-фельдмаршалы.

7 Разумовские — княжеский, графский род, происходивший от рядового казака Я. Р. Разума, имевшего двух сыновей: Ивана — родоначальника угасшей дворянской ветви и Григория, сыновья которого Алексей и Кирилл получили графское достоинство.

8 Воронцовы — русские дворяне. Происходят от варяжского Ярла или князя Шимона. Михаил Иванович Воронцов, генерал-поручик, в 1744 г. был пожалован императором Священной Римской империи Карлом VI в графское достоинство. Его братьям Роману и Ивану графское достоинство было даровано в 1760 г. Францем I. Это достоинство в России за ними закреплено

только в 1797 г.

9 Франц I (1708—1765), герцог Лотарингский, великий герцог Тосканы, император Священной Римской империи Германской нации с 1745 по 1765 г.

10 Орловы — графский род, возвысившийся при Екатерине II. Пять братьев Орловых служили при Екатерине II. Григорий Григорьевич (1734—1783) — генерал-аншеф, генерал-фельдцейхмейстер, фаворит императрицы. Алексей Григорьевич (1737—1808) — генерал-аншеф. Владимир Григорьевич (1743—1831) — директор Академии наук (с 1766). Иван Григорьевич — участник переворота 1762 г., был депутатом уложенной комиссии. Федор Григорьевич (1741—1796) — генерал-аншеф.

11 Аш — баронский род, представители которого переселились в Россию из Германии в начале XVIII в. Грамотой императора Франца I в 1762 г. Фридрих (Федор Юрьевич) Аш (1683—1783), Петербургский почт-директор, был возведен в баронское достоинство. Диплом выдан после смерти Ф. Ю. Аша императором Иосифом II его сыновьям в 1783 г.

12 Безбородко Александр Андреевич (1747—1799), государственный деятель и дипломат. С 1775 г. секретарь Екатерины II. С 1780 г. член коллегии иностранных дел. С 1783 г. фактически руководил внешней политикой России. С 1797 г. канцлер.

13 Иосиф II (1741—1790) — император Священной Римской империи с 1780 по 1790 гг.

14 Остерман — граф Федор Андреевич Остерман (1723—1804) был женат на Анне Васильевне Толстой, но детей у них не было. Остерман передал графский титул двоюродному племяннику Александру Ивановичу Толстому (1770—1857).

15 Зубовы — дворянский род. Сенатор Александр Николаевич Зубов вместе с сыновьями Николаем, Дмитрием и Валерианом возведены в графское достоинство.

16 Франц II (1768—1835) — император Священной Римской империи с 1792 по 1807 г. С 1807 по 1835 г. император Австрии Франц I.

17 Зубов Платон Александрович (1767—1822), последний фаворит Екатерины II, генерал-адъютант, гененрал-фельдцейхмейстер.

18 Завадовский (Заводовский) Петр Васильевич (1739—1812), государственный деятель, фаворит Екатерины II. Министр народного просвещения с 1802 по 1810 гг.

19 Гудович Иван Васильевич (1741—1820), генерал-фельдмаршал с 1807 г., командующий Кавказской линией в Русско-турецкую войну 1806—1812 гг. В 1809—1812 гг. член Государственного совета, сенатор.

20 Брискорны — 14 июля 1799 г. Павлом I утвержден герб Брискорнов. 21 июня 1799 г. действительному статскому советнику Брискорну и его братьям было дозволено принять дворянское достоинство Российской империи.

21 Донауров (Дануров) Михаил Иванович (? —1816), секретарь-библиотекарь великого князя Павла Петровича. С 1785 г. надворный советник. Затем переведен в военную службу в чине полковника. С восшествием на престол Павла I Донауров был произведен в генерал-майоры. С 28 января 1797 г. управляющий кабинета Его Величества. 18 марта 1798 г. пожалован в тайные советники, а в 1799 г. в действительные тайные советники. Но 16 декабря того же года последовал указ об увольнении Донаурова от всех дел. 30 апреля 1801 г. вновь принят на службу и назначен сенатором в 3-й департамент Сената.

22 Зотов Никита Моисеевич (ок. 1644—1718), думный дьяк. С 1710 г. — граф. Начал службу

22 Зотов Никита Моисеевич (ок. 1644—1718), думный дьяк. С 1701 г. — граф. Начал службу подьячим Московских приказов. В конце 1670 — начале 1680 гг. — учитель царевича Петра, дьяк Челобитного, Сыскного и Поместного приказов. В 1695 г. — начальник царской походной канцелярии под Азовом. С 1701 г. — глава ближней канцелярии, Печатного приказа.

23 Салтыков Николай Иванович (1736— ?) военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1796), князь (1814). Службу начал в 1748 г. в гвардии. Участвовал в семилетней войне 1756—1763 гг. В 1762 г. произведен в генерал-майоры. Участник взятия Хотина (1768) во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. С 1773 г. — генерал-аншеф, вице-президент военной коллегии и попечитель наследника Павла Петровича. С 1783 г. главный воспитатель великих князей Александра и Константина. С 1783 г. — и. о. президента военной коллегии. В 1790 г. получил титул графа. В 1796—1802 гг. — президент военной коллегии, затем по болезни уволен в отставку. В 1807 г. руководил Комитетом земского войска (ополчением). В 1812—1816 гг. — председатель Государственного совета и Комитета министров.

24 Бобринский Алексей Григорьевич (1762—1813) — побочный сын Екатерины II и Григория Орлова. 2 апреля 1781 г. ему пожалован герб, а 12 ноября 1796 г. он возведен со всем семейством в графское достоинство. 1 января 1785 г. произведен в секунд-ротмистры, а 1 января 1788 г. в ротмистры конной гвардии. 18 июня 1790 г. уволен с чином бригадира. 16 января 1796 г. вступил в брак с баронессой А. В. Унгерн-Штернберг. 12 ноября 1796 г. он назначен командиром четвертого эскадрона конной гвардии. 5 апреля 1797 г. произведен в генерал-майоры, с оставлением в конной гвардии. 2 сентября 1798 г. был уволен от службы.

25 Шелихов Григорий Иванович (1744—1827), известный исследователь Сибири и Дальнего Востока.

26 Лопухин Петр Васильевич (1744—1827) — при Екатерине II ярославский и вологодский генерал-губернатор, генерал-прокурор при Павле I; министр юстиции с 1803 по 1810 г., председатель Государственного совета и комитета министров. В 1799 г. возведен в княжеское достоинство с титулом светлости.

27 Ливен Карл Андреевич (1765—1845), генерал от инфантерии. Служил адъютантом Г. А. Потемкина. Участник войны со Швецией (1789—1790) и Польшей (1794). В 1797 г. генерал-майор, назначен военным губернатором Архангельска. После продолжительной отставки в 1817 г. был назначен попечителем Дерптского учебного округа, а затем куратором Дерптского университета. В 1826 г. назначен членом Государственного совета. В 1828—1833 гг. — министр народного просвещения. В 1799 г. возведен в графское достоинство, а в 1833 г. в княжеское с титулом светлости.

28 Кушелев Григорий Григорьевич (? —1833) — служил полковником в Гатчине при великом князе Павле Петровиче, с вступлением его на престол получил звание генерал-майора, через несколько месяцев переименован в вице-президенты адмиралтейств-коллегии. Вышел в от ставку в 1801 г.

29 Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), граф (с 1799), в 1798—1801 гг. фактический руководитель коллегии иностранных дел. В 1801 г. получил отставку. С мая 1812 по 1814 г. главнокомандующий Москвы. С 1814 г. член Государственного совета. С 1823 г. в отставке.

30 Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759—1834), камердинер при наследнике Павле. С воцарением Павла 8 ноября 1796 г. становится гардеробмейстером 5-го класса. В 1782 г. гардеробмейстером 4-го класса и кавалером ордена Св. Анны 1-й степени. 22 февраля 1799 г. возведен в бароны Российской империи, назначен егермейстером. В 1800 г. обер-шталмейстер.

31 Обольянинов Петр Хрисанфович (1752—1841), генерал-майор (с 1796), генерал-лейтенант (с 1898), генерал от инфантерии (с 1800), генерал-провиантмейстер. С 1819 г. губернский предводитель дворянства Московской губернии.

32 Денисов Федор Петрович (1738—1803), генерал от кавалерии. Участник русско-турецкой

1768—1774 гг., русско-шведской 1788—1790 гг. и других войн. В 1799 г. возведен в графское достоинство.

33 Мануцци — род происходит из Италии. Графский титул был присвоен Баварским курфюрстом. В 1772 г. Мануцци поселились в Польше и получили во владение староство. Павел I утвердил герб Мануцци, пожаловал Николаю Мануцци чин действительного статского советника.

34 Искрицкие — дворянский род Искрицких восходит к XVIII в. и был внесен в VI часть родословной книги Черниговской губернии.

35 Мусина-Юрьева Марфа Павловна (май или июнь 1801 — в 1803), незаконнорожденная дочь Павла I. 1 августа 1801 г. указом Александра I она возведена в дворянское достоинство, ей были пожалованы деревни в Острогожском уезде Псковской губернии. 11 апреля 1802 г. императором подписана грамота на дворянство Мусиной-Юрьевой.

36 Платов Матвей Иванович (1751—1818), генерал от кавалерии, атаман войска Донского. Участник войн конца XVIII — начала XIX вв. В 1812 г. командовал арьергардом русской армии.

37 Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), с 1797 по 1802 г. обер-прокурор Синода. В 1802 г. в чине тайного советника вышел в отставку. В 1807 г. был пожалован званием сенатора с назначением присутствовать в 4-м департаменте Сената, а в 1810 г. переведен во 2-е отделение 3-го департамента, где служил до 1831 г. В 1831 г. Хвостов произведен в действительные тайные советники и назначен присутствовать во временном общем собрании Сената.

Публикация Б. Б. ДАВЫДОВА

Письма Вука Караджича Ф. П. Аделунгу

Неберекутина Е. В., Петров Ф. А. Письма Вука Караджича Ф. П. Аделунгу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 62—63. — [Т. XII].

В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея хранятся документы выдающегося сербского филолога, историка, фольклориста, деятеля национального Возрождения Вука Стефановича Караджича (1787—1864)*.

Хорошо известны письма Вука Караджича русскому священнику М. Ф. Раевскому, опубликованные в сборнике “Зарубежные славяне и Россия” (М., 1975). В процессе научного описания фондов ОПИ ГИМ продолжают выявляться новые автографы Караджича, которые свидетельствуют о его тесных связях с деятелями русской культуры, науки и просвещения.

В 1818—1819 гг. Вук Стефанович посетил Россию, побывав в Петербурге, Москве, Киеве, Кишиневе, Новгороде, Пскове, Твери, Туле, Орле, Вильне и других городах. Он познакомился с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, И. И. Дмитриевым, К. Ф. Калайдовичем, И. Н. Лобойко, М. Т. Каченовским, Н. И. Гречем, П. И. Кеппеном, Ф. П. Аделунгом и другими. Приезд Вука Караджича в Россию совпал с активной деятельностью “Румянцевского кружка”, названного по имени его основателя — графа Николая Петровича Румянцева, который “сумел объединить вокруг себя блестящую плеяду ученых, преимущественно историков, исследовательская деятельность которых по размаху и организационным формам не имела аналогий в предшествующее время. Разыскания в архивах, археологические раскопки, этнографические наблюдения, осуществленные членами его кружка

в небывалом для того времени масштабе, увенчались великолепными изданиями нескольких десятков книг, созданием музея древностей"**. Румянцев, который вкладывал огромные средства

в разыскания и издания славянских древностей, поручил Караджичу участвовать в сборе памятников народного творчества и оказывал ему финансовую поддержку. К этому времени Вук Стефанович уже издал первый сборник "Сербских народных песен". Будучи в Москве, он познакомился с выдающимся русским исследователем славянской письменности и палеографии К. Ф. Калайдовичем.

Возвратившись из России, Вук Караджич завязывает постоянную переписку со своими многочисленными новыми русскими знакомыми. Одним из них был Федор Павлович Аделунг (1768—1843), ученый-филолог, по происхождению немец, с 1793 г. живший в России. В 1818 г. Аделунг был назначен чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел, в 1824 г. — начальником Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД и оставался в этой должности до самой смерти. Аделунг был автором многих библиографических и лингвистических исследований, в том числе: "Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языкознании" (1815) и "Обозрение всех известных языков" (1820), изданных в Петербурге на немецком языке. Он занимался также исследованием сказаний иностранцев о России.

Всего в собрании представлено 10 писем.

Первые два письма относятся в 1819—1820 гг., когда Вук Караджич находился под впечатлением от своего недавнего путешествия по России, остальные — к 1822—1823 гг.

Эти письма являются еще одним свидетельством тесных дружеских связей, установившихся между сербским просветителем и передовыми деятелями русской науки и культуры, различными российскими обществами, в том числе Петербургским обществом любителей российской словесности, почетным членом которого он был. В них отражена деятельность Вука Стефановича по собиранию, изучению, публикации и распространению памятников славянского народного творчества и, прежде всего, народного творчества Сербии. Вместе с тем, письма свидетельствуют и о значительной материальной помощи, которая оказывалась Вуку из России. Так, благодаря пособию, полученному от Н. П. Румянцева, Караджич смог в 1823—1824 гг. издать новое, расширенное собрание сербских народных песен.

Обращает на себя внимание, что письма подписаны не одинаково: в письме к Нессельроде — "Волк Степанович Караджич", в письмах к Аделунгу — "Вук Стефанович" (на русском и немецком языках). Как указывает Г. Добрашинович, родовую фамилию Караджич взял вследствие бесед в Петербурге с известным филологом П. И. Кеппеном о своей родословной*.

Письма Караджича были обнаружены научным сотрудником М. В. Фалалеевой при разборе бумаг графа А. А. Закревского (ОПИ ГИМ. Ф. 239).

Трудно сказать, каким образом попали к Закревскому письма Вука Караджича, так как среди многочисленной переписки графа писем Аделунга обнаружено не было. Можно лишь предполагать, что Аделунг хлопотал за Вука Стефановича перед Закревским, очевидно, в бытность того министром внутренних дел. Среди прошений на имя Закревского есть ходатайство серба Н. И. Депрерадовича, генерала русской службы, за А. И. Стойковича, бывшего профессора Харьковского университета, впоследствии чиновника Министерства внутренних дел (кстати, из писем самого Караджича явствует, какую неблаговидную роль сыграл Стойкович в его научно-публикаторской деятельности, предпринятой Вуком по договоренности с Российским Библейским обществом).

В целом же публикуемые ниже документы являются еще одним дополнением к обширному эпистолярному наследию ("Вуковой преписке") великого сербского просветителя.

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 28 октября 1819 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 64—65. — [Т. XII].

1

Ваше Высокородие,

милостивый и высокопочитаемый Господине!

Последнее и одиное письмо я писал Вам из Москвы! От Москвы до Киева я ехал чрез Россию 18 дней (выключая два дня, в коих я в Орловской губернии писал народные Русские песни)1, от Киева же до Бессарабской области — 10 дней. В Бессарабской области я провел в разных моих собственных делах с одноземцами моими, и собирая материал для Сербской истории нынешних времен, почти тридесят дней! Из Бессарабии, хотя уж было поздно, я непременно желал поехать, по обещанию моему, чрез Венгрию и Славонию; и для того предпринял дорогу чрез Молдавию и Валахию; но когда приехал в Яссы, дальше не мог проехать чумы ради, но был принужден возвратиться к Буковине на австрийскую границу в карантин; и таким образом совсем закоснев, поехал чрез Львов прямо в Вену, где прибыл 10-го окт(ября) по р(усскому) к(алендарю).

Теперь я занимаюсь переводом Нового завета, и по совершении его предприму и совершу наше путешествие. Между тем, я уже писал моему знакомцу в Сербию и буду непрано* стараться, чтобы где-нибудь нашел каковые Славенские древности, которые могли бы принесть радость Его Сиятельству Графу Румянцеву2, и пред вам засвидетельствовать в том мою ревность и желание.

В Львове я видел одну грамоту князя Льва, от которого имени Львов имеет свое начало и имя. Грамота сия так начинается:

“А се га князь Л?въ сн?ъ короля Данила, сгадавшися ?смо снашими бог ры гко прад?дъ нашъ цр?ь в?ликый Володим?ръ и ??ц?ъ нашъ придалъ митрополитомъ и ?пс?пмъ повс?мъ землямъ роускымъ, такожъ и мы бг?оу и прчс?тои бг?омт?ри ист?му пр?подбному ??цу Ануфрию дали ?смо монастыръ лавровъ Антонїю влд?ц? гако нашъ дядко княз в?ликый Лав?ръ придалъ оу бог?молъство поч?нши ? потока” и т. д. Описываются границы, как обычно в грамотах; а совершается: “А пис?на и дана грамота оу Пр?мышли в пятокъ мцс?га ??ктоврїа оу и днъ л?та муга ?ктоврїа оу и? дн?ъ л?та ?s??т?о (1292). а пис?цъ Захарїга Вихотъ”.

Грамота сия писана на пергаменту буквами, очень подобными церковным буквам. Она находится ныне в Львове у прокуратора монастырского и профессора догматики Гриневецкого.

Изручите, прошу покорнейше, Его Сиятельству Графу Румянцеву мое глубочайшее высокопочитание и благодарность; также и Его превосходительству г. А. И. Тургеневу3 и вашему целому дому; а любезный поздрав всем моим знакомцам и приятелям, наипаче г. Кеппену4 и г. Геце5 (которому прошу изручить и приложенное здесь письмо).

Когда улучу оказию здесь при посольстве, пришлю к Вам несколько моих словарей6 для г. Кеппена, Лобойка7, Греча8, Геце и пр.; также и для вас первое издание Сербской грамматики и II часть народных Сербских песней9.

Впрочем, вручая себя вашей милости и благонаклонности, с величайшим высокопочитанием и благодарностию пребываю

Вашего Высокородия нижайший слуга

в Вене 28ого окт(ября) 819

Вук Стефанович

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 7 марта 1820 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 65. — [Т. XII].

2

Ваше Высокородие,

милостивый Государь!

Вы изволили писать под 16го января, что я найпозше через 8 дней получу ответ от Патерсона10, но уже 28 дней, как Ваше письмо пришло здесь, и я еще никакового ответа не получил! Можно, что письмо потеряно где-нибудь на дороге; для того принужден Вас опять беспокоить, и покорнейше просить, чтобы сделали милость и напомнили об этом Патерсону, либо Попову11 и Тургеневу. Я надеюсь, что и Попов получил мое письмо от 28 окт(ября) пр(ошлого) г(ода), в котором я также просил, чтобы мне прислали один экземпляр Русского Апостола12; есть ли не совсем еще напечатан, то по крайней мере те листы, которые напечатаны.

Копытарь13 кланяется вам, он будет вам скоро писать. Прошу, чтобы засвидетельствовали мой поклон всем знакомым.

Вашего Высокородия покорнейший слуга

в Вене 7го марта 820

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 21 апреля 1822 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 65—66. — [Т. XII].

3

Ваше Высокородие,

милостивый Государь!

Смею ли я явиться вам с письмом моим? Я виноват пред вами, но чтож мне делать? Величайшая причина тому — ваши распространители слова Господня. Не довольно, что они уничтожили там праведное мое прошение, но и с переводом Нового Завета на Сербский язык обманули меня, и я не только потерял напрасно почти три года, но и долги сделал и в величайшее нещастие и отчаяние пришел. Не хочу вам больше наскучать с описанием нещастия моего, в которое они обманом своим низвергнули меня14.

Прошлого года я был в одной части Сербии и описал девять монастырей Сербских, которых описание присылаю вам для вручения Их Сиятельству Господину державному Канцлеру Графу Румянцеву. Я хотел сие описание печатать здесь для опыта, но цензура не дозволила (по щастию! ибо потом, приехав сюды, г. Кеппен сказал мне, чтобы Вы негодовали тому).

Естьли бы я имел щастие умножить сие описание и сделать его достойным полгодового путешествия, то бы я теперь просил вас для доставления мне денег за вторую половину года, дабы мог (естьли бы обстоятельства нынешней политики дозволили) продолжить (или начать?) сие, для меня и для вас толь желательное, путешествие; но так не знаю, что сказать.

Прежде два года я получил чрез г. Копытаря ваш драгоценный дар Uebersicht aller bekanten

Прежде два года я получил чрез г. Копытаря ваш драгоценный дар, Übersicht aller bekannten sprachen, за который вас покорнейше благодарю.

Ваши “Catherinens der Grob?en Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde”15 дали мне повод и пособствование написать малый додаток к Санктпетербургским Сравнительным Словарям всех языков и наречий, которого один экземпляр присылаю вам16. Также присылаю вам один экземпляр на родных Сербских сказок и загадок17.

Прошу покорнейше, чтобы сделали милость и приключенные здесь две книжки отослали в Санкт-петербургское Вольное Общество Любителей Российской Словесности, а приключенное письмо — в Пажеский Корпус г. Обреновичу18.

Я, чтобы не умереть с голоду, принужден оставить Вену, и с фамилиею своею переселиться в Венгрию, в одну деревню близ Темесвара19; но естьли вы меня удостоите какового ответа на сие письмо, то изволите отправить его чрез какого-нибудь Российского курьера в здешнюю канцелярию Российского посольства, и потом я получу его.

Вручая себя милости и благосклонности вашего высокородия, с величайшим высокопочитанием честь имею быть

Вашего Высокородия Милостивого Государя покорнейшим слугою

в Вене 21го апреля 822

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 9/21 ноября 1822 г. Темесвар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 66—68. — [Т. XII].

4

Ваше высокородие,

милостивый Государь!

Ваше дражайшее и высокопочитаемое письмо от 28го сент(ября) я получил с величайшею радостию. Паче всего меня порадовало, что ваша и Их Сиятельства Господина державного Канцлера Графа Румянцева благосклонность еще не отвращена от меня. И с такою же радостию спешу вам немедленно ответствовать на толь преважное для меня письмо:

1) Прежде всего я бы желал теперь издать большое собрание народных Сербских песней, которые бы изнесло около шестьдесят печатанных листов (Gedruckte Bogen)20; для того покорнейше прошу Их Сиятельство, чтобы милостивою своею помощию послали меня на един год, или по крайней мере на ? года, в Лейпциг, дабы мог издать сие собрание драгоценностей Сербского духа и сердца. Правда, что Сербские народные песни очень мало касаются до Русской истории, но я ласкаю себя, что они достойны издания Русского Мецената. При сем случае, естьли угодно, мог бы я печатать в Лейпциге и этот опыт описания Сербских монастырей, который до пришествия вашего письма постараюсь я здесь умножить разными Сербскими древностями.

2) По окончании печатания сих народных песней Сербских я желаю неотложно предпринять по условлению и обещанию моему путешествие чрез Далмацию, Рагузу и Боку Которскую21, Черную Гору, Герцеговину, Южную часть Сербии и (естьли возможно будет) Афонскую гору и Болгарию. Во всех тех странах я бы желал: а) описать все монастыри, подобно тому малому опыту, присланному вам мною прежде; б) искать как в монастырских и церковных, так и в прочих библиотеках, не обретаются ли где-нибудь каковые древние рукописи, интересные для

Славянской литературы или Русской Истории; и таковые рукописи (якоже и давно печатанные и редкие книги) покупать по условлению;

в) замечать о География и Статистике тех стран, а особливо о различии Славянских наречий и о народных обычаях. Теперь я не могу сказать, будет ли какова корысть от сего путешествия для Истории Русской, но вообще для Истории Славянской будет непременно.

В. С. Караджич

3) По совершении же сего путешествия, аще бы и далее имел честь и щастие быть участником благодеяния Русского Мецената, тогда бы желал жить в Вене и извещать его о издаваемых книгах на Сербском и Бемском* языках и приготовлять к изданию собранные в путешествии сем материалы.

Это мои литературные планы и литературные дела, которые бы желал предпринять и совершить за (счет) Их Сиятельства Графа Румянцева; а касательно времени, я готов завтра предпринять 1ое, а потом неотложно 2ое.

Господин Кёппен писал мне, как вы за меня говорили Библейскому Обществу22, за которое вас покорнейше благодарю. Я подлинно получил 2.000 рублей; и думаю, что и они давно уже получили мой перевод. Дай Бог, чтобы я и следующие мне еще 2.000 рублей скоро получил, а их да умудрит необходимая сила духа святого!

Вручая себя милости и благосклонности вашего высокородия, с величайшим высокопочитанием честь имею быть

Вашего Высокородия покорнейшим слугою

в Темесваре 9/21 ноября 822

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 22 февраля/6 марта 1823 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 68. — [Т. XII].

5

Ваше Высокородие,

милостивый Государь!

На высокопочтенное и для меня приятнейшее письмо ваше от 28 сентября я имел честь ответствовать вам из Темесвара под 9/21 ноября, и в скором времени надеюсь получить благоприятный ответ.

По отправлении к вам последнего письма моего я имел щастие найти прилагаемую у сего старинную Сербско-Славянскую книгу (ліргіє)*, напечатанную в Венеции 1519 лета, которую теперь имею честь препроводить к вам для доставления оной Его Сиятельству Господину Государственному Канцлеру Графу Николаю Петровичу Румянцеву. Я почту себе за величайшее щастие, естьли сия посылка моя принесет Его Сиятельству хотя малейшее удовольствие. Имею еще несколько менее важных новейших Славянских и Сербских книг, которые должен переслать к Его Сиятельству; сии в последствии времени доставлены будут с другою оказиею.

Поручая себя вашей милости и благосклонности, с отличным высокопочитанием честь имею быть, Милостивый Государь

Вашим покорнейшим слугою

в Вене 22 февраля / 6 марта 823

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 8/20 марта 1823 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 68. — [Т. XII].

6

Ваше Высокородие,

милостивый Государь!

Знаменитый Сербский Славянин, Свято-Георгиевского (в Банате23 Темесварском сущего) монастыря архимандрит Господин Павел Кенгелац24 отдал мне у сего прилагаемые две свои славянские книги (“Естествословие” и “Бытиясловие”) для прислания Его Сиятельству Господину Государственному Канцлеру Графу Николаю Петровичу Румянцеву, которые теперь вместе с Беседовником Иллирично-Италиянским и Поминаком книжеским** о Славено-Сербском в Млетках печатании, честь имею препроводить к Вам для доставления оных Его Сиятельству. Помянутый архимандрит Кенгелац сочинил также Церковную Историю, которой первая часть в скором времени начнется печатать здесь.

Поручая себя Вашей милости и благосклонности, с отличным высокопочитанием честь имею быть, Милостивый Государь

Вашим покорнейшим слугою

в Вене 8го / 20го марта 823

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 2/14 апреля 1823 г. Лейпциг // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 69—71. — Из содерж.: Караджич В. Письмо графу Нессельроде, 2 марта 1823 г. Вена. — С. 70—71. — [Т. XII].

8

Ваше высокородие,

милостивый Государь!

На выше высокопочтенное и надежды полное письмо от 3го марта честь имею вам ответствовать, что мое собрание народных Сербских песней будет около 60 напечатанных листов (Gedrukte Bogen) велико. Все сии песни я разделил на три части (почти однакой величины): в первой части будут любовные и прочие женские песни, которых числом будет около 450; во второй части будут героические песни древнейших времен (до употребления праха пушечного); в третьей части будут героические песни позднейших времен (от употребления пушечного праха до нынешнего времени). Для печатания третьей части нынешний Князь Сербский Милош Обренович27 послал мне несколько денег, с которыми я, наипаче уповая на милостивую помощь Его Сиятельства Господина Графа Николая Петровича Румянцева, прежде несколько дней приехал сюда; и чрез 10 дней третья часть начнет печататься в типографии Брейткопфа и Гертла.

Для печатания же первой и второй частей, которые будут велики, около 40 напечатанных листов, нужно мне 150 #*, и мне на содержание здесь между тем по крайней мере толико: итак, со всем нужно мне 300 червонцев, о которых всепокорнейше прошу Его Сиятельство, и твердо надеюсь с первым письмом получить от вас вексель (в противном случае, ей Богу! я пропаду здесь).

По совершении же здесь сего дела я желаю непременно (будущего 824 года в месяце апреле) предпринять путешествие чрез Далмацию, как я писал вам из Темесвара под 9ым ноября прошлого года.

Еще единою просьбою осмеливаюсь вам наскучить. Вы знаете, что мое величайшее желание было и ныне есть — обеспечить домашние потребы мои пенсиею Императора Российского. С тем намерением отдал я в Вене 2го марта (сего года) Господину Татищеву на Графа Нессельроде одно письмо, с которого прилагаю вам у сего копию. Господин Татищев обещался мне непременно отправить оное в С. Петербург. Смею ли чрез вас всепокорнейше просить Его Сиятельство Господина Графа Румянцева, дабы единою милостивою строкою благоизволили препоручить меня Графу Нессельроде? Милостивым исполнением сей всепокорнейшей просьбы Они даруют мне и бедному семейству моему, и всем моим литературным намерениям новую щастливую жизнь. Тогда я с усугубленною радостию остаток дней моих посвящу воле Его Сиятельства. Известная мне ваша милостивая благосклонность и участие в моем щастии и нещастии уверяют меня, что вы со всех сторон постараетесь, чтобы мое прошение и величайшее желание не осуетилось*.

Я надеюсь, что вы получили мои посылки из Вены от 22 февраля / 6 марта и 8/20 марта.

Прошу покорнейше, чтобы мне как можно скорее ответствовали на сие письмо (meine Briefe, bitte ich, in zukunft entweder an den Breitkopf & Hartel, oder (was vielleicht am besten ware) an den hiesigen ru?ischen Konsul zu schicken)**.

Поручая себя вашей милости и благосклонности, с отличным высокопочитанием честь имею быть, Милостивый Государь,

Вашим покорнейшим слугою

в Лейпциге 2/14 апреля 823

Вук Стефанович

Копия (графу Нессельроде).

Ваше Сиятельство,

милостивый Государь!

Особенная любовь к изучению Славянских языков побудила меня к сочинению первого Словаря и Грамматики Сербского языка, к собиранию народных Сербских песней и к сочинению Додатка к Санктпетербургским сравнительным Словарям всех языков и наречий вместе с опытом о Болгарском языке. Желание продолжать сии упражнения до конца жизни моей, побудило меня отправиться в Россию. Там я надеялся получить средства, которые, обеспечивая остаток дней моих и семейство мое от нужных потреб, поставили бы меня в состояние прилежно продолжать мои упражнения.

Но, к сожалению, сладчайшие мои надежды, как известно Вашему Сиятельству, тогда остались не исполнены; теперь же, угнетаем будучи нуждою, я должен оставить ученые упражнения.

В таковом положении еще един раз осмеливаюсь, чрез посредство Вашего Сиятельства, прибегнуть к великодушию Его Императорского Величества, как Царя величайшего из

Славянских народов, испрашивая средства, которые, обеспечивая домашние потребы мои, возвратили бы меня опять моим литературным упражнениям.

Сколько из моих одноземцев обязаны продолжением существования своего милости Императора Александра28, пользуясь ежегодным пособием! И я не осмелился бы просить Ваше Сиятельство о споможении сего рода, естьли бы меня надежда не оживляла, что мои донынешние занятия в России удостоились благосклонного внимания.

Могу ли я послужить России как чиновник при какой-нибудь миссии в наших краях, то я почту величайшим щастием, естьли Вашему Сиятельству угодно будет располагать мною по вашему произволению; естьли же я в сем отношении не могу быть полезен, то всепокорнейше прошу о милостивом годовом вспоможении, чем Ваше Сиятельство меня и мое семейство навеки обяжете.

Представляя у сего копии с имеющихся у меня аттестатов, с глубочайшим высокопочтением имею честь быть, Милостивый Государь,

Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою

в Вене 2го марта 823

Волк Степанович Караджич

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 7 мая 1823 г. Лейпциг // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 69. — [Т. XII].

7

Ваше Высокородие,

милостивый Государь!

Я имел честь получить высокопочтенное письмо ваше от 21 апреля с приключенным векселем от пятьсот рублей и письмом Его Сиятельства Графа Николая Петровича Румянцева. Можете себе легко представить, какую радость нечаянную принесло мне сие письмо ваше! Никогда я не могу довольно благодарить Его Сиятельство и вас; но щастием почту показывать вам знаки благодарности моей. Я почел долгом Его Сиятельство сам благодарить в приключенном у сего письме; прошу же и вас покорнейше засвидетельствовать Ему мою бесконечную благодарность.

Мне очень жалко, что я вас так обеспокоил моим последним письмом, и, вместо другого оправдания, прошу покорнейше о милостивом извинении. Вы же очень хорошо и умно сделали, что не просили у Его Сиятельства больше 150 червонцев.

Прошу покорнейше, чтобы вы не предали совсем забвению и оное прошение мое, касательно прошения, преданного мною Господину Татищеву26 на имя Его Сиятельства Графа Нессельроде26. Об этом я также при сем случае писал и Его Сиятельству Графу Румянцеву.

Смею ли я напечатать здесь посланный вам мною начаток описания Сербских монастырей? Напечатан сей начаток, много бы мне пособствовал в будущем моем путешествии.

Поручая себя вашей всегдашней милости и благосклонности с глубочайшим высокопочтением и благодарностью честь имею быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокородия покорнейшим слугою

Лейпциг 7 мая 823

в Лейпциге 7го мая 823

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 10 мая 1823 г. Лейпциг // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 71—72. — [Т. XII].

9

Ваше Высокородие,

милостивый Государь!

На высокопочтеннейшее письмо ваше от 21го апреля я имел честь ответствовать вам 7го, а 8го получил ваше другое от 24го апреля! И понеже я тогда писал, как вы увидите, и Его Сиятельству Графу Румянцеву, то теперь уж не можно делать ничего больше. Хотя это решение Его Сиятельства не соответствует довольно моим надеждам и потребам и вашему ожиданию, то я благодарен и на этом, и должен быть задоволен. Вам же особенно я остаюсь одолжен вечною признательностию, ибо я совершенно уверен о вашей милостивой ко мне благосклонности и о участии в моей судьбе; а знаю, как трудны и беспокойны комисионы сего рода.

Письмо архимандриту Кенгелацу (для которого наипаче так немедленно и ответствую вам) можно отправить под следующим адресом: Sr Hochwurden Herren Paul Kengelatz, Archimandriten zu St. Georg Kloster, im Banat.

pr. Wien

— Ofen29

— Temesvar*

Касательно же пределащения* (Pranumeration**) на Церковную историю Архимандрита Кенгелаца, я думаю, что наилегче будет чрез г. Копытаря, который также может Вас наилучше известить, предана ли уже сия история в печатню или еще нет.

Прошу покорнейше засвидетельствовать мое глубочайшее высокопочитание и благодарность Его Сиятельству Графу Румянцеву и уверить Его, что я всегда величайшим щастием почту послужить Ему в чем-нибудь.

Поручая вашей всегдашней милости и благосклонности, с глубочайшим высокопочтением и признательностью честь имею быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокородия покорнейшим слугою

в Лейпциге 10го мая 823

Вук Стефанович

Караджич В. Письмо Аделунгу Ф. П., 8/20 сентября 1823 г. Лейпциг // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 72—73. — [Т. XII].

10

Ваше высокородие,

Милостивый Государь!

Милостивый Государь!

Auf den letzten unter 24. April an mich gnadigst erlassenen Brief habe ich die Ehre gehabt unter 10.

May gehorsamst zu antworten. Hierauf habe ich die Ehre gehabt unter 10/22 July Ihnen ein Manuskript die serbische Geschichte betreffend durch den russischen General-Consul in Memel zu uberschicken, von wo aus ich benachrichtet worden bin, da? dieses Manuskript Ihnen sicher zugestellt worden sey. Da ich aber von Ihnen eine solche geraume Zeit gar keine Antwort erhalten habe, so befurchte ich bey Ihnen in Ungnade gefallen zu sein, was ich fur mein sehr gro?es Ungluck rechnen mu?te. Au?er Empfang und Folge dieses Manuskriptes wunschte ich von Ihnen sehr gerne zu erfahren, welche Beraednie? es mit jenen von dem Grafen Rumjanzoff fur mich entschiedenen 500 Rubeln habe, die ich seit dem Empfange Ihres letzten Briefes alle Tage mit gro?ter Sehnsucht erwarte, wie auch etwas uber meine Bittschrift, welche ich dem Herren v. Tatischtschev an den Herren Grafen v. Nesselrode eingereicht habe?

Das diese meine Bittschrift nach Petersburg gekommen sey zweifle ich nicht, nur mochte ich wissen, wie dieselbe aufgenommen worden, und ob mich der Graf Rumjanzoff dem Grafen Nesselrode empfohlen hat?

Schlie?lich habe ich die Ehre einen Zettel von Herren Doctor Vater in Halle, mit dem ich diese Tage geschrieben habe, beizulegen. Empfehle mich der gnadigen gewogenheit in der Hoffnung baldigst mich einer gnadigen Antwort zu enfreuen.

Eurer Hochgebohren

Leipzig den 8/20 Sept. 823

unterthanigster Diener

Wuk Stephanowich

Перевод***

На последнее письмо, милостиво направленное мне 24 апреля, я имел честь покорнейше ответить 10 мая. Одновременно я имел честь переслать Вам от 10/22 июля рукопись, посвященную Сербской истории, через русского генерал-консула в Мемеле30, где мне сообщили, что эта рукопись наверняка Вам доставлена. Но так как я от вас в течение такого продолжительного времени не получил ответа, то боюсь, что впал к Вам в немилость, что должен был бы признать моим очень большим несчастием. Сообщите мне, получили ли Вы эту рукопись и какого Вы мнения о ней. Кроме того, я очень хотел бы от Вас узнать, что это за 500 рублей, которые мне определены графом Румянцевым, и которые я с момента получения Вашего последнего письма ожидаю каждый день с огромнейшим нетерпением, так же как и что-либо о моем прошении, которое я подал через господина Татищева господину графу Нессельроде. Я нисколько не сомневаюсь в том, что мое прошение дошло до Петербурга, я только хотел бы знать, как оно воспринято и рекомендовал ли граф Румянцев меня графу Нессельроде. В завершение я имею честь приложить записку господина доктора Фатера31 из Галле, с которым я эти дни переписывался.

Прощаюсь с милостивою благосклонностью с надеждой на скорейшую возможность порадоваться милостивому ответу.

Вашего высокородия покорнейший слуга

Лейпциг, 8/20 сентября 823

Вук Стефанович

Неберекутина Е. В., Петров Ф. А. Примечания: Письма Вука Караджича Ф. П. Аделунгу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 73—75. — [Т. XII].
Текст писем публикуется с сохранением языковых и стилистических особенностей автора.

1 Как указывают П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов, “возвращаясь из России, Вук Караджич на два дня задержался в деревне Полива Орловской губернии. Здесь он записал несколько русских народных песен непосредственно со слов русских женщин и девушек...” (Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975. С. 126).

2 Румянцев Николай Петрович (1754—1826), граф, канцлер, русский государственный деятель и дипломат. Коллекционер и меценат, основатель знаменитого “Румянцевского музея”.

3 Тургенев Александр Иванович (1784—1845), историк, писатель, общественный деятель. В 1810—1824 гг. — директор Департамента Главного управления духовных дел и иностранных вероисповеданий. Занимался археографическими изысканиями в крупнейших библиотеках и архивах Европы по истории политических связей России со славянскими и другими странами.

4 Кёппен Петр Иванович (1793—1864), библиограф, археограф, филолог, географ, этнограф. Деятельный организатор славистических исследований; один из учредителей в 1816 г. Вольного Общества любителей российской словесности, активный деятель “Румянцевского кружка”. В 1821—1824 гг. одним из первых русских филологов совершил путешествие с научными целями в Западную Европу, где, в частности, встретился с Караджичем.

5 Гёце (Gotze) Петр Отто фон (1793—1880), поэт, публицист, переводчик. В указанный период чиновник Департамента иностранных вероисповеданий Министерства духовных дел и народного просвещения. В 1827 г. издал сборник переведенных на немецкий язык сербских народных песен.

6 Имеется в виду “Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским рјечима скупио и на свијет издао Вук Стефановић (у Бечу. 1818)”. В предисловии к словарю была помещена “Сербская грамматика”, переведенная Я. Гриммом на немецкий язык в 1824 г.

7 Лобойко Иван Николаевич (1786—1861), историк, литературовед, лингвист; член Вольного общества любителей российской словесности. В 1815—1821 гг. — чиновник разных ведомств в Петербурге, в 1822—1832 гг. — профессор Виленского университета, где преподавал русскую литературу и сравнительное языкознание.

8 Греч Николай Иванович (1787—1867), журналист, писатель, филолог. В 1812—1839 гг. издавал журнал “Сын Отечества”. Автор учебников по русской словесности, “Записок о моей жизни”.

9 Имеются в виду “Письменица српскога језика по говору простога народа (Вена, 1814)” и “Народна србска песнарица. Ч. II У Виени. 1815”.

10 Патерсон Джон, английский пастор, член Британского библейского общества и инициатор учреждения Российского библейского общества, в котором заведовал книгохранилищем и типографией.

11 Попов Василий Михайлович (1771—1842), директор Департамента народного просвещения Министерства духовных дел и народного просвещения; вместе с А. И. Тургеневым был секретарем Российского библейского общества.

12 Очевидно, имеется в виду Евангелие, изданное Российской Академией наук в 1819 г. (1-е изд. — 1818) с присоединением к нему Деяний Апостолов.

13 Копитар Варфоломей (1780—1844), словенский филолог-славист, ученик Добровского, библиотекарь придворной библиотеки в Вене, один из деятелей словенского культурно-национального возрождения; с 1826 г. — член-корреспондент Российской Академии наук.
14 Как указывал Л. Каравелов, сделанный Караджичем “перевод, отосланный в Петербург, Библейское Общество отдало Стойковичу, родом сербу, чтоб он сверил его с оригиналом. Стойкович объявил Обществу, что перевод никуда не годится, взялся переводить сам, переделал Вуков перевод и напечатал в 1824 г. в С.-Петербурге. А в 1834 г. в Лейпциге Вук издал отрывки из своего перевода под заглавием “Versions Novi Testamenti serbicae spesimen” с предисловием филолога Фатера” (Каравелов Л. Вук Стефанович Караджич. М., 1867. С. 8).

15 ”Обозрение всех известных языков (нем.) и “Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языкознании” (нем.).

16 Имеется в виду “Додаток с Санктпетербургским сравнительним рјечницими сви у језика и нарјечи а с особитим огледима Бугарского језика; написао Вук Стефанович у Бечу (1822)”.

17 Имеется в виду “Народне српске приповијетке, написао Вуком Стефановичем (у Бечу, 1821)”, в конце книги были помещены сербские загадки.

18 В книге “Пажеский Его Императорского Величества Корпус за сто лет. 1802—1902” (Сост. Д. М. Левшин. СПб., 1902. С. 277) упоминается Обренович, выпущенный 16 июня 1822 г. из прапорщиков в конно-артиллерийскую № 29 роту.

19 Ныне г. Тимишоара (Румыния).

20 Имеется в виду “Народне Српске њесме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Кн. I, II, III у Липисци. 1823—1824”.

21 Бока Которская — Которская бухта, залив Адриатического моря в Черногории.

22 Библейское общество, религиозно-общественная организация в России. Создано в декабре 1812 г. по инициативе Британского библейского общества. В 1814 г. преобразовано в Российское библейское общество. Президент — А. Н. Голицын, секретари — А. И. Тургенев и В. М. Попов. Занималось распространением Библии. В 1823—1824 гг. выпустило Новый Завет на сербском языке. Закрыто в 1826 г.

23 Историческая область в юго-восточной Европе, с 1718 г. — под властью Австрии, с 1866 г. — Австро-Венгрии. В настоящее время западная часть Баната (Воеводина) входит в состав Сербии, восточная — в состав Румынии.

24 Кенгелац Павел (1770—1834), учился в Петербурге в семинарии при Александро-Невской лавре, первым из сербов получил степень доктора богословия. С 1798 г. — архимандрит; настоятель Свято-Георгиевского монастыря. В сербской литературе получил известность двумя книгами “Естествословие” и “Всемирное Бытиясловие” (Ч. I), из данными в 1811 и 1821 гг. в Будином граде. Из его сочинений, оставшихся в рукописи, известность получила “Церковная история” (см.: Кулаковский Платон. Вук Караджич, его деятельность и значение в Сербской литературе. М., 1882. С. 247).

25 Татищев Дмитрий Павлович (1767—1845), действительный тайный советник, обер-камергер, член Государственного совета, сенатор, чрезвычайный посланник при разных дворах. С 1822 г. выполнял различные дипломатические поручения в Вене, в 1826—1841 гг. — чрезвычайный и полномочный посол при Венском дворе.

26 Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, министр иностранных дел России (1816—1856).

27 Милош Обренович (1780—1860), сербский князь в 1815—1839 и 1858—1860 гг. Основатель династии Обреновичей.

28 Александр I (1777—1825), император России с 1801 г.

29 Офен — немецкое название Буды, исторического района г. Будапешта.

30 Мемель — город в Восточной Пруссии. Ныне — г. Клайпеда (Литва).

31 Фатер Иоганн Северин (1771—1826), немецкий филолог и богослов; автор предисловия к переводу Нового Завета, осуществленного Вуком Караджичем.

Публикация Е. В. НЕБЕРЕКУТИНОЙ, Ф. А. ПЕТРОВА

Письмо М. Ф. Орлова к брату, А. Ф. Орлову

Орлов М. Ф. Письмо брату, Орлову А. Ф., 14 ноября 1822 г. Киев / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 75—78. — [Т. XII].

Автор публикуемого письма — известный декабрист, генерал-майор Михаил Федорович Орлов (1788—1842), участник наполеоновских войн 1805—1814 гг. (2 апреля 1814 г. подписывал с русской стороны акт о капитуляции Парижа), дипломат, экономист и военный историк. Хорошо известен М. Ф. Орлов и по биографии А. С. Пушкина, которому покровительствовал в 1820 г. в Кишиневе.

Письмо, адресованное брату Алексею Федоровичу Орлову — относится к периоду так называемого "дела В. Ф. Раевского", приведшего в апреле 1823 г. к отставке и опале М. Ф. Орлова.

В 1820 г. М. Ф. Орлов был назначен начальником 16-й пехотной дивизии, стоявшей в Кишиневе. Находясь на этом посту, он уделял много внимания смягчению положения нижних чинов, упорно, хотя и без особого успеха, принуждая офицеров к отказу от "палочной дисциплины", а также всемерно поощряя деятельность ранее заведенной при дивизии школы, основанной на модном тогда методе взаимного ("ланкастерского", по имени создателя) обучения. Во главе школы Орлов поставил майора В. Ф. Раевского, человека радикальных взглядов и активного участника "Союза Благоденствия".

В конце 1821 г. в одном из полков дивизии Орлова, Камчатском, произошел "маленький бунт": ротный командир Брюхатов захотел присвоить себе солдатские деньги, но каптенармус отказался ему их отдать. Решением Брюхатова каптенармус был наказан телесно, несмотря на просьбы отменить наказание. В результате четверо рядовых вмешались в проведение экзекуции и отобрали палки у унтер-офицеров.

Орлов приказал произвести официальное расследование, а сам уехал в ранее запланированную поездку в Киев. Этим отсутствием воспользовался давно не любивший Орлова и недовольный его действиями корпусной командир генерал-лейтенант И. В. Сабанеев, чтобы вмешаться в расследование и раздуть "дело". Самовольство солдат было объяснено попустительством Орлова, развалившего дисциплину в дивизии, а также злокозненной пропагандой скоро арестованного Раевского (последнее отчасти соответствовало действительности).

Дело тянулось почти полтора года. Орлов требовал формального суда, "вопросных пунктов", надеялся оправдаться, но так ничего и не добился. Вплоть до 1825 г., до дела о 14-м декабря, к которому он был привлечен, он оставался "состоящим по армии".

Письмо публикуется по автографу из собрания П. И. Бартенева (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 677). На листе сверху помета карандашом рукой П. И. Бартенева: “отец Ник. Мих. жен. на О. П. Кривцовой”, что дает основание предположить, что автограф попал в руки Бартенева от Ольги Павловны Орловой (урожд. Кривцовой) (1838—1926), вдовы сына М. Ф. Орлова — Николая Михайловича (1822—1886), много делавшей для опубликования фамильного архива.

***

Любезный друг и брат1, посылаю к тебе важнейшую выписку из всего моего дела. Ты увидишь, что один только личный враг мог придраться к таким пустякам и сделать из мухи слона; важного ничего нет. Вот тебе слово честное и рука честного человека.

Сабанеев2 думал, что одним ударом меня сшибет. Ударил и подул в пальцы. Сам себя ушиб. Он надеялся, что при первом случае я отклонюсь от командования дивизии и испугаюсь, но я сам требовал исследования, и он взялся за клевету.

Я удивляюсь, как поверили человеку, которого жизнь состояла из низкого раболепства к правителям и дерзкого негодования на правительство. Конечно, что Раевский говорит о Семеновском деле3, не может сравниться с тем, что врал сам Сабанеев. Это раз. Конечно — мои приказы не могут дойти до его приказов. Это два. Конечно, мои слова не были никогда, даже в моей молодости, ни столь резки, ни столь дерзки, как его. Это три. Поверишь ли, например, что он официально мне писал, что занятия фрунтовые ничто иное, как вздор, один вздор без всякой пользы? Я имею честь его знать семь лет и тогда и теперь все один человек. Кричит за глазами и дрожит перед глазами. Говорит о чести и пользе общей — ищет денег, аренду и пользу собственную. Гонит самолюбие в других, а сам самолюбивей всех на свете.

Впрочем, оставь все сие для себя. Будет время для всего. Пускай он хлопочет, ничего не найдет, и ежели Государь предал сие дело рассмотрению, я совершенно покоен. Ты читал все, что написано в газетах. Консулы в Одессе писали к их Министрам. Везде поднялся голос клеветы и раздались слухи о деле. В чужих краях возродили недоверие к положению России, внутри невыгодные толки о тайных обществах, которые бы никогда не должны дойти до народа, — все это — последствия одной ненависти ко мне. Но я надеюсь, что возмездие будет хорошо, когда узнал не только, сколько надписал вздору и вреда, но сколько еще раз он перешел данную ему власть. Еще раз, я это докажу, но ничего не говори никому. Я взял средство умеренности и умеренностию должно дело кончить. На словах тебе много перескажу.

М. Ф. Орлов

Отвечай с куриером, как, когда и где увидимся. Я на все готов.

Прощай, твой брат Михаил

Сего 14 Ноября 1822

Киев

P. S. Прими хорошо подателя сего письма г. Винцкевича.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), брат М. Ф. Орлова, генерал-майор; впоследствии граф и князь, генерал от инфантерии, шеф жандармов и начальник III отделения.

2 Сабанеев Иван Васильевич (1770—1861), генерал-лейтенант, командир 6-го пехотного корпуса, непосредственный начальник М. Ф. Орлова. Вел расследование о деятельности В. Ф. Раевского (1795—1872).

(1103 — 1812).

3 В октябре 1820 г. первая рота л.-гв. Семеновского полка, возмущенная наказаниями и придирками полкового командира, “аракчеевца” Ф. Е. Шварца, вышла из повиновения и была заключена в Петропавловскую крепость, куда затем добровольно последовали под арест остальные нижние чины полка. Этот эпизод, долго потом расследовавшийся на предмет выявления офицеров-подстрекателей, получил название “Семеновское дело” или “Семеновская история”. По этому поводу “майор Раевский, командуя 9-ю ротою 32-го егерского полка и прочитывая происшествие Семеновского полка, говорил: “Вот, ребята, как должно защищать свою честь, и если кто вас будет наказывать, то выдьте 10 человек вперед и, уничтожа одного, спасете двести” (Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск. 1980. С. 169).

Публикация В. БОКОВОЙ

Неизвестный донос М. К. Грибовского о тайном обществе

Грибовский М. К. Неизвестный донос о тайном обществе / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 78—84. — [Т. XII].

В мае 1821 г. Александру I был представлен через генералов А. Х. Бенкендорфа и И. В. Васильчикова донос на “Союз Благоденствия”, составленный библиотекарем Гвардейского Генерального штаба Михаилом Кирилловичем Грибовским (1786 — после 1833). Литератор, сотрудник “Военного журнала” и “Украинского вестника”, автор “Исторических замечаний о Малороссии от смерти гетмана Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения”, протеже и приятель Ф. Н. Глинки и знакомый многих других декабристов, Грибовский был человеком, действительно хорошо осведомленным о деятельности тайных обществ, и уже с осени 1820 г. по собственной инициативе стал сотрудничать с властями. Его майский донос (1821 г.), содержавший подробный рассказ о возникновении, структуре и целях тайного общества, а также список ряда его членов, неоднократно публиковался* и прочно вошел в научный оборот.

Гораздо менее известны донесения, составленные “вдогонку” первому, в конце мая — начале июня 1821 г. Три из них сохранились в фонде графа Бенкендорфа (ГАРФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 142), два были опубликованы в 1991 г. А. В. Семеновой**. Остающийся третий (первый из трех) предлагается вниманию читателей.

Публикуемый документ это и живое свидетельство разговоров, ведшихся в недрах тайного общества и демонстрирующих очевидную тактическую установку на дискредитацию носителей верховной власти, но также и свод “исторических анекдотов”, записанных по горячим следам и практически не встречающихся в других источниках. Цифрами, поставленными в конце каждого сюжета, Грибовский обозначал “объекты наблюдения”, следуя тому порядку, в котором они располагались в майском донесении. Под № 1 подразумевается Н. И. Тургенев, № 2 — Ф. Н. Глинка, № 3 — А. Ф. Бриттен.

Текст документа публикуется в современной орфографии с сохранением языковых и стилистических особенностей автора.

***

Здесь излагается только содержание некоторых рассказов и, сколько возможно, удержаны подлинные выражения, но телодвижения, но тон, которые так много придают силы рассказу, не могут быть описаны. К каждому делаемы были примечания, суждения и пр., которые легко отгадать.

1. Бенкендорф. Император, проезжая в первый раз через Киев, принял известие о открытии тай-

1. Государь император, проезжая в первый раз через Киев, пришел к известному отшельнику под чужим именем, но тот, узнав его, дал совет — слово в слово данный Вассианом Грозному, и “бриллиантовый крест на клобуке был возмездием благого совета и скромности отказавшемуся

от сует мира”1. (По словам 1 и 2-го.)

2. Е(го) И(мператорское) В(еличество) занимается часа по два утром у туалета, носит шнуровки, при нем возятся различные составы, как-то, вода, чтоб росли волоса, чтоб лучше стояли, и пр.; после обеда проводит в назначении караулов, присовокупя к сему развод, занятия о выправке и равнении солдат, о переменах формы крагов, улучшении покройки мундиров; будет ли свобода заниматься гражданскими делами? Беда к(нязю) П(етру) М(ихайловичу) В(олконскому)2, если во время туалета камердинер неосторожно дернет или неловко что подаст. (№ 1)

3. По занятии в 1814 году Парижа услышали однажды необыкновенный шум в саду, принадлежавшему к дому, занимаемому Е(го) И(мператорским) В(еличеством). Бросились туда, узнали, что В(еликий) К(нязь) Ц(есаревич) К(онстантин) командовал вдруг по-русски, польски, французски и пр., а Е(го) В(еличество) и В(еликие) К(нязья) Н(иколай) и М(ихаил) П(авловичи) маршировали. (№ 1)

4. Там же Е(го) И(мператорское) В(еличество) был недоволен на В(еликого) К(нязя) К(онстантина) П(авловича). Последний посылает вдруг на ближнюю Английскую караульню за барабаном, начинает бить поход и маршировать; Е(го) В(еличество) приходит в восхищение, и мир заключен на барабане. (№ 1)

5. Во время войны рассматривали в Военном Совете, державном в Берлине, карту. Н. Г. Ш.3 и Е(го) И(мператорское) В(еличество) подошел туда, но Е(го) В(еличество), оборотясь вдруг, дал ему щелчок в нос и закричал: “тебе что за дело, д...?” (№ 1)

6. Е(го) И(мператорское) В(еличество), смотря однажды из окна на набережную, увидел прекрасную женщину, за которою шли два лакея.

— В(олконски)й! Кто это такая?

К(нязь): Верно, знатная дама?

Г(осударь): Неправда! это б...ь, приехавшая из Польши.

К(нязь): Такова же, как и все ее землячки...

Не успел он окончить последних слов, как получил страшную оплеуху, а Г(осударь) И(мператор) продолжал равнодушно смотреть в окно. Причиною сему тогдашняя связь с М(арией) А(нтоновной) Н(арышкиной)4. (№ 1 и 2-й)

7. По возвращении графа П. А. Толстого5 из Франции, Г(осударь) И(мператор) сказал ему: “Граф! Вы много писали такого, чего не следовало. Не надобно забываться!”

Т(олстой): Долг мой был то делать. Долгорукий6 говорил более Петру Великому.

Г(осударь): А, граф! Я не Петр, а вы не Долгорукий!

Т(олстой): Если Вашему Величеству не угодно быть Петром, так позвольте же мне остаться навсегда Долгоруким. (№ 1)

8. Министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский7 на просьбу об увольнении получил ответ: “Я министров не ношу в кармане; обождите, найду другого”. (№ 1)

9. Когда прибыл первый курьер с известием о перевороте в Испании8, то Г(осударь) И(мператор)

воскликнул: “неожиданный удар!”, и от сильного волнения получил лихорадку, что и было причиною, по которой никто не принят в наступивший за тем праздник. (№ 2)

10. Ее И(мператорское) В(еличество) Вдовствующая Государыня оказывает самое нежное материнское попечение: когда Г(осударь) И(мператор) у нее кушает, то к столу бывают приглашены те дамы, кои приглянулись более. (№ 1 и 2)

11. О Синявине9 Г(осударь) И(мператор) отзывается: “он честный и отличный человек, но не по мне”; о Закревском10: “это чурбан, способен только сидеть и писать”. (№ 1 и 2)

12. Е(го) И(мператорское) В(еличество) умеет обворожить приемом, и тот, кто обманувшись сим, скажет правду, тогда же погиб. (№ 1 и 2)

13. Возвратясь после Ахенского Конгресса11, Е(го) И(мператорское) В(еличество) разговаривал с А. Орловым12. Сей, между прочим, сказал: “Государь! зачем Вы ездите к полякам? Зачем пишете такие милостивые благодарственные манифесты?”

Г(осударь): Мне надобно было благодарить. Не напишешь ли ты Михайле13 благодарности, когда он примет тебя хорошо в Киеве? Я то же сделал.

О(рлов): Государь! Но кто может любить вас так, как русские? Когда москвичи услышали о покушении захватить вас на дороге в Брюссель14, они в исступлении кричали: “какой народ дерзнет и помыслить о сем?”

Г(осударь) И(мператор), вне себя, проливая слезы, обнимал Орлова и с чувством сказал: “чем заплачу народу за любовь его? Алексей! говори мне всегда правду, будь истинный друг”.

№ 1-й, рассказывая сие, прибавил: “для параллели расскажу теперь, как любит Он правду. Когда А. Орлов возвратился из Берлина, Е(го) И(мператорское) В(еличество) спросил: “Что говорит Гнейзенау15 о военных поселениях?”

О(рлов): Это новые стрельцы.

Г(осударь) И(мператор) вышел из себя, с негодованием закричал: “Ты смеешь это сказать?” (№ 1)

14. Ермолов16, откланиваясь при отъезде в Грузию, плакал и сожалел, что лишается счастия наслаждаться лицезрением Е(го) В(еличест)ва.

Г(осударь) И(мператор) вдруг спросил: “Правда ли, А(лексей) П(етрович), что ты плачешь, когда хочешь?”

Е(рмолов): Государь! Я — человек Вашего веку! (№ 1)

15. Щербинин17 находился в свите Е(го) В(еличества) при обозрении Финляндии. Как К(нязь) В(олконский) всегда утомлен и весьма занят приказами, а Соломка18 в состоянии рассуждать только с лошадьми, то Е(го) В(еличество) со скуки спросил однажды за столом Щербинина: “Каково в Персии? Я думаю, она счастлива?”

Щ(ербинин): Народ самой бедной и угнетенной.

Г(осударь): Отчего?

Щ(ербинин): Ужасный деспотизм. Шах не щадит никого и ничего; никто не обеспечен ни в жизни, ни в собственности.

Г(осударь): А!.. Деспотизм, — и, нахмурясь, замолчал.

Толчок, полученный Щербининым в ногу от К(нязя) В(олконского), заставил и его пресечь

разговор. (№ 1)

16. Соломка и Марченко19 находились в Вене в одном обществе с № 1-м. Сол(омко) спросил у М(арченко): “Василий Р(оманович)! Вы были в Англии; скажите, есть ли там какое-либо правление, вот как у нас Губернское правление, Казенная Палата?

М(арченко): И! какое! Против моей квартиры был кабак. Вот они пьют часов до пяти, а там идут в какой-то Парламент. Кто потрезвее, тот прочтет входящий и исходящий журналы, да и все тут.

“Свита Русского Государя!” (№ 1)

17. Г(осударь) И(мператор) сказал однажды канцлеру Румянцеву20: “Извини, что я употребляю Нессельроде”21.

Р(умянцев): Мне стыдно было бы сердиться, взглянув только на Нессельроде. (№ 1)

18. Граф Милорадович22 просил дозволения отправиться в деревню, говоря, что на него странно все смотрят после назначения других главнокомандующими.

Г(осударь) И(мператор): В мирное время командовать войском ничего не значит, а в чем состоит мнение? Это дети, кои болтают: завтра возьму тебя за руку и все заговорят о моем расположении. Место военного Генерал-губернатора важнее. Тебе вверяю охранение моего семейства, самого себя.

М(илорадович): Можно выбрать...

Г(осударь) И(мператор), не дав окончить, с изменившимся бледным лицом, дрожа, схватил его за плечо и испуганным голосом сказал: “Выбрать!.. А батюшка!..”

Граф, сидя у камина и рассказывая сие № 2-му, прибавил: “Ну вот, меня запрут в кабинете, почему я знаю, что делается там (во Дворце); да и что мне за нужда? Пришлют, поеду, а без того...” (№ 2)

19. После Семеновского происшествия граф Милорадович сказал однажды № 2-му: “Я оказал услугу отечеству!” Подумав несколько, пониженным тоном прибавил: “Может быть, Государю”. (№ 2)

20. Г(осударь) И(мператор), будучи наследником престола, писал к Ла Гарпу23, что дела идут дурно, что негодный капрал предпочитается заслуженному генералу и пр. В первые годы царствования писал опять, что не может привыкнуть к мысли о деспотизме, что ужасается его, что единственное намерение состоит в доставлении блага подданным, что с графом Строгановым, князем Чарторыжским и Новосильцевым24 печется о распространении просвещения и что если успеет сделать счастливым свой народ, то отречется от престола, удалится в безвестный угол Европы и станет утешаться мыслию, что принес пользу отечеству.

№ 1, рассказывая сие, прибавил: “Кажется, пора бы уже исполнить; время давно наступило, да верно забыл, так напомнить бы ему; и вероятно, что графы Аракчеев и Гурьев, князья Волконский и Голицын25, как главнейшие споспешествователи к устроению блага народного, последуют также за Ним; а самое уединенное место — Грузино26”.

21. Каталани27 готовилась петь концерт в Павловске, когда был там Прусский принц Карл28. Все было готово, как Их В(ы)с(очества) В(еликие) К(нязья), приехавшие из лагеря, узнав, что уже четверть девятого часа, торопливо сказали: “Не поспеем к заре!” — и ускакали во всю мочь

уже четверть девятого часа, торопливо сказали: "Не поспеем к заре!" — и ускакали во всю мочь. (№ 3)

22. В(еликий) К(нязь) М(ихаил) П(авлович), возвратясь из путешествия, на вопросы, что ему лучше всего понравилось, отвечал: "Стойка польской пехоты". — "Какова Англия?" — "Мерзость! Это кабак, в котором каждый каналья имеет голос". (№ 1 и 2)

23. Когда он был нездоров в сентябре 1820, "перекричавши на батальонном ученьи и слишком утянувшись", и когда не отпускали его из Павловска, то сказал: "Если меня не пустят в Петербург учить солдат, я нарочно буду ходить по болотам, дабы заболеть". (№ 3)

24. Е(го) В(ысочеств)у Н(иколаю) П(авловичу) представляли о производстве в унтер-офицеры одного отличного солдата, бывшего во многих сражениях. "Что за важность быть в сражениях? Я не был ни в одном, а командую бригадою". (№ 3)

25. В(еликий) К(нязь) М(ихаил) П(авлович) гордится искусством своим в учебном шагу; В(еликий) К(нязь) Н(иколай) П(авлович), завидуя в том, сказал однажды: "Как обидела меня природа! Брат оттягивает ногу вершком более и опускает носок на вершок ниже!" (№ 3)

26. Е(го) В(ысочество) Н(иколай) П(авлович) делает часто смотры, как домашняя прислуга равняется, марширует и пр., а за столом велит подавать блюда учебным шагом. (№ 3)

27. Сеславина29 В(еликий) К(нязь) М(ихаил) П(авлович) спросил: "Видели ли вы разбойника Квирогу30?" — и получа ответ: "Видел не разбойника, а спасителя Отечества и имел счастие быть лично с ним знаком", — сказал, запыхавшись, адъютанту своему: "Слышишь? Он с ума сошел! В крепость его!" В награду за подвиги воин, которым бы гордилась каждая страна, в тот же день отставлен, лишен куска хлеба и выслан из России. (№ 2)

28. В(еликий) К(нязь) Н(иколай) П(авлович) ласков с богатыми офицерами, приглашает их к себе, представляет Великой Княгине; бедных же не удостаивает и взглядом. Увидев у бывшего полковника Приклонского31 четверку прекрасных вороных лошадей, расхвалил при нем супруге и сказал: "И нам бы таких иметь, да дорого"; после сего Приклонский продал их Его В(ысочеств)у за половину самим заплоченной цены. Сукно, присланное Королем Прусским32 для ливреи Его дома, показалось слишком тонко и продавалось не только полукусками, но и аршинами. (№ 3)

29. Принц Баденский33, полагая, что Е(го) И(мператорское) В(еличество) прежних мыслей о конституционном правлении, превозносил оное В(еликому) К(нязю) Н(иколаю) П(авловичу). "Я много путешествовал, — возвразил В(еликий) К(нязь), — но не нашел правления лучше неограниченного". Пришедший в замешательство Принц обращается к окружающим флигель-адъютантам и узнает только, что они не знают ничего верного о мнении Г(осударя) И(мператора). (№ 2)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 8 сентября 1816 г. Александр I, находясь в Киеве, посетил в Лавре слепого схимника Вассиана, а через несколько дней прислал ему бриллиантовый крест. "Совет, данный Вассианом Грозному" — эпизод, рассказанный князем А. Курбским: во время посещения Иваном Грозным Песношского монастыря, он побывал у инока Вассиана Топоркова и спросил его: "Как я должен царствовать, чтобы вельмож своих держать в послушании?" — на что Вассиан ответил: "Если хочешь быть самодержавцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя. Если так будешь поступать, то будешь тверд в царстве, если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им".

2 Волконский Петр Михайлович (1776—1852), князь, генерал-лейтенант, начальник Главного штаба (1813—1821), затем министр двора; считался личным другом Александра I.

3 В свите Александра I (в 1813 г.) не обнаружено лицо с такими инициалами. О ком идет речь, установить не удалось.

4 Нарышкина (урожд. княжна Четвертинская) Мария Антоновна (1779—1854), фаворитка Александра I.

5 Толстой Петр Александрович (1770—1844), граф, генерал от инфантерии, управляющий Главным штабом.

6 Долгорукий Яков Федорович (1659—1720), князь, сподвижник Петра I. При решении одного дела в Сенате сказал Петру: “Царю правда — лучший слуга. Служить — так не картавить; картавить — так не служить”.

7 Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1752—1838), князь, министр юстиции (1817—1827).

8 Речь идет о военной революции в Испании в 1820 г., которую возглавляли А. Риэго и А. Квирога.

9 Синявин (Сенявин) Дмитрий Николаевич (1763—1831), вице-адмирал, участник ряда кампаний 1780—1790-х гг., командир Херсонского и Севастопольского портов в 1800—1804 гг. и т. д.; в 1813—1826 гг. находился в отставке.

10 Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), генерал-майор, генерал-адъютант, дежурный генерал Главного штаба; генерал-губернатор Финляндии (с 1823), военный губернатор Москвы (1848—1859).

11 Ахенский конгресс состоялся в октябре — ноябре 1818 г.

12 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), генерал-майор, командир лейб-гвардии Конного полка; при Николае I граф и князь, шеф жандармов и начальник III отделения (сменил на этих постах графа А. Х. Бенкендорфа).

13 Орлов Михаил Федорович (1788—1842), брат А. Ф. Орлова, декабрист; начальник штаба 4-го пехотного корпуса в Киеве (1818—1819).

14 По завершении Ахенского конгресса, когда Александр I собирался выехать в Версаль по приглашению короля Нидерландов, открылся заговор группы бонапартистов, намеревавшихся захватить Александра I на дороге между Ахеном и Брюсселем, увезти во Францию и там заставить подписать декларацию об освобождении Наполеона.

15 Гнейзенау Август (1760—1831), граф, прусский генерал-фельдмаршал, герой наполеоновских войн; начальник штаба армии Блюхера Г. (1814—1815).

16 Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г., с 1816 г. главнокомандующий на Кавказе.

17 Щербинин Михаил Андреевич (1798—1841), штабс-капитан; состоял при князе П. М. Волконском во время его поездок с Александром I; участник посольства А. П. Ермолова в Персию (1816—1817).

18 Соломко (Соломка) Афанасий Данилович (1786—1872), полковник, обер-вагенмейстер Главного штаба.

19 Марченко Василий Романович (1782—1841), статс-секретарь, правитель дел Комитета министров.

20 Румянцев Николай Петрович (1754—1826), граф, государственный канцлер, дипломат; известный собиратель древностей.

21 Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), управляющий коллегией иностранных дел, министр иностранных дел (1816—1856), впоследствии граф.

22 Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), граф, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г., петербургский военный генерал-губернатор (1818—1825).

23 Ла Гарп (Лагарп) Фредерик Цезарь (1754—1838), воспитатель Александра I, швейцарский политический деятель.

24 "Молодые друзья" Александра I, члены Негласного комитета: граф Павел Александрович Строганов (1774—1817), князь Адам-Ежи Чарторижский (Чарторыжский) (1770—1861) и граф Николай Николаевич Новосильцев (1768—1838).

25 Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф, военный министр (1808—1825); Гурьев Дмитрий Александрович (1751—1825), граф, министр финансов (1810—1823); Голицын Александр Николаевич (1773—1844), князь, министр духовных дел и народного просвещения (1816—1824); П. М. Волконский (см. сн. 2) — наиболее непопулярные фигуры александровского царствования.

26 Известное новгородское имение графа Аракчеева, центр Новгородских военных поселений.

27 Каталани Анжелика (1780—1849), итальянская певица (сопрано); гастролировала по России в 1820—1821 гг.

28 Карл Прусский (1801—1883), принц, брат вел. кн. Александры Федоровны.

29 Сеславин Александр Никитич (1780—1858), генерал-майор, известный партизан 1812 г.; в 1815—1820 гг. лечился за границей, возвратившись, вышел в отставку.

30 Квирога Антонио (1784—1841), один из лидеров Испанской революции 1820 г.

31 Очевидно, Николай Михайлович Приклонский (ок. 1766— ?), полковник лейб-гвардии Измайловского полка, с 1819 г. в отставке; член "Союза Благоденствия".

32 Фридрих Вильгельм III (1770—1840), отец вел. кн. Александры Федоровны.

33 Карл Баденский (1786—1818), принц, брат императрицы Елизаветы Алексеевны.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора Евневича

Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора Евневича / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 84—94. — Из содерж.: Евневич И. И. Записка отставного майора Евневича. — С. 85—93. — [Т. XII].

Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И. И. Евневича

19 ноября 1825 г. в Таганроге умер Александр I. Последовавшее затем без малого месячное междуцарствие завершилось восшествием на престол 14 декабря 1825 г. Николая I, сопровождавшимся известными мятежами в Петербурге и на Украине. Начавшееся следствие и многочисленные аресты тяжело повлияли на российское дворянство (особенно столичное). 4 мая 1826 г. умерла вдова Александра I, императрица Елизавета Алексеевна. В конце мая в Москву пришла гвардия для участия в намеченной на август коронации Николая.

Обилие потрясающих событий породило множество слухов и смутных ожиданий, еще более подогреваемых не вполне обычной в тот год и раздражающей погодой: долгой гнилой зимой и стремительно, уже в мае, наступившей жарой, сопровождаемой исключительно частыми и сильными грозами.

Живое свидетельство атмосферы, царившей в Москве тем тревожным летом, содержится в донесении московского тайного агента отставного майора И. И. Евневича.

Игнатий Иванович Евневич (1791—1831) происходил из черниговских дворян и был потомком выходцев из Сербии, осевших в России в царствование Екатерины II. Служил на Украине и в Молдавии. В чине штабс-капитана командовал 2-й карабинерной ротой 32-го егерского полка. Сохранилось упоминание о нем в рапорте В. Ф. Раевского командиру полка А. Г. Непенину: “2-й карабинерной роты нижние чины все без изъятия показали, что в командование штабс-капитана Евневича они были как им самим, так господами офицерами и унтер-офицерами весьма угнетаемы”*.

В 1820 г., в связи с назначением командиром 16-й дивизией, куда входил 32-й егерский полк, генерал-майора М. Ф. Орлова (также известного по причастности к деятельности тайных обществ), Евневич был переведен в 3-й карабинерный полк, где прослужил еще несколько лет, выйдя затем в отставку майором и переехав в Москву.

Из родных Евневича известны его жена Александра Ивановна (1795—1880), дети Елизавета (1829—1863) и Иван (1822—1875), подполковник (все похоронены на Ваганьковском кладбище), а также брат Павел Иванович Евневич**, служивший в 1805—1817 гг. в 37-м егерском полку (в 1817 капитан). То, что в 1815—1817 гг. командиром этого полка был известный в будущем декабрист М. А. Фонвизин, объясняет хорошую осведомленность И. И. Евневича о лицах из его окружения, о чем наглядно свидетельствует публикуемый документ.

Некоторую известность получил также внучатый племянник И. И. Евневича, внук Павла Ивановича — Григорий Николаевич Евневич (1850—1917), печатавшийся в периодике***.

Донесение майора Евневича публикуется по автографу, хранящемуся в ГАРФ. Ф. 109 СА. Оп. 3. Д. 2498, с сохранением основных языковых и стилистических особенностей первой половины XIX в.

ЗАПИСКА ОТСТАВНОГО МАЙОРА ЕВНЕВИЧА

Московские жители нащет в Бозе почившей Ее императорского Величества Императрице Елизавете Алексеевне чувствуют ее потерю и все вообще без жалости не могут об ней говорить и полагают, что тело Ее Величества оттого не везли в Москву1, чтоб не сделало помешательство гвардии, которые идут на коронацию, что и так довольно уже видели печаль и потерю 19-го ноября прошлого года и нынешнего 4-го майя2, и просют Бога пусть уже на сем хоть нещастие кончится.

Об Его Императорском Высочестве Цесаревиче Константине Павловиче некоторая часть дворянства и всякого сословия люди перепискам с блаженной памяти императором Александром Павловичем3 не верют, а считают, что вдовствующая Ее Императорское Величество Императрица Мария Федоровна Его Императорское Высочество Великого Князя Константина Павловича не любит и всячески старается уклонить от престолу, и Его Высочество по сим

обстоятельствам согласился отказаться.

Казельского уезда деревни Клинцов сенатора Тайного Советника Каверина крестьянин Евсей

Павлов своего приходу Священнику перед народом сказал, что “у вас Император Николай Павлович, которой обманом взял престол у Его Императорского Высочества Константина Павловича, а у нас, у крестьян, императором Константин Павлович”. Сей же священник села Калодези, он всегда бывает трезв, и он мне лично сам сие говорил.

Дворянство некоторые, и так же гвардейские нижние чины в разговорах относются недовольны вдовствующею Ее Императорское Величество Мариею Федоровною, и сверх оного дворянин Щедловский говорил мне, что Ее Императорское Величество Императрица Мария Федоровна сама хочет вмешиваться во все дела государственные и желала бы распоряжать, но нынешний Его Императорское Величество Император Николай Павлович очень дальновиден и Ее Императорское Величество Марию Федоровну почитает и любит, но ни в чем Ее не слушается и не принимает никаких советов.

Жители сей столицы, как-то, дворянство, купечество и мещанство, отзываются довольными Его Императорским Величеством Императором Николай Павловичем и говорят: отличного ума, достоинства, редкого характера, терпения, справедлив и строг, успел восстановить спокойствие России, которое уже несколько лет тлевшееся возмутителями, и теперь надеются, что все сие восстановится спокойствие по-прежнему и что Его Императорское Высочество Михаила Павловича сделали членом Государственного Совета и так же презосом4 для осуждения возмутителей. Генерал-Губернатором уничтожен штат особые поручении, которые напрасно только кресты и чины брали скорее всех.

Заслуги Государь Император умеет ценить. Графу Винтгингштейну5 имени его дан полк. Лишенного чинов и дворянства Жемчужникова6 простил Государь Император и опять дал ему полк.

Все говорят, что Государь Император желает издать новой закон один7, которой все вообще российские верноподданые с нетерпением желают окончания и успеха, и очень довольны, что обратил Его Императорское Величество свое внимание на гражданскую часть, в которой, как всегда говорили, давно уже потеряно правосудие, и кто даст больше денег, тот и выиграл.

Жители вообще все интересуются знать и один у одного спрашивают, когда будет коронация, и желают как можно скорее видеть коронованных Его Императорского Величества Николая Павловича и супругу Ее Императорскую Величеству Императрицу Александру Федоровну, и все заключают, что сим-то и прекратятся всюду рассеяния пустые и лживые слухи, и успокоится всякого звания народ, которой и теперь еще все в недоверии, кто будет Императором Коронованным.

29-го прошедшего майя слух между дворянством пронесся, будто бы Его Императорского Высочества Цесаревича Константина Павловича в живых нету.

30-го жители начали говорить, что еще для нас, россиян, случилось нещастие: в Санкт-Петербурге взбунтовался из гвардии которой-то полк, разбили сии гвардейцы в Петропавловской крепости гарнизон и освободили бунтовщиков, и Его Императорское Величество Государь Император во время сей тревоги неизвестно где девался, и все просют Бога, чтоб сей слух ложно пронесся, и все в большом унынии, и купечество секретно говорят, ежели, Боже сохрани, ето случится с Государем Императором какое-нибудь нещастие, то ето время ни на кого не посмотрим, сами с фабричными вооружимся и пришедшую для коронации сюда гвардию сами с нею управимся, поотымаем у них все ихнее оружие, — и говорят, что гвардейские чины не довольны в рассуждении службы.

Императрица Елизавета Алексеевна

Московские жители говорят, зачем Государь Император остался один в Санкт-Петербурге, а лучше бы было, ежели бы он сюда приехал, мы бы его от всех нещастий спасли бы и здесь бы

мог быть духом спокоен; и то какая страсть держать подле себя мятежников, которых должно их всех поскорее расстрелять, и изтереть из земли нашей русской, имена их предать вечному забвению, — а ежели их простить, то они хуже сделают и гораздо уже скрытнее.

Суздальского пехотного полка 1-й Гранадерской роты рядовой Степанов, бывший в Лейб-Гвардии Семеновском полку, начал мне говорить: “Бог знает, кто у нас теперь будет император, вторично когда на верность службы Императору Николаю Павловичу полк не хотел было присягать, потому что мы уже присягнули на верность Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Константину Павловичу; после полковой командир вышел к полку и стал нам говорить, что сей приказ должно исполнить, солдаты подумав и приняли присягу Его Императорскому Величеству Императору Николаю Павловичу”, — и после переменил разговор нащет бывшего Семеновского полку: “Мы, Семеновцы, не имели никакого бунту8, а только просили растолковать улужение Блаженной памяти Императора Александра Павловича, которое им утверждено было в Париже9, и сказано в том: “Гвардейские нижние чины избавляются всякого телесного наказания”; мы желали видеть и объяснить кому-нибудь из фамилии императорского дому, но никто к нам не приезжал, кроме графа Милорадовича10, и всю ночь полк лежал на дворе в шинелях, в 8 часов утра приехал к нам корпусной командир Васильчиков11 и первая его была встреча: назвал нас мошенниками; мы на ето ему ответили: “Ваше превосходительство, мошенников по канату в Сибирь отправляют, да из Сибири назад ворочают”; ему сказали ето в пику: отец его или дядя был послан в Сибирь Блаженной памяти Императором Павлом Петровичем, так же и блаженной памяти Императором Александром Павловичем прощен и возвратили обратно из Сибири. Как мы ето ему сказали, он рассердился: “видно и вы, ребята, тож хотите быть в крепости”; на ето все закричали: “желаем идти за 1-ю гранадерскою ротою”; корпусной командир не стал с нами более говорить и уехал, потом нас посадили в крепость и потом расформировали нас по разным полкам, и теперь нам в армии хорошо, начальниками своими довольны, а только то нам больно: отпусков и отставок нам нету, и свои братья солдаты, как чуть что, то и упрекают: “вы, семеновцы, штрафованные”. Ето больно слушать. Потерпим еще, а то будем просить начальство: долго ли нам так быть и терпеть?”

Лейб-гвардии 1-й легкой батарейной роты Василий Павлов сын Кондаков, которой мне рассказывал о случившемся прошлого года об 14 числе декабре месяце: “вышло на площадь у Исаковской церкви 2 Гвардейские полка, Московской и Лейб Гранадерский, построились в каре и к ним присоединились пьяные всякого сословия люди, к оным возмутителям подъехал граф Милорадович, с ними поздоровавшись, начал их уговаривать, что бы оставили сие предприятие, и заметил, что никак не урезонить, и поехал от них; из каре закричали: “Ваше сиятельство, вы и сами предначатия есть участники”12, и вдруг из толпы народа близ его выстрелил из пистолета и ранил тяжело; и как мы узнали после, то его жалеть не за что, ибо он сам был сообщник сего, и Государь Император хотел покойного графа тело вырыть и положить в другом месте, как не достойного и изменщика противу престола и отечества; потом Московской и лейб-гранадеры из каре пустили батальный огонь, наконец, гвардия, атаковав их, на всех пунктах заняли все улицы, и учебная артиллерийская рота, которой Государь Император приказал по бунтовщикам выстрелить из орудий холостым огнем, в другой раз картечью вверх, чтоб дать им несколько опомниться, но видя, что сие неуспешно, приказал наконец прямо в них дать залп картечью; в ето время из артиллерийских офицеров спросил Его Императорское Величиство: “в кого прикажете нам стрелять? неприятелей не видим, а ето свои”, однакоже по вторичному приказанию Государя Императора прямо дали залп в них картечью, расстроили их, и после они в разные стороны бросились бежать, и кавалерия начала их преследовать, много переранили и перебили, а остальных всех перехватали, и за ночь все тела велено прибрать, кидали в реку Неву, убитых, туда же и раненых; а на другой день как будто бы и ничего не было; московской и лейб-гранадерский полки были забраны и посажены в крепость; Государь Император оных нижних

чинов было простил, но вдовствующая

Таганрог 19 ноября 1825

Императрица Мария Федоровна просила, чтобы их не прощать, и Государь Император в угодность Ее Императорскому Величеству отправил оба сии полка на Кавказскую линию; из нашей бригады 3-я конная батарейная рота в то время стояла в Санкт-Петербурге. Правящий должность бригадного адъютанта нашей бригады подпорутчик, который и теперь с нами пришел в Москву бригадным адъютантом, приехал к 3-й батарейной роте и сказал: "я привез приказ присягать новому Императору Николаю Павловичу, присягайте, а я не стану присягать, ибо ето фальшивый приказ". — Я сего Кондакова речь перебил и сказал ему: "верно ты ето лишнее прибавил". Он на ето мне отвечал: "действительная правда"; по его словам, "солдаты усумнились, не хотели присягать, потом Его Императорское Высочество к оной роте сам приехал, уговаривал, и солдаты еще не соглашались; приказал палки для них, однакоже ни одного не наказывал, а только пострашал, и после уже некоторых солдат брал за руки: "что вы ето, ребята, делаете, мой брат, Его Императорское Высочество Цесаревич Константин Павлович действительно от престолу отказался"; после сего рота несколько подумала и присягнула на верность службы Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу; и с той же роты взят поручик в крепость, в которой и поныне содержится, а бригадный адъютант уцелел. Наша же 1 легкая конная батарейная рота ето время стояла по деревням и вдруг получили приказание, что бригадный наш приедет из Санкт-Петербурга и будет новые мундиры смотреть в 9 часов утра, и зделалась суматоха. На другой день рота вышла и дожидалась, потом распустили нас и в 12 часов приказано в парад; пришел к нам священник со крестом и с евангелием. Правда, и мы было не хотели присягнуть, но по прочтении Манифеста подумали и присягнули вторично, Его Императорскому Величеству Императору Николаю Павловичу, и ежели бы не поторопили нас, гвардию, к присяге, то много бы из гвардии не присягнуло. Нащет же службы еще хуже прежнего, не стараются сберечь солдата, они молодые, как нынешний Император, так же и Его Императорское высочество Михаил Павлович, стараются все доводить; а Его Императорское Высочество Константин Павлович, тот сам везде уже прошел все походы13, он видел и знает нужду и старается солдата сберещи; вот мы из самого Санкт-Петербурга до Москвы во весь поход делали учение, а на дневки по два раза, пришедши же на станцию, держут часа по два, покудова выравниют артиллерию по шнурку, и народ весь этим походом измучен, еще никогда мы не имели такого тяжелого похода, как теперешний".

Лейб-гвардии Конно-Егерского полка ротмистр Корф говорил в доме генерал-майора Корфа, что при нынешнем императоре Николае Павловиче не лестная для солдат служба, а все что-то уныло, а при прежнем блаженной памяти императоре Александре Павловиче, как только выедет перед гвардиею, то у каждого солдата дух радуется, и все его любили.

Разговор же Армейских солдат: "теперь уже мы выучены, пусть кто только станет нас вооружать противу императорской фамилии, сами того первого на штык посадим; мы теперь все узнали, что бунтовщики сии сами хотели быть властителями, раздробить отечество наше, которое предками и нами грудью было приобретаемо; нам нужен император, а безначалие мы не желаем; для солдата все бы не было облегчения, и во всем Отечестве было бы междоусобное кровопролитие, а теперь, как мы имеем одного Главою, и что им сказано, то должно исполняться свято".

Бывший полковым командиром в 3-м* Егерском полку полковник фон Визин, что ныне генерал-маиором, подозрительным казался по своему короткому обращению и дружественной их связи с некоторыми офицерами, с 1816-го году, когда вторично пришли из Франции в Россию и расположились на квартирах Малороссийской губернии в г. Соснице, а именно:

Полковник фон Визин, что ныне генерал-маиором и, как известно, содержится в крепости.

Маиор Гиппиус, которой по отставке в Москве жил в доме генерал-маиора фон Визина.

Маиор Скалон, переведенный с Лейб-гвардии Измайловского полка капитаном, а по выходе из полка полкового командира перешел в кавалерию.

Штабс-капитан Якушкин, переведенный из гвардии, и по прибытии его в полк не командовал ротою, а жил у полкового командира, и когда полковой командир вышел с полка, то и он вышел в отставку и жил в Москве у него в доме вместе с маиором Гиппиусом, и как известно, Якушкин содержится в крепости.

Штабс-капитан Чунпалов, по выходе с полка полкового командира, вышел в отставку на другой год.

Штабс-капитан Охотников, по выходе полкового командира, он перешел в Принца Оранского полк и после, когда фон Визин назначен командиром 38-го Егерского полка, то оной же Охотников с принца Оранского полка перешел в 38-й егерской полк и когда полкового командира произвели в генерал-маиоры, то Охотников поступил в дежурство 16-й пехотной дивизии с генерал-маиору Орлову, по выходе же Орлова с дивизии и он вышел в отставку, в Козельском уезде в своей деревне Татарском умер, но переписка его с своими товарищами и бумаги его должны быть в целости.

Штабс-капитан Сурнин в то время был полковым казначеем, по выходе с полка полкового командира, на другой год вышел в отставку и ныне почтмейстером в г. Драгобуже, запрошлого года зимою в Гостином дворе виделся со мною и начал он мне рассказывать, что Охотников капитаном и находится в 16-й пехотной дивизии в школе учителем с маиором Резеным, и прибавил: “я все знаю Охотникова происшествие, я с ним вел переписку, и с капитаном Илимским, и Охотников в отставке, и я с ним виделся, и просил его отца, чтобы он со мною отпустил его на теплые воды, но отец не отпустил, и сам старик причиною его смерти, да и сам после его скоро умер”.

Лейб-гвардии Измайловского полка Штабс-капитан Евреинов, которой переведен в Московский Гренадерский полк маиором, а потом переведен в Украинский пехотный полк, казался подозрителен своим вольнодумствием.

34-го Егерского полка еще подозрительнее казался подполковник Борисович, в то время он был капитаном, по выходе полкового командира фон Визина, то прежде он имел цель всегда противу ближнего своего начальства вооружать офицеров некоторых.

И Маиор Малиновский, которой со всеми оными был в приязни.

Бывший в 3-м Карабинерном полку полковым командиром полковник Каменский, что ныне в отставке генерал-маиором, и по письму его бывшему своему бригадному командиру генерал-маиору Маевскому, по окончании военного суда посажен в крепость, и в короткой связи был с полковым адъютантом Воронцом14, который ныне маиором в Сибирском гренадерском полку, и с полковым казначеем штабс-капитаном Казаковым, и предводитель г. Новосилья Шатилов; однажды я пришел с утренним рапортом к полковому командиру, и он вместе с Шатиловым был в кабинете, и оба писали долго, и когда полковой командир вышел в отставку, то Казаков перешел в Московский орденан-гауз в плац-адъютанты, а ныне маиором в отставке, и он встретился прошедшую зиму со мною и я его спросил: “как бы теперь Каменский не попался с протчими наравне”, и он, смешавшись, на ето мне отвечал: “не мудрено, да, правда, он в крепости содержится, то его уже нечего брать, а я чего только боюсь — за маиора Воронца, чтобы его не взяли, он со всеми етими масонами хорошо был знаком и он, когда бывает в Москве, то по дружбе со мной останавливается на квартире у меня”.

На Кузнецком мосту в Косметической лавке Розенштрауф об нем сказывал мне штабс-капитан Шнаунберх: “я у его лавке часто бываю и знаю, что он из первых масонов и большой плут, и отец его такой же, которой ныне живет в Одессе, и оба высокого ума, а теперь, хоть и возмут от них

его такой же, которой ныне живет в Одессе, и оба высокого ума, а теперь, хоть и возьмут от них подписку, пожалуй, еще дадут двадцать таких же, что не будут ни в какой ложе состоять, но он все уже своего не переменит, а будет скрытно, и человек самой подозрительной".

По особым поручениям при военном губернаторе чиновник Головин с города переехал к Донскому монастырю к своему дяде Данилову в часть, под видом больного, и жил на Шаболовке в доме Балеева, где на самое светлое Христово Воскресенье застрелился, и нашли его руки письмо, в котором он якобы прописывал: "я долго дожидался равной участи с теми, кои сидят в крепости, но не дождался и от угрызения совести вынужден прекратить свою жизнь", и советует, чтобы другие не отдавали своих детей в некоторые пансионы, где только вооружают против религии и престолу; письмо сие многие читали, которые по соседству живущие близ Донского монастыря, и мне говорила жена заседателя Грибоедова: "мы, оное прочитавши письмо, отослали, не стали держать, боялись, чтобы через ето чего не случилось, и после где девалось оное письмо, того неизвестно".

Чиновник, служащий в Управе Благочиния, Иван Петров Овсянников: "Я и сам был в универститете, учился и довольно насмотрелся на все нравы; кто имеет еще совесть и помнит Бога, то только тот здесь не развратится, а колме паче в Антонского15 в университетском пансионе, где еще и поныне не искореняется". Также еще он мне сказывал, что есть пансионы мадам Петрозелиус и мадам Воше16, в оных пансионах не столько полезного учутся, как только более развращаются.

Калужской губернии Перемышленского уезду в деревне Каменки остановился я на постоялом дворе у дворника, Боровского мещанина, к нему пришли два крестьянина действительного статского советника Омельяненки, поговоря с дворником, подошли ко мне и спросили меня, кто же теперь у нас Императором, я им сказал: "Его императорское величество Николай Павлович"; посмотрели на меня и с грубостию: "а не Его Императорское высочество Константин Павлович, которой всех дворян перевешал бы? Теперь православные мужички возьми суму и ступай со двора, за етим Царем не видать добра, а свет Его Императорское высочество Константин Павлович хотел нас сделать вольными и по нас крестьянам землю разделить".

В Калуге дворник Алексей Свешников говорил на щет прощенных манифестом недоимок до двух тысяч рублей, что "самое пустое прощение, лучше бы уже ничего не прощать, а то только по губам помазали; народу нет никакого поощрения; правду сказать, что-то царствование нынешнего императора Николая Павловича не предвещает ничего приятного народу".

Насчет манифесту, отданного в рассуждении крестьян економических и господских, в Москве говорил мне содержатель ресторации Суминин, живущий в доме генерал-маиора Полторацкого: "у него живут работники, которые толкуют: "Государь Император, когда вступил на престол, манифестом простил до двух тысяч все вообще недоимки, а после сего вздумал толковать, за что прощаются, а какие не прощаются, спустя несколько месяцами". А последним манифестом государь император более раздражил крестьян, и говорят между собою: "теперь нам негде просить, просьб от нас не велено подавать, а суди Бог, а как только не по нас, то мы и сами с своими господами расправлятся, в то время пусть нас куда хочут ссылают".

На смоленском рынке крестьяне между собою подле будки разговаривали про оброки, а именно: генерал-адъютанта Левашова Владимирской губернии Юрьевского уезда села Петровского крестьянин Данила Сурнин, и с ним еще 4 человека одного же господина, и я им сказал, что есть манифест, чтобы крестьяне, как економические, равно и господские, последние повиновались своим господам; крестьянин Сурнин перебил мою речь: "разве не будет вольности?" Я им сказал: "из манифеста видно, что нет вам вольности", то все крестьяне оные с неудовольствием сказали: "пусть-ка сам прежде еще он утвердится на престоле, тогда после коронации мог бы сей манифест выдать, вот-те ребята говорили, что по примеру Его Императорского высочества Константина Павловича дастся вольность, вот-те и вольность, и будь теперь рабами век".

Говорят здешние жители: пришедшие для коронации Лейб-уланского полка ескадрон 27-го майя, лейб-уланы сделали неудовольствие своему ескадронному командиру, которой их в Вознесение приказал после обеда собрать к ранжиру всему ескадрону, и солдаты чрез вахместра сказали, что он, немец, не знает русских наших праздников, ибо етот день Государь Император нас от службы увольняет, и мы не пойдем, и Ескадронный командир навпротив вафмистру непременно собрать, то из уланов нашлись и шли прямо к своему ескадронному командиру, но из унтер-офицеров прибежал вперед предупредить ескадронного командира, что идут к нему уланы и на жизнь хотят его покуситься, и он, бывши не у форме, взял у дежурного офицера саблю, и тут же пришли к нему уланы; он их спросил, что им нужно; они промежду собою обнажили сабли и сказали: “вперед, ребята”, и на ето им ескадронный командир сказал: “когда вы, ребята, вперед, то и я противу вас вперед”, и несколько человек оных переранил, и теперь несколько человек содержутся за буйство под арестом. Другие говорят, что он сам, ескадронный командир, виноват: начал в праздничный день ескадрон учить, и был будто бы не в трезвом виде, что и подал повод лейб-уланам к буйству.

Жители московские всякого сословия вообще боятся говорить гласно, знают, что есть тайные надсмотрщики, так и съездов нет в больших домах, а ежели есть, то очень осторожны, опасаясь друг друга, нет ли в их компании тайного за ними надсмотрщика, даже игроки боятся съезжаться для игры.

Отставной маиор Евневич

ПРИМЕЧАНИЯ

1 После смерти императрицы Елизаветы Алексеевны в Белеве ее тело повезли прямо в Петербург, минуя Москву.

2 Даты смерти Александра I и Елизаветы Алексеевны.

3 Речь идет о письменном отречении в 1820 г. вел. кн. Константина Павловича от престола в связи с его морганатическим браком.

4 Презос (презус) — председатель военного суда.

5 Витгенштейн Петр Христианович (1769—1843), граф, генерал-фельдмаршал, командующий 2-й армией при Александре I.

6 Жемчужников Александр Николаевич, дядя известных А. М. и Л. М. Жемчужниковых (поэта и художника), полковник. При Александре I за обнаруженные злоупотребления был разжалован в солдаты; при Николае I восстановлен в прежнем чине.

7 Имеется в виду начавшаяся подготовка к изданию Свода законов.

8 Имеется в виду “Семеновская история” 1820 г. — неповиновение солдат л.-гв. Семеновского полка, после которого полк был раскассирован и сформирован заново.

9 Возможно, речь идет о приказах, изданных М. С. Воронцовым для Русского оккупационного корпуса во Франции (1815—1818), а затем 12-й пехотной дивизии (которыми он командовал), в которых телесные наказания нижних чинов существенно ограничивались (См.: РА. 1877. № 6 и др.).

10 Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), граф, генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор (1818—1825); был смертельно ранен во время мятежа 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади.

11 Васильчиков Илларион Васильевич (1776—1847), генерал-лейтенант, командир отдельного

Гвардейского корпуса.

12 Очевидно, отголосок слухов о “заговоре Милорадовича” в декабре 1825 г.: сторонник Константина, Милорадович до последней возможности препятствовал восшествию Николая на престол.

13 Вел кн. Константин Павлович был участником Итальянского похода А. В. Суворова 1799 г. и наполеоновских войн.

14 Среди упомянутых Евневичем лиц, помимо известных декабристов: Михаила Александровича Фонвизина (1787—1854), Ивана Дмитриевича Якушкина (1793—1857), Михаила Федоровича Орлова (1788—1842) и Константина Алексеевича Охотникова (ок. 1789—1824), есть несколько человек, попавших в поле зрения Следственной комиссии (что нашло отражение в “Алфавите декабристов”), но оставленных “без внимания”: штабс-капитаны Чумпалов (Чунпалов) и Сурнин, члены Союза Благоденствия, офицеры 27-го егерского полка; генерал-майор Каменский, не состоявший в тайных обществах, и майор Яков Владимирович Воронец (1795—1866), входивший в Союз Благоденствия.

15 Прокопович-Антонский Антон Антонович (1771—1846), директор Благородного пансиона при Московском университете.

16 Оба пансиона женские. Заведение В. Воше (1768—1829) находилось на Мясницкой, а Петрозелиус — на Сретенке.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Из переписки отца Петра Мысловского (письма П. Н. Мысловского А. Х. Бенкендорфу, Н. М. Рылеевой, Н. Д. Фонвизиной, М. Я. Фон Фоку, А. В. и И. Д. Яку

Бокова В. М. Вступительная статья: Из переписки отца Петра Мысловского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 95—97. — [Т. XII].

Протоиерей Петербургского Казанского собора Петр Николаевич Мысловский (1778—1846) получил в исторической литературе довольно широкую известность как официальный духовник, приставленный в январе 1826 г. к заключенным в Петропавловскую крепость декабристам для их религиозного утешения и “увещевания”. Среди отзывов современников о Мысловском (прежде всего, самих декабристов: С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского, А. Н. и А. М. Муравьевых, А. Е. Розена, Н. И. Лорера, М. М. Нарышкина и др.) преобладают теплые, доброжелательные, нередко полные благодарности; в некоторых (Д. И. Завалишин, Н. В. Басаргин) священник оставил недоброе чувство и подозрение в шпионстве (впрочем, Н. В. Басаргин оговаривался: “слышав впоследствии очень много в его (Мысловского) пользу от некоторых из моих товарищей, я боюсь быть несправедливым и оставляю вопрос, чисто ли, прямо ли действовал он в отношении нас или лицемерно, нерешенным” (Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск. 1988. С. 88). Попытка Е. Е. Якушкина (внука декабриста И. Д. Якушкина) издать в середине 20-х гг. XX в. эпистолярные материалы Мысловского из семейного архива, сопроводив их своим комментарием, успехом не увенчалась. Родившийся из этой попытки доклад Е. Е. Якушкина “Священник Мысловский и декабристы”, прочитанный им в декабре 1925 г. на заседании Московской секции по изучению декабристов и их времени и в Государственном Историческом музее, сохранился лишь фрагментарно, в виде черновых набросков и нескольких отрывков окончательного текста выступления (ГЛМ. Ф. 218. Оп. 2. Д. 59; ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 1282, 1283).

Когда Е. Е. Якушкин готовил письма к публикации, с них были сделаны машинописные копии, которые позднее осели в различных архивах (ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 86, 128; ОРРГБ. Ф. 261. К. 21. № 14; РГАЛИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 3, оп. 2. Д. 16, 17 и др.). В копиях имеется ряд

текстологических расхождений с оригиналами, пропусков и рукописных вставок.

Публикуемые ниже письма отца Петра, — как официальные, так и личные — достаточно выпукло освещают его личность и способны до известной степени прояснить вопрос о его нравственной физиономии.

Помимо публикуемых, существовали, очевидно, и другие письма Мысловского членам семьи Якушкиных-Шереметевых: фрагменты двух из них (Н. Н. Шереметевой) были напечатаны в 1900 г. в сборнике "Старина и Новизна" (Кн. III. СПб. 1900), но настоящее их местонахождение установить не удалось.

Отец Петр родился 11 июля 1778 г. в городе Валдае в семье валдайского протоиерея Н. П. Мысловского. Учился сначала дома, а в 1789—1796 гг. в Александро-Невской семинарии. Затем служил дьяконом в Валдайской Введенской церкви; дважды (1797, 1800) ненадолго переводился в Новгород. В 1802 г. был определен вторым дьяконом в Казанский собор, где служил уже до самой своей смерти. В 1808 г. он стал протодьяконом, в 1810 г. — иереем.

Поднесенная Мысловским Александру I ода собственного сочинения на годовщину воцарения государя обратила на священника "высочайшее внимание" и с 1804 г. он, параллельно со службой в Казанском соборе, исполнял обязанности придворного священнослужителя. В позднейшие годы отцу Петру приходилось много служить и в домовых храмах Петербурга. С каждым годом обязанности Мысловского становились все многообразнее: в 1812 г. он был назначен депутатом от столичного духовенства "по всем присутственным губернским местам"; в 1818—1822 гг. служил законоучителем кантонистов при Военно-типографском депо Генерального штаба; примерно тогда же начал использоваться властями в качестве тюремного исповедника для "приведения в раскаяние" наиболее опасных и закоренелых "злодеев", что часто с успехом и исполнял.

В "Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах" отец Петр "был употреблен" после того, как были признаны неудачными действия его предшественника — священника Петропавловского собора отца Стахия Колосова.

По свидетельству князя С. П. Трубецкого, "отец Петр был, видимо, неприязненно настроен против арестованных, но когда в течение Великого поста он от большей части из них принял исповедь, расположение его совершенно изменилось, он сделался их другом и вел себя в отношении всех, которые принимали его с благорасположением, как истинный служитель алтаря, исполненный христианского милосердия" (Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск. 1983. С. 304).

Мысловскому удалось привести к исповеди и причастию И. Д. Якушкина, который до этого несколько лет сам себя считал безбожником и человеком нецерковным, — событие, которым сам Петр Николаевич очень гордился и до конца дней считал одним из вершинных в своей духовной карьере. Мысловскому же был обязан жизнью М. И. Муравьев-Апостол: священник сумел отговорить его от намерения покончить с собой и вывел из глубочайшей депрессии, в которой декабрист пребывал с начала заключения (см.: ВД. Т. IX. С. 273—274).

Из пятерых приговоренных к смерти трое — К. Ф. Рылеев, М. П. Бестужев-Рюмин и С. И. Муравьев-Апостол — добром помянули отца Петра в своих предсмертных письмах и завещаниях, а П. И. Пестель, лютеранин по вероисповеданию, отказавшийся в крепости от исповеди и причастия, непосредственно на эшафоте попросил от отца Петра предсмертного благословения.

Во время повторного повешения троих сорвавшихся с виселицы Мысловский, по некоторым свидетельствам, упал в глубокий обморок; другие современники, впрочем, сообщали, что он безуспешно пытался воспрепятствовать повторной казни. На другой день после экзекуции, когда

на Петровской площади в Петербурге происходил благодарственный молебен “на ниспровержение крамолы”, Мысловский остался в Казанском соборе и в одиночестве отслужил панихиду по казненным.

Как во время следствия, так и позднее, отец Петр оказывал постоянную поддержку семьям заключенных и как духовник, и как доверенное лицо: тайно передавал письма и устные известия, предупреждал родню об очередности отправления в Сибирь, лично провожал некоторых из высылаемых (в частности, И. Д. Якушкина и М. И. Муравьева-Апостола).

В Следственной комиссии миссия Мысловского была сочтена успешной: “трудами своими, терпением и отличными способностями действовал с успехом на сердца преступников, многих из них склонил к раскаянию и обратил к вере” (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288. Л. 57 об.), и отец Петр был представлен к ордену св. Анны, а в конце 1826 г. произведен в протоиереи.

В том же, 1826 г. Мысловский был намечен одним из возможных кандидатов в законоучители к наследнику престола, великому князю Александру Николаевичу, но в конце концов воспитатель наследника, В. А. Жуковский, решился предпочесть кандидатуру о. Герасима Павского. О Мысловском Жуковский писал: “Он человек достойный по твердому характеру, по уму и по сердцу. Но этого мало: нужно иметь при характере и большие сведения по богословию” (“Жизнь”. 1898. № 9. С. 325).

В последующие годы отец Петр занимал должность старшего законоучителя в женском Патриотическом институте (где, кстати, в 1828—1832 гг. училась дочь казненного К. Ф. Рылеева Анастасия); был избран как знаток церковнославянского языка и проповедник в члены Российской академии. Умер 6 марта 1846 г.

На протяжении последних двадцати лет жизни отец Петр многократно порывался написать воспоминания, прежде всего о своих отношениях с декабристами, но, судя по всему, работа эта так и не была начата. Сохранились лишь небольшие наброски автобиографического характера, сделанные Мысловским в записной книжке, хранящейся в Щукинском собрании (ОПИ ГИМ). Эти записи в значительной и наиболее содержательной своей части были опубликованы в “Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина” (Вып. 4. М. 1905. С. 29—40); единственный фрагмент, имеющий отношение к декабристам, с характеристикой П. И. Пестеля, неоднократно затем перепечатывался и цитировался (см., например: “Декабристы в воспоминаниях современников”. М. Изд-во МГУ. 1988. С. 308—310).

В публикуемых письмах сохранены основные языковые и стилистические особенности оригиналов, орфография по возможности приближена к современной, подчеркнутые в тексте слова печатаются курсивом.

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 11 сентября 1826 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 97—98. — [Т. XII].

1

Усердное, хотя малое приношение несчастной вдове Рылеевой.

С. Петербург. Сентябрь, 11 Число. (1826)

Милостивая Государыня Наталья Михайловна

С прошедшею почтою, как видите, получил я из Москвы от неизвестного Благотворителя 500 ассигнациями в пользу вашу. С душевным удовольствием препровождая оные к Вам, прошу Бога о неоставлении Вас и на будущее время. Верьте, друг мой, что слова, как бы Пророческие,

супруга вашего, слова — уже последние для него и для вас в мире, сбываются в точности1. Он сам весь погружался в милосердие Божие и Вас просил положиться на Него. Вот и доказательство сей уверенности. Господь Вас не оставляет и не оставит. Не гнушайтесь, друг мой, усердием сердец Благородных, приемлющих чужое горе за свое собственное. Молите Бога за тайных Ваших благодетелей. Их видит наш Создатель и без сумнения готовит явные некогда воздаяния.

Между тем справедливость требует, чтоб возвестить и о руке таящейся и благотворной. Не угодно ли будет Вам попросить или г. Греча или г. Булгарина, чтоб кто-либо из них припечатал в журнале своем2 статью, которую Вы прочтете на обороте? И для меня будет это оправданием пред особою, которая, к совершенной моей радости, поставила меня между собой и Вами.

Призывая на Вас Утешителя духа, о нем же мои и движения, и слезы, и поручая вас с сиротою Вашей сей Небесной опеке, имею честь пребывать навсегда покорнейшим и благожелательным слугою

Петр Мысловский

Вдова Н. М. Рылеева сего 1826 года сентября 11 числа получила из Москвы от неизвестного Благотворителя пять сот руб. государственными ассигнациями, адресованных с последнею почтою на имя одной духовной особы. Благодарные слезы вдовицы и сироты ее, молитвенный вопль сердец их Богу, суть единственная дань Благодеющему втайне. Да не оскорбится благородное сердце его сим достодолжным благодарением. Прямое же воздаяние за дела милосердия предоставил себе одному Премилосердому!*

Мысловский П. Н. Письмо Фонвизиной Н.Д., 15 февраля 1827 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 108—109. — [Т. XII].

1

С. Петербург. 1827 года, февраля 15 дня.

Верный Ваш Комиссионер подал мне письмо Ваше, любезнейшая дочь моя, от 4 числа сего месяца писанное. Я сто крат благодарил Бога, что Вы, при Его же благословении, в добром здоровье достигли Москвы. Я радовался бы, как младенец, вести сей, естли бы не имел причины вкупе и не скорбеть. Что делать? На каждом шагу в жизни сей уверяешься более и более, что нет здесь ни спокойствия и ни блаженства прочного. Всё, и доброе, и худое, что говорит сердцу нашему: Вы рождены не для Земли. Здесь Вы изгнанники. Ваше назначение за пределами гроба. В нем только заснете спокойно, дабы снова пробудиться к вечному и неизменному покою. Бедные пришельцы! не выпускайте из виду ни на минуту вечной отчизны Вашей. Потрудитесь здесь, да там навсегда успокойтесь. Потерпите здесь, дабы ничего не осталось для Вас терпеть в будущности. Понесите земное вечное бремя, да легко и сладостно будет Вам там, там — за последнею видимою звездою в небе.

Так! Должно сознаться, что нечего нам ждать от сынов мира сего. К нещастию мы имеем горестную причину нередко жаловаться с Давидом: аще поносих ми враг, претерпех бых от него. Но и ближние мои далече сташа от мене! Знаю, друг мой, что это чувствие тягчайшее всех чувствий преогорчения. Очень верно, что запинание присних или близких к нашему сердцу суть зрелища неправды, неудобоносимые. Но да не смущает Вас сия новая школа искушения. Жив еще Бог Авраамов и наш Бог! Положитесь на Него во всем. Он никогда не изменит отеческим

своим чувствам в болезнях, в душевных скорбях и страданиях, в нещастиях и вообще в крестах, от Него ниспосылаемых, Он благоволит только искушать веру нашу, и даже тогда, когда об ней верен. Лучше сказать: Он хочет нас уверить в нашей к Нему вере и любви. Почитайте, друг мой сердечный, что Милосердый, вводя Вас в новое узилище тесноты, готовит Вас, может быть, к

неожиданным явлениям Благодати. Притом, Вы так много уже потеряли, что все остальное едва ли должно иметь в глазах Ваших какую-либо цену. Не смотрите ни на что. Не трогайтесь безделицами, хотя и весьма важными. Прибегайте втайне к Богу — Помощнику в молитве Вашей, и Он наверно поспешит Вам на помощь. Не позволяйте себе раздражаться и умствовать: иначе попортите все дело Божие. Дайте Ему в покорности духа Вашего докончить начатое. Ах! Почто я не с Вами? Мое бы было щастие пособить Вам понести крест Ваш. Я перелил бы душу мою в Вашу добродетельную душу, смешал бы искреннейшие слезы мои с Вашими. Но Провидение подписало нашу разлуку. Она, по всей правде, горестна; по меньшей мере никто не разлучит меня с Вами духом. Мое сердце последует за Вами повсюду с наилучшими пожеланиями. И в храме Заступницы Небесной не редко будет слышан глас его. Господь Вас благословит на всякое дело благое, и во-первых, да даст Вам благодушное смирение и терпеливость. Да не искушает Вас выше сил Ваших. Да обратит слезы огорчения Вашего в слезы умиления и тихой радости. Да будет Он Вам в Отца везде и во всякое время.

И. А. Фонвизин

Коль скоро получу письмо — будьте уверены: в тот же час пошлю к Вам с вернейшим случаем. Прошу поклониться Ивану Александровичу13. Малюток Ваших лобызаю и благословляю стократно. Прощайте, друг мой сердечный! Ради самого Бога, обо всем пишите ко мне. Мне сладко будет отвечать Вам.

Весь Ваш П. М.

От Над(ежды) Николаевны14 я имею несколько писем. Они здоровы.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкиной А. В., 15 марта 1827 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 123—126. — [Т. XII].

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — А. В. ЯКУШКИНОЙ

Якушкина (урожд. Шереметева) Анастасия Васильевна (1807—1846), с 1822 г. жена декабриста И. Д. Якушкина. С момента осуждения мужа намеревалась ехать за ним в Сибирь, но поездка не осуществилась, несмотря на усиленные хлопоты (в том числе и П. Н. Мысловского). В 1827 г. это произошло по решению самого И. Д. Якушкина, который счел, что только жена "могла дать истинное направление воспитанию сыновей, как он понимал его" (Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск. 1993. С. 165) и запретил ей уезжать от детей. Он по дороге в Сибирь из роченсальмского форта "Слава", виделся с женой и тещей в октябре 1827 г. в Ярославле. Повторная попытка воссоединиться с мужем в 1832 г. закончилась неудачей, как можно предположить, вследствие неудачного стечения ряда обстоятельств, где сыграли свою роль и репутация Н. Н. Шереметевой, как властной и деспотичной матери, и замкнутый и пассивный характер самой А. В. Якушкиной. В ответ на прошение о поездке А. В. Якушкиной в Сибирь, А. Х. Бенкендорф предложил генералу Н. Н. Муравьеву (1768—1840) (его сын Михаил был женат на другой дочери Шереметевой — Пелагее) выведать "частным образом" у Якушкиной, насколько она на самом деле хочет ехать к мужу. Вскоре Муравьев сообщил: "Об отъезде Настасьи Васильевны я старался узнать от нее, действительно ли она хочет, или нет, и более ничего от нее узнать не мог, как то, что она дала слово матери ехать и потому не переменит своего намерения, хоть ничего утешительного в сей поездке не предвидит" (Дневник А. В. Якушкиной // Новый мир. 1964. № 12. С. 158; ГАРФ. Ф. 109 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 56. Л. 4—5). Бенкендорф в своем докладе Николаю I подробно пересказал сообщенное Муравьевым и добавил, что, по его сведениям (такой слух действительно ходил) Якушкина выходила замуж по

принуждению матери и мужа своего не любит. В результате на рапорте появилась резолюция Николая I: “Отклонить под благовидным предлогом”.

Публикуется по автографу: ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 126.

***

С. Петербург. Марта 15, 1827 г.

Дурно выразился бы я, сказавши, что мне очень приятно было получить письмо Ваше, милостивая государыня Настасья Васильевна. Слово это сухо, не достаточно: поищите лучшего выражения, не в лексиконе, однако, а где-нибудь. Душевно благодарю Вас за искреннейшие чувства Ваши, коих я истинно не заслужил, и кон служат токмо свидетельством собственного Вашего благодушия. Не полагайте, чтоб я заблуждался много в молчании Вашем. Я знал всегда, что это не туалетное жеманство. Я успел несколько заглянуть в изгибы сердца Вашего и видел в нем все благородное, умел в подобном же молчании питать к Вам и беспредельную любовь отца, и признательность человека слишком обязанного. Но что мне хотелось — непременно возбудить Вас писать ко мне. Это была слабость нежного друга, которой привык с некоторого времени считать жребий Ваш собственным своим. Правда, какая-то клятвенная печать молчания, как бы на устах Захарии, лежала на чувствах Ваших, по-видимому хладных, зато как дружески, как обязательно разговорились Вы в любезном Вашем письмеце. Простите, ежели в письме моем к достойной Вашей маменьке осмелился пошутить над Вами, что слишком расхорохорилось смирение молчавшей. Бог видит, как бы я желал почаще получать такие письма.

Не знаю, за что угодно Вам обязываться мне столь много, тогда как все, что не касалось Вас доселе, относиться должно к единому токмо милосердию Божью. Неужели Вы хотите оставаться у меня в долгу за то именно, что Вы уже сами почтили меня столь лестною честью знакомства и приязни. По всей истине — не нам, не нам, а имени Твоему. Насчет твердости Вашей решимости, чтобы ехать в край Вам чуждый и отдаленный, я ничего не могу сказать Вам нового. Вы знаете мои на сей раз чувства. Дело сие единожды решено и не должно подвергаться ни исследованиям, ни сумнениям. Обеими руками надлежит держаться обета, изреченного сердцем и основанного на долге религии. Вам скажут: будущность Ваша ужасна, и я это совершенно знаю, и Вам известен жребий, Вас ожидающий. Но что же была бы за жертва, ежели бы мы приносили ее без содрогания сердца? Не мысль очаровательности, не чувственность плоти, — существенная обязанность да окрыляет полет Ваш в чужбину. Человеколюбие, дружба, любовь, постоянство — вот Ваши спутники. Почему знать, у здешних ли или тамошних пределов лежит истинное благо Ваше. Мы видим, что люди нередко делаются счастливыми с той минуты, когда сделаются несчастными. Но пусть и не так: то достоверно, что стезя к благополучию, на коей Небо ведет любимых чад своих, всегда усеяна тернием. Следовательно, коль скоро в праведных судьбах Божиих определено, чтобы Вы непременно соделались жертвой благих искушений Его, то и гибель сию надлежит Вам почитать единственным блаженством Вашим. Излишним почитаю обращать внимание Ваше на те взаимные клятвы, которые Вы произнесли некогда у подножия алтаря, как Вы думаете о них? Ведь они залогом Вашим лежат в хранилище небесном. Тот, Кто принял их, непременно потребует у Вас отчет в день праведного суда. Не слушайте, ежели Вам станут внушать, что клятвы сии потеряли свою силу. Нет: Бог единожды сочета, человек да не разлучает. До тех пор, пока будут биться в Вас сердца Ваши друг для друга, союз Ваш свят и не разрушим. И можно ли шутить условием, в коем Всевышний был свидетелем? Разве Вы вверились друг другу для одних только красных дней? О, какой это стыд человечеству, религии, Небесам! Охотно соглашаюсь — опустело место друга Вашего в обществе, среди кровных и знаемых Ваших, однако не в Вашем сердце. Он один и занимать должен его до гроба. — Заранее угадываю, что слова мои покажутся соблазном для многих, даже безумием для тех, которые хотят быть и чувствительны, и добродетельны токмо по моде. Такие люди обыкновенно никогда не чувствуют, что надлежит чувствовать: они только нежничают и применяются к виду добродетели, которой вовсе не имеют. Хотите ли Вы сделать поверку прямым добродетелям, дабы отделить их от ложных? Вот она: добродетели, рождаемые рассудительностью и размышлением, коль мы паче получившие

добродетели, рождаемые рассудительностью и размышлением, кольми паче подчиненные разборчивости вкуса, всегда изменяются и стареют, но добродетели истинно христианские не могут изменяться, а всегда остаются одинаковыми, потому что и Господь наш всегда есть един, той же и вовеки. Но какая добродетель может ближе подойти к качествам Бога любви, как не

человеколюбие и сострадательность? И где же их жилище, как не жилище бедствий и гибели? Там их озарение и свет неприступный. Человек никогда не может столь далеко простирать жестокости своей к ближнему, как тогда, когда сердце его не только отказывается от помощи и услуг, но еще исполняется ненависти. Ужасно помыслить, когда вдруг преследуют и порок, и человека порочного, который во всяком случае не перестает еще быть братом нашим. Это ли чувства кроткого Бога-человека, который к себе только был строг, но ко всем снисходителен и милостив? Это ли признаки истинной веры? По ее гласу мы обязаны не только прощать, но и любить жестоких врагов наших, то можно ли, чтобы мы сделались нечувствительны к гласу страдальца, нам кровного? Мы просто даже недостойны будем счастья, ежели не станем чужого горя почитать собственным нашим. Не спрашивайте, почему тот, а не другой кто низринулся в бездну глубокую: это известно одному Богу. Ваш долг благоговеть только перед святыми Его изволениями и, лобзая руку карающую и легко могущую обратить в благословение и самые клятвы, уметь и самые бедствия включить в число великих милостей Божиих. Что же, ужели коснеть еще в выборе и гаданиях? Жребий выпал из урн судеб, и Вам остается, украсив сердце свое новыми добродетелями, посвятить их страдальцу. Возьмитесь рука в руку и пройдите с ним в терпении духа предлежащее поприще скорбной и тесной жизни.

Быть может, поблекнет скоро лицо Ваше, зато в сердце прозябнет цветник райский. Оно ни в чем не станет упрекать Вас. Вам снова скажут мудрые земли: а край безвестный, а смертный час? Отвечайте им: все равно, под елью ли в холодном климате, под пышным ли мавзолеем в странах теплых, созревать семени для будущего восстания. Напротив — явится, может быть, некогда новый сетующий пришелец и подивится знамению завета и любви супружеской, протяженному над безвестной могилою неразлучных. Но, решаясь на шаг столь трудный и великий, Вы всеми мерами должны блюстись от всякой мечты и воображения: это было бы одно только воздушное созидание. Напротив, исполняйте долг свой из послушания к вере и здравому рассудку. Выкиньте из головы, что похождения Ваши украсятся в отдаленной истории многими прибавлениями: это вздор, недостойный истинного христианина. Дело не в письменах о нас, имеющих дойти до позднего потомства, а в прямом долге, заключающем в себе единую добродетель. Всячески старайтесь походить на тех людей, которые до тех пор, пока благоприятствует им земное счастье, не щадят никаких услуг и благодеяний своих к ближнему. Когда же оно оставляет их, они обогащаются новыми добродетелями. Таковые всегда и несчастьем своим столько же успеют воспользоваться, сколько и счастьем.

Наконец, нельзя еще раз не сознаться, что будущий жребий Ваш довольно незавиден, но разве он улучшится, когда один из Вас будет жить по ту, другой по сю сторону полюса? Мне кажется, печаль менее двум, чем радости одному. Так, я издалека вижу приют страданий, окруженный дикостью природы. Вижу в нем молодую жену, покрытую рубищем на месте нынешних многоценных тканей. Но как пристал к ней наряд сей, как он почтен и величествен! Но что там копошится под мраком нощи глубокой? Бедный страдалец, утомленный от дневных работ, падает на ложе сонное, и какой-то ангел-хранитель с умилением на устах закрывает ему вежды, не могущие сами по себе закрыться, живит и греет кровь его, холодеющую от воспоминаний горестных, сдвигает рукою своею гору, гнетущую грудь любезного, и тем вливает несколько капель отрадных в горький сосуд страдания.

Какая поразительная картина торжествующей добродетели! Это прекрасная пальма, растущая в пустыне бесплодной, это добродетельная невеста, воспетая в песнях Соломоновых. Вижу все сие, и перо валится из рук, трепещущих от чувствий радости и удивления.

Оканчиваю письмо мое поручением Вас Богу премилосердному. Он да управит Вашим сердцем и участью. Что же подлежит до меня, то я, право, изнурился в благих желаниях моих к чадам скорби и бедствий. Небо безмолвствует на вопль мой. Так угодно Создателю. Покоримся Ему во

скорби и бедствий. Небо безмолвствует на воплъ мой. Так угодно Создателю. Покоримся Ему во всем. Прощайте. Не забывайте меня, а я вовеки не забуду спутницы друга моего, готовой искать его даже на дне тартара. Ваш покорный и препокорный

М. П.

Мысловский П. Н. Письмо Фонвизиной Н.Д., 28 марта 1827 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 109—115. — [Т. XII].

2

С. Петербург, 1827 года, марта 28 дня.

Письмо Ваше, друг мой сердечный, от 14 числа сего месяца я имел честь получить. Дожидал и других, обещанных вслед за первым, но не дождался. Напрасно Вы извиняетесь в долговременном Вашем молчании. Естли бы не было тому достаточной причины, и тогда не умел бы я на Вас рассердиться. Я очень знаю Ваши обстоятельства, а и того больше, Ваше сердце: можно обойтись без всякого огорчения и претензии.

Вы говели? Слава Богу! Благодарение Спасителю, который призвал вас в таинственное с собою обручение. Впрочем, хорошо поститься по две недели и более даже и без говения, но поститься надлежит более духом, нежели телом; умерять надо не столько кушанья на столе, сколько мысли в сердце, препятствующие истинному говению и которые несут на себе нередко печать новых соблазнов. Внешний пост, который, по-видимому, должен изнурить, напротив, много помогает испорченному желудку. Точнехонько и дух наш, обремененный пищею земною, чувственною, имеет равномерно нужду в посте. Он тогда бывает гораздо сильнее и лучше варит.

Вы не нашли в живых Духовника Вашего. Вот поучительный урок, что человек должен делать беспрерывные потери! Вот наставление, что ничего нет твердого и прочного под солнцем! Молитесь, друг мой, за прежнего пастыря вашего. Он за Вас некогда молился и не раз примирял Вас с Богом. Не знаю, от чего, но мне пришло в голову в сию минуту: будет время, что Вы еще должны будете потерять не одного Духовника Вашего. Быть может, возвратитесь некогда в край родимый, поищете взорами и сердцем Вашим того, кто более всех Духовников Ваших любил Вас — и какой-нибудь незнакомец в молчании укажет Вам на скромный теремок, покрывающий прах истинного друга и отца Вашего. Тяжкая для сердца мысль! Но что мы противоположим законам природы, всегда послушной велениям Создателя! — простите, и за себя, и за Вас навернулись у меня две слезы, крупные, как перло Востока.

Вы называете меня другом своим: добре и воистину рекла сеи: есмь бо. Но зачем Ваша оговорка? Не хотите ли научить меня сумневаться в Вас? Никогда не научите. Так, любезнейшая дочь моя! До гроба сохраню я к Вам священнейшие чувствования дружбы моей, освященные нежными чувствиями отца. Вы слишком дороги сердцу моему и один раз подаривши Вас полной доверенностию моею, как залогом любви беспредельной; никогда уже не потребую оной назад я ни по капризам, ни по другим каким-либо расчетам. Я буду возвышаться сими чувствованиями. Однакож прошу Вас не забывать, что как у Вас, так равно и у меня есть наилучший и единственный друг, Бог, который несказанно любит всех нас и во грехах наших. Этот друг не из числа мирских друзей, которых чем более у нас, тем они менее любят нас, но Он любит нас от вечности и гораздо прежде, нежели мы Его полюбили. Старайтесь всячески соделаться достойными сего содружества. Какое было щастие для Апостолов слышать из уст Учителя: Вы друзи мои есте! Какое и наше блаженство быть удостоверенными, что друг сей, Небесный жених, беспрестанно призывает к себе невесту свою — душу Благородную Христианскую: Прииде голубице моя! прииди ближняя моя! Вся добра сеи и несть порока в Тебе.

Новый и неожиданный опыт искушения Вашего выводит Вас, как я вижу, из самих себя. Должно сознаться, что нет более и тягчае для нас креста, как сами мы. Но не страшитесь сего. Видно, Бог очень любит Вас, когда начал поражать Вас Вами же самими. Он хочет, может быть, унизить и

вовсе истребить самолюбие Ваше: не мешайте же сему. Бог знает, что мы нередко ненавидим самолюбие наше и любим даже унижение и ничтожество только на словах. А потому Он истребляет в нас зло сие решительным образом. И следовательно, какой бы не потребовал он от нас жертвы, мы обязаны приносить оную без всякого размышления. Если Ему угодно, мы должны лишать себя самых невинных радостей. Вспомните о Аврааме. Пусть трепещет сердце наше, пусть оно скорбит со Иисусом, но мы, подобно Ему, потея водою и кровию, обязаны только вопить на небо: не наша, а Твоя воля да будет! Без сей покорности, без сего самоотвержения, всякая другая преданность наша была бы токмо мечтательная. Уму свойственная рассеянность, но не слыхано, чтоб воля, во всем преданная Богу, могла рассеиваться.

Я очень вижу, что Вы, мучась новыми беспокойствиями сердца Вашего, желали бы перейти в состояние тишины, в которой могли бы заниматься Вашим положением. Это очень натурально, но знаете ли? Господу то неугодно, он именно хочет, чтоб то, что могло бы занимать Вас, даже с некоторым довольством, непременно обратилось Вам в скуку и послужило к вящему сокрушению от Вас, Он хочет, чтоб Вы душевные беспокойства Ваши принимали в духе покаяния о грехах Ваших. Он непременно желает, чтоб Вы совершенно приучились к терпению, столь необходимому под крестом или на кресте, и в котором Вы будете иметь нарочитую нужду. Так не пугайтесь же нынешнего Вашего положения, не бойтесь новых крестов и освобождения от них дожидайте только от Великого Крестоносца Иисуса. Он все исправит в свое время. Он, любя Вас, не попустит, чтоб кресты Ваши превысили Ваши силы. И нужно ли говорить Вам о последствиях? Вот оне: претерпевый до конца, той спасен будет.

Вы боитесь своих мыслей, своего сердца, самих себя; правда, есть чего и бояться. Это такие вещи, которые одна другой ужаснее. К нещастию, не сокроешься от них в недрах земли, ни на дне моря. Они преследуют нас и в сладких мечтаниях ночи. Что ж! Ужели придти от того в отчаяние? Боже сохрани! Да разве мы позабыли, что у нас, при нас, с нами всегда Тот, Который не дремлет, ниже успнет, храня возлюбленного своего Израиля? О нем сокрушим ковы врагов наших. О Нем и в Нем не постыдимся вовеки. Дело в том, чтоб мы крепко на Него уповали и не желая ничего разбирать, слепо шли за Ним даже во мрак и гибель. И там будет спасение наше от Него, и свет соделается мраком не с Ним. Притом должны знать еще что добродетель не в том состоит, чтоб не иметь многих бесполезных, даже вредных мыслей, но чтобы не следовать им самовольно, а обнаруживать востание плоти и духа пред Спасителем, и просить у Него оружие на прогнание и побеждение. Когда разбойники отнять хотят жизнь у проходящего, ужели не должен он прибегнуть к всевозможным средствам защиты, а паче к помощи Божией в молитве? Когда бесстыдный сластолюбец кидается на беззащитную девственность, ужели дева или жена благородная не употребит всех своих усилий, дабы отвратить насилие? Так-то должно и нам поступать, когда или помыслы убиственные, или другие шатания вражии станут поборать бедное сердце наше, и без того всегда слабое и готовое нам изменить. В таком случае, говорит Апостол, хватайтесь скорее за оружие, еже есть глагол Божий, препоясуйтесь мечом духовным и в надежде на помощь Вышнюю исходите в сретение ему, т. е. врагу, и — сила знамения Креста рассеет сонмище чуждых. Ах! всегда спасительна для нас хоругвь сия! Пред нею и Ад не устоял, и смерть выронила от страха оружие из рук своих. Но я замечаю, друг мой, что Вы любите и мечты, особенно много занимает Вас будущее. На что ломать нам голову, а часто и сердце, над тем, что еще не наше? Ибо будущее неизвестно, будет ли нашим. Довольно размышлять и о настоящем, и то как бы в присутствии Божии. Например: почувствуете ли Вы сладость благодати, не запа(са)йтесь оною на завтра, так, как Израиль делал в пустыне с манною; не желайте ни продолжения, ни сокращения оной, но пользуйтесь сими минутами тихо и более для укрепления Ваших немощей. В такой ощутительной горячности Вы не приметите, как будет проходить время, а лучше сказать: Вы не почувствуете, есть ли это время на свете: во время же сухости и даже отвращения опять беседуйте с Христом, говорите Ему о Вашем ничтожестве и о исправлении себя, соделавшись пред Ним сущим дитятею. Не говорите, даже не позволяйте себе этой мысли, чтоб небо и земля от Вас отступились. Это столь же ужасно, как и несправедливо. Когда солнце за облаками, не значит, чтоб оно перестало светить, а тем менее существовать.

Следовательно, всякой подобной излишек происходит или от воображения, желающего все знать, представлять и измеривать в прошедшем и будущем, или от самолюбия, увеличивающего как страдания, так и самые восторги. Вообще, сила воображения не подкрепляемого молитвою и преданностию Богу, всегда в состоянии угасить свет внутренний, подобно как ветр задувает

свечку.

М. А. Фонвизин

Вот что правда Ваша, то истинная правда только то, что лишение мира относите Вы к грехам нашим. И Давид, под бременем тяжких преступлений, жаловался на сие. Несть мира в костях моих от лица грех моих: вот умиленный глас сердца его к Сердцеведцу! Подлинно, где нет мира в сердце, там и Бог отсутствует. Однако отсутствие сие не предполагает невозвратной погибели. Оно бывает отнюдь не для того, чтоб никогда уже не заменилось новым, благодатным явлением. Нежная мать часто прячется от детей своих, дабы привесть их в некоторое

Н. Д. Фонвизина

смущение и даже в страх. Как бедные малютки мучатся и потеют, ища свою родную! Но зато, какая неописанная бывает в них радость, когда сию найдут! Верьте, это слабо еще изображают разочтенное удаление от нас Небесного Отца. Милосерднейший явится ищущим Его, явится из-за облака, в котором был сокрыт на минуту, и — вселенная исполняется радости. В этом именно смысле я и просил Вас быть совершенным дитятею пред Богом. Не пытуйте благодати. Она может надолго сокрыться. Я не знаю, какого рода новые смущения тяготят душу Вашу; но в том совершенно уверен, что вообще для всех и от всех подобных беспокойств существенное и самое вернейшее врачевание: пост и молитва. Каждый род душевной болезни имеет свой рецепт, но сей спасителен во всех вообще, и в каждом порознь. От чего? — Именно оттого, что он прописан небесным врачом душ и телес. Откройте на время Евангелие, — Вы там увидите злополучную мать, хотя не израильского колена, но в духе чистой веры вопиющую во след Иисуса: Помилуй мя, сыне Давидов! Дочь моя зле, т. е. ужасно беснуется. Ученики и прочие иудеи желали знать от Христа, чем можно избавиться от сего мучительного состояния? — Ничем, сказал Богочеловек, как токмо постом и молитвою. — Так говорите же и Вы Христу, вопите к нему подобно жене Хананейской: помилуй мя, Спасителю мой! Не дщерь и не плоть, а дух мой зле беснуется. Помози Господи моему слабоверию. Отврати от мене внушения плоти и духов злобы поднебесных. Исторгни из сердца моего корень греха, глубоко утверждаемый рукою Едемского обольстителя. Обнови дух мой и посели в ней страх твой. Врази мои восташа на мя, но у меня единая помощь и избавление мосты сие. Побори борющия моя. Не дай врагу моему радоваться о мне и да не речет в буйной твердости своей: укрепихся на ню. Защити и спаси мя от всех, гонящих мя, да не рекут: где есть Бог ея, на него же упова? Не привлецы мене со грешники и не даждь видеши истления рабы твоей. Еда вовеки отринешь мя и не приложиши благоволити паки? Еда удержи ми во гневе твоем щедроты своя? Боже мой! Не удались от мене, Боже мой! В помощь мою вонми и яви мне милость твою и спасение Твое даждь. Боже! очисти грех мой: мног бо есть! Господи! Скорби сердца моего умножашах: сохрани убо душу мою и избавь мя, да не постыжусь яко на Тя упова.

Сим и подобным образом молитесь Вы Премилосердому, и в молитвах прогоняйте всякое суетное помышление или ищите таких которые не приходят. Дайте только разговориться сердцу Вашему пред Богом в смирении и Вам трудно будет остановиться. Святые гораздо более Вас имели крестов, однако и среди оных умели сохранить и мир с Богом, и правду в сердце. Ибо беспрестанно молились. Молитесь же и Вы. Молитва то же для духа нашего, что пища для тела. Но естли не удовлетворит или даже наскучит молитва, оставьте ее без всякого оскорбления на себя и взявши книгу, читайте с желанием назидания себе. Когда говорю я, что для назидания себе, то конечно разумею не такие книги, какие видывал я у Вас в доме Варварина15. Надобно читать в Вашем положении такого роду сочинения, которые не дают много разума; напротив, отнимают желание иметь его. Блажени нищие Духом. Блажени поучающиеся в законе Господни день и нощь. После такового чтения, на место отдыха, углубитесь в прочитанное Вами, но более

нощь. После такового чтения, на место отдыха, углубитесь в прочитанное Вами, но более сердцем, нежели умом. Например: прочитавши из Иоанна Евангелиста главу о страданиях Иисуса Христа, коих творим мы ныне память, размыслите хорошенько: за что страдал неповинный Сын Божий? Что сделала для нас, бедных грешников, вечная и беспредельная любовь Отца Небесного? Какою неслыханною жертвою искуплен человек-грешник, дерзкий ослушник Адонаи16? Вникните в чувства Иисуса Христа на кресте и спросите себя беспристрастно: заслуживаете ли Вы такие не оцененные заслуги? Не распинаете ли вы снова Великого Крестоносца вашими грехами, Вашим нетерпением, малодушием и даже пылкостию своего сердца? Никакого нет сумнения, что после сих Благочестивых размышлений воспрянет дух Ваш, как бы от усыпления некоего смягчится сердце окаменелое, и следовательно холодность и упорство уступят живым впечатлениям Благодати, сухость сладости, недостаток избытку, лишение приобретениям, и в довершение торжества веры, утешительницы страждущих, Вы зарыдаете как ребенок слезами умиления и благодарности к Спасителю. Вы невольно увлечетесь в недро Его и скажите Ему: Так! Твое есть дело любить праведника, но и миловать грешника. Ты многомилостив и во гневе своем: что ж будешь в милосердии и любви? Боже! Снова оживил и воскресил Ты душу мою почти дерзнувшую неположиться на судьбы Твоя. Пробави убо Господи милость Твою ведущей Тя.

Писал бы Вам, друг моего сердца, еще более, но право, и рука устала, и говеющие мои напомнили мне о вечерних молитвах. Во многих домах я служу, вдобавок каждый день обедня в домовой церкви. Прощайте. Не смею однакож обманывать Вас, чтоб сам я подчас не скорбел Вашею скорбию. Тужу иногда об Вас в уединении моем и сердечно желаю Вам того спокойствия, которое доставляет нам чистая преданность изволениям Божиим. Еще раз прощайте. Не скучайте, естли, может быть, нескоро получите от меня письмо. Гора дел предстоит немощам моим. Знайте, наконец, что любовь моя к Вам еще более умножается в Ваших немощах и в беспокойствах сердечных. На этот раз как бы хотелось мне быть вместе в Вами!

Вам во Христе усердный и преданный друг П. М.

P. S. Рассчитывая дни получений писем, я думаю, Вы это письмо получите в начале Пасхи. Итак, издалека поздравляю Вас с праздником праздников, душевно обнимаю Вас и велегласно восклицаю: Христос Воскресе!

Ба! Только что хотел печатать письмо, как подают мне Ваше письмо от 21 числа сего м-ца. Оно совсем не таково, как предшествовашее ему. Благодарю Бога, что вижу Вас паки в некотором спокойствии. Не видите ли Вы на самом опыте, что дела веры весьма пособляют нам нести крест наш? Ну, тем чаще прибегайте к сим спасительным пособиям. Сверх сочинений Святителя Димитрия, достаньте полное собрание сочинений Преосвященого Тихона, епископа Воронежского17. Ах! И он писал чистым золотом, на всякий случай, на всякую потребу найдете там достаточные советы и врачевства. Слог его разговорной, чистой, отеческий. Читая его, кажется, видим и слышим сего Богодухновенного Иерарха. Пожалуйста, познакомьтесь с духом письмен его. Скажете спасибо, разумеется, не мне, а покойному сочинителю.

Дурно Вы сделали, что хотели обойти москов(ского) Вашего Духовника, но весьма хорошо, что чистосердечно мне признались. И всегда поступайте так, друг мой. Ошибки не будет. Заметьте же — надобно, чтоб сельский Ваш Духовник отошел ко отцам своим. Не есть ли это урок? Не наставление ли, чтоб мы не шутили, не коварствовали в делах религии. Я уверен, что Вы Духовнику своему непременно сказали о Вашей увертке. Иначе быть не могло.

Несказанно подарили Вы меня, уведомивши, что Ваш и мой друг18 здоров, а что всего больше — так и спокоен душевно. Паче меда и сота для меня словеса сии. Да подкрепит Небо страдальца в юдоли плачевной. Но что я сказал? И вся земля есть юдоль плача и страдания. Мы все изгнанники, окованные грехами, только что идем ежеминутно в отчизну свою.

Непостоянству мира и разнородным явлениям его нечего и удивляться. Мир всегда будет мир

Непостоянству мира и разнородным явлениям его нечего и удивляться. Мир всегда будет мир. Чада его никогда не будут чада света, истины. Просите Отца щедрот, да избавит Вас от мира сего и от неприязни. Вспомните, и Сын Божий молился некогда о сем.

Как же мне не благословлять всем сердцем моим Ваше доброе сердце? Многажды благослових и паки благословлю тя. Господь с тобою, дитя мое милое. Ангелы да хранят тебя.

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 19/20 апреля 1827 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 98—100. — [Т. XII].

2

С. Петербург. Апреля 19, 1827 года.

Письмо Ваше, Милостивая Государыня Наталья Михайловна, я имел утешение получить. Что не отвечал Вам на оное, прошу извинить. Не все хлопоты и занятия, иногда удерживало от намерения отвечать что-то похожее на лень и даже на рассеянность. Что делать? Ведь и мы тоже люди, и у нас то же облачение плоти и костей.

Из письма Вашего я, к истинной радости моей, видел, что Господь донес Вас до отчизны Вашей в добром здоровье и без всяких неприятных приключений, и за это благодарите Того, у кого всегда готовы миллионы ангелов для служения человекам. Что надлежит до первых движений сердца Вашего с Вашею родительницею, с кровными и знаемыми, я могу только вообразить — сколь они должны быть сильны и мучительны! Вот время, в которое человек невольно весь погружается в чашу горести, вместо того, чтобы вкусить из чаши радости и блаженства! Все, что составляло предмет веселия и милой беспечности во дни юности Вашей, все, без сумнения, призывало Вас к чувству скорбному. В полной мере, более нежели кто-либо, чувствую разность между отъездом Вашим из родины и между возвращением в оную. Было время, когда самые мелочные вещи доставляли полное удовольствие забавам и невинным радостям нежных лет Ваших, когда Вы, не зная ни скорби, ни забот, подобно птичке, летающей по верхам гор, видели только счастливое тещение дней Ваших: а ныне? Сознаться должно, что положение Ваше, особенно в первых днях жизни Вашей на родине, довольно прискорбное. Самые приятности сельского уединения, всегда имеющие преимущества пред шумною городскою жизнию, едва ли будут иметь цену в Ваших глазах. Знаю, и как бы вижу, что Вы у каждого предмета, у каждого кусточка, Вам не чуждого, вопрошаете, куда сокрылось спокойствие сердца Вашего? Вы в состоянии, и некоторым образом вправе требовать потери Вашей у всей Природы. Так, друг мой, Наталья Михайловна! Скорбь ваша справедлива: так ужели и остается для Вас питаться сею во всю остальную жизнь Вашу? Ужели слезы единственное будет питие Ваше? Я выше сего хотел угадать состояние сердца Вашего, и если оно точно таково, отнюдь не утверждаю, что оно долженствует быть таковым. Напротив, я хочу сказать Вам, что если в Праведных Судьбах Божиих непременно положено, чтоб Вы соделались жертвою благих искушений, то Ваш долг — и гибель Вашу почитать единственным блаженством Вашим. Следовательно, как Вы будете грешить, когда вместо терпения и преданности станете только плакать и малодушествовать! Гнев Божий, во исправление ли наше, в знамение ли любви или прощения, поражает нас нередко, подобно молнии, вырвавшейся из облаков. Мы не знаем, как начнется явление сие, но уверены, что кончится решительно нашею выгодою. Бог никому не отдает отчета в действиях Своих, но то достоверно, что Он все наклоняет к таинственным и благим путям Своим. Он часто, и по большей части, всегда одним и тем же ударом, которым нас поражает, тем же ударом и спасает; одною рукою, по-видимому, казнит нас, другою же и в то же самое время, дарует нам мир и благословение свое. Я еще больше скажу Вам, что человек нередко делается счастливым именно с этой минуты, когда начнется его несчастие. Вы, без сумнения, догадались уже, куда и к чему клонятся слова мои, слова, истинно сердцем отеческим Вам произносимые. Я слишком уважаю скорбь Вашу, но лично Вас самих, Ваше спокойствие еще более того. Притом я связан контрактом священным и плачевным3. А потому моя единственная к Вам и просьба, и проповедь

всегда будет та: ради Бога старайтесь умерить тоску Вашу, которая, рано ли, поздно ли, непременно соделается причиною гибельных Ваших последствий. Не думайте, что в уединенной жизни Вашей для Вас всего приличнее будет заниматься скорбию и сетованием. Нет: уединение тогда только приятно, когда оно есть отдых от забот или страданий душевных, но беспрерывное уединение, соединенное с беспрерывною мрачностию души, неминуемо поведет Вас к разрушению и ничтожеству. Что тут будет доброго? Разве приятно не мысля и не желая нисколько, сделаться медленным и постепенным самоубийцею? Боже сохрани от сего и величайшего изверга в мире! Посудите, когда Господь, по премудрым и отеческим рачениям Своим, решится дать грозные уроки свои не только в частности одному человеку или немногим, но в совокупности вдруг всем Царям и Царствам: какая сила отвратить дерзнет мание Божественное? Что все миры противоположить могут уставам сим твердым и воле, всегда Всемогущей? Не лучше ли смолкнуть в смирении пред сею десницею, творящею дивное и славное? Не лучше ли лобызать сию в благоговении и просить токмо сил подкрепления и помощи? Не лучше ли, вняв совершенно чувствам страдальца любезного, последний раз беседовавшего к Вам пером и сердцем из жилища мрака и гибели, говорить всегда и единожды уверить себя в сей благотворной и спасительной мысли: да будет воля Твоя Святая! Так! Друг Ваш в глазах моих погас, как тихая заря на западе. Я лил мои слезы умиления и соединял их с его слезами сокрушения к сердцеведцу в нощь роковую и ужасную. Я был торжествующим свидетелем, когда он торжественнно примирился с совестию своею и с Всеблагим Отцом Небесным. Мне виделось, чтобы Ангел-хранитель заботливо собирал слезы его, бережно влагал их в сосуд и уносил в небо, дабы посеянное слезами взрастить единою и бесконечною радостию. Я на пути ужасном приложил руку мою к сердцу покорного Небу сына, и — чувствовал, что оно тихо билось для единого Бога4.

Итак, не более ли еще радости для Вас здесь, чем слез, малодушия, и тем паче ропота, которые во всяком случае будут преступлением Вашим? О друг мой! Страшитесь прогневать Бога Милосердого Вашею тоскою и бездейственною мрачностию. Не слушайтесь ни мира, ни собственного Вашего сердца. Повинитесь Воле, не знающей никаких препятствий и преград. Будьте кротки, смиренны и послушны сердцем, как дитя. Просите у Господа сил для несения креста Вашего. Молите Его, чтобы Он сам научил Вас не роптать на Святую волю Его. Сим в точности Вы исполните последнюю волю друга Вашего. Не мечтайте много, ибо сила воображения будет только усугублять страдание Ваше, так, что и самые сновидения будут заключать в себе одни только для Вас ужасы. Молитесь Богу за себя, за все близкое сердцу Вашему и за отшедшего. Молитва станет Вас нечувствительно облегчать. Не сердитесь ни на кого и никого не считайте причиною вашего несчастия. Всего более старайтесь не иметь врагов Ваших, опричь только грехов Ваших и заблуждений. Жив еще Бог Авраамов, и Ваш, и общий наш Бог! Не отчаивайтесь. Возсылайте к Нему сердце Ваше: Он всегда услышит Вас и будет Вам во отца. Вовеки не забывайте, что друг Ваш, сходя в гроб, понес туда чистую веру и надежду на милосердие Божие. Наконец, прошу оглянуться вокруг себя: у Вас есть залог любви супружеской, следовательно, жизнь Ваша не Вам одной принадлежит.

Простите, друг мой! Писал бы более, но более уже часа, как ждут этого письма. Простите. Небо да будет Вашим покровом! А я никогда не позабуду Вас и — разлученного с Вами только по телу — в грешных воздеяниях рук моих пред Богом.

20 апреля 1827. Утро.

Протоиерей Петр

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 13 июня 1827 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 100—101. — [Т. XII].

3

С. Петербург, 1827 года, июня 13 числа

С. Петербург. 1827 года, июня 13 числа.

Письмо Ваше, друг мой сердечный Наталья Михайловна, от 17 числа прошлого месяца, доставил мне на сих днях почтеннейший Федор Иванович5. Так! Нет у меня для него другого титла. Его христианское участие в Вас дает ему полное право на сие наименование. Благодарю Вас за

изложенные мне чувствования Ваши. Я их не заслужил. Богу, как источнику совершенств, все доброе надлежит относить. Ему Единому во всяком случае да высказует сердце наше благодарственное. Мне одного только жаль в письме Вашем, что Вы ничего не сказали мне насчет душевного Вашего состояния. Я знаю, что радость минувшая уже не отзовется более в сиротеющем сердце Вашем, но более того несравненно уверен, что силен Господь всячески восставить душевное Ваше спокойствие. Да обращается к Нему сердце Ваше во умилении, как подсолнечник склоняется к солнцу. Старайтесь пред Ним Единым предлагать Ваши надежды и скорбь. Укрепляйтесь упованием, что Он не забудет Вас и не оставит Вас даже там, где бы кроме Вас самих никого не было с Вами. Ищите его повсюду и на всяк час, и Он Вам явится на всяком месте. В покорности духа смолкните пред Божественным Промыслом, коего путей сокровенных ни Вы, ни я, никто другой постигнуть не в силах. Господь крестом спас мир весь; им же спасает и каждого из нас: из сего познайте необходимость Креста; тогда он будет Вам в знамение, коим Великий Крестоносец запечатлевает избранных своих. Молитесь чаще и присматривайте за сердцем своим, дабы всегда иметь его в чистоте. От чистоты сердца зависит и чистота поведения. Держитесь Веры Евангельской: она будет для Вас в жизни Вашей то же, что столп пустынный для Израиля на пути его в землю обетованную. Как сокровище небесное любите и прилепляйтесь к добродетели, и Вы пребудете превыше всех бедствий. Ибо один только добродетельный человек, даже в низкой и безвестной доле, может наслаждаться истинным счастием. Порочному на самой высоте земного блаженства чужды и неведомы чувствования истинных наслаждений. Старайтесь, друг мой, в общежитии Вашем бегать даже наималейших дурных привычек, которые всегда и нечувствительно влекут нас, как жертв заколания, к самым великим грехопадениям. Но когда, яко человек, яко скудель немощная, или что-либо помыслите, или, чего не дай Боже, будете решаться на что-нибудь дурное, то вот Вам рецепт от сего недуга: живо представляйте себе, что в те минуты, когда мы только еще советуемся с сердцем своим на какое-либо преступление, каждая черепица, каждый кустик имеет глаза! А что уже сказать об очах Божиих, которые равно видят и на дне моря, и во глубине нашего сердца. О друг мой! и самый сокровенный вздох ваш, чистый и нечистый, всегда слышен на небе.

Не ищите себе многих друзей: ибо их трудно найти, но ищите окружиться весьма немногими, но добродетельными и Богобоящимися. Быть в таком кругу значит то же, что быть в раю среди ангелов. Оживляйте в сердце Вашем память несчастного друга, но только для того, чтобы молиться о нем в тихих слезах к Богу. Не опускайте обращать всего матерьнего Вашего внимания на залоге любви вашей супружеской. Ваши о ней попечения пособят Вам рассеять мрачное состояние души Вашей и постепенно станут привязывать и Вас самих к жизни. В часы невольной скуки, которой прихода ни знать, ни предупредить мы не в состоянии, спешите к теплому еще недру родимой Вашей, и Вы отдохнете в объятиях не чуждых. Эта мысль, это желание всегда занимало и покойного. Наконец — просите Бога, чтоб сам Он научил Вас не только не роптать на святую волю Его, но во всяком случае принимать ее в виде отеческого благоволения. — Простите. Писать более не успеваю, хотя и хотелось. С сегодняшней почтою пишу много в Москву и еще кой-куда. Вас и Настиньку6 благословляю всем сердцем моим. Особенно возлагаю умственно грешные руки мои на главу малютки милой, вопия на небо: Господи! Благоволи приосенить Небесным Промыслом Твоим отроча сие. У сей невинной нет иного отца, кроме тебя! Но подкрепи и немощи родившей сю. Жив Ты, наш Бог и Бог Авраамов, да будет же жива и душа их. И так, прощайте, друг мой сердечный. В часы досуга пишите, ради Бога, ко мне. Мне сладко будет всегда отвечать Вам, почтеннейшей родительнице Вашей Мир Божий и мое нелестное почитание.

Вам душою преданный

Петр, грешник из грешников

На обороте: Ее благородию Милостивой Государыне Наталье Михайловне Рылеевой.

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 31 июля 1827 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 102. — [Т. XII].

4

С. Петербург. 1827. Июля 31 дня.

Письмо Ваше, друг мой Наталья Михайловна, от 5 числа сего месяца, я имел утешение получить чрез почтеннейшего комиссионера Вашего7. Благодарю Бога, что он держит над Вами свою крепкую отеческую десницу. Сладко слышать для меня, что если Вам не лучше, то и не хуже. Это все от единого источника, из коего проистекает к нам всякое даяние благо и всяк дар совершен. Да не оскудевают для Вас небесные дары сии. Да будете и вы их достойны. Никто, друг мой, как Господь. Он и живит, и мертвит, убожит и богатит, возводит и низводит. К Нему адресуйтесь во всех нуждах Ваших. Пред Ним открывайте сердце Ваше и усердно просите Его помощи. Обратитесь к тени, для Вас любезной: она более, нежели кто-либо, желает Вам спокойствия и просит Бога осушить Ваши слезы о нем, которых она сама уже не проливает. Мне кажется, что незабвенный друг Ваш и в сию минуту повторяет Вам слова сии, написанные некогда им в месте мрака и гибели — Бог Вас не оставит! Точно, Бог Вас не оставит, ибо он благоволил лишить Вас того, что составляло для Вас в жизни Вашей единственное и первейшее благо. Следовательно, Господь будет уметь, как и в чем примириться с Вами. Только положитесь на Него. Будьте пред Ним просты и послушны, как доброе дитя. Ничего Господь столько не любит, как нашего смирения и послушания, и нам ли, земным пылинкам, восставать против святых Его изволений?

Вы боитесь отнять у меня время, и не только, а потому и желаете, чтоб я не так часто писал к Вам. Не беспокойтесь, друг мой, о том. Я очень уверен, что у всякого из нас всегда найдется много времени для подобных дел, буде только найдется столько доброй воли. Будьте уверены, что я своею с Вами перепискою нисколько не расстрою хода занятий моих. Притом, ужели Вы думаете, чтоб я переписку эту ставил ниже обыкновенных моих должностей? Нет, мой друг, и по личной моей к Вам привязанности, и по обету священному я никогда и ни в каком случае Вас не покину. Разве только тогда я позабуду Вас, когда позабуду Бога. Чтож надлежит до Вас самих, я не только не обязываю Вас слишком аккуратно отвечать мне, но и прошу отнюдь не вести сего расчета. Как Господь велит и сколько Вы успеете писать, я тем буду и доволен. Впрочем, буде повстречаются с Вами, чего не дай Боже, какие-либо особенные скорби и огорчения, Вы, не делая себе ни малейшего принуждения, тотчас пишите ко мне: во всякую минуту, при помощи Божией, поспешу Вам на помощь. Ради Бога, не скрывайте от меня ничего, и верьте, что после Вашей маменьки иметь больше меня невозможно в Вас живейшего участия. По крайней мере, половину Вашего бремени отдавайте мне: с радостию понесу его.

Милую Настиньку Вашу и Благословляю всем сердцем, и целую стократ. Маменьке Вашей прошу засвидетельствовать мое душевное почтение. Жена моя и благодарит Вас чувствительно за добрую память Вашу, и посылает Вам все наилучшие пожелания свои. Впрочем, я здоров по телу, но душа моя страдает от грехов. Молитесь, друг мой, молитесь усердно и за меня, а паче, дабы Господь извел меня из глубины греховныя. О, как страшно, когда Вы или кто другой скажет или напишет мне: батюшка! Отец мой! — тяжки слова сии и сей совершенный упрек для таких отцов, как я.

Будьте, друг мой, здоровы. Да не сетует душа Ваша по особе, Вами потерянной. Веруйте, что Вы сию обрящите некогда в лоне Божии. Прощайте. Сам я пребуду до гроба преданный Вам в Боге грешник Петр.

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 26 декабря 1827 г. С. Петербург // Российский

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 26 декабря 1827 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 103—104. — [Т. XII].

5

С. Петербург. 1827. Декабря 26.

Давно, слишком давно не беседовал я с доброю моею, пустынелюбивою горлицей. Давно, как бы нечувствительный, не откликался я на томный и вместе сладкий для меня голос ее. Так, мой друг Наталья Михайловна, я и сам соскучил, не писавши к Вам столь долгое время. Мне больно будет, если чрез то подам Вам возможность делать невыгодные заключения. Бог видит, что если не увеличилась паче и паче любовь моя к Вам, то наверно и не могла умалиться. Множество хлопот разнообразных как по прямой моей должности, так и по другим внешним и вовсе до нее не касающимся, удерживали поднесь мое перо. И потому, нашед несколько минут свободных, я пишу к Вам с несказанным порывом радости и с чистейшим удовольствием. Как Вы себя чувствуете? Разумеется, это первый мой вопрос к Вам. Благодарить ли мне Бога, милующего Вас во днях скорби и сетования? Притупляется ли мало-помалу по Его же соизволению жало туги8 сердечной? О! У меня одна только мысль на счет Ваш, чтоб Вы всеми мерами старались примириться с небом, чтоб Вы не шли вопреки неизбежным определениям Судеб и чрез то приучались бы преуспевать в школе искушения и креста, во всяком случае спасительной. Притом не бесполезны ли, и если позволите сказать, не безрассудны ли были бы слезы, даром проливаемые? Подумайте, друг мой, что сверх греха, нет в них ни малейшей еще и выгоды; напротив, очевидный вред. А потому, рано ли, поздно ли, все-таки поневоле, так сказать, надобно же будет перестать и плакать и скорбеть. Ах, милая моя горлица! Уже не возбудят Ваши вздохи и стенания к жизни того, кто давно у Бога. Не оживят Ваши слезы семени, посеянного для будущности. Покоритесь Господу и не раздражайте Его напрасными жалобами, по меньшей мере — тяжелыми сердечными воздыханиями. Берегите себя для залога взаимной некогда супружеской любви Вашей. Вспомните, и покойник хотел, чтоб Вы и за себя, и за него жили для сироты-малютки, велит Ваш долг к ней. Вам должно ни на минуту выпускать из виду существа невинного. Скорее забудьте себя, нежели кровь Вашу, чистейшую и пламенную, еще на заре дней своих в бедном ребенке. Правосуднейший и вместе премилосердный не может далеко простирать испытания своего, так, чтобы сии испытания превысили меры слабых сил наших. Он поддержит Вас в случае бессилия. Он утешит Вас в том, в чем Вы не чаете, и там, где Вы отчаиваетесь. Почему знать? Может быть, младенцу Вашему суждено соделаться некогда ангелом-утешителем последующих дней Ваших. Но если бы и сего не случилось: Вы все-таки обязаны до последней капли испить чашу, свыше уготованную. Вы, и вместе с Вами я, должны быть всегда столь справедливы, чтоб, принимая благодеяния Божии, умели принимать в благодушии и раны, приближающиеся к телеси нашему, особенно, когда размыслим, что это так угодно Всемогущему. О милая моя! Пусть Господь и всегда говорит с нами по-своему, а не по-нашему. Иначе, буде бы все текло по собственной воле нашей, тогда, поверьте мне, (не) было бы нас несчастнее на земли. Убо благодарение Отцу Небесному, который не перестает промышлять об нас, который часто защищает нас — от нас самих! С каким чувством веры и упования произнес последние слова сии на земли незабвенный друг Ваш: да будет воля Его святая! Напоминаю Вам о сем, отнюдь не имея желания раздирать и без того сильно израненное сердце Ваше, но хочу только, чтоб благородные, христианнейшие чувства сии перешли и к Вам, как бы в наследственный удел. Покоритесь так, как он успел покориться, уверьте и Вы меня, как он уверил меня в час роковой, что сердце его, живущее Богом, не билось уже более ни для страха, ни для надежд земных. Подлинно — как мне забыть эти ужасные, и вместе драгоценные минуты! Но почто Вас не было тогда с нами? — Вы бы чувствовали теперь со мной одинаково, Вы бы проливали втайне к Богу слезы умиления и самой благодарности.

Простите, друг мой, если я невольно увлекся за пределы позволенные. Для меня нет лучшей памяти об отшедших ко отцам своим, как память последних их чувств, принадлежащих Богу, последних их вздохов, Ему же посвященных. Простите. Душевно желаю Вам спокойствия, зависящего от простого повиновения Господу. Позвольте мне всегда возвышаться именем

нежного Вашего отца.

Ваш П. М.

Мысловский П. Н. Письмо Фонвизиной Н.Д., 1828 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 117. — [Т. XII].

4

С. Петербург. 3-е число, 1828 года.

Вдруг три письма получил я от Вас, мой милый, бесценный и оплакиваемый друг! — Постойте: дайте утишить чувства и отереть горячие слезы, во множестве лиющиеся из глаз. Так, моя дочь! ударил час роковой и жребий Ваш не остается более ни безвестным, ни сумнительным19. Ударил этот горестный час — и Вы можете сказать: вмале бы с Вами и к тому не узрите мя. Зачем нет никакой возможности отвратить эту минуту? Зачем невозможно искупить сие никакими жертвами? Но пытать ли дерзнем мы небо своими вопрошениями? Бог так судил; в Его великой книге от века подписан приговор сей, и — нам остается лишь с покорностию последовать непостижимым назначениям. Соберите, друг мой, остаток сил Ваших, лучше сказать — бессилия, и дайте освятить их Господу. От Его благословения теките в путь, не обещающий Вам ни роз, ни ясных дней мира, и который однако же осветится чистотою совести Вашей и благим изволением. Жертва, благоприятная Богу, достойно оценится и людьми. Но естлибы люди и не так смотрели на Ваш подвиг: найдется один, два, а может быть, и более благодарнейших Вам и понимающих Вас человека. Крепко положитесь на Провидение. Мысль послужить скорбящему да сопутствует Вам и днем, и ночью. Она сильна будет защищать Вас — от Вас самих и от всего неприятного. Присоединяйте к ней и молитву беспрерывную. И в повозке, и там, где будете останавливаться, начинайте и оканчивайте все тою же молитвою.

Писать более некогда, да и сил нет. Вашу добрую Юлию20 я полюбил уже потому только, что она Вам принадлежит дружбою и сердцем. Пока она будет здесь, мы вместе станем вспоминать об Вас и желать Вам всех от Бога благ. Прощайте, дочь моя! Буди мое грешное благословение на Вас от ныне и до века.

До гроба и за пределами оного Вам преданный друг П. М.

Мысловский П. Н. Письмо Миллеру Ф. И., 1828 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 107. — [Т. XII].

Приложение:

ПИСЬМО Ф. И. МИЛЛЕРУ

Покорнейше прошу Вас, Почтеннейший и многоуважаемый мною Федор Иванович, прилагаемое при сем письмецо вложить в Ваш конверт и отослать по принадлежности. Я не запечатал его, потому что в нем нет ничего таинственного, и мне весьма приятно, даже обязательно, беседовать с злополучною как бы одними, вместе с Вами, устами. Пускай съединенные письма наши свидетельствуют вдовице горькой и соединение наших к ней чувств.

Удостойте принять повторение, от которого и впредь не в силах воздержаться, повторение всей моей братской христианской любви и нелестного почитания

(1828)(/1828)

вам душою преданный П. М.

Мысловский П. Н. Письмо Фонвизиной Н.Д., б. д. («... пылкостию чувств. Что ж тут делать?..») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 115—117. — [Т. XII].

3

...* пылкостию чувств. Что ж тут делать? Поступать по примеру мудрых дому владык, которые, коль скоро заметят, что издержки их слишком умножаются по мере излишеств, смело и решительно отсекают все то, что может оному способствовать, боясь совершенно разориться. И в духовном смысле те же почти явления, которые бывают в гражданском быту. Верный закон, чтоб воздержаться от слов, надобно умерять мысли. Наоборот, чтоб меньше иметь помышлений суетных и часто мучительных, надлежит умерять слова, а паче празднословие. Сие последнее суть единственный путь к разрушению человека внутри нас. Мне прискорбно видеть Вас в борьбе с собою. Уверен, что Благодать Божия ведет нас часто от сопротивления к истинному добру нашему, но ведь надобно уметь идти и по проложенной дороге. Путь сей еще очень не гладок, но естли бы он и не таков был, виновата ли будет прямая дорога, естли мы, идя по ней, на каждом почти шагу спотыкаемся и падаем? Я Вам уже предписывал духовный рецепт. Естли он мало приносит пользы, вот Вам и прибавление к нему: 1-е: не делайте сильного напряжения, когда надобно будет Вам сражаться с приходящими мыслями. Враг не всегда побеждается напором и силою. Часто очевидная уступка решительно сражает его. 2. Бегайте таких бесед, где председательствует единая праздность. Можете судить, кто должны быть ассистентами такого председателя? Даже не всегда сходитесь с щастливцами мира, не умеющими понимать чужого горя. У них ничего нет общего с Вами. А потому ищите беседы более с людьми, равными Вам по жребию, или опять с такими, которые будут иметь влечение, подобное Вашему, к Богу и которые больше Вашего умели положить основание Благодати Спасающей. В первом случае Вы нехотя станете привыкать к общему вкусу и даже к выбору материй, о чем говорить, во втором избранная Вами особа, будучи гораздо совершеннее Вас, при простой и всегдашней откровенности Вашей, всегда поспешит Вам на помощь, утешит Вас, напитает, а в случае надобности откроет Вам глаза. Это будет прямой и истинный друг, которого Вы не должны однакож искать ни в отличных достоинствах, но под пурпуром и златом. Просите этого друга, чтоб на месте Вас самих приглядывал неослабно за Вашими не только поступками, но даже и за всеми движениями души и сердца. Признаться должно, что трудно найти таких друзей; по меньшей мере, просто доброй человек и честных правил всегда больше подействует на нас, естли мы ему доверяем, нежели сами мы. Ибо мы любим любоваться истиною, которую сами себе умеем сказать, но оною же истиною смиряемся и делаемся не столь высокомерными, когда слышим оную от других. 3. Будьте во всяком случае верны, сколь возможно больше, к внутреннему свету, или, все равно, принуждайте себя более и чаще слушаться Бога, нежели воображения своего, и таким образом с жизнию Вашею умозрительною соединяйте и жизнь действенную, ищите напр(имер) случаев к благотворениям, приглядывайте хижин, преклоненных долу и входите туда с любовию в сердце, а с помощию в кармане. Словом, старайтесь не столько умствовать, сколько действовать Благочестиво. Тогда, очень естественно, мало останется у Вас и времени, и места для толпящихся в Вас помышлений. 4. Я советовал Вам читать и читать с размышлением хорошие книги. Это — ежели это чтение не пользует Вам, и Вы, постоянно читая, ничего не понимаете, — это явно доказывает совершенную Вашу рассеянность, делающую Вас совершенно неспособною ни к каким великим делам. В таком случае остается Вам самим соделаться, так сказать, живою книгою, или все равно должно беспрестанно делать то, чему учат книги. Главное же и в сем случае, чтоб не оставаться совершенно праздною. И то правда, что гораздо лучше пребыть праздным, нежели делать нечего. 5. Наконец, в Вашем положении как яду убийственного надлежит убегать забав и неги, какого бы оне роду не были.

Нега есть недуг душевный. Она столько же и в светском смысле, сколько и в духовном приносит нам зло. Изнеженный человек всегда остается жалким бедняком и в том, и в другом значении. Он не в состоянии...

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 30 апреля 1828 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 104—105. — [Т. XII].

6
С. Петербург. 1828. Апреля 30.

Письмо Ваше, друг мой Наталья Михайловна, писанное в 25 день марта, т. е. в день торжества всех торжеств Церкви Христианской, я имел честь получить чрез почтеннейшего Федора Ивановича. Послезавтра у нас еще отдание сему великому Празднику, а потому на Ваше усердное Христос Воскресе, я могу еще ответить Вам с подобным же чувством: воистину воскресе Христос! При сих словах я Вас объемлю, как дочь, и молю Воскресшего Спасителя, да воскреснет и Ваше сердце как для живейшей веры в Него, так и для радостей, коим Вы, может быть, умерли. Да возьмет Он Вас под сень крыл своих и да носит Вас на руках Своих, яко дитя, дабы Вы не могли преткнуться о камень бурь или соблазнов житейских. Да сподобит Вас отчасти вкусить от плодов Воскресения Своего здесь, в юдоли плача, и потом вполне, вполне насладиться оным в невечерние дни Царствия Своего. Вот мои желания Вам, и не в одни только праздники, но и в будни! Они живы будут и тогда, когда Господу угодно будет воззвать меня ко отцам моим. Тогда к ним присоединится еще просьба моя — молиться за меня, грешного, к Владыке живота и смерти.

Вы, как я вижу из письма Вашего, в совершенной нерешимости на счет Вашей Настиньки. Это очень естественно, если матерьнее чувство Ваше, до возможности на сей раз возбужденное, борется с долгом, по-видимому, тягостным. Вы хотите знать мое мнение: извините, если оно не будет, может быть, согласно с Вашим. Я привык всегда иметь один язык, и одно только у меня сердце.

Я Вам советовал бы, друг мой, непременно привести сюда Настиньку и отдать в училище, которое здесь ныне из самых лучших9. Вот Вам и резоны, по коим я советую: 1-е. На это, очевидно, есть уже воля Божия, совершившаяся в соизволении Высокой покровительницы сирот10. Следовательно, это устроилось бы и без Вашего желания. 2-е. Вы ведь сами просили о том двукратно. А потому грубо и неблагоразумно было бы отринуть милость, которой Вы алкали и которой многие поискали бы, и — не обретут. Из этого могут возродиться последствия, для Вас и для дитяти самые неприятнейшие. 3. Почему знать? Может статься, Промысел Божий готовит Вам отраду в малютке именно там, где начались душевные Ваши скорби и сиротство? Пути Господни не доведомы. У Бога часто сеемоесте на земли горестию, прозябает в неописанном восторге и радости. Ему легче преложить плач на радость, чем воззвать из мрака свет. 4. Без сумнения, Вы думаете, и должно подумать хорошенько, о сбережении каких-либо крох в пользу малютки. И так, отдавши ее на казенное содержание, Вы чрез то не будете иметь нужды тратить то, к чему не хотя надлежало бы Вам коснуться в противном случае. 5. Наконец, если дело пойдет хорошо, и так, как оно ныне есть, то, без сумнения, Государыня, по окончании воспитания дочери Вашей, особенное возьмет участие в Питомице своей и — может быть — сама будет устроять будущий жребий ее. Вот мой совет и резоны, внушенные мне моею к Вам любовию и вашею ко мне доверенностию! Я не достоин был бы ее, если бы стал говорить иначе. Впрочем, Вы мать, да будет убо воля Ваша!

Императрица Мария Федоровна

Благодарю Вас душевно за писание. Простите, что я долго не писал к Вам. Вообще времени у меня мало, но любви к Вам мерою в большой океан. Прощайте, любезнейшая Наталья Михайловна. Жена моя и дочь Вам свидетельствуют истинное свое почтение.

Ваш Петр

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 5 июля 1828 г. С. Петербург // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 105—106. — [Т. XII].

7

С. Петербург. 1828. Июля 5 числа.

Последнее письмо Ваше, друг мой Наталья Михайловна, имел я удовольствие получить чрез почтеннейшего — в полном смысле — Федора Ивановича.

Благодарю Небо, сохраняющее Вас под своим покровом. Благодарю и Вас за память Вашу ко мне.

Намерение Ваше решительно привезти сюда Настиньку равномерно приятно и обязательно для друзей Ваших. Оно согласно и с чувством преданности к Религии, и с чувством признательности к венценосной благотворительнице. Как быть? Надобно уметь покоряться и необходимости. Очень знаю, что нелегко будет Вам оставить кров родительский, тяжко сказать своей родине: прости! Но польза малютки требует необходимо, чтоб Вы принесли ей в жертву все остальное. Время, надеюсь, покажет Вам, что Вы не ошиблись в сем расчете. Если захотите, то успеете нажиться на своей родине и после выхода из института Вашей любезной крошки.

Не могу, друг мой, приближаясь ко времени, до гроба моего тяжкому, не излить чувств моих в Ваше сердце. Не думайте, чтобы шум столичный мог заглушить во мне чувства сии, ни Ваше уединение не может сделать их сильнейшими в Вас самих. Не воображаю, а вижу в лицо злополучных. Слышу и голос знакомый и сладкий: Отец мой! молитесь за меня, грешника, и не оставьте милых моему сердцу! — Чем же могу я не оставить Вас? О, мой друг! Одного прошу у Вас: в терпении Вашем стяжите душу Вашу. Умейте возблагодарить Бога за то чувство сокрушения, с которым любезный Вам предал дух свой Господу. Судя по чувству христианскому — благодатна и завидна смерть его! Я желал бы даже, чтоб Вы и дочь Ваша наследовали избыток веры и упования, с коим оставил он суетный сей мир. Да утешает Вас сие во всякую пору и время, а паче тогда, когда скука станет грызть бедное сердце Ваше! Простите. Нет времени больше писать. Бог Вас да благословит!

Ваш до гроба преданный

Петр

На обороте: Ее благородию Милостивой государыне Наталье Михайловне Рылеевой.

Мысловский П. Н. Письмо Фонвизиной Н.Д., 6 августа 1828 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 117—119. — [Т. XII].

5

С. Петербург. 1828. Августа 6 дня.

Два письма имел я честь и радость получить от Вас, любезнейшая дочь моя! Одно с дороги, другое уже с места. Не буду говорить Вам, что письма Ваши поздненько дошли до меня: удовольствие, которое я вкушал, читая их — можете поверить, сильно было заставить меня забыть и времени, и места пространство великое. Читая письма Ваши, я видел только Вас самих, и видел как бы в лицо. За всем тем невозможно не заметить с некоторым прискорбием: вот наконец до чего дожили мы! Не днями, а многими месяцами должно изчитывать переписку нашу. Где Москва и где Чита? — Но так благоугодно судьбам Праведного Судии! Приговор неба всегда верен и безошибочен. Всемогущий перст Божий указал Вам путь, да идете по нему: и Вы не могли уже миновать его. Должно сознаться, что путь сей скорбен для чувственности и мира, но в

могли уже миновать его. Должно сознаться, что путь сей скорбен для чувственности и мира, но в отношении благодати — иго сие благо и бремя легко есть. Ибо тот, кто по внушению Веры старается победить несчастие свое, не есть еще жалок: участь его во многом будет завидна. Тот, кто исполняет прямой и существенный долг свой и приносит тяжкую жертву добродетели, не может с тем вместе не чувствовать и сладкой награды совести. Она-то есть единственный наш

примиритель и посредник между Богом. Она всегда разливает миро многоценное на сердце правое. Пусть оно пригорюнится на час, пусть ему стоскуется, но мир, коим дарит чад своих совесть мирная, далеко, очень далеко превышает и превосходит все вообще земные радости и надежды. Отчего? — От того, что этот мир несть от мира сего: начало и конец его в небе. Хотите ли поверить истину сию: посмотрите — порочный человек на самой высоте щастия не может чувствовать ниже тени истинного наслаждения, сколько добродетельный в бедствиях и нещастиях. Вообще — щастлив тот, кто во дни благополучия прибегает к Богу, но тот еще щастливее, кто во дни злополучия обращается к тому же Отцу небесному! — Живите, друг мой, и Вы по сим благородным чувствам. Живите всегда в ладах с Вашею совестию, и Вас ничто не укорит на пути жизни. Следуйте внушениям хранительницы сей: и Вам не в чем будет раскаиваться. Живите Верою, подкрепляйтесь духом Евангельским, сообразуйте с ним все Ваши поступки, слова и намерения: тогда станете жить с Богом, или всё равно — в Боге. Но с Богом где нехорошо жить? А Он есть везде: и у Вас, и у нас! Близ есть Господь призывающим Его. На всяком месте Владычество Его. Дело в том только, чтоб мы Его искали повсюду: а Он неизменно явится ищущим.

Судя по моему молчанию, Вы доселе вправе были мыслить, что я или умер, или перестал любить Вас, незабвенную для отеческого сердца моего. Ни то, ни другое. Что я еще жив, по благости Божией, долготерпящей грешникам, в этом уверит Вас письмо мое. А что не переставал Вас любить, разве только умножая любовь мою, естли бы возможно было умножать далее невозможности: это видит Господь, у которого отдается в небе каждый наималейший вздох человеческий. Просто — не писал, или лучше — не отвечал Вам, не зная, как и куда писать, выжидая для того самый вернейший и надежнейший случай, который однако ж не состоялся. Без сумнения, Вы догадаетесь, что я открытым, как и теперь, образом хотел к Вам писать об одной из жен21, Вам подобных по участи, и которая намеревалась было нынешним летом ехать в Ваше сообщество, но остановилась до зимы. Следовательно, письмо, написанное в начале лета, слишком могло зачерстветь до будущего года. Вот причина моему молчанию! Не ищите иных. Мне больно бы было, естли бы Вы хотя на минуту усумнились в моих чувствах. Знайте, и взор престарения моего, взор потухающий в мире обращен будет, подобно стрелке магнитной, к жилищу незабвенной. Очень чувствую, что Вы пожелаете узнать от меня о мне самом и моем семействе. Благодарение Господу! До сих пор все идет по прежнему, т. е. очень хорошо. Естли кто, то наверно я должен, сколь возможно чаще, повторять Давидовы слова: не по грехам моим твориши со мною! Мои домашние все Вам свдетельствуют нарочитое свое почитание, а наипаче пожелание возможных Вам благ. Не знаю, слышит ли доброе сердце Ваше, а мы часто, очень часто вспоминаем об Вас. Княгине Екатерине Ивановне Трубецкой и Александре Григорьевне Муравьевой изъявите недостойное мое благословение. Уверьте их, что я не забуду их до гроба моего — уверьте всех и каждого, кто только меня знает, что и во храме Божием, и за храмом — присно вспоминаются имена их. Что я о всех молюсь усердно, желая им Преспеяния Веры и постепенного обновления — ветхого человека в нового. О! Естли бы возможно было, я молил бы Небо, подобно Павлу, искупить спасение брата моего ценою собственной моей погибели!

Прощайте, друг мой бесценный! Прощайте, милая дочь моя! Пишите ко мне и любите меня по-прежнему. Обнимите за меня друга Вашего. Покровительству Божию всех Вас поручаю. Господь не оставит Вас, когда Вы Его не забудете.

Ваш, ваш отец и друг

Протоиерей Петр

Мысловский П. Н. Письмо Фонвизиной Н.Д., 19 сентября 1828 г. С. Петербург // Российский

Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 119—120. — [Т. XII].

6

С. Петербург. 1828 года. Сентября 19 дня.

Сегодня вздумалось мне писать к Вам, любезнейшая дочь моя! Вы знаете, с каким удовольствием вел я некогда переписку с Вами. Но, взявшись за перо, признаюсь, задумался и не знал, с чего начать письмо? Так-то одурел, столь долго не писавши! Много значит привычка к чему-нибудь, или наоборот отвычка. Я не поздравлял вас с тезоименитством Вашим: итак, начну хоть с сего. Не поздравлял — это слово показалось что-то мне слишком сухо, недостаточно и не к месту; оно, большею частию, употребляется там, где один только язык нехотя повинуется законам приличия, терпится тогда, когда изыскиваются слова, а стесняются чувства. Словом: это такой язык, на котором обыкновенно говорят о погоде сегодняшнего или затрашнего дня, а у меня в сердце хранится несравненно большее. И потому не лучше ли и прямее сказать: я не благословлял Вас всем сердцем моим в день Вашего Ангела, я не излил Вам всех наилучших моих пожеланий, разумеется — пером. Так примите их теперь. Не гневайтесь, что поздновато: мои и поздние чувства не уступят никаким ранним. И естли правда, что можно перекликаться сердцем на неимоверное расстояние, Вы в именины свои, конечно, должны бы чувствовать, ощущать, так сказать, подслушать, как много все мы занимались Вами здесь, как оживляли в памяти все наималейшие, даже самые пустяшные обстоятельства того вообще времени, в которое Вы были с нами. Кажется, послышался нам всем милый, трогательный голос Ваш и пролился прямо в душу. Мы боялись потерять мечту сладкую, и сумнение, чтоб Вы не были с нами вместе. Как-то Вы, залетная гостейка, провели день Ангела своего? Простите за вопрос, столь легко сделанный, и почти не обдуманный. Без сумнения, дорого стоил Вам день сей. Ибо Вы в первый еще раз праздновали, естли можно назвать празднованием, свое тезоименитство под чужим небом, в кругу незнаемых, в таком ужасном отдалении! Но что ж делать? Есть пословица: не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит. Так определило Святое Провидение. Так благоугодно Создателю нашему! Пусть же Он творит и все остальное. Мы будем только, как в имянины, так и во всякое другое время уметь повиноваться велениям Судеб Его непостижимых и преблагих. Мы станем поучаться лобызать Десницу Его милующую и карающую, сердечно веря, что он в том и другом случае не перестанет быть нежнейшим нашим отцом; мы не дерзнем выйти с Ним в прю и суд: и Он благословит нас, яко чад послушных и благопокорных. Мы перестанем давать волю умнику нашему, этому горделивцу, который нередко делает столь много проказ и ошибок; перестанем рассчитывать, судить и рядить по-человечески: тогда Вера божественная заменит нам все сии ничтожные расчеты, примет на себя качества верного вождя нашего и — подобно столпу пустынному — поведет нас к цели желанной. А где она? Возведите очи Ваши в горняя: там, за пределами последней звезды, видимой в небе, ждет странника земного исполнение надежд, коими питалось сердце его на земли, и что ж тогда будет мир сей? Что наилучшие радости, кои он даст нам? Они подобны солнцу, на минуту показавшемуся из-за облака и паки погрузившемуся в облака. Самая жизнь наша столь кратковременна, что никак не научишься, на чем основать ее. И не увидишь, как приближался ко гробу! А там? — Там смешаются в утробе земной и щастливцы мира, и злополучные, и победители, и побежденные, и Цари, и народы. Смешаются до того, что не распозаешь, кому в жизни принадлежал этот череп, кому другой, и так далее. Главное условие жизни человека-христианина: знать, постоянно умирать в жизни и быть живу в самой смерти. Держитесь, друг мой, сей высокой философии, без которой худо нам и в кругу кровных, и вне отечества, и повсюду. Имейте всегда пред собою и как бы слышьте оный Евангельский голос: Смертные! Обратите туда взоры сердца Вашего, где скрывается Ваше сокровище, ваша прямая и истинная жизнь! Взыскуйте града грядущего. Здесь Вы на ночлеге, там Ваше Отечество!

Меня слишком порадовали из Москвы известием о здоровье птенцов Ваших. Слава богу! и хворый начал уже ходить хорошо. Малютки вообще в добрых руках, с этой стороны Вы можете быть совершенно покойны. Да успокоит Вас Господь и со всех прочих

быть совершенно покоины. Да успокоит Вас Господь и со всех прочих.

Покорнейше прошу Вас засвидетельствовать мое искреннейшее почитание Княгине Екатерине Ивановне Трубецкой, также и Елисавете Петровне Нарышкиной. Уверьте их, что я не перестаю помнить всех Вас и в храме, и за храмом. Не смею ласкаться увидеть Вас в жизни сей. По

крайней мере, духом моим я неразлучен от Вас. Впрочем, всем нам предлежит свидание на той стороне гроба, там, где нет ни болезней, ни слез, ни стенаний, где нет ничего земного и самое время неизвестно даже по слуху, где Бог будет всячески во всех. О, дал бы Господь свидеться нам и никогда не расставаться пред Его Отеческими взорами.

Мои домашние, все до единого, изливают Вам сердечные чувства свои. Они никогда не могут забыть обязательной дружбы Вашей. Часто с каким-то горько-сладким умилением напоминают себе о старушке слепинькой, которую по вечерам важивали под руки в дом или из дома Варварина. Лорнет и гривенник не выходят из ума.

Прощайте, дочь моя! Да покровительствует Вам Провидение во всем. Роса небесная, роса утешительная да каплет на сердце Ваше в избытке. Молитесь Богу прилежно, укрепляйтесь в духе веры и терпения. По сим токмо признакам я хочу знать и быть уверен о превосходстве Вашем пред другими. Кланяйтесь от меня, кому нужно и должно поклониться. Еще раз прощайте и примите благословение от недостойного Вашего духовника — Протоиерея Петра Мысловского.

Мысловский П. Н. Письмо в Читинский острог, 27 сентября 1828 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 126—131. — [Т. XII].

ПИСЬМО П. Н. МЫСЛОВСКОГО В ЧИТИНСКИЙ ОСТРОГ

Публикуется по автографу: ОР РГБ. Ф. 319. К. 2. № 63.

***

С. Петербург. Сентября 27 дня. 1828.

Третий уже год, время довольно значительное для человека, и столь ничтожное для Бога, не знающего никакого времени! Третий уже год, как я расстался с Вами, дети и друзья мои! С тех пор не вижу ни единого из Вас лицом к лицу, не беседую усты ко устом, и не могу прижать злополучных к сердцу отеческому. Так определили Праведные Судьбы Божии и кто посмеет противуречи им или противопоставить что-либо? Для сердца однакож любящего трудно определить черту, далее которой оно не могло бы простираться. Для него нет никакого препятствия, ни расстояния, ни пределов. А потому, не смотря на мою разлуку с Вами, не смотря на время, особенно на место, столь отдаленное, мне приятно самому мыслить, а еще приятнее уверить Вас, что поднесь не было почти ни одного дня, в который бы я не соединялся с Вами в духе теплой молитвы и неумирающей любви моей к Вам. И могу ли забыть незабвенных о Христе чад моих? О! Да забудет меня Господь, естли сердце мое когда-либо закроется для сих отеческих и священных чувствований. “Свидетель ми суть Бог, — приведу здесь слова Ап. Павла, — яко люблю всех Вас по милости Иисус-Христове, и о сем молюся, да любовь Ваша еще паче и паче избыточествует в разуме и во всяком чувстве, во еже искушает Вам лучшая, да будете чисти и не преткновении в день Христов”. Вот язык любви моей к Вам, яже несть от мира сего, и которая, по выражению Писания, крепка, аки смерть. Она, а не что другое, управляет и пером моим. Следовательно, не ищите здесь узоров красноречия; смотрите на дело. Я не имею нужды пребирать слова мои, как жемчужные перла, одно к одному; не восхожду к древу родословному и не ищу у корени его Вашего происхождения: мне нужно только человечество, и человечество страждущее. Не язык, дети мои, а сердце грустное возжелало побеседовать с Вами. И надобно ли сказывать Вам, сколь много буду я награжден, естли письмо мое принесет Вам

хотя каплю отрады, а тем более — естли какую-либо пользу?

Говорят, что несщастие к чему-нибудь пригодится. Пусть кто хочет возражает на сию истину, но меня убедил в ней опыт горький и тяжкий. Я еще более скажу: тот никогда не наслаждался щастием, кто не испытал нещастия. Но с чем сравнить Ваше злополучие, стоившее мне многих

слез, смешанных некогда вместе с Вашими слезами? Кто измерит глубину сего нещастия? — Так! Я не слышал слышанное, я был горестным очевидцем, когда волны превратностей земных, возбужденные бурею до возможной высоты, с шумом яростным ударились об Ваш житейский челн и увлекли его в бездну глубочайшую! Мне суждено было видеть пред собою гробы живых и оплакать политическое погребение братий моих. Припомните слова мои во дни оны: “Вам не осталось места, где бы упасть ниже”. Непреложная, хотя и горестная правда! Никакие убеждения рассудка не в силах разуверить в ней.

Не помню хорошенько, кто?.. кажется, Франциск I-й, венценосец Галлии, потеряв сражение при Павии, сказал: “все потеряно, кроме чести”. Слова сии некоторым образом можно применить к Вашему нынешнему состоянию, с переменою однакож смысла: и для Вас потеряно всё, кроме духовных приобретений, кроме надежды на милосердие Божие. И так надгробными ли песньми должен я творить память о Вас? Слезою ли кровною, отеческою орошу гроб Ваш, не раскопанный, ни сокрытый еще в недрах Земли? Не лучше ли обратиться к Богу и при помощи Его поискать еще хотя некоторой искры щастия в бездне Ваших нещастий? Не загорелась ли благодатная искра сия естли не в жилищах Ваших, естли не в образе жизни Вашей, по меньшей мере — в Ваших сердцах, примиренных с совестию помощию чистого раскаяния. Нельзя ли нам и Вам хоть на минуту опочить на сей утешительной мысли, что нещастие Ваше к чему-нибудь пригодилось для Вас. Не отделится ли внезапно от неба ясный милующий луч и — так сказать, окатясь оттоле струею золотой, не прикоснется ли к обители скорбных? Не знакомый ни с какими дарами щастия, конечно, не может ничего терять. Грозы небесные и ураганы громовые, страшные только для мест возвышенных, едва замечают хижину безвестную и преклоненную долу. А что сказать о Вас? Мимо идох и се — не беша! Опустимте скорее завесу на время, для Вас минувшее, и от которого осталось Вам одно только горестное воспоминание. Так мореплавателю, потерпевшему кораблекрушение, остается только одна доска, на которой спасен он Провидением; он смотрит на нее и вспоминает, как бы видит пред собою стихии разъяренные и ужасные. Не будем озираться вспять, дабы оживлять в памяти разнообразия тех благих и красных мира сего, ими же упитано было сердце Ваше, как бы ко дне заколения. Вот что остается для Вас и в настоящем, и в будущем: милосердие Преблагого и вопль сердца Вашего к нему: грехи юности нашея не помяни Всещедрый Владыко! Прежде, даже до конца не погибнем, спаси нас! Вообще должно смотреть на Вас не по тому, что Вы были прежде, а по тому, что Вы теперь.

Без сумнения, хладные сердца, которые не успели, может быть, заплатить еще тяжкой дани слабостям человеческим, даже чрезмерной и всеми видимой, никогда не согреются для зрелища заблуждения и неразлучных последствий оного — страданий и бед. Егоисты и чуждые сострадательности пожмут плечами при виде стен, разделяющих Вас от мира и от общества людей. Они готовы взять по камню, дабы бросить в бедного грешника. Они при виде Вас покивают главами своими и рекут: уа! — мир, которому Вы принесли, извините мое выражение, — столь безрассудные жертвы неопытной молодости и который за то как ужасно успел заплатить Вам! Сей лукавнующий мир не будет к Вам снисходительнее сынов своих. Я как бы слышу изрекаемое им осуждение на Вас: “Се — сыны погибельные! Се плевелы утучненные! Презрение и клятва всеобщая да тяготит остаток ничтожного их существования. Да бежим далече от них, как от язвы тлетворной и губительной. Самое нещастие их заразительно”. — Скажите, с чем сравнится злополучная доля сия? Где искать большего нещастия? Разве только в одном аде! Но да не смутится сердце Ваше, чада мои возлюбленные о Христе! Веруйте в Бога и уповайте на милосердие Его, ничем непобедимое. Не пугайтесь самих себя. Так обыкновенно судит мир, который по какой-то странности своей равно преследует и добродетель, и порок, но не так судит Евангелие, не то внушает нам Вера утешительная и божественная, сей агнец мира и

кротости, который един в силах научить Вас и победить, и полюбить Ваше нещастие. Вера вообще открыла нам истину сию, что Господь не престает любить грешника и во грехах его, что нет у Него приятнейшей мысли, желания и намерения, как только спасать заблуждавшихся от пути правого; что возлюбивший человека до того, что не пощадил для него и Сына Своего, дал бы нам лучшее и большее, естли бы имел, и наконец, что Господь спас по милосердию Своему и

весь мир не иным чем, как только крестом: им спасает и каждого из нас. Заметьте, как нужен крест для человека-христианина! По внушению Веры мы равномерно знаем, что всякий человек, кто бы он ни был, раб или свободь, Скиф или Варвар, дикий ли Американец или с испещренным лицом Индеец, праведник или грешник, мужеский пол или женский, всякий человек есть кровный наш, есть брат наш и одно с нами создание Божие. Но это еще не все: сии тесные отношения нам тем пространнейшим и беспредельным соделывают и самый круг наших действований, наших безусловных и взаимных обязанностей. Вера повелевает нам любить не только любящих нас, но и самых врагов. Она сопровождает нас в темницы и заточения, к одру болезненному и в хижину нищеты и убожества. Она научает нас, что кто чем нещастнее, тем больше имеет тот право на наше снисхождение, на нашу сострадательность и любовь. И не здесь однакож полагаются пределы велениям веры: чистейшие небесные чувствования свои она простирает гораздо далее. Как бы олицетворенная посланница Небес, невидимый и вместе ощущаемый образ Божества, она повергается долу и умоляет Царя тварей: Спаси брата погибающего на счет собственной своей погибели. Какая это молитва! Какие высокие чувства! Какое глубокое самоотвержение! И по сим токмо признакам можно узнать нашу Веру божественную, Веру святую. Первое благословенное утро на земли — нежная улыбка матери-природы — ничто в сравнении с ее ощущениями сладкими, с ее светом, изливающимся в сердце страдальца, погруженного в думу мрачную. Ей одной определено торжествовать повсюду, и в пропастях земных, и во узах, в заточении и в горьких работах, на троне и в лачуге пастуха. Ей дано милосердовать и чудотворить. В ней одной заключается и Ваш единственный ковчег спасения. Под ее благотворным кровом нет неблагополучных и пришелец на земле чуждой засыпает под ним сном безмятежным. О Вера, Вера! сколь сладостен глас твой! Как радостен лик твой паче, чем лик исполина небесного, исходящего осветить мир! Озаряй, подруга небес, озаряй сидящих во тьме. Будь Гением-хранителем и моих страдальцев!

Замечено, что когда постигнет человека какое-либо нещастие, то он и думает уже, что нет нещастнее его на земли. Ему даже представляется, что гибель его невозвратна! Отчего же сие? Оттого, что мы вообще на все происшествия мира сего смотрим одними только глазами простого рассудка, который, по мере того, как он есть плохой судия в делах религии и ненадежный спутник в жизни, всегда почти бессилен поддержать падающих, а тем более восставить падших. Мы сильно чувствуем то, что отнимает у нас Вера, а о вознаграждениях, какие она сделать может, и думать не хотим. Отчего низлагаемии не гибнут? Отчего радуются и в скорбях? Кто облекает бессилия и немощи человеческие в силу крепкую? Это разрешит Павел мудрый, который ясно говорит о себе самом: поколику немощен есть, потолику силен, о укрепляющем мя. И так где прекращаются действия рассудка, там только начинаются действия Веры. Рассудок, поставленный, чтобы освещать наши стези, большею частию разливает вокруг мрак и тьму. Вера разливает свет благодатный, ибо она ниспослана нам от Бога в лице единородного Сына Его, единственного света, о котором молился и Давид: “Господи! Посли свет Твой и истину Твою! Та мя настависта и введоста в гору Твою святую”. Правда, дела Веры всегда прикрыты завесою тайны. Руководимый ею обязан идти путем, которым Авраам изыде, неведый, камо чувствует. Не наше дело снимать покров таинственный: для нас довольно повиноваться всему сказанному от Спасителя и того, что Бог благоволил открыть нам волю Свою, иначе мы не имели бы и Веры, сего неоцененного дара Небес. И потому продолжаются ли еще нещастия наши, наш долг смотреть на них, как на одно испытание нашей веры. Грозит ли мир нападением новым? Мы должны, подобно Петру, как бы видя пред собою Иисуса, вопить к Нему: Господи! Спаси ны; погибаем. Колеблется ли питомец Веры среди трудного пути креста? В сем случае надлежит крепко ятися за Бога силою Веры и не отпущати дондеже паки благословит Словом: там и сям, здесь и повсюду мы должны только просить у Бога подкрепления Веры нашей: “Господи! Приложи нам Веру!” Недаром Иисус Христос сказал Петру: “Мне много надобно молиться за

тебя, да не оскудеет Вера твоя”.

Вы вправе, дети мои, сказать мне: “щастливцы слишком бывают разборчивы в нещастиях других”. Им хорошо судить и рядить, когда еще не подвергались испытаниям тяжким. И какое отношение благополучного к неблагополучным? У них все розное!” — Согласен. Но положим,

что суждение мое было бы самое холодное, разве Вы сделаетесь от того еще нещастнее? Разве искреннейшее участие, даже, если хотите, поддельное и прикрытое одною благовидностию, не есть врачество для душ страждущих? Вы меня знаете всего, следовательно, всего и поймете. Когда разделяется бремя, тогда легче бывает человеку под бременем. Господь видит, как бы я желал разделить его с Вами! Чем же могу быть для Вас полезным издали? Моими желаниями, моими советами, моим отеческим наставлением. Как человек, удобно могу и я заблуждаться умом, но сердцем никогда. Оно, вы это выше видели, беседует с Вами, и как же не дать ему свободы? У меня нет в виду ничего такого, что бы противно было Вашим выгодам, Вашему спокойствию, а наиболее — Вашему спасению. И так, позвольте мне опять начать прерванный разговор. Достоинство и сила Веры наипаче ознаменовывается в нещастиях. Она любит начинать все от противного, так, как и сам Бог из ничего сделал все, из мрака воззвал свет, из порока человеческого извлек его спасение. В самом деле, когда сердце наше сокрушается о камень соблазнов и падает в блато греховное, когда нещастия, подобно потокам водным, хлынут со всех сторон на главу страдальца и внидут даже до души его, когда вообще изнеможет природа наша, падая под крестом, подобно Великому Крестоносцу, тогда, сознайтесь по совести, кто спорее и прежде всех поспешит на помощь к нам? Не плоть ли и мир? Но они станут от нас на неимоверное, ужасное расстояние! Притом они сильны только увлечь нас в бездну, но извлечь оттуда не в состоянии. И так, не Вера ли предстанет пред нас в виде Ангела Спасающего и в виде друга, не изменяемого в щастии и злополучии? Не она ли шепнет слово сладкое к сердцу убитому и сраженному страстьми или бедствиями? Не одна ли она во всякое время и творит словом своим, и глаголет делом? Не она ли проповедует чадам скорби и сетования, что в Боге, как в источнике единого бесконечного добра, нет и быть не может ни малейшего зла, что нет в Нем, в прямом смысле, никакого гнева к бедным грешникам, что Он естли и посылает на нас нещастия или попускает нам, по непостижимым судьбам Своим, исполнить меру пресыщения нашего в страстях, в том и другом случае хочет только в точности исполнить отеческие о нас намерения, что искушения и бедствия суть те спасительные средства, которые приближают нас к первобытной чистоте и святости, ослабляют в нас прилежащее нам от юности помышление на злое, расторгает узы законопреступных страстей, так, как бедность преграждает путь к роскоши, болезни изгоняют плотские вожделения, враги извлекают нас из беспечности и небрежения, и что, наконец, ничто не дает нам столь чистого удовольствия, как опытность, чрез страдания приобретенная? Покажется ли для Вас все сие невероятным или неудобь-носимым? Вспомните, что действиями Веры располагает Сам Совершитель Веры Господь Иисус, что естли есть возможность развратить брата нашего умом нашим, то несравненно легче для вечной премудрости вывести нас из заблуждения и пороков. Вообще я хотел бы, дабы Высмотрели на нещастия свои, как на школу, в которой нет иного наставника, опричь Духа Божия, и в которой от века не бывало еще примера, чтоб ученики недоучивались. Послушайте, как усовершается это духовное образование.

Св. Павел, верховный из проповедников Веры, находясь в тюрьме в Риме, нашел там подобного себе узника, именем Онисима. По некоему внутреннему чувству, Апостол обратил особенное внимание на молодого человека; узнав, что Онисим обокрал господина своего, сбежал от него, и потом попал в темницу, учитель истины подкрепил дух его надеждою на милосердие Божие, с тем вместе преподав ему спасительное учение Веры, окрестил его. Потом раба Христова посылает к бывшему его господину и пишет так: “Молю тя о чаде моем, его же родих во узах моих Онисима. Он был доселе неверен тебе, ныне же сделался верным Христу. И так, прими его, не как раба, тебе неверного, но как брата возлюбленного о Христе. О Филимоне! Упокой утробу мою, или все равно — мое отрождение о Господе”. — Самое вернейшее, когда он Сам уже предупредил Вас в том. Ежели мы любим обыкновенные мирские добродетели, то для чего ж нам не полюбить в Боге беспредельных и неисчислимых доброт? Естли мы поверяем себя

известному врагу, другу, даже стряпчему по делам, то для чего же не отдать себя совершенно Богу? Естли страсти пылкие и молодость увлекали Вас доселе от пути Евангельского, то постарайтесь стать на сию стезю теперь. Никогда не поздно начать жизнь духовную, возрожденную. Естли Вы доселе искали просвещения своего в пустых кладезях суемудрия человеческого, то черпайте и насыщайтесь обильно от воды живой из кладезя мудрости

Христианской, не понятной для сынов мира. Попробуйте хоть раз твердо последовать влечению духовному, как Вы доселе следовали влечению мирскому, воспротивьтесь злу, сколько Вы, может быть, сопротивлялись некогда добру. Что ж Вы стали, друзья мои? Чего боитесь? Боитесь сделаться смиренными, послушными, рассудительными, верными и признательными в рассуждении Отца Небесного? Лучше бойтесь своего рассудка, колеблющегося между Богом и миром, между добродетелию и пороком. Его наиболее не слушайтесь. Он Вас вторично проведет и обманет. Всего же более страшитесь и остерегайтесь Бога! Иисус Христос говорит: “не бойтесь от убивающих тело и не могущих что-либо лишнее сотворити, но убойтесь от имущего власть ввергнуть Вас в дебрь огненную, того токмо убойтеся”.

Простите ль Вы мне, что я, желая только написать Вам просто грамотку, кажется, впал в многоглаголание? От избытка сердца уста глаголют! Я не следую за Тассом26 в его Иерусалиме в лагерь христиан, в замок Армиды и в страшный очарованный лес: вся душа моя в сии минуты — летит в Читу. Обнимаю мысленно всех Вас. Низвожу на Вас благословение Божие в пламенных мольбах моих: да научитесь воспользоваться падением своим гораздо более, чем возвышением, и самым бесславием, чем славою всего мира. Среди блистательных отличий света имя победителя есть имя знаменитейшее, но я желаю Вам лучшей победы — победы над нещастиями, над Вами самими.

Прощайте, дети мои! Не нужно мне подписывать здесь имя свое: сердце Ваше отгадает пишущего и отличит его среди тысящей.

Ваш некогда духовник, друг и отец —

Протоиерей Петр Мысловский

Мысловский П. Н. Письмо Фон Фоку М. Я., 18 октября 1828 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 131—132. — [Т. XII].

***

Ваше Превосходительство!

Милостивый Государь

Имея в виду позволение Вашего Превосходительства писать в Читу к злополучным чадам моим, с коими соединило меня их несщастие, а с моей стороны христианская и отеческая любовь, я имею честь препроводить при сем не письмо, а целое послание мое к ним. Я заранее уверен, что разговор мой с Читинцами, имеющий целью, дабы поддержать в них дух веры и терпения, по меньшей мере не будет для них отвратен. Смею сказать, что они знают меня всего, и я наоборот насквозь знаю их души и сердца. И потому, буде письмо мое возможно согласить с принятыми правилами правительства на случай переписки, то осмеливаюсь убедительнейше просить Ваше Превосходительство препроводить оное по принадлежности. А естьли, паче чаяния, нельзя будет того сделать, то равномерно прошу обратить мне письмо назад. — Также и письмецо к Духовной дочери моей Генеральше Фон-Визиной27 благоволите приказать отправить.

С совершенным высокопочитанием и нелестною преданностию честь имею пребыть

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Каз(анского) Собора Протоиерей Петр Мысловский,
тот самый, который был употреблен по делам Комиссии 1825 года,
Высочайше учрежденной

1828 года Октября 18 дня.

Корнилович А. О. Письмо Мысловскому П. Н., б. д. («Хотя не имею счастия знать Вас лично...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 132—134. — [Т. XII].

А. О. КОРНИЛОВИЧ — П. Н. МЫСЛОВСКОМУ

Корнилович Александр Осипович (1800—1834), декабрист, историк, сотрудник журналов "Северный архив", "Сын Отечества", "Соревнователь просвещения и благотворения", альманаха "Полярная звезда". Издатель (совместно с В. Д. Сухоруковым) альманаха "Русская старина". В 1828 г., вследствие доноса Ф. В. Булгарина (см.: Декабристы. Биографический справочник. М. 1988. С. 86), был привезен из Читинского острога в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость для нового следствия. Письмо П. Н. Мысловскому было написано А. О. Корниловичем по дороге в Петербург. Как и рассчитывал автор, его текст был сообщен Мысловским родственникам осужденных. По свидетельству А. Е. Розена, "когда священник Казанского собора Мысловский узнал эти подробности нашей жизни от А. О. Корниловича, то поспешил сообщить их жене моей и заметил ей, что в Чите, в остроге, ведут жизнь истинно апостольскую" (Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 232).

Публикуется по списку, сделанному рукой Н. Н. Шереметевой: ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 339. Несколько фрагментов письма были напечатаны (с ошибочными прочтениями) в сборнике "Забайкалье". Кн. 5. Чита. 1952.

***

Хотя не имею счастия знать Вас лично28, но смело обращаюсь к Вам, имея в душе моей искреннее уважение и признательность, оказанные Вами товарищам моим во время нашего заключения. От них ныне узнал, с какою деятельною заботливостию вы старались облегчить их участь, как, присоединяя к духовному утешению снисходительность к слабостям, свойственным людям молодым и несчастным, Вы умели отличить добрые их качества и не взирая на опасность, услаждали их одиночество известиями о их родственниках и всегда были для них тем, что можно ожидать от служителя Божия. Все без исключения поручили мне изъявить Вам душевную их благодарность. В нашем положении с Верою в промысл Божий и с надеждою на Его милосердие, мы совершенно были бы спокойны, если бы не тревожила нас участь родных. Мы судим по себе, сколь мучительна должна быть для них неизвестность о нашем положении. Расставаясь с товарищами, дал себе обет пользоваться всеми случаями, чтобы дать родным знать, каково мы жили и живем. Если бы можно было предвидеть будущее, что по прибытии в Пе(тербург) позволят мне сколько-нибудь пользоваться свободою, не утруждал бы Вас письмом, а первым бы делом почел объяснить все лично, но Богу одному известно, что со мною последует. Почему я принял смелость обратиться к Вам, как к достойному Пастырю душ, не раз уже подававшему утешение несчастным: не откажитесь и в сем случае усладить их сиротство, известя их. Ваше сердце должно быть лучшим истолкователем Ваших добродетелей о чрезмерной благодарности несчастных.

Я оставил Читу в Генваре. Все были до дня моего отправления здоровы. Чита, место нашего заключения, находится на границе Нерчинского и Верхнеудинского завода уезда. Это небольшое селение, находящееся в ведомстве Нерчинских горных заводов, лежит как бы в котле и со всех сторон окружено горами. Кроме 50 сибирских казаков находятся тут и в окрестных деревнях до 150 человек солдат, кои содержат при нас караул. Климат весьма сносный. Весною сильные ветры, лето жаркое, зато осень прекрасна. В прошлом году не было ни одного дождика. Зима весьма холодна: с 16 ноя(бря) не было менее 25 гра(дусов), доходило до 45, но холода сносны

весьма холодна. С 16 ноя(бря) не было менее 25 гра(дусов), доходило до 45, но холода сносны, потому что без ветру и без всякой сырости. Я никогда не видал чище и яснее читинского неба. Мы живем теперь в двух острогах: в большом 55, в меньшем 14, трое отправлены на поселение: Матвей Му(равьев-Апостол) и Александр Бесту(жев) в Якутск, не в одно место, Толстой в Тунке между Селегинском и Кяхтою29. Положение наше, как оно ни ужасно, но привычка ли, или потому что сам Господь нас поддерживает, сноснее, нежели можно вообразить. Мы ходим в цепях день и ночь. Сперва они были довольно тяжелы, но генерал30 приказал их сделать в 21/4 фунта. Он человек доброй, но опасаясь, чтобы минутною снисходительностию не потерять плодов 40-летней службы, строго держится своей инструкции. Мы спим на нарах. Недавно позволили иметь кровати. Между двумя находятся столики, на которых занимаемся в часы досуга. Работы наши не весьма отяготительны. Трудимся по 5 часов в день, летом копаем землю, равняем дороги, засыпаем овраги, зимою в теплой комнате занимаемся мукомольством. Восемь ручных жерновов, при каждом два человека, так что вдруг работает 16 человек. В Сентябре 8, которые были в рудниках, переведены к нам. Мы живем между собою как братья. Все общее, ничего нет своего. Довольно покойны, кто ослабеет, товарищи развлекают его. Здание ограждено частоколом. За ограду только выходим для работы и в баню. Особенный дом для госпиталя и еще два домика для свидания женатых. В нашем доме довольно большой двор, в котором мы развели сад, лучший в Чите, и где прогуливаемся в часы отдохновения. К щастию, нам позволили иметь книги. В зимние вечера они составляют большое утешение. Мы завели взаимное у себя обучение. Никита Мур(авьев)31 читает курс военных наук, я сообщал сколько мог сведения свои в Англий(ском) и Итал(ьянском) языках и готовился начать русскую историю. В Церковь нам ходить не позволено, кроме того дня, когда приобщаемся. Иногда священник приходит и к нам. Мы у себя составили хор, который поет обедню, псалмы, обыкновенно же в воскресные дни или в другие праздники мы собираемся по утрам для духовных бесед. Пушкин32 читает нам из Евангелия, Ник. Крюков33 из Evangelischakts*, я из проповедей Блера и так далее. На содержание наше идет по шести копеек в день, позволено издерживать и из своих денег, а потому стол наш хорош, умеренный, но сытный — особенно попечением Дам. Есть ли можно сказать про кого-нибудь, что Ангелы сходят с небес и принимают нашу плоть для утешения нещастных смертных, то конечно про них. Трудно выразить заботливость самую деятельную и неусыпную, какую они имеют об нас. Все мы для них братья. Для нас они отказываются от всего, от самого необходимого. Вот Вам пример: они живут в крестьянских домах, которые внутри построены там очень дурно, в холода дуют с полу. Они, т. е. Волкон(ская), Труб(ецкая), Муравьева и Нарышкина34, не хотят обить полу войлоками, говоря, что это дорого — не более 15 р., а между тем почти всех нас одевают, кормят. Они через каждые два дня имеют по 4 часа свидания с мужьями. Мы разъехались с Фон-Ви(зиной) и Давы(довой)35. Обходятся с нами довольно хорошо и вежливо. Например, унтер-офицер, приходя по утрам и объявляя работу, говорит: “Гоните господ, кому угодно, на работу”.

Я писал к Вам много. Не знаю, разберете ли — без связи, без порядка. Хотелось бы сказать боле, но, право, некогда. Может быть удастся мне иметь счастье видеть Вас в Петер(бурге). Остается мне просить только Вас, чтобы дали знать родственникам, кого увидите, чтобы они писали. Есть многие — Кюхельбекер, Репин, Глебов, Якубович, Борисовы, Крюковы, Иванов, Шимков, Барятинский, Вольф, Беляевы36 и многие другие, которые совсем не получали письма, но из всех нас более убит несчастный Артамон Заха(рович) Мура(вьев). Если можно было Вере Алек(сеевне)37 приехать к нему, все устроилось бы как нельзя лучше. Я думаю, нельзя ли ей поручить кому детей и приехать в Читу.

Мысловский П. Н. Письмо Рылеевой Н. М., 24 октября 1828 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 106—107. — [Т. XII].

8

С. Петербург. 1828. Октября 24 числа.

Письмо Вани, третьей Натали в Мишей [illegible]

Письмо Ваше, друг мои Наталья Михаиловна, от 8 числа сего месяца я имел совершенную радость получить вчерась. Не нужно сказывать, чрез кого получил я это письмо: Ваш истинный друг и сердобольный отец принес мне оное. Говорить ли и об имени его? Сердце Ваше уже угадало имя сие. В самой вещи трудно найти человека с подобной заботливостию, с участием пламенным во дни уже старости, с нежною попечительностию об Вас, как Федор Иванович. Бог дал Вам этого попечителя: Он же Преблагий и да воздаст ему по мере беспредельной христианской любви его к ближнему!

Не знаю, милая моя, за что Вы каждый раз истощаетесь в чувствиях благодарности Вашей ко мне. Я для Вас ничего не сделал такого, что бы давало мне право на Вашу признательность, столь нежную, и глубоко Вам сочувствующую. Я изредка пишу к Вам: что тут мудреного? Что тут за одолжение? Если бы сего не делал я, то и Вы, и всякий на Вашем месте вправе бы был мне сказать: сойди с своего места! Ибо зачем же мы и священники? зачем нас приветствуют: отец Петр, отец Иоанн и так далее? Разве для расширения токмо воскрилия риз11 своих должны принимать и любить великое титло сие? Нет, мой друг: не одно служение у Божьего Олтаря, но наиболее служение человечеству должно составлять прямую нашу обязанность. А следовательно, там, где делается что-либо по долгу, нет уже и места для благодарности. К тому же мои обещания... мои уверения, как бы произнесенные пред Богом клятвы в ночь роковую — явили бы во мне изверга ожесточенного, если бы я позволил себе забыть хотя одно слово из беседы Вашего и моего незабвенного друга. Кажется, я услышал бы из земли укоризну жестокую и справедливую! А потому прошу Вас не мешать мне то делать, что непременно должно мне делать. Прошу с тем вместе и не озабочиваться излишним Вашим не счет мой чувством. Ни благодарность, ни неблагодарность Ваша не могут переиначить собственных моих к Вам чувств, которые не в состоянии ни умалиться, ни возрасти. Будем же друзьями до гроба и не станем рассчитываться, за кого сколько лишних слов перейдет. Есть русская пословица: Бог любит нечотну. Тем более человеку не должно считаться.

Несчастная смерть Вдовствующей (Императ)рицы12 погрузила в печаль весь(ма мно)гих. Память ей вечная! Долго не(угаснет?)* она и на земли. Домы призрения, под Ее ведомством находившиеся, станут и потомству нашему возвещать о великой сей жене, избранной в тысящах. Конечно — Господу так угодно.

Писал бы Вам более, но времени нет. К тому же Федор Иванович прислал уже за письмом. За сим прощайте, друг мой. Полагайтесь всегда и во всем на Промысел Божий! Он все, до нас касающееся, лучше разочтет, чем мы сами, и все вообще мудрецы мира. Настиньку Вашу лобызаю, благословляю всех Вас. По времени напишу побольше.

Вам душевно преданный

протоиерей Петр

Фон Фок М. Я. Отношение, 26 октября 1828 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 132. — [Т. XII].

ОТНОШЕНИЕ

Секретно.

Господину Иркутскому Гражданскому Губернатору.

III Отделение собственной Его Императорского Величества Канцелярии покорнейше просит Ваше Превосходительство доставить содержащимся в Читинском остроге Государственным Преступникам приложенное при сем назидательное послание протоиерея Казанского собора отца Петра Мысловского, отправить к Г-же Фон-Визиной препровождаемое при сем письмо от сего же Священника и благоволить о получении сих писем уведомить оное отделение.

Управляющий Отделением

Фон Фок

№ 4205
26 октября 1828.

Муравьев-Апостол М. И. Письмо Мысловскому П. Н., 4 ноября 1828 г. Вилюйск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 134—136. — [Т. XII].

М. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ — П. Н. МЫСЛОВСКОМУ

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886), отставной подполковник, член всех тайных обществ с момента их возникновения, участник выступления Черниговского полка; брат Сергея Ивановича Муравьева-Апостола (1796—1826), казненного 13 июля 1826 г. и Ипполита Ивановича Муравьева-Апостола (1806—1826), покончившего с собой после поражения мятежа.

Публикуется по списку, сделанному рукой Н. Н. Шереметевой: ГАРФ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 214.

***

Вилюйск, ноября 4, 1828-го года.

Я получил, почтенный Петр Николаевич, ваши письма от 13 окт(ября) и от 2 янв(аря) сего года. Не полагая, что первые письма ваши давали мне право отвлечь ваше внимание от занятий, более приятных вашему сердцу, я не смел отвечать на оные, поблагодарив душевно Бога, что Ему угодно было удостоить меня знать, что вы здоровы и конечно благополучны.

М. И. Мурвьев-Апостол

Второе ваше письмо, полученное мною 14 числа прошедшего месяца, заставило меня приняться за перо. Говорить вам, любезный батюшка, о чувствах, свято хранимых в сердце, которые временем, рассеянием и разлукою делаются мне, как бы сказать, ежедневно любезнейшими, — я смел считать не нужным. Вспомните время нашего знакомства, ваши посещения и тот ужасный час, когда, объявив мне ужасную тайну, вы силою слова Божия исторгли меня от земных привязанностей, в которых я находил прежде единственную цель страстных моих желаний, и указали мне высокое предназначение временного нашего бытия. Да воздаст вам Тот, который сказал: “болен — и посетитесте мене; в темницах бех и придосте ко мне!” О себе вам скажу, что после нашей разлуки 17 августа 1826-го года я содержался в крепости в Финляндии до 3-го окт(ября) 1827-го года38, когда мне было объявлено, что меня везут. Неизвестность моего назначения, а может быть, отчасти и привычка, — вы не поверите, любезный батюшка, как все предметы, нас окружающие в заточении, делаются нам близкими, — словом сказать, весть сия, что за мною одним приехали, меня опечалила. 6 окт(ября) 1827-го года г-н шлиссельбургский комендант объявил мне перемену моей участи. Первое движение моего сердца было пасть перед милосердием Государя Императора и со страхом и трепетом испросить его благость и чтобы ему угодно было на место меня облегчить жребий Ивана Дмитриевича39, который имеет жену, детей, но я вспомнил, что мне отказано говорить о моих чувствах и что моления мои должны быть обращены Единому Богу.

6 (октября) я был отправлен в Сибирь с Алек(сандром) Алек(сандровичем) Бестужевым40. На пути в Ярославль надежда увидеть мою дорбрую Катеньку41 исчезла и в первые мгновения больно сотрясла мое сердце. Когда ж вспомнил, что сестра моя в кругу своего семейства, что сестра моя должна оставить священные свои обязанности, чтобы удовлетворить ничтожнейшему желанию, — я принес Богу душевное благодарение, что Его Благости угодно было не услышать

мою молитву.

В конце декабря прошлого года я был разлучен с моим товарищем и 14 генваря 1828 года достиг места, назначенного мне на жительство. По милости отца моего я был в состоянии купить себе юрту и с 19 апреля живу в своем уголке. Несколько книг, заботы хозяйственные суть

удовольствие мое и заботы. Если я ко всему моему рассказу прибавлю, что я имел два раза счастие приобщиться к Святым Таинствам, вы будете иметь полное и подробное описание о всем том, что со мною было после последнего и короткого нашего свидания. Я прошу Бога, любезный батюшка, чтобы удовольствие, которое я имею теперь с вами беседовать, было изображено в каждой черте. Да сохранит вас Всевышний и да благославит он вас в вашей супруге, в ваших детях и в нас во всех. Сердечно вас любящий и душевно почитающий — ваш сын

Матвей Муравьев-Апостол

Мысловский П. Н. Письмо Фонвизиной Н.Д., 23 августа/3 октября 1829 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 120—123. — [Т. XII].

7

С. Петербург. 1829. августа 23 дня.

Знаю, милая дочь моя, что это письмо слишком зачерствеет, прежде нежели Вы его прочтете. Но случай столько благоприятен, что грешно было бы для меня не писать, тем более, что и сам я очень давно уже не писал к Вам, да и от Вас не имел ни строчки.

С чего же начать письмо? С вопроса: не сердитесь ли Вы на меня, что столь давно лишаете меня истинного удовольствия — читать Ваши любезные строки? Вы скажите на это: за Вами очередь остановилась. Согласен. Но буде бы Вы знали, что есть на это чертовские препятствия, разумеется — от недосугов моих происходящие, то, верно, не стали бы вести означенной очереди. Бог свидетель, рад бы, по меньшей мере, раз в месяц писать к Вам, естли бы только была на то малейшая возможность. Что делать? Не живи так, как хочется, а живи так, как Бог велит. Впрочем, я верные всегда имею об Вас известия или здесь, или из Москвы. В последнее время я не мог не сожалеть об Вас даже до кручинушки сердечной, и если все то правда, что я слышал, то не могу также не пожурить Вас, друг мой сердечный, за Вашу неосторожность, следствием коей Вы сделались матерью — но без дитяти. Также не совсем хвалю Вас и за то, что Вы позволяете себе писать всякую всячину, иногда непростительную для себя, в другой раз обидную для кровных или для самого Прав(ительства). Что тут доброго? Посудите о том с большим хладнокровием, которого Вам всегда почти не доставало. Ах, дочь моя, которую я еще более люблю в самой неосторожности ее! Поберегите себя и других многих. Поберегите злополучных! Знаете ли, что Вы, — Вы, их жены, можете и сделать их если не щастливыми, то конечно покойными, можете и ввергнуть в вящую бездну гибели. Притом не скрою от Вас, что и родные Ваши крайне сокрушаются на счет Вашей пылкости, и буде позволите сказать, даже опрометчивости. Простите мне, что я слишком откровенно с Вами говорю. Ежели Вы не утушили в себе детской ко мне привязанности, которая всегда меня столь много возвышала, то не должны трогаться советом отца. Не лишайте меня, друг мой, сего священного титла, ни права говорить все полезное Вам.

Так давно не писавши, столько есть различных материй для письма, что не знаем, за что и взяться. Ограничусь тем, что скажу Вам только о себе и о моем семействе. В продолжении нынешнего года, по милости Божией, все у меня было хорошо. Старший сын женился. Все остальные здравствуют. Ныне же летом я исполнил долг столько же священный, сколько и сладкий для моего сердца. Я со всем домом ездил к моему родителю, и усладивши старость его до высшей степени, наиболее усладился и сам. Не могу достаточно описать Вам тех радостей, кои вкусил я на моей родине. Перенеситесь Вы мыслию в лоно крови и родства, и тогда малое еще

вкусил я на моей родине. Перенеситесь Вы мыслию в лоно крови и родства, и тогда малое еще получите понятие о моем пребывании в отчизне.

Вот Вам новый товарищ в Вашем переселении22. Не имею нужды описывать доблести почтенной этой дамы: Вы сами скоро в том уверитесь на самом опыте, но я буду просить Вас принять ее в Ваше содружество и искреннюю приязнь. Живите друг для друга: и африканские степи не пустыня, если есть в них хоть одна душа, сочувствующая нам.

Прошу изъявить мое нарочитое почтение любезному супругу Вашему, а чрез него и Ивану Дмитриевичу23 и всем прочим. Скажите им, что я столько же помню их, сколько желаю, чтоб Господь не забыл Вас и их — не забыл вписать в великую книгу милосердия своего. Простите. Всегда был и всегда буду Вашим усерднейшим —

П. М.

3 октября.

Весьма кстати не отослал я еще письма моего к Вам, написанного в прошедшем месяце. Вчерась получил вновь Ваше письмо, любезнейшая дочь моя, от 11 числа августа, и сегодня спешу отвечать Вам. К Вам пишут все, а от меня — нет, как нет. Причины объяснены, остается только уверить Вас, что впредь буду я поисправнее, чем доселе.

Благодарю Бога, милующего Вас насчет здоровья. Естли правду сказать — что же более и требуется для Вас в нынешней Вашей жизни? Ваше здоровье может поддерживать здоровье и друга Вашего. Ваше терпение будет и для него образцом и школою доброго же терпения. Не позволяйте, друг мой, себе никаких желаний, которые или не согласовывались бы с благоразумием, или заключали в себе единые химеры: мечта всегда кончится мечтой. Ищите существенности, т. е. награды, в точном исполнении долга Вашего. На всякое дело благое просите у Господа помощи, и Вы получите оную непременно. Молитесь Богу чаще и занимайтесь чтением Свящ(енных) книг, а преимущественно Евангелия и Псалтыри. Гусль Давыда удивительно как сладка, а наипаче во дни скорби и сетования. По всей правде — это небесная поэзия.

Вы отгадали радость мою издалека касательно величайшего снисхождения и пощады к нещастным24. Уверяю Вас, что это слово — радость — отнюдь не изображает еще всех ощущений души моей от беспредельной благодарности к Промыслу Небесному и Земному — сердце мое хотело выпрыгнуть при чтении письма Вашего. Слава Господу Богу! Слава и Царю великодушному и благосердному! Вот, друг мой, не исполняются ли надежды мои на милосердие Божие? Припомните, коликратно просил я Вас совершенно ни о чем не заботиться, предаться Святому Провидению? Сколько раз убеждал Вас к кротости, послушанию и равнодушному перенесению жребия своего? Упование, говорит Апостол, не посрамит, а слово Божие никогда не преходит без точного исполнения. Небо изменится, прейдет, но не слово Всемогущего. Молитесь к Нему пламеннее, полагайтесь на Него всеми силами души Вашей: может быть — почему знать? — скажу словами Евангелия: больша сих узрите.

С чувствами отца, не престающего любить чад своих, принял я от Вас, или, прямее сказать, чрез Вас изъявленное мне усердие из Острога. Это евангельская лепта для меня. Я пишу ко всем им с нынешнею же почтою. Между тем поручаю Вам передать особенное мое благожелание тем, о коих Вы упомянули в письме своем. При сих словах что-то хотел я сказать особенное, но — право — позабыл. Вы и они прочитайте недосказанное в моем сердце.

С Над(еждой) Николаевною я часто переписываюсь. Благочестивая жена сия крайне мне по сердцу. Ее уменье покоряться воле Божией есть нечто драгоценное. Она теперь в Рославле для раздела имения. Поездка Насти25 требовала сего размежевания. Я уверен, что Вы эту милую голубушку не раз прижмете к сердцу своему при свидании. Боже, не остави всех Вас!

Я здоров и мое семейство также. Все до единого из домашних моих свидетельствуют Вам не простое почитание. У них что-то больше на уме и на сердце. О себе в особенности скажу то только, что я с начала сего года надел уже очки, и без них ни пишу, ни читаю. По летам моим, казалось бы, еще рано знакомиться с сими пособиями глаз, но делать нечего. Лучше сквозь стекла или что другое видеть, нежели очи имать и не видети. О! Что надлежит до друзей моих: я

узнал бы, увидел бы их и закрытыми глазами.

Наш Собор приходит к окончанию насчет исправления. Вся внутренность его облечена в чрезвычайное велелепие на счет щедрот монарших. Спаси Его Господь повсюду! Для успеха в работах мы должны были остановить на несколько недель и богослужение. Не думайте, однакож, чтоб мне негде уже было молиться за Вас: олтарь молебный я всегда ношу в сердце моем!

Прощайте, дочь моя. Не брошу пера, дондеже паки благословлю Вы. Прощайте. Господь с Вами!

Мысловский П. Н. Письмо Бенкендорфу А. Х. (?), 6 июня 1832 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 136—137. — [Т. XII].

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — А. Х. БЕНКЕНДОРФУ (?)

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф, начальник III отделения и шеф корпуса жандармов (с 1826 г.).

Публикуется по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 56. Л. 6.

***

Ваше Высокопревосходительство!

Якушкина в продолжение нынешнего года неоднократно просила: да разрешится ей терновый путь к нещастливцу — мужу ее. Она, имея пред глазами пример подобных жен, воспользовавшихся благостию милосердного Царя, еще в начале сего года сделала все возможные, и может быть, выше сил своих приготовления к пути роковому, быв удостоверена, что и ей равномерно не откажут в принятом ею намерении.

Жребий самого Якушкина, осмелюсь сказать, тесно соединен был с священнейшей обязанностью моею в 1826 году. Еще смелее выразить: аз родих, в узах его. Я никогда не могу забыть того умиления к Спасителю, которое почувствовал узник сей в душе своей по действию животворной веры, дотоле ему неизвестной, и которое, уповаю, сопроводит его на ту сторону гроба42. Жена же Якушкина совершенно известна мне только по редким качествам кротости, беспрекословного повиновения судьбам небесным и земным, и прочих добродетелей, украшающих юную женщину. К сему, как Духовник, присоединить честь имею, что несчастье не в силах разорвать уз верной и истинной любви Якушкиных; напротив, она как-то еще крепче связует сердца их. Они решились вместе погрязнуть в бесславной ничтожности, а естли угодно будет Небесам, никогда не вставать из живой могилы.

А потому дерзаю всепрепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство: благоволите исходатайствовать Высочайшее у Его Императорского Величества разрешение ехать ей, Якушкиной, к мужу. Да запишется имя ее в книгу политического небытия.

С чувством беспредельного высокопочитания и высокопочтеннейшей особе Вашей пребыть честь и щастие имею

Вашего Высокопревосходительства всепокорнейший слуга

Протоиерей Петр Мысловский.

6 июня 1832.

Мысловский П. Н. Письмо Шереметевой Н. Н., 29 июня 1832 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 137—138. — [Т. XII].

1

29 июня (1832 г.) Утро. Петров день. С. П(етер)бург.

Можете быть уверены, как больно для меня омрачать сей день какой-либо неприятностью для ближнего, а тем более для особы, мне всегда любезной и душевно уважаемой. Мои гаданья сбылись, предчувствия не обманули. Не трудно было предвидеть: обыкновенный ход дел частью нарушился. Ждал, ждал, и наконец, только что за перо — является чиновник с приглашением. Куда? Только что не на погребенье... Невозможно утерпеть, чтобы прежде, нежели Вы получите от меня казенное письмо, не предварить Вас насчет дела. Ах! для чего нельзя поручить бумаге всех внутренних движений, несмотря на то, что она повидимому глуха и нема. Нет, она умеет иногда и проговариваться; ее умеют и подслушивать. Самое средство доставления к вам письма сего ясно покажет вам, что и мне, и вам предложит особенную на сей раз осторожность. Но согласитесь, что мне чем более, тем менее доверяют. Прошу выслушать, Государь решительно не хочет, чтобы ваша Настя и все подобные ей жены ехали отныне к мужьям. Не теряйтесь в придумывании причин на сие: во сто лет не нападете на них. К сему по крайнему секрету просоединить могу, что Царь, давши один раз закон, признает себя слабым воспротивиться желаниям. Если хотите — он даст вынужденное повеление отпустить вашу дочь к мужу, но верьте мне, что это позволение хуже будет самого строжайшего запрещения. Вот критическое положение, которое вам хорошенько обдумать должно. Я трепещу, чтобы с разрешением воли для одной не умножилась неволя для многих. Тогда посудите, что станется со всеми. Но мое положение еще затруднительнее вашего. Вообразите, мне же поручено и чувствовать самому, и вам писать совершенно в обратном смысле. Казенное пиьмо обнаружит противоречие сердца моего с пером. Но вам непременно надобно будет на что-нибудь решиться. Середины нет тут не малейшей — либо в огонь, либо в воду. Письмо сие напишется в таком тоне, что вы во всяком случае можете приложить его в письме к А. Х.43 Это будет значить, что я порученнное мне вполне исполнил. Ради Бога, не лишите меня доверенности, которая во многих случаях может быть полезна несчастным. Повторяю Вам: непременно отпустит... но что-то не договаривается. Коли же Настя пожертвует желанием своим желаниям высших, то именно сказано мне, что эта жертва весьма будет приятна и никак не останется без какого-либо вознаграждения — я знаю, что вы не остановитесь на сем, но, может статься, потребуете моего совета. Чтоб прекратить на сей час переписку, которая может прекратиться и навсегда, я советовал бы послушать Царя. Так дела текут. Таков оборот обстоятельствам, не от нас однакож зависящим. Притом не твердил ли я вам почти во всяком письме, что на все должна быть воля Божья, а с сею волею, отдающеюся в сердцах царевых, наш долг согласоваться. Заключаю письмо свое тем, что во всяком случае не медлите отвечать А. Хр., с приложением письма моего, которое, я надеюсь, получите вы с одною же почтой, но из разных мест. Простите. Бог да наставит вас в избрании пути, или лучше сказать: да укажет вам на путь, им же назначенный.

Письмо сие по прочтении сейчас в огонь, а меня уведомьте, на что именно решитесь. За вас, право, не стыдно будет мне услышать, что я или не успел, или не хотел убедить вас. Боже, помози им в начинаниях сердец их. Сам покажи им путь, им же да идут. С Тобою везде свет и истина, без Тебя мрак и неправость.

Вам душевно преданный П.

Мысловский П. Н. Письмо Шереметевой Н. Н., 1 июля 1832 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 138—141. — [Т. XII].

2

Милостивая Государыня, Надежда Николаевна.

Не знаю, с чего начать письмо мое к вам, судя по содержанию, сие, должно сознаться, что весьма трудно брать назад слово свое, но еще труднее противоречить себе самому. По крайней мере, я не запомню, чтобы когда-либо был я в подобном положении.

Когда делились мнения и голоса, разумевшие частные по случаю возникшего некогда вопроса: должно ли несчастным женам следовать в Сибирь за осужденными их мужьями, Вы, конечно, помните, что я всегда был на стороне говоривших не отрицательно, и гораздо ранее, чем Правительство сделало на сей раз свои постановления. Сверх побудительных причин, находимых тогда в отношениях житейских и гражданственных, мне казалось, я не мало заблуждался, опираясь еще в данный раз на слово Божие: Бог сочета, человек да не разлучает.

Не удивляйтесь, Милостивая Государыня, ежели я теперь, по прошествии шести лет, задумал или решился говорить вам в обратном смысле. Будущее для нас сокрыто, настоящее не совсем нам понятно. Оттого часто обстоятельства нами, а не мы ими управляем. Что делать? Где те счастливые прозорливцы, которые в состоянии были бы приподнять завесу непостижимую, дабы посмотреть, что за нею делается?

Ваша любезная дочь решилась отправиться к мужу. Знаю, что не один порыв молодости, но и сердце участвует в сем предприятии. Во всякое другое время я стал бы утверждать, что решимость сия должна быть занесена в книгу славы. Пять или шесть лет тому назад я всем сердцем благословлял бы полет этой горлицы юной. Кажется, сам бы повязал ей крылья. Но в настоящем времени, смею сказать, предприятие сие не заключает в себе ничего, кроме взаимных и общих невыгодностей... А потому, любя ваше спокойствие, как бы собственное свое, ни на минуту не теряя из виду выгоды вашей, я должен просить и умолять вас, чтобы вы силою матерьней любви вашей, а также основательностью доводов постарались удержать дочь вашу от предприемлимого пути. Не желайте изыскивать в уме вашем причины, по которым я даю совет мой вам, ниже теряться в напрасных догадках. Все в жизни зависит от условий, которые настолько от нас не зависят, между тем, прихотливое время переменяет это все по собственному своему произволу. Довольно на сей раз покориться внутреннему чувству, которое убедительно говорит, что из многих зол всегда должно избираться меньшее, равно как из многих благ самое большое. Скажут, может быть, отправление в Сибирь есть глубокое самоотвержение; оно, точно, могло бы быть таковым, ежели жизнь следующих туда принадлежала только им самим и их мужьям. Нужно, чтобы не сказали таковым самоотверженным словами апостола Павла: ревность ваша не по разуму; тот не венчается, кто незаконно страждет.

Знаю, что совет мой не будет отвечать общим вашим желаниям, заранее чувствую, что вы, а паче дочь ваша будет недовольна моим намерением или мыслию, но сии последние тем не менее чисты и клонятся к одному благу. Но это еще не все: ежели бы вы даже стали бранить меня за даваемый совет, и тогда я не перестану говорить вам: надо покориться необходимости, надобно послушаться гласа рассудка, надобно пожертвовать собственным своим утешением спокойствию и благу других. И в сем именно заключаться будет самоотвержение любезной вашей дочери.

Без сомнения, захотите вы и убедиться на сей раз чем-либо основательнейшим и более очевидным, нежели воображаемым. Попытаюсь представить с моей стороны некоторые, хотя и слабые, доводы.

1-е. Позволение ехать не должно считать ни правом для просящих и решающих ехать, ни

обыкновенной милостыней для дающих позволение. Я вам сказал выше, что все зависит от условий политики правительства, определяющей сии условия. Действует через то ко благу всех и каждого, так что почти каждому из нас можно применить текст сей: “Создание может вопрошать Создателя: почто мя тако создал еси?” 2-е. Ежели бы и хотел позабыть незабвенного зятя вашего, то никак не был бы в силах того сделать. Можно сказать об нем, что излишний разум привел его к безумию, а безумие обратило на стезю здравого рассудка; но сей последний привел его к чистой и несомненной вере в Иисуса Христа, которой ему недоставало. Обращаясь к прошедшему, я как бы вижу в лицо того смиренного грешника44, который, загладив перед Богом грехи свои истинным и нелицемерным раскаянием, сложив руки свои крестообразно и утопая в водах слезных, говорил мне: “Отец мой, размыслите, кому вы предносите Божественную чашу сию. Подумайте, не оскорбится ли Спаситель наш прикосновением и самим соединением с ним величайшего из грешников!” Но это мало нашего нынешнего разговора: я только хочу сказать вам о мнении его насчет отправления жен в Сибирь. “Если кто, — сказал он мне однажды, — хочет видеть жену свою в ссылке с собою, то наверное не я”. — “Отчего так?” — Просто оттого, что когда у детей моих невозвратно потерян отец, то несправедливо, даже бесчеловечно было бы отнять у них и мать. Нет, пусть буду лучше один в несчастьи, а жена моя должна заступить и свое, и мое место к нашим детям”. После сих слов и чувств, истинно благородных даже в устах грешника гражданского, судите, может ли зять ваш равнодушно увидеть и без болезни некоторой прижать к сердцу своему дочь вашу, а свою жену. И если он столь нежно заботится о детях своих, то не тем ли паче надлежит подумать об них матери, согласно желанию отца их и своим матерьним чувствам. Быть может, время переменит в нем решимость сию, точно так, как и во мне мои мысли, однако же все-таки страшно подумать, когда внучки ваши, пришедши в возраст и рассудок, станут вопрошать вас о родных своих: “скажите, где наши родители? Существовали ли они на свете?” Верьте, тогда никто для вас и для малюток ваших не возвратит и не заменит дочери и вместе матери. Отсутствие ее похитит у вас и у них все драгоценное на свете. 3-е. Положим, что дочь ваша уже у цели желанной своей. Вообразите, что она уже в сообществе подобных ей жен и даже близ сердца страдальческого; скажите мне, что это будет за жизнь без жизни и кто поручится, как долго протечет она даже в этом горьком положении. А что будет с женою юною, ежели муж ее вскоре или через несколько времени перестанет существовать на свете? Делить ей сердце свое между гробом друга и между отдаленнейшим жилищем круглых сирот своих, сидеть на безвестной могиле его и проливать слезы позднего уже раскаяния, желать и не сметь оглянуться назад, подобно жене Лота, замечать гробовой покой, а видеть внутрь и вне себя мятеж бесконечный? Должно сознаться, что это состояние будет гораздо превыше сил пустынной голубицы. А засим что? Сраженная дикой скорбью или отравленная собственным своим ядом, бедняжка неминуемо ляжет костьми тут. Я страшусь, если кто при похоронах ее скажет со стороны: “это самоубийца, но только в смысле косвенном и самом тончайшем”. А с сиротами что станется? О, они, может быть, скажут с пророком: “мало меду вкусих матерь наша, нам же оставила в удел скорбь и слезы”. 4-е. Для жен сих думать, что они в состоянии усладить присутствием своим участь несчастных мужьев их есть некоторого рода спесь, наиболее нетерпимая в смысле духовном. Ибо Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. А что, ежели сделается не по-нашему? Что, если вместо чаянного утешения жены сии или хоть одна которая-нибудь из них принесет туда горечь и отраву. Что, ежели Богу не угодно будет, чтобы они являлись туда ангелами-хранителями? Тяжко будет страдальцам жаловаться и вопиять на виновниц новых своих бедствий, а сим последним еще тягостнее будет сделаться таковыми.

Мне частию больновато, что письмо мое столь длинное и утомительное. Я могу сказать вам с одним писателем иностранным, что никак не мог сделать его короче, ни сжать сердечных моих чувствований. Остается пожелать всем спокойствия душевного, без которого и в Москве, и в Сибири, и на том свете мы будем жертвою страданий. Простите и верьте, что по изменившемуся времени и обстоятельствам могут перемениться во мне и мысли, но не дружба, но не то истинное уважение, которое привык сохранять к вашим добродетелям.

Душою преданный вам духовник ваш,

протоиерей Петр Мысловский.

С. Петербург. 1832. Июля 1 дня.

Шереметева Н. Н. Письмо Мысловскому П. Н., 19 июля 1832 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 141—143. — [Т. XII].

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВА — П. Н. МЫСЛОВСКОМУ

Публикуется по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 56. Л. 9.

Приложено письмо П. Н. Мысловского М. Я. Фон Фоку (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 56. Л. 8.)

***

Саввин монастырь. Июля 19 (1832 г.)

Письмо Ваше на пакете от 6-го получено мною 15 июля, тотчас не могла отвечать: эти дни была больна и вчера через силу сюда приехала; нынче день кончины мужа моего, и вот 24 года, как этот день, когда только могу, здесь бываю. Итак, почтеннейший Петр Николаевич, прямо с могилы человека, который мне доказал, что есть счастье на земле — 10 лет с половиною провела как нельзя благополучнее. Тогда горя не знавала. Боже милостивый, упокой душу его и детей его сподоби Царствия Небесного, каким путем Ему угодно довести до сего блаженства, буди Его Святая воля.

Со всей откровенностью Вам отвечаю, уверена, почтеннейший Петр Николаевич, что Вас мне уверять не нужно в том, что Вы сами, как отец духовный, знаете, что для сердца моего необходимо, буде говорить должно, то сказать со всею простотою все, что оно ощущает, не заботясь о том, что люди скажут, а дай Бог всегда помнить то, что Всевышний все видит. Да будет Он между нами посредником, Ему, поверьте, что помню всегда, и в сию минуту, что Ему нужно, чтобы намерение было чисто, и с сим чувством Вам отвечаю.

Пишете — отсоветовать дочери ехать; о ней должна Вам говорить, как о человеке, которого Вы мало или совсем почти не знаете. Она по благости Божией имеет довольно сил душевных и ума; присоедините к этому шесть лет несчастия, оно ей придало много опытности, и она очень обдумала, что предпринимает. Во все годы этой тяжкой для нее разлуки, мысль об отъезде никогда ее не оставляла, она стремилась к этой цели, и во все эти годы не переставала его просить о согласии ей туда приехать, и крепко всякий раз его в том уверяла, что с приездом ее они взаимно опять будут счастливы, но что до сего она не там единственно потому только, что муж ее просил остаться некоторое время при детях, что она в угодность ему и исполнила, а получив согласие мужа, она в феврале месяце просила Александра Христофоровича Бенкендорфа снабдить ее для проезда нужными бумагами, и известила мужа о времени своего выезда. С этих пор каждую неделю оттуда получаем одни вести, с каким нетерпением он ее ожидает, и тогда как с обеих сторон утешаются надеждой, что наконец скоро свидятся, а я в самое это время в моей старости, приближаясь, можно сказать, ко гробу, буду требовать от дочери жертвы, я, которая должна пещись об успокоении ее, а вместо того буду орудием новой скорби, и без того уже много настрадавшейся душе.

Наконец, почтеннейший Петр Николаевич, закончу описание о моей бедной дочери тем, в чем, без сомнения, Вы согласитесь, что нет на сем свете никого, кому бы участь ее была ближе и дороже, как мне, и кому бы разлука с нею была бы тяжелее, как мне. Но в столь плачевное для меня время, поверьте Богу, пред Коим мы некогда все предстанем, что ни на минуту не останавливалась на том, чтобы позволить подумать о себе, что со мной будет: не время

заботиться о собственной отраде, когда дело идет о спокойствии детей и детей несчастных. Вы можете представить все, что по любви моей к ней и по обязанности и по той ответственности, которую Богу я, а не другие, буду давать отчет, я со всем дружеством ей говорила, чтобы она прежде, нежели решиться, обдумала, сообразилась бы со своими силами; она всегда мне одно отвечала: “Я много о сем думала”, — и с твердостью решается. Испрашиваю на нее благословения Божия, Его покрову ее вручаю, молила и молю всегда об одном, да не лишит Он

Царствия Небесного. В самом деле нет места, ни положения, в котором бы человек не мог быть при помощи Божией внутренне счастлив; она уверена, что выполняет свой долг, и выполняет его с любовью.

Согласитесь, кто бы ей что ни говорил о ней самой, о детях, все это ей ближе, нежели кому-нибудь — другие говорят, а она чувствует. Так много о ней говорят. Вам покажется, может, странно, что я как будто хвалю дочь, не в нашем положении о сем думать, — дело идет не о похвале, а о истине, которой изложить обязана, дабы показать Вам, что человек с ее душою знает, на что решается — мне ли похищать у ней остальное спокойствие, которое ей на сем свете осталось, и в котором сам Бог и Государь ей не отказывают. Позволено женам, даже девушкам не запрещено по желанию их ехать туда венчаться. Вы говорите: представить ей, как муж умрет, что с нею будет: кто кого переживет — это от нас закрыто, также и то, что легче — здесь это услышать или быть свидетельницей кончины милого человека. В последнем остается отрада, что все сделала, чтобы дружеством своим усладить жребий близкого человека, с которым все делить была готова — и как ни тяжко пережить, что нам дорого, легче, нежели пережить себя, то есть по каким бы то ни было благовидным причинам, но поступя против того, в чем внутренне убежден. Вот ужасное состояние, превыше всех несчастий, тогда уже никто и ничто не заглушит этот стон, беспрерывно с каким-то упреком вопиющий; это состояние тяжелее смерти.

О, Милосердный Боже, Тебе их вручаю, отдаю, спаси и помилуй. Сколько ни говори, время кончать; впрочем, я ничего Вам не скажу, чего бы Вы сами не знали; уверена, знаете и то, чтобы, когда ни встретитесь, хотя я никак не ожидаю, чтобы могла иметь какую неприятность, но положим, буде бы она случилась, — это само по себе, а одолжение Ваше никогда не изгладится из моего сердца. Любовь и попечение Ваше о зяте моем останутся незабвенны до самой смерти. Вот Вам самая чистая исповедь души, Вам преданной. Вы сами видите, что ни в каких случаях жизни не изменялись, вечно одинаковы все мои поступки. Знаете, Вы в разное время видали меня, и, наконец, видели почти в самую минуту, когда я узнала, чем свершилась участь Ивана Дмитриевича, тут же и дочери моей — на Вас ссылаюсь: произнесла ли какой ропот, было ли даже в сердце? В сем отношении глубоко чувствую милосердие Божие, говорю Вам, как сейчас умереть, как тогда, так и теперь, кроме горести, ничего на сердце нет, и эта внутренняя тишина в самом несчастии доставляет человеку спокойствие, кое так необходимо для нашего спасения, и я сильно уверена в том, что сам Бог не взыщет за слезы, проливаемые в тишине — не чувствовать печали невозможно — лишь бы на сердце было чисто. Прощайте, благословите и не оставьте Вашими молитвами Вам всей душой преданного (друга?) и нескончаемо пребуду Вам благодарна.

Н. Шереметева

Мысловский П. Н. Письмо Фон Фоку М. Я. (?), 1 августа 1832 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 143. — [Т. XII].

Приложение:

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — М. Я. ФОН ФОКУ (?)

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь,

в подлиннике имею честь препроводить к Вашему Превосходительству письмо, полученное мною на сих днях от г-жи Шереметевой, матери Якушкиной, просящейся к мужу. Изо всего

видно, что решимость дочери равняется желанию матери, несмотря на то, что я как той, так и другой давал возможные убедительнейшие советы оставить порывы сердец их. Конечно, я не мог, ибо не смел, представить им резонов гораздо важнейших, коих они не в силах были бы отвергнуть. Но естли позволено будет мне сметь явить ближайшее средство к удержанию юной жены от намерения, которого важности она вовсе не понимает и которого последствия для нее сокрыты, то это есть одно молчание со стороны Правительства, противополагаемое их

требованиям. Я очень хорошо знаю сих Дам, чтобы быть уверену в успехе сей меры. Подождут, подождут, помолчат, может быть и поворчат, и, наконец, навсегда смолкнут. Впрочем, да будет на сие святая воля Небесного и Земного Промысла. С неумирающим чувством благоговения и преданности честь имею пребыть

Вашего Превосходительства покорнейший послушник

Прот. Петр Мысловский

1 августа 1832 г.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 22 июня 1835 г. Спасская Мыза // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 143—146. — [Т. XII].

1

Спасская Мыза. 1835, июня 22 дня.

Взявшись за перо, я невольно призадумался: с чего бы начать мое письмо к Вам, любезнейший мой Иван Дмитриевич. Пространство времени, нас разделяющее, столь велико, что право, не ведаешь, о чем начать беседу. Мысли толпятся в голове, и прерывая друг у друга дорогу, спешат излиться на бумагу прежде пера. Так толпится простой народ во время зрелища и нарочитых торжеств. Дайте же начнем-те разговор, по пословице, на собственном иждивении. Человеку, Вы это сами знаете, свойственно размышлять. Я еще более скажу: тот, кто не размышляет, почти нисходит до степени бессловесных животных. Но от размышлений еще естественнее перейти нечувствительным образом и к воспоминаниям о прошедшем. Подчас стоит только задеть за одну наималейшую струну, и воспоминания сии возникнут с новою какою-то силою, иногда с новою прикрасою воображения, в другой раз с свирепостию.

Мое прошедшее, в отношении к Вам, каждый раз представляет мне много картин мрачных и светлых. Грешный человек: люблю помечтать и даже пожить в области несбыточных вещей. Какая нужда, если это назовут вздором, грезою наяву или чем другим: для меня благодетельная мечта стоит той истины, которая меня убивает. Среди-то сих мечтаний и дум столь часто вижу я Вас, как бы в лицо, чувствую и осязаю время, давно минувшее. Особенно без живейшего благодарения к Богу не могу я вспоминать о днях благодати, являвшейся, как говорит Писание, мнозем. Не думаю, чтоб Вы когда-нибудь могли позабыть неделю Ваий 1826 года45. Ах, этот день был днем нового в Вас человека. Поднесь и в ушах, и в сердце моем отдаются слова бедного, но, смею сказать, доброго грешника: “Отец мой, не согрешите вместе со мною, преднося чашу сию рабу неключимому”. — Помните ли Вы ответ, на это Христианское смирение сделанный: “Она для таких только грешников и разтворена. Смело погружайся, чадо веры, в неоцененную кровь Иисуса”. Незабвенный день и час! По всей правде, все Ангелы дружелюбно взирали на это торжество обновления. Не гневайтесь на меня, естли я оглянулся назад с этой точки зрения. От всего сердца желал бы я и себе, и Вам повторения столь ощутительных знамений благодати. Представьте себе мореплавателя, потерпевшего кораблекрушение при брегах отдаленных морей. Не правда ли, что, быв спасен от гибели, он в кругу родных своих с неизъяснимою радостию воспоминает о самой смерти, от которой был на один только волосок? Это Вы, только в духовном смысле. Раскрывайте, сколь возможно часто, ландкарту жизни Вашей и — указуя на этот период Ваш, поучайтесь сами, поучая иных. Смело проповедывайте, что милосердный Бог

никак не хочет видеть погибели грешника, но желает ему спасения.

Но воспоминание о прошедшем и не с столь важной стороны может приносить отраду сердце нашему. Припомните, друг мой, те горько-сладостные часы, которые мы с Вами проводили во дни оны. Самые простые и обыкновенные вещи, олицетворяясь в воображении, погружаются в какую-то усыпительную чару. Ваша приверженность, Ваша, ежели позволите так объяснить,

детская любовь ко мне, не могла не указывать мне прямого долга моего во всем его пространстве. Вас самих поставляю в свидетели, как любил я быть у Вас и слышать Вас даже за полнощь глубокую. Как теперь гляжу на тот скромный завтрак, который Вы каждый день для меня приготовляли. Бог тому свидетель, как вкусна была трапеза сия, приправленная доверенностию страдальца. А шампанское, которым запивал я жирные яства46? О, после того не случалось мне пить ничего подобного и лучшего.

Но довольно о прошедшем: надобно, что-нибудь сказать и о настоящем. Хоть я и частенько слышу о Вашем житье-бытье; хоть я услаждаюсь известиями о Вашем здоровье, о Ваших правилах жизни, однако ж не с такою жадностию Араб, странствующий по раскаленным пустням Ирака, ищет прохладительного источника, как я желал бы видеть Вас лицом к лицу. С каким бы натяжением мышц прижал я Вас к персям моим, еще не охладевшим для Вас ни от продолжительной разлуки, ни от преград, создвигнутых между нами. В каком бы упоении радости перелил я все отеческое сердце мое в Ваше сердце. Вы прислонились бы им ко мне, как прислоняется и мирно засыпает счастливый младенец на груди матерьней. Но Богу это неугодно. Должно повиноваться неизбежным велениям Его. Он по расчетам своей благости и живит, и мертвит, и возводит, и низводит.

Однакож, все, что ни проходит чрез Его божественные руки, обращается в единое добро. У Него и ночь — день, и мрак — свет, и смерть — жизнь. Будем безусловно повиноваться святой воле Его.

И. Д. Якушкин

Без всякого сомнения, Вы пожелаете слышать обо мне и от меня. С тех пор, как я расстался с Вами, много утекло воды. По непостоянству жизни человеческой, и я много испытал, и доброго, и худого. Были и чувствительнейшие потери, и счастливые находки. Были дни для радостей, были и для печалей. Что делать? По крайней мере, уравновешивая добро со злом, надобно уметь переносить и своенравие счастия. Посмотрите на небо: то солнце палящее, то мрачные тучи; то зефир, играющий с красавицами полей — ландышами, то грозные бури, исторгающие с корнем столетние дубы. Это эмблема нашей жизни. И ежели она не была таковой, то дух наш не имел бы возможности поглядывать в страну невечернюю. Он был бы для нас отяготительным бременем. Теперь, благодарение Господа, в семействе моем все кругом хорошо. Оно скоро убавится одним лицом, ибо старшую из дочерей моих сговорил я за одного чиновника, добрейшего и достойнейшего человека. Знаю, что Вы порадуетесь моею радостию. Не излишним почитаю известить Вас и о том, что вот уже четвертое лето живу я с семейством моим на Кушелевой даче, где выстроен у меня крошечный домишка. Приют мирный, только и бойся, что жала комара. Иных зол не чувствуешь. В городах, особенно шумных, люди только что живут, если нельзя сказать меньше; здесь, в деревне, в полном смысле наслаждаешься жизнию. Здесь, среди прелестей природы-матери, а не мачихи, не можешь представить себе, как занимают меня самые простые вещи. Например: внимаю ль я рассыпанным трелям жаворонка, уже при первом появлении солнца воздающего хвалу общему Отцу тварей, — это переносит меня в какой-то отдельный, духовный, очаровательный мир. Око человеческое на может беспечно пройти мимо сих чудес творения, а чувство не возвыситься к величию Творца. Невольно вспомнишь о гусле, на которой бряцал Давыд: всякое дыхание да хвалит Господа. Начнет ли образовываться жатва на нивах, я ищу этой живительной силы и не нахожу ее на земле. В небе узнаем некогда об этой силе, обильно разлившейся по всем творениям. Вижу ли воздух и воду: это чудо из дел Божиих, которое менее иногда занимает нас, нежели какой-нибудь фейерверк или фокус-покус. Как поучителен здесь даже дымок, вестник человеческих забот и жизни, вьющийся из труб. Часто

поучителен здесь даже дымок, вестник человеческих забот и жизни, вьющийся из труб. Часто останавливается взор мой на сем вестнике, так что не хочется отвести глаз на другую сторону, на другие предметы. После того нельзя не сказать себе самому и другим: человек, для которого все это существует, неужели сам существует без вечной цели? Земля не настоящее жилище его. Это ссылка для грешника. Живя на земле, мы принадлежим небу. Здесь только подвиги страдания; там истинная награда. Здесь одно только время, зависящее от выкладок ума человеческого; там не будут знать времени даже по слуху, туда-то и Спаситель мира обращает взоры смертного, когда говорит: где ваше сокровище, туда да будут обращены и взоры ваши.

Мне кажется, я уже заговорился. Хотел писать просто письмо, а запахло уже предикою47. Простите и припишите это избытку сердца, с вами беседующего. Покорнейше прошу Вас передать все благие пожелания клевретам Вашим. В особенности засвидетельствуйте живейшее почтение мое княгине Екатерине Ивановне Трубецкой. Надеюсь, я не оскорблю скромности ее, если скажу, что все имеющие счастие хоть мало знать ее, преисполнены к ней глубоких чувств уважения. Иначе и быть не может: это друг злополучного человечества. Подкрепи ее Боже на дальнейшее служение Вашим и нашим, тамошним и здешним. Еще покорнейшая моя до Вас просьба: я помню, что Никита Михайлович Мур(авьев) поехал отселе в некотором предубеждении против меня. Уверьте его, что я чист перед ним, как свечка перед Спасителем. Мне по днесь больно и за себя, и за него, буде он не хочет расстаться с своим сомнением.

Прощайте, любезнейший Иван Дмитриевич. Думаю, и на Вашу часть земли еще заглядывают звезды, солнце и луна: чего же более? Умейте благодарить Бога за все и любить Его паче всего. Не говорите мне, что, может быть, ничья теплая слеза не оросит некогда уединенной могилы Вашей: старайтесь только, чтоб слеза брата Вашего не канула на Вас в день судный. Живите для веры и добродетели: того только нельзя почитать в живых, что перестанет жить для них. Еще раз прощайте. Обнимаю Вас и желаю Вам возможного блага. Навсегда пребуду искренне любящим Вас — некогда Духовник Ваш, а ныне покорнейший слуга

Протоиерей Петр Мысловский

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 22 апреля 1836 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 146—148. — [Т. XII].

2

С. Петербург. 1836, Апреля 22.

Добрая княгиня Екатерина Ивановна между прочим сказала мне, в последнем своем письме, что Вы, любезнейший мой Иван Дмитриевич, с нетерпением ждете от меня письма. Какого роду это нетерпение? Уж не думаете ли Вы, что долг мой, хоть самый искреннейший и — смею сказать — отеческий будет для Вас так сладок и любезен, как звуки Баснословного музыканта, смягчавшего во дни оны камни и заставлявшего утесы двигаться? Не ждите от меня этих выспренностей и вдохновения: за языком сердца дело не станет. Есть перо, бумага, а произволение — вдвое, вчетверо. Из письма того же друга человечества узнаю, что Вы, друг мой, и многие из товарищей Ваших меня еще не позабыли. Не поверите, как это приятно и даже обязательно для меня. Должно правду сказать, что живое чувство, и, право, неподкупленное усердие мое слишком недостаточно, чтоб быть вознагражденным таким лестным воспоминанием и столь бескорыстною любовью. Вы, конечно, держитесь этого правила, что более или менее возвышая предмет, которому мы чем-либо обязаны, этим самым делаем честь самим себе. Следовательно, мне остается сказать словами Писания: не нам, не нам, а Вам. В особенности и лично спасибо Вам за столь постоянные чувства Ваши ко мне: Небо да воздаст Вам за оные, если не здесь, по крайней мере, там, где нет места ни страданиям, ни тяжким вздохам. Бог да будет тогда всячески во всех. И действительно, затеям и смятениям сердца человеческого не будет конца, пока оно не успокоится в Боге.

Без сомнения, по живому участию Вашему ко мне, Вы пожелаете узнать обо всем, что касается до меня. Живу, благодарение Богу, иногда весело и приятно, а в другой раз и с скукой пополам. Нельзя же требовать, чтоб дни жизни нашей были постоянно ясные. Перемены в воздухе суть эмблема наших перемен в общежитии, даже в сердце. Человек везде и всегда тот же человек. Главное условие жизни в том, что кто волею Провидения поставлен на поприще жизни, тому надобно пройти оное; идти прямо, не уклоняясь ни на десные, ни на шуее, к назначенной цели.

Это второе условие, предписуемое и разумом, и верою.

Вы, я чаю, слышали, что мое семейство состоит из двух Департаментов: из детей собственно моих и внучат. Тех и других порядочная кучка. В мои лета, живя уже не своею собственною жизнью, а жизнию крови моей, признаюсь — кругло-сиротское положение внучат моих нередко трогает меня до глубины души. Есть среди них и такие, которые никак не понимают ни сиротства, ни сопряженных с ним и почти неизбежных горестей. На чье ж все это падает сердце? Ты за них и думай, ты за них управляйся с препятствиями и с горем; ты за них не спи ночей и размышляй об утре; одним словом, беспечные и невинные младенцы знают лишь одни свои куклы и карточные домики, а ты исподтишка, вместо росы небесной, обливай их созидания со всеми фасадами и чертежами — невольными, хотя и тихими слезами. Господу так угодно. Он видит, однакож, что я до сих пор ни на минуту не позволил себе ни возражать, ни усомниться в беспредельной Его Благодати и особенном покровительстве сирым. Я помню, что Он сказал и всегда говорил им: Аз буду вас во Отца, вы мне — в сыны и дщери. Но о сем довольно. Заключим тем, что есть сироты, имеющие и родителей. Завет Божий простирается и на них. Имейте веру сему.

Ежели Вы получите это письмо в Петровском48, то возьмите на себя труд завсидетельствовать искреннейшую и беспредельную мою благодарность Сиятельной, не столько по титлу, сколько по делам, Княгине Екатерине Ивановне за ее милостивое ко мне писание, которое служит мне как бы зеркалом, в котором вижу я всех Вас. Особенно занимательна и мила картина семейной ее жизни.

Кажется, слетел бы в этот скромный приют и часа на два, на три присел бы к тому столику, за которым малютки ее глотают сладость учения не наемного, здравого и убедительного. Уверьте эту добрую жену и мать, что я не замедлю писать к ней особенно. Признаться ли Вам, что я лишний раз не смею писать к ней потому, чтобы не отнять у нее времени, нужного для переписки...

Говорят мне, что Ваша голова покрыта снегом, и таким, который не сойдет даже в июле месяце. Что это? Не рано ли, друг мой? Не хотите ли Вы тем пристыдить нашего брата, у которого на голове не единого седого волоска, а в бороде — этом гнезде пыли и снегу — пястки с две? Понимаю, конечно, Вы вздумали, по выражению Соломона, сочетать мудрость с сединою. Но ведь там сказано в обратном смыле, т. е. мудрость есть седина, а седина не всегда бывает мудростью. Прощайте. Поезжайте к любому полюсу, в пятую часть света, к Антиподам, и куда угодно: всюду последует за Вами отеческая, искренняя любовь

Преданного Вам Петра Мысловского.

Покамест до письма к Княгине, кланяйтесь от меня всем и пожелайте им всего доброго.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 7 августа 1836 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 148—150. — [Т. XII].

3

С. Петербург. 1836, Августа 7-е.

Помогите мне, любезный сын мой и друг, отвечать Вам на Ваше письмо; помогите откликнуться на слишком знакомый сердцу привет: сам я не в силах. Одна мысль, которая порхает, как птичка, одна только мысль, что я наконец вижу и читаю Ваши строки, привела меня в тупик. Елей небесный разливается по сердцу и по всему существу моему при чтении Вашего письма. Но прочитавши его, первым движением души моей было — принести премилосердному Богу искреннейшее, живейшее благодарение за Вашу свободу; и это курение мольбы, верьте, возжено

было в самом чистейшем сосуде. Ах, мой сын и друг! Невыразимо, и про том неожиданно, порадовали Вы меня. Казалось, каждая буква ваша обмокнута была в мед или волшебство, каждая строчка составлена из лучшего сахара: что твои французские конфекты. Стократ спасибо Вам, ежели сказать за удовольствие, доставленное мне письмом Вашим, то это было бы осьмою долею меньше, чем ничто, стократ спасибо Вам за чистейшую радость, которую я чувствовал, которую я читал в движениях дружеского, сыновнего Вашего сердца. Пусть сам Бог утешает Вас на новой стезе жизни, сколько Вы утешили меня. Верьте, это будет не из последних молений моих у Престола в час воздеяния недостойных и грешных рук моих к Богу.

Итак, земной Херувим не стоит к тому на страже. Милосердием земного Божества пали твердыни, разделявшие Вас от живых49. Есть за что, и это говорю по чистой совести, благоговеть пред Верховною десницею, прогневанною не до конца. Израиль праздновал некогда свою Пасху. Христиане празднуют свою, а Вы свою. О Пасхе Ветхозаконной сказано было в законе, что необрезанный не долен вкушать оной; и истинной пасхи Христианской не вкусит тот, кто не обрезан сердцем, т. е. предан порокам. Но к чему, скажите Вы, такая отвлеченность? Что общего у Вас с этою Пасхою и даже с обеими? Есть. Не погневайтесь, и Вы своею пасхою обязаны пользоваться благоразумно, с благодарностию к Промыслу небесному и земному, не сливая златых тельцов среди пустыни и, наконец, обновлением жизни вашей доказать, что Вы вполне достойны были изведения из неволи. Простите, друг мой, ежели я, что называется, ни свет ни заря, а уже принялся за поучения. Этого требует порядок вещей и собственная Ваша польза. Притом, по привычке ли, по сердцу ли, по долгу ли, или по тому и другому, но так набита рука для духовной манны, что вот язык и чешется. Наша братия, с этой стороны, походит на помешанных в уме. У каждого из сих тотчас увидишь точку, на которой он помешался; но еще скорее узнаешь духовного в его слоге, пере, чувствах. Чтоб сократить и даже прервать эту нить беседы, я заключу ее не своим, а общим мнением: простительно делать ошибки, но исправлять их похвально. Но, в утешение падающим, я еще более скажу: нельзя соделаться праведником, не побывши грешником.

Десять лет — это чересчур много для утраты времени. Что делать? Но однакож, так или этак, мы их прожили. Знаю, ибо очень помню, что в Вас есть столько ума, дабы и малое сделать великим, и пространное сократить. Не увидим, не заметим, сын мой, как проживем мы и остающееся для нас время, вовсе не ведая, мало ль оно для нас или велико. Поверьте, нет ни малейшей разницы между двумя столетиями и двумя днями, проведенными на земли. Но есть, скажите Вы, разница в образе жизни. Согласен. И дабы одним разом испровергнуть всякое на сей раз возражение, я замечу Вам только одно, что Вам известно и без меня: тогда, коль глупому всего мало и всего недостает, мудрый, а паче Христианин, и в малом находит множе, и из самого неприятного извлекает что-то похожее не приятное, подобно как умный врач из самого яда извлекает надежду жизни. Живет иногда чистая радость и в безвестной хижине; и на ложах бархатных льются потоки слез, горьких и жгучих. Главное как распорядится человек с образом своей жизни.

Вы в десять лет протекших, говорите, часто беседовали со мною. Нисколько не сомневаюсь, и на сем основании могу уверять Вас, что и я со своей стороны не был безгласным Захариею. Так точно. Ежели бы умели говорить вещи неодушевленные, то Ваш образ, всегда передающий сердцу и оригинал, клятвенно подтвердили бы истину слов моих. Боюсь, не наскучить бы этому любезному лику моими частыми докуками. Говорят, сердце сердцу весть подает: ужели Вы, в эти десять лет, не подслушали отеческих глаголов моих? Нет: Вы должны их слышать, ежели бы слух Ваш заколочен был глухо-наглухо, ежели бы и ставни сердца Вашего были закрыты.

Статью о Вашей супруге и детях, со всеми желаниями, со всеми заключениями, отнесем — не в число решенных дел, в архив небесный. Напрасно станем доискиваться причины разделения: она в воле Божией. Видите, все жены, или почти все, последовали за своими мужьями: нечто неведомое останавливает Вашу на пути пламенных ее желаний. Не виден ли здесь перст Божий? А для чего это? Никакой мудрец не в состоянии Вам отвечать. Довольно с нас, что Провидение, к нашему же благу, и действия, и причины сокрывает в себе самом. Будем повиноваться. Положимся на время, а более всего на Бога. Почему знать? Литеры, по нашему иже и мыслете, по азбучному порядку не далеки друг от друга; по крайней мере — стоят в одной азбуке. Мужайтесь, сын мой, и не давайте духу Вашему падать. Страшитесь когда-либо стать поперек власти Божией.

В конце письма Вашего Вы желали прислониться к моему сердцу. О, мой друг! Вы никогда и не выходили, и не выйдете из него. Домашние мои обнимают Вас и, как нельзя больше, благодарят за добрую память. По мне — они Вам не чужие, а по Вам у них лишний член в семействе. Простите, любезный мой Иван Дмитриевич. Скоро наступит время, в которое я особенно Вас помню. Да и можно ли забыть? как теперь гляжу на густой туман, налегший на землю. Поднесь как бы звенит в ушах колокольчик. Еще раз простите и по временам пишите ко мне, сколько будет возможно: бриллиантами обложу золотые слова Ваши. Не знаю, нужно ли ставить здесь мое имя? — и без того узнали бы Вы, что это пишет к Вам Ваш Духовник, до гроба душою и сердцем преданный Вам

Протоиерей Петр Мысловский

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 3 апреля 1837 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 150—154. — [Т. XII].

4

С. Петербург. 1837, Апреля 3-е.

Везде прелюдии; нигде без предисловий. И мне должно сделать оговорочку: извините, что так поздно отвечаю Вам, любезный мой Иван Дмитриевич. Можете быть уверены, что не желание, а что-то похожее на недосуг, особенно в продолжение поста, не позволяло взяться за перо. Но пора к делу.

Известно, что никакое музыкальное орудие не издаст тонов, не скажет о своем достоинстве или недостоинстве, доколе не прикоснется к нему рука знатока. Иначе — лучшее орудие простоит век свой молчаливым и безгласным, как покойник. Но задень три, две струны; коснись остальных, и глас сладкий, часто обворожительный, польется в твою душу. Кажется, то же самое бывает со струнами сердца человеческого.

Не удивляйтесь моей прелюдии, или, все равно, этому вступлению: оно прямо метит в Вас. Я едва только успел написать несколько строк к моему строгому Г. философу, как он тотчас на всех парусах пустился в свою мудрость. Так, думал я, читая Ваше письмо, опытный моряк пускается в пространство морей, окруженный картами, ландкартами, компасом и прочими снадобьями. Видно, пришла вторая мысль, отдохнули и освежились способности души. Мертв бы, и оживе. И что, однакож, привело в соблазн такого критика и умозрителя? На чем с такою силою остановились его взоры и ум зоркий? На слове благодарность, которое происходит от глагола “благодарить”.

Знаю, что иногда можно противиться Вам, но трудно противиться Вашему мнению. Смею, однакож, вытти на этот открытый бой. Ведь он будет не кровавый. Согласен с Вами, что слово благодарность часто обращается в самую мелкую монету; но прошу Вас согласиться и с общим мнением, что самая последняя по ценности монета не должна вытти из употребления потому

только, что она мелка. В кругу общежития, так, как и в физическом мире, ничтожная, по-видимому, вещь поддерживает бытие целого. На что-нибудь да придуманы же мошки, комары, червячки, спички, шилья-копылья, потом — звезды, планеты и два великих по себе, но столь умаленных пред общим Творцом, светила. Св. Павел далее еще простирает эту мысль: член немощный, т. е. ничего не стоющий, даже презренный, необходимо нужен в составе благороднейших членов. Следовательно, по злоупотреблению человека, до какой бы степени не

унизилось чувство благодарности, нельзя не дать ей местечка или уголка в нашем сердце. Иначе прервались бы в нем и прочие благороднейшие нити, связующие нас друг с другом. Вы говорите, что часто благодарят за поднятие с пола перчатки, все равно — нечаянно ли уроненной, или дамскою хитростию. Очень хорошо: да разве лучше было бы, если бы в подобных случаях кокетства стали бранить и ругать не на живот, а на смерть? Помилуйте, г. философ: благовоспитанность, самая нравственность, даже простое приличие не простили бы таких выходок. Когда я вижу, что из рук дамы падает на пол перчатка, платок или ключик от заветного ящичка, и тому подобное, а учтивый кавалер, заметя это, кидается со всех ног из противоположного конца залы, стремясь по паркету, как Англичанин по молодому льду на коньках; тогда с одной стороны усматриваю я одну только оплошность, а с другой вежливость, заслуживающую некоторого рода признательности дамы. Почему ж и не так? Опять повторю: ужели уронившая платок должна напасть на учтивого, бедного кавалера всею силою своего неудовольствия, а тем более резкого ругательства? — Ни во Израили толики веры обретох. По-моему, благодарность есть священный и неизбежный долг облагодетельствованных. Правда, бывший предметом добра, может иногда забыться, но благодетель никогда не теряет своих прав. Между тем и другим необходимо должна быть соразмерная связь. За поднятую перчатку — такая и благодарность, за приветствие — здравствуйте, такое и спасибо. Но когда прикрываются одеждою обнаженные чувства братий наших; когда елей и обвязания прилагают к ранам страждущего, когда пред нашими глазами глад не жжет внутренности страдальца и младенец не томится на иссохшей груди матери от нашей жестокой нечувствительности, — тогда, скажите, друг мой, можно ли не допустить чистой благодарности из уст чистейших? За чуждых сострадательности, равно как и за безблагодарных, во всякое время — камение умеют громко и страно возопить.

Согласен с Вами и в том, что есть время, когда действительно надобно оставить всякие знаки благодарности; но этот случай я нахожу один: именно, естли кто не торгует благодеяниями, но творит добро для самого добра. Но тогда сделанное добро само по себе превращается вместе и в сладкую для благодетеля награду и в благодарность. Впрочем, и здесь должны быть исключения. Для сего довольно образца, представленного нам нашим Спасителем. Вообразите, что может быть чище, бескорыстнее и святее побуждений к добру, как в Богочеловеке? Однакож, когда один из прокаженных, исцелившихся по Его мощному мановению, возвратился к Нему для изъявления своего благодарения, то Спаситель не только не отверг признательности изцеленного, но еще благоволил спросить у него: “Вас, кажется, изцелилось десятеро; где же прочие девять?” “Не десять ли очистишася, да девять где?” — Это все равно, буде бы Спаситель спросил: — “а для чего ж остальные, наравне получившие с тобою исцеление, позабыли свой долг? Зачем они не пришли сюда? А-а, как были больны, то изо всех сил кричали мне на пути моем: помилуй нас, сжалься над нами, избавь нас от нестерпимой боли. А теперь? Болезнь прошла, и один только из десятерых подвигся сердцем — воздать славу Богу”. — А что значит воздавать славу Богу, как не искренне благодарить Его за вся благая? Предугадываю Ваше возражение: однакож, скажете Вы, не за перчатку или письмо. Прекрасно, да этого-то я и хотел добиться: допустим одни только степени того и другого.

Дабы судить о всякой вещи сколь возможно правильнее, надобно судить по сравнению. Свет мы называем светом потому, что есть тысячи различных болезней, приковывающих человека к болезненному одру на многие десятки лет, и так далее. Благодарности же противопоставляется безблагодарность. Уже по сему одному не может не существовать между людьми эта добродетель. Не случалось ли Вам слыхать: какой неблагодарный труд, какая неблагодарная служба, и проч.

Не явно ли, что мы все, почти все дурное разумеем под именем неблагодарности? И не даром неблагодарность есть поле, не приносящее никаких добрых плодов. Оно или пусто, или терние и волчцы готовы подавить добрую пшеницу, ежели бы трудолюбивый ратай вздумал сеять ее на этом поле. Безблагодарный, по нашей латинской пословице, не стоит и не заслуживает никакого благодеяния.

Не подумайте, однакож, чтоб я, защищая право благодарности, столь легко поверил бы Вашей перчатке, а тем более даже на минуту усомнился бы в Вашем сердце. Припомните, Вы некогда дали мне слово — не забыть меня до Вашего гроба. Скажите, что это за выражение? Что за чувство? Не та же самая вещь, но облеченная в иную форму: опасаюсь, чтоб Вы не впали в противоречие собственным и Вам особо принадлежащим чувствам. Можете быть покойны, что, конечно, вопрошает Вас здесь ни гордыня мира, ни подлое самолюбие. — Искренность беседует с Дружбою, и еще не велика беда, если бы каждый из нас остался при своем мнении. Я слыхал и много читал, что в Иностранных Парламентах чуть не дерутся за мнение во время споров, а по окончании заседаний садятся в одну карету и едут в какую-нибудь знаменитую таверну — дружески поесть. Пожелаем им на все доброго аппатита, а себе прежних чувств, укрепленных Св. верою и тяжким испытанием.

Я без памяти рад, что Вы нашли себе в Ялуторовске соседа50, знаемого Вами более четверти столетия. Оно все-таки получше и повеселее. Робинсон Крузо, сидя на своем острову, как Царь на престоле, имел у себя все в избытке, и не было у него ничего. Солнечные лучи каждый день освещали лиственный дворец его: чего ж более? Для сердца, ничем ненасытимого, и целый свет — пустыня, а для умеренного и тихого и безлюдный остров рай. Но Вы, благодарение Богу, еще не Робинсон. С Вами не то, что с ним. Вы, по крайней мере, можете сказать хозяюшке квартиры Вашей: “бабушка, или тетушка, посмотри, какой сегодня прелестный вечер, или утро”. Вы можете идти к соседу, разделить с ним время в семье, а потом, взявшись рука об руку, прогуляться за селение, окинуть глазами картины созидания Божия, и в нем преклониться пред Божеством с пламенным детским приветом: воззри, о Боже, как мы благоговеем пред Тобою. Конечно, от сих вдохновенных минут Вам должно будет опять возвратиться в свое одиночество: что ж делать? Не забывайте, друг мой, что жребий человеческий, каков бы он ни был, взвешивается токмо на весах вечной правды. Нет на земли воли и силы, которые бы могли противостоять судьбам Всемогущего. Убо в терпении Вашем стяжите душа ваша. Нет зла без существенного добра. Не имея сильных причин, и часто необходимых, привязываться к земному, легче проглядывать в небесное. Когда кто готовится плыть чрез реку, тогда он сбрасывает с себя всю одежду. Мы на сей стороне как бы на ночлеге; на той — будем дома. Нет в том никакой разницы, на рогоже ли кто проспит эту ночь или на одре златошвейном, — все надобно будет поутру отправляться восвояси. Но вот вопрос: как отправиться? Положите руку на сердце и вслушайтесь в слово Божие: одна только вера, среди самого разрушения мира, в состоянии подать нам руку помощи и озарить для нас бездну вечности. Тогда и смерть будет уже не страх и трепет естества, но тихий Ангел, закрывающий отягченные слезами вежды страдальца.

Вашим мне воспоминанием о моем на той стороне шампанском, которое я пил с такою сладостию, Вы пробудили во мне какое-то грустное влечение к думам.

И приятно, и тяжело переноситься мыслию во дни оны. Поднесь все вижу, все слышу и осязаю как бы наяву, и в нощь глубокую, и в ясный полдень, шедший прямо к сердцу. Осязаю... и воображение мое уносится далее, гораздо далее видимости. Ой, это Шампанское. Желал бы его иногда не вкушать, но что делать? — все те же брега величественной Невы, и мы все те же.

Право судил сие, говоря о Вашей супруге и о бесценной ее маменьке. Я не знаю, которой из них более должно удивляться, особенно, когда дело идет о Вас. Нельзя не согласиться с Вами, что имея таких особ, хотя и в отдаленности, невозможно еще считать себя несчастным. По меньшей мере, каждую минуту, можете быть покойны за Ваших детей51. Нельзя найти для них лучших и надежнейших рук. О сердцах ни слова: они чисты, как италианское небо, горячи, как

Африканские жары. Не знаю, кто-то из Москвичей сказывал мне, что Ваши дети до невозможности милы и много-много обещают. Старший преимущественно. Не ведаю, велит ли мне Господь прижать к груди моей? — Тогда, о Вечеслав, береги свои молоденькие косточки. Затрещат в моих объятьях, как барка в Боровицких порогах.

Мне сказывали однажды об одном моем знакомом, что он с утра до вечера будучи занят делом, совершенно ничего не делает. Но вы, мой друг, напротив. Вы, ничего не делая, занимаетесь делом прекраснейшим и невыразимо сладостным для родительского сердца. Вы чертите для детей математические кривые и прямые линии, стругаете скобелью глобусы, топором выделываете меридианы, еклиптику, млечный путь и вместе географическую небесную и земную дорогу: как это мило. Желал бы хоть одним глазком взглянуть на этот труд и на самого трудолюбца. Продолжайте трудиться. Быть может, что-либо из Ваших трудов чрез руки чад Ваших дойдет и до их потомства. Не бессмертие чрез это обещеваю Вам в этих игрушках; думаю однакож, что кто-нибудь из потомков постигнет намерение отца, желавшего, по силе возможности, добра своим детям. Не мне дальше говорить Вам, что всякий благородный труд и сокращает время, и облегчает душевные скорби.

Поблагодарите, ах — виноват, проговорился, но уж нечего делать: сказанное слово — словно камень. Бросишь — не воротишь. Поблагодарите Матвея Ивановича за обязательное его письмо ко мне. Пусть он извинит меня, что не пишу к нему особо. Я этот долг предоставлю будущему времени. Об его женитьбе52 я давно уже слышал, именно изустно от свидетеля его браковенчания. Я тогда же, как и теперь желаю всех благ этой чете, — чуть было не сказал: чите.

О смерти славного поэта нашего века53 вы, конечно, уже слышали. Жаль его. Он был мне товарищем и сотрудником по Импер. Росс. Академии. Много и многими писано было на смерть его. Один из умных людей спросил меня: как вы думаете о прозе и стихах на смерть Пушкина? — Стихи и проза действительно написаны на смерть Пушкина, но — не Пушкина, — был ответ. Точно, правда. Один експромпт покойного, прошлого году сказанный им жене своей во время гулянья на даче, из четырех стишков состоящий, убьет все сказанное о нем.

Простите, писал бы более, но, вы видите, что уже не стает и бумаги. Я здоров и мои также. Что ж надлежит до обстоятельств моей жизни — к ним бывает иногда прибой мятежных мирских волн. И мне, как человеку, не дано привелегии на это исключение. Спаситель мира да спасет Вас и здесь, и там, где нет ни вздохов, ни слез. — Ваш некогда Духовник, но всегда душою преданный

Протоиерей Петр Мысловский

Это письмо Вы будете читать после Пасхи. Обнимаю Вас Христиански и приветствую: Христос воскресе.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 31 июля 1837 г. Спасская Мыза // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 154—155. — [Т. XII].

5

Спасская Мыза, 1837, Июля 31 числа.

Может быть, глаза Ваши падут и остановятся на первых двух словах: Спасская Мыза. Естественно захочется после того узнать, что это за резиденция, из которой я пишу к Вам? Извольте выслушать. Несколько лет тому назад случилось мне в конце лета ехать по Парголовской дороге, а куда? Не скажу. Разве сказать, что это путешествие было ночью и, как теперь помню, во время горения лесов, от чего повсюду распространившийся дым и смрад претили путь и задушали путешественников54. В самом деле, бывших со мною дам, яко скудельных сосудов, едва мог я довезти до места назначения — живыми. Хорошо, что с ними

была духовная особа: в случае нужды — ни одна душа православная не пошла бы на тот свет без покаяния.

Но к чему ведет это предисловие, скажете Вы? Какое отношение Спасской Мызы к ночному путешествию по Парголовской дороге? Прошу иметь терпение: есть отношение, и немаловажное. Однажды, на память этого путешествия, вздумалось мне побывать в прекраснейших

Парголовских окрестностях, истинно Швейцарских. Тут, не знаю каким образом, зародилась в сердце твердая мысль — построить за Выборгскою заставою избушку на курьих ножках. Помыслил и сделал, тем более, что здоровье, а лучше сказать — нездоровье одной из дочерей моих непременно требовало пожить несколько лет — в литтеральном смысле лет — за городом. Вот я и живу несколько сряду лет в сельском приюте, вдали от шума городского и от треволнений мира. Нет, не живу, а наслаждаюсь жизнию. Деревня, в которой я устроился, называется Спасскою Мызою: вот Вам и истолкование этого имени. Прибавить должно, что жилище мое стоит клочка земного Едема. Я даже хотел было прибить на воротах доску с надписью: кто хочет наслаждений скромной и уединенной жизни, тот спеши на Спасскую Мызу. И радушия, и всего здесь вдоволь.

Но этим ли надлежало начать мне мое письмо? Кажется, у меня заднее наперед пошло. Мне бы вот с чего начать: повинную голову и меч не сечет, однакож не без исключения. Нет во всех словарях и риториках слов к моему пред Вами оправданию. Виноват, да и только. Около месяца, как я получил Ваше письмо, любезнейший мой Иван Дмитриевич, и поднесь не собирался отвечать Вам. Это из рук вон. Это гораздо больнее мне самому, нежели Вам. Что ж делать? А вот что: в настоящем исправиться, а в будущем не поступать так. Кажется, это правило будет хорошо.

Последнее Ваше письмо от 22 мая и теперь, яко свиток древних, лежит предо мною. Содержание письма — это сладкая начинка в именинном лакомом пироге. Можете догадаться, какой я лакомка до пирогов? Ведь не нашел же другого сравнения. Стократ спасибо другу любезному за писание. Все тот же дух неизменный, та же обязательная любовь, крепкая, по выражению Св. Писания, аки смерть. Отец и источник этой любви да воздаст Вам за Ваши чувства, столь живо и постоянно ко мне сохраняемые. Он един, еже благо пред Ним, да сотворит Вам, с Вами, над Вами. Вы, между прочим, спрашиваете у меня: чем Вы успели заслужить право на мою о Вас память и любовь? Неужели Вы доселе не знали — чем? Вашим глубоким нещастием, в котором я узнал Вас, и без которого я сам остался бы для Вас незнаемым и чуждым. Нещастия, говорит французская пословица, к чему-нибудь да пригодятся. Для Вас они пригодились потому, что Вы опытом тяжким познали и утвердились в истине и божественности религии, этой глубокой тайны, которая непосредственно проявляется человеку. Припомните, сын мой, те райские часы, которые мы с Вами проводили во взаимной беседе о высоких истинах Веры. Ах, они незабвенны для меня и я желал бы, чтоб они равномерно не выходили из Вашей памяти и сердца. Припомните самые простые и обыкновенные разговоры наши, которые нередко продолжались за нощь глубокую. И после этого говорите Вы: чем Вы приобрели право? — Оно свято и бесконечно, как и самая вечность. — Ваши нещастия пригодились и для меня, потому что, бывши Вашим, как сами же Вы говаривали, приходским священником, я истинно успел изучить всю аналогию сердца человеческого. Я видел на самом деле, что нещастные крепче между собой соединяются, чем близнецы в утробе матери. И мне остается только благодарить Бога, во-первых, что я имел случай и возможность — прилагать частно елей и обвязания на раны страждущих; во-вторых, творя волю Цареву, я нисколько не изменил прямой моей должности, проходя, как следует, и частную на меня возложенную обязанность. Это Вам известно более, нежели кому другому. О, мой друг и сын, как же мне забыть или разлюбить Вас? Это еще не все: мои отношения к Вам не ограничиваются землею: думаю, мы встретимся и на всемирной перекличке пред взорами Милосердного Спасителя. Но на все это накинем покамест покров, дабы воспоминанием о прошедшем не навести скуки и Вам, и мне. Живой живое и думает.

Мне бы надлежало приобщить свою мысль к Вашей относительно нашего отечественного

просвещения, но по недосугу предоставляю это будущему времени. Теперь однако же успею согласиться с Вами, что Россия, как ни разбогатела науками в четверти настоящего столетия, все еще отроча младо, неповитое, однако ж в яслях. В натуре всюду постепенность, как в моральных, так и в физических явлениях. В ходе просвещения не надобно желать быстроты: скоро — не бывает споро, а жребий всего земного — беспрестанно изменяться. Взгляните на обновляющуюся Грецию. Было время, когда свет наук обильно тек оттоле в Варварскую Европу,

а ныне тот же самый свет потек обратно к своему исходищу. Ныне — азбуки и буквари за диковинку в Афинах. Бог весть, что сделается и с нашим полным просвещением? Итак, пожелаем и нашему любимому отечеству постепенного во всем усовершенствования. Оно тем прочнее и долговечнее будет.

Жалею, что должно поневоле положить перо в чернильницу. Боюсь и почту упустить. Простите. Обнимаю Вас теми же объятиями дружбы и любви отеческой.

Вам по гроб и за гроб преданный протоиерей Петр М.

Обнимите за меня любезного Матвея Ивановича и скажите ему, что я писавши к Вам, пишу вместе и к нему.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 16 октября 1837 г. С. Петребург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 155—157. — [Т. XII].

6

С. Петребург. 1837, Октября 16-е.

Хорошо, прекрасно, если кто имеет дарование — увлекать за собою слушателя своего, или читателя. Эта гармоника, которую древле умели слушать, претворяясь в одно молчание и слух, горы, леса, долины, камение. Не знаю только, включались ли в то число моря и реки. Кажется, надобно бы и им вслушиваться, ибо и у них добрый слух.

К чему поведет, подумаете Вы, такая темнота во облацех воздушных? Что за смешное вступление? Погодите; все объяснится. Последним письмом Вашим от 3 числа прошедшего месяца, Вы, любезнейший мой Иван Дмитриевич, чуть было не заставили меня верить, что для успокоения Вашей совести мне сколь возможно наименее следует писать к Вам. Сказать ли Вам по долгу чести, что я сегодня с тем и сел за перо, чтоб порядком пожурить вас за такую Вашу утонченность. Не знай я Вас очень хорошо, будь я градусом-другим проще, нежели сколько есть, не мудрено бы было подумать, что Вы сим способом, столь умеренным, хотите только вести со мною риторическую фигуру, в которой одно говорится, а другое разумеется. Подумайте, г. мудрец Сибирский, от чего Вы взяли, чтоб я писал тогда только, когда некуда уже будет девать свободных дней, часов, минут? Правда, по роду жизни моей, у меня не без хлопот, которых многие братья мои не знают; однако ж каким образом могло притти Вам в голову, чтоб мне не достало досуга поговорить (с) помощию пера с другом и сыном мне возлюбленным? — Нет, забудь меня Великий Боже, ежели только я забуду Вас. Забвенна да будет пред ним десница моя, ежели она перестанет писать к Вам. Очень знаю, что к Вам пишут и без меня, но уверен так же, что и мои грамотки не наведут Вам особенной скуки. Видите, уже и самолюбие тотчас замешалось в побуждения, повидимому, чистые. Яснее сказать, я пишу к Вам может быть не столько потому, что сие не неприятно для Вас, сколько потому, что это приятно мне самому. Я выше сказал Вам, что хотел было написать с потоком бранных слов за Вашу утонченность, под которою скрывается какое-то недоверие Ваше ко мне, но — невзначай взглянул на висящее предо мной изображение, и — журьба в сторону, а меч во влагалище. Нет, мой друг, я вовсе с другой точки зрения смотрю на это обстоятельство. Я уверен, что ежели у нас бывает много способов терять время даром, то при доброй воле еще более найдется средств употребить его с пользой для себя и для других, а что может быть полезнее, как в часы досуга побеседовать с

пользой для себя и для других, а что может быть полезнее, как в часы досуга побеседовать с близкими сердцу? Одного только жаль, что мы с Вами так далеки друг от друга. Невозможно, как бы хотелось наговориться досыта через почту и при таком расстоянии, нас разделяющем. Что делать? Станем довольствоваться возможностию. Будем с чувством любящим отвечать душе — душою.

Немец Ваш Кант правду сказал, что для человека нет ничего прекрасного вне человека, но,

кажется мне, этот философ позабыл прибавить к этой мысли, что его человек был бы жалкий человек без всего внешнего. Внутреннее с духовным, вещественное с идеальным так тесно соединено в мире, что невозвожно самому зоркому глазу открыть какой-либо малейший промежуток в творениях Божиих. Но о сем полно, ибо подлежало бы зайти в такую глубину, из которой не скоро и выпутаешься. Философы те же люди.

Вот это иное, самое прекраснейшее дело, когда случится Вам поднять и обратить взоры Ваши на небеса, за пределы последней видимой в небе звезды. Там во свете неприступном живет наш общий Создатель и Отец. Там наша истинная и прямая жизнь. Море, кипящее волнами — это символ временной нашей жизни. Берег далее пределов зрения — далее самой мысли, это наше отечество, куда все приходят, откуда никто не возвращается, и далее не идут. Горьняя мудрствуйте: вот что завещал нам св. Павел.

В. А. Жуковскому55, коль скоро он явится здесь из своего путешествия с царственным первенцем, тотчас поспешу передать Ваши чувства. Уверен, что он не только не побрезгует ими, но примет с благодарностию и свойственным ему благородством сердца.

Как я благодарен Вам, что Вы с добрыми Нарышкиными не упустили поговорить и обо мне, в проезд их мимо Вас. Это все равно, как бы я сам видел их в лице. Благодарю Матвея Ивановича за его память обо мне. Для меня все это лестно и обязательно. Что ж надлежит до потери малютки М(атвея) Ив(ановича)56, то потрудитесь припомнить ему слова Иова: Господь даде, Господь и взя. Страшно и подумать, чтоб восставать мыслию недовольной против Промысла Божия. Бог лучше нашего знает наши выгоды и невыгоды и сообразно тому творит еже хощет. При том какая будет польза от слез и сетования? Никакой, разве только глубже сделается сердечная рана. Об Иове сказано: и не даде безумия Богу. Душевно желал бы, чтобы Вы мне то же сказали и о родителях утраченного ими младенца. Скажите им: он здесь заблудился, а теперь пошел к себе домой. Простите; обнимаю Вас крепко-накрепко.

Прот. П. Мысловский

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 19 мая 1838 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 157—158. — [Т. XII].

7

С. Петербург, мая 19, 1838.

Всему своя череда, милый и незабвенный сын мой. В прошлом году я пожурил Вас за небольшое недоверие Ваше к моим чувствам, а прямее сказать за ложный страх Ваш, чтоб не наскучить мне частою Вашею перепискою; в нынешнем же году Ваша очередь журить и бранить меня, сколько будет душе угодно. Слишком полгода смолкнуть, как смолкают жители гроба: этого не вынесли бы и дикари, и жиды, и всякая нехристь. Слишком полгода: это, сам я чувствую, никуда не годится. А потому остается только обратиться к Вашему долготерпению и повинною головою: согрешил пред тобою. Окаянен есть аз. Я вперед знаю, что Вы и не это простили бы мне. Но не захотите полюбопытствовать о причинах столь жестокого молчания моего? На это что бы ни сказал я, все было бы или одни увертки, или непростительное празднословие. В случае изысканного и утонченного извинения я походил бы на кулика, который, видя опасность от приближения стрелка, силится спрятаться и спастись от него, воткнувши длинный носик свой в

приближения стрелка, силится спрятаться и спастись от него, воткнувши длинный носик свой в болото, отнюдь не заботясь, сколько еще остается частей тела для дроби. Сходство мое с этою птичкою резко обозначилось бы и в другом случае: когда она хочет высвободиться из топкого места, то обыкновенно начнет прибегать к усилиям, т. е. ежели для освобождения лапок своих уткнется в землю носиком, то носик снова вязнет; буде же опрется о землю лапками для освобождения носика, то лапки увязают. Нет, не хочу быть Вашим куликом. Простите, да и только. Хотел было прибавить к сему: вперед не буду таков, но какой-то внутренний голос говорит мне: остановись. Иже человек, сотканный не из небесной ткани. Не забывай Давида: всяк человек ложь.

Ах, как много бы надлежало мне писать Вам в ответ на последнее Ваше письмо: к огорчению — не имею времени всего выполнить. По крайней мере скажу мою мысль о предмете, ближайшем к моему сердцу. Вы говорите, что написавши мне целых три странички, только что склоняли в различных падежах местоимение Я. Во-первых, я полагаю, что к Вам, в нынешнем Вашем положении, ближе склонение, нежели спряжение, или все равно — сочетание. Станем же примерно склонять местоимение Я, например, я всем сердцем люблю и благоговею пред общим Отцом тварей и Спасителем моим Иисусом Христом, и желаю, и всячески ищу укрыться от мира в бесценных Его язвах. — Меня ради и подобных мне грешников унизился Он до принятия на себя платы человеческой, для того, чтобы соединить Божество с человеком. — Мне оставил он наследственный крест и велел быть на нем и не сходить с него, дондеже все совершается. — Меня, отчужденного и лишенного прежней славы, благоволил Он паки усыновить Богу и Отцу и обручить своею кровию будущему Царствию. О, я — червь земли и неключимый раб пред Его Величием и благостию. О, я ничто — и все. Прах и бисер неба; земный узник и сонаследник горьнего Сиона. Мною или надо мною да будет во всем святая воля Его. — Во-вторых, как бы Вы ни склоняли или склонялись, можете быть уверены, что каждая строчка Ваша будет мне приятна. Бог видит, что говорю правду. А потому к чему смотреть на количество страничек? Надобно иметь в виду качество выражений, от сердца зависящих. О, мой друг. Ведь сердце буде бы что и соврало или выболтало: это еще не беда. Оно же само найдет средство и выпутаться. В нем и елей, и желчь, и рай, и ад.

Благодарю Бога за то спокойствие, которым Он благословляет Вас в нынешней вашей жизни. А знаете ли, что это спокойствие не всегда живет и в чертогах сильных земли?

Потрудитесь поклониться от меня любезному Матвею Ивановичу с его супругою и поблагодарите его за память обо мне. Вы назвали потерю их невозвратимою: полно, правда ли это? К чему ж у нас будет пословица: где вода была, там опять будет? Помилуйте, все от Бога, и нет ничего без Него. Следовательно, Матвей Иванович может еще надеяться иметь вместо одного дитяти двух и более. Вот ему и средства к сему благоприобретению: пускай раньше ложится спать и позже встает.

Простите, друг мой и сын незабвенный. Желая Вам мира душевного, прошу не забывать и о мире духовном, который, в полном смысле, есть второе небо, куда нисходит Бог по изволению беседовать с своими избранными. Простите, я часто говорю и буду говорить о Вас с собой и с Богом. Виноват — иногда говорю и с почтенной пустынницей Покровской57, которая в последнем письме своем славно вымыла мне голову, и за что же? За то, что я беспокою ее частою перепискою. Подумайте-ка! — Уж иногда думаю, думаю: не выжила ль она из лет? — Обнимаю Вас со всею моею любовию. —

Петр Мысловский

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 26 августа 1838 г. Спасская Мыза // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 158—160. — [Т. XII].

Спасская Мыза. 1838. Августа 26-го.

Что это за местечко — Спасская Мыза, скажете Вы, местечко, которого нет на карте Петербургской губернии? — Прошу и не беспокоиться о сей чести: это мой летний приют, скромный, но сладкий; это мой земной Едемчик, куда удаляюсь я в летние месяцы от пререкания во градех и от всего, что называется столичным шумом; это моя отрада, хотя и не подмосковная,

где веду жизнь семейную, тихую, безмятежную и — почти независимую. — Ба! Опять спросите Вы, да это пахнет чем-то дачным? Это похоже что-то на барство? — К Вашим услугам, буде только можно назвать дачею избушку на курьих ножках, а местечко с рукавицу. Не смотря, однако, на всю ничтожность моей виллы, она, по крайней мере для меня, истинно прелестна и по самому местоположению, и по всему. Вообразите небольшой горбыль земли, отделенный от деревушки ручьем, с трех сторон омывающим забор моего вертограда, зиму и лето протекающим; представьте себе уютный домик в саду, с мезонином на все четыре стороны, обсаженный пахучими деревьями и цветами; оглянитесь налево, и вы видите все необходимые службы с чистеньким двориком; возьмите глазами направо: там в углу садика на правой руке стоит прекрасная баенка, торжество плоти в большие жары, а налево в симметрии прозрачная беседочка на горке. Прибавьте к тому, что в крошечном садике моем найдете Вы до 50 яблонь, до 20 вишенных деревьев, много малины, довольно смородины и крыжовнику, по забору березы и липы, по аллеям прямым, а инде и скривленным тополя и акации, и Вы будете иметь понятие о моем маленьком приюте. А здешний воздух? Здоров, свеж, чист, как чистое майское небо. А вода, почерпаемая из кладезя вне и близ самого забора? Это Кристальские воды, в которых во времена баснословные купались старички — наша братия и делались молодыми. Не знаю, лучше ли моего кладезя был кладезь Библейский, известный под именем Иаковля? Повсюду молчание и тишь, во всем гладь да благодать — согласитесь, что здесь нет места большим желаниям. — Много бы потребовалось времени, чтоб вполне описать Вам мою отраду; но я освобожу себя и Вас от этого рассказа, дабы не впасть в многоглаголание, с нем же несть спасения. Я хотел только объяснить Вам, что это за Спасская Мыза. Ко всему же этому она лежит близ Парголовской дороги, которая часто заставляет меня погрузиться в думы, подобно тому, как я некогда, ехавши по сей дороге, погрузился в дым от горения земли и лесов и едва не задохся от него со всеми моими спутниками и спутницами. О время, до гроба незабвенное!

Сегодня, бывши в городе, я получил Ваше письмо от 26 числа прошлого месяца. Отгадайте, отчего я отвечаю Вам на это письмо в самый день получения оного? — Вижу, что не отгадаете. А вот отчего: Вы в последнем Вашем письме между прочим говорите, что вперед будете благоразумнее на случай долговременного моего молчания: очевидно, что отвечая Вам тот же раз, и мне что-то захотелось быть поумнее прежнего. Вот Вам и сказка вся. Желал бы однакож просить Вас, дабы Вы не соблазнялись о моем молчании на будущее время, а сам всячески буду стараться — не приводить Вас в этот соблазн. Горе соблазнам. Камень жерновный обещан соблазнителю.

Приятно было для меня видеть Ваше суждение о силе всех сил или над всеми силами. Да, эта сила духовная таинственная, часто по-видимому отталкивающая и между тем все к себе привлекающая. Эта сила знает лишь одно созидание, а не разрушение. Неистощимая в средствах, она, к удивлению земных умов, часто избирает самые слабые орудия для совершения великих своих намерений. Она потопляла фараонов в море жезлом речного найденыша58. Она спасла древле град Ветилую красотою Иудифы, соделав государя неверного покровителем народа Израильского чрез девственные прелести Есфири. Та же самая сила свершилась в праще Давыдовой. Она, с отличным блеском, который более едва ли повторится в мире, проявилась в Соломоне и воссела на престол. Она отозвалась в крови юных дев и согбенных старцев, смело шествовавших на жертвенник смерти за бесценное в мире имя — Христа. Она обозначилась в мертвецах, оставлявших гробное одеяние и снова возвращавшихся к жизни. Она движет мирами и вместе понимает и видит наималейшие движения во глубине сердец человеческих. Она по большей части начинает действия свои там, где прекращаются усилия человека и самой природы. Она, как бы по естественному закону, любит нищету и преданность, благовествуя нищим и

Она, как бы по естественному закону, любит нищету и предпочтет, благовествуя нищим и укрепляя верных во время благопотребно. А(постол) Павел, о котором Вы упомянули в письме своем, весьма хорошо выразился на счет этой силы: чувствую, говорит он, что чем меньше во мне силы, тем более укрепляюсь силою свыше. Одним словом, эта сила есть — Бог. Пред этой силой горы равняются, трещат и с шумом падают вереи железные. Против этой силы не в силах устоять самое загрубелое, самое каменное сердце. Лобызайте, благословляйте, милый друг мой, эту вседательную силу. И кто из нас ежеминутно не испытывает великих и чудных знамений ее?

Вы очень отгадали, что картина семейной жизни любезнейшего Матвея Ивановича порадует меня несказанно. Быть отцом детей, которые усыновляются по праву сердца, а не рождения; призреть беспомощное младенчество — это, поверьте мне, истинное торжество христианской религии59. Она только творит подобные дела. Благодарю от души этих Богоданных родителей и усердно молюсь за них общему нашему Отцу: да даст им помощь Свою в вящее послушание и угождение пред ним. Тебе оставлен есть нищий; сирому буди ты помощник. Блажен, разумеваяй на нища и убога. Нет ничего любезнее в очах Божиих, как чистое и неподдельное исполнение долга милосердия.

Я охотно продолжал бы беседу мою с Вами, но суета суетствий житейских против воли моей заставляет вложить перо в сосуд чернильный. Простите. Думаю, что скоро стану еще писать к Вам, дабы Вам дать случай стать на самой высоте благоразумия. Но что я сказал? Кажется, с этой стороны некуда Вам лезть или ставить подмостки. Сердце мое всегда закипит ключом, когда мне приходится сказать Вам: по гроб мой — я Ваш и едва ли не вполовину весь Ваш.

П. Мысловский

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 2 сентября 1838 г. Спасская Мыза // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 160—162. — [Т. XII].

9

Спасская Мыза. 1838. Сентября 2-е

Ап(остол) Павел однажды писал к любимому своему ученику и вместе Апостолу же Тимофею: мне соскучилось по тебе желанием возжелах видеть тя. Подобное желание родилось и во мне писать к Вам. Так рука и свербит, а язык чешется, не смотря на то, что я писал к Вам с прошедшей почтой. Не будете ли Вы сердиться на меня за это? По крайней мере, во селе, селе Покровском не один раз были недовольны подобною, а буде угодно и преподобною аккуратностью относительно частой моей переписки. Странное однакож дело — пропусти-ка хоть одну почту: неизбежное головомытие. Пиши дважды в неделю — недовольство, а может быть, случалось иногда, с позволения сказать, и рвота, разумеется, не столько от непременного долга отвечать, сколько от узоров высокого красноречия и пестрого, как солдатское одеяло, слога. По милости Покровской пустынницы мне удавалось походить на того Черниговского хохла — старого драбанта60, который, описывая однажды тяготу военной службы, так бачил земским своим: “Чего ж ты будешь робить? — Недовернешься — бьют, перевернешься — бьют”. — Но я, кажись, удалился от цели, которую предположил себе.

Мне хотелось сказать Вам сегодня, что последнее письмо мое к Вам, когда посылал его на почту, показалось как бы недоконченным, или лучше — едва ли начатым. В наше время любят прибавления, и где их не найдешь? В журналах, в повестях, в Сенатских Ведомостях, в Ежедневных издаваемых листках — почти везде. Пусть же и это письмо мое будет служить Вам прибавлением к предшествовавшему. По меньшей мере, я сделаю некоторые замечения на те места в Вашем письме, которые ускользнули из-под моего пера.

Вы, кажется, за соблазн или в соблазне, произведенном в Вас моим, что называется, на заказ молчанием? Добрые вести. Против раскаянного сердца не устоит и правосудие Божие. Желал бы

я, чтоб Вы не имели нужды раскаиваться в чем-либо большем, но во всяком случае прошу помнить, что после той непорочности, с которой мы выходили из духовной купели, нет ничего приятнее в очах общего нашего Милосердователя Иисуса, как покаяние. Оно есть второе крещение. И вот новая странность: я это говорю Вам в так поучительном тоне, как будто бы Вы без меня и до меня этого и не знали? — Вот что значит заговориться.

Вы говорите, что у Вас большой досуг и простор думать. Я, на Вашем месте бывши, не

ограничился бы одними думами. Я поставил бы себе за правило все свои думы класть под перо или на бумагу. Во-первых, и самому приятно было бы подчас прочитать подобные записки, составленные из дум. Во-вторых, с какою бы сладостию, а может быть, и слезою на глазах, и дети ваши прочитали подобные лоскутки, как следствие изобилия во времени. Притом умножились бы и занятия, враги скуки и праздности. Часто слышишь: надобно как-нибудь дожить, или доживать. Глупая философия. Надобно дожить так, как следует. И животные бессловесные доживают. Кстати, припомнить Вам о том Афинском мудреце, которого убедительно просил один знаменитый того времени богач, чтоб он обучил известным наукам единственного сына того богача. “Хорошо, — сказал философ, — заплати мне за воспитание сына твоего двести драхм”. — “О, это слишком дорого, — возразил чадолюбивый отец. — На эту сумму я могу купить 20 свиней”. — “Купи, — сказал равнодушно мудрец, — тогда их будет у тебя 21-на”. — Жалкий богач. Он даже и того не знал, что во всякое время учение и науки столько необходимы для молодого знатного человека, как зрение для слепого, а слух для глухих. Но для высшего торжества наук надлежит принять за непременный закон: умственное совершенствование без совершенствования нравственного есть одна только мечта, и мечта пагубная.

Чугунное распятие, пред которым Вы коленопреклоняетесь и которое напоминает Вам о Единственом в мире Праведнике, не могло не возбудить и в моем сердце самых сладких воспоминаний. Но благоговеющая мысль моя преимущественно остановилась на тех минутах, в которые человек-грешник (а где и кто отыщет человека-праведника), милосердием Иисуса преображался в Ангела света. Как теперь вижу и слышу: “Отец мой. Преднося мне бесценные сии тайны, размыслите, кому Вы их подносите. Не погубите себя в моем безумии и в тяжких грехах”. — Да буду я забвен пред Богом, ежели позволю себе забыть это происшествие благодатного Царства во мрак души и во мрак скорбной обители. Друг мой, подобные минуты не могут часто повторяться.

Ваша тихая келия часто напоминает Вам еще более о безмятежном вечном жилище. И прекрасно. Мы здесь минутные гости. Небо — это наша духовная, вечно юная, вечно блаженная родина. Родимся на свет, чтоб жить.

Живем, чтоб умереть. Умираем, чтобы паки жить без конца. — Весьма благоразумно и полезно сколь возможно чаще останавливаться на этой мысли, и — потупляя взоры в землю, искать себе уголка, где бы можно опочить от земного странствия. Я Вам не свое говорю, а только передаю слово Божие. А оно вот что говорит: помни последняя твоя и во век не согрешиши. Видите, что значат наши размышления о вечности.

Прелесть — слышать слова Ваши: всегда и за все должно благословлять имя Его. Так, любезнейший друг мой, брат и сын во Христе. Так, и иначе быть не может. Такое положение Христианина есть восторженное самоотвержение, есть пламенная любовь, с которою он во всех приключающихся умеет лишь вопить на небо: Авва Отче, нет у меня собственной воли: Твоя святая воля да будет единою и всегдашнею моею волею.

Да соизволяет Спаситель Мира править Вашею волею. Любите Его и смело опочите на уповании. Но из любви к Нему, пожалуйста, любите и Вашего усердного батьку — Петра.

Нет это не так я ему заметила за аккуратность кто ж будет недоволен а замолчать*.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 4 февраля 1839 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 162—163. — [Т. XII].

10

С. Петербург. 1839. Февраля 4-го.

Надеюсь, что Вас уже известили о горе, буде не мало сие выражение, постигшем мое семейство61. Черна печать на письмах, в подобных случаях употребляемая, но на душе моей еще чернее. Сердце мое еще не носило до сих пор столь глубокого траура. Так угодно Провидению. Воля его священна, а сокровенные пути его суть пути правды и милости. Рассчитывай же человек все по-своему. Располагай мечтой и разнообразь эти мечты до бесконечности: выдет ничто. Обопрись на свои надежды, по-видимому верные: все они рассыпются, сокрушатся о гроб, или тебе самому принадлежащий, или из близких к твоему сердцу. Я полагал, и наверно, что незабвенный сын мой закроет мне вежды, примет последнее мое благословение в потухающих и склоняющихся к вечному сну глазах моих; думал сам с собою: после меня он будет второй я. Что же вышло? свет очей моих скрылся от меня. Сын мой в могиле, а я на его могиле. Зову, кличу его, и он ни разу мне не откликнется. Ищу повсюду взорами моими, и везде его недостает мне. Даже просил и умолял его, бывши недавно на гробе его, чтоб он, мой милый, по крайней мере стукнул чем-нибудь о гробовую доску и сим безотрадным знаком дал бы мне почувствовать, что он слышит и видит меня: нет, и того не добился. — Но какой же я чудак. Хочу, чтоб для меня изменился закон Природы, послушной своему Создателю. Э, да это похоже что-то на сумасшествие! Это значило бы или из самих себя воссозидать судьбу, или пересоздать судьбу Божию. — Жалкие человеки. Вы во всю жизнь свою одного только желать должны: именно того, что хочет Бог. Ангелы Божии, подкрепите и осените крылами вашими бедного, дряхлого не столько по телу, сколько по духу Отца.

Да, мой друг Иван Дмитриевич. Он надолго и много отнял у меня спокойствия и взамен того не оставил ничего. В первые дни горести моей я только удерживался, чтоб не вопить изо всех сил: Почто мя оставил еси? — Как ни говорите, разумеется, языком человеческим, как ни измеривайте, естественно, тем же мерилом земным, но все надобно повиниться воле Божией. Слов нет, человек в 40 лет, коллеж(ский) советник, чрез год статский, на хорошем месте и счету, сокровище отца, ничем не заменимое, отрада семьи, краса родных — все это с некоторым еще прибавлением — посудите милостиво! За всем тем, уверяю Вас, не жаль мне сына, а жаль человека. Уверяю Вас и в том, что при всей моей горести ни безумных восклицаний вне, ни диких возгласов внутрь не было во мне ни на минуту. Тихи были слезы мои пред сердцевищем. Покорна была скорбь моя пред тем, кто сам плакал по друге своем Лазаре.

Желал бы я сообщить Вам самые малейшие подробности болезни и самой смерти сына моего, но что может быть занимательно для отца, боюсь не было бы скучно для Вас. Однакож не могу умолчать пред Вами об одной вещи, может быть, единственной в своем роде. Покойный сын мой чувствовал свою опасность, которая наиболее умножала в нем религиозное расположение. Приди же ему в голову, чтоб свидетелем последней, как он сам говорил, исповеди поставить меня. Жене своей, а потом матери говорил: “Кроме папеньки никого не хочу я иметь своим Духовником в минуты предсмертные”. — Смотрите, какая нежность сына и чистота Христианина. — И в самой вещи предсмертные: еще день, еще два дни, еще сполдня — и свещи погребальные горели уже окрест одра смертного! Незабвенный умер на моих руках. Я благословил его миром в путь дальний, лишал сам этого мира. Я видел одр его покоя, а сам омочил слезами постелю мою. Ах, мой друг, как хорошо быть Христианином, особенно когда готовишься сон временный переменить на сон вечный, когда отверзаются пред тобою врата вечности...

Да, где чистая, неподдельная вера, там все верно, утешительно, божественно! Где добродетель, там все добродетельно. Не прошу Вас утешать меня земным утешением: знаю, что у Вас станет и ума, и сердца на то, но прошу молиться общему нашему Спасителю: надеюсь, еще памятно для

ума, и сердца на то, но прошу молиться общему нашему Спасителю: надеюсь, еще памятно для Вас знамение сего Спасения, явленного Вам Иисусом Христом в то время и в том же месте, откуда один Он мог только слыхать голос Ваш...

Прощайте. И в горе, и в радости я Ваш неизменный отец и друг

П. Мысловский

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 29 апреля 1839 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 163—164. — [Т. XII].

11

С. Петербург. 1839, Апреля 29.

Добрая Ваша матушка писала ко мне на сих днях, что Вы берете, как и ожидать того надлежало, искреннее участие в моей невозвратной, и — видит Бог — жестокой потере. Видно и хлад Сибири не охладил горячих Ваших чувств ко мне. Благодарить ли Вас за то? Но эти слова были бы слишком сухи, недостаточно, обыкновенно, изношено: Ваше сердце есть лучшая, на сей раз, для Вас награда, и вместе моя признательность. Да, любезный друг мой. В полном смысле поразила меня смерть незабвенного сына моего, которого мне всюду недостает. Ежели бы Вы знали его лично, то плакали бы вместе со мною. А как Вы его вовсе не знали, то право стоит — чтобы и Вам посожалеть частию о себе, что его не знали. Нет, не могу более говорить о сем.

Вы верно поймете во мне ту силу, которая знает говрить без помощи языка. Смолкну. Одно только исповедую, что Провидение, для исполнения судеб своих, равно употребляет бурю и ветр тихий, веющий на землю дождь плодоносный, и скорби, и радости, и свет, и тьму, и жизнь, и смерть. Пусть же оно и творит с нами дивная и неиспытанная. Наш долг — повиниться Господу.

Не желал бы я пугать Вас и черною печатью сердца, и черными каймами бумаги. Но что же делать? И я человек, особенно отец. Притом у истинной, впрочем, иногда и поддельной, искусственной скорби, как и у самого богатства, есть своя ливрея и свои гербы. Знаю, что время излечивает и не такие раны, но сколько достанется бедному человеческому сердцу, пока оно успеет перейти эти мытарства?

Ныне ранее обыкновенного удалюсь я за город. Думается, не скорее ли там примиришься со своим горем? Ночь, которая в городе есть время или забав, или тяжелых дум, в мирных весях есть время сладкого покоя. Днем здесь спят, а там, в полном смысле, живут.

Писал бы побольше, но не хватает уже времени. Простите, мой любезный Иван Дмитриевич, засвидетельствуйте мой усердие и любовь Матвею Ивановичу. Не осудите на краткой грамотке.

Вам душевно преданный Духовник ваш и друг прот. П. Мысловский

По окончании письма, как на грех, пала искра на письмо со свечки, поданной для запечатания писем. Извините. Не хотелось, да и некогда вновь писать письмо.

Обрезала черные каемочки у етово письма, боялась что вдруг может потревожить тебе. Прости мой друг*.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 13 мая 1839 г. Спасская Мыза // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 164—165. — [Т. XII].

12

Спасская Мыза. 1839. Мая 13.

Тенистые рощицы, желтые сыпучие пески, прелестные долы, бархатною муравою покрытые, вас ли вижу я снова? — Да это вы, точно вы, милые знакомцы? И как вы возобновляетесь в силе своей, между тем как я каждогодно умаляюсь. — Зеленая кровля, и ты примешь ли меня еще раз в лето грядущее? — Если примешь, то уже конечно не возрожденным вместе с возрождением всей природы. Каждая весна нечувствительно сближает меня с моею осенью. Посмотришь, и смерть на за горами. Поля и рощи, вы все те же, но я уже не тот. Тяжкая, но неизбежная мысль.

Не удивляйтесь этому вступлению, которое отнюдь не обещает простого дружеского письма, но более подходит на Вергилеву эклогу, только не в стихах. Просто хотел только сказать Вам, что живу уже на даче, где такой простор для воображения. Воображение? не надобно и ему давать много воли; иначе занесет тебя или за облака, или за тридевять земель в тридесятое царство.

Последнее письмо Ваше, любезный мой Иван Дмитриевич, принесло мне много пользы в моем положении. Вижу, не надобно ходить Вам по соседям, чтоб занимать в долг наречий чувства: перо и хартия Ваши — не на столе, а в Вашем сердце. Дружеское участие Ваше в моей невозвратимой потере для меня истинно многоцелебно. — Благодарю Вас за то, от всего моего сердца. Мы теперь, кажется, с Вами квиты. Было время, что я летел к Вам, как летит орел в небеса, летел именно для того, чтобы успеть хоть каплею вложить соль утешения в страждущее Ваше сердце: ныне — Вы меня утешаете: квиты. Долг платежом красен.

Каковы Вы, как поживаете — спросите Вы у меня. Кое-как, друг мой. Большей частию, следуя пословице: день да ночь, так и сутки прочь. Не похвалюсь крепостию сил, тех и других. Душа моя поднесь находится под гнетом одной мысли. Кажется, здесь, в приюте мира, все веет радостию и дышит жизнию. Дни прелестнейшие. Вождь Израиля некогда просил Солнце остановить свое течение; нам должно, просить его, чтоб умерило жар, почти нестерпимый. И за всем тем чего-то не достает мне для полных наслаждений. Но полно о себе, пожалуй, чего доброго, я тотчас попаду у Вас в дрянного плаксу. Но Вы знаете, как я привык дорожить Вашим мнением и Вашею дружбою.

Поблагодарите любезного Матвея Ивановича и его супругу за доброе их ко мне расположение. Прощайте. Извините, если грамотка моя не столь цветиста, чтоб читать ее с большим удовольствием, не столь весела, как нынешнее время. Что делать? У печали, как и у богатства, есть своя ливрея. Ваш, всегда Ваш

П. М.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 30 мая 1840 г. Спасская Мыза // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 165—166. — [Т. XII].

13

Спасская Мыза. Мая 30, 1840 г.

Друг мой сердечный, Иван Дмитриевич. И скука, и совесть убивают меня за то, что я так долго не писал к Вам. Но хочу — уже половина того, что называется — могу.

На самом деле, мне не просто захотелось написать Вам несколько строк. Не вините меня, друг мой, за столь долговременное молчание. Право, ежели оглянуться бы на прошедшее мое и взять в строгое рассмотрение настоящее, то я мало буду пред Вами виноват. Но все-таки виноват. Простите. Я знаю, что Вы умеете прощать.

С первой строчки видите Вы, что я живу за городом. Зачем же Вы не здесь? С какою бы охотою и радушием поделился я с Вами теми упоениями, которые сам здесь вкушаю! И песни птиц

и радушием поделился я с Вами теми упоениями, которые сам здесь вкушаю! И песни птиц небесных вместе бы слушали с Вами, словно — славу и хвалу общему нашему Создателю. Да, Всемогущая десница Его всюду и презрезко напечатлена. В вихре шумных удовольствий и в чаду успехов житейских невозможно так близко видеть эту чудодеющую десницу. Кафедра мудрости Божией видна и слышна токмо на горах, на пажитях, полных плодоносия, в уединенных долинах. — Знаю, что эти позывы сердца моего извлекут вашу улыбку; улыбнитесь только не из сожаления, а тем менее из презрения к мечтателю. Таков норов нашей братии, Духовных. Или их

не тронь, или им не давай дотронуться до собственной их струны. — Иначе — конца не будет их руладе.

Нельзя ли, друг мой, очинить перушку и чиркнуть к нашему брату строк несколько? Ведь Вы давно знаете, как приятны и любезны мне Ваши грамотки.

Пожалуюсь Вам на почтеннейшую нашу Надежду Николаевну: ведь ни словечка не скажет мне об Вас. Правда, кой-когда и напишет: он здоров, и более уже ничего. Здоров, — это добрая весть; однакож и цыплята, и поросята в ее Покровском также пользуются вожделенным здравием. “Здоров” — тут чего-то недостает.

Покорнейше прошу передать мое сердечное расположение Матвею Ивановичу. Уверьте его, а сами и того больше уверьтесь, что я часто, очень часто вспоминаю об Вас с любовию отца, особенно летом. Отчего же бы это летом, спросите Вы? — Догадайтесь: оттого, что в летние месяцы я беспрестанно езжу то в город, то за город, и езжу обыкновенно чрез Троицкий мост62... Простите. Да хранит Вас святое Провидение во все дни Ваши. А я, покамест дышу, пребуду Вашим отцом и другом.

Протоиерей Петр Мысловский

Чевожа он более хочет здоров и слава Богу хоть умный человек а сравнение не так то складно к цыплятам и протчее а бедная дочь пишит очень больна не приходит в себе*.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 4 декабря 1840 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 166—167. — [Т. XII].

14

С. Петербург. 1840, Декабря 4 дня.

Это письмо по самому простому расчету получите Вы в будущем Новом годе, следовательно на другой год, как я писал его. Мне хочется заранее поздравить Вас с грядущим Новым годом, который, по нашему Христианскому летоисчислению будет 1841 год, и я Вас вседушно поздравляю. Но поздравление без изъявления добрых пожеланий есть то же, что пирог без хорошей начинки: и я желаю Вам многого множества добра в будущем году. Желаю и жалею, что не все из желаний моих могут исполниться. Иначе, быть может, обошлось бы дело и без писем.

Отгадайте, буде молодец, чем, в особенности, порадую я Вас на Новый год? — О, вижу, что Вы ударились во область воображения, и переходя от одной догадки до другой только что удаляетесь от истинного пути. Я хочу порадовать Вас Вашим Евгением, которым и сам я радовался Вашею радостию. И просто приятно бы было увидеть Ваше детище, но увидеть его преобладающим множеством доброт — это чересчур по душе мне. Во-первых, сын Ваш есть живой образ своей маменьки. Как ни поверни его — туды, сюды, он с матерью, как капли две воды. Следовательно, с такою милою наружностию верные успехи ожидают его в будущем. Во вторых, та же в нем скромность и тихость нрава, какими во времена оно отличалась его маменька, что называется, водою не замутить. Хорошо, однакож, эта похвала, обратившаяся даже в пословицу: водой не

замутить. Да как можно замутить водой, чистой и прозрачной, как кристалл? Уж не ирония ли тут скрывается, или эпиграмма на смирение? — В третьих, в Евгении заметил я мимоходом порядочный умок, прекрасные способности и прекрасную охоту учиться. С таким запасом добра можно ожидать от юноши многого добра. И дай Господи. Наконец, успел заглянуть к нему и в душу: как она хороша. Чиста, как небо, приятна, как восточный аромат; свежа, как распустившийся гиацинт. Мне даже показалось, что в сыне Вашем много есть чего-то, принадлежащего другому полу, девического, женоподобного. Однакож все это не будет мешать

ему быть добрым, честным, благородным в последствии времени человеком. Одного только остается желать, чтоб он не попал в круг школяров-шалунов и модных иллюминатов. Тогда горе ему, и всем вам. Между прочим, мне очень понравился скромный ответ молодого человека на вопрос мой: как он находит брата своего Вечеслава, по сравнению к нему самому? Смелый вопрос мой возбудил легкий румянец на лице его, и он, нисколько не останавливаясь, отвечал мне: брат мой далеко превосходит меня во всем. — Так, — сказал я, — и быть должно: он старее Вас, следовательно, преизобилуя дарами Божиими, обязан предходить Вам примером всякого добра, а Вы не должны стыдиться подражеть ему и потом всячески стараться не отставать от него на пути чести и наук. Родство, отечество, церковь ждут от Вас многого. — Одним словом, в Вашем Евгении нашел я какое-то чудное соединение доброт, заимствованное от отца и матери. А это ведь не всегда бывает и не ко всякому дитяти переходит в наследство. — После сего как же не поздравить мне Вас с таким сыном, который обещает столь много? — По крайней мере, я так думаю, что лучшей весточки и самого подарка на Новый год не мог я сделать Вам, как сообщив замечания мои о Вашем Евгении. Да, сообщая мысль мою и его бабушке, я дерзнул выразиться пред нею: это примиленький ребенок, только что из колыбели. Сказал так, да после и натрусился. Ну, как грехом, думаю себе, и матерь, и праматерь восстанут против такого обидного выражения? Особенно боюсь я старушки. Того и смотри, что негодование обратит в бурю.

По порядку вещей следует сказать Вам что-нибудь и о себе самом. Жив, и более ничего. Здоров, и слава Тебе Господи. Есть хлеб насущный, и — благодарение тому же отцу Небесному. — Впрочем, есть пословица, что легче строить вновь, нежели перестраивать старое. Последняя участь есть моя собственная. От часу старею. От часу изменяют мне душевные и телесные способности. А это если говорить, что пора уже и приготовляться в дорогу. Седьмой десяток. Надобно и честь знать. Осенний лист падает и валится — это вещь естественная. Дважды не будешь молодым. Кто скончается для мира, для того и мир кончится. Земные грезы не будут тревожить могилы. Там есть черви, но нет змей, нет людей... Смотрите, какая галиматья, но я вперед сказал Вам, что старость зашибает меня. Ежели лишнее и совру, не взыщите: у старого не по-старому.

Жив ли, здоров ли любезный мой Матвей Иванович? Не забыл ли он любви моей к нему? А его любовь ко мне всегда и равно приснопамятна и неоцененна. Я знаю, что кто меня любил, тот любил искренно. И признаться ли Вам перед Богом: я истинно не заслуживал ни от кого чувств, противных любви. Мне говорит это совесть моя. Поклонитесь Матвею Ивановичу от меня и его супруге. Есфирь да живет для Мардохея, а не он для нее.

И Вам, моему другу, посылаю все мои наилучшие пожелания, все мое сердце, которое Вы знаете хорошо, вдоль и поперек. Простите, любезный Иван Дмитриевич. Надобно уметь писать, но надобно уметь и остановиться. Ваш некогда Духовник прот. Петр Мысловский.

Мысловский П. Н. Письмо Якушкину И.Д., 21 марта 1841 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 167—168. — [Т. XII].

15

С. Петербург. 1841 года Марта 21.

Чрез неделю будет у нас величайший Христианский праздник. Не нужно говорить, какой: Ваше сердце, некогда воскрешенное Спасителем, скажет Вам об этом празднике праздников и торжестве торжеств. Было время, когда я простирал к Вам братские объятия свои, не устами, а сердцем приветствуя Вас, друга моего: Христос Воскресе. — А ныне? — Довольствоваться надлежит хартиею и чернилом, мыслию, а не видением. Итак, примите, любезный мой Иван Дмитриевич, искреннейшее мое поздравление с наступающим днем светлого Христова Воскресения. Примите с любовию и представляйте себе, что, читая эти строки, Вы как бы видите

пред собою пишущего и лично приветствующего Вас: Христос Воскресе. — Да, воистину воскрес Христос, предоставив нам все плоды своего Воскресения, а при себе или для себя оставив — страдания, гвоздья, копие, крест и поносную смерть. Каких еще доказательств любви может желать и искать грешник? И где их искать? У стоп гроба Избавителя мира. Более нигде. Мир не только не в состоянии дать сии доказательства, он их не умеет еще и понять. Мир в деле чистой и святой веры. — Есть мертвец с открытыми глазами: зрит, и не видит. Только смирение и верующее сердце приемлет, еже суть Божия. Оно падает у ног Воскресшего и вопиет с Фомою: Господь мой и Бог мой! Падем же и мы к тем же стопам, и принесем дары не в Пеленах Повитому, но облекшему нас в паки бытие, в бессмертие. О, наш бесценный, сладчайший Спаситель! Мы подслушали глас твой из Твоего гроба: Смерть, Я победил и умертвил тебя своею смертию.

Но полно благословствовать. Человек никогда не достигнет того счастия, чтоб не иметь никаких (желаний). По этой аксиоме

и я желаю Вам и себе совостания с Иисусом, желаю Вам всех телесных и душевных благ. Извините, ежели письмо мое покажется Вам слишком коротко. Я никак не сумел сократить его еще более. Извините и на том, ежели я не отвечаю Вам на Ваше последнее письмо: у меня нет времени. Ко многим должен я писать с сегодняшнею почтою. Простите, будьте здоровы, хоть на силу на великую. Старайтесь сохранить спокойствие духа Вашего, елико возможно будет. Поручаю Вас во всем благому Провидению. Духовный Ваш друг и отец —

прот. Петр

Бокова В. М. Примечания: Из переписки отца Петра Мысловского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 168—170. — [Т. XII].

1 Речь идет о словах из предсмертного письма К. Ф. Рылеева жене из крепости: “Благодарю моего Создателя, что я умираю во Христе, что и дает мне спокойствие, что Отец не оставит ни тебя, ни нашей малютки” (Мемуары декабристов. Северное общество. М. 1981. С. 95).

2 Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) и Греч Николай Иванович (1878—1867) издавали в это время журнал “Северный архив”.

3 Перед смертью Рылеева Мысловский поклялся не оставлять его семью.

4 Эпизод, предшествовавший казни, когда Рылеев, приложив руку Мысловского к своему сердцу, сказал: “Послушайте, отец, бьется ли оно сильнее прежнего”.

5 Миллер Ф. И.

6 Рылеева (в замуж. Пущина) Анастасия Кондратьевна (1820—1890), дочь К. Ф. и Н. М. Рылеевых.

7 Ф. И. Миллер.

8 Туга — печаль.

9 Речь идет о Патриотическом институте, куда А. Рылеева была помещена по протекции Императрицы Марии Федоровны (1759—1828), вдовы Павла I, в 1828 г. и где проучилась до 1832 г., после чего мать вынуждена была забрать ее из института по состоянию здоровья.

10 Императрица Мария Федоровна создала ряд благотворительных и воспитательных организаций (Ведомство императрицы Марии).

11 Воскрилие риз — подол, полы священнического облачения.

12 Императрица Мария Федоровна умерла 24 октября 1828 г.

13 Фонвизин Иван Александрович (1789—1853), брат М. А. Фонвизина, отставной полковник, декабрист.

14 Шереметева (урожд. Тютчева) Надежда Николаевна (1775—1850), теща И. Д. Якушкина.

15 Н. Д. Фонвизина жила в 1826 г. в Петербурге в доме Варварина.

16 Адонаи — в иудаизме обозначение бога Яхве, равнозначен русскому “Господь”.

17 Дмитрий Ростовский (в миру Туптало Даниил Саввич) (1651—1709), церковный писатель и проповедник. Тихон Задонский (в миру Соколов Тимофей) (1724—1783), епископ воронежский, духовный писатель.

18 М. А. Фонвизин.

19 Осенью 1827 г. Фонвизина получила разрешение на отъезд к мужу в Сибирь.

20 Юлия — воспитанница Н. Д. Фонвизиной; в 1828 г. по прошению М. П. Апухтиной (матери Н. Д. Фонвизиной) была помещена в Воспитательный дом.

21 Речь скорее всего идет о Марии Казимировне Юшневской (урожд. Руликовской) (1790—1863), вопрос об отъезде которой к мужу решался летом 1828 г.

22 23 августа 1829 г. получила разрешение на отъезд в Сибирь к мужу Анна Васильевна Розен (урожд. Малиновская) (1797—1883). Реально она смогла выехать лишь 17 июля 1830 г.

23 И. Д. Якушкин.

24 К этому времени с осужденных были сняты оковы.

25 Имеется в виду предполагавшийся отъезд дочери Н. Н. Шереметевой — А. В. Якушкиной к мужу в Сибирь.

26 Тассо Торквато (1544—1595), итальянский поэт, автор поэмы “Освобожденный Иерусалим”.

27 Письмо от 19 сентября 1828 г.

28 Корнилович был католиком, и в крепости Мысловским, естественно, не посещался.

29 Муравьев-Апостол Матвей Иванович после заключения в крепости был отправлен сразу на поселение в Вилюйск Якутской обл. Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (1797—1831) вместе с Муравьевым-Апостолом отбывал заключение в Роченсальме, затем был отправлен на поселение в Якутск, а оттуда в 1829 г. определен рядовым в Кавказскую армию. Толстой Владимир Сергеевич (1806—1888) после Петропавловской крепости был отправлен в Тункинскую крепость Иркутской губернии, в 1829 г. определен рядовым на Кавказ.

30 Лепарский Станислав Романович (1754—1837), генерал-майор, комендант Нерчинских рудников и Петровского завода.

31 Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), один из лидеров и идеологов Северного общества, автор известной “Конституции”.

32 Бобрищев-Пушкин Павел Сергеевич (1802—1865), член Южного общества.

33 Крюков Николай Александрович (1800—1854).

34 Волконская (урожд. Раевская) Мария Николаевна (1806—1863), княгиня; Трубецкая (урожд. графиня Лаваль) Екатерина Ивановна (1800—1854), княгиня; Муравьева (урожд. графиня Чернышева) Александра Григорьевна (1804—1832); Нарышкина (урожд. графиня Коновицына) Елизавета Петровна (1798—1863) — жены декабристов, приехавшие в Сибирь к мужьям в 1827 г.

35 Фон-Визина (Фонвизина) Наталья Дмитриевна и Давыдова (урожд. Потапова) Александра Ивановна (1802—1895) приехали к мужьям в Читинский острог в 1828 г.

36 Кюхельбекер Михаил Карлович (1798—1859), брат поэта В. К. Кюхельбекера; Репин Николай Петрович (1796—1831); Глебов Михаил Николаевич (1804—1851); Якубович Александр Иванович (1797—1845); Борисовы Андрей (1798—1854) и Петр (1800—1854) Ивановичи; Крюковы Александр (1793—1866) и Николай (1800—1854) Александровичи; Иванов Илья Иванович (1800—1838); Шимков Иван Федорович (1803—1836); Барятинский Александр Петрович (1799—1844), князь; Вольф Фердинанд Богданович (1796—1854); Беляевы Александр (1803—1887) и Петр (1805—1864) Петровичи.

37 Муравьев Артамон Захарович (1793—1846). Его жена — Вера Алексеевна, урожд. Горяинова (1790—1867) в Сибирь к мужу не поехала. См. “Российский Архив”. Вып. XI. М. 2001. С. 39—78

38 Муравьев-Апостол содержался в 1826—1827 гг. в крепости Роченсальм.

39 И. Д. Якушкин, близкий друг М. И. Муравьва-Апостола.

40 А. А. Бестужев-Марлинский, как и Якушкин, содержались вместе с Муравьевым-Апостолом в Роченсальме.

41 Бибикова (урожд. Муравьева-Апостол) Екатерина Ивановна (1795—1861), сестра Муравьева-Апостола.

42 Подробнее об этом см. в письмах к Шереметевой и Якушкину.

43 А. Х. Бенкендорф.

44 И. Д. Якушкин.

45 На шестой неделе (Вербной, неделе Ваий) Великого поста 1826 г. Якушкин в Петропавловской крепости исповедался и причастился.

46 По воспоминаниям Якушкина, “пройдя пешком от Казанского собора до крепости и обойдя много казематов, он (Мысловский) ел с большим аппетитом ломоть решетного хлеба, запивая его славной невской водой, которую впоследствии мы называли нашим шампанским” (Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск. 1993. С. 139).

47 Предика — вступление, предисловие.

48 Т. е. в Петровском заводе.

49 16 апреля 1836 г. закончился срок каторги Якушкина и он был определен на поселение в Ялуторовск.

50 М. И. Муравьев-Апостол, также отбывавший с 1836 г. ссылку в Ялуторовске.

51 Сыновья Якушкина — Вячеслав (1823—1861) и Евгений (1826—1905).

52 В 1832 г. М. И. Муравьев-Апостол женился в Бухтарминске на дочери священника Марии Константиновне Константиновой (1810—1883).

53 А. С. Пушкин умер 10 февраля 1837 г.

54 В августе 1826 г. Якушкин был отправлен из Петербурга в Роченсальмскую крепость. В это время около Петербурга горели леса. В Парголове, на станции, куда привезли вместе с Якушкиным М. И. Муравьева-Апостола, А. А. Бестужева, А. П. Арбузова и А. И. Тютчева, их встретили П. Н. Мысловский, А. В. Якушкина с сыновьями, Н. Н. Шереметева, И. А. Фонвизин, сестра Муравьева-Апостола Е. И. Бибикова и их тетка Е. Ф. Муравьева (См.: Якушкин. Указ. соч. С. 155—157).

55 Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, воспитатель великого князя Александра Николаевича. В 1837 г. сопровождал воспитанника в путешествии по России. Якушкин и Муравьев-Апостол приятельствовали с Жуковским со времен Отечественной войны.

56 В 1837 г. умер младенцем единственный сын Муравьевых-Апостолов. Больше детей у них не было.

57 Н. Н. Шереметева вместе с дочерью и внуками жила в основном под Москвой, в селе Покровском Рузского уезда.

58 Речной найденыш — библейский пророк и израильский вождь и законодатель Моисей. Был найден в младенчестве в Ниле дочерью фараона (Моисей в переводе — спасенный из воды).

59 После смерти сына Муравьевы-Апостолы взяли на воспитание двух ялуторовских девочек-сирот: Августу Созонович и Матрену (Анну) Бородинскую, которых позднее удочерили.

60 Драбант — солдат.

61 Речь идет о смерти сына Мысловского — Василия Петровича (1799—1839).

62 Троицкий мост находится рядом с Петропавловской крепостью.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Бокова В. М. Вступительная статья: П. Н. Мысловский — Н. М. Рылеевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 97. — [Т. XII].

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — Н. М. РЫЛЕЕВОЙ

Письма П. Н. Мысловского Рылеевой (урожд. Тевяшевой) Наталье Михайловне (1800—1853), вдове К. Ф. Рылеева (1795—1826) публикуются по автографам: РГАЛИ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 64. К ним приложено и письмо Федору Ивановичу Миллеру, близкому другу и сослуживцу Рылеева по

ним приложено и письмо Федору Ивановичу Миллеру, близкому другу и сослуживцу Тимлева по конно-артиллерийской роте в 1817—1818 гг., опекуну его дочери Анастасии (РГАЛИ. Ф. 423. Оп. 1 Д. 49).

П. Н. Мысловский — М. Я. Фон Фоку // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 131—132. — [Т. XII].

П. Н. Мысловский — Н. Н. Шереметевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 137—141. — [Т. XII].

Бокова В. М. Вступительная статья: П. Н. Мысловский — И.Д. Якушкину // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 143. — [Т. XII].

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — И. Д. ЯКУШКИНУ

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), капитан в отставке, участник войны 1812 г. и заграничных походов; один из учредителей “Союза спасения”, член “Союза благоденствия” и “Северного общества”; приговорен к 20 годам каторги.

Публикуется по автографам: ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 86.

В. Н. Татищев и П. И. Шувалов о межевании в России / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 13—18. — [Т. XII].

Бокова В. М. Вступительная статья: П. Н. Мысловский — Н.Д. Фонвизиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 107—108. — [Т. XII].

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ

Фонвизина (урожд. Апухтина) Наталья Дмитриевна (1803—1869), жена генерал-майора Михаила Александровича Фонвизина (1787—1854), поехавшая за ним в Сибирь, оставив на руках брата мужа, И. А. Фонвизина, двух сыновей: Дмитрия (1824—1850) и Михаила (1826—1851). В 1857 г. вышла вторым браком за И. И. Пущина (1798—1859); после его смерти была гражданской женой декабриста П. С. Бобрищева-Пушкина (1802—1865). Известна также своим духовным влиянием на Ф. М. Достоевского в годы его ссылки (см.: Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск. 1985. С. 69 и след.). Автор неопубликованных записок (“Исповедь” — ГАРФ). В 1826 г., когда Н. Д. Фонвизина, в ожидании решения судьбы мужа жила в Петербурге, П. Н. Мысловский был одним из ее духовников.

Публикуются по автографам: ОР РГБ. Ф. 319. К. 2. № 63. В составе этой же единицы находится письмо П. Н. Мысловского в Читинский острог.

Бокова В. М. Вступительная статья: П. Н. Мысловский — Н. Н. Шереметевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 137. — [Т. XII].

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Надежда Николаевна Шереметева, урожд. Тютчева (1775—1850), была теткой по отцу Ф. И. Тютчева. Отличалась властным и независимым характером. Овдовев в 1808 г., она осталась с тремя детьми: Алексей (1800—1860), воспитанник Муравьевского училища для

колонновожатых, штабс-капитан, член Союза Благоденствия, приятель А. С. Пушкина; Пелагея (1802—1871), жена графа М. Н. Муравьева-Виленского и Анастасия (1807—1846), жена декабриста И. Д. Якушкина. Шереметева была дружна с В. А. Жуковским, переписывалась с Ф. И. Тютчевым. Будучи глубоко религиозной, она уже в преклонных годах подружилась с Н. В. Гоголем и он называл ее своей “духовной матерью”.

Публикуется по автографам: ГАРФ Ф. 279. Оп. 1. Д. 138.

Бокова В. М. Вступительная статья: П. Н. Мысловский — М. Я. Фон Фоку // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 131. — [Т. XII].

П. Н. МЫСЛОВСКИЙ — М. Я. ФОН ФОКУ

Фок, Михаил Яковлевич (1773—1832), заведующий канцелярией III отделения в 1826—1831 гг.

Оба документа публикуются по автографам: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп: 1826 г. Д. 61. Ч. 5. Л. 33, 34.

Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х — начало 30-х гг. XIX в.)

Корнеев В. Е. Вступительная статья: Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х — начало 30-х гг. XIX в.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 171—172. — [Т. XII].

История легального существования масонских организаций в России официально заканчивается в 1822 г., после принятия Александром I Высочайшего рескрипта о запрещении тайных обществ и масонских лож. Напуганный выступлением декабристов, Николай I в 1826 г. подтвердил это запрещение и, переводя его в практическое русло, создал на базе Особенной канцелярии Министерства внутренних дел III Отделение при своей канцелярии, вменив ему в обязанность осуществление политического надзора и сыска. Возглавивший III Отделение граф А. Х. Бенкендорф и подчиненный ему корпус жандармов бдительно следили за всеми проявлениями общественной активности в стране. В поле их зрения находились и члены запрещенных масонских лож, являвшихся, по мнению правительства, в недавнем прошлом рассадником свободолюбивых и противоправных мыслей, подрывавших основы монархии и российской государственности. Явный и негласный надзор за лицами, подозреваемыми в организации и деятельности запрещенных масонских лож, отражен в переписке, рапортах и отчетах жандармов, допросах подозреваемых и их объяснительных записках, списках масонской литературы и ритуальных предметов, изъятых при обысках и т. д.

Публикуемая переписка А. Х. Бенкендорфа с начальником 2-го округа корпуса жандармов генерал-лейтенантом А. А. Волковым и московским генерал-губернатором Д. В. Голицыным, а также агентурные сведения, реестры вещей, найденных при обысках и пр., свидетельствуют о том, что масонские организации в Москве и после их запрета продолжали свое существование.

Наиболее стойкие масоны не собирались отказываться от своих убеждений, о чем говорит, например, письмо от 5 марта 1828 г. коллежского советника, правителя Московской конторы адресов Н. А. Головина Д. В. Голицыну по поводу произведенного в его доме обыска. Среди публикуемых документов следует также отметить “Список лиц, обративших на себя замечания”, отправленный в декабре 1827 г. А. А. Волковым графу А. Х. Бенкендорфу. В этом документе, составленном на основе агентурных данных, приводятся яркие биографические, бытовые и морально-этические характеристики лиц, заподозренных в деятельности запрещенного масонского общества. Если же учесть, что здесь фигурируют многие члены легально

функционировавшей до 1822 г. ложи Ищущих манны (А. О. Поздеев, Ф. В. Окуньков, В. Д. Каманин, Н. А. Головин и др.), то складывается весьма полное представление об активных деятелях масонского движения в Москве в первой трети XIX в.

Материалы публикуются по подлинникам, хранящимся в ГАРФ. Ф. 109. III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1—10 документы — I эксп. Д. 275. Л. 3—3 об., 6—8 об., 13 об. — 23, 30—31 об., 47—51 об.; 11—12 документы — I эксп. 1833. Д. 71. Л. 1, 2; д. 216. Л. 3—3 об.); орфография по возможности приближена к современной, основные языковые и стилистические особенности первой половины XIX в. сохранены.

Волков А. А.Донесение генерал-лейтенанта А. А. Волкова графу А. Х. Бенкендорфу, 1 октября 1827 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 174—175. — [Т. XII].

4

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. А. ВОЛКОВА ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

1 октября 1827 г.

Исполняя предписание Вашего Превосходительства от 8 сентября № 2096 о собраниях в домах гг. Головина, Шатрова и Поздеева, какие на сей раз мог я получить сведения о лицах, имеющих съезды у них, об оных честь имею донести.

1) Коллежский советник Николай Александрович Головин находящегося в С. Петербурге в Гвардейском корпусе генерал-майора Головина есть действительно брат родной.

2) Федор Яковлевич Граве есть Надворный Советник, смотритель Петровского Дворца, в котором живет с роду 14 лет и содержится в большой милости у князя Юсупова, пожилых лет, с год тому женился на дочери чиновника, управляющего имением князя Горганова, имеет хороший капитал, простирающийся до 100 т. руб., которые хранятся в ломбарде; он чрезвычайно скуп; однако знакомства имеет в хорошем кругу, а выезжает мало, особенно после женитьбы, равно и к нему приезд также невелик.

Сказывают, что в 1812 году во время нашествия неприятеля оставался в Москве и был у Мюрата переводчиком, потом бывшим главнокомандующим в Москве графом Растопчиным за что-то был посажен в острог. Сие однако ж требует еще подтверждения.

3) Яков Христофорович Венстерн, жительство имеет Арбатской части 5 квартала в Мамоновом переулке в собственном доме, лет 20-ть как управляет имением и домом графини Разумовской, нигде не служил, но имеет чин Титулярного Советника через ходатайство покойного графа Разумовского. Ныне числится чиновником по Университетской типографии, где должности никакой не несет, а считается уже несколько лет единственно для получения награждения. Он также пожилых лет; вдов, имеет пятерых детей от двух жен, которые обе умерли. Состояние имеет незначительное, но и не бедное; жизнь ведет скромную и трезвую; выездов частых и большого знакомства не имеет, но бывает в доме Шатрова. В прочем отзывы об нем вообще с выгодной стороны.

Что же касается до прочих лиц, означенных в списке от меня представленном, по мере успехов в разведаниях моих буду иметь честь постепенно доносить Вашему Превосходительству.

А. Волков

Волков А. А.Донесение генерал-лейтенанта А. А. Волкова графу А. Х. Бенкендорфу, 3 декабря 1827 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 175—176. — [Т. XII].

5

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. А. ВОЛКОВА ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

3 декабря 1827 г.

Продолжая исполнять первоначальное Вашего Превосходительства от 9 сентября № 2096 предписание о собраниях в домах гг. Головина, Шатрова и Поздеева, прикрываемых некоторою тайною, в дополнение прежних моих по сему предмету донесений, я старался собирать самую подробную характеристику и биографию лиц, съезды сии составляющих, равномерно сведения о прежней службе их, настоящих их занятиях и политическом и нравственном образе жизни и поведении их.

По сему из доставленных мне под рукою известий, сколько по крайней возможности в состоянии был я получить оных, представляя при сем Вашему Превосходительству список о означенных лицах, обративших на себя замечания, со своей стороны долгом поставляю присовокупить:

1) Что из дому Шатрова, из запертых его хранилищ, самому мне приносили знаки масонские, принадлежащие к прежней ложе их, как-то: мантию, одежду с жертвенника и подушку — черной коленкоровой материи с вышитыми золотом галуном и бахрамою треугольниками; причем донесено мне, что и других подобных оных знаков хранится в сундуках число немалое; но все оне, уже при нынешних съездах не употребительны.

2) Мнение общества, как из списка усмотреть изволите, основано на том Правиле, что будто б то только Правление и хорошо и там только народы благоденствуют, где Царствующая особа и окружающие ее суть Масоны.

3) Они рассуждают, что необходимо должно членами их окружать Особу Государя для общего благоденствия, ибо долг их есть всегда представлять Ему истину, а зло узнавать и преследовать; чего не принадлежащие к Обществу сделать страшатся.

4) Они обязаны поддерживать состояние недостаточных своих собратий разными способами и вводить их в правительство сильных принадлежащих к своему братству, кои иногда и представительствуют у правительства о помещении их к выгодным должностям, дабы тем приобрести от них к себе уважение, откровенность и слепое повиновение; а в других не принадлежащих к ним возбуждать желание поступить охотнее в сочлены их и показать свое могущество. Словом, главная цель есть — иметь везде себе преданных.

5) Учение их преподается через книги, которые предлагают читать, как, например, Иоана Арндта и прочие касающиеся религии.

6) Члены общества называют детей своих собственным их выражением Волчьи дети; и дабы ложи не прекращались, то у них существует правило, что сии Волчьи дети непременно должны вступить в общество хотя бы один; о чем и Отец обязан заботиться.

7) Не смею тоже выдавать за истину, но полагают многие, как передано мне, будто б члены здешнего Общества, имея скрытую переписку с своими собратиями, как-то Нечаевым, служащим в собственной Его Величества канцелярии, с графом Вельегорским и другими, зная обо всем, что до них касается, и даже говорят, будто уведомлены и о настоящем требовании об них сиих списков.

А. Волков

Головин Н. А. Письмо московскому военному генерал-губернатору князю Голицыну Д. В., 5 марта 1828 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII

—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 181—182. — [Т. XII].

7

ПИСЬМО Н. А. ГОЛОВИНА МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ КНЯЗЮ Д. В. ГОЛИЦЫНУ

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь!

Исполняя приказание Вашего Сиятельства, объявленное мне г-м Обер-полицмейстером и Действительным статским советником и кавалером Тургеневым, которые приезжали ко мне для освидетельствования книг и бумаг моих, я имею честь донести Вашему Сиятельству, что у меня и у г-на Венкстерна действительно бывают, а перед сим бывали также и у г-на Красильникова дружеские свидания с моими приятелями, что при том никогда не было у нас намерения скрывать от правительства сии свидания и что в доказательство симу назначались даже известные оным дни, для удобнейшего взаимного распоряжения временем. В сих дружеских свиданиях мы, по исполнении взаимных наших гражданских или домашних обязанностей, находим отдохновение, а вместе и существенную для себя пользу в разговорах или чтении, имеющих целию — более и более вразумлять и утверждать нас в познании наших должностей,

в рассуждении Бога, Государя и отечества, дабы таким образом, при помощи Всевышнего, отчасу более соделываться нам вернейшими сынами церкви нашей, преданнейшими подданными Государя и полнейшими гражданами отечества нашего. Из всего изложенного и искреннего изложения цели наших дружеских свиданий, Ваше Сиятельство, конечно изволите сами уже заключить, что как разговоры наши, так и наше чтение необходимо должны быть христианско-нравственные, и что если сии свидания могут быть названы тайными, то разве в смысле относительном, т. е. что они таковые в отношении к тем только, кои к подобному препровождению времени не имеют одинаковых с нами мыслей и склонностей: так как наоборот сказать можно, что другие какие-либо в общежитии дружеские свидания бывают для нас тайными, потому что наши мысли и склонности неодинаковы с предметами сих свиданий, хотя впрочем также для общества безвредных и даже полезных. Из сего же краткого изложения моего Ваше Сиятельство усмотреть изволите, что и правила, коими руководствуемся мы при наших свиданиях, необходимо должны быть христианско-нравственными. Итак, при подобной цели и подобных правилах свиданий наших, чего должны мы были опасаться, или для чего укрывать себя от правительства, особливо же наслаждаясь счастием иметь столь мудрого и правдолюбивого Монарха, которого одно из главных попечений есть укоренять и распространять между подданными своими христианскую нравственность, яко единственную основу и истинному просвещению и благоденствию государства? Напротив, мы, по совести своей, смели и смеем еще надеяться, что содействуя таким образом благодетельным и отеческим намерениям возлюбленного Монарха нашего, мы удостоимся августейшего одобрения Его, и не подвергнем себя никакому лишению тех преимуществ, ибо даруются от него прочим Его верным и послушным подданым.

При сем имею также честь донести Вашему Сиятельству, что при жизни еще покойного Надворного советника Степанова я точно получил от него в подарок несколько ученых и нравственных христианских книг; но сколько и какие именно теперь поистине не помню, рукописей же вовсе никаких он мне не дарил. Я однако ж могу утвердительно и по совести донести Вашему Сиятельству, что ни в книгах, ни в рукописях покойного г-на Степанова не было ничего противного Богу, Государю или отечеству.

Наконец, должен я еще донести Вашему Сиятельству, что есть у меня и органы, на которых иногда один, иногда же вместе с приятелями моими играю я песни, по смыслу своему принаровленные к помянутой цели и к помянутым же правилам наших свиданий; почему и не мог по совести своей почитать сие за что-нибудь непозволительное, тем более, что они не составляют

какой-либо необходимой принадлежности к нашим свиданиям; а я играю на них единственно для удовольствия, для которого и другие любители музыки играют на других инструментах. Разность и в сем случае находится, может быть, в том только, что песни наши соединяют — по крайней мере для нас — приятное с полезным.

С глубочайшим высокопочитанием имею честь быть, Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь! Преданный слуга Николай Головин

Марта 5 дня. 1828 года

Бенкендорф А. Х. Письмо московскому военному генерал-губернатору князю Голицыну Д. В., май 1828 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 184—185. — [Т. XII].

10

ПИСЬМО ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ КНЯЗЮ Д. В. ГОЛИЦЫНУ**

(Не позднее мая 1828 г.)

Писано партикулярно по Высочайшему повелению.

Обратить внимание Князя Голицына на существующее в Москве общество алхимо-мистическое. Намерение Государя было то, чтобы местная полиция имела приличное, но негласное наблюдение за действиями сего общества и за политическим поведением членов оного. Его Величество не имел в виду явных действий полиции, которые в подобных случаях обыкновенно служат к заглушению, а не к обнаружению истины.

(...) Объяснение, данное г. Головиным, совершенно неудовлетворительно и представляет сплетение неясных мыслей и выражений. Изложенные в оном основные правила общества, заимствованы из древнего Масонства и выказаны с самой выгодной стороны. Доказано впрочем, что всякое тайное общество скрытое свое направление покрывает завесой добродетели и набожности. Из самих изъяснений г. Головина открывается, что религиозные понятия общества отступают от поучений Господствующей Веры и отражают какую-то ересь. Пение при звуке органа разных песен, приспособленных к предметам собраний, как то говорит сам г. Головин, свидетельствует, что члены общества составили себе особые понятия о Религии, кои называются Христианско-Нравственными.

Известно, по собранным под рукою наблюдениям, что члены сего общества занимаются также алхимическими бреднями: как то отыскивание философического камня и деланием золота. Заглавия книг, оставшихся после смерти г. Степанова, подтверждают как сие, так и то, что помянутое общество есть продолжение Мартинизма, или так называемой Новиковской секты.

Бумаги, оставшиеся после смерти г. Степанова, могут конечно заслуживать внимания, если оные сохранены в целости и не разошлись уже по рукам.

Должно также заметить, что не 8—9 человек, как говорит Кн. Голицын, составили сие общество, но что более 20-ти уже членов известны Правительству.

Реестр вещам, найденным при открытии сундука // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 184. — [Т. XII].

9

РЕЕСТР ВЕЩАМ*, НАЙДЕННЫМ ПРИ ОТКРЫТИИ СУНДУКА

1. Старый и Новый завет с каменьями и оправою.

2. Книга Моисеева бытия.

3. Библия.

4. Акт, данный от Гагарина, на принятие Грейга.

5. Акт на открытие Ложи.

6. Разного достоинства знаков, на разных лентах числом 24.

7. Маленьких лопаточек и прочих знаков 76.

8. Разных одежд числом 25.

9. Кисти, галун, бахрама и подушка.

10. Печать и три молотка.

11. В двух папках бумаги из библиотеки Головина: в первой 53, а во второй 24 номера. № 1.

12. Закон и Акты ложи в пяти книгах и при них тетрадь: Устав свободных каменщиков, из библиотеки Фон-Визина. № 2.

13. Из бумаг, принадлежащих Шатрову, тетрадей — 23. № 3.

14. Десять книг по назначенному реестру из библиотеки Фон-Визина.

Генерал от кавалерии Князь Голицын

Список о лицах, обративших на себя замечания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 176—181. — [Т. XII].

6

СПИСОК О ЛИЦАХ, ОБРАТИВШИХ НА СЕБЯ ЗАМЕЧАНИЯ

(Декабрь 1827 г.)

1) ШАТРОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, коллежский советник.

Происхождением из крепостных людей помещика Матюшкина, первоначально был управляющим у графа Зотова, с которым дурно расстался. Потом управлял имением девицы Анны Петровны Татищевой, с которою прижил двух сыновей и дочь. Старший сын, принявший фамилию Соломарецкого, служит унтер-офицером в 8-м Егерском полку и наследовал по смерти г-жи Татищевой 227-мью душами, которыми до сего времени управлял отец его Шатров, но в недавнем времени взяты под казенный присмотр. Дочь Марья также получила в наследство после той же Татищевой 30 т. руб.; ныне замужем; меньшой сын умер. Шатров в 1813 г. служил в Московской удельной конторе, куда поступил около 1798 г., где производим был чинами и получил Владимирский крест, как сказывают, старанием и домогательством служащего и поныне в Медико-хирургической Академии ученого секретаря Маслова, с которым в большой связи. Из Удельной конторы уволен в 1818 году и получил аттестат, присланный из

департамента уделов, с коего копии при деле нет, да из прошения его об увольнении не видна служба его. Из Конторы поступил на службу в Медико-хирургическую Академию в должность эконома, но по замеченному, как говорят, его лихоимству до 15 т. руб. простиравшемуся, оттуда удален, с тех пор и дальше занимается иногда стряпческими делами, а по большей части ведет жизнь праздную. В 1816 г. женился на распутной девке, с которой живет не весьма согласно, по нетрезвому поведению ее. Отроду ему лет за 60; слывет человеком неглупым, ученым и был даже в свое время сочинителем, но проныра и сутяга; вообще отзывы о нем не всегда выгодны; знакомство имеет весьма довольно обширное, а наипаче часто видится с лицами из числа в списке

наименованными, которые по понедельникам, у него отобедав, обыкновенно отправляются на вечер к Головину или Поздееву, откуда Шатров возвращается всегда часу во 2-м ночи. В обхождении весел и шутлив, не откажется выпить и в карты поиграть. Но как слышно, все что имел прожил, кроме каменного дома в Хамовнической части, купленного на имя жены его, в котором живет и поныне, но когда жена лишнее выпьет, то выгоняет его из дома.

2) ПОЗДЕЕВ АЛЕКСЕЙ ОСИПОВИЧ, отставной Флота капитан-лейтенант.

Человек лет 40, холостой, поведения и нравственности отличной, жизнь ведет скромную и умеренную, живет в доме матери своей Покровской ч. под № 1-м. К нему съезжаются все здесь поименованные лица — полагают, что у него была Масонская ложа; ибо дед и отец его были масоны и имели у себя в доме ложу. Отец его почитался так сказать Патриархом Мартинистов, да и сам дом их построен по фасаде еврейских синагог, или называемых Притвором Храма Соломонова. С недавнего времени съезды сии прекратились, а особливо с приезда сюда из С. Петербурга Гвардейского генерал-майора Головина, родного брата Головина, в сем списке значущегося. Состояние имеет хорошее.

3) ОКУНЬКОВ ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ, губернский секретарь. По слухам казначей общества.

Из дворян, сын бывшего уездного стряпчего, служил в 1-м департаменте Московской гражданской палаты, ныне в отставке. Имел душ 30 не в далеком расположении от Москвы, но до женитьбы продал и прожил. Был женат на вдове Статской советнице Павловой, которая умерла года четыре тому назад. По смерти ее получил 150 душ. Поддерживался картами и известен всегда был за страстного игрока, но с некоторого времени приметно от игры удаляется, как сказывают, по советам Головина и Поздеева, с которыми в большой связи и часто видится. В недавнем времени получил от Головина заимообразно 5 т. руб. для расплаты долгов, в получении коих дал только расписку на простой бумаге. Определен опекуном вместе с г. Апухтиным над девицей Нарбековою, на которой имеет большое желание жениться, для получения ее имения. Впрочем, если не удастся, намерен ехать в Петербург и вступить в службу. От роду ему лет 30, не учен, нрава доброго, круг знакомств имеет хороший, но не знатной, в обращении довольно ловок, любезен, причем заметно однако ж несколько гордости, впрочем в историях никаких замечен не был. Вообще отзывы о нем различны, но более хороши, нежели дурны. Жительство имеет Новинской части в доме Васильевой под № 186-м.

4) КАМЫНИН ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ, статский советник.

Сын сенатора, службу начал с унтер-офицерского чина в царствование Государя Императора Павла, Лейб-Гвардии в Семеновском полку; из военной перешел в статскую службу и был Председателем Можайского уезда. Ныне имеет хорошее состояние, простирающееся за 1000 душ. Летнее время проживает в деревнях своих, а на зиму приезжает в Москву, знакомство имеет со всеми лучшими в Москве домами, живет не расточительно, но и не скупо, характера тихого, весьма склонен к благотворению и притом бережлив в домашней жизни, был женат Симоновского монастыря на воспитаннице, овдовел, и в другой раз женился, имеет семейство, двух дочерей выдал замуж, одну за Коровина, другую за Арсеньева. Носит Мальтийский крест, живет в своем доме Арбатской части на валу № 182-й.

5) АРСЕНЬЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, титулярный советник.

Сын отставного Действительного статского советника, продолжал первоначально службу военную, потом несколько времени по ученой части, ныне в отставке. Женат менее года на дочери Статского советника Камынина и живет в доме своего тестя. Поведения и нрава весьма хорошего — очень любим как родными, так и людьми своими, имеет трех братьев и престарелого отца, который прежде имел хорошее состояние, но прожил, отзывы о нем вообще весьма хорошие, за женою взял около 300 душ, лет еще молодых; жизнь ведет скромную и тихую, не играет и трезв.

Выезд и равно к нему приезд весьма ограничен, знакомство имеет с хорошими людьми, видится также, но редко, с лицами, поименованными в списке.

6) МАСЛОВ СТЕПАН АЛЕКСЕЕВИЧ, коллежский асессор и Доктор философии.

С давних лет служит в Медико-хирургической академии секретарем домашней канцелярии Вице-президента, член Математико-физического общества при Московском Университете. Холост, имеет хорошее состояние, заключающееся в двух домах и деньгах. Жалования получает более 2000 руб., но имеет другие виды и способы по должности своей. Говорят, что прежде был ревностный масон и теперь из опаснейших сочленов Общества. Знакомство имеет большое, но не знатное, часто бывает у Головина и Шатрова, и в короткой с ними связи. Человек не молодых лет, весьма ученый и умный, но хитрый и оборотливый; в домашней жизни порядочен, характера веселого, общие отзывы о нем двоякие. Живет в своем доме Сретенской части под № 545-м.

7) КРАСИЛЬНИКОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ, коллежский секретарь.

Происходит из духовного звания, сначала обучался в семинарии, а потом в Московском университете на казенном коште, где по экзамену получил звание Кандидата; ныне служит в университетской типографии и переименован в Коллежского секретаря, а сверх того управляет Глебовским подворьем, принадлежащим глазной больнице, полагают, что сие место получил по ходатайству старых масонов и сам состоит в их обществе. Человек лет 30-ти, скромный, умный и ученый, имеет небольшое состояние в наличных деньгах, холост, жизнь ведет умеренную, кроме сего еще учит детей, давая уроки по домам, и вообще пользуется хорошей репутациею. Живет городской части на Глебовском подворье.

8) ЗИЛОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, отставной штабс-капитан.

Из дворян, чинами происходил по военной службе, несколько лет находится в отставке, овдовел года полтора тому назад, женат был на девице Кашкиной, племяннице Сенатора Николая Евгеньевича Кашкина, взял за нею в приданое 500 душ, до женитьбы состояния почти никакого не имел, был от отца отделен. По смерти жены получил из имения 7-ю часть, достольную* часть жениного имения купил у своего шурина Кашкина, и третий месяц как поехал для вступления во владение оного в Нижегородскую губернию, откуда ожидают в Москву по первому зимнему пути. Отроду ему лет под 30. Поведения трезвого и скромного, нрава кроткого, любим всеми своими людьми и родственниками, особенно теткою его Прасковью Афанасьевною Зиловой, живущею в Москве, и с которой переписывается каждую почту. Прежде большею частию проживал в Москве и нанимал квартиру в доме Шатрова, в последний приезд из Петербурга останавливался в Кремле у Плац-адъютанта Маслова, с которым в большой связи и дружбе. Имеет знакомство не обширное, но с хорошими людьми, жизнь ведет трезвую и вообще отзывы о нем весьма хорошие. Отец его отставной майор, у которого еще четыре сына и одна дочь, живет в деревне Дмитровского уезда, где имеет 150 душ.

9) СИМЕОН ИОАНОВ, священник Церкви Воскресения, что в Борошах на Покровке.

Жизни хорошей и трезвой, по наружности показывает себя чрезмерно преданным религии, а особенно в служении. По уму своему уважаем многими особами, и даже своим начальством. Человек лет 50. Смелый, хитрый и предприимчивый, коренной масон, принадлежащий к

Обществу лиц здесь поименованных, с которыми находится в связи. Состояние его посредственное.

10) ГОЛОВИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, коллежский советник.

Правитель Московской конторы адресов, где продолжает службу со времени учреждения оной, лет пожилых, холост, нрава весьма тихого, скромного и скрытного, по Москве везде знаком, но имеет круг общества свой, с Шатровым в самой дружественной связи, часто у него обедает и,

отдохнув часа три, вместе отправляются к себе на вечер или к Поздееву. В назначенные дни по понедельникам съезжаются к нему на вечер поименованные в списке лица, которые все приметным образом имеют и оказывают ему особенное уважение и почтительность. Состояние имеет хорошее, жизнь ведет скромную и трезвую, склонен и всегда готов к подаянию и всепомоществованию бедным. Имеет брата к нему приезжавшего. По должности получает значительное жалование. Живет не пышно, и не скупо, занимает казенную квартиру в доме Конторы адресов в Тверской части под № 306-м.

11) СТЕПАНОВ РУФИЙ СИМОНОВИЧ, отставной Надворный советник.

Живет в одном доме с Поздеевым, старинный масон высшей степени, и член сего Общества, по старости худо видит глазами, а потому мало выезжает. Человек большого ума, нравственности и поведения чрезвычайно хороших, жизнь ведет тихую и предан религии, а в своем кругу почитается как бы за верховного; имеет Ярославской губернии в Рыбниковском уезде 200 душ.

12) ВЕКСТЕРН ЯКОВ ХРИСТОФОРОВИЧ, титулярный советник. Об оном особо донесено от 22-го сентября, № 187-й.

13) ФОН-ВИЗЕН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ, отставной из Свиты полковник.

Имеет большое родство и знакомство, давнишний масон, нрава крутого, злопамятного и непостоянного, а потому и не любим как родными, так и людьми своими. В числе преступников 14 декабря был взят в С. Петербург, но возвратился, а брат его сослан. Состояние у него до 2000 душ в разных губерниях. В сем Обществе не почитается за дальновидного человека, жена его была из фамилии Пущиных и скончалась, когда он был взят в С. Петербург. Живет в своем доме Мясницкой части, под № 322-м.

14) ДОЛГОРУКИЙ Князь НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, отставной Гвардии поручик.

Человек лет 60, имеет до 5000 душ и хороший капитал; живет уединенно, приезду к нему мало и сам редко выезжает, с поименованными здесь лицами в связи и состоит в их Обществе, которому дает деньги, понимая оное за благотворительное, а сущности оного не знает, родной дядя супруги князя Долгорукого, Управляющего ныне Министерством Юстиции. На сие трехлетие избран депутатом в Московское Дворянское Собрание.

Живет в собственном доме Мещанской части под № 135.

15) ДОЛГОРУКИЙ Князь АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ, действительный статский советник и Камер-граф.

Человек лет 45-ти, нрава строптивого, состояние его до 400 душ, но крайне расстроено от множества долгу, коренной масон, полагают, что ведет переписку с Обществом Симбирской Ложи, которой, говорят, Гран-Метр Князь Баратаев тамошний губернский предводитель; служил в Экспедиции Кремлевского строения, ныне в отставке, родной брат супруги Голенищева-Кутузова, в сем списке значущегося. Живет Тверской части в доме под № 184.

16) Вместо названного в прежнем списке ошибочно ЛАНСКОГО — ЛУТКОВСКИЙ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, отставной Титулярный советник.

МИХАЙЛОВИЧ, отставной Титулярный советник.

Человек добрый, смирный и умный, друг Зилову, в сем списке значущемуся, с которым жили вместе на квартире в доме Шатрова. Сказывают, что по его убеждению вступил и в сочлены Общества. Служил у Министра Иностранных Дел, имеет 150 душ в тверской губернии. Живет в Тверской части в доме под № 329-м.

17) ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ, тайный советник.

Имел должности: Сенатора и Попечителя Московского учебного округа. Из сенаторов оставлен* за неправое решение какого-то дела, которое он говорит будто не читавши подписал. А от Университета за слабое смотрение, но многие полагают сие за политику, а думают, что настоящая причина, за открытие будто у себя в доме Масонской ложи, в которую предполагал вовлечь некоторое юношество. Ныне о сей ложе не слышно, вероятно уже не существует. Вообще же почитается за г-на беспечного и не деятельного ибо расстроив небогатое свое состояние, имеет много долгу, потерял к себе доверие и уважение, живет больше обманом, занимая деньги и не платя их, г-н не имеющий никакого характера и ничего священного. Ныне по воскресеньям съезжаются к нему на вечера разные лица более для коммерческих игр. Женат на родной сестре Князя Алексея Ивановича Долгорукого, в сем списке значущегося. Санкт-Петербургский же г. Военный Генерал-губернатор Голенищев-Кутузов двоюродный ему брат.

Живет Яузской ч. в собственном дому № 207.

18) МАСЛОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, штабс-капитан и Плац-адъютант.

Служил в Тарутинском пехотном полку, из которого поступил в Плац-адъютанты, от роду ему лет 30. Холостой, жизнь ведет умеренную и скромную.

Нравственности и поведения очень хорошего, состояния не богатого, живет в Кремле. Два брата у него офицерами в учебном Карабинерском полку в Москве. Отец Статский советник, коренной масон, по убеждению которого и сей сын вошел в связь с Обществом, а особливо с отставным полковником Любимовым, бывшим командиром Тарутинского полка, который по происшествии 14-го декабря был требован в С. Петербург, но возвратился.

19) ГРАВЕ ФЕДОР ПАВЛОВИЧ, надворный советник.

Об нем особливо донесено от 22-го сентября под № 187 и от 21 октября под № 212-м.

20) ТОЛСТОЙ Граф МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ.

Женившись на девке своей, живет в симбирских своих вотчинах.

21) КАЛАЙДОВИЧ ИВАН ФЕДОРОВИЧ, коллежский асессор.

Учитель русского языка при университетском Московском Благородном Пансионе. Лет 30 от роду, из дворян, холостой, состояние имеет от службы и уроков по домам, насчет нравственности и поведения пользуется весьма хорошею репутациею, принадлежит к симу Обществу; в недавнем времени ездил в С. Петербург и был у всех тамошних сочленов, как-то Нечаева, поступившего в собственную Его Величества Канцелярию из чиновников особых поручений Московского Военного Генерал-губернатора, и у графа Вельегорского, служащего при Дворе, и прочих неизвестных. Почему многие полагают, что здешние сочлены, имея с ним скрытную переписку, узнают обо всем до них касающимся и даже, говорят, уведомлены и о требовании сих списков.

Калайдович еще в большей связи с г. Курбатовым, директором Московского Университетского Благородного Пансиона, который был предан правилам Новикова, сосланного в Сибирь за мартинизм и почитается его последователем. Живет Сущевской ч. в доме № 477-м.

Голицын Д. В. Из рапорта московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына графу А. Х. Бенкендорфу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 185. — [Т. XII].

11

ИЗ РАПОРТА МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА КНЯЗЯ Д. В. ГОЛИЦЫНА ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

12 марта 1833 г.

Секретно

По дошедшим до меня сведениям, что в городе Коломне у тамошнего купца МЕЩАНИНОВА в доме на дворе в особом покое есть МАСОНСКАЯ ЛОЖА, в коей он при собрании себе подобных читает мистические книги, — поручено было мною в подтверждение истины сего произвести на месте находящемуся при мне по особым поручениям полковнику князю Голицыну строжайшее исследование. Из донесения его по сему следствию оказалось, что в квартире означенного Мещанинова имеется в шкафах большое количество книг, из числа коих найдены весьма сомнительными, почему оные и отобраны, а сверх сего между вещами найдено наставительно письмо Иеромонаха Моисея и две тетради с стихами в духе и знаками масонов, а в зади двора, в саду, действительно устроен небольшой жилой покой, в коем он занимается чтением книг. Начало сего заведения, по разведыванию открылось, учреждено было Иеромонахом Моисеем.

Для лучшего обсуждения дела сего, представленные ко мне книги и разные тетради я препровождаю в Секретный Совещательный Комитет, учрежденный здесь по делам, раскольников и коломенскому городничему предписал наблюдать, чтобы у купца Мещанинова как в особо устроенной комнате, так равно и нигде никаких сборищ для чтения книг не было.

Ныне Секретный Совещательный Комитет по рассмотрении сих книг положил (...) так как в числе оных есть запрещенные Указом Святейшего Синода 1825 г. мая 11 дня, то сообразно с оным запечатав и сделав надпись поручил Преосвещенному Епископу Николаю хранить их в приличном месте (...) Прочие же книги и тетради, как не содержащие ничего, что может иметь вредное влияние на веру, нравственность и общественный порядок, возвратить по принадлежности с строжайшим запрещением иметь тайные сборища, а его самого поручить наблюдению.

Голицын

Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х — начало 30-х гг. XIX в.) / Публ. [и вступ. ст.] В. Е. Корнеева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 171—186. — [Т. XII].

Волков А. А. Донесение генерал-лейтенанта А. А. Волкова графу А. Х. Бенкендорфу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 172. — [Т. XII].

1

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. А. ВОЛКОВА ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

5 декабря 1827 г.

На прошедшей неделе имел я честь препроводить Вашему Превосходительству список особ

На прошедшей неделе имел я честь препроводить Вашему Превосходительству список особо, обративших на себя замечание по случаю их в домах Шатрова, Поздеева, Головина и прочих.

Причиною некоторого замедления моего в доставлении сего списка было желание мое проникнуть в самое средоточие и цель сего общества. Дабы успешнее достигнуть оного, убедил я вступить в члены общества г. надворного советника Павла Алексеевича Милюкова, служащего в Комитете для обревизования Комиссии строения Храма Человека, со стороны качеств его и скромности, мне известного, коего некоторые из сочленов приглашали уже к себе и прежде, но он от них уклонялся; а теперь, действуя по условленному со мною плану, находится наряду их в числе членов же, и ездит в те же дома, где собрания их бывают. Посредством чего имею я теперь с большею возможностью делать свои наблюдения, и посредством же сего почерпнул я большую часть сведений о цели и основаниях общества, как донес я Вашему Превосходительству, и что теперь оно, в начале своем, главного намерения еще не обнаруживает, но завлекая к себе отличных свойств людей, делает им некоторые приготовительные испытания, занимая чтением книг, близких к образу мыслей их.

А как члены общества имеют во мне опасение, и г. Милюкова при вступлении его спрашивали, не знаком ли он со мною; то дабы тайну сию не сделать общею со списком помянутых лиц и скрыть ее в совершенной непроницаемости, я не мог лучше, по мнению моему, придумать ничего, как передать ее Вашему Превосходительству письмом сим особо.

Волков

Список особам, взятым на замечание по тайным их сборищам // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 172—173. — [Т. XII].

2

СПИСОК ОСОБАМ, ВЗЯТЫМ НА ЗАМЕЧАНИЕ ПО ТАЙНЫМ ИХ СБОРИЩАМ

№

Кто именно

1

2

1.

2.

3.

4.

5.

Шатров Николай Михайлович, коллеж. совет.

Поздеев Алексей Осипов.

Окуньков Федор Васильев.

Камынин Василий Дмитриев.

Арсеньев Сергей Николаев.

Граф А. Х. Бенкендорф

1

2

6.
7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16.

17.

18.

19.

20.

Маслов Степан Алексеев.

Красильников Петр Иванов.

Зилов Алексей Михаил.

Семен Иоанов., священник Воскресения в Борошах

Головин Николай Александр., коллеж. советн.

Степанов Руфий Симонов.

Венстер Яков Христофор.

Фон-Визен Иван Александр.

Долгорукий — князь Николай Сергеев.

Долгорукий — князь Алексей Иванов.

Ланской Сергей Степанов.

Голенищев-Кутузов Пав. Ива.

Маслов Андрей Иванов.

Граве Федор Яковлев.

Толстой — граф Михаил Степан.

Генерал-майор Волков

Голицын Д. В. Рапорт московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына Николаю I // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 183. — [Т. XII].

8

РАПОРТ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА КНЯЗЯ Д. В. ГОЛИЦЫНА НИКОЛАЮ I

Светлейший Князь Д. В. Голицын

Вследствие ВЫСОЧАЙШЕГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления, имея счастие представить при сем при реестре в трех ящиках отобранные от Головина, Фон-Визина и Шатрова бумаги, назначенные книги и разные знаки Масонской ложи, всеподаннейше доношу, что кроме сих знаков оставлены в Москве еще другие вещи, как-то: сундук с одеждой церковной и ящики с подсвечниками, платьем и шкелетом, которые по почте отправить неудобно. А как по рассмотрению всех оставленных здесь ящиков видно, что оные с тех пор, когда была закрыта ложа не были открываемы и все вещи от долговременного лежания почти совершенно испортились и ничего в себе особенного не заключают: то по сему и смею испрашивать Высочайшего Вашего Величества повеления: отправить ли их в Санкт-Петербург или уничтожить здесь в Москве.

16-го апреля 1828 г. Москва

Генерал от кавалерии Князь Голицын

Волков А. А. Рапорт генерал-лейтенанта А. А. Волкова графу А. Х. Бенкендорфу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 186. — [Т. XII].

12

РАПОРТ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. А. ВОЛКОВА ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

10 июня 1833 г.

Во исполнение предписания Вашего Высокопревосходительства от 5 мая под № 2402 о существующем обществе Масонов в Москве в доме Поздеева — по тщательному моему секретному разведанию получил я следующие сведения.

Отставной капитан-лейтенант Алексей Осипович Поздеев почитается точно приверженцем секты Мартинистов, или последователем так называемой Лопухинской и Новиковской, правила сии принял от покойного отца его, который до 1812 года сказывают был патриархом их общества. При первом слухе о бывшем 14 декабря 1825 (года) возмущении в С. Петербурге Поздеев ежечасно ждал к себе появления полиции: весь дом был в великом смятении и все было готово к отъезду их Москвы; но ничего не последовало. Ныне ездят к нему в дом, всегда после обеда

отъезду их Москвы, но ничего не последовало. Ныне ездят к нему в дом, всегда после обеда, почитаемые членами его собрания (...) В чем их бывают занятия неизвестно, но пирушек, пения и других забав незаметно (...)

А. Волков

Публикация В. Е. КОРНЕЕВА

Бенкендорф А. Х. Предписание графа А. Х. Бенкендорфа генерал-лейтенанту А. А. Волкову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 174. — [Т. XII].

3

ПРЕДПИСАНИЕ ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ А. А. ВОЛКОВУ

10 сентября 1827 г.

Полученное(ые?) от Вашего Превосходительства донесения о собраниях в домах гг. Головина, Шатрова и Поздеева, прикрываемых некоторой тайной, и о лицах, съезды сии составляющих, имел я возможность представлять Государю Императору

Его Императорскому Величеству угодно, дабы на сии скопища обращено было самое бдительное внимание.

Поручаю Вашему Превосходительству исполнение по высочайшему повелению и прошу вас:

1) Прислать мне самую подробную характеристику и биографии всех особ в представленном списке поименованных: их прежнюю службу, настоящее занятие и политический и нравственный образ жизни и поведения их.

2) Уведомить меня, не брат ли помянутый вами коллежский советник Николай Александрович Головин находящемуся в Петербурге в Гвардейском корпусе генерал-майору Головину.

3) Обратить особое ваше наблюдение на Федора Яковлевича Граве и Якова Христофоровича Венстера и известить меня подробно о всем, что вы о сих лицах узнать можете.

А. Бенкендорф

Персидское посольство 1829 г.

Бойко С. А.,Давыдов Б. Б., Сидорова М. В. Персидское посольство 1829 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 187—188. — [Т. XII].

Прибытие чрезвычайного персидского посольства в Россию было связано с убийством в январе 1829 г. русского посла в Тегеране А. С. Грибоедова и членов русской миссии. Поскольку трагедия произошла вскоре после заключения Туркманчайского мирного договора, то Николай I посчитал достаточным, чтобы персидский шах Фетх-Али принес официальные извинения через одного из своих принцев. Было снаряжено посольство, состоявшее из 14 официальных лиц и 28 служителей. Возглавлял его любимый внук шаха, шестнадцатилетний наследный принц Хозрев-Мирза, занимавший пост статс-секретаря по внешним сношениям.

Посольство отправилось в путь в начале мая 1829 г. с тем, чтобы достичь Петербурга в конце июля. От Тифлиса до Новгорода посольство сопровождал генерал-майор П. Я. Ренненкампф с

июля. От Тифлиса до Новгорода посольство сопровождал генерал-майор Н. Я. Ренненкампф с тремя переводчиками, фельдъегерями и прислугой. От Новгорода до Петербурга и во время пребывания в столице к ним присоединился граф П. П. Сухтелен. Им обоим предписывалось вести секретные журналы и ежедневно доносить в Петербург о каждом шаге персидского принца.

Путь гостей пролегал через Владикавказ, Екатеринодар, Новочеркасск, Воронеж, Москву, и везде принца поражало радушие и гостеприимство, с которым его принимали. Ренненкампфу он как-то признался, что "не почитает себя заслуживающим сего, а воздаваемые ему почести превосходят ожидания". Но советники посла часто были недовольны церемониалами встреч.

Хозрев-Мирза с большим вниманием осматривал достопримечательности, интересовался благоустройством городов, наносил визиты местной знати.

В Москве помимо Кремлевского дворца, Оружейной палаты, Большого театра он посетил Университет, кадетский корпус, архив коллегии иностранных дел и т. д. Кульминацией был визит к матери А. С. Грибоедова, у которой Хозрев-Мирза просил прощения за смерть сына от имени своего народа.

После Москвы принц выехал в Новгород, куда он был приглашен императором Николаем I для осмотра военных поселений. Доступ в военные поселения был закрыт для путешественников. Исключения делались только для членов королевских фамилий, послов, известных представителей иностранных государств.

После двухдневного пребывания в Новгороде, посольство выехало в Петербург. Остановившись в Царском Селе и Петергофе, послы обсудили подробности торжественной аудиенции в Зимнем Дворце. Местом пребывания принца был выбран Таврическй дворец, причем доступ публики для прогулок по саду дворца был разрешен по настоятельному требованию Хозрев-Мирзы.

Подробности пребывания принца Хозрев-Мирзы в Петербурге, включая торжественную аудиенцию, отражены в бумагах Сухтелена, опубликованных в первом номере "Русского Архива" за 1889 г.

Настоящая публикация состоит из трех частей. I — выписки из секретного журнала Ренненкампфа, церемониалы встреч персидского посольства (РГВИА), II — документы III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (ГАРФ), III — документы из фонда московского градоначальника (ЦГИАМ). При публикации сохранена орфография подлинников, в том числе и неправильное написание фамилий, вышедшие из употребления буквы и буквосочетания заменены на современные.

[Выписки из секретного журнала Ренненкампфа, церемониалы встреч персидского посольства] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 188—211. — [Т. XII].

I

1

ВЫПИСКА ИЗ СЕКРЕТНОГО ЖУРНАЛА1 ПОЕЗДКИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ХОСРОВ-МИРЗЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ с 31-го МАЯ по 5-ое ИЮНЯ

С 29-го числа по 31-ое все приготовления, то есть 12 экипажей и 20 повозок с 7-ю дневными запасами и провизией, были готовы к дальнейшему следованию Его Высочества, и время отправления назначено 1-го июня, но по просьбе Его Высочества и Его свиты было отложено оно до 2-го числа. Вся Миссия, прибыв в Кре(пость), Владикавказ, на другой день воспользовались приготовленными для нее банями, накануне большого праздника (Курбан-

Байрам2) и начали заниматься распоряжениями, для них довольно затруднительными, раскидывать их вьюки по повозкам и распределять экипажи. 31-го числа было положено непременно 1-го июня отправить обратно в Тифлис 30 человек из свиты Его Высочества со сто лошадьми и катерами. Я дал было уже инструкцию поручику Мизоеву для сопровождения оных людей до Тифлиса, как вдруг вечером того же дня доносит упомянутый офицер, что персияне отложили еще на день отправление.

Несмотря на все старания мои представить им необходимость отправить оных людей с лошадьми

непременно в назначенный срок и убедить их, что сею переменою все уже сделанные распоряжения здешнего начальства должны измениться, не могли они решиться уступить просьбе моей и не каким образом не хотели понять, что учрежденный порядок конвоирования не может для них измениться.

Всякий раз, когда я находил необходимость их убедить в чем-либо и представлял на то свои причины и доводы, то получал в ответ, что если я намерен с ними обходиться как с пленными, тогда более противоречить они не будут. Его Высочество всегда ссылается на мнение Емируль Низама3, а сей говорит, что всякое решение не от него зависит, а от Его Высочества. Все сии затруднения и препятствия происходят от секретного влияния и действий двух лиц, которые по наружности показывают, что не имеют в делах никакого участия, а в самом деле суть главные пружины всего происходящего. Сии особы суть не столько Мирза Сале4, как более Мирза Баба, находящийся в качестве доктора Его Высочества.

Июня 1-го несмотря на то, что все уже было приготовлено мною к отправлению лошадей и катеров при 30 служителях обратно в Тифлис, персияне под разными предлогами все еще откладывали оное, по всему видно было, что они хотели дождаться в Владикавказе известия из Табриза. Между тем формально мне отвечали, что я могу быть на сей счет совершенно покоен и что 1-му или 2-му часу непременно людей своих отправят. Вследствие чего и распоряжения, как то заготовления припасов и конвой, были мною приготовлены. Но когда наступили назначенные минуты, то ничто не могло убедить Принца отправить людей своих, равно как решиться надлежащим образом заняться приготовлением к нашему. На другой день отъезда с моей стороны самые побудительные причины заставляли меня стараться всеми мерами согласить Принца к скорейшему выезду из Владикавказа, ибо полученные мною чрез г. Тифлисского военного губернатора разные на имя Персидской миссии бумаги, не прежде мог я по содержанию их вручить чиновникам оной, как по отправлении свиты и лошадей Его обратно в Тифлис, чрез что успел бы я лишить их всех средств к дальнейшей проволочке касательно нашего отъезда из сего места.

Военно-грузинская дорога. 1830 год

Июня 2-го целую почти ночь с 1-го по 2-е число провел я в новых спорах с персиянами и насилу успел склонить их наконец мое желание. Таким образом в 8-мь часов утра выехали мы из Владикавказа, а свита Его Высочества в обратный путь к Тифлису. Владикавказский комендант генерал-майор Скварцов5, желавший по своей обязанности проводить Принца до своей границы, при самом выезде их города имев несчастье вывихнуть себе ногу, поручил подполковнику Огареву сопутствовать Его Высочеству до Ордона6, куда и прибыли мы в 7-м часу пополудни без всякого малейшего происшествия.

Июня 3-го из Ордона по принятии рапортов караульного офицера, ординарцев и вестовых Его Высочество изволил выехать в 6-ть часов утра с конвоем, состоящим из 40 человек при двух орудиях и 60 казаков. На дороге я имел честь доставить Его Высочеству письмо от Персидского с 184 червонцами и двумя посылками, присланными ко мне за 4 дня из Тифлиса от г. Тифлисского военного губернатора. Чтение сих писем сократило им довольно долгий и медленный переход. На половине дороги на привале встретивший нас Акстафова казачий полк отдал Его высочеству все почести, приличные Его сану. На известном опасном месте между Кабардинскими горами прибыл навстречу 40 Егерского полка майор Вагин с еще с одним

Кабардинскими горами прибыл навстречу 40 Егерского полка маиор Вегенд еще с одним орудием и 40 казаками и проводил Его Высочество до того места, где до 300-т кабардинцев под начальством полковника Кучука Джанхотова7, 40 кабардинских князей, богато вооруженных и на отличных конях представились Его высочеству, коим и были ласково они приняты. В 5 часу прибыл Хосров Мирза благополучно в Оружский редут8.

Июня 4-го Его Высочество принял ординарцев и вестовых, выехал довольно рано из Оружского редута; дорогою не мог он удержаться, чтобы не объявить мне секретно свою благодарность за то, что моею настойчивостью заставил я Емируль Низама решиться спорее выехать из Владикавказа, причем приказал уверить меня, что упорство и упрямство, обнаруживающиеся иногда в Его поступках, не суть ему свойственны и что, поневоле будучи принужден внимать советам Емируль Низама, должен он скрывать истинные свои намерения и желания, которые всегда бывают согласны с делаемыми ему предложениями. Из сего вышесказанного можно видеть, что между Хосров Мирзою и Емеруль Низамом в некоторых случаях не существует истинного согласия, поелику он сам жалуется, что часто принужден бывает выдумывать разного рода препятствия нашим предложениям и что Емируль Низам несправедливо возлагает всегда всю вину на него, будучи сам главною всему причиною. В пятом часу пополудни прибыли мы в Екатериноград, где пред квартирою Его Высочества дожидались Его все военные и гражданские чиновники, рота 39 Егерского полка со знаменем в карауле. 5-го числа назначен роздых в Екатериноградe.

С подлинным верно: 9-го класса Шаунбург9

2

ВЫПИСКА ИЗ СЕКРЕТНОГО ЖУРНАЛА ПОЕЗДКИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ХЕСРОФ МИРЗЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ с 5-го по 13-е ЧИСЛО ИЮНЯ

Июня 5-го Его Высочество имел роздых в Екатериноградe, где воспользовавшись со всею своею свитою приготовленною для него банею, изволил принять начальников карантина и таможни и расспрашивал их с большим вниманием об учреждении и порядке сих заведений. Июня 6-го, выехав из Екатеринограда, в начале 3-го часа пополудни прибыл благополучно в Георгиевск. На дороге кроме ломки в некоторых экипажах по вине ямщиков, не умевших ездить, не случилось никакого особенного происшествия. Пред домом, назначенном для Его Высочества, целая рота со знаменем при прибытии Его находилась в карауле. Кроме Мирзы Бабы все были довольны своими квартирами. Весьма очевидно, что сей человек, имеющий большое влияние на всю Миссию, выискивает всевозможные случаи быть недовольным, и тем старается препятствовать дальнейшему нашему следованию. Причины сих его поступков суть врожденный вздорливый его характер и некоторые другие тайные побуждения, коих источник, кроме тесной связи с англичанами в Тебризе, не мог я еще открыть надлежащим образом; но достоверно только то, что Емируль Низам, коему вверены все дела Миссии, слушаясь во всем его советов, не может препятствовать его интригам в пользу Английской миссии по той причине, что в случае его сопротивления дает он Ему чувствовать, что будет смещен он с своего места Юсуф Ханом Тобчи Башею, бывшим до персидской войны пограничным в Карадаге начальником.

Июня 7-го Его высочество, оставив некоторых из чиновников и служителей из своей свиты в Георгиевске, отправился на Горячие минеральные воды. Дорогою Персидская миссия несколько раз беспокоилась, как и где встретит ее генерал Эмануель10, и имела даже намерение возвратиться обратно в Георгиевск. Емируль Низам долго не мог согласиться ехать далее, даже и в то время, когда за заставою явился на встречу комендант и донес, что командующий войсками на линии г. генерал от кавалерии Эмануель ожидает Его Высочество и примет Его на крыльце Его квартиры со всеми почестями военными и гражданскими чиновниками, в числе коих были генерал-лейтенанты Ольдекоп и Турчанинов11, генерал-майоры Байков и Луковкин12 1-й, Астраханский гражданский губернатор, действительный статский советник Осипов13; но когда я представил Персидской миссии, что сия поездка на воды, куда приезд Его Высочества был

неожидан и неообычен, означен в маршруте, данным г. главнокомандующим, уклонилась в сторону от намеченного пути им, и была предпринята единственно по собственному их желанию, то приняв сие в соображение, и решились они выехать в город. Несмотря на сие, после приема, сделанного генералом Эмануелем Его Высочеству, объявил мне Емируль Низам чрез Мирзу-Масуда14, что сей прием не соответствовал установленному в Туркменчайском мирном трактате15 церемониалу, ибо в оном упоминается, что все первейшие особы, кроме принцев крови, со всеми почетными лицами обязаны встречать Его Высочество при въезде в город или место, в котором они находятся, а не ожидать Принца в Его доме. Его Высочество же лично объявил мне, что поелику сей поступок учинили с ним неравные ему, а низшие, которые обыкновенно всегда стараются пред старшими себя выказать свое достоинство и значительность, то он нимало сим не обижается. Сие заставило меня напомнить ему, что причину поездки его в Санкт-Петербург нельзя было предвидеть в Туркменчайском мирном трактате, и посему она требует еще некоторых доказательств на то право, которое они себе иметь желают. По оказании Его Высочеству всех военных почестей, приличных Его сану, генерал Эмануель пригласил его на большой обед, приготовленный в доме Его Высочества, за которым было провозглашено здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Его Величества шаха, Наследника престола и Его высочества. На другой день пользовался он здешними минеральными ваннами, после чего Его высокопревосходительство показал ему все места, достойные примечания, а вечером дал Ему бал, на который были приглашены все посетители минеральных вод, в числе коих находилась и Владетельница калмыцкого народа Султанша Джеджини Хипчикова. Во время самого бала генерал Эмануель сообщил Его высочеству приятное известие о благополучном разрешении его супруги от бремени сыном, коему в ознаменование сего дня даны имена Николая и Хосрова.

Июня 9-го Его Высочество отправился с некоторыми из своей свиты на Кислые воды. Местоположение, устройство и самые источники оных вод столько Ему понравились, что по возвращении своем объявил он, что день, проведенный им на Кислых водах, всегда будет он вспоминать с удовольствием.

Июня 10-го возвратился Хосров Мирза обратно на Горячие воды, где генерал Эмануель показал Его Высочеству все начертанные архитектором Бернодаци16 планы, по которым предполагается украсить город Тепловодск и построить новые ванны и казенные здания на всех здешних минеральных водах. Его Высочество с большим вниманием рассматривал оные планы, входил в малейшие подробности и, расспрашивая оценки издержек сих строений, изъявил желание увидеть на другой день и железные воды. Генерал Эмануель, желая предупредить все желания Принца и употребляя все свое старание сделать пребывание Его на водах сколь возможно приятнее, принял с удовольствием его предложение. После обеда по просьбе Принца повел он его в покои своей супруги и показал ему новорожденного; по выходе из комнаты генерал Эмануель пригласил Его Высочество к себе на семейный вечер, на котором дочери Его высокопревосходительства показали Ему русский национальный и с шалями танцы, а г-жа Всеволожская17 доставила Ему немалое удовольствие приятным своим пением. Сей вечер, коим Его Высочество был чрезвычайно доволен, кончился балом.

Июня 11-го вследствие изъявленного накануне Его Высочеством желания, отправились мы в сопутствии генерала Эмануеля на железные воды, находящиеся в 15 верстах от Тепловодска. Осмотрев все ключи оные, Его Высочество принял приготовленный для него генералом Эмануелем завтрак и к вечеру возвратился обратно.

Июня 12-го снова пользовался Его Высочество ваннами теплых минеральных вод, после чего Его Высочество пожелал сам подняться пешком на высокую крутую гору Машук, куда и Его высокопревосходительство потрудился Ему сопутствовать. На самой вершине сей горы против ожидания Его Высочества была приготовлена нарочно каменная доска, на коей для воспоминания своего пребывания на Минеральных водах вырезал он собственноручно надпись с означением Его имени и года.

С подлинным верно: 9-го класса Шаунбург

ВЫПИСКА ИЗ СЕКРЕТНОГО ЖУРНАЛА ПОЕЗДКИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ХОСРОВ МИРЗЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ с 13-го по 24-е ИЮНЯ

13-го июня после публичного гуляния по бюлвару Тепловодска генерал Эмануель дал Его высочеству и Его свите прощальный вечер.

14-го июня Его высочество, изволив отзавтракать со всею своею свитою у генерала Эмануеля, отправился в Гергиевск, откуда на другой день

15-го июня прибыл в г. Александров, где встретились ему два полка 14-й дивизии — Тарутинский и Бородинский. По отдании сими полками всех следуемых почестей Его Высочеству, Емери Низам осматривал оные, пересчитывал ряды их и, удостоверившись наконец в действительном числе солдат, удивлялся отличному порядку и устройству, им найденным, что не оставил он заметить у себя на бумаге. Подъезжая к Ставрополю, Персидская миссия снова обнаружила беспокойство касательно приема ее в оном городе и, увидев по прибытии Его Высочества по-прежнему пред Его квартирою роту солдат со знаменем и дивизионного и бригадного командиров, равно как и губернатора со всеми почетными лицами на крыльце, сильно начала жаловаться, называя сие нарушением Мирного трактата, ибо в оном упоминается, что все губернаторы и почетнейшие в городе особы должны встретить Его Высочество и проводить его до квартиры, а не ожидать Его на крыльце оной.

Принц Аббас-Мирза

17-го июня. Назначен был роздых для починки экипажей. Поутру пред своей квартирой Его Высочество изволил осматривать 1-ю бригаду, а после обеда два егерские полка 14-й дивизии. В сей день передал я Персидской миссии полученные мною по почте бумаги из Табриза, которые произвели на ее приметное впечатление и разногласие, причина коих может быть объяснена тем, что Аббас Мирза18 в одном письме делает Хосров Мирзе строгий выговор за то, что он обо всех происшествиях неосторожно уведомил своего брата, чрез что распространил в Табризе такие известия, о коих он один бы только должен был иметь сведение.

Потом узнал я, что Емери Низам отказался от всех дипломатических дел и передал их Мирзе Масуду и Мирзе Сале, о чем он письменно донес Табризскому министерству, объявив, что он поступил таким образом по той причине, что последний знает хорошо европейские обычаи, а первый язык французский. Притом я заметил, что кроме Мирзы Сале и г. Семино19 никто по прочтении сих бумаг не осмелился приближаться к Принцу. Вечером в саду Его квартиры иллюминация и угощение, на коем кроме свиты Его Высочества никто более не был. На другой день рано утром выехал Его высочество из Ставрополя.

18-го июня. На второй и третей станциях встретил он две роты легкой артиллерии, назначенных в Грузию и удивлялся хорошему состоянию лошадей, на коих он обратил особенное свое внимание.

19-го июня. Прибыв в Средне-Егорлицкий карантин услышал от меня он с восхищением о двойной победе, одержанной русскими над неприятелем под главным начальством главнокомандующих под Шумлою графа Дибича и графа Паскевича Эриванского20 близ Ардагана, от коего в сию минуту проехал адъютант генерал-маиора Муравьева21 с сим известием к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ; но сие известие не имело подобного влияния на прочие лица Персидской миссии. В сие же время было мне объявлено от лица Емири Низама, что по случаю приближения месяца Мугаррелик22, в течение первых десяти дней коего все мусульмане обязаны для исполнения некоторых постановлений, предписанных им законом, оставаться на месте, должны они непременно оные 10 дней пробыть в Новочеркасске. Невзирая

на все мои представления о невозможности исполнить сие их желание, все они еще упорствовали, потом Мирза Масуд признался, что по поводу неудовольствия на них Аббас Мирзы им приказано сколь возможно более оставаться в дороге и в извинение медленности выставить сию причину. Истинная же причина сему есть та, что, не получив еще шахской грамоты, денег и одежды, думают они, что в сие время оные на дороге к ним прибудут; сие заставило меня всячески убедить их, что ожидаемые ими посылки не иначе как в Москве могут быть получены ими, отчего и сие ожидание их будет бесполезно.

20-го июня. По прибытии Его Высочества в Аксай генерал майор Власов23 встретил Его на переправе чрез Дон, которая была довольно затруднительна по причине его разлития. Во время сей переправы, несмотря на все выше представленные ими причины, успел я наконец склонить на то, чтобы они не останавливались в Новочеркасске с условием оставить их в покое на 8 дней в Воронеже, где они мне обещались праздновать торжественный день рождения ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Александры Федоровны, о чем я немедленно уведомил г. гражданского Воронежского губернатора, дабы учинил он надлежащее распоряжение. После сего Его Высочество изволил принимать у себя здешних почетных особ с их семействами, сделал некоторым из них подарки и, полагаясь на данное ему обещание приготовить в Новочеркасске для него бал, пригласил их на оный. Вечером генерал-маиор Власов отправился в Новочеркасск, чтобы приготовить на другой день Его Высочеству прием, согласный с ВЫСОЧАЙШЕ учрежденным в Туркменчайском мирном трактате церемониалом.

Июня 21-го дня. При въезде в город Новочеркасск комендант и почти все дворянство встретили у ворот Его Высочество. Наказный же атаман Донского казачьего войска с некоторыми генералами и другими почетными особами принял Его на крыльце Его квартиры, что снова столько огорчило Персидскую миссию, что несмотря на сделанные от города и со стороны дворянства приготовления, отказалась она принять предложенный ей бал и другие увеселения под предлогом начавшегося поста, в который мусульмане не должны дозволять себе никакого рода увеселения.

Июня 22-го дня. Вечером на другой день, отправившись в дальнейший путь, удалось мне довести Его Высочество со свитою Его до деревни Свиной, что на речке Калитве, где квартиры были довольно худы и тесны. Но Персидская миссия, увидев, что наместо ста верст, делаемых нами обыкновенно в сутки, проехали мы от Новочеркасска до сей деревни 180 верст, не хотела никоим образом принять мое предложение ехать еще далее и настоятельно потребовала от меня пробыть одни сутки в сей деревне, чтобы заменить то время, которое мы выиграли скорою ездою. Настоящую причину сей остановки полагаю я встречу супруги доктора Макниля, члена Английского посольства, следовавшей в Табриз, коей, вероятно, персияне обещали ожидать на пути супругу английского министра Макдональда24 и сопровождающего ее доктора Корника, долженствующих равномерно прибыть из Табриза в Санкт-Петербург.

С подлинным верно: 9-го класса Шаунбург

4

ВЫПИСКА ИЗ СЕКРЕТНОГО ЖУРНАЛА ПОЕЗДКИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ХОЗРОВ МИРЗЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ с 24 (ИЮНЯ) по 5 (ИЮЛЯ)

Июня 24. Таким образом, пробыв положенные сутки на сей станции, Персидская миссия в 6 часов пополудни отправилась далее и 25, на другой день около полдня прибыла к казанской переправе, которая совершена была довольно скоро и в надлежащем порядке. На Казанской станице Его Высочество и Емири Низам осматривали весьма красиво выстроенную каменную церковь. В 10-ть часов ночи проехал здесь фельдъегерь в Грузию и доставил ко мне письмо от Тайного советника Родофиникина25, в коем он уведомлял меня, что ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ угодно, чтобы Персидская миссия оставалась в Москве до возвращения Его из Тюльчина. Сие известие было совершенно согласно с ее желанием, ибо она и без того

намеревалась уже остановиться где-нибудь в городе для ожидания письма от Шаха и разных вещей, необходимых ей для приличного въезда в Санкт-Петербург.

Июня 26. В городе Павловске по принятии Его Высочеством ординарцев, вестовых и всех чиновников Городской голова поднес ему хлеб и соль; при сем случае я не оставил объяснить ему, что сие древнее обыкновение в России при принятии дорогих гостей ясно ему показывает, с каким душевным удовольствием и радушием русские его принимают.

Июня 27. На другой день имел Его Высочество ночлег в Можайске, откуда 28 июня прибыл в

Воронеж. При въезде в сей город г. губернатор Действительный статский советник Адеркас26 выехал навстречу Его Высочеству и поздравил его с благополучным приездом, проводил до квартиры, где представил ему все собравшееся в оной дворянство. Его Высочество, осмотрев все комнаты, убранные с отличным вкусом и рачительностью, г. губернатору изъявил чувствительнейшую благодарность. В сей день по причине продолжающегося еще у персиян траура, всякого рода увеселения и музыка не были дозволены.

Июня 29. На другой день Его Высочество пользовался банею, приготовленною для него в доме полковника Коптева и по выходе из оной посетил в саду хозяйку дома, которая предложила ему чай и легкий, состоящий из плодов, завтрак. После сего вице-губернатор пригласил к себе на большой обед всех чиновников Миссии, как персидских, так и русских, сопровождающих Его Высочество. В 6-ть часов вечера Его Высочество удостоил своим посещением экзамен в пансионе благородных девиц и сам изволил предлагать из географии некоторые вопросы. По окончании экзамена Его Высочество изъявил желание иметь у себя портреты всей ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии и по получении от меня оных принялся немедленно срисовывать портрет ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя и Цесаревича Константина Павловича.

Июня 30. Заметил я большое неудовольствие и несогласие между чиновниками персидскими, которые выбрали меня потом посредником между ими и Принцем. В сей день гражданский губернатор дал большой обед для всей Миссии, которая, приняв уже совершено нашу кухню, начинает признавать, что их повара вовсе не умеют ничего составить. Около полуночи Принц взошел в первый раз своей жизни в магазин разных товаров, довольно хорошо освещенный, и выбрал как для себя, так и для своей свиты, некоторые понравившиеся ему вещи, которые и не замедлил я предложить ему.

Июля 1. По окончании торжественного в здешнем соборе молебствия по случаю рождения ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ Александры Федоровны все дворянство снова представлялось Принцу. Его Высочество, будучи всем доволен таковою внимательностью и столь чистосердечным усердием, им во всех замеченными, не приминул изъявить г. губернатору и всем присутствующим свою благодарность; по принятии рапортов ординарцев и вестовых Его Высочество осматривал школу кантонистов, их покои и столовую, и потом в сопровождении многих дам изволил отправиться на обед в загородный сад помещика Тюльнева, коего прелестная супруга была не последним украшением.

Отсюда Его Высочество поехал посмотреть полевое учение и маневры кантонистов, он был восхищен их дисциплиною и верностию движений, расспрашивал в малейшей подробности об учении их и содержании и обещался в вознаграждение того удовольствия, которое они ему доставили, доложить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, сколь он был удивлен при осмотре их. Вечером город был иллюминирован и почти весь народ, собравшись пред домом Его Высочества, кричал ура всякий раз, когда он показывался на балконе, будучи душевно тронут сими знаками всеобщего к нему расположения, часто повторял он, что не почитает себя заслуживающим сего и что это превосходит все его ожидания. Бал в отлично убранной зале, украшенной еще более присутствием многих прелестных дам и некоторые насчет принца лестные для самолюбия замечания, довершили его восторг и удовольствие.

Июля 2. Интриги между персианами, по-видимому, стали увеличиваться. Его Высочество позвал некоторых своих служителей, чтобы посадить их под караул, и Мирза Таги, коему Принц приказал отрезать бороду, стоял уже пред ним, чтобы получить сие наказание, но я имел счастие помирить его с подчиненными. Его Высочество решился ничьих более кроме моего советов не слушать, пред обедом Его Высочество посещал госпитали и церкви, потом присутствовал на другом экзамене в пансионе Миклашевского, производившемся в собственной его квартире, и собственноручно раздавал награды отличившимся. По окончании экзамена Его Высочество отправился в театр посмотреть разные физические и химические опыты и фантасмагорию.

Июля 3. Его Высочество с некоторыми из своей свиты, им самим выбранными, выезжал верхом за город на охоту, откуда заехал к вице-губернатору, у коего в сей день обедала вся Миссия. Прогуливаясь довольно долго по саду при звуке музыки и песенников, пил чай и, принявши прибывшего из Москвы адъютанта Военного генерал-губернатора князя Голицына27, поручил ему поблагодарить Его Сиятельство за то отличное к нему внимание. В сие же самое время фельдъегерь, проехавший чрез Воронеж, доставил известие о второй победе28, одержанной над неприятелем под начальством графа Паскевича Эриванского, что чрезмерно обрадовало всю компанию.

Возвратившись на квартиру, Его Высочество нашел еще приготовленный для него экзамен третьего пансиона благородных девиц, на которых были читаны первые опыты в поэзии, предметом коих были прибытие Принца в Воронеж и великие подвиги храброго кавказского корпуса под начальством графа Паскевича Эриванского. Сей вечер кончился иллюминациею, народными песнями и разными забавами пред окнами Его Высочества.

Июля 4. По окончании всех приготовлений к дальнейшему нашему следованию все дворянство снова собралось в покоях Принца для изъявления ему сердечных его желаний благополучного пути. Его Высочество, поблагодарив всех чувствительнейшим образом за их желания, разослал ко многим разные подарки, простился и уехал. Но к величайшему своему удивлению, на первой станции находит он снова иллюминацию, некоторых воронежских дам и губернатора, ожидающих его на ужин, приготовленный в одном доме и в нескольких палатках. В продолжении сего ужина песни и живейшие изъявления радости собравшегося народа не умолкали до самого его отъезда.

Июля 5. Дорогою Миссия восхищалась прекрасными видами и изъявляла удивление, видя столь хорошо обработанные поля и зажиточное состояние жителей. Подъезжая к Ельцу, Его Высочество был встречен городничим, принял хлеб и соль, поднесенные ему жителями города и, пересевши в коляску предводителя дворянства, въехал в город при крике ура, из всех окон раздававшемся. На своей квартире изволил принять он дворянство и представителей купечества. После чего показался он на балконе собравшемуся пред его домом народу. Когда дворянство удалилось из квартиры Его Высочества, Емири Низам сказал, что он будет в Персии просить позволения не быть никогда свидетелем приема русского посланника, ибо прием, сделанный им в уездном городе России, никогда не может быть учинен в самых даже столицах Персии. Его Высочество сначала было отказался принять бал, приготовленный ему на другой день, имея намерение прибыть скорее в Тулу и Москву, но когда под вечер множество дам собралось видеть его перед его домом, то он изъявил сильное желание познакомиться с ними на предстоящем бале, о чем не оставил их уведомить.

С подлинным верно: 9-го класса Шаунбург

5

ЦЕРЕМОНИАЛ ВЪЕЗДА В МОСКВУ ПЕРСИДСКОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОСЛА ПРИНЦА ХОЗРЕВА-МИРЗЫ29

Из Подольска прибудет Принц со всею своею свитою в Коломенский Дворец, где, выходя из

дорожного своего экипажа, имеет быть встречен и приветствован краткою речью назначенным по ВЫСОЧАЙШЕЙ Воле для пребывания при нем Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА камергером действительным статским советником Булгаковым30; при чем поставленный на дворе караул отдаст Его Высочеству должную честь.

Когда Принц, войдя в приготовленные для него внутренние аппартаменты, скинет дорожное платье и примет некоторое отдохновение: то камергер Булгаков испросит приказания его, тотчас ли будет ему угодно продолжать путь в Москву, или же пожелает Его Высочество остаться в Коломенском для завтрака, или, смотря по времени, для обеденного стола? Из сего Дворца до

заставы Принц будет ехать в нарочно-высланной карете, запряженной осмериком и сопровождаемой конвоем конницы; свита же его отправится в тех же дорожных экипажах.

Стоящий у заставы караул отдаст Принцу должную честь; а г. Московский обер-полицмейстер31, подъехав верхом к его карете, поздравит его с благополучным прибытием в Москву и вручит ему рапорт; после чего Его Высочество пересядет в парадную карету. Все прочие главнейшие чиновники, составляющие свиту посольскую, также разместятся в приготовленные для них экипажи, и тогда церемониальный кортеж начнется следующим порядком:

1.

Полицмейстер с ординарцами для устройства и указания дороги.

2.

24 жандарма, по 12-ти на стороне, при одном обер-офицере едут возле тротуаров, дабы улицы не были загорожаемы народом.

3.

Двое частных приставов с 4-мя квартальными надзирателями верхами.

4.

Взвод жандармов с обнаженными палашами.

5.

Рота гранодер с музыкою.

6.

Четыре берейтора верхом.

7.

Шесть конюхов придворных верхом, по два в ряд.

8.

12-ть заводных лошадей, прикрытых попонами, ведут конюхи придворные.

9.

Принцева лошадь верховая в богатой сбруе; ведут два придворные конюха.

10.

10.

Четвероместная раскидная карета для порутчика Визирева, подпорутчика Кашперова, прапорщика Караогланова32.

11.

Четвероместная коляска, в коей Абдары, Кафечи и Шербетдары33 в 4 лошади, так как и все следующие коляски.

12.

Таковая же для нижних Принцевых чиновников.

13.

Таковая же в коей находятся Туфенкдары, т. е. оруженосцы.

14.

Таковая же, в оной Пашкидметы34 Принцевы.

15.

Двуместная раскидная карета также для свиты Его Высочества.

16.

Четвероместная раскидная карета для Мирзы Джафара, младшего гофмаршала, запряженная цугом, так как и все следующие.

17.

Таковая же для Мирзы Сале 2-го Драгомана и для Мирзы Баба.

18.

Таковая же для Гуссейн-Али-Бека35 и Мирзы Таги.

19.

Таковая же для Эмир-Низама Магмет-Хана, начальника регулярных войск персидских и для Мирзы Масуда.

20.

Таковая же для генерал-майора барона Ренненкампфа36, для прикомандированного к Принцу действительного статского советника и каммергера Булгакова и для 9-го класса Шаумбурха.

21.

Взвод жандармов с офицером.

22.

8-мь придворных лакеев, по четыре на каждой стороне.

23.

Четвероместная осьми-стекольная карета, запряженная шестью лошадьми, в оной: Принц ХОЗРЕВ-МИРЗА с особами, коих угодно будет Его Высочеству избрать самому для сопровождения его. У всякой лошади по придворному лакею, за каретою два придворных лакея; возле кареты с той стороны, где сидит Принц, едет Московский обер-полицмейстер верхом, а поотдаль от него один полицмейстер, оба со свитами их и казаками; а с другой стороны в равном с полицмейстером расстоянии начальник жандармского эскадрона с двумя жандармами и один из адъютантов московского военного генерал-губернатора.

24.

Взвод жандармов с офицером.

25.

Дорожные экипажи Принца в том порядке, в каком следовали они в дороге, имеют быть отправлены особенною дорогою вперед, прямо в дом для посольства назначенный.

26.

Команда казачья, из 60-ти человек состоящая, замыкает кортеж.

Кортеж будет следовать следующею дорогою:

От Серпуховской заставы к Серпуховским воротам по Полянке через Каменный мост; здесь поворотит оный направо вдоль Москвы реки до Москворецкого моста; тут поднимется кортеж налево к Лобному месту и мимо монумента Князя Пожарского через Воскресенские ворота продолжать будет шествие свое по Тверской до дома, для жительства Принцу назначенного.

У Серпуховских ворот, против монумента Минина и Пожарского у Сенатской стены, на Тверской против дома Московского военного генерал-губернатора, а равно у Тверских ворот будет поставлено войско для отдания Принцу чести при проезде его.

Когда Принц прибудет к назначенному ему для жительства дому графини Разумовской37, что на Тверской, то поставленная караулом рота со знаменем отдаст ему должную честь. Принц, не доехав несколько шагов до крыльца, остановится пред войском и примет от г. московского коменданта рапорт. От сего места до крыльца настлано будет тотчас красное сукно, по коему Его Высочество изволит шествовать. На крыльце встретит его Московский гражданский губернатор38 с губернским правлением и поздравит Его Высочество с благополучным прибытием в Московскую столицу. Принц шествует лестницей вверх по разостланному красному сукну, сопровождаемый гражданским губернатором, комендантом, обер-полицмейстером, камергером Булгаковым и главнейшими особами Персидской свиты. В передней комнате ожидает Принца знатное купечество и подносит ему на блюде хлеб-соль, фрукты и цветы, после чего откланяясь уходят, блюдо же относится во внутренние аппартаменты. В комнате пред гостинною Принц приветствуем московским губернским и всеми уездными предводителями; тут же комендант представляет ему назначенных к Его Высочеству ординарцев. Когда Принц войдет в большую гостинную, то вскоре после того присланный от Московского военного генерал-губернатора князя Голицына адъютант доложит, что князь нетерпеливо желает поздравить Его Высочество с благополучным прибытием в Москву, и что он через час явится сам для отдания ему почтения. При прибытии Московского военного генерал-губернатора в дом Принца, караул отдаст следующую ему честь; а при входе его в гостинную, Его Высочество займет место и пригласит князя также сесть подле него. Когда Принц встанет, то князь Голицын вставши также откланяется Его Высочеству и уедет домой, равно как и все присутствующие тут особы.

Камергер Булгаков препроводит Принца в прочие для Его Высочества приуготовленные

Камергер Булгаков препроводит Принца в прочие для Его Высочества приуготовленные комнаты и испросит для остальной части дня его приказания; после чего разместит всех главных чиновников, свиту Персидскую составляющих, по комнатам, для них в том же доме назначенным.

На другой день имеет быть съезд для первых пяти классов. Особы первых трех представлены будут Принцу г. Московским военным генерал-губернатором, а прочие камергером Булгаковым.

6

ВЫСОЧАЙШЕ АПРОБОВАННЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ ПУБЛИЧНОЙ АУДИЕНЦИИ ПЕРСИДСКОГО ПРИНЦА ХОЗРЕВ-МИРЗЫ

В день публичной аудиенции, по утру обыкновенный караул во Дворце будет умножен тремя батальонами из коих один станет пред главною гауптвахтою на дворе, а другие два поставлены будут на площади по обе стороны ворот; в сенях и на парадной лестнице и в прихожих комнатах, начиная от парадного подъезда с большого двора до концертного зала назначенного для камеры ожидания, поставлены будут шпалеры39 от Лейб-гвардии конного полка и кавалергардского по 4 эскадрона, такой же шпалер от кавалергардов становится в Казачей, Арабесковой, Белой зале и портретной галлерее до Кавалергардской комнаты. В Георгиевской и Тронной залах становятся шпалеры от дворцовых гренадер. Потом чрез учиненную накануне повестку, по утру с 11 часов имеют приезд ко Двору ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, первых пяти классов знатныя обоего пола особы, а также гвардия и армия, штаб и обер-офицеры и все имеющие ко Двору приезд, а купечество по белетам.

В 10 часов, назначенный в должности Предводителя — генерал адъютант граф Сухтелен40, получа от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеление ехать за послом, отправится из Зимнего дворца от имеющегося на Неву реку подъезда следующим порядком:

1-е.

Дивизион конной гвардии с обнаженными палашами, с штандартом, трубами и литаврами.

2-е.

Унтер-шталмейстер с двумя берейтерами; за ними 12 заводных дворцовых лошадей в богатом уборе, кои ведены будут конюхами одна за другой.

3-е.

Придворная карета для Предводителя цугом.

4-е.

Четыре дворцовыя кареты для персидских чиновников.

5-е.

Шесть дворцовых ездовых верхами, за ними 4 скорохода с тростями, 2 камер-лакея и 24 лакея по два в ряд пешие.

6-е.

Дворцовая богатая карета для посла, в которой поедет вышеозначенный Предводитель; по обеим сторонам кареты 4 лакея пешие, 2 камер-пажа и 4 каваллерийских офицера верхами. В заключении дивизион кавалергардов.

По прибытии Предводителя в Посольский дом стоящий там караул выходит в ружье, а со стороны посла у самой кареты встретят посольской свиты чиновники, у лестницы почетные посольства чиновники же, в первой комнате встретит Предводителя сам посол, но яко Принц крови не даст правой руки; по учинении взаимных учтивостей пойдут садиться в кареты.

В то время караул отдаст честь с музыкою; равно и стоящий в параде отряд кавалерии отдаст честь по военному уставу, а шествие начнется следующим порядком:

Проходя чрез Воскресенскую, Литейную, Пантелеймонскую, через висячий мост, мимо Летнего сада в новую Садовую, Невский проспект и Малую Миллионную, на Дворцовую площадь; обратно же по Большой набережной в Воскресенскую.

1-е.

Дивизион конной гвардии с обнаженными палашами, с штандартом, трубами и литаврами.

2-е.

Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА унтер-шталмейстер верхом; при нем 2 берейтера и 12 дворцовых заводных лошадей в богатом уборе.

3-е.

Придворная карета Предводителя.

4-е.

Четыре кареты дворцовых, в коих будут сидеть персидские чиновники.

5-е.

Шесть дворцовых конюхов верхами, за ними 4 скорохода с тростями, 2 камер-лакея, 24 лакея пеших по два в ряд.

6-е.

Дворцовая карета цугом, в которой будет сидеть в первом месте посол, а напротив его Предводитель; по обеим сторонам кареты пойдут придворные лакеи, с каждой по 2, а 2 камер-пажа верхами близ кареты; российский персидского языка переводчик верхом, да 4 кавалергардских и конногвардейских офицера тоже верхами.

7-е.

В заключении дивизион кавалергардов.

Когда церемониальный ход приблизится к ИМПЕРАТОРСКОМУ дворцу, и будет проезжать мимо ворот, тогда персидские чиновники выходят у оных, а предшествовавший дивизион, и все кареты кроме посольской, становятся в надлежащий порядок, где и ожидают посла для обратного сопровождения в дом его. Посол же в дворцовом экипаже с Предводителем выезжает внутрь ИМПЕРАТОРСКОГО дворца, на подъезде к парадной лестнице; пред оною каретою последуют чиновники посольской свиты.

При въезде посла на двор, стоящие там батальон и караул отдают честь с музыкою.

При выходе посла из кареты, встретит его Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА церемониймейстер, два камер-юнкера, два камергера и гофмейстер. На верхней площадке

встретит обер-церемониймейстер, а в первой комнате обер-гофмаршал, кои препроводят посла в Камеру ожидания назначенную в Концертной зале, в которой встретит посла обер-камергер князь Лобанов41 и обер-шенк.

Потом будет прошен посол сесть на диван, приуготовленный против окон, к стене и потчиван кофием, десертом и шербетом.

Как все уже будет приготовлено и когда ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, приняв от обер-камергера графа Литты42 о приезде посла донесение, повелит ввести посла, тогда сего

проведут чрез белую галлерею в портретную залу, где несколько остановятся, доколе обер-камергер граф Литта, получив ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление, пригласит его продолжать шествие в Георгиевскую Тронную.

Когда ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА, ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ Наследник и Вся Августейшая Фамилия изволят из внутренних своих покоев и Эрмитажа прибыть в оную Тронную, то там ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЕЛИЧЕСТВА изволят остановиться пред последнею ступенью трона, а ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ Наследник и Вся ИМПЕРАТОРСКАЯ Фамилия в праве на приуготовленном месте.

В приличном же расстоянии от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА будут находиться Министр ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, вице-канцлер и дежурный генерал-адъютант

Возле места, приуготовленного для ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, станут члены Государственного Совета и Сенат, а за сим генералитет, штаб и обер-офицеры гвардии; в право от Трона весь главный штаб ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, сухопутный и морской.

Против ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, на левой стороне залы, будет находиться Дипломатический Корпус в приуготовленном для оного месте; за ним Двор, все дамы и гражданские чины первых четырех классов.

В Белой галлерее будут находиться армейские штаб и обер-офицеры и все прочие особы, имеющие приезд ко двору; а в большой Мраморной зале и в первом аванзале будет находиться купечество, которое туда впустится по билетам.

Обер-камергер, по получении ВЫСОЧАЙШЕГО повеления о допущении посла на аудиенцию, пришед в Портретную, пригласит посла продолжать шествие в Георгиевский зал в сопровождении всех встретивших его во дворце особ; послу же в таковом случае предшествуют по прежнему чины Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, церемониймейстер, 2 камер-юнкера, 2 камергера и гофмейстер; пред послом обер-церемониймейстер, а по сторонам посла, с правой обер-гофмаршал, а с левой Предводитель; за послом же персидские чиновники его свиты.

Шахову грамоту несет сам посол.

При вступлении в Георгиевский зал чины Двора идут вправо и становятся вместе с другими чинами Двора.

Посол же, вступя в аудиенц-камеру, сделает первый поклон, посреди камеры — второй, где особы персидские должны остановиться во все время аудиенции; потом, приступя на некоторое расстояние к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, сделать третий поклон и, остановясь, говорить речь по-персидски, с которой перевод читает на российский язык назначенный к тому чиновник.

По прочтении перевода посол, приступя, держимою им Шахову грамоту поднесет ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, которую, приняв, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР отдаст вице-канцлеру, а сей положит на приуготовленный стол, и потом ответствует послу ВЫСОЧАЙШИМ Именем, и сей ответ прочтен будет послом на персидском языке переводчиком.

По окончании чтения ответа ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволит пройти вместе с послом в комнату между Георгиевским залом и Эрмитажем. За ними последует переводчик персидского языка.

В одно и то же время ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА в сопровождении Двора изволит шествовать чрез Кавалергардскую в Малую Тронную, в коей будут стоять от Трона до дверей по обеим сторонам дворцовые гренадеры.

Между тем посол, получив позволение ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, представит всех своих чиновников, коих введет обер-цереомониймейстер.

Когда же ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР соизволит отпустить посла, тогда сей в сопровождении особ, вводивших его в Георгиевский зал, пойдет в Кавалергардскую, где и остановится, доколе обер-камергер гр(аф) Литта не пригласит войти в Тронную, где ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА изволит стоять пред последнею ступенью; статс-дамы и фрейлины станут по правую, а чины Двора по левую сторону Трона.

Посол, вступя, делает первый поклон, посреди Тронной — второй, где остановятся его чиновники, а подойдя на некоторое расстояние от Трона, Делает третий поклон и тут произнесет речь по-персидски, которую переводчик прочтет по-русски, вице-канцлер же Именем ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ответствует, а переводчик сей ответ прочитает по-персидски. После сего посол представляет персидских чиновников и потом откланяется и возвращается тем же порядком, каким шел, в Концертную, где, несколько остановясь для отдохновения, отправится обратно в Таврический дворец с тою самою церемониею, с коею был оттуда сопровождаем; чины же Двора сопроводят его до того места, где каждый встречал.

“Извинительная речь” принца Хозрев-Мирзы, произнесенная в Петербурге 10 августа 1829 г.

В комнатах дворца, где посол будет проходить, обе половины дверей должны быть ему отворяемы.

7

ПРОЕКТ ЦЕРЕМОНИАЛА ДЛЯ ПРИЕМА ПРИНЦА ХОЗРЕВ-МИРЗЫ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ, ПЕТЕРГОФЕ И С. ПЕТЕРБУРГЕ43

ЦАРСКОЕ СЕЛО

1-е.

Когда принц Хозрев-Мирза прибудет в Царское Село и въедет в двор, тогда стоящий там во фронт Лейб-гвардии кирасирский полк отдаст честь, а у крыльца двора встретит генерал-лейтенант Захаржевский44. Караул во дворце занимает эскадрон Лейб-гвардии гусарского полка и штандартом, по вступлении принца во дворец. Эскадрон спущается и остается один обыкновенный караул.

2-е.

Когда принц войдет во внутренние комнаты, то прибудет обер-цереомониймейстер двора, который от Имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА поздравит принца с благополучным приездом

приездом.

Примечание. Обер-церемониймейстер не прежде исполнит возложенное на него ВЫСОЧАЙШЕЕ поручение, как когда вице-канцлер известит его, что все относящееся до церемониалов между принцем и им уже устроено.

3-е.

В Царском Селе принц Хозрев-Мирза останется один день для осмотра всего, достойного внимания, а на другой день отправится в Петергоф.

ПЕТЕРГОФ

1-е.

Принц Хозрев-Мирза, приехав в Петергоф, поедет мимо дворца в Английском саду для учинения визита вице-канцлеру. У сего дворца будет в карауле учебный кавалерийский эскадрон с хором трубачей и отдаст честь принцу. У кареты встречен будет двумя чиновниками Министерства иностранных дел, а в первой встретит сам вице-канцлер и, пройдя во внутренние комнаты, там принц будет угощаем кофеем, конфектами и шербетом, потом встает и в прежнем экипаже едет в Монплезир, где стоящий в почетном карауле эскадрон Лейб-гвардии драгунского полка со штандартом и хором трубачей отдает ему честь; у кареты принца встретит комендант Петергофский. По входе принца в комнаты караул спускается. Принцу же объясняется военный порядок, на основании коего сие учинено. В сие самое время приезжает Петергофский военный губернатор в Монплезир для поздравления принца с приездом и в скором времени и вице-канцлер с визитом.

2-е.

В Петергофе принц остается день или два для осмотра всего достойного внимания.

ВЫЕЗД ИЗ ПЕТЕРГОФА И ОТПРАВЛЕНИЕ В СТОЛИЦУ

1-е.

В определенный для сего день принц отправится на приуготовленную для него яхту, и когда будет к оной приближаться, то отдается честь по уставу противу Великого Князя. На яхте принца примет Морской министр и немедленно даст приказ к отплытию. Когда подымется на яхте на грот брам стенге персидский флаг, то вся эскадра салютует 21 выстрелом; отвечается 20.

2-е.

Когда яхта поровняется с новым Адмиралтейством, встретит принца капитан над портом под своим флагом.

3-е.

Когда яхта подходить будет к Исакиевскому мосту, санкт-петербургский обер-полицмейстер встречает принца, а генерал-интендант флота под своим флагом с катерами явится для сопровождения принца до пристани, что у Таврического дворца.

4-е.

Когда катер, на коем будет находиться принц под персидским флагом, поровняется с Крепостью, то из оной учинят 21 выстрел.

5-е.

У Таврического дворца, по обеим сторонам гавани, до ворот дворца будут стоять 4 баталиона пехоты, а вдоль решетки и на дворе Кавалергардский полк, равномерно на дворе же будет поставлен караул со знаменем и музыкою. Сей караул остается во все присутствие принца в столице.

6-е.

Когда принц прибудет, то встретит у пристани гражданский губернатор и потом подведут верховых лошадей, на коих все поедут в Таврический дворец, если принц не предпочтет идти

пешком.

7-е.

Войска отдают честь, как равно и караул, по въезде принца на двор; в самом же дворце встретит обер-гофмаршал и поведет чрез большую залу во внутренние комнаты, куда вскоре за сим прибудет Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор для поздравления принца с приездом. После сего, откланявшись, уезжают все сопровождавшие и встречавшие.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется по материалам, хранящимся в РГВИА: док 1—4 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 3858. Л. 2—8, 12—14 об., 20—24; док. 5—7 — Ф. 231. Оп. 1. Д. 37. Л. 2—3 об. и Д. 63. Л. 8—10 об., 42—45 об.

1 Журнал, который вел барон П. Я. Ренненкампф по заданию И. Ф. Паскевича-Эриванского. Выписки направлялись управляющему Главным Штабом генералу от кавалерии А. И. Чернышеву.

2 Курбан-байрам — мусульманский праздник, служит воспоминанием принесения Авраамом в жертву Богу своего сына Измаила. Праздник продолжается четыре дня. Накануне

праздника происходит поминание умерших родственников и раздается милостыня.

3 Эмир-Низам (Емируль-Низам, Емери-Низам) — титул, буквальный перевод — эмир армии, войска. Имеется в виду Мирза Таги-Хан Ферахани (1808—1852), иранский государственный деятель, известный как эмир Кебир (Великий эмир). В 1843—1847 гг. возглавлял иранскую делегацию на Эрзурумской конференции по урегулированию ирано-турецких пограничных конфликтов. С 30-х годов XIX в. глава военной и гражданской администрации в Тебризе. С 1848 г. первый министр. В ноябре 1851 г. лишен всех должностей и званий и сослан в Кашан, где был убит по приказу шаха.

4 Мирза-Сале (Салех), статс-секретарь Аббас-Мирзы, первый драгоман (переводчик).

5 Скворцов Николай Петрович (1768— ?), командир Вологодского пехотного полка (1815—1817), Владикавказский комендант (1817—1830) и командир Владикавказского гарнизонного полка (1817—1829), затем состоял по армии (1830—1834), с января 1834 г. в отставке. Генерал-майор (с декабря 1826).

6 По-видимому, казачья станица Ардонская.

7 Кучук Джанхотов (Джамхотов), бывший вали (правитель) Большой Кабарды, имел звание подполковника (с 1796), с сентября 1830 г. полковник. С 1822 г. представитель в Кабардинском суде.

8 Точнее Урухский редут.

8 Точнее у русских редут.

9 Шаунбург (Шаумбург, Шаумбурх), переводчик, чиновник 9-го класса

10 Эмануель Георг Арсеньевич (1775—1837), уроженец Венгрии. Командир 4-й драгунской дивизии (1814—1826), с 1826 г. командующий войсками на Кавказской линии и начальник Кавказской линии.

11 Ольдекоп Карл Федорович (1775—1831), с 1795 г. служил в Черниговском пехотном полку; командовал Крымским мушкетерским полком; в 1808—1812 гг. участвовал в русско-турецкой

войне: занимал должности дежурного штаб-офицера резервных войск, бригад-майора при командующем Молдавской армии П. И. Багратионе, командира Колыванского пехотного полка. В 1812 г. — дежурный генерал 3-й армии, затем дежурный генерал Главной армии. Участник заграничных походов 1813—1815 гг. В 1815 г. дежурный генерал 1-й армии. С 1821 г. генерал-лейтенант. Турчанинов Павел Петрович (1776—1839), генерал-лейтенант (с 1824), с 1826 по сентябрь 1829 г. состоял по армии.

12 Байков Иван Иванович (1780— ?), закончил артиллерийский кадетский корпус; служил с 1797 г.: в 5-м и 6-м артиллерийских полках, армейской артиллерийской роте, 11-м артиллерийском полку, Киевской резервной бригаде. Начальник артиллерии 7-го пехотного корпуса (1818), начальник 1-й бригады 18-й пехотной дивизии (1818—1820), дежурный генерал 2-й армии (1820—1828), председатель Временной счетной комиссии 2-ой армии (1828—1831). С февраля по декабрь 1829 г. “был уволен для излечения болезни в отпуск в Россию и Кавказским минеральным водам” (РГВИА. Ф. 395. Оп. 29. Д. 482. Л. 18.) Начальник Грузинских линейных батальонов (1831—1834), состоял при Отдельном Кавказском корпусе (1834—1836), с января 1837 г. в отставке. Генерал-лейтенант (с 1834). Луковкин Гавриил Амвросиевич (1772 — после 1848), генерал-майор войска Донского. В 1808 г. командир бригады донских казаков Молдавской армии. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1815 гг.

13 Осипов Александр Степанович (1776— ?), действительный статский советник (с 1821). Сибирский почт-директор (1816—1821), тобольский гражданский губернатор (1821—1823), астраханский гражданский губернатор (1826—1830).

14 Мирза-Масуд, первый драгоман, секретарь и главный переводчик Аббас-Мирзы.

15 Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном завершил русско-иранскую войну 1826—1828 гг. Подписан 10 (22) февраля 1828 г. в деревне Туркманчай (близ Тебриза). По договору к России отходили Ериванское и Нахичеванское ханства (Восточная Армения). Иранское правительство обязывалось не препятствовать переселению армян в Россию. На Иран налагалась контрибуция в 20 млн. рублей. Подтверждалось исключительное право России иметь флот на Каспийском море. Стороны обменивались миссиями на уровне посланников.

16 Бернардацци (Бернадоци), братья Иоганн Карлович (1782—1842) и Иосиф Карлович (1788—1840), архитекторы из Лугано. Приехали в Россию в 1822 г., посвятив всю жизнь строительству на Кавказе (Пятигорск, Кисловодск, Ставрополь, Тифлис и др.).

17 Предположительно Всеволожская (урожд. княжна Хованская) Варвара Петровна (1805—1834), жена Н. Е. Всеволожского, в 1829 г. служившего по ведомству Тифлисского военного губернатора.

18 Аббас Мирза (1789—1833), государственный деятель Персии, наместник в Азербайджане, наследник Фетх-Али-шаха Каджара, отец принца Хозрев-Мирзы. Играл руководящую роль в управлении государственными делами и во внешней политике Персии. Во время русско-персидской (1826—1828) и персидско-турецкой (1821—1823) войн командовал персидскими войсками. Пытался реорганизовать персидскую армию по европейскому образцу с помощью английских и французский инструкторов.

английских и французских инструкторов.

19 Семино (Симоне), начальник инженеров и артиллерии у Аббаса-Мирзы, француз, служивший в армии Наполеона.

20 Дибич Иван Иванович (1785—1831), граф (с 1824). Начальник главного штаба Е. И. В. (1826—1829), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий действующей армией в русско-турецкую (1829) и польскую войны (1830—1831). Умер от холеры в 1831 г.

В русско-турецкую войну г. Шумла был осажден русскими войсками в июне 1829 г. После

заключения Адрианопольского мирного договора (2 сентября 1829) осада города была снята. Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782—1856), граф, светлейший князь Варшавский. Командир Отдельного Кавказского корпуса и главноначальствующий на Кавказе (1827—1830), генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией, главнокомандующий во время русско-иранской (1826—1828), польской (1831), турецкой (1854) войн. В период русско-турецой войны (1828—1829) русские войска под командованием Паскевича взяли 2 июня 1829 г. турецкую крепость Ардаган в Закавказье.

21 Муравьев Николай Николаевич (Карский) (1794—1866), участник первой декабристской организации "Союз спасения", затем отошедший от тайного общества. В 1817 г. в чине капитана отправился служить на Кавказ. В 1819 г. возглавлял экспедицию в Хиву. В 1822 г. из дал книгу с описанием этой экспедиции. В русско-турецкую войну 1828—1829 гг. командовал Кавказской резервной гренадерской бригадой. В 1854—1855 гг. наместник и главнокомандующий русской армией на Кавказе.

22 Имеется в виду месяц Мухаррем, когда мусульманам запрещаются всякие увеселения, он посвящяется исключительно оплакиванию участи имама Хусейна и 72 его сподвижников и родственников (См.: Берже А. П. Хосров-Мирза. 1813—1875 // Русская Старина. Т. 25. 1879. С. 339).

23 Власов Максим Григорьевич (1767—1848), начал службу в 1784 г., участвовал в походах против польских конфедератов (1791 и 1794), в войне с Францией (1807) и Турцией (1810). В Отечественную войну 1812 г. постоянно находился с казачьими отрядами в авангарде армии. В заграничных походах 1813—1814 гг. отличился под начальством генерал-адъютанта А. И. Чернышева. Начальник черноморского казачьего войска (1819—1826). В ноябре 1830 г. сфомировал на Днестре казачьи полки, возвратившиеся из Турции, и в звании походного атамана присоединился к действующей армии. В польскую компанию 1831 г. участвовал в сражениях при Грохове, Остроленке и Варшаве. Наказной атаман войска Донского (1836—1848).

24 Макдональд Джон (1782—1830), английский государственный деятель, дипломат, писатель. В 1824—1830 гг. представитель Ост-индийской компании в Иране.

25 Родофиникин Константин Константинович (1762—1838), прикомандирован к дипломатической канцелярии Молдавской армии (1807—1810), русский консул в Бухаресте (1808—1810), директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1819—1838).

26 Адеркас Борис Антонович.

27 Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), московский военный генерал-губернатор (1820—1844), светлейший князь с 1841 г., генерал от кавалерии, член Государственного совета. Голицын, будучи губернатором "привел в цветущее состояние московские больницы, богадельни, приюты, был чрезвычайно любим обществом и ученым за свою стойкость перед высшей властью, доброту и любовь к просвещению". (Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов. Спб. 1866. Т. 1. столб. 607).

28 Вероятно, речь идет о взятии русскими войсками 27 июня 1829 г. крепости Эрзурум.

29 “Отношением” от 7 августа 1829 г. два экземпляра церемониала (один на русском, другой на французском языках) были отправлены церемонимейстером двора графом Станиславом Потоцким графу П. П. Сухтелену.

30 Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), действительный статский советник (с 1819), камергер (с 1826), чиновник для дипломатической переписки по секретной части при Московском военном генерал-губернаторе (1820—1832), московский почт-директор (1832—1856), сенатор (с 1856) в Московском департаменте Сената.

31 Шульгин Дмитрий Иванович (1784—1854), участник Отечественной войны, московский обер-полицмейстер (1825—1830), петербургский комендант (1846—1848), петербугский генерал-губернатор (1848—1852), член Государственного совета, вице-президент Комитета попечительного о тюрьмах.

32 Поручик Визирев, подпоручик Кашперов, прапорщик Караогланов — переводчики.

33 Абдары — походные буфетчики; кафечи — слуги, готовящие кофе и кальян; щербетдары — придворные кондитеры.

34 Пашкедметы — комнатные охранники принца.

35 Гуссейн-Али-Бек, дядька принца.

36 Ренненкампф Павел Яковлевич (? —1857), полковник Гвардейского Генерального штаба, прикомандирован к И. Ф. Паскевичу, с апр. 1829 г. генерал-майор, впоследствие генерал-лейтенант.

37 Дом графини Разумовской построен в 1799—1802 г. архитектором А. А. Менеласом. Один из редких образцов московского деревянного классического зодчества, сохранившихся после пожара 1812 г. Сохранился до настоящего времени (ул. Казакова, 18—20).

38 Небольсин Николай Андреевич (1785—1846), участник Отечественной войны 1812 г. (комадир конного полка Костромского ополчения), заграничных походов, в 1825 г. — чиновник особых поручений при Московском военном генерал-губернаторе, с 1826 г. — камергер, управляющий комиссией для взыскания долгов по Московской ссуде, с 1827 — московский вице-губернатор, с 1829 — московский гражданский губернатор.

39 Шпалера — построение войск в одну линию по обе стороны пути при торжественных встречах.

40 Сухтелен Павел Петрович (1788—1833), генерал-адъютант. Участник наполеоновских войн (1805—1807), русско-шведской (1808—1809), русско-турецкой (1806—1812) и Отечественной войн. В 1826 г. занимал должность генерал-квартирмейстера Главного штаба, в 1827—1828 г. начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, в 1830—1833 — Оренбургский военный губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса.

41 Лобанов-Ростовский Яков Иванович (1760—1831), камергер (с 1793), обер-прокурор 5-го департамента Сената (1794—1808), малороссийский генерал-губернатор (1808—1816). С февраля 1816 г. член Государственного Совета. Обер-камергер (с 1829).

42 Литта Джулио Ренато (Юлий Помпеевич) (1763—1839), граф, по происхождению миланец. Служил в Мальтийском ордене. В 1789 г. принят на русскую службу с чином контр-адмирала. Отличился в 1-м Роченсальмском сражении (русско-шведская война). За пропаганду католичества был выслан из России. Павел I возвратил Литту, который побуждал его поддержать Мальтийский Орден. Содействовал восстановлению в России Ордена Иезуитов. Был его

представителем при русском дворе. Член Государственного совета (с 1810). Обер-камергер (с 1826).

43 Данный проект был послан графу Сухтелену.

44 Захаржевский Яков Васильевич (1780—1860), генерал от артиллерии (с 1843), заведующий Царскосельским и Петергофскими дворцовыми управлениями и полицией Царского Села (с 1817), с 1828 г. управляющий Гатчинским дворцом.

[Документы III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 211—222. — [Т. XII].

II

1

РОСПИСАНИЕ МЕСТАМ, КОТОРЫЕ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ ХОЗРЕВ-МИРЗА БУДЕТ ОСМАТРИВАТЬ

Июля 15-го Понедельник

Представление Его Высочеству.

Вечер: Большой театр

16-го Вторник

Дворец. Оружейная палата. Колокольня Ивана Великого

Вечер: Театр.

17-го Среда

Развод. Экзерциргауз. Университет.

Вечер: на Тверском бульваре иллюминация.

18-го Четверток

Сиротское отделение. Кадетский корпус.

Военный госпиталь. Дворцовый сад.

Вечер: Французский театр

19-го Пятница

Пожарная команда на Девичьем поле.

Вечер: Гулянье на прудах.

20-го Суббота

Коммерческое училище. Голицинская больница.

Вечер: Бал в Благородном собрании.

21-го Воскресенье

В Архангельском обед.

Московский Обер-Полицмейстер Шульгин 2-й.

2

РОСПИСАНИЕ ДНЯМ, В КОТОРЫЕ В КАКИХ МЕСТАХ БУДЕТ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ ХОЗРЕВ-МИРЗА

Июля 22-го Понедельник

Утро не назначено, после же обеда разные травли и охота за Рогожской заставой.

23-го Вторник

Заведения Приказа Общественного Призрения.

Вечер во Французском Театре.

24-го Среда

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО осмотрит фабрику купцов Рогожиных и объедет некоторые магазейны.

Вечер у Московского Гражданского Губернатора1.

24-го Четверток

Поездка в Кузьминки к Князю Сергею Михайловичу Голицыну2.

25-го Пятница

До обеда в Архив Коллегии Иностранных дел. В вечеру в Большом Театре.

27-го Суббота

На дачу Графини Орловой, оттуда ЕГО ВЫСОЧЕСТВО верхом поедет на Воробьевы горы, осмотрит Васильевское, Нескучное и фабрику Титова. Вечер не назначен.

28-го Воскресенье

Вечер у Московского Военного Генерал-Губернатора3.

Московский Обер-Полицмейстер Шульгин 2-й.

3

ПОДРОБНОСТИ, СООБЩЕННЫЕ НАЧАЛЬНИКОМ 1 ОТДЕЛЕНИЯ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ГОСПОДИНОМ МАИОРОМ БРЯНЧАНИНОВЫМ4 О ВЪЕЗДЕ В МОСКВУ ПЕРСИДСКОГО ПРИНЦА ХОЗРЕВ-МИРЗЫ, СЛУЖАЩИЕ ДОПОЛНЕНИЕМ К ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ 15 ИЮЛЯ

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО пред въездом в Москву прибыл в село Коломенское, где встретили его Князь Юсупов5 и Камергер Булгаков, после завтрака Принц прощаясь с Камергером Булгаковым (который спешил своим отъездом, чтобы успеть его встретить у заставы) сказал:

“ни дядя мой ни отец не могут довольно возблагодарить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА за приемы, которые мне делают в России, я даже не считаю себя достойным оных”; вообще отзываются о нем, что он очень остроумен и ловок — да и точно, он не похож на необразованного Азиятца; лицо имеет весьма приятное, говорит на природном языке, на татарском, французскому учится, понимает, но еще очень мало. При Его свите едут два француза, которые находятся в их службе; один из них Полковник Симоне Адъютантом при Аббас-Мирзе.

В 4 часа Принц был встречен у серпуховской заставы Обер-Полицмейстером, который подал ему рапорт, потом по размещении всех чиновников его свиты в приготовленные экипажи кортеж

при пушечной пальбе двинулся. Погода /весьма/ благоприятствовала и стечение народу было весьма большое; из лица его заметить можно было, что все сие весьма его занимало, а более всего обращал внимание на войска и музыку, которую он очень любит. При проездех его мимо Кремля артиллерия палила из пушек, что обратило его внимание, так же как и Монумент Минина и Пожарского, на который он смотрел с большим любопытством. Проезжая по Тверской улице, купец из охотного ряду подал ему тарелку персиков, из которых он хотел взять один, но купец по торопливости уронил ему и персики и тарелку в карету, что его немного смешало, однако же он просил Обер-Полицмейстера его благодарить. Во все время путешествия своего он ехал один в карете, так же въезжал и в Москву. Привязанность свиты его к нему весьма замечательна. Главные из них, которые ехали впереди и коим нельзя было его видеть, останавливались и спрашивали, где их Князь? что они его не видят? и из лиц их заметить можно было, что они сомневались с ними ли он едет; наконец по прибытии в назначенный дом Графини Разумовской встречен он был Коммендантом так же с рапортом, Гражданским Губернатором и Головою6 с хлебом и солью; потом принимал ординарцев; жандармских, пехотных и казаков и был этим очень доволен. В скором времени приехал Военный Генерал-Губернатор и, представлявшись ему, говорил приветствие; и что он за особенное удовольствие вменит себе сделать пребывание его в Москве приятным. Наконец Принц пошел с Князем в другую комнату и говорили с час времени! Нельзя не заметить, что окружающие Принца чиновники его весьма грубы, переводчик, едущий с ним, сказывая о сем, говорил, что их дорогой за дерзости с русскими наказывали сперва своим манером, а после уже нагайками наших казаков.

ВЫСОЧАЙШЕ присланный сюда церемониал был довольно хорошо выполнен, только в хлопотах забыли назначить лакеев за кареты, и хотя Обер-Полицмейстер посылал казака от заставы, чтоб их привезли на извощиках, но сего уже сделать не успели и потому лакеи, назначенные вести лошадей в карете Принца, были отменены; а их уже разместили за кареты, а другие экипажи за неимением лакеев ехали без оных. На другой день представлены Принцу все Генералы и Сенаторы, так же Штаб офицеры; после представления он принимал ординарцев и просил, чтоб ему показали ученье войск. В вечеру был он в Театре с переводчиком, который стоял сзади его стула и переводил со слов Военного Генерал-Губернатора сюжет пьесы; представлено было первое действие из оперы “Водовоз” и балет “Геркулес и Омфала”, что весьма его занимало, равно и всю свиту, в особенности они восхищались балетом, с Принцем в ложе были Генерал-Губернатор, Князь Юсупов, Директор Театра7, Генерал Ренненкампф, Обер-Полицмейстер и Камергер Булгаков, прочие чиновники Его свиты были помещены в боковой ложе и в Директорской. В публике замечено было желание узнать из лица Принца доволен ли он спектаклем; многие оглядываясь назад, чтоб видеть его, говорили: “он улыбается”. Так же рассуждали о том, что уже это слишком много, что позволили курить трубку в Царской Ложе; в боковой ложе свита его так же курила табак, но после того, как он еще спросил кальян, то ему доложили, что сего нельзя делать в ИМПЕРАТОРСКОЙ ложе, он вышел в комнатку возле ложи и тут курил.

При разъезде полиция весьма дурно распорядилась экипажами, ибо человек шесть из его свиты не могли дождаться своих экипажей, и Обер-Полицмейстер повел их на площадь, где, посадив на дрожки, отправил.

Июля дня 1829 года Москва

4

ДОНЕСЕНИЕ М. Л. БЕГИЧЕВА8 ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ О ПРЕБЫВАНИИ В МОСКВЕ ПЕРСИДСКОГО ПРИНЦА ХОЗРЕВ-МИРЗЫ

Милостивый Государь! Александр Христофорович!

Персидский Принц по назначению 21 числа в воскресенье был в Архангельском у князя Николая Борисовича Юсупова, куда приехал в сопровождении Г(осподина) Военного Генерал-

Губернатора и своей свиты во 2 часу. По осмотре Картинной Галлереи отправились все гулять по саду в линеях, запряженных в 4 и две лошади, и по возвращении в дом в 5 часу сели за стол. Принц с хозяином дома и прочими приглашенными знатнейшими особами за общим, а свита принцева за особым столом, которой по великолепию своему и по чрезвычайному множеству блюд продолжался до 8 часу. ЕГО ВЫСОЧЕСТВО, зная хорошо Европейский при столе обычай, не показал никакого замешательства, но на свиту Его смешно и жалко было смотреть, они, не зная порядочно употребления ножей и вилок и что чем брать должно, от многих блюд отказывались, а Главнокомандующий их регулярными войсками, взявши артишоку и разрезав ее ножем, клал частями в рот и жевал вместе с колючими иглами, многие судя по тому, что за одним с ними столом сидел француз, в службе их состоящий, и не хотел показать употребления, заключают из сего, что он не в лучшем с ними расположении.

Пред окончанием стола пили за здоровье Принца шампанское, и он очень вежливо отблагодарил, выкушав из бокала налитый самим им лимонат. После стола поехали опять по саду и когда были (пред захождением солнца) в Капризе*, Принц и все чиновники его свиты, сделав приличное омовение, стали в присутствии всех на молитву и с приметным благовением на коленях лицом к востоку молились около 10 минут, потом посетили театр, в котором показывали одни декорации Гонзаго9 и играла музыка, а в 9 часов возвратились в дом и вторично молились токмо без омовения, наконец в исходе 10 часу ЕГО ВЫСОЧЕСТВО вместе с князем Дмитрием Владимировичем отправились в Москву.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО на все предметы смотрел с особенным вниманием, расспрашивал содержание многих картин и мраморных бюстов и остался в полном удовольствии, особенно был восхищен, когда, проезжая садом мимо прекраснаго храмика, показали ему поставленный в нем мраморный бюст великой Екатерины, пред которым на бронзовом треножнике в урне на горящих угольях курился фимиам.

Князь Николай Борисович не пощадил ничего, чтобы сделать праздник сей приятным для принца, и по общему отголоску можно отдать справедливость Князю, что он истинный русский вельможа и большой мастер в подобных угощениях, многая удивлялись, что поставленные на стол из тамошних его оранжерей фрукты, казалось, были собраны изо всех частей света.

С глубочайшим высокопочитанием и таковою же преданностию.

Милостивый Государь
Вашего Высокопревосходительства
всепокорнейший слуга Михайла Бегичев

Июля 23 дня 1829 Москва

5

ВЫПИСКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ МАЙОРА А. Л. БРЯНЧАНИНОВА В III ОТДЕЛЕНИЕ О ПРИЕЗДЕ В МОСКВУ ПЕРСИДСКОГО ПРИНЦА

Начальник 1 Отделения Г(осподин) Маиор Брянчанинов доносит о сведениях, собранных им

Начальник 1 Отделения 1 (осподин) Майор Брянчанинов доносит о сведениях, собранных им касательно пребывания в Москве Персидского Принца Хозрев-Мирзы.

У нас теперь все от знатных до простолюдинов заняты присутствием Принца и праздниками, которые дают для него. Стечение публики везде бывает чрезвычайно великое, и желание видеть Его и делать над ним свои замечания — есть предмет для всех равно интересный. Г(осподин) Брянчанинов собранные им по сему предмету сведения начинает со времени пребывания здесь Принца.

Июля 16-го показывали Ему Кремлевский Дворец и Оружейную Палату, которая очень

привлекла Его любопытство, он с большим вниманием все рассматривал и на все испрашивал истолкования. Это видно, что он имеет большую склонность к просвещению. Некоторые хорошие выражения его весьма замечательны, например: при рассматривании платья, которое носил ИМПЕРАТОР ПЕТР I, он сказал: “какое толстое сукно”, но помолчав продолжал: “если бы ПЕТР I не носил такого толстого сукна, то Россия не благоденствовала бы так, как теперь”. 17-го присутствовал в Экзерцис-Гаузе на разводе Карабинерного полка и был в восхищении; рассматривал как одеты люди, и подозвав из своей свиты Начальника регулярных войск, показывал ему ранец, манерку и проч., и как видно было жаждал соревнования; при разных тут разговорах, Князь Дмитрий Владимирович сказал ему: “Ваше Высочество, в С. Петербурге увидите еще лучшие этих войска, и что здешние в сравнении с Гвардиею, как день от ночи”, на сие Он ему отвечал: “стало быть то, что у вас ночь, в других Государствах день”. От разводу поехали в Университет, где также с большим вниманием рассматривал; Ему весьма понравилась электрическая машина, к которой хотя с приметным усилием, но принудил себя приложить руки, чтобы испытать действие оной. Когда подали книгу вписать в ней свое имя, он, подумав немного, написал прекрасно по персидски: “Вот несколько слов, чтобы вспоминали об Хозрев-Мирзе”. (Хозрев-Мирза написано по французски.) Вечером было гулянье на бульваре; освещено очень хорошо и съезд публики неимоверный; в беседке приготовлены были фрукты, чай, прохладительное питье и он довольно долго тут сидел. При приезде к Князю Дмитрию Владимировичу на обед сказал:» не знавши вас я уже наслышан был о ваших достоинствах, и потому, вручая себя Вам, я надеюсь, что вы не допустите меня сделать что-либо неприличное моему сану». Также замечателен отзыв Его Генералу Меньшикову10: “сколь мне приятно сделать с Вами знакомство, столько краснею я за те приемы, которые Вам делали у нас в Персии”. 18 числа был он в Сиротском Отделении, в Кадетском Корпусе и в Дворцовом Саду, где все осматривал с особенным вниманием, и говорил, что он столько много видит хорошего, что не в состоянии всего запомнить. В Сиротском Отделении удивлялся способу учения по Ланкастеровой методе11; один из кантонистов поднес ему прекрасную картину своей работы. Быв в кухне, попросил щей, которых Ему подали, и он с говядиной и с черным хлебом кушал с удовольствием. В вечеру посетил театр, и узнавши, что был бенефис Баранова, велел позвать его к себе и дал ему 50 червонцев. 19 числа показывали Принцу пожарную команду на Девичьем поле и примерное действие наших огнегасительных инструментов, на что он также смотрел с удовольствием. К числу различных о нем разсказов говорят: что будто ГОСУДАРЮ угодно задержать Принца до будущего лета для того, что Паскевич зашел слишком далеко, с весьма малым количеством войска, то чтобы Персияне не могли чего-либо предпринять противу России, и потому он будет у нас, так сказать, в закладе до того времени, как кончится с Турками война, и что так как в Персии есть закон отдавать за убийство головою, то будто Аббас-Мирза, считая себя виновным пред нашим ИМПЕРАТОРОМ посылает за Грибоедова своего сына. Наконец некоторые обращают замечания свои, что при въезде Принца в Москву, полицейские чиновники кричали, долой шляпы, но несколько из черни отзывались (между собою), что Християнину не должно снимать шляпы против Магометанина; а близ каменного мосту Полицмейстер Равинский12, подъехав к одному из зрителей, сшиб с него шляпу, говоря «что вы ослушаетесь, разве не слышите, что приказывают». Сей случай произвел в кругу немногих разные толки, и между прочим сказывали всякий свое мнение: одни, что не должно пред Принцем снимать шляп, ибо он прислан Графом Паскевичем в залог за Грибоедова; другия, что он прислан для того, что сам Хан13 уехал в Константинополь к Султану14 просить помощи и защиты против Россиян, так как ГОСУДАРЬ намерен за убийство Грибоедова отмстить оружием, — и что Принц боясь, чтоб

как ГОСУДАРЬ намерен за убиение Грибоедова отметить оружием, — и что Принц боясь, чтоб его не убили в Москве, будто бы дал для черни на угощение 6 т(ысяч) руб., дабы укротить их мщение.

Июля 23 дня 1829 Москва

6

АГЕНТУРНЫЕ ЗАПИСКИ МАЙОРА А. Л. БРЯНЧАНИНОВА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В III ОТДЕЛЕНИЕ

№ 1

Начальник 1 Отделения Г(осподин) Маиор Брянчанинов доносит:

О ПЕРСИДСКОМ ПРИНЦЕ

20 числа сего месяца у нас был бал в зале Благородного собрания для Принца, съезд был очень велик, но весьма много находилось неблагородных! и дам с Кузнецкого моста; а посему лучшие фамилии, узнав сие, оставались на хорах или совсем не приезжали. Впрочем было отлично хорошо; зала наполнена до 2-х т(ысяч) человек, а естьли бы впускать одних тех, кои имеют право, то приезд был бы очень мал, ибо все почти живут в подмосковных! Принц танцевал Польский с супругою Князя Дмитрия Владимировича Голицына15 и побыв несколько времени отправился. По утру сего же дня он ездил к матери Грибоедова16, бывшего посла в Персии, она никак не ожидала Его приезду! Свидание их было, как сказывают, очень чувствительно и интересно, разумеется, она как мать не могла быть равнодушною, увидя единоземцев народа, который лишил ее сына. Принц со слезами у нее просил за них прощения ее, чтоб она сказала ему, в чем он может ей быть полезен, жал ей долго руку и в это время слезы катились по лицу Его. Таковым поступком он заставил об себе иметь высокое мнение. 21-го ездил Принц в Архангельское, в этот же день приехал курьер от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА с приглашением Его к 28-му числу в Новгород, где ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволит осматривать поселение. Москва будет сожалеть о Его отъезде, ибо точно он оставил по себе надолго приятные воспоминания. 22-го была за Рогожской заставой травля зверей, стечение народу было невероятное; и много очень экипажей. С травли Принц поехал верхом на охоту, приготовленную

Д. И. Шульгин

здешним егермейстером Елагиным; в поле были разбиты прекрасные палатки, и псовая охота очень Принца увеселяла, он сам на лошади скакал и стрелял пулею зайцев и, убив одного, был восхищен. После того приготовлены разные птицы, которых он также стрелял. Это продолжалось до 9-ти часов вечера. После сего поехали в палатку, где егермейстер угощал Принца чаем и фруктами, тут же пел хор лучших цыганок, что ему весьма нравилось. В 10-ть часов ЕГО ВЫСОЧЕСТВО изволил отбыть домой.

Июля 25 дня 1829 года. Москва

№ 2

Начальник 1 Отделения Г(осподин) Маиор Брянчанинов доносит.

ОБ ОТЪЕЗДЕ ИЗ МОСКВЫ ПЕРСИДСКОГО ПРИНЦА

24 числа сего месяца был у Гражданского Губернатора бал для Персидского Принца Хазрев-Мирзы. Это было последнее угощение из делаемых ему у нас в Москве; по окончании ужина ЕГО ВЫСОЧЕСТВО изволил отбыть в дом Графини Разумовской и оттуда тотчас отправился в Петербург. Заметно очень было, что он не без сожаления оставлял гостеприимную нашу Москву, долго прощался на крыльце с Князем Дмитрием Владимировичем, изъявлял ему

Москву, долго прощался на крыльце с Князем Дмитрием Владимировичем, изъявлял ему живейшую благодарность за те попечения, кои он имел о доставлении ему приятного препровождения времени в Москве, и коей ласки он никогда не забудет. В Новгороде его встречает, как сказывают, Граф Сухтелен и показывает ему поселение.

Бал у Губернатора был отлично хорош: освещение и угощения прекрасные, и Принц изволил пробыть до трех часов утра. Перед ужином ЕГО ВЫСОЧЕСТВО играл с Военным Генерал-Губернатором в шахматы.

Июля 26 дня 1829 года. Москва

№ 3

Начальник 1 Отделения Г(осподин) Маиор Брянчанинов доносит:

О ПОДАРКАХ ПЕРСИДСКОГО ПРИНЦА

Персидский Принц Хозрев-Мирза при отъезде своем сделал следующие подарки: Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну две прекраснейших шали; таковые же две Князю Юсупову и по одной шали Булгакову, Гидеонову и Адъютанту Князя Голицына Толстому. Кои все впрочем куплены здесь; а он ожидает в весьма скором времени присылки золота и вещей из Персии.

Июля 29 дня 1829 года. Москва

№ 4

Москва. Начальник 1 Отделения Маиор Брянчанинов доносит:

О ПРИБЫТИИ ХОЗРЕВА-МИРЗЫ.

Хозрев-Мирза со всею находящеюся при нем свитою из С. Петербурга в Москву прибыл вечером 23 Октября. По приезде к заставе встречен Обер-Полицмейстером и Полицейскими Чиновниками; а в доме, где остановился он, поставлен почетный караул.

В его свите говорят, будто Москва понравилась Мирзе более, чем Петербург; что здесь он стал веселее и ко всему внимательнее, и словом — здешнею Публикою и увеселениями остается вполне довольным.

Октября 28 дня 1829. Москва

№ 5

Москва. Начальник 1 Отделения Маиор Брянчанинов доносит:

О ПРИНЦЕ ХОЗРЕВ-МИРЗЕ

Наконец, к сожалению Московской Публики, оставил нас Персидский Принц Хазрев-Мирза. 7 числа сего месяца в 1 часу дня он приехал с прощальным визитом к Г(осподину) Военному Генерал-Губернатору, и после легкого обеда, в 3 часа выехал из Москвы.

Во время пребывания его здесь, он часто посещал Театры — Русский и Французский, которые в те дни полны были публикою, жаждущей видеть любимого гостя; счастливая физиогномия его обратила внимание даже самой черни; всегда толпа стояла пред домом, где он имел пребывание, и при выезде его куда-либо сопровождала бегом.

Кроме театров, давались ему обеды у Князя Дмитрия Владимировича Голицына, Князя Николая Борисовича Юсупова и у Князя Сергия Михайловича Голицына, балы у Графини Бобринской17,

Княгини Хованской и у г-жи Дмитриевой, и везде он оставался очень довольным.

На счет приезда Принца к Г. Дмитриевой в нашей публике рассуждают, что она и по муже и сама по себе, не пользуясь хорошею репутациею, слишком много удостоена сей чести.

Жаль описывать дурные стороны, или спрведливее назвать минутные слабости Принца, о которых рассказывают, однако же, с достоверностью на примере:

1. Он каким-то образом добыл российский мундир, и в один вечер одевшись, в нем хотел ехать; но сопутствующий ему Генерал-Маиор Ренекампф, советами своими остановил его намерение;

однако же ночью он успел в этом же мундире выехать и был на Козихе в публичном доме; на другой день Генерал Ренекампф, узнавши о том, довел до сведения Военного Генерал-Губернатора, который приехав к Принцу, слегка ему выговаривал его неосторожность, от которой он мог быть болен, давая ему заметить, что ежели он имел надобность, то мог бы сказать; но Принц уверял Князя честным словом, что он ездил из одного только любопытства, и больше ничего, найдя женщин старых и нарумяненых, что ему очень не нравилось.

2. Некто Фольц, человек низких свойств при бедном состоянии своем, имеет большое семейство; каким-то образом удалось ему одну из дочерей своих подвести к Принцу, и она награждена им очень щедро.

Ноября 13-го дня 1829 года. Москва

7

ЗАПИСКА ОФИЦЕРА ШТАБА КОРПУСА ЖАНДАРМОВ М. Л. БЕГИЧЕВА В III ОТДЕЛЕНИЕ

Из Тулы командированный для наблюдения за действиями рекрутского набора Маиор Бегичев доносит:

О ПЕРСИДСКОМ ПРИНЦЕ ХОСРОВ-МИРЗЕ

Сего ноября 9 числа в 8 часов вечера, прибыл туда ЕГО ВЫСОЧЕСТВО Персидский Принц Хосров-Мирза, у заставы был он встречен Г(осподином) Полицмейстером18 с отрядом жандармов, которые сопровождали его до приготовленного для него дома, где уже ожидали Его г(осподин) Гражданский Губернатор19, генералы: Штаден и Философов и прочие тамошние чиновники. По принятии Принцем от них рапортов представлялись ему ординарцы и вестовые от жандармской команды и гарнизонного баталиона.

На другой день ЕГО ВЫСОЧЕСТВО посетил данный для него в Благородном Собрании маскерад; 11 числа по утру осматривал Оружейный завод, в вечеру того же дня был в театре, а 12 числа отправился в дальнейший путь.

Тамошняя публика вообще замечает, что ЕГО ВЫСОЧЕСТВО на все увеселения смотрел не с таким удовольствием, как в первый проезд чрез Тулу, даже самыя машины на заводе обозревал токмо поверхностно и не обратил на оных того внимания, которое они заслуживали от всех посетителей.

Ноября 26 дня 1829. Москва

8

КОПИЯ ПИСЬМА НАЧАЛЬНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ А. Х. БЕНКЕНДОРФА МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ Д. В. ГОЛИЦЫНУ

Милостивый Государь,

Князь Дмитрий Владимирович!

Здесь распостранились слухи, что Персидский Принц, Хозрев-Мирза, во время последнего своего пребывания в Москве купил у одного отца, по фамилии Фольц, дочь за 40 т(ысяч) рублей и повел с собою.

Покорнейше прошу Ваше С(иятельст)во почтить меня уведомлением для доклада ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, справедлив ли сей слух и, буде справедлив, то кто именно сей Фольц и какие причины могли его побудить к столь варварскому поступку, неслыханному в просвещенных государствах.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего С(иятельст)ва покорнейший слуга

подп(олковник) А. Бенкендорф

№ 4958 28 Ноября 1829

9

ПИСЬМО МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. В. ГОЛИЦЫНА НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Милостивый Государь мой, Александр Христофорович!

На отношение Вашего Высокопревосходительства от 28 прошедшего ноября о распространившихся в С. Петербурге слухах, что будто бы Персидский Принц Хозрев-Мирза во время последнего пребывания своего в Москве купил у одного отца по фамилии Фольц дочь за 40 т(ысяч) руб(лей) — имею честь Вас, Милостивый Государь мой, уведомить, что слухи сии совершенно не справедливы и не основательны, потому что во все пребывание здесь Принца не было ни одного случая, который бы мог дать повод не только ожидать, но и думать о подобном происшествии, а сие самое вполне доказывает, что сии ложные слухи распространились или совершенно от людей праздных, незаслуживающих никакого вероятия, или от готовых при малейшем случае составить всякую нелепость вовред другим.

С истинным почитанием и совершенною преданностию имею честь быть,

Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

К(нязь) Дмитрий Голицын

№ 179. 8-го декабря 1829-го. Москва

На письме резолюция А. Х. Бенкендорфа: “Отвечать ему, что слух этот вышел из Москвы и что потому только я желал знать о справедливости оного, что дело мне показывалось несбыточно, и в том деле не вижу я ничего, что бы могло столь очернить Его Сиятельство.”

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется по документам, хранящимся в ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. I. Д. 814. Л. 28, 28 об. и ГАРФ. Ф. 109. I экспедиция. 1829. Д. 422: док. 2 — Л. 12; док. 3 — Л. 9—11; док. 4 — Л. 5—6. об.; док. 5 — Л. 7—8 об.; док. 6 — Л. 13—20; док. 7 — Л. 23, 24; док. 8 — Л. 20; док. 9 — Л. 25, 25 об.

1 Небольсин Н. А.

2 Голицын Сергей Михайлович (1774—1859), князь, попечитель и главный директор московской голицынской больницы, попечитель московского учебного округа, председатель московского опекунского совета, член Государственного совета.

3 Голицын Д. В.

4 Брянчанинов Алексей Петрович (1798— ?), в службу вступил в 1816 г. унтер-офицером

Московского драгунского эскадрона, затем был переведен в Оренбургский уланский полк. В 1822 г. уволен от службы “по болезни”. В 1823 г. зачислен адъютантом к “сенатору Витебскому, Могилевскому, Смоленскому и Калужскому генерал-губернатору князю Хованскому”. В 1828 г. переведен в Клястицкий гусарский полк с назначением состоять чиновником особых поручений при князе Хованском, в 1831 назначен Вологодским губернским прокурором, в 1841 г. Смоленским губернским прокурором. С 1848 г. назначен в штаб отдельного корпуса жандармов к А. Ф. Орлову для особых поручений. (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1291).

5 Юсупов Николай Борисович (1750—1831), сенатор, камергер, гланокомандующий экспедицией Кремлевских строений и мастерской Оружейной палаты, коллекционер, меценат, владелец подмосковной усадьбы “Архангельское”.

6 Мазурин Алексей Алексеевич (1772—1834), московский городской голова с 1828 по 1831 г. Потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии. Основатель одного из самых значительных московских купеческих родов XIX в. Происходил из серпуховских купцов, с 1795 г. жил в Москве.

7 Кокошин Федор Федорович (1773—1838), драматург, переводчик, с 1818 г. член конторы дирекции императорских театров в Петербурге, управляющий московскими театрами (1823—1831), член общества любителей российской словесности при Московском университете.

8 Бегичев Михаил Львович (1797— ?), в службе с 1813 г. подпрапорщиком в Лейб-гвардии Преображенском полку, в 1827 г. зачислен в Штаб отдельного корпуса жандармов и при командирован к начальнику Московского жандармского округа ген. Волкову. Уволен из Штаба корпуса в 1837 г. с назначением старшим полицмейстером Московской управы благочиния.

9 Гонзаго Пьетро Готтардо (1751—1831), итальянский театральный художник, декоратор. Считал, что декорация должна отражать смысл и характер сценического действия. Стремился возродить “театр декораций”, распространенный в европейских театрах в сер. XVIII в. Приехал в Россию в 1792 г. уже прославленным мастером и нашел поддержку у Н. Б. Юсупова, владельца “Архангельского”. Открытие “театра Гонзага”, так называли театр Юсупова, состоялось 8 июня 1818 г., когда владелец усадьбы принимал у себя Александра I и пруссого короля Фридриха Вильгельма III. Всего для театра “Архангельского” Гонзаго исполнил десять декораций и занавес. До настоящего времени сохранился занавес и четыре декорации.

10 Меньшиков Александр Сергеевич (1787—1869), светлейший князь, адмирал, управляющий Морским министерством, с 1830 г. — финляндский генерал-губернатор, в 1853 г. Чрезвычайный посол в Константинополе, главнокомандующий русской армией в Крыму в 1853—1855 гг.

11 Ланкастерская система взаимного обучения — система организации и методов обучения в начальной школе, при которой старшие и более успевающие ученики под руководством учителя вели занятия с остальными учащимися. Название получила по именам английских педагогов А. Белла и Дж. Ланкастера, независимо друг от друга выдвинувших сходный метод обучения. В России такие школы стали открываться в 1818 г., но широкого распространения не получили.

12 Ровинский Александр Павлович (1774— ?), записан сержантом в Киевский гренадерский полк (в 1779), с 1768 г. в Кинбурнском драгунском, затем служил в Брянском пехотном, Новгородском пехотном полках, был адъютантом Киевских генерал-губернаторов: инспектора Украинской пехоты, генерала от инфантерии А. С. Фенша (1800—1803), генерала от кавалерии А. П. Тормасова (1803—1806) а затем у генерала от артиллерии П. И. Меллера-Закомельского (1806—1811), в ноябре 1811 г. “за болезнью уволен был от службы подполковником с мундиром...” и пенсией. Командир 2-го пехотного полка Нижегородского ополчения (сентябрь 1812 — октябрь 1814), начальник 2-й бригады Нижегородского ополчения (октябрь 1814 — апрель 1815). С апреля 1817 г. 3-й полицмейстер в Москве, с июля 1817 г. полицмейстер. Подполковник (с 1811).

13 Фетх-Али-шах (1766—1834), иранский шах с 1797 по 1834 г. Династия Каджаров.

14 Махмуд II (1785—1839), султан с 1808 по 1839 г. Возведен на престол в результате переворота, провел ряд реформ, в том числе военную и административную.

15 Голицына (урожд. Васильчикова) Татьяна Васильевна (1782—1841).

16 Грибоедова (урожд. Грибоедова) Настасья Федоровна (1768— ?), из столбовых дворян. Среди ее предков Федор Иоакимович Грибоедов, член комиссии по составлению “Соборного уложения” 1649 г., составивший по поручению царя Алексея Михайловича “Историю о царях и великих земли русской”. Старший брат Федора Михаил при царе Василии Шуйском “противу... злодеев стоял крепко...”, за что и получил уже при царе Михаиле Федоровиче в 1614 г. вотчину (с. Хмелита) в Вяземском уезде на Смоленщине.

17 Бобринская (урожд. Самойлова) Софья Александровна (1799—1866), двоюродная сестра Н. Н. Раевского. Была тесно связана с придворными кругами, пользовалась доверенностью Императрицы Александры Федоровны. Интересовалась литературой, искусством, поэзией, дружеские отношения связывали ее с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым.

18 Темирязев Сергей Семенович, тульский полицмейстер.

19 фон Трейблут, тульский гражданский губернатор.

Материалы из фонда московского градоначальника // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 222—241. — [Т. XII].

III

1

Господину Московскому Гражданскому губернатору

Министерство внутренних дел

Департамент полиции исполнительной

Отделение 3. Стол 2

5 июня 1829 № 2447

О путешествии персидского принца Хозрев-Мирзы

Персидский принц Хозрев-Мирза, сын наследника Персидского престола, имеет в скором времени предпринять путешествие из Тифлиса через Москву в С.-Петербург в сопровождении г-на генерал-майора Ренненкампфа.

По сему случаю я нужным счел поручить Вашему Превосходительству, чтобы во время следования принца сего чрез вверенную Вам губернию оказываемо было ему и свите его всевозможное внимание, высокому сану его соответственное, и во изъявление почестей сообразоваться с церемониалом, коим генерал-майор Ренненкампф снабжен на сей предмет от г-на главнокомандующего графа Паскевича Эриванского.

Управляющий министерством внутренних дел: Федор Енгель

Исправляющий должность директора: Покровский

На полях резолюция: Предписать по тракту

К делу 5 июня.

2

Серпуховскому, Подольскому и Клинскому гражданским
судьям и Московскому земскому суду

По 1 столу

№ 6594

Г-н управляющий министерством внутренних дел уведомил меня, что персидский принц Хозрев-Мирза, сын наследника персидского престола, имеет в скором времени предпринять путешествие из Тифлиса через Москву 12 июня 1829 в С.-Петербург в сопровождении г(осподина) генерал-майора Ренненкампфа. Почему я предписываю Вам, земскому суду, чтобы во время следования принца сего через вверенный Вам город через уезд оказываемо было ему и свите его всевозможное внимание, высокому сану его соответственное, и во изъявление почестей сообразовав с церемониалом, каким генерал-майор Ренненкампф снабжен на сей предмет от г. главнокомандующего графа Паскевича-Эриванского и вообще в случае надобности, оказывать ему возможные пособия — по проследованию же мне донести.

М. Г. Г.

(Московский генерал-губернатор)

3

Список разделению экипажей и лошадей, потребных под своз чиновников и служителей, назначенных в сопровождение Его Высочества Хозрева-Мирзы при отправлении в С.-Петербург

Номера экипажей

колясок

повозок

к ним упряжныхлошадей

число чиновников

людей служителей

1.

Коляска Его Высочества Хозрев Мирзы

1

—

6

1

1

2.

Коляска Генерал-Майора Ренненкампфа и чиновника 9 класса Шанбура

1

—

6

2

1

3.

Коляска Емир-низаму и Мирзе Масуду

1

—

6

2

1

4.

Коляска Мирзе Сале и Мирзе Бабе

1

—

6

2

1

5.

Бричка на рисорах Мирзе Тоги, Мирзе Багир и Джафар Кули Бек

1

—

4

3

1

6.

Коляска Фазиль Хан, Мирза Мустафа, Джафар Кули Бек и Мирза Ага

1

—

6

4

—

7.

Коляска Аги Агиреф Бек, Джафар Бек, Науруз Али Бек

1

—

4

3

1

8.

Бричка на рисорах Г. Г. Симено и Маньяга1

1

—

4

2

1

9.

Коляска Гусейн Али Бек и Мирзе Джафар

1

—

4

2

—

10.

Бричка без рисор служителям Емиру Низами

1

—

4

—

4

11.

Бричка без рисор Г. Г. поручики Визиров, прапорщик Коры Огланов2

1

—

4

2

1

12.

Фура

1

—

6

—

2

13—16.

Простые и тяжелые повозки для тягости Его Высочества

—

4

12

12

—

—

17.

Тяжелые повозки с тягостями Емир Низама

—

1

3

—

1

18.

Казанская повозка с запасами съестными припасами для Его Высочества В прикладных и скуплены повозки:

—

1

5

—

2

19.

для людей Мирза Баба

—

1

3

—

2

20.

для людей Мирза Масута

—

1

3

—

1

21.

для людей Мирза Сале

—

1

3

—

1

22.

для кехвайга Его Высочества

—

3

—

2

23.

для людей Емир Низама

—

1

3

—

2

Итого в казенных экипажах и повозках

12

11

95

23

25

Сверх сего прикладных повозок:

Сверх сего прикладных повозок:

подпоручику Кашперову

—

1

3

1

1

Фельдъегерю Якунину

—

1

3

1

—

Для Его Высочества

—

2

6

—

—

Для Эмир Низама

—

1

3

—

—

Всего лошадей

—

15

110

—

Генерал-майор Ренненкампф

4

Список ежедневного продовольствия свиты Его Высочества Хозрева Мирзы, исключая особенного стола для Его Высочества из 24 кувертов

Для его свиты полагается еще следующие припасы всего на 25 человек.

Барашков — 6 шт.

Сарачинского пшена — 2 пуда

Говядины — 1 пуд

Курей — 20 шт.

Цыплят — 30 шт.

Яиц — 300 шт.

Соли —16 фунтов

Масла — 25 фунтов

Крупчатой муки — 1 пуд 20 фунтов

Французского хлеба — 2 пуда

Луку — 16 фунтов

Агурцов — 300 шт.

Уксуса — 2 штофа

Лимонного соку — 2 штофа

Меду крупчатого — 3 фунта

Молока — 2 ведра

Сальных свечей, восковых — штук 60

Рому — бутылок 6

Столового вина — бутылок 15

Пива — бутылок 30

Меду — бутылок 40

Сахару — 3 пуда

Чаю — 2 фунта

Кофию — 6 фунтов

Кофию — 6 фунтов

Табаку вакчтану — 2 фунта

Табаку турецкого — 2 фунта

Вареньев банок

Корицы, гвоздики, имбиру, перца, лаврового листу, кардамону, фисташек, изюму, разной зелени — по требованиям чернослив и шафрану

Генерал-майор Ренненкампф

5

Должности чиновников, находящихся при Его Высочестве принце Хозрев-Мирзе

1. Гусейн Али-Бек — дядька

2. Мирза Мафарь назир — надсматривает над вещами его высочества

3. Мирза Багир — род камердинера

4. Фазиль Хан — поэт

5. Али Ашреф Бек сундук-дар — казначей

6. Мирза Ага Мушраф — род камердинера

7—8. Кафар Бек, Наурус Бек — пишмидеты, камердинеры, которые при нем всегда безотлучны

9—11. туфекдари, оруженосцы

12. Секретный фараш*, экзекутор — стелет постель принцу, наказывает, кого следует и тому подобное

13. Фараш — подчиненный секретного фараша

14. Абдар — подает воду

15. Кафечи — подает кофе

16. Цирюльник

17. Повар

18. Шербет-дар — подает шербет и лимонат

19. Водовоз

20. Хлебник

Главнейшие особы

1. Емир Назам — главнокомандующий всех регулярных войск в Персии. Сия особа в сем посольстве важнее самого принца.

2. Мирза Масут — статс-секретарь Его Высочества.

3. Мирза Сали — секретарь Его Высочества.

4. Мирза Баба — доктор молодого принца.

5. Мирза Таги — секретарь главнокомандующего Емир Назама. Его должность — вести ежедневный секретный журнал путешествия.

6. Г(осподин) Семено — адъютант Его Высочества Абас-Мирзы, служил при Наполеоне капитаном, перешел в персидскую службу и занимает должность первого инженера артиллерии.

Размещение по квартирам

Чиновники, которые должны быть размещены в одном доме

Гусейн Али Бек

Мидзарь Мафа

Фазиль Хан

Мирза Багир

В трех комнатах близ принца

Алла Али реф Бек

Мирза Ага Мушраф

Жафар Бек

Наурус Бек

Три Туфендкдори

Секретный фараш

Аббар, фараш, кафечи

Цирюльник, повар,

Шербет-дар, водовоз и хлебник

Должны быть помещены в одном доме, судя по должности им отправляемой каждым

Размещение чиновников по особым квартирам

Емир Назам — в одном доме, как можно ближе к принцу, занимает не менее 4-х комнат.

Мирза Масут, Мирза Сали — в особом доме

Мирза Баба, Мирза Таги — в особом доме

Г-н. Семено, Г-н. Маньяго — оба вместе в особом доме

Размещение по квартирам русских чиновников

Генерал-майор Барон Ренненкампф, 9 класса Шамбург, писарь — в особом доме

Порутчик Визирев, Подпорутчик Кашперов, Прапорщик Кархогланов, Фельдъегерь и двое казаков — в особом доме

Особые примечания

Принц встает в 11 и 12 часу, завтракает во 2-м, обедает в 8 часов, по захождении солнца. Любит, чтобы вечером была музыка перед его окошками.

Когда бывает приглашен к кому-нибудь на обед, то накрывается ему особенный стол с

почтеннейшими лицами того города, потому что его чиновники не смеют при нем ни есть, ни сесть, а для того они обедают в другой комнате на другом столе.

Любимая их пища: мед, лимонат и все вообще кисло-сладкое; вина же не употребляют никакого. Любят очень хорошее варенье, апельсины, лимоны, землянику, клубнику и все вообще ягоды, даже и огурцы. Для приготовления шербета нужна клюква.

Почивает на мягком. Большой охотник до российских балов, равно как и все его чиновники.

6

О приезде Хозрев Мирзы

Воронежский Гражданский губернатор

25 июня 1829

Воронеж № 5556-м

Московскому Военному генерал-губернатору от инфантерии

князю Голицыну

Господин генерал-майор Ренненкампф вследствие данной ему от Его Сиятельства господина главнокомандующего в Грузии графа Паскевича-Эриванского инструкции от 21 сего июня извещает меня о времени прибытия в Воронеж следующего по Высочайшему повелению послом к Государю Императору в С.-Петербург внука шаха Персидского Хозрев Мирзы, сына наследника персидского престола Аббас Мирзы с отношения сего, а также и особо полученного мною списка чиновникам, состоящим в свите Его Высочества с подробным означением их должности я имею честь препроводить при сем копии для сведения Вашего сиятельства и учинения согласно отношения г. генерал-майора Ренненкампфа распоряжение о приготовлении лошадей в надлежащее время.

Гражданский губернатор г. фон (нрзб.)

7

Рапорт

Подольского земского исправника

Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Московскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру Николаю Андреевичу Небольсину

Ваше Превосходительство от 16-го сего июня за № 2070 в предписании давая знать о проезде чрез

уезд Хозрев Мирзы, сына наследника персидского престола Аббас Мирзы, при котором приложен список чиновникам, при Его Высочестве находящемся, из коего усматриваю, что для оных потребно будет девять колясок и семнадцать повозок; всего сто три упряжные лошади и предписать изволили приготовить лутчия квартиры, позаботиться вообще о всем том, что будет нужно к доставлению спокойного ему следования; а как о времени следования Его Высочества не известно и может быть внезапное прибытие, по наряду с разных селений не могло сделать остановку, а потому испрашиваю Вашего Превосходительства начальнического предписания.

№ 78 июня 27 дня 1829 года

Исправник Сорохтин3

8

Серпуховскому предводителю дворянства

Милостивый Государь Александр Петрович!4

По установленному на сей случай Г. Московским ген.-губернатором церемониалу Его Сиятельству угодно было назначить, чтобы при въезде Его Высочества в город Серпухов Г(осподин) Городничий5 встретил Его верхом и сопровождал до назначенного ему дома, у подъезда коего Ваше превосходительство с избранными от Вас дворянами Серпуховского уезда, приняв Его приличным образом, сопроводили в отведенную ему залу.

Уведомляя о сем Ваше превосходительство, я с своей стороны имею честь убедительно просить Вас, милостивый государь, не угодно ли будет Вам для увлечения сего Принца в вечернее время отрядить хор Вашей музыки, к коей Его Высочество имеет особенную склонность. Затем по окончанию церемониала в городе Серпухове, пожаловать для составления такого же церемониала соответственно в знаменитой Российской столице, в Москву, куда по назначению г. М(осковского) В(оенного) г(енерал-)г(убернатора). прибудут все г.г. предводители дворянства Московской губернии.

9

Г(осподину) Серпуховскому Городничему

8 июля 1829 № 7629

В дополнение поручений, какие я сделал Высокоблагородию касательно принятия Персидского Принца Хозрева Мирзы, сына наследника Персидского Престола, который прибудет в Серпухов 10-го или 11 числа предписываю Вам:

1-е. Встретить его в начале города верхом с избранными от Вас чиновниками и сопроводить до самого дома, отведенного для постоя Его Высочеству.

2-е. В продолжении этого времени, в которое Его Высочеству угодно будет остаться в Серпухове наблюсти дабы стечение народа не произвело беспорядка и не обеспокоило Принца.

3-е. По препровождаемому при сем списку ежедневного продовольствия для свиты Его Высочества сделав предварительно хозяйственные (...) приготовить все припасы [отмечая] чего не можно будет найти в городе, доложить немедленно, дабы я мог распорядится доставлением благовременно недостающего.

4-е. Особенно наблюсти, дабы в вечернее время город был иллюминован, в чем имеете (...) с требованием содействия к Г. Градскому Голове, который (...) с сим от меня получит касательно сего письмо (...)

(/...)

Его Превосходительство Александр Петрович Нащекин (...) моему пришлет в Серпухов хор музыки, то поставить оный в удобном и недальнем от квартирования Принца месте, между тем постараться собрать из народа песельников и поместить их противу хора музыкантов*...

Помета: № 7628

10

От Серпуховского Градского главы Варгина всенижайшее донесение

Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Московскому Гражданскому Губернатору и кавалеру Николаю Андреевичу Небольсину

Во исполнение Вашего превосходительства предписания, полученного мною сего июля 9 числа касательно оказывания Высокому путешественнику Принцу Хозреву Мирзе, который изволил прибыть в город Серпухов 12 числа пополудни, в 10 часов мною с купеческим и мещанским избранным сословием встречен был с приличным радостным уважением и сверх оного против дома моего был зажжен щит с вензелем сего Принца наименованием, и на площади иллюминация, и были к тому приготовлены мною на сей случай. Русские национальные наши певчие, коими остался доволен, а на другой день 13 числа, отблагодаря меня, изволил выехать из Серпухова поутру в половине 11 часа. Но в протчем Вашего Превосходительства можете чувствовать обо всем лично от присланного от (нрзб.) г-на чиновника, какое здешнее гражданство оказало оному Высокому путешественнику униженное приветствие, потому что каждый себе вменял в удовольствие хотя только удостоиться видеть.

И с сим донесением остаюсь навсегда Вашего Превосходительства полным в точности исполнителем Ваших предписаний.

Градский глава Варгин

Июля 12 дня 1829 года Серпухов

11

Рапорт Подольского городничего

Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Московскому Гражданскому Губернатору и кавалеру Николаю Андреевичу Небольсину

Его Высочество принц Хозрев Мирза, сын наследника персидского престола, 12 числа сего месяца пополудни в шесть часов у застав города Подольска мною с чиновниками и градским головою с обывателями был встречен и препровожден до назначенной Его Высочеству квартиры, где был принят господином уездным предводителем6 с дворянами. У квартир Его Высочества находилась музыка и песельники. Вечерний город был весь уильменован*. Его Высочество при отправлении своем в столичный город Москву сего числа утром в девятом часу изволили изъявить лично свою благодарность, и хозяйке дома подарил шаль, о чем сим Вашему Превосходительству имею честь донести.

Городничий Левской7

№ 1026-й июля 14 дня 1829 года

На полях резолюция: 16 июля 1829 к сведению.

12

Серпуховскому господину городничему

Видя из рапорта ко мне от 12 сего июля за № 2193-м благоразумное распоряжение во время встречи и пребывания в городе Серпухове Его Высочества сына наследника персидского престола Принца Хозрева Мирзы за долг себе имею объявить вам свою благодарность*.

13

Копия письма московского гражданского губернатора Н. А. Небольсина клинскому исправнику

Московского гражданского

губернатора канцелярия

Москва 23 июля 1829 № 8189

В дополнение данного Вам от меня предписания имеете Вы тотчас с получением сего для путешествия в С.-Петербург Персидского Принца Хозрев-Мирзы с своею свитою приготовить на Завидовской станции исправных девяносто ямских лошадей, а чтобы не отяготить сим нарядом ямщиков Клинской и Вахонинской слобод, то объявить сим, что они на каждую лошадь получат по пяти рублей, коих отдать в распоряжение почтамскому чиновнику, нарочно для сего командированному.

Я уверен, что сие поручение мое постарайтесь вы исполнить с совершенною точностию и заставите особенно обратить на все мое внимание. По исполнению тотчас мне донести.

Подлинное подписал

Гражданский губернатор Небольсин

С подлинником верно. Исправник Евреинов8

14

Рапорт клинского земского исправника

Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Московскому Гражданскому губернатору Двора Его Императорского Величества Камергеру и кавалеру Николаю Андреевичу Небольсину

По предписанию Вашего Превосходительства, полученному мною сего июля 24 числа, я приготовил лошадей в Клину для проезда Его Высочества, отправился в Солнечную гору для встречи и препровождения, где получил второе предписание Вашего Превосходительства о приготовлении девяноста лошадей в селе Завидове. Которое предписание выполнено мною в точности и Его Высочество препровожден мною чрез Клинский уезд благополучно.

О чем Вашему Превосходительству имею честь донести.

Исправник Евреинов

№ 29 июля 26 дня 1829 года

15

Рапорт клинского городничего Река9 О прозследовании чрез город Клин Наследного Принца

Персидского престола в С.-Петербург

Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Московскому Гражданскому губернатору Камергеру и кавалеру Николаю Андреевичу Небольсину

Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 20-го сего июля за № 8144 имею честь донести, что Персидский Принц, сын наследника персидского престола, Хозрев Мирза прибыл во вверенный мне город Клин со свитою своею в сопровождении г. генерал-майора Ренненкамфа 25 числа пополуночи в 10 часов.

Встречен мной у заставы и подан о благополучном состоянии города рапорт и препровожден до

предназначенной к отдохновению Его Высочества квартиры, где у крыльца за отсутствием предводителя10 сдешним судьею с некоторыми прибывшими из уезда дворянами и сдешними городскими чиновниками встречен и сопровожден в комнаты, причем Градским главою и присудствующими по выборам и от общества лицами приветствован хлебом и солью. Сдесь Его Высочеству угодно было принимать бывших при встрече дворян и чиновников, равно со стороны военной ординарцев и вестовых, и после завтрака и отдохновения, продолжавшегося около двух часов, Его Высочество изволил отправиться благополучно из города Клина в дальнейший путь по тракту в Санкт-Петербург и таким же образом препровожден мной до выезда из города.

№ 2481 26 июля 1829 года г. Клин

На полях резолюция: К сведению 29 июля 1829

16

Господину Московскому Гражданскому Губернатору О путешествии Принца Хозрев Мирзы

Министерство Внутренних дел

Департамент Полиции исполнительной

Отд. 3. Стол 2. 9-го окт. 1829

№ 4702

Персидский посол Принц Хозрев Мирза с свитой своею предпринимает 13-го числа сего октября обратное путешествие из С.-Петербурга в сопровождении Генерал-майора Ренненкампфа, находящегося при Его Высочестве приставлен.

Для Принца и Его свиты потребно сто девяносто три лошади*, как Вы увидите из прилагаемой при сем росписи экипажам. В следствие сего я поручил Вашему Превосходительству сделать зависящее от Вас распоряжение, чтобы ко времени проезда Его Высочества чрез вверенную Вам губернию означенное количество лошадей было изготовлено на станциях, посредством наряда, в дополнение к почтовым, обывательских лошадей, где сие представится необходимым.

Дабы не отяготить поселян иногда напрасным простоем на станциях, то о дне, к которому помянутые лошади должны быть выставлены, Вы будете заблаговременно извещены от Г. Генерал-майора Ренненкамфа.

Ваше Превосходительство имеете наблюсти, чтобы во время следования Принца и Его свиты чрез вверенную Вам губернию, было оказываемо Его Высочеству и Особам Его свиты должное уважение и чтобы встречи делаемы были повсюду на основании инструкции, данной по сему предмету от Г. Генерал-фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванского Генерал-майору Ренненкампфу, который будет сообщать о том всем местным начальствам, до коих сие относиться может, и для сего Вы имеете исполнять все требования Г. Генерал-Майора

Ренненкамфа с точностию и без замедления, равно и предписать.

Министр Внутренних Дел Генерал-адъютант Закревский11

Исправляющий должность директора Покровский

17

Роспись экипажам и числу лошадей, требуемых персидским посольством при отправлении из Санкт-Петербурга

Колясок

Повозок

Лошадей

Для дормеза Принца

—

—

8

1.

Емир-Низаму и Мирзе Масуду

1

—

8

2.

Мирзе-Сале и Мирзе Бабе

1

—

6

3.

Гусейн-Али Беку и Мирзе Джафару

1

—

6

4.

Мирзе-Таги и Мирзе Багиру

1

—

6

5.

Г. Г. Семино и Маньяго

1

—

6

6.

Фазиль-Хану и Мирзе Мустафе

1

—

6

7.

Али-Ашреф Беку и Джафар Беку

1

—

6

8.

Мирзе-Аге и Джафар-Кули Беку

1

—

6

9.

Науруз-Беку и Али Пенах Беку

1

—

6

10.

Дервиж Али Беку и Талеб Беку

1

—

4

11.

Двум приближенным Емира Низама

1

—

4

12.

Мамед-Сале Беку и Шефи Беку

1

—

6

13.

Фура для съестных припасов

Его Высочеству, повару Его и лакею

1

—

8

14.

Для Его Высочества больших тяжелых фур

—

5

15

15.

Для кухни Его Высочества

—

5

15

16.

Емир Низаму

—

4

12

17.

Мирзе Сале

—

2

6

18.

Мирзе Бабе

—

2

6

19.

Четырем чиновникам Его Высочества

—

2

6

20.

Мирзе Таги и Мирзе Батыру

—

2

6

21.

Г. Г. Семино и Маньяго

—

2

6

22.

Генерал-Майору Ренненкамфу и титулярному советнику Шаумбургу

1

1

9

23.

Порутчику Визиреву и прапорщику Карагланову

1

1

7

24.

Подпоручику Кашпареву и фельдъегерю

1

—

4

25.

Двум урядникам

—

1

3

26.

Для тяжестей и 4-х людей

—

2

6

Итого

16

31

193

Верно: Начальник стола К. Холодовский

18

Донесение Московского почтдиректора

Граф П. П. Сухтелен

14 окт. 1829. № 9638

Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Московскому Гражданскому Губернатору и кавалеру Николаю Андреевичу Небольсину

Г. Главнокомандующий над почтовым Департаментом в предписании от 9 сего октября изъясняет, что Г. Вице-канцлер сообщил Его Сиятельству, что принц Хозрев Мирза отправляется обратно через Москву прямым трактом в Тифлис 13 числа сего месяца и что для него и для свиты нужно по росписанию 193 лошади. Просим о предписании кому следует, дабы по тракту между С.-Петербургом и Москвою к назначенному времени было в готовности на станциях помянутое число лошадей.

Что же касается до пути от Москвы до Тифлиса, где нужно сделать наряд обывательских лошадей, то о дне приезда Принца в каждую губернию поставлено в обязанность приставу при Хозрев-Мирзе Генерал-Майору Ренненкампфу сообщить Г. Г. начальникам губерний предварительно так, чтоб можно было успеть выставить лошадей, не отягощая поселян долговременным ожиданием проезда посольства. Так как Граф Карл Васильевич12 сообщил уже об отъезде Принца Хозрева-Мирзы Г. Управляющему Министерством Внутренних дел, от которого зависит усиление почтовых станций лошадьми, то Г. Главноначальствующий изволил поручить мне сделать надлежащие распоряжения во вверенной мне дирекции, дабы со стороны почтовой все было в готовности и исправности для безостановочного проезда Принца для лучшего же сего дела устройства приказал отправить благонадежного и расторопного чиновника от Москвы до Тифлиса.

Извещая о сем Ваше Превосходительство и прилагая список экипажей, я покорнейше прошу о принятии скорых мер к усилению станций Санкт-Петербургского тракта Московской губернии лошадьми, как прибывший нынешний день с Санктпетербургскою почтою почталион донес, уже по Тверской губернии выставлены, хотя же от Санкт-Петербурга и следует для устройства станций до Москвы чиновник осмотра почтовых станций Цуцкин, но я теперь же отправляю до встречи с ним чиновника осмотра почтовых станций Штемпеля, коего покорнейше прошу Ваше Превосходительство снабдить насчет сей вашими приказаниями к Градским и Земским полициям о последующем же не оставить меня без благосклонного уведомления.

Московский почтдиректор

Иван Рушковский*

19

Господину Московскому Гражданскому Губернатору

О проезде Персидского Принца

Управление Московского военного генерал-губернатора

Канцелярия гражданская. Экспедиция 2 Стол 2

№ 4809

Дежурный Генерал Главного штаба Его Императорского Величества уведомил меня, что по случаю обратного следования Персидского Принца Хозрева Мирзы от С.-Петербурга чрез Москву до города Тифлиса Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

“Делать Его Высочеству на пути его следования встречи и отдавайте честь от войск, расположенных по означенному тракту по положению, установленному для Великих князей императорского Российского дома.”

Во исполнение сей Высочайшей воли я рекомендую Вам сделать надлежащее распоряжение к принятию в Московской губернии Персидского Принца, извещая при том, что Его Высочество 17 числа сего месяца выехал из С.-Петербурга и по предположению будет иметь ночлеги — здешней губернии в Клину, Серпухове и в Москве и прибудет к 23 числу в Москву к вечеру.

Москва 22 окт. 1829 г.

Московский военный генерал-губернатор В. Голицын

20

Московскому гражданскому губернатору

Н. А. Небольсину

Милостивый государь Николай Андреевич!

Санкт-петербургский почт-директор препроводил ко мне полученной им от Г. Генерал-адъютанта графа Сухтелена для сведения и надлежащего распоряжения в копии маршрут для обратного следования Персидского Принца Хозрев Мирзы от Санкт-Петербурга до Тифлиса с примерною отметкою ночлегов, назначенных для его Высочества.

Я нужным нахожу приложить при сем таковую же копию для равномерного сведения Вашего Превосходительства, имея честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию, Милостивейший государь,

Вашего Превосходительства покорнейший слуга Иван Рушковский

№ 9933. 23 окт. 1823 Москва

На полях резолюция: № 11961 к делу. Уведомить по тракту.

21

Маршрут из Санкт-Петербурга в Москву, Воронеж, Новочеркасск, Ставрополь и Тифлис

Название мест

Число верст

Каких губерний

Примечания

Городня

30?

Тверской

—

Завидово

25

—

—

г. Клин

28

Московской

ночлег

Гользино, Солнечная гора тож

23

—

—

Черная Грязь

30

—

—

г. Москва

26

—

—

Итого

162?

—

—

г. Подольск

30

—

—

Зачатейское, Лопасня тож

32

—

—

г. Серпухов

27

—

ночлег

Ведолинский завод

33

Тульской

—

Вашаня

28

—

—

Волотя

20

—

—

Тула

15

—

ночлег

Итого

185

Дедилова

33

Орловской

—

г. Богодолук

25

—

ночлег

Никитокое

25

—

—

Большие плоты

27

—

—

г. Ефремов

—

—

ночлег

Николаевка

20

Орловской

—

Пальня

22?

—

—

г. Елец

27

—

ночлег

Извилье

19

Воронежской

—

г. Задонск

19

—

—

Бестужевка

14

—

—

Староживоглинное

17

—

—

г. Воронеж

25

—

ночлег

Итого 315?

Усмань

12

—

—

Рогачевка

15

—

—

Можайский поселок

23

—

—

Средний ипораз

24

—

—

Шестаково

34

—

ночлег

Лосево

14

—

—

г. Павловск

26

Земля войска Донского

ночлег

Кизинка Хутор

200

—

—

Нижний Мамон

23

—

—

Бычек

27

—

ночлег

Матюшинский Лог

23

—

Сухоложная

23?

—

Верхняя Лозовая

30

—

Нижняя Лозовая

27

—

Суховская

32

—

ночлег по причине переправы

Разсошинская

28

—

—

Астаковская

30?

—

—

Харьковская

25

—

ночлег

Кундричевская

33

—

—

Константиновская

26

—

—

г. Новочеркасск

30?

—

ночлег

Итого 530?

—

—

Змиевская

21?

—

—

Битайская

26?

—

—

Кагальницкая

26?

—

—

Мечетная

28

—

ночлег

Егорлыцкая нижняя

26?

—

—

Егорлыцкая средняя

19

—

—

Пощанокопановская

27

—

—

Розсыпная или Легнецк

14?

—

—

Калаловская

24

—

ночлег

Медвежье

Колодезная

22

—

—

Преградная

23

—

—

Безопасная

25

—

—

Донская

22

Орловской

—

Московская

18

—

ночлег

г. Ставрополь

31?

—

ночлег

Итого 354?

Покровская или Башнагор

31

Область Грузии

—

Сергеевская

33

—

—

Калиновка

16?

—

—

Г. Александров

18?

—

ночлег

Саблев

25

—

—

Александрия

40

—

—

г. Георгевск

12

—

ночлег

Павловская

25

—

—

Мелко солдатская

20

—

—

Прохладная

17

—

—

Екатериноградская

18

—

ночлег

Укрепление на пришибе

15

—

—

Пост Урухской

23

—

ночлег

Верхне-Ждулатской

14

—

—

Адронской

21

—

—

Крепость Владикавказа

32?

—

—

Ларс

25

—

—

Казбек

16?

—

—

Коби

16

—

—

Мыс кайшаур

21?

—

—

Пасанаур

15

—

—

Ананур

21

—

—

г. Душет

11?

—

—

Гартиснар

24

—

—

Г. Тифлис

21

—

—

Примечание: Само собой разумеется, что в путешествии на таком дальнем разстоянии в числах может последовать изменение.

Верно: Петр Ре (нрзб.)

22

Московскому гражданскому губернатору

Н. А. Небольсину

№ 10299

Милостивый Государь, Николай Андреевич!

Господин Генерал-Майор Ренненкамф, уведомляя меня сего числа, что послезавтра, то есть 6 ноября Персидское, Чрезвычайное Посольство предполагает выехать из Москвы, просит учинить распоряжения нащет заготовления на станциях лошадей.

Почему я сообщая о сем Вашему Превосходительству покорнейше прошу о приказании, кому должно, усилить здешнюю, так и другие станции Московской губернии лошадьми по благоусмотрению Вашему, дабы в отправлении почт, эстафет и курьеров не могло последовать остановки. Для устройства же на станциях порядка по воле высшего начальства командирован мною чиновник осмотра почтовых станций Цуцкин, который будет сопровождать посольство до Тифлиса.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства покорнейший слуга Иван Рушковский

4 ноября 1829 Москва

23

Рапорт Серпуховского городничего

о проезде персидского принца Хозрев Мирзы

Его Превосходительству господину действительному Статскому Советнику

Московскому Гражданскому губернатору и кавалеру

Николаю Андреевичу Небольсину

Вашему превосходительству сим честь имею донести, что Его Высочество персидский принц Хозрев Мирза в город Серпухов прибыл с свитою своею сего ноября 8-го числа пополудни в 4 часа который мною встречен верхом при въезде в город и препровожден на квартиру, по переночевании же 9 числа пополуночи в 9-ть часов был мною из города Серпухова выпровожден по тракту к городу Туле перешед чрез реку Оку Сам пешком, а протчие на повозках благополучно

Городничий Романович

№ 3446 ноября 11 дня 1829 года

На полях резолюция: 15 ноября 1829 к делу.

24

Рапорт Клинского земского суда

Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Московскому Гражданскому Губернатору Двора Его Императорского Величества Камергеру и Кавалеру Николаю Андреевичу Небольсину

Сей суд, озабочиваясь в исполнении предписания Вашего Превосходительства о представлении отчетов за 1829 год к 15 января сего года зделал предписание о подаче в сей суд к составлению общего о издержанных по волостным правлениям расходах денежных сумм Волостным головам к 7 числу сего генваря, на что Клинской Ямской волости голова Афанасьев сего числа рапортом донес, что о назначенных для удовлетворения ямщиков, находящихся с лошадьми по предписанию Вашего Превосходительства для обратного путешествия из С.-Петербурга Его Величества Персидского Принца Хозрев-Мирзы и свиты его, на станции в городе Клину учиненный обществом приговор при рапорте представлен того 1829 года ноября 26 дня за № 69 на утверждение в Московскую казенную палату, но на сей рапорт от оной палаты оприверждения еще не последовало, без чего и повеленной за 1829 год ведомости о издержках по той волости составить и представить не может почему и определено: с прописанием рапорта волостного головы Афанасьева Вашему Превосходительству донести и о скорейшем разрешении от казенной палаты представленного приговора просит учинить Вашего Превосходительства в палате настояние, дабы в представлении к Вашему Превосходительству к 15 числу не могло последовать остановки.

Генваря 2 дня 1830 года

Исправник Евреинов Секретарь (нрзб.) Г. советник Вяхирев

На полях резолюция: 1) Немедленно справиться о проезде Хозрев Мирзы. 2) Приказано предварить о выдаче по пяти рублей за лошадь.

26

Господину Московскому Гражданскому Губернатору

Управление Московского Военного Генерал-губернатора

Канцелярия

Канцелярия

Гражданская экспедиция стол

С.-Петербург 29 марта 1835 № 355

Граф Карл Васильевич Нессельроде в ответе на отношение мое к нему от минувшего января № 246 уведомил меня, что Государь император Высочайше повелеть изволил: деньги сверх ассигнованных в минувшем году 50 т. р., передержанные на содержание и угощение в Москве Персидского Принца, а также израсходованных по случаю проезда через Москву Шахмала Тарковского13 и в совокупности с передержаного для Хозрев Мирзы, составляющая всего 11 851 руб. 17 коп., возвратить из Государственного казначейства и что о таковой монаршей воле он сообщил Г(осподину) Министру Финансов к исполнению.

Г(осподин) Действительный Статский Советник Булгаков, который сопровождал персидское посольство и которого о назначении к отпуску означенных денег я уведомил, — отозвался мне, что он сам лично намеревался привести все счеты по сему предмету к совершенному окончанию, но как он отправится в Москву после праздника Св. Пасхи, а между тем некоторые лица жаловались ему на неудовлетворение их должными деньгами, то дабы их не заставить ждать еще лишнее время, я предложил вместе с сим Московской казенной палате помянутую сумму одиннадцать тысяч восемьсот пятьдесят один рубль семнадцать копеек, доставить к Вашему Превосходительству и о том уведомить Вас, предлагаю Вам из оных (согласно с отношением, посланным к вам г. Булгаковым) удовлетворить следующими деньгами ямщиков, поверенного графини Разумовской Г(осподина) Венкштерна за дом и мебельного мастера Краузе со взятием с них расписки. О долге можете узнать от Г(осподина) Лина, у коего находится шнуровая книга и прежние расписки; остальные сии счеты оставить до приезда в Москву Г(осподина) Булгакова; о последующем по сему меня уведомьте.

Моск. военный генерал-губернатор В. Голицын

27

Ассигнованные по представленным счетам 11 851 р. 17 коп. Действительным статским советникам Булгаковым предназначается к выдаче именно:

Г(осподину) Камергеру Сафонову — 937-8

Купцу Попову — 931-50

Военно-рабочим — 208-80

За песок и дерн — 81

Купцу Севрюгину — 100

Стекольщику Спиридонову — 132-25

По счету колымажного двора — 179-60

Ямщикам — 1897-60/2

Купцу Краузе — 1000

Печнику Кострову — 366-20

Мебельному мастеру Фрейману — 1255

За эстафету в Тифлис — 62-21/2

За наем дома Гр. Разумовской —1462 руб. 11 851,17

28

Его превосходительству

Московскому Гражданскому Губернатору Об отпуске 11 851 р. 17 коп.

Московская казенная палата

17 апр. 1830 № 6706

В следствие предложения Вашего Превосходительства от 13-го текущего апреля за № 4455-м казенная палата, учинив по Московскому Уездному Казначейству распоряжение об отпуске издержанных сверх ассигнованных в минувшем году 50 000 на содержание и угощение в Москве Персидского Принца Хозрев Мирзы и генерал-лейтенанта Шамхала Тарковского одиннадцать тысяч восемьсот пятьдесят одного рубля семнадцать копеек ассигнациями под расписку того, кто от Вашего Превосходительства аккредитован будет, имеет честь об оном уведомить, прося при том для принятия вышеупомянутой суммы прислать приемщика прямо в Московское уездное казначейство.

Вице-губернатор Пименов

Губернский казначей (нрзб.) Стола начальник Кузнецов

29

Господину Московскому Гражданскому Губернатору

Управление Московского Военного Генерал-губернатора

Канцелярия гражданская экспедиция 2 стол 2

Москва 31 мая 1830 № 1568

По докладной записке Вашего превосходительства от 29 мая за № 555, я с сим вместе отнесся к тайному Советнику Дивову14 об отпуске 550 рублей, следующих на удовлетворение содержателей гостиниц: Англии и Лондон, о чем и даю знать.

Московский Военный Генерал-Губернатор кн. Голицын

На полях резолюция: на № 555 к делу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется по документам, хранящимся в ЦГИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Т. 2. Д. 3620.

1 Маньяго, бывший французский солдат, преподававший Хозреву Мирзе французский язык.

2 Кархогланов, прапорщик, переводчик.

3 Сорохтин Константин Иванович, поручик, подольский земский исправник.

4 Нащокин Александр Петрович, советник, камергер, серпуховской предводитель дворянства.

5 Романович Иван Кириллович, подполковник, серпуховской городничий.

6 Васильчиков Александр Васильевич, надворный советник, предводитель дворянства г. Подольска.

7 Левской Федор Михайлович, штабс-капитан, подольский городничий

8 Евреинов Андрей Васильевич, поручик, клинский земский исправник.

9 Рек Константин Иванович, поручик, городничий г. Клина.

10 Семенов Владимир, князь, подполковник, клинский предводитель дворянства.

11 Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), граф, участник Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенант, министр внутренних дел (1828—1831), московский военный генерал-губернатор (1848—1859).

12 Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, управляющий Коллегией Иностранных дел, Министр иностранных дел (1816—1856).

13 Мехти, шамхал Тарковский, правитель владения в Дагестане, которое называлось Тарковским. Имел звание генерал-лейтенанта.

14 Дивов Павел Гаврилович (? —1841), тайный советник, сенатор. На службу вступил в 1785 г. по окончанию Шляхетского кадетского корпуса поручиком. Управляющий Коллегией Иностранных дел в отсутствие управляющего (в 1820, 1822, 1824, 1825, 1826, 1827, 1829, 1830, 1831 гг.).

Публикация С. А. БОЙКО, Б. Б. ДАВЫДОВА, М. В. СИДОРОВОЙ

Записки и дневники Н. И. Бахметева

Бахметев Н. И. Записки и дневник Н. И. Бахметева / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Г. Ф. Соловьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 242—301. — [Т. XII].

Бахметевы — старинный дворянский род, известный с XVI в. Были среди них воеводы, стольники и даже комендант Петропавловской крепости Я. Х. Бахмиотов, соратник Петра I. Композитор Николай Иванович Бахметев (1807—1891) образование получил в Пажеском корпусе, после окончания которого в 1826 г. был зачислен в гвардейскую кавалерию. Участвовал в турецкой кампании 1828 г., после ратификации Адрианопольского договора в 1829 г. состоял при князе А. Ф. Орлове, назначенном чрезвычайным послом в Константинополь. Именно здесь Бахметев организовал свой первый оркестр. В военной службе Бахметев оставался до 1842 г. Выйдя в отставку в чине полковника, он поселился в своем имении в Саратовской губернии, где в течение долгого времени был избираем губернским предводителем дворянства. В Саратове он организовал хор из своих крепостных и оркестр, устраивал музыкальные вечера. После переезда в Петербург Бахметев продолжил свою музыкальную деятельность. В 1861 г. его назначили директором придворной певческой капеллы, где он оставался до 1883 г. С именем Бахметева связан казусный инцидент с П. И. Чайковским. Воспользовавшись правом цензуры, дарованным еще Екатериной II лично Д. С. Бортнянскому, он запретил исполнять на богослужении литургию П. И. Чайковского, только что изданную в издательстве П. Юргенсона. Запрет был отменен судом.

Воспоминания Бахметева, написанные в 1887 г., охватывают период с 20-х до 80-х гг. XIX в. и посвящены, в основном, службе и светской жизни автора. К сожалению, Бахметев очень мало пишет о своей композиторской деятельности, между тем, его творчество было высоко оценено

современниками*.

Как большинство композиторов, Бахметев начинал с сочинения романсов, небольших фортепьянных пьес и фантазий для скрипки. Критики отмечали певучесть, простоту и свежесть романсов Бахметева, они выдержали не одно издание**, пелись в самых различных слоях общества. Среди инструментальных произведений композитора особенно выделялись симфония для фортепьяно соль-минор (1839 г.) и квартет для струнных инструментов ре-мажор (1868 г.).

“Множество превосходных эффектов, необыкновенная звучность, полнота и красота гармонии, голосоведение, оригинальность концепции и формы — вот достоинства, которые заставили говорить об этом сочинении парижскую критику”, — так писал журнал “Музыкальный свет” (1878. № 9. С. 90) о песнопении Бахметева “Тебе Бога хвалим”, написанном 16 марта 1843 г. на

день рождения первого сына композитора. Впоследствии, став директором придворной певческой капеллы, Бахметев целиком посвятил себя созданию духовной музыки. Из 116 его произведений 52 — духовного содержания, в том числе: 17 песнопений на разные случаи, 9 “Херувимских”, 10 концертов, из которых 7 духовных и 3 четырехголосных, 29 причастных стихов на круглый год (духовно-музыкальные сочинения, исполняемые во время богослужения при причащении священников). В предисловии к изданию причастных стихов Бахметев изложил основной принцип, которым он руководствовался при создании своих сочинений: “Я убедился, что звуки должны изображать слова во всей силе их смысла, что доказывается изменением нашего голоса, когда говорим, ибо рассказ невольно одушевляется мыслью и предметами, так что если обратим на то внимание, то увидим, что мы едва несколько слов произносим однообразным звуком... (.....) Чувствуя весь недостаток, происходящий от однообразия напева, я, по крайней мере сил моих, старался дать каждому стиху свое музыкальное значение, дабы изъяснить смысл речей звуками, более приближающимися к природе и доступными понятиями и чувствами каждого молящегося”*.

Н. И. Бахметев

Помимо оригинальных сочинений в 1869 г. под редакцией Бахметева был издан новый “Обиход нотного церковного пения при Высочайшем дворе употребляемый”.

Воспоминания композитора хранятся в РГИА (Ф. 110011. Оп. 1. Д. 847). Авторская рукопись озаглавлена “Записки и дневник Н. И. Бахметева”). При публикации сохранены особенности авторского стиля и написания.

ЗАПИСКИ И ДНЕВНИК Н. И. БАХМЕТЕВА

Родился я в Пензе, в Лекарской улице, 10 октября 1807 года, куда мать моя1 приехала погостить у своей матери, Ольги Михайловны Мачеварианової, урожденной Назарьевой. После временного пребывания нас перевезли в родовое имение отца моего Ивана Николаевича2, Саратовской губернии село Старую Бахметевку, где я с моими 5 сестрами: Александрою, Мариею, Анною, Евдокиею и Екатериною3 провели наш младенческий возраст, имея для воспитания множество гувернеров: французов, немцев, швейцарцев и столько же, если не более, гувернанток разных национальностей. Для меня же, кроме того, привезли найденного в Париже сироту-француза по имени Jean Haquin 12 лет, для современного воспитания. Haquin был почти одних лет со мной, не зная еще русского языка, говоря только по-французски, чистым парижским выговором, что и дало мне возможность усвоить себе этот язык, которым я владею как своим отечественным.

Младенческие мои годы, до 12-летнего возраста, не представляют ничего особенного интересного, до тех пор, пока отец мой не отвез меня в 1820 года в Москву, в лучший пансион4 известного тогда Ивана Ивановича Вейденгаммера, где впоследствии воспитывался Иван Сергеевич Тургенев. Праздничные дни я проводил у моей двоюродной сестры Ольги Алексеевны Пашковой, урожденной Панчулидзевой, мать которой, Анна Сергеевна, была родная сестра моей

Пашковой, урожденной Чаплуидзевой, мать которой, Анна Сергеевна, была родная сестра моей матери. Иван Иванович Вейденгаммер был почтенный педагог, всеми уважаемый, а учителями его пансиона были знаменитые профессора Московского университета, из коих фамилии я могу только вспомнить Дмитрия Матвеевича Перевощикова5 и протоиерея законоучителя Терновского6. В свободное от научных занятий время я продолжал учиться игре на скрипке у Шацкого, Семенова и Шпринга.

В 1823 году меня перевезли в Саратов тоже к отличнейшему педагогу Миллеру, бывшему тогда директором тамошней гимназии7, в которой, однако, я не был и не учился, а ко мне и к двум еще моим товарищам, братьям Загоскиным, ходили профессора и учителя гимназии за особую плату, платимую моим отцом Миллеру, в размере 3 т(ысячи) руб. в год.

Учение мое шло до того удовлетворительно, что в зиму 1824—1825 годов я мог ехать в

Петербург, для того, чтоб держать экзамен в Пажеском корпусе со 2-м классом и быть произведенным в офицеры. Повезла меня до Москвы добрейшая и добродетельная моя двоюродная сестра Ольга Алексеевна Пашкова, прибывшая с мужем своим Егором Ивановичем8 в Саратов к отцу ее, Алексею Давидовичу Панчулидзеву9, бывшему тогда губернатором и пробывшему в этой должности 18 лет, заслужив общую любовь и уважение как всех саратовцев, так и бывшего тогда министра внутренних дел Василия Сергеевича Ланского10. Егор Иванович Пашков был тогда адъютантом корпусного командира графа Петра Александровича Толстого11.

Из Москвы отправили меня с Василием Ивановичем Путятой12, бывшим тогда генерал-кригс-комиссаром, в Петербург для определения в Пажеский корпус, куда я с детства был записан пажем, во внимание к отличной службе родственника моего Андрея Аркадьевича Бахметева, бывшего флигель-адъютантом в Измайловском полку и любимцем Великого Князя Николая Павловича13, командовавшего тогда Измайловским полком. Директором Пажеского корпуса был тогда ученейший генерал артиллерии Иван Григорьевич Гогель14, инспектором старый полковник Оде-де-Сион15, профессорами полковник Ваксмут, Ананский, Пятунин, Максимов и другие, имена которых я не могу вспомнить. У всех этих профессоров в течение 1825 года я приготовлялся к экзамену, который начал в ноябре и кончил к Рождеству, выдержав его весьма удачно и легко.

А. Д. Панчулидзев

14 декабря того же года мы были удивлены приездом в 6 часов утра главного начальника военно-учебных заведений генерал-адъютанта графа Павла Васильевича Кутузова16, который, собрав нас в церковь, привел к присяге восшедшему на престол Государю Николаю Павловичу. Эта присяга была произнесена недели две после присяги Константину Павловичу, которая тем более была неожиданна, что в этот короткий срок никто не думал об отречении последнего. 14 декабря был ужаснейший день, однако, когда мы успокоились и общая симпатия не была в пользу Константина Павловича, со всех сторон выказались надежды на нового Царя, который имел уже тогда много приверженцев. В числе их был командир Конной гвардии генерал-адъютант Алексей Федорович Орлов17, полк которого первый прибыл на Адмиралтейскую площадь. В коронацию 26 августа 1826 года Алексей Федорович был возведен в графское достоинство.

В конце декабря того же 1825 года, по выдержании экзамена, я был прикомандирован к тому же полку, так как в то время выходящие из Пажеского корпуса в кавалерию прикомандировывались к Конной гвардии, а выходящие в пехоту прикомандировывались к Преображенскому полку.

Как я жил тогда у генерал-комиссара Василия Ивановича Путяты, то в январе и феврале на мне шили новые формы всех гусарских полков, где уничтожались чикчиры, а введены были серые брюки с разноцветными лампасами и разноцветными киверами. Форма эта была вскоре утверждена18, так что в коронацию я первый в этой форме фигурировал на всех балах и службах. В самый разгар коронации Государя Императора Николая Павловича, по справедливости названного мудрым, где я увидел впервые высшее общество и придворный блеск, чередовавшийся с блеском балов иностранных послов, как герцога Девонширa, герцога

чередовавшийся с блеском балов иностранных послов, как герцога Девонширa, герцога Мартемара, Рагузского и других.

Я произведен в корнеты Павлоградского гусарского полка 14 июня 1826 года, и после коронации отправился в полк, штаб которого находился в Саратовской губернии в г. Аткарске, в 35-ти верстах от имения моего отца, села Старой Бахметевки, где постоянно жило наше семейство. Но счастье в жизни моей с семейством недолго продолжалось, и 26 декабря того же года мы шли в Орел, где я с полковым командиром полковником бароном Федором Петровичем Оффенбергом19 поместился в казенном доме, против бульвара. Тут началась моя юношеская жизнь в самых широких размерах.

Общество тогда было большое, много красивых дам, из коих я могу назвать Анастасию Жедринскую, муж которой был в параличе, уже в пожилых годах, а ей едва ли было 20 лет;

потом, молодая Сентянина, муж которой майор путей сообщения, кривой, следовательно, видел только вполовину, и недаром эту чету называли Венерой и Вулканом. Еще была Карпова, которая была уже немолода, но своими очаровательными глазами умела привлекать к себе молодых людей. Благо муж ее был так близорук и глуп, что мало заботился о жене. Губернатором тогда был Петр Александрович Сонцев, большой волокита, следовательно и мой приятель; он был женат на Марии Дмитриевне Чертковой20, которая так была умна и рассудительна, что не претендовала на неверность мужа. Тут жил замечательный старик, граф Сергей Михайлович Каменский21, бывший корпусной командир, имевший Георгия 2-й ст. и променявший воинственный меч на скромного антерпренера театральной труппы. Его дом с флигелями составлял целый квартал; тут был и публичный театр, и театральная школа; все актеры и музыканты были крепостные его люди, так же как и балет. Между балерин были хорошенькие, из которых преимущественно назову двух сестер Марию и Анну Кабазиных. За старшею волочился 70-летний старик Виктор Александрович Чичерин, а за второю, младшею — я. Этот старик Чичерин кокетничал своими обедами, которые действительно были изящны, точно так же как обеды Александра Дмитриевича Черткова22, бывшего тогда полковником в том же Павлоградском полку, где был и я, а впоследствии бывшего московским губернским предводителем дворянства. В театре графа Каменского, разумеется, за деньги, давали комедии, драмы, даже трагедии, оперы и балеты; но курьезнее всего было то, что с большим Георгием на шее, с таковою же звездой и другими, он сам продавал билеты, что ему стоило дорого, потому что нередко над ним подшучивали офицеры, привозя с собой мешки с медными грошами, которые его бесили.

Председатель казенной палаты, тогда называвшийся вице-губернатор, Петр Алексеевич Бурнашев любил классическую музыку, был фортепьянист, и нередко мы играли сонаты, большею частью Моцарта и Гайдна, так как в ту эпоху Бетховен был мало знаком, музыкальность же была так мало развита в обществе, что недоступно еще было ему творчество величайшего гения, который никогда не умрет, и в сравнении с которым все последователи его суть не что иное, как пигмеи.

Так простояли мы в Орле до начала июня (1827 г.), когда отправились в Вязьму, Смоленской губернии, на смотр Государя Николая Павловича, который никогда еще не видал армейские полки, так как не зная наперед, что судьба ему назначит важную задачу быть когда-либо Императором, он командовал до восшествия на престол 2-ю гвардейскою пехотного дивизиею, поэтому и не имел случая видеть армию.

До прибытия нашего в армию я должен коснуться чрезвычайного явления в природе. Во время одного из наших переходов, 14 июня, такой был ураган, какого и зимой редко можно было видеть; снег с метелью был так силен, что солдат, отставший на один шаг от хвоста предшествовавшей лошади, неминуемо терял дорогу, блуждая по полям, и я не избегнул этой участи. Идя во главе эскадрона, я взял неправильное направление, начал удаляться в сторону, и невидя ничего кроме метели снега, начал идти куда попало, положившись на инстинкт моего коня, который, однако, нисколько мне не помог, и блуждая таким образом часов 5 или 6

наткнулся я, наконец, на какую-то деревушку, и, обрадовавшись ей, весь измоченный, усталый, мокрый и дрожащий от холода, вошел в первую попавшуюся избу, где тотчас же потребовал простой водки, что называется сивухой, разделся и попросил хозяина натереть меня этим целительным нектаром, который он охотнее желал бы выпить. Этим способом я согрел совершенно мое тело, но этого было недостаточно, нужно было еще согреть и внутренно, но чем? Пищи никакой, даже щей не оказалось, а есть хотелось. В те времена и самоваров-то в заводе не было, дали мне только ржаного хлеба и потом нашли где-то в другой избе пшеничный хлеб, который крестьяне называют пирогом, и хотя пища эта не была роскошная, однако, она меня немного укрепила. А что меня удивило, то это то, что посмотрев на маршрут полка и спросив, далеко ли назначенное для дневки село, сказали мне, что до него 20 верст. Ужас меня обуял, однако, проведя ночь мертвым сном, с восходом солнца взял я провожатого и верхом догнал полк. Все были удивлены моему появлению, вообразив, что меня уже и в живых нет; на

счастье мое, тут была дневка, а если б не дневка, а простой ночлег, то Бог знает, когда я бы мог догнать полк.

На другой день продолжили мы наш поход до Вязьмы, и помещены были в 10 верстах от него. Тут начались учения и приготовления к Высочайшему смотру, который дней 10 спустя и состоялся. Замечательно было первое знакомство Государя с армиею. Когда корпус (2 пехотный) был выстроен фронтом, и Государь, подъехав к Павлоградскому полку, где я стоял на правом фланге лейб-эскадрона, командуя 1-м взводом, поздоровавшись с полком, спросил главнокомандующего армиею фельдмаршала графа Сакена23: “Этот тот полк, в котором 700 берейтеров?”

Фельдмаршал отвечал, что это Павлоградский полк, в котором, действительно, верховая езда доведена до высшей степени совершенства, так как командир полка был известен как образователь верховой езды и как chef d’e?cole* много издал трактатов о верховой езде, чем оправдывалось изречение Наполеона I, что “l’infanterie est um metier, la cavalerie est un art”**. Этот эпизод я рассказывал покойному Государю Александру Николаевичу в 1865 году в Ропше, за завтраком по случаю парада Павлоградского полка, праздновавшего в тот день 100-летие своего существования24. Государь со вниманием прослушал мой рассказ, сказав, что это очень интересно, и что он этого не знал. Тут я прибавил еще, что отзыв Государя Николая Павловича не прошел бесследно, и по окончании маневров Государю угодно было смотреть в открытом манеже верховую езду одних только офицеров и унтер-офицеров павловградцев, тогда как тут в сборе две кавалерийские дивизии: 2-я гусарская и 1-я уланская, пришедшая из Тверской губернии. Конечно и естественно, такое внимание Государя и репутация полка породили ревность в прочих полках, в особенности в 1-й уланской дивизии. Но возвращусь к Вязьме. Маневры продолжались с неделю и прошли так, что войска 2-го пехотного корпуса под командою князя Горчакова25 и уланская дивизия удостоились Высочайшего благоволения, и по окончании маневров мы возвратились в милый наш Орел.

Не могу пройти молчанием замечательный эпизод в моей жизни, послуживший мне спасением от многих бед, которые могли испортить всю начатую карьеру и, можно сказать, начатую так счастливо жизнь. Вот что произошло. Полк наш стоял в 10 верстах от Вязьмы, в маленькой деревушке. В это время приказания из штаба, т. е. из Вязьмы, приходили чрезвычайно поздно, часа в 4, а иногда и в 5. Ко мне вечером зашли два товарища — барон Сакен и Коротков, и сели играть в банк. Угостил их чаем, потом ужином, какой остался после обеда, а они все продолжали играть. Когда увидели, что я скучаю и беспрестанно ложился на складную дорожную кровать, они из сожаления (!) сначала предложили мне посмотреть на игру, о которой я понятия не имел, и до тех пор не было никогда карт в руках, потом предложили поставить карточку. Таким образом, убивая карточку за карточкой, вижу, что что-то много написано мелком, тогда я просил их подвести итог, и оказалось, увы! и ах!, что я проиграл им с чем-то 10000 р. Поблагодарив их за такой щедрый и благотворительный урок, я спросил их: “чем же я их вам заплачу, когда у меня, как у молодого корнета, всего только 800 р. в кармане?” “Ничего, — ответили они, — сочтемся”. Тогда взяли они у меня все, что только могли: и дрожки, и лошадей, и серебряный сервиз, а всего

более мне жаль было расстаться с серебряным нахт-тишем (Nachttisch)***, который мне подарила моя мать. Одним словом, обобрали меня добрые товарищи, как липку. И с тех пор, т. е. с 1827 по 1887 год, в котором я пишу эти воспоминания, я ни в какую игру не играл, а если беру карты в руки, то для пасьянса. В сущности выходит, что эти товарищи сущие мои благодетели.

Пробыв дней 10 на смотру, после небольших маневров, мы возвратились в Орел. Тут снова пошла старая жизнь: те же красавицы, те же визиты, гулянья, ученья, обеды и тот же Каменский театр с его красивыми Машами и Аннушками Кабазиными и волокитами. Опять, собирая музыкантов Каменского, стал играть любимые квартеты: Гайдна, Моцарта, Бетховена, Онслова26 и Феска27. Эти последние в особенности любил играть Михаил Николаевич Мацнев, прелестный скрипач школы Лафона28, с его коротеньким, но блестящим смычком, и даже впоследствии я не встречал подобного легкого смычка; широкий стиль не был в его духе. Он в молодости служил в лейб-гвардии Егерском полку и кончил службу бригадным генералом в Варшаве, в бывшем Литовском корпусе, состоявшем под командою Великого Князя Константина Павловича, и выйдя в отставку, поселился в Орловской губернии, где имел имения. Он был женат на красавице Емерике Адамовне (кажется рожденной Абрамович), впоследствии вышедшей замуж за Александра Яковлевича Булгакова, бывшего московского почтдиректора.

Вскоре после возвращения в Орел в полку совершилась большая перемена: командир полка барон Федор Петрович Оффенберг был произведен в генерал-майоры и назначен бригадным генералом в какой-то кавалерийской дивизии. Потеря этого командира была для меня чувствительна, так как меня он особенно любил и отличал. Эта потеря была бы еще более чувствительна, если б не был назначен ему преемником полковник Егор Иванович Пашков, женатый на моей двоюродной сестре Ольге Алексеевне Панчулидзевой, с которой с детства я был связан дружбою родства. Это была ангел доброты и редкой красоты, моим ангелом-хранителем и служила мне второю матерью. В этом полку, по странной случайности, я был счастлив тем, что кроме этой двоюродной сестры были у меня в то же время две сестры: одна родная, Мария Ивановна, замужем за поручиком Наумовым, а другая — двоюродная Ольга Николаевна, рожденная Матюнина, замужем за ротмистром Бинеманом. Таким образом, в семейном кругу мы прожили до весны 1828 года, когда мы выступили в поход на Турцию.

Тут со мной случилась необыкновенная история. Отошед от Орла верст 200 и желая исполнить данное мною обещание одной из орловских красавиц быть у ней в день ее рождения, неспросясь разрешения полкового командира секретно уехал в Орел, чтоб сдержать мое слово, и полетел на почтовых в перекладной телеге. Провел назначенный день и вернулся в полк через 5 дней, каковой переполох в полку сделал то, что я просидел неделю под арестом, ехав в переходах за ящиком полка; но как это была только невинная шутка юноши, то не имела дурных последствий.

Мне, как молодому человеку, очень нравилась походная жизнь. Проходя через Киев, где была дневка, полковой командир поручил мне купить с десяток сигнальных труб, так как в трубачевском хоре были трубы с финтелями29, и я заплатил за каждую сигнальную трубу по 25 рублей ассигнациями. Потом мы перешли через Прут и без всяких приключений пришли в Букарест, который нам очень понравился, и где мы сделали большие закупки, так как тут нашли прекрасные магазины. Но одно только было для меня невыносимо, что поместившись в какой-то гостинице, где в нижнем под моим №-м этаже всю ночь работали машины шампанское вино, я не имел ни одной ночи покоя. По краткости времени не познакомившись ни с кем из жителей, мы дошли до Калараша на Дунае, где переправлялся 2-й пехотный корпус. Так как переправа была медленная, и если б место переправы для остальных частей корпуса, была бы чрез меру продолжительна, то по приказанию корпусного командира генерал-адъютанта князя Алексея Григорьевича Щербатова30 мне дали мудреное приказание проверить расстояние от Букареста к Каларашу и от Букареста к Гирсову*, где другим частям армии тоже назначена была переправа, но как исполнить это странное поручение? Я принужден был в тележке, с часами на руках, бумагою и карандашем проехаться сначала из Калараша в Букарест и из Букареста в Гирсово, записывая, сколько ровною рысью я проезжал от кустика до кустика или корчмы, или речки и овражков, и записывал все это, смотря на часы и считая минуты; разумеется, я вычитывал

минуты остановок для перемены лошадей. На счастье, расстояние было небольшое, кажется вышло более или менее 90 верст, и оказалось, что все-таки в Калараш несколькими верстами было ближе, считая по 8 верст в час. Возвратившись в Калараш и переписав все это путешествие на чистую бумагу, представил этот оригинальный и нелегкий труд начальству, за что получил благодарность корпусного командира и дивизионного начальника, генерал-лейтенанта барона Будберга31. Забыл я сказать, что недоходя до Букареста получен был приказ в производстве меня в поручики.

Наконец, чрез несколько дней переправившись чрез Дунай, мы пришли к Силистрии, где расположились бивуаками и в землянках, в верстах в двух от этой крепости. Скажу несколько слов об этих замечательных землянках, которые делаются пехотными солдатами, так как кавалерийскому солдату, заботящемуся о своем коне, нет времени этим заниматься. Возле нас стоявшая 6 пехотная дивизия, под начальством генерал-лейтенанта Александра Дмитриевича Ахлестышева и делала эти бараки, или землянки, в один день за полуимпериал или червонец, судя по величине их. Так, у Ахлестышева и нашего полкового командира были выкопаны передняя, гостиная, служившая вместе с тем и столовой, и спальня со стропилами, и все это покрыто или камышем, рогожами или легким дерном. У меня же землянка была в две комнаты: одна для двух моих служителей, а другая для меня. Замечательно то, что солдатики отлично умели в земле вырезывать скамейки и столы. Мы простояли под Силистрией с конца августа до начала ноября (1828 г.). Мы жаждали хорошенького сражения, но вместо того, почти каждую ночь выходили на глупые вылазки турок из крепости или посылались для прикрытия строившихся батарей, обыкновенно ночью. Хотя тут не было никаких правильных сражений, но тем не менее всякий раз бывали раненые, и что было неприятно, это то что на правом фланге нашего полка был воздвигнут флаг, означавший сборный пункт раненых, где производились разные операции, и по большей части ног и рук, и крик раненных был невыносим. Помню, как при мне дивизионный доктор отрезывал ногу у несчастного солдатика пехотинца, и никогда этого не забуду.

В глубокую осень был случай, который, полагаю, редко когда-либо случавшийся. Один целый эскадрон нашего полка послали на Шумлоскую дорогу на помощь дивизии конно-егерской и перевезти пушки ее артиллерии, так как падеж и потеря лошадей была так велика, что полки этой дивизии пришли к нашей стоянке по 6 рядов во взводе32, и многие кавалеристы пришли пешком холодные и голодные до того, что съели всю нашу провизию, заготовленную для нас нашим маркитантом евреем Леоном. На другой день конно-егери ушли в Валахию и более мы их не видали.. При нашем полку стоял Черниговский конно-егерский полк, белые воротники и обшлага которого сделались серого, чуть не черного цвета.

Вышли мы, как выше я сказал, от Силистрии в начале ноября, опять через Калараш в Букарест. Боже мой! Какая представлялась тут картина по всей дороге от Силистрии до Калараша! Слякоть, грязь по колено, по всей дороге валявшиеся трупы замерзших представляли такой ужас, что никакое перо не в состоянии описать. Стоянка на перевозе чрез Дунай опять была продолжительна, но наконец, в одно прекрасное утро, мы вошли в Букарест, который показался нас раем. В тот же день мы получили приглашение на бал, данный дворянством в честь русских войск в Дворянском собрании, и конечно, отдохнув от тяжкого похода, полагаю, все офицеры приехали на бал. Веселье было неописуемо: взошед в залу, отвыкший от блеска света, голова моя закружилась. Зала Дворянского собрания, под белый мрамор, с колоннами кругом, походит на все таковые как у нас, как в Орле, Саратове и Петербурге, конечно, в меньшем размере, чем в последнем. Тут познакомили меня, или лучше сказать, представили дамам высшего круга, из коих я вспомню Катерину Гика, жену тогдашнего господаря33; молоденькую, хорошенькую Бальш, имя которой я забыл, и Анику Вокореско. Катерина Гика, единственная белокурая во всей Валахии и Молдавии, и такая красавица, что вся молодежь и даже, впоследствии, граф Павел Дмитриевич Киселев, бывший в княжествах председателем дивана, были в нее влюблены.

Из Бухареста нас отправили на короткое время в местечко Питешти, недалеко от Букареста, а оттуда, — на зимние квартиры: мы отправились блокировать крепость Журжу*, где простояли до весны, т. е. до отправления нас на переправу чрез Дунай в Калараш. Тогда отправились мы из

Журжи чрез Букарест к переправе, и на полдороге, в селе Слободзей, меня постигло весьма чувствительное несчастье. Во время дневки в Слободзей мы ужинали у полкового командира, тут был и состоявший при дивизии генерал-майор Петрищев. Во время ужина лакей докладывает, что трубач, находящийся при моих лошадях, пришел сказать, что мой старый слуга Иван Андреевич Кучьмин умирает. На это я сказал лакею, чтоб он передал трубачу, что у них есть обыкновение все преувеличивать, как например, лошадь кого ударила, то говорят "убила", а если человек болен, то говорят "умирает". На это трубач ответил, что нет, и что Иван Андреевич так болен, что может быть он уже и не застанет его в живых. Видя, что дело выходит нешуточное, я побежал к нему и нашел его лежащим в плетеном сарае без памяти. Сию же минуту послал я за полковым доктором, который велел его снести в избу, где положили его в чулан, отделяющий, как и во всех избах Валахии, две комнаты. Велев его раздеть он констатировал, что умирающий заражен чумой, которая обнаружилась черными пятнами на всем теле, и чрез четыре часа он был

уже мертв. Тогда, не пропустив минуты, я послал в стоявший тут лейб-эскадрон, нарядить людей, чтоб оцепить дом, а сам я побежал к окну полкового командира, чтоб доложить о смерти Ивана Андреевича, которого все уважали, и который с детства моего, хотя и не был мой учитель, но был "и денег, и белья, и дел моих рачитель". Полковник Пашков приказал оцепить дом, но я ему сказал, что все это уже сделано, а поутру он хотел донести об этом дивизионному начальнику, для получения дальнейших приказаний, которое последовало в том смысле, что я с тремя трубачами, бывшими на моей конюшне, с юнкером Нелюбовым, кучером Платоном Черьяковым и камердинером Петрушей шли за полком в двух верстах, и таким образом мы шли до Дуная, а нас поместили в 10 верстах от Калараша, тоже на Дунае, в маленькой деревне некрасовцев, бывших казаков, и переселившихся в Молдавию и Валахию еще при Петре Великом и сохранивших еще малороссийский язык. Этим не кончилось мое несчастье. На третий день выхода нашего из Слободзи, заболевает один трубач, жалуясь на опухоль горла и на невозможность ехать верхом; тогда я велел ему лечь в мою повозку, но к вечеру его не стало, и оказалось, что он умер тоже чумой, но в другой форме. Нам был объявлен карантин на 14 дней; но все-таки, как за одним несчастьем следует другое, то этими двумя случаями мы не ограничились: в самый последний 14 день нашего карантина умирает мой камердинер Петруша, прелестный мальчик. Рассудив, что если заставят меня снова начать 14-дневный карантин, то не миновать мне участи трех жертв беспощадной чумы, я решился верхом ехать в Каларaш, где в то время переправлялся полк через Дунай. Когда я взошел в палатку маркитанта Леона, где обедали все офицеры моего Павлоградского полка, то товарищи мои едва не задушили меня в своих объятиях, увидев меня спасенным от смерти. Тут у меня произошла стычка с дивизионных доктором Топачевым, который нашел, что по военным законам я подлежу расстрелянию за бегство из карантина, но тут полковой командир и все офицеры возмутились выходкой этого доктора и обладили так дело, что благороднейший наш начальник дивизиона барон Будберг решил: мне остаться в полку, а повозку со всеми шерстяными вещами, т. е. мундиры и весь гардероб с повозкой сжечь, — поэтому остались у меня только два конных вьюка и ящик с двумя скрипками, которые были мне доставлены в Шумлу*. Из всего этого явствует, что я остался только с сюртуком и с шинелью, и таким образом пошли мы в Силистрию, где простояли несколько дней, и потом пошли на Провады**. Разумеется, офицеры полка снабдили меня всевозможными мундирами и оружием.

Этот поход на Провады замечателен тем, что последствием его было беспримерное Кулевчинское сражение, которое решило всю войну. План и комбинации главнокомандующего графа Дибича34 так были удачны, что едва ли какое сражение было ему подобно в истории всех войн. План его состоял в следующем: идя на Провады со всей армиею под предводительством главнокомандующего, мы остановились в 20 верстах от Провад. Визирь, находившийся тогда в Провалах с 40-тысячным войском, зная, что главнокомандующий идет на него с армиею, которая, впрочем, состояла только из 15 тысяч, вздумал прорваться в Шумлу, но это ему не удалось.

29 мая (1829), остановившись в 20 верстах от Провад, полк наш расположился на площадке в лесу, а я стоял пред своими трубачами, так как я был полковым адъютантом,

главнокомандующий же с директором его канцелярии, флигель-адъютантом Чевкиным35, расположились закусить на лужку против меня. Тогда Дибич подозвал меня и начал так: “Вы были уже в каком-нибудь сражении?” На это я ответил: “В прошлогоднюю кампанию мы всю осень простояли под Силистрией, а зиму под Журжей; как под обеими крепостями были частые ночные вылазки турок, то как мы всегда прикрывали строившиеся батареи, стычки были неминуемы, но настоящими сражениями их назвать нельзя”. На это Дибич

спросил: “А что, хотелось бы Вам иметь сражение?” “Конечно, — отвечал я, — пришли мы издалека, не уйти же нам даром”. На это закончил главнокомандующий: “Ну, так завтра я дам Вам потешиться”. Этот разговор имел огромное последствие на будущую мою служебную карьеру, как увидят дальше. И действительно, нам дали потешиться: на Провады пустили как на жертву Иркутский гусарский полк, бригаду егерей и батальон Муромского пехотного полка, а нас, с утренней зарей 30 мая, повернули вправо, для занятия позиции между Шумлой и дорогой, ведущей из Провад. Несколько верст недоходя позиции граф Крейц36, начальник Уланской дивизии, усталый, изнеможенный кричит нам: “Спасители, спасители наши, скорее спасите нас; сил нет, лошади не ходят”. Тогда мы поспешили рысью и стали во 2-й линии, сменив потом стоявший в 1-й лини Принца Оранского гусарский полк, которым командовал флигель-адъютант Плаутин37, впоследствии командир Лейб-гусарского полка и потом командир Гвардейского корпуса. Когда мы стали на позицию, то увидели ужасную картину: всходило солнце, утро было великолепное, арьергард визиря, обратившийся, конечно, при отступлении в авангард, спускался с Балканских гор; тогда командир 10 конно-батарейной батареи капитан Бобылов пустил такой огонь, что взорвал пороховой ящик, и пожар распространился на весь обоз. Визирь же, говорят, скрылся в Шумлу только с 2-мя тыс. войска, — остальные же, прорвавшись чрез свой арьергард, вступали с нами в бой, но всякий раз принуждены были бежать. Я, как полковой адъютант, развозивший приказания, ходил со всеми 4-мя эскадронами в атаку, из коих 4-го эскадрона, под командою майора Гаврилова, была более других неудачной, потеряв человек 15, в том числе старшего вахмистра. При этой атаке 4-го эскадрона не могу пройти молчанием редкий случай решимости конно-артиллерийского штабс-капитана Осокина, который, дав нам тронуться с горы в атаку, мигом снял с передков и чрез наши головы пустил картечью в неприятеля. Этот удар был так удачно рассчитан, что прошел без малейшей ошибки, скажу только, что воздух над нашими головами был так потрясен, что мы его чувствовали чрез наши клеенчатые кивера. Расскажу маленький эпизод, случившийся со мною после последней атаки. Как выше я сказал, что весь гардероб мой был сожжен, то у меня осталась одна шинель, которую я отдал своему трубачу, чтоб положить ее на его луку. Когда кончилась атака, трубач этот подъезжает ко мне, говоря: “Виноват, Ваше благородие, як пишли в атаку, сронив шинель”. «Разбойник ты этакой, знаешь, что у меня только всего-навсего одна шинель, и ту ты “сронив”». Тогда, не зная что делать и чем прикрыться и отдохнуть после четырех атак, пошел я по полку, искать у товарищей что-нибудь, чтоб могло заменить шинель; тут некоторые офицеры посоветовали мне ехать к полковому командиру Иркутского полка полковнику Ивану Ивановичу Тутчеку (бывшему впоследствии комендантом в Варшаве) и просить его дать шинель, так как в то утро у него было в полку убито 8 офицеров. Вот я и поехал к Тутчеку, который на правом фланге позиции угрюмо сидел на пне; рассказав ему все со мной приключившееся, я имел глупую неосторожность сказать ему, что на мое счастье у Вас убито 8 офицеров, тогда он рассердился, вскочил, и под разными предлогами, как публикация наследникам, оценка имущества, и проч. наотрез отказался мне дать чью-нибудь шинель. После этого я принужден был просить полкового командира съездить к Тутчеку и уговорить его дать мне шинель, что Тутчек и сделал, и за эту плохонькую шинель я должен был дать 2 червонца. Но вот, однако, вышло неудобство: у иркутцев канты на воротнике малиновые, а у павлоградцев — бирюзовые, но это не мешало проносить до конца кампании шинель с малиновым кантом. За это сражение я получил орден св. Анны 4-й степени с надписью “за храбрость”.

Под Шумлой мы простояли месяца полтора, до тех пор, когда Красовский, взяв Силистрию, пришел со своим корпусом нас заменить, затем перешли Балканы так счастливо и покойно, что

не имели не малейшего препятствия. Спустившись у прелестного местечка Бунар, мы пошли вправо, вдоль подножия Балканских гор, и пройдя несколько переходов, услышали сильную канонаду у Сливны*, и чтоб поспеть к сражению, то пошли рысью, но, увы! Опоздали к сражению, и мы с полком все-таки остались у Сливны с 11 и 12 егерскими полками под командою бригадного их командира генерала Завадского, для защиты тыла армии, которая пошла в Адрианополь*. Но этого было недостаточно для обеспечения тыла, и нас повели в гору к городу Казан**, в 10 верстах от подошвы горы, куда мы вошли ночью, что было хуже всякого сражения, потому что в темноте пехота турецкая, спавшая сладким сном после сражения, будучи разбужена, кинулась в лес врассыпную и в упор стреляла в наших гусар так, что красавец фланговый лейб-эскадрона, возле которого я стоял, получил такую смертельную рану, что когда он упал, то фельдшер, поручик Ломоносов и я хотели обмыть рану, но только вымарались кровью, ничего не могли разобрать и не более как через 1/4 часа он умер. Повторяю, что это

дело было самое скверное, и за это я получил Анну 3 ст. с бантом. Когда стало рассветать, мы вошли в Казан, прогнали все находившееся тут войско, чем удалили его от тыла нашей армии, и тоже пошли в Адрианополь. Тут при одном переходе со мной случилась большая неприятность: 5 лошадей с вьюками и со скрипками и 2 лакея, — один пруссак и один австриец, были взяты в плен, и я вторично остался в одном сюртуке и с шинелью с малиновым кантом.

Из Адрианополя мы в авангарде пошли по дороге к Константинополю, и дошед до местечка Виза (старая Византия) в 40 верстах от Константинополя, нас остановили и велели возвратиться в Адрианополь, объявив нам, что война кончена и приступлено к составлению мирного договора, что и было объявлено как нашим, так и неприятельским войскам. Однако, едва успели мы прийти в Адрианополь, как нас послали в г. Мустав-Пашу***, для усмирения скодрского паши38, который, не слушая фирмана султана о прекращении войны, продолжал действия.

Не могу умолчать и не объяснить, что такое Виза. Это прелестное место, где в башне был заключен несчастный Велизарий39, лишенный зрения. От этой знаменитой башни остались только развалины. В Визе мы пробыли несколько дней в ожидании приказаний, и скука от бездействия была бы еще более чувствительна, если б в одной со мной избе не поместился вечно веселый и милый Фирс Голицын40, которого настоящее имя было князь Сергей Григорьевич, не знаю почему прозванный Фирсом. Он тогда был в той конно-артиллерийской роте, которая состояла при нашей бригаде.

Простояв несколько дней в Мустафа-Паше, я получил такой сюрприз, который, конечно, и во сне не мог бы видеть. Как выше я сказал, что бывший разговор с фельдмаршалом накануне Кулевчинского сражения имел огромное последствие на будущую мою служебную карьеру, то последствием этого было то, что в один прекрасный вечер в Мустафа-Пашу к нашему полку подъехал фельдъегерь с конвертом из Главной квартиры. Как полковой адъютант, я распечатал конверт и ужаснулся, прочитав, что меня требуют немедленно в Главную квартиру с одним офицером с каждого кавалерийского полка, и непременно Георгиевских кавалеров, и чтоб по прибытии я явился к дежурному генералу армии Владимиру Афанасьевичу Обручеву41 и чрезвычайному послу графу (впоследствии князю) Алексею Федоровичу Орлову, для совместного отъезда в Константинополь. Но вот беда, — с чем я отправлюсь, как представитель армии, когда у меня остался только один сюртук и шинель с малиновым воротником? Объяснив все это полковому командиру, сей последний созвал всех офицеров, которые предложили взять новые еще мундиры офицера Форстенберг-фон-Пакиш, пруссака, которому покойная Императрица Александра Федоровна при проезде чрез Петербург подарила новые мундиры, и который был командирован в Бургас, для приема сапожного товара, что и было исполнено. За этот сюрприз я должен был заплатить 2000 р., чему, конечно, немец был рад, так как за такие деньги можно было сделать не один мундир. В ту же ночь я отправился со своим унтер-офицером верхами, лошадей же полковой командир выбрал из лучших в полку и были гнедые.

На другой день, 2 сентября (1829 г.), мы прибыли в Адрианополь, в самый день ратификации мирного договора, где при параде войск я явился дежурному генералу Обручеву, а потом —

графу Орлову. Парадом командовал дивизионный начальник генерал-лейтенант князь Горчаков42, впоследствии бывший генерал-губернатором Западной Сибири. Избрание меня в посольство последовало следующим образом. За обедом у главнокомандующего, куда ежедневно собиралась вся свита Главной квартиры, граф Дибич обратился к сидевшем возле него графу Орлову с предложением, что как он едет в Константинополь по случаю окончания войны, то как в его посольстве все чины гражданские, как то Аполинарий Петрович Бутенев43, барон Бруно44, оба впоследствии послы, в Константинополе и в Лондоне, Рикман45, князь Салтыков46, Берг47 (впоследствии генерал-консул в Лондоне) и доктор Зейдлиц48, — то он находит, что приличнее было бы иметь в его посольстве и представителей войск, и спросил графа Орлова, не желает ли он сам сделает выбор. На это граф Орлов ответил, что никого в армии не знает; тогда главнокомандующий сказал: “Стало быть, доверяете Вы мне сделать выбор?” Получив утвердительный ответ, граф Дибич обратился к сидевшему в противоположном конце стола дежурному генералу Обручеву: “Владимир Афанасьевич! Пошлите сейчас за генерального штаба капитаном Коцебу49 (Павел Андреевич Коцебу — впоследствии новороссийский, а потом варшавский генерал-губернатор) и за полковым адъютантом Павлоградского полка Бахметевым, и чтоб они явились к генерал-адъютанту графу Орлову, для отправления с чрезвычайным посольством в Константинополь. Во исполнение сего, как выше сказано, я и явился 2 сентября в Адрианополь, и совершенно в новом мундире.

В Адрианополе мы прожили более месяца, и в половине октября все посольство отправилось верхом через Иреполь* в Родосто**, на Мраморное море, где нас ожидал пароход, присланный султаном Махмудом для доставления нас в Буюк-дере, летнее пребывание нашего постоянного посольства, и отстоящее в 18 верстах дальше Константинополя на Босфоре. Но мне не пришлось ехать на этом пароходе, как объяснюсь ниже, чему причиной была моя молодость и гусарское удальство. Вот что случилось. Прибыв в Иреполь, стоящий в половине дороги между Адрианополем и Родосто, в 40 верстах от одного и другого, мы узнали, что фургон графа с поваром Петрушей, дворецким Николаем Ивановичем и камердинером Григорьем завязли где-то от сильной метели и грязи, и поэтому не могли иметь нашего обеда, который отлично готовил повар Петруша, отличившийся потом в Константинополе, в дипломатических обедах. Тогда паша, бригадный командир в султанской гвардии, присланный для сопровождения нас, предложил графу свой обед. Боже мой! Что тут было, можно было бы читать только в сказке. Пришла прислуга, посадили нас на широкий диван, меж ног каждому поставили круглые столики, подходили к каждому 2 мальчика: один держал серебряную лохань с полотенцем вокруг шеи, а другой с серебряным же кувшином с водой, для мытья рук, точь-в-точь как это делают при архиерейском богослужении. Исполнив этот обряд, воздерживаясь от смеха, нам начали подавать блюда, составленные из разных соусов, попеременно мясных со сладкими. На счастье наше подъехал фургон с приборами, иначе нам пришлось бы есть пальцами. Испробовав 2—3 блюда, граф воскликнул: “Да это невозможно есть; сколько же будет этих блюд? А вот что, господа, кто из нас всех моложе, тот должен испробовать все блюда и давать нам отчет, каковы они”. Благодарю, не ожидал! Оказалось, что я был самый младший из всего посольства (мне было тогда 22 года). Нечего было делать, я должен был покориться воле судьбы. Но, о ужас! Начали считать: 10, 15, 20, 25, 30, и наконец, 32 блюда я должен был испробовать. На другой или на третий день (не помню) въехали мы в Родосто, и тут же граф приказал нам одеться в парадную форму, что и он сделал, надев Александровскую ленту, чтоб идти вместе сделать визит 3-х бунчужному паше50 (Измаилу или Ибрагиму — не помню), сосланному под арест за сдачу Варны. Пробыли мы у него недолго, потому что не было о чем говорить, и сходя по прекрасной мраморной лестнице, я всю ее украсил своей рвотой, которая произошла от пресловутых 32 блюд. Пришел домой, я слег не в постель, а на диван, и оказалось, что у меня гастрическая лихорадка, которая могла бы быть пагубною, если б не был при нас знаменитый доктор Зейдлиц, который сказал графу, что я никак не могу ехать на пароходе. Тогда граф приказал нам остаться в Родосто впредь до выздоровления. При мне остался доктор Зейдлиц и вся конная команда в числе 16 Георгиевских кавалеров; но лечение продолжалось недолго, и через три дня мы все отправились верхами по берегу Мраморного моря, прошли в некотором расстоянии от Константинополя, прямо в Буюк-дере, где прожили недолго, до приезда из Неаполя постоянного посольства, с послом графом Александром Ивановичем Рибопьером51. Посольство это приехало

посольства, с послом графом Александром Ивановичем Рибопьером*. Посольство это приехало на прелестном новом фрегате “Княгиня Лович” под командою капитана 1-го ранга Волховского, и мы на этом же пароходе переехали в Константинополь, в отведенный нам двухэтажный каменный дом, конфискованный правительством и принадлежащий богатому армянину. Дом этот находится на первой улице Перы. В то время дом нашего посольства, находившийся на этой же улице, сгорел, и остался только один флигель, где помещалась наша почтовая контора, где был почтмейстером Пизани. На этой же улице находились и другие посольские дома, из коих лучших я назову: французское, с прелестным видом с террасы на часть города, называемую Галата, и на большую часть Босфора, на противоположной стороне которого, в Азии, в Анатолии или Никодимии населен большой город Скутари. Еще назову дом австрийского и голландского посольств; остальные же не представляли ничего замечательного. Английское же посольство, которое хотя и помещалось в одном из самых больших домов Перы, но архитектура этого дома была крайне неизящна, и он находился в преузеньком переулке, позади нашего дома.

Чрез несколько дней после переезда нашего в Константинополь назначена была нам аудиенция у Султана Махмуда, куда мы отправились втроем: граф Орлов, Коцебу и я. В предприемной комнате сначала нас угостили кофеем, разными дульцатами* и трубками; табак был отличный, какого я ни прежде, ни после никогда не куривал. Замечательны были чубуки черешневые, без малого в сажень длины, но мундштуки их в 1/4 аршина, обсыпанные бриллиантами, так же как и кофейные и дульцатные чашки, такими, что мы готовы бы были отказаться и от табаку и от кофе, а скорее взяли бы мундштуки и чашечки. После этого нас ввели в приемную. Султан сидел на диване и не вставал с него не от неучтивости, а по существующему этикету; мы же все трое стояли рядом, имея посла на правом фланге; при нас был старший драгоман нашего посольства Франкини. При султане находился один только его статс-секретарь, кажется называвшийся Мухтар-паша, и вдали стояли адъютанты султана: Ахмет-бей и Авни-бей. После вручения графа верительной грамоты длинных разговоров не было; но в конце аудиенции внесли на золотом блюде три холстяных мешка, в которых в каждом было по 10 тысяч пиастров, что тогда составляло по 1500 руб. Когда первый мешок подали Коцебу, то он обратился к графу, что тут, кажется, деньги — мы их взять не можем; тогда Франкини сказал: “Messieurs, il faut les prendre, c’est l’usage!”**. Тогда, совсем сконфуженные, мы принуждены были взять эти мешки, из коих один взял Франкини с жадностью еврейскою. Но эта история тем не кончилась: на обратном пути чрез залив, в прелестнейшем султанском катере, начался об этом разговор в том смысле, что если Государь узнает, что мы взяли деньги, то он будет этим недоволен, но граф успокоил тем, что обещает это уладить, и действительно, оно уладилось так. Ахмет-бей и Авни-бей ежедневно по утрам приезжали к нам, и тут Коцебу, по научению графа Орлова, объяснил им всю неблаговидность того, что мы принуждены были взять деньги, но что мы просим взять эти мешки и выхлопотать нам что-нибудь другое. Так как в то время были уничтожены все турецкие ордена, Ахмет-бей взялся это уладить, и немедленно прислали Коцебу и мне прелестные табакерки с большими бриллиантами, сговорившись вперед, чтоб и им, Ахмет-бею и Авни-бею, как долженствующим получить награды, русский Царь дал какой-нибудь видимый военный знак отличия. Тогда им прислали богатые сабли, бриллиантами осыпанные, а наверху сабель — по огромному изумруду. От этой награды они были в восторге. Эти два адъютанта были замечательны противоположными впоследствии карьерами: Ахмет-бей бесчестною, а Авни-бей — честно. Ахмет-бей, впоследствии Ахмет-паша, много обязанный султану, в 30-х годах при восстании египетского паши против султана, перешел на сторону первого, а Авни-бей кончил жизнь ударом кинжала, сделанного черкесом, ворвавшимся в заседание дивана, как ему, Авни-паше, бывшему тогда военным министром, так и другим министрам.

Жизнь наша в Константинополе была очень оживленна, хотя и была только в кругу дипломатического корпуса: беспрестанные обеды, балы и маскарады сменяли друг друга. Французским послом был тогда граф Гильомино, его жена была очень любезна, а дочь их M-lle Hortensie еще милее. Этот граф Гильомино был дивизионным генералом при Наполеоне I и был в Москве, где после пожара и выгона из нее французов, вошедшие в нее наши войска нашли на одной из ее старинных и великолепных церквей надпись: “Ecurie du comte Guillomino (конюшня графа Гильомино)”. Граф Гильомино был тип наполеоновских генералов, характера прямого, но кажущегося только холодным. Прусским послом был Roje сомнительной, по фамилии

кажущегося только холодным. Прусским послом был Роде сомнительной, по фамилии, национальности, скорее французской, чем немецкой. Английским послом был лорд Гордон, натянутый, но красивый мужчина и всегда франтовски одетый. Австрийским интернунцием52, стоявшим тогда между послом и посланником, был барон Отенфельс, а жена — тиролька, любившая очень музыку. В двух из этих посольств, а именно, французском и австрийском, преимущественно были частые собрания, в прочих давали только дипломатические обеды, которые вообще были хороши, и конечно, кухня была общеевропейская, т. е. французская.

Граф А. М. Рибопьер

Начну с маскарада у графа Гильомино. Для этого мы составили трио — из двух скрипок и виолончели, одетые в три цвета: розовый, красный и синий, с масками. Взошед с нашими инструментами в залу, мы испросили у хозяйки дозволения сыграть вальс, и получив на то

согласие, стали в средине залы и сыграли модный тогда вальс Ланнера53. Кругом нас взвилась молодежь, обрадованная звуками странных инструментов вместо фортепьянного тапера. Когда мы покинули залу, чтоб положить наши инструменты в ящик, произошел такой случай, который заслуживает, чтоб его внести в хронику. Подойдя к выходной из залы двери, увидел я огромного роста рыцаря, с опущенным забралом. Остановившись пред ним и удивясь такому росту, какого в Константинополе я не встречал, невольно воскликнул я по-русски: “Ах! Какой рост!”. Увидя, что мой рыцарь повернул голову с некоторой жеманностью, свойственной подозреваемому мною лицу, я продолжал по-русски изъявлять мое удивление и, наконец, решился ему сказать: “Ты русский, признайся, что ты русский, а не то я тебя уличу”. Тогда мой рыцарь взял меня за руку и сказал: “Ради Бога, не выдавай меня”. Оказалось, что я не ошибся, и что этот рыцарь был Андрей Николаевич Муравьев54, известный своим путешествием ко Священным местам, письмами о Богослужении и разными богослужебными сочинениями. Что он нарядился рыцарем и приехал на маскарад, было бы не особенно важно, но дело в том, что за два дня пред тем он нас всех обманул: мы посадили его на пароход, провожали его с пожеланием благополучного его возвращения из путешествия к Гробу Господню, и он при нас же отправился в Александрию. По возвращении нашем в Петербург, когда я рассказывал об этом дамам, почитавшим его чуть ли не святым, он уверял их, что появление его на маскараде и возвращение инкогнито в Константинополь было дело политико-дипломатическое, и они ему поверили.

Теперь скажу я о музыкальном вечере у австрийского интернунция. Баронесса Отенфельс, как я выше сказал, любила музыку, и для нее я составил первый в Константинополе оркестр, состоявший из любителей и артистов. Любители были из дипломатического общества, из коих я назову пруссака Клецеля на скрипке и австрийских Теста на виолончели и Ольденбурга на флейте; остальные же исполнители на духовых инструментах все были итальянцы; учитель в полковых хорах султанской гвардии и корпусный капельмейстер Доницетти55, брат известного композитора, играл на кларнете; тут были валторны, трубы и проч., и мне немало было труда составить из них порядочный концерт. Однако, мы сыграли увертюру к “Вильгельму Телю” Россини56, а как репертуар был очень бедный, так как ничего в столице нельзя было найти, то в угождение хозяйке я сыграл Тирольские вариации Маурера57, чего тоже нельзя было найти, но благодаря моей памяти, я сам написал их.

Остальное время нашего пребывания в Константинополе мы были заняты, между прочим, отправкой пленных в Россию, и по этому делу были два выходящих из ряда случая. В одно прекрасное утро я пошел гулять по городу, разумеется, пешком, так как в Пере ни одного экипажа не было, а если был дождь, то носили в Chaise a porteurs*, я был в военном сюртуке с эполетами (граф Орлов не позволял нам ходить в статских платьях). Пошел я вверх по Пере к Grand champ des morts**, по направлению к Буюк-дере; у начала этого кладбища находилась гауптвахта с унтер-офицерским караулом; поравнявшись с гауптвахтой, караул вышел “вон”, и выступивший вперед унтер-офицер скомандовал: “На караул”, — на что я ответил приложением руки к козырьку, так как я не умел говорить по-турецки. Унтер-офицер — красивый, щегольски одетый и выправкою Николаевских времен, воскликнул: “Здравия желаю, Ваше благородие!”. Тогда я спросил его, русский ли он, на это ответил: “Нельзя говорить, позвольте прийти к Вам”

Тогда я спросил его, русский ли он, на это ответил: "Нельзя говорить, позвольте принять к Вам".

Разумеется, я дал утвердительный ответ, и на другой день, после смены, он пришел ко мне. Тут я узнал, что он был унтер-офицер лейб-гвардии Егерского полка, взятый в плен под Варной в 1828 году. На вопрос мой, отчего же он не возвратился в Россию, когда об этом было объявлено Высочайшее разрешение, он объяснил, что он татарин, и что когда был смотр пленным, то тут же были вызваны все магометане и брались в полки; к тому же, увлеченный любовью одной турчанки, он на ней женился, а теперь, видя свою ошибку и тоску по родине, он просит милостивого разрешения возвратиться в Россию. Об этом я доложил графу, который его к себе позвал и приказал своим порядком написать куда следует; его отпустили, и мы передали его графу Рибопьеру, на фрегат "Княгиня Лович", стоявший в Буюк-дере. Другой случай был совершенно противоположный. Является ко мне унтер-офицер Белорусского гусарского принца Оранского полка, прося так же его возвратить в Россию. По докладе об нем, граф отказал его

принять, велев ему объявить, что Государь Император не позволил принимать тех, которые по первому вызову не хотели возвратиться в отечество, а остались в Турции. Мне было жаль этого гусара, и я объяснил графу, что этот гусар так искренно и откровенно просит, что я прошу простить хотя для меня. "Ну, хорошо, — решил граф, — возьми его, баловник, но только, чтоб это было в последний раз", — и отправил его к Рибопьеру. Но, увы! Ручательство мое за него не оправдалось, и этот негодяй чрез несколько дней после его приема бежал. Тогда уже граф решительно запретил принимать оставшихся.

Возвращусь к Андрею Муравьеву, до отъезда его к Святым местам, начну с того, что он вознегодовал за то, что я ему отказал в помещении на моей квартире, невзирая на то, что я ему ясно объяснил, что я не имею права распоряжаться моей квартирой, ибо она не моя, а посольская, где живет и посол. По возвращении нашем в Петербург мы снова стали друзьями.

Пребывание наше в Константинополе продолжалось до конца июля. Накануне нашего отъезда граф Орлов позвал меня к себе и начал так: "Мы с тобой, кажется, довольно долго послужили, и узнали друг друга, хочешь ли быть моим адъютантом с переводом в Конную гвардию тем же чином?" (Я тогда был поручиком). Такое неожиданное предложение, конечно, я принял с особенным удовольствием, ибо, хотя я и предан был душой моему Павлоградскому полку, но желание мое всегда было служить в Конной гвардии, с которой я и прежде уже был связан дружбою, быв к ней прикомандированным в 1825—1826 годах. Тут же пошло представление об этом к главнокомандующему Дибичу, находившемуся тогда в Главной квартире армии в Бургасе.

Чрез неделю после того мы отправились со всем нашим чрезвычайным посольством и с командою унтер-офицеров кавалеристов в Одессу, на 84-х пушечном корабле "Пармен", командиром которого был старик капитан 1-го ранга Антипа (грек), и на корабле был хор музыкантов, который попеременно с песенниками потешал нас по вечерам. Как выше было сказано, что у меня были взяты в плен мои две скрипки, то приехав в Константинополь, драгоман английского посольства барон Шабер предложил мне свою скрипку на все время пребывания нашего в Константинополе. Барон Шабер почитал эту скрипку итальянскою, но я убежден, что она была митенвальдская, т. е. немецкая; но как бы то ни было, скрипка была порядочная и подверглась такой же участи, как и ее предшественницы, что будет объяснено ниже о польском восстании 1830 года. Когда пришло нам время отправляться на "Пармене" в Одессу, барон Шабер просил меня взять на память его скрипку, взамен которой граф Орлов приказал мне предложить барону Шаберу, тоже на память, моего гнедого жеребца, которого Шабер принял с удовольствием, остальных же лошадей, из коих две присланы Паскевичем Дибичу, замечательны были тем, что как горские, они никогда не ковались, граф приказал раздарить служащим при дворе султана, в том числе и Ахмет-бею, и Авни-бею.

Проезд наш от Царьграда до Одессы продолжался 8 дней, так как пароходов тогда еще не было, а были только парусные суда, к тому же, и Черное море во все время сильно бушевало. По прибытии в Одессу нас посадили в 14-дневный карантин. Скука была смертельная, точно в заточении, и для развлечения нашего приезжал часто только граф (впоследствии князь) Михаил

Семенович Воронцов58. В конце нашего карантина граф Орлов позвал меня к себе и у дверей встретил меня с печатным экземпляром Высочайшего приказа о переводе меня тем же чином в Конную гвардию, с назначением адъютантом к командиру 1-й бригады гвардейской Кирасирской дивизии, генерал-адъютанту графу Орлову, который, по приезде нашем в Петербург, был отчислен от этой невысокой для него должности в свиту Государя, я же оставался все-таки при нем еще 2 года, без дела, точно так же, как и мой генерал.

По отбытии 14-дневного карантина, граф и все посольство отправились прямо в Петербург, а меня отпустил повидаться с моим отцом, с котором был три года разлучен.

Хотелось мне еще раз видеть мой дорогой Павлоградский полк, который я догнал в Житомире. Встреча моя с моими боевыми товарищами была самая трогательная; меня несколько дней не отпускали, и я был на другой день моего приезда приглашен на бал, данный полку дворянством, в Дворянском собрании. Корпусным командиром был тогда назначен граф Иван Петрович Пален, которому я явился в день моего приезда. Он был братом предшественника своего, графа Петра Петровича, знаменитого в 1812 году авангардного кавалерийского генерала. На другой день бала я пошел с полком, чтоб вспомнить прежние походы, и прошед с полком три перехода, простился с ним и на курьерских лошадях отправился прямо в милый мой Орел, где нашел я всех моих красавиц живыми, но губернатора Сонцева уже не было, а на его месте был Аркадий Васильевич Кочубей59, у которого за обедом я встретился с графом Александром Григорьевичем Строгановым60, бывшим тогда полковником и флигель-адъютантом, присланным по какому-то делу. В Орле я пробыл дня три и отправился через Воронеж в Саратовскую губернию к родителям моим.

Не доезжая имения моего отца села Старой Бахметевки 3 версты есть село Лысые горы; подъезжая к нему, я увидел большой освещенный дом и узнал, что тут поселился во время моего отсутствия родственник наш, генерал-майор Андрей Аркадьевич Бахметев, женатый на моей двоюродной сестре Александре Николаевне Матюниной; и пред тем бывший флигель-адъютантом в царствование Императора Александра Павловича и командовавший батальоном Измайловского полка во время командования этим полком Великим Князем Николаем Павловичем, которого он был любимцем; но Бахметев, любя страстно кавалерийскую службу, имел неосторожность принять в 1820 году Черниговский конно-егерский полк, что и было причиною испорченной его карьеры. По неожиданному вступлению Великого Князя Николая Павловича на престол, Бахметев впал в немилость и при производстве его в 1826 году в генерал-майоры, с назначением командиром пехотной бригады, поэтому видя явную немилость к нему Государя, он вышел в отставку, купил маленькую частицу в с. Лысых Горах и тут поселился. Я рад был тому, что мог заехать в этот дом, чтоб не одному прямо приехать к моим престарелым родителям, которые не были предупреждены моим приездом, и боялся последствий моего внезапного появления после 3-х летней разлуки, и расчет мой отлично удался. Пробыв короткое время у этих родственников, нам заложили отличного рысака в беговые дрожки и мы вдвоем с этим, на мое счастье, попавшимся родственником, быстро доехали до Старой Бахметевки. Я не взошел в дом, а остался у подъезда нашего огромного дома, а взошел первым Андрей Аркадьевич, чтоб исподволь приготовить моих стариков к родственной встрече с сыном, столь блестяще и счастливо закончившим двухлетнюю войну. Когда все было подготовлено, я взошел в дом, и слезы радости не могли не тронуть самое жестокое сердце. Целованьям не было конца. На мое счастье, все мои сестры собрались тут, как будто предчувствовали мое возвращение, и замечательно то, что как почты были в самом жалком состоянии, а о телеграфе и понятия не имели, я не мог предупредить моих родителей о моем с ними свидании. Этот съезд всех членов моей семьи как будто был предчувствован. Еще удивительнее было предчувствие моего добрейшего отца, страстно любившего своих детей; с наступлением весны он объявил матери моей, что он составил следующий план, следующими словами: “Я хочу ехать сначала к дочери моей Марии (Наумовой) в Симбирскую губернию, потом заехать в имение — село Ананьино, поклониться явленному образу Тихвинской Божией Матери, и вернувшись повидаться с сыном, а затем готов умереть”. Все это свершилось, к изумлению всех, знавших этот проект, и к всеобщему горю, ибо отец мой прожил со мной только 10 дней и скончался. При этом горестном

всеобщему горю, ибо отец мой прожил со мной только 10 дней и скончался. При этом горестном событии были, как выше сказано, сестры мои — Марья Наумова с первым ребенком Александрой, родившемся за год пред тем, и впоследствии бывшей замужем за Безобразовым, и сестра моя Евдокия Бекетова с ребенком Екатериной, родившейся в том же 1830 году. Схоронив отца моего, неделю спустя я должен был отправиться к месту моего нового служения.

Несколько дней пред моим отъездом, явилась к нам губительная холера, которая беспощадно уносила ежедневно множество жертвы, доходивших до 50 человек в день, так как в то время никто еще не знал этой болезни, да и теперь еще аллопаты не совершенно знают способ ее лечения, и одни только гомеопаты с успехом борются с нею. Более всех пострадали люди, предававшие себя пьянству. Весть о появлении холеры в Саратовской губернии быстро распространилась по России, и когда я проезжал через Кирсановский уезд, Тамбовской губернии, то крестьяне села Либичей с кольями в руках не пустили меня проехать в село, и меня спас от

ярости крестьян только помещик их Николай Иванович Кривцов, у которого просидев вечер, отправился я в Москву, где на другой день я явился к генерал-губернатору Дмитрию Владимировичу Голицыну61, у которого я застал собрание докторов, которые, узнав, что я еду из Саратовской губернии, с интересом расспрашивали о всем том, что я видел и знал о холере. На другой день я отправился в Петербург, где по приезде моем я не нашел графа Орлова, — он тогда был послан в Вену по Высочайшему повелению, но явился к нему тотчас после его возвращения.

Я остановился в гостинице Демута, где, конечно, не мог оставаться долго и должен был искать более оседлое место, так как при мне были два лакея, повар, и я ждал из своего завода 6 лошадей и трех кучеров и купил уже карету, коляску, дрожки и сани. В то время ездили в карете четверней с форейтором, следовательно, такое количество кучеров и лошадей было необходимо. Но вскоре я нашел убежище в казармах полка, на квартире графа Стенбок-Фермора62, который тем более с радостью предложил свою квартиру, что у него был только один камердинер, а я ему предложил и повара, и экипаж. Из этого ясно видно, что Стенбок не имел достаточных средств, чтоб иметь свою кухню и экипаж, но впоследствии он сделался богачем, женившись на единственной дочери тогдашнего военного губернатора Эссена63, которая принесла ему если не красоту, то большое богатство, вследствие чего он мог выстроить известный Пассаж на Невском проспекте, но как неспособный вести как следует дела по администрации такого заведения, он его лишился, и Пассаж перешел в другие руки. Как полком Конно-гвардейским командовал тогда генерал барон Оффенберг, тот самый, который в бытность мою в Павлоградском полку командовал этим полком и который меня особенно любил, то он с великим удовольствием не только дозволил мне жить в казармах, но и велел отвести мне сараи и поместить лошадей в казенных конюшнях.

Я приехал так кстати, к этому времени, что имел возможность отпраздновать 100-летие учреждения конной гвардии вскоре после моего приезда. Праздненство это совершилось на площади против Зимнего дворца, на том месте, где теперь стоит Александровская колонна. Полк, состоявший из 6 действующих эскадронов, был верхом построен в 3 фаса, по 2 эскадрона в фасе, а четвертый фас был открыт для присутствовавших; в середине же площади стоял аналой, и кругом его — придворное духовенство, где совершено было молебствие. Из Царской фамилии, которая тогда была немногочисленна, находились только Государь Император Николай Павлович, Наследник Александр Николаевич64 и Великий Князь Михаил Павлович65; шеф же полка Великий Князь Константин Павлович не приехал, а оставался в Варшаве.

Все время до начала зимы было тихое, но в один разводный день (тогда разводы делались ежедневно) после спокойного исполнения развода, где Государь выказал беспримерную твердость характера, к удивлению всех, вызвал в середину манежа всех офицеров и свиту и объявил о восстании в Польше, и великолепною речью призывал к оружию для усмирения исконного врага. Дружное “ура!” раздалось по всему манежу, и те из офицеров, которые подали в отставку, просили возвратить им прошения. После этого полки начинали приготовляться к походу, и с каждого полка назначены были по 4 эскадрона, а оставлены по 2 эскадрона действующих и запасные эскадроны; выступили же они из Петербурга по наступлению весны. Не зная, что мне

запасные эскадроны, выступили же они из Петербурга по наступлению весны. Не зная, что мне предстоит в эту кампанию, я спросил графа Орлова, поедет ли он тоже в армию, на это граф ответил, что как Государь намеревается туда ехать, то, конечно, и он с ним поедет, а на вопрос мой, должен ли буду и я ехать, он сказал; “Конечно, и ты поедешь”, — для чего я приготовил бричку с тремя лошадьми, верховую лошадь, кучера, лакея и ту скрипку, которую я привез из Константинополя. Но Государь в армию не поехал, поэтому и граф Орлов, и я всю Кампанию просидели в Петербурге, и не без действия, потому что пришедшая холера была причиною бунта на Сенной площади в июне месяце (1831 г.).

Император Николай Павлович с конногвардейцами

По первом известии о возгоревшем бунте, Государь Император Николай Павлович, живший в любимой летней резиденции в Петергофе, утром послал за графом Орловым, жившим тогда на своей прелестной Стрельненской даче, и приказал ему сей же час ехать в Петербург, и назначил его временным военным губернатором Адмиралтейской части и жить в Аничковском дворце, как ближайшем помещении к Сенной площади. Граф приказал мне жить в Аничковском дворце. Это время для меня было труднее всяких кампаний, потому что во время бунта должен был несколько дней находиться на площади, а как я не мог выдержать эту обязанность один, то я просил графа, чтоб он дал кого-нибудь в помощь. Тогда он написал начальнику штаба, впоследствии бывшему военным министром, графу Александру Ивановичу Чернышеву66, чтоб он прислал кого-нибудь мне в помощь, и тогда граф прислал состоявшего при Главном штабе генерал-майора Вохина67. В Каретную же часть, где тоже были беспорядки, но не в такой степени, как на Сенной, назначен был генерал-адъютант князь Трубецкой68. Государь несколько раз приезжал в город и всегда прежде заезжал в Аничковский дворец. Раз приехавши в Аничковский дворец и нашед тут графа Орлова, Государь спросил меня, где Орлов, и когда я ответил, что он в комитете, то приказал мне позвать весь комитет на Елагин остров. Я сей час же поскакал в присутствие, где председательствовал генерал-губернатор Эссен, и объявил всему комитету волю и приказание Государя, и сей же час все поехали на Елагин остров. Я тоже поехал туда, но, конечно, должен был стоять в отдалении и только мог расслышать несколько слов, сказанных Государем; между прочим он сказал, что снятие с лошади жандармского офицера и сорвание с него эполет и аксельбант превышает всякую дерзость, а равно и избиение докторов и разгромление временной больницы.

В один из своих приездов в Петербург Государь подъехал к церкви Спаса на Сенной, и остановившись, встал в коляске и не сходя с нее, громким, ясным голосом произнес народу знаменитую речь, кончившуюся словами: “На колени!”. Мгновенно вся площадь встала на колени и молилась перед храмом. Оставив площадь, Государь возвратился в Петергоф, и вскоре после этой речи возмущение прекратилось, а граф Орлов продолжал жить в Аничковском дворце для окончания дел в холерном комитете, но это недолго продолжалось.

В это время от усталости и от лихорадки я принужден был отправиться в казармы для более удобного лечения, где полковой наш доктор Габерзанг мог удобнее и чаще меня посещать. Несколько дней спустя получил я записку графа Орлова, которою он меня спрашивает, так ли я болен, что не могу ехать с ним в новгородские поселения для усмирения бунта? На что я ответил, что не только ехать, но и встать с постели не в состоянии, к величайшему сожалению; вследствие этого он прислал другую записку, которою поручает написать письмо к графу Чернышеву, прося его прислать к нему кого-нибудь для сопровождения в эту командировку. Конечно, лежа я не мог писать и послал за полковым писарем, которому продиктовал письмо, и отправил для подписи графу. Как в это время, по случаю войны, были беспрестанные посылки в армию, и никого не было в городе при Главном штабе кроме князя Василия Андреевича Долгорукова69 (штаб-ротмистр Конной гвардии и флигель-адъютант, впоследствии военный министр, а потом шеф жандармов). Усмирение мятежа продолжалось недолго, и чрез неделю Орлов с Долгоруким возвратились в Петербург, и за эту поездку Долгорукий был произведен в ротмистры. Это производство было для него тем важно, что в 1835 году он был уже произведен в полковники, что дало ему возможность получения места начальника штаба инспектора резервной кавалерии графа Никитина, а затем открылась ему и дальнейшая карьера, тогда как сам Б. он не был

графа Никитина, а затем открылась ему и дальнейшая карьера, тогда как если б он не был произведен в 1831 году в ротмистры, то в 1835 году он не мог бы быть произведен в полковники, и должность начальника штаба была бы заменена другим. До конца своей жизни Долгорукий не мог забыть, что моей болезни он обязан своей карьерой, и часто об этом мне напоминал.

Весь 1831 год я оставался адъютантом, а 20 января 1832 года обращен во фронт по следующему случаю. В январе этого года был бал в Концертной зале Зимнего дворца. Государь разговаривал с графом Орловым, в это время мимо их я провальсировал. Государь, увидя меня, сказал графу Алексею Федоровичу по-французски: “A propos, il y a longtemps que je voulais te demander, que fait donc Bachmeteff chez toi?”, т. е. “Кстати, я давно хотел тебя спросить, что же делает у тебя Бахметев?” (Государь Николай Павлович, так же как и Государь Александр Николаевич, по-русски всегда говорил “ты”, а по-французски — vous). На это граф ответил: “Sire, il fait tout juste ce que moi je fais, c. a. d. rien — Государь, он делает точно тоже, что и я, т. е. ничего”). Тогда

Государь сказал, что как по общему правилу у генералов, не занимающих никаких должностей, не полагается иметь адъютантов, назвав при этом как пример генерал-адъютанта графа Павла Васильевича Кутузова, то чтоб меня зачислили во фронт, и тогда я поступил в 5 эскадрон, которым командовал ротмистр Туманский, и в числе офицеров был князь Владимир Андреевич Долгорукий70, впоследствии московский генерал-губернатор; других же не могу вспомнить, тем более, что они часто менялись.

Следующие года, до 1833 года, прошли обычным порядком, но в этом году случилась временная перемена в моей службе. Весной Государь делал смотр в Бобруйске 1-му пехотному корпусу и был очень недоволен 1-ю кавалерийскою дивизиею, в особенности 2 бригадою, состоявшею из гусарских полков Сумского и Клястицкого; первым командовал полковник Арцышевский, а последним — полковник Ильинский. 1-я же бригада состояла из Петербургского и Курляндского уланских полков; последним командовал полковник Лангель, служивший до того в Конной гвардии, а первым не помню кто. Дивизиею командовал генерал-лейтенант Ланской, прежде командовавший Иркутским гусарским полком, в то время, когда я начал службу в одной с ним дивизии. Государь, возвратившись в Петербург, немедленно призвал к себе полкового моего командира барона Оффенберга и приказал ему ехать в место расположения 1-й кавалерийской дивизии и произвести следствие, отчего лошади этой дивизии очень худы и дурно выезжены. Как полковой командир не имел адъютанта, а генералу одному ехать нельзя, то Оффенберг выпросил у Великого Князя Михаила Павловича взять меня с собой, и мы поехали прежде в Ковно*, где был штаб дивизии. Оффенберг остался в Митаве**, а я вперед поехал в Ковно и вечером пришел к Ланскому. Первый вопрос его был, по какому случаю я попал в Ковно, и когда я ему сказал, что приехал не один, а с Оффенбергом, то он ударил себя в лоб и вскрикнул: “Понимаю, это следствие”. Тут я стал успокоивать Ланского, говоря, что ему нечего беспокоиться, и, зная хорошо Оффенберга, должен быть спокоен и уверен, что Оффенберг сумеет все сделать, чтоб добросовестно оградить его от неприятностей или умалить их по возможности, что и было сделано, как ниже будет сказано. На другой день приехал в Ковно Оффенберг, и мы остановились на площади, в какой-то гостинице. Вскоре отправились мы в город Тьельш***, на границе с Пруссией, где нашли Сумской полк. Полковой командир Арцышевский (поляк) чрезвычайно мне понравился; мало встречал я людей таких симпатичных, как он: образование, начитанность, любезность и вообще его характер меня очаровали. В последнюю кампанию в 1831 году, при усмирении польского мятежа, он командовал этим полком, который служил отлично, но, как он мне говорил, Государь был недоволен тем, что в полку было много поляков офицеров, и что он не мог понять, почему было такое негодование, когда офицеры эти служили верно отечеству и строго исполняли долг присяги. В доказательство того, что полк служил верно, служит то, что он сам в эту кампанию получил все высшие ордена, какие может получить полковник, в том числе получил и золотую саблю с надписью “за храбрость”, что тогда составляло высшую награду. Еще приписывал он негодованию Государя то, что лошади были худы и дурно выезжены, но он объясняет это тем, что незадолго до смотра был обмен лошадей. Так как до того времени все эскадроны были разных мастей, а теперь, после обмена, все полки были составлены из одной масти; так, его Сумскому полку прислали из других полков гнедых

лошадей, а Клястицкому — серых. Все это при следствии Оффенберг принял в соображение и поместил в докладе. На другой день Оффенберг сделал смотр полку и действительно нашел его не в блестящем положении. Потом мы отправились в г. Вилькомир* для осмотра Клястицкого полка, который нашли также неудовлетворительным. Из Вилькомира мы поехали в Вильно, где смотрели Петербургский и Курляндский уланские полки, которые нисколько не были лучше первых.

Окончив смотры и следствие, мы возвратились в Петербург, и следствие было представлено в Главный штаб. Тут я потерпел большую нравственную неприятность. Во время нашего путешествия Оффенберг предложил мне быть его адъютантом, о чем он хотел просить Великого Князя Михаила Павловича на том основании, что граф Апраксин, командуя Кавалергардским полком, в то же время имел личного адъютанта Чоглокова. Будучи многим обязан Оффенбергу, как бывшему командиру двух полков, где я служил, конечно, мне совестно было в этом ему

отказать, и я согласился. Учреждение меня адъютантом не заставило долго себя ждать, и я вообразил себе, что карьера вследствие этого будет облегчена, но я ошибся. Не прошло месяца, как Оффенберг произведен был в генерал-лейтенанты и назначен начальником той же 1-й кавалерийской дивизии, над которой он производил следствие. Что мне делать? Думал, думал и, наконец, решился все изъяснить Оффенбергу, что у меня на сердце лежит, что преданность моя к полку, молодость (тогда мне было 26 лет), приятное положение мое в обществе, большой круг знакомых и приятелей, и, наконец, удалившись в какую-нибудь глушь, лишиться всего этого, вынудило меня просить извинения, что я не могу оставаться его адъютантом и ехать с ним, и чтоб меня обратили во фронт, что и было немедленно сделано. Оффенберг, видимо, не ожидал такого с моей стороны признания, выказал сожаление, что должен со мной расстаться, и мы расцеловались, но не умолчу, что при этом навернулись у меня слезы, и вышел от него взволнованным. Конечно, возвращение мое во фронт не было затруднительно.

На место барона Оффенберга был назначен командиром Конной гвардии генерал-майор свиты Его Величества барон Егор Федорович Мейендорф71, отличившийся в 1831 году под Гроховым, командуя Малороссийским принца Альберта Прусского кирасирским полком, впоследствии генерал-адъютант и обер-шталмейстер Высочайшего двора. Мейендорф, очень красивый, элегантный и милый, был очень любим в полку, но прокомандовал полком немного, всего 3 года, с 1833 по 1836 год. Полк стоял в Стрельне, когда он его принял. В то время полковое общество было большое, благодаря тому, что как тогда не было еще железной дороги, то офицеры мало уезжали в город, а потому обыкновенно летом, во все время стоянки Конной гвардии в Стрельне, были беспрестанные собрания общества и разные увеселения, и по вечерам в Нижнем саду дворца играли 2 хора музыкантов полковых: один духовой, а другой трубаческий. Во дворце жили три семейства: Опочинина72, Чичерина, бывших адъютантов Великого Князя Константина Павловича, и незаконный сын Его Высочества, офицер Конной гвардии и флигель-адъютант Александров73. Сыновья Опочинина и Чичерина служили тоже в этом полку, который тогда был самый модный, так как в нем служила высшая аристократия, как Орловы, Долгорукие, Строгановы, Шуваловы, Голицыны, Нарышкины, Одоевские и проч. Более всех инициатива всех увеселений принадлежала Федору Петровичу Опочинину и его двум дочерям: Александре и Марии Федоровнам, из коих впоследствии первая была замужем за Туманским, офицером нашего же полка, а вторая — за Горяйновым. Увеселения эти состояли из пикников, танцевальных вечеров, спектаклей, каруселей, прогулок в экипажах и проч.

Князь В. А. Долгоруков

Замечателен был пикник в Ораниенбауме, где мне пришлось играть большую роль. В одной из красивых дач Ораниенбаума 7 сентября того же 1833 года приехали мы в экипажах и омнибусах; после обеда начались танцы, среди которых, приготовив заранее и отпечатав стихи, я вышел в середину залы с гитарой и пропел произведшие впоследствии фурор сочиненные мною на этот случай следующие куплеты на тему модного тогда штраусовского вальса:

De moments

De moments
Si charmants
Que chacun profite au plus vite.
Les beaux jours
Sont si courts
Bientot ils auront pris la fuite.

1 Couplet

A musons nous, et qu' un peu de folie
Les preside a nos ebats joyeux;
Dans ce sejour il faut bien que l'on rie,
Qui ne rit pas, ne saurait etre heureux,
De moments
Si charmants et cet.

2 Couplet

N'oublions pas qu'en son rol tyrannique
Le temps s'enfuite emportant nos plaisirs
Rions, chantons, et ce gai pique-nique
Nous laissera de joyeux souvenirs.

De moments
Si charmants et cet.

3 Couplet

En contemlant tant de femmes charmantes
Qui renite la joie et gaiete,
Je vois que Dieu pour nos ames aimantes
S'il le plaisait et crea la beaute,

De moments
Si charmants et cet.

В такие милые моменты,
Которыми каждый хочет воспользоваться побыстрее.
Прекрасные дни
Так коротки,
Скоро они пройдут

Давайте развлекаться, и пусть немного безумия
Украсит наши веселые игры.
В нашем бытии нужно, чтобы люди смеялись
Кто не смеется, тот не умеет быть счастливым

В такие милые моменты... и т. д.

Давайте не забывать, что время — тиран
Убегает, унося с собой все удовольствия.
Давайте же смеяться, давайте петь,
И пусть этот веселый пир оставит нам радостные воспоминания
О моментах, таких милых и т. д.

При виде стольких красивых женщин

Кто сможет отказаться от радости и веселья?
Я думаю, что Бог по собственному желанию
Для наших любвеобильных душ
Создал прелесть этих моментов

Таких милых... и т. д.*

Читатель может себе вообразить, какой фурор произвели эти куплеты и эта сцена, до тех пор никем и никогда в Петербургском обществе неслыханная и невиданная. Но все это не прошло даром, и мне представился такой сюрприз, который никогда не мог прийти мне в голову. После одного последующего танца Николай Матвеевич Толстой, адъютант Великого Князя Михаила Павловича, а впоследствии генерал-адъютант, пригласил меня сесть и начал такой разговор, что я не мог понять ни цели разговора, ни смысла его, все так было несвязно, что я одну минуту думал, что не сошел ли он с ума, не подозревая цели его разговора, как вдруг раздался марш полкового оркестра, и из двери соседней комнаты вышли попарно дамы, а в конце кортежа две старейшие из дам — Дарья Михайловна Опочинина и княгиня Анна Михайловна Щербатова несли дубовый венок. Когда составился круг из дам, Толстой, взяв меня под руку, толкнул меня в середину круга. Догадавшись, что это выходила манифестация, я стал на колени, и почтенные дамы возложили на меня венок. Не нужно говорить, как я был взволнован от неожиданной награды, тем более, что в это время я был сильно влюблен в одну из действующих тут дам. Слух об этом торжестве мгновенно разнесся по столичному обществу, и посыпались отовсюду требования экземпляров этих куплетов; между прочим Великой Княгине, тогда еще Великой Княжне Марии Николаевне74 было послано 10 экземпляров, и много было послано и в Москву.

По возвращении с полком в петербургские казармы, по окончании травяного продовольствия, меня встретила неожиданная и неприятная командировка за ремонтом. Назначили трех ремонтеров: меня, Опочинина и Головина, и каждому из нас поручено было купить по 45 лошадей вороной масти. Этот сюрприз тем более для меня был тягостен, что всем известно было, что за 500 рублей ассигнациями немыслимо было купить вороных лошадей не ниже 4-х вершков75, так как в кирасирской дивизии не допускались лошади ниже 4-х вершков, и рост их доходил до 9 и более вершков, и даже одна была 11 вершков, которая могла быть употребляема только в большие парады на правом фланге лейб-эскадрона. Следовательно, неминуемо надо было прибавить свои деньги на порядочную сумму, а где из взять? Надо было думать и думать; да кроме траты на лошадей, нужно было их кормить целый год на свой счет, так же, как и команду, состоявшую из 10 кирасир, и еще порядочно стоили разъезды по всей России. Думал, думал и придумал один исход:: ехать в Саратов и просить помощи у дяди моего Беднякова, родного брата моего отца, от одной матери, разных отцов, и слывшего большим богачем, как говорили, нажившего состояние бывши долгое время председателем уголовной палаты. Но как денег недостаточно еще для того, чтоб исполнить поручение, а необходимо знание, я же никогда для себя не покупал лошадей, имея собственный завод, то по совету знающих это дело людей, я отправился в Москву и адресовался к рекомендованному мне барышнику, коломенскому ямщику Кулькову, с которым заключил условие на покупку 47 лошадей, по 800 рублей за каждую лошадь, с тем, чтоб покупка эта сделана была к 1-му августа и сдана мне в Коломне. При этом я дал ему в задаток 10 тысяч рублей, а остальные 27 600 р. с рассрочкою на три срока. Кончив это дело, я отправился в Саратов к дяде и откровенно объяснил, что если он мне не даст 26 тысяч, то я буду самый несчастный человек, что не только я испорчу свою карьеру, но что попадусь даже и под суд. Старик, скупой и притом бездетный, трое суток меня морил грустью расстаться с частью нажитого им большого капитала, наконец, на 4-й день утром входит в мою комнату, восклицая: “Ну-с, Вы думаете-с (он имел привычку прибавлять к каждому слову “с”), что я спал-с всю ночь, нет-с, я три ночи не спал-с. Вы в Петербурге-с хвастали-с, что у Вас есть богатый дядюшка-с, и вот Вас и послали-с за ремонтом-с; ну-с, извольте-с получать-с деньги-с; только у меня-с чистых денег нет-с, а есть билеты-с, которые извольте-с разменять-с, а как по билетам есть лишние-с 150 рублей-с, то извольте-с возвратить мне их”. Получив эти билеты, я тотчас послал за богатым помещиком Яковлевым, мне рекомендованным, который кажется также нажил 3 тысячи душ, как и мой дядюшка; все деньги он мне разменял, и этот трехтысячный

помещик, вместо того, чтоб везти свои деньги в банк, что сопряжено с большими хлопотами, у меня же выманил, так сказать, на чай, или просто на водку 25 рублей. Получив эти 26 тысяч и возвратив дядюшке 150 р., тут же поскакал я в Тамбов, где ждал меня Кульков, и тут, по условию, я дал ему еще 10 тысяч и отправился в любимую мою старую Бахметевку, где нашел мою мать с некоторыми моими сестрами.

По наступлении весны я объездил моих замужних сестер: сначала поехал к сестре Бекетовой, Вольского уезда* в село Куриловку, где прожил с неделю, потом поехал в Симбирскую губернию, в село Архангельское, к сестре Наумовой, где прожил более недели.

Возвратившись в Бахметевку, поотдохнув, отправился я в Коломну, чтоб посмотреть ремонт, и нашел уже лошадей 30, которые мне очень понравились. В Коломну я приезжал еще раз, а последний раз я принял окончательно весь ремонт, и отправив его в Петербург, сам туда поехал.

Чрез месяц с небольшим ремонтом прибыл в Петербург, где его и сдал, но из 47 лошадей было забраковано 7 лошадей, так что, за исключением запасных 2 лошадей, осталось недоведенных 5 лошадей; а как для такого малого количества нельзя было вторично командировать, то я принужден был возвратить 2500 руб., а бракованных 7 лошадей частью продал тут же, а частью зачел за остальной долг Кулькову, конечно, по уменьшенной цене.

Моя командировка оказалась впоследствии благодетельною для всей гвардии и армии по следующему случаю. На мое счастье, как выше было сказано, был командирован и Опочинин, отец которого, весьма хитрый старик, имел случай оассказать Великому Князю Михаилу Павловичу, как офицеры разоряются посылкою их за ремонтом, о каковом деле они и понятия не имеют. Великий Князь, в первый раз узнавши об этом, потому что никто не решался ему об этом говорить, послал за командиром Кавалерийского гвардейского корпуса генерал-адъютантом Депрерадовичем76, которого спросил, знает ли он, что офицеры прибавляют свои деньги на ремонты? На это Деперадович ответил, что, конечно, он это знает, и что это было неизбежно, потому что, по принятому правилу, ежегодно офицеры назначаются ремонтерами на один только год, не будучи в этом деле специалистами, а если б нашлись специалисты, которые на несколько лет брались поставлять ремонт, то тогда они могли бы заводить рассадники и закупать жеребят, что это принесло бы даже пользу ремонтерам. Выслушав основательное объяснение Депрерадовича, Великий Князь спросил его, не имеет ли он в виду такого офицера, на которого он мог бы надеяться, что он беспристрастно ему все это докажет. На это Депрерадович ответил, что имеет в виду такого, на которого вполне он мог бы надеяться, и при этом назвал меня. На другой день рано утром получил я записку, которою Депрерадович приглашает меня в 11 часов. Явившись к нему и подтвердив верность дошедших до Великого Князя сведений, Депрерадович спросил меня, могу ли я ему предоставить подробный счет моим расходам по ремонту, на что я ему ответил, что не замедлю его представить, что и исполнил в несколько дней. Из этого отчета он с удивлением увидел, что вместо 22.500 р., полученных мною от казны, мною издержано свыше 50.000 рублей. Счет этот был им представлен Великому Князю, которым была назначена комиссия для рассмотрения этого дела и составления проекта для учреждения нового положения о ремонтах, вследствие чего и система ремонтирования изменилась, и назначены были постоянные ремонтеры, которые лучше знают эту операцию, чем те офицеры, которые никогда покупкою лошадей не занимались и не разорялись. Время все сглаживает, заставляет забывать прошлое, и я уверен, что немного осталось кавалеристов в живых, которые знают, как изменилась система ремонтирования, и что, хотя и случайно, но обязаны мне.

В следующие затем годы ничего особенного отметить не могу; приезжали разные принцы иностранные, устраивались придворные и частные балы и вечера, из последних, более значительными и замечательными назову вечера в Аничковском дворце, быть на которых льстило всю молодежь, и на которые было приглашаемо очень немного и весьма ограничено, и не превышало 25 пар. На одном из этих вечеров со мной был такой случай, который мог бы иметь неприятные последствия. В одной из двух гостиных, направо из второй залы. Обыкновенно танцевали под фортепьяно, скрипки и виолончель; на двух последних играли братья Лядовы77,

третьего же имя не помню. Танцевали котильон, и тогда была в моде фигура игры в горелки; пришла моя очередь бежать с моей дамой; я так разлетелся по скользкому паркету, что как гостиная очень мала, что я налетел на косяк двери, ведущей в другую гостиную, и, конечно, расшиб бы себе лоб, если б Государь Николай Павлович, стоявший в дверях, не остановил меня за горло.

В 1836 году я получил годовой отпуск и прожил все время в деревне, где занялся разделом родовых имений, по которому мне досталась Старая Бахметевка, Аткарского уезда, состоящая из 3 участков: Старобахметевского Казенного и Николаевского, небольшая часть в селе Лысые Горы, единственно для того чтоб иметь оба берега реки Медведицы необходимые для двух мельниц; всего в Саратовской губернии до 400 душ, при 6640 десятин и Симбирской губернии село Ананьино с 130 крестьянами, при 12 240 десятинах. Сестры мои получили: Александра — в Новой Бахметевке, Аткарского же уезда, Мария Наумова — село Блохино, Пензенской

губернии и уезда, Анна Бутягина — в селе Новой Бахметевке, Евдокия Бекетова — в сельце Бутырках и Екатерина Гардер — в сельце Липовке, оба последние имения в Аткарском уезде. Как видно, мне, жившему и служившему в Петербурге, трудно было самому заниматься хозяйством, тем более, что на мою долю досталась огромная усадьба, состоявшая из 14 разного рода строений, и дворовых: музыкантов, актеров, певчих, мастеровых всякого рода, кучеров и конюхов при конном заводе, всего дворовых 180 душ, то я принужден был найти управляющих, приказчиков, бургомистров, старост и проч., чтоб вести порядочно хозяйство, которое тем более было трудно, что надобно было кормить массу бесполезных ртов, не приносящих никакой пользы и не привыкших с рождения своего ни к какому труду. Однако, все это я привел хотя не к образцовому хозяйству, но в хороший порядок, потому что имел опытного и честного управляющего, который ежемесячно посылал мне определенную сумму.

Возвратившись в 1837 году, фронтовая моя служба продолжалась по-прежнему, но я принялся за любимый мой инструмент, купив очень дешево, за 600 р. скрипку Гваданини78, а дешево она мне пришлась оттого, что она была кем-то заложена, и я ее выкупил. В то время, как бывший ученик первого нашего скрипача Бема79, я играл одни сочинения разных авторов, как то: Роде80, Виоти81, Лафона, Липинского82, Маурера и более всего — Берио83, сам же я еще не писал соло для скрипки, а как фундаментально изучивший теорию и контрапункт у Шванке и Шрейенцера, я более занимался сочинением церковной музыки, к которой имел особенную любовь, но об этом буду говорить подробно ниже и в свое время.

Теперь расскажу о летней нашей стоянке в 1837 году в Стрельне. Тут во дворце, в семействе Опочининых, жила сестра Дарьи Михайловны Опочининой, Анна Михайловна Хитрово, одна из дочерей фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского, также сестра Прасковьи Михайловны Толстой и Елизаветы Михайловны Хитрово, бывшей прежде замужем за графом Тизенгаузен, от которого у ней были две дочери: Дарья Федоровна Фикельмон, муж которой был австрийским послом при нашем дворе, и графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен, камер-фрейлина и бывшая фрейлиной при Императрице Александре Федоровне. В это лето вышеназванная Анна Михайловна Хитрово ездила куда-то и была в отсутствии месяца два; для приезда ее в сентябре Опочинины задумали сделать ей задушевный прием, который хотели выразить спектаклем, составленным из шарады в действиях, для чего избрали слово Parole. 1-е действие было Pas, изображенное балетом, 2-е — role, изображено было театральною школою, где ученики и ученицы разучивали роли, в куплетах которых постоянно выговаривалось слово Parole; в 3-м действии, для изъяснения полной шарады, был институт глухонемых, где воспитанники и воспитанницы были так поражены и обрадованы приездом любимой тетки, что от такой неожиданности вдруг всем глухонемым возвратился и слух, и голос. Явление хотя и фантастическое, но мало ли что бывает на этом свете. Слова написал л(ейб) г(вардии) уланский офицер Клерон (Clairon), а музыку я набросал на Cle-du-Cavcase. Все репетиции шли гладко, на самой же последней утренней репетиции Дарья Михайловна Опочинина объявила мне, что после спектакля, когда будут вызывать актеров, то вызовут и оркестр, и меня, за что мне осталось только благодарить, если публика найдет меня того достойным. Но мало было ей того, и она

объявила мне, что это еще не все, а что потребуют от меня еще объяснения шарады. Как я ни отговаривался и не упрашивал ее этого не делать, но она объявила, что это дело уже решено. Благодарю, не ожидал. Однако, возвратясь домой, я подумал, что ведь будет плохо, если я не приготовлюсь к этому сюрпризу и опростоволосюсь, поэтому я набросал нижеследующие куплеты. Действительно, меня вызывали и закричали: “Объяснение шарады”. В это время Клерон заменил меня в аккомпанементе и сел за фортепьяно. Когда меня вызвали криком: “Оркестр, оркестр”, — я вышел и запел:

“Sans etre ni muet, ni mort,
Je fus prie de la parole,
Que d’etre acteur, n’est pas mon fort,
L’accompagnement fut mon role;
Mais je veux dire aussi combien,

Nous fut peniole Votre absence;
Le ciel compense par ses biens,
Car nous revoyons Votre tante (bis)”.

После долгих аплодисментов закричали:“Bravo, bravo! Explication de la charade!”

Тогда я продолжал 2 куплет так:

Il s’agit — de vous expliquer
La charade representie,
Deux syllabes sont indiquees
La piece si bien presentes,
La premiere ce fut un pas,
La seconde c’etait le role.
Devinez donc, n’hesitez pas,
Car nous vous donons sa parole (bis)”.

Поскольку я ни нем ни мертв,
Скажу вам речь я сей момент.
Хоть и не лучший я актер,
Удел мой — аккомпанемент.
Скажу, что в горе погрузила
Нас об отъезде вашем весть.
Но небо милость нам явило
И ваша тетя снова здесь

Шарада вовсе не глупа,
Заключена вся в слове соль,
Где первый слог из танцев па
А слог второй — из пьесы роль
И без труда всяк догадается,
Что в “слове” слово заключается*

Тут еще больше раздался крик “браво!” и за ним аплодисменты.

Вообще, это лето, проведенное в Стрельне, было оживленно и по окончании его мы, как и прежде, возвратились в Петербург, в наши покойные казармы; и опять те же обеды в табль-дот любимого нашего Дюме84, на углу Гороховой и Малой Морской, где карточная игра совсем была исключена из употребления, а господствовало одно только домино на нескольких столах.

В этом, 1838 году, приехал в первый раз гениальный скрипач Оле-Буль85, норвежский уроженец, и вскоре после своего приезда дал в Большом театре концерт, составленный

уроженец, и вскоре после своего приезда дал в Большом театре концерт, составленный исключительно из собственных его сочинений, составляющих его собственную систему, состоящую в том, что как гриф, так и подставка — плоские, т. е. прямые, без скатов и округлений, на каковой скрипке он мог играть на всех струнах разом и исполнять четырехголосные пьесы, даже фуги, и, кроме того, мог играть и на одной струне, что можно делать только тогда, когда привыкнешь играть с такими плоскими грифами и подставкой. Разумеется, интересуясь скрипкой как любимым моим инструментом, я поехал в концерт. Впечатление, которое на меня произвел первый удар смычка, неизъяснимо: я весь задрожал, был в восторге, когда он начал свой А-дурный* концерт. Новизна стиля, качество звука, мощность, разнообразие смычков, между тем, легкость, с которою он все исполнял, — меня все это так поразило, что все вместе взятое вполне завладело мною, и я остался навеки его поклонником, и впоследствии так был одушевлен, что все мои после того сочинения носили отпечаток его стиля, исключая только то, что я не усвоил себе ни его грифа, ни подставки, ни смычка, который был за 4 вершка длиннее наших, обыкновенных туртовских86 смычков, потому что перевес к концу его

был так силен, что колодка его для меня, непривыкшему к такому перевесу, была гораздо слабее, чем оконечность его, и хотя Оле-Буль и упрашивал меня взять и ввести в употребление один из его смычков, но я решительно отказался его принять, и своим великолепным туртом впоследствии я делал тоже чудеса, как в стоккато, спигато, жете87 (jetees) и проч. Последней его пьесой была Polaca guerruera. Ну, эта пьеса — верх всего, что до сих пор было слыхано на скрипке, каковую пьесу, конечно, ни один из последовавших скрипачей не мог играть. В одно с ним время приехал им Вьетан88. Это тоже колосс, но только в другом роде. Это был чистейший классик, тогда как Оле-Буль был романтик с головы до ног. После концерта я прямо отправился к Оле-Булю, остановившемуся, не помню, в какой-то гостинице, — и прямо объявил ему, что он меня вполне обворожил. Увидя незнакомого ему гвардейского офицера, он, естественно, был очень польщен его откровенностью и обрадовался, что он имеет дело со скрипачем, а не с каким-нибудь репортером. С тех пор у нас завязалась такая дружба, которую нельзя было разорвать до последних дней нашей жизни.

Вскоре после нашего задушевного разговора мы с ним поехали в концерт первого нашего виолончелиста Шуберта89, техника которого была доведена до высокой степени, но игра его была сжата и без увлечения. Возвратившись из концерта, я спросил его, как он нашел Шуберта. “Да, хорош, — ответил он мне, — но когда Вы услышите Серве90, то это будет совсем другое”. Вскоре приехал и Серве. Признаюсь, что я ни прежде, ни до сих пор не встречал такого могучего виолончелиста, и наверное, уже не услышу подобного; все, что после него мы слышали, — это пигмеи, хотя и стараются ему подражать.

Генриетта Зонтаг

Как я выше сказал, что я настроен был стилем Оле-Буля, первую пьесу, которую я написал в этом стиле, была фантазия на мотив из “Нормы”91, которую я в первый раз играл на вечере у Анны Александровны Александровой, жены флигель-адъютанта Александрова, о котором выше было сказано, и живших в своем доме на углу Исакиевской площади и Большой Морской, ныне принадлежащем германскому посольству. На этом вечере должна была петь несравненная графиня Росси, бывшая знаменитая Зонтаг92, муж которой был тогда послом итальянским. Хотя она и приехала на вечер, но петь не могла, от осиплости голоса, так что я принужден был играть один. Тут был Великий Князь Михаил Павлович, увидев которого, я боялся играть, зная его строгость, и смотревшего на офицера как на солдата, который ничего другого знать не должен, как службу, но меня уговорили все-таки играть, и Великий Князь, очень ко мне благоволивший, не выказал ни малейшего негодования. Тут же увидел я только что приехавшего в первый раз в Петербург виолончелиста Серве, о котором выше сказано, и привез его граф Матвей Юрьевич Вильегорский93, протектор всех артистов и бывший сам хороший виолончелист. Увидя такую знаменитость и царя виолончелистов как Серве, я должен бы был смутиться, но как Оле-Буль уверял, что я такой скрипач, что ставит меня выше всех современных скрипачей, как Берио и всех других, то я и не смутился, и храбро и уверенно вступил на арену, и признаюсь, что произвел такой фурор своим стоккато, что все кинулись меня приветствовать, и более всех меня польстил

отзыв и комплименты Серве. Это придало мне столько энергии, что я неусыпно стал сочинять пьесы более значительные, как Е-мольный* концерт, названный Concerto fantastique, Д-дурный* концерт и множество фантазий, преимущественно с собственными мотивами.

Вскоре поле этого, прежде своего концерта, Серве играл на вечере у братьев Вильегорских; с нетерпением я ждал первого удара его смычка, и когда он начал свой Е-мольный концерт, то дрожь охватила всю мою внутренность, точно так же, как это было со мной при первом появлении Оле-Буля на сцене Большого театра. Что за мощная сила звука его инструмента!... Что за техника и пение, вообразить себе нельзя. Вспомнил я слова Оле-Буля о Серве, но они недостаточны были для полного понятия о гениальности как исполнения, так и стиля его сочинений. Он, как и все великие виртуозы, никогда не играют чужие произведения, а всегда свои, и я такого убеждения, что настоящий и первоклассный артист не должен играть чужие сочинения, а должен быть самостоятельным, точно так же, как и оратор не должен говорить чужие речи и излагать их мысли, иначе он уподобится актеру, играющему роли разных характеров, и тогда его можно назвать скрипичных или виолончельных дел мастером, не имеющим своего характера.

Конечно, я сошелся с Серве так, что мы виделись ежедневно и играли вместе; а как в казармах, в моей квартире, была большая зала, и у меня можно было играть полному оркестру, который состоял из духовых инструментов полка, а струнные инструменты были исполнены аматерами** и первыми артистами, как Ромберг94, Маурер, Бем (скрипачи), Шуберт, Кнехт и Гросс95 (виолончелисты); и тут мы пробовали наши сочинения, как Вьетан, Серве и я, что было удобно, так как оркестров для этого нельзя было иначе собирать.

В этом же году Оле-Буль дал концерт в Выборге, и я с его единоземцем Моргенштерном, секретарем шведского посольства и камергером и флигель-адъютантом короля шведского, поехали с ним в двух каретах. Я же, командовавший эскадроном, уехал не спросясь позволения полкового командира, за что по возвращении получил выговор, впрочем, не имевший последствий. Но в Выборге случилась весьма комическая история. Мы приехали в Выборг утром, в день концерта, послав за два дня до нашего отъезда секретаря Оле-Буля Келлермана, очень хорошего виолончелиста, который единственно из привязанности и дружбы взялся быть его секретарем. Мы остановились в какой-то гостинице, куда явился для репетиции единственный в городе пианист Бернард, который с первых тактов оказался так плох, что мы все время сердились. После обеда мы еще раз сделали репетицию, но она оказалась не лучше первой; мы были в отчаянии. Наконец, нам дают знать, что в зале ратуши уже собирается публика, и мы поспешили в залу. Я сел в средине 4 ряда, Оле-Буль начал свою Polaca guerriera, — слышу и вижу, что дело плохо: Бернард не следит, врет и видимо затрудняется; я перепрыгнул чрез пустые стулья, вскочил на сцену, прогнал Бернарда, сел за фортепьяно и кончил пьесу, к удивлению публики, которая, увидев офицера, так поспешно перепрыгнувшего чрез стулья и вскочившего на сцену, естественно, приняла меня за сумасшедшего, и когда поняла цель такого поступка, закричала “браво” и хохоту и аплодисментам не было конца. В ту же ночь мы отправились обратно в Петербург, и Оле-Буль уехал за границу с намерением приехать опять в Петербург, что он и исполнил через 2 года.

Летом 1839 года мы по-прежнему поле маневров простояли в Стрельне, а как лошади наши были на травяном продовольствии, и ученьев не было, то мы принялись за любимые наши пикники, из которых не могу пройти молчанием один из них, бывший в Петергофе. Мы поехали все в своих экипажах; в коляске, в которой я ехал, были две дамы и 2 мужчин: князь Виктор Васильчиков96, впоследствии товарищ военного министра, незадолго пред тем произведенный в офицеры, и один из героев Севастопольской кампании, и я; дам же не смею назвать, скажу только, что одна из них — молодая, красивая, и молодежь за ней ухаживала. Приехав в гостиницу “Самсон”, где был приготовлен обед, я пошел в отдельную комнату и написал следующие куплеты:

“За хвостиком кокетки
Вилась вся молодежь;

Ее пустили детки
Друг другу на дележ.

C’est si peu de chose
Mais voyez pour cause
A quoi l’on s’expose
Par humanite.

Любил ее барон*
И князь**, и дворянин;
Но кто из них смешон,
То ротмистр Головин.

C’est si peu de chose et cet.

Досадою горя
Илюша*** ус крутил,
Серьезно говоря,
Как молодежь кутит.

C’est si peu de chose et cet.

Конечно, тут же молодежь приступила к списыванию копий с этих куплетов, которые впоследствии все распевали.

Забыл я внести в мои записки один довольно неприятный эпизод, случившийся со мной в 1836 году. Государь делал смотр полку в Михайловском манеже. Тогда я командовал 4-м эскадроном, и Государь был очень доволен смотром, и по окончании его вызвал всех эскадронных командиров и особенно их благодарил. У меня тогда был отличный жеребец, за которого я заплатил 7 тысяч ассигнациями, что впоследствии составило 2 тысячи рублей серебром. Конь этот был чрезвычайно горяч. Когда Государь распустил нас по своим местам, то жеребец мой от шума палашей взвился, встал как свечка и сделал пируэт направо, а я упал налево. Тут подбежали стоявшие пешком в свите генерал и флигель-адъютанты, которые подняли меня всего испачканного в песке, что представляло неприглядную картину на белом мундире. Однако, этот случай был причиною, что я с неделю пролежал в постели. В тот же день вечером был где-то раут, где Великий Князь Михаил Павлович, любивший каламбуры, и из коих многие были отличные, обратился к кавалергардскому офицеру Дантесу, тому самому Дантесу, который убил на дуэли нашего бессмертного поэта Пушкина, с следующими словами: “Et a matin quelle culbite a fait Bachmeteff, il a fait une roulade sur le dos”. На что Дантес ответил: Pardon, Mon Seigneur, je crois que c’etait une roulade sur le sol”*.

В 1839, 1840 и 1841 годах мне особенно много приходилось играть в публичных концертах, иногда бывало, что в один вечер в 2-х залах играл, и всякий раз разные пьесы, и со мной ездили разные аккомпаниаторы, как Фальвейлер97, Герне, Шрейцерн и Легран. В 1840 году для меня были очень лестны 2 концерта, а именно: возвратившись раз очень поздно домой. Я нашел следующую записку графа Михаила Юрьевича Виельгорского98: “De ce pas je reviens de chez la Grande Duchesse Elene, qui desire que vous jouiez demain un solo au Concert patriotique. Pas de refus, car uniquement pour vouss l’orchestre est commande pour les 2 h. dans la salle de la Grande Noblesse”**.

Вот это сюрприз! К этому же времени пришел и другой сюрприз — читаю в полковом приказе, что завтра полковой плац от 12 до 1 часа назначен для ученья моего эскадрона. Вот еще второй сюрприз! Как быть? А ведь надо исполнить и то и другое. Ничего, Бог милостив, и исполню все, зная мою твердую натуру. Это было в апреле, холод был еще порядочный. На другой день в 12 часов я уже учил эскадрон, от палаша руки окоченели, и кончив ученье, возвратился домой, натер себе руки спиртом, и взяв скрипку, отправился я на репетицию. Тут, в зале, я уже нашел 2-

х братьев Виельгорских, Серве, Глинку, Маурера и Бема. На счастье мое, как все мои пьесы более или менее, что называется, под пальцами, я и выбрал из них мою Fantasie elegante, которая для публики была эффектна и ею любима. Я тут не чувствовал никакого последствия от утреннего конного увечья. Фантазию мою мы повторили два раза, а оркестром дирижировал Ромберг, и невзирая на то, что он был закоренелый сухой классик, пьеса ему понравилась, так же, как и всем присутствующим, а Серве все восхищался моим stocato, который называл всегда "polisson de staccato"*. Граф Михаил Юрьевич Виельгорский пожелал еще раз прослушать мою "элегантную", пригласил нас всех к себе (на углу Михайловской площади и Большой Итальянской), и там, под аккомпанемент фортепьян, с Фальвейлером, я еще сыграл эту пьесу. После этого меня заставили пропеть несколько из моих романсов, где, между прочим, пропел мой "Перситский булат", который они все в первый раз узнали. Этот страстный романс написан в 5/4, каковой ритм никому еще в голову не приходил, я же этим ритмом хотел придать более страсти. Тут Маурер и Бем возмутились против этого нововведения, говоря, что 5/4 не может существовать, так как неделимо, и в теории нет такого указания. Только граф Виельгорский не нашел в нем ничего неприятного и неприличного, а Глинка, сидя в углу комнаты, призадумался и не высказал никакого своего мнения, только при разъезде сказал мне: "Мы об этом подумаем", — и действительно, подумал, и впоследствии написал в "Жизни за Царя" хор женщин в 5/4, который прежде был написан другим размером, кажется, в 3/8.

Все это было хорошо, но все-таки, самое трудное ожидало меня вечером, и как нарочно, пришлось некстати мое приглашение некоторых из близких мне обедать в тот день у меня. Тогда обедали все в 4 1/2 часа. Приехали Серве, протоирей Турчанинов100, известный сочинитель, а более — перелагатель церковной музыки. Когда я по по-привычке налил себе рюмку хереса, то Серве вырвал ее из моих рук, закричав: "Нет, этого я не позволю. Когда я должен играть вечером, то я всегда целый день лежу в постели и ни капли никакого вина не пью". Невзирая на это строгое запрещение, я все-таки налил другую рюмку и выпил ее, что, конечно, не имело никаких дурных последствий, и в 7 часов мы отправились в Дворянское собрание.

Вскоре зала была полна; в ложе были Государь Николай Павлович, Императрица Александра Федоровна, Наследник Александр Николаевич и Великий Князь Михаил Павлович с супругою Великою Княгинею Еленою Павловною, Великая Княгиня Мария Николаевна и Великая Княжна Ольга Николаевна101, — более из Царской фамилии никто не мог быть, так как все прочие еще были малолетные. В комнату сзади большой залы, где собирались исполнявшие артисты, взошел шеф жандармов генерал-адъютант граф Александр Христофорович Бенкендорф, и увидя меня совсем в расстегнутом мундире и в белом жилете, удивясь этому, воскликнул: "Как это можно, Вы совсем расстегнулись, этак нельзя явиться пред Государем", — на это я ответил, что не могу играть застегнутым, так как это меня стесняет, более всего — правую руку, так как мой смычек требует свободы; так я и вышел весь расстегнутый.

Как я еще не слышал в такой большой зале моего Иозефа Гварнериуса102 и не знал его силы, то я попросил графа Росси, мужа Зонтаг, сделать мне одолжение, прослушать мою скрипку в противоположном конце залы, у колонн при входе в залу, для того, чтоб быть уверенным, что скрипку мою можно было слышать и на таком дальнем расстоянии, что он очень охотно и любезно сделал, тем более, что и он играл на скрипке и интересовался ею, а в окончании пьесы он пришел мне сказать, что не только в сильных местах, но и в финале длинное стоккато было так ясно, что каждая нота ясно отделялась. Я сам был удивлен, что ни малейшего волнения и страха у меня не было, несмотря на полную залу и присутствие всей Императорской фамилии, и всю мою фантазию я сыграл с таким эффектом, что зала оглушилась аплодисментом, и меня позвали в ложу, где Государь и Императрица изъявили свою благодарность за пользу, принесенную Патриотическому обществу, концерты которого так высоко ценились, что превосходили все прочие концерты, но, к сожалению, впоследствии и по сие время они утратили прежнее значение, обратившись в обыкновенные, мало интересные. В этом же концерте несравненная и, можно сказать, божественная графиня Росси (знаменитая Зонтаг) спела две пьесы.

Великий князь Михаил Павлович

После этого генерал-адъютант граф Литке103, воспитатель Великого Князя Константина Николаевича104, с намерением развить вкус Великого Князя к классической музыке, устраивал по вторникам вечера в квартире Великого Князя, в Зимнем дворце, и для устройства этих вечером пригласил Гензельта105, хотя тогда еще молодого, но уже прославившегося во всей Европе артиста фортепьяниста. Соло он тут играл редко, но устраивал квартеты, трио и сонаты всех тогдашних классиков, и иначе не хотел их играть ни с кем другим, как со мной и виолончелистом Гроссом, и эти квартеты у нас шли отлично. Таким образом всю зиму мы играли по вторникам, следствием чего было то, что Великий Князь начал учиться играть на фортопьяно и на виолончели, и кажется, до сих пор их не покидает. В это время Великому Князю было 12 лет. В маленькой комнатке, где сидел Великий Князь со старым адмиралом Грейгом106, бывшим начальником Черноморского флота, в один из таких вечером подали чай; когда кончили чай, видя, что у Великого Князя чашка пуста, и он не знал, куда ее поставить, подошел я к нему, сказав, конечно, из учтивости: “Позвольте, Ваше Высочество, я поставлю чашку”, — каково же было мое удивление, когда на это он ответил: “вы здесь не хозяин”, — как будто хозяин обязан собирать чашки. Благодарю, не ожидал.

Великая княгиня Елена Павловна

После этого в 1840 году Глинка, занимавший тогда место капельмейстера в Придворной певческой капелле, где больших и малолетных певчих учил пению, был командирован в Малороссию для набора певчих и нашел там Артемовского107, отличного баса, и привез его с прочими в Петербург; но увидя, что такого голоса служба его в Капелле не может достаточно обеспечить, по скудному тогда содержанию, вознамерился отправить его в Италию, для изучения пения, но как на это надо иметь средства, то он и задумал составить концерт, в котором пригласил меня играть. Концерт этот состоялся в зале князя Юсупова у Поцелуева моста на Мойке и оказался блестящим и собравшим такую почтенную сумму, что нашлась возможность отправить Артемовского в Италию.

Тут опять случился для меня такой сюрприз, какого, конечно, я не ожидал. Взошед на эстраду, начал я свой 2-й каприз, очень блестящий для публики, и увидел стоявшего в недальнем расстоянии Оле-Буля, о приезде которого я еще не знал, так как он пред вечером только приехал в Петербург из-за границы, и, остановившись в гостинице, прочел афишу, в которой было сказано, что я играю в тот вечер в зале Юсупова; несмотря на усталость от тяжелого путешествия, решился ехать меня послушать. Увидав издали Оле-Буля, я так был поражен внезапным его появлением, что еще более был вдохновлен и сыграл мой каприз с такой энергией, что потряс всю залу. Когда я кончил мою пьесу, меня стали вызывать несколько раз, и в один из этих вызовов Оле-Буль взошел на эстраду и поднес мне прелестную скрипку Руджери108, купленную им в Вене у вдовы Реачек, муж которой незадолго пред тем умер, оставив коллекцию лучших инструментов. Этот сюрприз так меня взволновал, что при публике я кинулся в его объятия, что еще более произвело такой восторг, что шум, крик и аплодисменты были еще сильнее, чем прежде. Скрипку эту я сохраняю и по сие время, и сохраню навсегда. Результатом этого концерта было то, что Артемовский был отправлен в Италию и по возвращении был принят в Императорскую Русскую оперу в Петербурге, где имел значительный успех.

Лето 1841 года мы, по обыкновению, после маневров провели в Стрельне, и в конце лета высказалась надежда на важную перемену в моей жизни. На Петергофской дороге была дача, принадлежавшая старухе Юлии Федоровне Моллер, вдове бывшего морского министра Антона Васильевича Моллера109, где старуха проводила всякое лето. Одна из ее дочерей, Елизавета Антоновна, была замужем за бывшим статс-секретарем и начальником 1-го отделения Собственной Его Величества канцелярии тайным советником Николаем Назарьевичем Муравьевым110 и имела много детей, из коих две оставшиеся в живых дочери, Елизавета и Юлия Николаевны111 в этом году начали выезжать в свет и это лето провели у своей бабушки, а как эта дача была недалеко от Стрельны, то она привозила внучек на все наши увеселения и

собрания. В одном из этих собраний я увидал этих сестер, и Елизавета Николаевна так с первого раза поразила своей красотой и кротким выражением ее голубых глаз, что я предчувствовал, что выбор для спутницы в моей жизни падет не иначе, как на нее, что и решилось скоро после того.

Вернувшись в петербургские наши казармы, флигель-адъютант, моряк, Богдан Александрович Глазенап, женатый на второй дочери адмирала Моллера, Эмилии Антоновне, повез меня к родителю молодых девиц-красавиц Николаю Назарьевичу Муравьеву, жившему в своей богатой даче, на 13 версте по Шлиссельбургской дороге, близ Фарфорового завода, и называвшейся Покровским. Старик Муравьев уже был в отставке и занимался оригинальным хозяйством, которое, впрочем, давало ему порядочный доход, преимущественно клубника и скотоводство. Николай Назарьевич первоначально был женат на Мордвиновой112, от которой он имел трех сыновей: Николая, впоследствии граф Амурский, Валериана, впоследствии сенатор, и Александра, и трех дочерей: Екатерину, замужем за Александром Федоровичем Моллером, начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии; Александру, замужем за родным братом Моллера, Федором Федоровичем Моллером, командиром л(ейб)-г(вардейского) Павловского полка, и Веру, замужем за Шестаковым.

Будущее счастье мое было потрясено горестным известием о потере сестры моей Анны, с которой я более, чем с другими был дружен, так как мы вместе учились, а прочие сестры были или старше, или моложе нас.

Посещения мои этого почтенного семейства стали часты, и в одно утро я решился объясниться и предложить мою руку избранной мною в подруги Елизавете Николаевне, с которой я вполне счастливо прожил 26 лет. Эта жизнь моя не могла не быть счастливою с такой женщиной, которая соединяла в себя все редкие качества, как светлый, здравый ум, доброту души, кротость примерную, служившие мне утешением и смягчавшие мой иногда строптивый характер.

В одно и тоже время я подал в отставку и был уволен с чином полковника. Отставку я почитал неизбежною, потому что находил, что хозяйство несовместимо со службой, в ущерб одного другому, невзирая на просьбы полкового командира Антона Антоновича Эссена, который готов был мне дать лучшую квартиру; но я никак не мог остаться в Петербурге, поэтому, по первому открывшемуся пути, в апреле, я поехал в саратовское имение, в дорогую мою Старую Бахметевку, чтоб устроить дом так, чтоб молодая хозяйка была довольна. И действительно, я отделал большой дом так, что он был неузнаваем. Простой, обыкновенный дом я обратил в готический, с тремя башнями, и в нем оказалось 22 комнаты, кроме разных флигелей для гостей. Заказал я в Саратов лучшему столяру Эренбрауту разных фасонов мебель, а как я не мог долго оставаться в имении, то я поручил дворецкому моему, прусскому подданому Тагацу все докончить. И действительно. Все было сделано для принятия молодых так, что всех прельстило, когда мы туда приехали.

Возвратившись в Петербург, свадьба совершилась 12 июня(1842), и после обычных визитов мы отправились в прелестном новом дормезе113. Приехав в Бахметевку, молодая моя жена была восхищена, увидав такое роскошное имение, в которое въехав, мы сначала отправились в прелестную нашу церковь, где при звоне колоколов были встречены духовенством, хором певчих и всем народом, встретившим нас с хлебом-солью на серебряном блюде с надписью. Из церкви мы все пошли в дом чрез сад, который против церкви. Тут мы нашли приехавших к нам навстречу мою мать и сестру Бекетову со всеми пятью дочерями. Взошед в дом, жена моя еще более была поражена красотой, комфортом и роскошью огромного сада. На другой день было представление всех служащих в имении, которых молодая хозяйка должна была узнать. Потом начались театры, концерты и катанья, происходившие каждый день. Так мы провели остальную часть лета, а на зиму поехали в Саратов, наняв дом Штафана на Московской улице. Тут, в этом доме, родился первый наш сын Иван, 12 марта 1843 года, следовательно, ровно день в день чрез 9 месяцев после нашей свадьбы, и через четыре недели мы повезли его в Бахметевку, где провели весь год в полнейшем счастье. Но на другое лето мы поехали с ним к сестре моей Бекетовой, Вольского уезда в село Куриловку. Тут наше счастье было потрясено потерей нашего первенца,

кончина которого была беспримерная. Встав в 7 часов утра, я пошел на него посмотреть и нашел его играющим и бегающим с дядькой своим Александром Пуховым. Но в это время ему подали морковь, дающуюся обычно детям; закашлявшись, кусочек моркови попал ему в дыхательное горло и, не имея силы его откашлять, с ним сделался удар, впал вдруг в беспамятство, и не взирая на все принятые меры, причем и рвотное не подействовало, в 9 часов того утра нашего дорогого первенца не стало. Излишне говорить, каков был для нас этот удар. На другой день повезли мы его в гробике в Бахметевку, где схоронили его в семейном склепе, сделанном в церковной ограде.

Тяжело было нам остаться без сына, и на другой год мы поехали в Петербург, чтоб провести там зиму, и наняли квартиру на углу Благовещенской и Галерной в доме Мусина-Пушкина, впоследствии Вонлярлярской. Мы нашли тут родителей моей жены, Муравьевых, оставивших свою прелестную Покровскую дачу и переселившихся в Петербург с дочерью Юлиею, вскоре после того вышедшую замуж за сына моей двоюродной сестры Ольги Николаевны Пашковой, кавалергардского офицера Алексея Егоровича Пашкова, и с малолетнею дочерью Ольгою. Тут в 1845 году, в июне, родилась дочь моя Александра, а по прошествии 6 недель мы с ребенком отправились в любимую нашу Старую Бахметевку, где вполне были счастливы с нашей красоткой Сашей до тех пор, когда ее унесла в могилу нещадная корь в 1848 году.

Осенью этого года саратовское дворянство экстренным собранием, по случаю смерти Петра Ивановича Бекетова114, единогласно избрало меня своим губернским предводителем. Напрасно доказывал я почтенному дворянству, что немыслимо меня избирать в эту трудную, хотя и почетную должность, о которой я понятия не имею, зная только мой эскадрон и вообще военную службу, но тщетно все это доказывал и получил только один ответ, что это дело уже решенное бесповоротно, и, таким образом, избрание меня пошло на Высочайшее утверждение, которое было получено чрез три недели. Однако, в голове моей засела мысль, что плохо будет, если я не займусь изучением всего необходимого для исполнения должности губернского предводителя дворянства добросовестно, и тем оправдать доверие дворянства, и для этого, пока шло представление, в период времени между представлением и утверждением, я прилежно принялся изучать III т. Свода законов “О службе от правительства” и IX т. “О службе по выборам”, и, Боже мой! Что я тут нашел? То, о чем у меня и помышления не было, например, в IX т. я нашел, что я или председательствую или присутствую в 13 присутствиях; но это меня не смутило, и я, так сказать, назубрил так статьи законов, что когда нужно было справиться в законах, то не смотря в них, я называл прямо статьи, чему всегда удивлялись присутствовавшие.

Дворянство всегда и явно выражало мне доверие, и не было никогда ни недоумений, ни неприятностей между дворянством и его предводителем. Но у губернского предводителя было лицо, с которым у него неизбежны всякого рода столкновения, и это лицо есть губернатор. Хорошо идут дела, когда губернатор с губернским предводителем одинаковых направлений; но, увы! Это встречалось в то время очень редко. К несчастью, в то время был министром граф Перовский115, весьма ограниченный администратор, принимавший более к сердцу вес булок, усвоивший себе право папской непогрешимости, соединенной с большой дозой деспотизма, и при отправлении губернатора к своему посту, давал ему свой камертон, которым, конечно, пользовались губернаторы в угоду своего начальника. Так и случилось, в особенности в последние годы моего предводительства.

Когда я вступил в должность, тогда был губернатором некто Кожевников116, пред тем бывший атаманом Уральского казачьего войска. Вот тут-то он, привыкши расправляться с казаками нагайкой, он вообразил себе, что он также может действовать и в самостоятельной губернии, где преобладал элемент дворянский, о котором этот губернатор, в полном смысле чиновник, неимеющий ничего, кроме казенного жалованья, и понятия не имел, или если и имел, то превратное.

До вступления моего в должность и более года после того отношения наши были приличны — до первого столкновения. Находя, что Кожевников человек достаточно умный, порядочно образован, хотя и односторонно, иногда острый, и имел всегда отличного повара, давал хорошие

обеды, одним словом, ел хорошо, но только пил немного излишнее, так что после обеда он уже ни на что не был способен, ложился спать и вставал утром с постоянною головною болью, что отражалось более и прежде всего на бедном полицмейстере, обязанном являться в 9 часов утра со своими рапортом. Вообще, Кожевников обходился со своими чиновниками хуже, чем со своими лакеями, лишиться которых ему было более чувствительно, чем лишиться чиновника, которого ему легко было заместить.

Ссоры наши начались с той поры, когда он начал вмешиваться в мои права, и прежде всего, он без моего согласия перевел депутата Дворянского собрания в уездные исправники. Потом пошли требования с моей стороны, начав с того, что он не препровождал ко мне несколько третей года списков всех служащих, которым делались выговоры им самим и губернским правлением, каковые списки он должен был мне представлять на основании закона, имевшего ввиду, что я мог только по этим спискам делать мои заключения при дворянских выборах. Потом было неправильное действие полиции при описи дома старых девиц Чекмаревых, по извету одной из сестер на духовное завещание матери их. Полиция, взошед в дом, не матери, а рядом с ним, в дом, принадлежащий не матери, а дочерям, и опись эту вздумали делать квартальный надзиратель с поверенным истицы, без опекуна и свидетелей, которого хотя и пригласил квартальный, не имевший права приглашать свидетеля, тем более другого сословия. По этому поводу, приехав в этот дом по приглашению старух, я прогнал всех пришедших, тут же написал обо всем губернатору, сказав, что по предоставленной мне ст. 1011-ю III т. власти, я сам назначу свидетелей. Замечательно, что на спрос об этом происшествии министра внутренних дел, губернатор объяснил, что я тут действовал совершенно законно, что ссылался на приличные к делу статьи закона, а в Сенат донес о превышении мною власти. Понятно, что после таких действий губернатора не могло и быть речи о хороших отношениях между дворянством и губернатором, последствием чего было еще более мое наблюдение за непозволительными действиями полиции; в том числе, было знаменитое мое отношение к губернатору по поводу поведения полиции в доме Дворянского собрания, где в буфете пристава пили шампанское, вместо того, чтоб быть на своих местах для исполнения своих обязанностей. Это знаменитое отношение было напечатано во многих газетах и принято с большим сочувствием. О всех случаях столкновения с губернатором впоследствии было так много, что заняло бы целые томы. Результатом этих столкновений было то, что нас обоих вызвали в 1850 году в Петербург.

Забыл сказать, что первый выбор меня в губернские предводители в 1848 году был только на один год, оставшийся от трехлетия после смерти предшественника моего Бекетова, а в конце 1849 года я снова был избран на эту должность, и по утверждении прослужил все трехлетие, до 1852 года.

Приехали мы почти одновременно в Петербург весной 1850 года, и первый мой визит был к товарищу министра внутренних дел Ивану Григорьевичу Сенявину117, прежнему моему товарищу в Конной гвардии, принимавшему мою сторону в нашей ссоре, но как человек, сам запутанный в своих делах, и даже по службе, в бытность его губернатором в Москве, действовал мало откровенно, в угоду своего начальника Перовского, который, конечно, брал сторону губернатора, и впоследствии, перерезав себе горло бритвой, кинулся с балкона 2 этажа дома на углу Сергиевской улицы на мостовую, где и кончил свою жизнь.

Облекшись в мой красный (бальный) конногвардейский мундир, мы вместе с ним поехали к министру Перовскому, жившему в доме министерства у Александринского театра. Мы нашли Перовского в рабочем его кабинете, за столом, окруженном камелиями, странно одетым в виц-мундире, с Владимирской лентой по жилету, в каковом костюме он ежедневно принимал и представляющихся, и докладчиков. Конечно, первые его слова были обращены к нашей взаимной ссоре, о которой я подробно рассказывал и объяснял. В конце же аудиенции он сказал, что доложит об нашей ссоре Государю. На это я ему ответил, что как Вы намереваетесь об этом доложить Государю, то заодно прошу Вас доложить Его Величеству, что мы одинаково преданные ему подданные, но что обидно для губернии, что у нас такой пакостный губернатор. “Вы меня оскорбляете, милостивый государь, зная, что я назначаю губернаторов”, — ответил

“Вы меня оскорбляете, милостивый Государь, зная, что я назначаю губернаторов”, — ответил Перовский. На это я возразил, что я никогда не думал, чтоб он мог назначить губернаторов, а всегда думал, что их назначает сам Государь Император118. “Хорошо, — закончил он, — и об этом оскорблении меня я так же доложу Государю”. Однако, подумав, что скверно будет, если он действительно обо всем доложит Государю, тут же прямо я поехал к своему старому генералу и покровителю князю Орлову, которому все рассказал подробно, а как князь Орлов знал хорошо мою откровенность и прямоту, разумеется, всему моему рассказу поверил и сказал: “Нет, этого-то не бойся; все это вздор, никогда Перовский не осмелится докладывать Государю о таких делах”. Успокоенный таким отзывом князя Орлова, я преспокойно отправился домой, но на другой день, возвратившись домой довольно поздно, нашел я на столе записку тогдашнего обер-полицмейстера Галахова119, бывшего моего товарища в Конной гвардии, следующего содержания: “Граф (тогда он был граф, а в княжеское достоинство пожалован в день Коронации в 1856 году Государя Александра Николаевича) Алексей Федорович (Орлов) просит тебя приехать к нему завтра в 10 часов”. Конечно, к назначенному времени я был у него в кабинете,

где граф юмористически воскликнул: “Помилуй, что это, какие ты грубости наговорил Перовскому? Когда же ты перестанешь горячиться?”. На это я ему ответил: “Да ведь, граф, я Вам третьего дня все подробно рассказывал, и более того ничего не говорил”. “Ну, хорошо, поезжай же ты к нему и извинись, сказав, что каешься в твоем раздражении; он этим будет доволен и только этого и ждет”. Конечно, я готов был исполнить совет графа и тут же поехал к Перовскому, который, по обыкновению, с Владимирской лентой чрез плечо, принял меня, видимо довольный моим появлением. Тут я слово в слово сказал то, чему научил меня граф Орлов. “Хорошо, — ответил Перовский, — и только прошу Вас помириться с губернатором и приехать ко мне завтра в это время”. На это я ответил, что лично я ничего не имею против губернатора и готов примириться, но примириться с делами, касающимися дворянства я не имею права, тем более, что эти дела рассматриваются в Сенате. При этом я добавил, что если он, министр, желает водворить спокойствие, то прошу его уволить начальника канцелярии Дурасова, старшего советника губернского правления Горохова, имевших прескверную репутацию, и доктора Бензенгера, как всех бывших причиной наших ссор. Об это я подал записку Перовскому, и чрез несколько дней последовало их увольнение, что немало изумило и обрадовало всю губернию. “Хорошо, — закончил Перовский, — а все-таки приезжайте завтра”. С тем я и удалился.

На другой день, в назначенный час я был у Перовского, где уже нашел и Кожевникова. Без всяких предисловий Перовский начал с того, что просил нас помириться, подать друг другу руки, и чтоб я сделал визит губернатору, а чтоб губернатор, вслед за тем, отдал бы мне визит. Эту комедию мы исполнили буквально, и при этих церемониях не было никаких по службе разговоров, и конечно, я умолчал о поданной мною записке, так что об увольнении этих трех лиц Кожевников узнал только по приезде в Саратов. Понятно, какой переполох произвело это известие, которому дворянство было радо. Между тем, в Сенате разобрали все полученные наши дела, результатом чего было то, что губернатор получил от Сената три выговора. Казалось бы, что виновность губернатора ясно была доказана, но Перовский, по принятому им принципу неунижения правительственной власти, столько был неблагороден и несправедлив, что вознаградил его Станиславской лентой, а я не получил ничего, хотя директор его канцелярии, негодяй Гвоздев, и приехал мне сказать, что я тоже получу Владимира 3-й степени. Все это по возвращении моем в Саратов произвело в дворянстве ропот.

На зиму, на 1852 г., мы с семейством, т. е. с женою и дочерью Мариею120, родившеюся 26 июня 1849 года, отправились в Петербург и остановились в доме Ртищева, ныне Туликова, на углу Невского проспекта и Литейной. Тут же наняли квартиру на зиму и сестра моей жены Юлия Николаевна с мужем Алексеем Егоровичем Пашковым, а весной 1852 г. мы отправились в нашу Старую Бахметевку, где 5-го июня родился у нас сын Николай.

В течение лета я, конечно, ездил в Саратов по службе моей как предводитель. В половине декабря начались выборы дворянства на следующее трехлетие, где я в третий раз был избран в губернские предводители, но, по принципу своему, Перовскому не угодно было доложить

губернские предводители, но, по принципу своему, Перовскому не угодно было доложить Государю о моем утверждении, и таким образом все три года дворянство осталось без губернского предводителя, каковую должность все три года исполнял по закону уездный предводитель, так что все три года, можно сказать, прошли молчанием. Хотя другой, может быть, и обиделся этим молчанием, но я этому был очень рад, ибо мог на свободе лучше заняться хозяйством, которое, благодаря предводительству, было чувствительно потрясено.

Тут свободнее я мог заняться музыкой, и вместо маленького бального оркестра я составил полный оркестр, где все духовые инструменты, даже гобои, фаготы, валторны и тромбоны были удвоены, что редко было видно в провинциальных оркестрах. В числе 28 человек были и крепостные, и наемные, и ученики-любители. В капельмейстеры я пригласил известного в Петербурге Гильмана, имевшего большой оркестр, игравшего в загородных увеселительных заведениях в одно время с его конкурентом Кунглемом. Замечательно, как русский народ склонен и способен более к классической музыке: Моцарт, Бетховен, Гайдн, Мендельсон и другие классики исполнялись так хорошо и сочувственно, что позавидовали бы и немцы, но зато русский человек не сочувствует итальянской и бальной музыке, и исполнение им вальсов, полек и аранжировок из итальянских опер бездушно и вяло, в чем они сами сознаются. Легко сказать, что в Бахметевке исполнялась достаточно удовлетворительно даже и 9-я симфония Бетховена, которая и в Петербурге исполняема небезукоризненно. Таким образом, мы продолжали нашу спокойную и приятную жизнь. Летом оркестр играл в саду, где устроена была эстрада, и где звуки его переливались с пением соловья, а в ненастную погоду и зимой ежедневно с 7 часов оркестр или квартет, или певчие услаждали нас в зале большого дома.

Но дело не обошлось без неприятностей: двое из дворовых умышленно подожгли наш прелестный дом, который сгорел дотла, но как это случилось летом, и в доме было четыре просторных подъезда, то все до мелочи было вынесено и спасено примерным усердием дворовых людей, — даже громоздкие вещи, как клавикорд, бильярд и шкафы не потерпели никакой порчи от пожара и были вынесены. В тот же день мы принуждены были разместиться в 3-х флигелях, и в то же лето началась работа по соединению двух каменных флигелей большой залой в два света, бильярдной и передней, и к осени вся эта работа вчерне была готова, и на другой год отштукатурена, и из соединения двух флигелей вышел, так сказать, дворец, или замок из 20 комнат. Тут-то, в зале в 7 саженей квадратных, еще лучше раздавались звуки оркестра.

В этом только году (1854 г.) губернатор Кожевников был уволен в отставку без прошения, и отправившись сначала в Петербург, а потом во Псков, к своему родному брату, в самом жалком и бедном положении вскоре умер.

На другой год, т. е. в 1855 году, мы поехали в Петербург, чтоб провести там зиму, и наняли квартиру на Симеоновской улице в доме Тура, и возвратились в саратовское имение на другой год.

В 1857 году я провел один всю зиму, где имел дело в Сенате. Весной 1860 года я опять по этому делу отправился в Петербург и возвратился в деревню в июле, предавшись прежним моим занятиям музыкой и хозяйством.

В конце октября того года, приехав опять в Петербург, я нашел его в полном трауре по случаю кончины Императрицы Александры Федоровны. Вот с этого-то времени совершенно изменилась моя жизнь. Покойный министр Императорского двора граф Владимир Федорович Адлерберг121 предложил мне быть директором Придворной певческой капеллы, по желанию Государя Императора Александра Николаевича. Так как артистическая часть и специально духовное пение были моим элементом, то я, конечно, весьма охотно принял это предложение, тем более, что это было желание Государя, и пока шли переговоры и переписка, и требование формулярного списка, подошло 19 февраля, где состоялся указ об освобождении крестьян от крепостной зависимости, то я просил графа повременить назначением меня прямо директором, а назначить только помощником директора, гофмейстера Алексея Федоровича Львова122, замечательного артиста и композитора, принужденного составить эту должность по слабости здоровья и глухоте.

Тогда, для приведения в порядок дела по увольнению крестьян и для введения нового порядка в управлении имениями, я просил министра дать мне отпуск на три месяца, на что он и согласился, и 23 апреля, после причастия Императорской фамилии, при чем я присутствовал по службе как помощник отсутствовавшего директора, отправился в Москву, где ожидал меня дормез, и выехал в тот же день по Владимирской дороге, в одном из сел увидел крестный ход во время заутрени Светлого Христова Воскресения.

В среду, на Пасху, приехал я в имение и тут же, собрав крестьян, объяснил им положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и цель, которую имел Государь для исполнения этого положения, но результат которого, как известно, выказался впоследствии неудавшимся благодаря общинному владению, где некоторые нажились, а другие разорились, так как бездомники и бродяги, на которых накопляются податные недоимки, надеются на богатых, у которых все продают нажитое ими многолетними трудами. Это положение заставило придумать и образовать другого рода хозяйства, как работу вольнонанимаемым трудом и сдачею свободных земель, что по новизне своей было весьма трудно; но благодаря примерной нравственности крестьян, вся эта перемена совершилась благополучно.

Хотя отпуском моим я и мог пользоваться до 23 июля (1861 г.), но в половине июня я получил от министра Двора телеграмму, которую он требует скорейшего моего возвращения, поэтому я тотчас же выехал и приехал 29 июня утром в Петербург, где я нашел Высочайший приказ об увольнении гофмейстера Львова от должности с сохранением чина Двора и о назначении меня директором капеллы. В то же утро, в 10 часов, я поспешил представиться Государю в Петергофе, где 29 июня по случаю праздника св. Петра и Павла была обедня. Сначала я явился министру и потом пошел во дворец. В 12 часов, по окончании обедни, Государь принял меня на террасе 2-го этажа, где представлялись и прочие особы. Государь, увидав меня, сказал: “Как я рад тебя видеть; ты видишь, как команда распалась и расстроилась, помоги нам, возьми ее в руки, — надеюсь, что ты ее исправишь”.

И действительно, я принял ее в руки. Признаюсь, что в хоре я нашел прекрасный материал, но учителя капеллы... Из четырех учителей я нашел только одного дельного, это старшего учителя Рожнова, остальные трое были ниже посредственности. Но каковы бы ни были учителя, но все-таки без высшего над ними руководителя дело было немыслимо, а как я выше сказал, Львов стал слаб здоровьем и притом же глух, следовательно, ясно, что учителя одни не могли знать все тонкости изящного исполнения.

Остальную часть лета, до осени, Государь, со всем семейством в первый раз провел в Ливадии, и по возвращении его в Царское Село мы встретили его в дворцовой церкви, где был отслужен благодарственный молебен о благополучном возвращении, что всегда делалось при отъезде и по приезде. По окончании молебна Государь подозвал меня к себе и сказал: “Я вижу, что ты не забыл мои слова, и нахожу уже теперь большую перемену в хоре”.

Всю зиму я серьезно занимался очисткою хора, многих безголосых и безнадежного поведения уволил, и в том же году послал в Малороссию для набора мальчиков, как в придворный, так и в Исаакиевский хор, который также состоял в ведении директора Придворной капеллы, и привезено было 63 мальчика. В этом же году возобновился инструментальный класс, необходимый для пользы капеллы по двум главным причинам: вообще для развития музыкальных способностей и слуха малолетних, и для того, что родители малолетних охотнее дают своих детей в капеллу, если знают, что их дети, по спадении голосов, могут продолжать артистическую карьеру, и не шатаясь без места, могут добывать себе пропитание.

В царствование Государя Николая Павловича капелле дано было право выбирать мальчиков и в архиерейских хорах, и везде, где таковые найдутся достойными быть в царском хоре, но Государь Александр Николаевич не любил такое самоуправство, а потому очень было трудно выбирать мальчиков.

В великом посту я продолжал сохранять престиж несколько лет пред тем учрежденного Концертного общества123, где исполнялась классическая музыка оркестром совокупно с придворным хором, и кроме того, в течение зимы давались духовые концерты в пользу вдов и сирот придворных певчих, доходивших до 8 концертов в зиму. Половина выручаемой, за расходом, суммы, выдавалась большим певчим, а другая половина поступала во вдовий капитал, проценты с которого выдавались в размере 100 рублей в год каждой.

Во все время царствования Государя Императора Александра Николаевича служба придворных певчих была очень деятельная и довольно тяжелая, так как служба производилась ежедневно в соборе Зимнего дворца, а в праздничные дни, кроме того, в малой церкви того же дворца, где присутствовала Императорская фамилия, в Мраморном дворце Великого Князя Константина Николаевича и в Мариинском дворце Великой Княгини Марии Николаевны. Но в эти дворцы, в первый же год моего управления, Государь запретил командировать придворных певчих, чем в особенности был недоволен Великий Князь Константин Николаевич, который такое

Высочайшее повеление приписывал моей инициативе, сказав мне: “Благодарю Вас, Вы у меня отняли певчих, которым я платил свои кровные 400 руб.”. Понятно, что это ему было неприятно, потому что нанимая частный хор, весьма плохой, он принужден платить за него вдвое, если не втрое. Кроме вышеисчисленных служб придворный хор всегда пел в полках в полковые их праздники, в загородных дворцах и в лагере, и вообще во всех тех богослужениях, где присутствовал Государь, и я лично везде был, где пел хор, не доверяя никому донесений мне об удовлетворительном исполнении службы, а присутствуя сам лично; мне была возможность следить и исправлять ошибки, что Государю очень нравилось.

Служба моя при Высочайшем дворе вообще всегда была приятною, и вот перечень вообще всех наград, мною полученных. Служив в Конной гвардии ротмистром я вышел в отставку полковником, а по вступлении в 1861 году в должность директора придворной капеллы, во уважение к прежней моей службе губернским предводителем, был переименован, или, лучше сказать, пожалован, или награжден, чином статского советника. Вместо надворного советника, следовавшего по закону. В 1864 году был произведен в действительные статские советники, в 1866 году был пожалован в камергеры, в 1868 году получил Станислава 1 степ. — беспримерная награда, так как я имел только Анну 3 степени, не имея никакого русского креста на шее, кроме виртембергского Фридриха со звездой, пожалованного мне Королевой Ольгой Николаевной по случаю 25-летия ее замужества. 1872 году я был произведен в тайные советники и в гофмейстеры Высочайшего двора, в 1874 году я получил орден св. Анны 1-й степени и в том де году, по случаю бракосочетания Великой Княгини Марии Павловны124, принцессы Мекленбургской, с Великим Князем Владимиром Александровичем125 — мекленбургский орден Вендской короны со звездой. В 1879 году я получил орден свят. Владимира 2 степ. и в 1833 году — Белого Орла. Кроме того, я получил от Государя в разное время две бриллиантовые табакерки, и одну такую же — от Великого Герцога Мекленбург-Шверинского по случаю свадьбы Великой Княгини Анастасии Михайловны с сыном его, наследником Мекленбургским126. Дочь моя, Мария Николаевна, была в 1877 году пожалована в фрейлины к Государыне Императрице Марии Александровне127. Денежных же наград, или вспомоществование, я получил до сих пор в разное время, кроме весьма ограниченного штатного жалованья: от покойного Государя Александра Николаевича — 56.000 и в 1876 году — аренду в 2.000 р. по случаю 50-летия со дня производства меня в первый офицерский чин, и от ныне царствующего Государя Александра Александровича128 — 17.500 р., — всего деньгами 73.500 р., и им же увеличено жалованье в тройном размере, так что по сие время я получаю всего содержания разных наименований 7.600 рублей.

Вернусь к периоду времени моего управления Придворной капеллой, по 1883 год. В этот период перебывало у нас множество коронованных особ и принцев. Назову покойного Императора германского Вильгельма129, замечательно доброго и симпатичного старичка; Императора австрийского Франца Иосифа130, о котором того же не могу сказать; Короля шведского Оскара131, весьма образованного, любезного для общества и любителя музыки; Короля датского

Христиана132, которого, кроме его личных качеств, Россия не может не люоить и сердечно не благодарить за дарование нам ангельской Императрицы Марии Федоровны133, его дочери, которую вся Россия обожает; Короля Италии Гумберта134, весьма оригинального в обращении, приезжавшего к нам еще Наследным Принцем с своею любезною Маргаритой. До какой степени он был оригинален, расскажу об одном инциденте, или случае. Они были помещены в Эрмитаже (Зимнего дворца); в одно утро они пригласили меня к завтраку; в то время нынешняя Королева Маргарита со всеми приглашенными, а именно, послом при нашем Дворе Нигри, назначенными от нашего Двора стоять при Гумберте свиты генерал-майором Демидовым, князем Лопухиным, а при Маргарите — в должности егермейстера Демидовым Сан-Донато, — окружали стол с закусками, между которыми Королева испробовала свежую икру, которую она никогда не едала и не видала, и которая ей очень понравилась, он, без малейшей церемонии, сел в средине стола, покрытого кувертами на 15 персон, и занимался чтением меню во все время нами проведенное за закуской, что, конечно, не могло не поразить нас, русских, привыкших к обычной нам учтивости. Вообще, я заметил, что он не очень любезно обходился с чиновниками своего итальянского

посольства при нашем Дворе. По сторонам Короля сидели назначенные состоять при нем, а Королева, любезностью, совершенно противоположною с ее супругом, посадила Нигри по свою левую сторону, а меня — по правую. Наконец, назову Императора бразильского Дон-Педро135, ученого и в высшей степени образованного властителя государства, обязанного ему многими преобразованиями. Теперь я назову наследников престолов, посетивших нашу столицу: германского136 и итальянского, ныне уже царствующих, английского — герцога валлийского и датского137. Перситский шах приезжал к нам два раза. Рассказывают, что в один из его приездов Императрица наша Мария Федоровна, бывши еще Цесаревной, спросила шаха, куда он из Петербурга поедет, так как он намеревался ехать в разные места Европы, и на это, как говорят, он сказал, что, “действительно, я намеревался ехать по Европе, но когда я Вас узнал, то убежден, что лучшего нигде не увижу, и поэтому прямо поеду к себе.” О разных приезжавших к нам принцах говорить нечего; их было так много, в особенности немцев, что и перечесть нельзя, но скажу только, что все, как коронованные особы, так и принцы и их свиты не уезжали из Петербурга не услышав придворных певчих, которые были доведены до такого совершенства, дальше которого идти невозможно, и которому иностранцы восхищались.

Так продолжалось до 1883 года, когда Государю Александру Александровичу угодно было поставить придворный хор на второй план, а учредить в капелле оркестр, полный и со всеми духовыми инструментами, для чего здание Придворной капеллы значительно расширено и будет стоить громадную сумму, приблизительно до миллиона рублей. Замечательно, что я, находя необходимо нужным сделать несколько улучшений и удобств, 25 лет пред тем представил Министерству Императорского двора две сметы: одну в 12 тысяч, а другую — в 20.000 рублей, но бывший тогда контролер и вместе с тем заведующий кассой министерства, барон Кистер, не нашел возможным разрешить эту сумму, ничтожную в сравнении с миллионом. Таковая перемена в переформировании Придворной капеллы, не соответствующая ни моим летам, ни положению, вынудила меня оставить должность директора капеллы, которая вовсе уничтожена, и назначен был не директором, а начальником ее флигель-адъютант полковник граф Шереметев139, впоследствии произведенный в должность егермейстера. При этом должен заметить, что граф Шереметев никогда не был музыкантом, и едва ли когда-нибудь учился музыке. А занятия в капелле разделены на отделения: певческое, оркестровое, теоретическое, научное, административное и хозяйственное, порученные разным лицам. Певческим же отделением управляет старший учитель Смирнов, мой ученик, по возможности сохраняющий традиции прежнего хора, который он мог бы поддерживать, если б ему на то давали средства. Содержание как учителей, больших певчих и малолетних значительно увеличено вслед за моим выходом, некоторым вдвое и втрое, что дает, конечно, возможность легче находить охотников на эту службу.

Я сказал, что должность директора с 1883 года уничтожена. Этим я объясню, что должности директора присвоено было: цензура всех церковно-музыкальных сочинений и разрешение их к печатанию, наблюдение за епархиальными всей России хорами, обязательное определение к ним

регентов с выдачею аттестатов; обучение всех полковых хоров, которые в течение 20 лет со времени принятия их в мое ведение достигли возможной степени совершенства, за что ныне царствующий Император особенно меня благодарил; запрещение давать частные духовные концерты; запрещение и наблюдение за тем, чтоб певчие обязательно в церквах исполняли по Высочайше утвержденному Обиходу и пьесы, утвержденные директором и разрешенные Святейшим Синодом к употреблению. Все эти права уничтожены и переданы Святейшему Синоду. Придворной капелле было Высочайше разрешено давать в своей зале концерты, в виде спевок, с платою по 1 р. 50 к. с персоны за вход, в пользу вдов и сирот капеллы, по Высочайше утвержденному положению о вдовьем капитале, который при сдаче мною капеллы достиг до 17.000 рублей, положенных в банках, и с которого проценты выдаются вдовам и сиротам капеллы. Но как с выбытием моим капелла не дала ни одного концерта в пользу вдов и сирот, то с тех пор капитал не прибавился, а вдовы и сироты ежегодно прибавляются. Выше я перечислил все службы, которые при покойном Императоре Александре Николаевиче были обязательны; но в настоящее время придворный хор исполняет службу только во дворце, где присутствует

Государь с семейством; в полковых же праздниках и в лагере поют полковые хоры.

Оставив капеллу, Государю угодно было сохранить мне чин Двора, то есть гофмейстера, увеличить мое содержание и назначить квартирные деньги в размере 2.000 в год. Теперь служба моя состоит в том, что являюсь ко Двору, получая назначения в разных придворных торжествах; но для меня самое приятное и лестное есть то, что Государь и Императрица пригласили меня раз навсегда являться и быть на всех семейных праздниках, как в Аничковском дворце, так и во всех их загородных пребываниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бахметева (урожд. Мачеварианова) Александра Сергеевна.

2 Бахметев Иван Николаевич (ок. 1765—1830), коллежский советник, помещик Саратовской губернии.

3 Сестры Бахметевы: Александра Ивановна (ок. 1802— ?); Мария Ивановна (ок. 1805— ?), в замуж. Наумова; Анна Ивановна (ок. 1806—1841), в замуж. Бутягина; Евдокия Ивановна (ок. 1810—1893), в замуж. Бекетова; Екатерина Ивановна (ок. 1813— ?), в замуж. фон Гардер.

4 Пансион существовал до 1834 г.

5 Перевощиков Дмитрий Матвеевич (ок. 1788—1880), действительный статский советник, академик. В 1818—1851 гг. преподавал в Московском университете геометрию, алгебру и астрономию.

6 Терновский Петр Матвеевич (1798—1874), проитерей, доктор богословия. В 1822 г. бакалавр греческого языка в Московской духовой академии, с 1827 г. ординарный профессор богословия и церковной истории в Московском университете.

7 В 1823 г. Яков Александрович Миллер был старшим учителем Саратовской гимназии, директором — в 1825—1831 и 1834—1837 гг.

8 Пашков Егор Иванович (1795—1862), генерал-майор. С 1826 г. служил в Павлоградском полку, в 1827 г. назначен командиром этого полка; после выхода в отставку в 1832 г. поселился в Москве.

9 Панчулидзев Алексей Давыдович (1762—1834), действительный статский советник. В 1808—1826 гг. саратовский гражданский губернатор; на этом посту много сделал для благоустройства Саратова.

10 Ланской Василий Сергеевич (1754—1831), действительный тайный советник. Воспитывал

10 Ланской Василий Сергеевич (1754—1831), действительный тайный советник. Возглавлял Министерство внутренних дел в 1823—1828 гг.

11 Толстой Петр Александрович (1770—1844), генерал от инфантерии. До 1828 г. командовал 5 пехотным корпусом в Москве.

12 Путята Василий Иванович (1780— ?), действительный статский советник. Состоял Генерал-кригс-комиссаром в 1824—1827 гг.

13 Вел. кн. Николай Павлович (1796—1855), будущий Император Николай I; в 1818 г. был назначен командиром 2 бригады 1 гвардейской пехотной дивизии, тогда же командовал Измайловским полком; оставался шефом этого полка и после вступления на престол.

14 Гогель Иван Григорьевич (1770—1834), артиллерии генерал-лейтенант, военный педагог и писатель. В 1806—1830 гг. директор Пажеского корпуса.

15 Оде-де-Сион Карл Иосифович (1753—1837), генерал-майор. Приехал в Россию из Швейцарии (в 1791 г. был приглашен А. В. Суворовым в воспитатели его сына). По принятии русского подданства поступил на военную службу; в 1802—1827 гг. — инспектор Пажеского корпуса.

16 Кутузов (Голенищев-Кутузов) Павел Васильевич (1773—1843), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1823 г. был назначен главным директором Пажеского и Кадетского корпуса, Императорского Царскосельского лицея и членом совета о военных училищах; в 1825—1830 гг. — петербургский военный генерал-губернатор.

17 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Возведен Александром II в княжеское достоинство.

18 Указ “О перемене в одежде войск” был утвержден 11 февраля 1826 г. “О перемене в одежде кавалерии” — 10 июня 1826 г.

19 Оффенберг Федор Петрович (1789—1857), барон; генерал от кавалерии. В 1819—1828 гг. командовал Павлоградским гусарским полком, в 1828—1833 гг. — лейб-гвардии Конным полком, в 1833 г. назначен начальником 1 легкой кавалерийской дивизии.

20 П. А. Сонцов (Сонцев) был женат на Екатерине Дмитриевне, урожд. Чертковой (1793—1876); Мария Дмитриевна — ее сестра, в замуж. Шеппинг.

21 Каменский Сергей Михайлович (1771—1835), граф; генерал от инфантерии. Выйдя в отставку в 1822 г. поселился в Орле, удивлял всех своими странностями и большой расточительностью. Так, кроме собственного театра и труппы актеров Каменский имел 80 человек музыкантов, обмундированных по военному образцу; дворня его состояла из 400 человек. (См.: Записки графа М. Д. Бутурлина // “Русский Архив”. 1897. Кн. 2. С. 185—213).

22 Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858), тайный советник, председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель Чертковской библиотеки; автор научных трудов по истории и археологии. В 1827—1829 гг. служил в полку эрц-герцога Фердинанда (бывший Изюмский) 2-й гусарской дивизии, в которую входил и Палвоградский полк. В 1844—1856 гг. — московский губернский предводитель дворянства.

23 Фон дер Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837), барон; генерал-фельдмаршал. С 1818 г. — главнокомандующий 1-й армией. В 1821 г. Остен-Сакен получил графский титул, в 1832 г. — княжеский.

24 Павлоградский полк праздновал свой столетний юбилей 9 июля 1864 г., а не в 1865 г., как у автора.

25 Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), князь; генерал от артиллерии., генерал-адъютант. С 1820 г. был начальником штаба 3 пехотного корпуса, с которым принял участие в русско-турецкой войне 1828—1829 г.

26 Онслоу (Онслов) (1784—1852), английский композитор; пользовался большой популярностью как создатель камерной музки.

27 Феска Фридрих Эрнст (1789—1826), немецкий скрипач и композитор.

28 Лафон Шарль Филипп (1781—1839), французский композитор и скрипач.

29 Правильно “вентилями” от нем. Ventil — клапан.

30 Щербатов Алексей Григорьевич (1776—1848), князь; генерал от инфантерии. Командовал 2-м пехотным корпусом с 1826 г.

31 Будберг Карл Васильевич (1775—1829), барон; генерал-лейтенант. В 1821 г. был назначен начальником 2-й гусарской дивизии, с которой принял участие в войне 1828—1829 гг.; умер по дороге в Адрианополь.

32 Кавалерийский взвод (32—40 сабель) обычно составлялся не менее чем из 8 рядов.

33 Господарь — титул правителей Дунайских княжеств Молдовы и Валахии, употребляемый в XIV—XIX вв.

34 Дибич Иван Иванович (1785—1831), граф; генерал-фельдмаршал. В начале 1829 г. был назначен главнокомандующим действующей армией в Турции; по окончании войны получил титул “Забалканского”.

35 Чевкин Константин Владимирович (1803—1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1827—1831 гг. состоял при Главном штабе в армии И. И. Дибича.

36 Крейц Киприан Антонович (1777—1850), граф; генерал от кавалерии. В 1828 г. был назначен начальником 4-й уланской дивизии; его успешные действия в качестве командира колонны, направленной к Шумле, облегчили победу в Кулевчинском сражении.

37 Плаутин Николай Федорович (1794—1866), генерал-адъютант. В 1827—1831 гг. командовал гусарским принца Оранского полком; в 1839 г. назначен командиром лейб-гвардии гусарского полка; в 1856—1862 гг. — командир Гвардейского корпуса.

38 Мустафа, паша Скодрали, наместник турецкого султана в Албании, весной 1829 г. собрал 20-тысячную армию албанских милиционеров и привел ее в Западную Болгарию, пытаясь продолжать военные действия против русских войск после заключения мира.

39 Велизарий, или Велисарий (ок. 504—565), византийский полководец. Был несправедливо обвинен в заговоре против императора Юстиниана I и подвергся опале, что впоследствии породило легенду об ослеплении Велисария.

40 Голицын Сергей Григорьевич (1803—1868), князь; отставной штабс-капитан артиллерии; поэт, музыкант.

41 Обручев Владимир Афанасьевич (1793—1866), генерал от инфантерии, сенатор. В 1828 г. получил должность дежурного генерала 2-й армии. Впоследствии был оренбургским военным губернатором; предпринял экспедицию на восточный берег Каспийского моря; его именем было названо первое паровое судно, появившееся на Аральском море, и один из островов.

42 Горчаков Петр Дмитриевич (1785—1868), генерал от инфантерии. В 1828—1829 гг.

командовал 18 пехотной дивизией; в 1836 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командиром отдельного Сибирского корпуса.

43 Бутенев Аполлинарий Петрович (1787—1866), дипломат. В Константинополе служил с 1821 г.; в 1830 г. назначен чрезвычайным послом и полномочным министром.

44 Бруно (Брунов) Филипп Иванович (1797—1875), дипломат. В 1829—1830 гг. — управляющий дипломатической канцелярией в Константинополе; в 1840—1874 гг., за исключением краткого перерыва, был представителем России в Лондоне. С 1871 г. граф.

45 Рикман Петр Иванович (1790—1845), тайный советник, дипломат. В 1827—1830 гг. был советником посольства в Константинополе.

46 Салтыков Алексей Дмитриевич (1806—1859), князь; путешественник, писатель и художник. В 1823 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел; в 1828 г. состоял при А. П. Бутеневе, бывшем тогда поверенным в делах в Константинополе.

47 Берг Александр Федорович, действительный статский советник. В 1829 г. — секретарь при посольстве графа А. Ф. Орлова. Состоял генеральным консулом в Лондоне в 1862—1883 гг.

48 Зейдлиц Карл Карлович (1798—1885), главный врач русской армии; впоследствии президент терапевтической клиники при Медико-хирургической академии. (См.: Воспоминания доктора Зейдлица о Турецком походе 1829 года. // "Русский Архив". 1878. Кн. 1. №№ 4; кн. 2. № 5).

49 Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884), граф (с 1874 г.); генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1862 г. занял пост новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и командующего войсками Одесского военного округа; в 1874—1889 гг. был варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа.

50 Паша (сокр. перисидск. "падишах") — титул первых сановников в Турции. В торжественных случаях впереди паши носили конские хвосты — бунчуки. Этот обычай был уничтожен султаном Махмудом II (1784—1839), однако, градация паши по числу бунчуков сохранилась. Трехбунчужный паша соответствовал в русской армии чину полного генерала (генерал-аншефа).

51 Рибопьер Александр Иванович (1781—1865), граф; действительный тайный советник. В 1824—1830 гг. — посол в Константинополе.

52 Интернунций (лат.) — второстепенный посол папы римского. Так же называли временного представителя Австрии в Константинополе. Впоследствии это название перешло и на постоянного посла Австрии в Турции, но к концу XIX в. вышло из употребления.

53 Ланнер Иозеф Франц Карл (1801—1843), австрийский скрипач, дирижер и композитор; один из создателей нового типа танцевальной музыки — венсокго вальса.

54 Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), член Российской академии наук, путешественник, писатель; автор книг духовного содержания — "Письма о богослужении Восточной кафалической церкви" (Спб. 1836), "История Российской церкви" (СПб. 12838) и др. Свое паломничество в Палестину описал в книге "Путешествие ко Святым местам в 1830 г." (СПб. 1832).

55 Доницетти Джузеппе (1788—1856), итальянский композитор, педагог и дирижер; брат известного композитора Гаэтано Доницетти (1897—1848). В 1828 г. был приглашен в Стамбул и назначен главным музыкальным гувернером султанского двора; обучал турецких музыкантов; впервые организовал в Турции европеизированный военный оркестр, для которого писал музыку; автор национальных турецких гимнов "Махмудие" (1828) и "Меджижие" (1839). Был награжден титулом паши.

56 Россини Джоаккино Антонио (1792—1868), итальянский композитор. Опера “Вильгельм Телль” была написана в 1829 г.

57 Маурер Людвиг Вильгельм (1789—1878), скрипач, композитор и дирижер. С 1821 г. — композитор и капельмейстер Императорских театров в Петербурге.

58 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), светлейший князь; генерал-фельдмаршал.

В 1823—1844 гг. — новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области.

59 Кочубей Аркадий Васильевич (1790—1878), действительный тайный советник, сенатор. В 1830—1837 гг. — орловский губернатор.

60 Строганов Александр Григорьевич (1795—1891), граф; генерал-адъютант, член Государственного совета.

61 Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), светлейший князь; генерал от кавалерии, член Государственного совета. С 1829 г. — московский генерал-губернатор.

62 Стенбок-Фермор Яков Иванович (? —1856), граф; в 1828—1837 гг. служил в Конной гвардии. После женитьбы получил право именоваться графом Эссен-Стенбок-Фермором.

63 Эссен Петр Кириллович (1772—1844), граф; генерал от инфантерии. В 1829—1844 гг. — Санкт-Петербургский генерал-губернатор.

64 Александр Николаевич (1818—1881), вел. кн.; старший сын Николая I, с 1855 г. — Император Александр II.

65 Михаил Павлович (1798—1848), вел. кн.; брат Николая I, генерал-фельдцейхмейстер.

66 Чернышев Александр Иванович (1785—1857), светлейший князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Возглавлял Военное министерство в 1827—1852 гг.

67 Вохин Петр Васильевич (1794—1869), генерал-лейтенант.

68 Трубецкой Василий Сергеевич (1776—1841), князь; генерал-адъютант. Во время эпидемии холеры в Петербурге (1831) состоял временным военным губернатором нескольких частей города.

69 Долгоруков Василий Андреевич (1803—1868), князь; генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1853—1856 гг. управлял Военным министерством; в 1856—1866 гг. занимал пост шефа жандармов и главного начальника III отделения Собственной Его Величества канцелярии.

70 Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь; генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1865—1891 гг. — московский генерал-губернатор.

71 Мейендорф Егор Федорович (1792—1879), барон; генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Командовал лейб-гвардии Конным полком в 1833—1837 гг.

72 Опочинин Федор Петрович (1779—1852), действительный тайный советник, обер-гофмейстер. Д. М. Опочинина, урожд. княжна Голенищева-Кутузова (1788—1854) — статс-дама.

73 Александров Павел Константинович (1808—1857), генерал-адъютант. Служил в лейб-гвардии Конном полку в 1832—1846 гг.; Жена — урожд. княжна А. А. Щербатова (1808—1870).

74 Мария Николаевна (1819—1876), вел. кн.; дочь Николая I. В 1839 г. вышла замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

75 Имеется в виду высота лошади в холке; выражение “не ниже 4 вершков” следует понимать как “не ниже 2 аршин 4 вершков”, что составляет около 1 м 60 см. (Аршин — 71,1 см, вершок — 4,4 см).

76 Депрерадович Николай Иванович (1776—1843), князь; генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1821—1835 гг. командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом.

77 Лядов Александр Николаевич (1814—1871); с 1833 г. дирижер Императорских театров. Его брат, Константин Николаевич (1820—1871), дирижер, скрипач и композитор.

78 Гваданьини — семья итальянских мастеров смычковых инструментов. Наиболее известны

Лоренцо (1695—1745), ученик А. Страдивари, и его сын Джованни Баттиста (1711—1786).

79 Бем Франц (1788—1846), скрипач и педагог. В 1820—1840 гг. преподавал в Петербургском театральном училище; в течение 30 лет устраивал в Петербурге камерные музыкальные собрания.

80 Роде Жак Пьер Жозеф (1774—1830), французский скрипач, педагог и композитор.

81 Виотти Джованни Баттиста (1755—1824), итальянский скрипач и композитор.

82 Липиньский Кароль (1790—1861), польский скрипач, композитор и фольклорист. В 1820—1830 гг. концертировал в России.

83 Берио Шарль Огюст (1802—1870), бельгийский скрипач, композитор и педагог; основатель

бельгийской скрипичной школы. В 1859 г. по приглашению Н. Б. Юсупова посетил Россию.

84 Ресторан Дюме был известен на весь Петербург и считался самым изысканным в городе.

85 Булль Уле Борнеман (1810—1880), норвежский скрипач, композитор, собиратель народных песен и общественный деятель. Гастролировал в России в 1838, 1841, 1866 и 1867 гг. Булль использовал характерные приемы многоголосной игры, идущей от народных норвежских скрипачей.

86 Турт Франсуа (1747—1835), французский скрипичный мастер. В 80-х гг. XVIII в. изобрел современную конструкцию смычка.

87 Музыкальные термины, означающие короткое, отрывистое исполнение звуков; два последних применяются для обозначения приемов игры на смычковых инструментах.

88 Вьетан Анри (1820—1881), бельгийский скрипач и композитор. В 1838—1840 гг. гастролировал в России; в 1845—1852 гг. — придворный солист в Петербурге.

89 Шуберт Карл Богданович (1811—1863), немецкий и русский виолончелист, композитор, дирижер и музыкальный деятель. С 1835 г. жил в Петербурге.

90 Серве Адриен Франсуа (1807—1866), бельгийский виолончелист. Гастролировал в России в 1839 г. и в 1840-х гг.

91 “Норма” — опера В. Беллини; впервые поставлена в 1831 г. в Милане.

92 Зонтаг Генриетта (1806—1854), немецкая певица. В 1830 г. вышла замуж за графа России

92 Зонтаг Генриетта (1806—1854), немецкая певица. В 1830 г. вышла замуж за графа Росси и покинула сцену, однако, продолжала выступать в концертах. В 1837—1843 гг. жила в Петербурге.

93 Виельгорский Матвей Юрьевич (1794—1866), граф; виолончелист-любитель и музыкальный деятель.

94 Ромберг Бернхард (1776—1841), немецкий виолончелист и композитор.

95 Гросс Иоганн Веньямин (1809—1848), виолончелист и композитор. После 1835 г. жил в Петербурге, был первым виолончелистом императорского оркестра.

96 Васильчиков Виктор Илларионович (1820—1878), князь; генерал-адъютант. Служил в Конной гвардии в 1839—1855 гг.

97 Фольвейлер Карл (1813—1848), немецкий композитор. Несколько лет жил в Петербурге, преподавал музыку.

98 Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), граф; композитор, музыкальный деятель.

99 Елена Павловна, вел. кн., урожд. Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская (1806—1873), жена вел. кн. Михаила Павловича. Покровительствовала наукам и музыке; при ее ходатайстве и денежной поддержке в 1862 г. была основана Петербургская консерватория.

100 Турчанинов Петр Иванович (1779—1856), протоиерей; композитор. С 1827 г. — учитель пения Придворной певческой капеллы; в 1833-—1841 гг. — протоиерей дворцовых церквей.

101 Ольга Николаевна (1822—1892), вел. кнж., дочь Николая I. В 1846 г. вышла замуж за принца Вюртембергского, впоследствии короля Карла I.

102 Гварнери Джузеппе (1698—1744), итальянский мастер смычковых инструментов.

103 Литке Федор Петрович (1797—1882), адмирал, президент Академии наук, известный путешественник. В 1838 г. был назначен воспитателем вел кн. Константина Николаевича.

104 Константин Николаевич (1827—1892), кел. кн., второй сын Николая I; генерал-адмирал, председатель Государственного совета.

105 Гензельт Адольф Львович (1814—1889), композитор и пианист. В 1838 г. приехал в Петербург; принял русское подданство. Состоял пианистом при Дворе Императрицы Александры Федоровны, а также инспектором музыки женских учебных заведений.

106 Грейг Алексей Самуилович (1775—1845), адмирал. В 1816 г. был назначен главным командиром Черноморского флота и портов, николаевским и севастопольским военным губернатором.

107 Артемовский (Гулаг-Артемовский) Семен Степанович (1813—1873), певец, композитор, драматург. В 1842—1864 гг. пел в составе русской оперной труппы в Петербурге. Автор оперы “Запорожец за Дунаем” (1863 г.).

108 Руджери (Rugeri) — итальянские скрипичные мастера: Франческо (1670—1720) и его брат Джованни Баттиста (1700—1725).

109 Фон Моллер Антон Васильевич (1764—1848), адмирал. В 1828—1936 гг. — морской министр. Был женат на Юлии Федоровне, урожд. фон Нолкен (1789—1879).

110 Муравьев Николай Назарьевич (1775—1845), тайный советник, статс-секретарь, сенатор. В 1826—1832 гг. управляющий Собственной Его Величества канцелярией. В 1822 г. женился на Елизавете Антоновне фон Миллер (1807—1877).

111 Муравьева Елизавета Николаевна (1824—1868); с 1842 г. замужем за Н. И. Бахметевым. Муравьева Юлия Николаевна (1825—1878); с 1845 г. замужем за подполковником Алексеем Егоровичем Пашковым (1821—1896).

112 Мордвинова Екатерина Николаевна (1791—1819); с 1808 г. жена Н. Н. Муравьева.

113 Дормез (от фр. dormeuse) — карета, приспособленная для сна в пути.

114 Бекетов Петр Иванович (1790—1848), гвардии ротмистр, с 1816 г. а отставке. Состоял Саратовским уездным и губернским предводителем дворянства. Муж сестры Н. И. Бахметева — Евдокии Ивановны.

115 Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), граф; действительный тайный советник. В 1841—1852 гг. — министр внутренних дел.

116 Кожевников Матвей Львович, действительный статский советник. В 1846—1854 гг. — саратовский гражданский губернатор.

117 Сенявин Иван Григорьевич (1801—1851), тайный советник, сенатор. В 1818—1830 гг. служил в Конной гвардии; в 1840—1843 гг. — московский гражданский губернатор; с 1844 г. — товарищ министра внутренних дел.

118 Назначение и увольнение губернаторов осуществлялось по именному Высочайшему указу и Высочайшему приказу.

119 Галахов Александр Павлович (1802—1863), генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Служил в Конной гвардии в 1820—1846 гг.; в 1847—1856 гг. — санкт-петербургский обер-полицмейстер.

120 М. Н. Бахметева (1849—1896) впоследствии вышла замуж за генерал-майора Владимира Оржевского.

121 Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884), граф; генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1852—1872 гг. — министр Императорского Двора.

122 Львов Алексей Федорович (1798—1870), композитор, дирижер, автор музыки русского национального гимна. В 1837—1861 гг. — директор Придворной певческой капеллы.

123 Концертное общество — музыкальное общество в Петербурге, основанное в 1850 г. А. Ф. Львовым на базе симфонических концертов, которые он устраивал в собственном доме. В состав оркестров Концертного общества входили лучшие русские музыканты, служившие в Императорских театрах; дирижировали Л. В. Маурер и А. Ф. Львов.

124 Мария Павловна (1854—1923), вел. кн., дочь герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II.

125 Владимир Александрович (1847—1909), вел. кн., третий сын Александра II.

126 Фридрих-Франц III (1851—1897) в 1879 г. вступил в брак с вел. княжной Анастасией Михайловной, дочерью вел. кн. Михаила Николаевича.

127 Мария Александровна, урожд. Максимилиана-Вильгельмина-Августина-София-Мария, принцесса Гессенская (1824—1880), жена Александра II; Императрица с 1855 г.

128 Александр III (1845—1894), второй сын Александра II, Император с 1881 г.

129 Вильгельм I (Фридрих-Людвиг) (1797—1888), император германский и король прусский, вступил на престол в 1861 г.

130 Франц-Иосиф I (1830—1916), император австрийский, вступил на престол в 1848 г.

131 Оскар II (Фридрих) (1829—1907), король шведский и норвежский, вступил на престол в 1872 г.

132 Христиан IX (1818—1906), король Дании, вступил на престол в 1863 г.

133 Мария Федоровна, урожд. Мария-София-Фридерика-Дагмара (1847—1928), жена Александра III; Императрица с 1881 г.

134 Гумберт I (1844—1900), король Италии, вступил на престол в 1878 г. С 1868 г. женат на принцессе Маргарите Савойской, дочери герцога генуэзского Фердинанда.

135 Педро II (1825—1891), император бразильский. По его инициативе в Бразилии сначала частично (в 1871 г.), а затем полностью (в 1888 г.) было отменено рабство.

136 Фридрих III (Фридрих-Вильгельм) (1831—1888), король прусский и император германский.

137 Альберт-Эдуард (1841—1910), принц Уэллльский. С 1901 г. — король Великобритании Эдуард VIII.

138 Наср-Эддин (1831—1896), персидский шах. В 1873, 1878 и 1889 гг. путешествовал по европейским странам.

139 Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), обер-егермейстер, почетный член Академии наук, председатель Археографической комиссии. В 1883—1894 гг. — начальник Придворной певческой капеллы. В те же годы управляющим капеллой был композитор М. А. Балакирев.

Публикация Г. Ф. СОЛОВЬЕВОЙ

Письма А. Хыждеу графу П. Н. Демидову

Лаптева Т. А. Вступительная статья: Письма А. Хыждеу графу П. Н.Демидову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 301. — [Т. XII].

Автор публикуемых писем — известный молдавский писатель ученый Александру Хыждеу (1811—1874), для которого, по свидетельству его сына, история была “любимым занятием”*. Эти, наиболее ранние из известных писем Хыждеу, относятся к периоду, когда он, заканчивая учебу в Харьковском университете, начинал искать свой путь в науку. Опубликовать подготовленное им исследование о молдавском языке Хыждеу рассчитывал с помощью обладателя огромного состояния графа Павла Николаевича Демидова, на средства которого в апреле 1831 г. были учреждены ежегодные премии, призванные “содействовать к преуспеянию наук, словесности и промышленности” в России.

Письма написаны по-французски, хранятся в РГАДА. Ф. 1267. Оп 4. Д. 150. Л. 1—6. (Подлинники).

Хыждеу А. Письмо графу Демидову П. Н., 18 июня 1832 г. Харьков // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 301—303. — [Т. XII].

***

Монсеньор

Простите мне смелость, с какою я обращаю внимание Вашего сиятельства, всегда занятого трудами на благо родины, на свое частное дело.

Благодеяния, столь щедро изливаемые Вами на различные отрасли науки и любезный прием, который Вы всегда оказывали соревнованию, дают мне надежду, что Вы соблаговолите обратить свой благосклонный взор на плод моего скромного труда.

Я не осмеливаюсь, монсеньор, возвышать себя в Ваших глазах долгой преамбулой, так как искреннюю речь сердца невозможно облечь в слова лести. Уже долгое время я тружусь на

литературном поприще, сейчас я закончил наиболее значительную работу: “Начертание лексикона молдавского языка”, печатание которого в 4 томах (1200 страниц), уже дозволенное цензурой, должно начаться со дня на день. Молдавия и Валахия пользуются благодеяниями великих российских самодержцев, и их политическое существование основано на покровительстве августейшего Императора. Язык этих областей имеет много сходства с русским, и систематическое изучение его будет иметь важное значение для русского языка и литературы.

Именно к Вам, монсеньор, я могу обратиться с нижайшей просьбой взять это сочинение под свое покровительство, позволяя себе посвятить его Вашему прославленному имени. Станьте меценатом молдавской и валашской литературы, и они станут Вашими наследницами в русской литературе! Различные части этого сочинения были помещены в молдавских и валашских периодических изданиях, большинство моих статей было напечатано также и в русских газетах. Не имея средств опубликовать этот труд, прибегаю к великодушию Вашего сиятельства и прошу не отказать мне в Вашей помощи в издании I тома (476 страниц) в июне, приняв его от меня в знак признательности; и трех других томов (724 страницы) до конца января 1833 года.

Я трудился над этим сочинением в течение нескольких лет, и это потребовало много сил, обещая более пользы, чем славы, как и большинство трудов этого рода. Стремление к реальности и пользе, которое Ваше сиятельство только что продемонстрировали своими благородными поступками в отношении Академии, обещает и в моем случае предпочтение реального приятному.

Я родился в Молдавии, в России я иностранец, но я люблю Россию как благодетельницу моего отчества. Зная предпочтение, которое Ваше сиятельство оказывает всему русскому перед иностранным, я написал на русском языке сочинение, которое и приношу Вам в дар.

Осмеливаюсь приложить здесь как доказательство “Общий очерк древней истории Молдавии по местным источникам”, который я хотел бы поместить в начале первого тома. Я жду от Вашего сиятельства благоприятного ответа, и как только печатание станет возможным, я постараюсь сделать все от меня зависящее и не премину уведомить Ваше сиятельство о ходе дела.

И наконец, последняя просьба к Вам, Ваше сиятельство, — разрешить мне поместить объявление об этой публикации под покровительством Вашего сиятельства в русских, французских, молдавских и валашских газетах.

Простите, Ваше сиятельство, что докучаю Вам этим письмом, но оно искренне, потому что льстить великому человеку — это ошибка, тем более непростительная, что сердце великого патриота открыто каждому.

Вверяю себя благосклонности и великодушию Вашего сиятельства и прошу простить ошибки в языке этого письма, которые не ускользнут от Вашего богатого познаниями ума и хорошего вкуса.

Имею честь оставаться с глубоким уважением, Ваше сиятельство, Ваш покорный слуга

Александр де Хиждеу член-корреспондент Кронштадтского* литературного общества, в Трансильвании и т. д.

Харьков 1832 июня 18

Адрес: Его благородию Александру Фаддеевичу Хиждеу в Харькове оповестить в доме генерал-майора Бедряги, что против Лютеранской Церкви

Хыждеу А. Письмо графу Демидову П. Н., 29 июля 1832 г. Харьков // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 303. — [Т. XII].

***

Ваше сиятельство

Простите меня, монсеньор, за то, что я осмеливаюсь беспокоить Вас во второй раз этим письмом, которое я имею честь писать Вам. В мае я имел честь обратиться к Вам с нижайшей просьбой разрешить мне посвятить Вашему прославленному имени мой труд о Молдавии. Мне хорошо известно, что среди других занятий, посвященных общему благу родины, мой частный труд не заслуживает Вашего внимания. Но покидая в настоящее время Харьков и возвращаясь на родину, я намеревался напечатать свое сочинение в Одессе, городе, в который я отправляюсь через две недели. Итак, я прошу вас, Ваше сиятельство, разрешить мне напечатать его, прибавив к нему посвящение Вашему сиятельству, и после его выхода в свет я надеюсь иметь счастье препроводить его вам.

Ожидаю благоприятного ответа от Вашего сиятельства

имею честь оставаться с глубоким уважением

Вашим покорным слугой

Александр де Хиждеу

29 июля, Харьков

Адрес: Александру Фаддеевичу Хиждеу в Харькове в доме генерал-майора Бедряги напротив Лютеранской Церкви

Перевод и публикация Т. А. ЛАПТЕВОЙ

Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского

Бокова В. Вступительная статья: Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 304—306. — [Т. XII].

Яков Николаевич Озерецковский (1804—1864) был сыном довольно известного естествоиспытателя, этнографа и путешественника, профессора Московского университета и

автора путевых записок, популярных у читателя начала XIX в., Николая Яковлевича Озерецковского (1750—1827).

Получив хорошее домашнее образование, Озерецковский тринадцати лет отроду вступил в действительную службу подпрапорщиком в лейб-гвардии Московский полк. В 1824 г., незадолго до своего двадцатилетия, был произведен в поручики.

Как известно, Московский полк был основной действующей силой повстанцев 14 декабря 1825 г. Озерецковский участия в мятеже не принимал, а вскоре после декабрьских событий был включен в специальную следственную комиссию, созданную по решению шефа полка великого князя Михаила Павловича "для приведения в ясность всех обстоятельств, сопровождающих происшествия в полке 14 декабря 1825 г. и открытия всех причастных в приуготовлении оного лиц".

Весной 1826 г. Озерецковский добровольно вступил в Сводный гвардейский полк,

сформированный из участвовавших в мятеже нижних чинов и предназначенный для отправки на Кавказ. До 1828 г. в составе полка участвовал в Кавказской, затем русско-турецкой и русско-иранской войнах; был в сражениях у Тифлиса, Эчмиадзина, при Адживан-Булаге, Эривани и пр., награжден золотым оружием "за храбрость", переболел болотной лихорадкой и вообще основательно расстроил здоровье, и вскоре после возвращения в Петербург вышел с отставку в чине капитана. В 1830—1832 гг. он недолго служил гражданским чиновником инспекторского департамента Главного штаба.

В 1832 г. началась служба Озерецковского в корпусе жандармов. Он был произведен в подполковники и назначен состоять при шефе корпуса гр. А. Х. Бенкендорфе. Очень скоро жандармскому подполковнику предоставился случай отличиться: он с блеском провел ревизию Соловецкого острога и выявил целый ряд злоупотреблений, которые вскоре были исправлены повелением Николая I. Затем последовало новое секретное поручение, и Озерецковский отправился в союзную Австрию.

Материалы этой служебной командировки (рапорты, служебные записки и письма) 1836—1839 г. и составили основу настоящей публикации. Большая часть документов адресованы непосредственному начальнику Озерецковского Александру Николаевичу Мордвинову управляющему III отделением собственной Е. И. В. канцелярии в 1831—1839 г.; (после отставки он был назначен в 1840 г. губернатором в Вятку, впоследствии действительный тайный советник, сенатор). Рапорты и записки направлялись и начальнику III Отделения графу Бенкендорфу. Помимо этого в деле отложились материалы из служебной переписки Озерецковского с Л. В. Дубельтом и А. М. Горчаковым, состоявшим при русском посольстве в Вене, а также отношение канцлера К. В. Нессельроде и русского посла в Вене Д. П. Татищева к правителю Черногории Петру Негошу и др. Документы в основном расположены в том же порядке, как они подшиты в архивном деле.

Озерецковский появился в Вене как своего рода "агент-координатор": он обеспечивал связь III отделения с канцелярией австрийского канцлера гр. Меттерниха, собирал сведения о международном — преимущественно польском — политическом подполье, особенно активизировавшемся в период между двумя европейскими революциями 1830 и 1848 гг., наблюдал за настроениями на национальных окраинах Австрийской империи и у соседей Австрии, присматривал за приезжавшими в Вену согражданами, а при случае должен был вести и слежку. При этом миссия Озерецковского оставалась тайной: перед окружающими он играл роль частного лица, "больного русского путешественника".

В сфере внимания Озерецковского оказались и весьма видные фигуры того времени, такие как знаменитый сербский просветитель Вук Стефанович Караджич или будущий классик молдавско-валашской литературы Александр Руссо — в то время еще шестнадцатилетний юноша-поэт. Особенно тесно судьба связала Озерецковского с митрополитом Петром Негошем — одним из

величайших правителей Черногории (где светская и духовная власть традиционно сосредоточивалась в одним руках) и крупным славянским поэтом, автором поэмы “Горный венец” и других произведений.

Когда в 1837 г. потребовался человек, способный на месте, в Черногории, проанализировать сложившуюся там ситуацию, о которой русскому правительству сообщались самые противоречивые сведения, и дать о ней верное представление, на эту роль также был избран Озерецковский. Поездка в Черногорию еще больше сдружила его с “владыкой” Петром, письма которого также включены в состав публикации*.

После успешного завершения черногорской командировки, из которой, впрочем, он вернулся тяжело больным, Озерецковский еще некоторое время жил в Вене, исполняя прежние обязанности. Его произвели в полковники, но пик его карьеры остался уже позади. В 1839 г. был снят с должности покровительствовавший Озерецковскому Мордвинов за то, что пропустил в печать сборник “Сто русских литераторов” с произведенями и портретом декабриста А. А. Бестужева-Марлинского. С его преемником, Л. В. Дубельтом, отношения, видимо, не сложились. Ходили слухи о какой-то скандальной истории, в которой оказался замешан Озерецковский за границей. Как бы то ни было, но в 1841 г. он неожиданно оказался в глубокой провинции, в Перекопе, на должности управляющего Крымским соляным правлением с жалованьем 3 тысячи рублей в год, и прослужил на этом месте больше 20 лет — до 1863 г.

Сохранились воспоминания современника о той “царской жизни”, которую устроил себе “ссыльный” Озерецковский на новом месте: “Привыкший к столичной и заграничной жизни, к кругу высшего общества и будучи сам человеком светски-образованным, большим любителем искусств, остроумным и даже поэтом, он не мог удовольствоваться тихой жизнью с скромным содержанием”**. По инициативе Озерецковского был выстроен Чонгарский мост через Сиваш, построен городской театр, разбит сад, “подававший пример к разведению растений в местности, считавшейся бесплодной”*, была произведена геологическая разведка и открыты источники минеральной воды, вокруг которых возник небольшой курорт. В Перекопе появилось новое здание Благородного собрания, библиотека, вошли в моду любительские спектакли, литературные и музыкальные вечера. Сюда стали приезжать на гастроли и профессиональные труппы, столичные знаменитости (в частности, известная в то время актриса П. И. Орлова)**. В их честь устраивались торжественные приемы и обеды, им дарились фантастические по ценности подарки. Не скучало и чиновничество: помимо балов, маскарадов, пикников, вокруг управляющего составился более узкий мужской кружок, периодически собиравшийся за карточными столами и, как сплетничали в городе, принимавший участие в “афинских ночах”, устраивавшихся в загородной резиденции начальника. Словом, Перекоп превратился в “уголок Парижа”.

Естественно, такой образ жизни требовал больших денег. Столь же естественно, что управляющий Крымским соляным правлением очень скоро перестал замечать разницу между собственными и казенными деньгами. На него, конечно, писали доносы: некий Чикин, советник правления, обвинил Озерецковского не только в казнокрадстве, но и в том, что тот собрал вокруг себя тайный кружок, который “есть весьма вредный рассадник”. Следствие показало, что Чикин “беспокойный и сварливый человек”, а “управляющий Крымским соляным правлением статский советник Озерецковский усердно занимается своею обязанностию, общество, которым окружен Озерецковский состоит из чиновников, служащих под его начальством и других ведомств, но чтобы это общество было тайное и вредное для правительства, сего при всем наблюдении не замечено и ничем не подтверждается”***.

Лишь в 1862 г. была наконец произведена проверка и обнаружилась “сильная запущенность дел”. Озерецковскому было предложено подать в отставку, а Крымское соляное правление вскоре после этого было упразднено.

Получивший очень небольшую пенсию Озерецковский переехал из Перекопа в Евпаторию и

через несколько месяцев умер в глубокой нужде (даже похороны устраивались по подписке). Несколько месяцев спустя его прах был перевезен в Перекоп и там перезахоронен.

Остается прибавить, что Озерецковский был несколько причастен и к литературе: в 1830-х гг. был опубликован ряд его сочинений: рассказы “Пещера за кладбищем” (“Библиотека для чтения”. 1834. Т. VI), “Нукер” (там же. 1835. Т. XI), “Однокашник”, “Физиогномика” (“Сын Отечества”. 1838. № 11, 12), “Крепость Баку и вечные огни” (Невский Альбом. СПб. 1840), путевые заметки “Плавание по Белому морю и Соловецкий монастырь” (СПб. 1836) и небольшой сборник “Повесть и быль” (СПб. 1840). Писал он также стихи, составил и обширные мемуары (видимо, утраченные). Литературные склонности Озерецковского объясняют своеобразие его служебных писем и записок, написанных значительно живее и свободнее, чем это было принято.

Озерецковский Я. Н. Рапорт Шефу жандармов Командующему Императорскую Главною квартирою Господину Генерал Адъютанту и кавалеру графу [А. Х.] Бенкендорфу //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 307—308. — [Т. XII].

2

Рапорт

Шефу жандармов Командующему Императорскую Главною квартирою

Господину Генерал Адъютанту и кавалеру графу Бенкендорфу

Вашему Сиятельству имею честь донести, что я прибыл в Вену 24 Декабря 1835/10 Генваря 1836, и на другой день явился Его Высокопревосходительству Дмитрию Павловичу Татищеву, который в тот же день представил меня сам Его Светлости князю Меттерниху. Я удостоен был самым лестным приемом и исполнил все повеления Вашего Сиятельства в точности. Его Светлость подробно объяснил мне существо дела, которым я буду занят, и предложил содержать в совершенной тайне причину моего пребывания в Вене.

Проездом через Варшаву имел я честь представиться фельдмаршалу князю Варшавскому4, вручил письмо от Вашего Сиятельства и получил от Его Светлости краткую инструкцию, в которой он предлагает мне действовать согласно с повелением Вашего Сиятельства и доставлять Его Светлости сведения, пользуясь приездом курьеров Русского посольства или через барона Унгерн-Штернберга5, Русского Резидента в Кракове.

Подполковник Озерецковский

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 6/18 января 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 307. — [Т. XII].

1

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Давно уже мог бы я донести о приезде моему в Вену, но любопытство на почтах заставило меня удержаться, и, по счастию, дождался я курьера. С ним не имею я еще ничего сообщить относящегося до возложенного на меня дела, но в силу Вашего позволения и драгоценного расположения ко мне, я взял этот лист, чтобы напомнить о себе и сказать несколько слов о бесподобной Вене.

Русской, конечно, более всего бывает удивлен, когда, приехав в Вену, не может заметить, в

Русской, конечно, более всего бывает удивлен, когда, приехав в Вену, не может заметить, в чужой он земле или все еще на Родине. Весело видеть, как любимы и в каком уважении здесь Русские. Его Светлость князь Меттерних1, говоря со мною, между прочим сказал: “il n’y a pas de Pyrenees entre la Russie et l’Autriche”*. И это выражение отражается очень ясно на лицах Австрийцев.

Дом самый блистательный здесь есть нашего посла2. Наш, Русской, новый год встречен был великолепным балом у Дмитрий Павловича, на княгине Меттерних3 было, как полагают, более нежели на 500 тысяч бриллиантов. Но здесь, кажется, все блестит и, признаюсь, что мне, простому Русскому, надобно вглядеться сперва, чтобы понять хорошо всю эту деятельную и прекрасную машину — Вену. С Божией помощью надеюсь я успехов во всем.

Мундир я не надевал, и, вероятно, не надену, потому что я здесь не что иное, как больной Русской путешественник в климате не так суровом, как наш.

Князь Меттерних поставил меня в прямое сношение с бароном de Pont, чиновником, которому вверены занятия, в которых я буду принимать участие. Теперь со всею деятельностью учусь я по-Немецки и вижу успехи, но выговор здесь очень не хорош, а в простом народе случается слышать такие наречия, которые разберешь с большим трудом.

Еще раз повторю, что Вена прекрасна, но вместе с тем признаюсь как Русской — я не могу не вздыхать иногда про себя об России, в которую я, кажется, влюблен от рождения!

Приношу покорнейшую просьбу о продолжении благосклонности Вашей ко мне и прошу принять повторение в глубочайшем почитании и преданности, с которыми имею честь быть, Милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

Яков Озерецковский

Вена, 6/18 Генваря 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 26 января/1 февраля 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 308—309. — [Т. XII].

3

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Как верный слуга, я предоставляю себе некоторое право облегчить себе откровенность признанием, что по сие время, уже почти месяц, как я в Вене и круглым счетом почти без занятий. Это, конечно, в силу Вашего предсказания.

Привычка быть деятельным как будто меня испортила: мне чудится, что я грешу теперь против отечества и моего благодетельного начальства. Дай Бог, чтобы впоследствии представились мне случаи быть сколько-нибудь полезным по существу моей обязанности, но до сих пор, конечно, ничего не сказал бы я нового, рассуждая о Франкфуртском журнале или злой свободе Кракова6.

Всегда боялся я рассуждать там, где дела идут своим порядком. Но, несмотря на это, заранее прошу у Вашего Превосходительства позволения обратиться к Вам, если последствия окажут и подтвердят, что моя должность может состоять в том, чтобы почти ничего не делать и, может быть, приносить слишком мало пользы. Не припишите этого нетерпению или ошибке, — я постараюсь не быть скорым в своих заключениях, и конечно всегда предпочту пользу службы собственным моим выгодам.

Понемногу знакомлюсь с Веной, занятой еще до сих пор своей беспечной масляницей и беспрестанными танцами более, нежели слухом о холере, которая, как говорят, показалась в

беспрестанными танцами более, нежели слухом о холере, которая, как говорят, показалась в Вене.

Не совсем легко рассмотреть здесь, где зимует политика! Большая часть сословий очень довольствуется журналами, которые проникают — за завесы пяти Венских театров, не далее.

Позвольте представить Вашему Превосходительству Венский эстамп, изображающий Государя Императора, посетившего Гробницу Франца I-го7, хоть может быть, вы имеете его и в Петербурге. Это посещение сделало большое впечатление на Венских жителей8: они не перестают говорить об этой минуте и о Русском Царе с особенным благоговением. Во многих магазинах выставлен также (впрочем, не очень искусный) рисунок, когда Его Величество изволит ехать в монастырь капуцинов в простом фиакре № 308.

В ожидании деловых известий, которые буду сообщать из Вены, я воспользуюсь иногда позволением напомнить Вам хоть о том, что я существую, — и, значит, сохраняю в себе глубочайшее почитание и истинную преданность, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена 26 Ген. / 1 Февр. 1836

Озерецковский Я. Н. Служебная записка Шефу жандармов Командующему Императорскою главною Квартирою Господину Генерал-Адъютанту и кавалеру графу [А. Х.] Бенкендорфу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 309. — [Т. XII].

4

(Служебная записка)

Шефу жандармов Командующему Императорскою главною Квартирою
Господину Генерал-Адъютанту и кавалеру графу Бенкендорфу.
От состоящего при Вашем Сиятельстве по особым поручениям
Подполковника Озерецковского

Секретно

Австрийский миссионер, находящийся в Париже, сообщил Его Светлости князю Меттерниху, от 25 Января н. с. касательно живущих там поляков следующие сведения:

Поляки, пишет он, заняты теперь составлением нового плана революции в Польше, для чего здесь в Bellevue, недалеко от Sevres, в улице du Potage, бывают сборища у Генерала Сиеравского.

В Лондоне глава предприятия есть Генерал Уминский, который в недавнее время с этой целью два раза ездил в Бермингам (Depot* поляков9).

Также здесь, в Париже, в улице d'Angouleme, № 25, у графа Платера10 снова бывают сходбища по вечерам. Один из главнейших злоумышленников недавно возвратился из путешествия, которое сделал в разные города к Полякам. Он уже два раза ездил в Польшу, в качестве миссионера, через Дрезден, и предпринимает подобное путешествие в конце этого месяца. Называется он Louis Valentin, механик, уроженец из Пирны, но настоящее его имя есть Oskowski или Kozakowski, родом из Варшавы, где он был в кадетском корпусе или в Инженерном училище. Он бельведерист11; росту небольшого, волосы русые, носит подстриженные усы; на лице всегдашняя улыбка, хороший немецкий выговор, но несколько резкий и медленный. Он работал в Париже у генерала Дембинского на проектировании паровой пекарни, которая лопнула. Этот Louis Valentin в коротких отношениях с главными лицами du Comite directeur**, и он

Louis Valentin в коротких отношениях с главными лицами du Comite directeur[1], и он посредством своего красноречия снова сблизил их с поляками, о которых не хотели они знать в продолжении долгого времени.

Немедленно по получении этого сведения я имел честь сообщить оное в подробности 31 (января) / 12 февраля Его Светлости князю Варшавскому, через русского резидента в Кракове.

Подполковник Озерецковский

№ III-й

Вена, 15/21 Февраля 1836

На полях помета: Государь изволили читать 2 марта 1836

Озерецковский Я. Н. Служебная записка Шефу жандармов, Командующему Императорскою главною Квартирою Господину Генерал-Адъютанту и кавалеру графу [А. Х.] Бенкендорфу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 310. — [Т. XII].

5

(Служебная записка)

Шефу жандармов, Командующему Императорскою главною Квартирою
Господину Генерал-Адъютанту и кавалеру графу Бенкендорфу.
От состоящего при Вашем Сиятельстве по особым поручениям
Подполковника Озерецковского

Протекшего Января 28 числа н. с. приехал в Прагу доктор Варфоломей Фридрих (Bartheleme Frydrich), уроженец Варшавский. Он имел паспорт от 22 октября / 2 ноября 1835 г., данный ему от Русского посольства в Париже и прописанный там в посольстве Австрийском для проезда через Австрийские владения. Февраля 13 н. с. выехал он из Праги, через Бреславль в Варшаву.

Во время пребывания своего в столице Богемии он оказал особенное старание, чтобы осмотреть все заведения, касающиеся до его науки, а остальное время проводил со своими соотечественниками. Хоть поведение доктора Фридриха не представляло ничего предосудительного, но письмо, полученное им из Парижа от 4 Января, обратило на него внимание прагской полиции. Оно было без подписи, по содержанию своему писано было очевидно каким-нибудь лицом, весьма сведующим во всех происках польских злоумышленников, и указывало прямо, что доктор Фридрих находится в весьма коротких отношениях с лицами революционной партии.

Это сведение сообщено было мною немедленно (1 марта / 18 февр.) Его Светлости князю Варшавскому, о чем честь имею донести Вашему Сиятельству.

Подполковник Озерецковский

№ 112

Вена, 3/15 марта 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 7/19 апреля 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 310—311. — [Т. XII].

6

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Несмотря на усердное желание доставлять с каждым курьером в Петербург что-нибудь новое, я должен остаться только при желании! Но как новости, предоставляемые мне, по существу своему обыкновенно неприятные, то, может быть, лучше, когда их нет.

Говорить собственно об Австрии, значило бы повторять очень старое, или, вместо дельных вещей, описывать беспрестанные праздники и гулянья, которыми занята без отдыху веселая Вена. Привычка к общественным увеселениям, конечно, превратилась здесь в общую страсть всех сословий: все как будто живут на улицах и в Пратере!

Нельзя не вспомнить здесь часто о нашей воинственной прекрасной Гвардии, украшенной славою недавних побед, взглянув на Австрийского солдата в штиблетах, в зашнурованных полусапожках, треугольной шляпе, накрахмаленных брыжжах, с трубкою в зубах на улице — это прелестное войско для мирного времени.

О поляках, живущих во Франции и Англии, здесь давно уже нет ничего нового, исключая перехваченного (и уничтоженного) в начале Апреля Австрийским почтамтом одного письма, о которым считаю я почти лишним и говорить.

Оно было адресовано из Неверо (Nevero) в Тарнополь, в Галицию, на имя аптекаря Дамбровского, с приложением песни на польском языке под названием: “Piesn Rossyiskiego Zolnieza przyaciella Polakow”. Эта песнь, сочиненная, без всякого сомнения, поляком, есть не что иное, как образец глупейшей нелепости, какая только может войти в польскую голову, и наполнена самым низкими выражениями на счет Святой Особы Государя Императора. Она написана была с тем, чтобы аптекарь Дамбровский постарался распустить ее между крестьян и в Русских войсках, расположенных за рекой Бугом. В письме поляк говорит: “на Францию надеяться нам нельзя, но восстановление Польши зависит от друзей наших — Русских солдат” (!) Эта мысль, конечно, столько пуста, что можно, не сердясь, предоставить полякам подобную надежду; но, несмотря на ее ничтожность, она как будто напоминает, что по временам не совсем напрасно обращать взгляд на чтение солдат в войсках, расположенных по границам, что, без всякого сомнения, уже и исполняется.

В числе разных сведений прошедшего года нашел я, между прочим, одно письмо известного Маззини12, из Берна в Корфу, к его приятелю Emilio Usilio. По справкам, какие мог я сделать, кажется, что мысль Маззини о юной Греции13 не имела последствий, а друг его, Usilio, уже давно уехал из Корфу во Францию. Впрочем, не считаю излишним представить здесь копию с этого письма, оно довольно занимательно, и может быть, Вам угодно будет присоединить его к другим сведениям подобного рода.

В заключении позвольте повторить всегдашнюю просьбу мою о продолжении Вашего расположения ко мне, которое умею ценить от полной души, и прошу благосклонно принять уверения в глубочайшем почитании и совершенной преданности, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

7/19 Апреля 1836, Вена

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 31 мая/12 июня 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 311—312. — [Т. XII].

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В дополнении рапорта моего Его Сиятельству Графу Александру Христофоровичу на счет купца Фалеева я полагаю не излишним сообщить Вашему Превосходительству сию минуту полученное мною сведение. Фалеев был теперь у меня и показал мне письмо, полученное им из Москвы, в котором уведомляют его, что дело его с братом принимает выгодный для него вид и что он, Константин Фалеев, может надеяться скоро на успешное окончание оного. Если это известие справедливо, в таком случае и самый отъезд Фалеева в Россию конечно не столько уж необходим, как прежде.

Пользуясь причиною писать к Вам, я прошу Вас принять душевную благодарность мою за принятый Вами на себя труд доставления ко мне положенного мне содержания. Впрочем, что касается до признательности моей за Ваше внимание и за множество добра, Вами мне сделанного, — то я чувствую необходимость молчать об этой статье, ибо раз перо мое возьмет

волю говорить Вам все, что я чувствую, и тогда трудно поставить будет плотину! Лучше позвольте сказать Вам несколько слов об одном деле, которое уже несколько времени, можно сказать, лежит у меня на сердце. Передам его Вашему Превосходительству со всею откровенностию, и — буду считать себя правым против Царя и благодетельного графа Александра Христофоровича. Я решаюсь говорить о настоящем положении князя Андрея Кирилловича Разумовского14. Дело его, без сомнения, известное Вашему Превосходительству, заключается во взыскании с него нескольких мильонов казенного долга. Этот долг настолько значителен, что всех доходов князя с имений недостаточно для уплаты даже одних процентов. Ход этого дела в учрежденной Высшим правительство Комиссии, идет своим чередом и, следовательно, о нем говорить мне нечего. Но я считаю только долгом своим довести до Вашего сведения, что с некоторого времени князь Андрей Кириллович впал в крайнее расстройство здоровья и едва ли получит облегчение... Известие, полученное им, о худом положении его дела, ввергает его в чрезвычайное расслабление и горесть, которых не позволят ему перенести его преклонные лета. Одним словом, этот старец-вельможа теперь заслуживает совершенного сострадания, и я смею уверить Ваше превосходительство, что граф Александр Христофорович ко множеству своих благодетельных деяний присоединил бы еще, судя по человечеству, истинно доброе дело, если бы высоким своим ходатайством у милостивого Императора смягчил ход этого дела. Даже самая отсрочка взыскания с князи Андрея Кирилловича долгов не может быть продолжительна, она облегчила бы только последние минуты его жизни, за которую теперь ручаться уже поздно.

Всегда, себя и все, мною писанное поручаю я вниманию Вашему. Позвольте мне и на будущее время продолжить мое драгоценное право.

Политических новостей, кажется, нет, и вообще летом их как будто менее... Французские принцы15 вчера (12 Июня н. с.) оставили Вену. Публика занята теперь представлением Шиллерова Вильгельма Телля. Сегодня эту пиэсу дают во второй раз, сборы предназначены на монумент, который желает воздвигнуть Германия великому своему поэту. Вот и все, что есть нового в Вене.

Поручаю себя Вашей благосклонности с совершенным почитанием и преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 31 мая / 12 Июня 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 9/21 июля 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 312—313. — [Т. XII].

Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 312—313. — [Т. XII].

8

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Граф Бисмарк16, без сомнения, уже предупредил меня отправлением своего сочинения в Петербург; но я не могу отказать себе в удовольствии доставить Вашему Превосходительству книжку, в которой иностранец обрисовал довольно верными и ясными красками наши Русские войска. Если в Вашей библиотеке еще нет этого сочинения, то позвольте мне думать, что оно напомнит Вам (боюсь сказать) а кажется забытого подчиненного!

Ничего особенного не имею я, чтобы донести Его Сиятельству Графу Александру Христофоровичу. Некоторые сведения, полученные мною частным образом о розысканиях, делаемых Австрийским правительством на счет убийц известного Павловского (в Кракове 6 Генв. нынешнего года)17 хотя и указывают на трех поляков, но улики еще слишком неясны и

предположительны, почему я считаю лучшим подождать вернейших о них сведений и тогда немедленно донесу Его Светлости князю Варшавскому.

В минувшем Июне в Вене взяты полицею 12 студентов, большею частию Теологического факультета. Они польские уроженцы, имели сходбища и намерены были составить злоумышленное общество против правительства. Это сведение получено мною совершенно посторонним путем, и мне обещано доставить именной список этим людям с некоторыми объяснениями о существе их замыслов.

Вероятно в этом заговоре ничего нет важного, но он может только служить доказательством, что польские головы одинаковы везде и что не одна только Россия должна бороться с ними.

Конечно, нет никакого сомнения в дружбе здешнего правительства к нашему, и потому злые дела, случающиеся вне Австрии, если они имеют отношение к России, сообщаются мне в канцелярии князя Меттерниха, но я не смею не сказать Вашему Превосходительству со всею откровенностью, что напротив того все что, случается собственно в Австрии, хотя и могло бы быть любопытно для нас, — остается для меня тайною... Нечего делать! Я должен понемногу, тихо устраивать свою обсерваторию и ждать от времени счастия быть более полезным.

Поручая себя Вашей благосклонности, имею честь быть с глубочайшим почитанием и преданностью, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Июля 9/21 1836, Вена

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 6 августа/25 июля 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 313. — [Т. XII].

9

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Сей час имел я честь получить письмо Ваше от 26 Июня и немедленно отправляюсь в Баден, где дай Бог, чтобы удалось мне исполнить сообщенное мне Вашим Превосходительством поручение Графа Александра Христофоровича.

Посол наш теперь в Карлсбаде, куда третьего дня уехал также и князь Меттерних, почему я переговорил о деле с Советником посольства князем Горчаковым18 и через него сообщаю это

сведение послу, ибо кстати через несколько часов отправляется курьер в Карлсбад, следовательно, оно будет известно и Его Светлости князю Меттерниху.

Князь Горчаков почти ручается за арестование упомянутых Вами лиц, если мне удастся отыскать их в Бадене. Жаль только, что известие, полученное мною от Вас, не пришло ко мне ранее, ибо теперь уже 6 Августа н. с, а намерение сказанных Вами людей было увидеться в Бадене 6 июля; но, во всяком случае, я с своей стороны последую наставлениям Вашего Превосходительства, что можно, постараюсь исполнить порядочно и о последующем донесу подробно.

С совершенным почитанием и истинною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 6 Августа / 25 Июля 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 8/20 августа 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 314—315. — [Т. XII].

10

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Июля 25/6 Августа, тотчас после отправления к Вашему Превосходительству письма, в котором отвечал я о получении мною от Вас выписки на счет намерения Caracelli, поехал я в Баден.

Там провел я более двух недель, в продолжение которых иногда приезжал на несколько часов в Вену, для справок об успехах, какие по тому же предмету могла делать Австрийская тайная полиция или наше посольство.

В Бадене в продолжение нынешнего лета пребывали до 4 т(ысяч) посетителей. С начала Мая до настоящих дней со вниманием перебрал я подробно все списки приезжавших на воды, не упуская их виду всех соображений на счет паспортов, страны каждого посетителя, фамилий, времени приезда и проч., и проч. Потом с утра до ночи видел, где только возможно, всю теперешнюю публику, не оставляя без точного исследования ни одного человека, который казался мне хоть сколько-нибудь подозрительным или даже двусмысленным. Я знаю теперь все лица в Бадене наизусть и потому отвечаю смело, что там по сию минуту не было и нет Caracelli или его сообщников. Уверенность, с которой могу я говорить об этом, подтверждена третьего дня очень любопытным сведением, полученным мною через князя Горчакова, и которое спешу я донести в ответ на поручение графа Александра Христофоровича.

Caracelli пробирается, сколько известно, точно в Россию, но не через Баден, а Тироль, другие южные провинции Австрии и Венгрию. Нет сомнения, что он предпримет это путешествие под подложным именем, вероятно, какого-нибудь ремесленника или негоцианта. Он высокого роста, сухощав, очень смугл, barbe en collier, moustache pendante cheveux bruns*, когда улыбается, то по щеке от края губ означается особенная черта. Это, конечно, величайшая тайна, ибо Caracelli чрезвычайно осторожен и малейшая явность разыскивания его следов может испортить все дело.

Курьер, возвратившийся два дня тому назад из Карлсбада от Посла, привез известие, что Его Высокопревосходительство говорил об этом предмете с князем Меттернихом сей час после получения сведения, доставленного мне Вашим Превосходительством; до того времени Его Светлости, по-видимому, еще не было известно предприятие Caracelli.

Я передал также без замедления существо этого дела в bureau, в котором считаюсь я у князя Меттерниха, для принятия мер по тайной полиции, и теперь очень осторожно устроено все,

чтобы схватить Caracelli, как скоро покажется он где бы то ни было в Австрийских владениях. Между тем однако я со своей стороны не оставлю и Бадена без внимания.

Вот все, что я имею сообщить об этом деле. Августа 5/17 по почте через Радзивиллов отправил я к Вашему Превосходительству ноту о Молдавии и Валахии. Тогда еще не известно было, что инженерный генерал-лейтенант Дене так скоро отправится из Вены в Варшаву. Он едет туда завтра, и через него, с другими депешами Посольства, я имею честь препроводить это письмо. Означенные в списке о Молдавии и Валахии Hormosaky, Rosetti и Furlandi сегодня, по распоряжению австрийского правительства, будут арестованы. Очень легко случиться может, что эта записка придет несколькими днями после моего письма; впрочем, в ней нет ничего особенно важного или требующего строго исполнения.

Прося засвидетельствовать мое глубочайшее почтение графу Александру Христофоровичу, с совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Августа 8/20 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 21 сентября/октября 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 316. — [Т. XII].

12

Милостивый Государь Александр Николаевич!

После занятия союзными войсками Кракова22, за некоторыми поляками, вывезенными оттуда в Триэст, последовали жены, дети и родные.

Недавно получены из Триэста сведения, что из числа сих изгнанных некоторые умерли там от холеры. По этому случаю 29/17 сентября Советник посольства князь Горчаков получил от князя Меттерниха отношение, в котором его светлость, сообщая о смерти вывезенных поляков, говорит, что по его мнению, семейства их могут, по желанию своему, возвратиться на жительство в Краков, ибо преступления отцов не падают на детей, и что подобное дозволение совершенно согласно с великодушным образом действий Держав, покровительствующих Краков. Его светлость спрашивал мнения князя Горчакова и не имеет ли он по этому предмету каких-нибудь возражений. Князь Горчаков не замедлил отвечать, что он совершенно согласен с мнением Его Светлости, быв уверен в полной мере, что милосердие, свойственное Государю Императору, уже заранее утверждает подобные распоряжения.

Вслед за сим семейства умерших получат позволение возвратиться в Краков.

Без сомнения, князь Горчаков писал уже об этом Фельдмаршалу и графу Нессельроде23, а я полагаю неизлишним также сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прося, для сведения, доложить Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу.

С совершенным почитанием и таковою же преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Сентября 21 / Октября 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 21 сентября/9 октября 1836 г. Вена //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 315. — [Т. XII].

11

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Позвольте мне обеспокоить Вас вдруг двумя покорнейшими просьбами:

Перед отъездом моим из Петербурга, Его Сиятельство граф Александр Христофорович испросил у Государя Императора выдачу назначенного мне содержания, шестьсот червонцев, вперед, т. е. за шесть месяцев, с 1-го Декабря минувшего года по 1-е Июня нынешнего года. Потом Ваше Превосходительство согласились на мою просьбу и делали распоряжение, чтобы это содержание требовалось из Государственного Казначейства и доставлялось ко мне по 4-х месячным срокам. Следовательно, 1-го октября минет первый срок. Уплатив уже довольно много бывших на мне долгов, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать, из 400

червонцев, которые теперь будут истребованы из Казначейства, вычесть пятьдесят червонцев и доставить оные в Петербург, начальнику отделения в Конторе Министерства Императорского Двора, Ивану Васильевичу Емельянову19, остальную же сумму переслать ко мне в Вену.

Вторая просьба моя также денежная: Его Превосходительство Леонтий Васильевич20 в Марте месяце текущего года за № 1553 уведомил меня, что, по сношению, сделанному Его Сиятельством Г. Шефом Жандармов с Г. Министром Финансов, причитающиеся мне по заграничному положению лажные деньги предписано отпускать из Главного Казначейства в начале последнего месяца каждой трети.

В следствии того распоряжения я имел честь один раз уже получить через Ваше Превосходительство вексель на следуемую мне сумму, за генварскую треть года, в начале прошедшего мая.

Теперь уже наступает октябрь, но я еще не получил жалованье за минувшую майскую треть.

Полагая, что оно, по вышесказанному распоряжению, уже в начале Августа вытребовано из Главного Казначейства, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство ускорить пересылкою мне оного, ибо сделанные мною уплаты многих старинных моих долгов, заставляют уже очень чувствовать недостаток в деньгах.

Сочту себя крайне обязанным, если Вы не оставите моих просьб без исполнения.

С глубочайшим почитанием и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 21 Сентября / 9 Октября 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 15/27 октября 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 316—317. — [Т. XII].

13

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В продолжении службы моей при графе Александре Христофоровиче в Петербурге, я имел счастие быть несколько раз командирован Его Сиятельством по делам, возникшим в

Белорусских губерниях, при обращении Униатов в Православие. Тогда, пользуясь случаями, я рассмотрел довольно вблизи наше Духовенство и понял Унию.

Конечно, происшествия, подлежащие моему исследованию, собственно в себе не заключали особенной важности, но не менее того их сущность или основные причины проистекали из одного того же источника, и весьма важного — из вековой борьбы Католицизма с исповеданием Греческим. Эта борьба возродила Унию, и мне случилось быть свидетелем, с каким набожным соревнованием Духовенство наше заботится об уничтожении оной.

Рассуждения о Католицизме и Православии могли бы увлечь меня слишком далеко, и, может быть, я очутился бы вне сферы моих познаний в предмете столь обширном и, сверх того, имеющем две стороны: собственно духовную и политическую. Поэтому я ограничу себя сообщением Вашему Превосходительству одного обстоятельства, которое на меня, как сына Греческой Церкви, делает очень грустное и некоторым образом досадное впечатление.

В Венгрии, как известно, до двух с половиною миллионов жителей исповедуют Греческую Веру. В первых числах текущего Октября скончался митрополит Венгерский Стефан Стартимировский24. Католические правила, поддерживаемые и теперь с прежнею устойчивостью влиянием Иезуитов, не оставляют деятельной мысли и самые действия для доставления возможного перевеса их исповедания над Греческим. С этой целью предполагают возвести в сан Митрополита Венгерского Епископа Станковича, человека весьма ненадежного ни в правилах, ни в образе жизни. Мне сказывали, что сан Митрополита предназначается ему просто с тайным условием склонять медленным образом народ к Католицизму, и для того постепенно приводить Венгерских православных в Унию.

Есть в Венгрии два Греческие Епископа: Рахтичь и Живковский, оба по отличным своим достоинствам уважаемые народом и преданные истинно своему исповеданию. Если бы существовали средства к отклонению вышесказанной цели, то конечно, лучшим способом к тому было бы возведение в сан Митрополитский одного из сих двух Епископов.

Быть может, Вы сочтете неизлишним сделать мое сообщение известным Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу, ибо оно, быв приложено к другим сведениям, может заключать в себе некоторую важность в общих соображениях Святейшего Синода.

Во всяком случае, что кажется мне достойным внимания — я пишу и решаюсь занимать Вас своими письмами в совершенной уверенности, что Вы отделите пшеницу от плевел, по словам Евангельским.

С глубочайшим почитанием и истинной преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 15/27 Октября 1836

Помета карандашом: Узнать у Андр.

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 16/28 октября 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 317—318. — [Т. XII].

14

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Августа 5/17, при письме моем на имя Вашего Превосходительства по почте, имел я честь

отправить на немецком языке копии с записки, полученной здешним правительством из Молдавии. После того, в другом письме моем от 8/20 Августа, я уведомил Вас, что означенные в упомянутой записке лица, как-то Hormosaky и другие, будут арестованы. Действительно, они взяты были под арест тогда же.

Вместе с Hormosaky, на одной квартире, жил молодой человек, некто Александр Руссо25, русский подданный, сын Кишиневского помещика (в Бессарабии). При обыске полиция нашла в бумагах принадлежавшие Руссо панегирик и эпитафию, написанные в честь Alibeau26, несколько республиканских песен, анекдотов на счет ныне царствующего Австрийского императора и письмо от Руссо в Англию, к неизвестному лицу, которое хотя не заключало в себе ничего подозрительного, однако показывало его худое направление мыслей.

При допросах Руссо объявил с необыкновенной простотою, что панегирик и эпитафия писаны им самим, но совсем не в намерении хвалить поступок Alibeau, но его храбрость и твердость духа; что в республиканских песнях нет ничего особенного, ибо они очень известны и поются явно в Швейцарии, где он воспитывался, что он, по привычке, сделанной в юности, нимало не скрывает, что правление республиканское предпочитает он всякому другому. Насчет же анекдотов, относящихся до особы Императора, объявил, что они известны всем и рассказываются во всех кофейных домах в Вене.

Австрийское правительство с того времени, задержав Руссо под присмотром, основываясь на его оправданиях, отнеслось о нем, как о русском подданном, к князю Горчакову, не угодно ли ему будет дать Руссо паспорт для выезда, согласно желанию его, в Россию?

Князь Горчаков отвечал, что показания Руссо заставляют его замедлить выдачею ему паспорта, что он сделает об этом прежде известным русскому правительству, и потом даст ответ согласно с отзывом, какой получит из России. И тогда же написал об этом графу Воронцову27 и графу Нессельроде.

Между тем, на днях, один из русских тайных агентов, живущих вне Австрии, в кругу пропагандистов, прислал графу Горчакову некоторые секретные сведения. В них, между прочим, агент пишет, что в Вене есть некто Руссо, человек очень опасный, имеющий сношения с членами пропаганды в Англии, Франции и Швейцарии, что ему известно, будто бы Руссо находится также в сношении с одним из четырех злоумышленников, которых намерение было, или есть, посягнуть на жизнь священной особы Российского Императора, и что он брался способствовать их въезду в Россию. В числе сих четверых считается тот Caracelli, о котором Ваше Превосходительство изволили прислать мне выписку, при письме Вашем от 26 Июля. Имена остальных трех мне неизвестны. Говорят, что следы всех их совсем исчезли. Что же касается Caracelli, то, в дополнение сведений, сообщенных мною о нем Вашему Превосходительству, я могу присовокупить теперь, что Caracelli имеет около 35 лет от роду и предполагал въехать в Россию под подложным именем негоцианта Teisler.

На счет выше-писанного об Александре Руссо, сегодня князь Горчаков с курьером относится к графу Нессельроде, и я спешу с своей стороны сообщить Вашему Превосходительству для доклада Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу.

С глубочайшим почитанием и таковою же преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 16/28 Октября 1836

На полях помета карандашом: Чтоб (нрзб.) узнал, не брат ли он Руссо и где подлинно воспитывался.

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 26 октября/7 ноября 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 318—319. — [Т. XII].

15

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Один из чужих тайных агентов, живущих в Вене, собрал некоторые сведения на счет тех лиц, которых бумаги подтверждены были полицейскому осмотру в Вене, и которые, как я уже писал Вашему Превосходительству, обвиняемы в намерениях изменить образ правления в Княжествах Молдавии и Валахии посредством разных интриг и связей с пропагандою. Собрав кое-какие вещи с подробностью, стоющей некоторого внимания, агент сообщил оные по секрету князю Горчакову, который передал их мне, ибо они как будто составляют продолжение прежних сведений об этом предмете. Я списал с ноты агента копию для себя, чтобы иметь на всякий

случай все слухи или примечания, относящиеся до какой-то новой мысли на счет княжеств, — мысли, которая, признаюсь, по сих пор еще не совсем для меня ясна.

Д. П. Татищев

Не зная, откуда агент почерпнул свои подробности, я не облегаю их в полную веру или важность, но препровождаю при сем с его ноты копию, полагая, что она, если не полезна, то по крайней мере не лишняя для сведения и для приложения к прежней записке моей о княжествах. Одно, что только неоспоримо и подтверждается случаями и уверениями людей опытных, — это обыкновенная слабость Австрийской внутренней полиции. Полиция здесь нехороша — это истина, но истина, следующая также к сведению.

С совершеннейшим почитанием и истинной преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 26 Октября / 7 ноября 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 16/4 Декабря 1836 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 320—321. — Из содерж: Озерецковский Я. Н. «Вскоре после закрытия венгерского сейма некто адвокат Коссут...». — С. 320—321. — [Т. XII].

16

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Курьер, который сегодня отправляется из Вены, есть, конечно, последний в нынешнем году, и потому я в половине Декабря уже поздравляю Вас с новым годом. Фразы поздравлений — вещь трудная: они по большей части слабы или слишком известны; итак, исполняя приятнейший для меня долг, я постараюсь избавить Вас от отчета моих чувств за 1836 год и ограничу себя простым приношением искреннего душевного желания, чтобы следующий год даровал Вам (как говорит Карамзин)28 “возможное на земле счастие”. Подробности этого желания позвольте мне заключить в самом себе вместе с признательностью за собственное мое счастие, Вами созданное.

Желал бы напомнить о себе графу Александру Христофоровичу особенным письмом, но надеясь на Вашу доброту, прошу Ваше Превосходительство когда-нибудь сказать Его Сиятельству хотя в двух словах поздравление с Новым годом и поклоны, которые с душевным почитанием приношу я своему благодетельному начальнику.

к вечному покровительству начальству.

Сведений по службе, заслуживающих особенного внимания, на этот раз я не имею, ибо одно из новейших известий, которые находятся в канцелярии князи Меттерниха и относятся к роду моих занятий, есть письмо графа Александра Христофоровича от 30 Октября к Его Светлости с приложением списка некоторым злонамеренным людям, выехавшим из Парижа; другие же подобного рода известия, дошедшие в продолжении последнего времени или сведения князя Меттерниха слишком неутвердительны, предположительны и не заслуживают веры.

Сведение и примечание насчет Венгрии, заключающиеся в представляемой при сем записке, взяты мною из немецкой ноты, которую секретно сообщил мне князь Горчаков. Хоть в них собственно, может быть, и нет большой важности, но сколько мне известно, Венгерские дела заслуживают с некоторого времени особенного внимания.

Конечно, истребление беспокойных мыслей, распространяющихся в Венгрии, относится прямо к делу Австрийского Правительства. Но я, не касаясь дальнейших соображений, сообщаю Вашему Превосходительству прилагаемые сведения потому, что в оном упоминается лично об одном человеке неблагонамеренном. Князь Горчаков об этом предмете графу Нессельроде не пишет.

Уже недели три как приехал в Вену барон Швейцер29. Несколько раз мы виделись.

Прося принять уверения в совершенной преданности и глубочайшем почитании имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 16/4 Декабря 1836

Приложение:

Вскоре после закрытия венгерского сейма некто адвокат Коссут (Kossut)30 просил о позволении выдавать газету, в которой бы публиковались все спорные речи, произносимые в общественных собраниях Венгерских Комитатов31.

Венгерское высшее правительство, заметив, в каком духе проситель намерен был издавать свою газету, положительно отказало в его просьбе, в уверенности, что Коссут имел преимущественно целью посредством своих листков осмеивать благонамеренных ораторов и поощрять восторженных и опасных для доброго порядка, и таким образом унижая первых, поселить между ними раздор.

Ожесточенный отказом, Коссут, в противность запрещению Правительства, для распространения своей газеты образовал канцелярию, в которой листы его вместо печатания, переписываются. Большие издержки, соединенные с подобным изданием газеты, вознаграждаются ему многочисленными подписчиками из всех Комитатов, и таким образом, уже несколько месяцев в определенные дни листы его рассылаются по всей Венгрии32.

Вместо того, чтобы препятствовать столь опасному предприятию, большая часть Комитатов Венгрии предпринимают большое участие в издании этой газеты и уже множество представлений поступило в Венгерскую Королевскую канцелярию, в которых оные настоятельно просят разрешить печатание Коссутовых листков. Эти представления, без сомнения, остаются без успеха.

Таким образом, если и самые правительственные места Венгрии, вместо содействия в поддержании порядка и законов, помогают беспорядкам, можно конечно ожидать печального переворота, тем более, что писанная газета Коссута, как сказывают, коварным образом мало-помалу отводит грубых и необразованных поселян от хорошего мнения о пользе нового уложения о господских податях, и в народе, ко всему способном, возрождается сим

умножения с последних податях, и в народе, ко всему способном, возрождается сим неудовольствие и ожесточение.

Вена. В декабре 1836

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 25 декабря 1836 г. / 5 января 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 321. — [Т. XII].

17

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Записка, представленная мною при сем Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу, есть некоторым образом эпизод, небольшой, но довольно занимательный, из дела недавно возникшего и, быть может, довольно важного. Я не считал себя вправе писать об этом подробно, ибо ход оного относится прямо до действия Посольства и притом граф Нессельроде, без сомнения, сообщил Его Сиятельству все полученные по этому случаю от князя Горчакова бумаги.

Дело состоит в том, что Митрополит Негош33 утруждает Государя Императора некоторыми просьбами, из коих самая существенная есть назначение денежного пособия для Черногорского народа в продолжении 10 лет.

С моей стороны я могу только прибавить, что по моим замечаниям Преосвященный действительно предан России, и если не весь его народ, то по крайней мере он сам очень нуждается в деньгах.

Полагаю необходимым присовокупить, что князь Горчаков пожелал иметь копию с моей записки и я доставил ему оную, ибо обстоятельности, в ней изложенное, узнал я вследствие его же поручения. Может быть, князь сообщит оную секретно Г-ну Вице-Канцлеру.

С совершенным почитанием и истинной преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Декабря 25 1836 / Генваря 5 1837

Помета: Записка препровождена к графу Нессельроде 20 Генваря 1837.

Озерецковский Я. Н. Служебная записка А. Х. Бенкендорфу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 322. — [Т. XII].

18

(Служебная записка А. Х. Бенкендорфу)

От состоящего при Вашем Сиятельстве по особым поручениям подполковника Озерецковского

Секретно

Генваря 20 / Февраля 1 в канцелярии Его Светлости князя Меттерниха сообщено мне, между прочим, следующее сведение: в минувшем году отправлен из Вены в Лондон секретный агент, которому поручено иметь надзор за действиями поляков, находящихся в Англии (имя его мне не открыто). Проездом через Францию, он сделал знакомство со многими поляками, и пользуясь

молвою быть их единомышленником, узнал от них, будто бы Русское Правительство, для наблюдений за поляками, живущими вне Польши, в прошлом году разослало более двенадцати тайных агентов, что об этой высылке шпионов в самое время их отправления известно уже было полякам, находящимся во Франции и что сведение о том получено ими тайным образом будто бы через канцелярию Его Светлости князя Варшавского. Они утверждали также, что и самые имена сказанных агентов им известны.

О сем сведении я счел долгом донести Его Светлости сегодня же рапортом через Австрийского курьера, о чем имею честь Вашему Сиятельству донести.

Подполковник Озерецковский

№ 4, 21 Генваря / 2 февраля 1837, Вена

Нессельроде К. В. Письмо Бенкендорфу А. Х., 17 февраля 1837 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 2003. — С. 322—323. — Из содерж: Нессельроде К. В. Копия письма г. Вице-Канцлера к Черногорскому Архиепископу, 17 февраля 1837 г.. — С. 323. — [Т. XII].

20

К. В. Нессельроде — А. Х. Бенкендорфу

Вице-канцлер, свидетельствуя совершенное почтение Его Сиятельству Графу Александру Христофоровичу, имеет честь препроводить у сего точную копию с письма, адресуемого им, графом Нессельроде, по Высочайшему повелению, к Черногорскому Архиепископу Петру Петровичу Негошу.

№ 425, 17-го Февраля 1837

Приложение:

Копия письма г. Вице-Канцлера к Черногорскому Архиепископу

от 17-го Февраля 1837 года, за № 424.

В скором времени после сообщения Вашему Высокопреосвященству Высочайшей воли в ответ на письмо Ваше из Вены от 23 Декабря минувшего 1836 года, получили мы здесь донесения, будто бы распоряжения ваши породили смуты между народом и кровопролитие, что много фамилий Черногорских бежало в турецкие области и разные стороны, что народ сильно на вас негодует, что вмешательство ваше противу воли народа в деле Грахово35 было причиною сожжения сего селения и умерщвления многих жителей, кои до того, платя туркам небольшую дань, находились в спокойствии, и что, наконец, народ Черногорский столь озлобился противу вас, что от сего жизнь ваша была в опасности и что вы выехали под предлогом высочайшего повеления приехать в Санктпетербург. Затем, якобы, пред отъездом заложили Монастырь Махинский36 за 7 т(ысяч) гульденов серебром и взяли с собою все драгоценные вещи Монастыря Цетина37. Сведения сии показались нам столь чрезвычайными, что я поспешил дать поручение удостовериться на Черной Горе о степени вероятия, которые могут оные заслуживать, и мы надеялись при том, что вы, вняв спасительным для вас советам, возвратясь к пастве вашей, успокоите оную и рассеете нелепости, может быть злобою врагов порядка на счет ваш вымышленные38. К крайнему, однако, изумлению нашему, известились мы от нашего поверенного в делах в Вене, что вы, взяв от него тысячу червонных на путевые издержки в Черную Гору, вместо направления туда пути вашего, обратились к Австрийскому Министерству с требованием паспорта для приезда в Париж, а когда получили в сем отказ, то прибегли к Французской Миссии, коею и снабжены таковым, а потом уже изъявили желание следовать

сюда. 11ри стечении сих неудооопостижимых оостоятельств, доколе не рассеется тьма и не просветит истина, вы согласитесь со мною, что всемилостивейший наш Государь Император не может решиться удостоить вас принятием, а потому Его Величеству угодно, дабы вы на пути вашем во Псков, остановились там у местного Архиерея до получения нами ожидаемых сведений из Черной Горы, по получении коих буду иметь честь без промедления сообщить вам высочайшее разрешение.

Пребываю...

Резолюция А. Х. Бенкендорфа: Хорош! Я уже велел Дупельту послать Ж(андармского) офиц(ера) к Родофиникину39 для отвоза письма на встречу Преосвященного.

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 7/19 февраля 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 322. — [Т. XII].

19

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Случай познакомил меня в Вене с Высокопреосвященным Владыкой Черногорским и его двоюродным братом князем Георгием Петровичем Негошем34, который будет иметь честь вручить Вам это письмо. Они едут в Петербург по какому-то делу, для них очень важному, желают просить у Государя Императора помощи для Черной Горы. Вероятно, все дело известно уже Вашему Превосходительству лучше нежели мне, и потому не говоря об этом, я, согласно с желанием князя Георгия Петровича, принимаю на себя удовольствие поручить его Вашему расположению и с тем вместе привести на память Вашу путешественника, который с глубочайшим почитанием и совершенною преданностию имеет честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

7/19 Февраля 1837, Вена

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 5/17 марта 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 323—325. — [Т. XII].

21

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Позвольте начать с извинений за рекомендательное мое письмо к Вам, данное мною г-ну Негошу, при отъезде его из Вены в Петербург с Черногорским Владыкой. Я дал ему это письмо по его просьбе и назвал его князем, как он воображает быть, основываясь на паспорте, подписанном его двоюродным братцем, Владыкой. Все это для того, чтобы не сердить еще более господ, уже без того слишком недовольных; к тому же Ваше Превосходительство имели уже тогда мое подробное письмо о Владыке.

Черногорское дело доставило мне хороший случай познакомиться коротко с г-м Вуком Караджичем40. Это человек очень ученый и хитрый. За изданный им Сербский словарь и народный песенник получает он от Русского правительства по тысяче рублей ассигнациями пенсии. Сын его воспитывается на казенном иждивении в Петербурге, в Горном корпусе. Этот г-н Караджич находился безотлучно при Владыке во время пребывания его в Вене, и доставлял очень подробные и верные сведения Его Светлости князю Меттерниху о каждом шаге и слове Его Высокопреосвященства, с которым давно знаком и дружен. Подобная преданность двум

Его Высокопреосвященства, с которым давно знаком и дружен. Подобная преданность двум правительствам в одно и то же время, не мешает ему однако быть человеком очень основательным в суждениях и благонамеренным. Года два тому назад ездил он в Черную Гору, и на днях выйдет в свет небольшое сочинение его об этой стране41. Первый экземпляр, полученный им из Аугсбурга, где оно печатается, доставил он мне, для передачи князю Горчакову, для прочтения. Сведения, заключающиеся в его книжке, чрезвычайно любопытны и могут быть полезны для всего дела, затеянного владыкой; потому князь Горчаков отправляет этот экземпляр сегодня к Его Сиятельству графу Нессельроде. К сожалению, Караджич не получил еще других экземпляров, и я на несколько дней лишен удовольствия представить эту книжку Вашему Превосходительству.

Без сомнения, Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу уже известно, что решение над Лембергскими подсудимыми42 утверждено Императором. Из числа осужденных пятеро провезено через Вену в ночи с 5 на 6 марта н. с. в замок Куфштейн, что в Тироле, на заточение. В скором времени об окончании этого дела будет сообщено во всей подробности от Его Светлости Князя Меттерниха нашему поверенному в делах для представления г-ну Вице-

Канцлеру43.

В письме моем от 16/28 Октября прошедшего года я сообщил Вашему Превосходительству некоторые сведения насчет Александра Руссо, сведения и важные, и страшные. Теперь, на днях, нашел я случай познакомиться с этим страшным человеком, и, сколько мог рассмотреть его в короткое время, не нашел в нем ничего опасного. Это юноша едва ли 16 лет, очень милый, очень хорошо воспитанный, скромный, и с ясной головой, какую только можно иметь в его возрасте. Теперь я не смею еще говорить о нем утвердительно и против всех обвинений какие возведены на него разными людьми и случаями, но не могу лишить себя удовольствия исполнить внутреннее желание, сказав Вам что-нибудь в его пользу. Важные обвинения, брошенные каким-то агентом, ничем не подтверждаются, остается одна важнейшая улика: ода, сочиненная на смерть Алибо. Позволите ли мне сделать два сравнительных вопроса? Великий поэт, которого недавно лишилась Россия44, не последовал ли пылкому воображению ребячества, написав свою “Оду на свободу”? И с какими чувствами к великому Монарху он перешел в другую жизнь? — и как много подобных примеров!

Впрочем, я постараюсь рассмотреть Руссо подробно и буду иметь честь донести Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу. До этого времени считаю долгом довести до Вашего сведения, что князь Горчаков уже давно ожидает объяснений от Фельдмаршала насчет обвинений этого молодого человека, ибо прежние о нем сведения получил он также из Варшавы, — и разрешения от г-на Вице-Канцлера; и что Австрийское Правительство, не имея важнейших обвинений против Руссо, относится уже не раз к Горчакову о выдаче ему паспорта.

Кажется мне, что дело это без трудов и дальнейшего вреда можно было бы кончить, отпустив г-на Руссо к его отцу в Яссы с предложением, чтобы он берег своего сына от бед, в которые может вовлечь его Швейцарское воспитание и Парижские вздоры.

За сим поручая себя Вашему расположению, имею честь быть с глубочайшей преданностию и совершенным почтением Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 5/17 Марта 1837

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 1 апреля/20 марта 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 325—326. — [Т. XII].

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Несколько дней модный грипп45 держал меня в постели. Я был так слаб, что не мог водить пером и потому не мог исполнить приятнейшего для меня долга, поздравить Вас с Монаршей милостию. Как вечный поклонник Ваш, я имею право сказать, что Ваша первая степень св. Анны доставила мне первую степень истинной радости. Дай Бог, чтобы причины этой радости повторялись для меня, по крайней мере, каждые полгода. В Ваших успехах я эгоист.

Почти в одно время с приятной вестью узнали мы о болезни графа Александра Христофоровича. Барон Швейцер и я до сих пор испуганы этим известием и с каждым днем ожидаем лучших вестей из Петербурга. Я знаю, как трудны и бесконечны Ваши занятия и не обольщаю себя надеждой читать Ваши строки, но у меня есть большая просьба исполнением которой можете меня успокоить. Это формальная жалоба на одного из Ваших подчиненных, а именно на И. Ф. Касселя: он обещал ко мне писать, я писал к нему, — он не отвечает и молчит по сие время, а

ему так легко уведомлять меня хоть иногда о моих начальниках и освежать на чуждой стороне мою русскую душу верной строкой о том, что для меня так драгоценно! Страшно воображать себя забытым!

На днях мы ожидали прибытия посла, Дмитрий Павловича Татищева. Графиня Апраксина собирается возвратиться отсюда в Одессу к своему мужу. У нее нынешнюю зиму жил, и теперь еще живет при детях, некто Кашкхадамов, профессор русской словесности, учившийся в Московском университете. Этот человек уже лет 35 и с очень слабой головой, в которой лежат в куче школьные познания, философические бредни, почти бестолковое пламенное воображение и вместе с тем он очень набожный христианин и отчасти мистик. Он путешествует без денег. Кажется, графиня приняла его в дом свой сколько для обучения ее детей русской грамоте, столько же и из сострадания. Кашхадамов с странными мечтами о народном счастии имеет намерение путешествовать по Европе и, вероятно, направит стопы свои в Париж. Я почти уверен, что рано или поздно бедная голова его, добрая, ничтожная и от природы как будто болезненно-пламенная, навлечет на него очень невыгодное мнение нашего Правительства. Цель его путешествия, как он говорил мне сам, есть — обогатить себя познаниями, потом возвратиться в Россию, сделаться монахом и быть полезным своему отечеству, подавая премудрые советы Правительству в делах, в которых оно заблуждается. Он подружился здесь очень с Черногорским Владыкой. Мнения их о правде и заблуждениях совсем сходны. Я говорил об нем с князем Горчаковым, который согласен, что надобно будет несколько наблюдать за г-ном Профессором.

Руссо, молодой человек, о котором я писал в предыдущем письме моем, продолжает ко мне ходить. Я ничего не вижу в нем, как юного Швейцарца, доброго, мягкого, как воск, и самого безвредного республиканца по воспитанию. На днях князь Горчаков получил от князя Варшавского ответ на счет Руссо, что агенты совсем замолчали об этом молодом человеке, и что Его Светлость полагает возможным не задерживать его более в Вене. Гг. агенты, как кажется, иногда играют судьбою ребенка, чтобы показать свое усердие.

Чем и как кончится дело о Викиене, Вам, без сомнения, более известно, нежели мне, но здесь многочисленный класс народа, созерцающий Европу сквозь газетную призму, не хочет Европейской войны и убежден, что вссе кончится мирно. Рыцарские чувства, которые у нас возрождает слух о войне, непонятны для мирных Австрийских воинов, хотя впрочем, каждый храбро готов обнажить меч для победоносного неутралитета!

Климат в Вене шалит: сегодня опять идет снег (нрзб.) и Monterey, дни шумных прогулок в Пратере46 прошли также в снегу и морозе. Значит, что все изменяется, кроме чувства моей душевной преданности к Вам и глубочайшего почитания, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 1 Апреля / 20 Марта 1837

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 19 апреля/1 мая 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 326—327. — [Т. XII].

23

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Не имея важных новостей сообщить Вам, я пишу несколько строк, пользуясь отправлением эстафеты из Кракова.

Наша Вена настоящий Китай: вечно одинакова, неизменно весела и скучно-равнодушна ко всем

великим европейским вопросам. Впрочем, это похвально.

Посол приехал сюда 2/14 Апреля. Ко мне он очень благосклонен.

Принц Адам Виртембергский оставляет Вену 20 Апреля / 2 Мая. Он едет в Баден-Баден, где увидится с Его Высочеством Великим Князем Михаилом Павловичем47. Я имел честь обедать и быть несколько раз у принца. Его Высочество принимает живейшее участие в здоровье графа Александра Христофоровича.

Очень многих Австрийских офицеров мечтают о переходе в Русскую службу. Некоторые из них косвенно обращались об этом к Его Высочеству, может ли быть полезно для России подобное приобретение.

18/30 Марта проехал через Вену в Петербург Марк Радонич с сыном, из Бокко-ди-Катарро. Он адресован был ко мне нашим священником и посетил меня на полчаса. Это старший из тех Радоничей, которые изгнаны из Черной Горы партиею Владыки48, как я имел честь писать к Вам в прежнем моем письме по Черногорскому делу. Он едет через Радзивиллов с тем, чтобы побывать в Харькове и предложить там условия к примирению двум врагам своим, Вукотичу и Вучичевичу49, а в противном случае объявит им о намерении просить Государя Императора о правосудии против их поступков, ибо они были причиною изгнания Радоничей, быв в это время в Черной Горе. Г-н Радонич уверяет, что не имеет вражды против Владыки, но это неправда. Я знаю наверное, что и самая поездка его в Петербург происходит от надежды воспользоваться там настоящим затруднительным положением Владыки. Радоничи точно в крайней бедности, или, лучше сказать, просто нищие. Имение их в Черной Горе разграблено, дома сожжены; он приписывает все это Вукотичу и Вучичевичу, которые, впрочем, действовали тогда вместе с Владыкой. Дело это едва ли не бесконечное.

Князь Горчаков был очень нездоров и несколько дней лежал в постеле. Графиня Апраксина 20 мая уезжает в Одессу.

Других новостей, кажется, нет, и потому не беспокою Вас дальнейшим чтением, но прошу принять благосклонно повторение в моей истинной преданности и глубочайшем почитании, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 19 Апреля / 1 Мая 1837

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н. 13/25 мая 1837 г. Вена // Российский Архив

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 13/25 мая 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 327—328. — [Т. XII].

24

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Отправление курьера дает мне опять случай написать Вам несколько строк. Если в них нет политических вещей, то это не моя вина. Не далее, как вчера сидел я в канцелярии, говорил обо всей Европе, и все-таки не нашел ничего особенного, чтобы сообщить Вам.

Молодой человек, Александр Руссо, о котором писал я в прежних письмах, получил паспорт от нашего посла, и на днях отправляется в Яссы, к отцу. В то же время будет сообщено нашему консулу в Бухаресте о строгом над ним надзоре. Не думаю однако, чтобы он был слишком необходим; впрочем, это очень не лишнее.

Принц Адам Виртембергский в июле возвратился снова в Вену, где полагает пробыть месяца два. Вена очень нравится Его Высочеству.

Судя по тому, что я слышал в канцелярии князя Меттерниха, Его Светлость не имеет верных сведений о месте и времени больших маневров, которые имеет быть в присутствии Государя Императора в южных губерниях нынешним летом. Газеты говорят очень неподробно и часто неверно. Если б Ваше Превосходительство приказали мне доставить об этих маневрах некоторые подробности, я уверен, что Его Светлости было бы весьма приятно получить от меня оные.

Вместе с сим я посылаю два огромные письма к г. Строеву, издателю “Сына Отечества”50. Он не преминет представить оные в цензуру Его Превосходительства Леонтия Васильевича, ибо они заключают в себе мои журнальные статьи о Вене и по просьбе г. Строева подарены мною в его журнал.

Боюсь только, чтобы они не показались слишком ветрены и негодны в печать, по существу нашей цензуры. Чувствую, что не в состоянии писать ничего о нашей доброй союзнице без какой-то немножко злой или полунасмешливой улыбки — особенно когда коснусь до ее воинственной роты.

Я предоставил г. Строеву рассматривать строго, что я пишу, и вполне уповаю на опытный взгляд Леонтия Васильевича. Если они окажутся негодны для печати, не буду в претензии51.

Я счел бы себя чрезвычайно обязанным, если б когда-нибудь, в свободную минутку, Вы пробежали мои статьи о Вене в “Сыне Отечества”, когда они будут напечатаны, и сказали бы мне в двух словах Ваше мнение, ибо журнал мой растет ежедневно, я не знаю, что с ним делать, а между тем чувствую без самолюбия, что в нем очень верно обрисована Вена.

Повторяя обыкновенную мою просьбу сохранить в памяти Вашего подчиненного, с глубочайшим почитанием и преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Мая 13/25 1837, Вена

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 18/30 июня 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 328—330. — [Т. XII].

25

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Мая 26 с. г. я дал девице Облеуховой по ее просьбе письмо к Вашему Превосходительству. Вскоре после того она отправилась из Вены в Петербург, с намерением начать дело о своих несчастиях, которых виновник, по ее словам, отставной Генерал-Майор Попов. Скромность не позволяла ей объясниться со мною откровенно, но кажется, что она обвиняет г. Попова, будто бы он ее обесчестил.

Без сомнения, девица Облеухова теперь уже объяснила Вам свою просьбу и если Ваше Превосходительство приняли ее жалобы, то я считаю неизлишним доложить Вам, что обвиняемый ею Г.-М. Попов вслед за нею приехал из Парижа в Вену. Скоро ли отсюда выедет и куда — еще неизвестно. Я постараюсь уведомить Вас об этом вовремя, несколькими словами, по почте, ибо отыскивать г. Попова в разъездах его по Европе, в случае необходимости иметь от него ответ, конечно, довольно затруднительно.

В последних числах мая (н. с.) Австрийский посол из Рима представил Его Светлости князю Меттерниху в отношении своем просьбу польского выходца графа Солтана, который желал на короткое время побывать в Вене, для свидания с 14-летнею своею дочерью и теткою, княгиней Казимир Любомирской. Князь Меттерних, не имея сведений о графе Солтана, приказал предварительно узнать от меня, в какой степени он замешан и нет ли против него важных обвинений, могущих затруднить просимое им разрешение.

Чтобы исполнить приказание Его Светлости, я сделал подробнейшую выправку из сведений, имеющихся в канцелярии нашего посольства о всех поляках, бежавших из Польши; но в списках лиц, которым воспрещен въезд в Россию, нашел только одного Солтана (Florian), без графского титула, молодого человека 23 лет, следовательно, не того, о котором шло дело.

Тогда доложил я обо всем Его Высокопревосходительству Дмитрий Павловичу и передал барону de Pont для доклада Его Светлости ответ, что посол наш не принимает на себя дать разрешение о въезде в Вену г. Солтану, как польскому выходцу и вероятно человеку ненадежному, что в случаях каких бы то ни было последствий от подобного позволения Его Высокопревосходительство предоставляет себе спросить от Австрийского правительства ответа, и что, наконец, если Австрийское правительство не считает г. Солтана опасным и не находит с своей стороны препятствий дать ему подобное позволение, на месяц или на два, не более, с тем, чтобы он был в Вене под строгим надзором полиции, в таком случае от Его Светлости зависит решить просьбу г. Солтана.

Я не могу не доложить Вашему Превосходительству, что обыкновенная строгость посла на счет поляков очень не нравиться Австрийскому правительству, которое вообще имеет с ними систему очень противоположную русской — систему какой-то ласки и снисхождения.

Впрочем, судя по сведениям их посла из Рима, г. Солтан человек совсем не опасный и мирный, и потому они решились дать ему позволение выехать в Вену месяца на два, оградив его со всех сторон полицейским надзором. Я с своей стороны буду также иметь в виду г. Солтана, как скоро он сюда приедет.

Посол наш до сих пор очень благосклонен ко мне, надеюсь, что так будет и далее. Он позволил мне даже списать в канцелярии посольства все списки о лицах, которым воспрещен въезд в Россию.

Вообще, сколько можно, я оградил себя от недружбы в Вене; — я говорю от недружбы, потому что со вздохом сказать можно правду: согласия между русскими в венском посольстве очень и очень мало! Что до меня касается, я думаю, что несогласие есть всегда следствие заблуждений. Неужели нельзя соединить в себе познаний дипломатических с ясною и чистою русской

правдою? Можно, можно! Но простите за рассуждение.

Дней пять прожил в Вене проездом из Константинополя в Лондон издатель Portfolio г. Уркуарт52, и выехал отсюда 17/29 Июня вечером, в тот самый день, когда мы узнали о кончине Английского короля53. Я видел его со стороны, в трактире, где он останавливался, но счел не совсем безопасным с ним познакомиться. У него двое слуг, турки, в своих национальных платьях. Это заставляет любопытных останавливаться.

Вук Караджич, о котором я уже имел честь писать Вам прежде, давно знаком с Урквартом и передал мне теперь, что Уркварт имеет намерение, съездив в Лондон и окончив там дела свои с успехом, в котором не сомневается, — приехать месяцев через пять в Вену, чтобы отсюда предпринять путешествие в Боснию, Герцеговину и Монтенегро54. Он приглашает с собою в это путешествие и Вука, с условием, чтобы он был проводником и переводчиком его у Христиан, “что же касается до Турок, — говорит Уркварт, — вам заботиться нечего, положитесь на меня. Это мои друзья”. Вук с удовольствием принимает это предложение, говоря, что может собрать таким образом много литературных и исторических славянских сведений.

Уркварт показывал Вуку небольшую, очень худо сохраненную книжку, на сербском языке, прося ее перевести на немецкий, от чего, однако, Вук отказался. Книжка напечатана в Венеции и наполнена обвинениями и статьями против д(ейственного) т(айного) с(оветника) Родофиникина и бывшего после него в Сербии д(ейственного) с(татского) с(оветника) Недобы55. Вук заметил, что на книжке написано было худо чернилами “Милан Милош”, имя старшего сына князя Милоша56. Поэтому думать неудобно, что книжку получил он в подарок, проезжая через Сербию, где он останавливался у князя Милоша. Каким образом ни отыскивает Уркуарт материалов для своего журнала!

Барон Швейцер конечно доставляет много сведений, относящихся к большому объему его газетных действий. Я читаю газеты усердно, но признаюсь, что все это — море! Так же обширно и столь же переменчиво. Немощны крики против Могучего Царя Русского! Велик Русский Бог.

У нас носились слухи о переменах по корпусу Жандармов на время отсутствия Его Сиятельства графа Александра Христофоровича. Но верного мы ничего не имеем. Это нас очень печалит.

Истинно признателен за побуждение, сделанное г. Касселю писать ко мне. Я получил уже от него весть, отвечал и жду ответа.

В полной надежде на благосклонность Вашу ко мне, прошу принять уверения в неизменной преданности моей и глубочайшем почитании, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 18/30 Июня 1837

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 30 июня/12 июля 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 330. — [Т. XII].

26

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В письме от 18/30 Июня я писал Вашему Превосходительству между прочим о Генерале-Майоре Попове. В дополнение к тому имею честь доложить, что он выехал из Вены 24 Июня / 6 Июля в Россию и, кажется, наверное прямо в Одессу.

В тот же день приехал к нам из Петербурга Черногорский Владыко и рассказал мне много хороших новостей. По некоторым из оных мы ожидаем еще подтверждения.

Принц Адам Виртембергский возвратился сюда из Баден-Бадена. Я имел честь быть у его Высочества и очень им обласкан. Посол уехал в Карлсбад. С предстоящим на днях курьером буду писать более и о делах, а теперь позвольте только повторить Вам о глубочайшем почитании и таковой же преданности, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Июня 30 / Июля 12 1837

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 7/17 июля 1837 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 330—332. — [Т. XII].

27

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Июня 30 / Июля 12 в письме, отправленном по почте, я имел честь уведомить Вас о приезде в Вену Черногорского Архиепископа Негоша. Возвращение его из России с чрезвычайным успехом было для нас новостью неожиданною. К великодушию и щедротам Государя привыкнуть невозможно: они всегда превосходят все ожидания.

Владыко рассказал мне подробно пребывание свое во Пскове и аудиенцию, которой был удостоен Его Величеством в Петербурге; и вместе с тем сообщил мне, что вследствие Высочайшей воли дана будет мне инструкция и повеление сопутствовать ему в Черную Гору. Он показал мне также отношение к нему Управляющего Министерством иностранных дел57, в котором я увидел чрезвычайно лестные обо мне отзывы и сущность предназначенного мне поручения. Оно столь важно, что я не могу не передать Вашему Превосходительству для ограждения себя, некоторых замечаний.

Приезд Черногорского Архиепископа в Вену прошедшею зимою наделал здесь чрезвычайно много шуму и подал повод к разным толкам о Черногории и ее отношениях к Турции. Сам Владыко послал в Аугсбургскую газету (Allgumhine Zeitung) напечатать статью, в которой заключал фирман, или гатишериф58, Солимана II59, подтверждающий будто бы независимость Монтенегро от Турции. Вслед за напечатанием этой статьи, князь Меттерних приказал в той же газете поместить статью, в которой приведенный Владыкой гатишериф объявлен ложным и выдуманным. Следовательно, Его Светлость опровергал всякую мысль о независимости Монтенегро.

Граф К. В. Нессельроде

Архиепископ в бытность свою в Вене зимою у Турецкого посла не был.

Теперь возвратился он из Петербурга с полным успехом. Государь Император пожаловал по 80 т(ысяч) р(ублей) асс(игнациями) ежегодно для поддержания Черногорского народа. Польза же народа, по намерениям Владыки и по стечению дел в этой стране, нераздельна с поддержанием реформы и существующего там ныне правительства. Сверх денежного пособия, Государю Императору благоугодно было повелеть отправить в Черную Гору чиновника, который мог бы быть полезен своею опытностью (так сказано в отношении Упр(авляющего) Мин(истерством) Иностр(анных) Дел к Владыке). Можно безошибочно сказать, что щедрая помощь Императора и командирование русского чиновника в Черную Гору, как в мнении Владыки, так и Черногорском народе, подтвердил сильным образом давнишнюю мысль о независимости Монтенегро, — мысль,

которую Австрийский кабинет опровергал так явно.

Нельзя также быть уверенным, чтобы столь благодетельное внимание Государя к Черногорцам не сделало ощутительного впечатления на соседственных им единоверцев в Албании, Герцеговине и Далмации.

Сожалею, что не могу писать подробнее, ибо не имею еще инструкции, по которой расположу свои действия, но считаю необходимым, для себя собственно, предупредить Ваше Превосходительство, что это поручение, само собою, по существу своему, и от известной преданности Черногорцев к России, может произвести некоторую огласку, которая, быть может, отзовется впоследствии в великом вопросе о Славянах... Здесь я могу напомнить Вашему Превосходительству мое письмо от 18/30 Июня, где я сообщал Вам о намерении Уркварта посетить Черную Гору в конце нынешнего года.

Впрочем, понимая очень ясно предстоящее мне дело, я смею уверить Вас, что исполню без ошибок все, что от меня будет зависеть и постараюсь ввести в должный ход порывы

Черногорского Владыки, который во многих случаях еще следует философией юности. Он желает отправиться из Вены вместе со мною, но видя, что доставление ко мне инструкции замедлилось, едет завтрашний день в Триэст, где и будет ожидать моего приезда.

Сегодня Владыко был с Князем Горчаковым у турецкого посла, который был очень доволен этим посещением и обещал писать в Константинополь на счет поддержания спокойствия на границах Черной Горы.

Ожидая предписания о своей поездке, я поручаю себя благосклонности Вашей, и с чувствами глубочайшей преданности и истинного почитания имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 7/17 Июля 1837

Горчаков А. М. Письмо Озерецковскому Я. Н., 23 июля/3 августа 1837 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 334—336. — Из содерж: Родофиникин К. К. Письмо Его Высокопревосходительству Г-ну Послу Д. П. Татищеву, 11 июня 1837 г. С. Петербург: (Копия). — С. 334—336. — [Т. XII].

30

А. М. Горчаков — Я. Н. Озерецковскому

Министерство Иностранных дел Императорское Российское Посольство в Вене

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Во исполнение Высочайшей воли Государя Императора имею честь препроводить к Вам, Милостивый Государь, копию с отношения Г-на Действительного Тайного Советника Родофиникина к Г-ну Послу Д. П. Татищеву от 11 Июня с. г. под № 1558 о черногорских делах с тем, чтобы она служила Вам инструкциею при исполнении возложенного на Вас поручения.

Вместе с тем поставляю себе долгом доставить Вам приложенный у сего вексель в 11631 гульд(ен) достоинство 26660 руб. 66 к(оп.), Всемилостивейше назначенных в пособие Черногорскому народу. О получении сего векселя благоволите меня уведомить.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подлинное подписал К(нязь) Горчаков

№ 248. Июля 23 / Августа 3 дня 1837 года

Копия:

Его Высокопревосходительство К. К. Родофиникин к Его Высокопревосходительству Г-ну Послу Д. П. Татищеву

Дела народа Черногорского известны Вашему Высокопревосходительству издавна, как равно участие наше в оных, ограничивавшееся всегда, во-первых: на благих советах избегать всякие раздоры с соседями и междоусобные распри; во-вторых, на денежных пособиях для сего народа, претерпевающего часто нужду в продовольствии знатного числа бедных. Известно также Вам, Милостивый Государь, все относящееся до приезда в Вену и до отъезда нынешнего Черногорского Архиепископа Петра Негоша.

По прибытии сего Владыки в С. Петербург, я имел счастие с Высочайшего разрешения представлять его Государю Императору; при сем представлении Его Величеством сделаны Петру Негошу самые строгие, но с отеческой милостью произнесенные, ясные и понятные для всякого ума замечания касательно его поведения, а наипаче желания, которое он имел, проехать из Вены в Париж и Лондон, где бы без сомнения сделался бы слепым орудием врагов общего спокойствия. Сколько ни праведно было неудовольствие противу Правителя Черногории, нельзя было однакоже не обратить внимание на донесение Вице-Консула Гагича, который по предписанию Министерства ездил в Черную Гору для исследования на месте положения народа и сделанных на Архиепископа наветов. Из донесения его явствует, что сии последние не во всех частях основательны, что народ действительно претерпевает большую нужду, но имеет доверие к своему Владыке, и что если в иных случаях поведение Преосвященного Негоша не вполне соответствовало достоинству сана, коим он облечен, то это приписать было можно молодости и неопытного его, нежели закоренелым порокам.

Основываясь на сем донесении и принимая в соображение, что Архиепископ Негош более чем кто-либо другой может при настоящих обстоятельствах управлять народом Черногорским, во-1-х, как назначенный по завещанию дяди своего, во-2-х, как действительно имеющий в виду благо своего народа и в-3-х, как человек с природным умом, доступный просвещению, Государю Императору благоугодно было явить новый опыт Всемилостивейшего благоволения к черногорскому народу, высочайше повелев послать оному временное пособие, но для наблюдения, чтобы сие пособие, назначенное от щедрот Августейшего нашего Монарха, было действительно употреблено на необходимое ныне обеспечение беднейших из Черногорцев и на внутреннее благоустройство народа, Его Величеству угодно, чтобы находящийся в Вене подполковник Озерецковский сопутствовал Преосвященному Негошу в Черногорию и оставался там до дальнейшего об нем распоряжения. Обязанность его будет состоять в том, чтобы иметь надзор над действиями Архиепископа, делать ему внушения к приличному благочестию, подавать советы касательно внутреннего благоустройства народа, отклонять от всяких неприязненных действий противу турок и строго наблюдать, дабы сказанное Всемилостивейшее пособие именно было употреблено на тот предмет, на который оно предназначено. Вместе с тем подполковник Озерецковский воспользуется пребыванием своим в Черной Горе, чтобы собрать подробнейшие и положительные сведения о сей стране, доселе во всех отношениях малоизвестной. Сведения сии тем более важны, что они покажут, какие Черногория имеет собственные средства, остающиеся пока без внимания и на какие предметы преимущественно должны быть обращены усилия Владыки.

Усердие к пользам службы и испытанное благоразумие подполковника Озерецковского, лично уже знакомого с Преосвященным Негошем, были причиною, по которой он удостоен Государем Императором избрания для своего поручения. А потому мы уверены, что он приложит все свое

старание, дабы оправдать в полной мере лестный выбор Его Величества и обратить на себя Монаршее благоволение Государя Императора.

Изложив таким образом цель и меру участия, принимаемого Императорским двором в положении Черногории, я, в исполнение Высочайшего повеления, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство снабдить г-на Озерецковского, на основании сего, надлежащею инструкциею, вручить ему достоинство отправленных уже к Вам векселей на 26.666 руб. 66 коп., назначенных в пособие черногорскому народу, и предписать ему следовать в Черногорию вместе с Преосвященным Негошем, который в непродолжительном времени прибудет отсюда в Вену. Наконец, остается мне просить Вас, Милостивый Государь, на проезд г-ну Озерецковскому выдать ему по усмотрению Вашему нужную сумму, которую приказать поставить на счет чрезвычайных издержек Посольства.

Примите...

С. Петербург 11-го Июня 1837 г. № 1558

С подлинным верно:

Младший Секретарь Посольства коллежский советник Кивноколовной

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 23 июля/4 августа 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 332—333. — [Т. XII].

28

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Совсем неожиданно для меня отправляется от нас из Вены г-н Струве60 в Карлсбад, завтра, очень рано. Мне остается один час, написать к Вашему Превосходительству наскоро ответ на драгоценное для меня письмо Ваше от 9 Июля.

Признательность моя за хлопоты и участие с Вашей стороны в объяснении моих финансов — безгранична. И сверх того, деньги, доставленные теперь, пришли как нельзя более кстати, ибо завтра я отправляюсь в Черногорию, где, без сомнения, будет довольно непредвиденных расходов. Благодарить же за Ваши строки я верно не сумею: они для меня, конечно, дороже всех золотых рудников.

Вчера князь Горчаков вручил мне копию с отношения Его Высокопревосходительства К. К. Родофиникина к нашему послу. Она мне будет служить инструкцией для поручения, Высочайше на меня возложенного. Дело, которое предстоит мне, очень важно, и не без больших трудов, но, Вашими молитвами, надеюсь успеха и оправдаю доверенность, которой Государь Император изволил меня удостоить.

Известие о совершенном выздоровлении Его Сиятельства графа Александра Христофоровича, сообщенное мне Вами, принимаю я за доброе предзнаменование на мою Черногорскую поездку, ибо чем иным можно порадовать на пути меня, как не новостью о здоровьи и счастии моих начальников, в которых соединены для меня все благодетели!

Как инструкция сообщена мне от имени Посла, то я полагаю себя обязанным все донесения мои из Черногории писать на имя Его Высокопревосходительства, для представления оных Его Сиятельству графу Нессельроде. Но в то же время я буду иметь честь доставлять дубликаты Вашему Превосходительству для сведения графа Александра Христофоровича.

Сегодня же за № 50, рапортом к Его Превосходительству Леонтию Васильевичу доношу я об

отправлении моем в Триэст и Черногорию, что же касается до инструкции, данной мне послом, то оная, как я сказал здесь выше, состоит из копии отношения к послу Д(ействительного) Т(айного) С(оветника) Родофиникина, от 11 Июня за № 1558. Краткость времени лишает меня всякой возможности списать с оной копию, чтобы отправить к Вам с курьером, и потому прошу не приписать мне того в вину. Впрочем, все черногорское дело уже Вам известно и все действия мои будут также; я поведу их тихо и осторожно.

В заключение моего письма позвольте еще раз повторить признательность за драгоценное письмо Ваше и драгоценностью заплатить за оное; в прилагаемой у сего посылочке препровождаю я к Вашему Превосходительству бюст Государя Императора, о котором я уже писал в предыдущем моем письме.

Отдамся дни через четыре Адриатическим волнам с тою же уверенностию, с которою предаю я себя расположению и, на вечные времена, воле Вашего Превосходительства.

С глубочайшим почитанием и истинною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою
Яков Озерецковский

Вена, 23 Июля / 4 Августа 1837

Озерецковский Я. Н. Рапорт начальнику Штаба Корпуса Жандармов Господину Генерал-Майору и Кавалеру [Л. В.] Дубельту // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 333—334. — [Т. XII].

29

Рапорт

Начальнику Штаба Корпуса Жандармов

Господину Генерал-Майору и Кавалеру Дубельту

Поверенный в делах Венского посольства князь Горчаков доставил мне 20 Июля / 1 Августа предписание Вашего Превосходительства от 9 минувшего Июня за № 3010, в котором Вы изволили уведомить меня о предстоящей мне командировке в Черногорию, с собственными поручениями Государя Императора. На другой день после того князь Горчаков передал мне копию с отношения Его Высокопревосходительства Д(ействительного) т(айного) с(оветника) Родофиникина к Послу нашему, с тем, чтобы оная служила мне инструкциею для исполнения Высочайше возложенного на меня поручения.

Донося о сем Вашему Превосходительству, имею честь присовокупить, что я отправляюсь завтрешний день (24 Июля / 5 Августа) в Триэст, откуда вместе с Черногорским Владыкой перееду в Черногорию и буду в действиях своих впоследствии доносить посредством Российского Вице-Консула из г. Рагуза61 Его Высокопревосходительству г-ну Послу, в Вену.

Подполковник Озерецковский

№ 50

Вена, 23 Июля / 4 Августа 1837

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 1/13 августа 1837 г. Триэст // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 336. — [Т. XII].

31

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Июля 29 / Августа 10 я приехал в Триэст, нашел здесь Черногорского Владыку, познакомился с нашим Консулом, графом Кассини62, и приступил к приготовлению на дальнейшее путешествие. Парохода иметь нельзя, надобно будет сесть на купеческое судно.

В хлопотах отъезда моего из Вены, встретилось со мною неважное, но очень неприятное обстоятельство, на счет моего старинного камердинера. Полагаю, что Вашему Превосходительству совершенно легко поправить дело одним словом; я решаюсь обратиться с просьбою прямо к Вам и приложить здесь просьбу на имя Его Сиятельства Графа Эссена63.

Дело в том, что С. Петербургский мещанин, Егор Ларионов, находился при мне в услужении, по паспорту Генерал-Губернатора от 23 Мая прошедшего 1836 года за № 2628/502, выданному ему на один год в Германию, с возвратом. Паспорт лежал в полиции в Вене, а безграмотный мой

Ричардо уверял меня от души, что вид имеет на неопределенное время. За день до отъезда я увидел ошибку, но тогда уже мой паспорт в Триэст был готов, со внесением служителя. Таким образом, я решился взять его с собою, ибо знаю его верность и усердие уже давно, а между тем предпринял написать Генерал-Губернатору прилагаемое прошение, которое исполнить тем более легко, что Егор Ларионов имеет пять лет льгот от податей и под 50 лет от роду. И так, просьба моя к Вам состоит в том, чтобы делу этому, говоря технически, дать надлежащий ход и потом не оставить меня присылкою нового паспорта в Вену, откуда я, получив новый паспорт, немедленно возвращу старый для уничтожения.

О приезде моем в Триэст я пишу несколько слов князю Горчакову, впрочем, ничего еще дельного писать не имею и притом торопиться нельзя. Дни через четыре или пять я оставлю Триэст, а там будет зависеть от ветра. Здесь жар убийственный и днем, и ночью; это похоже на Персию. Город очень хорош, построен правильно и кипит торговлей. Виды Триэста очень красивы, я буду иметь честь впоследствии представить Вам оные. Привычка к путешествиям во мне слишком сильна, приведет ли Бог увидеть снова Россию! Странно, надо мною небо Италии, а я смотрю к северу, я совсем русской.

Позвольте в сотый раз просить Вас принять уверения в моей неизменной преданности и глубочайшем почитании, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Триэст, Августа 1/13 1837

Негош П. Письмо Озерецковскому Я. Н., 16 августа 1837 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 360. — [Т. XII].

1

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Доставленная Вами сумма, Всемилостивейше пожалованная мне Государем Императором на пользу Черногорского народа 11.631 флоринов 2 крейцера, равняющихся 26.666 руб., а за вычетом 58 ру(блей) 9 к(опеек) за перевод в Триест из Вены всего 11.572 флоринов 53 крейцера мною получены.

С истинным почитанием имею честь быть Милостивого Государя Вашим покорнейшим слугою

Владыка Черногорский Петр Петрович Негош

16 дня месяца Августа 1837 года, Цетине

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 12/24 августа 1837 г. Катаро // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 337. — [Т. XII].

32

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В середу 11/23 Августа я благополучно покончил плавание и теперь имею счастие писать к Вам из Катаро64, от подножия скал Черногории. Путешествие чрезвычайно любопытное и, кажется, чем более углублюся я в эти огромные горы, тем более найду нового и странного, судя по их началу.

Черногорский Владыко встречен был здесь множеством своих горцев с удивительной радостию. Они не могут, кажется, на него насмотреться, и толпятся у его дома.

На полпути от Триэста до Катаро мы заходили в Зару65, чтобы сделать, по обещанию Владыки, визит Далматинскому Генерал-Губернатору графу Лилиенбергу. Граф был весьма обрадован посещением Высокопреосвященного и сделал мне о нем самые похвальные отзывы. Несмотря на его просьбы графа остаться на день и более в Заре, мы пробыли у Его Сиятельства только час и поплыли далее. Проходя мимо Рагузы, я был у нашего вице-консула Гагича, говорил с ним, но, как мне кажется, Черногория известна ему столько же, как мне, не более. Это мне показалось странным.

Некоторые из пришедших в Катаро Черногорцев рассказывали, будто бы дней 7 тому назад турки напали на маленькое черногорское укрепление, близь озера Скутари, что один Черногорец ранен и убито два или три турка. Впрочем, это сведение я передаю Вашему Превосходительству совсем частным образом, ибо дело еще не ясно и не хорошо известно, даже и Владыке. Все я узнаю и соберу на месте, где труда мне будет довольно.

Слышал я другой случай, который был также на днях в Цетине, главном местечке Черногории, или близь оного. Семейство делило жито. Сын заспорил против отца, — отец убил его наповал пистолетным выстрелом. Говорят, однако, будто это случилось нечаянно, и что отец хотел только пострашать сына.

О моем приезде в Катаро и обо всем вышесказанном вместе с этим письмом пишу я вкратце Поверенному в делах в Вене, князю Горчакову.

Позвольте спросить Вас когда-нибудь напомнить обо мне графу Александру Христофоровичу и передать ему мое глубочайшее почитание, а также засвидетельствовать оное Его Превосходительству Леонтию Васильевичу.

Я намерен писать много, но не прежде, как увижу, что мой портфель разбогател, иначе написал бы много и ничего. Избави Боже.

Весьма счел себя обязанным, если б когда-нибудь, при свидании с графом Нессельроде, Ваше Превосходительство в нескольких словах подтвердили Его Сиятельству лестное мнение, которое известно обо мне, в отношении Министерства, к послу нашему в Вене. Уверенность, что ко мне имеют полную доверенность, облегчит меня во всех делах, о которых можно будет судить после окончания.

Впрочем, полагаясь вполне на Ваше благосклонное расположение ко мне, я надеюсь на успех и

Впрочем, полагаясь вполне на Ваше благосклонное расположение ко мне, я надеюсь на успех и перенесу с собою за моря и за горы чувства неизменной преданности и глубочайшего почитания, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Катаро, Августа 12/24 1837

Негош П. Письмо Осман Паше Везиру Албанскому, 25 августа 1837 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 343—344. — [Т. XII].

№ 67. Копия

Петр Петрович, Владыка Черногорский и Бердский Осман Паше Везиру Албанскому Здравия желает!

Вам уже известно, что я недавно был в России, и во время моего пребывания в С. Петербурге имел счастие быть представлен Его Императорскому Величеству. Государь Император советовал мне, чтобы мы, Черногорцы и Бердяне72, жили в мире и хорошем согласии с нашими соседями, как с Австрийскими, так и с Турецкими подданными.

Приехав в Вену из С. Петербурга, я был также у Его Превосходительства Министра Блистательной Оттоманской Порты, Ферик Паши, которому рассказал, в каких обстоятельствах находится Черногория с смежными нам турками. Ферик Паша обещался мне, что он непременно и в скором времени донесет о том Его Величеству Султану Махмуду73, и уверил меня, что мы в скором времени со стороны Турции так спокойствием наслаждаться будем, как теперь наслаждаемся со стороны Австрии.

Желая свято следовать советам Всероссийского Императора, а равно надеясь на обещания Ферик Паши, я обращаюсь к Вам, как к Албанскому начальнику, Черногории смежному, прося Вас покорно, чтобы Вы, для пользы одной и другой стороны, дали повеление жителям Албанским, нам смежным, не нападать и не беспокоить Черногорцев и Бердян, которым я уже приказал, чтобы они не нарушали мира и спокойствия турок, и верно со стороны нашей турки наслаждаться будут совершенным миром, естьли же паче чаяния моего кто-нибудь из Черногорцев и Бердянов и малейшее неудовольствие причинит Турецкому подданному, то непременно будет жестоко казнен. Есть ли Вы так же начнете поступать, как я теперь предпринял, то наши народы наслаждаться будут миром и тишиною. Земля, теперь невозделанная, принесет им изобильный плод, торговля, без которой все народы остаются в бедствии, процветет, и в кратчайшее время и Вы, и Мы увидим великую пользу от взаимного мира и спокойствия. Об сем предмете я писал и к Везиру Герцеговинскому, изъявляя ему, как и Вам, мое желание жить в мире со всеми Турецкими подданными и надеясь и от Вас и от него скоро получить удовлетворительные моему желанию ответы.

Цетине, 25 Августа 1837 года

С подлинным верно Архимандрит Петроний Луянович

Озерецковский Я. Н. Письмо Бенкендорфу А. Х., 1/13 сентября 1837 г. Цетине, в Черногории // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 338. — [Т. XII].

33

Милостивый Государь Граф Александр Христофорович!

Представляя при сем копию с записки моей, отправленной мною сего же числа к Его Высокопревосходительству Дмитрей Павловичу Татищеву, я принимаю смелость беспокоить Ваше Сиятельство из дальней стороны несколькими строками.

Поручение, Высочайше на меня возложенное, дало мне случай увидеть край любопытный и познакомиться с народом, далеким от России, но преданным ей до чрезвычайной степени.

Месяца в два я соберу в Черногории во всех отношениях верные сведения и тогда дальнейшее пребывание мое здесь оставит мне одно только бездействие, особенно когда в зимние месяцы снега заморозят проходы в горах и все сообщения прекратятся.

Я полагаю, что могу тогда возвратиться в Вену, чтобы передать Послу нашему лично дальнейшие замечания о Черногории и с тем вместе сообщить словесно некоторые сведения, которые кажутся мне очень важными и стоющими внимания Правительства. Об этом я пишу к Его Превосходительству и буду ожидать разрешения.

Можно сказать, неограниченная преданность Черногорцев и любовь к России заставляют меня представить на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства мою записку, в которой я упоминаю о некоторых местах и надобностях этого народа.

Каждая помощь, которую Государь Император соизволит оказать Черногории, есть в прямом смысле помощь человечеству. Она извлечет этот народ из невежества, в котором он коснеет, составит его счастие и прибавит новый луч к славе нашего Великого Государя.

Поручая себя Благосклонности Вашей, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

1/13 Сентября 1837, Цетине, в Черногории

Негош П. Письмо Озерецковскому Я. Н., 16 августа 1837 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 360. — [Т. XII].

1

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Доставленная Вами сумма, Всемилостивейше пожалованная мне Государем Императором на пользу Черногорского народа 11.631 флоринов 2 крейцера, равняющихся 26.666 руб., а за вычетом 58 ру(блей) 9 к(опеек) за перевод в Триест из Вены всего 11.572 флоринов 53 крейцера мною получены.

С истинным почитанием имею честь быть Милостивого Государя Вашим покорнейшим слугою

Владыка Черногорский

Петр Петрович Негош

16 дня месяца Августа 1837 года, Цетине

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 12/24 августа 1837 г. Катаро // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.:

Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 337. — [Т. XII].

32

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В середу 11/23 Августа я благополучно покончил плавание и теперь имею счастие писать к Вам из Катаро64, от подножия скал Черногории. Путешествие чрезвычайно любопытное и, кажется, чем более углублюся я в эти огромные горы, тем более найду нового и странного, судя по их началу.

Черногорский Владыко встречен был здесь множеством своих горцев с удивительной радостию. Они не могут, кажется, на него насмотреться, и толпятся у его дома.

На полпути от Триэста до Катаро мы заходили в Зару65, чтобы сделать, по обещанию Владыки, визит Далматинскому Генерал-Губернатору графу Лилиенбергу. Граф был весьма обрадован посещением Высокопреосвященного и сделал мне о нем самые похвальные отзывы. Несмотря на

его просьбы графа остаться на день и более в Заре, мы пробыли у Его Сиятельства только час и поплыли далее. Проходя мимо Рагузы, я был у нашего вице-консула Гагича, говорил с ним, но, как мне кажется, Черногория известна ему столько же, как мне, не более. Это мне показалось странным.

Некоторые из пришедших в Катаро Черногорцев рассказывали, будто бы дней 7 тому назад турки напали на маленькое черногорское укрепление, близь озера Скутари, что один Черногорец ранен и убито два или три турка. Впрочем, это сведение я передаю Вашему Превосходительству совсем частным образом, ибо дело еще не ясно и не хорошо известно, даже и Владыке. Все я узнаю и соберу на месте, где труда мне будет довольно.

Слышал я другой случай, который был также на днях в Цетине, главном местечке Черногории, или близь оного. Семейство делило жито. Сын заспорил против отца, — отец убил его наповал пистолетным выстрелом. Говорят, однако, будто это случилось нечаянно, и что отец хотел только постращать сына.

О моем приезде в Катаро и обо всем вышесказанном вместе с этим письмом пишу я вкратце Поверенному в делах в Вене, князю Горчакову.

Позвольте спросить Вас когда-нибудь напомнить обо мне графу Александру Христофоровичу и передать ему мое глубочайшее почитание, а также засвидетельствовать оное Его Превосходительству Леонтию Васильевичу.

Я намерен писать много, но не прежде, как увижу, что мой портфель разбогател, иначе написал бы много и ничего. Избави Боже.

Весьма счел себя обязанным, если б когда-нибудь, при свидании с графом Нессельроде, Ваше Превосходительство в нескольких словах подтвердили Его Сиятельству лестное мнение, которое известно обо мне, в отношении Министерства, к послу нашему в Вене. Уверенность, что ко мне имеют полную доверенность, облегчит меня во всех делах, о которых можно будет судить после окончания.

Впрочем, полагаясь вполне на Ваше благосклонное расположение ко мне, я надеюсь на успех и перенесу с собою за моря и за горы чувства неизменной преданности и глубочайшего почитания, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Катаро, Августа 12/24 1837

Негош П. Письмо Осман Паше Везиру Албанскому, 25 августа 1837 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 343—344. — [Т. XII].

№ 67. Копия

Петр Петрович, Владыка Черногорский и Бердский Осман Паше Везиру Албанскому Здравия желает!

Вам уже известно, что я недавно был в России, и во время моего пребывания в С. Петербурге имел счастие быть представлен Его Императорскому Величеству. Государь Император советовал мне, чтобы мы, Черногорцы и Бердяне72, жили в мире и хорошем согласии с нашими соседями, как с Австрийскими, так и с Турецкими подданными.

Приехав в Вену из С. Петербурга, я был также у Его Превосходительства Министра Блистательной Оттоманской Порты, Ферик Паши, которому рассказал, в каких обстоятельствах находится Черногория с смежными нам турками. Ферик Паша обещался мне, что он непременно и в скором времени донесет о том Его Величеству Султану Махмуду73, и уверил меня, что мы в скором времени со стороны Турции так спокойствием наслаждаться будем, как теперь наслаждаемся со стороны Австрии.

Желая свято следовать советам Всероссийского Императора, а равно надеясь на обещания Ферик Паши, я обращаюсь к Вам, как к Албанскому начальнику, Черногории смежному, прося Вас покорно, чтобы Вы, для пользы одной и другой стороны, дали повеление жителям Албанским, нам смежным, не нападать и не беспокоить Черногорцев и Бердян, которым я уже приказал, чтобы они не нарушали мира и спокойствия турок, и верно со стороны нашей турки наслаждаться будут совершенным миром, естьли же паче чаяния моего кто-нибудь из Черногорцев и Бердянов и малейшее неудовольствие причинит Турецкому подданному, то непременно будет жестоко казнен. Есть ли Вы так же начнете поступать, как я теперь предпринял, то наши народы наслаждаться будут миром и тишиною. Земля, теперь невозделанная, принесет им изобильный плод, торговля, без которой все народы остаются в бедствии, процветет, и в кратчайшее время и Вы, и Мы увидим великую пользу от взаимного мира и спокойствия. Об сем предмете я писал и к Везиру Герцеговинскому, изъявляя ему, как и Вам, мое желание жить в мире со всеми Турецкими подданными и надеясь и от Вас и от него скоро получить удовлетворительные моему желанию ответы.

Цетине, 25 Августа 1837 года

С подлинным верно Архимандрит Петроний Луянович

Озерецковский Я. Н. Письмо Бенкендорфу А. Х., 1/13 сентября 1837 г. Цетине, в Черногории // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 338. — [Т. XII].

33

Милостивый Государь Граф Александр Христофорович!

Представляя при сем копию с записки моей, отправленной мною сего же числа к Его Высокопревосходительству Дмитрей Павловичу Татищеву, я принимаю смелость беспокоить Ваше Сиятельство из дальней стороны несколькими строками.

Поручение, Высочайше на меня возложенное, дало мне случай увидеть край любопытный и познакомиться с народом, далеким от России, на пределах [illegible]

познакомиться с народом, далеким от России, но преданным ей до чрезвычайной степени.

Месяца в два я соберу в Черногории во всех отношениях верные сведения и тогда дальнейшее пребывание мое здесь оставит мне одно только бездействие, особенно когда в зимние месяцы снега заморозят проходы в горах и все сообщения прекратятся.

Я полагаю, что могу тогда возвратиться в Вену, чтобы передать Послу нашему лично дальнейшие замечания о Черногории и с тем вместе сообщить словесно некоторые сведения, которые кажутся мне очень важными и стоющими внимания Правительства. Об этом я пишу к Его Превосходительству и буду ожидать разрешения.

Можно сказать, неограниченная преданность Черногорцев и любовь к России заставляют меня представить на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства мою записку, в которой я упоминаю о некоторых местах и надобностях этого народа.

Каждая помощь, которую Государь Император соизволит оказать Черногории, есть в прямом смысле помощь человечеству. Она извлечет этот народ из невежества, в котором он коснеет,

составит его счастие и прибавит новый луч к славе нашего Великого Государя.

Поручая себя Благосклонности Вашей, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

1/13 Сентября 1837, Цетине, в Черногории

Негош П. Письмо Озерецковскому Я. Н., 16 августа 1837 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 360. — [Т. XII].

1

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Доставленная Вами сумма, Всемилостивейше пожалованная мне Государем Императором на пользу Черногорского народа 11.631 флоринов 2 крейцера, равняющихся 26.666 руб., а за вычетом 58 ру(блей) 9 к(опеек) за перевод в Триест из Вены всего 11.572 флоринов 53 крейцера мною получены.

С истинным почитанием имею честь быть Милостивого Государя Вашим покорнейшим слугою

Владыка Черногорский

Петр Петрович Негош

16 дня месяца Августа 1837 года, Цетине

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 12/24 августа 1837 г. Катаро // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 337. — [Т. XII].

32

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В середу 11/23 Августа я благополучно покончил плавание и теперь имею счастие писать к Вам из Катаро64, от подножия скал Черногории. Путешествие чрезвычайно любопытное и, кажется, чем более углублюся я в эти огромные горы, тем более найду нового и странного, судя по их началу.

Черногорский Владыко встречен был здесь множеством своих горцев с удивительной радостию. Они не могут, кажется, на него насмотреться, и толпятся у его дома.

На полпути от Триэста до Катаро мы заходили в Зару65, чтобы сделать, по обещанию Владыки, визит Далматинскому Генерал-Губернатору графу Лилиенбергу. Граф был весьма обрадован посещением Высокопреосвященного и сделал мне о нем самые похвальные отзывы. Несмотря на его просьбы графа остаться на день и более в Заре, мы пробыли у Его Сиятельства только час и поплыли далее. Проходя мимо Рагузы, я был у нашего вице-консула Гагича, говорил с ним, но, как мне кажется, Черногория известна ему столько же, как мне, не более. Это мне показалось странным.

Некоторые из пришедших в Катаро Черногорцев рассказывали, будто бы дней 7 тому назад

турки напали на маленькое черногорское укрепление, близь озера Скутари, что один Черногорец ранен и убито два или три турка. Впрочем, это сведение я передаю Вашему Превосходительству совсем частным образом, ибо дело еще не ясно и не хорошо известно, даже и Владыке. Все я узнаю и соберу на месте, где труда мне будет довольно.

Слышал я другой случай, который был также на днях в Цетине, главном местечке Черногории, или близь оного. Семейство делило жито. Сын заспорил против отца, — отец убил его наповал пистолетным выстрелом. Говорят, однако, будто это случилось нечаянно, и что отец хотел только постращать сына.

О моем приезде в Катаро и обо всем вышесказанном вместе с этим письмом пишу я вкратце Поверенному в делах в Вене, князю Горчакову.

Позвольте спросить Вас когда-нибудь напомнить обо мне графу Александру Христофоровичу и передать ему мое глубочайшее почитание, а также засвидетельствовать оное Его Превосходительству Леонтию Васильевичу.

Я намерен писать много, но не прежде, как увижу, что мой портфель разбогател, иначе написал бы много и ничего. Избави Боже.

Весьма счел себя обязанным, если б когда-нибудь, при свидании с графом Нессельроде, Ваше Превосходительство в нескольких словах подтвердили Его Сиятельству лестное мнение, которое известно обо мне, в отношении Министерства, к послу нашему в Вене. Уверенность, что ко мне имеют полную доверенность, облегчит меня во всех делах, о которых можно будет судить после окончания.

Впрочем, полагаясь вполне на Ваше благосклонное расположение ко мне, я надеюсь на успех и перенесу с собою за моря и за горы чувства неизменной преданности и глубочайшего почитания, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Катаро, Августа 12/24 1837

Негош П. Письмо Осман Паше Везиру Албанскому, 25 августа 1837 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 343—344. — [Т. XII].

№ 67. Копия

Петр Петрович, Владыка Черногорский и Бердский Осман Паше Везиру Албанскому Здравия желает!

Вам уже известно, что я недавно был в России, и во время моего пребывания в С. Петербурге имел счастие быть представлен Его Императорскому Величеству. Государь Император советовал мне, чтобы мы, Черногорцы и Бердяне72, жили в мире и хорошем согласии с нашими соседями, как с Австрийскими, так и с Турецкими подданными.

Приехав в Вену из С. Петербурга, я был также у Его Превосходительства Министра Блистательной Оттоманской Порты, Ферик Паши, которому рассказал, в каких обстоятельствах находится Черногория с смежными нам турками. Ферик Паша обещался мне, что он непременно и в скором времени донесет о том Его Величеству Султану Махмуду73, и уверил меня, что мы в скором времени со стороны Турции так спокойствием наслаждаться будем, как теперь наслаждаемся со стороны Австрии.

Желая свято следовать советам Всероссийского Императора, а равно надеясь на обещания Ферик Паши, я обращаюсь к Вам, как к Албанскому начальнику, Черногории смежному, прося Вас покорно, чтобы Вы, для пользы одной и другой стороны, дали повеление жителям Албанским, нам смежным, не нападать и не беспокоить Черногорцев и Бердян, которым я уже приказал, чтобы они не нарушали мира и спокойствия турок, и верно со стороны нашей турки наслаждаться будут совершенным миром, естьли же паче чаяния моего кто-нибудь из Черногорцев и Бердянов и малейшее неудовольствие причинит Турецкому подданному, то непременно будет жестоко казнен. Есть ли Вы так же начнете поступать, как я теперь предпринял, то наши народы наслаждаться будут миром и тишиною. Земля, теперь невозделанная, принесет им изобильный плод, торговля, без которой все народы остаются в бедствии, процветет, и в кратчайшее время и Вы, и Мы увидим великую пользу от взаимного мира и спокойствия. Об сем предмете я писал и к Везиру Герцеговинскому, изъявляя ему, как и Вам, мое желание жить в мире со всеми Турецкими подданными и надеясь и от Вас и от него скоро получить удовлетворительные моему желанию ответы.

Цетине, 25 Августа 1837 года

С подлинным верно Архимандрит Петроний Луянович

Озерецковский Я. Н. Письмо Бенкендорфу А. Х., 1/13 сентября 1837 г. Цетине, в Черногории // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 338. — [Т. XII].

33

Милостивый Государь Граф Александр Христофорович!

Представляя при сем копию с записки моей, отправленной мною сего же числа к Его Высокопревосходительству Дмитрей Павловичу Татищеву, я принимаю смелость беспокоить Ваше Сиятельство из дальней стороны несколькими строками.

Поручение, Высочайше на меня возложенное, дало мне случай увидеть край любопытный и познакомиться с народом, далеким от России, но преданным ей до чрезвычайной степени.

Месяца в два я соберу в Черногории во всех отношениях верные сведения и тогда дальнейшее пребывание мое здесь оставит мне одно только бездействие, особенно когда в зимние месяцы снега заморозят проходы в горах и все сообщения прекратятся.

Я полагаю, что могу тогда возвратиться в Вену, чтобы передать Послу нашему лично дальнейшие замечания о Черногории и с тем вместе сообщить словесно некоторые сведения, которые кажутся мне очень важными и стоющими внимания Правительства. Об этом я пишу к Его Превосходительству и буду ожидать разрешения.

Можно сказать, неограниченная преданность Черногорцев и любовь к России заставляют меня представить на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства мою записку, в которой я упоминаю о некоторых местах и надобностях этого народа.

Каждая помощь, которую Государь Император соизволит оказать Черногории, есть в прямом смысле помощь человечеству. Она извлечет этот народ из невежества, в котором он коснеет, составит его счастие и прибавит новый луч к славе нашего Великого Государя.

Поручая себя Благосклонности Вашей, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский
1/13 Сентября 1837, Цетине, в Черногории

Озерецковский Я. Н. Служебная записка Чрезвычайному и полномочному Российскому послу при Венском дворе, Господину... [Д. П.] Татищеву, 1/13 сентября 1837 г. Цетине, в Черногории: (Копия) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 338—343. — [Т. XII].

Копия:

(Служебная записка)

Чрезвычайному и полномочному Российскому послу при Венском дворе,
Господину Действительному Тайному Советнику,
всех Российских и разных иностранных орденов кавалеру Татищеву

Получив Высочайшее повеление отправиться в Черногорию, я выехал из Вены 25 Июля / 6 Августа в Триэст, откуда вместе с Архиепископом Черногорским Петром Негошем отплыл в Катаро, куда и прибыли мы 11/23 Августа.

На полпути заходили в главный порт Далмации, Зару, где я был вместе с Владыкою у Генерал-Губернатора, графа Лилиенберга.

Граф говорил со мною наедине и в необыкновенно лестных выражениях отзывался о хороших качествах Владыки, которого считает он своим другом.

Как по сие время границы Черногории со стороны Австрийской Албании и Бокке ди Катаро не были обозначены положительно, то Австрийское правительство предприняло исполнить это разделение теперь, для чего уже прибыли в крепость Катаро несколько инженеров.

Граф Лилиенберг надеется, что от Черногорцев не встретит к тому препятствий, а Владыко со своей стороны дает слово содействовать со всею справедливостью к успешному окончанию дела.

Прибыв в Катаро, я познакомился с комендантом крепости, с окружным начальником и многими другими лицами. Со всех сторон я услышал одни только похвальные отзывы о Владыке; все, как будто по условию, относятся с отличною похвалою о его уме, доброте и обходительности.

Черногорцы, узнав о нашем приезде, спешили толпами в Катаро изъявить свою радость и преданность Владыке.

преданность Владыке.

На пути от Катаро до Цетине, куда прибыли мы 15/27 Августа, народ из ближайших гор встречал Владыку, по здешнему обыкновению, ружейными выстрелами, и провожал его до самого монастыря.

В Цетине, где имеет пребывание Владыко, я передал Его Высокопреосвященству 26666 руб., Всемилостивейше пожалованные Государем Императором на пользу народа.

Он принял сумму, с повторением чувств глубочайшей признательности и обратил особенное внимание на полезное употребление оной.

Добрые намерения Владыки объясняются мне здесь во всех случаях, а готовность его принимать мои мнения, или советы не представляет мне затруднения к успешному исполнению возложенного на меня поручения, ибо с тех пор, как щедротою Государя Императора Владыко приведен в возможность поддерживать в Черной Горе некоторое устройство, которому прежде, не имея средств, положил он только непрочное основание, — образ действий его сделался очевидно тихим и во всех случаях благоразумным.

Но Черногория, представляя удивительную картину новизны для Европейца, являет с тем вместе и целый ряд надобностей. В течение многих столетий, оспаривая независимость своих скал и гор, она осталась по сие время на той же степени необразованного состояния, на которой устояла одна противу Турции после падения Сербского царства.

Донося о пребывании моем в этой стране, я считаю своею обязанностью упоминать вкратце как о местности, так и о ее надобностях, ибо то и другое неразлучно с делом.

Без сомнения, одна из главнейших надобностей Черногории есть дороги. Их вовсе не существует здесь, ни внутри страны, ни к соседним землям, ни даже к крепости Катаро. Глыбы гор, через которые пробираются Черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать, с камня на камень, позволяет им посещать Катаро, этот единственный пункт, откуда могло бы перейти к ним какое-нибудь понятие о Европейском устройстве, и куда с трудом приносят они на базар связками дрова, шерсть, кожи и пригоняют по несколько штук скота.

Четырех или пяти часов ходьбы налегке достаточно черногорцу, чтобы дойти до Катаро от монастыря Цетине. Но трудность, или лучше сказать, непроходимость гор, преграждает путь оттуда для всякого торговца.

Таким образом, на первом шагу в Черногории является одна из важных причин народных недостатков и необразованности.

Есть возможность по ущельям и скатам гор провести тропинку, удобную для вьюков, а быть может, и для небольших экипажей, но она требует издержек не менее, как на двести тысяч рублей — средство, которого Черногория не имеет.

Следуя смыслу данной мне инструкции, я предложил Владыке установить необходимый порядок и правила для выдачи денег из Всемилостивейше пожалованной ему суммы, избрав для того нарочного казначея.

Он возложил эту должность на бывшего своего секретаря г. Милаковича66, человека весьма основательного и верного, который уже в бытность свою в нынешнем году в С. Петербурге, удостоился, по представлению Владыки, получить орден св. Владимира 4 ст(епени).

Высокопреосвященный с особенной признательностию принял мое предложение на счет утверждения казначейской обязанности, введения шнуровых книг для разных предметов, правил выдачи, расписок и проч. Всю эту часть я устроил без сложности, которая могла бы приводить

их в затруднение, но с достаточной точностью, чтобы Всемилостивейше жалуемые суммы были употребляемы на пользу и с верной отчетностью.

Рассматривая Черногорию подробно и вблизи, нельзя впрочем не видеть двух неоспоримых истин: 1-я, что повторения помощи, оказываемой теперь Черногории, необходимы в течение десяти лет, по крайней мере, и 2-я, что лучшее и полезнейшее употребление оной есть обращение почти всех сумм на устройство прочного правительства, которое могло бы вести народ к повиновению и порядку, чтобы впоследствии Черногория довольствовалась собственными своими средствами.

Святопочивший Петр67, которого мощи почивают в церкви Цетинского монастыря, дядя и предшественник нынешнего Владыки, положил первые к тому основания, написал несколько законов и избрал людей для управления народом, но, не имея денег, и обязанный противустоять сильным тогда нападениям турок, оставил при себе одну только благодетельную мысль или тень правительства.

Народ, привыкший к войне, владел вполне своими древними обычаями: самоуправство

составляло его законы, кровомщение было долгом чести, междоусобная вражда и вооружения одного племени против другого не были укрощаемы.

В таком положении нашел Черногорию нынешний Владыко, и увидел необходимость возобновить план Святопочившего дяди.

С 1830 года он успел, хотя немного, обуздать народ и привести его к мысли о необходимости законов и правительства.

Но денежные средства Владыки скоро иссякли, и если бы благость Государя Императора не поддержала его в полезных намерениях, то Черная Гора, без сомнения, сделалась бы снова театром ужасов и — более нежели когда-нибудь — мятежным соседом Турции...

Важные изменения в закоснелых обычаях народа идут, однако, медленно: зло ослабевает здесь, но все еще, время от времени, вспыхивает в прежнем виде и с прежнею силою.

Священник Белопавицкой нахии68 отец Максим рассказывал мне, как в 1834 году черногорцы застрелили двух его братьев.

Сердарь (глава) нахии Кучка жаловался мне, что Турки в нынешнем году, назад тому не более месяца, убили его любимого зятя.

В 1835 году турки, напав на границу, отрубили 17 черногорских голов, — Черногорцы бросились тогда же на пограничную крепость Жабияк, взяли ее приступом и принесли в отмщение 70 голов турецких.

В нынешнем году, когда Владыко был в Петербурге, пять черногорцев убили одного, который был лично известен Высокопреосвященному и пользовался его милостями. Один из убийц схвачен, остальные бежали в Турцию.

Подобные случаи бывают еще нередко и одна надежда к прекращению оных есть устройство правительства, перед которым народ начинает уже приметно смиряться, опасаясь суда и законов.

Убежденный собственными своими исследованиями, я не могу иначе называть распоряжений, сделанных Владыкою при мне, как благоразумными и ведущими к полезной цели.

Он избрал снова 12 Сенаторов, 30 перяников (воинов), обязанных жить в Цетине для исполнения должности народной полиции и приказаний Сената и, также как и первые, на небольшом

жалованье, до 400 оруженосцев, которые оставаться будут в своих домах, имея по одному главному в каждой нахии, для удерживания народа от междоусобий, кровомщения и нападений на турецкие границы.

Без этого основания силы правительства нет иного способа привести черногорцев в повиновение и заставить их со временем вносить хотя небольшую подать для дальнейших надобностей страны.

Иначе великодушная помощь Государя Императора будет необходима на бесконечное время, будет казаться недостаточною и, расходясь по народу, не оставит и следов пользы.

Собственно нищих, просящих Христа ради, в Черногории не существует. Бедность и недостатки являются по местам в массах и происходят от неурожайных годов, каков был и прошедший 1836-й.

Нынешний же год вознаградит прошлогодний неурожай, ибо теперь рожь, ячмень и кукуруза, которая растет здесь преимущественно, обещают очень хорошую жатву.

Но главное богатство Черногории состоит в рогатом скоте. Нахия Катунская ведет торговлю с Австрийцами скотом и копченым мясом, называемым здесь castradina. Нахия Риечка порождает значительное количество рыбы scoranza.

Вообще народ будет в состоянии вносить подать тем легче, когда правительство увидит себя в возможности помогать заимообразно в голодные года, и когда власть оного утвердится как следует.

Теперь же Черногорец не находит талера, если от него требуют оного как подать, и в то же время найдет червонец, чтобы купить хоть сколько-нибудь патронов пороха!

В нахии Кучке есть место, называемое Златица, где видны развалины бывших зданий. Судя по преданиям, там, во времена владычества Римлян, добывали золото, отчего и место получило название Златицы.

Опытный Геогноз мог бы посетить и рассмотреть Черногорию с большою пользою для науки, а может быть, открыл бы и новую отрасль богатства страны.

С намерением вести Черногорию в устройство, открывается еще одна надобность: построение домов в Цетине, где вовсе нет помещения ни для предполагаемой к учреждению школы, ни для сенаторов.

Цетине есть племя Катунской нахии, занимающее равнину верст около пяти длиною и одной версты шириною. К гребню гор, на равнине в 1724 году Владыко Даниил69 построил монастырь, здания которого несколько увеличены при нынешнем Владыке. Вблизи низкий, покрытый соломою дом, где до сего времени помещались сенаторы, и в стороне пять или шесть каменных изб, построенных торгующими вином и хлебом также после 1830 года, когда сходки народные к монастырю стали делаться чаще.

В этом состоят все здания в местопребывании Владыки.

Он сделал теперь подряд и приготовление для постройки нескольких домиков, в виду монастыря, на равнине Цетинской, в которые охотно переберутся на постоянное жительство избранные им сенаторы, ибо с тем вместе Владыко уступил для каждого частицу принадлежащей ему монастырской земли. С будущей весны он намерен начать здесь постройки и справить дом, занятый теперь сенаторами, для помещения в оном училища, которое теперь распущено.

При порядочном распределении денег, коими может располагать Владыко, и при дешевизне материалов и рабочих людей, это распоряжение может быть исполнено. Оно послужит

основанием к новому устройству и принесет чрезвычайную пользу для всей страны.

Полагают, что число жителей в Черногории простирается до ста тысяч мужеского пола, в числе которых до 20 т(ысяч) оруженосцев. Но это счисление примерное, ибо по сие время не было еще здесь никогда народной переписи, а Священники не имеют даже метрических книг. В скором времени Владыко сделает распоряжение к составлению метрик, по селениям, формальная же ревизия народа представляет затруднения и может породить разные толки и даже беспокойства.

Спустя неделю после прибытия нашего в Цетину, 23 Августа / 3 Сентября, из всех нахий собралось по нескольку человек для поздравления Владыки с возвращением и получения его приказаний.

Он объявил народу в ясных выражениях, что намерен утвердить правительство для прекращения навсегда между ими самоуправства и раздоров, требовал, чтобы народ жил мирно с пограничными турками, объявил, что отступающий от этих приказаний будет строго наказан, и что черногорцы могут тогда только надеяться на благосклонное воззрение Государя Императора, если будут жить в мире с соседями, прекратят междоусобия и будут повиноваться законам.

Я был свидетелем его свидания с народом и мне казалось, что слова Владыки приняты с особенною готовностью следовать его волею.

На другой день после того Владыко писал к Визирям Албанскому и Герцеговинскому о своем возвращении, прося их о соблюдении мира на границах. С его письма имею честь представить, в переводе на русский язык, копию.

Не смотря на все это, как мне кажется, трудно ручаться за прочный мир между двумя народами, разделенными Вероисповеданием и вековой враждою, народами равно необразованными и равно готовыми к войне. Столько ж трудно и едва ли возможно решать между ними споры, кто прав, кто виноват.

Черногорец родится с мыслью о своей независимости и вырастает с нею. В виду турецких селений он пашет землю, с ружьем за плечами, потому что каждый шаг обрабатываемой им земли может подать повод к распрям, для которых как турки, так и черногорцы, не имеют другой расправы, кроме силы оружия.

Дело в селении Грахове уже известно нашему министерству. Черногорцы считают Грахов принадлежащим Катунской нахии, подтверждая свое мнение тем, что граховцы, хоть и платили подать туркам, но всегда вооружались против них в случае нападений, вместе с черногорцами, и что в 806 и 807 годах были также противу французов с русскими.

Теперь граховцы соглашаются платить туркам прежнюю подать, по два флорина серебром с дому, но после сражения 16 Августа 1836 года требования турок уже не прежние: они налагают на Грахов подати несравненно тяжкие и тем легко могут зажечь там новые беспокойства.

Есть надежда, что распоряжения, делаемые теперь Владыкой, ослабят все борьбы, но их прекращения ожидать трудно, пока турецкое правительство не означит границу между областями Черногорией, Албанией и Герцеговиной.

Не могу умолчать, что приезд мой в Черногорию сделал странное впечатление на пограничных турок. В их селениях днем и ночью стали стрелять из ружей, в знак готовности отразить всякое нападение, и разносили разные слухи, один другого нелепее. Я употребил все меры словами и поступками рассеять их опасения и всю неосновательность рассказов.

В заключении моего донесения принимаю смелость упомянуть о похвальном поступке двух черногорцев: Стефана Перова Вукотича, избранного теперь в сенаторы, и Перо Томова Петровича, брата Владыки70.

Во время отсутствия Высокопреосвященного из Черногории в нынешнем году некоторые племена черногорцев лишены были прошлогодним неурожаем всех средств к избавлению себя от голода, ибо земля не произвела не только кукурузы, но даже и картофеля. Отчаянные жители, истощив малые свои способы, обратились с просьбами к Стефану Вукотичу и Перо Петровичу. Сии последние, не имея денег для закупки хлеба, решились отправиться в Катаро и, заложив там свое оружие и вещи, а частию убедив купцов поверить их честному слову, успели занять до 700 стар хлеба, на сумму 3500 флоринов. Таким образом спасли они многие семейства от голода, а некоторых, быть может, и от смерти.

С подлинным верно: Подполковник Озерецковский

№ 67. 1/13 Сентября 1837 года,

Монастырь Цетине, в Черногории

Помета: “Можно послать офицера горных инженеров”71*.

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 6/18 сентября 1837 г. Катаро // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 344—345. — [Т. XII].

34

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Вероятно прежде этого письма Вы изволили уже получить копию с записки моей о Черногории, направленной мною от 1/13 Сентября к послу в Вену. У меня едва достало сил переписать оную, ибо я недели две чувствовал уже себя очень нездоровым. Плавание по морю, перемена воздуха, совсем новый образ жизни и до невыразимости трудные переходы по поднебесным горам расстроили меня до чрезвычайности. Между тем я употребил все усилия, чтобы не терять времени и работать, но едва я отправил свое донесение, как совсем свалился с ног, испугал и Владыку и всех черногорцев. В тот же день 1/13 Сентября кое-как сел на лошадь и с большим трудом переехал в Катаро, или, лучше сказать, меня перенесли туда на руках черногорцы.

Здесь нашел я сейчас очень опытного медика г. Аугустани, который в пять дней поставил меня опять на ноги. Теперь я могу снова, хоть с горем пополам, пуститься в горы, куда и отправляюсь сегодня же, в надежде, что хворать более не буду. Боюсь только, чтобы не пришлось мне зазимовать в этом захолустье, в котором нет ровно ничего, кроме гор и чистого воздуха, а я все свое движимое имение оставил в Вене. Впрочем, как-нибудь проживу, буду спасаться.

Хоть больной, но в Катаро был не напрасно: виделся со многими и толковал о дельном. По сих пор все идет успешно и дружно. С Владыкой у нас мир и согласие, он принимает мои мнения с готовностью. А я стараюсь вести все к добру и на лад. Черногорцев очень хвалят в Катаро и называют их честными людьми, но жалеют о их бедности.

От Катаро до Петербурга кажется очень близко, но когда переберешься горами в Черногорию, то видишь между собою и Петербургом пространство неизмеримое и недосягаемое, даже мыслию; таков переход в Цетину, несмотря на то, что расстояние от Катаро в прямой линии не более 16 верст. Я переходил четыре раза через Кавказские горы — но их огромность смирилась перед молотком и порохом работников, и Кавказ лежит красивый, колоссальный, но досягаемый для всякого. Здесь же горы не более как тысячу сажен выше поверхности моря, но они лежат в первобытной дикости, в том виде и положении, как были они взрыты во дни мироздания. Бедна и необразованна будет Черногория, пока не будет ей дороги к приморью.

На счет Владыки не имею случая подтвердить ни одного из прежних слухов. Бог знает, или я не

люблю злых сплетней, или они не любят меня, но я по сие время ничего не слыхал и не вижу, что клонилось бы к его обвинению. Из прежних писаний об нем кажется одно справедливо — что он молод. Я не считаю еще себя старым, но чувствую, что приходит время, в которое рад был бы подобному обвинению! Но, к несчастию, оно будет ложью! Притом же сан Черногорского Владыки не может сделаться исключительно священным, пока Черногория не сойдет с своего воинственного образа жизни на жизнь мирную и гражданственную. Следовательно, пока не водворится мир со стороны Турции. Теперь Черногорский поп, с обритой бородою и двумя пистолетами за поясом — тот же воин.

Я столько обрадован своим выздоровлением, что забылся совсем и обеспокоил Вас напрасно огромным письмом. Великодушно простите, приняв в оправдание от меня, что несколько слов, сказанных Вам издалека, облегчат меня более, нежели все склянки медика.

С глубоким почитанием и истинною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Катаро, Сентября 6/18 1837

Негош П. Письмо владыки Петра Негоша, 25 сентября 1837 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 345—346. — [Т. XII].

35

Письмо владыки Петра Негоша

Его Высокопревосходительству Милостивому Государю
Дмитрий Павловичу Татищеву, Г-ну Полномочному Министру
и Чрезвычайному Послу Российской Империи при Венском дворе, в Вену

Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь!

Честь имею объявить Вашему Высокопревосходительству, что г-н Подполковник Я. Н. Озерецковский 17 числа сего месяца уехал из Черногории в Катаро, откуда 21 числа и отправился в Триэст и далее. Не только я, но и весь народ Черногорский и Бердский были довольны г-м Подполковником, особенно его мудрые советы, основанные на наставлении Министерства Иностранных Дел, мне очень были к сердцу, и я поставлю себе в святую должность не отступать от оных, но ими руководствоваться, как средствами спасительными и могущими упрочить счастие сего народа. Если б у меня была удобная квартира, необходимая для Европейцов, то я желал бы, чтобы помянутый г. Подполковник, с Всемилостивейшего Соизволения Государя Императора, если не всю жизнь свою, то по крайней мере несколько лет в Черногории провел, тем более, что его мудрыми советами, основанными на опытности, мог бы я всегда воспользоваться. Объехав всю Черногорию, она теперь стала ему известна совсем, и знает, что ее неблагоприятствуемое природою положение препятствует жителям ее доставлять себе довольство. Я надеюсь, что Государь Император, по своем природном великодушии и могуществе положив уже начало к ее лучшему состоянию, и приведет его совсем в счастливое состояние.

Поручив себя и народ Черногорский и Бердский Вашему Высокопревосходительству, честь имею с отменным высокопочитанием и преданностию быть Вашего Превосходительства, Милостивого Государя, покорнейший слуга

Владыка Черногорский П. Петрович Негош

№ 26 к № 377-му

Цетине, 25 Сент(ября) 1837 год

Помета карандашом Я. Н. Озерецковского: Прислано ко мне графом.

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 15/27 ноября 1837 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 346—347. — [Т. XII].

36

Милостивый Государь Александр Николаевич!

“Я ускользнул от Эскулапа Худой, небритый — но живой!”74

Так начинает одно из своих посланьев, кажется, к(нязь) Вяземский75. Могу повторить его стих, ибо едва живой добрался до Вены. Ноября 13/25 приезжал я сюда, на зиму, с разрешения Посла.

Сегодня я уже третий день в Вене и едва-едва могу опомниться от тяжкой болезни, которая чуть не согнала меня с белого света: я получил и выдержал страшную грозницу, так называют черногорцы злую лихорадку с бредом (это род белой горячки).

В день приезда в Вену я имел честь быть у Посла. Два часа говорил с Его Превосходительством о своей поездке и, наконец, обласканный Дмитрием Павловичем, как нельзя более, был прогнан в постель, где и нахожусь по сию минуту. Посол, кажется, мною доволен, слава Богу.

Князь Горчаков доставил мне два конверта от Вашего Превосходительства; в одном я нашел паспорт для моего мещанина-камердинера, а в другом вексель, составляющий содержание мое за истекшую майскую треть. Сегодня вторник — в пятницу буду иметь честь отвечать формальными рапортами о получении оных конвертов, а теперь, едва водя пером, прошу великодушного прощения за отлагательство.

Командировка в Черногорию стоила мне много, много. Здоровье мое не для той страны, я кажется выстрадал свидание с Веной и теперь едва оправляюсь. Много предстоит мне писать; писарей нет, рука очень слаба и потому должен замедлить. Денег поездка эта стоила мне кучу; совсем разорился, но это поправится вместе с здоровьем. Думаю, и даже уверен, что новости, привезенные мною, из Черногории, будут занимательны и действительно новы. Слышал я, будто бы владыка хотел бы со мною прожить весь век! С ним я готов, но в Черногории жить вечно — ради Бога — пожалейте меня, накажите чем угодно, но не ссылкой в его каменную обитель! Летние месяцы — Май, Июнь и Июль — еще есть возможность существовать в его изгнании, но осень и зима — это явная смерть. Подробные донесения мои об этой стране обрисуют ее как надобно, и тогда легко судить обо всем.

Позвольте кончить письмо; в скором времени, когда немного оправлюсь, буду писать о Montenegro сколько Вам угодно; я выучил это диво наизусть.

С глубочайшим почитанием и преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 15/27 Ноября 1837

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 6/18 января 1838 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 347. — [Т. XII].

37

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Вчера г. Фрейганг76 приехал к нам курьером из Петербурга и привез мне 400 червонных, о получении которых я имею честь доложить в прилагаемом у него письме.

Сегодня же с почтою получено Его Высокопревосходительством Послом разрешение на увольнение меня в отпуск.

Здоровье мое идет плохо. Доктор не совсем согласен на мой отъезд, но я полагаю выехать не позднее, чем через две недели, следовательно, скоро буду иметь счастие повторить Вам лично о моей вечной преданности и глубочайшем почитании, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 6/18 Генваря 1838

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 5/17 апреля 1838 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 347—348. — [Т. XII].

38

Милостивый Государь Александр Николаевич!

На одиннадцатый день довольно трудного путешествия 31 марта / 12 Апреля приехал я в Вену. На другой день был у Посла и князя Меттерниха и вручил им письма от графа Александра Христофоровича.

Я нашел здесь, в Вене, все и всех по-прежнему, в тишине и здоровьи: бедствия Пита и других городов Венгрии, очень чувствительные, заставили Вену умножить число концертов в пользу пострадавших.

В Светлый праздник Русские обедали у посла; обед был блистателен и весел как нельзя более. Спутник мой от Петербурга, капитан Горных Инженеров Ковалевский77 остался в Варшаве и приедет сюда не ранее как через неделю, осмотрев на пути некоторые заводы. Поездка его в Черногорию будет очень полезна, ибо дела этой страны, кажется, со дня на день будут более занимать Европейские кабинеты. Еще вчера узнал я, что в Вену приехал некто доктор Буе78,

как мне сказали, президент Парижского минералогического содружества, — для того, чтобы летом ехать в Черногорию, рассмотреть ее в геогнозическом отношении. Все это должно иметь другие причины и все подтверждает, что взгляд мой на Черную Гору не ошибочен и что все представленное мною в записках правда. До Берлина уже недалеко, там я буду иметь честь доложить Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу о том, что потребует надобность, или представлю записку графу Нессельроде в виде продолжения моих прежних замечаний.

Время еще слишком мало прошло, и я еще едва осмотрелся в Вене, но мне кажется, что жизнь и служба мои пройдут теперь гораздо с большими успехами, нежели прежде. Я повторю одну только просьбу: позвольте надеяться в последние времена получать некоторые сведения собственно об России; это может быть для меня очень полезно.

Поручая себя благосклонности Вашей, с глубочайшим почитанием и преданностию имею честь

быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 5/17 Апреля 1838

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 19 апреля/1 мая 1838 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 348—349. — [Т. XII].

39

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Сегодняшняя почта, вероятно, привезет в Петербург множество писем с печальной новостью о князе Александре Барятинском79. С своей стороны, я скажу также о нем несколько слов для сведения Вашему Превосходительству.

Вечером в субботу 16/28 Апреля князь возвратился домой из театра, и, пробыв дома с полчаса, вздумал пойти прогуляться по улицам. Было уже поздно, он вышел, и минут через двадцать пять возвратился домой и успев только сказать камердинеру: “узкой переулок... фиакр...”, лег на постель и впал в странное бесчувствие. Тотчас были приглашены все лучшие медики. На сюртуке князя нашли следы лошадиных копыт, и весь он был запачкан грязью. Всю ночь с субботы на воскресение провел он в беспамятстве; на другой день начал чувствовать боли и страдать, что подало медикам надежду возвратить его к жизни. Вероятно, князь был сбит фиакром и ушиблен лошадью в живот или грудь, ибо переломов нет ни в одном члене. Состояние его по сие время ужасно, и доктор еще не уверен в его жизни, тем более, что пуля, оставшаяся у князя в груди после раны, полученной им на Кавказе, и без того ушиба для него чрезвычайно ощутительна.

В понедельник, вчера, было ему несколько лучше, он даже сказал ночью: “оденьте меня”, — после того по сие время остается в одном положении, которое, однако, по мнению медиков, легче может склониться к лучшему.

Сегодня я заходил к нему в 10-й раз, как и все русские; там нашел я княгиню Меттерних, которая с необыкновенною заботливостью желала узнать о состоянии больного.

Эта горестная новость занимает теперь всю Вену, и я считаю обязанностью сообщить об оной Вам.

С истинным почитанием и совершенной преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 19 Апреля / 1 Мая, Вторник 1838

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 2/16 июня 1838 г.Дрезден // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 349. — [Т. XII].

40

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Отдаление, как изволите видеть, не мешает мне беспокоить Вас частыми письмами и просьбами.

Прилагаемый у сего рапорт поручаю я благосклонному Вашему взгляду и прошу извинения, если утруждаю тем Вас и прибавляю неосторожно работы к делам снисходительного барона Дольста.

Милостям графа Александра Христофоровича ко мне нет конца. После отъезда из Берлина Государя Императора, Его Сиятельство приказали мне ехать сейчас же лечиться в Мариенбад и приехать оттуда прямо в Вену. Это приказание для меня совсем благодетельно, ибо здоровье мое действительно плохо. Я воспользовался приказанием, 1-го Июня приехал в Дрезден, где на несколько дней задержит меня, как кажется, очень дурная погода.

Быть может, нелишне, если я сообщу Вашему Превосходительству для сведения, что при выезде моем из Вены в Берлин, некто отставной капитан Австрийской службы по фамилии Петрович убедительно просил меня доставить Его Сиятельству несколько экземпляров составленной им карты всех каналов, существующих в Европе, для представления Государю Императору. Письмо от него и карты имел я честь вручить графу и получил от Его Сиятельства, для доставления г-ну Петровичу, золотую с эмалью табакерку.

Надеюсь, что шесть недель лечения в Мариенбаде возобновить мое отлетающее здоровье. Буду пить воду и для отдохновения займусь прозою80. Несмотря однакож на это соединение воды с литературою, мое писание не будет сухо, ибо, по случаю, недавно слышал я анекдот, или рассказ очень любопытный, который надобно бы передать читающему миру. Напишу, представлю Вам и буду ожидать согласия на напечатание, ибо оно будет от Вас зависеть.

Воспользуюсь остановкой моей в Дрездене, чтобы взглянуть на хваленую Саксонскую Швейцарию и, с созерцанием всего изящного соединю свою неизменную мысль о том, кому я обязан и целебными ключами, и своей Европейской жизнью.

Прося принять уверение в глубочайшем моем почитании и совершенной преданности имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Дрезден, Июня 2/16 1838

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 9/21 августа 1838 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 349—350. — [Т. XII].

41

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Августа 6/18 я возвратился из Мариенбада в Вену, где не нашел ни Посла, ни князя Меттерниха. Все пусто и скучно, и будет так, конечно, до возвращения Императора с коронации из Милана.

С позволения Его Сиятельства графа Александра Христофоровича лечился я в Мариенбаде, принимал грязевые и железные ванны, они мне немного помогли, но болезнь моя заменилась жестоким ревматизмом в левой ноге, я страдал несносно и теперь еще не опомнился.

Беспокою Вас письмом моим как рапортом о местопребывании, донесу также об этом в письме Его Светлости князю Меттерниху, и потом буду ждать погоды.

Прося уделить мне местечко в памяти Вашей, приношу уверения в глубочайшем моем почитании и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 9/21 Августа 1838

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 16/28 октября 1838 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 350—351. — [Т. XII].

42

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Заранее прошу извинения, если письмо мое покажется Вам слишком пестрым. Это происходит от разнообразия предметов, о которых распространяться было напрасно, но коснуться слегка можно.

Император Фердинанд81 наконец приехал в Вену 12/20 числа, князь Меттерних также, несколькими днями прежде. С Его Светлостью возвратился и мой австрийский сотрудник, барон de Pont, с которым я возобновил свои свидания в канцелярии Канцлера. Отдельного сведения

барон не нашел для сообщения мне, но говоря много о польских беглецах, сказал, что из массы сведений последнего времени можно было заметить, как будто бы нечто готовили они к исполнению в начале текущего Октября, но что план их не состоялся и разрушился.

Поверенный в делах Д(ействительный) С(татский) С(оветник) Струве говорил мне о секретном сведении, будто бы некоторые польские офицеры, бродящие по Европе, собираются ехать на службу в Сербию, по желанию князя Милоша. В этой мысли, если смею сказать мое мнение, есть много английского, ибо, сколько мне известно, английский консул в Крашевце, Ходжес, выиграл большое влияние на Сербского князя. Внушения его могут навлечь на Сербию большие дела, которые опасно будет оставить без особенного внимания. В этом случае я буду иметь честь в скором времени говорить Вашему Превосходительству об одном человеке, который может быть употреблен для собрания вернейших сведений, касающихся до Сербии. Этот человек есть г. Караджич, известный уже по нашему министерству и прославленный в славянских племенах своей знаменитой ученостью. Он находится теперь в Вене, бывает у меня довольно часто и надеется доказать преданность свою русскому правительству, доставляя мне все тайные сведения, касающиеся славян — австрийских подданных, сербских и турецких.

Дела в Далмации с черногорцами как будто кончены, но без всякого сомнения не навсегда, и даже не надолго. То, что я имел счастие представлять в начале нынешнего года Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу, в записке моей о Черногории, подтверждено войной империи против ничтожного клочка камней, нынешнего лета. Австрия употребляла, не оставляет и будет продолжать долго против горсти черногорцев и их камней свою постоянную политику: лишить этот бедный и храбрый угол славян благосклонного воззрения Российского Императора. Чтобы говорить так утвердительно, как я осмеливаюсь, надобно своими глазами видеть страну и убедиться, что два или три булыжника на границах Австрии и Монтенегро достаточны для вечных споров целой империи с ничтожным участком уж и без того бедной земли, составляющей владения Владыки. Почему эти два-три булыжника могут быть так дороги для Австрии?

В газетах было написано, будто бы в сражениях убито 14 Австрийцев и до 140 черногорцев! Это сообщено Далматинским губернатором и далеко столько от правды, как правда от лжи.

На днях получено от Далматинского губернатора сообщение, будто бы черногорцы украли множество мундиров и разной амуниции в Катаро, и показывают у себя как будто трофеи своих побед. Украсть мундир в крепости! Вещь чересчур несбыточная, и потому сообщение Губернатора не получило одобрения для напечатания в газетах.

Капитан Горных Инженеров Ковалевский, которого обвиняли в наущениях черногорцев против

австрийцев, оправдался перед послом нашим совершенно.

Его Высокопревосходительства Дмитрия Павловича мы не ожидаем в Вену даже на зиму. Сегодня отправляется к нему курьером секретарь посольства Жерве.

Опытные купцы здешние говорят, что с некоторого времени число банкротов в Австрии весьма усилилось.

Несчастные происшествия в Кракове были чрезвычайно неприятны Его Светлости князю Меттерниху тем более, что усиление гарнизона в Кракове сделалось почти необходимым.

Недавно возвратился из Берлина сюда профессор Гай82, имевший счастие представиться там Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу. Он просил меня доставить Его Сиятельству ноту о деле, о котором я докладывал в Берлине лично. С будущим курьером я буду иметь честь представить оную, ибо не смею отказать в деле, по-видимому очень важном. Оно касается Боснии, Герцеговины, Албании.

Позвольте просить Вас передать мое глубочайшее почитание Его Сиятельству и принять

уверения в совершенной моей преданности и почтении, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Октября 16/28 1838

Помета А. Х. Бенкендорфа: Поблагодари его за известие.

Помета А. Н. Мордвинова: Писано ему 21-го Ноября с препровождением обозрения из дела об открытых Тайных Обществах83 и об (нрзб.).

Мордвинов А. Н. Письмо Озерецковскому Я. Н., 21 ноября 1838 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 351—352. — [Т. XII].

43

Письмо А. Н. Мордвинова

Полковнику К(орпуса) Ж(андармов)Озерецковскому

№ 1177

Письмо Ваше от 16/28 прошедшего Октября я получил и представлял его в подлиннике гр. Александру Христофоровичу. Его Сиятельство, прочитав его с особенным удовольствием, поручил мне благодарить Вас за доставление изложенных в том письме Вашем сведений.

Вам, конечно, известно, что в Царстве Польском и Западных наших губерниях открыты нынешнею весною тайные общества. Доля исследования сего дела учреждены следственные комиссии в Варшаве, Вильне и Киеве. Гр. Александр Христофорович желал поставить в известность о всем ходе сего дела князя Меттерниха и поручил мне препроводить к Вам прилагаемое у сего извлечение из открытий, сделанных в Варшав(ской), Виленск(ой) и Киевскою Следств(енными) Комиссиями по упомянутому делу, — на тот конец, дабы вы от имени Его Сиятельства гр. Александр Христофоровича представили извлечение сие Его Светлости кн. Меттерниху и с тем вместе попросили бы после, чтобы он чрез Вас доставил обозрение бывших в нынешнем году происшествий в Галиции.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть...

21 Ноября 1838

№ 3404

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 15/27 ноября 1838 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 352—354. — Из содерж: Мирный трактат между Черногорией и пашалыками Боснийским и Герцеговинским. — С. 352—354. — [Т. XII].

44

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Вчерашний день получил я письмо от Черногорского Владыки с приложением копии мирного трактата, заключенного им с Пашами Боснийским и Герцеговинским. Владыко в то же время доставил таковые же копии в Российское посольство в Вене. Поверенный в делах

д(ействительный) с(татский) с(оветник) Струве, без сомнения, представит оную Его Сиятельству Вице-Канцлеру, почему с моей стороны я считаю долгом препроводить полученную мною копию для сведения Вашему Превосходительству и доклада Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу.

Трактат сей весьма замечателен как условие, коим решена судьба Грахова, бывшего с давних времен предметом раздора между двумя народами, и как первый документ, в котором турецкие Паши называют Черногорию независимою.

С глубочайшим почитанием и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

№ 96 Вена, Ноября 15/27 1838

Приложение:

(Мирный трактат между Черногорией и пашалыками Боснийским и Герцеговинским)

Известно да будет всем, кому о том ведать надлежит, то, как чиновники Турецкие приехали в Черногорию для мирных переговоров между Черногорией и Пашалыками Боснийским и Герцеговинским.

1. Со стороны Визиря Боснийского Веги-Мехмет Паши г. Гаджи-Мехмет, Наместник Силистара и

2. Со стороны Визиря Герцеговинского Али-Паши г. Убейдулах-Ага в качестве Полномочных своих Визирей к Владыке Черногорскому, с которым и переговорили по предмету Грахово и пограничного мира и заключили следующее:

1. Жителям Округа Грахова позволяется возвратиться в прежние места своего жительства, т. е. в Грахово, если кто-нибудь из них оставил оное, и чтобы всякий из граховлян мог и в будущем времени свободно владеть всем тем, чем он владел прежде. Начальником и распорядителем сего округа назначается наследственный Воевода Яков Дакович, который в сем звании будет утвержден вышеупомянутыми двумя Визирями и Владыкою Черногорским.

Замок Шенбрун. Вена 1830 г.

2. Жители округа Грахова должны платить Туркам с земель турецких, которые обрабатывают граховляне, все то, что они с турками последний раз между собою условились и к тому еще то, что принадлежит Султану. Кроме сего, граховляне не должны ничего никому платить, разве если кто-нибудь из них захочет от своей доброй воли кому-нибудь какой-нибудь подарок сделать. Все вышеозначенное должны граховляне отдавать Воеводе Якову Даковичу, как своему начальнику, а он кому то принадлежит.

3. Запрещается на будущие времена как туркам, так и черногорцам делать какие-либо постройки в Грахове.

4. Визирь Боснийский Веги-Мехмет Паша ручается, что турки вперед никогда не будут иметь противу жителей Округа Грахово никакого худого, ни коварного умысла.

5. Заключается вечный мир между независимою Областию Черногориею и Пашалыками Боснийским и Герцеговинским, т. е. начиная с одной стороны от вершины горы, называемой Ком-Кучкий до места Драгаль. Все те земли, обделываемые в военное время черногорцами либо турками, остаются в их владении, и которые остались в военное время необработными, чтобы их разделить пополам.

6. Для большего удостоверения всего того, что в сем условии и в мирном трактате означено, ручается с Черногорской стороны Боснийскому Визирю Веги-Мехмет Паше Владыка Черногорский и с Турецкой стороны Владыке Черногорскому Визирь Боснийский Веги-Мехмет Паша.

Сей мирный трактат написан в двух одинаковых экземплярах и подписан со стороны Турецкой вышеозначенных двух Визирей Полномочными: Гаджи-Мехметом, Наместником Силистара, и Убейдулах-Агою, а со стороны Черногорской Владыкой Черногорским.

Следуют подписи.

Гаджи-Мехмет Наместник Силистара
Убейдулах-Ага Шехович
Владыка Черногорский Петр Петрович Негош
Скрепил Правителя Черногорского Секретарь Димитрий Милакович

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 15/28 ноября 1838 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 354. — [Т. XII].

45

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Вчера по почте имел я честь отправить Вашему Превосходительству копию мирного трактата, заключенного Черногорским Владыкою с турками. Письмо мое, конечно, пройдет две недели, а между тем сейчас едет из Вены курьер, остановленный здесь на час проездом из Венеции от Его Высочества Наследника; — потому я спешу представить Вам дубликат трактата, очень интересного тем, что в оном Черногория названа независимою.

Обширный акт, доставленный мне от профессора Гая, который вместе с сим представляю на имя Его Сиятельства, весьма любопытен; трудно решить, что будет с славянскими народами в Боснии и Герцеговине, но я смею также прибавить, что они очень непрочны для Турции и кажется, беда недалекая.

На днях узнал я из очень тайных источников, будто бы Администратор Области Катарской

На днях узнал я из очень тайных источников, будто бы Администратор Области Катарской, Ивачич, отправлен Австрийским правительством в Боснию, в Травник, и в Герцеговину, в Мостар, к тамошним пашам для переговоров с ними на счет общих союзных действий противу Черногории.

Вероятно, г. Ивачич опоздал и теперь ничего не сумеет, ибо Владыко предупредил его, заключив свой мирный контракт.

Повторять имею много раз, что Действия Австрии никогда не будут согласны с пользою Черногории и Владыки, которого Его Светлость князь Меттерних не любит даже лично.

Поручая себя благосклонному расположению Вашему, с совершенным почитанием и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 15/28 Ноября 1838

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 26 декабря 1838 г. / 7 января 1839 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 354—355. — [Т. XII].

46

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В продолжение многих месяцев все сведения, какие получал я с разных сторон, ограничивались новостями, тайнами и сплетнями о бедном Черногорском народе. Их было так много, что я предпочел оставить их себе, не беспокоя Вас бесконечными рассказами о делах, их коих можно только составить не более как уже известный нашему правительству результат, а именно: что Австрия с удовольствием видела бы разрушение Черногории, которую теперь покровительствует Российский Император.

Между прочим, приехал к нам в Вену из Венеции русский Вице-Консул Фрушка93. Он, как человек, имеющий уже много лет сношения с южными славянами, обратился ко мне также со множеством доказательств в таких вещах, в которых я уже давно уверен, т. е. в преданности Славян к России.

Г. Фрушка недели через две будет отправлен в Петербург курьером и без сомнения будет искать случая представиться Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу.

Предполагая, что у него действительно есть что-нибудь занимательное или новое на счет этого обширного предмета, я думаю решиться дать ему при отъезде из Вены письмо к Вашему Превосходительству. Из нескольких вопросов Вы изволите легко увидеть, в чем состоит дело и полезны ли его сведения для общих соображений.

Капитан Горных Инженеров Ковалевский, бывший в Черногории, третьего дня (24 Декабря / 5 Генваря) возвратился в Вену. Посол обласкал его как нельзя более и одобряет совершенно действия его в Черной Горе, несмотря на удивительные бредни, которыми наполнены были газеты, по распоряжению Австрийского кабинета. Известия, собранные Ковалевским о состоянии Черногории, чрезвычайно любопытны. Он отправится в Петербург также недели через две.

Вук Караджич продолжает время от времени доставлять мне известия о Сербии. На днях сказал он мне, что Австрийское правительство делая прежде чрезвычайные затруднения в выдаче

паспортов для проезда в Сербию своим подданным, теперь, напротив, отправляет с удовольствием туда всех, кому угодно. Эти пришельцы, в числе коих бывают агенты австрийского правительства, снискивают легко внимание князя Милоша и получают знатнейшие при нем должности.

Зная Сербию совершенно, Вук полагает, что все это не поведет к добру, и что теперь, когда Российское правительство принимает участие в составлении законов и образа правления для Сербии в Константинополе, полезно было бы принять к соображению и положить правилом, чтобы должности главнейших чиновников и Сенаторов в Сербии, не были даваемы иначе, как уроженным туземцам, Сербам.

Я сообщил это замечание Вука Послу. Его Высокопревосходительство нашел оное весьма основательным и сожалел, что не сообщил этой мысли послу нашему в Константинополе прежде. Быть может, замечание это могло бы принято к исполнению Его Сиятельством графом Нессельроде.

Наступивший и наступающий новый год начинают в Вене двумя блистательными балами у Французского и Российского послов. Да будет мне позволено принести Вам от полной души

поздравления и желание всех благ Вам и Вашей супруге. Не обрадует ли меня 1839 год строкой от Вас?

Повторяя уверение в моей глубочайшей преданности и совершенном почитании имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Декабря 26 1838 / Января 7 1839

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 27 декабря / 8 января 1839 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 356. — [Т. XII].

47

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Сейчас перед отправлением г. Адлунга85 курьером в Петербург, получил я по почте письмо от одного из моих приятелей из Далмации и при письме обширную копию статьи на итальянском языке, взятой из журнала Ионийских островов. Не имея времени ни перевести статьи, ни переписать оную почище, я препровождаю Вам оную как получил. В ней нет ничего более, как описание войны Австрийской империи против горсти черногорцев, описание очень верное и спасающее честь этих русских горцев. К делу эта статья кажется нейдет, но я думаю, что издатели Северной пчелы, которые уже много писали о Черногории, были бы очень Вам благодарны за оную.

Во всяком случае, представляю ее для любопытства. С совершенным почитанием имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Декабря 27 / Генваря 8 1839

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 10/22 января 1839 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 356. — [Т. XII].

48

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Случайно встретил я в Вене мастера, которого работа цветов из воска меня удивила. Он сделал мне на заказ, по рисунку, прилагаемые при сем четыре свечи. Необыкновенное искусство привело меня к необыкновенной мысли; я решился просить Ваше Превосходительство представить эти свечи Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу. Не могут ли из них две гореть в торжественный час бракосочетания в руках Августейших Детей Государя Императора?86

Если нет, то Его Сиятельство простит меня: я увлечен был усердием и радостью, которые делю со многими миллионами верноподданных!

С глубочайшей преданностью и совершенным почитанием имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, Генваря 10/22 1839

Помета чернилами: Свечи представлены Его Сиятельству.

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 16/28 февраля, 17 февраля/1 марта 1839 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 356—357. — [Т. XII].

49

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Сегодня, 16/28 Февраля, приехал курьер из Петербурга. В 3 часа после полудня получил я из посольства привезенные им на мое имя конверты:

1. Предписание Его Сиятельства графа Александра Христофоровича от 30 Генваря за № 324, при коем, по Высочайшему Государя Императора повелению, препровождено ко мне для представления князю Меттерниху извлечение из сознания, сделанного Каспером Мошковским87 в Киевской следственной комиссии. На предписание сие имею честь отвечать представленным у сего рапортом за № 18-м.

2. Письмо Вашего Превосходительства от 15 Генваря и два предписания Ваши за № 81—83 с приложением ко мне денег. На сии бумаги отвечаю также отдельно, — и

3. Письмо Вашего Превосходительства от 21 Ноября прошедшего 1838 года, с приложением извлечения из открытий, сделанных по тайным обществам Варшавскою, Виленскою и Киевскою следственной комиссиями, для представления оного извлечения от имени Его Сиятельства графа Александра Христофоровича князю Меттерниху.

Последнее, как изволите видеть, было задержано где-то, и вероятно, в канцелярии Министерства Иностранных дел, и это неприятное замедление лишило меня счастия исполнить вовремя приказание Его Сиятельства Шефа.

Завтрашний же день представлю оба извлечения князю Меттерниху и буду просить, согласно с желанием графа Александра Христофоровича, о доставлении мне обозрения происшествий, бывших в прошедшем году в Галиции, для представления Его Сиятельству.

В эту минуту не знаю, буду ли иметь возможность донести об ответе, который получу от Его

В эту минуту не знаю, буду ли иметь возможность донести об ответе, который получу от Его Светлости князя Меттерниха, ибо в нашем посольстве курьер уже готов к отправлению и уедет до обеда завтрашний же день.

Во всяком случае утруждаю Ваше Превосходительство покорнейшею просьбою доложить графу Александру Христофоровичу, что вина замедления не на моей стороне.

Весьма счел бы себя обязанным, если б на будущее время Вы приказали сказать в канцелярии г-на Вице-Канцлера, чтобы там не были задерживаемы подобные ко мне отправления.

С первым же за сим курьером донесу об ответах князя Меттерниха, если завтра не буду иметь времени того исполнить.

С глубочайшей преданностию и совершенным почитанием имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 16/28 Февраля 1839

P. S.

Милостивый Государь Александр Николаевич!

К письмам, написанным мною вчерашний день не могу прибавить ничего, ибо Его Светлость князь Меттерних сегодня не имеет ни минуты свободной, так что вероятно не будет иметь и времени даже отвечать на письмо, полученное им со вчерашним курьером от Его Сиятельства графа Александра Христофоровича. Поэтому моя аудиенция отложена до времени.

С глубочайшей преданностию и совершенным почитанием имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Оэерецковский

17 Февраля / 1 Марта 1839, Вена

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 21 февраля/5 марта 1839 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 358—359. — [Т. XII].

50

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Вена празднует теперь прибытие Его Высочества Наследника88. Улицы кипят народом, толпы любопытных теснятся на Дворцовой площади, чтобы как-нибудь взглянуть на Юного знаменитого Гостя и потом разносить по городу восторг и самые живые, чистосердечные похвалы.

Его Высочество изволили прибыть в Вену 19 Февраля / 3 Марта, в воскресенье, в двенадцатом часу до полудня, и встречен был обергофмаршалом графом Колоредо89, при назначенных для Великого Князя комнатах. Через полчаса после приезда Его Высочество изволили быть у Императора и получил вслед за тем обратный визит Его Величества и Их Высочеств Эрц-Герцогов Карла и Франца90.

Вечером в дворце театре был парадный спектакль. Венские театры не могут хвалиться блеском, но в этот вечер был спектакль действительно блестящий огнями и бриллиантами дамских уборов. Дамы все были одеты по-бальному. Восторг публики был удивительный: когда Наследник явился

Дамы все были одеты по-бальному. Восторг публики был удивительный: когда Наследник явился в ложе, раздались рукоплескания и крики Vivat! Актеры, несмотря на искусство свое, не могли в этот раз обратить на себя внимание публики: все взоры были обращены на лучшее зрелище.

В первый день приезда Его Высочество изволил кушать у Императора.

На другой день, 20 Февраля / 4 Марта, посольство русское и русские, находящиеся в Вене, имели счастие быть представлены Его Высочеству и все были вне себя от благосклонного внимания Наследника. В числе русских случилось довольно много поляков. Его Высочество изволили говорить с ними также по-русски, что заставило всех поляков говорить по-русски и теперь язык наш в моде.

В тот день Его Высочество удостоил своим присутствием обеденный стол у нашего Посла. Вечером был блестящий концерт у Императора, в церемониальном зале.

Сегодня, 21 Февраля / 5 Марта, был парад на гласисе. Погода, бывшая до сегодняшнего утра дождлива и пасмурна, вдруг переменилась в удивительно ясный весенний день. Стечение народа было неимоверное. Его Высочество изволили быть в казацком мундире — все зрители были в восторге неописанном!

Вечером сегодня спектакль, также парадный, в оперном театре. Для частного человека нет возможности достать ни одного местечка, самые дальние места продавались вчера еще по сто рублей и более.

Вена долго, долго не забудет торжественных дней посещения оной Русским Наследником. Здоровье Его Высочества в сравнении с тем временем, когда Он изволил быть в Берлине, весьма поправилось. Мне кажется, что Его Высочество даже пополнел. Как подданный, я радуюсь этому с некоторым самолюбием, ибо думаю, что и мои молитвы о Его Благоденствии, вместе с другими, дошли до Бога!

После письма, отправленного мною к Вашему Превосходительству от 16/28 Февраля, на третий день я имел честь быть у князя Меттерниха и вручил Его Светлости доставленные мне от Его Сиятельства графа Александра Христофоровича на немецком языке бумаги. Его Светлость приказал мне весьма благодарить от его имени графа Александра Христофоровича и донести Его Сиятельству, что он не преминет доставить через меня взамен оных обозрение происшествий, бывших в прошедшем году в Галиции.

Чтобы не утруждать Его Сиятельства особенным об этом рапортом, я смею покорнейше просить Ваше Превосходительство доложить о сем словесно.

Буду пользоваться отправлением каждого курьера, чтобы сообщать Вам о пребывании Его Высочества Наследника в Вене.

С глубочайшею преданностию и совершенным почитанием имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 21 Февраля / 5 Марта 1839

Озерецковский Я. Н. Письмо Мордвинову А. Н., 28 февраля/12 марта 1839 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 359—360. — [Т. XII].

51

Милостивый Государь Александр Николаевич!

В среду, марта 1/13, Его Высочество Наследник оставляет Вену. Конец праздникам и радости. Время, проведенное Великим Князем в Австрийской столице, пролетело слишком скоро, никто не успел насмотреться на Высокого посетителя, и народ еще не имел времени приняться за рассказы, которых, вероятно, будет множество.

Марта 6 / Февраля 22 Его Высочество изволили осматривать Придворные конюшенные заведения. Богатые экипажи, золоченые кареты в блестящих упряжах и прекрасные лошади под золотыми чепраками дефилировали мимо Наследника во всем их блеске и параде.

Его Высочество изволили посетить в тот же день Инженерный корпус. Это случилось в обеденное время. Великий Князь отведал кушанье с тарелки одного из кадетов и, лишив таким образом молодого человека положенной порции, вознаградил за оную как нельзя щедрее: в тот же день кадет этот удостоился получить от Его Высочества прекрасные золотые часы. Но говорят, что молодой инженер имел столько догадки, что успел наградить себя тотчас после обеда, выпросив у начальников позволение сохранить прибор, с которого кушал Наследник, в чем ему не отказано.

Марта 7 / Февраля 23 в обширном зверинце Ауроф почти на милю от Вены, была охота. Его Высочество превзошел и удивил всех удивительно меткою стрельбою. Сорок два кабана упали на месте под Его выстрелами, многие, быв ранены, едва добегали до других охотников.

Марта 8 / Февраля 24 Наследник изволил осмотреть поле Асперна, знаменитое сражением, выигранным в 809 году Эрц-Герцогом Карлом против Наполеона91.

В этот день услышали мы, что Его Высочество наименован Шефом одного из Австрийских гусарских полков. Полк приинял название: Российского Наследника. Через два дни Его Высочество явился в Австрийском мундире, к новой радости венских жителей.

Этот полк был прежде 4 гусарский, генерала Жерома; он стоит в Тарнополе.

Марта 9 / Февраля 25 Его Высочество Наследник осматривал Арсеналы. Вечером во дворце в церемониальной зале были представлены живые картины. Из было пять перемен. Зрелище это было исполнено бесподобно, и не могло быть иначе, ибо актерами были дамы и кавалеры из знатнейших придворных лиц.

В Воскресенье, Марта 10 / Февраля 26, Его Высочество изволил слушать Божественную Литургию в церкви Российского посольства.

В восьмом часу вечера в тот день был спектакль в Шенбрунне. Играли прекрасную комедию, соч. Бауернфельда92 Liebes-Protokoll. И представление, и публика, все было великолепно, все блестело. Но ужин, данный после спектакля в длинной оранжерее, превзошел красотою все бывшие праздники. Сотни люстр освещали длинный ряд пышно убранных столов и густую зелень плодоносных деревьев, которыми закрыты были доверху стены оранжереи. Посредине за зеленью гремели два хора музыки.

К сожалению, погода была в тот день дождливая, ненастная: приготовленная вокруг Шенбрунна иллюминация не могла быть зажжена и эта неудача много отняла красоты у праздника, впрочем, и без того весьма блистательного.

Его Высочество в короткое время пребывания своего в Вене изволил осмотреть все достопамятности города и успел очаровать на долгое время Венских жителей своей внимательностию и благосклонностью. Здесь сравнивали Великого Князя со всеми прежде бывавшими в Вене Европейскими принцами и решили единодушно, что Наследник Российского престола не имеет Себе подобного.

Его Высочество выезжает завтра, в 9-м часу утра.

С совершенным почитанием и глубочайшею преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Яков Озерецковский

Вена, 28 Февраля / 12 Марта 1839

Негош П. Письмо Озерецковскому Я. Н., 12 июня 1839 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 360—361. — [Т. XII].

2

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Вам известно что и самое наше положение на границе немирных Турок не позволяет нам, особенно в летнее время, долго наслаждаться спокойствием. Сего самого месяца Июня

Албанские Турки уж три раза нападали на пограничные наши племена, но последний раз Черногорцы показали удивительную свою храбрость как нельзя лучше.

Июня 6-го числа собралось от 5 до 6000 Албанцев под предводительством Бекир-Бея Бушатлии, родственника последнего бывшего Везира Скутарского из Дому Бушатлиев. Они напали на пограничное наше село Ястреб и зажгли 23 пустых пастушеских хижин. Черногорцы, в числе до 500 человек, так сильно атакировали Турок, что их на две половины разделили. Одна половина спаслась бегством в крепость Спуж, а другая принуждена была обратиться к берегу реки Хетти, где Черногорцы порубили Турецкого предводителя Бекир-Бея с его свитою числом до 50 человек, а больше чем 50 человек в испуге бросились в реку и утопились тут. Черногорцы взяли 3 Турецкие знамена, много богатого ружья и несколько лошадей. В сем сражении число мертвых и раненых турок больше как 300 человек, между которыми пало 164 мертвых. Черногорцев пало мертвых 17 человек и 1 женщина и 35 раненых человек.

В сем сражении и Ваш побратим93 отличился своею храбростию, и может быть даже, что и кого-нибудь из Турок повалил мертва. Опасаясь, чтобы Вы не лишились своего побратима, а я commensal'a*, я писал ему, чтобы сюда приехал, оставив военное поприще молодым людям.

У нас от Черноевича реки до Цетине направляется чудесная дорога шириною в клафтер немецкий94. Естьли Бог даст, что Вы нас обрадуете вновь Вашим приездом, то Вы, хотя и не в карете, а верхом удобно будете ехать.

Здешние все, Вам знакомые, кланяются Вам и часто, очень часто вспомнят о Вас, питаясь сладкою надеждою еще с Вами в Черногории увидеться.

Обнимаю Вас, думаю, пребываю Ваш друг

Вл(адыка) Черн(огорский) П. П. Негош

Цетине, 12-е Июня 1839 год

Негош П. Письмо Озерецковскому Я. Н., 21 июня 1839 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 361. — [Т. XII].

3

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Вручитель сего моего письма есть г. Антид Жом, уроженец Французский, который в течение полтора года обучал меня Французскому языку и чрез все сие время вел себя как честный и образованный Француз. Теперь намерение его остаток дней своих препровести в России, в должности Профессора Французского языка или в одном из учебных заведений, или в одной из отменных Русских фамилий. Я знаю, что у Вас есть довольно друзей в России, и для того прошу Вас его рекомендовать им. Естьли возможно каким-либо образом поручить его Посольству Российскому, чтобы он мог вместе с Фельдегером из Вены отправиться в С. П(етер)бург, в этом Вы меня много обяжете, а ему учините много способствия, потому что он человек бедный и не имеет столько издержек. Все, что сделаете ему, я считаю, как бы было мне самому сделано.

С отменным высокопочитанием и преданностию честь имею быть Вашего Высокоблагородия покорнейший слуга

Владыка Черногорский

Петр Петрович Негош

Цетине, 21 Июня 1839 год.

Негош П. Письмо Озерецковскому Я. Н., 30 августа 1840 г. Цетине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 362. — [Т. XII].

4

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Уже давно я хотел Вам писать, но получив Ваше почтенное письмо от 2/4 Июня из Мариенбада, не знал, куда адрессировать мое письмо. Предполагая, что Вы теперь верно в С. Петербурге, принимаюсь за перо написать Вам несколько строчек. Как Вы прошлого года были, кажется из помянутого Вашего письма, что Ваше здоровье улучшается, и я надеюсь, что Мариенбадские воды совершенно вылечат Вас. Очень сожалею о моем ех-профессоре г. Жом, что он страдает от глухоты, но как он человек молодой, авось выздоровит.

У нас идет все хорошо, да только что наши с Турками пограничные должны часто отражать нападение оных, а также отмщения нередко делать.

В случае, естьли мы вновь увидимся в Черногории, то Вы прямо из Каттаро приедете к нам по хорошей дороге, потому что она к будущей весне будет почти совсем готова.

Очень и очень сожалею, что я и по сих пор не успел отыскать профессора для обучения молодых Черногорцев, но верно и он скорым временем будет здесь, потому что я заказал его выписать из Венгрии.

Все Вам знакомые кланяются Вам, особенно же Ваш побратим, который теперь, смотря на лице его, кажется моложе 25 лет, нежели когда Вы здесь побратались с ним.

Прощайте, Яков Николаевич, и уверьтесь, что Вашим всегда искренним другом пребудет

Владыка Черногорский П. П. Негош

Цетине, 30 Августа 1840 года

Негош П. Письмо Озерецковскому Я. Н., 5 января 1846 г. Цетине // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 362. — [Т. XII].

5

Ваше Высокородие!

С каким удовольствием получил я Ваше приятное письмо в конце прошлого года; Бог знает когда Вы его писали, потому что оно без датума; ах, любезный Яков Николаевич! Как приятны известия от друзей, я Вас никогда не забуду. Вы в моей душе будете жить навсегда приятным воспоминанием. Как забыть Вас, который некогда мою судьбу, как собственную, оплакивали, и которое все мое как собственное интересовало. Вы всегда ко мне горели священною и благородною симпатиею, я очень понимаю, кто в Вашей душе зажег этот пламень — славянисто-единоплемение, столь крепко связующее нас; мое положение и моего народа — Черногории, которая определена судьбою гореть в жертву за честь имени великого народа. Наш маяк, изливающий красную светлость, ведет нас к ужасам и к поэзии.

Михаилу Ускоковичу посылаю свидетельство о дворянстве. Все Ваши знакомые здесь здоровы, кланяется Вам побратим, Григорий И. Милакович.

Прощайте, Яков Николаевич! И не забудьте Вам душою преданного

В(ладыку) Черногорского П. П. Негоша

Цетине, 5-го Генваря 1846 года

Помета: Получ. 10 февр.

Бокова В. Примечания: Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 363—367. — [Т. XII].

Материалы публикуются: ГАРФ. Ф. 109 СА Оп. 2. Д. 132 (автографы); письма П. П. Негоша — РГАЛИ. Ф. 2117. Оп. 1. Д. 3 (писарская рука с подписью-автографом).

1 Меттерних Клеменс Венцель Лотар (1773—1859), князь, австрийский канцлер в 18210—1848 гг.

2 Татищев Дмитрий Павлович (1769—1845), действительный тайный советник, сенатор, чрезвычайный и полномочный посол в Вене в 1826—1841 гг.

3 Мелания Меттерних (урожд. Зичи-Ферарис) (? —1854), княгиня, третья супруга К. Меттерниха (с 1831 г.).

4 Паскевич Иван Федорович (1782—1856), светлейший князь Варшавский. Генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского с 1832 г.

5 Унгерн-Штернберг Эрнст Романович, барон, коллежский советник, русский резидент в Кракове.

6 Имеется в виду либеральная позиция “Франкфуртского журнала”, часто допускавшего антирусские выпады, а также то, что в 1830-х гг. Краковская республика была одним из центров деятельности польских тайных обществ.

7 Франц I (1708—1765), австрийский император в 1754—1765 гг.

8 О поездке Николая I в Вену см.: “Император Николай Павлович в Вене в 1835 г.” // Русский Архив. 1882. Кн. 1. № 1.

Архив, 1882. Кн. 1. № 1.

9 В 1830-х гг. польская политическая эмиграция сосредоточивалась главным образом во Франции, хотя несколько влиятельных группировок осело и в других европейских странах.

10 В польской эмиграции было несколько влиятельных лиц, носивших эту фамилию (Луциан Платер, ездивший в 1835 г. эмиссаром в Европу; Владислав Платер (1806—1889), видный публицист и др.). Вероятно, речь идет о графе Людовике Платере, занимавшем в 1830—1831 гг. пост главноуправляющего Министерства финансов польского правительства.

11 Здесь: привлекателен (от ит. Бельведер — красивый вид).

12 Маззини (Мадзини, Маццини) Джузеппе (1805—1872), итальянский революционер, журналист, критик, основатель тайного республиканского общества "Молодая Италия". Активный участник антиавстрийского восстания 1848—1849 гг.

13 "Юная Греция" — очевидный аналог тайного общества "Молодая Италия".

14 Разумовский Андрей Кириллович (1752—1836), князь, дипломат; при Александре I посол в

Вене; почти постоянно жил там и по выходе в отставку. Долги Разумовского в последние годы его жизни достигли фантастических размеров. Как писал его биограф, "император Франц приказал за ним (Разумовским) признавать все права и преимущества действительного иноземного посла... Вследствие этого никто не имел права ни арестовывать его, ни описывать его имущество, ни даже приносить на него жалобы в судебные места. Всем кредиторам приходилось обращаться в Министерство иностранных дел, от которого не получалось никакого ответа, так как переписка о долгах кн. Разумовского составляла уже многие огромные тома бумаг и равно надоела всем чиновникам, как в Вене, так и в Петербурге". (Васильчиков А. А. "Семейство Разумовских." Т. 4. СПб., 1887. С. 593).

15 В 1836 г. Вену посетили сыновья короля Луи-Филиппа — Фердинанд, герцог Орлеанский (1810—1842) и Луи, герцог Немурский (1814—1896).

16 Бисмарк Фридрих Вильгельм (1783—1860), граф, дипломат, военный писатель.

17 Речь идет о нашумевшем в свое время убийстве комиссара краковской полиции.

18 Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, статский советник, советник посольства в Вене. Впоследствии министр иностранных дело, канцлер.

19 Емельянов Иван Васильевич, надворный советник, контролер Министерства императорского двора.

20 Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), генерал-лейтенант, начальник штаба корпуса жандармов с 1835 г.

21 Приплата.

22 В сентябре-ноябре 1831 г. после подавления польского восстания войска России, Австрии и Пруссии временно оккупировали Краков.

23 Фельдмаршал — И. Ф. Паскевич; Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, министр иностранных дел в 1816—1856 гг.

24 Стефан Стратимировский (Стеван Стратимирович) (? —1836), карловацкий митрополит, глава Сербской православной церкви в Австрии с 1790 г., сербский просветитель, библиофил.

25 Руссо Александр (Алеку) (1819—1859), молдавский и румынский писатель, публицист, основоположник молдавско-валашской прозы. В 1848 г. участник революции в Молдавии и Трансильвании.

26 Алибо Луи (1810—1836), французский революционер; казнен за покушение на короля Луи-Филиппа.

27 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области с 1823 г.

28 Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк, писатель.

29 Швейцер Карл Фердинандович, барон, надворный советник; состоял в 1830-х гг. чиновником при III отделении.

30 Кошут (Косут) Лайош (1802—1894), известный венгерский революционер, журналист.

31 Комитаты — наиболее крупные административно-территориальные единицы в Венгрии, пользовавшиеся правами самоуправления.

32 В 1832—1836 гг. Л. Кошут издавал литографированные листки “Известия государственного собрания” (вышло 314 номеров тиражом в 40—70 экз.). После закрытия сессии Государственного собрания в 1836 г. Кошут стал выпускать в Пеште “Известия законодательного органа”, которые переписывались и размножались.

33 Митрополит Негош — Петр II Петрович Негош (1813—1851), правитель Черногории с 1830 г., поэт. Традиционно светская и духовная власть в Черногории объединялась в одном лице. Черногорский правитель также являлся верховным военачальником и судьей. Настоящее имя Петра II — Радивой Петрович Томов; он был племянником черногорского правителя Петра I Негоша (1747—1830). В 1831 г. был пострижен в иеромонахи и произведен в архимандриты с переименованием в Петра. В 1833 г., приехав в Россию., был посвящен в архиереи и тогда же впервые принят Николаем I. Русское правительство традиционно поддерживало Черногорию; еще Петр I определил ей ежегодную субсидию (первоначально в 500 руб.).

34 Негош Георгий Петрович — племянник Петра I Негоша, первоначально считался его преемником. Обучался в России. В 1829 г. снял с себя сан иеродиакона и вступил в русскую военную службу (в кавалерию).

35 Округ Грахово считался частью Османской империи. Еще при жизни Петра I добиться независимости, прекратили повиноваться и платить дань туркам. В 1830-х гг. конфликт усилился; в августе 1836 г. произошла серьезная стычка черногорцев с войском Али-паши Ризванбеговича, посланным усмирять граховлян. В стычке, между прочим, был убит младший брат Петра II Негоша.

36 Монастырь Махинский — иначе Маинский монастырь близ города Будвы.

37 Монастырь Цетина — нынешний город Цетинье. Петр I Негош перенес сюда столицу Черногории.

38 Перечисленные обвинения были следствием жалоб, принесенных на владыку в Петербурге И. Вукотичем и М. Вучиевичем (см. О них прим. 49).

39 Родофиникин Константин Константинович (1760—1838), статский советник, член совета Министерства иностранных дел. В 1835 и 1837—1838 гг. исполнял обязанности министра иностранных дел.

40 Караджич Вук Стефанович (1787—1864), сербский филолог, этнограф, историк.

41 В 1837 г. в Тюбингене и Штутгарте вышла на немецком языке книга В. Караджича “Montenegro und die Montenegriner”.

42 Осенью 1837 г. было арестовано несколько активных деятелей тайного “Содружества польского народа”, центр которого находился во Львове (австрийском Лемберге).

43 К. В. Нессельроде.

44 А. С. Пушкин.

45 В 1837 г. эпидемия гриппа охватила почти всю Европу.

46 Венский городской парк, расположенный на острове, образованном Дунаем и Дунайским каналом. О холодной весне 1837 г. писали все европейские газеты.

47 Михаил Павлович (1798—1849) — великий князь, младший брат Николая I. Жена Михаила Павловича — великая княгиня Елена Павловна была урожденной принцессой Вюртембергской.

48 Семья Радоничей занимала наследственный пост губернаторов-соправителей Черногории. После смерти Петра I Негоша Вуколай Радонич попытался захватить единоличную власть в стране, но, потерпев неудачу, бежал с семьей в Австрию. На родине был приговорен к смертной казни, замененной владыкой Негошем на сложение с Радоничей губернаторства.

49 Иван Иванович Вукотич состоял некоторое время на русской службе. В 1831 г. приехал в Черногорию, занял пост председателя Сената и принял участие в предпринятых Петром II Негошем реформах. В 1834 г., поссорившись с владыкой, покинул Черногорию вместе с племянником Матвеем Петровичем Вучичевичем. Оба они ездили в Россию жаловаться на владыку; в поездке их сопровождал Марко Радонич.

50 Строев Сергей Михайлович (1815—1840), историк, брат известного историка и журналиста П. М. Строева. В 1830-х гг. активный сотрудник журнала “Сын Отечества”. В 18378 г. ездил за границу для поиска славянских рукописей в европейских архивах.

51 В “Сыне Отечества” статьи Озерецковского не появилась.

52 Уркуарт (Уркварт) Дэвид (1805—1877), английский дипломат. В 1837 г. основал дипломатический орган “Портфолио”, имевший большое влияние на европейское общественное мнение.

53 Вильгельм IV (1765—1837), король Великобритании в 1830—1837 гг.

54 Монтенегро — итальянское название Черногории.

55 Недоба Федор Иванович (1770—1846), дипломат. Входил в Кишиневское окружение А. С. Пушкина.

56 Милош I Обренович (1780—1860), Верховный князь Сербский с 1813 г. Как раз в середине 1830-х гг. происходила переориентация внешнеполитического курса Сербии: отказ от традиционного покровительства России и поиск поддержки со стороны Англии.

57 К. К. Родофиникина.

58 Фирман, гатешериф — указ, повеление.

59 Солиман II Великолепный (правил 1520—1566), турецкий султан, значительно расширивший

границы Османской империи.

60 Струве Генрих Густавович, действительный статский советник, советник российского посольства в Вене.

61 Гагич Иеремей Михайлович, надворный советник, российский вице-консул в Рагузе и Далмации. Через Гагича главным образом осуществлялись сношения России с Черной Горой (см. его донесения в кн.: Лавров Н. А. Петр II Петрович Негош, владыка Черногории и его литературная деятельность. М., 1887).

62 Кассини Павел Викторович, граф. Титулярный советник, российский консул в Триесте.

63 Эссен Петр Кириллович (1772—1844), граф, генерал-губернатор Петербурга в 1830—1842 гг.

64 Катаро — ныне г. Котор.

65 Зара — старинное название гор. Дубровника.

66 Милакович Дмитрий (ум. 1858), "народный секретарь" Черногории. По поручению Петра II

занимался изданием учебников по грамматике и арифметике; издавал в 1835—1839 гг. альманах "Грлица", где печатались стихи владыки.

67 Петр I Петрович Негош (1747—1830), правитель Черногории с 1781 г.

68 Нахия — округ; возглавлялся наследственным сердарем (главой).

69 Даниил Петрович Негош (ум. 1735), владыка Черногорский. Стоял во главе черногорских племен с 1697 г.

70 Вукотич Стефан Перов, старейшина Катунской нахии. О помощи его и Петра Томова Петровича, брата Петра II, пострадавшим от голода в 1836 г. доносил в Россию также И. М. Гагич (см. Лавров Н. А. Петр II Петрович Негош... с. 67—69).

71 Вследствие этого распоряжения в Черногорию был послан Е. П. Ковалевский (1809—1868), капитан Горно-инженерного корпуса, впоследствии сенатор.

72 Бердяне — северные черногорцы.

73 Махмуд II (1784—1839), турецкий султан с 1808 г.

74 А. С. Пушкин. Правильный текст: "Я ускользнул от Эскулапа // Худой, обритый, но живой").

75 Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт.

76 Фрейганг Василий Иванович, статский советник, русский генеральный консул в Венеции.

77 Егор Петрович Ковалевский в Черногории побывал дважды: в 1838 и 1853 гг. Описал первую поездку в своей книге "Четыре месяца в Черногории" (СПб., 1841), в которой, между прочим, поместил такой портрет Петра II: "Чрезвычайно высокого роста, стройный, с черными, как смоль, ниспадающими по плечам волосами, с глазами, полными блеску, правильными чертами лица — Владыка представляет образец мужественной красоты" (с. 17). Ковалевский был также автором статьи "Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события" (Современник. 1854, № 6).

78 Буе Ами (1794—1881), геогност, основатель и первый президент Парижского геологического общества.

79 Барятинский Александр Иванович (1815—1879), князь, поручик лейб-гвардии Кирасирского полка. Впоследствии генерал-фельдмаршал, герой Кавказской войны (которая при нем и завершился в 1859 г.). К описываемому времени успел уже отличиться на Кавказе, был награжден саблей “за храбрость” и в январе 1836 г. назначен состоять при великом князе Александре Николаевиче, вместе с которым совершил в 1838—1839 гг. путешествие по Европе (именно Барятинский был послан в Петербург с сообщением о помолвке наследника с принцессой Гессен-Дармштадской). Описанное ниже происшествие дополнило чреду несчастных случаев, приключившихся с Барятинским в 1830-х гг.: в 1834 г., заспорив с М. Ю. Лермонтовым (своим однокашником по юнкерской школе) о возможности переносить физическую боль, Барятинский получил тяжелый ожог горящей лампой, в сентябре 1835 г. был тяжело ранен на Кавказе, а в 1840 г. серьезно разбился на скачках, беря барьер, и около месяца был без сознания.

80 В результате этих литературных занятий Озерецковского появилась повесть “Лотерейный билет”, вышедшая в свет в 1840 г. под одной обложкой с другой его повестью — “Беата” — и общим названием “Повесть и быль” (СПб.).

81 Фердинанд I (1793—1875), австрийский император в 1835—1848 гг.

82 Гай Людевит (1809—1872), деятель Хорватского возрождения, журналист, один из идеологов иллиризма, в основе которого лежала мысль об этническом родстве славянских народов, общности их языков и исторических судеб.

83 Речь идет о польском патриотическом обществе, возникшем на Волыни около 1834 г. и распространявшим свое влияние на Подолию, Белоруссию, Литву. В 1838 г. были арестованы лидеры общества — Шимон Конарский, Гаспер Машковский и др. Всего к суду было привлечено 215 человек.

84 Фрушка (Фруско) Марино Антонович, титулярный советник, российский вице-консул в Венеции.

85 Адлунг (Аделунг) Александр Федорович, коллежский асессор, третий советник российского посольства в Вене.

86 В это время наследник Российского престола великий князь Александр Николаевич совершал путешествие по Европе, одной из целью которого был поиск невесты. Летом 1839 г. Александр познакомился с принцессой Марией Гессен-Дармштадской и обвенчался с ней в апреле 1841 г.

87 Мошковский Каспер (Машковский Гаспер), один из лидеров польского “Патриотического общества”, существовавшего в 1834—1838 гг. на Волыни (см. Примеч. 90). Его воспоминания см.: Русский архив, 1909, № 4.

88 Великого князя Александра Николаевича.

89 Колоредо (Коллоредо), фон Франц де Паула (1799—1859). Граф, дипломат; с 1843 г. было послом в Петербурге.

90 Эрцгерцог Карл (1771—1847), брат австрийского императора Франца I, участник наполеоновских войн, военный теоретик; эрцгерцог Франц Карл (1802—1878), младший сын Франца I, брат Фердинанда I.

91 Сражение под Асперном произошло 21—22 мая 1809 г.

92 Бауернфельд Эдуард (1802—1890), немецкий драматург, комедиограф.

93 Григорий И. Милакович. Обычай побратимства был в Черногории одним из наиболее чтимых.

Обменявшись нательными крестами, побратимы становились братьями и этот союз считался святым и ненарушимым.

94 клафтер — мера длины, около 2 м. Колебался от 1,896 м (венский клафтер) до 2,5 м (гессенский клафтер).

Публикация В. БОКОВОЙ

Рапорт полковника П. П. Аносова о пребывании Его Императорского Высочества государя Наследника Цесаревича на Златоустовских заводах

Рапорт полковника П. П. Аносова / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Г. Ф. Соловьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 367—370. — Из содерж.: Аносов П. П. Краткое сведение о пребывании Его Императорского Высочества государя Наследника Цесаревича на Златоустовских заводах. — С. 368—369. — [Т. XII].

В 1837 году 19-летний цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II, совершил поездку по России, целью которой было личное знакомство со страной и ее народом. Император Николай I считал такое путешествие необходимым дополнением к теоретическим познаниям сына. В числе лиц, сопровождавших наследника, был его воспитатель и наставник В. А. Жуковский.

За семь месяцев Александр Николаевич объехал тридцать губерний, делая короткие остановки в главных городах, посетил Сибирь, — конечной точкой путешествия в Азии был город Тобольск. На обратном пути цесаревич посетил Златоустовский оружейный завод, основанный при Петре I.

Директором и горным начальником Златоустовских заводов был тогда Павел Петрович Аносов (1799—1851), известный ученый-металлург, геолог, инженер-изобретатель. Так, в 1837 г. Аносов осуществил переплавку чугуна в сталь; первым в России разработал технологию изготовления огнеупорных тиглей, ранее ввозимых из Германии — основного оборудования стале — и золотоплавильного производства того времени; изобрел новые золотопромывальные машины. В районе Златоуста Аносов вел большие работы по изысканию месторождений золота, железной руды и пр.; первый выполнил геологический разрез Урала от Златоуста до Миасса. Автор многих научных трудов по металлургии и геологии.

Рапорт П. П. Аносова о посещении цесаревичем Златоустовский заводов был представлен в Департамент горных и соляных дел. Публикуется по подлиннику (писарской рукописи), хранящемуся в РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 134. Л. 2—6 об.

Краткое сведение о пребывании Его Императорского Высочества государя Наследника Цесаревича на Златоустовских заводах

Его Императорское Высочество по тракту из города Челябинска изволил прибыть в миасский завод 7 числа* в 6 часов по полудни. Здесь Его Высочество был встречен исправляющим должность главного начальника г. полковником Меньшениным 1-м и горным начальником Златоустовских заводов и директором Оружейной фабрики г. полковником Аносовым; по представлении сим последним чиновников местного управления, Его Высочество изволил осматривать Минеральный кабинет, состоящий преимущественно из ископаемых округа Златоустовских заводов; потом фабрику, где производится плавка золотосодержащих наносов в шахтных печах по способу, изобретенному г. полковником Аносовым1, причем им представлено было краткое описание плавки и проба золота, полученного из чугуна2, опытную амальгамирную фабрику, устроенную по образцу венгерских амальгамирных мельниц;

промывку песков в бочках на машине, изобретенной г. Агте. По окончании осмотра заводского действия Его Высочество изволил отправиться в 7 1/2 часов далее во тракту на Златоустовский завод, и остановившись у церкви Миасского завода, был встречен местным духовенством и изволил приложиться ко кресту.

Около 10 часов вечера Его Высочество прибыл к предместью Златоустовского завода, называемому Ветлужским селением, у которого и был встречен полицмейстером завода и во множестве жителями, преимущественно состоящими из русских и иностранных мастеров. Единогласное громкое “ура!” и “виват!” были первым приветствием высокому посетителю, а юные иностранки в знак радости бросали цветы перед экипажем Его Высочества. В это время завод был уже иллюминован. Подъезжая к квартире чрез заводскую плотину и площадь, полные восторженным народом, приветствовавшим Его Высочество беспрестанным “ура!” Его Высочество был встречен почетным караулом и горным начальником Златоустовских заводов. Который и проводил Его Высочество в назначенные покои.

На другой день 8 числа, в 11 часов Его Высочество изволил наачть осмотр как завода, так и оружейной фабрики, приказав предварительно горным чиновникам быть при своих местах, где они и были представляемы; а прочие чиновники были представлены до осмотра завода. Его Высочество изволил осмотреть по заводу: выплавку чугуна из железных руд и

золотосодержащих песков в доменных печах, кирпичное производство, приготовление литой стали, растворение золотистого железа в серной кислоте; по оружейной фабрике: дело сырой стали, дело рафинированной стали, ковку клинков, закалку клинков, точку и полировку клинков, отливку медных эфесов, дело железных и кожаных ножен, отделку саперных ножей, приготовление кирас, приготовление различных хирургических инструментов из литой стали и булатного оружия.

Осмотревши помянутые производства, Его Высочество изволил заехать к одному из иностранных мастеров, живущих в Златоусте, Бургеру, чтобы видеть образ жизни иностранцев и домашний быт их, причем Его Высочество подарил хозяину дома 200 рублей. Отсюда Его Высочество проехал в церковь, где по выслушании ектении и по возглашении многолетия всему Императорскому Дому, Его Высочество отправился в госпиталь, а потом в арсенал Оружейной фабрики.

В арсенале, по осмотре различных вещей, были поднесены Его Высочеству булатное оружие различных образцов, которое Его Высочество и принял с особенным удовольствием, приказав доставить к себе, равно как и две вазы из литой стали с бронзовым украшением. За сим Его Высочество осматривал в устроенной здесь временной лаборатории процессы химического разложения золотосодержащих песков и получение золота из чугуна, также кабинет технический и библиотеку, образцы железных и чугунных изделий заводов Златоустовских и с заводов княгини Белосельской, доставленные в Златоуст по распоряжению генерал-адъютанта Сухозанета и представленные управляющим сих заводов, и в 3 1/2 часа изволил возвратиться во дворец.

После обеденного стола произведена была проба кирасам, приготовленным в виде опыта по Высочайшему повелению. Они, несмотря на близкое расстояние в 30 шагов, выдерживали удары пуль и заслужили одобрение Его Высочества, причем, мастеру дела кирас пожаловано 100 рублей. После сего Его Высочество всходил на сопку горы Уреньги, у подошвы которой находится занимаемый им дворец, чтобы видеть панораму Златоустовского завода и его окрестностей. Сопровождаемый свитою и последуемым множеством народа, он быстро поднялся до вершины сопки, на которой приветствуем был народом, покрывшим со всех сторон гору, многократным “ура!”. Вершина горы от почвы составляет около 500 футов. Отдохнув несколько, спустился поспешно вниз, несмотря на крутизну склона. Сим заключился незабвенный день пребывания Его Высочества в Златоустовском заводе.

На другой день 9 июня Его Высочество, подарив мастерам и мастеровым 1750 рублей, изволил

отправиться в 5 часов утра в обратный путь. Доехавши в экипаже до часовни, находящейся в 4 верстах от Златоуста, Его Высочество со свитою и некоторыми чиновниками Златоустовского завода пересел на верховых лошадей, тут приготовленных, пожелал проехать всю станцию верхом. Поднявшись на Урал, разделяющий Европу от Азии, Его Высочество изволил всходить на одну из высочайших сопок Урала по крутым утесам и россыпям. На самой вершине любовался разнообразием гор, грядами расположенных по направлению Урала и видимых на пространстве более 40 верст в обе стороны. Вершина Урала находится над поверхностию океана на 2098 футов, Его Высочество спустился потом по другому направлению, и, выехав на большую дорогу, проехал по тракту до самой станции, на которую и прибыл в 9 1/2 часов. В 10 часов Его Высочество изволил отправиться на Миасские золотые промыслы, там осмотрев добычу, перевозку и промывку песков, и памятник. Воздвигнутый на месте, удостоенном собственноручных трудов Государя Императора Александра I3, имел завтрак, и на первой станции, простившись милостиво с г. исправляющим должность главного начальника полковником Меньшениным и горным начальником Златоустовских заводов полковником Аносовым, изволил отправиться к станции Сулеменевой по тракту в город Верхнеуральскк. Мастеровым, бывшим в работе в Миасском заводе и на рудниках, удостоенных осмотра, Его Высочество изволил пожаловать 550 рублей.

Горный начальник и директор
полковник П. Аносов

(12 июня 1837 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 По словам очевидца майора П. Е. Ахматова, «в особенности обратила на себя внимание цесаревича плавка золотых песков в медеплавильных печах, по новому способу... полковника Аносова, Его Высочество изволил при этом назвать его алхимиком, сказав: “Вы, полковник, алхимик; вы из ничего делаете золото”» (Русская Старина. 1887 г. Т. 56. С. 676).

2 П. П. Аносов, производя по поручению Горного департамента испытания над обработкой золотоносных песков, открыл новый способ извлечения золота из песков посредством их плавки. Он предполагал, что окисленное железо, находящееся в песках, будет переходить в чугун, который, в свою очередь, должен собрать в себе золото; последнее предполагалось получать обработкой чугуна серной кислотой или присаживая к расплавленному чугуну в горне печи свинец. Опыты эти заинтересовали горное ведомство; описание их можно найти в “Горном Журнале” (1837. Ч. 3. Кн. 7. С. 28). Однако, практических последствий изобретение Аносова не имело.

3 Осенью 1824 г. император Александр I предпринял большое путешествие в восточные области Европейкой России и на Урал. 23 сентября 18224 г. он посетил открытый на миасских разработках необыкновенно богатый прииск, названный Царево-Александровским. Император пожелал поработать на этом прииске и собственноручно нарыл 22 пуда породы. На месте работы Александра I, в забое, была поставлена каменная пирамида с двуглавым орлом на вершине. В 1847 г. эта пирамида была заменена чугунной колонной.

Публикация Г. Ф. СОЛОВЬЕВОЙ

Записка К. Ф. Бутенева о торговле в Бухарин русским хищническим золотом

Бутенев К. Ф. Записка о торговле в Бухарии русским хищническим золотом / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Е. Князевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 370—373.

— Из содерж.: Бутенев К. Ф. Записка о торговле в Бухарии русским хищническим золотом. — С. 371—373. — [Т. XII].

В 1841 г., когда аванпосты англичан, воевавших с Афганистаном, приблизились к левому берегу Аму-Дарьи, из России по приглашению бухарского эмира была отправлена в Бухару политико-научная миссия, возглавляемая горным инженером подполковником К. Ф. Бутеневым. Миссия эта была известна под названием “бухарской экспедиции 1841 года”. В политическом отношении она не достигла никаких результатов, зато члены ее издали много ценных естественно-исторических, географических работ о Бухаре. Сам Бутенев опубликовал в “Горном журнале” за 1842 г. ряд статей по минералогии, метеорологии, монетному делу.

Но мало кто был осведомлен о другой, секретной, стороне миссии подполковника. Об этом свидетельствует ряд документов с грифом “секретно”, обнаруженных в фонде Департамента горных и соляных дел. При отъезде Бутенева в экспедицию министр финансов Е. Ф. Канкрин поручил ему “разведать нет ли в Бухарин и соседственных с нею странах торга хищническим русским золотом, и если оный существует, то какими главнейше путями производится”.

Публикуемая ниже записка вместе с рапортом и образцом золота, купленным Бутеневым в Бухаре, по возвращению в Россию были направлены им министру финансов. После

рассмотрения записки власти ужесточили надзор за добычей золота на уральских горных заводах и усилили таможенный досмотр вывозимых из России в Бухарию товаров.

О торговле в Бухарии1 русским хищническим2 золотом

Секретно.

1 августа 1842 г.

Значительнейшая торговля русским песчаным золотом с уральских промыслов производится через Троицк3, где некоторые жители постоянно скупают его в весьма малых количествах и потом перепродают отъезжающим в Бухарию купцам. Должно заметить однако, что при этом оно покупается более татарами, чем бухарцами. В Троицке платят за него от 9 рублей 50 копеек до 10 рублей ассигнациями за золотник.

Купцы, отправляющиеся в Бухарию, во избежание открытия у них хищнического золота таможенными чиновниками, большею частию отправляют его за несколько дней до выезда каравана в степь, впредь с киргизами, которые проезжая верхом налегке, избегают вовсе таможенного досмотра или подвергаются ему весьма поверхностно; когда же караван уходит в степь, они встречают его там и передают владельцам вывезенное золото, получая за то весьма незначительную плату. Впрочем и самые купцы по причине весьма поверхностного досмотра отпускаемых товаров весьма легко могли бы провозить его чрез таможенные заставы вместе с другими товарами.

Сбыт сего золота в Бухаре двоякий: или оно продается на базарах, в лавках у менял, где покупают его золотых дел мастера, или оно отдается на ханский монетный двор для передела в монету. В первом случае ценность его за золотник составляет от 18 до 19 тянег, бухарских серебряных монет, то есть от 12 рублей 24 копеек до 12 рублей 92 копеек ассигнациями. При сдаче его на монетный двор оно там подвергается очищению купелляциею4 и потом с примесью заключающегося в нем от природы серебра, переделывается в тиллы, то есть бухарскую золотую монету и тогда приноситель получает все количество выделанной из него монеты, приплачивая за очистку и переделку в монету по 1/2 тяньги с каждой тиллы, то есть 1/42 часть ценности золота.

Бухарцы находят эту торговлю выгодною и потому, что часть сего золота, привозя в Бухарию, они успевают скрывать в тайне от бухарской таможни и потому не платят за него закята5, положенного для них в 2 1/2 процента.

Количество всего хищнического золота, ежегодно привозимого из России в Бухару определить с точностью невозможно. При приходе троицкого и оренбургского караванов в нынешнем году в Бухару, рассказывали там будто всего привезено было 32 пуда хищнического золота, при том почти единственно с троицким караваном, либо из Оренбурга везется его очень мало, и то случайно, не каждый год. Во всяком случае показанное количество его было слишком увеличено в рассказах, что совершенно в характере бухарцев. По собранным мною тайно сведениям открывается однако же, что действительно в нынешнем году его привезено более обыкновенного количества, так что некоторые купцы, привозившие от 1 1/2 до 2 фунтов, в этот раз привезли его фунтов по 10 и более. Со всем тем я полагаю, что вышесказанное количество 32-х пудов можно, наверное, уменьшить в три или четыре раза, и в этом случае привоз нынешнего года составит от 8 до 11 пудов. В другие годы количество это не превышает 5 или 6 пудов.

Доказательством, что торговля эта не совсем малозначащая может служить между прочим и то, что в Бухаре слышал я от одного достоверного человека, будто бы там есть купцы, которые единственно с сею целию ездят в Россию, прикрывая только свои действия торговлею другими малоценными товарами.

По словам находившегося со мною в Бухаре горных инженеров штабс-капитана Богословского-

2, должно думать, что наибольшее количество золота, вывозимого из России чрез троицкую таможню, получается с частных золотых промыслов, лежащих в южном Урале, именно с троицких, и с находящихся на Башкирских землях, которые по самому положению своему удобнее для доставки с них золота в Троицк, и где сверх того надзор по этой части недостаточно строг.

Приобретенное мною покупкою в Бухаре хищническое русское золото, по словам его, наружным видом много сходствует с золотом тех промыслов. Сверх того видно, что это золото было похищено не с промывальных станков, но с разреза.

Совершенное прекращение торговли хищническим золотом вряд ли возможно, хотя по мнению моему есть средства значительно уменьшить его. Во всяком случае должно кажется начать с более бдительного и строго надзора в пограничных городах со стороны местной полиции. Я не могу и не хочу верить дошедшим до меня в Оренбурге слухам, будто бы тамошняя и троицкая полиции покровительствуют из своих выгод торговле ей, или даже, что лица, принадлежащие к полиции сами принимают участие в этой торговле. Тем не менее можно предполагать, что они имеют за сим слишком слабый надзор.

Не менее ого полезно было бы увеличить полицейский надзор в селениях лежащих поблизости казенных и частных золотых промыслов, особенно во время бывающих там ярманок, ибо по многим причинам должно полагать, что в это время в них производится первая передача золота от мастеровых купцам. Без сомнения открытие из большего числа хищников или скупщиков золота одного или двух, произвело бы опасение и в прочих, и тем послужило бы к уменьшению зла. Сверх того не сомневаясь в строгости надзора при самих разработках и промывках песчаного золота, мне неизвестно достаточно ли строг надзор за сим по заводским и рудничным селениям, особенно частным.

Со стороны таможен если невозможен будет самый строгий и положительный досмотр всех товаров, отпускаемых за границу, то можно будет досматривать таким образом по крайней мере некоторые вьюки наудачу, дабы тем вселить в купцов опасения, что в случае провоза ими золота, оно может быть открыто.

Для прекращения перевозки золота за линию киргизами можно бы со стороны таможни усилить надзор за ними при проезде их чрез заставы, и если обстоятельства не позволят осматривать таким образом всех проезжающих киргизов, то подвергать подобному осмотру хотя некоторых, но весьма строго не оставляя исследовать их платья, седла, конскую сбрую. Особенно это может

быть полезно по сношению с местной полиции с таможенным начальством, ибо в таком случае полиция сможет указать более подозрительных по ее мнению людей, хотя бы это не повело к прямому открытию золота, но устраша киргизов, могло бы уменьшить в них охоту к подобным делам, что по крайней мере стеснило бы это противузаконную торговлю.

Наконец, самое верное средство к уничтожению вывоза хищнического золота из России состоят в нечаянном и подробном осмотре бухарского каравана в степи, в некотором более значительном отдалении от линии. Может быть подобная мысль с первого взгляда может показаться стеснительною для торговли, но зная коротко бухарцев, можно ручаться, что самолюбие их не будет оскорблено подобным действием, а при некоторой поспешности в осмотре они не задержатся на дороге слишком продолжительное время, тем более, что золота должно будет искать у них во вьюках так называемого их портала, где они держат вещи, нужные им на путешествии, равно деньги и другие драгоценности, и с которыми вьюками они не разлучаются во все время их перехода чрез степь.

Только по моему мнению такой осмотр должно приготовить с величайшею тайною, дабы о нем не знали предварительно ни таможенные чиновники, ни градская полиция, и вообще, чтобы он оставался в неизвестности для всех, кто может быть с какой-нибудь стороны обвинен по сему делу в неисправности или в недосмотре.

О торговле золотом с сибирской линии я не мог собрать подробных сведений, и только известился, что в Кокане и особенно в Ташкенде привозят на продажу русское хищническое золото. Рассказывают, что два года пред сим один ташкендский купец привез из России пять фунтов такого золота, но дома узнал, что он был обманут, купивши вместо ожидаемого золота медного припою6.

Подполковник К. Ф. Бутенев

ПРИМЕЧАНИЯ

РГИА. Ф. 37. Оп. 121. Д. 436. Л. 3—5 об. Подлинник (писарская рукопись).

1 Среднеазиатское ханство, располагалось в бассейне реки Аму-Дарьи. Его столицей и местопребыванием эмира в XVI — нач. XX вв. был город Бухара.

2 Золото называлось хищническим, так как его добыча производилась тайно, беспорядочно, выбирались только богатые места и забрасывались остальные.

3 Уездный город в Оренбургской губернии, расположен в степной местности по левому берегу реки Уя при впадении в нее речки Увельки. Находился на главном транспортном пути из Средней Азии в Россию, с 1745 г. был местом для менового торга русских купцов с киргизами, ташкентцами другими среднеазиатскими народами. Ныне — город областного подчинения в Челябинской области.

4 Спуск золота на капели со свинцом для отделения мели, которая в соединения с ним уходит в капель.

5 Мусульманская подать.

Публикация Е. Е. КНЯЗЕВОЙ

Несколько документов о проблеме Кавказа

Сидорова М. В. Несколько документов о проблеме Кавказа // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 374—375. — [Т. XII].

Российская, 2003. — С. 374 — 375. — [Учеб.].

На рубеже XVIII—XIX вв. Кавказ объединял территории Закавказья и Северного Кавказа. Его населяли многочисленные народы, отличавшиеся друг от друга по языку, культуре, религии, уровню экономического развития. В политическом отношении — это было множество мелких феодальных государственных объединений, которые постоянно воевали друг с другом.

Распространение русского влияния на Кавказе происходило постепенно. Начало гражданского устройства было положено еще в 1785 г., когда из Астраханской области и Кутаисской губернии образовалось Кавказское наместничество.

В начале XIX в. в состав России вошли Грузия, Кубинское и Галышское ханства, Баку, Дербент, Дагестан. В результате русско-персидской войны (1826—1828), развязанной Персией, и русско-турецкой (1828—1829) по Туркманчайскому миру и Адрианопольскому мирному договору к России отошли Нахичеванское и Эриванское ханства (Вост. Армения), Ахалцыхская область и Черноморское побережье Кавказа (за исключением Батума). С этого момента кавказский вопрос превратился в проблему внутренней политики государства. Россия отказалась от русификации, терпимо относилась к религии и культурным традициям закавказских народов. В большинстве случаев подчинение России носило лишь номинальный характер, царизм не спешил распространять на Северный Кавказ свою военную и гражданскую администрацию. Тем не менее, в 20-е годы XIX в. на Кавказе усилились антирусские и антифеодальные выступления, которые приобретали характер разрозненных восстаний. Главными причинами их служило недовольство местного населения требованием царской администрации платить подати и налоги, различные повинности при строительстве дорог и укреплений. Большое значение в этих выступлениях играло духовенство, часто восстания имели религиозную окраску. Раздавались призывы к борьбе с “неверными”. Основными районами восстаний были Чечня и Дагестан. Имамом Дагестана в 1834 г. был провозглашен Шамиль.

В 1840 г. была проведена реформа местного управления (в составе России были образованы Грузино-Имеретинская и Каспийская области; Мингрелия и Абхазия остались в руках их владельцев). В том же году было разработано положение по управлению Закавказским краем.

“Главное управление Закавказского края составляют: наместник Его Императорского Величества и состоящие под непосредственным Его начальством: наместник гражданского управления и Совет Главного управления. В лице наместника сосредотачивается высшее местное управление всеми гражданскими, военными и пограничными делами сего края. В своих действиях он подчинен непосредственно Верховной власти”. (ПСЗ, № 13368 от апреля 1840 г.).

В 1842—1843 гг. были разработаны более подробные положения о наместнике и начальнике гражданского управления. Окончательно наместничество оформилось к 1844 г. Первым наместником стал М. С. Воронцов. Наместничество просуществовало почти 40 лет и было упразднено в 1882 г. (последний наместник — вел. кн. Михаил Николаевич). В 1883 г. было утверждено “Учреждение управлением Кавказского края” во главе с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, который одновременно являлся командующим войском Кавказского военного округа и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск. Правда, от этих переименований на Кавказе мало что изменилось, кавказская проблема была и остается одной из самых острых проблем современности.

Предлагаемые документы относятся ко времени существования Кавказского наместничества. Они хранятся в ГАРФ, в фондах Рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца. При передаче текста подчеркнутые места выделены курсивом

Логическим завершением данной публикации являются воспоминания Н. А. Бигаева (? —1951) “Последние наместники Кавказа в свете личных воспоминаний (1902—1917)”. Аатор — офицер российской армии, полковник, осетин по национальности. Состоял в конвое Кавкаского наместника, в 1915 г. назначен начальником конвоя вел. кн. Николая Николаевича. Активный

участник Белого движения. В эмиграции возглавлял Русский Обще-Воинский Союз в Чехословакии. Умер в Мюнхене 25 марта 1951 г. Воспоминания хранятся в ГАРФ в составе фондов Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА).

Николай I. Памятная записка А. И. Нейдгарту1 / [Публ. и примеч. М. В. Сидоровой] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 375—379. — [Т. XII].

I

Обязанности Главного начальника Кавказского края делятся на три главные подразделения:

1. По степени важности, военное, в высшем смысле.

2. Гражданское управление краем; самое трудное.

3. Дипломатические сношения.

1. По военной части

Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю преступною.

Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным.

Стоит взглянуть на карту, чтоб убедиться, что доколь соединяет Россию с Закавказьем один узкий перешеек, местами не шире двух или трех сажен, до того мы не можем отвечать за спокойствие и прочность нашего владычества. Из сего следует, что необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа.

Но это покорение следует исполнить не одним оружием, напротив того действовать осторожно неторопливо, и так чтоб куда достигнем, от толь не возвращаться не став твердой ногой. Генерал Нейдгарт читал мою Записку прошлого года, с тех пор малое изменилось в нашем положении. Несчастная экспедиция Генерала Граббе2 в Чечне, вновь доказала, что пользы нам немного от подобных попыток, тогда как при неудачах вред чувствителен, потерями офицеров и людей, тем более, что их трудно заменять. Напротив того, занятие Лабы, начатое занятие Сунджи и Ассы, обещают очевидные пользы, равно как занятие берегов Койсу. Словом, постепенное, но верное занятие нужных точек и оттеснение Горцев в самые ущелия гор, обещают нам, хотя и не скоро, но совершенное их покорение. Не упоминаю здесь об Черномории и Береговой линии, ибо все сказано об них в прежней записке. Занятие Гостогая и Варениковой пристани нас много подвинуло к желаемой цели и служит новым поводом утверждать, что сей способ действий, ежели он продолжительнее, то неоспоримо вернее.

Генерал Нейдгарт непременно должен иметь ввиду, что 14-я дивизия должна быть возвращена к своему корпусу при первой возможности, и что все меры должны быть употреблены, чтоб ускорить сие возвращение. Подвигаясь ближе к горам, мы сокращаем нашу линию, и тем самым число свободных войск должно увеличиваться и наконец войти в настоящий размер. Определив цель и главное основание военных действий, остается прибавить, что желательно, чтоб войска 19-й дивизии, кроме Апшеронского полка, не были б употребляемы без крайней нужды в горах, но оставались свободными вместе с Гренадерскою бригадою в виде резерва и употреблялись на одни потребности внутри края, для постройки дорог и укреплений.

Генерал Нейдгарт, действует как Корпусной Командир, но, не входя в подробности, представляет их дивизионными и бригадным начальникам, оставляя за собой один главный надзор или Инспекторскую часть; он не начальствует лично в экспедициях; но руководствует главным их направлением к общей цели. Устройство и благосостояние войск лежит на его непосредственной ответственности.

Постепенное возведение полковых и баталионных штабов и гошпиталей должно безостановочно начаться и деятельно производиться данными способами.

Не менее важный предмет составляет необходимое достижение возможности заменить регулярные войска местными ополчениями, приведя наконец к тому, чтоб регулярные войска оставались соединенными как бы во второй линии или резерве.

Образовать ополчения, дав им постоянное устройство, полагаю будет довольно легко, начало сему есть.

Прочее все заключается или в общих постановлениях, или упомянуто в моей прежней записке.

2. Гражданское управление

Географическое положение, разнородность всего населения, религий, обычаев и разновременное покорение, делают сию часть обязанностей Главного Начальника труднейшею и важнейшею. К сожалению сознаться должно, что сия часть от недостатка ли знания края, от отвлечения ли другими предметами, или от небрежения бывших начальников, находилась в самом жалком

положении, нельзя сказать, чтоб и последнее устройство края было б удобнее придумано, или хорошо исполнено, в том и другом произошли грубейшие ошибки, от неосновательности лица, которому дело поручено было, и на правдивость которого никак не должно было полагаться. Ошибки сии повлекли бы неминуемо к общему восстанию, ибо всякому терпению есть мера, и побудила меня послать Военного Министра3 лично все осмотреть и донести мне, с обычною его откровенностью, то что найдет. На его донесении основываясь, готовится новое исправленное Положение; оно дано будет в руководство Генералу Нейдгарту для постепенного и осторожного введения. В сих бумагах находится столь ясное изложение точки зрения, с которой взирать должно на дела наши на Кавказе, что я не могу ничего к оному прибавить. Остается желать, чтоб Генерал Нейдгарт проникнулся сими убеждениями, которыми я руководствовался при частых моих суждениях с Военным Министром и с ним.

Николай I

Но необходимо Генералу Нейдгарту убедиться, что он блюститель высшего порядка, и потому не вмешиваться ему в подробности т. е. дневного течения дел; но, руководствуя общим ходом управления, употреблять время на подробное изучение края в высшем смысле для тех улучшений, которые одно время указать может.

Доступный для всех, он ласковым, справедливым и строгим соблюдением порядка должен вселять во всех, доверенность, уважение и любовь к себе, ему должно действовать на умы разнообразного населения; для того в особенности ласкать различное духовенство, влияние которого столь сильно.

На воспитание Генерал Нейдгарт должен обратить особое внимание. Возможное соединение в одних школах воспитанников из всех народов весьма желательно, и потому полезно елико можно увеличить число народных и уездных училищ; но воспитание в самом крае никак не должно превышать обыкновенных Гимназических степеней ибо все высшее образование для способнейших должно непременно быть в России, т. е. в общем корыте Империи; даровать же его за Кавказом было б действовать вопреки коренным правилам здравой политики. Женский институт получил уже хорошее основание и должен быть поставлен на степень равную со всеми прочими Губернскими Институтами.

Поощрять коммерческие сношения с Россиею и доводить о всем полезном в сем деле до моего сведения, непременно входит в обязанность Генерала Нейдгарта, так как и все касающееся до промышленности края. Что касается до внешней торговли ему следует смотреть на оную не как

промышленность края. Все начальство внешней стражи ему следует иметь как
частному Начальнику одной области Империи, но как высшему Сановнику, которому нужды Государства и положение его известны, и потому не увлекаться частными выгодами края, вопреки общим пользам Империи.

Наконец, ему следует всячески стараться, не обременяя край, изыскивать средства покрыть, хотя со временем, издержки на управление и на содержание войск, способами местными, стараясь получить доход от предметов, которые или дурно управляются или скрываются в пользу частных злоупотреблений, или пользуясь богатствами доселе еще не разработанными.

3. Дипломатические сношения

В этом должность Главного Начальника хотя и важна, но всех легче в исполнении ибо основана на положительных данных.

Данные сии суть:

1. Сохранять доброе согласие с соседями, держась слепо трактатов.

2. Давать защиту соседним подвластным, когда случай, приведя их в край наш, подверг обидам

наших властей или подданных.

3. При требовании выдачи преступников, немедля их выдавать, требуя в замен того же и от соседей.

4. Отношениям с соседними властями давать всегда самый дружеский вид.

5. Быть в постоянных сношениях с нашими миссиями и агентами для избежания всяких недоразумений.

6. В непредвиденных случаях доносить мне и ожидать моего разрешения.

Общее заключение

Главный Начальник есть мое доверенное лицо; он пользуется обширною властию и мне одному дает отчет в своих действиях. Но в обычном течении дел он слепо следует по наставлению, которым снабжен и подает пример строгого исполнения постановлений.

Для помощи ему по Гражданским делам дан Главноуправляющий по Гражданской части, или Генерал-Губернатор4. Необходимо чтоб Генерал Нейдгарт оказывал ему должное уважение, дабы не ронять значения сего лица в крае.

Во всех случаях где Генерал Нейдгарт считает сие нужным, он обращается прямо ко мне, и от меня одного получает разрешения; но сего полномочия не употребляет во зло и не обременяет меня не дельными представлениями о предметах, которые сам разрешить может.

Развязанный таким образом в своих действиях и свободный от мелочнаго управления, он имеет время напрягать все свои силы и способности, дабы все направлять к общей моей цели, помня, что ежели моя доверенность и к нему велика, столь важна и его ответственность пред Богом и Государем.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1942. Автограф. Приложена записка рукой А. И. Нейдгардта:“Памятная записка, писанная собственноручно Его Императорским Величеством и лично мне отданная Государем Императором в Царском Селе ноября 1-го дня 1842 года. Генерал-адъютант Нейдгардт.”

Неидгардт.

1 Нейдгарт Александр Иванович (1784—1854), генерал от инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий Закавказским краем (1842—1844), член Военного Совета (с 1845), начальник штаба Гвардейского корпуса и генерал-квартирмейстер Главного штаба (1830—1833).

2 Граббе Павел Христофорович (1787—1875), граф, генерал-лейтенант, командующий войсками Кавказской линии и Черноморским Казачьим войском (с 1838), атаман Войска донского (с 1865), член Государственного Совета (с 1866).

3 Чернышев Александр Иванович (1786—1857), светлейший князь, генерал от кавалерии, сенатор (с 1827), военный министр (1832—1852), председатель Государственного Совета и Комитета министров (1848—1856).

4 Должности военного и гражданского губернаторов при А. И. Нейдгарте были соединены.

Воронцов М. С. Письмо Великому князю Константину Николаевичу, 8 февраля 1852 г. Тифлис // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 379—380. — [Т. XII].

II

ПИСЬМО М. С. ВОРОНЦОВА1 ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ2

Ваше Императорское Высочество.

Чувствую себя виноватым пред Вашим Императорскми Высочеством в том, что получив столь лестное для меня приказание Ваше сообщать о том, что делается у нас на Кавказе, я замедлил исполнением оного. Причиной тому было что скоро после возвращения моего в Тифлис в ноябре, я был около двух месяцев более или менее нездоров разными недугами, непозволяющими мне даже вполне, как я бы того желал, заниматься многочисленными, кроме текущих, делами по внутреннему управлению края, всегда запущенными в течении 7-ми месячной походной жизни и для исправления которых мне в течении года остается только то время, когда я в Тифлисе.

Прося всепокорнейше за таковое хотя неумышленное упущение милостивого снисхождения Вашего, я беру смелость присем во исполнение воли Вашего Императорского Высочества почтительнейше Вам представить две записки, с объяснением в одной по военной части, а в другой по гражданской всего того, что в течении последнего полугодия случилось сделать в разных местах края, а по самому управлению что сделано и что начато делать.

Военные действия, по милости Божией, всегда были успешны и все предприятия большие или малые со стороны неприятеля, по приказанию Шамиля3 ни в каком месте ни в одном отношении не удались. Главные статьи в это время были со стороны правого фланга; твердое основание наше на реке Белой, дающее нам всегда легкий и свободный приступ в земли враждующих еще Закубанских народов и особенно сильнейшего из всех племени Абазехов. По окончании сего укрепления мы начали строить мост на Белой с тет де поном* и эта необходимая работа будет окончена в течение весны, а еще в начале прошедшего года для сообщения с новым укреплением окончательно выстроен мост на Лабе у станции Тенгинской. В Дагестане были две сильные попытки Шамиля взбунтовать против нас Табасаран и Кайтаг и попытки сии хорошими распоряжениями и твердостью князя Аргутинского Долгорукого4 были сильно наказаны.

Наконец в Чечне князь Барятинский5 блистательно начал ежегодную зимнюю экспедицию внезапным занятием и истреблением главного селения Большой Чечни Автура и потом истреблением большой части остающихся препятствий для входа и покорения ущелий на горной Чечни. Войска Кавказского корпуса везде показали обычную их неустрашимость и знание

Чечня. В конце января Кавказского корпуса Воздвиженский отряд под начальством военного дела. Кровавый подвиг генерала Суслова6 нам причинил довольно значительный урон, но это было необходимо и малейшая нерешительность в атаке крепкой позиции наиба Бук Магомета имела бы для нас самые неприятные последствия. Во всех других местах потеря наша почти ничтожна в рассуждении численности; но судьбами Всевышнего определено было нам оплакивать двух из отличнейших воинов Кавказского корпуса, двух настоящих героев7, коих служба несколько лет беспрестанно ознаменована в пользу Государя и Российской славы и много еще обещала для будущности.

В продолжение исполнения воли Вашего Императорского Высочества, столь для нас лестной, по окончании зимней экспедиции в Чечне, то есть в начале марта, я буду иметь честь донести Вам о результатах самой экспедиции и о всем том, что может быть в это время произойдет и что мне покажется достойным быть доведенным до сведения Вашего.

С глубоким высокопочитанием и преданностью имею честь быть Вашего Императорского Высочества

Покорнейший слуга К(нязь) М. Воронцов

8 февраля 1852 г., Тифлис

Помета: Получено в Венеции 6 № / 18 марта 1852.

Обзор военных происшествий на Кавказе с августа 1851 по февраль 1852 года // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 381—387. — [Т. XII].

III

Великий князь Константин Николаевич

На Черноморской береговой линии произведены были удачно и благоразумно неоднократные увеличения отрядов в земли Натухайцев; особенно в ноябре и декабре истреблено большое число аулов и запасы непокорных жителей. Натухайцы, устрашенные этим наказанием, видимо, склоняются к мирным с нами сношениям.

На других пунктах этой линии все было спокойно.

На Черноморской Кордонной линии к особенно важным результатам, достигнутым нами с этой стороны, должно отнести покорность Хамышейского и Чеченского народов, принесших присягу на верноподданство Государю Императору в ноябре и декабре месяце, при содействии отрядов наших, благовременно направленных в их земли.

На правом фланге Кавказской линии. Возведение нового форта на р. Белой сильно поколебало все соседние непокорные племена, которые убедились, что мы имеем возможность наказывать их во всякое время года и что они поставлены в зависимость от нас даже относительно средств к своему существованию; эти последствия действительно вскоре обнаружились.

При увеличении отряда нашего в ноябре месяце в Майкопское ущелье, к верховьям р. Белой, ближние Абадзехские племена, находившихся в сборе, выслали старшин своих навстречу войскам нашим, уверяя в готовности своей к покорности и явно отреклись от Магомет Амина8, который должен был укрыться в отдаленные леса, с опасностью собственной жизни. Общая наклонность к покорности закубанских племен уже отчасти подтвердилась на деле выходом к нам Темиргаевских аулов, коих примеру последовали и некоторые другие селения.

В Центре линии спокойствие ничем не нарушалось.

Во Владикавказском округе. Твердое положение наше на Сунже и постоянно удачные дела, энергически и благоразумно веденные бывшим начальником Верхне Сунженской линии доблестным генералом Слепцовым, вытеснили неприязненное население с плоскости малой Чечни в ущелья гор. Нужно было отыскать его и там и, прорубив просеки в главнейших ущельях, доказать ему, что оно не может быть ничуть в безопасности от нашего оружия. В этих видах отряд наш двинулся в декабре к верховьям р. Белой и приступил к рубке леса. 10-го декабря он имел блистательное дело с неприятелем: сильная позиция у Нурикаевских хуторов была взята штурмом и Чеченцы понесли огромную потерю; но к несчастью успех этот стоил нам известного своими доблестными качествами и заслугами генерала Слепцова, сраженного пулей в грудь. Принявший по его смерти начальство барон Вревский9, успешно продолжил работы и перейдя на р. Валерик, окончил новую просеку соединяющую Гехинское и Шалажинское ущелья.

На левом фланге Кавказской линии. Замечательным и всяческим событием было прибытие в кр(епость) Воздвиженскую известного Гаджи-Мурата10, который оставил ряды поборников Шамиля, явился к нам с покорностью. Шамиль лишился таким образом самого смелого, искусного и влиятельного помощника и предводителя партий; это произвело везде в горах самое невыгодное для него впечатление. В исходе декабря командование левым флангом поручено генерал-майору князю Барятинскому, а с начала января собранный отряд в Б(ольшой) Чечне

производит успешно вырубку просек от Аргуна к Автуру и к предгорьям Черных гор. Смелым и хорошо рассчитанным набегом, генерал-майор князь Барятинский овладел двумя самыми населенными и крепкими аулами: — Автуром и Гелдигеном и предал их пламени. Шамиль, прибывший лично в Чечню, не только не мог спасти своих приверженцев от гибели, но должен был опасаться за собственное свое убежище, когда войска наши, при возвращении приняли направление на Ведень, для рекогносцировки дороги, ведущей туда по ущелью р. Хулхулу, по которой прошли около 5-ти верст. Шамиль укрепил сильную позицию у Андийских хуторов, на фланге обратного пути следования отряда и сам прибыл туда со сборищем и лично участвовал в этом жарком бою. Но командовавший левой цепью флигель-адъютант полковник князь Воронцов быстрой и отвлеченной атакой овладел этой позицией и горцы потерпели здесь совершенное поражение. Войска возвратились в лагерь, истребив на пути большое количество запасов, собранных жителями для зимних действий.

Пользуясь упадком духа и расстройством неприятеля вследствие этих ударов, начальник чеченского отряда придпринял новый ряд набегов, увенчавшихся полным успехом. Таким образом колонна высланная из лагеря, под командой генерал-майора барона Меллер-Закомельского11, двинувшись к предгорьям между Аргуном и Режалкой, истребила пять аулов — Чингорой, Юсуп, Центерой, Рджалий и Сангерей; несколько дней спустя, избрав предметом действий Нагорную Малую Чечню, главные силы чеченского отряда произвели новый набег в двух колоннах, из коих одна, под начальством генерал-майора барона Вревского, истребила непокорные селения в верховьях Рошни; а другая, коей командовал лично генерал-майор князь Барятинский, внезапно явилась в ущелье р. Гойты и нанесла там неприятелю сильное поражение. К сожалению в последнем деле убит храбрый генерал-майор Круковский, наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска. Впрочем потери наши во всех описанных делах незначительны, в сравнении с той, которую потерпел неприятель и с важностью результатов.

В Прикаспийском крае. Со времени поражений скопищ Шамиля летом на Турчидаге и неудачной попытки взволновать Табасарань, все было спокойно до последнего времени; но в настоящем январе месяце Шамиль покушался встревожить Кайтах, для чего и послал туда партию, состоявшую из абреков укрывавшихся в Нагорном Дагестане.

Успев проникнуть тайно в Нагорный Кайтах, партия эта утвердилась в с. Шеляги. Генерал-адъютант князь Аргутинский, для подавления в самом начале этих беспокойств, немедленно сосредоточил отряд и быстро двинул его против возмутителей, — под начальством генерал-майора Суслова.

Видя безуспешность убеждения и мер кротости, генерал-майор Суслов приступил к силе оружия и несмотря на малочисленность войск: (4 батальона пехоты, 2-х сотен казаков и 8 сотен милиции при 6 орудиях) с большой решительностью штурмовал с. Шеляги, один из самых крепких по местности аулов Дагестана, сильно укрепленный искусственными средствами. Хотя неприятель защищался отчаянно, но аул был взят, истреблен до основания и под развалинами его погибла почти вся неприятельская партия и принявшие их сторону Кайтахцы. В наших руках остались предводитель партии Буг Магомет, пожалованная ему Шамилем секира, 6-ть бычков и более 200 лошадей. Этим решительным ударом спокойствие в крае было совершенно восстановлено.

На Лезгинской кордонной линии, в числе прочих мер обороны, построено новое укрепление в с. Элису, для обеспечения правого фланга этой линии от прорыва партий. Кроме мелких разбойничьих происшествий в этом крае тишина ничем не нарушалась.

Перечень главнейшим предположениям, приведенным в исполнение, равно и тем, для коих испрашивались разрешения в последние месяцы, по управлению Кавказом и Закавказским краем.

Для доставления форштату, состоящему при крепости Закаталы, Джаро-белоканского округа, более средств к развитию своего благосостояния и торговой деятельности, получено Высочайшее соизволение на возведение оного на степень города.

Утверждены именные посемейные списки княжеских и дворянских родов в Грузии Имеретии и Гурии, равно как и правила для дворянских выборов.

Введно в Шемахинском уезде положение о взаимных отношениях Беков и живущих на их землях поселян, и разрешено ввести это положение в уездах: Нухинском и Ленкоранском Шемахинской губернии. Вместе с тем делаются соображения о распространении оного на Карабах и Бакинский уезд.

По быстроте впадающей в Куру близ Гори р. Лияхвы и значительным, часто внезапным возвышениям своих вод от дождей и таяния снегов, сообщение чрезвычайно затрудняется и что еще прискорбнее, ежегодно происходит значительное количество несчастных случаев. Для отвращения этого составлено предположение, которое удостоилось Высочайшего одобрения и приводится в исполнение: сооружение двух мостов через Куру, один против самого города Гори, другой выше впадения Куры в Лияхву. На работу эту разрешен отпуск 123.740 рублей взаимообразно на 37 лет из кредитных установлений; она отдана на коммерческом праве и должна быть совершена в течении 3-х лет. Этим упрочится сообщение с одним из важнейших торговых пунктов Закавказского края Редуткале, и также с Карталинией и Имеретией.

Для сокращения пути перегоняемых в огромном количестве через Тифлис на летнее кочевье стад устроен мост на деревянной арке по системе Ньюкастельского инженера Грина. Постройка эта отдана была частной компании с представлением взымать плату по установленной таксе с проезжающих на 25-ть лет по окончании моста. Один Тифлисский гражданин купил оный и подарил в собственность городу, и таким образом, без всяких издержек, приобретен прекрасный и полезнейший способ сообщения. Во Владикавказском округе выстроен мост Лесинский, чрез р. Лесу, близ станции Тенгинской чрез Лабу, и строится мост чрез р. Белую.

По совершении измерения Куры и удостоверении в возможности уничтожения Карчей от м. Зердобы до Мингечаурской переправы, Высочайше одобрено предположение об устройстве пароходства по этой реке, для перевозки провианта и составления цепи сообщений Закавказья с Нижним Новгородом и Московой по Каспийскому морю и по Волге. Распоряжение сделано о заказе парохода.

Рассматривается предположение об устройстве пароходства по Риону.

По приведении к окончанию нового здания с помещением в оном театра в Тифлисе открыты: представления на русском, грузинском языках и Итальянская опера.

представления на русском, грузинском языках и Итальянская опера.

Совершена работа для отвращения опасения от ежегодных наводнений, коим подвергаются владельцы домов по направлению Салалакского оврага в Тифлисе.

Рассматриваются различные предположения относительно устройства укрепленного мола в Дербенте, а между тем устраивается бухта и пристань для судов.

Для обеспечения судоходства от несчастных случаев кораблекрушения, у западных берегов Каспийского моря устроены два маяка, один в Петровском укреплении, другой в Дербенте.

Назначена комиссия для расмотрения мер к улучшению хозяйства в городах Закавказского края и введении, сколько возможно, уравнительности в отбывании квартирной повинности.

Представлено донесение комиссии, на которую возложен пересмотр карантинного устава.

Учреждена в Закавказском приказе общественного призрения сберегательная касса, для приема сумм на сохранение с приращением процентов от 50 коп. до 750 руб.

Получено Высочайшее разрешение на введение новой податной системы в Шемахинской губернии заменением всех, доселе взимаемых, податей произведениями, — денежными окладами, по предварительному рассмотрению и соображении комиссии, для того назначенной.

Новая податная система, устраняя неуравнительность, неопределенность и многие беспорядки, неизбежные с прежним порядком сборов, предоставит поселянам полную свободу располагать плодами трудов своих, прооизведенная же сообразно системе этой, отмена Мизанного сбора, или подати с шелка при его продаже, будет содействовать развитию и распространению шелководства, составляющего одну из главнейших отраслей промышленности Закавказских жителей.

Находящиеся в Тифлисе туземные ремесленники, с давних времен составляют, по роду занятий каждого, особые цехи, называемые Амкар, живущие же здесь ремесленники из русских и иностранцев, не поступая в туземные цехи, не имеют надлежащего присмотра и устройства. Составляется проект положения об управлении над таковыми ремесленниками.

Обратив внимание, что Тифлисское городовое общественное управление с самого учреждения его, т. е. с 1840 года, помещается неудобно в здании, нанимаемом у частных лиц, а для здешнего купечества равно и цеха ремесленников нет здания, где бы они могли совещаться между собой по делам, относящимся до торговли и до усовершенствования разного рода ремесел, сделано распоряжение о постройке для городового управления и биржи особого здания.

В виде опыта, на пять лет, Государь Император разрешить соизволил беспошлинный перевоз Российских произведений из Черноморских в Балтийские порты.

Позволение купцам, в случае неимения денег на платеж пошлин, за производимые в Редуткале и Тифлисе товары оставлять на складочный срок в залог таможням часть товара, неподверженного порче, распространено на торгующих в городах Северовосточного берега Черного моря.

Распространено на лежащую по сухопутной границе Закавказского края Джагисманскую каратинно-таможенную заставу, представленное Александропольскому и Нахичеванскому карантинно-таможенным правлениям право пропуска и очистки пошлиной некоторых Европейских и колониальных товаров. Привоз и Редуткальскую таможню и Николаевскую таможенную заставу турецких произведений разрешен с платежом одной только пяти процентной пошлины; как между тем в тарифе, Высочайше утвержденном в 1850 году, не сделано изъятие для этих портов, и определено на равных с другими Черноморскими портами, взымать с разных турецких товаров пошлину с веса или счета.

По возникшему недоразумению в исполнении этих двух разноречивых постановлений сделано сношение с министерством финансов для разъяснения этого вопроса.

Для отвращения разных неудобств, по продаже конфискованных товаров в карантинно-таможенных правлениях и Заставах, которые находятся по большей части в местах мало населенных и коих жители, по бедности, не могут при аукционных продажах возвышать цены до действительной стоимости товаров, причем также бывают стычки с хозяевами товаров, покупающими их за бесценок, сделано распоряжение, чтобы за конфискованные в пограничных таможнях товары, высылаемы были в Тифлисскую таможню для продажи с аукциона.

В 19 день ноября 1851 года испрошено Высочайшее соизволение, чтобы оборотные свидетельства на запрещенные к отпуску за границу товары, перевозимые по Каспийскому морю из какого-либо Российского порта в другой же Российский порт, могли быть представляемы в течение одного года, со дня отплытия с теми товарами судов, из отпускного порта.

Для установления единообразия в конфискации в здешнем крае тайно провозимого контрабандного чая, испрашивается разрешение, чтобы законфискованный чай был бы по-всеместно продаваем с публичного торга или повсеместно истребляем.

Высочайше разрешено привести в исполение предположение касательно исправления живописи в Тифлисском кафедральном Сионском соборе.

Устроен в Тифлисе чугунный литейный завод и делаются соображения об устройстве суконной фабрики. Деятельно и успешно продолжаются разыскания и разработка каменного угля; сверх других источников открыт уголь превосходного качества в Дербентской губернии в Ганасаргинском ущелье и, как местные обстоятельства несколько препятствуют учреждению там правильной разработки этого минерала, сделано распоряжение к заинтересованию полудиких обитателей этого ущелья покупкой у них угля; — дело это продолжается с успехом, ровно как и разработка торфа в Дагестане и в окрестностях Ставрополя; устройства медеплавильных заводов в губерниях Тифлисской и Эриванской, отданных частным промышленникам; усердно продолжается устройство серебросвинцового завода в Алагирском ущелье, близ Владикавказа, куда переселены большое количество чернорабочих и заводских людей с их семейством из Алтайских, Уральских и Луганских заводов. Открыты россыпи золота по р. Акстаф, залегающие у Делижанской станции Эриванской губернии на 4 версты длиной при 70 саж(еней) ширины, разработка коих представлена частной компании под руководством опытного горного инженера.

Составлена комиссия для рассмотрения предположения о переобразовании судоустройства в здешнем крае; применение законов Царя Вахтанга12 к разным юридическим вопросам; и некоторых изменений в порядке судопроизводства и движении дел, по протестам прокуроров.

Для предотвращения опасности, совершенного от неправильной рубки истребления в Боржомском ущельи спорных между казной и князьями Аваловыми прекрасных лесов, испрошено Высочайшее соизволение на прекращение мировой сделкой иска казны с назначением взамен князьям Аваловым потомственного пенсиона по 5 т. р. в год и принимаются меры к ведению систематической рубки и сохранения этих лесов.

Испрошено Высочайшее соизволение на передачу в казну церковных имуществ и делаются соображения о принятии и управлении оными.

При Кавказском учебном округе учрежден цензурный комитет.

В Тифлисе учреждена публичная библиотека.

Открыт отдел географического общества.

Учреждена в Абхазии Архиерейская кафедра.

Устроена Грузинская типография, исторгнуты из забытая и напечатаны многие ценные манускрипты, и приступлено к изданию периодического журнала на грузинском языке под заглавием “Заря.”

Принимаются меры споспешествования развитию магнитных и метеорологичеких наблюдений и обсерватория перенесена в особо для того выстроенный дом.

Сидорова М. В. Примечания [к публикациям: Воронцов М. С — Великому князю Константину Николаевичу, 8 февраля 1852 г. Тифлис; Обзор военных происшествий на Кавказе с августа 1851 по февраль 1852 года] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 387. — [Т. XII].

ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 430. Л. 10—26.

1 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), князь, генерал-фельдмаршал, новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области (1823—1844), наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом (1844—1854).
2 Константин Николаевич (1827—1892),

вел. кн., в сент. 1850 г. стал членом Государственного Совета, в 1853—1881 гг. возглавлял Морское ведомство, в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского, в 1865 г. назначен председателем Государственного Совета.

3 Шамиль (1797—1871), руководил движением горцев Дагестана и Чечени против России под знаменем мюридизма, 26 августа 1859 г. сдался в плен в Гунибе на почетных условиях, жил в Калуге, умер в Медине.

4 Аргутинский-Долгорукий Моисей Захарович (1798—1855), генерал-адъютант, командующий войсками в Южном Дагестане, Кубанском и Дербентском уездах, с 1847 г. Дербентский военный губернатор, командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае.

5 Барятинский Александр Иванович (1814—1879), князь, генерал-фельдмаршал, участник борьбы с горцами на Кавказе в 1830-х гг., в 1836—1845 гг. состоял при вел. кн. Александре Николаевиче, в 1856—1862 гг. командующий войсками и наместник Кавказа, с 1862 г. в отставке.

6 Суслов Александр Алексеевич (1807—1877), генерал-лейтенанат, с 1842 г. служил на Кавказе, командир Гребненского казчьего полка, в 1847 г. назначен начальником Сунженской линии, в 1852 г. начальник Эриванского отряда, участник осады Карса.

7 Имеются в виду: генерал-майор Слепцов Николай Павлович (1815—1851) — с 1840 г. воевал на Кавказе в Нижегородском драгунском полку, с 1845 г. командир 1-го Сунженского казачьего полка, убит в Абессинском ущелье и генерал-майор Круковский Феликс Антонович (Станиславович) (1804—1852) — в 1821 г. служил в Подольском кирасирском полку, в 1839 г. командир Горско-линейного казачьего полка на Кавказе, затем — Хоперского линейного казачьего полка.

8 Мухаммед Эмин (Магомет Амин) (1818—1863), один из руководителей движения горцев Западного Кавказа в 40—50-х гг. XIX в., доверенное лицо Шамиля, с 1848 г. наиб Западного Кавказа.

9 Вревский Ипполит Александрович (? —1858), барон, генерал-лейтенант, командир Кавказской гренадерской дивизии (с 1850 г.), начальник Владикавказского военного округа (1858)

гренадерской дивизии (с 1850 г.), начальник Владикавказского военного округа (1856).

10 Хаджи-Мурат (кон. 90-х гг. XVIII в. 1852), один из руководителей горцев, сподвижник Шамиля, в 1834 г. правил Аварским ханством, с 1843 г., когда Авария была включена в состав имамата Шамиля, стал наибом аварских племен, в 1851 г. порвал с Шамилем, бежал в Чечню, перешел на сторону русских, в апреле 1852 г. бежал в горы, во время перестрелки убит.

11 Меллер-Закомельский Николай Иванович (1813—1887), генерал от инфантерии, служил в л.-гв. Семеновском полку, в 1842 г. командирован на Кавказ, участвовал в экспедиции П. Х. Граббе, 1855—1862 — командир л.-гв. Литовского полка.

12 Вахтанг VI (1675—1737), царь Картли (1703—1724), писатель и законодатель.

Муравьев Н. Н. 1 Письмо Ермолову А. П.2 , 28 февраля 1855 г. Из крепости Грозной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 388—391. — Из содерж.: Святополк-Мирский Д. И. Выписка из письма Д. И. Святополк-Мирского от 13-го марта 1855 г.. — С. 389—391. — [Т. XII].

IV

от 28 февраля 1855 г.

В углу двора обширного и пышного дворца, в коем сегодня ночую, стоит уединенная, скромная землянка Ваша, как укоризна нынешнему времени. Из землянки Вашей, при малых средствах, исходила сила, положившая основание крепости Грозной и покорению Чечни. Ныне средства утроились, учетверились, и все мало, да мало! — Деятельность Вашего времени заменилась бездействием; тратящаяся ныне огромная сумма не могла заменить бескорыстного усердия, внушаемого Вами подчиненным Вашим, для достижения предназначаемой цели. Казна сия обратила грозные крепости Ваши в города, куда роскошь и удобства жизни привлекли людей странних; все переженилось, обстроилось, с настойчивостью и убеждением в правоте своей требует войск для защиты войск, обратившихся в горожан, и простота землянки Вашей не поражает ослабевших воинов Кавказа, в коих хотя не исчез дух, но силы стали немощны.

Такое состояние дела, конечно, подало повод и к частным злоупотреблениям начальников, и хотя солдата не грабят, но пользуются трудами его как работой тяглого крестьянина, состояние, которое солдат предпочитает военной службе.

Посудите, какое мое положение исправить в короткое время беспорядки, вкоренившиеся многими годами беспечного управления; а в последнее время и совершенным отсутствием всякой власти управления.

Труд великий, коего поздних последствий я не увижу, и который доставит мне только нарекание целого населения; но Вы, зная меня, убедитесь, что это меня не остановит, если не достигну конца, то по крайней мере дам направление сему важному делу, поглощающему и силы и казну России.

В землянку Вашу послал бы их учиться, но академия эта свыше их понятия.

Не скажу, чтобы не было покорности, напротив того, здесь все покорны, но покорность эта не приводит к изучению и исполнению своих обязанностей, а только к исполнению того, что прикажут.

Надобно пока и этим довольствоваться, с надеждой на время, которое выкажет сотрудников, ибо дарований здесь встречаем больше, чем в России, но все погрязло в лени и усыплении.

От многих слышал я справедливые сужления, что Ваша Грозная крепость служила основанием к

От многих слышал я справедливые суждения, что Ваша Грозная крепость служила основанием к покорению Чечни, и в самом деле, ныне видим множество огромных мирных аулов, приселяющихся под самые стены строящихся нами укреплений. Чеченцы эти ходят с нами в экспедиции и без пощады дерутся против непокорных родственников. Уже здесь учреждено 5 наибств, есть пристава и суд, установленные в подражание Вашего Кабардинского суда.

Я был в Нальчике, где устав Ваш и прокламации служат единственным руководством для дел, встречающихся не только между Кабардинцами, но даже между племенами живущими в горах. Край этот, чрез который в 1816 году еще нельзя было проехать без сильного конвоя и пушек, ныне покоен, благодаря началу Вами положенному, и я надеюсь, что народы сии не пошевелятся при теперешних военных обстоятельствах и не прельстятся воззванием, разве, что увидят среди себя иностранное войско, чему не предвижу возможности, даже на правом фланге нашем, который я частью объехал, не касаясь Черноморья.

Заключаю письмо сие похвалой сына Вашего, который служит хорошо, деятельно и поручения ему даваемые исполняет с точностью и отчетливо. Он мне полезен, и теперь находится, по поручению, в Кизляре.

Послезавтра надеяюсь возвратиться в Владикавказ, где думаю провести несколько дней, до переезда моего чрез горы.

Приложение:

Выписка из письма Д. И. Святополк-Мирского3 от 13-го марта 1855 г.

Новый наш главнокомандующий, на пути следования своего в край вверенного Царской милостью его управлению, написал из крепости Грозной бывшему начальнику своему, Алексею Петровичу Ермолову, письмо, в котором он излагает мнение свое о положении этого края и мысли которые должны служить началом его управлению.

Генерал Муравьев дозволил снять с этого письма копии, не скрывая желания чтобы оно получило всеобщую гласность. По этому я полагаю, что оно известно уже и Вам, и что едкие выражения оного отозвались в Вашем русском сердце скорбным сочувствием к тем сотням тысяч русских сердец, которые бьются на Кавказе, полные любви и преданности к Царю и Отечеству.

Эти строки, написанные человеком в положении генерала Муравьева и адресованные к Алексею Петровичу Ермолову, будут иметь огромный отголосок в России и не могут не поколебать того мнения, которое Россия до сих пор имела о Кавказском войске. Кавказ от России далеко, а сочетание двух имен Ермолова и Муравьева внушает русскому доверие. Но один русский, думающий о судьбах своей родины, прочитав эти строки, задает себе страшный вопрос: не на краю ли гибели эта родина, когда те из ее сыновей, которых он привык считать самыми деятельными и сильными, стали немощны силами, и погрязли в лени и усыплении.

Но неужели мы, кавказские служивые, должны безропотно покориться этому приговору, и со стыдом преклонить перед ними головы? Нет — наша совесть слишком чиста для такого унижения! Не стали немощными и бессильными те войска, которые победили многочисленных врагов под Баш-Кидыкляром и Кюрюк-Дарой и на Чолоке! Мы не обманывали России в течение четверти века, — она смело может гордиться нами, и сказать, что нет армии на свете, которая бы переносила столько лишений и трудов, сколько Кавказская, — нет армии, в которой бы чувство самопожертвования было более развито. Здесь каждый фронтовой офицер, каждый солдат убежден, что не сегодня так завтра, не завтра так послезавтра он будет убит или изувечен...— а много ли в России Кавказских ветеранов? Их там почти нет, кости их разбросаны по целому Кавказу.

Солдат Кавказский работает много, и отстоит от военного образования, но он не тягловой

крестьянин, потому что он трудится не для частных лиц, а для общей пользы. Вместо денежного капитала употребляется капитал его сил и способностей; он расходует силы эти и пот свой для сбережения Государственной казны. Если это дурно, не мы в этом виноваты.

Что же касается до вопроса землянок и дворцов, то не нам темным людям его разрешать. Помню только, что когда меня учили истории, я видел в ней, что завоевания, и особенно упрочивание оных, не делались всегда силой одного оружия, а что постройка великолепных зданий и распространение цивилизации часто к этому способствовали. Это зависит от принятой системы, которую мы не решаем. Мы бы желали только, чтобы не было резких переворотов, нельзя же по произволу, в один миг, переделывать людей из Афинян в Спартанцев, или из Спартанцев в Афинян. Это дело многих лет, более обстоятельств, чем людей, и оно принадлежит к общей системе Государства.

Кавказская война не есть война обыкновенная, Кавказское войско не есть войско, делающее кампанию: это скорее воинственный народ, создаваемый Россией и противопоставленный воинственным народам Кавказа, для защиты России. Такое положение дел не заведено никем, оно создалось силой обстоятельств, после многих неудачных попыток усмирения здешнего края. Избежать этого положения, не покорив Кавказа, — невозможно, — разве завести, по примеру средних веков, воинственный орден монахов, отрешившихся от всего земного, кроме боя и молитвы. Но возможно ли это?

Не нам также решить вопрос, почему Кавказ еще не покорен; потому ли, что теперь не живем в землянках, имеем законных жен и некоторые удобства жизни, — или потому, что его не умели покорить несколько десятков лет тому назад, когда целые народонаселения разбегались от одного гула пушечных выстрелов, когда не было ни какой связи между кавказскими племенами и обществами, и когда не было мюридизма4, — начало и отчасти развитие которого относится также ко времени землянок.

Из всего вышесказанного не следует заключать, что, по моему мнению, все на Кавказе совершенно хорошо. Где же нет дурных людей и злоупотреблений? Где же люди понимают вполне и исполняют в совершенстве свой долг? Мы все убеждены, что здесь многое остается сделать, многое исправить и завести, — и всегда желали более совокупной и последовательной системы ведения войны, более разборчивого распределения Царских наград. И потому, когда мы убедились, что силы князя Воронцова ему изменили и что он уже не в состоянии управлять нашим краем в эти трудные времена, — скорбя о горькой участи заслуженного старца, одного из знаменитейших представителей русской славы, — мы стали желать и ждать с нетерпением нового энергического начальника. Люди желающие добра, желают всегда сильной власти.

Назначение генерала Муравьева мы встретили с восторгом, — не потому, чтобы он уже ознаменовал себя великими делами на военном или на гражданском поприще, а потому, что он умел как-то возбудить великие надежды, которые и мы разделяем. Но мы ожидали, что генерал Муравьев едет сюда с чувством уважения к Кавказскому войску, — уважения, которого мы вправе требовать по нашим заслугам и по чувствам нас одушевляющим. В добром деле здесь почти все сотрудники. Мы с истинной скромностью, свойственной людям, испытавшим свои силы, ожидали, что нам укажут наши ошибки и недостатки, пособят нам их исправить, и усовершенствоваться по мере сил наших и способностей, но мы не ожидали оскорбления. Заботливого, хотя сурового отца, а не насмешливого порицателя ожидали мы от Царской милости; письмо, написанное новым Главнокомандующим в Грозной и распространенное по Кавказу и России, изумило нас и огорчило.

Но недолго будет наше уныние; нам чуждо чувство подлого унижения мы покорны, — но покорны Царской воле и закону, а не бранному слову. Мы подымаем брошенную нам перчатку перед судом России и потомства, пусть нами руководят мудрые начертания! Пусть нам гениальная рука укажет путь! Мы готовы, — готовы на все, что возможно человеку, на всякие жертвы и лишения. Сколько бы ни было сих жертв и страданий частных, во всяком случае, это исполинское соревнование поведет к благу и славе нашего отечества. Нам остается вознести ко

Всевышнему усердные мольбы, чтобы потомство сказало, что вождь был достоин армии, как армия будет достойна вождя.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 45. Рукописная копия.

1 Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794—1866), генерал от инфантерии, командир 5-го пехотного корпуса (с 1835), в отставке (1837—1847), член Военного Совета и командир Гренадерского корпуса, наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом (1854—1856), член Государственного Совета (с 1856).

2 Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), генерал от артиллерии, командир Отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующий в Грузии (1816—1827), член Государственного Совета (с 1830).

3 Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825—1899), князь, генерал от инфантерии, службу начал в 1841 г. на Кавказе, с 1857—1859 гг. командовал Кабардинским полком, впоследствии начальник Терской области, кутаисский генерал-губернатор, в 1876 г. назначен помощником наместника Кавказа вел. кн. Михаила Николаевича, с 1880 г. член государственного Совет. С

1882 г. исполняющий обязанности временного харьковского генерал-губернатора.

4 Мюридизм — национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 20—60-х гг. XIX в., сочетал в себе религиозное учение с политическими действиями, выражавшимися в активном участии в “священной” войне против “неверных” за торжество ислама.

Отчет Великого князя Михаила Николаевича1 о деятельности Кавказского наместничества (1855—1880) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 391—402. — [Т. XII].

V

В истекший двадцатипятилетний период Царствования Вашего Императорского Величества, славный столькими знаменательными успехами в деле обновления общего строя русской государственной жизни, — и по отношению к гражданскому устройству и развитию Кавказского края достигнуты весьма существенные результаты.

Результаты эти могут быть выражены нижеследующими сравнительными сопоставлениями и выводами.

I. Расширение пределов гражданского управления в крае

В 1855 году в гражданском управлении находилось немногим более половины пространства Кавказского наместничества, с населением до 2 1/2 мил(лион) душ. Остальная территория частью состояла в военном управлении, будучи заселена казаками или туземными горскими племенами, часть же находилось вне ведения русской правительственной власти, так как обитающие в ней воинственные горские населения с упорной энергией продолжали еще отстаивать свою независимость в первые же годы Царствования Вашего Императорского Величества, многолетняя Кавказская война, стоившая государству столько крови и материальных средств, — война, которой, казалось, не предвиделось благополучного исхода, — окончена в значительнейшей и важнейшей части театра, именно: в 1859 году покорены горские племена Дагестана и Чечни, спустя пять лет затем, в 1864 году совершилось и окончательное умиротворение Кавказа подчинением непокорных населений Кубанского края и Черноморского побережья.

Успешный ход мирного развития гражданственности в частях края, как состоявших прежде в

Успешный ход мирного развития гражданственности в частях края, как состоявших прежде в военном управлении, так и покорившихся в 1859 и 1864 годах, дал возможность значительнейшую часть общего пространства этих местностей не только первой, но и второй категории, подчинить действию общего гражданского управления. Таким образом, в 1867 году поступило в гражданское управление восточное побережье Черного моря, с образованием из него особого Черноморского округа, в 1871 году объединено на началах общей гражданской администрации управление областями Терскою и Кубанскою.

Вследствии сего территория, состоящая в гражданском управлении, составляет ныне вместо половины — девять десятых всего пространства в его границах, существовавших до последней войны, с населением в 4 767 000 душ, — больше против населения, прежде состоявшего в гражданском управлении, на 80%.

II. Административное устройство

В 1855 году, в гражданском управлении находились губернии: Ставропольская, на Северном Кавказе; Тифлисская, Шемахинская, Эриванская и Кутаисская, в Закавказье; коме того, в Закавказье-же находилось владение Мингрельское, состоявшее под управлением особого наследственного владетеля, управлявшего им на исключительном праве. В 1857 году, со смертью бывшего владетеля, князя Давида Дадиани2, за малолетством наследника3 его, образовано

управление из правительственных чиновников, а в 1867 году, вследствие отказа князя Николая Дадиани от своих владетельных прав, Мингрелия включена в состав Кутаисской губернии, на общих основаниях. В 1868 году, для удобства управления, образована новая, Елизаветпольская губерния из частей Бакинской (прежней Шемахинской) и Тифлисской губернии и одного участка губернии Эриванской. В это же время состоялось Высочайшее Вашим Величеством утверждение штатов административных учреждений Закавказского края, по которым преобразованы как центральные, так и местные управления края.

Такого рода преобразования совершились на началах устранения излишних посредствующих инстанций, уменьшения по всем учреждениям числа должностных лиц, с соразмерным возвышением окладов содержания, укрепления единоличности власти губернской и уездной и применения к краю общих узаконений Империи во всех случаях, когда отступление от оных не оказывается, по местным условиям, совершенно необходимым. Губернаторской власти предоставлено то значение и тот простор, которое вызываются требованиями сохранения за ней в глазах населения должного почета и влияния на все органы местного управления, но, вместе с тем, она освобождена от заведования чисто специальными делами, не входящими в разряд дел административно-полицейских, и ей дано право наблюдения за действиями всех правительственныхи агентов и учреждений, в пределах губернии находящихся.

Организацией Главного Управления достигнуты следующие цели:

1 Наместник Кавказский освобожден от огромного числа второстепенных дел, отвлекавших его от более важных существенных вопросов;

2 каждая отрасль управления вверена высшему чиновнику, предоставляющему достаточные гарантии опытности, нравственнего и умственного авторитета и

3 распорядительная и исполнительная деятельность Главного Управления отделена от совещательной деятельности Совета, круг ведомства которого определен положительным указанием свойств дел, обязательно подлежащих внесению на его обсуждение.

III. Судебная часть

В 1855 году, все части Кавказского и Закавказского края, состоявшие в гражданском управлении, подчинялись общему, существовавшему в то время в Империи, порядку

судопроизводства причем, коренные, известные всем, недостатки, присущие этому порядку, приобрели здесь, в крае, еще более невыгодное значение вследствие меньшей, нежели в Империи, гражданской развитости населения и большей отчужденности его от судебных деятелей — по причине различия языка и особенностей местных нравов и обычаев. В местностях края, состоявших не в исключительном ведении гражданского управления, неблагоприятное положение населения в отношении удовлетворения интересов правосудия, обусловливалось, кроме того, совместным или соседственным проживанием на одних и тех же территориях населений, подчиненных различным порядкам судопроизводства; так, в Терской и Кубанской областях казачье население и по делам, не имеющим отношения с военной службой, — ведалось в военно-судебных учреждениях; горцы имели свои особые порядки и свои органы суда и расправы, не представлявшие ничего общего с судебными учреждениями, действовавшими в отношении собственно гражданского населения. Такое существование различных порядков суда одновременно в одних и тех же территориях, естественно, не могло не представлять невыгоды в отношении дел, по которым приходили в столкновение интересы населения различных категорий. Все это обусловливало для здешнего края еще очевиднее, чем для других частей Империи, важность и необходимость изменить существовавшие судебные порядки. В этих видах, не долго спустя после издания уставов 20 ноября 1864 года, именно 19 февраля 1868 года, с соизволения Вашего Величества, последовало введение порядка судопроизводства, основанного на заключающихся в этих уставах началах, во всех местностях, состоявших в то время в гражданском управлении. В 1871 году тот же поряок, с некоторыми необходимыми

изменениями, введен в действие и по областям Терской и Кубанской, одновременно с объединением административного управления сих частей. Кроме того, введены также новые судебные учреждения и в местностях, находящихся в военном управлении, собственно для проживающих там лиц гражданского ведомства, именно: в 1869 — в Закатальском округе, в 1876 году — в Дагестанской области, а с 1-го января прошлого 1879 года в областях Карской и Батумской, затем, в конце истекшего года, сделано, в установленном порядке, представление об открытии новых судебных установлений и в Сухумском военном отделе для всего населения оного, в том числе и туземного. С осуществлением этого предположения новые судебные порядки будут применяться на всем пространстве Кавказского наместничества в отношении всех населений оного, за исключением туземных жителей Дагестана и Закатальского округа, где действуют особые, основанные преимущественно на местных обычаях, порядки суда и расправы. Хотя результаты деятельности новых судебных установлений и нельзя признать вполне удовлетворяющими потребностям и желаниям местных населений и остается еще много ожидать от дальнейшего практического применения начал, положенных в основу этой деятельности, но, тем не менее, самое дело судебной реформы можно считать постановленным на правильную дорогу и, во всяком случае, и в настоящем положении его, оно во всех отношениях представляет заметное улучшение в отправлении правосудия, сравнительно с прежним порядком.

VI. Устройство городов и селений

В 1855 году, всех городов в пределах Кавказского наместничества было 35, в коих числилось в то время в общем итоге 350 т(ысяч) душ; общий же итог доходов их весьма не многих превышал 500 т(ысяч) руб. С того времени, в старых, бывших до последней войны, пределах Кавказского наместничества, возникло еще 10 новых городов; общая численность населения во всех 45-ти городах простирается до 550 т(ысяч) душ обоего пола, т. е. городское население возросло на 60%. Сумма доходов этих городов составляет ныне 1642000 р., т. е. доходы городов в 25-тилетие увеличились слишком в три раза. Хотя города эти, не исключая и Тифлиса, нельзя и ныне считать достигшими достаточной степени благоустройства, — что много зависит от действующих в оных исторических и бытовых причин, — тем не менее, сравнительно с эпохой 1855 года, они, несомненно, весьма далеко подвинулись вперед, как в отношении внешнего благоустройства, так и относительно накопления в них капиталов и возвышения уровня общественной образованности. По степени благоустройства и развития городов признано возможным ввести городовое положение 1870 г. в городах Северного Кавказа: и из Закавказских в Тифлисе, Кутаисе, Баку, Эривани, Гори и Ахалцихе.

В отношении устройства сельского населения приняты в общих чертах те же самые начала, которые положены в основу организации сельского управления во внутренних губерниях Империи по положению 19 февраля 1861 года. На этих началах введено сельское управление повсеместно в селениях Ставропольской губернии, в христианских и мусульманских обществах Закавказья, в казачьих станицах, слободках при штаб-квартирах и горских аулах.

VII. Пути сообщения

Возможно большое развитие легчайших и удобнейших средств сообщения Кавказа с внутренними областями Империи и различных частей его между собой составляет, несомненно, самый жизненный вопрос его материального развития и духовного преуспеяния и слияния с Империей.

В 1855 году способы сообщения Кавказа с Империей были крайне ограниченны и неудовлетворительны; сухим путем Закавказье связывалось с Россию, так же как и ныне, посредством Военно-Грузинской дороги, но дорога эта не представляла в то время ничего похожего на то прекрасное, во всех отношениях, сооружение, которым оно сделалось впоследствии, в управлении предместника моего, фельдмаршала князя Барятинского. Морское же сообщение, по неимению ни портов, ни частных пароходных компаний, было также крайне затруднительно; в то время со стороны Черного моря, для сообщения берега с центром Закавказья, не было ни правильного пароходного движения, ни шоссейного, а тем более железнодорожного пути, и сообщение производилось по крайне неудовлетворительной грунтовой Военно-Имеретинской дороге; срочное сообщение по Каспийскому морю поддерживалось исключительно несколькими казенными пароходами. Внутренние пути находились также в крайне неудовлетворительном состоянии. Как на Северном Кавказе, так и в Закавказье не было ни одной шоссейной дороги.

В настоящее время, хотя количество и состояние путей все еще далеко нельзя назвать удовлетворяющим вполне потребностям развития края, тем не менее, в течение двадцати пяти лет достигнут в этом отношении успех немаловажный. Для соединения Закавказья с Россией сооружены уже две железнодорожные линии: Ростово-Владикавказская и Поти-Тифлисская, имеющие, конечно, серьезное значение и как линии внутренних сообщений; сверх того существуют в крае две небольшие ветви, исключительно внутренние — Кутаисская и Балаханская. Все означенные линии и ветви железных дорог в общий сложности, имеют протяжение 894 версты. 19 января минувшего 1879 года Вашему Величеству благоугодно было утвердить предположения о сети Кавказских железных дорог; в силу таковых предположений, между прочим, пять линий, а именно: Тифлисо-Бакинская, Владикавказо-Петровская, линия прямого сообщения чрез главный хребет к Тифлису, линия Тифлисо-Карская и Батумская ветвь, в общей сложности составляющие протяжение, приблизительно, 1500 верст признаны особенно важными и подлежащими сооружению в возможно непродолжительное время. Из сих линий Бакинская в октябре прошлого года, окончательно разрешена уже к постройке. Для сооружения вообще железных путей в крае произведены изыскания, сверх поименованных линий, также и на другие предполагаемые дороги, всего по 14-ти направлениям, протяжением более чем на 2 т(ысячи) верст. Шоссейных дорог построено всего 1018 верст; из них кроме Военно-Грузинской дороги, есть еще и другие, более или менее замечательные по искусству и трудности сооружения; сверх этих дорог, построено несколько шоссированных дорог натуральным трудом жителей для местных хозяйственных потребностей. Независимо от того, есть дороги, как, например, в Дагестане, хотя и не шоссированные, но, тем не менее, требовавшие огромного труда для своего сооружения, и, по свойству местностей, в коих проложены, представляющиеся весьма капитальными. Таких дорог проложено 1590 верст.

Из способствующих удобству сообщений портовых сооружений одно (на Каспийском море, в г. Петровске) окончено, а другое, более обширное по размерам (Потийское, на Черном море), еще сооружается и будет окончено в более или менее недалеком будущем. Приобретением удобного Батумского порта и предположенным в скором времени соединением его с Поти-Тифлисской

Батумского порта и предположенным в скором времени соединением его с Поти-Тифлисской линией будет положено прочное основание облегчению сообщений Кавказа с внутренними областями со стороны Черноморского бассейна.

Средства морского сообщения Кавказа с Империей по обоим морям весьма значительно усилились против бывших в 1855 году, что, между прочим, в значительной степени, следует приписать развитию деятельности “Русского общества пароходства и торговли” — на Черном и общества “Кавказ и Меркурий” — на Каспийском морях.

В 1855 году во всем Кавказском наместничестве не было ни одной телеграфной линии; ныне Кавказ не только связан с Россией телеграфом по нескольким направлениям, но и все значительные пункты оного соединены между собой; в настоящее время существует всего в наместничестве 85 разлитых линий протяжением на 9 т(ысяч) верст; на них проводов до 15 т(ысяч) верст. Сверх того, проложен один подводный кабель, протяжением в 332,5 верст.

VIII. Духовная часть

Положение православного духовенства в крае, особенно в Закавказье, как в отношении материального его обеспечения, так и в смысле нравственного просветительного влияния на население оставляет желать весьма и весьма многого; но в этом отношении, против эпохи 1855 года, достигнуты все-таки некоторые благоприятные результаты. Материальные средства духовенства несколько улучшены: в Тифлисской губернии — назначением на содержание его особого денежного пособия из местных доходов, в размере 66 т(ысяч) руб.; равным образом, испрашивается таковое же пособие и для духовных причтов Кутаисской губернии, в размере 111 т(ысяч) руб. Кроме того, производится духовенству обеих названных епархий 126 т(ысяч) руб., в вознаграждение за доходы с отошедших в казну имений, принадлежавших церквям и монастырям тех епархий. Причтам казачьих войск отведены в пользование достаточные наделы земли. В Черноморском округе сельское духовенство содержится на жаловании от правительства. По горским христианским приходам отпускаются причтам более или менее достаточные средства из сумм существующего на Кавказе с 1864 года общества восстановления православного христианства. В Ставропольской губернии улучшение положения духовных лиц последовало вследствие нового распределения приходов и предоставления причтам средств, изысканных местным комитетом по обеспечению быта духовенства.

Относительно нравственного развития духовенства следует сказать, что хотя уровень этого развития, обусловливаемый, преимущественно, просветительным действием духовно-учебных заведений, ни в каком случае нельзя назвать удовлетворительным, но все-таки духовенство в настоящее время в общем несколько более развито умственно и нравственно, чем это было двадцать пять лет тому назад.

На одинаково невысоком уровне нравственного развития стоит и армяно-григорианское духовенсто, хотя влияние его на население проявляется несколько более заметно, преимущественно в деле распространения народного образования путем учреждения церковно-приходских школ.

Для преподания большей правильности организации мусульманско-духовной иерархии и поставления ее в положение, соответствующее правительственным интересам, введено, с начала 1873 года, особое Управление Закавказским мусульманским духовенством шиитского и суннитского толков, с назначением высшим лицам, как центральных, так и губернских и местных уездных духовных учреждений, известного содержания от казны. Мера эта, во всяком случае, имела благоприятное значение в смысле надзора за недопущением проявления и распространения в крае вредных фанатических учений.

IX. Учебная часть

К 1-му января 1856 года всех казенных, общественных и частных учебных заведений в

наместничестве состояло 95 (средних 9 и начальных 86); в них числилось 5 1/2 т(ысяч) учеников. Что составляло отношение 1-го учащегося к 570-ти душам тогдашнего населения; к 1-му января 1880 года число заведений возросло до 2157-ми (средних казенных 29, средних частных 84 и начальных 2044), не считая 1152 училищ мусульманских мечетских; число учащихся возросло до 62 т(ысяч) (не считал 15 т(ысяч) учеников мечетских мусульманских школ), — что выражает отношение 1-го учащегося на 80 душ населения. В числе 62 т(ысяч) учащихся заключаются 18 т(ысяч) учеников (75% муж(чин) и 25% жен(щин)), получающих образование в средних и 44 в низших учебных заведениях.

В 17-ти пансионах при казенных учебных заведениях округа воспитывается 1409 пансионеров, из которых 803 на казенный счет, 203 своекоштных, остальные 383 — на суммы общественные и экономические учебных заведений.

Педагогический персонал состоял к 1-му января 1856 года из 375, а в настоящее время состоит из 3735-ти служащих (3265 муж(чин) и 470 жен(щин)).

Бюджет округа в 1856 году простирался до 193-х т(ысяч) р(ублей), в настоящее время он составляет по казенному ассигнованию 600 т(ысяч) р(ублей); вместе же с другими поступлениями: от сословий, обществ и частных лиц, платою за право учения, стипендиями и проч. простирается до 1 2 000 000 рублей.

В 1855 году во всех женских учебных заведениях (Закавказский институт, пять заведений благотворительного общества Св. Нины и одно Св. Александра в Ставрополе) воспитывалось всего около 409-ти девиц; теперь же число заведений возросло до 491; в них учениц всего 13 т(ысяч) (в средних 5 т(ысяч) и в начальных 8 т(ысяч)).

В 1864 году Великой Княгиней Ольгой Федоровной4 открыто было в Тифлисе, в значительной части на личные свои средства, женское училище 1-го разряда, переименованное впоследствии в женскую гимназию имени Великой Княгини, а спустя некоторое время, открыта Великой Княгиней же и женская прогимназия в Тифлисе; оба эти заведения, доступные для девиц всех званий и состояний, сделались образцом и для других, однородных с ними, заведений в крае. В настоящее время, число женских учебных заведений, с курсом гимназий и прогимназий, простирается до 16-ти.

По особой важности дела начального образования в крае учреждены в губерниях, для надзора за правильным ходом этого дела, особые дирекции начальных училищ. Для подготовления же учителей образованы уже три учительские семинарии — одна из них с мусульманским отделением — и предполагается в непродолжительном времени открыть еще две инородческие семинарии в Закавказском крае.

Дело развития образования в наместничестве имеет, между прочим, и важное политическое значение; оно должно быть направляемо так, чтобы образование служило не только для поднятия уровня духовного развития народных масс, но и как орудие политического объединения здешней окраины с государством.

В этих видах, Вашему Величеству благоугодно было одобрить, в прошлом году, предположения, чтобы к развитию учебного дела в крае были прилагаемы все старания и преимущественно обращаемы на него, равно как и на улучшение сообщений в крае и на меры к скорейшему поземельному устройству населения, — все свободные финансовые средства.

X. Культурное состояние края

Культурное состояние Кавказского наместничества, т. е. сельскохозяйственное и промышленное его развитие, конечно, никак нельзя назвать достигшим уже результатов удовлетворительных и соответствующих тем благоприятным природным условиям, которые, давая основание рассчитывать на возможность такого развития в широком смысле, придают ценное значение

самому обладанию нашему Кавказом. Такое явление объясняется многими историческими и бытовыми причинами, действовавшими и, частью продолжающими еще действовать в крае, именно — отсутствием еще, до недавнего времени, общественной и частной безопасности, недостатком удобных путей сообщения, неопределенностью и, следовательно, необеспеченностью поземельных прав, низким уровнем народного образования и проч.

Тем не менее, по мере устранения или ослабления этих препятствующих условий, культурное развитие края подвигалось, более или менее, вперед, и в настоящее время состояние края, в этом отношении, нет сомнения, несравненно более благоприятно, нежели это было в начале последнего двадцатипятилетнего периода. Многие отрасли народного хозяйства или возникли вновь, или получили гораздо большее, против прежнего, развитие; к первым принадлежат: табаководство, разведение хлопка, культура марены; из вторых можно указать на виноделие, производящее в последние годы до 9-ти мил(лионов) ведер вина в год, и в связи с ним виноградное винокурение, дающее местному Закавказскому бюджету до 420-ти т(ысяч) руб(лей). Обыкновенное земледелие, т. е. посев хлебов, из года в год, расширяется и достигло такого развития, что, за исключением неблагоприятных годов, как население края, так и войска, в нем расположенные, могут обеспечиваться в продовольствии своем хлебом исключительно местного урожая. Существенным условием усиленного развития земледелия и вообще сельскохозяйственной культуры здесь в крае служит рационально устроенное и достаточное орошение земель. Вопрос этот, по своей важности, составляет издавна предмет

правительственной заботы и, прежде всего, требует выработки юридических оснований для правильного разрешения оного. Эта последняя задача ныне уже близка к осуществлению в порядке законодательном. Из произведенных в двадцатипятилетний период ирригационных работ обращают на себя внимание, по значительности своей и важности достигнутых результатов: 1. Мариинский Караязский канал (из Куры) Общества восстановления православного христианства, посредством которого ближайшая к Тифлису, совершенно бесплодная, Караязская степь обращена в одну из плодоноснейших местностей Кавказа: 2. Араздаянский канал (из Аракса) в Эриванской губернии, принадлежащий частным предпринимателям и орошающий пространство в 10 т(ысяч) дес(ясин) и 3. Сулакский канал (протяжением около 88 верст) на Кумыкской плоскости, орошающий более 100 т(ысяч) дес(сятин), при устройстве которого воспользовались, в значительной его части, руслом старинной, заброшенной канавы.

Успехи горной промышленности в крае ознаменовались окончательным водворением производств соляного, медного и нефтяного, приобревших уже вполне государственное значение. При дальнейшем развитии железных дорог и вообще путей сообщения, нет сомнения, что добыча и разработка в крае и других минеральных богатств, в особенности каменного угля, не замедлят развиться. Между всеми промыслами первенство принадлежит добыванию меди и нефти. Выплавка меди в 1855 г. простиралась до 7 т(ысяч) пуд(ов); в 1861 г. достигла 18 т(ысяч); к 1880 году 70 т(ысяч) пуд(ов). Общее число медных заводов возрасло до 15-ти. Один из главных заводов в Закавказье, устроенный на началах, вполне удовлетворяющих современным требованиям горной науки, с затратой значительных капиталов, развил свое производство на столько, что занял почетное место на ряду с самыми производительными заводами в Империи.

Главным средоточием нефтяной промышленности на Кавказе представляются Балаханская и Сабунчинская площади на Апшеронском полуострове, в 12-ти верстах от Каспийского моря, и г. Баку. До 1873 г. казенные нефтяные источники отдавались в откупное содержание, но в феврале 1873 года, последовало Высочайшее Вашего Величества повеление об отдаче их в частные руки. Мера эта, кроме того, что принесла казне единовременный доход до 3-х мил(лионов) руб(лей), составила в развитии производства чрезвычайное событие, значение которого ясно обнаруживается из следующих данных: а) производительность нефти в последние шесть лет возрасла в 14 раз, именно: добыча ее с 1,5 мил. пуд. в 1872 году возвысилась до 20 мил. пуд. в 1878 году; б) фотогеновое производство за этот период времени увеличилось в 15 раз, именно: в 50-ти заводах в 1872 году выделано было 400 т(ысяч) пуд(ов), а в 193-х заводах в 878 г. свыше 6-ти мил(лионов) пуд(ов) фотогена и в) цена его за это время с 45 коп(еек) понизилась до 3-х коп(еек) за фунт. Затем на быстрое возрастание нефтяной производительности оказало сильное

коп(еек) за фунт. Затем на быстрое возрастание нефтяной производительности оказало сильное влияние введение частными промышленниками для добычи нефти буровых работ. На Апшеронском полуострове существует уже 300 буровых скважин, а добыча нефти прежним, несовершенным, способом из колодцев — совершенно прекратилась. Количество нефти, производимое одной скважиной, изменяется от 400 до 30 т(ысяч) пуд(ов) в сутки; были скважины, изливавшие нефть фонтанами до пяти саж. вышиной и выбрасывавшие ее более 100 т(ысяч) пудов в сутки. Явление это свидетельствует о феноменальном изобилии нефти в недрах эксплуатируемых местностей. Перевозка упомянутого количества нефти производилась первоначально на арбах жителями окрестных к промыслу селений, причем провозная плата, в общей сложности, достигала до 800 т(ысяч) руб(лей) в год; затем приступлено было некоторыми промышленниками к проложению нефтепроводных труб и, наконец, в последнее время построена и открыта Балаханская ветвь железной дороги. Кавказская нефтяная промышленность, достигнув столь значительного развития, вызвала основание, кроме фотогеновых заводов, еще заводов для приготовления смазочных масл и серной кислоты, бондарных заведений, механических фабрик, сплавных судов и проч. Все это вместе, доставляя значительные заработки рабочим, подняло благосостояние окрестных селений. Поступая на рынки Империи, кавказский фотоген сохраняет внутри государства сумму в 20 мил(онов) руб(лей), тратившуюся на покупку американского фотогена. Применение остатков нефти к отоплению пароходов, кроме своей прямой выгоды, служит еще и к сохранению столь важных для государственного хозяйства лесов. Проведение железной дороги от Баку до Тифлиса явится

новым могущественным средством для дальнейшего развития нефтяной промышленности в Закавказье и в особенности в главнейшем ее центре — Апшеронском полуострове, произведения которого почти полгода, за прекращением навигации, остаются в настоящее время без сбыта. Наконец, принимая в соображение, что, по произведенным исследованиям, количество земель на Кавказе, на которых возможно получение нефти, определяется в 30 т(ысяч) квад(ратных) верст, нельзя не прийдти к заключению, что со временем, по устройству путей для сбыта нефтяных продуктов как на внутренние, так и на заграничные рынки, Кавказское нефтяное производство сделается одним из весьма крупных источников государственного дохода.

Вообще по положению, в котором ныне находится горный промысел на Кавказе, и по произведенным многочисленным геологическим изысканиям, следует заключать, что Кавказ щедро наделен разнообразными минеральными богатствами и что главнейшие из них составляют, кроме нефти и меди, — соль, железо, марганец, каменный уголь, квасцы, цинк и серебро, что же касается до нахождения золота, то до сих пор подтверждается его присутствие в различных местностях, но россыпей, стоющих разработки, пока, не открыто.

С целью лучшего устройства Кавказских (Пятигорских) минеральных вод, столь замечательных по целебным свойствам своим, произведены в недавнее время подробные исследования этих вод, чрез приглашенного для этого иностранного специалиста, и, на основании данных им указаний, составляется общий план переустройства означенных вод. Из большого числа других разнообразных минеральных источников на Кавказе, в последние годы устроены весьма удовлетворительно минеральные воды Боржомские и устраиваются замечательные также воды Абастуманские, находящиеся в Ахалцихском уезде, Тифлисской губернии.

XI. Финансовая часть

Финансовая часть по Северному Кавказу находится в подчинении Министерству Финансов и все доходы этой части края поступают в кассы Государственного казначейства непосредственно по финансовым сметам министерства; по Закавказскому же краю, с Высочайшего Вашего Величества соизволения, последовавшего в 1858 году, счеты доходов и расходов ведутся по своей особой смете, и доходы Закавказья предоставлено обращать исключительно на собственные потребности края.

В 1855 году, по Закавказскому краю поступило доходов до 3-х мил(лионов) руб(лей). В 1877 г. поступление их возросло до 9-ти мил(лионов) руб(лей). Таким образом, в двадцатипятилетний

поступление их возрасло до 9-ти мил(лионов) руб(лей). Таким образом, в двадцатипятилетний период доходы края возросли в три раза. Независимо от этого, по особой земской смете края поступает и обращается в потребности края около 2 1/2 мил(лионов) руб(лей) ежегодно. В 1855 году поступление это не превышало 624 т(ысяч) руб(лей).

С 1855 по 1878 год действительно поступило доходов, в общий сложности, до 124-х мил(лионов) руб(лей); из того израсходовано на потребности края 116 1/2 мил(лионов) руб(лей); затем остальные 7 1/2 мил(лионов) руб(лей) поступили в ресурсы Гсударственного казначейства. Главные источники возвышения доходов обусловливаются поднятием уровня производительных сил края, без возвышения окладных норм податного обложения.

Торговое движение, как по внутренней, так и по внешней торговле, весьма заметно и с каждым годом оживляется и расширяется. В 1853 году, перед началом Восточной войны, таможенный доход по краю составлял 434 000 р(ублей); вывоз же товаров из края простирался на сумму до 1 346 000 р(ублей); в 1876 же году, перед последней войной, поступление таможенных доходов возросло до 1 470 000 р(ублей), вывезено же товаров из одних портов Черного моря до 9-ти мил(лионов) руб(лей); таким образом, таможенные доходы возросли в три с половиной раза; ценность же вывоза — в семь раз. Цифра таможенного дохода, в смысле культурного развития края, имеет еще тем большее значение, что рядом с возрастанием привоза иностранных товаров, который она собой выражает, идет со времени сооружения железных дорог, соединивших внутренние рынки с бассейнами Черного и Азовского морей, постоянное возрастание количества привозимых в Закавказье русских товаров. Цифра этого последнего привоза чрез одни Черноморские порты, не считая привоза сухопутного и чрез порты Каспийского моря, составляла в 1876 году до 12 мил(лионов) руб(лей).

В деле финансового устройства края, подобно как и по всем прочим частям местного управления, все мероприятия направляемы были к тому, чтобы достигнуть возможно большого единения с Империей. Исходя из этих начал, в крае постепенно введены следующие, действующие в Империи, постановления, до финансовой части относящиеся: новые кассовые правила — в 1868 г.; общий европейский тариф по внешней торговле — в 1870 г.; питейный и табачный акцизные уставы — в 1873 г.; акцизный соляной устав и положение о пошлинах за право торговли и других промыслов — в 1876 г.

Из числа мероприятий, касающихся торговли, следует указать, между прочим, на установление с 1863 года свободного транзитного движения чрез Закавказский край по линиям из Поти к Тавризу на Джульфы и из Поти же к Решту чрез Баку. Мера эта, хотя не принесла государственной казне никакого дохода путем непосредственного обложения провозимых товаров, но, естественно, не могла не содействовать, в известной степени, возвышению народного благосостояния, а следовательно — не повлиять на увеличение источников государственного дохода.

Выводя общее заключение из всего, повергнутого в настоящем кратком очерке, на Высочайшее Ваше Императорское Величества воззрение, нельзя не признать, что в двадцатипятилетний период Царствования Вашего Величества Кавказский край весьма заметно двинулся вперед как в отношении экономического и вообще гражданского его развития и преуспеяния, так и в смысле упрочения в нем правительственной власти, и хотя еще много требуется заботы и целый ряд последовательных мер для того, чтобы срастить Кавказ с Россией в смысле экономичесокго и духовного единения, тем не менее сопоставление настоящего с недавним еще прошлым может служить залогом того, что, быть может, и не очень далекое будущее увидит Кавказ не только по факту, но и по естетственному тяготению всех его духовных и материальных сил неразрывной частью общего государственного организма, увидит его не предметом затруднений и жертв для России, а источником новой силы и вознаграждения ее за те жертвы, которые были принесены ей для обладания им.

19-го февраля 1880 г. С. Петербург

ПРИМЕЧАНИЯ

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 687.

1 Михаил Николаевич (1832—1909), вел. кн., сын Николая I, член Комитета министров, с 1863 г. наместник Кавказа и командующий Кавказской армией, председатель Государственного Совета, генерал-фельдмаршал.

2 Дадиан Давид Леванович (1812—1853), князь, из рода Чиковани, владетель Мингрелии (1840—1853), генерал-майор.

3 Дадиан-Мингрельский Николай Давидович (1847—1903), последний владетельный князь Мингрелии (1853—1866). После смерти отца остался на попечении матери, княгини Екатерины Александровны (урожд. Чавчавадзе), по высочайшему повелению назначенной до его совершеннолетия, правительнецей Мингрелии. Получил образование под руководством К. А. Бороздина. Назначен флигель-адьютантом и зачислен в л.-гв. Кавказский эскадрон Его Величества конвоя (1856). В 1868 отказался от прав владетельного князя, получив в вознаграждение право именоваться светлейшим князем Мингрельским. С 1875 г. в отряде генерал-адьютанта И. В. Гурко.

4 Ольга Федоровна (урожд. принцесса Цецилия Баденская) (1839—1891), вел. кн., жена вел. кн. Михаила Николаевича.

Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902—1917) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 402—449. — [Т. XII].

VI

От автора

Мне поставлена задача — дать характеристику той части жизнедеятельности последних наместников Кавказа графа Воронцова-Дашкова1 и Великого Князя Николая Николаевича2 и отчасти их непосредственного предшественника главноначальствующего князя Голицына3, которая остается покрытой полной неизвестностью для печати и широких слоев общества.

Взявшись за разрешение этой весьма щекотливой и трудной, в условиях эмиграции задачи, автор считает необходимым предупредить, что все, что будет сказано в настоящей работе, — есть результат личных наблюдений и воспоминаний автора, имевшего, по характеру своей службы*, случай почти ежедневно видеть указанных выше начальников Края в разнообразной обстановке их жизни и деятельности.

Автору приходится пользоваться исключительно услугами архива своей памяти. Поэтому, ручаясь за достоверность излагаемого, он, однако, не ручается за точность дат.

На периоде до возрождения на Кавказе наместничества в 1905 г. я, в силу характера задания, остановлюсь лишь слегка, обратив все свое внимание на эпоху двух русских революций и великой войны (1905—1917 гг.).

К сожалению, я многое вынужден выпустить из моей настоящей повести по причинам вне моей воли лежащим. Должен опустить и некоторые красочные моменты из Кавказской

действительности, представляющие известный интерес, в виду того, что я не могу вспомнить фамилий некоторых действующих лиц героев, виновников этих моментов.

Прага 1928 г.

I. Главноначальствующий на Кавказе и Командующий войсками Кавказского военного округа ген(ерал)-адъют(ант) Князь Голицын

Мой приезд в Тифлис во второй половине августа месяца 1902 года ознаменовался известным покушением на жизнь Главноначальствующего на Кавказе кн. Голицына.

Насколько я помню, некоторые характерные черты этого покушения остались совершенно неизвестными. О них никто не писал и писать не мог. Поэтому я попытаюсь в общих чертах их восстановить.

Князь Голицын с женою возвращался с обычной прогулки из ботанического сада. На Коджорском шоссе, близ Тифлиса, экипаж Главноначальствующего был остановлен тремя "просителями" с протянутым прошением в руках. Просители, в скромных крестьянских одеждах, не внушали подозрения. Голицын взял прошение. Тем временем один из нападавших стал перед лошадьми, а двое других заскочили с двух сторон экипажа. Ординарец-казак, сидевший на козлах, и кучер сообразили недоброе. Первый соскочил с козел, но упал, а второй дал кнута. В этот промежуток времени два ставших у подножек экипажа злоумышленника стали наносить острыми кинжалами раны в голову князя. Голицын и его жена не растерялись. Они палкой и зонтиком ловко отбивали удары. Прежде, чем казак успел оправиться, а кучер дать полный ход, нападавшие успели, однако, нанести тяжелую рану своей жертве в голову.

Нападавшие бросились бежать, а князь, обливаясь кровью, прискакал во дворец.

Через час злоумышленники были захвачены стражниками и казаками конвоя, выскочившими по тревоге, имея в ружейных чехлах палки вместо ружей. Это странное обстоятельство в жизни войсковой части, когда палка для видимости должна была изображать винтовку, имеет свое объяснение в следующем: около того времени по Кавказскому военному округу последовал приказ, в силу которого ротные, сотенные и эскадронные командиры и пр., у которых пропадала винтовка, отрешались от должностей.

Командир Конвоя подполковник Драгомиров4, старший сын знаменитого генерала5, для своего душевного спокойствия хранил ружья под замком у себя. Когда дали знать в

Конвой — спешить на помощь, казакам ничего не оставалось, как скакать без ружей, а некоторые с палками в чехлах.

Стражники подоспели раньше и, захватив злоумышленников живыми, убили их, несмотря на то, что один из них умолял дать ему возможность попрощаться с матерью-старухой.

Они оказались армянами революционной партии "Дашнакцутюн6", действовавшими по постановлению этой партии. Молва упорно говорила, что в их задачу входило снять голову

с кн. Голицына и водрузить ее на Эриванской площади.

Убитые армяне были туго затянуты длинными полотенцами, чтобы "легче было бежать", — как мне объяснили. После постигшей дашнакцутюн неудачи в открытом "бою" армяне, как гласила молва, хотели взорвать Тифлисский дворец и таким путем покончить с кн. Голицыным.

Инженерному ведомству пришлось устроить кругом дворца подземные ходы и постоянно их наблюдать, чтобы предупредить подвод под дворец мин.

Покушение на жизнь Голицына было вызвано, как известно, "близорукой политикой последнего на Кавказе вообще и в отношении армянского народа в частности и в особенности".

Однако такая общая трактовка вопроса, без объяснений причин, мне кажется не совсем правильной. А между тем широкие слои русского общества именно питаются этой общей, уму и сердцу ничего не говорящей, постановкой политики Голицына в плоскость подчеркнуто недоброжелательного отношения и личных антипатий к армянскому народу, как к таковому.

Я не буду входить в гущу этого интересного и до сих пор честно и правдиво не освещенного вопроса, скажу только, что кн. Голицын виноват постольку, поскольку вообще виновата политика России в отношении Кавказа и многочисленных народов, его населяющих. И только.

Голицын, так же как его предшественники, вносил мир и согласие между основными тремя народностями Закавказья, постоянно враждовавшими между собою. Армяно-татарские "резни" известны миру. Еще до наложения рук на церковное и школьное имущество и доход Армении в 1897 и 1902 гг. казачьи части по распоряжению кн. Голицына несли охранительную (летние жилища — пастбища Эйлат) службу, чтобы не допускать армяно-татарских столкновений и т. д. Словом, Кавказское начальство всегда стремилось охранять мирный труд кавказского населения, способствовать поднятию его благосостояния.

В девяностых годах мы замечаем громадный рост культурно-экономической производительности края. На почве этого благосостояния и в связи с общим революционным движением внутри России в русской Армении зарождается острое националистическое чувство, вылившееся в определенную программу-минимум: — добиться для Армении республиканского строя в Российской федерации, — как этапа к возрождению Великой Армении.

Осуществление этой задачи взяла на себя партия сепаратистов армян "дашнакцутюн", комплектовавшаяся из революционной интеллигенции.

Острие национальной борьбы дашнаков сначала было направлено против Турции, где эта борьба текла в русле освобождения армян от власти турок. Когда же дашнаки свою революционную деятельность перенесли в пределы русской Армении, и в партийную их казну потекли широкой рекой средства из церковных, школьных и др. источников, кн. Голицын распорядился в грубой, свойственной его натуре форме конфисковать эти источники.

Армянский народ поднял шум на весь мир. Наша радикальная печать в свою очередь старалась сгустить краски. В итоге — родилась печать "реакционной, антигосударственной и т. д. политики Голицына на Кавказе".

Во второй половине 1904 года (в начале июля) кн. Голицын уехал в Россию и больше не возвращался. А в начале* 1905 года на Кавказе было восстановлено Наместничество. Первым Наместником был назначен граф Воронцов-Дашков, прибывший в Тифлис и вступивший в управление Наместничеством 5 мая того же года.

Прежде чем обратиться к жизнедеятельности графа Воронцова-Дашкова, необходимо сказать несколько слов о кн. Голицыне для его личной характеристики.

Начну с поступления моего младшим офицером в Конвой, тогда именовавшегося "Конвоем Командующего войсками Кавказского военного Округа".

Прежде чем зачислить меня в Конвой согласно ходатайства его командира, кн. Голицын приказал меня ему представить. На приеме он меня спросил "знаю ли я строевую службу достаточно твердо"? Получив удовлетворяющий его ответ, он поставил мне другой вопрос: "а каков ваш (т. е. мой) клинок шашки"? — Я молниеносно выхватил из ножен знаменитый волчок ("заколдованный Терс-маймун" со стилизованным бегущим волком) и показал князю. Похвалив за оружие, князь Голицын приказал мне представиться княгине, его супруге, в ее приемный день.

Когда я прошел весь этот показ, тогда только состоялся приказ о моем назначении в Конвой.

Надо заметить, что Голицын не любил многолюдных штатов. Состав Конвоя очерчивался тремя офицерами и 200 казаками. Личная его “свита” состояла: из одного адъютанта — ротмистра Романовского7 (впоследствии батумский губернатор), одного штаб-офицера для поручений (подполковник Тарановский) и одного чиновника (Н. М. Проконе8), — вот и все.

Особенно интересны были дни приема представляющихся и просителей. В эти дни недели (среда) к 2? час. дня собирались: в белом зале (Георгиевском) все начальники управлений и учреждений, находившихся в гор. Тифлисе, и представляющиеся чины армии, и пр. Одновременно в другом зале, так называемом портретном, — строились просители, преимущественно из “народа”.

Нужно заметить, что этих последних всегда было очень мало (2—5 чел.), а иногда и совершенно не было. Объясняется это обстоятельство страхом, который наводил князь своим криком на просителей. И действительно он наводил ужас не только на просителей, но и на сановных представляющихся.

Сопровождая князя при его выходе к ожидавшим его в обоих залах, я был всегда свидетелем, как люди бледнели, как дрожали у них колена. Случалось часто, когда князь вместо намеченной очередной жертвы разноса нападал по ошибке на совершенно невинного человека.

Особенно туго приходилось докладчикам, в том числе начальнику Штаба округа Генерал-лейтенанту Белявскому9, человеку весьма несимпатичному и суровому.
После разносов и криков Кн. Голицын обыкновенно говорил нам, сопровождавшим его во внутренние покои офицерам, что “по человеческой психологии и логике надо нагонять холод и страх на людей и что в этом кроется залог преуспеяния”.

Вне рамок службы Голицын был добродушным русским “боярином”, большим хлебосолом и приятным собеседником. Когда у него бывали большие вечера, он всегда обходил лично гостей и угощал их.

Во время завтраков и обедов Князь всегда приказывал молодежи повторять вкусные блюда, чему, конечно, молодежь была очень рада. Касаясь широкого гостеприимства Голицына, надо сказать, что у него всегда был расчет по одной бутылке шампанского на человека за столом.

У князя Голицына была привычка появляться неожиданно на базарах Тифлиса и наводить порядок, а в неприемные часы он переодевался в штатское платье и отправлялся в дворцовый сад заниматься “заморскими” розами и др. цветами, которые он любил разводить и показывать гостям.

Характерно, что он не раз признавался, что единственно кого боится — это жены начальника Штаба М. И. Белявской, мужа которой он весьма часто разносил, привлекая внимание улицы своими криками на своего ближайшего помощника.

Во время русско-японской войны кн. Голицын разрешил одному офицеру (старшему) идти на войну. При этом Князь и Княгиня любовно снарядили офицера своего Конвоя, подъесаула Золотарева, вернувшегося с войны штаб-офицером и убитого вскоре татарами разбойниками не далеко от Агдама, Елизаветпольской. губ., благословив его по-родительски на ратный подвиг и снабдив богато всем необходимым офицеру на войне.

II. Наместник Кавказа и Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков (1905—1915)

Перехожу к графу Воронцову-Дашкову. Назначение этого выдающегося государственного человека, чье имя несомненно займет лучшие страницы в летописи Кавказа, последовало в момент, когда революционные зарницы уже осветили небосклон далекой окраины России.

В мою задачу не входит освещение настроения умов того сложного предреволюционного

В мою задачу не входит освещение интересующих меня событий предреволюционного времени. Я укажу только, что политические струны на Кавказе были натянуты до отказа. Во главе Кавказа должен был стать человек уравновешенного и недюжинного ума, человек с смелым, независимым характером и дальновидным взором, и, наконец, человек с волей и добрым сердцем, легко воспринимающим и понимающим душу Кавказа.

Таковым человеком голос закаленных (старших) воинов Кавказа назвал графа Воронцова-Дашкова, а голос этот был доведен до сведения Государя генерал-адъютантами князьями — Захарием Чавчавадзе10 и Ивант Гивичем Амилахвари11.

Граф Воронцов-Дашков с Кавказом познакомился еще во время борьбы с горцами Западного Кавказа. Его имя здесь связано со станицей Троицкой*, казаком которой он числился. Затем он состоял в должностях — адъютанта Наместника Кавказа фельдмаршала кн. Барятинского12 и Командира Конвоя (1859—1861).

Вот в эти-то юные еще года его исключительные душевные и моральные качества стали известны его соратникам и друзьям, знаменитым кавказским великанам — кн. Захарию Чавчавадзе и И. Г. Амилахвари, настоявшими перед Государем на его назначении на Кавказ.

Граф Воронцов-Дашков получил хорошее образование — он воспитанник Московского Университета и офицер Генерального Штаба.

Около 10 час. утра 5 мая 1905 года Тифлис торжественно встречал своего Наместника. Граф ехал по улицам Тифлиса на громадном белом англо-арабе с огромной свитой, сопровождаемый Конвоем. Все население его искренно и радостно приветствовало.

Командир Конвоя, подполковник Драгомиров, которому ниже отведу надлежащее место, как из ряда вон выходящему типу человека, вытащил из сорного ящика, попавшего на чердак, фотографию графа Воронцова-Дашкова, снятую в годы, когда он командовал Конвоем*. После очистки ее от сора и грязи, портрет был вложен в золоченную раму и мы ее торжественно, всем составом офицеров, преподнесли ее оригиналу, нашему Главнокомандующему и патрону.

Эффект был полный. Оказалось, что граф не имел этой фотографии, долгое время валявшейся на чердаке, среди всякого хлама и мусора. Картина — достойная внимания.

Наступили октябрьские дни первой революции. Последовал Манифест о свободах, Государственной Думе и т. д.

Тифлис превратился в митингующую толпу. Растерянность верхов была полная. Один дворец хранил полное спокойствие и выдержку. Войска оставались верными долгу и присяге. На Головинском проспекте с утра до самого вечера происходили митинги. Выкрикивались призывы к свержению престола и т. д. В эти дни помощник по полицейской части Наместника жандармский генерал Ширинкин13, человек весьма симпатичный и достойный, привел во дворец к Наместнику, прямо с митинга около 6—7 человек, из числа главных вождей революционного населения. Один из приведенных, худощавый и носатый грузин, очень молодой на вид, держал демагогическую, в повышенных тонах, речь. Размахивая перед самым носом графа Наместника грязною кистью своей руки, лихой джигит-оратор требовал свобод Кавказу и рабочему классу, угрожая народным гневом и т. д.

Поведение сего молодого человека перед престарелым и замечательной сердечности и обаятельности человеком — графом мне, кавказскому горцу, воспитанному в адатах

предков, показалось кощунством, непозволительным актом нарушения всякого приличия. Видя, что граф Наместник спокойно, ни одним мускулом лица не шевелясь, слушает дерзкого оратора, а солидная свита хранит невозмутимый вид, точно ей нет никакого дела до того, что на ее глазах творится, я, подав глазами знак выездному уряднику, здесь находившемуся, сделал энергичный шаг в сторону оратора, чтобы схватить его за шиворот и призвать к кавказскому приличию и

шаг в сторону оратора, чтобы схватить его за шиворот и призвать к кавказскому приличию и адату, к соблюдению священного завета — преклонение и уважение перед сединою, или же убраться вон. Генерал Ширинкин схватил меня за руку и, отведя, пригрозил арестовать и проч.

Аудиенция эта, конечно, никаких положительных результатов иметь не могла. Митинги перед дворцом процветали. Свита Наместника из окна дворца на них любовалась. Выведенный из терпения этим постоянным и непрекращающимся зрелищем граф как-то приказал дежурному адъютанту кн. Гуриели14 попросить толпу разойтись.

Немощный и болезненный князь не решился идти выполнить щекотливый приказ, попросив меня за него это сделать. Огромная и накаленная толпа без всякого сопротивления спокойно разошлась, когда я обратился к ней с просьбой от имени Наместника очистить проспект. В случае, если бы митинг не разошелся, было приказано казачьей сотне атаковать толпу. Митинги больше не повторялись.

Хотя революция на Кавказе в то время протекала по руслу стихийного социального протеста, но не национального возмущения, тем не менее правая русская общественность и русские рабочие из “Союза Михаила Архангела15” усмотрели в Кавказской действительности антирусский элемент.

Русские решили устроить грандиозную манифестацию, придав ей чисто узко-национальный и

патриотический характер. Манифестация была назначена на 22 октября 1905 г.

Огромная тысячная толпа, в сопровождении взвода нижегородских драгун, двинулась с Александровской площади по направлению к дворцу. Толпа шла с иконами, портретом Государя и с пением гимна и “Спаси Господи Люди Твоя”.

Граф Воронцов-Дашков, узнав об этой манифестации, приказал своему адъютанту кн. Чавчавадзе вместе со мною немедленно скакать на место сбора манифестантов и просить от его имени воздержаться от демонстрации и разойтись.

На наш призыв толпа ответила отказом, двинувшись к дворцу по намеченному маршруту. Около общественного Собрания, вблизи дворца, по толпе раздались провокаторские выстрелы. Получилось нечто ужасное. Начался разгром Собрания, расстрел невинных людей. Особенные в этом отношении зверства проявили казаки 2 Полтавского полка и запасные Тифлисского пехотного полка. Те и другие были мобилизованы летом 1905 г. по случаю народных волнений, охвативших всю Россию. Казак конвоя Клад самолично расстрелял 14 человек, спрятавшихся во время общей паники в машинном отделении общественного Собрания.

На мой вопрос: за что такое безумство он совершил над невинными людьми, казак Клад ответил: “они, эти революционеры, убили моего друга казака Михнева и др. станичников, тоже невинных людей. Убитые мною — революционеры потому, что у них были красные банты”.

Нужно заметить, что пропаганда велась среди войсковых частей против казаков вообще и, таким образом, революционеры созданием вражды и розни в одной и той же армии сыграли на руку власти, которая легко парализовала вспышки в войсковых частях, призывая для усмирения “армейской” части казаков и наоборот.

Казак Михнев (кубанец), о котором я упомянул выше, был убит террористической группой грузинской социал-демократии при следующих обстоятельствах: 24 августа 1905 г. я получил приказание* назначить двух расторопных казаков для отвозки по военно-грузинской дороге орденов Наместника, пожалованных ему Шахом. Последний в это время проезжал через Минеральные Воды, где в то время пребывал на даче граф Воронцов-Дашков, который должен был встретить Шаха.

В тот же день поздно вечером назначенные мною казаки Михнев и Ширяев двинулись в путь на

В тот же день поздно вечером назначенные мною казаки Михнев и Ширяев двинулись в путь на перекладных, вооруженные берданками**. На 14-ой версте от Тифлиса на казаков было совершено нападение четырех грузин злоумышленников, открывших одновременно огонь из глубокого кустарника. Первым же залпом был убит наповал казак Михнев. Ширяев не растерялся. Быстро соскочив с перекладной, он залег за кучу щебня и стал отстреливаться. Одного разбойника он убил, а другому размозжил ногу. После этого нападавшие разбежались.

Ширяев, сдав перекладную с трупом казака в духан, сам добежал до Мцхетского вокзала и оттуда дал знать о случившемся. Сейчас же я по тревоге выехал с сотней казаков на место происшествия, где захватил раненного Ширяевым имеретина, а у полотна дороги нашел труп убитого им же человека. Из документов, найденных при них, выяснилось, что они люди социал-демократической партии, напавшие на казаков с целью захватить ордена, осыпанные драгоценными камнями, или же по ошибке принявшие перекладную казаков за почту.

Поразительно, что Ширяев, которого я вернул из Мцхета на рассвете, указал точно откуда в него стреляли. В указанных им местах оказались гильзы и другие следы от нападавших. Генерал Драгомиров, которому сын сообщил о Высочайшей резолюции на рапорт об этом происшествии "молодец", между прочим, сказал: "на черта ему "молодец", Ширяеву надо дать георгиевский крест".

Ширяев был действительно необыкновенной храбрости и находчивости казак. Когда получилось

известие об убийстве одного из казаков, без указания его фамилии, весь Конвой назвал убитым Михнева. "Ширяева никакая пуля и бомба не возьмут", — говорили казаки.

Когда казак Клад расстреливал свои 14 жертв, другой казак Конвоя Колбаса спасал женщин и детей, вытаскивая их из огненного ада. Одна из спасенных, красавица-курсистка, выражала после свое возмущение поведением казаков, ее же спасших.

Казаки мстили и за "30 августа" 1905 года, когда одновременно во все казачьи части, расположенные в Тифлисе, были брошены "Авгальские бомбы" страшной разрушительной силы. От одной бомбы, брошенной к подъезду Конвоя, был убит один казак и тяжело ранено 19.

Лично я со взводом казаков совершенно случайно избег этой бомбы, свернув по дороге в Конвой в другую улицу, по которой я никогда не ездил.

Вообще казаки безжалостно в таких случаях избивали "кудлатых", как они выражались. Человек с большой шевелюрой волос, "кудлатый" по их убеждению был социалистом, следовательно "врагом народа" и порядка, подлежащий уничтожению.

Из войсковых частей Тифлисского гарнизона особенно революционно были настроены саперные батальоны и всякого рода отдельные команды. Прочие части не были тронуты революционными идеями. Однако внутренняя охрана дворца была возложена исключительно на казаков Конвоя и на пластунов.

Граф Наместник на постоянные настойчивые просьбы начальников частей — разрешить силою оружия обуздать революционные проявления, тормозившие правильное течение жизни, всегда отвечал одно и то же: "больше спокойствия и хладнокровия".

Это "философское" поведение графа выводило из терпения офицерство, громко выражавшее свое крайнее неудовольствие поведением своего Главнокомандующего и некоторых высших начальников, которых молодежь заподозрила в "революционности и трусости".

Наместник часто созывал совещания старших начальников. На этих совещаниях я присутствовал за командира Конвоя, т. к. последний был глухой. И нужно сказать, что граф и его помощник по военной части генерал-лейтенант Малама16, бывший до этого Кубанским атаманом, на этих совещаниях поражали своим здравым, хладнокровным спокойствием и оценкой обстановки и

совещаниях поражали своим здравым, хладнокровным спокойствием и оценкой обстановки и момента.

Граф Наместник, которого я ежедневно в те дни наблюдал, среди общей растерянности мужественно и спокойно относился к событиям, не выходя из обычных рамок повседневной, раз установленной жизни и порядка. Это обстоятельство умиряло пыл ретивых, внося всюду уверенность в свои силы и спокойствие.

Когда же обстановка требовала решительных действий, то он ни перед чем не останавливался. Раз по телефону дали знать во дворец, что первый Кавказский Саперный батальон идет с оружием громить дворец.

Главнокомандующий через дежурного адъютанта отдает приказ Командиру Конвоя Драгомирову остановить сапер силами Конвоя. Последний, оставаясь во дворце и любуясь с окна на улицу, в свою очередь, приказал мне в конном строю атаковать саперный батальон. На это я ответил, что буду действовать по обстановке, т. к. за успех задачи и за жизнь казаков отвечаю я. На это я получил вторичный приказ — "атаковать в конном строю взбунтовавшийся батальон на Головинском проспекте"!

Выслав разъезды по всем улицам, я решил не прибегать к конной атаке, а внезапно охватить батальон с двух засад огнем, а затем полусотней в конном строю рассеять остатки. На наше

счастье батальон и не думал идти на дворец, а Драгомиров, наблюдавший с окна за моими действиями, пригрозил мне судом за неисполнение приказа начальника в "боевой обстановке".

В те же революционные дни поднялась армяно-татарская традиционная резня. Татары ордами шли на армянские села, вооруженные допотопным оружием. Армяне их встречали организованно и маузерами. Вмешательство властей и мирные переговоры ни к чему не привели. Тогда было решено вооружить армянские села берданками из артиллерийских складов. Уже шла во дворце разверстка ружей под руководством директора Канцелярии Петерсона17. Мне показалось, что здесь что-то совершается нехорошее. Если вооружать, думаю я, то вооружить обе режущиеся стороны. Пусть себе режутся, — если им это так нравится. Эту мысль я тут же громко высказал.

Ружья не были выданы армянам, раздумали, а были даны социал-демократической партии под расписку Рамишвили. Эта партия взяла на свою ответственность усмирить армян и татар и по ликвидации резни вернуть оружие. На это распоряжение Тифлисский гарнизон ответил митингом, на котором было постановлено — "отобрать силою оружие от социалистов".

Когда накануне митинга подполковнику Драгомирову доложили о том, что на этот митинг протеста против распоряжения Главнокомандующего приглашают представителей Конвоя, он позвал на совещание сначала вахмистров, потом младшего офицера, а потом напоследок пригласил и меня.

Сообщив мне суть дела, Драгомиров заявил: "мы должны принять участие на митинге; не можем же мы идти против целого гарнизона". Затем он спросил: — как я смотрю на этот вопрос? Я был крайне смущен и удивлен его взглядом на вопрос такой важности и не без волнения заявил буквально: "митинг устраивается против Наместника. Конвой по присяге есть ближайший страж Его Сиятельства и защитник его жизни, а следовательно и его доброго имени. Наш долг умереть за своего Главнокомандующего. Пусть через наши трупы переступает "революционный гарнизон" во дворец. Если завтра будут судить наши казаки своего Главнокомандующего, то послезавтра они будут судить Вас и меня. Не к лицу Конвою митинговать".

Драгомиров согласился со мною, заявив, что на митинг казаков не пошлет. Однако своего слова он не сдержал. Два казака-делегата были на митинг посланы.

Результаты митинга сказались на другой же день; мимо Конвоя на двух фаэтонах под охраной социал-демократической молодежи провозили домой несколько армян. Охрана была вооружена казенными берданками. Несколько казаков выскочило и отобрало берданки, при чем одного сопротивлявшегося грузина убили, а другому разбили прикладом голову.

Это случилось после обеда у самого дворца. Взволнованный Наместник позвал подполковника Драгомирова узнать в чем дело и кто убил невинного человека. Драгомиров, не подозревая, что виновниками являются его казаки и прежде всего он сам, ничего не мог объяснить.

Послали за мною. Я уже знал фамилии убийц и причину, о которой я сейчас же сам догадался. Граф, приняв меня, спросил: "кто убил и за что". Так как Драгомиров отрицал вину казаков, то я ответил: "Вероятно убили наши казаки. Гарнизон взволнован выдачей социал-демократической партии берданок". Наместник глубоко вздохнул, ничего не сказав. В этот момент вошел генерал Ширинкин и доложил фамилии казаков-убийц. Но истинную причину ни он, ни граф Наместник не узнали. Нельзя было предавать своего командира, виновника происшедшего и фактически выступившего против своего Главнокомандующего.

Но нет худа без добра. Этот случай дал нам козырь держать в руках Драгомирова и смягчать его ужасные тиранические действия в отношении всех чинов Конвоя.

Конечно, выдача оружия революционерам в эпоху революционного процесса, не остроумно и

легкомысленно. Но графа в данном случае подвели советчики. С другой стороны социал-демократическая партия старалась, как могла, служить интересам мира между двумя враждовавшими народами, и кое-каких результатов достигла.

Берданки, конечно, не были возвращены по принадлежности. Вернулось только часть их.

Особенно воинственно был настроен против крамольников-кавказцев блестящий начальник Штаба округа генерал Грязное18. Он слишком открыто рисовался идеей "сметать без остатка села и дома бунтовщиков, вешать рабочих". На самом же деле генерал Грязное был человек весьма гуманный и доброго склада характера. За внешнее проявление воинственного настроения Грязнов и поплатился жизнью. Он был убит брошенной в него бомбой*. Убийство уважаемого генерала взволновало весь гарнизон. Состоялся многолюдный офицерский "митинг" в Штабе округа. На этом собрании был избран новый комитет, в состав которого входило по одному представителю от каждой отдельной войсковой части. Комитет сыграл благотворную роль в смысле объединенных действий частей гарнизона и регулировании помощи гражданской власти при принятии мер воздействия посредством вызова войск.

Не будь опять-таки налицо монолитного спокойствия и философского хладнокровия графа Наместника, которого все любили и уважали (исключая крайних русских черносотенцев, впоследствии оказавшихся в стане большевиков) в Тифлисе произошли бы большие, чреватые кровью беспорядки. Так был возмущен убийством генерала Грязнова гарнизон.

Тогдашние черносотенцы русские, а теперь усердные "советчики" травили в печати графа (в "Новом Времени"19), требуя решительных мер против "Крамольного Кавказа". Время показало, кто был прав. Правым оказался Наместник, мудрым спокойствием сравнительно легко и без излишних жертв умиротворивший взволнованный Кавказ. Любовь престарелого графа к Кавказу сделала свое хорошее дело.

Как известно Воронцов-Дашков слывет за сгущенного армянофила, а его жена графиня Елизавета Андреевна, урожденная графиня Шувалова, крещена "в армянки". Дело дошло до того, что в заседаниях Совета Министров* от 30 июля и 4 августа 1915 г. под председательством Горемыкина20 и с участием военного министра ген. Поливанова21, Сазонова22 и др. обвинили графа Главнокомандующего чуть ли не в государственной измене. Ему ставили в вину молниеносное движение Кавказской армии вглубь турецкой Армении, считая это победоносное

шествие Кавказской армии вредным, преступным для интересов России и общей экономии ведения войны. Министры указывали (а ген. Поливанов подтверждал), что граф Воронцов де интересуется только армянским вопросом, — воссозданием Великой Армении, и что ему чужды интересы общие.

Дело дошло до того, что на почтенном Совещании министров, и при том секретном, было произнесено имя жены Наместника в роли "Главнокомандующей" Кавказским фронтом.

Оказывается не всегда хорошо и выгодно побеждать. В 1915 году наши армии на Западном фронте, разбитые, отступали, а Кавказская армия победоносно вторгалась все глубже и глубже в неприятельские земли и именно в том направлении, где местное население было на нашей стороне. В мою тему на входят вопросы стратегии, поэтому я не буду останавливаться на действиях Графа Главнокомандующего, который, кстати будет сказано, в это время совершенно не касался армии, ибо был тяжело болен, лежал в постели, не показываясь наружу из дворца Великого Князя Георгия Михайловича в Боржоме. Скажу только, что мне стыдно за Россию, что она имела военного министра генерала Генерального Штаба Поливанова; стыдно за Совет министров, который в такой серьезный момент руководствовался в своих суждениях сплетнями досужих кумушек и врагов русской государственности и русских интересов на Кавказе. Однако, я хочу попытаться осветить светом правды легенду об армянофильстве четы Воронцовых-Дашковых. С самого начала оговариваюсь, что ни о каком исключительном армянофильстве с их стороны речи быть не может. Граф-Наместник был одинаково расположен ко всем народам Кавказа, и если угодно, то его симпатии, по моим наблюдениям, больше склонялись на сторону тех, кто больше всего его в армянофильстве обвиняет, т. е. грузин.

Что касается графини Елизаветы Андреевны, то она действительно впоследствии открыто показывала свое особое расположение к армянскому духовенству и к армянской общественности вообще, но однако она никогда не вмешивалась в дела управления и в политику. Перелом же в ее настроении в пользу армян случился опять-таки благодаря во-первых тому, что грузинская аристократия держала себя заносчиво, считая в некоторых случаях себя чуть ли не выше "кровями" и явно это показывая графине, обладавшей своенравным и решительным характером, и во-вторых — армянское общество к ней подошло иначе, оно нашло себе в ее сердце мягкий уголок. А ведь женщина остается женщиной!

Наконец, не надо забывать того, всегда упускаемого, серьезного обстоятельства, что на Кавказе в те времена армян не любили. Справедливо это или нет — я касаться не намерен, но факта этого отрицать невозможно. И вот на общем фоне этого несимпатичного отношения населения к армянам показались теплые и робкие лучи доброжелательства к этому народу со стороны высшей власти. В доме Воронцовых армянское общество нашло радушное гостеприимство наравне с другими. Это обстоятельство, в связи с "изгнанием" армянского духа из дворца кн. Голицыных, резко бросилось в глаза обществу.

Армяне имели право быть недовольными общей политикой власти, отобравшей у них церковные и школьные имущества. Задача новой власти, в данном случае графа Воронцова-Дашкова заключалась в такое тревожное время в внесении спокойствия среди возмущенных и взволнованных армянских масс и вернуть их традиционные, веками освященные и скрепленные симпатии к России.

Граф Наместник этого достиг очень легко, вернув армянам конфискованные имущества и показав, что он как носитель почти верховной власти на Кавказе стоит на страже кровных интересов армянского народа, не расходящихся с общегосударственными.

Но из этого не следует, конечно, что граф забывал интересы грузин, нет. Человек всегда остается человеком. Нет такой души, на которую не могли бы влиять окружающие. Посмотрим, кто же состоял в ближайшей свите графа: два личных его адъютанта грузины — князь Чавчавадзе и князь Амилахвари — сыновья его друзей; офицеры для поручений: князь Цулукидзе — грузин,

князь Андроников — грузин, князь Андроников Ираклий — грузин и только штаб-офицер для поручений подполковник Кетхудов — армянин. Далее — при графе состоял чиновником для поручения и князь дагестанец Асельдербек Коцаналипов, возведенный в шталмейстеры двора Его Величества. Комендантом Конвоя был автор этих строк — осетин. Прочие были русские, их было 4—5 человек.

Таким образом при дворе Наместника служил лишь один армянин, никакого влияния на графа не имевший.

В 1906/7 г. Наместник съездил в Эривань, где осмотрел войсковые части, губернские учреждения и учебные заведения. В поездке графа Воронцова-Дашкова сопровождала его жена; в числе сопровождавших был и пишущий эти строки. Поездка совершена зимой.

Экстренный поезд Наместника прибыл в Эривань около 10 ч. утра. Перед самым приходом поезда графу подали список лиц, которые подлежали приглашению на завтрак к Наместнику. В списке значился и командир 1 Полтавского полка Борчевский. Граф последнего вычеркнул, велев его не звать. На вокзале был выстроен почетный караул, а на его фланге в одну шеренгу вытянулись старшие начальники Эриванского гарнизона, в том числе полковник Борчевский, вычеркнутый из списка к завтраку.

Главнокомандующий, обходя почетный караул и начальствующих лиц, подавал руку каждому из

последних, но когда он дошел до полковника Борчевского, то он демонстративно не подал ему руки. Зная характер графа, его простоту и сердечность, я был удивлен его поступку, на него совершенно не похожий и его характеру, доброму и внимательному, не соответствующий. По наведенным мною справкам оказалось, что Борчевский обворовывал полк, но так ловко, что нельзя было его упечь под суд.

Наместник дал почувствовать Борчевскому, что он не достоин высокого звания командира части Кавказской армии. На другой день утром Главнокомандующий с супругой в сопровождении свиты и Эриванского губернатора графа Тузенгаузена24 выехали в Эчмиадзин, навестить больного и престарелого Католикоса всех армян.

Первопрестольный Эчмиадзин достойно и торжественно встретил графа и графиню, завоевавших уже симпатии армянского народа. Я не буду описывать того, что в свое время было отмечено в печати. Я отмечу то, что я подметил особенного в тот день и что никогда и никем не зафиксировано.

Сам Католикос лежал больной в постели*. Прочее армянское духовенство и армянское население встретили поезд Наместника у самого въезда в Эчмиадзин. Духовенство было в облачении, а трое из них с кадилами в руках.

Когда граф и графиня сошли с экипажа, духовенство открыло шествие к Эчмиадзинскому монастырю, до которого было шагов 200—300. И вот во время этого шествия мое внимание привлекло необычайное зрелище: три священника почти все время шли задом наперед и все время кадили в сторону под руку шедших за духовенством непосредственно графа и графини. Вот тут впервые я понял точный смысл слова “кадить, покадил”.

Само собою ясно, что с места эчмиадзинцы покорили сердце графини.

После прекрасного и обильного завтрака состоялся торжественный акт в духовной Академии при Эчмиадзинском монастыре. В актовом зале был устроен “трон” под балдахином, куда был приглашен Граф Наместник. Взойдя на “трон”, Воронцов-Дашков обратился с речью, содержание которой, к сожалению, не имею, оно осталось на родине. Хорошо помню, что граф говорил общие фразы и всякие пожелания “трудолюбивому и честному армянскому народу”. Академический хор трижды и очень скверно спел “Боже, Царя Храни”, очевидно только к

приезду Наместника приготовленный.

На этом акт был закончен. После этого нам были показаны достопримечательности монастыря, музей, типография и т. д. Расписавшись в почетной книге посетителей, мы отправились на место раскопок археологических древностей.

Графу и графине были поднесены какие-то подарки из армянской старины. Вообще нужно сказать, что радушию и предупредительности армян не было границ.

После Эчмиадзина мы выехали в Карс, где Главнокомандующий осматривал форты нашей первоклассной Кавказской твердыни, ныне по Брестскому миру отошедшей к Турции.

Карский гарнизон приветствовал маститого Главнокомандующего кавказским "хлебом-солью". За обедом присутствовала со стороны хозяев только одна дама, жена начальника 1 Кавказской казачьей дивизии Кусова. Остроумный и талантливый тамада артиллерии капитан Мусхелов создал хорошее настроение, обратив на себя особое внимание как Главнокомандующего, так равно и других высших начальников. Мне говорили, что в тот день Мусхелов заработал себе чин подполковника вне очереди.

Познакомившись с жизнью крепостных частей, житьем-бытьем офицеров, квартировавших в крепостных "тюрьмах", поражаешься подвигу, смирению и доблести русского офицера. Жизнь

офицера и солдата Карской крепости воистину ничем не отличалась от "волчьей жизни". Тем не менее эти люди не роптали на судьбу, самоотверженно отправляя службу по присяге за нищенское материальное вознаграждение.

После Карса были осмотрены Александровское укрепление и войска гарнизона в их казармах. Всюду графа встречали с "ура", как царя. В шикарном офицерском собрании Кабардинского пехотного полка Главнокомандующему был дан обед. Здесь не было того повышенного настроения, какое создал в Карсе капитан Мусхелов.

После этой поездки, по моим наблюдениям, армянское духовенство стало в особом почете у графини Елизаветы Андреевны; оно часто появлялось на завтраках во дворце, чего раньше не наблюдалось. При духовенстве зернистая икра подавалась к столу уже в больших дозах.

С целью внесения мира между армянами и татарами, не устававшими резать друг друга, Наместник созвал "мирную армяно-татарскую конференцию" в Тифлисе. Заседания конференции происходили в белом (Георгиевском) зале дворца под председательством генерал-лейтенанта Малама. Заседания были закрытые. Я присутствовал на них в качестве дежурного офицера. Конференцию открыл большой речью сам Наместник. Его речь на всех делегатов произвела потрясающее впечатление, даже на Ахмеда Агаева, ныне одного из столпов [Ангорского] Национального собрания. Все почувствовали, что граф искренно хочет положить конец дикой взаимной расправе двух народов, долженствующих стать на путь мирного труда и преуспеяния.

Армянский народ и татары на конференцию дали лучшее, чем эти нации располагали и могли похвалиться. Армяне всегда были богаты интеллигенцией, но я никогда не ожидал, чтобы татары так достойно были представлены на конференции. Интеллектуально татары ни в каком отношении не уступали армянам. И что же — все они — питомцы русских высших учебных заведений! Как конференция ни старалась выяснить причины взаимной распри, она их указать не могла. На протяжении 10 заседаний произносились блестящие речи (ораторами обе стороны были более чем богаты), но в конечном итоге конференция практических результатов не дала. Она дала только уверенность, что Наместник искренно хочет покончить с этим позорным явлением в Кавказской жизни, — как резня невинных стариков, женщин, детей. И граф Воронцов-Дашков разумными мерами и тактом, за которыми скрывались стальные штыки Кавказских войск, сумел внести мир и согласие между враждовавшими двумя народами.

Я не могу не отметить двух обаятельных личностей — делегатов, которые в критические минуты как-то особенно умели вносить спокойствие и теплоту в разгоравшиеся страсти. Я говорю об инженере [Тагианосове], армянине, и члене бакинской городской Управы (или гласный Думы), татарине, фамилию которого не могу вспомнить. Эти две светлые личности были центром, душой Конференции, не смотря на то, что последний не достаточно даже владел русским языком, хотя это не мешало ему произносить блестящие речи.

Когда волна крестьянских восстаний прокатилась по всему Закавказью, Наместник разновременно пригласил к себе в Тифлис представителей от каждого народа, чтобы в личной, непосредственной беседе познакомиться с чаяниями каждого народа.

В этом деле графу помогал генерал-адъютант кн. Амилахвари, ездивший по всей Грузии, где, главным образом, происходили крестьянские волнения, и вносивший своим авторитетом некоторый порядок в чрезмерно бушевавшие умы населения древней Иверийской земли. Особенные в этом отношении хлопоты и беспокойство вызывали гурийцы. Возвеличенная самим великим Л. Н. Толстым Гурия, — "авангард русской революции", не знала рамок своему размаху.

И вот кн. Амилахвари, известный и уважаемый во всех даже медвежьих углах Кавказа, что называется, "сгонял" со всех концов представителей народностей (главным образом крестьян) по очереди в Тифлисский дворец представиться Наместнику и лично высказать ему о своих нуждах и о волнующих чаяниях Кавказцев.

Тифлисский дворец, по Кавказскому обычаю, встречал делегатов хлебом-солью и бокалом вина. При этом для делегаций (а они были многолюдны) по указанию кн. Амилахвари подавались блюда и напитки по национальному вкусу. Хорошо помню, что аджарцам (их было до 50 человек, одетые в свои живописные костюмы) подали плов, лепешки и другие закуски и коньяк. Вина не было*.

Депутации выстраивались в Георгиевском зале. Здесь же группировались и высшие чины управления Наместничества. У дверей зала вытягивались парные часовые-конвойцы в красных черкесках, с закинутыми за плечи белыми башлыками.

Выход Наместника в сопровождении блестящей свиты и гиганта престарелого кн. Амилахвари. Одна внешность графа — царственная и импонирующая, уже приковывала к себе сердца делегатов. Все вместе взятое производило такое на них впечатление, что они совершенно забывали заученные заблаговременно на местах революционные фразы и отдавались во власть бесхитростных крестьянских порывов.

С места же Наместник и бесхитростные дети земли находили общий язык для правдивого, не планетарного, освещения вопросов момента. Под впечатлением обаятельной беседы с чарующим графом Наместником, делегаты приглашались через желтую гостиную в персидский зал к завтраку.

Обласканные и очарованные царственным Наместником, эти люди ехали по местам и вносили мир и спокойствие в палящие умы. Конечно, дело не ограничивалось внешними знаками восточной политики; возможные уступки и реформы делались и проводились в жизнь и благодарное население недаром выразило Воронцову-Дашкову неподдельные чувства признательности в дни празднования 50-летия в офицерских чинах Графа-Наместника весною 1908 года. На этот юбилей съехались со всех концов Кавказа. Эти торжества не могут изгладиться из памяти участников и зрителей. Тысячи людей, депутаций, адресов, подарков, угощение, расставленное не только в залах дворца, но и по аллеям дворцового сада, национальные танцы, алла-верды — все это создавало волшебную картину.

Я не могу забыть выезда Графа на парад Тифлисскому гарнизону, устроенный по этому случаю на Головинском проспекте. Красавец старик-граф был одет форму лейб-гусар, которыми он командовал. Он был верхом на своем огромном белом англо-арабе. Красный доломан и белый конь — сочетание замечательное. Юбиляра сопровождали на серых в яблоках конях два его сына-гусара и два делегата лейб-гусар, прибывших на торжества поздравить графа как бывшего командира и поднести ему золотую саблю от полка. Все четыре гусара ехали за Наместником в ряд. Невольно срывались с языка слова: "вот кому надо быть действительно царем, а не наместником"!

Такие картинки рождают много хороших чувств.

Заговорив об "алла-верды", надо сказать о гостеприимстве графа Наместника. Я не буду касаться обычных завтраков, обедов, раутов и т. д. Скажу несколько слов о традиционных новогодних и пасхальных приемах, когда все залы дворца заполнялись гостями до отказа.

Нужно оговориться, что Наместник, гр. Воронцов-Дашков, своего жалования, если мне память не изменяет 17 тыс. (в месяц*) совершенно не расходовал на себя. Он был очень богат, а его жена еще богаче, потому он от казны на себя ничего не расходовал. Жалование Графа шло в пользу бедных.

В эти дни столы ломились от груды всякой еды. Чего, чего только не бывало тут. Западные люди

с ума сходили от "такого непроизводительного расхода". Вино и шампанское из собственных садов лились рекой. Сотни людей никогда не могли одолеть и половины поданной еды и питья.

Конечно, дело не обходилось без речей. Сама жизнь как-то установила традицию, которой твердо и неуклонно держались в эти дни; а традиция эта заключалась в том, что от имени Кавказской армии, т. е. от военной части гостей, тост говорил златоуст кн. Н. Н. Баратов25, а от имени гражданской (штатской) — городской голова города Тифлиса А. И. Хатисов, известный на Кавказе оратор и лектор. К этому как-то привыкли и всегда с нетерпением гости ожидали выступления именно этих ораторов, а не других.

Дамы в этих случаях отсутствовали. Они бывали только на разговении, на которое приглашался более тесный и близкий к семье графа круг. В пасхальный четверг во дворец приглашались воспитанницы Заведения Св. Нины, состоявшие в ведении графини Воронцовой-Дашковой, и кадеты Тифлисского корпуса. Молодежь этого дня всегда ждала с огромным интересом. Кроме угощения, для них устраивались концерты знаменитого хора Конвоя и балалаечников, а также танцы, игры и проч. увеселения.

Нужно заметить, что графиню Елизавету Андреевну все страшно боялись. Задолго до ее приезда в Тифлис докатилась до нас молва, что де "графиня — это нечто страшное, что она иностранных царственных принцесс встречает кивком головы", часто не удостаивая их подачей руки и т. д.

И действительно, ее гордый, суровый вид наводил холод на всех и мы ее очень боялись, избегая садиться за столом поблизости к ней, или визави. Между тем она была доброй женщиной, к которой надо было уметь "примениться". Армянское духовенство и армянские деятели это умели делать.

Правда она была своенравная и всегда резко выражала свое неудовольствие. Как-то раз, ее старший сын Илларион Илларионович, гусар Его Величества, запоздал с своим гостем, тоже гусаром, минуты на 2—3 к завтраку. Графиня при всех сделала замечание сыну, следовательно и гостю, сказав в резкой форме: "Ларя, здесь тебе не ресторан".

Чтобы не возвращаться к графине Елизавете Андреевне еще приведу два случая для ее характеристики. Как известно, в декабре месяце 1914 года дела наши под Сарткамышем были скверны. Наша армия была почти окружена турецким "Наполеоном" Энвер-Пашой26. Создалась

паника. Эту панику прежде всего создали высшие чины штаба действующей Кавказской армии. Эти господа сообщили своим семьям в Тифлис об опасности и о том, чтобы они готовились к эвакуации, т. е. к бегству на Северный Кавказ.

Тифлис затрепетал от страха. Армяне бросились восвояси. Жены штабистов упаковывали имущество, загрохотали по улицам грузовики. Словом, получился встревоженный "муравейник". И вот среди этого муравейника Тифлисский дворец хранил полное спокойствие — ни одним штрихом не проявляя, что что-то могло случиться. Испуганное население, видя, что во дворце жизнь течет спокойно, без всяких перебоев и признаков к бегству, понемногу успокаивалось. На вопросы, обращенные к графине — "Ваше Сиятельство, графиня Елизавета Андреевна! на фронте дела плохи, не лучше ли Вам выехать отсюда заблаговременно?" — она ответила: "только трусы убегают. Вместо того, чтобы организовывать защиту родной земли, родного города, часть населения, особенно армяне, позорно бегут, не жалея на это средств. Я никуда не уеду".

Мы видим, что графиня не пощадила "своих армян" и семей высших чиновников Штаба армии.

Грузинское население тоже заявило, что оно никуда не убежит, останется у себя дома, готовое сложить кости в родной земле.

Мне приходилось наблюдать графиню в присутствии Государя и Великих князей. Она оставалась

всегда сама собой: суровой, неподдельно важной и мало доступной. Я видел ее, как она очень ловко вязала какую-то вещь в присутствии Царя, не обращая ни на кого внимания. Она была бабушкой 38 внучек и внуков, которым иногда вязала подарки.

Я выше уже упоминал, что к графине Воронцовой-Дашковой надо было уметь подойти. Мне пришлось как-то ее пригласить на призовую джигитовку и рубку казаков (строевой сотни) Конвоя Наместника, а затем на завтрак на открытом воздухе.

Часть моих гостей по окончании джигитовки "бежала", отказавшись идти на соблазнительный завтрак на берегу живописной реки, среди цветущего весеннего поля. Они не могли преодолеть "страха", охватывавшего их в присутствии величественной графини. Часть трусливо бежавших принадлежала, как это ни странно, к военным, после страшно сожалевшим за свое малодушие.

Наместника не было. Графиня была самая высокая по положению из гостей. Мне нужно было создать настроение, а это настроение могло исходить только от графини. И вот я в своем тосте в ее честь задел чувствительную струну ее души — гордой, независимой, всеобъемлющей, православной, русской: я упомянул о днях тифлисской паники, развив смысл, значение и величие ее поведения в эти дни неудач на фронте.

Графиня стала неузнаваемой. Она много говорила, от души смеялась, дала тон застольной беседе и веселью. Завтрак сошел блестяще. Все чувствовали себя непринужденно весело, в том числе младший ее сын флигель-адъютант А. И. Воронцов-Дашков.

Мне рассказывали как она стойко, мужественно и достойно перенесла издевательства большевиков, арестовавших ее в Ессентуках в 1918 г. и державших ее в тюрьме на арестантском пайке. И эта железная женщина никогда, насколько я знаю, не вмешивалась в служебные дела мужа. Она была строга и сурова прежде всего к себе, а потом ко всем.

Спустя немного времени после своего назначения и прибытия на Кавказ Наместник поставил на очередь два кардинальных вопроса — вопрос о введении земского самоуправления на Кавказе и об открытии высшего учебного заведения в Тифлисе.

Два этих вопроса не видели света не по вине графа Наместника. Я не буду касаться сути этих вопросов, достаточно полно очерченных в печати и знакомых широкой публике. Я отмечу

только некоторые характерные черточки, которые так резко мне бросались в глаза при обсуждении этих сложных задач в условиях Кавказской многонациональной чересполосицы.

Хотя граф Воронцов-Дашков принял на свои "умные плечи" бремя управления Кавказом в буйное время революции, когда трудно было даже думать о каких бы то ни было реформах, но он тем не менее был преисполнен решимости осуществить намеченный им план коренных реформ в Кавказской жизни. И с этою целью он подбирал себе в ближайшие сотрудники людей даровитых, опытных, честных, умных, любящих Кавказ. Помощниками у него по гражданской части были сенаторы: Крымсултанов* (крымский татарин, бывший ординарец Генерального Штаба), затем Мицкевич, Ватаци и наконец, Петерсон, бывший (раньше, до 1914 г.) все время директором канцелярии Наместника. Вице-директором канцелярии по военно-народному управлению был наш Пражский профессор В. В. Стратонов27.

На многолюдных совещаниях по выработке положения о земском самоуправлении на Кавказе мне приходилось присутствовать. Причем споры принимали такой оборот и при этом между армянами и грузинами, что мне казалось, что о земском самоуправлении мечтать нам, кавказцам, не приходится вовсе, даже в отдаленном будущем.

На первый план победоносно выступал всегда национальный момент, непримиримый, жестокий и достаточно логический. Преодолеть этот момент, конечно, никто и никогда не смог бы. Но почему земское самоуправление не было тогда введено на Кавказе — мне неизвестно. К этому

вопросу впоследствии вернулся и новый Наместник, Великий Князь Николай Николаевич, но об этом расскажу в своем месте.

Что касается высшего учебного заведения (Политехникума), то судьба его была формально разрешена. Была освящена даже закладка здания в Навтлуне (восточная окраина Тифлиса). Нужно сказать, что Политехникум в теории появился на свет после тяжелых родов. Центр не хотел создавать на окраине революционного очага "150 атмосфер давления" и всячески тормозил проведение этого важного для края вопроса. Наступившая мировая война и последовавшие за нею события похоронили это великое детище Воронцова-Дашкова. И в этом вопросе грузины и армяне подняли очередной великий национальный спор из-за места постройки здания Политехникума. Грузины настаивали, чтобы Политехникум строили в Сабуртало (западная окраина Тифлиса)*, а армяне т. е. городское самоуправление (вторая Управа), состоявшее в подавляющем большинстве из армян, требовали, чтобы строили в Навтлуне. Этот спор также способствовал затяжке вопроса.

Для характеристики поведения жандармской полиции в дни прохождения революционного процесса в столице Кавказа, на глазах Наместника, следует показать некоторые картинки.

В июле 1905/6 года я через начальника Тифлисского губернского жандармского Управления полковника Безгина28 получил приказание (письменное) немедленно оцепить часть одного из кварталов города Тифлиса в Артачалах, где, якобы, происходило тайное совещание вооруженных бомбами и проч. оружием революционеров. Моя задача заключалась в оцеплении по данному мне Безгиным плану улиц казаками и никого не выпускать за цепь впредь до особого распоряжения жандармской полиции; причем мне было предписано употребить оружие в случае неповиновения или малейшего сопротивления со стороны участников ли сборища, или кого-либо других.

На переменных аллюрах я, маневрируя для скрытия направления моего движения, прибыл к месту назначения и оцепил указанный мне квартал. После этого прибыла жандармская полиция во главе полковника Безгина, тщательно осмотревшая и обыскавшая все дома. Никаких следов сборища и т. п. найдено не было. Получился конфуз, надо было из положения как-то выйти. И вот Безгин приказывает: арестовать мирно стоявших на крыльце маленькой лавчонки людей и передать их в мое распоряжение для доставления их под конвоем казаков в ближайшее полицейской управление для выяснения личностей арестованных.

полицейское управление для выяснения личностей арестованных.

Приняв арестованных, я отправил их под усиленным конвоем в участок. По дороге в участок арестованные бросились в рассыпную по разным улицам и дворам. Казаки, вместо того, чтобы открыть огонь по убегающим, бросились ловить их, при чем один из казаков ружьем нанес удары двум из арестованных такой силы, что у одного пошла кровь из разбитого носа, а у другого образовался на лице большой синяк.

Все арестованные были пойманы и доставлены к месту назначения. Арестованные оказались невинными людьми, на вопрос — почему же хотели убежать, заявили, что боялись, что по дороге их казаки убьют.

После всего этого полковник Безгин на глазах огромной толпы начал кричать на меня, обвиняя меня чуть ли не в государственном преступлении за то, что мои казаки "избили невинных граждан". Сообразив в чем дело и поняв — куда гнет трусливый полковник, ловко хотевший использовать момент, чтобы выслужиться перед толпой и революционерами, я спокойно заметил громким голосом, чтобы мои слова были услышаны всеми: "г-н полковник! по данной мне Вами письменной инструкции я обязан был употреблять оружие в случае неповиновения кого бы то ни было в оцепленной мною по Вашему плану зоне. Эти несчастные люди были арестованы Вами и Вами же вручены мне, как воинской силе для доставления их в участок под охраной соответствующего конвоя. По закону, всем здесь присутствующим хорошо известному, по бегущему арестанту полагается стрелять. Казаки не хотели воспользоваться своим правом убить убегавших, применив другие средства, чтобы не дать арестованным возможность уйти. Я думаю, что побитые арестованные благодарны казаку, который их бил, но не убил". Не так ли, "кацо", — обращаясь к пострадавшим, спросил их — на это они ответили, что они счастливы, что остались живыми, а побои пройдут. Затем я приказал казаку, применившему по бегущему арестанту приклад, вместо пули, доложить г-ну полковнику Безгину, почему он так поступил, а не иначе. Сейчас же последовал такой бесхитростный и характерный доклад казака-кубанца, фамилию которого я забыл, но лицо которого хорошо помню: "Ваше Высо-дие! Я гнался за тремя уходившими вместе. Мне жалко было убивать их. Я шустрей их был, нагнал их, но трех задержать не могу, тогда я двух из них ударил прикладом так, чтобы сделать метки, чтобы они не пропали. Третьего же взял сам".

Доклад казака вызвал общее одобрение толпы, но не жандармского начальства, которое на меня пожаловалось через генерала Ширинкина Наместнику, сообщив об этом и командиру Конвоя подполковнику Драгомирову, который по состоянию своего здоровья в таких случаях никуда не выезжал.

Возмущенный такой несправедливостью Безгина, я отправился во дворец и лично доложил графу об этом событии. Улыбнувшись, Наместник нашел поступок казака остроумным и более соответствующим обоюдным интересам и арестованных, и власти, чем то полагает полковник Безгин.

Естественно, несправедливости Безгина я забыть не мог. Летом 1906 года в Тифлисского полицеймейстера подполковника Мартынова29, человека изумительной храбрости, порядочности и доблести и, скажу открыто, гордости корпуса русской жандармерии, была брошена бомба из окна второго этажа грузинской дворянской школы со стороны Лабораторной (после Петра Великого) улицы.

Мартынов был осколками разорвавшейся бомбы тяжело ранен, изуродованный на всю жизнь. Но он, как всегда в таких случаях, не растерялся. Изуродованный, обливаясь кровью и лежа на мостовой, Мартынов нашел в себе силы, чтобы открыть сейчас же огонь по бомбометателям и предупредить вторую, готовую уже к метанию, бомбу.

Поднялась тревога. Казаки Конвоя сейчас же выскочили и оцепили грузинскую гимназию*. Через 5 мин. и я прибыл на место происшествия, где застал растерявшегося генерал-губернатора

Через 5 минут я приехал на место происшествия, где застал растерявшегося генерал-губернатора Тифлисского района генерал-лейтенанта Тимофеева, человека безусловно достойного и не боявшегося смерти. Но в этот момент в его голове еще не созрел план, — что же делать. Я обратился к нему за разрешением позволить мне с конвойцами войти во внутрь школы. Генерал Тимофеев ничего мне на это не ответил. Тогда я пригласил с собою своего товарища сотника Лихачева и мы с 2—3 казаками Конвоя, выломав запертую дверь, вошли в гимназию. Я совершенно случайно избег смерти тогда от пули своих же казаков, находившихся во дворе гимназии. Шедший за мною казак нагнул мне голову, когда мы вошли в открытую, застекленную галерею, выходившую во двор. Заметив наши тени, казаки приняли нас за бомбистов и открыли огонь. Пришлось дать знать кружным путем кто мы. Мы вошли в комнату, откуда была брошена бомба. Здесь на полу стояла другая, вполне готовая к метанию, цилиндрическая бомба, графин воды, куски хлеба, шкурки и т. д. Тем временем за нами ворвались вместе с нашими казаками полицейские, жандармы, отдельные солдаты. Начался погром гимназии, особенно квартиры инспектора, находившейся в верхнем этаже и выходившей на другую, институтскую улицу.

Оказалось, что в момент метания бомбы у инспектора дворянской школы* было совещание педагогического совета. Ворвавшиеся в помещения школы казаки, полицейские и др. начали рыскать по всем комнатам, ища злодеев-бомбистов. Один из весьма мирных, богобоязливых казаков Конвоя, с ружьем на изготовку, открыл дверь в квартиру инспектора школы г-на Читадзе. В этот момент последний, стоявший, очевидно, у самой двери, инстинктивно схватил рукой за дуло винтовки намеревавшегося войти в комнату казака. Последний тоже в испуге машинально надавил спуск. Раздался выстрел и Читадзе упал мертвым, получив рану в голову.

Прочие учителя бросились прятаться, кто под тахты, кто в подвал и т. д. Одного из них полицейские нашли и с криком и шумом выволокли в коридор и здесь стали его избивать. На крики избиваемого прибежал и я. Увидев зверскую расправу, я прикрикнул на толпу, схватив казака за руку, направившую острый кинжал в живот жертвы, приемом “наотмашь”. Все вытянулись и отступили от своей жертвы на шаг в сторону. Я не успел опомниться, как меня сдавил в своих объятиях огромного роста человек, весь в крови, умоляя спасти его, невинного преподавателя грузинской школы. Многих усилий мне стоило привести этого, от страха потерявшего сознание, человека, в нормальное состояние. Оказался он социал-демократом по фамилии, как сейчас помню, Глонтий. Он указал мне, что его товарищи тоже находятся в школьном помещении. Поручив Глонтия конвою казаков, я побежал спасать других учителей. Войдя в квартиру инспектора, я наткнулся на труп Читадзе и недалеко от него весьма расстроенного, со слезами на глазах стоявшего конвойца, сообщившего мне по секрету о нечаянном убийстве этого человека. В следующей комнате на мой зов из-под тахты вылез человек и бросился на колени, умоляя пощадить его — отца девяти душ детей. Сей муж оказался учителем по фамилии “Георгадзе” или в этом роде, тоже социал-демократ. Союз Михаила Архангела не мог мне простить спасение этих социалистов, которые, быть может, и заседали для того, чтобы покончить с неуязвимым Мартыновым.

Как же вся эта история была представлена расследованием жандармской полиции? Полковник Безгин дело объяснил очень просто: инспектор Читадзе и др. бросили бомбу со второго этажа, а потом бросились на верх, на 3-й этаж, в квартиру инспектора, причем Читадзе был ранен пулей Мартынова.

Такой доклад делал в моем присутствии Наместнику полковник Безгин. Я тут же возразил, пояснив, что с сквозной раной через мозг люди не убегают, что убийца мне известен и о нем, и об обстоятельствах, это убийство сопровождающих, я доложу Его Сиятельству. Я отомстил начальнику жандармского управления.

Наместник одобрил мои действия в отношении спасения жизни учителям. Я же просил графа простить казаку, невольному убийце Читадзе, его вину.

Не могу не отметить характерную сценку из рассказанного эпизода. Я говорю характерную потому, что она представляет собою две крайности, вернее, характеристики двух полюсов русской души. Впрочем, два полюса психологии русского человека не знают границ, очерченных

русской души. Впрочем, два полюса психологии русского человека не знают границ, очерченных наукой и философией пределов. Русский человек остается и, может быть, останется навсегда, сфинксом, знаменующим или синтезирующим зло и добро в конечных их формах. Сценка происходит на моих глазах: солдат с великим остервенением принялся в квартире Читадзе разбивать прикладом ружья роскошный, очень ценный рояль. Казак напал на солдата и отобрал у него ружье, приговаривая: "земляк, побойся Бога, что ли виновата эта дорогая вещь, зачем ты ее портишь, что она тебе сделала и т. д."

Перевальная дорога через Кавказский хребет всегда занимала внимание графа Наместника. Когда этот вопрос прошел в высших сферах и Наместник об этом получил телеграмму, во дворце по этому радостному случаю состоялся завтрак с широким кругом приглашенных. В числе гостей был и знаменитый в Тифлисе черносотенец протоиерей Городцов, состоявший в числе стаи черных ворон, критиковавших мягкую, а не кровавую, политику Воронцова.

За завтраком произносились речи, характеризовавшие великое значение перевальной дороги и подчеркивавшие громадную в этом деле заслугу Наместника.

Поднимается городской голова гор. Тифлиса А. И. Хатисов. Все с напряженным вниманием устремили взоры в сторону знаменитого оратора. Хатисов красиво начал свою речь, но потом начал путать, повторяться... "По небу в полуночи Ангелы летают"... И этот Ангел никак не мог у него перелететь через Гудтгору. Я сейчас же начал искать причину необычайного замешательства оратора; мое внимание сейчас же привлек протоиерей Городцов, который впился своими змеиными глазами в Хатисова. В этом гипнотизирующем взгляде было столько ненависти, что я не мог не обратить внимания соседей на эту сцену и на источник Хатисовской неудачи. Все были поражены этой дьявольской ненависти и презрения, исходивших из служителя церкви.

Г.г. Городцовы и Ко

всегда создавали на Кавказе сгущенную атмосферу ненависти к кавказцам; они всегда травили благожелательную кавказцам власть, духовную и светскую. Эти г.г. невзлюбили и Экзарха Грузии Питирима, который приобрел большую популярность среди всего грузинского и осетинского православных народов. Стоило ему произнести во время богослужения несколько молитв по-грузински и по-осетински, как симпатии этих народов были на его стороне. От этого Россия ничего проиграть не могла.

Питирима помнит и Кавказская армия во время великой войны, когда он во время боя под огнем, с крестом в руках, благословлял войска. А много ли было таких старших иерархов на Руси? Мы, кавказцы, не ведаем, что было с ним в дни Распутина, поэтому считаем нападки на Архиепископа Питирима, Экзарха Грузии со стороны "стаи черных ворон", сделавшихся в 1917 г. благоверными большевиками, преступными и антигосударственными.

Выше я обещал дать характеристику подполковника Драгомирова, командира Конвоя, сына знаменитого генерала. К сожалению, он умер, поэтому мне неудобно говорить всю правду, и притом правду жестокую и, на первый взгляд, фантастическую, о покойном. Эта личность, внешне хорошо воспитанная и производившая впечатление на начальство самое благоприятное, в отношении казаков и отчасти офицеров Конвоя была тираном, восточным деспотом.

Драгомиров жил именем и авторитетом отца. Делом он совершенно не занимался, а конвой держал страхом. С казаками делалось дурно, когда он их вызывал на квартиру (в Конвой он показывался в год несколько раз). Офицеров вызывал почти ежедневно к себе предписаниями "по службе", при чем выдерживал в прихожей по часу-два, прежде чем принять. Замечательно, что в предписаниях никогда не было обозначено полного часа, а непременно с минутами; эти вызовы часто совершались по самым пустым, выдуманным вопросам, подчас не имевшим никакого отношения к службе, и притом часто в позднюю ночь. Я очень долготерпелив, но, как старший офицер, решил положить конец его издевательствам, доходившим до геркулесовых столпов

офицер, решил положить конец его издевательствам, доходившим до геркулесовых столпов.

Получив предписание, я точно являлся к сроку. Если Драгомиров меня не принимал в течение 10 мин. я уходил и доносил рапортом. Так я делал всегда и он после этого отучился от скверной привычки. Затем у него была система — выдавать жалование и офицерам, и казакам в несколько приемов, т. е. частями, не сразу за месяц или за два месяца (казакам), от этой привычки удалось его отучить угрозой возмущения и жалобы.

Никаких инспекторских и иных смотров в его время командования Конвоем не было. Конвой подчинялся только номинально Штабу округа, а Главнокомандующий не вмешивался в внутренние дела своего Конвоя. Проверки сумм и делопроизводства никакого не было. Ежемесячно к Драгомирову являлся некий чиновник из канцелярских "крыс" и составлял отчетность задним числом для Контроля и требовательской ведомости, причем приказы писались как бог на душу положит.

Бороться с ним было трудно. Он — сам Драгомиров, которому было позволено самодурничать. Тем не менее, нам удалось весной 1908 года его "уговорить" оставить Конвой для его же блага, ибо казаки так были накалены против него, что за его жизнь нельзя было ручаться. Ему подбрасывали подметные письма, чтобы "он убрался, иначе будет убит".

Любя хорошо покушать и будучи человеком очень гостеприимным, Драгомиров казаков кормил отвратительно. Раз казаки отказались обедать, заявив, что не могут больше есть эту собачью еду

— "брандохлыст из бураков". В конце концов Драгомиров остался ни при чем, а урядники были разжалованы. Дознание производил генерал Михайлов, человек многосемейный и постоянно нуждавшийся в займах, которые охотно давал ему Драгомиров.

Драгомиров любил "рукоприкладство". Раз в моем присутствии он бросился на огромного роста казака-кубанца Шатохина. Тот совершенно неожиданно сделал шаг вперед и, приподняв свои кулачища, во все горло гаркнул "ни с места!" Драгомиров так и остолбенел. Мне удалось дело это затушить. О Драгомирове можно было бы написать целую книгу "сверхъестественного содержания", но о покойниках говорят только хорошее или ничего не говорят. И если я все же кое-что сказал, то для того, чтобы подчеркнуть те нелепости в старых порядках, которые способствовали гибели России и нас вместе с нею.

Но надо дать справедливость Драгомирову, — он был большой психолог. Он как-то умел расположить к себе людей и казаков, когда это ему почему-либо было нужно. Так, например, он при уходе домой окончивших службу казаков призывал последних по очереди к себе на квартиру и, пожимая каждому руку, крестил их на дорогу, вручая каждому булку и кусок самой дешевой колбасы. Этот крест сразу снимал с него темную вуаль. Казаки уходили в станицы без проклятий на устах "тирану и идолищу", как они его между собой именовали.

При князе Чавчавадзе Конвой был реорганизован, превратившись за короткое время в блестящую строевую часть.

Когда я был графом Наместником призван командовать его Конвоем, "высшая сфера" — князья и графы подняли бурю. "Как, — говорили они возмущенно, — Бигаев, простой смертный, не титулованный и командир Конвоя Наместника Его Величества! — Это невозможно!"

И вот пошла травля. Начали уговаривать князя Давида Чавчавадзе, подполковника Нижегородского драгунского полка выставить свою кандидатуру на Конвой, обещая действовать через графиню и близких друзей Наместника. Однако, граф остался тем, кем он был всегда, — честным человеком. Князь же Давид Чавчавадзе мне сам после заявил, что он решительно отказался выставлять свою кандидатуру, находя, что право за Бигаевым и преимущества также. В данном случае мне было поставлено в вину мое не княжеско-графское или "Драгомировское" происхождение, якобы мешавшее мне быть достойным командовать Конвоем. При Великом Князе Николае Николаевиче вопрос обо мне как командире Конвоя был поставлен в другую

Князе Николае Николаевиче вопрос обо мне как командире Конвоя был поставлен в другую плоскость, а именно в плоскость национальную. Об этом я скажу несколько слов в своем месте.

У графа Воронцова-Дашкова приемные часы для представляющихся были назначены по утрам. Доклады же у него происходили чуть ли не целый день, причем некоторые г.г. так усердствовали в болтовне, что затягивали иногда свои доклады на 2—2? часа. Граф всегда терпеливо и с вниманием выслушивал докладчиков, которые всегда выходили из его кабинета довольными и радостными, не считаясь совершенно с силами человеческими, не говоря уже с годами графа.

А вот при князе Голицыне и особенно при Великом Князе Николае Николаевиче такого аппетита к сверхчеловеческим докладам не было у г.г. сановников. Из кабинета Великого Князя обыкновенно докладчики вылетали пулей через четверть часа, обливаясь потом.

Прием просителей у графа происходил по четвергам от 2? час. дня. Портретный зал не всегда вмещал просителей, до того их было всегда много. При приеме присутствовали: помощник по гражданской части Наместника, Директор и Вице-директор Канцелярии Наместника, Тифлисский губернатор, три переводчика туземных языков и дежурство. В эти дни назначался от Конвоя наряд, выставлявший парных часовых у Северного подъезда дворца, а также и внутренних часовых у дверей, но последние без огнестрельного оружия. На приемах иногда бывал и начальник Штаба.

Наместник выходил к просителям, построенным в одну шеренгу и, вооружившись черепаховыми

очками, принимал от каждого прошение. После прочтения прошения граф, не говоря почти никогда ни слова, передавал прошение директору Канцелярии или губернатору по принадлежности. Последние обыкновенно назначали тут же время, когда и куда надлежало явиться просителю.

В случае, если Наместник почему-либо не мог лично принимать просителей, за него в этих случаях принимали его помощники по гражданской части. Эти последние почти всегда разрешали просьбы тут же. Если утвердительно, то этим, конечно, вопрос разрешался окончательно. Если же просьба отклонялась, то проситель являлся в следующий раз, чтобы непременно свое прошение подать лично графу Воронцову-Дашкову.

Нужно заметить, что огромное большинство просителей было всегда из татар Тифлисской и Елизаветинской губерний по преимуществу. С Дагестана приезжали тоже изредка, но с Северного Кавказа никогда никого не бывало. Конечно, это объясняется дальностью расстояний и дороговизной поездки.

В 1909 г. Наместник с супругою совершает поездку в г. Баку, в столицу Татарии. Скрытая цель этой поездки заключалась в сборе средств богатом городе на постройку дома для престарелых кавказских инвалидов турецкой кампании и Кавказских войн. В городском цирке был дан спектакль, едва оправдавший расходы, а затем в городском собрании состоялся бал. Здесь богачи татары не жалели средств, давая по 1000 рублей за бокал шампанского, которое продавала графиня Воронцова-Дашкова. Знаменитый Тагиев все время подводил богачей к буфету и сам назначал цену за бокал (от 100 до 1000 руб.). За шампанское было собрано около 20 тыс. рублей.

Татары, во главе Тагиева — известного богача и благотворителя, сердечно и тепло приняли Наместника. Обычного завтрака или обеда у графа для гостей бакинцев не было. Не было и приглашения высокого гостя и со стороны города. От таких приглашений граф обычно уклонялся. Исключение он делал войскам, от хлеба-соли которых он не отказывался.

Тагиеву по ходатайству графа был пожалован чин действительного статского советника. Этот замечательный человек, — король кавказских богачей, начал свою карьеру из “мушей” (носильщика) и закончил “генералом”. Он с гордостью и заслуженно носил генеральское черное пальто с красной подкладкой. Генерал Баратов, благодетель тогдашних инвалидов, ежегодно

пальто с красной подкладкой. Генерал Баратов, благодетель тогдашних инвалидов, ежегодно умел получать от Тагиева десятки тысяч руб. для своих инвалидов. Звание “генерала” и в этом случае играло роль.

Граф Наместник больше всего уделял времени и внимания прежде всего умиротворению Кавказа, уничтожению там традиционной межнациональной вражды, проведению продиктованных жизнью гражданских реформ и т. д., а затем уже и подготовке Кавказской армии к ведению современной войны и поддержанию среди Кавказских полков старых традиций.

Конечно, у него не было достаточно времени, чтобы следить за учебною частью войск, редко посещая летние их занятия. Только один раз Конвой имел случай его сопровождать на большие подвижные маневры под гор. Гори Тифлисской губернии. Маневры эти состоялись в августе 1911 года под руководством командира 2-й Кавказской армии корпуса генерала от инфантерии Мышлаевского30.

На эти маневры приехал из Петербурга начальник Генерального Штаба Жилинский31. Разбор маневра состоялся в присутствии Наместника, причем он никаких замечаний не сделал. После походного завтрака, предложенного графом начальствующим лицам, Наместник вместе с генералом Жилинским выехал в Гори, провожаемый войсками с криком “Ура”. На другой день состоялся парад всем войскам, участвовавшим на маневрах, причем и здесь графа войска встречали, как царя, с криком “ура”. После парада состоялся общий обед, предложенный офицерским составом участвовавших в маневрах частей высоким гостям. Генерал Жилинский,

красивый и прекрасный наездник, верхом на коне и в Кавказской чудной выделки бурке, произвел на всех хорошее внешнее впечатление.

Но ничто и никто не могло сравниться с царственной фигурой графа Воронцова-Дашкова, возвышавшейся среди моря генералов и офицеров. К сожалению, “культура” вытесняет замечательный тип людей старой эпохи, породистых, родовитых, дышащих таким благородством души и щеголявших такими стройными линиями царственной внешности, каких мы уже не видим.

Полковые традиции граф понимал по-своему. В Потийском пехотном полку в Кутаиси между командиром полка и офицером того же полка штабс-капитаном Поповым вышел инцидент, раздутый в семейную ссору общества офицеров. Дело дошло до самого Главнокомандующего. Начальник Штаба и помощник по военной части Наместника после расследования этого дела представили доклад Главнокомандующему, в котором они в заключительной части просили: о назначении командира Потийского полка командиром какого-то другого полка Кавказского военного округа, а штабс-капитана Попова временно прикомандировать к другой части впредь до перевода.

На этом докладе граф положил резолюцию, смысл которой заключался в следующем: “командир, не сумевший внести в войсковую семью согласие и дружбу одной части, может испортить и другую войсковую часть славной Кавказской армии. Предложить полковнику (фамилию его забыл) подать в отставку по телеграфу. Штабс-капитана Попова перевести в другую часть”.

Эта резолюция была выполнена точно в 24 часа времени. Таковы у него были взгляды на роль и значение старшего начальника в области воспитания воинской семьи и поддержании авторитета начальника.

Из всех помощников Наместника по военной части генерал-лейтенант Малама являлся самой яркой фигурой. Кубанский атаман, пробывший на этом посту 10 лет, Малама был человек большого административного и государственного опыта. Он из любви к России и к Кавказу, по-видимому, согласился занять бесцветную должность помощника наместника. Он попал из попов в диаконы. Два других помощника графа Воронцова-Дашкова — генералы Шатилов и Мышлаевский честно несли службу. Генерал Мышлаевский был популярен в среде Кавказского

Мышлаевский честно несли службу. Генерал Мышлаевский был популярен в среде Кавказского офицерства до Сарткамышской операции. После этой операции, в которой он себя выявил с отрицательной стороны, популярность эта побледнела.

Наступила великая война, застигшая графа Воронцова-Дашкова в его имении Новотомниково, Тамбовской губернии. Обычно Наместник ежегодно, начиная с 1908 года, выезжал летом в это имение на отдых. Жаркие в Тифлисе лета (15 июня — 15 авг.) 1905—1907 г. граф провел в Кисловодске, Коджорах и в Табахмелах недалеко от Тифлиса.

Тотчас же по объявлении войны Воронцов-Дашков выехал в Тифлис. Кавказ готовился к войне. Главнокомандующий сделал распоряжение готовиться к выезду из Тифлиса Главной Квартире и Конвою в другое место, поближе к фронту, но потом это распоряжение было отменено. Главная Квартира Кавказского фронта осталась на месте.

В эти дни графа нельзя было узнать. Он вдвое помолодел, горел огнем воинского подвига, постоянно заботясь, — в порядке ли походные палатки, его верховые кони и т. д. Однако война, всей тяжестью надавившая на старые уже плечи маститого воина и Главнокомандующего, чрез три-четыре месяца уложила его в постель и с тех пор болезнь не выпускала старика из своих железных объятий, приковав его к постели.

Сознавая, что ему не оправиться от недуга настолько, чтобы руководить операциями Кавказской армии и одновременно управлять сложным, особенно в условиях войны с главенствующим в

мусульманском мире государством Турцией, Кавказом, граф Воронцов-Дашков просил Его Величество освободить его от несения непосильных состоянию его здоровья обязанностей и уволить на покой. Несмотря на повторное ходатайство о том же, Государь не согласился на увольнение графа Воронцова-Дашкова с поста Главнокомандующего и Наместника Кавказа. Его Величество писал, в ответ на настойчивое ходатайство графа об увольнении: “Я не могу представить Кавказ без Вас...”.

Однако в августе 1915 г. Государь, не спрашивая уже графа, в деликатной форме уволил его от занимаемой должности, назначив его — состоять при особе Его Величества.

Не смотря на то, что увольнение это было обставлено со всею подобающей корректностью и восточной тонкостью, однако ясно было видно, что это неожиданное для графа увольнение его, произвело на старика удручающее впечатление. Я внутренним слухом чувствовал, что граф Наместник тяжело этот момент переживает. Это чувство тягости отпечаталось и на прощании графа с Кавказом, которым он, подобно деду князю Воронцову32, управлял 10 лет и который графа всей душой любил и уважал. Собственно прощания, в широком значении этого понятия, с Кавказом почти не было, ибо граф выехал из пределов Кавказа чуть ли не “по тревоге” после того, как несколько оправился от болезни.

Его прощальная речь, обращенная к старшим начальникам Кавказской армии, управлений и учреждений округа, была пронизана горечью обиды, незаметной внешне, но чувствовавшейся нутром.

Конвой обожал своего Наместника, и когда я перед фронтом Конвоя выразил графу в речи эти чувства офицеров и казаков, при прощании с ним сказав, что “время службы при графе мы считали красивой легендой нашей жизни”, я видел, как Наместник был растроган. Он долго не мог овладеть собою, чтобы произнести пару слов обычной благодарности.

Да, я утверждаю, что граф Воронцов-Дашков был оскорблен в лучших чувствах. Человек, посвятивший всего себя любимому краю, сделавший для него столько хорошего в течение свыше десяти лет в эпоху великих потрясений, оставил престол этого края, точно какой-то чиновник, переведенный по мобилизации в другое место.

Конвой при прощании поднес графу и графине вещественные знаки — памятники службы его

Конвой при прощании поднес графу и графине вещественные знаки — памятники службы его при них, но конвойцы сами никаких подарков от графа не получили, и не потому не получили, что они их не заслужили или граф их не хотел давать, а потому, что в спешке скорее улететь восвояси, в голову не могло придти мысль оставить по себе вещественную память навсегда среди, хотя бы офицеров своего Конвоя в образе каких-либо хотя бы портсигаров и т. д. Это графу, одному из богатейших людей России, ничего не стоило, принимая во внимание его необыкновенную доброту и широту размаха.

Этими штрихами я хочу отметить ненормальную обстановку, которая была создана волею Государя "изгнанием" графа из Кавказа, совершенно для последнего неожиданного и незаслуженного. Другое дело, если бы Воронцов-Дашков был уволен тогда, когда он этого сам добивался.

В 1914 году на Кавказ приезжали сначала Великий Князь Михаил Александрович33, а потом Государь Император. Оба августейших брата гостили у графа Воронцова-Дашкова.

Великий Князь Михаил Александрович был тогда назначен начальником Кавказской туземной дивизии, прозванной "дикой"34. Формирование этой дивизии, составившейся из: черкесского, кабардинского*, ингушского, чеченского, 2 Дагестанского и Татарского полков** происходило на Кавказе. Великий Князь и приехал на место формирования своей дивизии, чтобы лично наблюсти за этим формированием.

С ним вместе приехал и один из бригадных командиров князь Багратион35. В числе командиров полков, кроме сына Наместника, были и оба адъютанта Главнокомандующего князь Чавчавадзе (командир Черкесского полка) и князь Амилахвари (командир Дагестанского полка).

Великий князь жил в одном из флигелей дворца как обыкновенный гость, без всяких внешних признаков и каких-либо нарядов караула и проч., которые могли бы свидетельствовать о том, что здесь живет брат царя могущественной державы.

Высокий, стройный, затянутый в хорошо сшитую черкеску, которая ему очень шла, Великий Князь разгуливал по дворцовому саду и по дворцу, являлся к завтраку и к обеду, точно один из сыновей Воронцова. Удивительно симпатичный человек, Великий Князь Михаил чаровал всех окружающих. Даже дети многочисленной дворцовой челяди всегда бегали за ним и он находил для них слово ласки, приводившее их в восторг.

Великий Князь обратился ко мне с просьбой, — не могу ли я порекомендовать ему хорошего, спокойного, походного коня кабардинца. Я предложил ему пару казачьих коней. Их подали в дворцовый сад на осмотр поседланными. Началось испытание коней. Поочередно Великий Князь и князь Багратион садились на коней и пробовали их по аллеям сада на всех аллюрах. Долго спорили, — какая из лошадей лучше. Наконец, и я вмешался в этот жаркий спор, заметив, что казачьи кони привыкли к мягкому поводу, к казачьей, горской посадке и т. д., что поэтому им обоим трудно судить сейчас об ездовых качествах испытуемых лошадей. После этого я посоветовал Великому Князю остановиться на коне урядника Гучунаева, за которого он уплатил 700 руб.

Опять-таки он здесь проявил удивительную простоту и естественность: только его высокая, царственная, породистая фигура говорила, что он именно Великий Князь.

Великий Князь так же незаметно как приехал, так и уехал из Тифлиса.

За две недели до Сарткамышской катастрофы, когда наша армия была окружена, приехал на Кавказский фронт Государь Император. То было в конце ноября 1914 года. Тифлис устроил Его Величеству торжественную встречу и радушный прием. Граф Наместник лежал больной. Государь остановился во дворце, сказав, что он гость дома Воронцовых-Дашковых. На этом основании никаких завтраков и обедов у царя не было, как то по обычаю было принято. Цари

основании никаких завтраков и обедов у царя не было, как то по обычаю было принято. Царь хотел этим актом, как мне объяснили, подчеркнуть свое особое уважение и расположение к Воронцову. Хозяин земли русской стал гостем хозяина дома своего наместника.

Кавказ всегда умел принять Венценосных гостей. Я не буду описывать подробностей. Отмечу только несколько штрихов. Было устроено два грандиозных банкета в честь Государя. Один грузинским дворянством, а другой городом, короче говоря — армянским обществом.

Грузинский банкет состоялся в доме особняке Сарадонева на Сергиевской улице. Нижний этаж этого дома соединялся с верхним (вторым) в центре дома особой винтовой лестницей. И вот на всех ступенях этой лестницы были расставлены снизу до самого верха "парные часовые" из грузинских красавиц, созванных со всех концов Грузии.

Государя повели на верх по этой лестнице. Я видел, как царь под палящими взорами чернооких грузинских девиц-красавиц конфузился, терялся, не знал куда руки деть, то хватался за ручку огромного и безобразного кинжала в черной оправе, то за усы. Нужно сказать, что Государь был одет в черкеску серую длиной "до пяток". Вообще кавказский костюм на нем был сшит безобразно. Я был удивлен, что русского Царя не могли шикарно нарядить в черкеску, подпоясанную хорошим кавказским ремнем, при хорошем кавказском оружии!

Банкет и обстановка зала Сарадонева, одного из богатейших грузин, была выдержана в стиле строго древнегрузинском. Армяне также подчеркнули свой стиль на своем банкете,

состоявшемся в залах Артистического общества на Головинском проспекте. Они козырнули старинной музыкой на старинных восточных национальных инструментах.

Как полагается в таких случаях во дворце состоялся прием депутаций от основных национальностей Закавказья. Государь вышел к депутатам, заполнившим белый зал дворца, в форме Нижегородского Его имени драгунского полка. Я не могу забыть и не могу без содрогания вспоминать, как одни и те же г.г. народные и классовые "лидеры" говорили и пели соловьем, вознося Государя Николая II до облаков и характеризуя русское владычество спасительным и благотворным для Кавказа и преуспеяния его народов, и как они мешали с грязью имя несчастного царя, когда он отрекся от престола, понося Россию и русский народ, якобы душивший и угнетавший "культурные" народы Кавказа.

Я не могу забыть также блестящую речь представителя русской делегации священника, фамилию которого забыл, который называл царя не только помазанником божиим, но и самим Богом на земле. В заключение сей поп скрепил свою речь печатью Иуды — поцелуем в одежду Государя. Но тот же служитель церкви в моем же присутствии говорил речь перед принятием присяги Временному правительству кн. Львова в марте 1917 г. в том же зале. И что же? Священник все помои, какие были в распоряжении его души, вылил на царя и его семью!

Казаки-конвойцы, присутствовавшие на приеме русских делегаций в ноябре 1914 г. и на принятии присяги в 1917 г., обратили внимание на поведение духовного отца и не знали, не находили ответа на вопрос: когда же батюшка говорил правду и когда врал?

Что же касается делегаций из народа, то они произвели удивительно хорошее впечатление на всех. Один молоканин сказал такую речь, которая вызвала слезы у присутствующих своею стройностью, простотою, глубиной и правдой. Таким языком говорил "народ", а интеллигенция говорила фальшь. А ведь никто за язык не тянул интеллигенцию говорить то, что она внутренне не переживала!

Царь в доме Наместника и среди Его семьи тоже держал себя очень просто, точно он член этой семьи. В один из вечеров (царь оставался в Тифлисе дня 3—4) Государь пожелал послушать пение знаменитого хора Конвоя. Во время антракта фотограф "Козак" (так звал себя фотограф) просил меня по известному плану построить казаков с офицерами, чтобы ему удобно было снять

группу с Его Величеством, на что он имел разрешение.

Когда все было готово, фотограф навел аппарат, но я заметил, что он от волнения делал не то, что надлежало делать. Я обратил на это внимание царя. Царь добродушно, улыбаясь, заметил, что надо помочь фотографу. Я подошел к нему и посоветовал, чтобы он передал аппарат своему помощнику, тут же стоявшему. Так и было поступлено. Тот, не волнуясь, снял при свете "магния" прекрасную группу.

По окончании операции фотограф Козак стал на оба колена и глубоко поклонился царю. Все снимавшиеся получили от царя по одной группе в переплете из белого бархата.

Впоследствии мне говорили, что сей фотограф сделался ярко-красным.

Государь держал себя на этом "интимном" вечере удивительно просто. Своей именно простотой манер держать себя и чисто человеческим, слишком человеческим, а не "помазаннического", если так можно выразиться, подходом к людям, в царе видевшим и трепетно ощущавшим в нем "земного Бога", он производил обаятельное впечатление. Мы себя чувствовали при царе проще чем, например, при той же графине Воронцовой-Дашковой. Царь беседовал с нами, много вопросов задал одному из казаков-кубанцев, который, совершенно не волнуясь, ответил на все вопросы о военном напряжении Кубани, поразив меня познаниями.

К середине 1915 года атмосфера вокруг имени Верховного Главнокомандующего Великого

Князя Николая Николаевича сгустилась. Его заподозрили в подготовке путей к Престолу для себя.

10 августа 1915 г. еще не оправившийся от болезни граф Наместник в Боржоме получил телеграмму от Государя о назначении на его место Великого Князя Николая Николаевича. Затем через несколько дней прибыл туда же, в Боржом, зять графа Воронцова-Дашкова флигель-адъютант полковник граф Дмитрий Шереметьев, привезший собственноручное письмо Царя Наместнику по поводу его смены и т. д. Письмо это внесло некоторое, как я заметил, успокоение в раненное горькой обидой сердце Воронцова.

23 августа 1915 года последовал указ о назначении В. К. Николая Николаевича Наместником Кавказа и Главнокомандующим Кав. фронтом. По заранее условленному порядку оба Наместника, бывший и вновь назначенный, встретились по пути на границе Кавказа, в Ростове, где произошла "сдача" края новому главе его.

Заканчивая на этом свою повесть о графе Воронцове-Дашкове, о котором можно было бы сказать еще очень много, я в заключение еще раз хочу подчеркнуть: престарелый граф, один из самых родовитых и крупных представителей старой русской аристократии, обладавший крупным государственным умом, был назначен Наместником в феврале 1905 года в целях умиротворения многоплеменной окраины.

Это было время, когда Кавказ уже пылал революционным пожаром. Первой задачей, ставшей перед царским наместником было достичь умиротворение Кавказа. Для разрешения этой задачи граф избрал двоякую тактику: — с одной стороны наметить либеральные реформы, продиктованные временем, с другой — сгладить острые зубцы межнациональных осложнений и вражды.

Уже одно это задание, осуществленное или нет, — этого касаться не будем, внесло значительное успокоение в горячие мозги кавказских идеалистов-фантазеров, из имеретин в особенности происходивших. Графу поверило население и он его не обманывал. Он боролся с центром, не желавшим идти по пути реформ, наоборот сокращавшим и подстригавшим хвост даже манифеста 17 октября. И не его вина, если Кавказ не получил того, чего граф хотел дать в свое время.

Обвинение графа в “армянофильстве” в ущерб др. народностей и государственных интересов — есть плод фантазии глупых и недобросовестных людей. Никакого исключения граф армянам не делал. Он только не забывал силу и значения в истории развития России ближневосточного вопроса, поставленного на заре 18 в. Петром России.

В связи с этим вопросом, с вопросом борьбы нашей с османским миром, находился вопрос турецкой Армении. Само собою ясно, что граф, как дальнозоркий политик, должен был считаться с армянским вопросом в интересах России и ее великодержавного размаха.

III. Великий Князь Николай Николаевич

Переходя теперь к Великому Князю Николаю Николаевичу, я предварительно хочу несколькими штрихами отметить действия одной из загадочных впоследствии фигур, — фигуры начальника Штаба Главнокомандующего Кавказским фронтом генерал-лейтенанта Болховитинова.

Сей генерал, до академии Генерального Штаба офицер 14 Кавказского гренадерского Грузинского полка, явился на Кавказ в качестве молодого генерал-квартирмейстера Штаба Кавказской армии. Молодой, энергичный, умный, он зачаровал весь Штаб и высшее начальство и вскоре стал во главе Штаба еще при графе Воронцове-Дашкове. В промежуток времени между отъездом из Тифлиса графа Воронцова и приездом Великого Князя, ко мне, как к командиру Конвоя, явился представиться представительный на вид бравый есаул, георгиевский кавалер как

вновь назначенный офицер Конвоя. Он отрекомендовался офицером 1 линейного полка Кубанского казачьего войска Тихоцким, и вместе с тем представил мне предписание о своем назначении во вверенный мне Конвой от начальника Штаба.

Я был так поражен, что в первый момент растерялся, ничего не понимая в происшедшем. Овладев собою я любезно принял есаула Тихоцкого, предложив ему хлеб-соль, как новому офицеру Конвоя и одному из первых георгиевских кавалеров великой войны.

Ни сам есаул Тихоцкий не спросил меня, как начальника части, — не имею ли я препятствия к его переводу в Конвой, — ни начальник Штаба, словом никто об этом офицере ничего не слышал и не знал в Конвое, что называется свалился как снег на голову.

Я почувствовал, что такое нарушение моих прав и общеустановленных порядков и правил закона, произошло неспроста, что здесь кроется какая-то задняя мысль, истекающая несомненно из национального момента, ибо генерал Болховитинов тогда был ярким националистом (а в дни революции стал сыном III Интернационала37) и его “русское” сердце болело от одного сознания, — как Конвоем, такой почетной частью, призванной охранять “второй русский трон”, командует не русский, а “какой-то” кавказский горец.

Великий князь Николай Николаевич

Я так воспринял этот вызов внутренним слухом и вызов принял, готовый дать достойный отпор зарвавшемуся генералу.

Прежде чем входить с формальным докладом по поводу нарушения моих прав, я запросил Командира 1 линейного полка об есауле Тихоцком, о котором до меня дошли марающие его честь слухи. Командир полка, Генерального Штаба полковник Черный, сообщил мне, что есаул Тихоцкий исключен судом чести из офицерской среды и переведен в другой (второочередный) полк, что он за оставление позиции на виду у неприятеля был предан военно-полевому суду и что благодаря заступничеству полковника Черного Тихоцкий счастливо избег сурового наказания (смертной казни) и т. д.

Получив такую “лестную” аттестацию на своего нового офицера, я отправился во дворец и здесь

ждал прихода Болховитинова, чтобы ему предложить познакомиться с полученной мною аттестацией об есауле Тихоцком.

Я еще не успел достать из портфеля бумагу, как генерал Болховитинов обратился ко мне с следующими словами: "правда, какого шикарного офицера и георгиевского кавалера я Вам прислал? — Почему Вы не поставили его при встрече Его Высочества во главе головного взвода Конвоя, открывшего торжественное шествие поезда Великого Князя? — Это было бы гораздо почетнее — впереди всего шествия — бравый офицер, георгиевский кавалер?"

В ответ на это я вручил генералу Болховитинову бумагу об этом возлюбленном им офицере, а сам стал наблюдать за выражением его лица. Прочитав сообщение командира полка об изгнанном им офицере, он побледнел, сказав: "что же это они меня подвели". Я не понял, — кто они, которые его подвели, да это меня и не интересовало. Я обратился к начальнику Штаба с просьбой откомандировать есаула Тихоцкого, так как такому офицеру в Конвое не место, добавив, что причину его откомандирования никто знать не будет, в противном случае, доложил я, мне придется об этом офицере докладывать Великому Князю.

Генерал Болховитинов, взяв бумагу с собою в Штаб, начал наводить справки и искать лазейки для спасения Тихоцкого. Ему пришел на помощь генерал Павлов, известный кавалерист, который хорошо отозвался об есауле Тихоцком. Болховитинов, руководствуясь отзывом генерала Павлова, хотел оставить в Конвое Тихоцкого. Я запротестовал, заявив, что лично мне Тихоцкий симпатичен и ничего бы не имел против него, как человека, но в Конвое он оставаться не может,

честь Конвоя этого не позволяет. Болховитинов нашел такой выход из положения: Тихоцкий был назначен командиром полевого жандармского эскадрона, а Конвой его проводил, благословил на дорогу бокалом кахетинского. Выход, как угодно, необычайный, загадочный!

Мне впоследствии передавали, что генерал Болховитинов прилагал все усилия, чтобы как-нибудь скушать меня, но это ему не удалось. Чтобы не возвращаться к Болховитинову, я для его характеристики скажу о нем еще несколько слов. Генерал Болховитинов безусловно был талантливым генералом генерального Штаба, он быстро подчинил себе сердца чинов Штаба и нужно сказать, совершенно заслуженно. Великий Князь тоже высоко ценил его работу и когда он уезжал в марте 1917 г. в Ставку, чтобы вновь вступить в верховное командование русскими армиями, расцеловался на вокзале с Болховитиновым, и последний горько, как ребенок, расплакался, обливаясь слезами на наших глазах.

Спустя некоторое время революционная организация Тифлиса хотела арестовать Болховитинова, но он спасся бегством. После он стал одним из рулевых генералов Троцкого38, попал в плен к добровольцам, был приговорен к расстрелу, помилован генералом Деникиным39, будучи разжалован в рядовые, он в рядах добрармии (Добровольческая армия — М. С.) заработал свой генеральский чин.

В декабре 1919 года я его застал в Екатеринодаре в должности военного министра Кубанского правительства. Он очень осунулся и постарел. В прошлом 1927 г. советские источники сообщили, что Болховитинов, будучи военным министром на Кубани, был в связи с большевиками. Надо полагать, что это обстоятельство послужило поводом к самоубийству генерала.

Такова хроника одного из видных представителей "мозга Императорской русской армии" — русского Генерального Штаба.

Великий Князь прибыл в Тифлис осенью 1915 года. День был ясный, солнечный. Весь Тифлис был на улицах и крышах домов тех улиц, по которым должен был ехать августейший Наместник. Конвой в конном строю встретил по установлению своего нового Главнокомандующего у выхода с Тифлисского вокзала. Великий Князь был одет в черкеску (парадную форму Кавказских казаков) при Андреевской ленте. Сев на белого в серых яблоках чистокровного араба,

Главнокомандующий подал знак рукой трубачам не играть встречу (поход) и стал ждать, покуда из его вагона не принесли его значок (знамя), унаследованный им от своего отца и пока его не вручили заранее приготовленному знаменосцу с двумя ассистентами.

Когда все было готово, Великий Князь подал знак мне к команде для встречи. Поздоровавшись со своим Конвоем, Николай Николаевич двинулся, в сопровождении Конвоя и огромной свиты, согласно установленного и им заранее в дороге одобренного церемониала, сначала в древний Сионский грузинский собор, потом в Ванский армянский, а затем в мечети шиитского и сунитского толков.

У входа в сунитскую мечеть Великий Князь, сойдя с коня, показал мне окровавленную левую руку, сказав с укоризной, но без злобы: "что же Вы не могли научить моего наездника, чтобы он заказал уздечку из приличного ремня, чтобы не царапать до крови пальцы?" Мне только оставалось ответить: "виноват Ваше Императорское Высочество"! — хотя, в сущности, я ни в какой степени не был виноват в негодности уздечки. Наездник Великого Князя, один из учеников знаменитого Филлиса, в форме придворного ведомства, считал ниже своего достоинства с кем-либо советоваться в делах, касающихся коня, езды и принадлежностей седла. Его на Армянском базаре надули, поставив вместо мягкого, эластичного ремня — "дерюгу". В данном случае был виноват и сам Великий Князь, хотя он прекрасный наездник. С самого вокзала я заметил, что он очень волнуется под влиянием необыкновенно торжественной и сердечной встречи всего населения. Волнение это передавалось коню, который горячился, с места начавший сильно потеть. Великий князь с силою тянул повод, которым и порезал себе пальцы. В итоге виноватым оказался я, получив первый нагоняй.

После объезда церквей и мечетей, во дворце, в час дня состоялся завтрак, к которому были приглашены свита и некоторые старшие начальники. Непосредственно за завтраком Великий Князь принял представителей общественности и начальников гражданских управлений и учреждений. Великий Князь Николай Николаевич свою речь к представляющимся построил в выдержанных и спокойно-деловых тонах. Но когда, вслед за штатскими явились военные, от старших начальников до командиров отдельных частей включительно, то здесь новый Главнокомандующий заговорил на другом языке.

Обойдя фронт представляющихся, Николай Николаевич прежде всего всем пожал руку, затем лихо выйдя на средину зала и, окинув орлиным взором всех, начал говорить, обращаясь к фронту старших начальников. Началась его речь тихо, спокойно, потом, повышая голос, оратор начал кричать так, что у многих генералов колени затряслись. Я невольно вспомнил завет кн. Голицына, который всегда говорил, что надо иногда криком нагонять холод на подчиненных и тем приносить пользу делу. Опальный Великий Князь приехал на Кавказ, воодушевленный лучшими намерениями в деле продолжения мудрой политики своего предшественника. Но эти намерения как-то мало сочетались с личностями тех ближайших сотрудников Николая Николаевича, которые собственно должны были разрешать возникшие задачи по гражданскому управлению краем.

Помощник по гражданской части Наместника сенатор Петерсон и директор канцелярии действительный статский советник Никольский были освобождены от занимаемых ими должностей. На их места были назначены: помощником по гражданской части Свиты Его Величества генерал князь Орлов и директором канцелярии сравнительно молодой человек Истомин. Конечно, никто из всех трех не был искушен в сложных и запутанных делах Кавказа. Никто из них на Кавказе раньше не был и по характеру своей прежней службы не мог сталкиваться с течением кавказской жизни и его гражданского развития.

Тем не менее нужно сказать, что гражданское управление не вызывало сколько-нибудь серьезных нареканий. На верху стояли люди чистые и строгие прежде всего к себе, а потом уже к другим. Губернаторы и пр. служащие знали, что в случае "неустойки" — пощады не будет и все старались быть достойными России и своего положения. В серьезных местах — старые

спецы всегда выручали.

Великий Князь прежде всего и в первую голову был озабочен делами по руководству операциями Кавказской армии. Им он уделял больше внимания и времени. При нем был взят Эрзерум, Трапезонд и др. крупные места в Турции. Он часто выезжал на фронт, совершая иногда по 900 верст на автомобиле.

Но среди военных забот Николай Николаевич не забывал и часть гражданскую. Он также, как его предшественник, прежде всего взялся за проведение на Кавказе пресловутого земского самоуправления. Было созвано со всех концов Кавказа в Тифлис 300 делегатов для обсуждения этого вопроса, но земского самоуправления все же на Кавказе не успели провести.

Великий Князь Наместник дал обед во дворце в честь делегатов съезда по введении земского самоуправления на Кавказе. Накануне этого обеда управляющий двором Его Высочества генерал-лейтенант Крупенской40 пригласил меня к себе и заявил мне следующее: “Великий Князь не хочет, чтобы гостей его обслуживали за столом чужие люди, — лакеи. Он бы очень хотел, если это возможно, чтобы по Кавказскому обычаю казаки Конвоя угощали гостей за столом, подавая передаваемые им дворцовыми лакеями кушанья и напитки.

72 казака в красных черкесках, с закинутыми за плечи белыми башлыками, в чувяках и с бритыми головами, показали за обедом чудеса ловкости и умения угощать. Великий Князь пришел в восторг от казаков, приказал мне их построить сейчас же после обеда. Когда казаки

были выстроены, Великий Князь вышел к ним и благодарил за лихость и помощь Ему в деле кавказского гостеприимства. Тут же каждому казаку было пожаловано по одному новенькому серебряному рублю.

Жизнь Наместника и его августейшего брата Великого Князя Петра Николаевича, жившего с семьей во флигеле дворца, протекала спокойно и без всяких официальных балов и вечеров. Великий Князь до окончания войны не хотел видеть никаких увеселений и строго держался этого порядка до конца. Однако он готовился к победоносному окончанию войны, чтобы задать “пир” на весь Кавказ. Дворцовые погреба были до отказа переполнены дорогими винами “допотопных” розливов. Этими винами покейфовала впоследствии революционная демократия с В. А. Харламовым во главе.

Обыкновенно к завтраку по праздникам и воскресным дням, а также в дни семейных праздников, приглашались: пишущий эти строки и младшие офицеры Конвоя по очереди*. За завтраком собирались всегда до 40—50 человек. Большинство гостей составляли: огромная свита Великого Князя, случайные гости, представляющиеся, высшие чины военного и гражданского управлений и другие. Завтрак всегда был выдержанный, скромный, не бросающийся в глаза обилием и богатством. Великий князь считался самым бедным в доме Романовых. Вино подавалось обыкновенное белое кахетинское, которое вы всегда могли получить в каждом среднего достатка доме в Тифлисе.

Завтрак (или обед в таких случаях) накрывался в Персидском зале, а стол с закусками и белой водкой ставился в желтой гостиной. Здесь Великий Князь выпивал рюмки 2—3 водки; гости, пьющие водку, конечно, поддерживали, но случалось так, что наиболее застенчивые гости иногда оставались без водки, ибо у закусочного стола каждый наливал себе сам; каждый сам себе был хозяином. Мне часто случалось выручать робких, стеснявшихся подойти к бутылкам водки, которая почти всегда стояла, как назло, около Великого Князя.

Дисциплина и подтянутость в доме Николая Николаевича царствовали всегда и при всех случаях. Дамы не составляли в этом случае исключения. За закусочным столом Великий Князь всегда становился с той стороны стола, которая была ближе к столовой (к двери в Персидский зал); Великая Княгиня42 занимала место визави, а около нее группировались дамы.

Как только Николай Николаевич подавал сигнал (рукой, кивком или поворотом головы), дамы, испуганно следившие и ловившие этот сигнал, рысью бежали в столовую, чтобы не задержать лишнего мига Его Высочество, пропускавшего дам вперед.

Великая Княгиня, супруга Николая Николаевича, Анастасия Николаевна очень зорко следила за тем, чтобы Ее супруга ничто не раздражало. Как-то после завтрака в 1916 году Великая Княгиня спрашивает меня: "когда мы (т. е. их семья, Главная Квартира, Конвой) переезжаем в Коджоры?"** Я ответил на вопрос и сейчас же задал себе другой вопрос: "а почему Великая Княгиня спрашивает не мужа, которому больше известно когда "мы" переезжаем в Коджоры от которого зависит время и час переезда"?

Оказывается ответ на мой вопрос истекает из того порядка, в силу которого не всегда можно беспокоить Великого Князя всякими праздными вопросами и пустяками, которые его раздражали. Другой характерный пример: в день Ангела падчерицы Великого Князя герцогини Лейхтенбергской Елены*** меня посадили около именинницы. Вообще за столом места распределялись заранее, причем то или другое место имело свое значение, хотя на это обстоятельство мало кто обращал внимание. Великий Князь, подняв бокал, крикнул: "Элен! Алла-Верды, Твое здоровье!"

Герцогиня-именинница вскочила и вытянулась по-военному. Спустя минут пять она спрашивает меня, своего кавалера — что ей делать, отвечать на тост или нет? Я объяснил, что по нашим Кавказским обычаям можно ответить. В течение истекших затем 15—20 минут она меня

переспросила раза четыре — можно ли ей ответить и как отнесется к этому Николай Николаевич? Я не на шутку сам струсил, думая, что если дочь боится сказать тост за отца, то как же я могу брать на себя ответственность за последствия ее тоста? Я начал отвечать герцогине уклончиво, а она, вся бледная, с дрожащими руками, не переставала со мною советоваться. Наконец, герцогиня решилась ответить и спросила меня, что ей сказать отчиму. Как раз накануне этого дня Кавказская армия одержала какую-то значительную победу. Эту победу я и использовал, научив именинницу сказать следующее: "Алла-Верды — за здоровие Вашего Императорского Высочества и за дальнейший успех Кавказского оружия".

Повторив эти слова и предупредив меня в случае чего подсказать, герцогиня Елена подозвала одного из лакеев, которые тут же торчали за спинами гостей с вытянутыми вперед рожами, хватая часто преждевременно тарелки, и приказала доложить Его Высочеству, что она просит разрешения ей сказать тост.

Разрешение последовало. Герцогиня красавица вытянулась во весь красивый рост и, обратившись лицом в сторону Великого Князя, громким и симпатичным голосом сказала: "Алла-Верды, Князь, Тебе, за Твое Здоровие и за дальнейший успех Кавказского оружия". Произнеся эти слова, она круто повернулась ко мне, крикнула: "Ура!" Я во всю глотку гаркнул "Ура", поддержанный всеми гостями.

Эффект получился необычайный. Великий Князь пришел в восторг от дочери, похвалив ее за "блестящую" речь. Герцогиня не знала как меня и благодарить. Она, это очаровательное существо, молодая девушка лет 20—22, была безгранично счастлива и каждый раз при встрече она меня благодарила за помощь в ее успехе.

Я сознательно коснулся этих, малоинтересных как будто бы, мелочей, чтобы ближе подойти к характеристике личности Великого Князя Николая Николаевича. Само собой ясно, что для этого железного человека были чужды всякого рода влияния со стороны как близких родных, так и свиты и т. д. Мои наблюдения меня привели к убеждению, что интриги и проч. были не знакомы при дворе Великого Князя. Он был грозой, которому не всякий решался и решиться, как бы он ни был мужественен, высказывать не к делу относящиеся мысли.

Великий князь и Княгиня были очень внимательны всегда и ко всем, но они внушали какой-то

“священный страх”. Всегда нужно было быть начеку, следить за собой. Как-то раз за завтраком мой адъютант под влиянием лишне выпитого вина перешел на развязный тон в разговоре со своим соседом. Великая Княгиня это заметила и велела об этом довести до моего сведения после завтрака.

Другой раз с ним же случилась большая неприятность. Сирийскому Патриарху был назначен торжественный прием у Наместника. Я получил предписание к известному часу выставить во дворце почетный наряд и почетных часовых для встречи наследственного Иерарха Сирии. Учитывая, что гость может явиться раньше назначенного времени, я приказал наряду под командой адъютанта, сотника Перекотия, быть на месте назначения на 10 мин. раньше. В назначенный Великим Князем час приема вся свита была уже в зале дворца. Я тоже подъехал. К моему удивлению наряда от Конвоя еще не было.

Все бросились ко мне с вопросами: “где конвойцы, патриарх уже выехал” и т. д.

Наряд конвойцев явился тогда, когда Сирийский патриарх уже был во внутренних покоях Великого Князя. Он на 3 мин. приехал раньше.

Я не забуду сердитого взгляда, который был брошен Его Высочеством на меня. Я почувствовал грозу, которая скоро должна была разразиться.

Патриарх был встречен почетным караулом* уже на обратном пути, когда он уходил.

Через пять минут два взвода Конвоя проконвоировали Великого Князя, отдававшего визит Патриарху.

На другой день Начальник Штаба фронта получил приказание Великого Князя: объявить в приказе по фронту мне выговор и предупреждение; сотника Перекотия в 24 часа отчислить от Конвоя; вахмистра строевой сотни и дежурного урядника разжаловать.

Мне стало обидно за Конвой, который действительно образцово нес службу — не за страх, а за совесть. Великий Князь должен был знать, что Конвой всегда поспевал, когда он неожиданно, минут за 10, приказывал Конвою в конном строю и в красных черкесках быть готовым для сопровождения Его Высочества. В таких случаях казаки на шестой минуте после сигнала выстраивались перед казармой. Они успевали переодеться и оседлать коней, привязать к седлу бурки и взять винтовки.

Я придрался к тому, что Патриарх приехал на 3 мин. раньше назначенного Конвою времени, что наряд точно занял свои места в назначенный час. На этом основании я ходатайствовал об отмене налагаемого не Перекотия и на вахмистра и урядника наказания. Великий Князь два раза отклонил мое ходатайство, наконец, когда попросил за нас князь Орлов, Великий Князь совершенно освободил нас от наказания.

Мне казалось, что после этих случаев моему адъютанту лучше и не показываться на глаза высшему начальству. Однако я ошибся. Как-то, возвращаясь с дальней прогулки в Коджоры, Великокняжеская чета спешила с коня сотника Перекотия, выехавшего с казаками на охрану дороги, и посадила к себе в автомобиль для доставки его домой.

Великий князь выезжал на прогулки на автомобиле без охраны. Часто он ездил через лес в Манглис, Белый Ключ и др. места, не позволяя, чтобы его сопровождала охрана. Однако такие поездки были небезопасны. Поэтому я приказал урядникам-ординарцам, состоявшим при Великом Князе, давать заблаговременно знать в Конвой, куда Его Высочество собирается ехать. В этих случаях наряд казаков (от 10 до 20 человек) попарно и разновременно выезжал незаметно на ту дорогу, по которой должен был ехать августейший Главнокомандующий.

Казаки так применялись к обстановке, что долго никто не мог понять, почему по дороге каждый

раз встречаются парные казаки в разных местах?

Охранная полиция (тайная) под начальством подполковника корпуса жандармов Басова43 состояла, насколько мне известно, из 200 человек. Они были доставлены из России. Не доверяя сначала Конвою, охранное начальство много раз подсылало сотрудников в Конвой под видом торговцев и т. д.; подсылали и хорошеньких женщин, чтобы нащупать, насколько можно доверять казакам.

И после того как одному из охранников, просившему продать ему патроны, чуть не разбили железными вилами голову, охрана оставила в покое Конвой. Я видел, что казна зря расходовала огромные средства на эту охрану, ничего, по-моему, не соображавшую в кавказских политических зигзагах.

Я выше упоминал, что Великий Князь до окончания войны не позволял устраивать никаких увеселений, концертов, вечеров и т. д. Как-то Великая Княжна и свитские дамы просили меня устроить джигитовку казаков Конвоя.

Конвой готовился достойно принять высоких гостей, предложить им походные шашлыки и пр. Великий Князь, узнав о приготовлениях, запретил ехать на джигитовку, если там будут шашлыки, танцы, пение и т. д.

Я дал слово, что ничего не будет, кроме джигитовки, однако заготовил букеты роз, гвоздики и т.

д. для всех дам — гостей.

Автомобили и верховые кони доставили на поле, где должна была состояться джигитовка, высоких гостей. Конвой по уставу встретил Высочайших особ. Затем началась джигитовка по программе — доставанием с земли предметов. Я отобрал лучших джигитов по числу гостей — дам и пустил их справа по одному.

Сорвавшись с места полным ходом, всадники по очереди хватали с земли замаскированные букеты цветов, круто заворачивали коней в нашу сторону, осаживали их у ног дам и, соскочив с коня, подносили букеты гостям.

Хитрость и ловкость казаков произвели большое впечатление на двор.

Задолго до революции на дочери Великого Князя Петра Николаевича женился сын помощника Наместника по гражданской части кн. Орлов. Княжна Надежда Петровна была очень красивая девушка, которая могла бы составить завидную пару представителю любого коронованного двора. Однако братья, русские Великие Князья, патриоты нашли за благо выдать очаровательную дочь и племянницу за родовитого русского князя. Свадьба в русском стиле состоялась в Тифлисе. Герцогиня же Елена была выдана замуж за молодого офицера, графа Тышкевича.

Близко наблюдая две семьи дома Романовых, я видел, что в этих домах царит дух русского патриотизма, русской гордости и русского самосознания. Здесь я видел больше “русского”, чем то было заметно в т. н. аристократических семьях старых русских родов, фамилий.

Если Великий Князь Николай Николаевич служил предметом преклонения и страха, то его августейший брат являлся образцом простоты и полной доступности. В его обществе, в его семье человек как-то чувствовал себя человеком, равным, свободным, без натяжки.

Из Петербурга часто наезжали гости в Тифлис. В числе этих гостей, специально приехавших к Великому Князю Николаю Николаевичу, были: граф Коковцев44, б. премьер Трепов45, протопресвитеры военного и морского духовенства, Шавельский46 и др. Из иностранцев — французский генерал По и английская делегация, состоявшая из одного генерала и офицера морского генерального Штаба. Наконец, на Кавказ пожаловал и походный атаман всех казачьих

войск Великий Князь Борис Владимирович47 с своим начальником Штаба генерал-майором Богаевским48, впоследствии ставшим Войсковым Атаманом Войска Донского.

Все эти гости пользовались широким гостеприимством Великого Князя Наместника. За столом Великий Князь был очень ласков с Коковцевым, Треповым, Шавельским.

Что касается Великого Князя Бориса Владимировича, то за завтраком Николай Николаевич ни одним словом не обмолвился с ним. Мне говорили, что до него дошли слухи, будто бы Борис Владимирович ведет себя недостойно, не по-великокняжески, мне говорили также, что в эту самую поездку к нему в поезд в Екатеринодаре привели на пьянство институток и т. д. Конечно, всему этому мы не придали серьезного значения. Но, к сожалению, всякие слухи, ходившие тогда про него, имели под собой почву. Большевики опубликовали дневник Великого Князя Андрея Владимировича49 (Красный Архив, кн. 26), из которого усматривается, что “глас народа, глас божий”.

В честь английской делегации Великий Князь дал обед, спустившись для этого из Коджор в Тифлис, т. к. в Коджорах не было соответствующего для сего обеда помещения.

За обедом Великий Князь сказал речь в честь английских гостей, их армии, народа, Короля и т. д. Он говорил* долго и хорошо. Хор Конвоя исполнил английский гимн.

После этого тоста, горячо воспринятого, мы ждали, что английский генерал сейчас же

поднимется и ответит. Не так-то было. Обед уже подходил к концу, а англичане и не думали пошевелиться. Николай Николаевич уже выходил из себя, его глаза наливались кровью, лицо перекашивалось. Мы думали, что вот-вот разразится гроза над головой англичан.

Наконец, генерал встал и пролепетал на английском языке несколько слов. Как только он закончил свою речь и опустился в кресло, Николай Николаевич шумно, подчеркнуто встал, показав, что обед закончен. Этим он дал почувствовать англичанам их хамство.

К приезду Великого Князя на Кавказ части русской армии уже готовились проникнуть глубоко в пределы Персии. Как известно там был создан специальный отряд генерала Баратова (конный корпус). Чтобы расположить к себе владетельных ханов-феодалов Персии Великий Князь повел для сего соответствующую политику с помощью генерала Баратова, дальнозоркого и незаурядного политика.

В короткое время симпатии ханов, почти самодержцев, были на нашей стороне. Хан Макинский вскоре через генерала Баратова прислал Николай Николаевичу четырех арабских коней в подарок. Их доставили люди Макинского с переводчиком-офицером осетинского конного полка.

Коней привели в дворцовый сад и здесь состоялось вручение их новому владельцу. При этом один из персов от имени хана сказал речь, на которые персияне лучшие мастера, тут же особенно подчеркнуто переведенную офицером-переводчиком.

Сопровождавшие лошадей персы были щедро награждены, а офицер-переводчик был Великим Князем приглашен на завтрак. Хан Макинский не остался, конечно, в долгу.

Великий Князь Николай Николаевич известный кавалерист и любитель лошадей. В Тифлисской конюшне у него стояло 18 верховых коней высоких кровей и классов. Но я не видел ни разу, чтобы он когда-нибудь выезжал на этих красавцах-гигантах. Он любил ездить на малюсеньких, низкорослых арабах, подаренных ханом и больше всего на чалом (мышастом) казахе, купленном им у стражника в Елисаветпольской губернии.

Великий Князь не обращал внимание на то, что эти кони ростом не соответствуют его гигантскому росту; ноги у него свешивались до земли, но он очень тонко понимал и ценил

качества езды, хода, повода, крепость ног коня и его нрав — спокойный и ровный.

Не смотря на свои тогда 59 лет, Николай Николаевич в прогулках верхом на коне всегда втирал очки нам всем молодым, в том числе казакам-конвойцам лет по 22—25. Часто свита выдыхалась, а Великий Князь был свеж и бодр. Возвратясь с прогулки, он переодевался в свежую черкеску и кавказские сапоги или чувяки и садился за работу. Николай Николаевич любил Кавказский костюм (черкеску) и понимал в ношении его толк. В его гардеробе насчитывалось до 10 комплектов со вкусом выбранного оружия, до 15 комплектов черкесок разного сукна и цветов. Оружие по комплектам было развешено по стенам.

Нужно сознаться, что костюм кавказских горцев по красоте, изяществу, удобству, простоте не имеет себе равного*. Недаром высшее начальство из Петербургских верхов особенно любило щеголять черкеской. Француз генерал По, терский казак, тоже любил пощеголять в черкеске.

Часто мне приходится слышать, что Великий Князь много пьет; между тем за время с осени 1915 г. по 7 марта 1917 года мне ни разу не приходилось видеть, чтобы он когда-нибудь пил сверх нормального. Он выпивал 2—3 рюмки водки и столько же вина. Он может, вероятно, выпить много, но так, что этого никто по нем и не заметит.

Я никогда в жизни не видел человека, который бы так красиво подносил к устам бокал и так “художественно” его опрокидывал в рот, как Вел. Кн. Николай Николаевич. Я всегда обращал за столом внимание соседей на манеру пить вино Великого Князя Николая Николаевича: как я ни

старался схватить эту манеру пить, мне этого не удалось достигнуть. Такую же красоту и изящество я заметил и в манере его курить. Николай Николаевич удивительно изящно курил. Мундштуки у него были тоже особенные, при этом у него и руки точеные, редкой красоты. Но в смысле красоты, напр., посадки на коня, он далеко уступал горским наездникам старого закала.

В декабре 1915 года Конвою был назначен парад по случаю его годового праздника. В тот же день был праздник Астраханского драгунского полка, шефом которого был Великий Князь. Парад состоялся на площади Военного Собора после обедни. Николай Николаевич в форме своего Астраханского полка принял парад. Когда он закончил обход фронта Конвоя, то незаметно для других, на лету, спросил меня: “может ли Конвой пройти церемониальным маршем?” Я был одновременно: удивлен, возмущен и огорчен; заявив решительно — “так точно, Ваше Императорское Высочество”!

Скомандовав к церемониальному маршу удвоенной силы голосом, Конвой, после совершения некоторых перестроений, блестяще прошел мимо своего Августейшего Главнокомандующего, многочисленного начальства и на глазах тысячной толпы. Великий Князь, приятно пораженный неожиданным зрелищем, благодарил Конвой за парад, за лихость, подтянутость. А Великий Князь Петр Николаевич мне лично говорил, что “парад был удивительный, не смотря на то, что он состоялся в пешем строю”. Генерал Болховитинов, видя, какое впечатление Конвой произвел на начальство, подлетел ко мне и буквально сказал: “Почему Вы до сих пор есаул?”*

Этот странный вопрос Начальника Штаба фронта, который являлся моим же непосредственным начальником, достаточно ярко характеризует его лично и порядки, существовавшие в области повышения офицеров в штаб-офицеры и генералы. Я не напоминал о себе, как это делало 99% офицеров и обо мне никто и не подумал, меня забыли. С этого момента Болховитинов, вероятно, примирился с мыслью, что Конвоем Августейшего Наместника может успешно командовать и нерусский по происхождению офицер. После парада все офицеры Конвоя были приглашены на завтрак к Великому Князю.

Лето 1916 года Великий Князь, как я уже об этом выше упоминал, провел в Коджорах. Первоначально было предположено провести лето в Кикетах, недалеко от Коджор. Здесь уже была снята дача владельца этого прекрасного уголка Л. К. Мамулаишвили, но потом почему-то раздумали ехать туда

раздумали ехать туда.

Сообщение с Кикетами было отвратительное. Не было приличных дорог; в дождливую погоду нельзя было ездить на автомобиле туда. Нужно было провести дорогу с Манглийского шоссе до самой дачи (около 6 верст). По смете на постройку этой дороги требовалось 100 тыс. руб. Ведомство путей сообщения их не имело. Великий Князь не хотел тратить средства на эту надобность из военных кредитов. Тогда генерал Болховитинов сумел доказать Великому Князю "стратегическую неотложность" постройки этой дороги. Деньги были ассигнованы, и дорога была выстроена.

Население и дачники благословляли Великого Князя за постройку этой дороги, в которой нуждалось несчастное окрестное население.

На следующее лето дача для Великого Князя готовилась в м. Глданы, у Авчал. Здесь уже шла перестройка дома одного армянина, камер-юнкера, под летнее жилье великокняжеской семьи, когда неожиданно грянула революция, прервавшая все работы, в том числе и работы по проложению туда из Тифлиса шоссе. Николаю Николаевичу так понравилась местность, где ютились Глданы**, что он сделался здесь "домовладельцем", купив у одного местного молоканина маленький домик.

Мне часто передавали, что Великий Князь хочет остаться навсегда на Кавказе, что он душевно полюбил Кавказ и Кавказцев, которые в свою очередь ему отвечали сердечной любовью. Но Аллаху было угодно рассудить иначе: мечте Великого Князя не было суждено осуществиться.

Я уже несколько раз подчеркивал, что Великий Князь Николай Николаевич все увеселения, приемы и пр. отложил до окончания войны. Поэтому у него не было таких пышных новогодних и Пасхальных приемов, какие были при князе Голицыне и графе Воронцове-Дашкове. Последний, напр., на Пасху христосовался с Тифлисским гарнизоном в лице фельдфебелей, вахмистров, взводных, юнкеров, всех конвойцев, не говоря уже о начальниках. При христосовании граф подносил каждому, с кем он христосовался, фарфоровое яйцо. Нижние чины (конвойцы) в свою очередь дарили Главнокомандующему обыкновенные пасхальные яйца.

У Великого Князя этого не было. Конвой был построен на аллее у дворца. Вышли Великий Князь и Великая Княгиня. Августейший Главнокомандующий, поздоровавшись, поздравил казаков с праздником; после этого казаки по очереди прикладывались к ручке Великой Княгини. Казаки были очень счастливы, что удостоились приложиться к руке Высочайшей особы, а я был немало удивлен и порадован, увидя, как казаки лихо подходили к Великой Княгине и умело, даже многие с изяществом, целовали ручку Великой Княгине.

Великий Князь приехал на Кавказ, когда он уже не знал ни бомб, ни стрельбы на улицах, ни армяно-татарской резни и т. д. Край был весь в военном напряжении, будучи патриотически настроенный. Мусульмане Кавказа, единоверцы Турции, были на Западном фронте, украшая своими подвигами знамя русской армии. Словом, сердце Кавказа горячо и в темп билось с сердцем России и русского народа.

Граф Воронцов-Дашков удачно синтезировал (сочетал) эти два начала в их единстве. Во главе всего Кавказа — престарелый, родовитый русский "боярин"; в его окружении: грузины, армяне, татары, горцы и русские. Последних было по количеству меньше. Двор графа Воронцова-Дашкова имел оттенок кавказский и на этом кавказском фоне лик России как-то ярче горел, возвышался.

Не то было при Великом Князе. Свита Его Высочества была огромная, внушительная. Там вы могли встретить представителей каких угодно народов, до калмыков включительно*. Но среди этой свиты при дворе Великого Князя не было ни одного кавказца. Это обстоятельство как-то резко бросалось в глаза. Получалось такое впечатление, точно на Кавказ нагрянули "иностранцы-оккупанты", изгнавшие из Тифлисского дворца Кавказский дух. Странно было не видеть в Тифлисском дворце обычных грузинских "рож" и не менее странно было видеть там

видеть в Тифлисском дворце обычных грузинских "рож" и не менее странно было видеть там "косоглазого" офицера для поручения — калмыка! Мое сознание с этим не мирилось.

В чем же дело? Почему это так случилось? Разве Кавказ не был настроен патриотично? Разве он не показал свои чувства любви и восторга к Великому Князю?

В том-то и дело, что на эти вопросы трудно ответить. Надо полагать, что здесь никакого умысла со стороны Великого Князя не было. Я думаю, что он над этим вопросом и не подумал. Но факт остается фактом: около Великого Князя не было кавказцев, исключая разве пишущего эти строки, которого генерал Болховитинов тоже хотел слопать.

Наступила великая русская революция. Государь Император еще до отречения назначил Великого Князя Верховным Главнокомандующим. Затем последовало отречение Государя и Великого Князя Михаила Александровича от русского престола.

Хотя указа Сенату о назначении Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим не было, но Великий Князь получил от законного представителя Совета министров кн. Львова50 телеграмму, в которой последний спрашивал "когда он* может приехать в Ставку переговорить".

Полагая, что эта телеграмма в сущности и есть признание и утверждение Николая Николаевича в новой должности, а не наглый, как оказалось, обман со стороны пресловутого Временного Правительства, Великий Князь стал собираться в путь.

5 марта, после полудня, я получил извещение от дежурного адъютанта о том, что Великий Князь требует меня к себе. Тотчас же я явился во дворец. Великий Князь Николай Николаевич, поздоровавшись со мною, спросил меня: "что Вы, т. е. я, предполагаете делать — я уже послезавтра выезжаю в Ставку?" — Я ответил: "как прикажете, Ваше Высочество".

"В таком случае я Вам приказываю, — отвечает Великий Князь, — быть командиром моего Конвоя по должности Верховного Главнокомандующего и всему составу Кавказского Конвоя быть моим Конвоем!" "Слушаюсь, покорнейше благодарю", — был мой ответ.

Далее Великий Князь мне повелел приготовить 10 казаков для сопровождения Его Высочества в Ставку, а остальному Конвою, постепенно подготовляясь в путь, ждать распоряжения из Ставки. Я заметил, что Великий Князь был в хорошем, небывалом до сего, расположении духа. Он, горячий русский патриот, верил, что революция принесет счастье России, что он, обожаемый русскими армиями, доведет до победного конца войну.

В такое чудо он верил, поверил и Временному Правительству, так ловко его надувшему, чтобы Его извлечь из недр Кавказской армии, с которой ее Вождь мог причинить неприятности революции.

Революционная демократия в те дни очень ухаживала в Тифлисе за Николаем Николаевичем. Некоторые социалисты даже уверяли, что России без царя пока не быть, густо намекая, что они бы не прочь возвести самого Великого Князя, который пришелся Кавказу по вкусу, на русский престол.

Когда я объявил Конвою о повелении Верховного Главнокомандующего — быть нам конвойцами Верховного, — казаки закричали "ура" и, указывая на портрет Великого Князя Николая Николаевича, загалдели: "вот кто наш царь! Да здравствует Его Императорское Величество Император Николай III!" Ура-ра-ра!"

Об этой манифестации стало известно Великому Князю, поставившему мне на вид неуместный порыв простых казачьих сердец.

7 марта 1917 года в 10 ч. утра Тифлис торжественно провожал своего последнего Наместника.

Весь Тифлисский гарнизон и тысячные толпы заполнили все улицы. Порядок был образцовый. И войска, и народ кричал “ура” Великому Князю при проезде на вокзал и при отходе поезда. На вокзале был выставлен почетный караул от Тифлисского военного училища в составе роты со знаменем.

На вокзале Николая Николаевича встретил Великий Князь Андрей Владимирович, прибывший ночью из Кисловодска.

Ровно в 10 ч. утра экстренный поезд Верховного Главнокомандующего при криках “ура” плавно отошел в Могилев.

Через три дня телеграф сообщил о недопущении Великого Князя Николая Николаевича к Верховному Командованию вооруженными силами России как члена свергнутого с престола дома Романовых.

Этим актом звезда Романовых закатилась за кровавые тучи, покрывшие русскую землю.

Поезд В. К. Николая Николаевича повернул в Крым. Здесь он пережил прелести революционного режима. Караульные революционные солдаты никогда не забывали своего любимого Верховного, не забываясь и держа себя корректно в отношении Августейшего узника.

Татарская интеллигенция, в лице почтовых чиновников, делилась с Великим Князем чем Бог послал*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, генерал-майор свиты, командир лейб-гвардии Гусарского полка, позднее генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр двора (1881—1897), наместник на Кавказе (1905—1915).

2 Николай Николаевич (младший) (1856—1929), великий князь, дядя императора Николая II, генерал-инспектор кавалерии, главнокомандующий русской армией (1914—1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом.

3 Голицын Григорий Сергеевич (Гри-Гри) (1838—1907), князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, главноначальствующий гражданской частью и главнокомандующий на Кавказе (1896—1904), сенатор, член Государственного Совета.

4 Драгомиров Абрам Михайлович (1868—1955), генерал от кавалерии, окончил Александровский и Пажеский корпус, Академию Генерального штаба и Офицерскую кавалерийскую школу. Получил назначение на Кавказ, где оставался до 1898 г. В начале первой мировой войны принял командование Сводной кавалерийской дивизией, был Главнокомандующим Северным фронтом, председатель Особого Совещания при А. И. Деникине, главноначальствующий Киевской области. Эвакуировался в Сербию, в 1931 г. переехал во Францию, где по поручению генерала Миллера руководил особой ротой РОВСа.

5 Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), генерал, профессор, преподаватель кафедры тактики Николаевской Академии Генерального штаба, начальник штаба Киевского военного округа (1869—1873), начальник Академии Генерального штаба с 1878 г., командующий войсками Киевского военного округа с 1889 г.

6 Дашнакцутюн (“Союз”), армянская националистическая партия. Возникла в 1890 г. в Тбилиси. Издавала газету “Дрошак” (“Знамя”). В 1892 г. утвердила программу и устав. Главной задачей ставила освобождение армян от турецкого ига, создание автономного государства в пределах Турции. С этой целью предпринимала вооруженные выступления и террористические акты. С

мая 1918 г. была правящей партией Армянской республики.

7 Романовский Иван Павлович (1877—1920), генерал-майор, в годы первой мировой войны начальник штаба 25 пехотной дивизии, генерал-квартирмейстер штаба 10 армии, затем Верховного главнокомандующего. После 1917 г. служил в Добровольческой армии, в 1919—1920 гг. начальник штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. В 1920 г. эмигрировал, убит в Константинополе.

8 Проконе Николай Викторович, чиновник особых поручений.

9 Белявский, в 1902 г начальник штаба Кавказского округа.

10 Чавчавадзе Захарий, адъютант И. И. Воронцова-Дашкова.

11 Амилахвари Иван Гиич, князь, генерал-лейтенант, командир Кавказского армейского корпуса.

12 Барятинский Александр Иванович (1815—1879), князь, фельдмаршал, наместник на Кавказе с 1857 г., член Государственного Совета.

13 Ширинкин Михаил Павлович (1873— ?), генерал, окончил Воронежский кадетский корпус, с 1894 г. служил в 157 пехотном Имеретинском полку, в Корпусе жандармов с 1899 г., в 1902 г. начальник Винницкого Отделения жандармско-полицейского управления железных дорог.

14 Гуриели Арчил Александрович (1895—1955), по женской линии потомок последнего владетельного князя Гурийского. Окончил гимназию в Тифлисе. В первую мировую войну — доброволец на фронте, затем учился в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге. После Февральской революции возвратился в Грузию, в 1921 г. эмигрировал во Францию, в 1937 г. переехал в Нью-Йорк. Председатель Грузинского общества в Америке.

15 Союз Михаила Архангела образовался в 1908 г., выделившись из “Союза Русского народа” в результате внутриполитических разногласий. Союз имел отделы во многих городах и селах России, в ряде учебных заведений, открывал частные библиотеки для распространения своих идей, издавал журнал “Прямой путь”. Председатель — В. М. Пуришкевич.

16 Малама Яков Дмитриевич, помощник И. И. Воронцова-Дашкова по военной части.

17 Петерсон Николай Леонтьевич, директор канцелярии наместника.

18 Грязное, начальник штаба Кавказского округа при И. И. Воронцове-Дашкове.

19 “Новое Время” — русская газета, издавалась в Петербурге в 1868—1917 г.г., с 1912 г. принадлежала “Товариществу А. С. Суворина”.

20 Горемыкин Иван Логинович (1839—1917), сенатор, член Государственного Совета, председатель Совета Министров (1906, 1914—1916).

21 Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920), генерал от инфантерии по Генеральному Штабу, член Государственного Совета (1912—1917), военный министр и председатель Особого Совещания по обороне (июнь 1915 — март 1916).

22 Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927), гофмейстер, член Государственного Совета, помощник министра иностранных дел, министр иностранных дел (с 1910 г.), посол в Лондоне (1917—1918), член правительства А. И. Деникина и А. В. Колчака.

23 Георгий Михайлович (1863—1919), великий князь, генерал от инфантерии, управляющий Русским музеем, председатель Русского генеалогического общества.

24 Тизенгауэен Владимир Федорович, губернатор Эривани.

25 Баратов Николай Николаевич (1865—1932), генерал от кавалерии, окончил Владикавказское реальное училище, Академию Генерального штаба. Службу проходил в штабе Одесского военного округа и на Кавказе, где командовал 1 Казачьей дивизией, отличился в боях против Энвер-Паши. В годы гражданской войны входил в состав Правительства Юга России (министр иностранных дел). С 1920 г. в эмиграции. Председатель Зарубежного Союза русских военных инвалидов.

26 Энвер-Паша (1881—1922), турецкий военачальник, участник Младотурецкой революции 1908 г. и один из лидеров партии “Единение и прогресс”, инициатор союза с Германией и вовлечения Турции в первую мировую войну. Во время войны занимал пост главнокомандующего. В 1918 г. войска Энвер-Паши захватили Баку. После подписания Турцией Мудросского перемирия 1918 г., бежал в Германию, принимал участие в басмаческом движении в Средней Азии.

27 Стратонов Всеволод Викторович (1869—1938), астрофизик. Окончил Новороссийский университет в 1891 г., работал в астрономической обсерватории университета, затем командирован в Пулковскую Обсерваторию. В 1904 г. переехал на Кавказ, служил чиновником особых поручений при наместнике, открыл собственный банк, издавал книги по астрономии. С 1918 г профессор Московского университета, научный консультант Наркомпроса. Арестован в 1922 г., выслан из РСФСР вместе с группой ученых. С 1923 г. в Праге.

28 Безгин Александр Григорьевич (1849— ?), окончил Орловский имени Бахтина корпус и Николаевское кавалерийское училище. В Корпусе жандармов с 1877 г. С 1903 г. начальник Тифлисского Губернского жандармского управления.

29 Мартынов Петр Николаевич (1867— ?), окончил Тифлисский кадетский корпус и 2 военное Константиновское училище. В Корпусе жандармов с 1900 г. С апреля 1906 г. полицмейстер.

30 Мышлаевский Александр Захарович (1856—1920), генерал от инфантерии, в 1909 г., начальник Главного Управления Генерального штаба, 1915—1916 — главный начальник Кавказского военного округа, в 1917 — командующий войсками казанского военного округа. После Октябрьской революции служил в советских учреждениях.

31 Жилинский Яков Григорьевич, в 1911 г. начальник Генерального штаба.

32 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), князь, фельдмаршал, наместник на Кавказе (1844—1854).

33 Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, младший сын императора Александра III, наследник в 1899—1904 гг.

34 Кавказская туземная конная дивизия. Создана в 1914 г. Состояла из трех бригад. В первую бригаду входили Кабардинский и Чеченский конные полки; во вторую — Дагестанский и Татарский; в третью — Ингушский и Черкесский. Дивизия входила в состав 2-го Кавалерийского корпуса, который действовал вначале в составе 8 армии, а с 1915 г. в составе 9 армии на Юго-Западном и Румынском фронтах.

35 Багратион Дмитрий Петрович (1863—1919), князь, генерал-лейтенант, в годы первой мировой войны командовал Первой бригадой Кавказской Туземной дивизии (1914—1916), вторым Конным корпусом (1917). После Октябрьской революции служил в Красной Армии.

36 Болховитинов Леонид Митрофанович (1871—1925), генерал-лейтенант. Окончил Донской корпус и Кубанское Алексеевское училище. В годы первой мировой войны — начальник штаба Кавказского фронта, руководил Саракамышской операцией. В эмиграции с 1920 г.

Национального фронта, руководящий вооруженными операциями в эмиграции в 20-30-е гг.

37 III Интернационал (Коминтерн) — 1919—1943 г.г. Международная организация коммунистического движения, объединявшая коммунистические партии разных стран, входившие в него на правах секций. Коминтерн действовал на основании программных документов и уставов, принимавшихся на его конгрессах.

38 Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940), председатель Петросовета, нарком по иностранным делам (1917), по военно-морским делам (1918—1925), путей сообщения (1920), председатель Реввоенсовета (1918—1925), член Политбюро ЦК ВКП(б). Выслан из СССР в 1929 г.

39 Деникин Антон Иванович (1872—1947), генерал-лейтенант, с апреля 1918 г. командующий Добровольческой армией, с января 1919 — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В эмиграции с 1920 г.

40 Крупенский Александр Дмитриевич (1875—1939), камергер Двора Его Императорского Величества, управляющий конторой императорских театров (1903—1914). Эмигрировал во Францию.

41 Петр Николаевич (1864—1931), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича старшего, генерал-инспектор по инженерной части, член Совета Главного управления Государственного коннозаводства.

42 Анастасия Николаевна (1867—1935), княжна Черногорская (Петрович-Негош), замужем за Николаем Николаевичем младшим с 1907 г., первый муж — герцог Георгий Максимилианович Лейхтенбергский.

43 Басов Алексей Александрович (1878— ?), окончил Московский Кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. В Корпусе жандармов с 1910 г. До 1915 г. адъютант в Петербургском губернском жандармском управлении.

44 Коковцев Владимир Николаевич (1853—1943), граф, действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор, член Государственного Совета, министр финансов (1904—1914). В эмиграции с 1917 г.

45 Трепов Александр Федорович (1862—1928), статс-секретарь, член Государственного Совета, управляющий министерством путей сообщения (1915—1916), председатель Совета Министров (ноябрь-декабрь 1916). В эмиграции.

46 Шавельский Георгий Иванович (1871—1951), протопресвитер военного и морского духовенства (с 1911), протопресвитер Добровольческой армии (1918—1920), доцент богословского факультета Софийского университета с 1924 г.

47 Борис Владимирович (1877—1943), великий князь, внук императора Александра II. Окончил Николаевское кавалерийское училище, участник русско-японской и первой мировой войн, генерал-майор Свиты, командир лейб-гвардии Атаманского полка, служил по Донскому казачьему войску, походный атаман при Его Императорском Величестве.

48 Богаевский Африкан Петрович (1872—1934), генерал-лейтенант, Донской атаман. В годы гражданской войны в Добровольческой армии. Эмигрировал в 1920 г. в Югославию, затем переехал в Париж. Участвовал в издании журналов: “Казачьи Думы”, “Вестник казачьего союза”, “Родимый край”. Писал под псевдонимом Эльмут.

49 Андрей Владимирович (1879—1956), великий князь, внук императора Александра II. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Александровскую военно-юридическую академию, генерал-майор Свиты, сенатор, командир лейб-гвардии Конной артиллерии. В эмиграции —

генерал-майор Свиты, сенатор, командир лейб-гвардии Конной артиллерии. В эмиграции — председатель “Совещания по вопросам об устроении Императорской России” при великом князе Кирилле Владимировиче, председатель Русского историко-генеалогического общества во Франции.

50 Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925), князь, политический деятель, примыкал к кадетам, в 1886—1893 гг. служил в министерстве внутренних дел, в 1902—1905 гг. председатель Тульской земской управы, участник земских съездов 1904—1905 гг. Депутат первой Государственной Думы. В период первой мировой войны председатель Всероссийского земского союза. После февральской революции — глава двух первых кабинетов Временного правительства. После октября 1917 г. эмигрировал во Францию.

Публикация М. В. СИДОРОВОЙ

Туркестанские письма Н. Ф. Петровского

Бухерт В. Г. Вступительная статья: Туркестанские письма Н. Ф. Петровского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 450—453. — [Т. XII].

Имя русского дипломата Николая Федоровича Петровского (1837—1908) вошло в историю отечественного востоковедения. Используя свое положение представителя России в Западном и Восточном Туркестане, Петровский способствовал развертыванию здесь научных археологических и археографических изысканий и, главное, чего ему удалось достичь — укрепление позиций России в этом сложном регионе.

Петровский поначалу и не помышлял о службе на дипломатическом поприще. Избрав профессию военного, он, после обучения во 2-м Московском кадетском корпусе, преподавал в 1859—1861 гг. в Александровском сиротском кадетском корпусе, выйдя затем в отставку “по домашним обстоятельствам”. 16 июля 1862 г. отставной штабс-капитан Петровский оказался узником Петропавловской крепости по обвинению в связях с “лондонскими пропагандистами” (“процесс 32-х”). В Алексеевском равелине Петровский пробыл до 9 декабря 1863 г.*, а затем был выпущен на поруки своего друга, земского деятеля Дмитрия Дмитриевича Дашкова (1831—1901). Приговор (год тюремного заключения) был вынесен Петровскому 30 марта 1865 г., пребывание под арестом во время следствия было зачтено ему как наказание. 28 мая 1865 г. Петровский женился на Софье Алексеевне Сахновской и в том же году поступил на службу в Государственный контроль. В 1870 г. он был назначен агентом Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве и отправился в Ташкент. Главной его обязанностью являлся сбор сведений о состоянии торговли и промышленности в этом отдаленном крае. Обосновавшись в Ташкенте, Петровский включился в научную деятельность, участвовал в создании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Среднеазиатского ученого общества**, а впоследствии и Туркестанского кружка любителей археологии.

Тем временем восстание мусульман Восточного (Китайского) Туркестана продолжалось. 1 октября 1871 г. военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский представил туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману докладную записку “об экспедиции в Кашгар”*** для защиты Семиреченской области, “южные границы которой никогда не будут спокойны, пока Кашгаром будет править Якуб-бек”. Целью экспедиции, направленной “лишь против личности Якуб-бека”, являлась его замена на правителя, который будет “обязан” России и будет “дорожить дружбой” с ней, после чего русские войска “немедленно” вернутся обратно.

Поход на Кашгар Колпаковский предлагал осуществить в мае — июле 1872 г. В марте 1872 г. последовал приказ Кауфмана сосредоточить войска в стратегически важных пунктах Семиреченской области на границе с Китаем*, однако на Кашгар русские войска не двинулись.

В том же году Петровский предпринял поездку в тогда еще малодоступное Бухарское ханство и опубликовал описание своего путешествия (“Вестник Европы”. 1873. Т. II. Кн. 3. С. 209—248). В январе 1874 г. он, находясь тогда в отпуске в С.-Петербурге, решил вернуться в Ташкент через Индию, Афганистан и Бухару, с тем, чтобы собрать сведения “об условиях индо-бухарской торговли” и даже заручился согласием на это министра иностранных дел А. М. Горчакова**, но поездка эта так и не состоялась.

В октябре-декабре 1878 г. Петровский побывал в Тифлисе, Батуме, Поти и Карсе в связи с данным ему поручением исследовать положение русской торговли в Закавказском крае, Персии и в отвоеванных у Турции областях, а в 1880 г. его командируют в распоряжение сенатора И. И. Шамшина для ревизии Саратовской и Самарской губерний.

Переходу Петровского на дипломатическую службу предшествовало важное событие в истории русско-китайских отношений — подписание 12 февраля 1881 г. Петербургского договора, которым, в частности, подтверждалось право России на открытие в ряде китайских городов (Или, Тарбагатае, Кашгаре, Урге, Сучжоу и Турфане) консульств. Это право Россия уже имела. По Пекинскому дополнительному договору от 2 ноября 1860 г. Россия могла открыть, “в виде опыта”, торговлю в Кашгаре (Восточный Туркестан) и направить туда консула, однако вначале предстояло овладеть принадлежавшей Кокандскому ханству долиной реки Нарын, кроме того восстание мусульман против китайского владычества превратило Восточный Туркестан в район боевых действий.

1 июня 1882 г. Петровский был назначен, по его просьбе, на должность кашгарского консула. Побывав (в ноябре 1882 г.) в Кашгаре с ознакомительной поездкой, Петровский вернулся в Ташкент, чтобы принять участие в ревизии Туркестанского генерал-губернаторства, затеянной вновь назначенным генерал-губернатором М. Г. Черняевым. Руководившему ревизией тайному советнику Ф. К. Гирсу (брату министра иностранных дел) было поручено составить проект положения об управлении Туркестанским краем.

Недовольство положением дел в туркестанской администрации было одной из причин, побудивших Петровского расстаться с Ташкентом. Не замыкаясь в формальном исполнении своих обязанностей в Кашгаре, Петровский стремился больше узнать о прошлом страны, в которой оказался. Ему удалось добыть рукопись сочинения Мухам-меда-Садыка Кашгари “Тазкира и ходжаган” (“История династии ходжей в Восточном Туркестане”), доселе известную русским востоковедам лишь в отрывках. Петровский намеревался перевести рукопись и напечатать ее, снабдив примечаниями*.

В 1891 г., по предложению С. Ф. Ольденбурга, Восточное отделение Имп. Русского археологического общества запросило Петровского о наличии буддистских памятников в Кашгаре и поставило вопрос о научной экспедиции в Центральную Азию, идею которой русский консул “горячо поддержал”. В 1892—1893 гг. Петровский переслал Ольденбургу свыше 100 листов и фрагментов рукописей, приобретенных у местных жителей в Куче, Курле и Аксу.

Дипломатической службе в Восточном Туркестане Петровский отдал около двадцати лет своей жизни. Посетившие Кашгар иностранные путешественники отмечали “всемогущее влияние” на местные власти русского консула**, казавшегося подлинным властителем Кашгарии, “кашгарским падишахом”. Близость Кашгара к Памиру, оказавшемуся в 80—90-е годы XIX в. объектом притязаний ряда государств (России, Англии, Китая и Афганистана), а также к княжествам северной Индии, побуждала Петровского, наряду с защитой торговых интересов России в Восточном Туркестане, уделять внимание и политическим вопросам. С некоторыми донесениями кашгарского консула знакомился сам император Александр III. Россия обозначила

свои притязания на Памир высылкой в этот край в течение 1891 и 1892 гг. отрядов под командованием полковника М. Е. Ионова.

Между тем статус русского консульства в Кашгаре изменился в связи с значительно возросшими масштабами его деятельности. В 1895 г. консульство было преобразовано в генеральное.

В августе 1903 г. Петровский, завершив службу, покинул Кашгар и обосновался с семьей в Ташкенте. На его место предполагалось назначить Б. Л. Громбчевского, но тот отказался и консулом был назначен С. А. Колоколов.

В 1905 г. Петровский передал собранную им в Восточном Туркестане коллекцию рукописей в дар Русскому комитету для изучения Средней Азии, впоследствии она поступила в Азиатский музей Петербургской Академии наук. Библиотека Петровского, состоящая из 1500 названий книг на русском и европейских языках, была в 1909 г. приобретена у его вдовы для ташкентской Туркестанской публичной библиотеки*.

Воспользовавшись отъездом из Кашгара Петровского, английское правительство попыталось добиться от китайцев признания за находившимся в Кашгаре Д. Маккартнеем статуса консула, но те отказались это делать вплоть до августа 1908 г.**, а в октябре того же года в городах Восточного Туркестана разнесся слух, что скоро в Кашгар прибудет “дженераль консул” Н. Ф. Петровский***, но вернуться в Кашгар ему было не суждено. 19 ноября 1908 г. он скоропостижно скончался в Ташкенте, где и был похоронен. Последние месяцы своей жизни Петровский был занят переводом сказания о Якуб-беке****.

В публикации представлены письма Петровского, написанные из Западного (Русского) Туркестана директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Петру Николаевичу Стремоухову (1823—1885), и из Восточного (Китайского) — директору Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел барону Федору Романовичу Остен-Сакену (1832—1916). В качестве иллюстраций использованы рисунки художника Дмитрия Васильевича Вележева (1841—1867) к книге П. И. Пашино “Туркестанский край в 1866 году” СПб., 1868.

Письма хранятся: П. Н. Стремоухову — АВПРИ. Ф. 161. Разряд IV-2. Оп. 119. 1870—1874 гг. Д. 4. (1—3 п. — Л. 43—54 об., 4—6 п. — Л. 112—119 об. Автограф);

Ф. Р. Остен-Сакену — РГАДА. Ф. 1385. Оп. I. Д. 466. (7—11 п. — Л. 215—230 об.; 12—19 п. — Л. 233—251 об.; 20—36 п. — Л. 269—310 об.; 37 п. — Л. 313—314 об.; 38—41 п. — Л. 318—322 об.; 42 п. — Л. 329—330 об.; 43 п. — Л. 337—338 об.; 44—46 п. — Л. 342—345 об.; 47 п. — Л. 350—351. Автограф).

Петровский Н. Ф. Письмо Стремоухову П. Н., 11 февраля 1871 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 453—455. — [Т. XII].

1

Ташкент. 11 февраля 1871 г.

Милостивый государь Петр Николаевич.

При последнем свидании моем с Вашим превосходительством перед моим отъездом в Ташкент Вам угодно было выразить мне желание, чтобы, по временам, я сообщал Вам сведения о нашей торговле в Средней Азии и о ходе моих занятий по изучению производительности Туркестанского края.

Желание Вашего превосходительства не было мною до сего времени исполнено потому, что с самого приезда моего в Ташкент я занимался только собиранием нужного мне материала и

самого приезда моего в Ташкент я занимался только собиранием нужного мне материала и ознакомлением, в общим чертах, с предстоящею моему изучению почвою. Рассказом об этом занятии я не хотел утруждать Вашего внимания, тем более, что собирание материала давалось мне вначале очень трудно по незнанию и языка и по разным другим причинам. Кроме всего этого новость впечатлений невиданной еще мною и весьма своеобразной азиатской жизни долго застилала мне глаза. В одном трудно было отрешиться от заранее предвзятых идей, в другом — ориентироваться на новой почве. Да и теперь, после продолжительных поездок по краю, я не могу — откровенно говоря — вполне положиться на свои мнения. Пусть это коротенькое предисловие послужит мне извинением, если Ваше превосходительство, знакомый с азиатской жизнью лучше меня, найдет в моем письме какие-либо промахи и неверности.

Начну с пути, который мне показался вовсе не таким страшным, как его обыкновенно описывают. Безлюдные, безводные и песчаные пустыни умалились до весьма обыкновенных почтовых перегонов с не совсем вкусной водой и местами очень неудобной дорогой. Но две тысячи верст по ненаселенной почти степи — это еще слава Богу. Впрочем, надо прибавить, что я ехал в хорошее время года и (как говорят) особенно удачно. Теперь путь, по слухам, совсем невыносим, особенно в наших пределах, где довольно часто от Чимкента до Ташкента (150 в.) едут шесть суток. Все-таки, как бы то ни было, оренбургский путь или (как его здесь называют) орско-казалинский, имеет за собою многие, существенные преимущества пред всеми другими путями. О них уже много было писано и они, по моему мнению, очень верны. Если бы туркестанской администрации удалось соединить путь почтовый с путем товарным, т. е. устроить при станциях маленькие караваны для склада товаров и отдыха верблюдов (для чего станции нужно расположить на равных расстояниях) — то торговля наша много бы от этого выиграла.

Вообще говоря, вопрос об устройстве путей сообщения, один из самых важнейших вопросов, не был до сего времени, как мне кажется, достаточно обсужден и оставался в ряду мероприятий туркестанской администрации несколько на заднем плане. На бывшем у нас здесь коммерческом съезде вопрос этот возбуждался торговыми лицами, но опять дело вышло как-то не совсем удачно: мнения разделились, записка, поданная купцом Кузнецовым о проложении нового пути на Акмоллы, остается без движения. Весьма вероятно, что путь оренбургский придется устроить самой администрации, но это потребует очень большой суммы и очень большого уменья.

Несмотря, однако же, на это существенное неудобство торговля наша в Средней Азии, за исключением чайной, значительно развивается. В начале сюда навезено было весьма значительное количество товаров, которое, хотя и неблагоприятно отозвалось на выгоды здешних купцов, но, как я думаю, задушила здесь зародыши английской торговли. Английских произведений, за исключением кисеи (которую употребляют на чалмы — салля) — здесь почти не встречается. Редко, редко, как исключение, забежит на базар несколько кусков ситцу или миткаля, которые, кроме того, и продаются здесь нисколько не дешевле русских. Кисеи английской встречается на базаре очень много и по весьма дешевой цене; здесь ее зовут дока. Вытеснить эту, весьма важную статью торговли нам едва ли удастся: русская кисея гораздо хуже и дороже, а между тем ношение чалм есть не только религиозная потребность, но и своего рода франтовство. Подарок чалмы считается богоугодным делом.

Как утешительна, с точки зрения русских интересов мануфактурная торговля, так печальна чайная. Индийский чай идет к нам (контрабандно) в громаднейшем количестве; предотвратить контрабанду почти невозможно. Я приведу Вашему превосходительству один пример, который самым осязательным образом (цифрами) подтвердит мое мнение. В Самаркандский отдел привезено было из Бухары в 9-ть месяцев прошлого года И 670 ф(унтов) индийского чая, оплаченного зякетом и пошлиной. Если 11 670 разделить на 200 т(ысяч); т. е. на число жителей Самаркандского отдела (без Катта-Курганского; там свой зякет-сарай), то получим, что каждый житель в 9 месяцев выпил легально только 0,05 ф. чая, т. е. менее одного чайника; значит все остальное количество (по меньшей мере 1/2 ф. в м(есяц) он допил нелегально, покупая чай контрабандный. Следовательно мы потеряли 100 т(ысяч) р. зякетного сбора.

О промышленности Туркестанского края, главным образом о шелке, я сообщу Вашему

превосходительству в следующий раз; теперь же прибавлю, что по этому предмету у меня собраны уже весьма порядочные сведения.

В заключение я представлю Вашему превосходительству еще одно сведение, которое, как мне кажется, должно обратить на себя особенное внимание.

Трехнедельное пребывание мое в Самарканде, где я жил у источника всех торговых сведений — в зякет-сарае, окончательно укрепило меня в том убеждении, что центром как русской среднеазиатской торговли, так и вообще торговли в Средней Азии, должна считаться Бухара, а не Ташкент. В этом отношении особенно замечательно то обстоятельство, что почти все русские товары, привозимые на самаркандский базар из Бухары (до игральных карт включительно), продаются не только дешевле тех же товаров, привезенных русскими купцами в Ташкент, но — что особенно поразительно, цены некоторых из этих товаров бывают даже ниже цен оренбургских, т. е. на первый взгляд кажется, что товары это продаются бухарцами как бы в убыток. Между тем, на самом деле, явление это вполне объясняется именно тем, что бухарский рынок есть центр среднеазиатской торговли, который, не имея серьезных конкурентов в торговле сырьем, может всегда, так сказать, безнаказанно восполнить означенную разницу цен на русские мануфактурные товары повышением цен на свои продукты. Таким образом, купленный в Оренбурге ситец 15 к. аршин, продается в Бухаре и Самарканде за 12 к., но это не убыток, ибо разница (3 к.) и расхода на фрахт накладываются бухарцами на цену своего хлопка.

Явление это, по моему мнению, чрезвычайно важно. Оно поведет к тому, что вся розничная, и, пожалуй, оптовая торговля русскими товарами перейдет к сартам. Я не могу сказать теперь — будет ли это хорошо, но я почти убежден, что это так будет.

Письмо это передаст Вашему превосходительству мой хороший знакомый Ник(олай) Дмитр(иевич) Флавицкий, отправляющийся в Петербург с целью образовать кампанию для устройства в Ташкенте хлопчато-бумажной мануфактуры.

Приношу Вашему превосходительству мою глубокую благодарность за память обо мне: я получил Ваши поклоны от Трубчанинова и К. В. Струве1, с которым мы очень сошлись и живем рука об руку.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Стремоухову П. Н., 24 февраля 1871 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 456—458. — [Т. XII].

2

Ташкент. 24 февраля 1871 г.

Милостивый государь Петр Николаевич

В прошлом письме, посланным к Вашему превосходительству с г. Флавицким, я имел честь сообщить Вам, в общих чертах, некоторые сведения о путях сообщения и положения нашей торговли в Туркестанском крае. В настоящем письме, которое передаст Вашему превосходительству мой хороший знакомый подп(олковник) Генер(ального) штаба Ник(олай) Вас(ильевич) Соболев, я представляю Вам несколько данных о шелковой промышленности Туркестанского края и Зеравшанского округа. При этом я считаю нужным оговориться, что я сообщаю Вашему превосходительству пока самые общие сведения, имеющие интерес разве только потому, что они собраны непосредственным наблюдением у самого источника;

только потому, что они собраны непосредственным наблюдением, у самого источника, подробные записки по всем этим предметам я буду иметь честь представить Вам впоследствии, когда я придам собранному и выверенному мною материалу более стройную форму2.

В настоящее время весь вопрос о шелковой промышленности вертится на вопросе о вывозе грены3. Вот что писал я недавно по этому поводу в Д(епартамен)т торговли и мануфактур.

Шелководство Туркестанского края, несмотря на обилие в нем тутовых деревьев, счититает свою историю, вопреки установившемуся мнению о его незапамятной древности, только еще десятками лет. По взятии в 1782 г. бухарским ханом Шамуратом4 города Мерва, все жители его, исконные шелководы, переселены были в окрестности Бухары и Хатырчи5 и, ради их искусства, избавлены были просвещенным ханом от многих повинностей. Оседлость близ Самарканда мервцы приобрели при предшественнике настоящего эмира, его отце Насруллехане6, который поселил их в кишлаке (деревня, собственно зимовка — кыш — зима) Богу-Шамалле около Самарканда. С тех пор искусство шелководства начало развиваться очень быстро и в настоящее время выводка червей, продажа коконов и размотка шелка составляет главнейшее занятие многих тюменей Самаркандского отдела. Недостаток данных не позволяет мне решить откуда и когда появилось это искусство в Коканде и Ходжентском районе Туркестанского края, т. е. шло ли оно с запада от Бухары или распространялось с востока от Китая, но во всяком случае недавнее водворение его в Туркестанском крае и Зеравшанском округе не подлежит, по моему мнению, никакому сомнению

Этим обстоятельством, т. е. новизною дела, объясняются, между прочим, и многие стороны

настоящего положения этой промышленности. Кроме малого уменья туземцев в выводке червей шелкопрядов, отсутствия надлежащей сортировки коконов и грубых приемов размотки шелка, шелковая промышленность в Туркестанском крае, в целом ее объеме, не может считаться, по моему мнению, достаточно окрепшею и вполне установившегося. Туземный шелковод, не имея определенных плантаций, на которые он затрачивал бы капитал, и занимаясь шелководством, так сказать исподволь, при другом хозяйстве, вовсе не настолько заинтересован им, чтобы считать себя от него зависимым. (Собственно говоря, шелковое хозяйство есть почти исключительная принадлежность женщин. В доходы от этого хозяйства мужчины редко вмешиваются. В этом обстоятельстве лежит, между прочим, и причина трудности собирания сведений о шелковой промышленности, так как расспросы от женщин невозможны). Поэтому если шелковое хозяйство не идет успешно, то оно также легко бросается, как было начато, ибо от прекращения его почти ничего не теряется. Таким образом, прекратилась разводка шелковичных червей от верховьев Зеравшана до самого Пенджикента, где, как мне сказывали, еще в прошлом году занимались им с успехом. (Впрочем, прекращение это могло произойти и от болезни шелковичного червя, о которой мне говорили в Пенджикенте, но такие лица, на слова которых я не могу положиться. Шелководы же тамошние (пять лиц) были в это время в отсутствии). Хотя подобный характер подвижности имеют, сколько я заметил, почти все отрасли здешней промышленности, находящейся в самом патриархальном положении, но так как ни одна из них не имеет такого важного значения, какое представляет собою промышленность шелковая, то, конечно, что усилия правительства, затратившего на Туркестанский край весьма значительные суммы, должны быть направлены прежде и скорее всего на развитие этой последней промышленности, имеющей при том все данные для самой блестящей будущности. Дать же шелковой промышленности надлежащую устойчивость и правильное развитие можно, по моему мнению, только путем ограждения ее от всякого вмешательства торговцев греной, нарушающих, значительным и всегда неравномерным спросом грены естественное соответствие между количеством добываемых в краю коконов и размерами шелкомотальных заведений, и препятствующих, вследствие сего, правильному и прогрессивному ходу этой промышленности.

При совершенной неспособности или, лучше сказать, по неразвитию азиатцев к широкому пониманию торговых целей, при их мелком торгашестве и беганьи за ближайшими и большими барышами, всякий приезд сюда какого-либо нового лица с коммерческою целью, а тем более иностранца, менее им известного и, следовательно, более заманчивого, всегда вызывает такую

иностранца, менее им известного и, следовательно, более заманчивого, всегда вызывает такую горячку в торговле спрошенным товаром, что все другие отрасли производительности известной местности приносятся в жертву этой, так сказать, привилегированной отрасли. Например требование в 1868 г. дубильного корня (тарана) для фабрики Хлудова лишило несколько деревень самого необходимого, ибо жители их, услышав спрос на новый продукт и высокую за него цену, буквально бросили пахать свои поля и занялись добыванием этого корня до излишества. То же повторилось и с греной: разрешение вывозить яички шелков(ичных) червей и приезд сюда для этой цели нескольких иностранцев привело к вздорожанию коконов и закрытию многих шелкомотальных заведений. Ввиду всего вышеизложенного допущение торговли греной отзовется на шелковой промышленности Туркестанского края значительным сокращением шелкомотания, причем масса лиц останется на долгое время без всякого занятия. Конечно такие лица, несколько обедневшие, не будут в Средней Азии пролетариями и обратятся к другим промыслам, может быть менее прибыльным, но важно то, что целая отрасль промышленности, могущая в недалеком будущем снабжать наши шелковые мануфактуры огромным количество сырья, будет потрясена в своих основаниях ради временного обогащения нескольких десятков лиц, преимущественно иностранцев.

Заканчивая мое письмо к Вашему превосходительству, я вспоминаю, что обязан написать Вам еще многое: о ярмарке, коммерческом съезде, некоторых предположениях администрации об устройстве здесь фермы, конского завода и многого другого. Позвольте это оставить до следующего раза.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего

превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

P. S. Н. В. Соболев, взявшийся передать это письмо, может сообщить Вашему превосходительству многое о здешнем быте, он был долгое время уездным начальником и с особенною любовью занимался своим уездом.

Петровский Н. Ф. Письмо Стремоухову П. Н., 19 мая 1871 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 458—459. — [Т. XII].

3

Ташкент. 19 Мая 1871 г.

Милостивый государь Петр Николаевич.

Всякий раз мне приходится сообщать Вашему превосходительству не особенно приятные сведения по предмету моих занятий в Туркестанском крае. И в настоящем письме будет тоже. Как хороша наша здесь политика (если бы еще немного умалился воинственный жар), так печально положение торговых дел. Полнейшее неустройство путей сообщения, беспрестанное колебание курса, неимение звонкой монеты, малое участие купцов в обсуждении касающихся торговли дел — все это, конечно, не осталось без влияния на положение здешней торговли. Но кроме этих, до некоторой степени внешних причин, есть еще более глубокие причины, влияние которых гораздо сильнее и решительнее. Медленное, но постоянное исчезновение отсюда русских торговцев (не русских товаров) объясняется теми способами и приемами, которые употребляют торговцы туземные. Вся масса этих торговцев составляет, в некотором роде, обширнейший торговый заговор против русского купечества, заговор, с грандиозностью которого не сравняются никакие английские strike'и*. По всей Средней Азии торговля производится туземцами сообща, более или менее значительными ассоциациями торговцев. Эти господа наперед не скажут русским, какою долею капитала они участвуют в складчине, в каких размерах

им нужен товар, сколько обменного товара они могут выставить. Все темно и неопределенно донельзя. Между тем русский торговец весь на виду, его капитал, его товары, его обороты известны как нельзя лучше. Если он заупрямится в сделке, его тотчас же прижмут; товар его (обмененный) не поспеет к ярмарке, капитал его не обернется и в два года раз. Сартам же это решительно все равно: не гоняясь за большими барышами и не имея значительных капиталов, одному лицу принадлежащих, они могут выжидать сколько угодно времени, тем более, что от торговли можно сейчас же перейти к земледелию, шелководству, даже какому-нибудь мастерству и нажить себе на пропитание маленький барышок.

Такие явления у нас встречаются сплошь да рядом. Один мой знакомый, проторговавшись, сделался кузнецом, потом маляром, теперь он выводит коконы, потому что все эти занятия просты до невероятности и почти никакого знания не требуют. Понятно, что при таких торгово-социальных обычаях, русскому торговцу вести свое дело не под силу. Приехав в край из-за тысячи верст с определенным товаром, с срочными кредитными обязательствами, с приказаниями хозяина продать товар как можно дороже, русский купец с первого же раза сталкивается с сартовским strike, жмется год-другой, смотря по капиталу, и спешит оставить край, чтобы уже более в него не возвращаться. На моих глазах закрылись уже здесь фирмы Хлудова, Емельянова, Штукен-Спис, имеют закрыться Первушина, Немчинова. Конечно на закрытие этих фирм влияли и другие причины. Но все-таки общее положение мое верно: закрылись они потому, что торговали в убыток, а торговали в убыток не потому, что товар не шел, а потому, что сарты сбивали ему цену, имея на это самое действительное средство — торговую стачку. Вышеописанное явление, конечно, не имеет вредного влияния на торговлю русскими произведениями, ибо район их потребления все более и более увеличивается; но оно

вредно в том отношении, что у нас не будет здесь русских капиталистов, а они нам здесь более чем нужны. До какой степени важность вытеснения из Средней Азии русских торговцев сознана сартами можно видеть из того, что кокандский хан, как мне известно, роздал весьма значительные суммы своим торговцам для того, чтобы они вошли в непосредственное сношение с Москвою и Нижним Новгородом и постарались вытеснить отсюда торговцев русских.

К сожалению, между нашим купечеством нет того похвального единодушия, которое существует у сартов, и поэтому надо думать, что намерения их увенчаются полным успехом. Это старая история. В Кяхте, как изволите припомнить Ваше превосходительство, наше купечество также было в руках у китайцев и за это кончило печально. Письмо это вручит Вашему превосходительству В. В. Длотовский, человек много видевший и наблюдавший в этом крае. Если Вашему превосходительству будет угодно получить от него некоторые сведения о крае и предложить ему некоторые вопросы — то он (как обещал мне) с величайшей готовностию исполнит Ваше желание.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

P. S. С К. В. Струве, который теперь в Бухаре, мы большие друзья и друг другу помогаем усердно.

P. S. Сейчас получено известие о том, что г. Колпаковский7 выступает на Кульджу. Значит мы войны все-таки дождались8. Об этих делах, а равно о последних событиях в Коканде Вашему превосходительству передаст В. В. Длотовский.

Петровский Н. Ф. Письмо Стремоухову П. Н., 16 августа 1872 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 459—462. — [Т. XII].

4

Ташкент. 16 августа 1872 г.

Милостивый государь Петр Николаевич.

Ваше превосходительство вероятно уже изволили получить копии с трех писем моих из Карши и Бухары к туркестанскому генерал-губернатору. Я знаю, что некоторые места этих писем не будут Вами одобрены как выражение слишком воинственного духа против Бухары. Если бы мне не было хорошо известно, что Ваше превосходительство горячо принимаете к сердцу дела Средней Азии и интересуетесь ими столько же в качестве директора Департамента, сколько и частного человека, избравшего себе для изучения любимый предмет, я не стал бы объяснять Вам причину перемены моих взглядов на Бухару. Теперь же я почел бы себя виноватым перед Вами, если бы не дал Вам такого объяснения.

Завоевание части Средней Азии, сделанное более или менее случайно, нашло затем себе оправдание в двух отношениях: политическом и торговом. В первом, приближая нас к английским владениям, оно давало нам возможность путем восточных отношений влиять на западные; во-втором, — оно открывало нам рынки для сбыта наших мануфактурных произведений (лично я с этим мнением не согласен; привожу его как факт). Если оба эти положения верны, то вывод из них сделать не трудно, а именно: для выполнения той и другой задачи надо иметь у себя в руках политический и торговый центр Средней Азии — Бухару. Я бы

мог представить Вашему превосходительству множество доказательств тому, что в политическом отношении Бухаре бесспорно принадлежит первое место в Средней Азии и что политические стремления бухарского правительства, с точки зрения мусульманина и эмира, никогда не сойдутся с нашими. Но я не делаю этого потому, что обсуждаемый вопрос Ваше превосходительство знаете гораздо лучше меня. Для выполнения цели моего настоящего письма мне достаточно разобрать этот вопрос с точки зрения торговой, как наиболее мне известной.

По отношению к России среднеазиатская торговля распадается на два рынка; ташкентско-кокандский и бухарско-хивинский. О Семиречьи я не говорю, потому что оно, по моему мнению, не может входит в Среднюю Азию, и даже могло бы быть отделено от Туркестанского генерал-губернаторства. Оба эти рынка имеют для нас во всех отношениях далеко не равное значение. Я скажу о них в нескольких словах. Ташкентско-кокандский рынок, тяготеющий к Сибири, Троицку и Петропавловску, будет всегда наш в силу своего географического положения, замкнутого на юге хребтом Тянь-Шаня и совершенно доступного с севера, особенно при движении товаров по прямому, кратчайшему и удобнейшем направлению через Акмоллы. Размеры этого рынка, обусловленные социальным благосостоянием небольшого Кокандского ханства, Сыр-Дарьинской областью (Зеравшанский округ тянет к Бухаре, а верхняя часть Сыр-Дарьинской области, по Дарье, к Оренбургу) и малыми потребностями киргизских степей, никогда не могут быть большими. Значит с этой стороны все будет обстоять благополучно совершенно независимо от того, будет ли Коканд русскою провинцией или владением Худояр-хана9. Поэтому же и наш Ташкент, сам ничего не производящий, останется навсегда тем, чем он в настоящее время: скупщиком и перепродавцом кокандских товаров. Большего значения он иметь не может и не будет. Даже более, я полагаю, что в недалеком будущем он уступит свое место Казале10 и останется только административным центром.

Совершенно другое дело бухарско-хивинский рынок или, точнее, Бухара. Срединный по своему географическому положению, между Афганистаном, Персиею, Россиею и нашими, вновь приобретенными азиатскими владениями, рынок этот образует собою огромный меновой двор и склад для всех произведений этих стран, и притом одинаково для всех их доступный. Такое положение дает ему, если не теперь, то в будущем, мировое значение, которое для нас, русских, может иметь (судя по настоящему положению дел) весьма печальный исход, если мы заблаговременно не отнесемся к нему разумно. Правда нашими товарами бухарский

заблаговременно не отнесемся к нему разумно. Правда нашими товарами бухарский

Ташкент. Медресе и часть базара

рынок завален с верху до низу. Но “мудрый смотрит в корень”, и я, причисляя себя в этом отношении к мудрым, сим положением дел не восхищаюсь: во-первых потому, что заваление рынка Бухары русскими товарами не нормально. Наши, ситцы продаются там так дешево, что не окупают расходов фрахта. Продажа же их выгодно идет от того, что весь убыток налагается на туземный товар, преимущественно хлопок, отправляемый в Россию. Хлопок этот не Нижегородской ярмарке, с каждым годом теряет свою цену, уступая место хлопку суратскому. Если иностранный хлопок будет одолевать (а это непременно случится), то размеры нашей мануфактурной торговли в Бухаре значительно сократятся и бухарские торговцы (русских нет) обратятся к Афганистану, куда уже пробита дорога и откуда привоз английского товара увеличивается с каждым годом (английские ситцы идут даже из Мешхеда); во-вторых потому, что бухарский рынок, несмотря на его 190 верстное расстояние от Ташкента, остается вне всякого русского влияния. Правда русские товары привозятся туда из России во множестве, но привозятся туземцами, а не русскими. Несмотря на массу мануфактурного товара, высылаемого Москвою в Бухару (до 10 фабрик), там нет ни одного приказчика, ни одного агента от московских купцов и мануфактуристов. Один Шмелев пробавляется меною самоварчиков и мелочи на каракульки, да некто Грошев заготавливает бумажный холст для туркестанских войск. Какие потребности этого рынка, что дорого, что дешево, что идет с пользой и в убыток — все это “темна вода во облацех” для московских торговцев, благо приезжают в Нижний бухарцы и покупают так называемый азиатский товар, за который, сплошь да рядом, платят 20 к. за рубль. А ведь торговля идет на миллионы. И, наконец, в третьих, потому, что соседи наши не зевают и постепенно, медленно и прочно, высылают в Бухару свои произведения с каждым годом в увеличивающемся размере. Таким образом, незаметно для нас, мы потеряли в Бухаре чайный рынок и того гляди потеряем бумажный.

Вот, Ваше превосходительство, мои доводы в пользу несколько воинственного настроения против Бухары. Если Вам угодно, я готов их развить гораздо подробнее. Впрочем, я должен сказать, что воинственное настроение это вынужденное — сознанием того принципа, что если нужно уже открывать рынки штыками, то нельзя обойти Бухары, ради опасения не быть обойденным.

С чувством глубокого почтения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Стремоухову П. Н., 20 августа 1872 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 462—463. — [Т. XII].

5

Ташкент. 20 августа 1872 г.

Милостивый государь Петр Николаевич.

Настоящее письмо вручит Вашему превосходительству К. В. Струве. Простите, что на сей раз я отступлю от своего обычного правила и буду говорить не о торговых сведениях, а о личностях; моей и Карла Васильевича. Провожая его отсюда, хотя, по всему вероятию, не надолго, я считаю для себя по многим причинам необходимым написать Вашему превосходительству несколько слов о наших отношениях. С самого приезда моего в Ташкент я сблизился с Карлом Васильевичем искренно и нелицемерно, и нашел в нем не только опытного для меня советчика, но и истинного доброжелателя и друга. Во все время нашего совместного жительства в Ташкенте

мы виделись почти каждый день и во всех, общих для нас, делах шли рука об руку, напутствуя друг друга советами, указаниями и помощью. Я глубоко и искренне благодарен Вашему превосходительству за уменье Ваше отрекомендовать меня Карлу Васильевичу и не могу не отдать ему чести за уменье понять Вашу рекомендацию. В другом случае, при массе здешних интриг, мы могли бы увлечься общим их потоком и косвенно повредить этим нашему общему делу. Теперь же мы искренно и дружески посмеиваемся над каверзами лиц, науськивавших нас друг на друга. Наконец я много одолжен К(ар)лу Васильевичу за постоянное ознакомление меня с общим ходом политических дел Средней Азии. Его сведения, мнения и взгляды по этой части уяснили мне многое в изучаемом мною предмете. Словом, знакомство с Карлом Васильевичем составило для меня солидное приобретение. Благодаря ему я мог надлежащим образом ориентироваться в месте моего служения и в моей деятельности, хотя, в сущности, очень безобидной, но для многих мало понятной. Людей, относящихся к делу не по личным отношениям, а по принципу, здесь очень мало и понять принципиальные отношения могут не многие. Поэтому и наша связь с Карлом Васильевичем казалась для многих непонятною. Меряя на свой аршин, они в подобном положении непременно подставляли бы друг другу ножки. Впрочем, все это Карл Васильевич расскажет Вам сам. Теперь позвольте мне попросится к Вам на совет.

Из моих писем генералу Кауфману11 Ваше превосходительство изволили усмотреть, что и я записался в воинственную партию — по принципу. Это, конечно, не значит, чтобы я одобрял всякое поползновение ради инсигний*, взять Бухару. Напротив того, такие бессознательные и кровавые упражнения находят во мне самого искреннего порицателя.

Может статься, что теперь, с отъездом генерал-губернатора, опять поднимутся разные воинственные слухи и будут раздуваться. Расследовать их справедливость будет в состоянии только один Карл Васильевич, как беспристрастный и стоящий у дел человек. Другие лица, и в том числе я, не будут для этого компетентны. Поэтому Карлу Васильевичу следовало бы, по моему мнению, не долго оставаться в Петербурге, а возвратиться поскорее в Ташкент. Впрочем, если бы случилось что-нибудь особенное, я тотчас же сообщу о нем Вашему превосходительству или Ник(олаю) Андр(еевичу) Ермакову12.

С чувством глубокой преданности и истинного почтения имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Стремоухову П. Н., 22 мая 1873 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 463—464. — [Т. XII].

6

Ташкент. 22 мая 1873 г.

Милостивый государь Петр Николаевич.

В то время, как мы с нетерпением ждем окончания одного политического события на нашем западе, в Хиве, другое, едва ли не более важное, подвигается к нам с востока, со стороны Кашгара. По весьма достоверным известиям, много с неделю тому назад полученным, большая китайская армия пришла под Урумчи и после небольшого сражения, вне города, с войсками Якуб-бека13, предводимыми его сыном и обратившимися в бегство, заняло Урумчи без боя. Затем китайские войска разделились: меньшая часть их отправилась по направлению к Кульдже и взяла Джинхо, а большая — овладела Турфаном и Карашаром. В главном все это совершенно верно; неверности могут быть только в подробностях. По получении этих известий до меня начали доходить слухи (базарные) об обложении Аксу и сильном смятении в Кашгаре. Говорят,

что Якуб-бек прислал Худояр-хану огромные подарки с просьбою дать ему помощь войсками. Здешние кашгарцы насмешливо говорят мне, что дело походит на то, что Якуб-бек скоро приедет к вам чай пить, позаботьтесь о его содержании. Действительно, если Аксу будет взято, Якуб-бек вряд ли станет дожидаться исхода борьбы, и по всему вероятию убежит — разумеется к нам, ибо, кроме как к нам, бежать ему некуда.

На этом остановилось пока дело. Если Вашему превосходительству будет угодно знать все подробности этих, недавних событий, то я могу их сообщить Вам в следующий раз: беглецы из под Урумчи, которых мне не удалось повидать, проехали в Коканд и скоро возвратятся. Конечно мне, по моим здешним связям, они расскажут более, чем всякому другому русскому.

О хивинских событиях14 Вашему превосходительству, вероятно, известно более, чем мне. Но так как у Вас источники официальные, а в Средней Азии полезно знать и базарные слухи, то я скажу несколько слов о последних. Все туземцы, знающие халатинскую дорогу на Уч-Учаг, весьма положительно утверждают, как и о мин-булакской дороге, с которой наш отряд свернул, не доходя Тамды, что на этой (халатинской) дороге отряд к Аму-Дарье не выйдет, ибо при огромных песках, на этой дороге на расстоянии пяти переходов нет ни одного колодца. Живущий здесь секретарь Катта-тюри бухарского15 Мирза-Юнус, говорит мне, что во время бегства их из Кермине в Хиву, они шли по этой дороге в числе 500 человек, зимой, и едва не умерли от жажды. Вчера приехавший из Бухары татарин принес известие, что русский отряд опять вблизи Бухары, если это так, то с дороги значит опять свернули. Это обстоятельство важно не по отношению к Хиве, а к Бухаре. В прошлый раз при движении из Аристан-бель-Кудука на Карагаты, в Бухаре было очень тревожно. Я знаю наверное, что жители хотели схватить эмира и

вынести его навстречу русскому отряду, если он будет двигаться к Бухаре. Кажется, что и сам эмир знал это, ибо три дня не выходил из крепости (кремля) и тщательного запирался. Если отряд действительно свернул с дороги и близко от Бухары, то г. Кауфман будет иметь удовольствие получить в подарок Музаффар-Эддина16.

На письмо Вашего превосходительства от 29 апреля о Н-е П-че я буду отвечать со следующей почтою. Пока у нас все благополучно.

С чувством глубокой преданности и искреннего уважения имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

P. S. Если китайские подробности будут нужны скоро, то прикажите мне по телеграфу доставить их Вам.

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 14 марта 1883 г. Маргелан // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 464—467. — [Т. XII].

7

Маргелан. 14 марта 1883 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Не ленность, а тем более не нежелание и не всякие другие отягощающие обстоятельства не позволяли мне до сего времени писать Вам; были тут другие причины, о которых я скажу Вам как-нибудь после. А теперь надо бы было написать Вам многое, да не знаю как это сделать.

Прежде всего — искренняя, глубокая и нелицемерная благодарность за Ваши попечения об устройстве меня в Кашгаре. Что бы ни говорили и не говорят мне и обо мне, но, право, я доволен

Кашгаром, хотя и был в нем не более месяца — и был когда? — в самые зимние месяцы, обогнув, в конце октября, Чатыр-Куль и перевалив, при сильном буране, Туругарт, а затем, в начале декабря, Терек-Даван. Это нечто такое, что не забывается во всю жизнь и чего, конечно, никогда не даст кисельная жизнь Петербурга. Затем, чувствовать себя совершенно одиноким, оторванным и отрезанным ото всего, что зовется нашей цивилизацией — очень приятно, по крайней мере на некоторое время и для меня.

Барон Ф. Р. Остен-Сакен

Я так устал в Петербурге, так расслаб душевно, что все дорожные происшествия и беспокойства, испытанные нами в степи и по пути в Кашгар — куда выше и целебнее петербургского спокойствия. Словом, я доволен вполне.

Затем я расскажу Вам о наших делах, ташкентских и кашгарских. От первых я ждал лучшего, чем оказывается на деле. Я думал, что будет если не вполне сознанная программа, то по крайней мере даровитое проникновение вещей; я ждал, что к делу отнесутся серьезнее, чем было до того, что резко повеет новым духом. Но ожидания пока не оправдываются, чтобы не сказать более. Ревизия17 застала положение дел в таком хаосе и безобразии, каких ни Вы, ни я, не видав их собственными глазами, представить не в состоянии. Последние деяния Кауфмана граничат с безумием; дальше, не попав в дом сумасшедших, идти было некуда. В день 25-ти летия покойного государя он издал здесь манифест, в котором освободил всех заключенных по приговорам судей, сократил сроки приговоренным к каторжным работам и тюрьмам и велел прекратить производство всех уголовных дел, возникших и неоконченных до этого дня. Разве это не безумный?
Мы теперь в Фергане. Здесь истрачено на поземельную организацию по забракованному Петербургом проекту более миллиона рублей; доходы после этой организации сократились на 400 т(ысяч) рублей, и — верх безобразия — население бунтует, требуя оставить их при прежнем, до организации, порядке, соглашаясь платить более. Мы имеем уже до ста просьб, в которых жители отказываются от земли, так как система нового обложения им в тягость. Клуб Нового Маргелана, в котором мне дали квартиру и где я пишу настоящее письмо, стоит 200 т(ысяч) р(ублей), мебель для дома губернатора 70 т(ысяч) р(ублей) и пр. и пр. в этом роде. Ревизовать все это, конечно, невозможно — надо целые годы, но составить обвинительный акт можно. Но и он, думаю, бесполезен.

В Кашгаре мои дела устроились хорошо. На мое счастье правитель Кашгара Чжан Лаушай, оказался весьма почтенным человеком — правда с некоторою китайской дурью, но она понемногу пройдет. С первого же раза мы с ним сошлись — так, что теперь я чиню для него в Ташкенте часы, посылаю ему цветочные семена и обмениваюсь с ним письмами, как свой человек. Помещение для меня еще не устроено, канцелярских денег крайне мало, конвой совсем недостаточный. Обо всех нуждах консульства я писал А. А. Мельникову в особом письме и буду писать новому директору Азиатского департамента18. Благодаря остатку канцелярских и конвойных сумм, которыми я никогда не пользовался, я мог устроить почту: два раза в месяц приезжают теперь мои джигиты из Кашгара в Ош и отправляются обратно. Но почта эта должна прекратиться, если денег на нее не дадут. А главное — у меня нет штатного переводчика, т. е. его совсем не назначено по штату. Я должен довольствоваться дунганином, не знающим по-русски и не знающим китайской грамоты. Хорошо, что Чжан Лаушай к письмам своим (всегда на двух языках: китайском и маньжурском) прилагает и сартовский перевод; иначе письма эти приходилось бы пересылать для перевода к Падерину19.

Положение собственно кашгарских дел малоутешительное. Страна разорена вконец: все хорошие и большие здания разрушены, население бедно до крайности, не видно лошадей, белых чалм, хорошо и пестро одетых туземцев — этих видимых признаков среднеазиатского благосостояния. Ишаки, пешие люди и домашняя ткань (а чаще рвань) — режет глаз на каждом шагу. Если кое-где и встретишь дородистую фигуру в белой изящной чалме и синем суконном халате на аргамаке, то наверное это наш купец, так называемый андижанец, т. е. житель

Ферганы. Но все-таки надо отдать честь китайцам: управляют они лучше нас. Все сколько-нибудь влиятельное мусульманство уже переоделось в китайские костюмы, навесило косы, устроило дома на китайский лад и маракует по-китайски. Мы не успели еще достигнуть ничего похожего на это в нашем Туркестане. Правда, мусульмане эти не надежны ни в ту, ни в другую сторону, но уже теперь они мусульмане наполовину, следовательно, новое их поколение станет уже совсем китайцами. Заметьте притом, что все это делается без видимого насилия со стороны китайского правительства, одним влиянием и некоторыми поощрениями. Сами китайцы населением почти не управляют: все должности административные, даже должности беков, предоставлены мусульманам. Китайцы скорее контролируют, чем управляют. Податей с кочевого населения они совсем не берут, вследствие сего наши киргизы бегут в китайское подданство. Подати с оседлого населения, денежные и натуральные, взимаются, но они не велики. Такими образом можно думать, что на этот раз китайцы утвердятся в Кашгаре прочнее, чем прежде.

Если Вас несколько интересует Кашгар, то я вышлю Вам копию с письма моего к А. А. Мельникову и буду впоследствии высылать копии и с других моих донесений.

“Негретти и Замбра” высылает мне инструменты для устройства в Кашгаре метеорологической станции.

Будьте любезны пришлите мне все инструкции Вильда20.

Мне хотелось еще посоветоваться с Вами о пограничном вопросе, т. е. о будущем разграничении. Для кашгарского консульства этот вопрос крайне важен. Я писал о нем А. А. Мельникову.

Теперешний комиссар21, председатель Ферганского областного правления, после ревизии Ферганы (между нами сказать) вряд ли останется на месте. Поэтому надо бы было заранее озаботиться делом разграничения.

Искренно преданный и глубоко уважающий

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 28 июля 1883 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 467—468. — [Т. XII].

8

Ташкент. 28 июля 1883 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Душевно благодарен Вам за Ваше письмо. Рад, что все у Вас по-прежнему. Теперь такие времена, что лучшего, что есть, желать и ожидать трудно.

Вчера я имел о Вас весть от Юнусова, который возвратился сюда с бухарцами, очарованными московскими событиями22. По поводу этих бухарцев мне сильно захотелось побеседовать с Вами. Посмотрите, что случилось. Все стремления наших политиков, как Вам известно, сводились по отношению к Бухаре, к тому, чтобы отстоять ее независимость от завоевательных вожделений здешних героев. Ради этого, конечно, дали Бухаре наследника престола, и сим самым обязались его поддерживать, т. е., сделали то, чего хотели избегнуть, именно вмешательства в дела Бухары, развязали руки героям. Вы знаете, что старший сын эмира, Катта-тюря, живет в Пешаваре, получая от англичан хорошее содержание. Партия у него в Бухаре большая, англичане ему помогут несомненно, и, как только эмир умрет, в Бухаре начнется катавасия — такая же, как была в Коканде. А затем повторится то же, что было там. Вот Вам и дальновидные политические соображения.

Ревизия почти окончила свои дела и скоро отправляется в Петербург, а я — в Кашгарию. Скажу Вам откровенно, что многое сделано не так, как бы мне хотелось, но все-таки, кое-что сделано. Принципал наш23 — человек хороший. Если его немного держать в руках. Говорил он мне как-то о Вас с большим уважением и жалел, что Вас мало слушает тот, кому следует слушать. Причина холодности будто бы Игнатьев24 и Мельников. Правда ли это — не знаю, но для сведения сообщаю.

Принципал края25 дурит из рук вон. Все надежды на него у меня пропали. Не стоит писать о всем том, что тут наделано им в короткое время пребывания, но нужно заметить, что если он удержится, предместник его останется далеко позади. Там была всяческая ограниченность и безграничная самоуверенность, здесь — сумбур, в котором ничего не отыщешь.

Меня интересует теперь, впрочем, не Туркестан, а Кашгар, куда я с удовольствием уеду. Чем дальше от этой цивилизации, тем лучше.

Не знаете ли Вы какого-либо капитального сочинения о несторианах, долго пребывавших, как известно, между прочим, в Кашгаре. Желалось бы мне попытать, нет ли там каких-либо остатков несторианства. Если знаете — будьте любезны сообщите название.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 31 января 1884 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 468—471. — [Т. XII].

9

Кашгар. 31 января 1884 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Давно я уже не имел от Вас ни одной весточки, да и сам давно не писал к Вам. Не будут говорить о нашей ревизии, ни о чем прочем, туркестанском, а только о Кашгаре, в котором я теперь нахожусь и которым исключительно занимаюсь.

Нынешний мой путь сюда был страшно трудный даже для меня, старого туркестанца. Рассказывать о нем не буду: для Вас достаточно сказать, что я перешел Терек-Даван 26 декабря при страшном буране, разгребая дорогу, саморучно, лопатой. Впрочем, об этом переходе Вы прочтете в моей статейке, которую я думаю напечатать. Но и прибытие в Кашгар меня не порадовало. Вы, вероятно, не знаете, что с февраля прошлого года Министерство ничего, в сущности, мне не ответило насчет постройки зданий для консульства. В Новом Городе (Янги-Шаре), среди казарм китайских солдат, отстоящем от Старого Города (Куня-Шара) на 8 верст, останавливаться и жить было бессмысленно, несмотря на любезность китайцев, предлагавших в мое распоряжение одну из этих казарм: в Новом Городе, кроме солдат никого нет, в Старом — сосредотачиваются все дела и торговля. Я решил поселиться в Старом во что бы то ни стало. Вам опять незачем подробно рассказывать, что такое лучший вне города дом, который я занимаю теперь. Довольно сказать, что это развалина мусульманского здания, кое-как мною исправленная, т. е. поставлены две железных печи, старых, которые дымят, заклеены окна бумагой, на земляной пол положены циновки и пр. Грязно, дымно, холодно, а подчас и голодно, потому что кухня (очаг) на дворе, на открытом воздухе. Прислуга живет в юртах (у нас только три комнаты — канцелярия, моя и приемная — сарай), а конвой — в конюшне или, вернее, под навесом для лошадей. На первый раз, вопреки ожиданиям, явилось много дел и важных и меленьких. О важных Вам нужно знать в подробности, и потому вперед прошу извинения за причиняемое

важных Вам нужно знать в подробности, и потому вперед прошу извинения за причиняемое утомление.

Редакторы Петербургского договора, да будет над ними благословение Божие, наделали много мне хлопот, и что из этих хлопот произойдет — одному Богу известно.

Вы знаете, что по занятии китайцами В(осточного) Туркестана масса разного народа, преимущественно служилого сословия, бежало в наши пределы и там поселилось. С другой стороны, в В(осточном) Туркестане живет масса лиц, считающих себя так называемыми андижанцами. Над этими андижанцами

кокандские ханы ставили аксакала26, который собирал с андижанцев все подати и отсылал их хану. Было так сказать государство в государстве. Кашгар в Договоре забыт: на каком положении считать кашгарцев, живущих у нас, и андижанцев — здесь, ничего не сказано, а между тем установлено, что беглецов следует выдавать. Возможно ли теперь выдавать кашгарцев, кто из андижанцев должен быть признан за русского подданного, по каким признакам, в какой срок должны они заявить о том — в договоре ни строчки. А между тем дело принимает такой оборот: половина Яркенда, три четверти Кашгара, целые кишлаки, воображая, что я приехал сюда на правах бывшего кокандского аксакала, желают заявить себя русскими подданными, т. е. чтобы избавиться от китайских поборов. Всеми моими силами я пытаюсь отклонять все такие заявления, хотя с исключительно законной точки зрения не имею ни малейшего права отказывать в принятии просьб о желании быть русскими подданными. Теперь я

это делаю, но рано или поздно мне нужно будет иметь положительные мотивы к таким отказам, иначе меня, слугу Белого Царя, могут заподозрить в пристрастии к китайцам — в том, что я ими подкуплен, и потому незаконно и самопроизвольно, вопреки желанию Белого Царя, отказываюсь принимать просьбы от лиц, просящих милости быть его подданными. Такое положение нежелательно вообще, а для кашгарского консула в особенности.

Население В(осточного) Туркестана мусульманское, наши подданные, купцы, мусульмане также. Все управление, все дела и отношения, несмотря на китайское владычество, вращаются в сфере мусульманства, которое и дает здесь общий тон жизни. Поэтому пренебрегать здешнюю главною силою — именно мусульманством — невозможно и не политично. Что же мне делать, спрашиваю в центре. Ответа нет. Далее, андижанцы, приезжающие в Кашгар, женятся, а потом, весьма часто, дав женам развод (а то и без развода), уезжают обратно, об этих женах забывая. По нашим законам такие жены и их дети несомненно русские подданные. Теперь я осажден просьбами кашгарских дам, желающих отправиться в русские владения или к своим, якобы, мужьям, или потому, что они стали русскими подданными. Какой-то татарин, как оказывается, растолковал им их права. Не шутя, боюсь, чтобы не возник, так сказать, мирный бабий бунт против китайцев. В этом случае также я не имею права отказывать этим женщинам в выдаче пропускного на отъезд билета, а вместе с тем знаю, что если я дам хотя один такой билет, то рассорюсь вконец с китайцами. Как же поступать — указаний нет. Наконец, уже без моей просьбы, мне прислали недавно протокол особого совещания о положении киргиз и мусульманских выходцев на нашей границе (удивляются, что ни Вы, ни Мартенс27 в этом совещании не участвовали). В протоколе этом, между прочим, рекомендуется нам, консулам, руководствоваться в своей юрисдикции главным образом местными обычаями, и находится следующая знаменитая фраза: “В З(ападном) Китае не следовало бы препятствовать русским подданным оканчивать с китайскими подданными все гражданские и уголовные дела миролюбиво”. Что это такое? Русский пьяный приказчик убьет китайца и, дав взятку амбаню, окончит дело миром; наши киргизы, чирики, известные барантачи, ограбят караван кашгарских купцов и половиною ограбленного вознаградят того же амбаня за мировую сделку; у нашего андижанца (многие из них имеют дома, земли, мельницы) кашгарец отнимет недвижимую собственность и, под угрозами оклеветать его в неблагонадежности, заставит миролюбиво от нее отказаться.

Затем, в юрисдикции следует руководствоваться местными обычаями. Лучше уже сказали бы: своим собственным соображением консула; тогда я бы знал, что мне делать, а теперь становлюсь в тупик. Здесь может тягаться: русский с китайцем, наш сарт (шариат) с китайцем, наш киргиз (адат) с китайцем, наш татарин (ни шариат, ни адат, а русский закон) с китайцем; наши: сарт (шариат), киргиз (адат), татарин и русский между собою; наконец, могут тягаться наши подданные вообще с подданными китайскими вообще. В этом случае, по договору, споры разбираются консулом с китайскими властями совместно. Чем, какими обычаями прикажете мне руководствоваться? Но особенно мило: это не препятствовать оканчивать гражданские дела миролюбиво. Еще бы, заставлять ссориться. Скажите мне, Федор Романович, что же это, в самом деле, такое?

Здесь я устроил дело по своему: своих и чужих мусульман я посылаю прямо к казням, благо китайцы не препятствуют. Казиял я сказал, что если они будут кривить душою в пользу кашгарцев — я назначу андижанцам особого, своего, казия. Дела наших подданных гораздо крупнее, поэтому казии, боясь потерять доходы за приложение печатей и выдачу документов, ведут дела отлично, решают быстро (в месяц дел двадцать решено в тот же день, как я послал к ним тяжебщиков). Споры татар и сартов решаю сам, по собственному разумению (до сего времени было четыре дела; все окончил миром). Дел с китайцами еще не было. Это самая трудная часть.

С китайцами живу пока мирно, даже более — почти дружно, но надо держать с ними ухо (в)остро. Недавно, под предлогом успокоения меня от множества дел и, так сказать, для сохранения здоровья друга, мне предложили место для консульства за пять верст от города. Я притворился несказанно обрадованным; тогда они опешили и сказали, что, впрочем, я могу выбрать себе какое угодно место: всякое мне дадут с удовольствием. Место, разумеется, нужно для консульства возле города. То, в котором я теперь пребываю — нашего подданного, само по себе удобное; но его нужно купить (ничтожная сумма), а между тем Министерство не соглашается. Кашгар — город мертвых: здесь более могил, чем домов, и мертвых, чем живых. Поместиться поэтому, по возможности вдали от кладбища, безусловно необходимо. Другого места, кроме этого, где теперь живу, я не знаю. Неужели Министерство не даст на покупку 1000 и пожалуй еще меньше (я не торговался) рублей?

После известного распоряжения об авторстве чиновников я опасаюсь писать статьи в газеты и журналы, не спросив разрешения начальства. Я написал здесь две статейки: “из Кашгара” (пустенькую28) и о Шугнане29 (ничего-таки — по сведениям, которые собирал для Министерства). Первую статью посылаю Д. Ф. Кобеко30 теперь, а вторую — пришлю с следующей оказией. Прошу его спросить у Зиновьева, разрешат ли мне печататься. Хотел бы просить об этом Вас, да затруднился: в Петербурге ли Вы и удобно ли Вам будет исполнить мою просьбу. Впрочем, как знаете, Д(митрий) Ф(омич), вероятно, покажет Вам мое письмо. О Шугнане хорошо бы напечатать во франц(узской) нашей газете.

Пожалуйста, хотя изредка перекидывайтесь со мной весточкой. Вы сами знаете, что Вы единственный в Петербурге сановник, с которым я могу говорить совершенно откровенно, не тая ничего, что есть на душе.

Искренно и глубоко преданный Вам

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 1 марта 1884 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 471—472. — [Т. XII].

Кашгар. 1 марта 1884 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Вам я обязан вступлением на новую для меня деятельность, и Вам, более чем кому другому, обязан я отчетом в ней. Положение мое очень не красивое; я говорю не о личных удобствах, а о тех делах и вопросах, которые растут и ширятся передо мною, как дремучий лес, а я не имею того клубочка, чтобы по его ниточке дойти до избушки на курьих ножках и отыскать ту волшебницу, которая разрешила бы мне эти вопросы.

Вместе с этим письмом опять посылаю донесение в Азиатский департамент и послание к Мартенсу. Может он заинтересуется им, как профессор международного права, и даст толчок к скорейшему разрешению этих, безусловно самых важных здесь вопросов. Будьте милостивы, просмотрите все мои донесения с декабря прошлого года, т. е. со времени моего приезда в Кашгарию, и расскажите им, в чем дело, иначе — я не знаю, у кого просить помощи.

Вы, кажется, были благосклонны к китайцам. Если бы Вы пожили здесь с неделю — вся эта благосклонность мигом бы пропала. Надо видеть китайцев здесь, на их окраине, в их домашнем управлении (а не в портах), чтобы почувствовать к ним совершенное омерзение. Такого скудоумия, тупости, соединенной с величайшим о себе самомнении, я еще не видел и не знаю ни в каком другом народе. Китайцы, в этом отношении, совершенная противоположность нас, русских: там, где мы себя, сплошь и рядом, напрасно бичуем и оплевываем, там они себя восхваляют и за дела, за которые нужно бичевать. А главное — это народ без сердца: я не видел

ни разу, чтобы китаец ласкал ребенка, лошадь, собаку, и видел много раз обратное, да и обратное это не так как у нас — не с гнева и раздражения, а бьет как-то тупо, глупо, на лице не видно, для чего он это делает. Может быть здесь сброд, преступники, а в Китае лучше. Да, но наши каторжники все-таки гуманнее здешняго сброда.

Этими, кажется мне, качествами и можно объяснить себе то обстоятельство, что Китай может, пожалуй, порабощать (да и то не надолго) другие народности, но не может их цивилизовать, даже и по своему образцу. В семь лет возобновленного своего пребывания в В(осточном) Туркестане они ничего не узнали о том народе, которым управляют, а потому и положение их здесь совершенно непрочно. Вы будете свидетелем моих предсказаний, а они следующие: еще год, два, много три и китайцы потеряют В(осточный) Туркестан, а мы потом, к стыду нашему, будем завоевывать его для них обратно.

Положение здесь дел очень натянутое, а так как мне не дают для нейтральной себя охраны порядочного конвоя, а под китайскую защиту мне отдавать себя не лестно (чтобы распороть себе живот в их компании), то в случае восстания мне остается одно: самому с бунтовщиками взять Кашгар и повергнуть его к стопам. А может... испытать судьбу Адольфа Шлагинтвейта31.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 23 октября 1884 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 472—473. — [Т. XII].

11

Ташкент. 23 октября 1884 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Письмо Ваше, которое я получил здесь в Ташкенте, куда приехал на время по семейным делам, несказанно меня обрадовало: я уже думал, что Вы совсем забыли меня. С тем, что Вы мне пишете, я соглашаюсь только наполовину. Я искренне благодарен Вам за мое назначение в Кашгарию, и нисколько не раскаиваюсь, что принял должность консула: я сделал все, что было в моих силах и возможности без указаний и поддержек (много раз просимых и не данных) Министерства. Если такие господа, как индо-англичане (см. "Times" в окт. н. ст.) стали опасаться моего пребывания в Кашгарии — значит я живу там не даром. Я не стану писать Вам, что именно мною сделано, но отныне я начинаю сообщать Вам в копиях все, о чем пишу в Министерство. Прежние мои донесения я вышлю Вам в копиях из Кашгара (если, впрочем, мне дадут отсюда военного писаря, добровольцев найти в Кашгаре нельзя). Таким образом собою я доволен. Другое дело Министерство; тут я с Вами совершенно согласен. Я чувствую, я предугадываю уже давно, что ни одно мое донесение не только не рассматривается, но, кажется, едва ли и читается: на все, самые существенные, вопросы я не получил даже общих указаний, которыми я мог бы руководствоваться. Если дело пойдет так и в будущем, то, конечно, я уйду из Кашгара, и пусть тогда Министерство найдет на мое место лицо, которое знало бы по-тюркски (что безусловно необходимо, т. к. русско-китайских переводчиков нет), согласилось бы жить в конуре под ежедневным страхом необходимости защитить (с 12-ю казаками) 200 русских подданных и их семьи, в случае всегда возможного и всегда ожидаемого восстания и, наконец, на все свои донесения получало бы гробовое молчание. Откровенно, между нами говоря по секрету, я уже писал то же самое, что пишу Вам, Н. А. Ермакову и просил его передать от меня Бунге32, что, может статься, мне придется опять возвратиться в лоно Министерства финансов. Жаль, право, бросить это место, а кажется, что, в конце концов, другого ничего не останется. Теперь мне предстоит писать отчет, который должен быть в Петербурге к 1-му марта будущего года.

Материалов много, вопросов тоже — отчет мог бы быть очень интересным, но, зная будущее к нему равнодушие, опускаются руки писать33.

Затем сообщу Вам мою семейную новость. Вы, кажется, видали моих дочерей; старшая, вышедшая нынешний год из здешней гимназии (с золотой медалью), выходит теперь замуж за здешнего управляющего Контрольною палатою кн(язя) Вяземского34. В марте месяце я опять приеду в Ташкент к ним на свадьбу

Уезжаю отсюда через Нарын, чрез две недели.

Благодаря моим личным усилиям (Министерство отказало в 500 р.) и любезности двух ген(ерал)-губернаторов, мы имеем теперь почту из Нарына и из Оша. Поэтому адреса следующие:

г. Ош Ферганской области, начальнику уезда, для доставления в Кашгарское консульство.

Нарынское укрепление Семиреч(енской) области, воинскому начальнику для удобств доставления туда же.

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 5 ноября 1884 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 473—474. — [Т. XII].

12

Ташкент. 5 ноября 1884 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Исполняя данное обещание, препровождаю при сем копию донесения моего нач(альнику) Азиатск(ого) д(епартамен)та (таковое же послано и посланнику).

Перемена личного состава в В(осточном) Туркестане очень неблагоприятна для положения наших там дел. Чжан, правитель Кашгарии, при всех его китайских недостатках, все-таки был джентльмен, расположенный и лично ко мне, и к русским, засевший же на его место даотай Хуанг — величайшая дрянь во всех отношениях: проходимец, взяточник, развратник и, как все низменные люди, дорвавшиеся до важного поста, опьяненный своей властью и значением. Если нас не будут деятельно поддерживать, то положение мое будет гнусное в полном смысле слова.

Через три дня выезжаю и наведываюсь опять в апреле на свадьбу дочери.

Будьте любезны, уведомите при случае, что за личность наш посланник в Пекине; я его совсем не знаю, и прежде о нем не слыхал.

Попал мне случайно в руки проект консульского устава. Кто его стряпал? Очень он легкомысленный. Замечания мои на него сообщу лично Вам, ибо Министерство их не просит. Пример — ст(атья) 2-я: “При исполн(ении) консулами возлож(енных) на них обязанностей, они руководствуются международными трактатами, установл(енными) законами, инструкциями и местными обычаями”. Местный обычай в Кашгарии — бить купцов палками, если они долгов не платят. Может это делать русскому консулу?

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 4 марта 1885 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 474—475. — [Т. XII].

13

Кашгар. 4 марта 1885 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Посылаю Вам при сем копию донесения ферг(анского) губернатора, сообщенную мне генералом Розенбахом35. Из нее Вы изволите усмотреть, что все, что предсказывал год тому назад Ваш покорный слуга, начинает исполняться. Вероятно копию эту Вам не покажут, потому то я ее и посылаю, присовокупив, что все, в копии изложенное, верно и что мне известно еще нечто большее, но, боясь прослыть за беспокойного человека, я, до времени, воздерживаюсь от сообщения оного. Сюда, т. е. за границу Кашгарии, собираются почти все авантюристы Средней Азии: старший сын бухарского эмира Катта-тюря, наш бунтовщик в Фергане Абдул-Карим-бек36 (говорят оба уже из Кабула приехали), все пансады37 Якуб-бека (два: Мад-Саид и Мад-Карим уже, по слухам, в афганском отряде) и пр., и пр. Что же станут делать в Питере, если афганцы действительно двинутся даже к Сарыколу только? После занятия Сарыкола Яркенд и Хотан взбунтуются. Я не имею на этот счет никаких указаний, неужели же мне прикажут выехать, оставив здесь на разграбление наших подданных купцов? Если так, то дали бы знать ранее: тогда я успел бы предупредить купцов и предложил им уезжать понемногу, постепенно.

На днях я посылаю в Азиатский департамент отчет наш, а Вам копию. Прошу Вас особенно обратить Ваше внимание на вторую часть оного (деятельность консульства, административная, судебная, и политическая) и высказать о ней Ваше мнение, прямо без всяких оговорок. Вы знаете, что мнением Вашим я дорожу особенно, и хотя не надеюсь долго продолжать мою дипломатическую (или, вернее, консульскую) деятельность, но все-таки хотел бы знать мнение

такого опытного человека, как Вы — как она была начата мною, новичком, и в новом консульстве, где я не имел рутины предместников. Что же касается первой части, то это — передовая статья газеты. Первая часть могла бы составить книгу, и она будет составлена только не для Министерства, а после, для других.

Я давно уже не писал Вам о моих частных занятиях. Прекрасными инструментами (выверенными в Лондоне) "Негретти и Замбра" я сделал здесь порядочное количество наблюдений. По окончании отчета займусь приведением их в порядок. Затем я снял здесь, секретно, город Кашгар и начертил его план, собрал кой-какие книги, а главное, достал "Тазкира-и ходжаган" (которой так дорожил Григорьев38, зная ее по выпискам Валиханова39) и в самой мечети ходжей списал надписи (писал мирза) с их гробниц. Оказывается, что покойный Василий Васильевич, браня Риттера40, и сам немножко погрешил. Теперь учусь по-персидски, чтобы стать окончательно муллой и затем, как свойственно всем русским, этим знанием не воспользоваться.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

P. S. Посылаю копию телеграммы (частью шифрованной) по поводу событий, только что узнанных.

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 17 апреля 1885 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 475—476. — [Т. XII].

14

Кашгар. 17 апреля 1885 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

В 1874 или 75 гг., 16 декабря, (№ 202), писал я П. Н. Стремухову письмо (за которое был Вами похвален) о горных бекствах к югу от Бухары. Копии письма этого у меня нет и потому я не могу прислать ее Вам. Но если Вас ещё интересует Ср(едняя) Азия, то Вы можете, достать мое письмо, прочтя оное. Благоволите усмотреть в нем мои предсказания тех событий, которые ныне, кажется, имеют совершиться. Я писал тогда, что Англия может сделать из Гиссара, Куляба, Дарваза (и даже Каратегина) новый для нас Кавказ. Кажется, так теперь и будет. По точным сведениям, мною полученным. Среди населения этих бекств, а также между нашими алайскими (и вообще южно-ферганскими) киргизами распространяются афганцами воззвания о газа(ва)те не только против нас, русских и китайцев, но и против бухарского эмира, ставшего будто бы слугою русских и кяфиром. Но это еще не все: ходят здесь также слухи, что в Файзбаде (в Бадахшане), Ишкашиме, Гилгите живут и разъезжают английский джарналь (так и говорят — джарналь) с прислугой, которая возит, будто бы, с собою телеграфную проволоку. Положим слухи эти базарные, но все-таки что-то правдивое в них есть. О проволоке, привезенной из Скарду в Ладакх (Лех), и о каких то длинных бурах мне рассказали уже два ходжи, возвратившиеся сюда через Ладакх из Мекки.

О китайском владычестве в Кашгарии я буду отвечать на Ваше письмо особо. Я не могу согласиться с Вами в этом предмете. По моему мнению (также думал и Кауфман) Кульджа должна быть наша41, а в Кашгарии следует посадить нашего вассала, мусульманского бека, на положении эмира бухарского

Знаете ли Вы ген(ерала) Розенбаха? Всякий раз я забываю написать Вам о нем. Если был плох Кауфман, плох Черняев, то этот хуже всех, потому что ровно ничего не знает ни вообще в

гражданском управлении, ни в частности Азии. А между тем затей много. Несчастная страна, наш Туркестан.

Закончу песенкой, которую поют здесь на улицах (знамени(е) времени).

Ярбакка урус кильди — город(ские) ворота, где консульск(ий) дом русские пришли

Солдатларини бешлаб — солдат во главе

Ладарин кучуб качты — прав(итель) Кашгарии вскочил бежал

Ингишарни ташлаб — Нов(ый) Город, Янгишар бросил

Тиререт, тиререт — (подражание песням казаков)

томаша — зрелище

Килиатур Ак-Падша — придет, должен придти Белый Царь

Искренно преданный и глубокоуважающий Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 1 ноября 1885 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 476. — [Т. XII].

15

Ташкент. 1 ноября 1885 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

В дополнение к официально посланному Вам отчету Кашгарского консульства посылаю лично Вам печатную копию отчета, прося снисходительно отнестись ко всем корректурным ошибкам оного: отчет печатался в Ташкенте и наблюдать за его печатанием было некому. Из отчета этого Вы усмотрите, что живется мне в Кашгаре плохо — так плохо, что скорейшая перемена места стала моею заветною мечтою. Кроме ужасной материальной обстановки (жизни в сакле, без всяких малейших удобств, без доктора, на сартовской еде и т. п.), ежедневных раздражений, тревог и опасности попасть либо в бунт населения, либо в бунт китайских солдат, я принужден жить врозь с семьей и заставлять ее мучиться и страдать за меня. Словом, я хочу уйти из Кашгара. Перемены места могут быть для меня две: а) агента в Бухаре (говорят МИД предполагает такую должность учредить), если только агент не будет подчинен генерал-губернатору42, и б) губернатора в Сибири или на окраинной губернии — дабы успокоиться и закончить там карьеру. На первое место я имею прав более, чем кто-либо, а на второе — хотя особенных прав и не имею, но смею думать, что не буду хуже самых правых. К Вашей помощи ни в том, ни в другом случае, прибегнуть не могу. Но очень желал бы получить от Вас добрый совет: как быть и что подлежало бы сделать мне, чтобы уйти из Кашгарии, или еще подождать там, но немного получше себя обставить. Теперь я в Ташкенте, приехал (15 октября) на свадьбу дочери и в декабре должен буду уехать; и тот и другой путь делаю на Ош, т. е. перехожу 14 перевалов и два раза Терек-Даван (12.900 ф(утов)), совсем измучился.

Как теперь здоровье Ваше? Поправились ли от ревматизма? Боюсь, что в Петербурге он опять посетит Вас, и Вы будете слушать докторов и лечиться наружными средствами, а между тем наружно лечиться не следует, а нужно пить водку.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 7 января 1886 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 477. — [Т. XII].

16

Ош. 7 января 1886 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Начинаю думать, что Вы на меня за что-нибудь сердитесь, ибо давно уже (до Вашей поездки за границу) не получаю от Вас вестей, послав Вам два раза мой отчет. Дошли ли до Вас эти пакеты (оба за номерами)?

Вероятно Пржевальский43 достиг уже Петербурга, и, может быть, виделся уже с Вами. Мне с ним свидеться, к сожалению, не пришлось; но что было ему нужно — было сделано достодолжно и отблагодарено им в горячих выражениях. Расскажет Вам Пржевальский и о тех безобразиях и мерзостях, который чинили ему китайцы, и о положении здешних дел вообще. Измучили меня китайцы страшно — так, что делаю уже в Министерстве внутр(енних) дел (это пока секрет) подходы уйти отсюда, и чем скорее, тем лучше. К тому же и место в Бухаре, на которое я имел полное право отдается другому, а более мне ждать нечего.
Кстати, о Бухаре. Здесь и у Вас вполне, кажется, убеждены, что все кончилось благополучно. Это не так. К весне я предсказываю в горных бекствах Бухары волнение, которое отразится и в нашей Ферганской области и, может быть, даже в Кашгаре. Проверьте потом, буду ли я прав, высказывая такое пророчество, вопреки изречению: “несть пророка в стране своей”.

Жизнь в сакле подарила мне ревматизм; хожу (временно, за опухолью ступни) на костылях, и еду в Кашгар не верхом, а в люльке, между двух впряженных в длинных дрожины лошадей. Как перетащусь через перевалы — не знаю, но пока лучшей езды и экипажа не знаю. Покойно, как на самых лучших рессорах.

Глубоко Вам преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 17 мая 1886 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 477—479. — [Т. XII].

17

Кашгар. 17 мая 1886 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Несказанно рад был я, получив вчера Ваше письмо, и рад был не потому, что в нем заключался неожиданно лестный для меня отзыв Ваш о нашем отчете, а потому, что письмо это, как и все другие Ваши письма, не дают закрасться в душу убеждению, что ничего путного ожидать невозможно. Благодарю Вас искренне и глубоко за прочтение отчета; но кроме лестного, что о нем Вами сказано — что в нем не полно, не хорошо, что требует на будущее время большего развития, больше данных и пр.? Азиатский департамент и Мартенс, которому я отчет послал и просил указаний по судебной части, ничего мне не указали. Сам я отчетом не особенно доволен: это отчет, а не труд, который я желал бы и который могу сделать, но только при условии, что он

это отчет, а не труд, который я желал бы и который могу сделать, но только при условии, что он не останется в глазах А(зиатского) департамента писаной стопой бумаги. Все материалы, которые я имею, я берегу для труда не казенного, а с приказными Аз(иатского) д(епартамен)та буду поступать так, как Вы занимаетесь теперь делами.

Говорю “буду”, но может быть и не буду, ибо (скажу по секрету), что я просил (через Кобеко) у Рейтерна44 выхлопотать мне у Толстого45 место губернатора в более или менее отдаленной местности. Может быть посчастливиться. Если это случится, тогда от чести занять место после Чарыкова46 придется отказаться. Кстати о нем. Дело в Бухаре он испортит непременно. Такого карьериста юных лет, такую сухость души ко всему, что называется миром идеальным, принципами, убеждениями, я редко видывал даже в нашем испорченном, молодом поколении последней формации. Знать он ничего не хочет, отдался в руки переводчикам, и есть надежда, что станет наконец (помните стихи Пушкина на Воронцова?) полным Струве.

Ташкент. Мечеть Ходжа-Ахрам

На нашей южной границе с Ферганой идет, со стороны англичан, что-то очень недоброе. Носятся слухи, что они выговорили себе у Абдуррахман-хана47 города Джарм в Бадахшане и Кала[-Бар-]Пяндж в Шугнане (есть, пишут мне, какие-то намеки об этом в “Times”).

С приездом сюда Элиаса48 (он теперь в Рустаке возвращается из Ханабада близь Кундуза) и Далглейша с Кэри49 (они теперь в Урумчи у Лю50) китайцы наши получили какие-то наставления, ибо стали нахальными и предерзостными. Недавно они пропустили в нашу Фергану заведомо бунтовщиков, с целью отвлечь их от Кашгара или сделать смуту у нас. Господа эти

(прежние деятели Якуб-бека) явились именно из Афганистана, оттуда, где блуждает теперь Элиас. После того, как Пржевальский написал мне, что его сообщения и мои донесения считают преувеличенными, я решился писать в Д(епартамен)т о политических делах как можно менее. Пржевальский пишет мне также, что, воспользовавшись лекциею государю, государыне и наследнику, он откровенно, не стесняясь, высказал положение наших западно-китайских дел, и был благосклонно выслушан. Но поможет ли это.

Ташкент. Внутренний двор Сеид-Азима

Скажу Вам, наконец, о моих частных делах и занятиях. В прошлом году. В Ташкенте, я выдал замуж свою старшую дочь за управляющего тамошнею Контр(рольною) палатою, кн(язя) Вяземского. На свадьбу эту я дал согласие с некоторым усилием, ибо дочь молода, а зять мне не нравится. Вторая дочь кончает на днях курс в ташк(ентской) гимназии и приедет, вместе с моим сыном, погостить ко мне, приедет, может быть, и жена.

На досугах я перевел здесь книгу Mayers’a “The Chinese Government” — сухое, но очень необходимое для наших пограничных властей, описание администрации Китая. Часть этого сочинения на днях напечатаю в “Турк(естанских) вед(омостях)”. Затем, делаю, кажется хорошую вещь: рисую строгим образом (посредством камеры-обскуры) красками костюмы, утварь и разные предметы этнографии и культуры Кашгарии. Накопилось уже много. На каждом рисунке надписывается подробно на русском и кашгарском языке название предмета, его частей, наименование ремесла, употребление, выделка, цена и пр. Метеорологические наблюдения (не сплошные только делаются у меня давно) скоро получат совсем правильное устройство, ибо Вильд помог мне открыть здесь станцию.

У Вас, в Питере, Попов51; возвратится ли он обратно. Кажется, он человек хороший, хотя и малодеятельный. Доволен ли он нами.

Искренно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 24 мая 1886 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 480. — [Т. XII].

18

Кашгар. 24 мая 1886 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Вчера я был у переводчика г. Элиаса, весьма ловкого и плутоватого китайского чиновника, воспитывавшегося в Америке, Цзин-Пенга. Он сильно разозлен на Элиаса, бросившего его здесь и уехавшего в Маймане через Бадахшан. Но не в этом дело. Цзин-Пенг сказал мне, что он едет отсюда (через 11/2 м(еся)ца) через Ладакх в Калькутту, где надеется встретить назначаемого туда русским правительством политического (а не дипломатического — на этом слове он сделал, почему то, ударение) агента. Правда ли это и откуда он это знает. Если правда, то загадка для меня разъясняется. В Калькутту пошлют Чарыкова, а мне дадут Бухару, а Кашгар (полагаю) Попову52 (составившему словарь). Но почему наш агент должен быть в Калькутте, что он будет там делать? Обедать у вице-короля и случайно узнавать новости из его канцелярии, никакой почвы для деятельности у него там нет и быть не может, ибо разыгрывать роль посланника при вице-короле, когда все управление политикой Индии в Лондоне, где есть русский посланник — странно. Агент наш должен жить в Бомбее53 на реальной, а не канцелярской почве, в среде мусульманского населения, вблизи Афганистана, Белуджистана и Персии, на большой дороге

ходжей из Кашгара, Бухары, наших владений, мелких бекств Гиндукуша и пр. Там он может быть полезен как политический агент. Полагая, что (может быть) от Вас не станут, наконец, скрывать учреждение такой должности, я “в интересах дела”, спешу Вам написать об этом. Неужели же наши не могут понять, что за бесполезную Калькутту будут просить, например, Ташкент.

Пишет мне Фриде54, что Балкашина55 убирают. За что такая немилость? Был в дружбе с хэ-амбанем, встречал его за 3 версты от города, уступил ему барлыкских киргиз, отдал всех наших торговцев в полное распоряжение китайцев, и вдруг на, — нехорош. Но зато хорош Корф56: имеет 10 т(ысяч) войска, 48 орудий и предлагает, для успокоения границы, отдать китайцам весь Уссурийский край. Неужели это правда?

Читали ли Вы донесения Шнеура57? Сильно хочется мне написать о них нечто “в дополнение и соображение”, да задумываюсь: нужны ли наши соображения Аз(иатскому) д(епартамен)ту.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 4 августа 1886 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 480—482. — [Т. XII].

19

Кашгар. 4 августа 1886 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Заезжий фотограф снял здесь с меня посылаемое Вам при сем изображение — в том самом обиходе, который я сочинил для себя “применительно к местным условиям”, т. е. в виду опасности подвергнуться нападению голодного и пьяного китайского солдата (как было с

опасности подвергнуться нападению голодного и пьяного китайского солдата (как было с поручиком Громбчевским58), отсутствия прачки для крахмального белья и пр.

Вскоре после Вашего последнего письма я получил столь же лестное для меня письмо Мартенса. Отчет наш, особенно судебную его часть он расхвалил до того, что, если бы на моем месте был более молодой, чем я, человек, он непременно возмечтал бы о себе невесть что. О политической стороне отчета замечаний не сделал, но желал что-то сказать. Я догадался — что: Мартенс считает меня, почему-то, квасным либералом и патриотом черняевского пошиба. Поэтому я счел долгом, в большом письме, высказать ему мой взгляд и мое убеждение относительно Средней Азии, нашей там миссии и пр. Жаль, что у меня нет копии этого письма, чтобы послать Вам, но я пришлю Вам все-таки записку мою по этому предмету, которую я написал для себя, ибо печатать ее невозможно, а показывать можно только людям близким или таким, которые умеют уважать убеждения (что у нас, в России, редко).

Положение дел у меня как будто улучшилось: постоянно твердо-неуклонными действиями нашими в делах консульства мы, кажется, немного смирили наглость китайцев, или, вернее, ввели ее в границы. Три года научили меня здесь многому, — и знаете, где весь секрет в переговорах с китайцами? Не показывать ни малейшего раздражения и волнения, когда они намеренно говорят Вам всевозможные нелепости, и, в свою очередь, стараться разозлить их. Как только это сделано (при своей надменности они более всего боятся насмешки) — победа несомненна. Боясь насмешки, они уже теперь спорят со мной мало, и как только замечают, что я перехожу на неприятный для них путь, — сейчас соглашаются. Переговоры происходят у нас при посредстве сартовского переводчика и всегда, по китайскому обычаю, в присутствии многих местных сартовских властей, которые слышат, что говорю я; при таком порядке насмешливый

тон еще неприятнее.

Затем из политических новостей нужно отметить Вам следующее. В прошлом году несколько лиц, бывших деятелей Худояр-хана и Якуб-бека, отправились в Кабул просить у Абдуррахман-хана хана для Ферганы, который выгнал бы оттуда русских. В нынешнем году господа эти возвратились на Памир, послали оттуда возмутительные воззвания в Фергану, а затем, с разрешения китайских властей, были пропущены к нам на Алай. Узнав об этом, я написал ген(ералу) Иванову59, который и поймал на Алае Магомед-Карима-Лашкар-баши (главного) и его помощника Мауляви. Последний — тот самый Мауляви, который приехал сюда с англичанином Элиасом и отправился с ним в Бадахшан.

Обо всем я, разумеется, донес Азиатскому департаменту. На днях получил известие, что Канджут взят кашмирским раджою (та его часть, Хунза, которая находилась в зависимости от Китая; другая часть, Нагар, подчинена Гилгиту) и что прибыли еще два англичанина, Локкарт, с 200 ч(еловеками) конвоя, через Канджут в Вахан, а другой, также с конвоем в Гилгит. Переводчик Элиаса, китаец Цзин-Пенг, который в Бадахшан не поехал, говорил мне, что Элиас возвращается, был на Мургабе, на нашей ферганской границе, встретился там с каким-то русским офицером, и через Вахан, не заезжая на китайскую территорию, направился в Гилгит. Все эти английские разъезды с Мауляви наводят на серьезные размышления, и предсказания мои (в письме к П. Н. Стремоухову), кажется, оправдываются.

Позвольте обратиться к Вам с просьбою — выслать мне действующие консульские уставы Англии, Франции, Германии и Бельгии. Не примете ли Вы на себя передать книгопр(одавцу) Дейбнеру выписку издания, года, места и т. п. этих уставов. Дейбнер же (у меня с ним счет) мне их вышлет.

На днях я купил здесь термометр в футляре; на термометре, прекрасной работы Ch. F. Geissler'a в Берлине, и на медной дощечке значится "Schlagintweit". Таким образом старания мои розыскать остатки несчастного путешественника вознаграждаются. На днях на месте его убиения (которое я срисовал) буду ставить памятник, о чем уже сообщил китайским властям. Нельзя ли заказать в Петербурге доску (медную, мраморная не доедет, с приличною надписью) и не

возьмете ли этот труд, а также редакцию надписи на себя, Крайне обяжете сим, полагаю не только меня, но и родственников Шлагинтвейта. Розыски мои продолжаются. Главный убийца Шлагинтвейта — один из приближенных Валихана-тюря, не хотевший рассказать мне о происшествии, недавно умер; какой-то мальчик (вероятно из его дома), прося никому не говорить, принес мне продать термометр. Я обещал ему хранить тайну и купить все по дорогой цене, что он принесет мне из вещей Шлагинтвейта.

Будьте здоровы. Искренне и глубокоуважающий Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 3 октября 1886 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 482. — [Т. XII].

20

Кашгар. 3 октября 1886 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Наш любезный, дорогой и уважаемый сосед, семиреченский губернатор Алексей Яковлевич Фриде, отправляется в Петербург и обещал мне повидать Вас и передать эти письма. Полагаю, что Вам интересно будет знать о положении наших дел в Западном Китае. Алексей Яковлевич

может удовлетворить Вас в этом отношении вполне, ибо он возится с ними с самого царствования Кауфмана, знает их отлично и так же отлично их ведет. Г[осподин] Балкашин на этот счет другого мнения: ему хотелось, кажется, чтобы губернаторы считали себя китайскими чиновниками, и, так же, как он сам, поступались в пользу Китая самыми существенными нашими пограничными вопросами.

Дерзость китайцев растет не по дням, а по часам, пока мы будем заниматься принцами Баттенбергскими60 и празднословием о водружении креста на св. Софию, — наш престиж в Средней Азии, благодаря безнаказанности китайских действий и происков, значительно умалится.

Сам я действую здесь на свой страх, ибо никаких указаний, наставлений и даже замечаний не получаю. Все это крайне тяжело. Был случай, что за невыпуск отсюда русского подданного я приостановил визирование билетов всех китайских подданных, едущих в Россию, т. е. приостановил на месяц всю торговлю кашгарцев. Так и думал, что теперь уж наверняка распекут; нет — ничего, ни малейшего отклика; так и осталось мне неизвестно: худо или хорошо я сделал.

Искренно и глубоко вам преданный

Н. Петровский.

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 22 августа 1887 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 483. — [Т. XII].

21

Кашгар. 22 августа 1887 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

При сем препровождается к Вашему превосходительству копия переписки по поводу нового

происшествия с г. Грум-Гржимайло61. Этот молодой человек уже в прошлом году задал мне работы, набезобразничав на кит(айском) карауле Мин-Юль, а теперь с вооруженными казаками, без пропускного билета, перешел границу и требовал, чтобы ему указали дорогу в Канджут. Китайцы, разумеется, сейчас же возбудили об этом переписку; я попросил Грума удалиться с границы, а он написал мне глупо-дерзкий ответ. Если бы он меня не послушался, то китайцы наверно обезоружили бы его и казаков и привели бы их с триумфом в консульство. А если бы казачки начали стрелять, то дело стало бы очень серьезным.

Удивляюсь я, кто этому юноше покровительствует и дает ему деньги на бесплодное шатание62 Запас его знаний крайне не велик, умения вести исследования и обращаться с инструментами совсем нет, а самомнения — масса. В разговоре его только и слышится: Гумбольд63 ошибся, Рихтгофен64 ошибается, Пржевальский мог бы сделать более, я нашел, я определил и пр. Вы лучше меня знаете как высоко, в мире географических исследований, стоят труды наших путешественников по Средней Азии. Боюсь я, чтобы новые путешественники, вроде г. Грума, своими неосновательными трудами и легкомысленными мнениями, не дискредитировали все прежние исследования. На это нужно обратить серьезное внимание. Географическому обществу, подобно обществу Археологическому, следует взять в свои руки и под свой контроль все вообще географические исследования на чей бы счет они не проводились. Разницы, думаю я, решительно нет в том, будет ли неправильно разрыт курган или неверно определенно направление хребта, древность пласта, существование ледника и пр., а между тем Археолог(ическое) общество не всякому дает рыть курганы, снимать планы городищ и пр. и дает только тем, кто заявил себя на этом поприще учеными трудами.

Посылаю заметку о Бертенсе (масса опечаток).

За поправку программы65 очень благодарю Вас. Действительно я пропустил эти нужные вопросы. Программы прислали на заключение Розенбаха, который нашел ее отличною, но трудно исполнимую за отсутствием смышленых разведчиков. Если это так (а это не так), то никаких разведчиков не нужно, будем пробавляться по прежнему, базарными слухами.

Отпуск я себе приостановил еще на год: хочется окончить кое-какие частные мои работы.

Искренно и душевно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 17 ноября 1888 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 483—486. — [Т. XII].

22

Кашгар. 17 ноября 1888 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Сильно я перед Вами виноват за долгое свое молчание и глубоко это чувствую; но и много основательных причин такого молчания: страдал я сильно ревматизмом, ходил на костылях, болел (да и еще болею) глазами и вообще теряю силы и энергию...

Начну с самого новейшего. Прислал мне канджутский хан письмо и послание к государю, что он, Сафдер-Али-хан готов, де, быть слугою Белого Царя. Послал я эти письма в А(зиатский) д(епартамен)т с скромным донесением, что, по мнению моему, С(афдер)-А(ли)-хану можно было бы сообщить, при случае, что писать государю нельзя, и что с своими заявлениями ему надлежит обратиться к Розенбаху. Вышло совершенно для меня неожиданное: мне официально сообщили, что, с высочайшего соизволения, дело это Розенбаху поручено не будет, а приказывается мне

сообщить хану, что правительство (хорошо понимает он слово правительство — он, для которого эти абстракты недоступная вещь!), приняло с удовольствием его желание быть к услугам России (опять вещь для него непонятная, ибо, по его убеждению, служить можно только Богу и хану). Хорошо. Затем приказано было дать письмо к хану г. Громбчевскому, и написать что сей господин, ради своего удовольствия только, а никак не в качестве посланника, захотел прогуляться в Канджут; приказано также дать г. Громбчевскому соответственную сему инструкцию66. Поймите теперь, что из всего этого выходит. Хан написал письмо государю, я говорю ему, что правительство (а он разумеет — царь) письмом осталось довольно, затем я пишу ему, что к нему едет русский путешественник, а он, конечно и естественно, видит в нем посланника, едущего к нему вследствие письма его к государю. Происходит странное объяснение Громбчевского с ханом (европейца с азиатом). Первый говорит: я приехал по своей воле и желанию, второй возражает: я этому не верю, я не могу понять, чтобы у такого великого государя, каков Белый Царь, какой-либо подданный смел уехать из страны без надобности и позволения, у меня и птица не может вылететь отсюда без моего разрешения и пр. Таким образом, хан остается убежденным, что у него был посланник, который не признался в том только потому, что утаил для себя царские ему хану, подарки (это он прямо выражал Громбчевскому). С Громбчевским хан присылает письма мне, Гирсу67 и Розенбаху, и сообщает в них, что шлет к нам своего посла, Абдулла-диван-беги (маленький торговец, служащий у меня иногда на посылках). Вот как всегда кончаются необдуманно начатые дела. Почему нужно было непременно теперь, после письма хана, посылать изучать Канджут, почему Громбчевского, которого всякая собака на границе знает, что он офицер и губернаторский советник, почему нужно было выражать хану удовольствие за его преданность, когда мы помогать ему никогда не станем и не можем? И пр. и пр. — все это такие вопросы, которые совсем не были в Петербурге обдуманы. Из моей инструкции г. Громбчевскому (совершенно, кстати сказать, А(зиатским)

Д(епартамен)том одобренной) Вы увидите, как мне было трудно написать что-либо определенное, хотя политическое положение не только Канджута, но и Читрала, Гилгита, я знаю — смею сказать — даже лучше (благодаря сношениям с туземцами), чем все бывшие там путешественники. Если бы М(инистерство) хоть раз, хоть в общих чертах, дало мне указание, что намерено оно совершать по отношению к Бахдашану, Шугнану, Рушану, Вахану, Канджуту, Читралу и пр. — завязывать сношения или отклонять, способствовать объединению или раздроблению и пр. — я, конечно, с охотой принялся бы за это дело, а теперь, чем дальше от этих дел, тем лучше...

Затем о делах более древних. Удалось мне наконец осилить упрямство китайцев по делу о памятнике Шлагинтвейту. Благодаря Кумани68 и Брандту69, Цзунлиямынь70 теперь уже как будто требует, чтобы я поставил поскорее памятник. Работы уже начаты и через месяц или два все будет окончено и Вам донесено с фотографиями мною самим отснятыми. Теперь, как образец моей работы посылаю Вам (только для Вас): а) вид местности, где был убит Шлагинтвейт и где сооружается ему памятник (фот(ография) с него будет снята), и б) вид г. Кашгара с возвышенности на северной стороне. Фотографирую я с большими перерывами, по случаю болезни, с весны кое-что интересное (утварь, костюмы, сцены) успел снять; инструмент у меняя прекрасной работы (англ(ийская) камера, объект(ив) Штейнгеля и Гермажиса). Фотографией увлекся и наш секретарь71, и выписал себе такой же инструмент.

Перед смертью Пржев(альский) прислал мне письмо с разными своими распоряжениями и свою книгу72, которая меня совсем не удовлетворяет: много взято из прежнего, а две главы, кажется, и совсем не нужны; я разумею, “Как путешеств(овать)” и “Положение Центр(альной) Азии”. Видно работал наспех, желая скорее вырваться из Петербурга.

Делами консульства я, могу сказать, доволен: китайцы значительно смирились, и положение наших подданных стало далеко лучше прежнего. Доволен я очень и Кумани; очень отзывчивый на все наши представления, и дела у него долго не залеживаются.

Секретарь едет в отпуск, а после непременно поеду и я; задержали меня семейные мои дела. Поеду я для освежения себя, а не для просьбы о перемене места, в чем, пока, не вижу надобности

Нобду я для освежения себя, а не для пребывания о перемене места, в чем, пока, не вижу надобности, но имею право желать учрежд(ения) в Кашгаре консульства генерального. У нас здесь и дел более, и дела серьезнее, чем, напр(имер), в Урге, пять лет мы вынесли на своих плечах много невзгод; одна наша переписка с разными лицами и учрежд(ениями) Туркестана и Семиречья (долги, наследства, перекочевки киргиз, беглые и пр.) достигает до тысячи номеров в год. А(зиатскому) Д(епартамен)ту следовало бы об этом подумать.

Знакомы ли вы с ген(ералом) Фельдманом?73 Если да — то, при свидании и при случае, будьте любезны спросите у него мою программу "Спутника путешественников" и выскажите о ней Ваше мнение (мне). Посылая эту программу Фельдману я думал о Вас, как о председателе работ и о разных ученых, как о сотрудниках. Так именно и следовало бы приняться за дело. Но Учен(ый) комитет, вероятно, вопроса так не поставит, и преуложит исполнить программу мне самому, а мне останется только перевести (в извлечениях) Бальтона, Кальтбруннера, Нимейера и др. Недурно бы было если Фельдм(ан) показал Вам мои письма по этому делу. Здесь можно бы было хорошо работать, но полицейский характер консульства решительно мешает отдаться чему-нибудь на более продолжительное время: каждый день разборы мелких дел, претензий, ссор, свидетельствование прибывающих с китайского караула лиц, визы кит(айских) билетов (сейчас подписал 1780-ый билет китайский, для уезжающих к нам кашгарцев), переписка со следователями о вызове свидетелей, грабежах, пригульном скоте и пр. — все это берет очень много времени, а мы даже и писца хорошего иметь не можем.

Неужели Вы не соберетесь посмотреть новую дорогу74, Бухару, Самарканд, Фергану? Теперь это близко и недорого. Мы только еще остаемся за пределами цивилизации.

Надо бы еще написать об Афганистане. Чудные дела творятся относительного его в Петербурге.

Это — до следующего раза.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 28 ноября 1888 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 486. — [Т. XII].

23

Кашгар. 28 ноября 1888 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Настоящее письмо мое вручит Вам секретарь нашего консульства Яков Яковлевич Лютш, которого я особенно рекомендую Вашему вниманию. Со времени открытия консульства, в течение пяти лет, я прожил с Яковом Яковлевичем душа в душу; мы вынесли с ним вместе все невзгоды нашего нового положения, боролись с китайцами, скорбели о забвении нас Петербургом и делили те малые радости, которые изредка выпадали нам на долю. Если в Кашгарском консульстве было сделано что-либо заслуживающее похвалы, то таковая — говорю это совершенно искренно, должна быть приписана в равной степени как мне, так и секретарю консульства.

Як(ов) Яковлевич передаст Вам о нашем житье-бытье здесь и о положении дел здесь и в окружности.

Искренно преданный и глубоко уважающий

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 25 июля 1890 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 486—487. — [Т. XII].

24

Кашгар. 25 июля 1890 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Письмо Ваше, за которое я приношу Вам глубокую благодарность, я получил в Ташкенте. Итак новый посланник в Пекине, по-видимому, определился. Для пробы его деятельности я послал ему два-три серьезных представления. Посмотрим, что будет.

Знаете ли Вы, что пресловутый переводчик Кауфмана, д(ействительный) с(татский) с(оветник) киргиз Ибрагимов75 назначается консулом в Джидду? В Ташкенте была получена в Канцелярии ген(ерал) губ(ернатора) бумага, в которой писалось, что на должность консула требуется консул мусульманин (по каким соображениям?) и что не желает ли занять это место г. Ибрагимов. Сей последний имел смелость согласиться, полагая вероятно, что в Джидде никакого языка, кроме киргизского и ломаного русского, знать не нужно. Надо еще прибавить, что в Аз(иатском) д(епартамен)те у Жданова76, находятся его же, Жданова, донесения Мельникову о всех возмутительных гадостях, к(ото)рые чинил Ибрагимов, будучи в Бухаре и исправляя должность Вейнберга77.

В Кашгаре застал я наши дела в очень удовлетворительном положении. Новый даотай оказывается человеком очень благоразумным. Мы с ним, кажется, окончим, без посредства Д(епартамен)та, почти все наши серьезные недоразумения — об андижанцах, аксакалах и пр., которые длятся, как Вам известно, уже семь лет.

Со следующей почтой напишу Вам кое-что о наших путешественниках, от которых сейчас пришли длинные письма.

Сердечно преданный Вам

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 10 января 1891 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 487—488. — [Т. XII].

25

Кашгар. 10 января 1891 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Давно уже не имею от Вас никаких известий. Здоровы ли Вы? На днях я высылаю Вам кашгарский барашковый мех, который Вы желали иметь для халата.

У нас здесь беспрестанно гости. Первым приехал князь Голицын78, прискакал из Нарына в четыре дня и ускакал отсюда обратно. Зачем он сюда приезжал — Бог весть, ибо ничем он серьезно не занимается и не интересуется. Затем, одновременно с Голицыным, приехал Громбчевский. Потом — четыре англичанина (Younghusband79 Macartney80, Beech и Lenand), которые и теперь здесь, француз Blanc81 и швед Sven Hedin82. Два первых англичанина имеют секретную миссию переговорить с китайскими властями о границе, а два последних — баричи с

весьма слабыми знаниями, совершившие что-нибудь shocking для своих родных и отправленные, на исправление, в Индию, откуда они, для прогулки, приехали с Younghusband'ом сюда.

Blanc (я дал ему письмо к Вам), человек со сведениями, но, кажется, немного пролаза, по-видимому он желал собрать на месте сведения об Анненкове[83] и в Кашгар приезжал только для прогулки. Хедин был в миссии короля шведского в Персии и по совету Рихтгофена, своего учителя (как он говорит), хотел отправиться на Лобнор, чтобы открыть ученому миру это озеро, ибо, по мнению Рихтгофена, Пржевальский Лобнора не видел, а был на пресных озерах к югу от Лоба. Хедин ехать на Лоб позволения от китайцев не получил, ибо не имел билета из Цзунлиямыня, да, кажется, ничего от этого не потерял, ибо явился он сюда совершенно неподготовленным, без всяких инструментов, с одним только желанием увидать озеро.

О секретной миссии англичан, я разумеется писал в Аз(иатский) д(епартамен)т, спрашивал, не следует ли запротестовать эти переговоры, производящиеся без всякого нашего участия, по делу, прямо до нас относящегося (границы Ферганы к югу еще не определены), но, как всегда, никакого ответа не получил[84].

Blanc передал мне по секрету, что в прошлом году (22 июля) в Виши Ванновский[85] и Фрейсине[86] подписали, будто бы, договор о союзе России и Франции. Знаете ли Вы это?

Моя младшая дочь вышла замуж за доктора Фогеля, бывшего ассистента Райера, отличного хирурга, отправленного в Ташкент ради поправления своего здоровья. Теперь Фогель

командируется в Берлин к Коху[87], по дороге, будет в Петербурге. Я позволю себе дать ему к Вам письмо, ибо Фогель, отличный малый и весьма солидно учившийся (в Дерпте).

Желаю Вам всего хорошего. Надумались бы Вы посетить страны Вами виденные, т. е. принарынские[88], и проехать к нам, а от нас домой через Ош и Самарканд. Право, было бы недурно.

Искренно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 5 октября 1891 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 488—490. — [Т. XII].

26

Кашгар. 5 октября 1891 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Ваше письмо, за которое я приношу Вам сердечную благодарностью пришло очень кстати. Я только что вынес на своих плечах (и буду еще выносить вероятно) памирское дело, совершенное Вревским[89] при массе самых невероятных глупостей.

Известно ли Вам, что для противодействия проискам англичан, желающих, без нашего ведома, установить в пользу Афганистана, границы Памира*, был командирован на Памир отряд, а мне было поручено оказать ему содействие, но какое содействие — не сказано; приказано было объявить китайцам, что на отряд не возложено никаких военных поручений. Зная суть дела, я полагал, что отряд пройдет Памиры, произведет известное впечатление и возвратится обратно, но Вревский, не поняв желаний М(инистерст)ва и подстрекаемый разными политиками, поручил начальнику отряда[90] ставить пограничные знаки в местностях, где разграничение еще не произведено, объявлять населению, что оно состоит в русском подданстве, сменять поставленных китайцами старшин, ставить новых и пр., — словом, произошла весьма неприятная демонстрация

против китайцев. Обо всем этом я, разумеется, доносил в М(инистерст)во и имею основание думать, что оно мною должно быть очень довольно. Спросите об этом, при случае, у Капниста91. Китайцы, конечно, всеми такими недружественными и незаконными действиями нашими раздражились: отобрали у старшин наши ставленные грамоты, потребовали старшин к себе (некоторые бежали к нам), уничтожили пограничные знаки. Все эти глупости Вревского, чинимые им во время переговоров о новом договоре, приходитсяя мне теперь сглаживать.

На Памире отряд поймал и арестовал Devisen'а (по моему уведомлению, что он следит за отрядом), привезли его в Маргелан и выслали оттуда (вместо Европы) в Кашгар, но при этом забыли осмотреть его вещи и бумаги, а в них то и была вся суть дела. Одно, однако ж письмо (Younghusband'а) к Devisen'у я добыл и переслал, в подлиннике, в М(инистерст)во: из него вполне ясно, что дело идет о разграничении на Памире, что Devisen был шпионом, подчиненным Younghusband'у. Этот последний, со всеми инструкциями ему калькутского правительства, с картами и планами, перепиской с китайцами, был также на Памире, но его арестовали и ограничились лишь отобранием у него подписки, что он не перейдет границы. После этого происшествия Younghusband немедленно пригласил к себе гилгитского резидента, с 25-ю человеками конвоя, и под его охраной отправил в Гилгит свои вещи и бумаги. Все эти действия наши производят впечатление действий людей сонных или глупых: делается наполовину бессознательно не то, что нужно, и не так, как нужно.

Одновременно с памирскими событиями шло дело о канджутском посольстве. Вы знаете, что владетель Канджута давно уже добивается нашего покровительства. Прием Громбчевского в Канджуте вызван был этими пожеланиями. Сафдер-Али-хан, не добившись от меня ничего положительного (я не мог ему ничего сказать, потому (что) с 1887 г. не получил от Зиновьева

ответа по этому делу) некоторое время склонялся к Англии, а затем опять повернул к нам и послал, через мое посредство посольство в Ташкент. Вышел опять целый ряд глупостей, который также придется сглаживать мне.

В недавнее время Штаб ассигновал 500 р. ежегодно на собрание сведений политического характера. Теперь эта статья получила у нас большое развитие; мы будем, наконец, иметь хорошие сведения о положении дел в Бадахшане, Читрале, Гилгите, Ладакхе и даже в Кашмире. Люди у нас для этого дела давно намечены; при небольших подарках и личном ко мне расположении я буду знать многое такое, что не достается и за большие деньги. Знаете ли, что письмо Younghusband'а к Devisen'у (ранее указанное) стоило мне всего три рубля!

Все это я сообщаю Вам, между прочим, для того, чтоб возобновить в Вашей памяти исключительное положение нашего консульства, единственного теперь (после закрытия консульства в Болгарии), где политического характера дела играют в обиходе консульства, такую же роль, как и дела собственно консульские, а эти последние также едва ли не дают нам первое среди всех консульств место. Достаточно сказать, что мы визируем и поверяем более 3 т(ысяч) в год билетов китайских подданных, около 1 т(ысячи) билетов русских подданных (надо заметить, притом, что билеты эти не паспорта, а накладные: надо проверить лиц и товар, в билетах прописанный), получаем до 1 т(ысячи) входящих и выпускаем до 1 1/2 т(ысяч) исходящих бумаг. К этому следует прибавить еще, что мы имеем дела с китайцами; по самым, иногда, ничтожным делам приходится прибегать к личным объяснениям с даотаем, уездным начальником, караульными чиновниками. Бумаги наши и почти половина нашего делопроизводства (напр(имер), судебные, наследственные дела) ведутся на двух языках. Я сомневаюсь сравняется ли с нами по одним паспортным делам, Мемельское, например, или Константинопольское консульство? Наконец, персонал наш: я, секретарь, писец, не знай мы по-тюркски, вся наша фабрика непременно бы остановилась. По этим причинам мы имеем полное право (кажется мне) желать, чтобы на нас обратили внимание и произвели нас в консульство генеральное. Это, во первых, дело простой справедливости, а, во-вторых, отчасти, дело благоразумной политики: англичане несомненно добьются учреждения здесь консульства и учредят здесь консульство генеральное; мы, старшие, станем младшими. Личные наши интересы

также страдают: меня не могут награждать, а Лютша — производить в чины.

Я хотел было написать обо всем этом Капнисту, да приостановился, не зная, как он смотрит на подобного рода заявления. Откровенно и между нами говоря, желания мои пока не идут дальше этого, семью свою я почти уже устроил: две дочери мои замужем, сына в этом году услал в Петерб(ург), в Университет, в Кашгаре всех привязавших меня к себе дел еще не довел до желаемого конца. Уходить пока еще рано, разве только тогда, если новый договор установит здесь таможенные пошлины на наши товары. Тогда уходить для меня обязательно. Мечтая, однако ж, о будущем, я также откровенно скажу Вам, что я желал бы иметь место подальше от посланника, был бы, думаю я, полезен в самом Министерстве, но места для меня там нет; не прочь бы поехать, напр(имер), в Марсель (на отдых от Востока) или в Иерусалим (если эпитроп Гроба Господня, Тертий, который меня за мои религиозные убеждения не любит, тому не воспротивится); было бы подходяще жить в Трапезунте, если бы там было генер(альное) консульство, и в Бухаре (ради повышения в должности, хотя дела там едва ли можно исправить). Я подумал бы и об Алжире и даже Южной Америке.

Прошу Вас обратить внимание на замечания мои на договор (послан в А(зиатскиий) д(епартамент)). Прилагаемое письмо присылается для прочтения и возвращения.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Письмо не мог отыскать. Оно от Blanc: уведомляет, что Парижск(ое) геогр(афическое) общ(ество) посылает доску и крест Шлаг(инвейта)

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 25 октября 1891 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 490—491. — [Т. XII].

27

Кашгар. 25 октября 1891 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Памирская “экспедиция”, о которой Вы, конечно, слышали, наделала мне массу хлопот — по изумительному неразумию Вревского и даже бесстыдству по отношению китайцев. Достаточно сказать, что при движении отряда по местности, точно не разграниченной, ставились пограничные знаки, сменялись китайцами поставленные старшины, давались им ставленные грамоты и знаки русских волостных управителей. Теперь Вревский поручает мне объяснять китайцам, что пограничные знаки не ставились, а воздвигались астрономические пирамиды, и просит защитить от китайских преследований тех китайских старшин (“поставленных китайскими властями”, как он сам говорит), которые “утверждены” русскою властью. Все эти беззакония должны быть мною объяснены китайцам как дружественные акты соседней державы!

Обо всем этом я, разумеется, доношу Капнисту. И хорошо было бы, если Вы ознакомитесь с перепиской, потому что поставить дело на правильный путь совершенно необходимо. Деяния Вревского могут сильно повредить переговорам Кассини92 о новом договоре. В Пекин я послал подробную о всех этих делах справку. Хорошо было бы, если и Шишкин93 заблаговременно ознакомится с нашей перепиской, ибо, кроме Пекина, в дело о Памире несомненно вмешаются и англичане. Я знаю наверное, что в Гилгите усилены войска и предназначаются для занятия Канджута, после занятия сего последнего предполагается взять у Абдуррахман-хана Вахан, т. е. стать у Памира на китайской и на нашей границе.

Затем, что мне делать я решительно не знаю. Хоть бы самое маленькое указание дали мне об общем положении, намерениях и пр. Я знал бы, как ориентироваться

общем положении, намерениях и пр. Я знал бы, как ориентироваться.

Теперь я держусь в самой строгой законности, более, чем прежде, любезничаю с китайцами. Но может быть не это нужно.

Искренно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 14 мая 1892 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 491—494. — [Т. XII].

28

Кашгар. 14 мая 1892 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Давно я не писал к Вам, и главное — не отвечал на Ваше последнее письмо ко мне, в котором Вы любезно пообещали позаботиться о моей судьбе. Я был болен ревматизмом ноги, полученным, кажется, от здешних наших каменных полов, которые, на 2 т(ысячи) р(ублей), данные мне (на устройство к(онсульст)ва) Никоновым94, я не мог сделать деревянными, а между тем я отплатил Никонову, кажется, так, как, наверно, не поступал у нас никто: после устройства к(онсульст)ва я уговорил хозяина нашего помещения брать с нас за наем половину того, что он брал прежде, т. е. уменьшил ежегодный расход на 360 рубл(ей). По случаю ревматизма просился съездить в Хазрет-Аюб на воды (близ Оша); разрешения еще не получил.

Как мне жаль, что Вас не знакомят с памирскими (и вообще нашими) делами! Жаль мне, скажу откровенно, ради себя. В моих донесениях Вы увидели бы, сколько и как я работал и, конечно, оценили бы мой труд. Памирский вопрос — это такая капитальная бессмыслица, такое презрение во время мира всяких международных отношений и прав, что Мартенс, если бы он знал, что делалось на Памире, подумал, не выйти ли ему в отставку и не встать ли в ряды “Вестника Европы”. Позвольте рассказать Вам об этом деле поподробнее. Дело началось с повторения того, что почти 60 лет тому назад произошло в Афганистане. Как некогда там русский офицер (поляк) Виткевич95 напугал англичан, так теперь русский же офицер (поляк) Громбчевский устрашил англичан своей поездкой в Канджут. Есть, конечно, в том и другом событиях разница, но, по отношению к английским страхам, она не велика. Разница между Громб(чевским) и Виткевичем большая. Кстати о первом. Я всегда и теперь считаю и считал его просто проходимцем. Интересов выше своей карьеры для него не существует. Все его путешествия были только для карьеры служебной и для отличий. Все, что он делал, все приносилось в жертву личным целям. Так поступил он и в деле памирском: вместо того, чтобы обработать свой дневник и описать Канджут, хан которого давал ему полное на то позволение (теперь такое описание сделают англичане), он выпросил у Семенова96 новую экспедицию, гонялся без нужды за Певцовым97, а по возвращении в Петербург опять забыл об отчете, и, после чтения о претерпенных страданиях, начал политиканствовать (чтение в Военной академии), подделываясь к тону Воен(ного) м(инистерст)ва и стараясь сочинить для себя (это он прямо-таки и писал нам) уже военную экспедицию98. Заручившись согласием в Петербурге, он поинтриговал в Ташкенте, — и экспедиция на Памир (но без него; тут его ташкентцы перехитрили) состоялась: Ионову дана была инструкция ставить пограничные знаки (в местностях где разграничения не было; причем и Вахан-Вахан, который соглашением Горчакова99 и Гранвилля100 мы сами уступили Афганистану101 включился в наши пределы), объявлять населению, что оно находится в русском подданстве, давать китайским бекам ставленные грамоты и знаки русских волостных управителей. Международные акты (пограничн(ые) протоколы и соглашения) в соображение, при этом безобразии, не принимались, да, кажется, о них и не вспомнили до того времени, когда я указал на них; сужу по тому, что после телеграммы ко мне Гирса о желании Военного

министерства, чтобы я оказал содействие отряду, Вревский (или лучше его тогдашняя голова — Галкин102) отвечал мне, что содействия никакого не нужно, ибо отряд идет по русской территории. Надо было указать, что это не так, и презирать международный акт можно только в случае войны, а не по прихоти генерал-губернатора. Я должен был донести М(инистерст)ву и написать Вревскому, что относительно границ Памира существует погранич(ный) протокол (1882 г.103) двух полномочных комиссаров, в котором границы эти ясно указаны, что такое разграничение можно находить невыгодным для интересов России и даже ошибочным, но обсуждать дело следует на почве дипломатической, а не путем насилий и безобразий. В протоколе этом (3 п.) наш пограничный комиссар, ген(ерал) Мединский, додумался до такой мысли, что проводя границу между двумя государствами, недостаточно указать одну пограничную линию, а нужно две; а потому и поместил в протоколе буквально нижеследующее: от пункта Иркештам граница идет на перевал Уз-Бель, Кызил-Джиек тож (у озера Большого Каракуля, т. е. почти при начале Памиров), где границы России и Китая оканчиваются, ибо граница Китая идет на юг, а России на юго-запад. Этим выражением он сразу отделил, в неизвестно чьи руки, огромный треугольник, включающий в себя почти все Памиры. Китайцы треугольник этот заняли (8 лет тому назад), поставили там своих беков и, посредством них, управляли населением до приезда Ионова. После ухода нашего отряда они вновь стали им управлять; пограничные столбы Ионова сняли, переименованных в русские волостные управители беков сменили и арестовали, и действия нашего отряда опротестовали в официальном ко мне сообщении. В ответ на мои донесения об этом протесте Вревский просил меня заявить китайским властям, что ставились не пограничные знаки, а “астрономические пирамиды”, а М(инистерст)во — что не знаки, а “памятники пребывания отряда”. Затем я получил от Капниста предписание представить соображения, как следует разграничить Памир. Не стесняясь уже протоколом, я высказал в этих соображениях все, что можно было сказать о действительном

закреплении (если это будет для нас нужно) за нами Памира.

Теперь на Памире появились афганцы и секретно ездят туда из Канджута англичане. Китайские команды с Памира отозваны. Что будет дальше — не знаю; сам я доношу много, а получаю почти ничего (от Кассини была всего одна бумага о вступлении его в должность). Приходится полагаться на свой разум и опытность, и, разумеется, тревожиться за последствия. Пишет мне Галдинский, что в обоих м(инистерств)ах, нашем и Военном мною очень довольны (!), но результаты этого довольства мы не видим. Мы с секретарем дослужились до того, что меня награждать, а его производить в чины уже нельзя. Неужели нельзя сделать для нас генеральное консульство104 даже без прибавки содержания? Сделали же недавно генер(альным)консулом кого-то во Франции. Кроме нас лично следовало бы подумать и о Кашгаре: скоро здесь будет английский агент и разумеется — ген(еральный) консул (как в Мешхеде); положение нашего консульства при китайских церемониях, будет очень и очень неприятным; первое место будет принадлежать не нам, прожившим здесь десять лет и представляющим гораздо большие, чем англичане, интересы торговли и политики, а недавно приехавшему офицеру индийской службы.

М. Е. Ионов

Я искренне благодарен Вам, глубокоуважаемый Федор Романович, за Ваше доброе желание помочь мне, но решительно затрудняюсь сказать, куда мне было бы желательно перейти. Долг чести что ли, или поста моего, требует не уходить до окончания дела о Памирах; но очень уже я измучился. На днях я даже писал (скажу Вам по секрету) к Иващенкову105, моему бывшему сослуживцу, а теперь товарищу Витте106, не найдется ли у него что-либо для меня подходящее, хотя бы в провинции. Я думал было о Трапезунте (если бы там было ген(еральное) консульство; не знаю, почему ему предпочтен Эрзерум); на европейские места надежды мало, да и из Кашгара трудно следить за ними. Кроме того, много и других условий, по которым на меня трудно угодить: привык я действовать самостоятельно, боюсь холода, стал мало общителен и т. п. Умирать пора.

Давно уже послал я Розену107 большое письмо по поручению Общества касательно наших

древностей. Письмо, смею сказать, недурное; даже сам я удивился, сколько оказалось там учености, хотя, может быть, и не вполне для настоящих ученых удовлетворительной. Не спросите ли Вы у барона, доволен ли он, с точки зрения ученой, этим моим письмом.

Получил недавно письмо от Вамбери108. Просит не более и не менее, как собирать для него песни, сказки, поверья, пословицы жителей Восточного Туркестана! За это люди получают звание академиков (Радлов)109 или медали (Пантусов)110, а г. Вамбери думает сделать такой труд чужими руками.

Получил письмо от барона Гассера111, сообщающее мне благодарность баварского правительства за памятник Шлагинтвейту. Благодарность, как видите, сильно запоздала.

Простите за длинное письмо. Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

P. S. Сейчас даотай сообщил мне официально о появлении на Памире афганцев.

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 7 сентября 1892 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 494. — [Т. XII].

29

7 сентября 1892 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Давно уже я не писал Вам о себе и наших делах. Не знаю, известно ли Вам, что мне удалось узнать китайский шифр? Дело это очень курьезно.

Кашгарский даотай, великий глупец и невежда, начал получать через Ош шифрованные от своего посланника телеграммы, на которые он должен был отвечать. Не зная телеграфных порядков, он обратился ко мне с просьбой, как следует посылать шифрованные телеграммы. Я просил его прислать мне его телеграмму, обещая переписать ее на бланке по правилам. И вот, к изумлению моему, даотай прислал мне (а потом и постоянно присылал) не только цифры, но рядом с ними и соответствующие китайские слова! С них я снимаю фотографии и пересылаю в М(инистерст)во. Узнали 186 слов, а затем сам даотай за обедом показал и рассказал всю систему шифра и — верх глупости — сам написал мне мою фамилию словами и цифрами. Вот какое важное дело удалось мне сделать. Китайцы, конечно, о нем и не догадались, ибо преспокойно продолжают присылать мне телеграммы. В руках М(инистерст)ва теперь такой ключ, которым оно откроет не только китайские секреты, но, может быть, и кое-какие секреты берлинские и лондонские. Ибо кит(айский) посланник весьма часто присылал сюда телеграммы из Берлина и Лондона.

На Памире Ионов уничтожил афганский пост, афганцы (20 человек) дрались против 75 наших отчаянно. Дело это произвело на меня гадливое впечатление: пост можно было захватить врасплох (это видно из донесений), не делая бойни112.

О памирском вопросе в М(инистерст)ве есть два моих донесения. Последнее — от 7-го августа. Может быть, Вы его прочтете. Это — почтительная критика действий В(оенного) м(инистерст)ва и турк(естанской) администрации в памирском вопросе.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 29 апреля 1893 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 495—496. — [Т. XII].

30

Кашгар. 29 апреля 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович113.

Каждую почти неделю посылаю я отсюда М(инистерст)ву шифрованные телеграммы о положении дел, телеграммы далеко неуспокоительного, чтобы не сказать более, свойства, а между тем не видно, что предпринимается по отношению к китайцам. Положение становится очень серьезным: китайцы делают усиленные и энергические приготовления не только к отпору нас в памирском вопросе но и, пожалуй, к нападению на наш отряд*. Значительная часть войск, хотя и негодных, стянута к Сарыколу и расположена на границе Памира, каждодневно отправляются туда огромные запасы продовольствия (вчера с населения одного только города Кашгара потребовали 30 т(ысяч) ослов под грузы, а третьего дня ушло с грузом 100 верблюдов). Даотай сказал мне, что телеграфная линия до Кашгара будет готова к осени, а теперь несомненно, что она пойдет из Кашгара в Сарыкол и далее, через Тагдумбаш-Памир, к Индии. Положение весьма серьезное. Разрыв висит на волоске. Стоит только какому-нибудь китайскому военному начальнику пострелять в наш пост на Ранг-Куле (что, при отсутствии всякой у китайцев дисциплины, можно всегда ожидать), и война неизбежна. Мы, т. е. консульство и наши здешние торговцы, подвергнемся опасности очень серьезной. После стычки, где бы она не

произошла, китайцы не замедлят напасть на консульство и разграбить товары наших купцов**. Из моих телеграмм и донесений М(инистерст)во все это должно было предвидеть, но ничего похожего на это предвидение не видно.

Я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Федор Романович. Вы знаете азиатские дела, хотя и перестали заниматься ими, несравненно более, чем кто-либо в М(инистерст)ве. Примите в этот важный момент в них участие и расскажите, кому следует, что теперь колебаться поздно, не надо было (не нашему, а Военному м(инистерст)ву) затевать дело, а когда оно дошло до настоящего положения, то нужно остановить его, пока не поздно, решительными мерами — высылкою сильного отряда за границу***, что немедленно (я в этом вполне убежден) заставит китайцев опомниться и согласиться на переговоры о разграничении Памира****.

Другого, более мирного, исхода из этого положения я не вижу, и должен прибавить, что всякие полумеры только больше и больше осмелят китайцев и сделают их еще надменнее. Придется прибегнуть к тому же самому, что я теперь советую, но только позже и, может быть, тогда, когда дело еще более усложнится. Своими теперешними мерами китайцы сильно подняли свой здесь престиж с умалением, разумеется, нашего. Английские советы и подстрекательство в полном ходу*****.

Чуть ли не 20-ть лет тому назад (как скоро прошло время) писал я покойному Петру Николаевичу официально (письмо мое должно быть в делах Аз(иатского) д(епартамен)та), что из Гиндукуша англичане создадут нам новый Кавказ. Угадал ли я или предвидел, но все-таки письмо мое, в некотором отношении, исторический документ114.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 21 августа 1893 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 496. — [Т. XII].

ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 496. — [Т. XII].

31

Кашгар. 21 августа 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Самые грустные и тяжелые мысли приходят в голову при чтении двух Ваших писем, которые я сегодня получил и на которые еще тяжелее отвечать Вам. Читая эти письма и зная, что делается здесь, руки отпадают заниматься службой. Уже три года, как самым добросовестным и усердным образом разъяснил я М(инистерст)ву памирский вопрос, даю почти каждую неделю сведения большой важности и вижу, что ни в центре, ни здесь, никто ничего не хочет знать, а тем боле делать. Тупость, безумие и цинизм — поразительные! Пересказывать все эти дела — это только вновь переживать тягостные минуты и раздражать нервы себе и Вам, особенно теперь, когда они у меня натянуты до последней степени. Недавно китайские солдаты, в виду своего начальника, помощника командующего здесь войсками, напали на Лютша и его спутников: подхорунжего Путинцева и слугу Лютша; Лютша оборонил торговый наш старшина, но сам он и спутники Лютша были сильно избиты. Солдаты (имена их я узнал) были немедленно скрыты (отосланы в Улугчат), а даотай и командующий войсками на требование мое наказать солдат ответили, что солдаты не найдены, а потом — что их и вовсе не былою. Просил (подражая Бисмарку115) придвинуть отряд Ионова к границе и под угрозой требовать наказания виновных. М(инистерст)во ответило: поручено посланнику потребовать удовлетворения. Ничего, разумеется, не будет кроме позора и окончательной утраты здесь нашего престижа. Но, довольно об этих грустных делах: всего не перескажешь.

Знаете ли Вы что-нибудь о моей коллекции санскритских рукописей, открывших (как пишет мне С. Ф. Ольденбург116) совершенно новое поле исследований и произведших большой шум в ученой Европе? Посмотрите два последних выпуска “Записок Восточного отделения Арх(еологического) общества”. Это не М(инистерст)во, там дорожат каждым, даже незначительным, сведением о наших древностях. Есть книга какого-то Носовича, в которой, говорят, сказано много справедливого о нашем М(инистерст)ве. Что это за книга?

Душевно благодарю Вас за Ваши добрые обо мне заботы. Право, трудно теперь сказать, где лучше; блаженный покой мне не дается, а мучиться — везде одно.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 3 октября 1893 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 497—498. — [Т. XII].

32

Кашгар. 3 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Дела наши здесь — в прежнем положении, и иначе не могут быть, ибо руководят ими те же “умы” Петербурга, которые Вы и я хорошо знаем. Писал я Вам, кажется, о новой выходке китайцев. В июле, на народном гулянье за городом, на секретаря консульства и его спутников (подхорунжего Путинцева, слугу секретаря и нашего торгового старшину напали шесть китайских солдат, избили до крови всех (кроме секретаря, которого защищал старшина; Лютшу попали только кирпичи в спину). Помощник командующего войсками, который сидел на крыше дома и солдаты которого чинили это безобразие, арестовал солдат и скрыл их. На мое

дома и солдаты которого чинили это безобразие, арестовал солдат и скрыл их. На мое требование наказать виновных китайцы ответили, что они не найдены. Просим Вревского придвинуть Алайский отряд к Иркештаму и поддержать мое требование (имена солдат я узнал); из Петербурга ответили: “нет надобности, дело будет улажено дипломатическим путем”. Теперь вышло вот что: китайцы подучили трех каких-то негодяев (бывших солдат) принять на себя вину. И эти негодяи показали, что они действительно бросали землю в русских, но лицо у Путинцева было разбито стременем лошади, на которую он садился (лошади были оставлены в саду у одного купца, и секретарь, и его спутники пришли, версты за две от сада, на гулянье пешком); бросали в русских землю за то, что они приставали к какой-то публичной женщине, которая была в саду и показала то же, что и солдаты. Теперь будем опять опротестовывать это дело, а между тем оскорбление не только остается, но и, этой наглостью, еще увеличилось.

Денег на алайские отряды и на постройку почти в центре Памира (на Шаджане) казарм117 из жженого кирпича истратили массу, думаю, близко миллиона; результаты — хуже, чем было положение дел до посылки отрядов: китайцы, видя что отряды приходят и стоят на местах (для них это совершенно непонятно), воображают, что мы струсили и высылаем отряды для защиты себя от их нашествия (так это и распространяется среди туземного населения); а следствием этого смелость и наглость китайцев увеличилась до такой степени, что все переговоры с ними будут лишь взаимной болтовней. Достаточно сказать, что недавно правильные китайские команды с начальниками во главе, перейдя Бедель, ходили до Барскауна, по всей долине Аксая, и возвратились через Теректы, везде входили в сношения с нашими киргизами и уверяли их, что местности эти будут заняты китайцами.

Слышали ли Вы о молодом Ванновском? Какой пример дает старик своим подчиненным! Посылает сына в отряд для отличия, как будто в маленьком отряде для командования 10-ю

казаками не найдется офицера. Юноша забирается в Шугнан, производит там перестрелку с афганцами, его окружают, Ионов идет на выручку, Ванновский перескакивает в Дарваз118. Всех подробностей еще не знаю. Дарья — лай, арык — лай буляде, т. е. если река грязь, арыки — грязь.

Археологическое внимание мое, после Кучи и Курля на севере, имевшее в результате отыскание более 100 листов санскритских рукописей на коже, коре и бумаге и открывшее (как пишет мне С. Ф. Ольденбург) совершенно новое поле исследований, обратилось к югу — к Хотану; и тут мне посчастливилось: добыл великолепные геммы, великолепной резьбы, некоторые с подписями на языке гупти (династия между V и VIII вв. по Р. Х.) и разные вещи и монеты. Слепки можете видеть у Розена, ему же посланы, в подлиннике и две золотые монеты с изображениями как будто Богородицы и надписями на двух языках — одном латинском странного начертания: victor ... avs perpet avs (кажется так).

В Семиречье был Бартольд119, написавший хорошую статью о христианстве в Туркестане и приезжавший для раскопок с художником Дудиным120 (для этого художника, как пишет мне Розен, и соорудил экспедицию Радлов). Бартольд упал с лошади и лежит (как слышно) в Аулиэ-Ата; археологическая экспедиция, значит не удалась121, что весьма жаль: я думал, что она приедет сюда и поможет мне подтвердить мои догадки о месте Баласагуна, которое, кажется, я несомненно открыл.

Простите за большое писание и верьте в искреннюю преданность и уважение Вашего почитателя.

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 15 ноября 1893 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 498. — [Т. XII].

Кашгар. 15 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Прошлый раз посылал Вам мою заметку, но не успел написать. Дипломатический путь, которым решили у нас добиться удовлетворения от китайцев за оскорбление секретаря консульства, оказывается кривым переулком без выхода: прошло ровно четыре месяца, а китайцы не только не дали удовлетворения, но и пытались обмануть и осмеять меня, выставив виновными трех нанятых негодяев, которые признались будто бы в своем поступке. Негодяев этих приводили в к(онсульст)во, для предъявления секретарю, в цепях, а затем, перед самым почти к(онсульств)ом, уводя, сняли с них цепи и предоставили им отправиться домой. За частное письмо мое к Вревскому о том, что если он придвинет Алайский отряд к границе, китайцы несомненно выдадут виновных (о сем я также телеграфировал Д(епартамен)ту, я имел честь получить маленькое замечание Капниста, которому не замедлил почтительно, на это замечание, возразить с некоторою, впрочем, ехидностию, облеченную в скромно-послушную форму. Я написал ему, между прочим, что дела политического характера давно меня (как ему известно из отчета) озабочивают, ибо к непосредственной консульской деятельности они не относятся, а между тем испрашивать указаний посланника (четыре м(еся)ца туда и обратно) не всегда возможно, да и сам граф нередко обращался ко мне и поручал мне дела вполне политического характера. Поэтому я и считал возможность сообщать графу о положении дел в Индии, в Канджуте, представлять ему сведения и соображения о памирском вопросе, добывать кит(айский) шифр, английские пули, привезенные в Кашгар, китайские секретные карты Памира, переписку и т. п.; но теперь, вследствии указания графа, я не премину в точности исполнять его приказание (т. е., иначе говоря, ничего теперь от меня о политике не ждите).

Искренно уважающи(й) Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 3 декабря 1893 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 499. — [Т. XII].

34

Кашгар. 3 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Писал я уже Вам, что удовлетворения за оскорбление Лютша китайцы не только не дали, но и хотели наглым образом обмануть меня, предъявив мне вместо действительных оскорбителей каких-то негодяев, нанятых принять на себя вину. 19-го октября (заметьте это) губернатор Синьцзянской провинции (из Урумчи) уведомил меня, что виновные еще не наказаны, потому что он, губернатор, ждет окончания срока, данного им здешним властям для отыскания виновных, и если виновные найдены не будут, то о смещении чиновников с должностей будет представлено государю. 21-го ноября посланник телеграфировал мне: Цзунлиямынь сообщил: виновные строго наказаны. Даотай жалуется, что Вы не принимаете его с извинением; предлагаю Вам принять его извинение. Значит в то время, когда губернатор из Урумчи сообщает мне, что виновные не наказаны и еще не найдены, Цзунлиямынь обманывает посланника, что они строго наказаны, а Кассини, не проверив чрез меня этого сообщения, предлагает мне принять извинение даотая, который никогда с этим извинением ко мне не являлся! Выходит теперь что-то вроде того, что нам следует извиниться за то, что Лютш позволил китайским солдатам избить себя.

Жалею я очень, что Вы не можете познакомиться с моими донесениями об этом деле не ради нас, а чтобы знать еще новый факт для характеристики теперешнего Азиатского д(епартамен)та и

присоединить его ко многим другим, ему подобным. Ясно для меня теперь то, что Кассини с Пекином не сладит; китайцы его одолели. Для будущего разрешения памирского вопроса, вступающего после переговоров Дюран(д)а с Абдуррахманом в новый, третий, фазис (первый был до занятия Канджута, второй — после занятия, а третий, теперешний, с предоставлением англичанам распоряжаться Читралом и всеми гиндукушскими странами) — это будет в высшей степени для нас печально... о чем, впрочем, я уже теперь писать в Аз(иатский) д(епартамен)т не буду, а напишу когда-нибудь, на свободе, в моих воспоминаниях о тяжелом времени.

Глубоко уважающий и искренно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 15 декабря 1893 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 499—500. — [Т. XII].

35

Кашгар. 15 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

На мое возражение на сделанное мне замечание Капнист прислал мне телеграмму — нечто вроде самооправдания: “мы, де, очень вас ценим” и пр. Ну что ж, это не дурно, хотя охоты сообщать ему сведения по-прежнему, как он о том просит, оно не прибавит. В Аз(иатский) д(епартамен)т возвратился из Асхабада, чтобы занять место Жданова, В. И. Игнатьев122. Вы его вероятно знаете. Здесь мы были с ним в довольно частой переписке. Делом занимался он серьезно; думаю поэтому, что он будет много полезнее той тупицы, которую сменил.

К нам сюда опят едет Хедин, милый швед, которого Вы, вероятно, знаете, пишет мне, что хочет пробраться в Тибет с той же стороны, где много раз пытались пройти наши путешественники, а также гг. Дютрейль123 и Гренар, которые скрылись, наконец, с горизонта В(осточного) Туркестана. Эти “друзья” (Блан, Мартен, Дютрейль и Гренар) порядочно-таки нас помучили разными поручениями и вызывали на оказание им всяких любезностей, им, разумеется, с изысканной предупредительностию оказанных, а между тем ни г. Maunoir и никто из власть держащих не изъявил нам ни малейшей за это благодарности. Протоколы Парижск(ого) общ(ества) заключают гораздо больше сведений о Дютрейле из его ко мне писем, чем из его писем в Общество, но г. Maunoir, по-видимому считает доставление ему таких писем моею прямою обязанностию.

Скажу Вам по секрету, что Гренар, заразившись в Хотане сифилисом, имел неделикатность прожить у меня три месяца, не сказав о своей болезни, о которой я узнал только случайно, когда к нам приехал, тоже случайно, доктор. Вот одна из характеристик “друзей”, которая мне пришла в голову по поводу последних событий.

Искренно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 31 января 1894 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 500—501. — [Т. XII].

36

Кашгар. 31 января 1894 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Простите великодушно за несколько неприличное начало моего письма, но диктует его самый факт, которым оно вызвано. Г(осподин) Кассини aus Hamburg — это выше чем aus Riga124 — дошел до того, что вопреки всем моим донесениям и копиям китайских мне сообщений убеждает нас, сидящих здесь, а не в Пекине, что оскорбители секретаря консульства наказаны, что даотай приезжал ко мне извиняться, что я его не принял и пр. — все то, что, дурача его, насказали ему китайцы. При этом он посылает мне копии сообщения ему Цзунлиямыня, словом не оговорясь, что наглую клевету Цзунлиямыня о том, что секретарь и его спутники заставляли на гулянье публичных женщин петь песни и это было причиной ссоры и оскорбления, он, посланник, поставил на вид китайцам. Даже более — он упрекает, что секретарю не следовало бы ходить на народный праздник, ибо, де, население не спокойно, забывая или не зная, что со стороны населения, кроме уважения и любви к нам, мы ничего не видели, а все многочисленные безобразия с путешественниками и нашими подданными всегда совершались китайскими солдатами, подстрекаемыми их начальниками. Да это ли еще — каждая бумага его приводит в изумление. Например вчера полученная бумага. Доносил я ему, что русский подданный, вопреки договорам, был допрошен без моего участия и допрошен с пытками, что я официально опротестовал это нарушение договора сообщениями даотаю и губ(ернатору) Синьцзянской провинции, которые не только не подвергли взысканию виновного, но и мне не ответили. На это донесение (заметьте: шло в Пекин два месяца) я получил вчера (еще два м(еся)ца вопрос: “Как обсудили Вы с даотаем это дело?” Очевидно, что он не может или (не) хочет заниматься делами; но нам от этого, пожалуй, было бы лучше, если бы он совсем ничего не делал и не раболепствовал перед китайцами: я вел бы тогда дела на свой страх и по своему разумению. Как жаль, что Кумани не остался на месте.

Знаете ли о разных проектах объединения средн(е)азиатских владений под одною сильною властию, иначе говоря — об увеличении чинов, расходов, болтовни, случаев быстрых карьер, незаслуженных повышений, интриг, выпиваемых вин, долгов в магазины и пр.?

У нас почти затишье: действительный Памир теперь в туманах, и вопрос о нем — тоже в тумане; действительные к весне рассеятся, но туман в голове рассеять трудно.

Искренно преданный

Н. Петровский

P. S. Не видаетесь ли с бароном В. Р. Розеном? Ему я выслал много редкого.

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 27 июля 1894 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 501. — [Т. XII].

37

Кашгар. 27 июля 1894 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Секретарь наш Я. Я. Лютш, которого Вы лично знаете, решил оставить Кашгар и искать себе в М(инистерст)ве или где-нибудь в Европе другого места. Он просил меня дать ему к Вам письмо и походатайствовать о Вашей помощи. Как мне ни жаль расстаться с Я. Я. Лютшем, с которым я прожил здесь более десяти лет в полном согласии и единомыслии, но просьбу его я нахожу своим нравственным долгом исполнить. Десять лет жизни в некотором роде за пределами цивилизации, в общении с китайцами, и притом китайцами здешними, при сношении с которыми нужно иметь не нервы, а канаты, имеют право, думаю я, заявить о себе и напомнить, что за все эти десять лет труда во вновь открытом консульстве секретарь его получил одну награду и по классу

труда во вновь открытом консульстве секретарь его получил одну награду и по классу должности, ниже своего чина, лишен возможности получить следующие. Я думал, что о Лютше вспомнят при открытии вакансии в Чугучаке, но о нем не вспомнили. Может быть вспомнят теперь, когда я послал в Аз(иатский) д(епартамен)т докладную его мне записку о желании его, по болезни, оставить Кашгар. Во всяком случае я усердно прошу Вас, глубокоуважаемый Федор Романович, помогите чем можете моему здешнему страдальцу, не пожелавшему дождаться, когда я сам сойду со сцены.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 16 января 1895 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 501—503. — [Т. XII].

38

Кашгар. 16 января 1895 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

В. И. Игнатьев передаст Вам напечатанную в Ташкенте и посланную ему, по моему поручению, из Ташкента брошюру, составленную мною по Sprenger'у как пособие для розыскания древних путей и древних местностей.125 Труд этот не особенно важный, но так как перевод у меня уже давно был, а в Ташкенте возродился интерес к археологии, то я и отдал его генерал-губернатору; примечания же мои (чем я и хотел дополнить перевод) пришлось отложить, ибо многого у меня для указания ныне существующих местностей нет, а дополнять не могу, сидя в Кашгаре.

Я давно Вам не писал и также давно не имею от Вас вестей. В сущности, при моей однообразной жизни и писать было нечего. События в Китае, по крайней мере до сего времени, идут мимо нас. Здесь о них не знает даже и даотай, откровенно сказавший мне недавно, что о дурных слухах чиновникам не сообщается; население знает о них еще менее. Лично я убежден, что события вызваны Англией, хотя фактов, разумеется, не имею, и хотя у Вас, кажется, думают иначе. Не выходят у меня из головы сообщения газет, что Китай получил от нашего посланника обещание не вмешиваться в дела Кореи. Если это сообщение верно, то, значит, Китай был уверен (и англичане тоже), что с Кореей можно покончить и умалить опасность сибирского пути (о которой ранее особенно кричали). Настало разочарование, но и при нем видно, что сочувствие Англии на стороне Китая: высказываются сомнения по поводу японских побед, выражается уверенность в том, что дело еще не проиграно и пр.126

Может быть я и не прав, сижу далеко от событий, но иногда издали виднее их общность, да и времени думать о них больше, чем в сутолоке министерских дел.

Другого рода сомнения, и более основательные, возникли у меня по поводу убийства Дютрейль де Рэна. Недавно доставили ко мне русского солдата (Разумова), который был в услужении у французской экспедиции. Я его допросил, составил протокол и отправил на родину. Затем китайцы прислали мне другого служителя экспедиции, жителя Ладакха (Мухаммед Иса), чтобы он рассказал мне о событии. Возник из всего этого ряд странных предположений, о которых вы прочтете в письме Хедина в "Турке(станских) ведомост(ях)" (Хедин еще здесь и был при допросах). Затем недавно мне принесли с базара продавать замшевые для верховой езды панталоны, новые, на обратной стороне которых я прочел "Rhins", написанное рукою Дютрейля. Панталоны дал продать Мухаммед Иса. Расспрашивая о нем, я узнал затем, что у него много и других вещей европейских, сказал я об этом Макартнею, в доме которого он живет, советовал осмотреть вещи, но этот английский агент решительно от сего уклонился, а с Хедином даже горячо поспорил, утверждая, что подозрений никаких быть не может, что вещи могли быть даны

горя не поверил, уверяя, что подозрений никаких быть не может, что вещи могли быть даны Grenard'ом после смерти Дютр(ейля) в Синин-фу, куда они были посланы ранее другой дорогой.

Может это и так, но странно, что Grenard раздавал чужие вещи, которые он был обязан отдать родным покойного, что панталоны были посланы туда, где в них нет надобности и где верховая езда оканчивается, что в числе вещей есть мелкие древние камни, несомненно хотанские, которые должны бы были быть отнятыми разбойниками. (Gr(enard) сам писал, что было отнято все). Я и Хедин становимся в тупик, как объяснить это убийство. Не будь Grenard'а, я не задумался бы сказать, что Дютрейль был убит своими или по подстрекательству своих, но как объяснить письмо Grenard'а (в "Temps")? Правда, он бежал самым постыдным образом, бросив умирать своего товарища, о последних минутах которого весь караван и Grenard узнали от местных жителей, но все-таки, неужели он скрыл истину? Дело это, конечно, меня как консула не касается, но я желал бы, чтобы меня спросили: не известно ли чего мне о смерти Д(ютрейля)? Я счел бы своим нравственным долгом, ради будущих путешественников и ради истины, рассказать, что мне известно, и мои сомнения. По моему совету Хедин это уже, отчасти, и сделал, но этого еще мало, ибо после отсылки его письма были добыты новые факты и сомнения.

Искренно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 7 июля 1895 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 503. — [Т. XII].

39

Кашгар. 7 июля 1895 г.

Милостивый государь барон Федор Романович.

Французский путешественник Dutreuil de Rhins, погибший в селении Тамбуда (около 20 дн(ей) пути к югу от Кукунора), во время своего пребывания в Восточном Туркестане постоянно находился в сношениях со мною. Все бумаги его, как можно судить из сообщений его товарища в путешествии, г. Grenard'а, погибли, но письма его ко мне у меня сохранились. Письма эти, в которых г. Dutreuil de Rhins сообщал мне о своем путешествии, своих трудах и намерениях, могут иметь значение как для того ученого учреждения, на средства которого путешествовал покойный, так и для его семейства или родственников, если они имеются. Прилагая при сем означенные письма, я позволил себе обратиться к Вашему превосходительству с почтительнейшею просьбою — не признаете ли Вы возможным передать эти письма по тому назначению и тем порядком, какие Вы найдете лучшими.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 16 октября 1895 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 503—504. — [Т. XII].

40

Кашгар. 16 октября 1895 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Р

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Давно уже не писал я Вам, да и от Вас не имел вестей. Судя по слухам из Ташкента, ждал я Вас видеть на высшем месте. Но все, кажется, останется по-прежнему, без видимых перемен.

Сам я давно уже занимаюсь в границах предписанных, не пускаясь на рассуждения, эти границы переходящие. Досуг, которого не особенно много, посвящаю своим, личным занятиям — между прочим собиранием древностей, за что лестно прославлен бароном Розеном и Ольденбургом.

Вы, конечно, знаете, что дунгане опять бунтуют. Прошло теперь около 30 лет со времени первого восстания — урагана, унесшего миллионы людей. — У нас в Семиречье живет масса дунган, очевидцев и деятелей этого восстания, и кроме небольших статей Рихтгофена, Гейнса128 мы не имеем до сих пор никаких обстоятельных сведений об этом восстании, его причинах и пр.; никто не позаботился собрать их. Теперь восстание повторяется и становится серьезным, и особенно потому, что хотя дунган и меньше, но Китай значительно слабее прежнего. Судя по тому, что рассказывают мне китайские чиновники (рассказывать неприятное они не любят), восстание усмирить силой нельзя, ибо ни войска, ни продовольствия, ни снарядов нет. Словом, нарождается новый вопрос, к которому мы не приготовились, и которого совсем не знаем.

Хедин живет у нас и собирается попытаться проникнуть в северный Тибет, а затем направиться в Пекин. Это последнее я ему не советую, ибо ученое путешествие будет сбиваться на блуждание туриста.

По моему мнению, ему не следовало бы ездить и на Памир, в комиссию129, и писать оттуда корреспонденции.

Искренно преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 25 декабря 1895 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 504—505. — [Т. XII].

41

Кашгар. 25 декабря 1895 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Желаю Вам всего хорошего на новый год. Давно, и очень давно, я не писал к Вам — потому, что у нас до такой степени все однообразно, что после раз о здешней жизни и делах сказанного ничего более говорить не остается, даже дунганское восстание (которое, кажется, растет) нисколько пока не тревожит нас; события вне этой машинной жизни и разные о них рассуждения мало меня, в последнее время, интересуют: жизнь берет свое.

Вы знаете, что меня оставили без секретаря почти на два года, несмотря на любезное письмо гр(афа) Капниста прислать секретаря в самый скорый срок, за этот год у меня собрано пошлинных сборов до 10 т(ысяч) рублей — едва ли не более, чем в каком-либо консульстве, кроме Константинопольского. Можете судить поэтому, что дела не мало, и без секретаря с двумя писцами из казаков — трудно; только эта однообразная жизнь, отсутствие посетителей, развлечений и пр., и дает возможность, заглушая скуку, сидеть у дел. Было, впрочем, одно развлечение — милейший Хедин, уехавший на днях в Хотан и далее, чтобы уже расстаться с Кашгарией; деньги я ему выдал из своих, а Вами высланные получу на этих днях.

Что Вы сделали с письмами ко мне Дютрейля, которые я давно послал на Ваше

благоусмотрение? Вот ведь эти гг. французы Блан, Мартен, Дютрейль, Гренар — сколько всяких любезностей оказывал я им, а ни один из них и не подумал выразить мне гласно признательность! Об англичанах и говорить нечего: эти господа распоряжались мною как своим коммиссионером, — менял я им деньги, отыскивал проводников, давал людей и пр., — и тоже принимали как дань от варвара.

О моих открытиях в области археологии, скажу с гордостью, Вы, конечно, знаете. Можно бы сделать гораздо больше, но нет возможности отлучиться даже за 25 в(ерст) от Кашгара, а настоящие-то древности от меня далеко. Прав был В. В. Григорьев, говоря, что В(осточный) Туркестан гораздо древнее Бактрии. Много мне помогли своими советами и поощрениями барон В. Р. Розен и С. Ф. Ольденбург.

Б. Л. Громбчевский

Прилагаю письмо Венюкова и прошу по прочтении уничтожить. Может оно наведет Вас на некоторые соображения.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 12 января 1896 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 505—507. — [Т. XII].

42

Кашгар. 12 января 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Ваше письмо от 14 декабря начинается словами “недавно сообщал я Вам разные вести”. Этого письма я не получил, затеряться в г. Оше оно не могло, ибо порядок там отличный; странно это? Душевно благодарю Вас за Ваше письмо.

Сейчас приехали из Иркештама казаки с деньгами для Хедина, и недоумение мое о Вашем первом письме разъяснилось: оно пришло с деньгами. Благодаря разным правилам уездные власти не могут распоряжаться казаками и должны спрашивать военных властей — денежные пакеты приходят к нам чуть не через месяц по их получении в Оше. Хедин уехал уже с месяц, получив от меня эти деньги вперед, ибо ждать их ему было невозможно.

На Ваши письма позвольте ответить поподробнее, так сказать, по пунктам.

Слух о Вас дошел до Ташкента и затем до меня — из Бухары, с которой Аз(иатский) д(епартамен)т, конечно, в переписке, ибо знакомства и связи остались. Слышно также, что уходит Лисовский138, и на его место приглашается Губастов139. О, кажется, человек хороший, но вряд ли полюбит дела Азии.

В Кассини я, кажется, ошибся — кажется, но положительно еще сказать не могу. Судя по всем любезностям, по совершенной перемене фронта, которые проявляют здесь относительно к(онсульст)ва и меня лично китайские власти, надо думать, что Кассини действительно пользуется в Пекине большим влиянием. Но если это и так, то все-таки он только мастер дипломации на службе России, которая ему сама по себе совершенно чужда. В китайско-японском вопросе была сделана какая-то крупная ошибка; я убежден, что Китай и Япония скоро забудут свои распри и станут против нас. Теперь мы “в ласке” у китайцев (как говорит один здешний поляк), но вряд ли эта ласка долговечна, особенно если мы что-нибудь за свою помощь от них возьмем.

Благодарю Вас искренно за добрые старания обо мне. Капнисту я, конечно, мог бы быть полезен, но очень уж я переутомлен, выражаюсь модным словом, и временами боюсь, чтобы со мной не случилось того же, что было с Н. А. Ермаковым, который, как говорят — от переутомления, физического и душевного, замолчал и кажется до сих пор молчит. Мне бы теперь мечтательно было такое место, как начальника одного из архивов, но, конечно, это только мечта, хотя, по правде сказать, я не был бы хуже других.

Наше к(онсульст)во собрало за прошлый год в государственный доход разных сборов более 10 т. рублей! Кажется, мы вторые после Константинополя; а между тем до сих пор (скоро будет два года) я без секретаря с двумя писцами из казаков; приискать сколько-нибудь сносного писца решительно негде: в Ташкенте, Фергане им дают больше, чем я могу дать.

Я думаю, что теперь самое лучшее отдать письма Дютрейля Геогр(афическому) общ(еству); родных-то своих он не любил, хотя и не раз говорил, что они у него есть и переписываются с ним аккуратно. Будет, пожалуй, несколько недоволен М. И. Венюков — почему не ему я послал эти письма; но он Парижское геогр(афическое) общ(ество) за что-то недолюбливает. Кстати об экспедиции Дютрейля — писал ли Вам что-нибудь о ней? Жалкая, можно сказать, позорная экспедиция — хуже, чем единичная экспедиция Мартена: этот санитар из-под Плевны, возведенный покойным велик(им) князем Никол(аем) Николаевичем140 в горные инженеры, был только великий невежда, а гг. Дютрейль и Grenard — французы-развратники, прожившие без нужды более года в Хотане и растратившие там более 2/3 экспедиционных денег на забавы с продажными женщинами: рассказы об этих забавах — просто невероятны, если бы о них сообщал мне кто-нибудь другой, а не наш торговый старшина.

Впрочем, об этой экспедиции я расскажу Вам при свидании, если, наконец, попаду весной в Петербург.

Очень рад, что Вы того же мнения, как и я, о поездке Хедина на Памир. Хедин жил у нас долго, мы к нему совсем привыкли, и потому я позволил себе слегка сказать, что роль корреспондента ему неприлична, что эти письма с рисунками в “Graphic”, “Разведчик” и пр. Не вяжутся с его учеными трудами. Надо Вам сказать, что посетить и исследовать “Мазартаг” посоветовал ему я: поперек Кашгарии идет, будто бы, какой-то, в несколько странном направлении, хребет, о котором никто, кроме упоминания Пржевальским, не знал и не позаботился узнать подробнее. Это была бы очень благодарная и хорошая работа; но Хедин, кажется, с ней не сладил — взял мало людей, плохо снарядил караван — и чуть-чуть было не погиб.

Теперь ему делать здесь, в сущности, нечего, но скоро возвратиться он, по-видимому, не хочет. Путешествия — это своего рода страсть, и как таковая, захватывает собой всего человека. Я помню, как Пржевальский, возвращаясь из своего последнего путешествия, еще не переходя русской границы, уже писал мне, что он готовится к новому путешествию. Эта страсть одолела и Хедина, теперь он блуждает у Хотана, пойдет потом на Лоб-Нор (совсем не нужно после всех путешественников, там перебывавших), затем через Внутренний Китай в Сибирь, Владивосток, Пекин, — словом, ученое путешествие обращается в блуждание туриста.

Я думаю быть в Петербурге в августе, посмотрю выставку, а ранее того, может быть, пробуду на водах возле Оша — полечусь от ревматизма. Хотелось бы проехать теми древними дорогами, которые указать удалось мне в прилагаемом при сем листке; но вряд ли по времени успею это сделать.

А в заключение скажу, что в ташкентский, или, вернее, бухарский слух я верю и буду ждать от Вас известий, чтобы искренно и от души поздравить Вас.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 27 января 1896 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 507—508. — [Т. XII].

43

Кашгар. 27 января 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

В прошлом письме забыл написать Вам о дунганском восстании, которое Вас, как видно, интересует. Теперь оно сосредоточилось в Синин-фу, который в руках мятежников. Хэ-чжоу, Дидао-тин (недалеко от Синин-фу) китайцами взяты у мятежников обратно. Опасность восстания в том, что кроме дунган в нем участвуют и китайцы — члены анархического общества Гола-хау (старших братьев). Об этом обществе, т. е. о том, что в члены его вербуются наши дунгане Семиречья, я доносил Д(епартамен)ту лет шесть, кажется, тому назад и приложил к донесению членский значок, присланный мне из Токмака. Но худшее-то вот в чем: вчера даотай прислал ко мне своего чиновника секретно сообщить, что по доносу одного дунганина в Куча там открыт заговор дунган, оружие; глава предполагавшегося восстания живет в Карашаре, где также дунгане готовятся к восстанию. Это уже близко от нас: до Кучи дней 15 ходу.

Я получил письмо Ф. Ф. Мартенса, которое при сем прилагаю. Оно очень любезно, лестно для меня, но — между нами сказать — слишком для меня любезно: он меня почти не знает. Думает

он заниматься нашими делами что ли? Посылаю письмо для Ваших соображений.

Англичане прекрасно разделили дороги через канджутские владения к Памиру, даже на пути из Гилгита в Канджут построили железный мост через реку. Новый путь в Кашгарию (через Канджут, Тагдумбаш-Памир и Сарыкол), значит, скоро будет открыт, о чем я, впрочем, года три доносил Д(епартамен)ту.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Письмо это послано 4-го февраля.

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 6 ноября 1896 г. Ташкент // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 508. — [Т. XII].

44

Ташкент. 6 ноября 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

С большим трудом добрался я до Ташкента, где остановился на отдых и откуда скоро выеду в Петербург. Путь от Кашгара до Оша (вьючный) был, право, не хуже, если не лучше почтового до Ташкента: в виду скорой постройки железной дороги почтовые подрядчики сводят весь тракт на нет, а за исправностию его никто не смотрит, — да и вообще дела здесь, как видно, идут очень плохо. Был недавно на одном совещании у начальника штаба, узнал, между прочим, что на всякий случай готовятся взять Герат (в случае усложнений дел на Западе, разумеется), что спешно будет строиться дорога от Мерва до Кушки (ассигновано 3 м(иллиона) и строитель уже

приезжал), чтобы предупредить англичан, что проект движения, составленный Куропаткиным134, высочайше одобрен. Едва ли здешние руководители довольны этим проектом; главная роль выпадет на долю Асхабада, которому придется отдать свои войска.

Из Кашгара новостей особенных не имею кроме того, что по случаю прибытия туда пожертвованных Семиреч(енским) полком Евангелия и хоругви, секретарь (сам он о том мне писал) устроил что-то в виде молебствия и прокричал многолетие государю и мне! Странное шутовство! Затем возникли у него какие-то препирательства с китайцами по поводу выстрелов. Не знаю почему — я пользовался у даотая почетом трех выстрелов из пушек, когда посещал его; в этом почете секретарю отказали, и это возбудило препирательства.

Желаю найти Вас в добром здравии и на высшем месте, которое многие и давно Вам желают.

Глубоко преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 25 ноября 1898 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 508—509. — [Т. XII].

45

Кашгар. 25 ноября 1898 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Давно уже я не писал к Вам; не было ничего такого, что можно бы было предъявить Вашему вниманию.

Павловым135 я был очень доволен за его энергическую поддержку нас. С Гирсом136 на первых порах пошло иначе. Четыре наших семиреченских казака, гоняясь за маралом, перешли границу, были схвачены, задержаны на китайском карауле и с помощью киргиз буквально ограблены: лошади их, в присутствии их, зарезаны и съедены, тулупы, рубашки и даже сапоги отняты; вели они себя прекрасно: имея ружья и патроны, они их отдали беспрепятственно и позволили сделать с собой все, что было сделано (это не отрицают и китайцы, т. е., что арестовать себя они не препятствовали). Доставили их ко мне из Аксу китайцы на казенной арбе (арестованы были в мае месяце) в лохмотьях, без рубашек и без сапог. Началась переписка. Аксуйские власти заявили, что ограбления никакого не было, что лошади казаков околели и т. п. Телеграфировал Павлову; он энергически принялся за дело; китайцы начали со мной торговаться — нельзя ли уплатить казакам только расход на возврат домой, а не за ограбление (ограблены были, между прочим, дорогие маральи рога; весь иск 4 казаков и одного киргиза в 800 р.); я не согласился и опять телеграфировал Павлову; но его уже не было, а стал Гирс. Живя здесь с мая, задолжав конвою за свое содержание, расстроив этим, конечно, свои хозяйства в Семиречьи, казаки стали умолять меня отпустить их домой и дать им денег. Телеграфировал Гирсу, прибавив, что отпустить без удовлетворения за ограбление будет крайне неудобно. Получил ответ: “можете отпустить, продолжая настаивать на удовлетворении”. Это “продолжая настаивать” — мило! Т. е. толките воду, и мы, месяца через три, будем об этом знать и Вам о продолжении толчения предписывать! Телеграфировал опять, что мне настаивать невозможно, это дело давно и вполности в руках миссии. Ответа еще не получил. Вот Вам начало деятельности нашего нового посланника.

Положение дел в Пекине, как видно из газет, серьезное; это знают и здешние китайские власти и спешат пополнить свои карманы за счет населения, причем страдают, косвенно, и наши торговцы, ибо взыскания долгов с китайских подданных в пользу русских кредиторов, можно сказать, совсем остановилось

Хотел было написать Вам о своих планах, но лишнее оказалось

Хотел было написать Вам о соседних делах, да вижу, что писать нужно много; оставляю до другого раза. В фанатизм Ферганы, о чем теперь все кричат, я не верю; было там приготовление к бунту и опыт его; ишан служил только флагом, ибо другого известного населению лица не нашлось (были за его спиной). Движение приготовлялось серьезное и не только в Фергане, но и между киргизами (все свое внимание мы сосредотачиваем на сартах, а киргизы и теперь таковы же, как были в 50-х годах).

Недавно получил я из Казани напечатанную там книгу — "Письма Ильминского". Это его137 переписка с Победоносцевым138. Советую прочесть; найдете много удивительного.

Глубоко уважающий Вас

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 24 февраля 1899 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 509—510. — [Т. XII].

46

Кашгар. 24 февраля 1899 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Это письмо будет отправлено днями четырьмя позднее. Заграничное письмо Ваше пришло ко мне значительно позже моего прошлого к Вам письма.

Недавно я получил от генер(ала) Духовского139 из Петербурга (любезность с его стороны) его печатный рапорт военному министру с приложением отчета ген(ерала) Королькова140 о ферганском бунте141. Вам непременно нужно достать этот рапорт для присоединения к Вашей знаменитой коллекции среднеазиатских материалов. Если не достанете, я пришлю Вам списать его. Документы в высшей степени интересные. В рапорте между прочим заявляется, что "казненный ишан говорил так: "После завоевания края русскими в народе началась сильная порча нравов, отступление от шариата, разврат, были подорваны семейные начала"... "В этих словах, — наивно или цинично говорит ген(ерал) Духовской, — нельзя не видеть, что ослабление мусульманства отчасти уже достигнуто одним соприкосновением туземцев с русскою жизнею, нельзя не видеть победы русского влияния над местными нравами"...! Генер(ал) Корольков в отчете своем докладывает, что Канчибек142 (повешен года четыре тому назад за убийство таможенных стражников) был повешен невинно. Это говорит официально губернатор, при случае, о факте, который он знал 4 года тому назад! Теперь мне совершенно понятно, почему, когда я сюда возвращался, вся Фергана распевала жалобный плач Асоль-хан, жены Канчи-бека; тогда я очень дивился этой песне и уже склонялся было усмотреть в ней фанатизм; теперь все стало ясно.

Получил два выпуска книги Хедина. Совсем они мне не нравятся, хотя он и превозносил меня в них похвалами, да и хвалит не верно: совсем я не таков, каким он меня изображает. В книге много ошибок (в названиях; а я все их ему поправил и объяснил), неверностей и, отчасти, неправды.

Китайцы совсем не патриоты; в этом я давно убедился; они люди "землячеств", патриоты провинций — хунаньцы, хубэйцы и пр., до единого Китая им дела мало. Но вот что замечательно: уже не раз я встречаю у них сочувствие и даже одобрение Кан Ю-вэю143! Допустить, что они сочувствуют его прогрессивным идеям — невозможно: они их не знают, да и, узнав, не одобрят; знают они только то, что Кан Ю-вэй приверженец императора144 и враг императрицы145, которая, будто бы, любит и слушается только русских и им продали Китай. Это как будто и пробуждение общественного мнения.

Казаков наконец удовлетворили; с большим трудом окончено было дело. Другие дела, посланные в Пекин, давно там застряли.

Душевно Вам преданный

Н. Петровский

Петровский Н. Ф. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 12 августа 1899 г. Кашгар // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 510—511. — [Т. XII].

47

Кашгар. 12 августа 1899 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Благодарю Вас за брошюру о Финляндии. Она очень хороша; стало мне наконец ясно в чем все дело и спор. Из статей газет и "Вестника Европы" дело представляется мне очень смутным.

Из прилагаемой копии письма моего к Гартвигу146 увидите, до чего избаловали мы и я лично "наших друзей" французов. Приехали эти господа сюда с двумя маленькими чемоданчиками, полагая расположиться у меня, совершенно их не знающего и не получившего о них никакой рекомендации, как дома.

Свен Хедин здесь и стал хуже прежнего, зазнался: только и говорит, что о своих триумфах. Едет пока опять на Лобнор, и это пожалуй самое лучшее, что он делает: еще раз Лоб будет снят и исследован; в поездку его в Тибет я не верю; об этой поездке он говорит, кажется, только для газетных известий. Какую заметку писали Вы об нем Гансену? Он видел и узнал Вашу руку; он мне не сказал, что было написано. Замечательно, как все почти путешествия сюда снизошли до авантюр, самого непозволительного характера147!

Я уже Вам как-то писал, что о делах в Пекине я сужу по здешним о них "рефлексам". Наши китайцы не особенно со мной дружелюбны, значит и там дела в колебании. Сочувствие к положению богдыхана, как я уже Вам писал, здесь очень заметно, как равно и ненависть к правительнице. Недавно мы говорили о делах с здешними помощниками командующего войсками, и из уст китайца, который с оглядкою и страхом произносит обыкновенно имя императора, я услышал шепот: "Нельзя старой бабе управлять государством". Вообще положение тревожное. В Манасе был бунт, в кашгарском населении циркулируют разные беспокойного характера слухи.

Будьте здоровы и не забывайте глубоко преданного Вам

Н. Петровского

Бухерт В. Г. Примечания: Туркестанские письма Н. Ф. Петровского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 511—517. — [Т. XII].

1 Струве Кирилл (Карл) Васильевич (Вильгельмович) (1835—1907), дипломат, гофмейстер. Возглавил экспедицию на оз. Зайсан и в Тарбагатай (1863—1864), в ней принимал участие Т. Н. Потанин, посол в Бухаре (1865—1866), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1869—1873), посланник в Японии (1876—1882), САСШ (1882—1892), Нидерландах (1892—1905)

2 Подробнее см. Петровский Н. Ф. О шелководстве и шелкомотании в Средней Азии. Ташкент. 1873.

3 Грена — яйца бабочки-шелкопряда.

4 Шахмурад — правитель Бухарского ханства (1785—1800).

5 Хатырчи — административный центр одноименного бекства, впоследствии райцентр Самаркандской области.

6 Насрулла-хан, эмир Бухары (1826—1860).

7 Колпаковский Герасим Алексеевич (1819—1896), генерал от инфантерии, военный губернатор Семипалатинской области (1865—1867), Семиреченской области (1867—1883), генерал-губернатор Степного края (1883—1888).

8 Имеется в виду занятие русскими войсками Илийского края с центром в г. Кульджа, принадлежащего Китаю и охваченного антицинским восстанием.

9 Худояр-хан (1835—1886), правитель Кокандского ханства в (1845—1875).

10 Казала (Казалинск), уездный город Сыр-Дарьинской области.

11 Кауфман Константин Петрович (1818—1882), инженер-генерал, генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор (1867—1882) почетный член Петербургской Академии наук (с 1873 г.).

12 Ермаков Николай Андреевич (1824—1827), директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (1879—1886).

13 Якуб-бек (Магомет Якуб-бек Бадаулет) (1820—1877), правитель государства Иэтти-шар (Кашгария).

14 Хивинский поход 1873 г. русских войск под командованием генерала Кауфмана, в результате которого Российская империя установила протекторат над Хивинским ханством.

15 Катта-тюря (Абдулмалик-хан) (1848—1909), старший сын бухарского эмира Музаффара.

16 Музаффар-хан, эмир Бухары в 1860—1885 гг.

17 Н. Ф. Петровский был назначен членом ревизионной комиссии под руководством Ф. К. Гирса, образованной в 1882 г., по настоянию нового туркестанского генерал-губернатора М. Г. Черняева, для проверки деятельности его предшественника К. П. Кауфмана.

18 Мельников Александр Александрович (1827—1913), вице-директор Азиатского департамента МИД в 1875—1883 г.г., посланник в Тегеране в 1883—1886 гг. Новый директор — Зиновьев Иван Алексеевич (1835—1917), начальник Азиатского департамента МИД в 1883—1891 гг.

19 Падерин Иннокентий Васильевич (? —1893), консул в Кульдже (1882—1885), Тяньцзине (1885—1892), Чугучаке (с 1892 г.).

20 Вильд Генрих Иванович (1833—1902), метеоролог, физик и геофизик, директор Главной физической обсерватории в С.-Петербурге, почетный член Академии наук (с 1895 г.).

21 Мединский Виктор Юлианович (1837—1908), генерал-лейтенант, был начальником Аулиэатинского уезда (1867—1869), г. Ташкента (1869—1877), Маргеланского уезда (1878—1879), помощник военного губернатора Ферганской области (1879—1895), полномочный

комиссар по разграничению Туркестанского генерал-губернаторства от Западного Китая (1882—1884), помощник военного губернатора Самаркандской области (1896—1899), военный губернатор Самаркандской области (1899—1905).

22 Очевидно, имеется в виду участие бухарской делегации в коронационных торжествах, завершившихся 28 мая 1883 г.

23 Гирс Федор Карлович (1824—1890), член Совета министра внутренних дел (с 1863 г.), председатель Степной комиссии (1865—1868)

24 Игнатьев Николай Павлович (1832—1908), граф, министр внутренних дел (1881—1882).

25 Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), генерал-лейтенант, военный губернатор Туркестанской области (1865—1866), теркестанский генерал-губернатор (1882—1884).

26 Должность торгового аксакала учреждена по китайско-кокандскому договору 1832 г. Он являлся консулом и политическим резидентом кокандского хана в Кашгаре.

27 Мартенс Федор Федорович (1845—1909), юрист и дипломат, профессор международного права Петербургского университета (1873—1905).

28 Статья вышла в “Новом Времени” от 3 (15) апреля 1884 г., подписана псевдонимом “Мусафир” (“Странник”).

29 Шугнан — бухарское бекство на юго-западной окраине Памира.

30 Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918), историк, генеалог, член Совета министра финансов (1879—1887).

31 Шлагинтвейт Адольф (1829—1857), немецкий географ и альпинист, исследовавший в 1854—1857 гг. Гималаи, Западный Китай. Казнен в Кашгаре 26 августа 1857 г. Подробности убийства стали известны благодаря Ч. Ч. Валиханову, сообщившего о них в 1861 г. В 1888 г., по инициативе Н. Ф. Петровского, в Кашгаре был установлен обелиск в память о А. Шлагинтвейте.

32 Бунге Николай Христианович (1823—1895), министр финансов (1881—1886).

33 Отчет был издан (см. Петровский Н. Ф. Отчет о Кашгарии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб, 1886. Вып. 22).

34 Вяземский Иван Александрович (? —1904), князь, управляющий Туркестанской контрольной палатой (1883—1895).

35 Розенбах Николай Оттонович (1836—1901), генерал от инфантерии генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор в 1884—1889 гг.

36 Абдул-Карим-бек, племянник кокандского Худояр-хана, поднявший против него мятеж в 1875 г. В мае 1876 г. бежал из Ходжента, где находился под надзором русских властей.

37 Пансад — глава воинского подразделения в 500 человек.

38 Григорьев Василий Васильевич (1816—1881), востоковед, автор трудов по истории Туркестана, профессор Петербургского университета (1863—1878), управляющий Восточным отделением Императорского Русского археологического общества (с 1867 г.), начальник Главного управления по делам печати (1874—1880)

(/1874—1880)

39 Валиханов Чокан (Мухаммед-Ханафия) Чингисович (1835—1865), казахский просветитель, путешественник, этнограф. По окончании Сибирского кадетского корпуса в Омске был адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири. В 1858—1859 гг. побывал в Кашгарии, где приобрел сочинение уйгура Мухаммеда-Садыка Кашгарского "Тазкира — и Ходжаган" ("История династии ходжей в Восточном Туркестане").

40 Риттер Карл (1779—1859), географ, профессор Берлинского университета.

41 Илийский край с центром в г. Кульджа в 1871 г. был занят русскими войсками и возвращен Китаю по Петербургскому договору 1881 г.

42 Политическое агентство в Бухаре учреждено 12 ноября 1885 г.

43 Пржевальский Николай Михайлович (1839—1888), генерал-майор, знаменитый исследователь Центральной Азии.

44 Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890), граф, министр финансов (1862—1878), председатель Комитета министров (1881—1886).

45 Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, министр внутренних дел (1882—1889)

46 Чарыков Николай Валерьевич (1855—1930), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1883—1885), политический агент в Бухаре (1886—1890)

47 Абдуррахман-хан (1844—1901), эмир Афганистана (1880—1901), жил в изгнании в

Самарканде (1870—1879). По случаю его отъезда на родину, Петровский поместил в "Новом времени" от 1 января 1880 г. свою заметку.

48 Элиас Ней (1844—1897), английский исследователь Центральной Азии, генеральный консул в провинциях Хоросан и Сеистан.

49 Артур Дуглас Кэри и Эндрю Далглейш совершали путешествие по Восточному Туркестану в 1885—1886 гг. Во время очередного-путешествия в 1888 г. Далглейш был убит.

50 Лю Чжао-шай, губернатор провинции Синь-цзян, в 1886 г. назначен губернатором провинций Шэньси и Ганьсу.

51 Попов Сергей Иванович, консул в Гавре и Руане (1865—1875), генеральный консул в Марселе (1875—1883), посланник в Пекине (1883—1886).

52 Попов Павел Степанович (1842—1913), филолог, автор "Русско-китайского словаря", изданного в 1879 г., генеральный консул в Пекине (1886—1902), член-корреспондент Петербургской Академии Наук (с 1890 г.).

53 Первое российское консульство в Индии действительно было открыто в Бомбее, но лишь в 1900 г., в Калькутту оно переведено в 1910 г.

54 Фриде Алексей Яковлевич (1838—1896), генерал-майор, военный губернатор (1882—1887) Семиреченской области, ярославский губернатор (1887—1896)

55 Балкашин Николай Никанорович (1838—1887), чиновник особых поручений при Главном управлении Западной Сибири (1875—1882), консул в Чугучаке (1882—1887).

56 Корф Андрей Николаевич (1831—1893), генерал-адъютант, барон, приамурский генерал-губернатор (1884—1893).

губернатор (1884—1890).

57 Шнеур Николай Яковлевич (1848—1894), полковник, делопроизводитель Военн-ученого комитета Главного штаба (1879—1883), военный агент в Китае (1883—1886), командир 100-го пехотного Островского полка (1893—1894).

58 Громбчевский Бронислав Людвигович (1855—1926), генерал-майор, исследователь Памира, Северно-Западного Тибета и Кашгарии, астраханский губернатор в 1903—1905 гг. Громбчевский побывал впервые в Кашгарии в августе-ноябре 1885 г. Он занимался съемкой местности и сбором сведений военного характера. Находясь в Кашгаре, Громбчевский пользовался "радушием и широким гостеприимством" русского консула". (Громбчевский Б. Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году. Н. Маргелан [б. г.]. С. 7).

59 Иванов Николай Александрович (1842—1904), генерал-лейтенант, начальник Аму-Дарьинского отдела (1873—1877), военный губернатор Ферганской области (1883—1887), туркестанский генерал-губернатор (1901—1904).

60 Болгарский князь Александр Баттенберг (1857—1893) был арестован пророссски настроенными офицерами и отрекся от престола.

61 Грум-Гржимайло Григорий Ефимович (1860—1936), географ и зоолог, исследователь Западного Китая, Памира, Тянь-Шаня, Западной Монголии, Тувы, Дальнего Востока. Впервые побывал в Кашгаре в июле 1886 г.

62 Экспедиция Грум-Гржимайло была организована на средства графа С. Д. Шереметева.

63 Гумбольд Александр (1769—1859), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник.

64 Рихтгофен Фердинанд Пауль Вильгельм (1833—1905), немецкий геолог и географ.

65 4 февраля 1887 г. Петровский отослал в Азиатский департамент МИД "Программу наставления и вопросов" для разведчиков из местного населения, где предлагал создать при штабе Туркестанского округа секретную школу разведчиков, которых следовало послать в Бадахшан, Рушан, Вахан, Гилгит и Читрал. (См. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 493. Л. 3. 3 об.).

66 Договоренность о встрече Громбчевского с Сафдер-Али-ханом состоялась во время встречи Петровского с Магомет-Назимом, братом правителя Канджута, посетившим Кашгар в мае 1888 г. Петровский передал благодарность русского правительства Сафдер-Али-хану "за его готовность быть к услугам России". К этому времени правитель Канджута, по словам Магомет-Назима, "потерял всякую надежду добться от китайцев какой-нибудь помощи".

67 Гирс Николай Карлович (1820—1895), министр иностранных дел России в 1882—1895 гг.

68 Кумани Алексей Михайлович, генеральный консул в Париже (1876—1880), Кадиксе (1882—1883), Марселе (1883—1886), посланник в Пекине в 1886—1891 гг.

69 Брандт Макс Август Сципион (1835— ?), германский посланник в Пекине (1875—1893).

70 Цзунлиямынь — ведомство Китая, ведавшее сношениями с зарубежными странами.

71 Лютш Яков Яковлевич, секретарь консульства в Кашгаре (1883—1894), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1899—1902), политический агент в Бухаре (1902—1911), генеральный консул в Сеуле (1911—1921).

72 Имеется в виду книга Н. М. Пржевальского "От Кяхты на истоки Желтой реки". СПб., 1888.

73 Фельдман Федор Александрович (1835—1902), генерал от инфантерии, заведующий курсами

73 Гильдман Федор Александрович (1839—1902), генерал от инфантерии, заведующий курсами восточных языков при Азиатском департаменте МИД, управляющий делами Военно-ученого комитета Главного Штаба (1881—1896), директор Александровского лицея (1896—1900).

74 В 1888 г. был введен в строй участок Закаспийской железной дороги от Чарджуя до Самарканда.

75 Ибрагимов Шахимардан Мирясович (1847—1916), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1881—1883), делопроизводитель Азиатского департамента МИД (1884—1898), генеральный консул в Джидде (1890—1891).

76 Жданов Митрофан Григорьевич (1847—1916), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1881—1883), делопроизводитель Азиатского департамента МИД (1884—1898), генеральный консул в Смирне (1904—1906), Лионе (1911—1914).

77 Вейнберг Аркадий Августович (? —1878), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1873—1878).

78 Голицын Григорий Сергеевич (1838—1907), князь, генерал-адъютант, главноначальствующий на Кавказе (1896—1900).

79 Янгхазбенд (Юнгхазбенд) Френсис Эдвард (1863—1942), поручик драгунской королевской гвардии, впервые побывал в Кашгаре в августе 1887 г., затем в октябре 1890 г. вместе с Д. Маккартнеем.

80 Маккартней Джордж (1867—1945), специальный помощник кашмирского резидента по китайским делам (1893—1908), консул Великобритании в Кашгаре (1908—1918), с 1910 г. — генеральный консул.

81 Блан Эдуард, инспектор лесов во Франции. Ему было поручено ознакомиться с работами проведенными русскими инженерами для защиты Закаспийской железной дороги от песчанных заносов (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1731. Л. 10).

82 Хедин (Гедин) Свен (1865—1952), шведский путешественник, состоял при миссии, посланной шведским королем Оскаром II к персидскому шаху, тогда же посетил Кашгар (1890), побывал на Памире, в Тибете, Восточном Туркестане (1893—1897).

83 Анненков Михаил Николаевич (1835—1899), генерал-лейтенант, управляющий делами Комитета по передвижению войск железной дорогой и водою Военного министерства.

84 Жалобы Петровского на невнимание к сообщаемым им сведениям не вполне справедливы. В феврале 1892 года император получил телеграмму Петровского о том, что “англичане все же, по-видимому, желают продвинуться по направлению к Памиру”, и отнесся к этому сообщению весьма серьезно. (см. Ламздорф В. Н. Дневник 1891—1892. М.-Л, 1934. С. 293).

85 Ванновский Петр Семенович (1822—1904), военный министр (1881—1897), министр народного просвещения (1901—1902), почетный член Петербургской Академии наук (1888).

86 Фрейсине Шарль Луи (1828—1923), военный министр Франции в 1888—1893 гг.

87 Кох Роберт (1843—1910), немецкий микробиолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1884 г.

88 Ф. Р. Остен-Сакен побывал в Кашгарии в 1867 г. с экспедицией полковника В. А. Полторацкого.

89 Вревский Александр Борисович (1834—1910), барон, генерал-лейтенант, начальник штаба

89 Вревский Александр Борисович (1834 — 1916), барон, генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа (1885—1889), туркестанский генерал-губернатор (1889—1898).

90 Ионов Михаил Ефремович (1846— ?), полковник, начальник Памирской экспедиции 1891—1892 гг., военный губернатор Семиреченской области (1899—1907).

91 Капнист Дмитрий Алексеевич (1837—1904), граф, директор Азиатского департамента МИД (1891—1897).

92 Кассини Артур Павлович, граф, посланник в Пекине (1891—1897), посол в САСШ (1897—1905), в Испании (1905—1909).

93 Шишкин Николай Павлович (1830—1902), товарищ министра иностранных дел (1891—1897).

94 Никонов Михаил Николаевич (1823—1902), директор Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД (1884—1897).

95 Виткевич Иван Викторович (? —1839), адъютант оренбургского военного губернатора. Политический агент России в Афганистане (1837—1838).

96 Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827—1914), знаменитый географ, статистик, путешественник, вице-председатель Русского географического общества (1873—1914).

97 Певцов Михаил Васильевич (1843—1902), генерал-майор. После смерти Н. М. Пржевальского возглавил организованную им экспедицию 1889—1890 гг. в Кашгарию, Куньлунь и Тибет.

98 Громбчевский передал Ф. Р. Остен-Сакену записку (датированную 20 марта 1891 г.), в которой предлагал на случай войны с Афганистаном занять район озера Шива за рекой Пяндж как стратегически важный, контролируемый афганцами. (РГАДА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 382. Л. 3 об).

99 Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, министр иностранных дел (1856—1882).

100 Гранвилль Джордж (1815—1891), граф, министр иностранных дел и колоний Англии.

101 В январе 1873 г. Россия официально согласилась с позицией Англии, считавшей Бадахшан и Вахан частью Афганистана. В 1883 г. афганцы заняли Шугнан и Рушан.

102 Галкин Александр Семенович (1855— ?), генерал-лейтенант, начальник Аму-Дарьинского отдела (1896—1903), военный губернатор Семипалатинской (1903—1907), Самаркандской (1907—1911), Сыр-Дарьинской (1911—1916) областей, начальник 5-ой пехотной дивизии (1916).

103 Пограничный протокол датирован 22 мая 1884 г.

104 Консульство в Кашгаре преобразовано в генеральное в 1895 г.

105 Иващенков Анатолий Павлович (1842—1906), товарищ министра финансов (1892—1897), товарищ государственного контролера (1897—1901).

106 Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, министр финансов (1892—1903).

107 Розен Виктор Романович (1849—1908), барон, востоковед-арабист, председатель Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (с 1885), декан факультета восточных языков Петербургского университета (1893—1902), академик.

108 Вамбери Арминий (Герман) (1832—1913), венгерский языковед-тюрколог, этнограф.

109 Радлов Василий Васильевич (1837—1918), востоковед-тюрколог, этнограф, переводчик, академик Петербургской Академии наук (с 1884 г.), директор Азиатского музея (1885—1890), Музея антропологии и этнографии (1894—1918).

110 Пантусов Николай Николаевич (1849—1909), этнограф, фольклорист, географ и археолог, заведующий канцелярией (с 1883 г. чиновник особых поручений) при военном губернаторе Семиреченской области (1875—1908).

111 Гассер Рудольф (1829—1904), барон, посланник Баварии в России (1884—1904).

112 Стычка с афганцами во главе с капитаном Гулям-Хайдер-ханом произошла 12 июля 1892 г. у озера Яшиль-Куль. Из 17 афганцев 10 было убиты, 2 ранены и 5 взяты в плен.

113 На этом письме сохранились карандашные пометы заведующего азиатскими делами Военного министерства генерал-лейтенанта А. П. Проценко, отмеченые звездочками.

114 Граница владений России и Китая на Памире была фактически установлена в 1894 г. (см. “Известия МИД”, 1914, кн. IV, с. 58—59).

115 Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815—1898), князь, канцлер Германской империи (1871—1890).

116 Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед, академик Петербургской Академии наук (с 1900 г.), директор Азиатского музея (1916—1934).

117 В 1892 г. в урочище Шаджан на р. Мургаб был основан пост Памирский. Осенью 1894 г. у афганцев был отвоеван Хорог, ставший в 1897 г. штаб-квартирой Памирского отряда.

118 Штабс-капитану лейб-гвардии Преображенского полка С. П. Ванновскому (1869—1914), прикомандированному к Генеральному штабу, было поручено разведать путь из Рушана в Дарваз. 30 авг. 1893 г. у кишлака Имц (Рушан) его отряд (16 человек) вступил в перестрелку с ротой афганцев. Потеряв убитыми 8 человек, афганцы отступили.

119 Бартольд Василий Владимирович (1869—1930), историк, востоковед, профессор Петербургского университета (1896—1930), академик (с 1913 г.), автор трудов по истории Средней Азии, Ирана, Арабского халифата, истории востоковедения.

120 Дудин Самуил Мартынович (1863—1929), художник и этнограф.

121 Это первая научная командировка Бартольда в Среднюю Азию. Экспедиция все же состоялась. Дудин совершил поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-Куль.

122 Игнатьев Владимир Иванович (1853—1902), политический агент в Бухаре (1895—1902).

123 Дютрейль де Рэн Жюль (1846—1894), французский путешественник; в 1891—1894 гг. вместе с Ф. Гренаром путешествовал по Восточному Туркестану и Тибету.

124 До своего назначения в Пекин Кассини служил в Гамбурге.

125 Имеется в виду книга австрийского востоковеда А. Шпренгера “Die Post-und Reiserouten des Orients” (Лейпциг. 1864 г.), которую Петровский перевел и издал (см. Петровский Н. Ф. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владении. Ташкент, 1894).

126 Японско-китайская война 1894—1895 гг.

126 Японско-китайская война 1894—1895 гг.

127 Восстание началось весной 1895 г. к югу от г. Ланьчжоу (провинция Ганьсу) и продолжалось до осени 1896 г.

128 Гейнс Александр Константинович (1834—1892), генерал-лейтенант, правитель канцелярии туркестанского генерал-губернатора (1867—1869), автор проекта образования Туркестанского генерал-губернаторства, военный губернатор Тургайской области (1877—1878)

(/1877—1878)

129 Комиссия по разграничению Памиров с Афганистаном.

130 Венюков Михаил Иванович (1832—1901), географ и этнограф, с 1877 г. — в эмиграции. В этом письме, датированном 1 октября 1895 г., Венюков сообщал: “Вчера я беседовал с Вашим министром, кн(язем) Лобановым-Ростовским, разумеется, о памирском разграничении. Он, конечно, не мог признаться, что разграничение невыгодно для нас; но заявил два раза, что это — дело переменное и что абсолютного на свете ничего нет. Последнее потому, что высказал мысль, что кряж Гиндукуша был бы границей более солидной... Утешительно и то, что в прочность сделки он не верит, да и отговаривается, что она — не его дело. Это все лично для Вас с просьбою никогда не говорить никому о моей аудиенции у князя в “Hotel des Iles Britannigues”.

131 Лисовский Дмитрий Львович, вице-директор Азиатского депатамента МИД (1888—1895), чиновник особых поручений при министре иностранных дел (1896—1900).

132 Губастов Константин Аркадьевич (1845—1919), генеральный консул в Вене (1885—1896), вице-директор Азиатского департамента МИД (1896—1897), министр-резидент в Черногории (1897—1900), Риме (1900—1904), посланник в Сербии (1904—1906).

133 Николай Николаевич (старший) (1831—1891), великий князь, генерал-фельдмаршал.

134 Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925), генерал от инфантерии, начальник Закаспийской области (1890—1898), военный министр (1898—1904), туркестанский генерал-губернатор (1916—1917).

135 Павлов Александр Иванович (1860— ?), секретарь миссии в Пекине (1894—1898), поверенный в делах и генеральный консул в Сеуле (1898—1902), посланник в Сеуле (1902—1904).

136 Гирс Михаил Николаевич (1856—1932), посланник в Пекине (1898—1901), Баварии (1902—1903), Румынии (1904—1012), посол в Константинополе (1912—1914).

137 Ильминский Николай Иванович (1822—1891), профессор Казанского университета и Казанской духовной семинарии (1861—1872), директор Казанской инородческой семинарии (1872—1891).

138 Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода в 1880—1905 гг.

139 Духовской Сергей Михайлович (1838—1901), генерал от инфантерии, военный губернатор Эрзерумской области (1878), начальник штаба Московского военного округа (1879—1893), приамурский генерал-губернатор (1893—1898), туркестанский генерал-губернатор (1898—1901).

140 Корольков Николай Иванович (1837—1906), генерал-лейтенант, начальник г. Коканда (1876—1877), военный губернатор Ферганской (1887—1893), Сыр-Дарьинской (1893—1905) областей.

141 Имеется в виду “Андижанское восстание” в мае 1898 г. во главе с ишаном Мадали

141 Имеется в виду "Андижанское восстание" в мае 1898 г. во главе с ишаном Мадали. Корольков, исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора, составил "Отчет по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г."

142 Канчи-бек, алайский волостной старшина, сын "царицы Алая" Курбан джан-датха (1811—1907), был казнен в г. Ош 2 марта 1895 г.

143 Кан Ю-вэй (1858—1927), ученый, возглавивший движение за реформы в Китае.

144 Гуансюй (Цзай Тянь) (1871—1908), император Китая в 1875—1908 гг.

145 Цыси (1835—1908), маньчжурская императрица, фактически стоявшая у власти в Китае в 1861—1908 гг.

146 Гартвиг Николай Генриховнч (1855—1914), директор Первого (Азиатского) департамента МИД (1900—1906), посланник в Персии (1906—1909), Сербии (1909—1914).

147 Хедин побывал в Кашгаре в августе — сентябре 1899 г., затем отправился в Тибет. В Кашгар вернулся 14 мая 1902 г. и снова встретился с Петровским.

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Письмо графа М. Д. Бутурлина к М. П. Погодину

Бутурлин М.Д. Письмо графа М.Д. Бутурлина к М. П. Погодину, 19 августа 1874 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в

свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 518—522. — [Т. XII].

Граф Михаил Дмитриевич Бутурлин (1807—1876) — историк, действительный член Императорского общества истории и древностей российских, автор известных "Записок", публиковавшихся в "Русском архиве" в 1897—1901 гг. Бутурлин был в родстве с А. С. Пушкиным (который называл его прообразом Евгения Онегина), а также с другими известными фамилиями (Чернышевых, Разумовских, Дивовых и др.). Получил блестящее домашнее образование (знал четыре языка, кроме родного). В юности путешествовал по Италии, где с 1817 г. почти безвыездно жила его семья, затем служил в гражданской и военной службе, участвовал в двух военных кампаниях (Турецкой и Польской). В отставку вышел в середине 1860-х г.г. и поселился в Тарусском уезде в имении жены, урожденной Нарышкиной, где несколько лет посвятил писанию своих воспоминаний. Умер в 1876 г. от рака лица.

Письмо графа Бутурлина к историку М. П. Погодину печатается по автографу, хранящемуся в ОР РГБ. Ф. 231 / П. Карт. № 3, в современной орфографии с сохранением языковых и стилистических особенностей автора.

***

Село Кариан-Воронцово
(Тамбовской губ. и уезда,
имение Надежды Александровны Гавришенко),
19 августа (1874) года

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь

Михаил Петрович!

Прочитав в 2-м отд. назидательного вашего труда “Простая речь о мудреных вещах” в рассказе о смерти Степ. Степанов. Апраксина ваше приглашение читателям сообщить вам какие кто знает подробности о видении, предшествовавшем кончину этого лица1, — осмеливаюсь передать вам то, что лично мне известно и в достоверности чего могу ручаться.

Во-первых: Степан Степанович умер в феврале 1828, а не в 1827 году, как вы пишете: это я знаю наверно, потому что в феврале 1827 года я еще только готовился поступить на службу в Павлоградский гусарский полк, — а С. С. Апраксин умер в Москве, когда я приехал туда в отпуск из Орла (где квартировал наш полк) и приехал я с Александром Дмитриевичем Чертковым2, который тут же при мне сделал предложение моей кузине графине Елизавете Григорьевне Чернышевой3 (в феврале, на масляницe 1828 года) — а я остановился у дядюшки графа Григор. Ив. Чернышева4, жившего тогда (с семейством) в доме кн. Гагарина, что на Знаменке — и где, вслед за помолвкою Елизаветы Григорьевны, мать ее (а моя тетка) графиня Елизавета Петровна Ч(ернышева)5 — скончалась.

Но рассказ мой о Степ. Степ. Апраксине надо вести издалека.

Предполагаю, что небезызвестно вам, что все мое семейство эмигрировало из России в 1817 году и поселилось во Флоренции по причине здоровья моего отца (гр. Дмитрия Петровича), скончавшегося там же в 1829 году — верным до конца жизни нашей православной церкви и погребенный в Ливорне — остальные мои семейные перешли в латинство и уже не возвращались в Россию, где я теперь единственный представитель из старого поколения моего семейства.

Летом 1819 года часть нашего семейства, в том числе и я (мне было тогда 12 лет) нанимали дачу вместе с семейством Сергея (по отчеству забыл) Мальцева6 (отца Ивана Сергеевича, что служит в Минист. иностр. дел) в окрестностях Ливорна для морских купаний. Однажды, когда мы (дети)

гуляли все вместе, две старшие дочери (на возрасте) г-жи Мальцовой (старшая из них была Ладыженская, от первого брака г-жи Мальцовой) с швейцарскою их гувернанткою говорили о сверхъестественных явлениях (revenants) и проч. и понятно, что у нас, детей, уши были на макушке, и вот, что старшая (Ладыженская) рассказывала тогда о Степ. Степановиче Апраксине, (бывшем) еще в живых. Это важно в том отношении, что говоря об этом случае, нельзя будет никому сказать, что предсмертное явление С. С. Апраксина est une histoire inventee apres coup*. Итак, девица Ладыженская рассказывала нам, что в Москве живет некий старик Апраксин, который в молодости был очень дружен с кем-то (называла ли рассказчица этого человека князем Долгоруковым — не припомню), был он (Апраксин) вольнодумец, и приятель его, умирая, обещал явиться к нему, когда наступит час кончины Степана Степановича. Это, конечно, очень поразило юные наши воображения.

Теперь перескакиваю к февралю 1828 года. Тетка моя, графиня Чернышева была разбита параличом, а граф Григорий Иванович убит нравственно семейным горем, так как единственный его сын гр. Захар Григорьевич и его зять Никита Муравьев7 были сосланы по декабрьскому событию 1825 года. Управлял их имениями и заведовал их домом (до мельчайших подробностей, как напр., заказывал обувь для молодых графинь) давнишний их приятель (и сосед по орловскому имению) Яков Федорович Скарятин**8. Я уже сказал, что я приехал в отпуск в Москву с Александром Дмитриевичем Чертковым. Он только что вновь определился тогда подполковником в гусарский эрцгерцога Фердинанда (бывший Изюмский) полк одной дивизии с нашим Павлоградским — а я был юнкером. Разнесся слух, что Степ. Степ. Апраксин опасно заболел, каковое известие произвело сенсацию, так как он был из видных московских аристократов-старожилов. Раз приезжает вечером к Чернышевым из Английского клуба Яков Фед. Скарятин и рассказывает, что можно ожидать смерти со дня на день Ст. Ст. Апраксина, потому что он слышал в клубе, что давно умерший приятель Апраксина явился к нему согласно данному им обещанию, чтобы предупредить его о близкой его кончине, — и действительно, спустя два-три дня (а может быть и меньше) Апраксин скончался.

Затем имею вам передать другой весьма замечательный случай по поводу предчувствий, но

Затем имею вам передать другой весьма замечательный случай по поводу предчувствий, но должен вас первоначально просить, глубокоуважаемый Михаил Петрович, не напечатать его tel quel* без согласия действующих в нем лиц — Настасьи Сергеевны Перфильевой и ее мужа Степана Васильевича9, так как до меня дошли слухи, что есть лицы, недовольные, что вы их выставили en toutes lettres** (простите мою бесцеремонную откровенность) в вашем вышеупомянутом сочинении — без их на то согласия. Конечно, вы можете довольствоваться в настоящем случае выставить одни заглавные буквы их имен, но это повредит авторитетности (так сказать) передаваемого мною факта. — Впрочем, как хотите.

Летом 1845 года были отчаянно больны в Петербурге (и затем обе вскоре померли) Варвара Ивановна Ланская и ее дочь, баронесса Мария Сергеевна Вревская10, жившие в одном доме, но в разных этажах. Туда поскакала Настасья Сергеевна Перфильева, оставивши малолетних детей (всех здоровых) в Москве при ее муже Степане Васильевиче, (бывшем) тогда жандармским окружным генералом. Видит она однажды во сне меньшую свою дочь (годовалого ребенка, или около того), лежавшую в кровати и всю окруженную цветами. Проснувшись, она поражена была этим сном и тотчас написала мужу, прося его известить — здорова ли эта девочка. Ответ пришел, что в самую ночь виденного ею сна ребенок умер скоропостижно от крупа. Вот вам материя для размышления материалистам, как вы справедливо замечаете в вашем сочинении.

В одном из ваших отделов вы упоминаете о Юме11, но ничего не говорите (к моему удивлению) о пишущих столах, (бывших) столь в ходу в 50-х годах. Не прикажете ли вы заполнить этот пробел изложением того, что я видел тогда два раза во время тогдашней моей службы в Рязани при П. П. Новосильцеве12, тогда губернатором там? В таком случае, я займусь выпискою для вас из моих “Записок”13, коими я (как помнится мне, я вам уже говорил) занимаюсь уже семь лет и кои я завещаю моему сыну, так как навряд ли они могут быть напечатанными при моей жизни. В Юме еще можно бы подозревать нечто в роде фокусничества, но в том, что я видел и чем я изумился, не было никакой ни подготовки, ни подкладки, ни самообмана, как думают иные отрицатели того, что необъяснимо для них.

Есть еще одно мое размышление, которое желаю передать вам.

Большинство явлений — призраков, ясновидящих случаев (по-английски second sight) принадлежат, как известно, самым северным странам Европы, напр.: Шотландии, Швеции и пр., а в южных странах, хоть бы в Италии, о них почти ничего не слыхать. Странно, не правда ли? Если же все эти явления суть ни что иное, как плод игривого или экзальтированного воображения, то понятно было бы, если бы места происшествия этих явлений сосредоточились бы на юге, где жители отличаются пылким воображением, несравненно более, чем северные народы. Значит, явления эти не плод воображения, а более вроде действительности. Не знаю, довольно ли ясно я выразил свою мысль?

Слыхали ли вы про цепь, висящую в каком-то старинном замке фамилии Ган в Лифляндии, и одно звено от которой отпадает будто бы при смерти (или перед смертью) всякого мужского члена этой фамилии? А ведь двое из этой фамилии (один из них барон, а другой просто Ган) рассказывали при мне об этом и в разные времена. Да-с. “Много еще такое есть, что мы не знаем, друг Горацио”, — как влагает Шекспир в уста своего Гамлета.

Особенно понравилась мне меткость вашего возражения против материалистической доктрины, что весь строй мироздания ни что более как агломерация (простите этот латинизм) случайностей, что “глина не горшечник, и горшечник не автомат. Встряхните лексикон и не выйдет ли из собрания всех слов языка державинская ода “Бог” или пушкинская “Деревня”? Нет, не выходит”. Это, по-моему, победоносно.

Да, вот еще что я сейчас вспомнил. Когда вы свидитесь с графом Дмитрием Никол. Толстым14 — попросите его рассказать вам чудотворный (именно так) случай, весьма недавно совершившийся над одним его соседом по Данковскому уезду, фамилии коего не упомню. Он был совершенный нигилист, но хороший во всех прочих отношениях человек и нежный муж, а

жена его (оба еще живы) религиозная женщина и особенно чтит Св. мученика Пантелеймона. С мужем приключилась неизлечимая, по мнению всех медиков, болезнь, и он видимо таял. Дни его казались сочтены, и вот он видит во сне Св. Пантелеймона. Проснувшись, он просит у жены масла, что было у ней от чудотворной иконы этого угодника, находившейся в соседнем (Данковском же) женском монастыре, и акафист этому же мученику. Легко представить себе и удивление, и радость его жены при такой его просьбе. Он с благоговением осеняет себя целительным елеем и читает акафист — и с той минуты начал поправляться, не то что по дням, а почти что по часам; совершенно исцелился, сделался верующим и теперь жив и здоров. Замечетельно еще то, что граф Дмитрий Николаевич неоднократно ему пророчил, что в нем столько мирских добродетелей, что Всеблагий Господь непременно призовет его к Себе и наставит его на путь истины. Об этом (т. е. об обращении этого человека) знают все данковское дворянство. Полагаю, что это сведение пригодится вам.

Простите мое многоглагольствование, отрывающее вас от важных ваших занятий, но пеняйте на самого себя. Меня к тому побудило и благосклонное ваше ко мне внимание, и печатный ваш вызов читателям сообщать вам все известные им случаи о сверхъестественных явлениях.

С глубочайшим почтением честь имею быть

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

гр. Мих. Бутурлин

P. S. Еще скажу вам, что почти окончательно верую в силу слова (по итальянски: la forza della parola). Одна знакомая мне дама в необдуманном (конечно) порыве негодования против ее деревенского образа жизни (от стесненных обстоятельств), от которой она видела, что

единственный ее сын, уже взрослый, подвергается порочным наклонностям, воскликнула однажды: — Хоть бы эта проклятая усадьба сгорела! — и что же? Не прошло два года, как усадьба сгорела среди белого дня! При ее родителях и предках этого не разу не случалось.

Да, кстати, если найдете нужным взойти в сношения с Перфильевыми (по вышеизложенному обстоятельству), можете сказать Настасье Сергеевне, что рассказ вам передан мною. Это такая благочестивая и примерная женщина, что вероятно дозволит вам, для Божией славы, напечатать ее имя вполне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Речь идет о религиозно-публицистической книге М. П. Погодина “Простая речь о мудреных вещах” (М. 1873). О смерти С. С. Апраксина (1747—1827 или 1828), генерала от кавалерии, владельца известного имения “Ольгово”, в ней говорилось: “Князь Василий Владимирович Долгорукий (1738—1784) был очень дружен с Степаном Степановичем Апраксиным. Сей последний неутешно плакал на похоронах своего друга. В ту же ночь покойник явился ему и обещал явиться вторично за три дня до его кончины. Протекло 43 года и весною 1827 года князь Долгорукий действительно явился Апраксину, который через три дня скончался. Желательно иметь более обстоятельное известие об этих явлениях” (С. 191). Во втором издании своей книги М. П. Погодин (М. 1874) использовал несколько выдержек из письма Бутурлина (см. с. 82—83, 85, 128).

2 Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858), в 1827—1829 гг. офицер гусарского эрцгерцога Фердинанда полка; историк, археолог и нумизмат, председатель Московского общества истории и древностей российских; основатель Чертковской библиотеки.

3 Чернышева Елизавета Григорьевна (1805—1858), графиня, жена А. Г. Черткова с мая 1828 г.

4 Чернышев Григорий Иванович (1762—1831), граф, обер-шенк.

5 Чернышева (урожд. Квашнина-Самарина) Елизавета Петровна (1773—1828), графиня, кавалерственная дама.

6 Мальцов Сергей Акимович (1771—1823), сахарозаводчик, меценат. Его сын — И. С. Мальцов (1807—1880), чиновник Московского архива коллегии иностранных дел, первый секретарь посольства в Персии (1828), единственный сотрудник посольства, оставшийся в живых во время его разгрома и убийства А. С. Грибоедова.

7 Чернышев Захар Григорьевич (1797—1862); Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), был женат на старшей дочери Чернышевых Александре (1804—1832), поехавшей за ним и умершей в Сибири.

8 Скарятин Яков Федорович (177? —1850), отставной полковник, участвовал в убийстве Павла I в 1801 г.

9 Перфильевы: Анастасия Сергеевна (урожд. Ланская) (? —1891) и Степан Васильевич (? — 1878), генерал от кавалерии.

10 Ланская (урожд. княжна Одоевская) Варвара Ивановна (1794—1844), жена Сергея Степановича Ланского (1782—1862), министра внутренних дел. Их дочь — Мария Сергеевна Вревская (? —1844), баронесса, жена генерал-адъютанта Павла Александровича Вревского (1810 —1855).

11 Юм Дэниел-Дуглас (1833—1886), медиум, известный в Петербурге в конце 50-х — начале 70-х гг. XIX в. См. о нем: Дюма А. “Путевые впечатления. В России. В 3-х тт. Т. 1, 2. М. 1993. Ук.

12 Новосильцев Петр Петрович (1797—1869), рязанский гражданский губернатор в начале 50-х гг. XIX в.

13 Рассказ о спиритических сеансах, на которых присутствовал Бутурлин (см. его “Записки”. Русский Архив. 1898. № 5).

14 Толстой (Знаменский) Дмитрий Николаевич (1806—1884), граф, вице-директор Департамента исполнительной полиции в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в., затем рязанский губернатор (сменил Новисильцева); литератор, коллекционер; приятель Бутурлина, автор его некролога (ЧОИДР. 1876. Кн. 2).

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Материалы к биографии графа Д. П. Бутурлина

Материалы к биографии графа Д. П. Бутурлина / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Т. А. Лаптевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 525—528. — Из содерж.: Бутурлин М.Д. Автобиографическая записка гр. Д. П. Бутурлина. — С. 525—528. — [Т. XII].

Публикуемые документы освещают доселе остававшиеся неизвестными стороны жизни и служебной карьеры известного библиофила графа Дмитрия Петровича Бутурлина.

До сих пор не был установлен сам факт службы Бутурлина в Московском архиве Коллегии иностранных дел, сколько продолжалась эта служба и чем он занимался в архиве, также пока неизвестно. Можно предположить, что Бутурлин работал в библиотеке архива, так как почерк, которым написан “Реестр” купленных и поступивших в библиотеку архива в 1797 г. книг (Ф. 180. Оп. 1. Кн. 173. Л. 572—575 об.), на первый взгляд, совпадает с почерком подписи под “сказкой”

Бутурлина и под его прошением. Документы отражают и подробности начала его службы: запись в Черниговский полк, участие в польском походе, “употребление” для иностранной корреспонденции при канцелярии гр. И. П. Салтыкова, и при кн. Г. А. Потемкине. Весьма показателен факт (также до сих пор неизвестный) его участия в Комиссии обозрения государства, возглавляемой его дядей, гр. А. Р. Воронцовым. И наконец, не может не остановить внимания и то, что после длительной отставки Бутурлин был возвращен на службу именно при Павле I, что, возможно, говорит о его определенной оппозиционности политике Екатерины II.

Документы хранятся в РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Кн. 173. Л. 197—197 об.; Л. 248, 250 об — 251; Л. 531. (Подлинники). Здесь же документы о выдаче свидетельства (Ф. 180. Кн. 174. Л. 14—40).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА ГР. Д. П. БУТУРЛИНА

Сказка1 Д. П. Бутурлина

1797-го года июня 1-го дня находящийся Государственной Коллегии иностранных дел в Московском архиве статский советник граф Дмитрий Петров сын Бутурлин объявляет: что он сын тайного советника, действительного камергера и кавалера графа Петра Александровича Бутурлина. 1767-го года апреля 21-го дня записан в Сухопутной шляхетной кадетской корпус кадетом. 1782-го года марта 17-го дня выпущен из онаго корпуса порутчиком и определен в Черниговской пехотной полк, и будучи в Польше с полком в местечке Немирове в дивизии генерала графа Ивана Петровича Салтыкова, определен им при его канцелярии для иностранной корреспонденции. В 1784 году взят в адъютанты к фельдмаршалу князю Потемкину, при котором также употребляем был по иностранной корреспонденции. В 1786 перемещен в статскую службу с чином надворного советника и определен был в Комиссию для обозрения государства при действительном тайном советнике графе Александре Романовиче Воронцове, с

которым в 1786-м и 1787-м годах объездил Московскую, Санктпетербургскую, Казанскую, Астраханскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, Выборгскую, Уфимскую, Оренбургскую и Кафкаскую губернии. В 1788-м году просил об отставке, и получа оную, награжден чином коллежского советника, на который 1789-го года и к присяге приведен в Правительствующем Сенате в Москве. А сего 1797-го года марта в 19-й день по высочайшему имянному Его Императорского Величества указу всемилостивейше пожалован в статские советники и определен в Московской Государственной Коллегии иностранных дел архив. В штрафах и подозрениях не бывал и во все продолжение службы в отпусках не находился. Недвижимаго имения мужеска полу душ и крестьян состоит за мною по последней пятой ревизии в Московской 967, в Воронежской 7600 и в Костромской губерниях 2500, всего одиннадцать тысяч шестдесят семь душ.

К сей сказке статской советник граф Дмитрий Бутурлин руку приложил.

Вверху помета: Подана 1-го июня 1797-го. Записать.

Формулярный список гр. Д. П. Бутурлина

Имянная ведомость о службах находящихся Государственной Коллегии иностранных дел в Московском архиве управляющих оным и других чинов, состоящих в штаб- и обер-офицерских рангах 1797-го года.

Чины и имяна

Статской советник граф Димитрий Петров сын Бутурлин.

Из каких чинов

Сын графа, тайного советника, действительного камергера и кавалера.

Сколько имеет за собою мужеска полу душ людей и крестьян и в которых уездах и как имена селений

Мужеска полу душ и крестьян за собою имеет по последней пятой ревизии в Московской 967, в Воронежской 7600 и в Костромской губерниях 2500; всего одиннадцать тысяч шездесят семь душ.

Чем в службу вступил и куда, какими чинами и когда происходил, в каких должностях и где был

1767-го года апреля 21 дня записан в Сухопутной шляхетной кадетской корпус кадетом. 1782-го года марта 17-го дня выпущен из онаго корпуса порутчиком и определен в Черниговской пехотной полк, и будучи в Польше с полком в местечке Немирове в дивизии генерала графа Ивана Петровича Салтыкова, определен им при его канцелярии для иностранной корреспонденции; в 1784-м году взят в адъютанты к фельдмаршалу князю Потемкину, при котором также употребляем был по иностранной корреспонденции. В 1786-м году перемещен в статскую службу с чином надворнаго советника и определен был в Комиссию для обозрения государства при действительном тайном советнике графе Александре Романовиче Воронцове, с которам в 1786-м и в 1787-м годах объездил Московскую, Санктпетербургскую, Казанскую, Астраханскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, Выборгскую, Уфимскую, Оренбургскую и Кавкаскую губернии. В 1788-м году просил об отставке, и получа оную, награжден чином коллежскаго советника, на который 1789-го года и к присяге приведен от Првительствующаго Сената в Москве. А сего 1797-го года марта в 19-й день по высочайшему имянному Его Императорскаго Величества указу всемилостивейше пожалован в статские советники и определен в Московской Государственной Коллегии иностранных дел архив.

В походах противу неприятеля и в самых сражениях был ли или нет
В походах был в Польше

Кто был под судом или под следствием и по окончании оных какия определения состоялись

Не был.

К продолжению статской службы способен или нет и зачем и достоин ли к повышению чина

Не был.*

Много ли раз был в отпусках, на сколько и когда

В отпусках не бывал.

Кто получил при отставке чины и какие

При отставке из надворных советников получил коллежскаго советника.

Ежели будут отличившиеся по службе состоящие в классах с установления ордена Св. Владимира, то есть с 22-го сент. 1782 года, то здесь описывать подвиги, предписанные в установлении онаго ордена об отличившихся и достойных ордена.

Прошение2 гр. Д. П. Бутурлина

(13 декабря 1797 г.)

Всепресветлейший державнейший великий Государь Император Павел Петрович, самодержец Всероссийский, Государь всемилостивейший.

Просит статской советник граф Дмитрий Петров сын Бутурлин, а о чем мое прошение, тому

Просит статской советник граф Димитрий Петров сын Бутурлин, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1-е

По случаю ныне требуемых для составления Гербовника доказательств о службах предков нужно и мне иметь сведения о выезде родоначальника моего Радши, о произшедшем от него потомстве Бутурлиных и о службах их, куда предки мои в прежния времена отправляемы были послами и в каких чинах и должностях находились, то и прошу.

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском архиве принять, и выписав о службах предков моих, дать мне надлежащее свидетельство.

Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Декабря дня 1797-го года к поданию надлежит Государственной Коллегии Иностранных дел в Московской архив. Прошение писал тоя ж коллегии студент Степан Лебедев.

К сему прошению статской советник граф Димитрий Петров сын Бутурлин руку приложил.

Вверху помета: Подано 17-го декабря 1797-го. Записать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В деле о выдаче Свидетельства о выезде и службе в России предков гр. Д. П. Бутурлина имеется копия “Сказки” Бутурлина о его службе (Ф. 180. Оп. 1. Кн. 174. Л. 28 об. — 29 об.), к ней добавлено другим почерком: “Женат на дочери тайного советника, сенатора и

действительного камергера Артемья Ивановича Воронцова графине Анне Артемьевне. Детей имеет два сына, графа Петра и графа Павла, у которого Его Императорское Величество Государь Император Павел Петрович соизволил быть при святом крещении восприемником, да дочь графиню Марью” (Л. 29 об.).

2 Для получения Свидетельства гр. Д. П. Бутурлин предъявил подлинные документы:

Патент гр. А. Б. Бутурлину на чин полного генерала (список — Л. 30; на обороте — рисунок герба Российской империи графов Бутурлиных — цветной).

Диплом А. Б. Бутурлину на графское достоинство (Л. 31—34).

Жалованную грамоту гр. А. Б. Бутурлину намызы и деревни в Выборгской губ. 1760 г.

Патент А. Б. Бутурлину на чин генерал-фельдмаршала (Л. 37)

Патент ему же на чин л.-гв. Преображенского полка подполковника. (Л. 37 об.) Подлинный диплом на немецком яз. гр. А. Б. Бутурлину на право гражданства лифляндского. Перевод сделан в МГАМИД (Л. 38—39 об.)

Патент камергеру гр. Петру Александровичу Бутурлину на чин тайного советника (Л. 40)

Все эти документы в подлинниках хранились в семейном архиве Д. П. Бутурлина. С них сняты списки, подшитые в дело, и они возвращены ему при вручении свидетельства 22 января 1798 г.

Публикация Т. А. ЛАПТЕВОЙ

Д. Д. Языков. Материалы для “Обзора жизни и сочинений

русских писателей и писательниц". Выпуск 16 (А—И). 1896 г.

Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып. 16: (А—И): (Русские писатели и писательницы, умершие в 1896 году) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 529—588. — [Т. XII].

Выпуск 16 (А—И)

(Русские писатели и писательницы, умершие в 1896 году)*

АЛАБИН Петр Владимирович (29 августа 1824 — 10 мая 1896 года в Самаре) — действительный статский советник.

Некролог

Вечером 10 мая умер в Самаре действительный статский советник Петр Владимирович Алабин, известный севастопольский ветеран и участник последней русско-турецкой войны.

Покойный родился 29 августа 1824 года в Подольске, уездном городе Московской губернии, где тогда служил его отец, рязанский дворянин, потом перешедший в таможенное ведомство и переехавший в Белосток. После домашней подготовки П. В. Алабин учился в Белостокской гимназии и Петербургском Коммерческом училище. Перед окончанием курса в 1842 году, при посещении Коммерческого училища Императором Николаем Павловичем, он решился обратиться к Государю с просьбой о принятии его на военную службу, и по Высочайшему

повелению был определен унтер-офицером в Тульский егерский полк (1843 г.), откуда перешел в Камчатский полк, с которым, в чине офицера и в звании полкового адъютанта, участвовал в Венгерской кампании (1849 г.), наконец, переведенный в Охотский егерский полк, принял живое участие в войне с Турцией (1853—1854 гг.) и при защите Севастополя (1854—1856 гг.), особенно отличившись в Ольтеницком и Инкерманском сражениях.

По окончании Восточной войны, выйдя в отставку с чином капитана, П. В. Алабин перешел на гражданскую службу: с 1857 года ему пришлось управлять Вятскою удельной конторой, а с 1866 года в течение десяти лет состоял управляющим Самарской палатой государственных имуществ. Вспыхнувшая Русско-турецкая война снова побудила его отправиться на место военных действий, чтобы отвезти Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему знамя для болгарского народа, устроенное, по его инициативе самарскими дамами, и вместе с тем послужить делу освобождения славян. Вскоре он был назначен уполномоченным Общества Красного Креста в Румынии и заведующим двумя госпиталями в Зимнице, затем главным агентом Московского и Петербургского Славянских Обществ, с декабря же 1877 года губернатором в городе Софии, где, как и во всем софийском округе, ввел гражданское управление.

Вернувшись из Болгарии в Самару, П. В. Алабин около пяти лет находился вдали от службы: лишь в последние десять лет (1885—1896 гг.) он занимал должность городского головы в Самаре и затем состоял председателем тамошней губернской управы.

Кроме служебной деятельности, покойный был известен своими многими учено-литературными трудами, которые появились в нескольких журналах и газетах, особенно в "Московских Ведомостях", "Русской Старине" и "Русском Архиве". Из отдельно же изданных им произведений наиболее важны: "Походные записки в войну 1853—1856 годов" (Вятка, 1861 г., два тома), "Двадцатипятилетие Самары, как губернского города" (Самара, 1874), "Словарь растений" (Самара, 1875), "Трехвековая годовщина города Самары" (Самара, 1881) и последний

труд под заглавием: "Четыре войны, походные записки 1849, 1853, 1855—1856, 1877—1878 годов" (СПб., 1888—1893 годов, три части). ("Московские Ведомости", 1896, № 136).

Библиография

О нем:

"Новое Время", 1896, № 7129, 7265.

"Исторический Вестник", 1896, кн. 7, с. 267—268.

"Русское Слово", 1896, № 138.

АЛГЕБРОВ Петр Григорьевич (умер 13 февраля 1896 года)

Библиография

О нем:

"Церковные Ведомости", 1896, № 18, с. 673—674.

АЛЬФТАН Георгий Антонович (1828 — 23 января 1896 года в Гельсингфорсе) — сенатор.

Некролог

23 января скончался в городе Гельсингфорсе сенатор Императорского финляндского сената, числившийся по генеральному штабу, генерал-лейтенант, барон Георгий Антонович фон Альфтан. Покойный родился в 1828 году и получил воспитание в Финляндском кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1846 году прапорщиком в лейб-гвардии Павловский полк. В 1848 году он поступил в Императорскую военную академию (ныне Николаевскую академию генерального штаба), курс которой окончил в 1850 г., с награждением большой серебряной медалью. Переведенный в 1852 году в гвардейский генеральный штаб, Г. А. состоял в 1854—1855 годах в распоряжении командующего войсками в Финляндии во время военных действий союзного англо-французского флота против прибрежий Финского залива. В 1862 году Г. А. назначен улеаборгским губернатором, в 1866 году произведен в генерал-майоры, а затем, в 1873 году назначен ньюландским губернатором. На этой должности он оставался 15 лет и в 1879 году был произведен в генерал-лейтенанты. Будучи ньюландским губернатором, по ходатайству Императорского финляндского сената, Г. А. был возведен в 1886 году в баронское достоинство Великого Княжества Финляндского. В 1888 году состоялось назначение барона Г. А. сенатором и начальником милиционной экспедиции, а через год он был перемещен на должность начальника экспедиции земледелия и путей сообщения Императорского финляндского сената, которую занимал до своей кончины. В числе ученых и литературных трудов покойного Г. А. можно отметить напечатанные в 1859 году "Материалы для статистики Финляндии" и изданную в 1860 году "Генеральную карту Финляндии", в масштабе 30 верст в дюйме. ("Новое Время", 1896, № 7153).

Библиография

Его:

Сборник статей и заметов по уголовному праву и судопроизводству (СПб., 1898).

О нем:

"Новое Время", 1896, № 7409.

"Исторический Вестник", 1896, кн. 12, с. 1109—1110.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 12, с. 1109—1110.

“Русские Ведомости”, 1896, № 284.

“Журнал Министерства Юстиции”, 1896, ноябрь.

АНЦИФЕРОВ Константин Дмитриевич (умер 10 октября 1896 года в Москве) — преподаватель.

Некролог

Наш судебный мир и юридическая наука понесли новую утрату. 10 октября в больнице душевнобольных на Удельной, скончался, 56 лет, от прогрессивного паралича, бывший председатель департамента варшавской судебной палаты Константин Дмитриевич Анциферов. Вступив на служебное поприще секретарем суда в 1866 году, он последовательно проходил должности товарища прокурора окружного суда (во Владимире и Петербурге); прокурора суда (в Курске); члена судебной палаты (в Москве); товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената и, наконец, председателя департамента варшавской судебной палаты. С ранних лет К. Д. с особой любовью отдался научным занятиям. Многие из его трудов, печатавшихся в специальных изданиях, имеют монографический характер. Не довольствуясь специальными работами, интересующими, по преимуществу, юристов, К. Д. отдавал немало времени и труда ежедневной печати, признавая огромную важность широкого распространения правильных взглядов на важнейшие вопросы уголовного законодательства. Участие К. Д. в работах московского и петербургского обществ, без сомнения, многим памятно. Научные дарования и труды К. Д. обратили на себя внимание Московского университета и вызвали приглашение К. Д. в 1876 году в университет в качестве преподавателя уголовного судопроизводства. Последнее назначение сулило К. Д. счастливейшее и широкое будущее, но судьба решила иначе. В полном расцвете сил, почти вслед за назначением, стали обнаруживаться

признаки тяжелого недуга и последние девять лет К. Д. вел страдальческое, почти бессознательное существование. (“Новое Время”, 1896, № 7409).

Библиография

Его:

Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству (СПб., 1898).

О нем:

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 12, с. 1109—1110.

“Русские Ведомости”, 1896, № 284.

“Журнал Министерства Юстиции”, 1896.

АРГАМАКОВ Василий Федорович (1840 — 16 июля 1896 года в Петербурге) — генерал-майор.

Некролог

Скончавшийся на днях генерал-майор Василий Федорович Аргамаков, принадлежал к числу славных сподвижников покойного М. Д. Скобелева во время последней русско-турецкой войны. В качестве командира Владимирского полка, он участвовал в отряде М. Д. Скобелева под Плевной и при занятии высот Зеленых гор, и в общей атаке Плевненского лагеря. Владимирский полк особенно пострадал во время атаки Плевны 30 августа 1877 года; покойный В. Ф. Аргамаков находился впереди полка, подавая пример самоотверженности и храбрости. Затем покойный, состоя в отряде М. Д. Скобелева, совершил переход через Балканы и участвовал в битве под Шейновым, закончившейся пленением армии Вессель-паши. Командуя авангардом

колонны Скобелева, В. Ф. одним из первых был в Адрианополе, занятие которого русскими войсками обошлось, как известно, без выстрела. За боевые отличия во время войны В. Ф. был произведен в генерал-майоры и награжден орденом св. Владимира 3 степени, св. Станислава 1 степени с мечами и золотым оружием. Помимо своей славной боевой деятельности, покойный был известен, как знаток стрелкового дела. Его перу принадлежит несколько статей, напечатанных в "Военном Сборнике" и посвященных вопросам стрелковой специальности. Из них назовем: "По вопросу о свойствах ружейного огня" и "Ружейный огонь и его применение". В. Ф. родился в 1840 году, образование получил в первом кадетском корпусе. Как человек скромный, честный и гуманный, он пользовался общим уважением и любовью своих товарищей и сослуживцев. ("Русское Слово", 1896, № 202).

Библиография

О нем:

"Новое Время", 1896, № 7332.

АРСЕНЬЕВ Александр Васильевич (1854 — 14 января 1896 года в Петербурге) — журналист.

Некролог

В ночь с субботы на воскресенье, 14 января, скончался после тяжкой и продолжительной болезни Александр Васильевич Арсеньев, известный сотрудник детских и исторических журналов, автор исторической пьесы "Боярин Нечай Ногаев", поставленной в первый раз на сцене Александринского театра в нынешнем сезоне и имевшей большой успех. Покойный родился в Петербурге в 1854 году в небогатой семье. Рано лишившись родителей, он получил воспитание в училище Человеколюбивого общества. По окончании курса в училище А. В.

поступил на службу в книжный магазин и здесь чтением на досуге старался пополнить свое образование. Имея возможность аккуратно следить за всеми выходящими книгами, он занялся библиографическими разборами и рецензиями, которые помещал в различных журналах. Одновременно он стал сотрудничать в "Голосе" и "Петербургском Листке". В 1876 году покойный занял место секретаря Д. И. Стахеева, редактировавшего тогда "Ниву" и поместил в этом журнале множество компилятивных статей, рецензий, биографий и исторических очерков. М. О. Микешин, издававший тогда "Пчелу", пригласил А. В. в постоянные сотрудники и охотно печатал его разнообразные статьи, очерки и стихотворения. Мелкие и крупные литературные произведения и стихотворения покойного появлялись на страницах разных периодических изданий: в "Отечественных Записках", "Новом Времени", "Русском Богатстве", "Игрушечке", "Детском Чтении" и др. В "Историческом Вестнике" были напечатаны следующие работы покойного: "Старинные дела об оскорблении Величества", "Первые русские студенты за границей", "Неудачный карьерист", "Выгорецкие совратители". В 1882 г. А. В. издал графическую карту, изображающую красками историю и развитие нашей литературы; к ней был приложен "Словарь писателей древнего периода русской литературы". "Карта" получила на всероссийской выставке в Москве почетный отзыв. В 1884 г. покойный вместе с художником Шпаком стали издавать детский журнал "Весна", который, впрочем, вскоре прекратил свое существование, так как у издателей не хватило денег, чтобы вести конкуренцию с другими детскими журналами. Последние годы своей литературной работы А. В. посвятил исторической беллетристике. В это время им написаны статьи: "Суды царя Иоанна Грозного", "Древнерусские послы за границей", сказка "Отставной майор Курицын", повесть "Ариша-Уточка", рассказ "Француженка" и др. Историческая пьеса "Боярин Нечай Ногаев" завершила литературную деятельность А. В. Арсеньева. Эта пьеса сразу выдвинула имя покойного. А. В. скончался на 42 году; он отличался замечательной энергией и любовью к труду. ("Новое Время", 1896, № 7141).

Библиография

Его:

“Новое Время”, 1895, № 6775.

“Непристойные речи”, рассказы (“Исторический Вестник”, 1897, кн. 7 и 8).

О нем:

“Новое Время”, 1895, №№ 6999, 7013.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 3, с. 1056—1057.

“Новости”, 1896, № 16.

АСТРОВ Иван Николаевич (умер 7 октября 1896 года в Москве) — врач.

7 октября скончался доктор И. Н. Астров, состоявший полицейским врачом. Кроме того, покойный служил врачом в Евлашевской богадельне и в двух богадельных домах Братолюбивого Общества снабжения неимущих квартирами. (“Московские Ведомости”, 1896, № 278).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1896, № 7493.

АФАНАСЬЕВ Петр Алексеевич (умер 28 декабря 1896 года в Вене) — заслуженный профессор, действительный статский советник.

Некролог

28 декабря истекшего года скоропостижно скончался в Вене от паралича сердца заслуженный профессор Технологического Института Петр Алексеевич Афанасьев. Покойный представлял собой один из нечасто встречающихся у нас примеров человека, добившегося своего видного положения только благодаря своей энергии, силе воли и упорному труду. Будучи сыном унтер-офицера, он, по окончании курса в институте со степенью технолога 1-го разряда в 1866 г., посвятил себя практической деятельности сначала на частных и казенных заводах. Здесь ему пришлось принять участие в большом для своего времени деле по перевооружению нашей армии устройством мастерских для выделки так называемых дистанционных и ударных трубок. Затем в качестве преподавателя в Технологическом институте, в котором с образованием в 1872 г. V курса ему было поручено чтение лекций на этом курсе по предмету заводских машин и руководство проектами слушателей по тому же предмету. Со следующего года он приступил к чтению лекций по мукомольному делу, а впоследствии и по технологии дерева. В 1890 г. он был утвержден в должности главного заводского инспектора по министерству путей сообщения. Покойный, к какому бы делу он не прикасался, посвящал себя всего, со всей силой своего ума, энергии, воли, а очень часто и терпения. На своей педагогической деятельности он был “благим” учителем, в лучшем значении этого слова; вообще он всегда служил только делу и менее всего лицам. По этой причине, быть может, он не пользовался особой популярностью, но он и не бегал за ней. Из оригинальных и самостоятельных работ его нужно указать на “Определение усилий и его работы при образовании стружек”. Печатных трудов имеется несколько, между коими сочинение “Мукомольные мельницы” явилось вторым изданием и до последнего времени было единственным руководством по этой важнейшей отрасли промышленности. Он угас во цвете лет (51 года) и сил. Весной почувствовал впервые припадки сильно обостренного порока сердца, и в декабре его уже не стало. Мир твоему праху, честный, строгий к себе и другим труженик! (“Новое Время”, 1896. № 7487).

АШАРИН Андрей Александрович (12 июня 1843 — декабрь 1896 года) — преподаватель,

переводчик с немецкого языка. По окончании курса в Дерптском университете по юридическому факультету, состоял преподавателем немецкого языка в Александровской Рижской гимназии. Кроме переводов на немецкий язык статей русских писателей и сотрудничества, как в местных, так и в столичных изданиях, им издана: “Немецкая грамматика для русских средне учебных заведений” (Рига, 1887). (Д. Д. Языков).

Библиография

О нем:

“С.-Петербургские Ведомости”, 1896, № 346.

БАРАНОВСКИЙ Август Николаевич (умер в конце декабря 1896 года в Петербурге) — сотрудник С.-Петербургского университета.

Некролог

На днях на Римско-католическом кладбище Выборгской стороны кружок друзей и знакомых собрался отдать последний долг скончавшемуся в конце декабря после продолжительной и тяжкой болезни Августу Николаевичу Барановскому. Воспитанник Киевского Университета, А. Н. Барановский с 1884 года до самой смерти занимал место хранителя кабинета Физической географии при Императорском С.-Петербургском Университете и сумел за свое пребывание на этом месте заслужить не только репутацию человека, знающего метеорологию и усердно ею занимающегося, но и всеобщую любовь среди всех, имевших случай с ним близко сталкиваться. Состоя в то же время секретарем метеорологической комиссии Русского Географического Общества, покойный с образцовой тщательностью вел обработку всех издаваемых комиссией сельскохозяйственно-метеорологических наблюдений. В качестве помощника заведующего

метеорологической частью в экспедиции генерала Жилинского по орошению юга России и Кавказа, покойный руководил устройством целого ряда метеорологических станций на юге России. Результатом его занятий метеорологией было несколько напечатанных им работ, как то: “Очерк климата Нижегородской губернии”, “Главные черты климата черноземных областей России”, “Очерк климата Полтавской губернии”, а также мелкие статьи, напечатанные в различных изданиях. Перечисленные работы представляют собой добросовестнейшую и тщательную сводку всех данных, характеризующих климат рассматриваемых местностей. (“Новое Время”, 1896, № 7493).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1897, кн. 3, с. 1157.

БАРСОВ Матвей Васильевич (умер 28 февраля 1896 года в Симбирске)

Библиография

О нем:

“Церковные Ведомости”, 1896, № 25, с. 901—902.

БАТАЛИН Александр Федорович (1 августа 1847 — 1 октября 1896 года в Петербурге) — директор Императорского Ботанического сада, профессор ботаники.

Некролог

1 октября, в 7 часов вечера, скончался директор Императорского Ботанического сада Александр

Федорович Баталии.

Покойный родился в Петербурге 1 августа 1847 года в мещанской семье, учился в 5-й Петербургской гимназии и Петербургском университете по естественному факультету, где окончил курс в 1870 году со степенью кандидата. В этом же году покойный поступил на службу в Императорский Ботанический Сад младшим консерватором, два года спустя защитил диссертацию под заглавием: “О влиянии света на формы растений”, за что был удостоен степени магистра ботаники, а в 1876 году за диссертацию под заглавием: “Механика движения насекомоядных растений”, получил докторскую степень, и в 1877 году был назначен главным ботаником названного Сада. В 1884 году Александр Федорович был назначен экстраординарным профессором Военно-Медицинской Академии, а с 1892 года — директором Ботанического сада. Многочисленные ученые труды покойного по садоводству и огородничеству печатались в “Записках Академии Наук”, в “Трудах С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей”, в “Трудах Ботанического Сада”, “Земледельческой Газете”, “Вестнике Садоводства” и в других специальных журналах.

Погребение усопшего состоится 4 октября на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге. (“Московские Ведомости”, 1896, № 273).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1896, кн. II, с. 705—706.

“Русское слово”, 1896, № 267.

“Новое Время”, 1896, № 7400.

“Русские Ведомости”, 1896, № 274.

БАТУЕВ Авксений Петрович (умер 25 октября 1896 года в Вятке) — председатель губернской земской управы.

Некролог

Скончавшийся в Вятке от смертельной раны, нанесенной умалишенным, выпущенным из больницы, председатель вятской губернской земской управы Авксений Петрович Батуев принадлежал к числу тех немногих общественных деятелей, для которых идея служения ближнему и общественная польза составляют цель жизни. Кандидат прав по университетскому образованию, покойный всецело посвятил свою деятельность вятскому земству, являясь в этом отношении образцовым земским деятелем. Будучи молодым человеком (покойному не было еще и 40 лет), он уже второе трехлетие находился во главе земской управы. Не было такой отрасли земской деятельности, которая не заинтересовала бы А. П. Батуева. Распространение народного образования при помощи школ и сельских библиотек, поднятие земледельческих хозяйств и сельскохозяйственной и кустарной промышленности, упрочение материального благосостояния крестьян — вот те вопросы, за благоприятное разрешение которых покойный горячо ратовал и словом и делом. При нем, по почину губернского земства, учреждаются в Вятской губернии сельские библиотеки, земские книжные склады, чтения для народа, устраиваются педагогические и сельскохозяйственные курсы для народных учителей, число начальных школ удваивалось, намечено к открытию несколько профессиональных училищ по разного рода специальным знаниям, будущность земских мелких тружеников обеспечивается эмеритурой, поднят вопрос о снабжении крестьянских хозяйств лошадьми и пр. Словом, с именем покойного и с его убежденной энергичной деятельностью связан в Вятской губернии целый ряд полезных предприятий и хороших общественных начинаний. Как человек, А. П. Батуев имел замечательно

отзывчивое сердце, отличался доступностью и простотой обращения. Он по мере своих сил и возможности помогал всем нуждающимся и оказывал неоднократно материальную помощь умалишенному Шебалину, от руки которого было суждено ему погибнуть. Ради скорейшего достижения благотворных результатов в общественных полезных предприятиях, покойный А. П. неоднократно принимался за перо, и его статьи всегда охотно печатались в периодических изданиях. Так, он был деятельным корреспондентом “Нового Времени”. Еще не так давно была напечатана в “Новом Времени” его интересная корреспонденция из Вятки о сельских библиотеках, в прошлом году были напечатаны корреспонденции о народном образовании в Вятской губернии, о положении мелких земских служащих и пр. (“Новое Время”, 1896, № 7428).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 12, с. 1110.

“Русские Ведомости”, 1896, № 299.

“Вестник Европы”, 1896, кн. 12, с. 900—901.

“Новое Время”, 1896, № 7427.

“Русское Богатство”, 1896, кн. II, отд. П, с. 227—231.

“Русская Мысль”, 1904, кн. 8, отд. П, с. 30—44.

БЕРЕЗИН Илья Николаевич (19 июля 1818 — 22 марта 1896 года в Петербурге) — ориенталист, профессор, тайный советник.
Некролог

В Петербурге, 22 марта, скончался известный ориенталист и старейший профессор восточного отделения при Петербургском университете, тайный советник Илья Николаевич Березин. Нельзя не почтить память покойного признательным воспоминанием об ученых заслугах, которыми в течение почти шестидесяти лет он прославил свое имя не только в России, но и далеко за пределами ее, как на Востоке, так и в Западной Европе.

Покойный И. Н. Березин, сын горного чиновника, родился 19 июля 1818 года на Юго-Камском заводе, в Пермской губернии. После домашнего воспитания, он учился в Екатеринбургском уездном училище и в Пермской гимназии, из которой, по окончании курса, чувствуя склонность к изучению языков, в 1834 году поступил на восточный факультет Казанского университета. Там покойный особенно усердно занимался арабско-персидским языком под руководством профессора Эрдмана. Удостоенный степени кандидата в 1837 году и оставленный при университете для приготовления к профессорскому званию, он совершил поездку в Астрахань для близкого знакомства с бытом персиян и татар, а по возвращении в Казань защитил свою диссертацию на тему: “Что способствует развитию просвещения и останавливает ход его в державах магометанских” — и в 1841 году получил степень магистра восточной словесности. Затем, в следующем году, покойный отправился в новое ученое путешествие по Востоку на средства Казанского университета: по плану и указаниям профессора А. К. Казембека он в течение трех лет объехал Закавказье, Персию, Аравию, Египет и Турцию, занимаясь изучением языков, исследуя современный быт народов, литературу и замечательные древности восточных государств. С обширным собранием материалов, обогащенный практическим знанием языков и словесности Востока, молодой ориенталист вернулся в Казань и с 19 марта 1846 года занял профессорскую кафедру турецкого языка в родном университете. Но здесь ему пришлось читать лекции только в течение девяти лет: с 1855 года восточное отделение было перенесено в Петербург; вместе с другими профессорами покойный был переведен на кафедру турецко-татарского языка при Петербургском университете, где и состоял до кончины.

Долгая ученая деятельность И. Н. Березина соединялась с длинным рядом научный трудов. Из них особенно важны: “Турецкая грамматика” (Казань, 1847), “Описание турецко-татарских рукописей” (1846—1849), “Recherches sur les dialectes musolmans” (Казань, 1848—1853, две части), “Библиотека восточных турков” (Казань, 1849—1854, три тома), “Путешествие по Дагестану и Закавказью” (Казань, 1850; второе издание: Казань, 1852), “Ханские языки” (Казань, 1850—1852), “Путешествие по северной Персии” (Казань, 1852), “Грамматика персидского языка” (Казань, 1853), “Сборник восточных летописей” (СПб., 1858—1869, шесть томов), “Внутреннее устройство улуса Джучиева по ханским ярлыкам, докторская диссертация” (СПб., 1865) и “Турецкая хрестоматия” (СПб., 1857—1878, три тома). Вместе с этими отдельно изданными трудами И. Н. Березин поместил большую вереницу статей о Востоке в разных периодических изданиях. Особенно живые очерки его появились в “Московских Ведомостях” (как, например: “Персидский залив” и “Турецкая полиция”), а также в “Русском Вестнике”, где были напечатаны следующие статьи:

“Рамазан в Стамбуле” (1856, кн. 1), “Бейрам” (кн. 2), “Сцены в пустыне” (1856, кн. 10; 1858, кн. 2; 1860, кн. 2—4), “Иной мир” (1857, кн. 9) и “Блаженство мусульманина” (1867, кн. 1).

Наконец, в числе последних работ И. Н. Березина видное место занимает “Русский энциклопедический словарь” (СПб., 1873—1882, шестнадцать томов), давно сделавшийся библиографической редкостью. Успех этого замечательного ученого предприятия побудил покойного приняться за новую обработку его, под названием “Новый энциклопедический словарь” (СПб., 1883—1885), который, однако, вышел только в четырех выпусках и не был доведен до конца. (“Московские Ведомости”, 1896, № 83).

Библиография

О нем:

“Нива”, 1887, № 42.

“Новое Время”, 1896, № 7208.

“Волжский Вестник”, 1896, № 79.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 5, с. 735—736.

“Правительственный Вестник”, 1896, № 69.

“Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1896, кн. 3.

“Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии, 1902, вып. V, с. 30—31.

БЕРМАН Василий Лазаревич (умер 6 марта 1896 года в Каире) — помощник присяжного поверенного.

Некролог

6 марта, в Каире, скончался помощник присяжного поверенного Василий Лазаревич Берман. Он умер молодым, 34 лет, от злой чахотки, вызвавшей в прошлом году переезд его в Египет. В петербургской адвокатской семье, в которую покойный вступил по окончании с золотой медалью курса в С.-Петербургском университете, Берман оставил самые лучшие воспоминания: отличаясь строгой разборчивостью в приеме дел, он горячо и искренне отстаивал те из них, которые считал правыми; выдающийся оратор в среде молодой адвокатуры, он имел еще редкое свойство — остроту ума, не покидавшую его и в период предсмертной болезни. Покойный Берман принимал близкое участие в трудах комиссии, избранной присяжной адвокатурой с

Берман принимал близкое участие в трудах комиссии, избранной присяжной адвокатурой с целью переустройства сословия помощников присяжных поверенных и успешно отстаивал в этой комиссии права и интересы младшей братии — помощников присяжных поверенных. В свою очередь молодежь очень любила его и четыре раза выбирала в члены комиссии помощников, а в 1891 г. он был избран ее председателем. Независимо от своей профессиональной деятельности Берман, будучи человеком широко образованным, отлично знакомый с западноевропейской и русской литературой, и сам не был чужд литературе; помимо нескольких трудов юридического содержания, он, во время своих частых поездок за границу, писал корреспонденции в русские газеты. Добрый, отзывчивый, чувствительный ко всякому горю, прекрасный семьянин, он оставил о себе в адвокатуре и среди своих знакомых светлую память и самые симпатичные воспоминания. ("Новое Время", 1896, № 7197).

Библиография

О нем:

"Исторический Вестник", 1896, кн. 5, с. 740.

БЕРШАДСКИЙ Сергей Александрович (умер 21 февраля 1896 года в Петербурге) — экстраординарный профессор, историк-юрист.

Некролог

Скончавшийся вчера вечером экстраординарный профессор С.-Петербургского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права Сергей Александрович Бершадский принадлежал к числу известных своими научными работами историков-юристов. Уроженец Бердянска, Таврической губернии, малороссиянин по происхождению, бывший студент юридического факультета Новороссийского университета, покойный занимался специально изучением еврейского вопроса. Темой для защиты диссертации на степень магистра государственного права он избрал историю юридического и общественного положения евреев в Литве, озаглавив свое сочинение: "Литовские евреи". Это сочинение посвящено подробному выяснению причин, создавших отрозненность еврейства, вызвавших у них стремление к накопительству богатств путем эксплуатации и соединивших евреев под властью кагала. Из других исследований покойного назовем: "Михель из Бреста", "Документы и реестр к истории литовских евреев" (два тома), "История виденской еврейской общины". Кроме того им напечатаны "Лекции по истории философии права". С. А. читал в университете с 1878 года энциклопедию и историю философии права сперва в качестве нештатного преподавателя, затем с 1883 г., после защиты диссертации на степень магистра государственного права, в качестве экстраординарного профессора. В Императорском Александровском лицее он читал историю русского права, в Военно-Юридической Академии — энциклопедию права. Свои мелкие заметки и статьи С. А. печатал в книгах "Восхода". Умер он на 46-м году от роду. "Новое Время", 1896, № 7448.

Библиография

О нем:

"Журнал Юридического Общества", 1896, апрель.

"Исторический Вестник", 1896, кн. 4, с. 312—316, 373—374; 1897, кн. 5, с. 477—486.

"Правительственный Вестник", 1896, № 44

"Новости", 1896, №№ 54, 56.

Статья: "Бершадский, как историк русских евреев" ("Восход", 1896, апрель).

“Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1896, кн. 3.

“Киевская Старина”, 1896, кн. 5.

“Вопросы Философии и Психологии”, 1896.

БЕТХЕР Александр Николаевич (1840 — 16 ноября 1896 года в Петербурге) — помощник главного начальника женских гимназий.

Некролог

16 ноября, в Петербурге, скончался бывший помощник начальника Петербургских женских гимназий, действительный статский советник Александр Николаевич Бетхер.

Покойный получил высшее образование на естественном отделении Петербургского университета и по окончании курса действительным студентом в 1863 году поступил на педагогические курсы при второй Петербургской военной гимназии для подготовления к преподавательской деятельности. Через два года он начал преподавание естественной истории во 2-м кадетском корпусе, Василеостровской женской гимназии и Петербургской учительской земской школе. С 1877 года покойный состоял инспектором Петровской женской гимназии в Петербурге, а с 1888 года помощником начальника Петербургских женских гимназий.

Кроме занятий преподаванием, А. Н. Бетхер был известен своей учено-литературной деятельностью. Он вместе с И. Т. Осининым издавал “Педагогический Листок женских гимназий” (ныне “Женское Образование”), где поместил ряд статей и заметок педагогического характера. Ему же принадлежала вереница рассказов для юношества по естественной истории, изданная под заглавием: “Из великой книги — природы” (СПб., 1884, IV + 171 стр.).

(“Московские Ведомости”, 1896, № 320).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1890, № 5089; 1896, № 7448.

“Исторический Вестник”, 1897, кн. I, с. 370.

БИК Альфред Николаевич (умер 24 июля 1896 года в Крыму) — старший преподаватель геодезии, действительный статский советник.

Некролог

Константиновский Межевой Институт понес тяжелую утрату: 24 июля в Крыму от паралича сердца скончался старший преподаватель геодезии в Институте, действительный статский советник Альфред Николаевич Бик. В лице покойного институт лишился даровитого преподавателя, глубоко преданного своему предмету и с редкой энергией и любовью занимавшегося его разработкой до последних дней своей жизни: А. Н. Бик воспитал не одно поколение межевых инженеров, работающих теперь в разных уголках обширного отечества. Как среди своих многочисленных учеников, так и среди сослуживцев, покойный пользовался большой любовью и уважением. Нет сомнения, что весть об его кончине вызовет среди них искреннее сожаление. А. Н. Бик умер еще не старым человеком: ему было только 52 года.

Покойный воспитывался в Константиновском Межевом институте. Служебная деятельность его началась в Межевом Корпусе. После блестяще сданного экзамена в офицерском классе он был награжден золотым аксельбантом и чином подпоручика. В 1868 году А. Н. Бик был

прикомандирован к Школе Межевых Топографов, в которой через четыре года занял место преподавателя геодезии. В 1878 году покойный был назначен старшим преподавателем геодезии в Константиновском Межевом институте и оставался в этом учебном заведении до конца своей жизни; причем в одно время он состоял еще старшим межевым ревизором по Управлению Межевой частью. В 1894 году за отличие по службе он был произведен в действительные статские советники.

После А. Н. Бика остался капитальный труд — "Курс низшей геодезии", доставивший ему почетную и вполне заслуженную известность. Курс обнимает собой три огромные тома и несмотря на то, что появился сравнительно недавно, вышел уже вторым изданием. Это обстоятельство служит наглядным доказательством больших научных достоинств сочинения, которое, служа руководством в учебных заведениях, составляет в то же время настольную книгу для лиц, занимающихся геодезическими работами. А. Н. Бик с редкой добросовестностью собрал для своего Курса громадный материал и разработал его с большим знанием дела. Помимо этой колоссальной работы, покойным были напечатаны и другие труды по геодезии и соприкасающимися с нею областями. Императорское Русское Географическое Общество избрало его своим действительным членом. В Москве покойный был одним из членов-учредителей Топографо-Геодезической Комиссии при Обществе Любителей Естествознания и состоял товарищем председателя этой комиссии.

Тело покойного перевезено из Крыма в Москву и 3 августа в лютеранской церкви Св. Михаилы было совершено отпевание его. Обер-пастором Л. С. Бакманом было сказано надгробное слово на русском языке. На гроб покойного были возложены венки от сослуживцев по Константиновскому Межевому институту и от Топографо-Геодезической Комиссии. При заупокойном богослужении присутствовали: председатель Межевой Канцелярии инженер-генерал В. И. Ахшарумов, инспектор Константиновского Межевого, института М. М. Литвинов, наличный преподавательский персонал института, председатель Топографо-Геодезической

Комиссии Д. П. Рашков, бывший секретарь этой комиссии полковник С. П. Беликов, почитатели покойного, многие из бывших его учеников, а также учащиеся в институте.

Погребение было совершено на Введенских горах. Все присутствовавшие в храме сопровождали гроб покойного до могилы. ("Московские Ведомости", 1896, № 212).

Библиография

О нем:

"Русское Слово", 1896, № 209.

БОГАТИКОВ Николай Дмитриевич (3 декабря 1833 — 31 мая 1896 года в Киеве) — литератор.

Библиография

Его:

"Воспоминания" ("Русский Архив", 1899, кн. 1—2).

БОГДАНОВ Анатолий Петрович (1 октября 1834 — 16 марта 1896 года в Москве) — профессор, доктор зоологии, председатель московского антропологического общества.

Некролог

Скончался Анатолий Петрович... Не хочется верить и перо отказывается писать! Умер человек, с именем которого неразрывно связано почти полвека жизни и развития русского естествознания. Умер учитель целой плеяды ученых, умер блестящий профессор, беспримерный организатор, истинный сын своего народа, умер добрый, хороший русский человек.

истинный сын своего народа, умер добрый, хороший русский человек.

Жизнь и деятельность Анатолия Петровича столь обширны, столь разнообразны, столь полезны для родной страны и поучительны для сынов ее, что для их описания требуется не краткий журнальный некролог, а целое историческое исследование, и я уверен, что по миновании горького чувства острой боли от первого известия об этой невознаградимой потери, ученики покойного посвятят памяти Анатолия Петровича такой же обширный труд, какой посвятил он памяти своего знаменитого учителя К. Ф. Рулье.

Анатолию Петровичу было еще немного лет — ему еще не минуло 62, но он в жизни своей сделал столь много, что, как выражался про него знаменитый Вирхов, Богданов жил почти два столетия, так плодотворно и так поразительно богата была его деятельность.

Анатолий Петрович родился 1 октября 1834 года в деревне, на границе Воронежской и Курской губерний, и был принят на воспитание княгиней Кейкуатовой, вложившей в своего "внука" всю свою душу и давшей ему блестящее воспитание.

По жестоким законам того времени, Анатолий Петрович был приписан к своему сельскому обществу, и лица, желавшие занять в сердце "бабушки-княгини" место ее дорогого и единственного внука, не раз отравляли жизнь и затрудняли карьеру юноши, благодаря этим законам.

Княгиня Кейкуатова, женщина большого ума и весьма добрая, но истинная дщерь своего времени, тоже не раз давала знать бедному ребенку об его положении в тогдашнем обществе, и мальчика в случае повинности не раз переодевали в крестьянскую одежду и высылали из барских покоев.

Такое воспитание, требование бабушки и воспитательницы, чтобы ее питомец, по окончании гимназического курса шел в монастырь, замаливал грехи и свои, и своих родителей, и ее, бабушки, конечно, сломили бы всякую другую натуру. Но у Анатолия Петровича была натура титаническая, и эта обстановка закалила его на последующую борьбу, а такой не мало представила его последующая жизнь.

В 1855 году Анатолий Петрович кончил курс Московского университета и в знаменательный день 12 января 1855 года, в день столетия первого русского Университета, был награжден медалью.

По окончании курса он был замечен Рулье и вместе с покойными Усовым и Борзенковым выделен из числа других товарищей, и судьба Анатолия Петровича была решена.

30 января 1856 года молодой ученый основывает первый научный кружок, в котором он показывает свою организаторскую способность — комитет акклиматизации при Московском Обществе Сельского Хозяйства, а потом из этого кружка разрастаются два пышные цветка — Общество Любителей Естествознания и Общество Акклиматизации, организованные тем же полным энергии молодым ученым.

В то же время появляются первые научные труды Анатолия Петровича, посвященные развитию низших ракообразных и некоторым паразитическим паукообразным, а через два года молодой ученый, вызванный из Парижа, где он учился у Грасиоле, Робена и особенно Исидора Жоффруа Сент-Илера, известием о кончине К. Ф. Рулье, защищает магистерскую диссертацию "О цветности пера птиц" и становится в ряд профессоров знаменитого русского университета.

Этому университету Анатолий Петрович посвящает все свои силы, всю свою энергию. Все предприятия, организованные Анатолием Петровичем, вызваны тем, чтобы возвысить свою кафедру, чтобы дать своим многочисленным ученикам возможность учиться и исследовать. Экспедиции Федченко, Ульянина, Керцелли, Анучина, Тихомировых, Нефедова, Зографа,

Янчука, Филимонова, и целого ряда других исследователей дали тот несравненный материал, которым справедливо может гордиться Московский университет, положили основание музеям этнографическому и антропологическому, основателем которых являлся Анатолий Петрович, обогатили зоологический музей и дали возможность двигать вперед познание русской природы и русского населения целым поколениям ученых.

Для этого университета работал Анатолий Петрович, устраивая и зоологический сад, и музей прикладных знаний. Нельзя зоологу знать только местную природу, говорил он, надо ему считаться и с живыми существами. Нельзя профессору закрываться в тогу специальности, говорил он, надо учить и народ; если мы отдалимся от народа, не раз говорил он, то мы погубим и университеты, и в доказательство приводил то антиуниверситетское движение, которое теперь замечается в Германии.

Анатолию Петровичу не раз указывали на возможность занять более высокий и блестящий пост; но он отвечал, что он не знает более высокого поста, чем пост профессора, формирующего будущие поколения, и говорил, что в этом звании он хотел бы окончить и жизнь свою.

И он верой и правдой служил Московского университету, а через него и всей России, он свято и высоко держал его знамя и с любовью говорил и заботился о нем уже лежа на смертном одре.

С шестидесятых годов Анатолий Петрович направил свою научную деятельность на два пути: с одной стороны, он — первый из русских стал работать над антропологией России, с другой — он стал истинным историографом русской науки.

Писать об антропологических трудах А. П. Богданова, значить писать целый учебник антропологии населения России, писать об историографии русской зоологии, это значить писать целый трактат о движении науки в Европе за период с 30-х по 90-е годы нынешнего столетия.

С этой стороны труды покойного считаются сотнями, и не в день потери любимого учителя, давшего русским университетам десятки профессоров и связавшего себя с ними лучшими узами, узами любви и дружбы, распространяться о трудах его с точки зрения библиографа. Заслуги его перед Россией, перед русской наукой крупнее;

Богданов в то время, когда даже среди русских людей явилось сомнение в том, способны ли они к высшему достоянию европейской культуры — к науке, показал, и показал блестяще, перед всем миром, что может сделать сильный, энергичный, талантливый русский человек, если он любит свою родную страну, если он верует в ее будущее, если он действительно является верным сыном своего отечества.

Прощай же, дорогой, незабвенный учитель, прощай истинный сын и слуга своего великого отечества, до свидания, спи спокойно и будь уверен, что брошенное тобой семя принесет достойные плоды. (Профессор Н. Зограф. “Московские Ведомости”, 1896, № 77).

Библиография

Его:

“Святки” (“Воронежские губернские Ведомости”, 1850, №№ 17, 19, 21, 30).

“Величальные песни жителей села Олыми Нижнедевицкого уезда” (Воронежские губернские Ведомости”, 1850, № 43).

“Приметы” (“Воронежские губернские Ведомости”, 1851, № 13).

“Как нужно обращаться с животными” (Москва, 1898).

"Письма к Ф. Д. Нефедову" ("Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии", 1917, кн. 17).

О нем:

"Всемирная Иллюстрация", 1879, № 559.

"Журнал Министерства Народного Просвещения", 1896, кн. 6; 1899, кн. 9, с. 21—46; кн. 10, с. 207—230.

"Русская Мысль", 1896, кн. 4, с. 195.

"Московские Ведомости", 1896, №№ 7—81.

"Новое Время", 1896, № 7205.

"Русское Слово", 1896, № 77.

"Исторический Вестник", 1896, кн. 5, с. 732—735.

"Естествознание и География", 1896, № 4.

БОГОЛЮБОВ Алексей Петрович (16 марта 1824 — 7 ноября 1896 года в Париже) — художник-маринист.

Некролог

Грустное известие получено нами из Парижа: там 7 ноября (26 октября) скончался наш знаменитый художник-маринист Алексей Петрович Боголюбов.

Покойный родился 16 марта 1824 года в селе Померанье Новгородской губернии и там же провел свое детство, пока не поступил в Морское училище. Еще кадетом он обнаружил особенную склонность к рисованию, которая проявлялась в карикатурах на всех без различия, за что покойный едва не поплатился серьезно, но все-таки не покинул корпуса и 8 января 1841 года был произведен в мичманы, о через пять лет получил чин лейтенанта. Между тем один счастливый случай вывел покойного на истинную дорогу, куда с детства влекло его призвание. А. П. Боголюбов в 1849 году служил офицером на корабле "Камчатка", на котором герцог Максимилиан Лейхтенбергский отправился на остров Мадеру. Герцог во время путешествия познакомился с молодым моряком, увидал его тогдашние рисунки и посоветовал ему заняться развитием своего природного таланта.

Действительно, А. П. Боголюбов с 1850 года оставил морскую службу и поступил в Академию Художеств. Под руководством таких профессоров, как М. Н. Воробьев и Г. П. Виллевальде, он быстро достиг усовершенствования в изображении морских видов: за картину "Отъезд Его Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергского из Лиссабона" (1852) была получена им вторая золотая медаль, а "Вид Ревеля с моря" доставил ему первую золотую медаль в 1853 году, после чего покойный, по Высочайшему повелению, был назначен художником Главного Морского Штаба и на казенный счет отправлен за границу.

В течение семи лет (1853—1860) А. П. Боголюбов посетил Женеву и Париж, где пользовался советами Калама и Изаба, долго прожил в Дюссельдорфе, где пользовался советами знаменитого пейзажиста Андрея Ахенбаха, объехал черноморские берега и вернулся на родину со многими произведениями своей мастерской кисти, которые в 1861 году появились на выставке. Особенно тогда обратили на себя внимание: "Синоп", "Подвиг капитана Сенявина", "Буря в проливе Сэн-Валери", и "Ночная ярмарка в Амстердаме", за что художник получил от Академии звание профессора живописи морских видов. С тех пор, в течение тридцати пяти лет покойный маринист всецело отдавался своему искусству. Почти каждый год, то по собственному вдохновению, то по личному поручению Высочайших Особ, он дарил русскую школу живописи

вдохновению, то по личному поручению Высочайших Особ, он дарил русскую школу живописи своими высокохудожественными произведениями. Так в царствование Александра II им было написано много образцовых картин из истории русского флота при Петре Великом; в царствование Государя Александра III — несколько картин из истории Русско-турецкой войны 1877 года, вызвавшей подвиги наших моряков, и большая картина "Прибытие русской эскадры в Тулон" (1893), написанная по заказу почившего Государя и пожертвованная Им в Парижское офицерское собрание (копия с этой картины находится в Императорском дворце); в последнее же время им были написаны эскизы "Прибытие Их Величества в Шербург".

Кроме того, покойный оставил по себе память устройством в городе Саратове Музея имени А. Н. Радищева, которому он приходился родным внуком, и при нем художественно-промышленной школы.

Наконец, нельзя забыть, что А. П. Боголюбов хорошо известный Высочайшему Двору по своей художественной деятельности, имел высокое счастье руководить занятиями по искусству Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны в бытность Ее Цесаревной и пользовался особенно милостивым вниманием в Бозе почившего Государя Александра III. Об этих драгоценных днях своей жизни покойный маринист в прошлом году напечатал интересные "Воспоминания" ("Московские Ведомости", 1895, №№ 201—202; "Правительственный Вестник", 1895, №№ 158—159). В этих "Воспоминаниях", кроме многих любопытных событий из личной жизни художника, между прочим, находились следующие строки, которые теперь вспоминаются с особенной живостью: счастием моей жизни были те незабываемые минуты и часы, в которые благосклонная судьба ставила в близкие, непосредственные сношения с нашим безвременно почившим Монархом. Умирая, буду благословлять Бога, что Он даровал мне счастье узнать близко все величие души незабвенного, в Бозе почившего Императора Александра III. ("Московские Ведомости", 1896).

Библиография
О нем:

"Новости", 1896, № 298.

"Исторический Вестник", 1896, кн. 12, с. 1104—1106; 1897, кн. I, с. 280—286.

"Русское Слово", 1896, № 291.

"Новое Время", 1896, № 7425; 1897, № 7564.

"С.-Петербургские Ведомости", 1896, № 297.

"Московские Ведомости", 1897, №№ 297, 303.

"Русский Архив", 1897, кн. 3, с. 373—395.

"Исторический Вестник", 1900, кн. II, с. 489—490.

"Старина и Новизна", 1900, кн. 3, с. 1—13.

БОГУСЛАВСКИЙ Анатолий Иванович (умер 18 августа 1896 года)

Библиография

О нем:

"Русское Обозрение", 1897, кн. 2, с. 1000—1006.

БОРОЗДИН Корнилий Александрович (9 марта 1828 — 1 ноября 1896 года в Петербурге) —

БОРОЗДИН Корнилий Александрович (9 марта 1828 — 1 ноября 1896 года в Петербурге) редактор-издатель журнала “Российский Царственный Дом Романовых”.

Некролог

Завтра, 4 ноября, в Александро-Невской Лавре будет совершенно погребение тела Корнилия Александровича Бороздина, скончавшегося 1 ноября в Петербурге.

Покойный родился 9 марта 1828 года в Псковской губернии, но свое детство провел в Архангельской и Симбирской губерниях, где его отец служил по удельному ведомству. После гимназического образования он поступил на юридический факультет Московского университета и получил там звание действительного студента в 1849 году. Скоро, по окончании университетского курса ему пришлось занять место воспитателя в семье владетельного князя Мингрельского и затем поступить на службу при наместнике Кавказа. Спустя четырнадцать лет, покойный вышел в отставку, переехал в Москву и занялся адвокатурой, а с 1870 года поселился в Петербурге и до дня смерти отдавался литературной деятельности.

Из отдельно напечатанных трудов К. А. Бороздина нам известны:

“Омер-паша в Мингрелии, воспоминания о Восточной войне 1853—1856 годов” (СПб., 1873) и “Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год” (СПб., 1885, VII + 423 стр.). Кроме того, ему принадлежал ряд статей, рассказов и воспоминаний, помещенных в “Московский Ведомостях”, “Ниве”, “Новом Времени”, “Историческом Вестнике” и “Русском Вестнике”. С начала же 90-х годов покойный начал выпускать издание под заглавием “Российский Царственный Дом Романовых”, в виде художественного альбома с портретами всех наших Государей и хорошо составленным текстом. (“Московские Ведомости”, 1896, № 304).

Библиография

Его:

“К характеристике императора Александра I”; рассказ (“Исторический Вестник”, 1897, кн. 5, с. 471—476.

“Священная дружина”, “Народная Воля”; записки (“Былое”, 1907, кн. 10, с. 124—162).

“Отрывок из Фамильных воспоминаний”; рассказ (“Исторический Вестник”, 1902, кн. 12, с. 884—907).

О нем:

“Русское Слово”, 1896, № 297.

“Новое Время”, 1896, № 7430.

“Исторический Вестник”, 1897, кн. 1, с. 275; 1911, кн. 9, с. 1048—1100.

БРИКНЕР Александр Густавович (24 июня 1834 — 4 октября 1896 года в Иене) — историк.

Некролог

4 октября скончался бывший профессор казанского университета Александр Густавович Брикнер. Он родился в Петербурге 24 июня 1834 года и, по окончании курса в Петропавловском училище, с 1851 по 1857 г. занимался в конторе торгового дома, но затем отправился за границу и посвятил себя изучению исторических наук. В продолжении трех лет (1858—1860) А. Г. последовательно слушал лекции в университетах: гейдельбергском, иенском, и берлинском. Защитив в 1860 г. в Гейдельберге диссертацию: “Der Reichstag zu Worms. Die Verhandlugen uber

das Reichsregiment 1521", он возвратился в Россию и с 1861 по 1867 год читал лекции в училище правоведения и некоторое время в Императорском петербургском университете. Приглашенный в Одессу на кафедру всеобщей истории, А. Г. читал лекции в новороссийском университете с 1867 по 1872 г., когда занял кафедру русской истории в Юрьеве; здесь А. Г. преподавал в течение девятнадцати лет. 1 июля 1891 г. он был назначен профессором в Казань, где оставался всего год, и выйдя в отставку, поселился в Иене. Большинство исторических исследований покойного касаются XVII и XVIII веков. Из них следует отметить: "Медные деньги в России (1656—1663)", в котором исторически верно освещены финансовые затруднения России в царствование Алексея Михайловича (докторская диссертация); "Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина", "История Петра Великого", "Иван Посошков как экономист", "История Екатерины II", "Император Иоанн Антонович и его родственники", "Война России со Швецией в 1788—1790 гг." Еще недавно появился первый том его "Geschichte Russiands bis zum Ende des 18 Jahrhunerts". Одной из главных заслуг А. Г. следует признать то, что он проводил в западноевропейское общество достоверные данные о прошлых судьбах русского народа. ("Русское Слово", 1896, № 303).

Библиография

Его:

"Семейство Разумовских" (СПб., 1894, в пяти томах).

"Шведская война 1788—1790 гг.", по новым данным из французских архивов ("Русская мысль", 1896, кн. 5, 6).

"Екатерина II, и Французская революция" ("Исторический Вестник", 1895, кн. 8).

"Падение Бирона", по новым данным из разных архивов ("Новое Слово", 1895, кн. 3; 1896, кн. 4 и 6).

"Geschichte Russiands bis zum Ende des 18 Zahrhunerts. Band I ueberblick der Entnickelund bis zum Jodi Peters des Grossen. Gotha, 1896.

"Записки графа Лонжерона о русском войске (1796—1824) ("Русская Мысль", 1896, кн. 9 и 11).

"Москва и Рим в XV и XVI столетиях" ("Северный Вестник", 1896, кн. 6).

"Вопросы самообразования: история" ("Северный Вестник", 1896, кн. 9).

"Павел I и Густав IV, 1796—1800; по документам Стокгольмского архива" ("Вестник Европы", 1897, кн. 4 и 5).

"Проект отмены табеля о рангах 1818 года" ("Северный Вестник", 1897, кн. 7).

"Kaisers Pauls Ende. 1801". Von N. R. Stutgart, 1897.

О нем:

"Вестник Европы", 1896, кн. 12, с. 901—902.

"Новое Время", 1896, № 7435.

"Русское Обозрение", 1896, кн. 12, с. 842—861.

"Исторический Вестник", 1896, кн. 12, с. 1102—1104.

"Русские Ведомости", 1896, № 310.

"Русские Ведомости", 1896, № 310.

"Новости", 1896, № 306.

"Биржевые Ведомости", 1896, № 309.

"Журнал Министерства Народного Просвещения", 1897, кн. 2, отд. IV, с. 117—157

"Голос Минувшего", 1913, кн. 9, с. 158—168.

БУССЕ Федор Федорович (1838 — 28 декабря 1896 года в Петербурге) — общественный деятель, действительный статский советник.

Некролог

28 декабря скоропостижно скончался в Петербурге выдающийся общественный деятель Федор Федорович Буссе, посвятивший всю свою жизнь служению нашей отдаленной восточной окраины — Амурскому краю. Покойный, сын директора С.-Петербургской 3-й гимназии, математика Ф. И. Буссе, родился в 1838 году и прямо с университетской скамьи попал на службу в Восточную Сибирь. Благодаря выдающимся способностям, редкому трудолюбию и прекрасным душевным качествам, Ф. Ф. постоянно пользовался уважением и расположением всех, с кем пришлось ему работать и встречаться. Он получал разнородные, всегда ответственные поручения по различным отраслям гражданского управления Амурским краем: но главным образом отдал свой труд и время разработке вопросов о заселении новоприобретенного края русскими людьми и устройству быта тех русских поселений, которые в то время возникали на благодатных угодьях Южно-Уссурийского края. С конца 70-х годов Ф. Ф. жил в Петербурге, и здесь продолжал служить любимому Амурскому краю, принимая деятельное участие в составлении проекта переселения крестьян в Южно-Уссурийске края морским путем. В это же

время покойным был издан, при содействии географического общества, весьма полный и прекрасно составленный указатель сочинений, качающихся Амурского края. С изданием в 1883 году положения о переселении крестьян из внутренних губерний в Южно-Уссурийский край, Ф. Ф. был призван стать во главе этого дела. Назначенный на пост заведующего переселением, покойный в продолжении 10 лет (до 1893 г.) нес трудные и ответственные обязанности, связанные с этой должностью, и, без преувеличения можно сказать, вложил в это дело всю свою душу. Отличительными чертами его деятельности были: самое чуткое отношение к нуждам переселенцев, постоянная забота о лучшем их устройстве на местах, стремление направлять дело переселения сообразно местным условиям и выяснившимся потребностям. Упрочив и обеспечив, благодаря своим неусыпным заботам, будущее переселения в Южно-Уссурийский край и устроив быт многочисленных поселений, Ф. Ф. счет более полезным для дела удалиться от службы и посвятить себя всецело разработке обширного материала, собранного им за время десятилетнего заведования переселением. Ф. Ф. почти три года проработал во Владивостоке над сочинением которое издал на собственные средства, под заглавием: "Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 гг." Им составлена была, кроме того, записка о необходимости заселения побережий Тихого океана поморами. Еще за две недели до смерти он принимал деятельное участие в образованном при министерстве внутренних дел совещании по некоторым вопросам, касающимся близкого его сердцу переселения крестьян в Южно-Уссурийский край, и своим авторитетным словом способствовал быстрому и правильному их разрешению. Ф. Ф. Буссе был деятельным членом Географического общества, живо интересовался всякого рода научными изысканиями и, живя во Владивостоке, уделял свои досуги "Обществу изучения Амурского края", в котором состоял учредителем, почетным членом и первым председателем. Этому обществу он завещал крайне ценную библиотеку об Амурском крае, которую собирал в течение почти всей жизни. Отзывчивый ко всему хорошему, готовый всегда помочь нуждающему, обладая при этом редкой в наше время скромностью, покойный никогда не стремился к почестям и служебным отличиям и не искал известности и популярности. ("Новое Время", 1896 № 7492).

БЕЛИН Михаил Андреевич (1843 — 10 марта 1896 года в Москве) — доктор медицины.

Некролог

10 марта скончался прозектор Московского университета и старший врач московской полиции, доктор медицины Михаил Андреевич Белин. Покойный был сыном сельского священника Владимирской губернии и первоначальное образование получил во Владимирской духовной семинарии. По окончании семинарского курса он несколько лет был сельским учителем, а в 1866 году поступил в число студентов медицинского факультета Московского университета, откуда и выпушен был лекарем в 1871 году. В 1872 году, по предложению покойного профессора Л. Е. Мина, Белин был избран на должность помощника прозектора при кафедре судебной медицины. В 1875 году, по защите диссертации: "Материалы к оценке признаков смерти от холода в судебно-медицинском отношении", он был удостоен степени доктора медицины и вскоре получил звание приват-доцента по электротерапии, В 1878 году М. А. Белин был избран прозектором по кафедре судебной медицины и занимал эту должность до конца своей жизни. После введения университетского устава 1884 года, доктор Белин в течение многих лет, по поручению медицинского факультета, преподавал еще историю и энциклопедию медицины. В 1879 году он был командирован от университета в Астраханскую губернию по случаю Ветлянской чумы.

Занимаясь постоянно судебно-медицинскими исследованиями, М. А. Белин приобрел большую опытность в судебно-медицинской экспертизе и очень часто призывался в качестве эксперта в заседания суда, особенно по гражданскому отделению, где его экспертизы считались весьма ценными. Несмотря на специальные занятия в университете, М. А. Белин находил возможность заниматься медицинской практикой; состоя с давнего времени деятельным членом Общества Русских Врачей, он в течение многих лет участвовал в лечебнице этого учреждения и занимал разные должности в правлении Общества. Сообщения и статьи Dr. Белина помещались преимущественно в органах этого же Общества; кроме того, он состоял членом Общества Охранения Народного Здравия, Московского Юридического Общества и в качестве секретаря принимал участие в трудах секции судебной медицины на съездах Общества Русских Врачей в память Н. И. Пирогова, бывших в Москве в 1887 и 1891 годах.

В начале 1893 года Dr. Белин, оставаясь проректором Московского университета, был назначен старшим врачом московской полиции. В этой новой должности М. А. Белин старался внести возможные улучшения, принимая деятельное участие в различных медико-полицейских исследованиях и мероприятиях, но преждевременная смерть не дала ему совершить многого из того, что он задумывал.

Злокачественный тиф со скоро присоединившимся воспалением легких прекратил его деятельность на 53 году жизни. М. А. Белин оставил после себя вдову и четырех еще далеко не совершеннолетних детей. Пишущий эти строки в течение 23 лет был ближайшим свидетелем деятельности покойного в университете и полагает, что многие из товарищей и сослуживцев помянут его добрым словом.

Мир праху твоему, старый товарищ, так неожиданно и преждевременно оставивший свою работу на земле и переселившийся в лучший мир. ("Московские Ведомости", 1896, № 71).

Библиография

О нем:

"Новое Время", 1896, № 7199.

БЕЛОУСОВ Петр Петрович (умер 2 августа 1896 года в Туле) — санитарный врач. 2 августа Тула лишилась одного из своих видных общественных деятелей: умер от скоротечной чахотки городской санитарный врач П. П. Белоусов, который не мало сделал в сфере санитарно-

городской санитарный врач А.А. Белоусов, который так много сделал в сфере санитарно-гигиенических мероприятий к оздоровлению города. Покойный был воспитанник Московского университета, в котором кончил курс в 1880 году со степенью лекаря и званием уездного врача. Весной текущего года покойный заболел плевритом, перешедшим в воспаление в легких, а затем развившаяся скоротечная чахотка и свела покойного в могилу на 39 году от роду. Кроме массы санитарных мер, предпринимавшихся покойным к оздоровлению города, из которых самая крупная — то горячее участие, которое принимал он в деле устройства водопровода в Туле, открытого вполне в 1894 г., покойный был одним из членов основателей Тульского отдела Русского Общества Охранения Народного Здравия. Покойный пользовался большой любовью и популярностью между беднейшим тульским населением, где последние два года своей жизни он практиковал, отказавшись, в виду массы дел как санитарного врача, от всякой другой практики. После покойного остался вполне законченный, очень капитальный труд по санитарно-гигиеническим вопросам г. Тулы. По слухам, труд этот будет выпущен в свет. (“Русское Слово”, 1896 № 223).

Библиография

Его:

К вопросу о современном положении и ближайших задачах ассенизации русских городов. Материалы по общественной гигиене. (СПб., 1896).

О нем:

“Русское Слово”, 1896, № 99.

БЕЛЯЕВ Николай Иванович (умер 7 июля 1896 года в Москве) — адвокат.

9 июля на Ваганьковском кладбище опустили в могилу прах безвременно скончавшегося от легочно-горловой чахотки адвоката и поэта-дилетанта Николая Ивановича Беляева. Деятельность покойного, как опытного юриста, началась еще при старом судопроизводстве в качестве присяжного стряпчего и продолжалась беспрерывно до 1886 года при Московской Судебной Палате, а затем при Харьковской. Состоя членом многих благотворительных обществ, как-то: Человеколюбивого, Общества попечения о нуждающихся семействах воинов, потерявших здоровье на службе и др., покойный часто, видя ближнего в крайней нужде и безвыходном положении, оказывал помощь из своих собственных средств. Покойный известен был также по литературным трудам и многим стихотворениям, отличавшимся преимущественно патриотическим настроением, как, например: “Мольба России”, “На коронации Его Императорского Величества Государя Императора Александра III” и пр. Семья покойного осталась необеспеченной. (“Московские Ведомости”, 1896, № 189).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 8, с. 565.

БЮЛЕР, барон, Федор Андреевич (3 апреля 1821 года — 10 мая 1896 года в Москве) — директор Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел, действительный тайный советник.

Некролог

Ведомство по учреждениям Императрицы Марии и Московский Главный Архив Министерства Иностранных Дел, многие ученые и благотворительные общества неожиданно утратили старейшего и замечательного государственного деятеля: 10 мая, после свыше полувековой службы, скончался директор названного Архива и председательствующий в Московском

службы, скончался директор названного Архива и председательствующий в Московском присутствии Опекунского Совета, действительный тайный советник, почетный опекун, барон Федор Андреевич Бюлер.

Барон Федор Андреевич Бюлер родился 3 апреля 1821 года, на мызе Мануилово Петербургской губернии Ямбургского уезда, но свое детство провел в Петербурге и его окрестностях, среди счастливой семейной обстановки. Главное руководство в деле воспитания и первоначального учения вполне принадлежало родной матери, получившей блестящее образование в Смольном Институте.

Благодаря тщательной подготовке, барон Ф. А. Бюлер, в апреле 1832 года, был помещен пансионером в бывшее "высшее училище", незадолго перед тем переименованное во 2-ю С.-Петербургскую гимназию. Там, по словам покойного, "воспитание было самое патриотическое, мы увлекались стихами Державина, Дмитриева, Жуковского; здесь стала развиваться моя страсть к русской литературе".

Скоро пришлось и на деле ясно показать эту любовь к лучшим произведениям родной словесности. "9 марта 1835 года, рассказывал барон,— император Николай Павлович посетил гимназию. Я удостоился произнести при нем оду о "Порфирородном Отроке". Государь так остался доволен всем, что приказал пятерых гимназистов перевести за его счет в Лицей. Я попал в число их и выдержал экзамен. Таким образом исполнилась мечта моих родителей, чтобы я попал царским пансионером в Лицей".

Между тем, тогда принц Петр Георгиевич Ольденбургский основал Императорское Училище Правоведения и предложил барону А. Я. Бюлеру принять его сына в новое заведение на тех же условиях. Отдаленность Царскосельского Лицея от Петербурга, предсмертная болезнь дорогой матери и — главное — послушание отцу были причинами, почему барон поступил в открывшееся Училище Правоведения. Здесь, среди усердных занятий под руководством

профессоров: барона Врангеля, Калмыкова, Палибина, Шнейдера и Штекгардта, ему пришлось написать сочинение под заглавием "Воспоминание о Лондоне" которое профессор А. И. Иванов передал Н. А. Полевому, а последний напечатал этот первый литературный труд в своем журнале "Сын Отечества" (1839). Перед оставлением же Училища, на выпускном акте 14 июня 1841 года, на долю молодого барона выпало произнести прочувственную прощальную речь, которая, через двадцать лет, также появилась в печати. Тот час же по окончании курса для молодого широко образованного правоведа началась служебная деятельность в Сенате, но, по его собственному сознанию, "эта служба повытчиком была механическая и не доставляла настоящей практики". Вот почему он решился прикомандироваться к канцелярии князя П. П. Гагарина, отправлявшегося на ревизию в Астрахань, и вместе с ним уехал на юг России. По возвращении же в Петербург, покойный был назначен секретарем в Сенат и исполнял эту должность до 1847 года.

В описываемое время барон Ф. А. Бюлер не прерывал и своих литературных занятий. Он написал и, по знакомству с А. А. Краевским, напечатал в "Отечественных Записках": "Ничего", хроника петербургского жителя, с посвящением князю В. Ф. Одоевскому (1843; т. XXVIII, кн. 6, с. 313—376) и четыре этнографические статьи под названием: "Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы" (1846; т. XLVII, кн. 7, с. 1—28; кн. 8, с. 59—125; т. XLVIII, кн. 10, с. 57—94; Т. XLIX, кн. II, с. 1—44), о которых Императорское Географическое Общество, в комиссии по присуждению Жуковской премии, дало самый лестный отзыв. (1849, кн. III, с. 50). Кроме того, тогда же, как мы знаем из "примечания редактора", были написаны, но по разным причинам, не зависевшим от составителя, не могли быть напечатаны "Очерки Восточной Сибири: ламаизм и шаманство"; они позже появились в тех же "Отечественных Записках" (1859, т. CXXV, кн. 7, с. 201—258).

После шестилетней службы при Сенате, барон Ф. А. Бюлер окончил свою юридическую карьеру: "Здоровье мое — говорил он — было надломлено слишком добросовестным

составлением длинных докладов, и мне пришлось взять заграничный отпуск в то время, когда граф Панин меня прочил в товарищи герольдмейстера". Около трех лет покойный прожил за границей. На обратном же пути в Россию, барон был представлен в Киссингене графу А. В. Нессельроде и затем был назначен секретарем генерального консульства в Молдавии и Валахии (1851 г.).

Пребывание покойного на этом месте скоро соединилось с важной деятельностью. Так, за болезнью начальника, ему не раз пришлось управлять генеральным консульством в Придунайских княжествах. Затем, в конце 1853 года, когда господари были удалены и вводилось временное Русское правительство, барон Ф. А. Бюлер был отправлен в Яссы, чтобы сформировать канцелярию временного председателя Молдавского дивана графа К. И. Остен-Сакена: там он был занят управлением миллионного населения, расквартированием пятидесятитысячного русского войска и редактированием бюджета Молдавского господарства. "Эта школа — признавался барон — была хороша и весьма полезна мне, сформировать из меня отчасти дипломата, отчасти же бюрократа и администратора".

Но такая деятельность продолжалась только четыре года. По интригам Австрии, Россия должна была оставить Придунайские княжества, и барон Ф. А. Бюлер покинул Яссы. Он прибыл в Петербург и при начале нового царствования с 1856 года получил место управляющего особой экспедицией при Министерстве Иностранных Дел. На него было возложено составление политических обозрений для покойного Императора Александра II и затем, с 9 марта 1857 года, участие, на правах члена, в главном управлении цензуры, где ему пришлось отстаивать журнал "Парус" и наблюдать по политическими обозрениями, помещавшимися в больших периодических изданиях.

Эти новые труды, продолжавшиеся в течение семнадцати лет, тесно соединяли барона Ф. А. Бюлера с литературой и побуждали его, хотя и с некоторыми перерывами, продолжать свою учено-литературную деятельность.

Исторические работы, особенно большой труд, посвященный эпохе Императрицы Екатерины Великой, обратили внимание на барона Ф. А. Бюлера, как на ревностного исследователя и знатока русской истории, а потому, когда 12 января 1873 года скончался директор Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел князь М. А. Оболенский, на его место был назначен барон Бюлер (Высочайшее повеление от 18 января 1873 года). С этой поры открылось его замечательное служение в первопрестольной Москве.

Кроме перевода Архива из прежнего тесного здания в новое нынешнее помещение на Воздвиженке, покойный обратил особенное внимание на библиотеку и историческую галерею портретов. С самого начала своего директорства он уже стал непрерывно делать книжные подарки для Архива; затем, в 1882 году, с Высочайшего соизволения, пожертвовал в пользу вверенного учреждения две тысячи рукописей, книг, брошюр и эстампов собственной библиотеки; наконец, в 1889 году принес в дар тому же Архиву свою коллекцию автографов выдающихся лиц (644 номера) и четырнадцать томов своего фамильного архива, за что и получил Высочайшую благодарность. Все эти приношения теперь размещены в особой комнате Московского Главного Архива, которой Всемилостивейше даровано именоваться Библиотечный отдел барона Федора Андреевича Бюлера.

Наконец, по инициативе барона Ф. А. Бюлера, начал выходить в неопределенные сроки "Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел (М., 1880—1893 гг., пять выпусков). На страницах этого "Сборника", кроме исследований других лиц, были помещены следующие статьи самого директора: "Сведения об устройстве Архивной части в России" и "Один из каталогов времен А. Ф. Малиновского" (вып. 1), "Неизданные письма Вольтера", с предисловием и примечаниями и "Участие Архива в Казанском Археологическом Съезде" (вып. II), "Московский Главный Архив и его прежние посетители" (вып. III—IV), "Статут и знак ордена Подвязки в Московской Оружейной Палате" (вып. 5).

К сложным занятиям по управлению Архивом Министерства Иностранных Дел с конца семидесятых годов присоединилась такая же важная деятельность на другом высоком поприще. Назначенный почетным опекуном Московского Опекунского Присутствия, барон Ф. А. Бюлер с 1879 по 1886 год был членом совета по учебной части в Елизаветинском училище (ныне институт), а с 1886 года до октября 1895 года управляющим сиротскими заведениями в Москве: Николаевским Институтом, Николаевским женским и Александрийским малолетним училищами. Наконец, глубоко-просвещенная деятельность покойного завершилась назначением его (с 8 февраля нынешнего года) на место председательствующего в Московском присутствии опекунского совета.

Мы не упоминаем о всех научно-литературных трудах барона Бюлера, достигающих большого числа, не говорим об его участии во многих ученых обществах и учреждениях. Надеемся, что все это, в связи с многолетним доблестным служением, теперь оправдает заветную мысль покойного. "Живейшее мое желание — писал он, — заключается в том, чтобы после моей смерти каждый мог сказать, что я остался чист перед Царем и Россией". ("Московские Ведомости", 1896, № 128).

Библиография

Его:

"Возражение на статью: "Крестьянское дело в Рязанском уезде" ("День", 1862, № 35).

"Смольный монастырь" ("Северная Почта", 1864, №№ 99 и 100).

"Два эпизода из царствования Екатерины II" ("Русский Вестник", 1870, кн. 1—3, 9—10; 1871, кн. 1—3, 9—10 и 12).

"Письмо герцога Бирона к его дочери", с предисловием и примечаниями ("Русский Архив", 1871, кн. II).

"Воспоминания о Н. А. Полевом: письма в нему Греча, Булгарина и отца Иакинфа Бичурина ("Русская Старина", 1871, кн. 12).

"Письмо Н. В. Гоголя к С. Т. Аксакову" ("Русская Старина", 1871, кн. 12).

"Письма А. С. Пушкина к кавалер-девице Н. А. Дуровой", с послесловием ("Русский Архив", 1872, кн. 1).

"Переписка графа А. В. Суворова с Нельсоном", с предисловием ("Русский Архив", 1872, кн. 3—4).

"Черта в государственной деятельности графа Д. Н. Блудова: меры против цензурных стеснений печатного слова" ("Русский Архив", 1872, кн. 5).

"Письмо А. С. Пушкина к барону М. А. Корфу", с примечаниями ("Русский Архив", 1872, кн. 7—8).

"О напечатании речи Императора Николая к варшавским депутатам, 1835 года" ("Русская Старина", 1872, кн. 12).

"Очерк деятельности Комиссии печатания Грамот и Договоров" (М., 1877).

"Портреты Иоанна Эрнеста Бирона и членов его семьи", с родословием Фамилии Бирона ("Русская Старина", 1873, кн. 1).

“Заметки о чуме 1771 года” (“Древняя и Новая Россия”, 1875, кн. 9).

“Московский Архив Коллегии Иностранных Дел в 1812 году”, с приложением одиннадцати документов, в том числе писем графа Ф. В. Ростопчина (“Русский Архив”, 1875, кн. II).

“Черты из жизни князя Потемкина” (“Древняя и Новая Россия”, 1875, кн. 12).

“Заметка о М. Ю. Лермонтове” (“Русская Старина”, 1876, кн. 1).

“Два письма Вольтера”, с предисловием (“Сборник Императорского Русского Исторического Общества”; СПб., 1876, т. XV). “О месте погребения И. И. Хемницера” (“Московские Ведомости”, 1884, № 47).

“Законы Иоанна” и “Судебник Иоанна IV” (М., 1878).

“Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым” (М., 1878).

“Подлинные акты об Иверской иконе Божией Матери” (М., 1879).

“Снимки древних русских печатей” (М., 1880).

“Неизданные стихотворения И. С. Аксакова” (“Русская Старина”, 1886, кн. 12).

“Речь при открытии Архива Министерства Юстиции” (“Московские Ведомости”, 1886, № 281).

“Взаимные отношения России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции” (М., 1888).

“Сношения России с Кавказом” (М., 1889).

“Материалы для русской истории” (М., 1890):

“Императрица Мария Федоровны в ее заботах о Смольном монастыре, 1797—1802 гг.” (“Русская Старина”, 1890, кн. 3, с. 809—832).

“Императрица Мария Федоровна, в ее письмах к С. И. Лафоне и к Е. А. Пальменбах” (“Русская Старина”, 1890, кн. 10, с. 215—219).

“Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней” (М., 1891).

“Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии” (М., 1891).

“Fonton-de-Verraillon” (“Русская Старина”, 1891, кн. II, с. 473—474).

“Политическая переписка Екатерины II (“Сборник Императорского Русского Исторического Общества”. СПб., 1893, т. IXXXVII).

“Заметка о Соборной Грамоте об избрании на престол царя Михаила Федоровича” (“Новое Время”, 1893, № 6133).

“Прасковья Алексеевна Муханова”, некролог (“Московские Ведомости”, 1894, № 280).

“Всеподданнейший отчет Архива за 1892 год” (М., 1894).

О нем:

“Московские Ведомости”, 1893, № 243; 1896, №№ 129, 131.

“Русская Старина”, 1894, кн. I, с. 189—192.

“Русское Обозрение”, 1896, кн. 7, с. 362—372.

“Новое Время”, 1896, № 7256.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 6, с. 990—999.

“Археологические Известия и Заметки”, 1896, №№ 5—6.

Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь, т. V, с. 287.

ВАСИЛИЙ (в мире Иван Антонович Греков, умер 27 июня 1896 года в Петербурге) — архимандрит.

Некролог

30 июня на кладбище Александро-Невской Лавры состоялось погребение тела старшего члена Петербургского духовного цензурного комитета, архимандрита Василия, скончавшегося 27 июня.

Покойный — уроженец Тамбовской губернии с. Бурнак Борисоглебского уезда, сын псаломщика — в мире Иван Антонович Греков — среднее образование закончил в Тамбовской духовной семинарии и в 1873 году поступил народным учителем в свое родное село. Помимо школьных занятий, Иван Антонович вел собеседования с молоканами. За короткий сравнительно период он успел обратить на истинный путь некоторых из них. В 1879 году почивший был посвящен в сан иерея и назначен настоятелем тюремной церкви г. Борисоглебска и законоучителем местной прогимназии. Затем овдовев, в 1887 году поступил в число студентов Московской духовной академии, где на 4 курса принял монашество. По окончании курса в

Академии, покойный состоял смотрителем Заиконоспасского духовного училища; в 1893 году возведен в сан архимандрита и назначен ректором Иркутской духовной семинарии. За последнее время архимандрит Василий состоял сначала младшим, а с настоящего года старшим членом Петербургского духовно-цензурного комитета. (“Русское Слово”, 1896, № 178).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1896, № 179.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ Иван Степанович (умер 7 мая 1896 года в Твери) — протоиерей.

Библиография

О нем:

“Тверские Епархиальные Ведомости”, 1896, № 19.

ВЕЙНБЕРГ Яков Игнатьевич (1824 — 7 января 1896 года в Москве) — педагог, бывший окружной инспектор московского учебного округа.

Некролог

Москве приходится хоронить одного из заслуженных и достойных деятелей, Якова Игнатьевича Вейнберга. В лице покойного сошел в могилу старейшин питомец нашего университете, ставший под конец своей деятельности его почетным членом, — человек служивший в течение почти сорока пяти лет на педагогическом поприще, начиная с должности преподавателя и кончая

сорокалетие на педагогическом поприще, на низших должностях преподавателя и кончая местом окружного инспектора, часто даже управлявший Московским учебным округом, — наконец, ученый, исследователь, почти до кончины трудившийся в области естественных наук.

С чувством глубокого уважения к покойному приходится теперь вспомнить, как протекала его долгая и плодотворная деятельность. Яков Игнатьевич родился в 1824 году в Киевской губернии, но образование получил в Одесском Ришельевском лицее и затем на физико-математическом Факультете Московского университета. По окончании университетского курса в 1850 году первым кандидатом (см. Отчет Университета, с. 21), он начал свою педагогическую службу старшим учителем математики и физики в 1-й Московской гимназии (1852—1863 гг.) и вместе с тем стал преподавать физику в 1-м и 3-м кадетских корпусах, Александровском военном училище, Константиновском межевом институте и I-й женской гимназии. Затем с 26 октября 1863 года покойный был назначен инспектором 3-й Московской гимназии и состоял в этой должности семь лет, исправляя некоторое время и обязанности директора. Наконец, с 9 ноября 1870 года Яков Игнатьевич был определен окружным инспектором Московского учебного округа и занимал это место более двадцати пяти лет. Нет необходимости приводить многочисленные сочувственные отзывы об этой педагогической и административной деятельности покойного, достаточно напомнить, что три года тому назад общие симпатии и глубокое уважение к Я. И. Вейнбергу выразилось по поводу его сорокалетнего юбилея.

Но педагогическая и служебная деятельность покойного соединялась с непрерывными ученo-литературными трудами. Из них следует назвать: “О воздушных и электрических телеграфах” (“Москвитянин”, 1852, кн. 3), “Соотношение и взаимодействие физических сил” (“Атеней”, 1858, кн. 28—29), “Сухой туман” (кн. 38—39), “О погоде и возможности ее предвещания” (1859, кн. 2), “Северное сияние” (кн. 6), “Александр Гумбольдт и значение его в науке” (“Библиотека для чтения”, 1359, кн. II), “Измерение скорости света” (“Вестник Естественных Наук”, 1859); переводы сочинений: “Космоса” Гумбольдта (1863), “Общего землеведения и Европы” Риттера (1864), “Критический разбор теории ураганов” (1867), “Об экзаменах и репетициях” (“Циркуляр

Московского учебного округа”, 1869, № 4), “Николай Коперник и судьба его учения” (1873), “Движение как основа современного естествознания” (“Природа”, 1877, кн. 1), “Вопрос об уменьшении вод в источниках и реках” (“Русский Вестник”, 1878, кн. 2), “Укрощение трех строптивых: новейшие успехи физики” (кн. 5), “Новейшие открытия в области физики — телефон, фонограф, микрофон и их приложения” (кн. II), “Лес и значение его в природе” (“Русский Вестник”, 1879, кн. 1, 2, 5, 8, 10 и II) — важное сочинение, изданное отдельно (М., 1884, VIII + 563) и удостоенное премии от Императорской Академии Наук, — “Электрическое освещение” (“Русский Вестник”, 1880, кн. 4), “Новые данные физической географии” (1885, кн. II), “О взрывах паровых котлов” (1888), “Астрономические мировоззрения, подготовившие учение Коперника” (“Русское Обозрение”, 1891, кн. 12), “Возможен ли искусственный дождь” (1893, кн. 3), “Электрические железные дороги” (1894, кн. 5) и “Новая составная часть воздуха” (1895, кн. 8).

Не упоминая о некоторых других работах Я. И. Вейнберга, помешенных в изданиях Московского Общества Испытателей Природы и Общества Любителей Естествознания, где он принимал самое горячее участие своими рефератами, мы не можем умолчать, что покойный нередко печатал свои статьи и в “Московских Ведомостях”, как, например: “Общество Испытателей Природы и К. И. Ренар” (1882, № 124), “По поводу управляемых шаров” (1892, №№ 147, 162) и др.

При воспоминании обо всех этих трудах невольно приходит на память одно признание покойного: “чем долее живешь — говорил он — тем более сознаешь, что каждому человеку назначена определенная роль в обшей жизни, и что каждая личность, как бы на первый раз не казалась мелка ее деятельность, все таки участвует в движении того громадного целого, которое зовется историей развития народа, его умственных и нравственных прогрессов”. (“Московские Ведомости”, 1898, №№ 9, 10).

Библиография

Его:

“О самовозгорании” (М., 1895).

“Beitrage zur Erforsegung der Moleculaekraft in chemisch einfachen Substanzen auf Grundlage der Thermo dynamik”. (Moskau, 1897, стр. VII + 116).

О нем:

“Московские Ведомости”, 1892, №№ 341—343.

“Новое Время”, 1896, № 7138, 7139.

“Русское Обозрение”, 1896, кн. 2, с. 931—937.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 2, с. 740—741.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Дмитрий Порфирьевич (1841 — 12 октября 1896 года в Омске) — доктор медицины.

Некролог

В Омске скончался на днях главный врач местного госпиталя, доктор медицины Дмитрий Порфирьевич Величковский. Покойный родился в 1841 г. По окончании курса в Московском университете он служил в продолжении года в акцизном управлении Нижегородской губернии и затем поступил в Медико-Хирургическую Академию. В качестве врача покойный находился в составе туркестанских войск с 1869 до 1874 г. и принимал участие в нескольких походах. Во время хивинской кампании он, между прочим, заведовал лазаретом укрепления Вахты. В 1874 г. Д. П. прикомандировался к Медико-Хирургической Академии, через два года защитил диссертацию под заглавием: “Материалы к Фармакологии солено-кислого хинина”, представленную им для получения степени доктора медицины, и в 1876 году, во время борьбы придунайских славян за свое освобождение, уехал по поручению Красного Креста в Сербию, затем участвовал в качестве врача в русско-турецкой войне. С 1877 года Д. П. служил в оренбургском казачьем войске, заведовал нукусским лазаретом и был главным врачом омского госпиталя. Перу покойного принадлежит несколько специальных сочинений, из которых назовем: “Экспериментальные исследования по вопросу о распространении в почве светильного газа и окиси углерода и о движении почвенного воздуха”, “К учению о проницаемости почвы для воздуха” и др. (“Новое Время”, 1896, № 7427).

ВЕРЕВКИН М. Л. (умер в 1896 году) — был столоначальником Витебской духовной консистории и затем архивариусом Витебского центрального архива. Под его редакцией вышли XVIII—XXVI выпуски “Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске”, а XVII редактировал совместно с князем Н. Мещерским. (Д. Д. Языков).

Библиография

О нем:

“Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1904, кн. 4, отд. II, с. 327—332, 342—343.

ВЕСЕЛОВСКИЙ Григорий Михайлович (умер 18 марта 1896 года в Воронеже) — редактор газеты “Дон”.

Некролог

18 марта скончался на шестидесятом году жизни, редактор газеты “Дон” Григорий Михайлович Веселовский. Уроженец Саратовской губернии, Г. М. Веселовский получил высшее образование в бывшем главном педагогическом институте, в котором он был товарищем, между прочим, Н. А. Добролюбова. В год окончания курса (1859) Веселовский приехал в Воронеж и поступил учителем губернской мужской гимназии. Вся его деятельность затем принадлежала Воронежу и Воронежскому краю. Пребывание его в гимназии было очень не продолжительно: в 1864 году он уже вышел в отставку, оставив о себе память, как о хорошем педагоге и в гимназии и в кадетском корпусе, где он в течение некоторого времени читал лекции по статистике и политической экономии. По выходе из гимназии, Г. М. в течение двух лет (1885—1867 гг.) был редактором “Воронежских Губернских Ведомостей” и газеты “Воронежский Листок”, а в 1868 г. издавал газету “Дон”, редактором которой (за исключением нескольких лет) оставался до последних дней своей жизни. Главной своей задачей, как редактора провинциальной газеты, Г. М. Веселовский поставил возможно более полное изображение этой жизни, а вместе с тем своевременные отзывы на местные текущие вопросы. С введения в Воронеже нового городового положения, Г. М. Веселовский состоял много четырехлетий гласным думы и одно — членом городской управы, земским уездным гласным и членом губернского статистического комитета. (“Новое Время”, 1896, № 7208).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1896, № 7204.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 5, с. 740.

ВИЛЬДЕ Николай Евстафиевич (умер 17 июня 1896 года в Москве) — артист Императорских

театров.

Некролог

17 июня, после продолжительной болезни, в Ново-Екатерининской больнице скончался в преклонном возрасте артист Императорских театров Николай Евстафиевич Вильде. Отпевание тела покойного происходило 19 июня в больничном храме, в присутствии артистов, сослуживцев и почитателей. Гроб украшали венки.

Покойный Н. Е. Вильде окончил курс в С.-Петербургском университете. Затем поступил на государственную службу чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе, но вскоре покинул ее и, имея влечение к театральной сцене, перешел на частную сцену, а через некоторое время, после удачных дебютов, был принят в число артистов Императорского Малого театра, на подмостках которого и прослужил более 35 лет, занимая долгое время роли драматических героев и любовников. Между прочим покойный Н. Е. Вильде известен как автор драматических произведений, из которых наиболее известны: “Старички и Молодежь”, “Изабелла Кастильская” — в стихах, “Преступница” и много других, а также и как основатель бывшего Московского Артистического Кружка, с подмостков которого в свое время многие из артистов перешли в труппу Императорского Малого театра. (“Московские Ведомости”, 1896, № 167).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1898, № 7297.

“[illegible]” 1898, № 46

“Московский Листок”. 1908. № 46.

ВОДОВОЗОВ Николай Васильевич (1872 — 25 мая 1896 года в Вене) — ?

Библиография

Его:

“Экономические этюды” (М., 1897, 218 стр.).

“Учение Мальтуса о народонаселении” (“Сборник правоведения и общественных знаний”, М., 1807, т. 7).

О нем:

“Русские Ведомости”, 1896, № 149.

“Вестник Европы”, 1896, кн. 7, с. 469—470.

“Русская Мысль”, 1896, кн. 6, с. 184.

“Русское Богатство”, 1896, кн. 7, отд. II, с. 179—182.

ВОЕЙКОВ Дмитрий Иванович (1843 — 4 декабря 1896 года в Севастополе) — общественный деятель.

Некролог

4 декабря умер в Севастополе Дмитрий Иванович Воейков. Сын ветерана кампаний 1812—1814

гг. и племянник известного А. Ф. Воейкова, редактора “Инвалида” и автора “Сумасшедшего дома”, покойный родился в 1843 году. Службу он начал комиссаром в одной из польских губерний, но вскоре вышел в отставку и с 1868 года, в продолжении 16-ти лет занимался земским делом в Сызраньском уезде Симбирской губернии, где он имел значительное поместье; за это время он был выбираем уездным предводителем дворянства, председателем уездной управы и почетным мировым судьей. В 1880 году Воейков занимал при графе Н. П. Игнатьеве должность правителя канцелярии сначала в Нижнем Новгороде, где граф Игнатьев был генерал-губернатором, а потом в министерстве внутренних дел. При графе Толстом он сохранил свою должность только год, а затем служил членом статистического совета и управляющим самарского отделения дворянского банка; наконец, в 1891 году он вышел в отставку вторично по болезни. В литературной деятельности Д. И. Воейков дебютировал изданием труда по крестьянской статистике Киевской губернии и в продолжении многих лет писал статьи в “Русском Вестнике”, в аксаковской “Руси” и в “Московских Ведомостях”, где в 1885—1886 гг. состоял петербургским корреспондентом. Он преимущественно ратовал за обрусение Прибалтийского края и за введение казенной винной монополии, а также против сахарной нормировки. Подписывал он статьи своим именем, буквами Д. В. и псевдонимом “Сельский житель”. (“Новое Время”, 1896, № 7465).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1897, кн. 2, с. 774—775.

ВОЛКОНСКИЙ, князь, Петр Григорьевич (умер 19 августа 1896 года под Ревелем) — шталмейстер Высочайшего двора.

Некролог

В понедельник, 19 августа, скончался шталмейстер Высочайшего двора, светлейший князь Петр Григорьевич Волконский, владелец известного майората в Эстляндской губернии — замка Фалль, находящегося в 13 верстах от станции Кегель Балтийской железной дороги. Замок Фалль, как майорат по женской линии, перешел к покойному, как сообщаем "Рижский Вестник", от матери его, княгини Марии Александровны Волконской, младшей дочери любимца императора Николая Павловича, бывшего шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа, могила которого, так же как и его супруги, находится в вековом парке замка. Замок Фалль, небольшой по размеру, обладает многими достопримечательностями (Картины, античные веши, миниатюры и пр.), а парк его славится по всему Прибалтийскому краю своей обширностью, бездной всевозможных пород деревьев и красотой расположения. Покойный владелец Фалля, видавшего у себя много раз, в качестве гостей, членов императорской Фамилии, часто проводил с семейством в замке летние месяцы, постоянно же жил в Москве. В последние годы князь страдал расстройством нервов и, находясь в мистическом настроении, написал на французском языке несколько брошюр религиозного содержания. ("Новое Время", 1896, № 7350).

Библиография

О нем:

"Московские Ведомости", 1896, № 254.

ВОРОНИХИН Николай Алексеевич (29 мая 1842 — 19 августа 1896 года в Гатчине) — доктор медицины.

Некролог

В Гатчине скончался 19 августа, после тяжелой и продолжительной болезни, доктор медицины Николай Алексеевич Воронихин. Покойный пользовался заслуженной известностью знатока детских болезней. Внук известного архитектора, Н. А. родился в Петербурге 29 мая 1842 года. По скончании курса в Гатчинском сиротском институте, он поступил в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию, в которой кончил курс в 1865 году со званием лекаря. По выходе из академии ему пришлось тот час же применить свои научные знания в борьбе со свирепствовавшей тогда в Петербурге холерной эпидемией. Одновременно, ой не переставал тщательно изучать медицину, обращая особенное внимание на детские болезни. В это время им были переведены с немецкого сочинения: Гетца "Попечение и уход за здоровыми и больными детьми во время первого периода жизни" (перевод выдержал три издания), Швейгера "Лекции офтальмоскопии" и Шуфта "О действии и параличе главных мышц". В 1867 году Н. А. блестяще защитил диссертацию под заглавием "О разнице в действии хлористого натрия и хлористого калия на. усвоение металлического железа организмом и на выделение его из организма", представленную им в Военно-Медицинскую академию для получения степени доктора медицины. Диссертация переведена на французский и немецкий языки. Для усовершенствования в знаниях покойный отправился за границу, где пробыл два года. Вернувшись в Петербург, он прикомандировался к медицинскому департаменту и работал в продолжении года в Императорском воспитательном доме. В 1870 году был приглашен ассистентом в детскую больницу принца П. Г. Ольденбургского, в 1872 году поступил врачом в Елизаветинскую детскую больницу, в которой в продолжение многих лет был старшим ординатором. С 1874 года покойный редактировал "Календарь для врачей", издаваемый книгопродавческой фирмой Риккера. Этот "Календарь", благодаря умелому составлению покойным, скоро сделался необходимой справочной книгой для каждого врача. Одновременно Н. А. занялся, вместе с доктором Бертенсоном, исследованием минеральных вод, грязей и морских купаний в России и за границей. В "Календаре" за 1879 год им приведен, между прочим, химический состав минеральных вод. С 1874 года, более 20 лет покойный состоял врачом петербургской второй

прогимназии, с 1884 года был консультантом Максимилиановской лечебницы. В 1891 году был назначен заведующим медицинского совета и неоднократно исполнял обязанности ученого секретаря. Н. А. имел обширную практику в Петербурге и пользовался симпатиями своих многочисленных пациентов. (“Новое Время”, 1896, № 7358).

Библиография

О нем:

“Новости”, 1896, № 232.

ВСЕВОЛОЖСКИЙ Никита Никитич (умер 25 марта 1896 года в Финляндии) — литератор.

Некролог

Вчера, в 11 часов вечера скончался Никита Никитич Всеволожский. Имя этого человека пользовалось большой популярностью среди известных кружков петербургского общества. Это был человек большого остроумия и значительного сатирического таланта. Аристократ по рождению, он когда то играл роль в среде богатой петербургской, преимущественно военной молодежи и сохранил свои великосветские связи до конца дней. Прекрасный собеседник, он сыпал остроумными анекдотами и словечками, которые переходили из уст в уста. Владея стихотворной формой, он писал небольшие сатирические поэмы, где действующими лицами являлись современники, большей частью под собственными именами, а потому эти поэмы никогда и нигде не печатались, но многим известны наизусть и сохраняются в рукописях. Ни одного сколько-нибудь значительного события в большом свете, среди высшей администрации, не обходилось без сатирических выходок “Никиты Всеволожского” — так его обыкновенно называли. Он принадлежал к числу тех даровитых натур, которые как-то поневоле разменяются на мелкую монету, благодаря и состоянию своему и той рассеянной жизни, которую они ведут с самых юных лет. Но дарование сохраняет им отзывчивое сердце и ту общительность, которая не только в нашем, вообще довольно скучном и вялом обществе, но и во всяком другом обществе высоко ценится. Интересных людей мало, а покойный бесспорно принадлежал к людям интересным, к ходячей, может быть, не совсем разборчивой, но все-таки остроумной сатире, которая для будущей характеристике нашего общества сохранит несколько бойких и злых черт. В последние годы он страдал хронической болезнью, но умер от крупозного воспаления легких. Он недавно уехал в деревню, в Финляндию, где простудился и несколько дней боролся со смертью. Он был женат на известной артистке Императорских театров М. Г. Савиной. (“Новое Время”, 1896, № 7210).

ВУЛЬФИУС Павел Александрович (1830 — 30 марта 1896 года в Москве) — директор детской больницы Св. Владимира, действительный статский советник.

Некролог

Детская больница Св. Владимира понесла тяжелую утрату в лице своего директора П. А. Вульфиуса, скончавшегося 30 марта сего года.

Состоя с самого основания больницы, в течение более 20 лет, во главе этого учреждения, не могу не сказать несколько слов в память человека, которому больница и я лично обязаны многим.

Говорю лично, потому что Павел Григорьевич фон-Дервиз возложил преимущественно на меня ответственность за устройство на пожертвованный им капитал в 400 тысяч рублей образцовой, как он того требовал, больницы.

Осилить это трудное дело я мог только при содействии людей опытных, одинаково со мной ему преданных.

Одним из таких людей был Павел Александрович Вульфиус. Он принял на руки больницу, когда она была еще не вполне даже достроена; с выдающимся знанием дела он ееорганизовал; с редкой, никогда не ослабевающей энергией и любовью к делу он ею заведовал в течение 20 лет. Когда в прошлом году он тяжко заболел и ему угрожала потеря зрения, Павел Александрович не о себе кручинился: он был озадачен только участью семьи, и горько представлялась ему могущая оказаться необходимость покинуть служение больнице — своему излюбленному детищу. Оправившись от болезни, он рад был приняться за обычную тяжелую работу и не изменил ей до последнего вздоха. Павел Александрович служил только делу. Его безусловная прямота и правдивость может быть не всем нравились, но это мало его смущало. При большой доброте, он был требователен к своим подчиненным, но рад был всегда свидетельствовать в заслугах даже самых скромных из них. К своим сотрудникам-врачам он относился как к членам одной семьи, преданной общему делу.

Больничная жизнь не иссушила его сердца, не сделала его равнодушным к тысячам детей, проходивших через больницу, к нравственным страданиям их родителей. Как часто я видал его озабоченным в случаях неуспеха лечения и радостным при благоприятном его исходе.

Если Москва может гордиться своей Детской больницей, признанной образцовой и многими иностранными врачами, ее посещавшими, то этим своим благоустройством больница во многом, очень многом обязана своему директору, Павлу Александровичу Вульфиусу, и не должна этого забыть. (Князь Александр Щербатов. “Московские Ведомости”, 1896, № 89).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1896, № 92.

“Новое Время”, 1896, № 7220.

ВЫВОДЦЕВ Давид Ильич (умер 12 января 1896 года в Петербурге) — доктор медицины, действительный тайный советник.

Некролог

На днях скончался бывший совещательный член военно-медицинского ученого комитета, тайный советник, доктор медицины Давид Ильич Выводцев, 65 лет от роду. Покойный медицинское образование получил в университете Св. Владимира, где в 1855 году окончил курс со степенью лекаря с отличием. С этого времени до отставки (в 1890) он исполнял медицинские обязанности в различных ведомствах и учреждениях. В 1865 году покойный получил степень доктора медицины. На следующий год был командирован министерством народного просвещения за границу на 2 года для приготовления к профессорскому званию, и если по возвращении из-за границы не получил профессуры, то по обстоятельствам, от него не зависевшим. Будучи военным врачом, доктор Выводцев исполнял медицинские обязанности и в другим ведомствах; так, он долгое время состоял врачом Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, где, кроме, лечения больных, занимался еще преподаванием хирургии обучающимся сестрам; затем, консультантом по хирургии в петербургской Максимилиановской лечебнице для приходящих больных, сверхштатным врачом Императорских театров, гоф-медиком 1-го придворного округа и долго принимал деятельное участие в трудах по Мариинскому приюту для ампутированных и увечных воинов. Во время Франкопрусской войны он был командирован на место военных действий для подания помощи раненым в качестве хирурга; в последнюю же Турецкую кампанию был назначен главным врачом военно-временного № 60 госпиталя, а затем состоял в прикомандировании к полевому военно-медицинскому управлению для исполнения должности врача по особым поручениям. (“Новое Время”, 1896 № 7149).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1896, № 7139.

ГАВРИИЛ (в мире Герасим Кикодзе, 1825 — 25 января 1896 года) — епископ.

Некролог

На днях скончался один из старейших иерархов Русской Православной Церкви, преосвященный Гавриил, епископ Имеретинский.

Покойный, в мире Герасим Кикозде, родился в 1825 году в Озургетском уезде Кутаисской губернии; богословское образование получил в Тифлисской семинарии и Петербургской духовной Академии. По окончании курса в Академии в 1849 году, он был назначен инспектором Тифлисской духовной семинарии, в которой преподавал богословие и Физико-математические науки. В 1850 году покойный был удостоен ученой степени магистра богословия; в 1854 году принял сан священства, продолжая вместе с тем и педагогическую деятельность. В 1856 году, овдовев, он постригся в монахи и, возведенный в сан архимандрита, был назначен настоятелем Давидо-Гареджийской пустыни. 18 января 1859 года покойный был посвящен в сан епископа Горийского, викария Грузинского экзархата, а вместе с тем назначен членом Грузино-Имеретинской синодальной конторы и настоятелем Шуамтисского монастыря, что в Кахетии. Со 2 июля 1860 года он получил Имеретинскую кафедру, на которой состоял более 35 лет.

Еще состоя инспектором и преподавателем богословских и физико-математических наук, почивший начал свой капитальный труд “Основания опытной психологии”, имевший в свое время большое значение и по выходе в свет (СПб., 1858) вызвавший одобрение немецкой и русской критики. Преосвященный Гавриил известен и как талантливый проповедник. Проповеди его выдержали на грузинском языке несколько изданий, переведены на английский язык и изданы в

Лондоне; они в 1893 году появились и на русском языке. Особенно плодотворна была миссионерская деятельность почившего иерарха. На всех местах своего служения преосвященный Гавриил обращал главное внимание на умственное и нравственное просвещение сельского духовенства. Между прочим, по его инициативе и при его энергичном содействии в 1894 году основана семинария в Кутаисе. (“Московские Ведомости”, 1896, № 38).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1895, № 7045; 1806, № 7162.

“Церковные ведомости”, 1896, № 6 и 9.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 3, с. 1058; кн. 5, с. 665—670.

“Новости”, 1896, № 35.

ГАЛАНИН Модест Иванович (умер 29 ноября 1896 года в Петербурге) — врач, редактор журнала “Вестник судебной медицины”.

Некролог

В ночь на 29 ноября скончался после продолжительной болезни редактор “Вестника судебной медицины” Модест Иванович Галанин, принадлежавший к числу известных русских гигиенистов и врачей-писателей. Покойный медицинское образование получил в Медико-Хирургической Академии, где кончил курс в 1877 году. Тотчас по окончании академического курса он был

назначен врачом военного лазарета передового отряда генерала Гурко и провел зиму 1877—1878 годов на Шипке. В последние семь лет редактировал “Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины”, издаваемый медицинским департаментом. Его популярные очерки гигиены находили себе место и в педагогических журналах, и в обшей печати. Из отдельных его сочинений “Письма к матерям об уходе за здоровым и больным ребенком” в короткий промежуток выдержали три издания, затем им изданы отдельными книгами “Очерки школьной гигиены” и др. Статьи специального характера печатались покойным в “Вестнике судебной медицины”, “Врачебных Ведомостях”, “Враче”, “Здоровье” и др. медицинских журналах. Из них назовем: “О лечении эпидемического дифтерита горячими парами”, “Болезнь XIX века” и др. Как врач, покойный заботливо ухаживал за больными; не отличал бедных от богатых. Умер он 44 лет, давно уже страдая бугорчаткой. Воспаление легких в последнее время осложнилось болезнью сердца — и М. И. не стало. (“Новое Время”, 1896, № 7459).

Библиография

О нем:

“Новости”, 1896, № 333. “Исторический Вестник”, 1897, кн. 2, с. 775.

ГАЛКИН Алфей Кронидович (1858 — 15 февраля 1896 года в Петербурге) — поэт.

Некролог

15 февраля скончался Алфей Кронидович Галкин — автор многих юмористических стихотворений, напечатанных в “Шуте”, “Стрекозе” и в “Петербургском Листке”. Покойный писал пол разнообразными псевдонимами “Евтихий Бомба”, “Гном”, “Пиит” и др. Он был постоянным сотрудником “Петербургского Листка” и “Новостей”. А. К. родился в 1858 году, образование получил в Технологическом институте, но курса в нем не кончил. (“Новое Время”, 1896, № 7173).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 4, с. 372.

ГАТЦУК Дмитрий Алексеевич (умер 16 Февраля 1896 года в Москве) — доктор медицины.

Доктор медицины Дмитрий Алексеевич Гатцук скончался 18 февраля в 9 часов утра, о чем жена и дети покойного извещают родных и знакомых. Вынос в приходе Спаса во Спасском, в воскресенье, 18 февраля, в 9 часов утра. Погребение в Донском монастыре. Особых приглашений не будет. (“Московские Ведомости”, 1896, № 48).

ГВОЗДЕВ Иван Михайлович (умер 14 ноября 1896 года в Петербурге) — заслуженный профессор.

Некролог

14 ноября скончался в Петербурге, после продолжительной болезни, Иван Михайлович Гвоздев, заслуженный профессор Казанского университета, один из. немногих представителей нашей судебной медицины. Покойный окончил курс по медицинскому факультету Московского университета в 1855 году и десять лет состоял затем ассистентом его клиник. В 1865 году, защитив докторскую диссертацию под заглавием “Материалы для изучения асфиксии”, получил в Казанском университете кафедру судебной медицины. Кроме множества статей в специальных журналах, покойный напечатал несколько исследований отдельными изданиями. Из них наиболее известны: “К учению о телесных повреждениях”, “О самоубийстве с социальной и медицинской точки зрения”, “О врожденных и приобретенных свойствах детей, как зачатках преступности

взрослых”. (“Новое Время”, 1896, № 7444).

ГЛАЗУНОВ Александр Ильич (умер 24 августа 1896 года около ст. Подсолнечная) — книготорговец.

Некролог

24 августа, в имении близ станции Подсолнечной Николаевской железной дороги, скончался один из образованнейших книгопродавцев Москвы, А. И. Глазунов.

Открыв книжный магазин в 1859 году в Москве, А. И. Глазунов стал издавать книги преимущественно естественноисторического содержания. Из русских писателей: сочинения Лермонтова (первое полное собрание под редакцией Дудышкина, в 2 т.); Гончарова — “Фрегат Паллада” (первое издание); А. В. Кольцова — для юношества. Многие из ученых и литераторов заходили к А. И. Глазунову в магазин посидеть и поговорить с умным и образованным книгопродавцем (поэт Алмазов, Н. Х. Кетчер, С. А. Рачинский, С. А. Усов, бр. Мартыновы и т. д.). В 1878 году А. И. Глазунов свой книжный магазин продал Н. И. Мамонтову и свой досуг посвятил литературным занятиям. Им были переведены книги: Шерра “Шиллер и его время” и “Человеческая трагикомедия”; Вашингтон Ирвинг “Путевые очерки”. Все, кто знал доброго и симпатичного покойного, искренне пожалеют о нем. (“Новое Время”, 1896, № 7364).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1896, № 240.

“Русское Слово”, 1896, № 234.

“Исторический Вестник”, 1898, кн. 10, с. 356.

ГОВОРУХА-ОТРОК Юрий Николаевич (умер 27 июля 1896 года в Петровско-Разумовском) — критик, публицист.

Некролог

С глубокой печалью сообщаем нашим читателям, что сегодня, 27 июля, скончался на даче в Разумовском, после краткой болезни, наш дорогой товарищ Юрий Николаевич Говоруха-Отрок. Тяжелый литературный труд, требующий от журналиста чрезвычайного напряжения умственных сил и расшатывающий нервную систему, преждевременно подорвал и без того не особенно крепкое здоровье покойного. Вчера, 26 июля, около двух часов пополудни у больного случилось кровоизлияние в мозгу, и паралич поразил почти весь организм. Все усилия врачей привести его в сознание оставались тщетными, и если временами в нем проявлялось сознание, то он мог с большим трудом сделать свои желания понятными для окружавших его. В одиннадцать часов утра, сложив пальцы правой руки для осенения себя крестным знамением, он этим, очевидно, показал, что желал бы приобщиться Святым Таинством. Прибывший священник из села Владыкина, в один из светлых моментов для больного, причастил его. Положение больного в течение для становилось все труднее, и было очевидно, что надежды на сохранение жизни нет никакой. Вечером, в десять часов и двадцать пять минут, больной тихо скончался.

В течение нескольких лет Ю. Н. Говоруха-Отрок заведовал в Редакции “Московских Ведомостей” отделом литературной и театральной хроники. Замечательно начитанный, отличный знаток русской литературы и искусства, одаренный способностью верно и правильно оценивать предмет, подлежавший его суду, покойный твердо и неуклонно шел тем путем, который начертал себе с. самого начала. Он верил и учил, что литература и искусство заключают в себе самих столько возвышенного и святого, что никакая тенденция, вносимая в них

заключают в себе самих столько возвышенного и святого, что никакая тенденция, вносимая в них под влиянием течения времени, не в состоянии унизить их, но что для этого литература должна покоиться на тех началах христианства, которые легли в основание нынешнего общественного и государственного устройства. Здесь не место делать подробную оценку литературной деятельности почившего. Наши читатели, имевшие возможность следить за этой деятельностью в течение стольких лет, сумеют и без этого понять великую потерю, какую понесла редакция в этом прекрасном товарище и даровитом писателе, который среди бурь житейских сумел сохранить чистое, доброе сердце, незлобивый ум и ничем не нарушавшуюся любовь к ближнему. (“Московские Ведомости”, 1896, № 205).

Библиография

Его:

“Из неоконченного романа” (“Слово”, 1880, кн. II).

“Fatum”, рассказ (“Полярная Звезда”, 1881).

“Развязка”, “Отвязка”, рассказы (“Вестник Европы”, 1882).

“Поэзия Фета” (“Московские Ведомости”, 1892, № 328).

“А. А. Григорьев” (“Московские Ведомости”, 1894, № 268).

“Тюрьма и крепость”, из посмертных записок подследственного арестанта, отрывок первый (“Русское Обозрение”, 1894, кн. 1).

“Несколько мыслей о религиозной живописи” (“Русское Обозрение”, 1894. кн. 2).

“Федор Павлович”, святочный рассказ (“Русское Обозрение”, 1895, кн. 1).
“Заметки о прогрессе и цивилизации”, из посмертных бумаг (“Русское Обозрение”, 1897, кн. 1 и 2).

О нем:

“Вестник Европы”, 1896, кн. 9, с. 421—422.

“Русский Вестник”, 1896, кн. 9, с. 210—217.

“Русское Слово”, 1896, № 202, 203, 204; 1897, № 200.

“Московские Ведомости”, 1896, № 206, 207, 209, 210, 226, 273; 1897, № 27; 1897, № 208; 1899, № 204, 205; 1901, № 204; 1909, № 172.

“Биржевые Ведомости”, 1896, № 210.

“Новое Время”, 1896, № 7335, 7476.

“Русское Обозрение”, 1896, кн. 8, с. 863; кн. 9, с. 341—422; кн. II, с. 490—493.

“Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока”, сборник статей (“Русское Обозрение”. М., 1896).

“Свет”, 1897, № 23. Розанов В. В. “Литературные изгнанники”. СПб., 1913, том первый.

ГОЛЫШЕВ Иван Александрович (1838 — 9 декабря 1896 года во Владимирской губернии) — археолог.

И

Некролог

В селе Мстере Вязниковского уезда Владимирской губернии 9 декабря внезапно скончался известный археолог Иван Александрович Голышев, член многих ученых обществ и учреждений.

Покойный принадлежал к числу простых русских людей, талантливых самоучек, которые обязаны своим развитием и самообразованием, главным образом, своей неутомимой энергией, уму и необыкновенному трудолюбию. Сын крепостного крестьянина, И. А. Голышев родился в с. Мстере в 1838 году. Детство и юность свою он сам описал впоследствии на страницах "Русской Старины" (1879, кн. 4—6) и из этого описания видно, как трудны были первые жизненные шаги его. Научившись грамоте у священника в местной приходской школе, мальчик Голышев был отдан отцом в Москве в учение к литографу и после четырехлетнего учения сделался литографом и в то же время посещал рисовальные классы.

Возвратясь в 1858 году домой, он открыл здесь, в с. Мстере, собственную литографию и начал изготовлять для продажи дешевые картинки, известные под названием "лубочных", которые и распространял во множестве вместе с дешевыми книжками среди народа посредством коробейников-офеней. Картинки его имели успех и давали заработок более чем 200 женщинам с Мстеры, занимавшимся раскраской этих картин. Успех этот зависел, главным образом, от умелого выбора распространяемых изданий. Выйдя сам из народа и хорошо зная его вкусы, он не впадал в те ошибки, в какие впадали его "интеллигентные" подражатели, вроде фирмы "Посредник" и др. При издании лубочных картинок, Голышев широко пользовался старинными, полными живого русского юмора, сюжетами, переиздавая сотни раз древние иллюстрации сказок "О Ерше сыне Щетинникове", "Как мыши кота погребали" и т. п. Им же были пущены в народ и некоторые, успевшие сделаться ныне популярными в народе, иллюстрированные басни, песни, стихотворения, романсы Крылова, Пушкина, Кольцова и др., которые, благодаря этому, сделались вполне народными. Больше же всего распространялись книги и картины назидательного и духовного содержания.

В начале 60-х голов Голышев познакомился с редактором "Владимирских Губернских Ведомостей", известным археологом К. Н. Тихонравовым, который и возбудил в нем любовь к занятиям по изучению родной старины. Голышев с жаром предался изучению русских древностей и собиранию разных предметов русской старины. Плодом этих занятий появился ряд статей и сообщений во "Владимирских Губернских Ведомостях", за которые крестьянин Голышев в 1861 году был избран в члены Владимирского губернского статистического комитета. Благотворное влияние на его занятия оказал и граф А. С. Уваров, сам беззаветно преданный археологической науке и умевший находить таланты везде и привлекать их на служение той же науке. Отыскивая всюду через книгонош-офеней старинные рукописи, книги, гравюры, старинные лубочные картинки, И. А. Голышев жертвовал их в Императорскую Публичную Библиотеку, в музеи и др. хранилища древностей; всех таких предметов древности, кроме рукописей, картин и гравюр, вроде предметов старинной утвари, старинных одежд и т. п. было им пожертвование в разное время более 600 предметов.

Увлекшись археологией, покойный И. А. Голышев с течением времени значительно сократил свою торговлю книгами и картинками, чтобы всецело заняться любимой наукой. Участвуя во многих археологических съездах, И. А. Голышев в течение своей 35-летней ученой деятельности написал более 500 статей по археологии, этнографии, иконографии и обнародовал множество актов, грамот, старинных записей и т. п.

Кроме этого, на собственные средства мм было издано и выпушено в свет 9 альбомов по археологии и 19 отдельных книг и брошюр, из которых замечательны: 1) "древности Богоявленской церкви в с. Мстере" (1870 г., с 20 рисунками); 2) "Атлас рисунков старинных пряничных досок" (1847 г., 20 таблиц и рисунков); 3) "Памятники старинной русской резьбы по дереву" (1877 г., 20 таблиц); 4) "Памятники деревянных церковных сооружений во Владимирской губернии" (1879 г., 21 таблица); 5) "Альбом русских древностей Владимирской

губернии" (1881 г., 40 таблиц); 6) "Памятники русской старины Владимирской губернии" (1883 г., 20 таблиц); 7) "Альбом рисунков рукописных синодиков 1651, 1679, 1686 гг." (1885 г., 30 таблиц); 8) "Место упокоения князя Пожарского" (1885 г.) и др.

Смерть застала И. А. Голышева за работой над изданием в свет нового археологического альбома: "Рукописная повесть о видении Космы игумена 1688 г." Русская наука высоко ценила труды И. А. Голышева, и он был избран в действительные и почетные члены почти всех русских ученых исторических и археологических обществ. Так, И. А. Голышев состоял действительным членом Императорских Обществ: Истории и Древностей Российских при Московском университете и Московского Археологического Общества, Киевского Исторического Общества Нестора летописца; С.-Петербургских почетным корреспондентом Императорской Публичной библиотеки, членом и сотрудником — Императорских Русского Археологического и Географического Обществ, Императорского Общества любителей древней письменности, Археологического Института и др. Императорское Русское Археологическое Общество за ученые труды дважды присуждало И. А. Голышеву свои медали: малую золотую и большую серебряную.

Ученые заслуги покойного Голышева. известны были и ценимы в Бозе почившими Государями Александром Николаевичем и Александром Александровичем и ныне благополучно царствующим Государем Императором Николаем Александровичем и многими членами Августейшего Семейства, и за свои труды И. А. Голышев неоднократно удостоен был самых разнообразных и щедрых наград. Так он удостоен был звания потомственного почетного гражданина и награжден орденами Станислава 2 степени и Анны 2 степени и, кроме того, получил в разное время Высочайшие подарки: несколько бриллиантовых перстней, несколько золотых, осыпанных бриллиантами булавок, серебряный сервиз, два серебряные вызолоченные кубка и т. п., и несколько денежных наград.

И. А. Голышеву едва исполнилось 58 лет и при своей энергии и любви к труду он, без сомнения, обогатил бы археологическую науку еще многими новыми и не менее ценными исследованиями и изданиями.

Мир праху твоему, неутомимый и даровитый труженик. ("Московские Ведомости", 1396, № 344).

Библиография

О нем:

"Библиография", 1891, № 5—6, с. 73—85.

"Пятидесятилетие книжного и картинного производства Фирмы И. А. Голышева в селе Мстеры Вязниковского уезда Владимирской губернии" ("Памятная Книжка Владимирской губернии", 1836).

"Русское Обозрение", 1897, кн. 1, с. 378—383.

"Исторический Вестник", 1897, кн. 2, с. 772—774.

"Собрание сочинений И. А. Голышева", под редакцией А. Э. Мальмгрена. (СПб., 1899, Т. 1, вып. 1).

ГРАСС Людвиг Иеронимович (1841 — 11 июня 1896 года в Казани) — председатель департамента Казанской судебной палаты.

Некролог

11 июня в Казани скоропостижно скончался председатель департамента. Казанской судебной палаты Людвиг Иеронимович Грасс. Л. И. родился в 1841 году. По окончании курса на юридическом факультете Петербургского университета, он начал службу в Министерстве юстиции. Перу его принадлежит много ценных работ по юридическим и экономическим вопросам. Убежденный сторонник страхования сельскохозяйственных посевов от неурожаев, покойный издал в неурожайный 1891 год сочинение под заглавием “Страхование сельскохозяйственных посевов”, в котором собран обильный статистический материал о неурожаях. Этот труд Л. И. Грасса обратил на себя внимание и печати, и экономических обществ. В качестве сведущего человека, покойный участвовал в нескольких комиссиях, обсуждавших вопрос о сельскохозяйственном страховании. Последние годы он жил в Казани, где занимал сперва должность председателя Казанского окружного суда, затем председателя департамента Казанской судебной палаты. (“Русское Слово”, 1896, № 162).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1896, № 161.

“Новое Время”, 1896, № 7289.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 8, с. 566.

“Новости”, 1896, № 161.

“Русские Ведомости”, 1896, № 163.

ГРЕЛЛЬ Александр Кондратьевич (умер 27 февраля 1896 года в Москве) — ученый-натуралист.

Некролог

Всякий, кто знал покойного Александра Кондратьевича, с искренней грустью узнает печальное известие о его смерти. Это был тип натуралиста-практика, который всем вниманием своим был прикован к жизни природы, особенно же к жизни всего, что имеет листья, и вместе постоянно работал, стараясь направить жизнь растения к своим целям. Для него дерево было точно живым существом, имеющим и свой возраст бессильной старости, и свое время нежного детства, когда к нему нельзя относиться, как к взрослому, и Грелль, несмотря на всегда серьезное выражение своего лица и глаз, строго смотревших из-под нависших седых бровей, никогда не называл саженца-двухлетка “яблоней”, а всегда — “яблонькой”. Редкий воспитатель так думает о пище и дордуаре своих воспитанников, как Грелль хлопотал о грядах для будущих “украинок” и “бойкенов”, которых он предположил акклиматизировать под Москвой. Плодовитые и лесные деревья, садовые цветы и кусты, огородные растения — для Грелля не существовало всех этих специальностей. Он одинаково любил и знал их, ценя полезность одних и красоту других и одинаково охотно говоря и об устройстве прибыльного сада, и о разбивке красивого парка. Им написана книга “Доходное плодоводство”, название которой само говорит о ее содержании, но им же изданы и специальные брошюры о таких чисто любительских вещах, как культура роз и выращивание фруктовых деревьев в комнатах. Грелль был неутомимейшим тружеником того редкого типа, которому мало достигнуть своего, но хочется как можно шире распространить сделанное открытие, чтобы плодами его воспользовалось как можно больше людей. Своими опытами акклиматизации он научил русских плодоводов не отчаиваться перед неодолимыми будто бы препятствиями климата и настойчиво стремиться к новым задачам, доказав им, что и при нашем коротком, но зато жарком лете возможны у нас такие же нежные, вкусные и красивые плоды, которые до него казались уделом одних заграничных садов. Благодаря Греллю, явились яблони в кустовой форме в Омске, посаженные и выращенные с намеренной скупостью во влаге, что обеспечило им жесткие и сухие сучья, устойчивые против морозов. Природу дерева

Грелль знал превосходно, и потому-то ему удавались иногда самые необычайные эксперименты, в которых крутом предсказывали ему неудачу. В практике своей Грелль проводил два главных приема — прививку на дичок сибирской яблони, обеспечивавший благородному черенку выносливость против морозов, и прививку в корень по американскому способу, который именно для России представляет огромное удобство, позволяя производить прививку в зимнее, свободное время, и посылать в небольшом ящике несколько сот привитых корней. В садах Грелль видел большое пищевое подспорье для русской деревни и настойчиво пропагандировал их распространение. Менее всего он был теоретик и желал давать результаты труда сейчас же. Название его превосходной, блестяще написанной книги — "Доходное плодоводство" — составляет знамя его школы, ибо о Грелле можно сказать, что он заложил основание новой школы нашего плодоводства. Эту школу можно назвать русской, в обозначении того, что она, отказавшись от приемов заграничных садоводов, которыми они выхаживают дерево в условиях своего климата, ищет приемов, соответственных нашему климату, и не боится никакой новизны, основанной на старой природе дерева. Чтобы производить свои опыты акклиматизации, А. К. Грелль приобрел близь Москвы за Калужской заставой небольшой участок земли и устроил питомник. Земля выбрана была нарочно из малоплодородных, чтобы, как он объяснял, "выросшие саженцы не боялись никаких невзгод, и если они после пересадки в новом месте все-таки не пойдут, так уж вина будет не моя, а того, кто не умел их посадить". В этом питомнике всегда было что посмотреть, ибо всегда производился в нем какой-нибудь опыт, выращивалось что-нибудь необыкновенное, сообразно с новыми предположениями и наблюдениями хозяина. На них он был неистощим. Пересматривая однажды геологический атлас флоры, он обратил внимание на то, что древнейшим геологическим периодам, когда почва была первобытно груба и еще не выветрилась, соответствуют исключительно крестоцветные растения. У Грелля сейчас же явилась мысль, не могут ли и теперь наши нынешние крестоцветные — капуста огородная и кормовая, брюква и т. п. — служить для подготовки почвы для более культурных растений. Практической значение этой идеи ясно будет из того, что теперь культурный слой почвы можно углублять лишь очень медленно, постоянно опасаясь, чтобы не вывернуть плутом наружу слишком толстый слой мертвой подпочвы, которая на несколько лет превратит поле в

бесплодный пустырь. После же капусты поле годно прямо под хлебные злаки. Опыт, произведенный некоторыми хозяевами, подтвердил догадку Грелля — капуста весьма удовлетворительно удалась на насыпи, куда выброшена была глина из глубокой канавы. Хозяевам остается выждать случая, чтобы этот опыт применить к подходящему практическому делу. А. К. Грелль был главным сотрудником московского журнала "Русское садоводство" и читал плодоводство в земледельческой школе Московского общества сельского хозяйства. Воспитанник Московского университета, в котором, в 50-х годах, он кончил курс по медицинскому факультету, Грелль был человеком очень отзывчивым, всегда готовый объяснить, указывать и советовать, лишь бы в каком-нибудь уголке родины направить на настоящий путь дорогое ему садовое дело. Как консультант по садовому хозяйству, Грелль был единственным и русское плодоводство еще не скоро наживет такого тонкого знатока плодового дела, каким был покойный.

Сад и питомник А. К. Грелля перешли теперь к его жене М. И. Грелль, в которой покойный имел деятельную помощницу во всех своих начинаниях. М. И. Грелль решила продолжать принятое ею дело. ("Новое Время", 1896, №№ 7184 и 7193).

Библиография

Его:

"Плодовитость односортных яблонь и груш" ("Новое Время", 1895, № 6799).

Грелль А. К. Доходное плодоводство. (М., 1896).

ГРИГОРИЙ (в мире Николай Иванович Воинов, 1834 — 1 августа 1896 года в Москве) — архимандрит

архимандрит.

Некролог

1-го августа, после продолжительной и тяжкой болезни скончался уважаемый москвичами один из старейших московских архимандритов — архимандрит Спасо-Андрониева монастыря — Григорий.

Почивший священно архимандрит Григорий был сын московского протоиерея при храме Св. Иоанна воина, что в Замоскворечье. В мире он был Николай Иванович Воинов; родился он в 1834 году и первоначальное воспитание получил в Московской духовной семинарии, а высшее образование в Московской духовной академии, где окончил курс со степенью магистра богословия, при чем принял монашество с именем Григория, вслед затем был назначен преподавателем священного писания и греческого языка в Вифанскую духовную семинарию, а в 1859 году был назначен помощником инспектора названной семинарии. Через несколько лет отец Григорий был перемещен в Московскую семинарию, в которой в 1864 году был возведен в сан архимандрита. В 1887 году архимандрит Григорий оставил духовно-училищную службу после назначения на должность настоятеля Московского Златоустова монастыря. В том же году он был назначен членом духовной консистории. В 1873 году он был переведен настоятелем в Высоко-Петровский монастырь, а в 1882 году в Спасо-Андрониевский монастырь, с назначением благочинным московских монастырей и Покровской общины сестер милосердия, в каковой должности оставался почти до последних дней своей жизни. Покойный отец архимандрит Григорий был не чужд и литературной деятельности, так как им был выпущен целый ряд статей, помешенных в “Душеполезном Чтении”, а затем им были составлены исторические описания Златоустовского и Высоко-Петровского монастырей. За эти труды он был избран в действительные члены Императорского Общества истории и древностей Российских и состоял почетным членом Общества любителей духовного просвещения.

Погребение почившего архимандрита состоится 3-го августа в Андрониевском монастыре, после

заупокойной литургии и отпевания. (“Русское Слово”, 1896, № 207).

Библиография

Его:

“Историческое описание Московского Златоустова монастыря” (М., 1871).

“Письма и резолюции Филарета, митрополита Московского” (“Душеполезное Чтение”, 1896, кн. 10 и 11).

О нем:

“Душеполезные Чтения”, 1891, кн. 1, с. 50—59; 1896, кн. 9; 1901, кн. 8, с. 491.

“Московские Церковные Ведомости”, 1896, № 32.

“Церковные Ведомости”, 1896, № 34.

“Московские Ведомости”, 1896, № 210.

“Чтения в Обществе Истории и Древностей”, 1838, кн. 2, отд. IV, с. 23—26.

ГРИГОРЬЕВ Дмитрий Петрович (25 октября 1827 — 21 февраля 1896 года в Петербурге) — генерал-лейтенант.

Некролог

Вчера, 21 февраля, скончался внезапно член Александровского Комитета о раненых, генерал-лейтенант Дмитрий Петрович Григорьев. Покойный родился в 1827 году, образование получил в Михайловском артиллерийском училище и в Михайловской артиллерийской академии. Будучи молодым офицером, он принимал участие в кампании 1853—1855 гг., сражаясь с турками на азиатском театре военных действий. За отличие в деле при Кюрюкдере получил Георгиевский крест 4-й степени. Затем Д. П. находился в составе войск, покоривших Кавказ, служил правителем дел окружного артиллерийского управления в Москве и начальником отделения главного артиллерийского управления. Когда началась последняя русско-турецкая война, он был назначен командиром 12-й артиллерийской бригады, находившей в состав рушукского отряда. Знания артиллерийского дела, замечательное хладнокровие и умелую распорядительность покойный проявил в трестеникском бою у Хан-Гюль-Чесме. Чин генерал-майора, золотое оружие и орден Св. Станислава 1-й степени с мечами были наградными отличиями Д. П. В конце войны он занимал должность помощника начальника артиллерии действовавшей армии, с 1880 по 1883 г. был помощником начальника артиллерии Варшавского военного округа, затем до 1892 года помощником начальника главного артиллерийского управления генерал-адъютанта Л. П. Софиано и одновременно членом комитета по мобилизации войск. Занимая видный пост в артиллерийском управлении, Д. П. принимал непосредственное участие в занятиях разнообразных комиссий по вопросам, касавшимся усовершенствования строевой части нашей артиллерии. Часы досуга он посвящал изучению богословия и философии. Ему, как автору, принадлежит несколько ценных сочинений, из которых назовем: “Сущность христианского учения”, переведена на английский язык (СПб., 1882), “Вопросы христианской жизни” (по поводу сочинения графа Л. Н. Толстого “В чем моя вера”) (СПб., 1887), “Чрезвычайные действия св. Духа в церкви”, “Смысл жизни в творении”. После него осталась богатейшая библиотека богословских сочинений. Как человек, покойный имел симпатичный характер. Всегда скромный, доброжелательный, неподкупной честности и замечательной энергии, он оставил по себе добрую память. В день 75-летия Михайловского училища, Л. П. был избран в члены конференции Михайловской артиллерийской академии. Его усердная и примерная служба отмечена многими царскими наградами: орденами Св. Александра Невского, Белого Орла и др. (“Новое Время”, 1896, № 7179).

Библиография

О нем:

“Церковные Ведомости”, 1896, № II, с. 432—434.

“Русское Слово”, 1896, № 55.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 4, с. 373.

“Правительственный Вестник”, 1896, № 44.

ГУБЕРТИ Николай Васильевич (1818 — 29 апреля 1896 года в Москве) — библиограф, коллекционер.

Некролог

Кружок русских библиографов утратил своего старейшего сочлена Николая Васильевича Губерти, скончавшегося в Москве 29 апреля.

Покойный родился в 1818 году в Коломне, уездном городе Московской губернии, где его отец-подполковник служил городничим. Годы же детства и раннюю юность он провел в селе Шурове Зарайского уезда Рязанской губернии, в имении своей матери, дочери известного екатерининского статс-секретаря и автора воспоминаний — А. М. Грибовского. Прекрасно подготовленный сначала родной матерью, а затем гувернерами и учителями, Н. В. Губерти прямо

из родительского дома был привезен в Петербург и, после успешного экзамена, с 1835 года поступил юнкером в гвардейскую артиллерию. На военной службе ему пришлось пробыть только десять лет: в 1845 году выйдя в отставку с чином штабс-капитана, он скоро отдался занятиям русской нумизматикой и книжной стариной.

Чувствуя, по примеру своего деда Грибовского, любовь к родному прошлому, Н. В. Губерти начал собирать старинные русские монеты, преимущественно времен великих и удельных князей. В течение тридцати лет собирания его коллекция постепенно обогащалась редкими и превосходно сохранившимися экземплярами, так что невольно обращала на себя внимание таких знатоков, как покойные графы С. Г. Строганов и А. С. Уваров. В то же время Н. В. Губерти занялся приобретением русских книг и важных рукописей, главным образом XVIII века. Мало-помалу его библиотека наполнялась редкостными, даже единственными изданиями (как, например, "Карманный календарь государя великого князя Павла Петровича на 1761 год", напечатанный в одном экземпляре только для малолетнего цесаревича), и ревностный собиратель "книжных редкостей" начал делиться своими находками через заметки и статьи, напечатанные в "Русской Старине", "Российской Библиографии" и "Библиографе". Благодаря, главным образом, своей же библиотеке, покойный задумал составить обширный каталог своего книжного собрания. После двенадцатилетних занятий ему удалось издать свой важный труд, под заглавием: "Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом" (М., 1878, 1881 и 1891 гг., три тома), удостоенный Уваровской премии от Императорской Академии Наук. Этот труд, помимо своего главного достоинства, как обширная справочная книга, в настоящее время является единственным напоминанием о книжном собрании Н. В. Губерти, так как его драгоценная библиотека, приобретенная затем московским купцом Н. И. Носовым, к сожалению, почти вся сгорела в конце прошлого года. ("Московские Ведомости", 1896, № 119).

Библиография

Его:
"Два малоизвестные музыкальные журналы: "Журнал отечественной музыки" и "Музыкальный журнал для фортепиано" ("Российская Библиография", 1881, № 83 (7), с. 149—151).

"Об издателе "Cameleon Literaire" (там же, № 87(11). с. 239—240).

"Лубочные гадальные карточки" (там же, № 91(15), с. 326—327).

"Шуточные стихотворения XVIII столетия: Ода творцу оперы Мельник-Аблесимову" (там же, № 100 (24), с. 599—600).

"Письма Г. Р. Державина к А. С. Хвостову и И. Ф. Соломке, 1807 г. ("Библиограф", 1885, № I, с. 2—5).

"Один из сотрудников Французского журнала "Mercure de Russe" ("Библиограф", 1885, № 2, с. 22—25).

"Заметки о розыске и суде над царевичем Алексеем Петровичем, изданные на французском языке" (там же, № 4, с. 69—76).

"Грамота Гавриила, архиепископа Вологодского, Белозерского Кириллова монастыря архимандриту Сергию, келарю, монаху Филарету с братией" (там же, № 8, с. 17—19).

"Андрей Тимофеевич Болотов, как критик и рецензент литературных произведений, 1795" (там же, № 9, с. 33—38; № 10, с. 49—52; 1886, № 1, с. 2—4; № 2, с. 25—28).

"К библиографической заметке об указателе к "Опыту" Соникова" (там же, 1887, № 4—5, с. 56).

96).

“Редкая книга Magikon” (там же, № 6—7, с. 65—67; № 10—11, с. 108—113).

“Библиографическое разъяснение”, по поводу редкой книги: “Великое дело, открытое в пользу тех, кои имеют крайнюю нужду в деньгах”, СПб., 1793 (там же, 1888, № 7—8, с. 274—281).

“Современник” или “Записки для потомства” А. Т. Болотова” (там же, 1890, № 2, с. 21—26; № 3—4, с. 41—45; № 11, с. 125—138; № 12, с. 156—185).

“К биографии А. В. Суворова”, 1780 (“Русская Старина”, 1899, кн. II, с. 300).

О нем:

“Библиограф”, 1892, № 2, с. 79—83.

“Русское Слово”, 1896, № 118.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 6, с. 1054—1055.

“Новое Время”, 1896, № 7248.

“Русский Архив”, 1897, кн. 2, с. 322—326.

ГУТТЕН-ЧАПСКИЙ, граф, Карл-Эмерик Карлович (1828 — 10 июля 1896 года в Кракове) — археолог.

Некролог

10 июля скончался в Кракове известный польский археолог граф Карл-Эмерик Карлович Гуттен-Чапский. Покойный родился в 1828 году в Пинском уезде Минской губернии, где отец его, владелец огромных имений, состоял предводителем дворянства. По окончании курса наук в Московском университете, покойный поступил на службу в Министерство внутренних дел, где, занимая последовательно разные должности, в начале шестидесятых годов был назначен С.-Петербургским вице-губернатором, а затем и новгородским губернатором. Оставив службу по Министерству внутренних дел, покойный граф Чапский состоял недолгое время членом консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, а затем был назначен на ответственный пост директора лесного департамента Министерства государственных имуществ. Выйдя в конце семидесятых годов в отставку, покойный поселился в имении своем в Минской губернии. Два года тому назад, для поправления расстроенного здоровья, выехал за границу и окончательно поселился в Кракове. Еще будучи студентом, покойный с увлечением занимался археологией и нумизматикой и составлял коллекцию нумизматики и памятников древней Польши. В 1871 году покойный начал издавать в С.-Петербурге капитальное сочинение под заглавием: “Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises”, которое спустя 20 лет и окончил печатанием. Оно вышло в 4-х томах. Кроме того, в 1877 году им издано “Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси”. Богатую свою коллекцию, достигающую 10000 разных монет, он завещал городу Кракову. (“Новое Время”, 1896, № 7322).

ДАШКОВ Василий Андреевич (2 мая 1819 — 8 января 1896 года в Москве) — директор Московского Публичного и Румянцевского музеев, действительный тайный советник.

Некролог

8 января, как мы уже сообщили, скончался председающий в Московском присутствии Опекунского совета, попечитель Московских женских гимназий, директор Московского Публичного и Румянцевского музеев, действительный тайный советник Василий Андреевич Дашков.

Покойный принадлежал к старинному боярскому роду, предки которого еще в самом начале XVI века вступили на государеву службу. Родился он 2 мая 1819 года в Рязани, где отец его занимал пост рязанского вице-губернатора. Получив первоначально домашнее образование и окончив полный гимназический курс в Петрозаводской гимназии, когда отец его был олонецким губернатором, Василий Андреевич стал готовиться и университетскому экзамену по юридическому факультету Московского университета, и, за оказанные им очень хорошие познания в предметах, удостоен аттестата на право причисления его, по чинопроизводству, к первому разряду чиновников государственной службы. Во время пребывания своего в Петрозаводске Василий Андреевич занимался собиранием и обработкой материалов для описания Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях.

Пример предков, верой и правдой служивших Государям в Москве, подействовал на юного Василия Андреевича, и с 1841 года, при московском военном генерал-губернаторе князе Щербатове, Василий Андреевич вступил на службу по канцелярии младшим чиновником секретного отделения. 28 июля 1842 года произведен в первый классный чин. В следующем 1843 году, апреля 22, он был назначен членом Московского губернского статистического комитета, а 25 апреля того же года за описание Олонецкой губернии награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

В том же 1843 году он командирован был для занятий в комитет по устройству в Москве выставки российских изделий. В 1848 году ему поручено было просматривать все периодические издания, выходившие в Москве, для контроля цензуры, и в то же время он назначен был для наблюдения в Мясницкой части за принятием предохранительных мер против холеры. С 4 ноября 1848 года Василий Андреевич уже член Московского попечительного о тюрьмах комитета.

С 1854 года для Василия Андреевича открылось новое поприще для деятельности и он был определен почетным директором богоугодных заведений сначала в Можайске, а затем в Подольске и Клину. По званию же члена попечительного совета заведений общества призрения В Москве он был попечителем богоугодных заведений в Верее, Рузе и Звенигороде.

В чине коллежского ассесора и будучи кавалером ордена Св. Анны 3-й степени, Василий Андреевич за отлично-усердную службу пожалован в звание камер-юнкера Двора Его Величества, а 17 апреля 1860 года Василию Андреевичу Всемилостивейше повелено быть в должности цереомониймейстера Двора Его Величества.

Вскоре после этого назначения Василию Андреевичу поручено было исправление должности помощника попечителя Московского учебного округа.

19 ноября 1862 года Василий Андреевич произведен уже был в чин Действительного статского советника.

6 апреля 1867 года, во внимание к ревностной службе и отличным трудам, Василий Андреевич пожалован кавалером ордена Св. Станислава 1-й степени. При этом Государю Императору Александру II благоугодно было повелеть вручить ему означенный орден в тот день, когда Его Величество изволить посетить в Москве Этнографическую выставку, устроенную трудами Дашкова при содействии Общества любителей естествознания. Коллекция с этой выставки и образовала “Дашковский этнографический музей”, помещающийся ныне в Московском Публичном и Румянцевском музеях.

С 18 марта 1873 года Василий Андреевич состоит товарищем председателя художественного общества.

14 мая 1868 года назначен директором Московского Публичного и Румянцевского музеев, с увольнением от должности помощника попечителя Московского учебного округа.

31 марта 1868 года пожалован в гофмейстеры Двора Его Величества.

С 21 декабря 1868 года началась служба Василия Андреевича по Опекунскому совету, а с 15 декабря 1874 года он назначен попечителем Московских женских гимназий. 12 апреля 1881 года в награду отлично-усердной службы и ревностных трудов по управлению Московскими женскими гимназиями В. А. Дашкову Всемилостивейше пожалован чин действительного тайного советника.

За коллекцию портретов русских деятелей с XVII века по настоящее время, пожертвованную в пользу Публичного и Румянцевского музеев, Василию Андреевичу еще в январе 1882 года объявлено Высочайшее Государя Императора благоволение.

28 июля 1892 года, в день празднования пятидесятилетия служения в офицерских чинах, покойному пожалован был орден Св. Владимира 1-й степени.

Вот, в сжатом очерке, важнейшие моменты из службы и деятельности Василия Андреевича Дашкова, от чина коллежского регистратора до действительного тайного советника; из канцелярского чиновника, сделавшегося первоприсутствующим в Московском присутствии Опекунского совета, из юного этнографа Олонецкой губернии ставшего основателем этнографического музея его имени.

Как последовательно получаемы были Василием Андреевичем чины, так же последовательно награждаем он был и орденами, начиная с ордена Св. Станислава 3-й степени до Св. Владимира 1-й степени.

Мы не перечисляем здесь тех обществ, в которых Василий Андреевич состоял почетным и действительным членом.

Но наш очерк был бы далеко не полон, если бы мы не указали на те труды ученых, которые обязаны своим появлением в свет благодаря покровительству, заботам и затратам Василия Андреевича. Таковы: “История русской жизни с древнейших времен”. Соч. И. Е. Забелина. М., 1876 и 1879. Два тома; “Сборник этнографических и антропологических статей о России и странах к ней принадлежащих”. М., 1876. Два тома; “Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея. Под ред. Вс. Миллера; “Сборник материалов по этнографии”; “Описание рукописей и старопечатных книг Ундольского. Состав.” и проч.

Все эти труды изданы в Москве, которой Василий Андреевич всецело посвятил свою плодотворную деятельность на пользу науки, просвещения и воспитания. (“Русское Слово”, 1896, № 9).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1892, № 198; 1896, № 10.

“Новое Время”, 1896, № 7138.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 2, с. 741—743.

ДЕНИСОВ Илья Самуилович (1818 — 2 апреля 1896 года в Петербурге) — протоиерей.

Некролог

2 апреля скончался настоятель церкви св. Екатерины Великомученицы (при Императорской Академии художеств), заслуженный протоиерей Илья Самуилович Денисов. Покойный два года

Академии художеств), заслуженный протоиерей Илья Самуилович Денисов. Покойный два года тому назад праздновал пятидесятилетие своей полезной и неутомимой деятельности в качестве священника и законоучителя нескольких учебных заведений. И. С. родился в 1818 году, образование закончил в С.-Петербургской духовной академии со степенью магистра богословия. Первые годы своей службы он был преподавателем сперва в Астраханской духовной семинарии, затем в Александро-Невском духовном училище. В 1848 году был назначен настоятелем церкви Императорской Академии художеств и с тех пор не расставался с этой церковью. В 60-х годах, когда в учебный курс Академии входили Закон Божий и церковная история, покойный читал ученикам лекции. Кроме того, он преподавал Закон Божий во многих учебных заведениях: женской гимназии Ставиской и др. Перу покойного принадлежит "Руководство к истории русской церкви", написанное специально для художников. ("Новое Время", 1896, № 7219).

Библиография

О нем:

"Церковные Ведомости", 1896, № 16, с. 590—591.

ДИОНИСИЙ (в мире Дмитрий Васильевич Хитров, 22 октября 1818 — 8 сентября 1896 года в Москве) — епископ.

Некролог

В Москве 8 сентября скончался епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий.

Покойный архипастырь (в мире Дмитрий Васильевич Хитров) родился 22 октября 1818 года в селе Хитрове Данковского уезда Рязанской губернии, и воспитывался в местной духовной семинарии. По окончании курса студентов (15 июля 1840 г.), он в следующем году (6 апреля), по вызову епархиального начальства, отправился в Якутск, где принял священство и пятнадцать лет (1841—1858 гг.) состоял миссионером, распространяя свет христианства среди инородцев.

Возведенный в сан протоиерея, почивший с 1856 года занимал должности: смотрителя Якутского духовного училища и ректора Якутской семинарии, продолжая вместе с тем прежнюю миссионерскую деятельность до 1867 года. По смерти жены, он принял монашество с именем Дионисия и 9 февраля 1868 года был хиротонисан в епископа Якутского, сначала викария Камчатской епархии, а с 12 января 1869 года, по образовании отдельной Якутской кафедры, состоял самостоятельным епископом. Затем покойный архипастырь был переведен на Уфимскую епископскую кафедру (с 12 декабря 1883 года), где и находился почти до самой смерти.

Почившему епископу Дионисию принадлежали: перевод священных и богослужебных книг на якутское наречие, составление азбуки и грамматики якутского языка, очерки о поездках по Уфимской епархии ("Уфимские Епархиальные Ведомости", 1889 — 1890 гг.), а также и проповеди. За свои многолетние труды он был избран в почетные члены Казанской Духовной Академии (с 1881 г.). ("Московские Ведомости", 1896 № 249).

Библиография

Его:

"Евангелие от Марка, на якутском языке". М., 1848.

"Краткая грамматика якутского языка". М., 1858.

"Автобиографические заметки" ("Уфимские Епархиальные Ведомости", 1900).

О нем:

“Иркутские Епархиальные Ведомости”, 1884, № 5 и 6.

“Церковные Ведомости”, 1891, № 16, 17; 1896, № 37, 46.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 10, с. 352—353.

“Русское Слово”, 1896, № 244.

“Московские Церковные Ведомости”, 1896, № 38.

“Московские Ведомости”, 1901, № 360.

Титов А. Миссионерская деятельность преосвященных Нила Исаковича и Дионисия Хитрова. (М., 1910).

ДОБРОВ Алексей Васильевич (1831 — 27 июля 1896 года в Москве) — врач, действительный статский советник.

Некролог

27 июля внезапно, от паралича сердца, скончался известный московский врач, главный доктор Александровской больницы Купеческого Общества, действительный статский советник Алексей Васильевич Добров. В лице покойного сходит в могилу один из лучших представителей столичного врачебного сословия. Почти вся продолжительная деятельность его протекла в Москве и везде, где ему приходилось служить, он пользовался любовью и уважением, оставив по себе добрую память.

А. В. Добров родился в Москве в 1831 году: отец его был врачом. Среднее образование покойный получил во 2-й Московской гимназии и медицинское в Московском университете, в

котором окончил курс со степенью лекаря в 1854 году. Врачебная деятельность покойного началась по Министерству Государственных Имуществ. А. В. Добров получил место врача при существовавшей в Острове (близ Николо-Угрешского монастыря) школе волостных писарей и лесных егерей. Здесь, однако, он не долго служил, перенеся свою деятельность в Москву, где занял место участкового врача в Серпуховской части. Через некоторое время по представлении диссертации “О лечении перемежающийся лихорадки мышьяком” А. В. Добров был удостоен степени доктора медицины. Дальнейшая служебная деятельность покойного протекла в Московском врачебном управлении, где он был сначала членом, а затем инспектором. Государственная служба его продолжалась до 1887 года, когда покойный занял место главного доктора Александровской больницы Купеческого Общества.

Врачебная деятельность А. В. Доброва по учреждениям Московского Купеческого Общества началась гораздо раньше. С 1864 года до самого последнего времени он состоял врачом при Солодовниковской богадельне; с 1866 года по 1892 год он безвозмездно нес обязанности врача при Солодовниковском училище; затем с 1874 года он сделался, кроме того, врачом при Андреевской богадельне. Но главным памятником его неутомимой деятельности является создание Александровской больницы, принадлежащей к числу самых благоустроенных столичных больниц. Это врачебное учреждение, устроенное Московским Купеческим Обществом, возникло по мысли покойного; он следил за его постройкой; под его руководством и при непосредственном участии устроена вся медицинская часть больницы; им составлен устав и штаты больницы; он приложил все старания к тому, чтобы больница была устроена согласно последним требованиям медицины и гигиены. Труды покойного, действительно, увенчались успехом, так как больница сказалась устроенной образцово. Впоследствии, им была составлена при больнице библиотека для чтения, без затраты на это больничных средств; громадную часть своих медицинских книг покойный пожертвовал в больничную библиотеку. Вообще, своей плодотворной деятельностью А. В. Добров оставил по себе наилучшую память в летописях

плодотворной деятельностью А. В. Добров оставил по себе наилучшую память в летописях Александровской больницы.

Покойный состоял председателем Медико-Фармацевтического Попечительства ведомства учреждений Императрицы Марии и врачом Арнольдовского училища для глухонемых.

А. В. Добров много потрудился на пользу столичного населения, и Москва нескоро забудет имя этого честного и бескорыстного труженика. (“Московские Ведомости”, 1896, № 206).

Библиография

О нем:

“Русское Слово”, 1896, № 203.

“Новое Время”, 1896, № 7337.

ДОБРОВСКИЙ Михаил Алексеевич (умер 2 августа 1896 года в Москве) — библиотекарь.

Некролог

2 августа скончался, на 33 году жизни, помощник библиотекаря в Московском университете Михаил Алексеевич Добровский. Покойный, кроме служебных занятий, известен составлением “Опыта истории библиотеки Московского университета”. Этот труд напечатан в “Библиографических записках” (1892, кн. II) и в “Книговедении” (1894, № 3, 7—8, 11—12; 1895, № 6—8).

Отпевание тела покойного имеет быть завтра, 5 августа, в церкви Св. Николая Явленного, что на Арбате, а погребение на Ваганьковском кладбище. (“Русское Слово”, № 210).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1896, № 213.

ДОНАТ (в мире Николай Ильич Бобинский, 1828 — 16 апреля 1896 года в Николо-Угрешском монастыре, под Москвой) — архиепископ.

Некролог

16 апреля, вечером, в подмосковном Николо-Угрешском монастыре скончался на 68 году жизни проживавший в нем на покое один из старейших архипастырей Русской церкви, преосвященный Донат, бывший архиепископ Донской и Новочеркасский.

Почивший святитель был сын священника города Вязьмы Смоленской губернии. Окончив образование в Смоленской духовной семинарии, в 1852 году он был рукоположен в священника к одной из церквей Смоленской епархии. В 1853 году он овдовел и немедленно поступил в Петербургскую духовную академию для получения высшего образования, в которой через два года принял монашество с именем Доната. В 1857 году, по окончании академического курса, началась преподавательская деятельность иеромонаха Доната в Архангельской духовной семинарии. В 1860 году он был удостоен степени магистра богословия, а в 1864 году, с возведением в сан архимандрита, он был уже назначен ректором семинарии и благочинным Архангельского и Холмогорского монастырей, состоя в то же время членом попечительства о бедных духовного звания Архангельской епархии и цензором проповедей.

В 1879 году архимандрит Донат был хиротонисан во епископа Брестского, викария Литовской епархии, которым оставался в течение двух лет, по назначения его в епископы Ковенские. В 1882 году он получил уже самостоятельную архиерейскую кафедру, епископа Рижского и Митавского, а через пять лет был назначен епископом Подольским, состоя которым, в 1890 году был возведен в сан архиепископа с назначением на Литовскую и Виленскую кафедру. В 1894 году архиепископ Донат был помещен на кафедру Донскую и Новочеркасскую, которой управлял всего шесть "месяцев, потому что в том же году его постигла тяжкая болезнь (паралич ног) и он принужден был оставить управление вверенной ему епархии и уволиться на покой, поселившись с разрешения Святейшего Синода в Угрешской обители под Москвой.

Человек доброго сердца, почивший архипастырь был чуток и отзывчив к нуждам и бедствиям ближних, которым никогда не отказывал в своей посильной помощи, духовно и материально, а в 1873 году, во время страшного голода в Самарской губернии, он сделал в пользу голодающих такое крупное пожертвование, что о нем было доведено до сведения Святейшего Синода, который прислал тогда еще архимандриту Донату свое благословение. ("Русское Слово", 1896, № 104).

Библиография

Его:

"Голос пастыря по поводу современных событий в отечестве" (Гродно, 1882).

О нем:

"Московские Ведомости", 1896, № 108.

"Новое Время", 1896, № 7232.

"Московские Церковные Ведомости", 1896, № 18.
"Церковные Ведомости", 1896, № 18.

"Исторический Вестник", 1900, кн. 9, с. 936—944.

ЕРОПКИНА Наталия Алексеевна (умерла 14 июля 1896 года в Твери) — основательница-председатель Тверского Благотворительного Общества Поощрения Женского Труда.

Некролог

14 июля в городе Твери скончалась после продолжительной, тяжкой болезни вдова генерал-майора, основательница-председательница Тверского Благотворительного Общества Поощрения Женского Труда Наталия Алексеевна Еропкина, урожденная Смирнова.

Дочь известного в свое время директора канцелярии московского генерал-губернатора светлейшего князя Голицына, а в последствии управляющего Московской казенной палатой Алексея Ивановича Смирнова, покойная с золотой медалью кончила курс в Московском Екатерининском Институте. Редкая красавица, Наталия Алексеевна блистала в высшем обществе Москвы и Петербурга, привлекая всех умом и скромностью. А. С. Пушкин посвятил ей стихи. В сороковых годах она вышла замуж за В. М. Еропкина и всецело посвятила себя работам семейной жизни.

В 1866 году, переехав жить в Тверь, Наталия Алексеевна приняла ревностное участие в основании Тверского Благотворительного Общества "Доброхотной копейки", состоящего под покровительством Ее Императорского Высочества Принцессы Ольденбургской. Госпожа Еропкина взяла на себя труд заведовать городским участком — самым большим и бедным. Чтобы помочь бедному, у Наталии Алексеевны не было преград; без устали она спускалась в

подвалы, поднималась на чердаки, посещая бедных; все трудящиеся имели к ней лично доступ во всякое время. Главная цель Наталии Алексеевны была пристроить детей; она помещала их в институты, школы, к ремесленникам, в кондукторские училища, в приюты, чтобы сделать из них честных тружеников. Бедным женщинам покойная заказывала работы, которые затем продавались; в отчете о XXV-летней деятельности Общества “Доброхотной копейки” отмечено, что Н. А. Еропкина доставила в Общество 1171 руб. 75 к. Диплом на звание почетного члена ей поднес председатель Общества “Доброхотной копейки” известный поэт Ф. Н. Глинка, с надписью: “Превосходительнице и истинно превосходной по душе и сердцу Н. А. Еропкиной”.

Близко стоя к нуждам беднейших жителей Твери, покойная убедилась, что причинами их бедности являются недостаток технических знании, неумение трудиться, непривычка к труду. С обыкновенной своей энергией, в 1881 году, Наталия Алексеевна кликнула клич, на который отозвались добрые люди, и она основала в Твери бесплатную для обучения бедных девочек полезным мастерствам швейную мастерскую, а при ней “Общество Поощрения Женского Труда”, взятое в 1882 году под Августейшее покровительство в Бозе почившей Великой Княгини Ольги Федоровны. В марте 1896 года исполнилось 15 лет существования этого Общества, полезная и практичная деятельность которого заслужила почетную известность. Польза швейной видна из цифровых данных отчета. В день основания 1881 года в швейной мастерской было 7 учениц, к концу года 35, теперь 93. Окончившие учение стали честными труженицами, поддержкой своих семейств. Общее собрание членов Общества Поощрения Женского Труда постановило: повесить в швейной мастерской портрет Н. А. Еропкиной с надписью: “председательница-основательница Благотворительного Общества Поощрения Женского Труда, 1881—1896”. Почетный член общества Ее Императорское Высочество Принцессы Ольденбургская и гофмейстерина А. С. Озерова по поручению Августейшего покровителя Общества Великого Князя Михаила Николаевича депешами выразили лучшие пожелания о процветании благого дела.

По случаю кончины Н. А. Еропкиной, дочери ее получили депеши: от Ее Императорского Высочества Принцессы Ольденбургской: “Примите мои искренние соболезнования в постигшем вас горе, потеря эта велика не только для вас, но и для всех страждущих тверских обывателей. Да утешит вас Господь доброй памятью, которую ваша матушка оставила по себе. Евгения”.

От гофмейстерины Озеровой: “Великий Князь поручает выразить вам и сестре вашей его сердечное сочувствие к вашему горю и глубокое сожаление для Общества об утрате столь уважаемой председательницы. Примите и мое искреннее соболезнование. Александра Озерова”.

Сколько искреннего горя и слез было при отпевании тела покойной! Гроб, окруженный детьми, внуками, правнуками Н. А. Еропкиной и ученицами швейной мастерской, утопал в венках. Духовник покойной сказал глубоко прочувственное слово. Мир праху почившей! Память о делах ее бессмертна. (“Московские Ведомости”, 1896, № 201).

ЕРШОВ Николай Григорьевич (23 апреля 1837 — 12 марта 1896 года в Петербурге) — ученый-энтомолог.

Некролог

Бывший редактор “Ученых трудов и изданий русского энтомологического общества” Николай Григорьевич Ершов скончался после тяжкой и продолжительной болезни 12-го марта. Покойный принадлежал к числу известных русских энтомологов, хорошо изучившим чешуекрылых и жесткокрылых. Он имел одну из богатейших коллекций чешуекрылых — результат его долголетних приобретений выдающихся экземпляров насекомых. Им составленные описания экзотических и среднеазиатских, каталоги русских вообще и петербургских чешуекрылых в частности являются ценным вкладом в энтомологическую литературу. Кроме того, он собрал и опубликовал интересные материалы, оказавшиеся в бумагах С. М. Сельского, по описанию новых и малоизвестных жесткокрылых с окраин Российской империи. Покойный — сын купца,

новых и малоизвестных жесткокрылых с окраин Российской империи. Покойный — сын купца, родился 23 апреля 1837 года, образование получил в частном английском пансионе Гирста, пользовавшимся среди петербуржцев в былое время популярностью. В этом пансионе естественную историю преподавал хранитель энтомологических коллекций зоологического музея Академии Наук господин Менстрие, который оказал на молодого Ершова большое влияние, направив его занятия на изучение насекомых. Свое образование Н. Г. закончил в медико-хирургической академии, где некоторое время слушал лекции известного зоолога Брандта и профессора химии Зимина, и за границей путем практического знакомства с коллекциями выдающихся лепидоптерологов Германии, Франции и Англии. Покойный редактировал "Ученые труды и издания русского энтомологического общества" с 1878 по 1888 год. ("Новое Время", 1896, № 7200).

Библиография

О нем:

"Исторический Вестник", 1836, кн. 5, с. 736—737.

Труды Русского Энтомологического Общества, т. XXXI.

ЖЕЛИХОВСКАЯ Вера Петровна (17 апреля 1835 — 5 мая 1896 года в Петербурге) — писательница.

Некролог

Грустную весть принес нам телеграф из Петербурга: там, 5 мая, после тяжкой болезни, скончалась известная русская писательница Вера Петровна Желиховская.

Покойная, по своему происхождению, принадлежала к замечательной литературной семье: ее мать, урожденная Фадеева, а по мужу Ган, напечатала в тридцатых и сороковых годах ряд повестей за подписью Зинаида Р-ва; ее старшая сестра Е. П. Блаватская известна "Письмами из пещер и дебрей Индостана" и своей теософической деятельностью. Сама Вера Петровна родилась 17 апреля 1835 года в Екатеринославле и уже семи лет лишилась родной матери. Малолетнюю сироту взяли в Одессу ее дедушка и бабушка Фадеевы, дали ей отличное воспитание, после чего она вышла замуж за Н. Н. Яхонтова. Скоро овдовев (1857), покойная вступила во второй брак с В. И. Желиховским, умершим в 1880 году. Имея пред собой живые примеры матери и старшей сестры, наделенная от природы живой наблюдательностью и художественным талантом, Вера Петровна. сначала стала писать рассказы лишь ради удовольствия своих детей и знакомых, а затем, только с 1878 года, выступила в печати со своим первым рассказом, посвященным кавказским детям, под названием "За приключениями" (Тифлис, 1878). Успех этого произведения среди детского мирка заставил покойную написать большую серию подобных же рассказов, постепенно печатать их в журналах ("Семья и Школа", "Детское Чтение", "Игрушечка" и "Задушевное Чтение") и отдельными книжками. Из таких изданий особенно были интересны и вызвали полный восторг детей: "Как я была маленькой" (СПб., 1891 и 1894 гг., два издания), "Мое отрочество" (СПб., 1893), "Князь Илико" (СПб., 1894) и "Кавказские рассказы" (СПб., 1895).

Одновременно с произведениями для детей В. П. Желиховская написала несколько повестей, романов и драм. К ним относятся: "На Черном море", рассказ ("Русский Вестник", 1880, кн. 7), "Болезнь времени", роман ("Русский Вестник", 1886, кн. 3—9), "Ложь", современная быль ("Русское Обозрение", 1891, кн. 2—4), "В житейском омуте", роман ("Русское Обозрение", 1895, кн. 1—4) и ряд мелких беллетристических произведений в "Гражданине", "Ниве", "Севере" и "Художнике". Из драматических пьес ее известны: "Кто преступница?" (Одесса, 1883), "Назвался груздем — полезай в кузов" (СПб., 1886), — обе удостоены премии Вучины от Новороссийского университета — и комедия "На сорной почве" (литературные приложения к "Гражданину", 1887, кн. II).

Сверх того, мастерски владея простой речью и народным складом, покойная издала для народа несколько удачных книжек, как, например: “Кавказ и Закавказье” (СПб., 1885), “Наши воины православные” (СПб., 1886), “Забытые герои”, четыре выпуска (СПб., 1888) и т. п. Ею же написаны задушевные воспоминания, посвященные памяти Великой Княгини Ольги Федоровны (“Русская Старина”, 1891, кн. 5), родной матери (1887, кн. 3) и старшей сестре Е. П. Блаватской (СПб., 1893). Наконец, В. П. Желиховская в течение нескольких лет являлась постоянной сотрудницей “Московских Ведомостей”, помещая в них рождественские и пасхальные рассказы, письма из своих заграничных путешествий и поездок по России, этнографические очерки, всегда полные интереса и написанные живым пером. Не перечисляя этих газетных статей, список которых будет напечатан нами в “Книговедении”, напомним лишь ее предсмертный труд “Тифлис в былое время и теперь”, помешенный в “Московских Ведомостях” в конце истекшего апреля (№№ 99—116).

Такая разнообразная литературная деятельность постоянно привлекала к себе внимание взрослых и особенно юных читателей, возбуждая чувство уважения к даровитой писательнице. Нет сомнения, что в настоящую минуту кончина талантливой Желиховской вызовет всеобщее искреннее сожаление. (“Московские Ведомости”, 1896, № 135).

Библиография

Ее:

“Сюрприз”, рассказ (“Царь-колокол”, 1891, № 42).

“Шутки деда-Гуда”, рассказ (там же, 1892, № 15).

“В окрестностях Зальцбурга” (“Русское Слово”, 1895, № 63, 77, 84).

“Из Баварии в Верону” (там же, № 106, 109).

“По цветущей Италии зимой” (там же, № 120, 127).

“По берегам цветистого моря” (Русское Слово”, 1895, № 134, 138, 147, 154).

“Забытая столица пап” (там же, № 161, 163, 179, 180, 185, 193).

“Два дня в Сараево” (там же, № 210, 217).

“Из Венгрии в Белград” (там же, № 264, 270, 277, 280).

“Монах”, рассказ (там же, № 350).

“Фантастические рассказы”, с рисунками (СПб., 1896, 267 стр.).

“Шутка”, рассказ (“Московские Ведомости”, 1896, № 205—207, 212, 216, 218, 221, 223, 227, 233, 235, 236).

“Вырождение”, роман (“Русское Обозрение”, 1897, кн. 1—7).

О ней:

“Московские Ведомости”, 1896, № 125; 1909, № 284.

“Новое Время”, 1896, № 7250.

“Русское Обозрение”, 1896, кн. 8, с. 608—615.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 6, с. 1051—1052; кн. 7, с. 190—194

“Воспитание и Обучение”, 1896, № 6.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Александр Михайлович (1826 — 30 апреля 1896 года в Витебске) — литератор.

Некролог

Нам сообщают, что 30 апреля, в своем витебском имении Лоберж, умер Александр Михайлович Жемчужников. Покойный сын действительного тайного советника, сенатора М. Н. Жемчужникова и родной брат известного современного поэта, родился в 1828 году. По Высочайшему повелению, девяти лет он отдан был в Александровский корпус (1835), оттуда перешел в 1 кадетский (1838), но, не окончив там курса, подготовился дома и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Выпущенный из университета со степенью кандидата (1850), покойный начал службу при оренбургском генерал-губернаторе графе В. А. Перовском, при котором и состоял до 1867 года, после чего вышел в отставку и занялся сельским хозяйством. В 1853 году, на страницах “Современника”, им были напечатаны “Басни”, которые послужили поводом к появлению в том же журнале так называемых “Досугов Козьмы Пруткова”: под таким названием, как известно, помещались остроумные стихотворения и метко выраженные заметки или афоризмы, вышедшие из-под пера покойного, его братьев Алексея и Владимира Михайловичей, а также их двоюродного брата, известного поэта, графа А. К. Толстого. Произведения этих лиц, под псевдонимом Козьмы Пруткова, имели большой успех: недавно они вышли пятым отдельным изданием. (“Московские Ведомости”, 1896, № 120.)

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 6, с. 1055; 1905, кн. 4, с. 80—82.

“Новое Время”, 1896, № 7249.

ЖИЗНЕВСКИЙ Август Казимирович (1820 — 19 марта 1896 года в Твери) — археолог, действительный тайный советник.

Некролог

19 марта, в Твери скончался известный археолог и директор-основатель Тверского исторического музея, управляющий Тверской казенной палатой, тайный советник Август Казимирович Жизневский.

Покойный — старейший питомец Московского университета, окончивший курс в 1841 году по отделению естественных наук, принадлежал к числу местных старожилов и трудолюбивых исследователей Тверской старины. Его многочисленные описания древних предметов — икон, монет, рукописей изразцов и памятников каменного века, находящихся в Тверском музее, были напечатаны в “Древностях”, издании Императорского Московского Археологического Общества. Отдельно же вышли следующие его труды: “Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря” (М., 1879, 98 стр.) и “Описание Тверского Музея” (М., 1888, 242 + XVIII стр.). За свои исследования покойный А. К. Жизневский был избран в действительные члены Московского Археологического Общества (со 2 ноября 1873 года). (“Московские Ведомости”, 1896, № 81).

Библиография

Его:

“Изразцы на старинном соборе, построенном в 1561 г.” (Тверь, 1888).

“Поход великого государя, святейшего Никона, в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь” (Тверь, 1889).

“Федор Николаевич Глинка” (Тверь, 1830).

“Родословие в лицах Императрицы Елизаветы Петровны” (Тверь, 1892).

“Поминки по И. А. Крылове” (Тверь, 1895).

“Памяти И. И. Лажечникова” (Тверь, 1895).

О нем:

“Новое Время”, 1896, № 7209, 7211.

“Русский Архив”, 1896, кн. 8, с. 602—607.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 3, с. 928—933; кн. 5, с. 736; кн. 6, с. 985—989.

“Древности” — труды Императорского Московского Археологического Общества. М., 1901, Т. XVIII. (“Московские Ведомости”, 1909, № 191).

ЖУКОВСКИЙ Петр Владимирович (8 июня 1824 — 11 февраля 1896 года в Петербурге) — камергер Высочайшего Двора.

Некролог

Вчера, 11 февраля, скончался от воспаления легких, камергер двора Его Величества, Петр Владимирович Жуковский. Покойный был одним из видных общественных деятелей, богатых энергией и чутких ко всему полезному и хорошему. По его почину возникло в 1867 году российское общество покровительства животным, председателем которого он состоял до последнего дня своей жизни и которому уделял значительное время. Это общество, благодаря ему, получило широкое развитие, открыв несколько филиальных отделений в провинциальных городах и заметно смягчило нравы многих столичных обывателей, чуждых сострадания к животным. Он устроил лечебницу для животных, содействовал уничтожению петушиных боев, а также изданию книг и брошюр, направленных к смягчению жестокого обращения с полезными животными. Почти ни одно благое начинание общества не обошлось без его энергичного участия. Еще более заметной была деятельность П. В. Жуковского в качестве гласного С.-Петербургской Думы. Состоя в числе гласных с 1883 года, покойный с того времени всегда горячо занимался делами города и отстаивал интересы столичных обывателей. Больничная и санитарная городские комиссии потеряли в нем своего деятельного председателя. Больничное дело интересовало покойного еще в то время, когда больницы находились вне ведения города. Он был попечителем больницы Св. Пантелеймона, затем, с 1864 года по 1872 год, городской Рождественской больницы. В звании председателя больничной и санитарной комиссий П. В. энергично боролся с тифозной и холерной эпидемиями в Петербурге. Кроме того, он принимал участие в комиссиях по освещению столицы и по народному образованию. Восемнадцать начальных, городских школ были подчинены ему, как своему попечителю. Одновременно П. В. находил время заниматься в качестве гласного делами С.-Петербургского губернского собрания и в качестве члена в ветеринарском комитете и столичном врачебном управлении. Покойный родился в Петербурге 8 нюня 1824 года. По окончании курса в первом кадетском корпусе, он начал службу в Александрийском гусарском полку и вместе с полком находился в венгерской и крымской кампаниях. Во время обороны Севастополя он был адъютантом генерал-кригс-

комиссара В. Н. Назимова. В 1861 году П. В. оставил военную службу и был назначен столичным мировым посредником. Через три года был избран товарищем старшины отделения потомственных дворян, затем в члены главного управления общества Красного Креста. Когда Оренбург пострадал от пожара, он по Высочайшему повелению был командирован туда для раздачи жителям города пособий. С 1873 года по 1888 год П. В. занимал почетную должность старосты Казанского собора. Часы досуга покойный посвящал литературным занятиям, помещая свои статьи и стихотворения, в "Русском Вестнике", "Русской Старине" и в нескольких газетах, в особенности в "Голосе". Его стихотворения изданы в 1886 году весьма объемистым изящным сборником под заглавием "Мои досуги". ("Новое Время", 1896, № 7169).

Библиография

О нем:

"Новое Время", 1896, № 7166.

"Исторический Вестник", 1896, кн. 4, с. 371—372.

ЗАЛЕСОВ Николай Гаврилович (1828 — 22 января 1896 года в Петербурге) — генерал от инфантерии.

Некролог

Вчера, 22 января, скончался член военного совета, генерал от инфантерии Николай Гаврилович Залесов. Покойный родился в 1828 году, образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и в Николаевской академии генерального штаба, где кончил курс по первому разряду. Будучи молодым офицером, Н. Г. участвовал в кампании 1854 года; за боевые отличия он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. Когда Крымская кампания сосредоточилась на геройской обороне Севастополя, покойный служил в управлении генерал-квартирмейстера южной армии. В конце 50-х годов он находился в составе посольства, отправленного под начальством полковника Игнатьева в Хиву и Бухару. Участие в посольстве хорошо познакомило Н. Г. Залесова с местностью и особенностями среднеазиатских ханств. Им в это время собран богатый материал, которым он воспользовался для обстоятельных статей о Бухаре и Хиве, напечатанных в "Военном Сборнике", "Русском Вестнике" и "Отечественных Записках" под заглавиями: "Хивинское ханство", "Очерк дипломатических сношений России с Бухарой", "Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева" и др. Покойный в разное время занимал должность начальника штаба оренбургского военного округа и командовал 2-й бригадой 7-й пехотной дивизии и 17-м армейским корпусом. Членом военного совета он был назначен в 1892 году. За усердную и полезную службу покойный имел бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского, орден Белого Орла и др. ("Новое Время", 1896, № 7150).

Библиография

Его:

"Возражение на статью генерала Фадеева об оренбургских войсках в Средней Азии" ("Московские Ведомости", 1865, № 47).

"Полевая памятная книжка для офицеров", 1871.

"Записки" ("Русская Старина", 1903, кн. 4—11; 1905, кн. 6, 7, 10).

"Записки адъютанта". ("Русская Старина", 1903, кн. 12; 1904, кн. 1).

О нем:

“Московские Ведомости”, 1896, № 25.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 3, с. 1062.

“Воспоминания А. Жиркевича” (“Русская Старина”, 1908, кн. 4, с. 117—147; кн. 5, с. 383—396; кн. 6, с. 521—530; кн. 7, с. 13—20).

ЗАЛУГОВСКИЙ Михаил Самсонович (1838 — 3 октября 1896 года в Вильно) — дивизионный врач.

11 ноября исполнилось сорок дней со времени кончины в Вильне, после продолжительной и тяжкой болезни, дивизионного врача 18-й пехотной дивизии М. С. Залуговского. Покойный родился в Вологде в 1838 году. Высшее образование получил в Московском университете на медицинском факультете, причем был удостоен серебряной медали за сочинение на заданную факультетом тему. Службу свою покойный начал в Перновскcм полку батальонным лекарем и затем постепенно повышался по службе, большую часть которой провел в Москве, где пользовался в свое время немалой популярностью. Неоднократно имел он различного рода командировки по военно-медицинской части, а во время Русско-турецкой войны был в походе и сражениях с 65 пехотным Московским полком. Покойный не мало работал по своей специальности, причем из его книг особенный успех имела “Уход за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными детьми и первая помощь до прибытия врача”, которая выдержала четыре издания Кроме того, им был издан ряд популярных брошюр по медицине, Из изобретений покойного надо упомянуть с гигрометре, отличающимся замечательной чувствительностью, который покойный рекомендовал, между прочим, для диагностики тифа. Кроме того, М. С. Залуговский не мало работал над приспособлением вагонов для перевозки больных и раненых. Покойный был членом-учредителем Общества Военных Врачей в Москве. (“Московские Ведомости”, 1896, № 314).

ЗАМЫСЛОВСКИЙ Егор Егорович (6 июня 1841 — 9 мая 1896 года в Петербурге) — профессор, действительный статский советник.
Некролог

В Петербурге, 9 мая, скончался бывший профессор русской истории, действительный статский советник, Егор Егорович Замысловский.

Покойный родился в 1841 году и высшее образование получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета. По окончании курса кандидатом в 1961 году, он десять лет состоял учителем в Гимназиях и, между прочим, с 1867 года преподавателем русской истории в Императорском Александровском лицее и Петербургском историко-филологическом институте. По защите магистерской диссертации в 1871 году, Е. Е. Замысловский был назначен профессором русской истории в том же институте и доцентом Петербургского университета, где, вслед за получением степени доктора (1884), был ординарным профессором до 1 сентября 1890 года, когда по болезни вышел в отставку.

С именем Е. Е. Замысловского вышел ряд ценных научных трудов по отечественной истории, как, например: “Царствование Федора Алексеевича”, магистерская диссертация (СПб., 1871), “О значении XVIII века в русской истории” (“Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1871, кн. 12), “Сказание Массы и Геркмана о смутном времени в России” (СПб., 1874), “Описание Литвы Себастиана Мюнстера” (СПб., 1880), “Занятие Русскими Сибири” (СПб., 1882), “Герберштейн и его историко-географические известия о России”, докторская диссертация, с приложением атласа (СПб., 1884, 563 стр.), “Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича” (СПб., 1887), “Сношения России со Швецией и ранней” (“Русский Вестник”, 1889, кн. 1), “О сношениях с Западом при Иоанне Грозном” (“Русский Вестник”, 1889, кн. 4) и “Чертежи сибирских земель XVI—XVII веков” (“Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1891, кн. 6). Особенно покойный ученый известен составлением

“Учебного атласа по русской истории”, который вышел тремя изданиями (1865, 1869 и 1885 гг.). Наконец, под его же редакцией изданы: “Летопись занятий Археографической комиссии” (СПб., 1871—1877 гг., три выпуска) и “История российских орденов”. (“Московские Ведомости”, 1896, № 130).

Библиография

О нем:

“Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1896, кн. 8, отд. IV, с. 53—74.

“Русский Вестник”, 1896, кн. 6, с. 291—292.

“Новое Время”, 1896, № 7255.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 6, с. 1000—1005; кн. 7, с. 185—189.

“Русская Старина”, 1896, кн. 9, с. 617—620.

ЗВОРЫКИН Федор Дмитриевич (умер 12 октября 1896 года) — археолог.

Библиография

О нем:

Биографии Московских археологов.

ЗОГРАФ Василий Юрьевич (умер 2 декабря 1896 года в Москве) — коллежский советник.

Некролог

2 декабря скончался в Москве коллежский советник Василий Юрьевич Зограф. Покойный получил высшее образование на Физико-математическом факультете Московского университета, по выпуске из которого в 1871 году, со званием действительного студента, поступил учителем математики в Московский Николаевский институт и состоял там до дня смерти, занимая в то же время должность преподавателя и в Московском Николаевском женском училище. (“Московские Ведомости”, 1896, № 334).

ЗОСИМОВИЧ Софроний Лукич (умер в конце июня 1896 года) — протоиерей.

Некролог

На днях скончался на 59 году жизни видный деятель Западного края, протоиерей С. Л. Зосимович, законоучитель учительской семинарии реального училища. Будучи в 60 годах, в самый разгар польского мятежа, священником Ковенского собора, он принял деятельное участие в поддержке русского общества против мятежников. Он произносил всегда живые проповеди и помещал в местной печати и в больших журналах статьи по наиболее животрепещущим вопросам из западно-русской жизни, поддерживал сношения и переписку со всеми выдающимися деятелями Западного края. Статья о. Софрония “О гонениях на православных в Ковенской губернии от польских мятежников в 1863 г.” представляет яркую картину русской жизни в Западном крае в начале 80-х годов. Благодаря его заботам, была открыта учительская семинария в Поневеже, и в течение четверти века о. Зосимович отдавал ей все свои силы. (“Русское Слово, 1898, № 180).

Библиография

О

О нем:

“Церковные Ведомости”, 1896, № 29, с. 1051—1052.

“Новое Время”, 1896, № 7303.

“Исторический Вестник”, 1836, кн. 8, с. 565.

“Новое время”, 1896, № 7303.

ЗОТОВ Владимир Рафаилович (22 июня 1821 — 6 февраля 1896 года в Петербурге) — писатель.

Некролог

В Петербурге умер Владимир Рафаилович Зотов, старейший и плодовитейший из наших литературных деятелей. Он принадлежал к числу тех писателей, которые испробовали свое перо в разнообразных формах прозы и стихов, участвовали во многих периодических изданиях, являлись инициаторами в разных литературных предприятиях. Покойный был родным сыном известного старого романиста Рафаила Михайловича Зотова. Он родился 22 июня 1821 года в Петербурге и, после недолгого пребывания в 1-й Петербургской гимназии, поступил для дальнейшего образования в Царско-сельский Лицей. В этом заведении были сильны литературные предания, уцелевшие еще со времени Пушкина и барона Дельвига: в каждом воспитаннике, в котором замечалась хоть искорка таланта, уже видели наследника великого поэта. Так и Владимир Рафаилович, написавший еще в стенах Лицея свои первые стихи и даже напечатавший их в “Маяке”, не в шутку был провозглашен вторым Пушкиным.

Этот первый литературный успех навсегда определил будущую деятельность покойного. По окончании лицейского курса в 1841 году с чином X класса, он хотя и служил то в канцелярии Военного Министерства, то по ведомству финансов — в департаменте податей и сборов, тем не менее более интересовался литературными занятиями, так что, наконец, выйдя в отставку с 1861 года, окончательно посвятил себя непрерывным трудам на литературном поприще. В течение пятидесятипятилетней (1841—1896 гг.) деятельности им было написано громадное количество оригинальных и переводных произведений. Трудно даже и перечислить, что вышло из-под его пера; особенно невозможно назвать все его мелкие стихотворения, рассеянные по многим периодическим изданиям. Поэтому остается отметить лишь наиболее крупные сочинения плодовитого автора. К ним относятся, прежде всего, поэмы: “Две колоны” (СПб., 1841) и “Последний Хеак” (СПб., 1842). Далее следует вереница романов и повестей, как, например, “Черный Таракан”, роман (“Репертуар”, 1843, кн. 2), “Волтижерка”, повесть (“Отечественные Записки”, 1849, кн. II), “Старый Дом”, роман в восьми частях (“Отечественные Записки”, 1850, кн. 10—12; 1851, кн. 1—8), “Человек с характером”, роман (“Библиотека для Чтения”, 1852, кн. 7—8), “Между Петербургом и Москвой”, рассказ (“Пантеон”, 1853, кн. 4), “Первый маскарад.” (1854, кн. 1), “История одного паука и двух приятелей” (1854, кн. 7), “Любовь в городской карете” (1858, кн. 2) и др. Одновременно с этими произведениями почти непрерывной цепью выходили драматические произведения в стихах и прозе. Из них можно назвать драмы: “Святослав”, “Новгородцы” и “Дочь короля Рене”, комедии: “Мещанин-Дворянин”, “Дружба и Любовь”, “Наука и Женщина”, “Тетушка и Добродетель”. Таких пьес Зотовым было написано или переведено около сорока (не считая водевилей), и двадцать семь из них были поставлены на сцене. Кроме того, покойный переводил либретто итальянских опер, написал вместе с Соллогубом либретто для оперы А. Г. Рубинштейна “Куликовская битва” и по поводу столетнего юбилея русского театра издал драматический пролог, под. названием “30 августа 1856 года” (СПб., 1856), удостоенный особой премии.

Но, главным образом, В. Р. Зотову пришлось много потрудиться в роли журналиста. В продолжение долгого периода он редактировал или издавал следующие журналы: “Репертуар” (1842—1843), “Литературную Газету” (1846—1843), “Сын Отечества” (1850), “Иллюстрацию” (1858—1863), “Воскресный Досуг” (1863—1873), “Иллюстрированную Газету” (1864—1873) и

“Иллюстрированную Неделю” (1874—1876), где печатал многочисленные статьи и заметки. Сверх того, покойный принимал участие в редакции “Энциклопедического словаря” (1861—1864), “Настольного словаря Толля”, “Словаря” Березина, сборника “Северное Сияние”, где поместил ряд статей с Лермонтове (“Северное Сияние”, 1863, № 3 и 6; 1864, № 5 и 6) и, наконец, издал обширный труд — “Историю всемирной литературы в очерках, биографиях, характеристиках и образцах” (СПб., 1876—1882, четыре тома).

В последние же десять лет В. Р. Зотов постоянно сотрудничал в “Наблюдателе”, где периодически помещал “Очерки иностранной литературы”, и в “Историческом Вестнике”, где, среди других статей, напечатал выдержки из автобиографических заметок под названием: “Петербург в сороковых годах” (1890, кн. 1—6). “Московские Ведомости”, 1896, № 40.

Библиография

Его:

“Княжна Мери”, критический разбор (“Северное Сияние”, 1863, т. II, столбец 21—34).

“Демон”, поэма М. Ю. Лермонтова, критический разбор (там же, столбец 91—102).

“Лермонтов в его народных произведениях” (там же, столбец 171—178).

“Первая поэма Лермонтова”, критический разбор (там же, столбец 225—234).

“Юношеские произведения Лермонтова”, критический разбор (там же, столбец 291—300).

“Лермонтов в его лучших произведениях” (там же, столбец 343—354).

“Кавказские стихотворения Лермонтова” (там же, столбец 413—418).

“Петербургское супружество”, современная история в трех картинках” (там же, столбец 487—506; 549—568; 631—654).

“Мцыри” (там же, столбец 721—724).

“Юмористические поэмы Лермонтова” (там же, столбец 773—778).

“Тамара”, стихотворение Лермонтова (там же, 1864, т. III, столбец 53—56).

“Лермонтов, как прозаик” (“Северное Сияние”, 1864, т. III, столбец 305—312).

“Лермонтов, как драматург” (там же, столбец 371—380).

“Как оканчивают некоторые писатели”, о Писемском (там же, столбец 621—640).

“Иван Сергеевич Тургенев” (там же, столбец 665—674 и 745—752).

“Александр Николаевич Серов и первая, задуманная им опера, по моим воспоминаниям” (“Наблюдатель”, 1896, кн. 1).

“Письмо к А. В. Никитенко от 17 апреля 1861 года” (“Русская Старина”, 1899, кн. II, с. 374).

“Полувековой юбилей Лицея”, стихотворение (“Русская Старина”, 1902, кн. 10, с. 113—114).

О нем:

“Русский Вестник”, 1896, кн. 3, с. 336—337.

“Новое Время”, 1896, № 7163, 7166, 7235.

“Наблюдатель”, 1896, кн. 3, с. 49—54.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 3, с. 986—993, 1052—1055; кн. 6, с. 1056.

“Новости”, 1896, № 38.

Морозов Н. А. Воспоминания. (“Голос Минувшего”, 1915, кн. 4, с. 139—143).

ИАКОВ (Поспелов, умер 16 января 1896 года в Кирилло-Белозерском монастыре) — архимандрит.

Библиография

О нем:

“Церковные Ведомости”, 1896, № 6. с. 212—214.

“Исторический Вестник”. 1897, кн. 8, с. 465—466.

ИМШЕНЕЦКИЙ Александр Иосифович (1787 — 22 мая 1896 года в Петербурге) — генерал-лейтенант.

Некролог

Генерал-лейтенант Александр Иосифович Имшенецкий скончался на днях, дожив до 109 лет. Родился он в 1787 году и начал службу в начале царствования императора Александра I. Во время Отечественной войны он определился юнкером в Гусарский полк и в 1814 году был произведен в корнеты. В конце царствования императора Александра Павловича покойный был уже хорошо известен в военном мире, как старший адъютант графа Аракчеева, бывшего тогда военным министром. В царствование императора Николая I А. И. Имшенецкий принимал деятельное участие в первой турецкой войне и за храбрость при штурме Эривани получил георгиевский крест 4-й степени. В 70-х годах он служил в Государственном коннозаводстве. Покойный любил вспомнить старину, при чем, несмотря на свой преклонный возраст, особенно хорошо помнил подробности царствования императоров Александра I, Николая I и Александра II. Некоторые из его интересных воспоминаний были напечатаны в “Русской Старине”. (“Новое Время”, 1896, № 7269).

Библиография

О нем:

“Русское Слово”, 1896, № 141.

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 7, с. 268.

Семейный альбом промышленников Прохоровых

Семейный альбом промышленников Прохоровых / Публ. Н. М. Линд-Прохоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 591—592. — [Т. XII].

Без малого двести лет стоит на Пресне “Трехгорка” или, как ее называли до 1918 г.

Без малого двести лет стоит на Пресне "Трехгорка" или, как ее называли до 1918 г. "Прохоровка", и не только стоит, но все это время работает и выпускает свои ткани — выражение "прохоровский ситец" вмещало гораздо больше смысла, нежели просто обозначение вида товара, означало высокое качество и добротность, а также художественность и своеобразие рисунка всех видов изделий — будь то просто ситец, либо бархат или кашемировые шали. Как пишут современные исследователи "за сто лет деятельности Прохоровых выражение "прохоровский ситец" стало означать не только фабричную марку, но как бы знак качества и их товара, и их образа жизни."*

Создавалась, расширялась и совершенствовалась Прохоровская Трехгорная Мануфактура на протяжении жизни пяти поколений ее владельцев, начиная с 1799 г.** И еще в 1970-х гг. служило на фабриках Трехгорки "прохоровское" оборудование, люди жили в старых, не перестроенных с тех пор, многоэтажных "прохоровских" общежитиях.

Основатель дела Василий Иванович Прохоров (1755—1815) сын монастырского крестьянина Троице-Сергиевой Лавры к 1785 г. был уже достаточно преуспевающим московским купцом третьей гильдии, имевшим в Хамовниках пивоваренное производство. Однако со временем он все больше тяготился этим занятием, так как оно противоречило его нравственно-религиозным убеждениям. Рискуя благополучием своих десятерых детей и всем накопленным капиталом, он купил в 1799 г. участок на берегу Москвы-реки, где совместно со своим родственником Ф. И. Резановым устроил ситценабивную фабрику. Дело это было рискованным вдвойне, поскольку ситценабивное производство в России было тогда еще новым и неизученным — по всей стране насчитывалось не более 20 ситценабивных фабрик и принадлежали они выходцам из Персии и ближнеазиатских стран. Несмотря на все трудности, обусловленные в том числе и обстоятельствами военного времени, дела фабрики шли успешно, в чем немалую роль играли как усердный, самоотверженный труд самого Василия Ивановича, так и его юных сыновей. Умирая он оставил потомкам завет: "Живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении, всех, а кольми паче, брат брата любите..." И потомки старались жить согласно этому завету. Ярчайшим представителем семьи был Тимофей Васильевич (1797—1854), который став в 18 лет хозяином, организовал при фабрике первую в России ремесленную школу, а затем и техническое

училище, детский приют, амбулаторию и богадельню, а также рабочий театр (один из первых рабочих театров в России), где сам был активным участником — актером, режиссером и устроителем декораций. В конце жизни все свои силы и средства он отдавал специально выстроенной на Швивой горке школе-фабрике. Свою деятельность он осмысливал не только с практической точки зрения, но и философски — после него остались трактаты "О богатении", "О бедности", "О необходимости улучшения быта и условий труда рабочих", где он рассуждает о смысле жизни, о месте в ней благотворительности с позиций рачительного хозяина и православного христианина.

Наибольшими успехами ознаменовалось вступление Мануфуктуры в XX столетие: на Всемирной Парижской Выставке 1900 г. Товарищество получило высшую награду — "Гран-при" "за успехи в техническом деле", а "за заботы о быте рабочих и по санитарному делу" — золотую медаль. Владелец Мануфактуры и Председатель Правления Товарищества Николай Иванович Прохоров (1860—1915) был награжден Орденом Почетного Легиона Франции.

Н. И. Прохоров в дополнение к существовавшим ранее ремесленной школе и училищу открыл вечерние курсы, а также вечерние классы (по специальности и музыкальные), приют, ясли и детский сад, расширил больницу, амбулаторию и богадельни. В селах Никольское и Покровское-Стрешнево были открыты летние санатории для рабочих. Обучение, лечение, включая медикаменты, отдых и услуги других учреждений социальной сферы были для рабочих Мануфактуры всегда бесплатными, равно, как и проживание "на спальнях", т. е. в общежитиях. Те же рабочие, которые были вынуждены снимать жилье в городе, получали дополнительно ежемесячно 3 руб. "квартирных денег".

В протоколе Дворянского собрания за 1912 г. записано: "... во внимание к выдающейся

благотворительной и общественной деятельности Почетный гражданин, Мануфактур-советник Николай Прохоров возводится со всем своим семейством в потомственное дворянское достоинство.

Все Прохоровы были не только владельцами, но и тонкими знатоками своего дела, которому они посвящали всю жизнь, и любовь к которому можно сравнить лишь с их любовью к Родине. Те из них, кто возглавлял производство, не мыслили себя вне своего дела или за пределами своей страны: не оставил фабрику и Москву Василий Иванович во время нашествия французов в 1812 г., не покинул ее Николай Иванович Прохоров в 1905 г., охраняя производство и своих рабочих от произвола пришлых революционеров, организовавших на фабрике первую ЧК и угрожавших не желавшим покидать рабочие места смертной казнью.

В 1914 г. Н. И. Прохоров перевел все свои капиталы (более 8 млн. руб. золотом) из швейцарских банков в Россию — Отечество в опасности! Не покинул страну и производство и его сын Иван в 1918 г.. Несмотря на аресты и угрозу расстрела оставался он на фабрике консультантом, так как без его участия фабрика не могла функционировать.

Потомки Н. И. Прохорова в советскую эпоху оставались в России, вопреки репрессиям и гонениям выжили и разделили со своим народом его судьбу.

Публикация Н. М. ЛИНД-ПРОХОРОВОЙ

[Фотографии Прохоровых] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — Между с. 592 —593; — [Т. XII].

Список иллюстраций

Между с. 592 и 593: К разделу «Галерея».

1.

Н. И. Прохоров с детьми и женой. 1901 г.

2.

Николай Иванович Прохоров, последний владелец Трехгорной мануфактуры

3.

Татьяна Григорьевна Прохорова, урожденная Полуэктова (1862—1928)

4.

Т. Г. Прохорова со старшим сыном Иваном. 1892 г.

5.

Прохоровы с дочерью Татьяной в Париже.
Стоят слева направо: Н. И. Прохоров, Алексей Тимашев-Беринг
(племянник Т. Г. Прохоровой) и сын Григорий. 1911 г.

6.

Н. И. и Т. Г. Прохоровы с детьми: Иван, Тамара, Григорий, Александр, Людмила, Тимофей, Владимир, Татьяна. 1907 г.

Владимир, Татьяна. 1907 г.

7.

Т. Г. Прохорова в больнице Трехгорной мануфактуры после автомобильной аварии. 1911 г.

8.

И. Н. Прохоров с женой Надеждой Николаевной, урожденной Гучковой. 1915 г.

9.

Григорий Николаевич Прохоров. 1916 г.

10.

Людмила, Татьяна, Тимофей и Владимир Прохоровы. 1911 г.

11.

Обед в доме И. С. Остроухова
слева: И. М. Москвин, Ф. И. Шаляпин, справа: И. С. Остроухов,
Л. Н. Прохорова, Л. Н. и С. Н. Гучковы. 1915 г.

12.

Татьяна, Тимофей и Владимир в детском спектакле. 1911 г.

13.

Людмила, Татьяна, Тимофей и Владимир в детском спектакле. 1911 г.

14.

Иван Николаевич Прохоров (1890—1927). 1910 г.

15.

Людмила Николаевна Прохорова (1898—1966). 1913 г.

16.

Т. Г. Прохорова с внучкой Верой. 1920 г.

17.

Татьяна Николаевна Прохорова (1905—1978). 1926 г.

18.

Павильон Трехгорной мануфактуры на Нижегородской художественно-промышленной выставке. 1896 г.

19.

Отделение Трехгорной мануфактуры в Бухаре (конец XIX в.)

20.

Дом Прохоровых (Б. Трехгорный переулок д. 1). построен около 1806 г.

21.

Мануфактурно-техническое училище Трехгорной мануфактуры (конец XIX в.)

22.

Больница Трехгорной мануфактуры (конец XIX в.)

23.

Родильный дом Трехгорной мануфактуры (конец XIX в.)

24.

Здание одной из фабрик Трехгорной мануфактуры (конец XIX в.)

25.

Дача Н. И. Прохорова в селе Никольское (вблизи Покровского-Стрешнего)

26.

Лазарет в доме Прохоровых. 1914 г.

27.

Детский приют Трехгорной мануфактуры

28.

“Прохоровская” часовня в Новодевичьем монастыре.

Построена по проекту В. А. Покровского в 1911—1914 гг.

М. В. Линд. «Мои записки»

Линд-Прохорова Н. М. Очерк о М. В. Линде // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 595—597. — [Т. XII].

М. В. Линд (1884—1958) — литератор, публицист и переводчик. Его литературная деятельность началась около 1900 года, когда в разных журналах появились его эссе, очерки и фельетоны. Позже он стал известным переводчиком, в частности, Анатоля Франса, Оноре де Бальзака, Альфреда Мюссе и др. М. В. Линд — один из инициаторов и устроителей широко известной в 1920-х годах в Москве “Книжной лавки писателей”. Михаил Осоргин в своих воспоминаниях пишет: «Михаил Васильевич Линд — отличный знаток книги, переводчик, беллетрист, джентльмен в лучшем значении этого слова, заложил первые камни нашей “Лавки”, собрал библиографический отдел. После ухода Линда, Ходасевича и Минаева приняли Зайцева, Бердяева и Джевелегова... М. В. Линд ведал антикварией и крупными покупками...» С. В. Брюсовым и В. Ходасевичем М. В. Линда связывали дружеские отношения.

Родился и раннее детство М. В. Линд провёл в Торжке, учился в гимназии в Твери, после чего

закончил юридический факультет Московского Университета. Был он человеком многосторонне одарённым, что помогало ему пережить лихолетья советской эпохи. С большой энергией занимался он в 20-е годы (годы расцвета НЭП-а) организацией и содержанием “Павильона” — кафе на Гоголевском бульваре, который был известен в Москве, особенно иностранцам, как изысканное кафе-ресторан, где весь обслуживающий персонал, включая поваров, официанток, кассиров и уборщиков был представлен “бывшими” (это и Раевские, и Голицыны, Прохоровы, Полуэктовы и др., повар же служил в своё время при Дворе) “Павильон” давал возможность выжить и прокормиться многим уцелевшим от арестов и оставшимся в Москве “классово-враждебным” семьям: было известно, что здесь не берут “чаевых”, говорят на всех европейских языках и подают блюда отличного качества. В 1928 году “Павильон” был закрыт, организаторы и большинство сотрудников арестованы. М. В. Линд провёл тогда в лагере 4 года, после небольшого перерыва” за нарушение паспортного режима” (жил в Подмосковье, а работал в Москве) и за “антисоветскую пропаганду” был осуждён ещё раз и до 1939 года пребывал в Карагандинских лагерях. Затем жил на “101 километре” (ближайшее от Москвы место ссылки) в Малоярославце, потом — опять арест и тюрьма, после чего около 10-ти лет жил с семьёй и детьми на поселении в Чкаловской области, где отбывала очередную ссылку и его жена Прохорова Татьяна Николаевна — дочь последнего владельца известной Трёхгорной Мануфактуры. После этого он с женой получил право проживания в городах не выше районного значения и с 1952 года по день своей кончины жил в Валдае Новгородской области. Здесь он начал писать свои воспоминания, работа над которыми была прервана осложнившимся полученным в лагерях туберкулёзом.

Однако ни все тяготы пережитого, ни изнуряющая болезнь не сломили ни характера, ни воли Михаила Васильевича. Он продолжал работать до последних дней — это были и новые переводы для издательства “Иностранная литература” и мемуары. Внешне — это высокий, стройный человек, остававшийся по мере физических сил и сверхскромных материальных возможностей подтянутым и элегантным. В общении с людьми любого положения и уровня он был всегда предельно спокоен, ровен и вежлив, сохраняя чувство собственного достоинства и оставляя впечатление благородства и аристократичности в самом лучшем её проявлении — сочетании ума, мудрости, доброты и жизненной силы.

В ярких и светлых красках рисует он картину Торжка конца 80-х годов позапрошлого века, небольшого уездного городка, такого типичного и в то же время неповторимо своеобразного с многоголосьем больших и малых событий, со своими буднями и праздниками с их запахами и звуками.

М. В. Линд описывает годы раннего детства, проведённые в Торжке в кругу лиц, родственных и близких его семейству: это, как он называет, “бакунинское лоно” (крёстная М. В. Линда Бакунина Ольга Николаевна, с Алексеем Александровичем Бакуниным дружил его отец, они вместе добровольцами были в Сербии в 1870-х годах). Присутствуют здесь и другие представители тверского и новоторжского дворянства: Повало-Швейковские, Чаплины, Вульфы, Оленины, Туполевы и Лееры.

Отец Михаила Васильевича Василий Николаевич Линд (1843—1916) был известным публицистом и переводчиком, организовавшем в Москве издательство “Книжное дело”, где вышли в его переводе такие издания как “Система логики” Милля, “Демократия в Америке” Токвиля, “История религий” Шантени де-ля Сосей и пр. Он — один из первых земских деятелей, стоявших у источников этого движения. Известный до революции профессор А. А. Исаев назвал В. Н. Линда одним из замечательнейших земских деятелей не только Тверской губернии, но и всей России. В его послужном списке написано, что многие годы он был Председателем Новоторжской земской управы, Председателем Общества взаимного кредита, некоторое время он служил мировым судьёй в Твери. Был он также и землевладельцем — его имение Дубровка под Торжком располагалось на 300-х десятинах его собственной земли. Однако, увлечение либерально-демократическими идеями 60-х годов, ставшее причиной его исключения из Московского Университета, не покинуло его и в зрелые годы, хотя и приняло более умеренные формы. В. Н. Линд был членом известного кружка либералов “Беседа”, “Союза освобождения”

формы. В. Н. Линд был членом известного кружка либералов "Беседа", "Союза освобождения", в 1905 году стал членом кадетской партии, сотрудничал в таких изданиях как "Русские ведомости" и "Русская мысль". Его оппозиционность коренится, возможно, (здесь напрашивается параллель А. И. Герценом) в его незаконнорожденности, вызывавшей, по-видимому, чувство неудовлетворённости и некой ущербности.

Рождение Василия Николаевича было окутано тайной: появился он в доме Тверской дворянки, девицы Веры Николаевны Балкашиной как найдёныш, обнаруженный на пороге дома в её имении Зарубино, и был ею усыновлён. Записан он был мещанином. Однако Василий Николаевич и окружение его семьи достоверно знали, что он родной сын своей приёмной матери, знал он и то, кто его отец, раскрывать же эту тайну не хотел, лишь перед смертью посвятил в неё своего единственного сына, но Михаил Васильевич в своих воспоминаниях не нарушает воли отца и не называет имени деда. И всё-таки жена и дети Михаила Васильевича узнали, что это была особа Императорской фамилии, а имя и отчество, данные найдёнышу, были достаточно "говорящими" — Василий (царственный) Николаевич, фамилия же была дана в честь замечательной шведской певицы Дженни Линд, гастролировавшей в те годы в Петербурге и пленявшей своим исполнением всё высшее общество.

И хотя настроения отца оказали определённое влияние на молодого Михаила Васильевича, по стопам отца он не пошёл и наибольшую дань отдал чисто литературной деятельности. События позднейшего времени и личный опыт скитаний в том числе и по дорогам ГУЛАГА, вольно или невольно проложенным и его отцом с единомышленниками — либерал — демократами всех мастей, навсегда излечили его, как и многих его друзей, от "болезни левизны". Одним из таких был и Николай Александрович Кропоткин, племянник известного революционера — анархиста П. А. Кропоткина, Николай Александрович Кропоткин — ближайший и многолетний друг М. В. Линда и крёстный отец его единственной и поздно появившейся дочери Натальи Михайловны Линд-Прохоровой, которая подготовила и передала для публкации его материалы.

Линд М. В. Мои записки / Публ. Н. М. Линд-Прохоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 597—649. — [Т. XII].

ДЕТСТВО

1. Торжок

Он раскинулся по холмистым берегам бойкой и многоводной Тверцы верстах в 60 от ее впадения в Волгу. По правому берегу пролегает пресловутое шоссе из Петербурга в Москву, носящее в пределах города название Ямской улицы. Эта сторона города преимущественно жилая и "присутственная". Здесь на боковых немощеных улицах разбросаны немногочисленные дворянские и чиновничьи дома с тополями, грачиными гнездами и балконами с неизбежными колонками. Здесь же на Ямской улице обосновались несколько магазинов, угождающих вкусам и требованиям обитателей этих домов. Левая сторона города — купеческая, торговая.

На Ямской улице две площади. Первая — почти квадратная, мощенная крупным булыжником, тихая, чинная, молчаливая. По одну ее сторону возвышает свой добротный фасад с выступающим остекленным "фонарем" двухэтажный оштукатуренный дом, ныне Федухинская, а в прошлом Пожарская гостиница. Здесь когда-то родилась знаменитая пожарская котлета, отсюда совершила она свое победное шествие по всем "градам и весям" российской империи, заняв обязательную строку во всех меню самых скромных и самых пышных съестных заведений и увековечась в пушкинских стихах. С широкого крыльца этого дома, спускающего свои ступени к самому шоссе, лет за сорок-пятьдесят до описываемого времени сбегала, очевидно, кое-что понимавшая в красоте жеста, владелица гостиницы Дарья Пожарская и, скинув с плеча бархатную соболью шубку, бросала ее под ноги выходившей из возка императрице Александре Федоровне, предпочитавшей останавливаться у ловкоискательной и услужливой трактирщицы, чем в расположенном напротив заезжем дворце, теперь обращенном в пожарную часть, с деревянной каланчей поверх крыши, что отнюдь не гармонирует с типичным александровским

деревянной калачей поверх крыши, что отнюдь не гармонирует с типичным александровским фасадом здания. Две прочие стороны площади заняты почтой, казначейством, управлением воинского начальника и другими “присутствиями”.

Вторая площадь совсем не похожа на первую. Начать с того, что ее пересекает мощеная дорога на станцию, по которой то и дело тарахтят то извозчичья пролетка, то полок ломового с трескучим железом, а то промчится под звон бубенцов “борзая” тройка, доставляя своего барина или барыню на железнодорожный вокзал. Посреди площади высокая темно-красная водокачка, а вокруг нее в летнее время — лужи и грязь, а зимой — белая ледяная конусообразная гора. В неказистом двухэтажном доме — бойко торгующий кабачок. На вывесках по бокам входной двери — пара смазливых половых в белых рубахах и штанах с перекинутыми через плечо полотенцами держат в руках по подносу, один — с чайным прибором, другой — с графинами и закуской. Дверь на скрипучем блоке, часто отворяясь, выбрасывает на улицу теплую струю запахов разопревших человеческих тел, дешевых кушаний и пролитой водки, сдобренных глухим прерывистым гомоном пьяных голосов. Нередко все это уснащается громыханием колоколов церкви Ильи Пророка, которая огромным белым пирогом давит на площадь и на отлогий скошенный спуск к Тверце, носящий по церкви название Ильинской Горы, в то время как вся площадь называется в честь своего шумного патрона Ильинской. Через реку перекинут основательный металлический мост с высокими фермами, воздвигнутый лет пятнадцать назад вместо прежнего деревянного. К нему с этой стороны спускаются три мощеных дороги: две скошенные и отлогие — упомянутая Ильинская и Воздвиженская и третья, посередке между ними, совершенно прямая, почти отвесная Монастырская гора, наверно, выдуманная каким-нибудь шутником, потому что при одной мысли съехать с нее в экипаже и то делается страшно, и даже пешеход, рискнувший по ней спуститься, упирается всеми силами, чтобы стремглав не помчаться вниз. Весной или в сильный дождь Монастырская гора, названная так потому, что высоко над ней тянется белая стена женского Воскресенского монастыря, превращается в сплошной бурный поток, обмывающий до лоска, до яркого глянца ее не тронутую колесами булыжную мостовую.

Перейдя на другую сторону, вы сразу попадаете на базарную площадь с круглым деревянным бассейном, окованным железными обручами, в который две мощные артезианские струи день и ночь шумно льют из деревянной колоды свою прозрачную студеную воду. Вокруг бассейна и даже на его толстых бортах прогуливаются небольшими группами сизые, пестрые и белые голуби, сытые, воркующие, свято чтимые обитателями города, в котором голубиная охота не просто забава мальчишек-подростков и даже не страсть, а нечто среднее между серьезным делом и священнодействием. “Водить” голубей — занятие настолько почтенное, что ему отдаются самые солидные отцы семейств и даже седовласые старцы. Недаром двенадцать летящих голубей на фоне синего неба — герб города Торжка.

Вдоль левой стороны площади одним непрерывным порядком тянутся торговые помещения с разнообразным, преимущественно крестьянским товаром. Бондарные изделия, гончарная посуда, шорный, скобяной и щепной товар, бочки, ведра, корыта, ушаты всех размеров, санки, лопаты, дуги, хомуты, седелки, шлеи, сыромять во всех видах, веревки, стопы колес, глиняные горшки, опорники и горлани, обливные и необливные, шинное железо, гвозди, пилы и топоры, чугунное литье, пакля, войлок, ящики с оконным стеклом и, чередуясь, а то и вперемешку с этим вожделенным мужицким добром, отвернутые мешки с мукой и всевозможными крупами, бочки со снетками, груды мороженого судака, ящики с пряниками, белыми, розовыми и коричневыми, облитая сахаром коврижка — “московская мостовая”, орехи всех видов, стручки сладкого “индийского” боба, конфеты-леденцы в разноцветных бумажках, — все это со своими запахами, красками, хозяйственными и вкусовыми соблазнами выдвинулось далеко на площадь,оставя лишь узкие проходы к дверям магазинов. А в этих коридорчиках, потирая друг о дружку красные кисти рук или засунув их в рукава, переминаются с ноги на ногу упитанные багрово-синие владельцы этих товаров в белых фартуках поверх овчинных полушубков, в валенках и тяжелых кожаных калошах, — разнолицые и разнофамильные, но по существу мало отличающиеся друг от друга, — представители среднего торгующего Торжка.

Справа — белый каменный дом — банк, точнее общество взаимного кредита, за ним самый большой в городе винно-гастрономический магазин Мокшевых, потом какие-то, тоже каменные два-три купеческих дома, а в глубине площади, замыкая ее в центре, древние торговые ряды, опоясанные галереей со скрипучим полом и характерными дугообразными интервалами пролетов. Здесь, в тихих, просторных, полутемных магазинах царит богатый Торжок. Тут на глубоких полках покоятся тяжелые кипы сукон, шерстяных и шелковых тканей отечественного и иностранного производства, тут пахучая мануфактура, посудно-хозяйственные товары, обувь, иконы и церковная утварь, — словом все, что требуется городу. Здесь сам Александр Васильевич Новоселов, вскинув на остренький носик золотое пенсне, собственноручно отрежет вам новенькими блестящими ножницами, вынутыми из жилетного кармана, кусок прекрасного английского шевиота и попутно расскажет вам, что сын его Коля уже не третьем курсе технологического института и обязательно приедет домой на рождественские каникулы.

Площадь расположена на склоне широкого холма, что создает эффектную перспективу для невысокого самого по себе, но высоко раскинувшегося здания торговых рядов, доминирующего таким образом над всею площадью. По бокам здания, уже на самом гребне холма, отодвинувшись несколько вглубь и замыкая горизонт, возвышаются два массивных, ярких до крикливости строения, — слева ало-красный с белыми ставнями и наличниками двухэтажный дом купца Уварова, того самого, у которого в вагоне третьего класса украли “сверточек” с восемьюстами тысячами рублей, а справа многоглавая церковь с небесно-синими куполами и маковками, усыпанными золотыми звездами.

Говорят, что в Торжке 27 церквей, не то включая, не то исключая два монастыря — мужской и женский, два рядом стоящих собора — новый и старый — и редкий памятник деревянного зодчества XVI века, церковь Рождества Богородицы, стоящую особняком на берегу Тверцы, на самой окраине города. Это обилие церквей придает городу исключительную живописность, особенно издали, когда в солнечный день или при закате солнца он сверкает всеми своими золотыми, серебряными и разноцветными маковками. А в праздничные дни, не говоря уже о Пасхе, над городом стоит такой колокольный концерт, что прохожим на улицах приходится кричать, чтобы услышать друг друга. Звонарное искусство в Торжке, как и голубиная охота, доведена до совершенства, до виртуозности. У каждой церкви, кроме постоянных звонарей, имеются свои мастера-любители, вступающие в состязание с другими церквями, щеголяя всевозможными тонкостями и фокусами звонарного искусства.

— У Воздвиженья зазвонили, — говорит распарившийся за утренним чаем обыватель, вслушиваясь в новые звонкие трели, влившиеся в общую колокольную симфонию.

Не взирая на то, что город носит название “Торжок”, его уезд, равно как и все относящиеся к городу прилагательные, называются новоторжскими, а обитатели города и уезда носят название новоторов. Новотор — это человек в суконном картузе с большим козырьком, в долгополом, застегнутом на все пуговицы сюртуке, в цветной косоворотке и высоких сапогах, говорящий, в отличие от соседей, на таком акцентированном “о”, что оно иногда смахивает на “у”. Это характерное отличие запечатлено в не совсем лестной для Торжка и его “акающего” соседа Осташкова поговорке: “Новоторы воры, и асташи хараши”. Основная масса населения — мещане, проживающие в своих маленьких двухэтажных трех-четырех оконных, преимущественно деревянных домах. Чем живет эта масса, весьма трудно определить. Имеются среди них, конечно, ремесленники — кузнецы, сапожники, столяры, портные, довольно много легковых и ломовых извозчиков, кое-кто занимается мелкими спекулятивными операциями с лесом, кожей, льном, мукой и прочим сырьем, но чем живет и не плохо живет в своих домиках добрая половина их обитателей — трудно поддающаяся разрешению загадка. Женщины почти поголовно плетут кружева или вышивают золотом и шелками по бархату и сафьяну. Летом на тихих улицах слышится в раскрытые окна нежная трель деревянных коклюшек, напоминающая музыку какого-то очень деликатного ксилофона.

Следующая группа — купечество, начиная с мелких торговцев и лавочников и кончая купцами

Следующая группа — купечество, начиная с мелких торговцев и лавочников и кончая купцами-магнатами. Дальше идет духовенство, так как два монастыря, два собора и великое множество церквей требуют не малого штата для своего обслуживания. Затем две небольшие группы — чиновники, земские и городские служащие и местная интеллигенция — врачи и учителя. Дворянство, живущее в Торжке, очень малочисленно и в большинстве своем держится в стороне от интересов города и мало соприкасается с прочим населением. Это всего несколько семейств, большей частью связанных между собой узами родства или свойства и только зимой появляющихся в городе. И, наконец, в качестве блесток, разбросанных на более тусклом фоне, — гвардейцы военные. Торжок всегда был кавалерийским городом: уланы и гусары, включая прославленный Толстым Павлоградский гусарский полк, постоянно чередовались друг с другом. Сейчас в городе расквартированы гвардейские кавалерийские кадры, дающие конское пополнение 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. Рослые, стройные солдаты и подтянутые офицеры в формах своих полков приятно расцвечивают городские улицы, радуя сердце владельцев винно-гастрономических магазинов и Федухинской гостиницы.

Как водится, в Торжке имеются свои “штатные” нищие и дурачки. На этой стороне таких нищих двое: “Вася (он же, но реже, Коля), подай копеечку” — существо (мужчиной его не назовешь) неопределенного возраста с седым безволосым лицом, слезящимися глазами и слюнявым беззубым ртом. На нем и зиму, и лето какое-то кургузое пальтишко, а под пальтишком — ничего. Ниже — едва застегнутые подштанники и ноги в старых калошах, а иногда и босые, даже зимой. Он все время ежится и приплясывает на подогнутых коленках, плаксиво выщеживая свое “Подай Васе копеечку”.

Другой экземпляр — черноволосая женщина лет тридцати, скорее красивая, но со свернутой на сторону шеей. На ней полушубок и платок. Она опирается на длинную палку и что-то неясно гнусавит. Особый колорит придает ей то обстоятельство, что она как-то связана с убийством в Красном доме с осевшим в землю крылечком на углу Знаменской улицы, — не то она первая обнаружила это убийство, не то состоит в подозрении чуть ли не участия в нем. Дурачок на этой стороне только одни. Очень высокий благообразный брюнет лет 30—35, с усиками, без бороды, хорошо и тепло одетый, но без шапки на голове. Не глядя на встречных, устремив глаза куда-то в пространство, он вытаптывает на тротуаре ход поезда, шипя как паровоз, выпускающий пар. Его можно часто видеть на Ямской улице, но никто не обращает на него внимания. Мы зовем его “le foux”*, и не то от кого-то слышали, не то сами решили, что он сам или кто-то из его близких пострадал от железнодорожной катастрофы.

Против гостиницы — извозчичьи столики — два брата Пахолкиных, Иван и Николай и другой Николай по прозвищу “Болтун”. Здесь же, если не уехал за город, становится Соколов с пунцовым лицом и влажными пьяными глазами. Братья Пахолкины совсем не похожи друг на друга. Иван — русый, с большой рыжеватой русой бородой, Николай — брюнет, с острой, чуть седеющей бородкой. Николай “Болтун” добросовестно оправдывает свое прозвище: едва усадив седока, он оборачивается к нему в профиль, а то прямо лицом, забирает вожжи в левую руку и сразу затевает увлекательный разговор, лишь изредка прерываемый окриком, обращенным к лошади: “Не рвись! Не рвись”, сопровождая его непрерывным подергиванием вожжами, хотя лошадь его, гнедое и какое-то бесполое существо, отнюдь не пробует “рваться”. Изогнувшись уморительной запятой, она, в подражание хозяину, повернулась головой назад и медленно движется каким-то своеобразным аллюром, не то торопливым шагом, не то подпрыгивающей рысью, не то очень старательным, но мало эффективным “наскоком”.

Каждый день по Ямской улице и дальше по нашей Солдатской тянутся в направлении к Цвылевской мельнице или от нее обозы с мешками в 15—20 подвод с величаво выступающими красавцами битюгами. Гнедые и серые в яблоках, очень редко вороные и рыжие, но часто пегие, с крутыми шеями и волнистыми гривами по колено, они мерно и споро шагают под ярко расписанными двухпудовыми дугами, покачивая могучими крупами в глубоких ложбинах. А подстать им — убеленные мукой великаны-крючники, играючи подкидывающие свалившийся пятипудовый мешок. Таких битюгов и таких крючников я больше никогда не видал.

Торжок с его деревянными скученными строениями изобилует пожарами.

— У Суворихи в заду горит... — выкликает запыхавшийся парень, пробегая мимо кучки женщин в бархатных повойниках и салопах внакидку, довольно спокойно глядящих на привычный столб черного дыма, поднимающийся где-то не очень близко над городом.

2. Деды

В церковной книге Новоторжского Воскресенского женского монастыря за 1884 год имеется запись: “29 сентября у Новоторжского землевладельца Василия Николаева Линд и законной жены его Наталии Евграфовой родился сын Михаил. Восприемниками были лейтенант флота Евграф Иванов Стогов и жена гвардии поручика Ольга Николаева Повало-Швейковская. Таинство крещения совершил” и т. д.

Несколько сведений о родителях, сначала по линии матери, как более простой и отчетливой, чем линия отца.

Девичья фамилия матери — Кардо-Сысоева. Под этой фамилией она в 70—90-х годах пользовалась некоторой известностью как детская писательница. Ее мать, а моя бабушка Татьяна Михайловна, рожденная Чаплина, как гласило семейное предание, вышла замуж за дедушку Евграфа Александровича Кардо-Сысоева par depit*. Она была дочь состоятельного помещика, уездного предводителя дворянства, была красавицей с большими карими, немного близорукими глазами, у нее, будто бы, был роман (конечно, платонический) с обязательным уланом, грузинским князем Джоваховым, не поладив с которым, она дала согласие дедушке Евграфу Александровичу, уже ранее добивавшемуся ее руки. Дедушка был отставной моряк, рано ушедший из флота и служивший воспитателем в Новгородском Аракчеевском корпусе, где учились два бабушкиных брата, и куда бабушка не раз ездила их навещать. Дедушка был небольшого роста (меньше бабушки), наружность имел довольно обыкновенную и в качестве состояния владел лишь небольшим имением в Ржевском уезде на высоком берегу Волги при впадении в нее реки Малой Коши, больше отличавшимся живописностью, нежели приносимыми доходами. Все, однако, обошлось без трагедии, князя Джовахова утешил его однополчанин, другой, уже русский князь, будущий московский генерал-губернатор Владимир Андреевич Долгоруков.

— Б’ось, князь, все т’ын-т’ава! — убедительно прокартавил он, и князь успокоился.

Линия отца много мудренее. Его мать, Вера Николаевна Балкашина, была дочерью отставного инженер-поручика Николая Петровича Балкашина, проживавшего в своем небольшом поместье Зарубино в Осташковском уезде Тверской губернии. Родилась Вера Николаевна в 1803 году и была двенадцатой в семье. В 1813 году бабушку отвезли в Екатерининский институт в Москву, еще не оправившуюся после разгрома 1812 года. Окончив в 1819 году институт с золотой медалью, бабушка прожила непродолжительное время у родителей в Зарубине, а затем переехала к старшему женатому брату Якову Николаевичу в его смоленское имение Юшково. Яков Николаевич был, по-видимому, человек незаурядный. Судя по оставшемуся у нас после бабушки миниатюрному портрету, он был чрезвычайно красив. Что же касается его внутренних достоинств, то одна из сестер Балкашиных, бывшая смолянка Анастасия Николаевна, в монашестве Ермингельда, уже будучи игуменьей Новоторжского монастыря, не раз говорила: “Было только два по-настоящему хороших человека, император Александр Павлович и брат Яков Николаевич”. Вероятно, эта лестная оценка в отношении Якова Николаевича нуждалась в поправке, тем более что объективные данные характеризуют его не вполне благоприятно. Начало своему довольно крупному состоянию он положил карточной игрой, между прочим, как-то выиграв у незадачливого английского капитана целый корабль с пшеницей. Затем он женился на богатой девушке, разум которой был не в полном порядке, хоть это, может быть, сказалось уже после рождения двух детей. С другой стороны, Яков Николаевич был, очевидно, любим

своими крестьянами. Во время свирепого бунта в военных поселениях, при котором было убито и зверски замучено много офицеров и местных

помещиков, Яков Николаевич оказался в одном из своих имений Новгородской губернии и, вероятно, подвергся бы такой же участи, если бы его крестьяне не спасли его, вывезя глухими лесами на крестьянской подводе, укрыв под какой-то кладью. Бабушка прожила у брата несколько лет, занимаясь воспитанием его детей, т. к. жена его окончательно лишилась рассудка и вскоре умерла. Ненадолго пережил ее и Яков Николаевич, умерший от разрыва сердца, не достигнув сорокалетнего возраста и оставив на попечение любимой сестры двух детей, мальчика и девочку. С этого времени жизнь Веры Николаевны лет на 10—15 закрывается от нас плотной завесой, сквозь которую проскальзывают лишь отдельные отрывочные моменты.

Известно, что бабушка переехала с племянниками в Петербург, где мальчик был отдан в кадетский корпус, а девочка — в институт. Известно, что у бабушки был в Петербурге большой друг и заступник, генерал-контролер по военному ведомству, тайный советник Андрей Андреевич Корнеев, по-видимому, человек культурный, большой любитель музыки и музыкант, участник "генеральского" квартета, о котором мне как-то пришлось читать в чьих-то мемуарах в "Историческом Вестнике". Известно, что у бабушки были большие неприятности из-за племянника, который, не окончив корпуса, хотел жениться против воли бабушки на какой-то княжне Шаховской и, рассердившись на бабушку, пожаловался на нее петербургскому генерал-губернатору, должность которого в это время выполнял генерал Полозов. В чем заключалась эта жалоба неизвестно, но в результате ее генерал Полозов вызвал к себе бабушку и в разговоре с ней обозвал ее безнравственной женщиной. Бабушка, со своей стороны, обратилась к заступничеству своего друга и покровителя А. А. Корнеева. Генералу Полозову были сказаны какие-то настолько веские слова, что он поспешил лично явиться к бабушке и принести ей свое извинение. Имеются какие-то полулегендарные и весьма туманные сведения о петербургской жизни бабушки от жившей при ней прислуги, в частности от старичка-повара и позднее оставшегося при ней. Подвыпив, как и подобает великому повару, он иногда предавался воспоминаниям о петербургском периоде своей жизни с бабушкой и о том, какие важные гости езжали к ней и одобряли изготовлявшиеся им кушанья.

— Все генералы, генералы, — сипел он своим специфическим поварским старческим голосом.

В 1840 году все это резко обрывается, и бабушка оказывается в глухом посаде Селижарово в верховье Волги, очевидно привлеченная сюда славой настоятеля местного мужского монастыря епископа Агапита. Она снимает небольшую комнатку, отдает много времени обучению местных детей и в беседах с епископом Агапитом ищет успокоения какой-то большой душевной тревоге. В это время она уже соблюдает наложенный на себя, по-видимому, в порядке какой-то епитимьи, строгий монашеский пост, от которого не отказывается до конца жизни. Епископа Агапита вскоре перевели настоятелем в Нилову Пустынь на озере Селигере вблизи города Осташкова, и его место занимает его ближайший друг и ученик архимандрит Виталий, получающий от него по наследству и его духовную дочь. В это же время бабушка при содействии своей сестры игуменьи Ермингельды приобретает небольшое именье в 20 верстах от Торжка, где сестра ее состояла настоятельницей местного женского монастыря. В конце 1841 год бабушка переезжает в Тверь, а в январе 1842 года дворовые сельца Горянки, недавно

приобретенного госпожой Балкашиной, выбежав на громкий лай собак, обнаруживают на крыльце господского дома подкинутого младенца мужского пола, которым и был мой отец Василий Николаевич Линд.

В своих воспоминаниях, частично напечатанных в журнале "Русская Мысль" и в полном объеме переданных мной в 1940 году в литературный музей, отец пишет, что в виду проявленного его родителями нежелания ему открыться, он также воздерживается от каких-либо догадок на этот счет. Следуя его примеру, и я уклонюсь от догадок и предположений по этому поводу, тем более что большинство их основано не на отчетливых фактах, а на слухах и умозаключениях

преимущественно психологического порядка. Однако совершенно точно известно, что отец был родным сыном Веры Николаевны Балкашиной и что из Твери в Горянки он был доставлен доверенной прислугой бабушки, жившей с ней раньше в Петербурге. Что же касается фамилии Линд, то ею наша семья, очевидно, обязана мировой знаменитости того времени, шведской певице Дженни Линд, гастролировавшей в 30-х годах в Петербурге, т. е. именно тогда, когда там жила бабушка, и настолько популярной, что в честь ее были вычеканены медали с ее портретом, в скупом на строки Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона ее жизнеописанию отведен почти целый столбец.

3. Мы

В момент моего появления на свет семья наша занимала небольшой одноэтажный дом на Ильинском бульварчике, рядом с аптекой Бока. Вскоре после моего рождения мы переехали в другую, более поместительную квартиру в верхнем этаже дома Трезвоновой на Солдатской улице. В это время нас уже было четверо детей, три сестры — почти погодки и я младший, а примерно через год появилась еще одна сестра. Двух старших сестер звали Ольгой и Татьяной, не в честь пушкинских героинь, а в честь самой близкой в то время приятельницы нашей семьи, моей крестной матери Ольги Николаевны Повало-Швейковской и бабушки Татьяны Михайловны Чаплиной. Третью сестру звали Верой, очевидно, в честь другой бабушки Веры Николаевны, а четвертую, вновь появившуюся — Марией, уж не знаю хорошенько в честь кого именно, — чуть ли не в честь недолгой приятельницы матери Марии Ивановны Леер. Тимофей Николаевич Швейковский окрестил ее “Марьино воспитание”, отличая ее обособленность от других детей, будто бы порожденную воспитанием ее няньки Марьи, круглолицей, добродушно болтливой, певуче голосистой и сугубо деревенской 30-летней женщины в туго обтянутом повойнике, бывшей одно время кормилицей сестры Ольги во время болезни матери. Две старшие сестры очень рано умственно развились: они с четырех-пятилетнего возраста уже начали зачитываться разными детскими книжками, а к восьми-девяти годам уже были вдоволь насыщены всевозможной романтикой. Сестра Татьяна отдала дань писательству, как в стихах, так и в прозе. Помню сочиненное ею в четырехлетнем возрасте стихотворение “Ах, как зелень зелена, комары-то все плетутся... они с барином вернутся” и более поздние, довольно длинные стихи про белого всадника на белом коне, в которых были такие вразумительные строки:

“Поникнув гордой головою
Он мрачно на луну глядит,
И белый конь под ним стрелою
Дорогой ровною летит”.

Чем-то обиженная на тогдашнюю свою подругу Надю Швейковскую, она посвятила ей трагические стихи, начинавшиеся патетической строкой: “Нас пропасть с тобой разделяла”. Самостоятельная проза была представлена длиннейшим повествованием про девочку, путешествующую по своим теткам, а подражательно романтическая повесть про разбойника Орловского, где в одной из глав, трактовавшей о птичьем пере, которое героиня повести должна была бросить в реку, чтобы вызвать на помощь разбойника Орловского, фигурировал следующий лаконичный эпиграф “Все, все равно, кроме перо”, зафиксированный в словесном архиве нашей семьи в числе прочих фамильных курьезов. Эти ранние писательские потуги в дальнейшем не привели ни к каким результатам и уже годам к двенадцати сестра Татьяна ко всякому писательству совершенно охладела, между тем как сестра Ольга, не проявлявшая в детстве к писательству никакой склонности, в зрелом возрасте всецело ему отдалась.

У двух старших девочек была в ходу курьезная игра. В нашей просторной спальне стояли друг против друга у противоположных стен два больших дивана. И вот, девочки, в свободное от занятий время, начинали перебегать через комнату, поочередно вскакивая на оба дивана и соскакивая с них, что продолжалось в течение часа, а то и больше. Эта перебежка с дивана на диван сопровождалась длинными повествованиями на самые разнообразные темы, но в большинстве случаев увлекательными рассказами о каких-то воображаемых семьях по фамилиям: очень странной у сестры Ольги — “Корточки” и более обыкновенной у сестры

Татьяны — “Царские”. Рассказывалась жизнь этих семейств, передавались разные происшествия, случившиеся с ними, и все это страшно быстро и с таким увлечением, что у рассказчиц в уголках рта проступала слюна. Будучи 3—4-летним ребенком, я однажды совершенно бессознательно подвел прочную основу под славные эпопеи о Корточках, Царских и им подобных. Очень хорошо помню, как я сижу на полу в спальне у дверей в коридор среди разбросанных кубиков и, подбирая картинку, держу в руках и внимательно разглядываю кубик с туловищем старика с большой белой бородой, в красной рубашке, замахнувшегося топором. Мимо меня, может быть, только что отбегав по диванам, проходят две старшие девочки и, остановившись, интересуются, кого я с таким вниманием рассматриваю. Я чувствую прилив вдохновения.

— Это, — почти не задумываясь, говорю я, — Иван Подострам из Питодша.

— А что такое Питодш? — любопытствуют девочки.

— А Питодш — это такая страна, которую никто не знает, — отчеканиваю я.

И вот, Питодш оказался изумительным сосудом для любой фантазии. В него мигом были поселены и Корточки, и Царские, и множество других фантастических персонажей, он зажил своей богатой жизнью, в нем за несколько лет его существования произошло столько чудесных событий, что редкая страна смогла бы угнаться за ним разнообразием своих исторических происшествий. Была еще занимательная игра: бралась любая книга, глаза начинали бегать по ее строкам, а язык быстро-быстро тараторить все приходившее в голову. Это называлось “читать по-глупому”. В это же время, а может быть, немножко раньше, со мной приключился забавный эпизод.

Отец с матерью уехали ненадолго в Москву, а мы остались на попечении нянек и тети Сони, дочери бабушки Анны Александровны, двоюродной сестры бабушки Татьяны Михайловны. Я сижу у тети Сони на коленях, а против нее сидит Александр Ильич Бакунин, с которым тетя Соня не прочь пококетничать, а он со своей стороны, не прочь блеснуть перед ней остроумием, избрав меня в качестве удобной мишени. Он уже давно меня поддразнивает, восхваляя преимущества Дядина (имения его отца) перед нашей Дубровкой, а я тоже уже давно выхожу из себя, сижу весь красный и уж не выговариваю, а выкрикиваю свои возражения.

— А у меня в Дядине высокие-превысокие сапоги, — не унимается Александр Ильич.

— А у нашего Николая (сторож в Дубровке) еще выше! — кричу я.

— А у нас в Дядине много клопов!

— А у нас еще больше! — неистовствую я.

— А у нас всюду бегают тараканы, — продолжает со смехом Александр Ильич.

— А у нас их еще больше бегает! — кричу я, готовый или расплакаться или ринуться на Александра Ильича с кулаками.

Во избежание такого трагического исхода, тетя Соня с хохотом уносит меня в спальню, но я из дверей все же успеваю прокричать: “И даже черные!”

Мне меряют температуру, — у меня 40 градусов. А к милому, добродушному, безобиднейшему Александру Ильичу я всю жизнь ношу в себе какую-то “супротивность”. Вот до чего устойчивы ранние детские впечатления.

У меня жестокий коклюш, от которого я задыхаюсь до синевы. Когда я начинаю поправляться, мне по совету нашего всегдашнего врача Николая Львовича Богоявленского дают за обедом десертную ложку водки, и я с радостью заявляю, что “пью водку и кашляю как извозчик”.

Должно быть, из педагогических соображений мне никогда не хвалили мою наружность и обычно критически высказывались о ней. Правда, бабушка Катя, младшая сестра бабушки Татьяны Михайловны, вскоре после моего рождения, в очередном донесении старшей сестре писала: “А Михаил Васильевич просто одна прелесть — уж как он бел, уж как он мил!”, но письмо это, помимо того, что оно относилось к бессознательным годам моего существования, попало мне в руки только уже взрослому, долго после смерти бабушки Тани, так что вредное действие его было минимальным, а “белость” моя в годы детства совсем мне не нравилась, я во что бы то ни стало хотел быть брюнетом. И в утешение мне, мать или кто-то другой, сочинили, что у меня на затылке каждый год понемножку растут черные волосы. Я в это искренне верил и в Новый год, поворачиваясь затылком к матери или сестрам, просил подсчитать, сколько у меня выросло черных волосков, и охотно демонстрировал их желающим.

Трех старших девочек почти всегда одевали одинаково. Помню их полупарадные шерстяные “бордовые” платья с остатками турнюрной моды в виде подвешенных сзади, ниже талии, подушечек, которыми они очень гордились. Я же всегда ходил в шерстяных темно-синих или темно-коричневых курточках с выпущенным отложным воротничком рубашки, желтым кожаным поясом и в коротких штанах с классическими пуговицами повыше колен. На ногах — ботинки на пуговицах и длинные чулки. Детские носочки тогда не были и в помине, а о высоких сапогах я не смел и мечтать, хоть длинные чулки причиняли мне много хлопот и беспокойства: они удивительно быстро дырявились и протирались на коленках, и мне, чтобы скрыть этот изъян, приходилось замазывать колено, прямо по коже, чернилами. При темно-синих чулках это было почти не заметно, при коричневых — несколько хуже, но все-таки много удачнее, чем голое некрашеное колено. Надо было только следить, чтобы дырка не сдвинулась на сторону, хотя я предусмотрительно и давал большой запас чернильному фону. На улице мы все очень долго ходили в длинных темно-синих пальто на вате с пелеринками ниже колен и с большими белыми перламутровыми пуговицами. У девочек были муфты, у меня, в отличие от них, муфт не было. Потом эти синие пальто с пелеринами уступили место серым пальтишкам с воротником из кенгуру, а как-то много позднее, в конце одной из зим девочкам сшили коричневые ватные кофточки, а к ним связали белые шерстяные шапочки. Мне такой кофточки не досталось, но мой

“враг” — он же и покровитель Александр Ильич — подарил мне замечательную темно-коричневую курточку с черными кокосовыми, почти шарообразными пуговицами и со сборкой на спине. Шапку мне связали такого же фасона, что у девочек, но не белую, а верблюжьего цвета. Александр Ильич в это время жил на той стороне Тверцы в доме, принадлежавшем банку, где он, должно быть, тогда служил. Мы как-то ходили к нему смотреть на большущего волка, сидевшего там на цепи в собачьей конуре.

Александр Ильич почти ежедневно приходил по вечерам к нам или к Швейковским, и путь его лежал мимо мрачных кирпичных развалин на повороте от Воздвиженской горы. Как-то раз, при его возвращении ночью, чей-то мужской голос окликнул его из развалин:

— Кто идет?

— Хозяин своей палки, — твердо ответил, по его словам, Александр Ильич, каковым ответом вопрошающий, надо думать, удовлетворился, так как дальнейших вопросов не задавал.

Но особенно был удовлетворен им сам Александр Ильич, с большой охотой и даже удовольствием рассказывавший окружающим о своем ночном приключении.

Несколько отрывочных моментов из моей тогдашней жизни, не связанных ни с каким определенным событием, нечто вроде ярких, почти выпуклых пятен, как-то особенно резко отпечатались у меня в памяти — я и сейчас, через столько лет ощущаю их всем существом.

У меня с вечера стесненность в горле, а ночью я просыпаюсь потому, что не могу дышать: воздух с каким-то хрипом, почти стоном, еле-еле выдавливается и вдавливается через распухшее горло

с каким-то хрипом, почти стоном, еле-еле выдавливается и вдавливается через распухшее горло. В печке уже с вечера поставлен чайник с кипятком, и мать подносит мне его ко рту. Я кое-как, с великим трудом, мучительно втягиваю в себя горячий пар, и мне понемножку становиться легче. А утром я, по словам отца, “лаю по-собачьи”. Эти удушья, — их называли “ложным крупом”, — бывали у меня по нескольку раз в зиму и оставили меня в покое только к восьми-девяти годам.

А вот и другое “пятно”, уже на раннем весеннем фоне: я мчусь, подгоняя палочкой скачущий передо мной желтый деревянный обруч, проношусь мимо угловой лавки Ивана Леонтьевича, не задерживаясь выступающей ступенькой, смело перескакиваю через нее, пересекаю немощеную Знаменскую улицу, влетаю на деревянный тротуар вдоль старого серого забора с зеленеющей понизу каемкой первой весенней травки, мчусь мимо магазина Пелиховых, мимо булочной Онегина, все дальше, дальше. Сегодня теплый, совсем летний день, только с запахом, которого летом уже не бывает. На мне, вместо обычной шерстяной курточки, ситцевая рубашка, белая с темным горошком, и я чувствую, как дышу не только носом и ртом, а всей кожей не теле. А обруч совсем волшебный, никакие препятствия его не останавливают, и я мчусь, мчусь.

А вот еще одно “пятно” совсем в ином колорите. Мы с матерью в первом этаже каменного дома Бабичевой на Ямской улице у зубного врача Тихомирова, периодически приезжающего из Твери, чтобы обслужить новоторжских пациентов. Пахнет винным спиртом от горящей спиртовки и резкими зубными лекарствами. Тихомиров, плотный горбоносый мужчина с большой, чуть седеющей бородой вытаскивает у меня коренной зуб, проткнувший мне острым корнем десну. Держа в щипцах окровавленный зуб, Тихомиров показывает его как диковинку матери. В зубе пять торчащих в разные стороны огромных корней. Было от чего возгордиться!

4. Наше окружение

Обращаясь к нашему окружению, в первую очередь останавливаюсь на прислуге. По тогдашним понятиям, ее было у нас немного: уже упомянутая нянька Марья при младшей сестре Маше, при мне — “Катя-голубушка”, затем горничная Анисья из земского приюта, где отец был попечителем, и не сохранившаяся у меня в памяти, не долго прожившая у нас, какая-то пожилая кухарка, на смену которой, к моему великому негодованию, была вскоре переведена моя “Катя-

голубушка”, которую, в свою очередь, сменила при мне ее младшая сестра Анюша, к которой скоро перешла и сестра Маша. Я долго не мог утешиться от этой утраты и, ложась спать, часто требовал: “Позовите ко мне “Катю-га-убушку, она достанет мне “упу”. С буквой “л” — и мягкой и твердой — я многое время был не в ладах. “Оя, Оя, йод везут!” — кричал я, глядя в окно, мимо которого проезжали подводы с наколотым льдом. Впрочем, с мягким “л” я скоро поладил, а с твердым не ужился до конца жизни. “Улан на белой лошади” остался для меня недосягаемым идеалом.

Анюшу я не особенно любил. Во-первых, она почему-то вскоре попала в фаворитки матери, затем, когда, купая меня в ванне, она мыла мне голову, то пребольно тянула за клочок намыленных волос, вероятно, чтобы удержать голову в покое, но главное, что меня в ней раздражало, — это ее обязательные присказки. Стоило кому-нибудь из нас сказать “За дело!”, как Анюша немедленно произнесет: “Задело — так отцепи”. А если кто-нибудь скажет “Ну”, то Анюша непременно добавит: “Не нукай, еще не запряг”. А сказанное кем-нибудь слово “сейчас” неминуемо вызывало и по сей день непонятную мне реплику: “Как скоро, так сей час”.

У Анюши были очень светлые, почти белые глаза (впрочем, как и у Кати) на темном фоне лица. Сестра Маша к Анюше очень привязалась, и они горячо полюбили друг друга. Анисью, несмотря на ее грубоватость и постоянную воркотню, я больше любил. У нее был очень низкий голос, которым она иногда напевала какие-то тихие песни, и белые руки с тонкими пальцами. Получала прислуга на всем готовом от 3—4 (горничные) до 5—6 рублей в месяц (кухарки), плюс подарки к Рождеству, Пасхе и именинам. Работой они перегружены не были, даже воду, правда, из довольно далекого колодца, приносила и сливала в кадку мать Кати-голубушки и Анюши, недавно овдовевшая Аксинья, принимавшая участие и в больших стирках, вероятно, получая за

все это какое-нибудь вознаграждение и почти регулярно питаясь у нас, так как сын ее Вася жил вне дома, в учениках у сапожника. Няньки жили при нас в спальне, кухарка и горничная — в комнате при кухне, помещавшейся отдельно, через холодные сени.

Следующими по топографической близости и ежедневным встречам были уже упомянутая бабушка Анна Александровна Соколова, рожденная Чаплина, с дочерью — тетей Соней и племянницей — тетей Надей Загоскиной во вдовстве Жигановой, как-то приходившейся и нам дальней родственницей, жившие под нами в первом этаже, в низеньких, очень теплых комнатах. Бабушка Александровна, как мы сокращенно ее звали, была "превосходительством", так как муж ее умер генералом. Ее три сына — Леонид, Александр и Николай — были все артиллерийскими офицерами, впоследствии дослужившись до высоких чинов. Бабушка Александровна — небольшая, сухонькая старушка, в отличие от прочих наших бабушек, о которых речь впереди, — была, по моим тогдашним впечатлениям, с некоторым гонором и большой склонностью делать нам замечания и "насчет манер", и насчет всего прочего. Тетя Соня и тетя Надя бывали у нас почти ежедневно. Тетя Соня некоторое время даже обучала меня и свою крестницу Веру чтению, а к бабушке Александровне родители часто спускались по вечерам. После одного случая я сильно невзлюбил бабушку Александровну. При нашем доме не было ни сада, ни просторного двора, и когда мы не шли гулять со взрослыми, то часто вертелись перед домом, развлекаясь каким-нибудь играми с соседским детьми. Однажды, когда мы с увлечением прыгали на одной ноге за убегающим камушком, на крыльцо вышла бабушка Александровна и обратилась к играющим с нами детям с целой речью на тему о том, что мы дети господские, а они не господские, что они не должны этого забывать и в своих играх с нами вести себя соответственно.

До чего же мне было стыдно! Правда, большинство детей обратило мало внимания на бабушкины наставления, пропустив их мимо ушей, но одну девочку, постарше других и повыше ростом, я и сейчас вижу как живую, — она вся раскраснелась, глаза ее растерянно бегали по сторонам, и дрожащие пальчики торопливо перебирали угол драповой кофточки. На наших взаимоотношениях с соседскими детьми это, конечно, никак не отразилось, впрочем, как-то раз сестра Оля, услышав, что кто-то из детей, обращаясь ко мне, как всегда назвал меня Мишей, вдруг надменно подняла голову и, поджав губы, высокомерно промолвила:
— И вовсе не Миша, а Мишель!

Следующими персонажами в нашем окружении из числа родственных лиц, были две бабушки — Анна Михайловна и Екатерина Михайловна Чаплины, младшие незамужние сестры бабушки Татьяны Михайловны, жившие летом в своем небольшом именьице Жданове верстах в 30 от Торжка, а зимой переселявшиеся в уютный домик на Дворянской улице. Бабушка Анна Михайловна ни наружностью, ни внутренними качествами с моей детской точки зрения, не была ничем замечательна, хотя, как и все Чаплины, была чрезвычайно родственна и ласкова к нашему семейству. Зато бабушка Катя была обворожительная старушка небольшого роста, остроносенькая, черноволосая, с едва проступающей сединой и с бойкими-пребойкими карими глазами, как бы изливавшими целые потоки простодушной доброты. Живая, почти до суетливости, она и в свои шестьдесят с лишком лет сумела остаться такой же пятнадцатилетней девочкой, какой она глядит с тогдашних своих писем из Михайловского в Бекетово к недавно вышедшей замуж старшей сестре "душечке Танечке", в которых она на забавнейшем франко-русском диалекте, не мудрствуя лукаво, чрезвычайно живо отчитывается в повседневной жизни семьи. Я когда-то мечтал, отобрав десятка полтора ее писем, относившихся к началу сороковых годов и сохранившихся в нашем семейном архиве, издать их в качестве подлинного памятника тогдашней усадебной жизни с ее "уланами", волнующими колокольчиками, непрерывными романами и "людьми целующими ваши ручки" в качестве обязательной концовки всех писем. Из тогдашней моей мечты ничего не вышло, и бабушкины письма, как и многое другое, давно пропали. В завершение всех своих прелестей бабушка Катя была чрезвычайно музыкальна, и ее пальчики, как-то удивительно легко и приятно порхали по клавишам, извлекая из них совершенно особенные, никогда больше мною не слышанные польки и вальсы и какие-то своеобразные музыкальные пьесы вроде запомнившегося и мне меланхолического morceau* под живописным

поэтическим названием “Звон возлюбленного Монако”. Обе бабушки были, конечно, большими любительницами игр в винт, во время которой, разумеется, во всю проявлялся горячий и экспансивный характер бабушки Кати.

Однако самыми близкими людьми в нашем тогдашнем окружении была, вне всякой конкуренции, совсем не родственная нам по крови семья Швейковских, состоявшая из отца Тимофея Николаевича, матери Ольги Николаевны и двух детей — девочки Нади, на год старше нашей Оли, и мальчика Коли, ровесника сестры Веры. Кроме того, в их семье почти всегда жили по зимам отец Ольги Николаевны Николай Александрович Бакунин и сестра его покойной жены Авдотья Петровна Ушакова — “бабушка Душа”. Не родственным членом семьи, но почти вжившаяся в нее, была уже немолодая англичанка Стадлин.

Отец Тимофея Николаевича был уроженцем Смоленской губернии и в Новоторжском уезде обосновался лишь в качестве мужа дочери и наследницы богатого новоторжского помещика Бутенева, унаследовав от него прекрасное имение Щербово с поместительным барским домом, винокуренным заводом и обширными пахотными и лесными угодьями. Его сын — Тимофей Николаевич, недолго прослужив в одном из петербургских гвардейских полков и женившись на Ольге Николаевне Бакуниной, вошел полноправным членом в новоторжско-бакунинское “лоно” и, выдвинутый им в уездные предводители дворянства, пробыл им некоторое время, пока, заинтересовавшись новым банковским делом, не принял на себя должности управляющего новоторжским Обществом взаимного кредита. Чета Швейковских долгое время оставалась бездетной, что наложило на ее взаимоотношения отпечаток нежного содружества, обычно характеризующего бездетные супружеские пары, в которых неиспользованные родительские чувства переносятся супругами друг на друга. Этот отпечаток нежности остался у Швейковских и после появления первого ребенка и особенно чувствовался у Ольги Николаевны в каждом ее обращении к своему “Тиму”. В моей памяти Тимофей Николаевич рисуется уже пожилым мужчиной, выше среднего роста, очень импозантной внешности, с окладистой седой бородкой и строгими чертами лица, строгость которого иногда неожиданно смягчалась внезапно набежавшей морщинкой или промелькнувшим в его глазах огоньком, сразу делавшим его и простым, и милым, каковым и воспринимало его мое тогдашнее детское сердце. В новоторжских кругах как

городских, так и уездных, Тимофей Николаевич пользовался большим уважением и авторитетом, прочность которых характеризуется хотя бы тем фактом, что при выборах в первую Государственную думу, — что имело место спустя 14 лет после смерти Тимофея Николаевича, — когда новоторы никак не могли сговориться о том или ином кандидате, слышалось много голосов: “Вот если бы был жив Тимофей Николаевич, никаких споров и сомнений не было бы”. Следующий небольшой эпизод довольно живо характеризует как новоторжские круги, так и тогдашнюю обстановку. К Тимофею Николаевичу, занимавшемуся в банке в своем кабинете, зашел его дальний родственник по матери, некий К., человек довольно бесшабашной жизни, но вполне принятый в кругу родных и знакомых. Перед Тимофеем Николаевичем по какому-то случаю лежало на столе несколько пачек банковских денег в крупных ассигнациях. К., поговорив о чем-то незначительном, взял самую крупную пачку и, спокойно положив ее во внутренний карман, сказал:

— Ты человек богатый, для тебя это большого убытка не составит, а мне эти деньги очень пригодятся.

Произнеся этот краткий монолог, К., вероятно, дружески пожав Тимофею Николаевичу руку, удалился.

Тимофей Николаевич не поднял никакого шума, деньги в сумме 15 тысяч были им пополнены, и лишь очень немногим самым близким людям он рассказал, и то не сразу, о происшествии, исключив из их числа даже свою жену Ольгу Николаевну.

Ольга Николаевна, которую нам полагалось звать тетя Оля и чмокать в подставленную розовую

щеку, помимо того, что была моей крестной матерью, была и моей открытой обожательницей в течение всего периода нашей жизни в Торжке. На Рождество, к рождению и именинам она делала мне дорогие подарки, а как-то раз, поехав ненадолго в Москву, неожиданно прислала мне оттуда два громадных ящика с лошадьми, экипажами и совсем настоящей снимавшейся сбруей. Она то вязала мне шерстяное одеяло, то вышивала рубашку, за глаза и в глаза восхваляя меня и умиляясь на мою улыбку, про которую говорила, что меня тешат ангелы, — словом вела себя так, что я при ней всегда чувствовал душевную стесненность, тужась, очевидно, оправдать изливаемое на меня благорасположение, на которое, кстати сказать, Ольга Николаевна по характеру своему вовсе не была расточительна и в своих сношениях с людьми могла, под флагом прямодушия и откровенности, быть иногда резкой до грубости. Надя была краснощекой, мальчишески ловкой и по-мальчишески стриженой девочкой, отнюдь не склонной к сентиментальной девической дружбе и всей душой преданная собакам, лошадям и кучеру Борису и своему сверстнику — дяде "Мише Алексеевичу" Бакунину.

Коля был мальчик хилый, со странностями, очень трудный в товариществе, так как мог ни с того, ни с сего обидеться и надуться или внезапно впасть в неистовую злобу. Впрочем, мы с сестрой Верой все-таки с ним ладили, и он иногда посвящал нас в тайны ботаники, которые до конца все же не решался нам открыть. Ему дарили много всяких "научных" игрушек и занятий, и он мог часами лежать на полу, разглядывая какую-нибудь географическую карту из папье-маше с рельефными горами и вдавленными реками и озерами.

Швейковские жили совсем близко от нас, в доме Кудрявцевой на той же Солдатской улице, держали выездных лошадей, кучеров, множество собак и пьяницу повара Харитона, который по воскресеньям, когда мы четверо старших детей в обязательном порядке обедали у них и когда сам он не был пьян, удивлял нас феерическими кондитерскими изделиями в виде освещенных изнутри сахарных замков или других бисквитных или кремовых сооружений. С Швейковскими мы виделись почти ежедневно, иногда проводя целые дни в совместных играх или прогулках, которые по своей живописности заслуживают в дальнейшем самостоятельного описания. Кроме семьи Швейковских были в нашем окружении не столь близкие семьи Вульфов, докторов Богоявленского, Павлова и Синицына и сослуживцев отца по земской управе — великолепного экс-улана Александра Петровича Балавинского, Дмитрия Дмитриевича Романова и члена управы от крестьян Нила Фомича Курбатова, у которого отец крестил едва ли не всех многочисленных дочерей, затем семья Сидоренко и Туполевых, в которой один из младших сыновей — Андрюша, стал впоследствии известным конструктором самолетов. Была еще временно близкая нам семья Леров, командира гвардейских кадров, сына генерал-майора Леера — воспитателя императора Александра III. Мария Ивановна Леер как-то сразу очень сблизилась с матерью. Мне она запомнилась как ласковая и немного грустная блондинка с совершено необыкновенными волосами — коса ее толщиной с добрую оглоблю доходила да самого пола. Впрочем, Леры пробыли в Торжке недолго.

Было, кроме того, несколько старушек, к которым нас время от времени возили с визитом. В числе прочих — Наталья Михайловна и Мария Михайловна, рожденные Полторацкие. Наталья Михайловна, бездетная вдова, по мужу Ельчанинова была довольно строгой и даже несколько злобной старушкой. Небольшого роста, сухонькая, с черными острыми глазками, она вызывала во мне, если не боязнь, то некую постоянную настороженность. Сестра ее Мария Михайловна — совершенная противоположность ей — незамужняя, довольно полная, рыхлая, круглолицая — была воплощением добродушия. С ними жила воспитанница Натальи Михайловны — Наденька, Надежда Павловна, девица уже в возрасте, с остреньким краснеющим носиком, которым она презабавно шмыгала после каждый двух-трех сказанных слов, а в случае молчания, чуть ли не через каждые полминуты. Мы с сестрой Верой как-то занялись подсчетом этих шмыганий носом и за короткий Наденькин визит к нам насчитали их около сотни. У старушек был племянник Николай Николаевич Полторацкий, офицер Преображенского полка, недавно появившийся в Торжке. Рассказывали, что он, командуя, сорвал голос, что вынудило его выйти в отставку. Мы как-то встретились с ним у его теток. Блондин небольшого роста, с очень тонкими чертами лица, он говорил каким-то хриплым шепотом. Ожидая назначения на должность земского начальника,

он говорил каким-то хриплым шепотом. Ожидая назначения на должность земского начальника, он временно жил в Торжке, после чего рассчитывал поселиться в своем имении Бековкино в 15 верстах от нашей Дубровки.

Иногда к нам заходила с двумя девочками-подростками уже пожилая, очень полная и совсем седая англичанка мисс Мэри. Она когда-то, еще в молодости, долго жила в гувернантках у давно скончавшегося бабушкиного брата Александра Михайловича Чаплина и сохранила об этом времени самые светлые воспоминания, сосредоточив на нашей матери душевную нежность, вызываемую памятью об этих дальних днях. Теперь она жила гувернанткой в семье Олениных, глава которой Николай Петрович был почти бессменным тверским губернским предводителем дворянства. Семья Олениных часть года проводила в своем имении Витовка, верстах в 15 от Торжка, а прочее время — в Твери. Время от времени появлялся у нас некто Лучков — что-то вроде советчика или подрядчика при отце по его лесным операциям в Дубровке. Результаты этих операций бывали обычно довольно плачевные, а в лучшем случае кончались вничью, что не мешало отцу в течение нескольких лет, несмотря на воркотню матери, пользоваться слугами Лучкова, человека, по-видимому, вполне честного и доброкачественного, но отнюдь не практического, а напротив, великого фантазера. Лучков появлялся у нас с каким-нибудь гостинцами: громадным арбузом, коробкой подсохших конфет или еще чем-нибудь. Кончил он жизнь весьма печально в Бурашевской психиатрической колонии под Тверью, помешавшись на изобретении perpetum mobile. Был еще один хороший знакомый, также печально окончивший свои дни, — доктор Сорокин, бывавший у нас в доме до тех пор, пока его помешательство не стало совсем явным. Лучкова — рыжеватого, плотного блондина небольшого роста с русой бородкой, в черном расстегнутом сюртучке, я помню очень хорошо, Сорокина почти не помню, должно быть, я был очень мал, когда он сошел с нашего горизонта.

Рамка нашего окружения не была бы законченной, если бы в ней отсутствовало несколько персонажей, совсем незначительных каждый в отдельности, но все же необходимых, чтобы наш повседневный колорит нашел себе правильное отражение. Примерно раз в неделю появлялась очень приятная благообразная старушка Татьяна с круглой плетеной корзиной, в которой закутанные в теплук? шаль благоухали громадные желтые антоновские яблоки, которые мы с великим аппетитом поедали и в сыром, и в печеном виде, тем более что это были единственные

фрукты, регулярно попадавшие в наш желудок, так как желтые и нарядные, но безвкусные “крымские” яблоки появлялись почти исключительно на Рождество в качестве елочных украшений, а о мандаринах и грушах почему-то в Торжке в то время не было слышно. Реже приходила Катя, уже не молодая, высокая, сухопарая женщина, вся в черном — поставщица кружев и прошивок для детского белья. И, наконец, раз, а то и два в год появлялись портнихи, выполнявшие вестиментарно-бельевую кампанию. В самом начале это была Лиза, женщина лет 40—45, рыхлая, с мучнистым цветом лица и намечающимся вторым подбородком. Как я позднее узнал, Лиза приходилась нам в некотором роде сродни, так как была побочной дочерью прадедушки Михаила Васильевича, прижитой им во время его долголетнего вдовства. Потом была черномазенькая, черноглазая, с сединкой, худенькая Саша из прямухинских двориков, промышлявшая зимой в городе по знакомым домам. Портнихи жили у нас неделями, а то и месяц. На середину спальни выдвигался большой стол, на котором с утра до вечера гремела швейная машинка, а кругом пестрели лоскутки и обрезки разных материй. Где ночевали портнихи, не помню, но еду, когда мы завтракали и обедали, им подавали на том же столе в спальне — не с нами и не с прислугой.

5. Отец и мать. Родители

Я почему-то до сих пор очень мало, вернее, почти ничего не сказал о родителях, хотя они, разумеется, являлись первыми и самыми главными персонажами в нашем детском воображении.

Отец долгое время, лет пятнадцать, если не больше, был бессменным председателем Новоторжской уездной земской управы. До своего председательства он некоторое время служил мировым судьей, памятью чего остались мундир с вышитым золотом воротником и золотая цепь,

надевавшаяся мировыми судьями. Детство и юность провел с матерью в Горянках, Торжке и Твери, часто и подолгу гостил в Новоторжском женском монастыре, где начальствовала бабушкина сестра. Женское общество, в котором он постоянно вращался, наложило специфический оттенок мягкости и кротости на его характер, и, вероятно, от него я унаследовал абсолютное неумение, вернее, полную невозможность крепко, "по-русски", выругаться, чем меня полушутя корили впоследствии товарищи по военной службе, а еще позднее, уже в советское время, товарищи и начальство в лагерях. От матери отец получил прекрасный французский язык и хорошее знание немецкого языка, хотя говорил на нем не без запинок. Окончив с серебряной медалью тверскую классическую гимназию, отец поступил на физико-математический (т. е. естественный) факультет Московского университета, но пробыл в нем только три года, т. к. был уволен с четвертого курса за участие в студенческих беспорядках, — с "волчьим паспортом", как он говорил, с характерной для него усмешкой. Отец с большой теплотой вспоминал студенческий кружок, в котором он участвовал, возглавлявшийся неким Аргиопуло, человеком, по словам отца, исключительной душевной чистоты, пользовавшимся огромным моральным авторитетом в студенческой среде. Уволенный из Московского университета, отец пытался поступить в Петербургский, но из этого ничего не вышло, и бабушка, по принятому тогда обычаю, отправила его в заграничное путешествие. Сама она в это время уже сильно хворала и, будучи в Италии, отец получил от Ольги Николаевны Швейковской (еще Бакуниной) телеграмму, извещавшую его о смерти матери. Вернувшись из-за границы, отец снова погрузился в дружественное бакунинское "лоно", выдвигавшее его на разные, преимущественно выборные, посты в тогда еще новом земстве. Когда началась Сербская война, отец вместе с приятелем своим Ф. И. Родичевым отправился добровольцем и провел всю кампанию в качестве не то ординарца, не то адъютанта полковника Губера, командовавшего отдельным отрядом в армии генерала Депрерадовича, за что Милан Обренович, князь Сербский наградил отца серебряной медалью "за храбрость". В последующей войне 1878 года отец принял участие уже в качестве уполномоченного Красного Креста, а вернувшись с войны, женился на приятельнице О. Н. Швейковской Наташе Кардо-Сысоевой — девице в возрасте, — ей было 27 лет,— очень бойкой и миловидной. Отца времени моего детства я помню как брюнета среднего роста, с почти обязательной по тогдашнему времени окладистой, чуть-чуть седеющей бородой, в очках, в неизменном черном застегнутом сюртуке и накрахмаленной сорочке, из-под твердых

манжет которой выступали очень белые кисти рук с отчетливыми синими жилками и миндалевидными ногтями. Отец никогда не смеялся, но часто возле глаз его сбегалось много мелких морщинок, и лицо его освещалось улыбкой. Когда же смешное доходило до высшей степени, на глазах его проступали слезы, и требовалось снять и протереть очки, что в свое время вызывало замечание какой-то из сестер, что "папа без очков похож на собаку". Дома отец проводил сравнительно мало времени, — после утреннего кофе, которое он варил собственноручно по какому-то сербскому рецепту, он, выпив стакан кофе и стакан чая, после предварительно проглоченного на голодный желудок стакана шипучего боткинского порошка, — уходил в управу и возвращался только к обеду часов в 6—7 вечера. Кроме того, он часто уезжал на земские собрания в Тверь, то по уезду. С нами, детьми, он соприкасался сравнительно мало, делая исключение для двух старших сестер, в особенности для своей фаворитка Оли. Отец недурно рисовал карандашом и в толстой переплетенной книжке нарисовал целую иллюстрацию под общим заглавием "История про папу маленького", где в довольно живых набросках изображались разные эпизоды из детской жизни отца. Вот он в тарантасе с бабушкой Верой и нянькой Феклой едет на своих лошадях из Горянок в Киев, вот он гуляет в Горянках со своим гувернером Петром Васильевичем и собакой Белкой и бросает ей в воду палки. Вот он же, уже постарше, сдает вступительный экзамен в гимназию. Все эти рисунки, которых было довольно много, сопровождались пояснительными подписями и, конечно, всех нас очень занимали. Была начата в той же книжке и аналогичная "История про маму маленькую", но, ограничившись двумя-тремя рисунками, она дальше не пошла. Но лучше отцу удавались пейзажи, которых у него был целый альбом.

Мать, в противоположность отцу, сразу же ушла в семью. После первых же детей (был еще самый старший мальчик, умерший в полуторагодовалом возрасте от дифтерита), она, как и

самый старший мальчик, умерший в полуторагодовалом возрасте от дифтерита), она, как и большинство ее сверстниц, отставила корсет, облеклась в темную свободную кофточку с овальной брошкой на воротничке, имея в своем гардеробе для редких выездов и приемов единственное серое шелковое платье. В оправдание ей надо сказать, что дети следовали один за другим, и всех она кормила и обхаживала сама, кроме сестры Ольги, которую по болезни матери, временно кормила уже упомянутая раньше круглолицая Марья. Но, уйдя в семью, мать отнюдь не утратила живости характера и свойственного ей энтузиазма. Она горячо принимала к сердцу все перипетии земской жизни, волнуясь при удачах или неудачах своей левой либеральной партии, она живо интересовалась и всеми текущими событиями как во всероссийском и мировом масштабе, так и в маленьком новоторжском мирке, чему весьма способствовала постоянная связь с часто навещавшими ее городскими вестовщицами, — черноглазой и черноволосой, с небольшой проседью женой доктора Павлова Натальей Платоновной, с еще более черноглазой и с еще большей проседью одинокой вдовой Варварой Николаевной Пенкиной и с совсем черной без всякой седины, стриженой, с парой владимирских вишен вместо глаз, лейб-акушерской матерью Александрой Арсеньевной Морковиной. Это трио вполне обеспечивало самую полную информацию по городу, начиная с отчетов о клубных вечерах, происходивших в Федухинской гостинице и кончая самыми мелкими событиями в семейной жизни обитателей города. По живости характера мать не могла не входить во все мелочи домашнего хозяйства, но коньком ее были печи и форточки. Она сама следила за топкой печи, иногда собственноручно закрывая их во избежание угара, что же касается форточек, то, как только мы уходили в столовую к утреннему кофе, вернее, молоку, так как нам утром и вечером полагалось пить сырое молоко от своей коровы, — во всех комнатах в любую погоду немедленно раскрывались форточки, и квартира вдвойне вентилировалась: и топящимися печами, и раскрытыми форточками. На почве форточек у матери нередко происходили бурные, хотя и безобидные, столкновения с отцом, когда он бывал дома, — а форточки в азарте проветривания раскрывались и днем.

— И здесь форточка! — почти с отчаянием восклицал отец, попадая в проветриваемую комнату.

Отец любил тепло, не прочь был прислониться спиной к истопленной печке или посидеть на теплой лежанке в проходной комнате рядом с его кабинетом, что нередко вызывало воркотню матери, но сколько-нибудь серьезных столкновений между родителями мы никогда не слыхали,

да и они были совершенно невозможны при той беспредельной любви и уважении, которые они питали друг к другу, и при мягком и покладистом характере отца. Но поворчать на легонькое летнее пальто, накинутое в комнате, мать могла с великим успехом, а усмотрев разбитую розетку, — отец всегда сидел у себя со свечами, не признавая ламп, — именно копеечную розетку, а не что-нибудь ценное, могла поднять негодующий вопль на всю квартиру.

Мать владела тремя языками — французским, английским и немецким. Первым — совсем хорошо и свободно, хотя с некоторыми особенностями стародворянского говора, вторым — несколько слабее, но также вполне свободно и в разговоре, и в чтении и третьим — весьма слабо, восполняя эту слабость решительностью речи. Несмотря на свой загруженный хозяйственный день, мать в это время (т. е. в период нашей жизни в трезвоновском доме) все же сумела написать свою, кажется, последнюю большую повесть “Не в деньгах счастье”, печатавшуюся в журнала “Детский отдых”, а впоследствии вышедшую отдельной книжкой. Мы, по мере того как возрастали, конечно, читали все написанные ею рассказы и повести, и помню, что одна из них под заглавием “Лето в деревне” мне очень понравилась. Но больше всего мы любили, — когда немножко подросли, — слушать устные рассказы матери, умевшей удивительно изображать комических персонажей когда-либо встретившихся ей. Помню, как будто сам ее видел, бекетовскую соседку, престарелую девицу Квашнину — владелицу клочка земли и трех крепостных душ. Квашниной было уже под шестьдесят лет, но она “не сдавала позиций” и, глядя на себя в зеркало, играя глазами, удовлетворенно восклицала:

— А все-таки они блестят!

Она часто бралась за гитару и дребезжащим старушечьим голосом исполняла свой любимый

романс “Терсит стеная на лире томной”. Девичья стыдливость не позволяла ей раздеваться даже перед портретами мужчин и, ложась спать, она предварительно поворачивала их лицом к стене, что занимало довольно много времени, так как портретов и больших, и малых в ее спальне было великое множество. В длительной процедуре освобождения крестьян дедушка Евграф Александрович исполнял ответственную должность мирового посредника “первого созыва”, как их потом почтительно называли, и во исполнение своей многотрудной задачи приехал делить и Квашнину с ее тремя душами.

— Ко мне ворвался Кардо-Сысоев, — начинала Квашнина свой часто повторяемый, полный драматизма рассказ о дедушкином, конечно, очень скромном и тихом посещении.

В Торжке уже в мое время жили две старушки Никитины — Софья Васильевна и Аграфена Васильевна. Первая из них была очень некрасивая, но решительная, вторая, должно быть, когда-то недурна собой, а теперь — беленькая до прозрачности, с робкими светло-голубыми глазами. Она до конца жизни осталась запуганной строгой до свирепости матерью, которая в числе прочих притеснений, не позволила дочерям выходить замуж. Софья Васильевна говорила низким голосом сильно в нос и знала рецепты от всех болезней. Аграфена Васильевна вовсе не говорила и только кротко улыбалась.

— Пейте мяту под окном... — уверенно гнусавила Софья Васильевна, напутствуя знакомую, жаловавшуюся на боли в желудке.

— И случись тут у меня под рукой телятина... — рассказывала она про то, как счастливо излечила кого-то от болезни глаз.

Мать удивительно изображала ее. Но лучшими ее рассказами была длиннейшая серия повествований про Марью Ивановну Долгово-Сабурову.

Рядом с дедушкиным Бекетовым было еще Малое Бекетово с крошечной усадьбой на том же высоком берегу Волги, принадлежавшее бездетной, уже пожилой паре — Василию Петровичу и Марье Ивановне Долгово-Сабуровым. Между Большим и Малым Бекетовым по тропинке через

огород не было и полверсты, и Марья Ивановна едва ли не бульшую часть времени проводила в Кардо-Сысоевской семье, щедро разбрасывая блестки своих красочных изречений. Когда нам удавалось завести мать на Марь Ивановну, рассказы о ней могли, переливаясь одни в другие, продолжаться до бесконечности.

— Нет, вы только подумайте, — с ужасом восклицала Марья Ивановна, — женщина мужчине... Василий Петрович сидит, а слезы у него градом...

— Так что же она ему сказала, Марья Ивановна?

— Она сказала... Василий Петрович, какой вы ам-би-ци-он! Женщина мужчине! Вы только подумайте!

В другой раз, привезя изо Ржева по поручению бабушки кусок коленкора, Марья Ивановна пояснила:

— Я так и сказала приказчику: имейте в виду, что это молодой барыне на панталоны...

Проходя мимо Кардо-Сысоевской людской, где шло великое веселье с пляской под балалайку кучера Ермолая, Марья Ивановна, заглянув в окошко, увидела свою кухарку Матрену, женщину уже не молодую, но очень веселую и славную плясунью, откалывавшую какое-то неистовое па.

— Матрена, Матрена, — с укором прокричала ей в окно Марья Ивановна, — ты, верно, забыла, что у тебя трое господ умерло!

После чего Матрена, проводив ее взглядом, принялась с пущей лихостью отплясывать, припевая:

— А у меня трое господ умерло, а у меня трое господ умерло!..

Была в репертуаре матери Больше-Кошинская попадья, рассыпавшая те же перлы:

— Ну, вылитая Наталья Евграфовна, только головку отнять, да в плечах пошире...

Или, в качестве характеристики не понравившейся ей особы:

— Глаза белые, непристойные, а сам такая саврасая.

Семья Кардо-Сысоевых была вообще очень чутка на всякую юмористику и очень живо и талантливо передавала подмеченные сценки. Чрезвычайно удачно это выходило и у некоторых теток, но самым большим мастером был, говорят, брат матери Николай Евграфович, но я его исполнения не слышал. Нравились нам и рассказы матери из времен ее детства, вроде случая с сестрой Машенькой, как она нечаянно проглотила дробинку, и как остальные сестры ее умоляли: “Машенька, милая, не стреляй, подожди, пока придут папаша с мамашей”.

Забравшись потихоньку в огород, Наташа наелась малины и очутилась перед бабушкой с перепачканными в малиновом соку руками.

— Наташа, в чем у тебя руки? — спросила бабушка.

— Тоже и в песке... — немного помявшись, дипломатически ответила Наташа.

6. M-lle Julie

Осенью 1887 года в нашу семью прочно и надолго вошло милейшее существо — шестнадцатилетняя француженка m-lle Julie Tore, младшая сестра m-lle Terese, гувернантки в одном из бакунинских семейств. M-lle Julie не знала ни слова по-русски и была прехорошенькая.

Впрочем, о последнем обстоятельстве я знал скорее со слов окружающих, потому что в детские годы мало в этом деле разбирался, больше воспринимая людей через их запахи, чем по внешнему виду: у каждого был свой запах, — у тети Сони, у Ольги Николаевны, у Коли Швейковского, не говоря уже об отце, матери, сестрах и нянька. Были, кроме того, и общесемейные запахи. От m-lle Julie и от ее вещей исходил очень приятный запах, и это сразу привлекло меня к ней. Нянька от нас отошла, осталась только одна Анюша при сестре Маше; мы четверо выстраивались по утрам в угловой комнате и под команду un, deux, trois, quarte* выкидывали руки и ноги, выворачивали шеи и, не сгибая колен, тянулись к полу. M-lle Julie как-то особенно пила кофе, опуская в него кусок сливочного масла и очень громко и решительно сморкалась. Она болтала с нами без умолку, и мы незаметно очень скоро заговорили по-французски. Прошли мы, разумеется, и через обязательные “savez vous planter les choux”, “la tour, prends garde”** и другие многочисленные игры, rondes*** и песенки с их французской напевностью, нередко приправленной и немалой дозой невинной игривости. Прониклись мы всем своим пылким детским существом и франко-патриотическими, преимущественно антипрусскими, настроениями и могли с большим чувством пропеть: “Sentinelle, ne tirez pas, c’est un oiseau qui vient de France”**** и от души ненавидели les prussiens”*****, а “les autrichiens”****** искренне презирали.

Прочно и глубоко внедрила в нас m-lle Julie не просто уважение — воинственный пиетет к почитанию parole d’honneur, нарушение которого было несмываемым позором. Поссорившись как-то раз со своим верным приятелем — сестрой Верой, я в сердцах прокричал: “Je donne ma parole d’honneur que je te donnerais un immense coup de baton”*. Все было кончено. Сестра бросилась бежать от меня, а я за ней, повторяя: “J’ai donne ma parole d’honneur”**. Она как-то ловко и долго от меня увертывалась, и злоба моя успела почти остыть, но, связанный словом, я

ловко и долго от меня увертывалась, и злоба моя успела почти остыть, но, связанный словом, я был вынужден привести в исполнение свою угрозу и, наконец, догнав сестру, сдержал свое обещание, лишь несколько умерив его выполнение за счет простительной урезки понятия “immense”*** и приложения палки к наименее восприимчивой части тела. Сестра Вера не была обижена, она тоже понимала неизбежность совершавшегося. На нас произвела большое впечатление как-то прочитанная вслух весьма поэтическая повесть про некоего средневекового юношу, которому в наследство от предков остался славный меч с выгравированным на его лезвии девизом “franchise”****, — так называлась и вся повесть, — и как этот юноша благородно и достойно орудовал полученным от предков мечом. Последовало много бесед на тему “franchise”, были широко раздвинуты рамки этого понятия. Разумеется, через него было пропущено много знакомых.

— M-me Chveikovsky est franche, m-me Pavloff aussi*****, — называла m-lle Julie персонажей, по ее мнению, положительно отвечавших понятию “franchise”, именуя также и тех, которые, как ей казалось, этому понятию не соответствовали. Мы внутренне не всегда соглашались с классификацией m-lle Julie и думаю, что часто бывали правы. Надо полагать, что этот пиетет к “parole d’honneur” и к “franchise”, не взирая на доведение его иногда до абсурда, был неплохим придатком к другому пиетету, прочно внедренному в нас родителями: матерью — к хлебу и отцом — к книге. Мать с нашего самого раннего детства внушила нам почти святое уважение к хлебу: упаси, Боже, кому-нибудь из нас бросить в другого кусочком хлеба или выбросить его в помойное ведро. Помню, с каким ужасом я созерцал, как кто-то из обедавших у нас взрослых гостей машинально скатывал шарики из хлеба и складывал их в кучку у своего прибора. Уважение к книге было внушено нам и матерью, и отцом, — в особенности последним, — вовсе не какой-нибудь проповедью или наставлениями, а общим обращением с книгой, господствовавшем у нас в доме. Книги, покупавшиеся и выписывавшиеся в довольно большом количестве, обязательно облекались в простые, но аккуратные переплеты с инициалами “В. Л.” или “B. L.” на кожаном корешке, ставились на полку в соответствующий шкаф и заносились на карточки, лежавшие тут же в шкафу. Не помню, чтобы мы рвали или портили книги, — разве что в самом бессознательном детстве, а книги, преимущественно французские из серий bibliotheque rose, bibliotheque bleue****** и другие мы получали в изобилии и к именинам, и по разным другим случаям, как от родителей, так и от родных и знакомых. Правда, при получении в

подарок акварельных красок, мы иногда раскрашивали в своих книгах картинки, но и то редко.

M-lle Julie окончила у себя на родине так называемую ecole normale*, и эти школы, или та, по крайней мере, в которой она училась, были, очевидно, поставлены очень неплохо, так как в пределах своей программы, примерно равнявшейся нашим шести классам женской гимназии, они, судя по m-lle Julie, давали своим ученикам вполне прочные и хорошо усвоенные знания. M-lle Julie обладала прекрасным, даже элегантным почерком, вполне владела литературным языком, была тверда в орфографии, грамматике и синтаксисе, знала свою классическую литературу, могла продекламировать наизусть несколько монологов из Корнеля и Расина или басню Лафонтена; знала, правда, довольно примитивно, свою историю, — словом, была вполне подготовленной для роли гувернантки при детях-подростках. Живую, веселую 16—17-летнюю m-lle Julie, конечно, тянуло ко всем развлечениям, которыми тогдашний Торжок отнюдь не изобиловал: бывали воскресные вечера в клубе, собирались в некоторых семейных домах, в частности, в семье Павловых, где старшая сестра Маша уже была девицей “на выданье”. Но главным затруднением было отсутствие “патронши”, — сопровождающей, — т. к. выезжать, хотя бы на самый скромный вечер, девушка без сопровождения старшей женщины, по тогдашнему понятию, разумеется, не могла. Мать лишь в исключительных случаях облекалась в свое серое шелковое платье и “выезжала” с m-lle Julie. Ольга Николаевна решительно нигде не бывала, а прочие пожилые дамы были не очень надежны, и мать, лишь скрепя сердце, отпускала m-lle Julie с простодушной Натальей Платоновной Павловой или еще менее охотно с вездесущей Варварой Николаевной Пенкиной. У хорошенькой m-lle Julie очень скоро объявилось немало поклонников, как из числа гвардейских офицеров, так и из местной молодежи, но все это соблюдалось в рамках строгого приличия, за чем неукоснительно следила наша мать.

Вскоре у нас вошли в обычай вечерние чтения вслух журнала Education et Recreation**, который мы стали получать. Однажды, очевидно под впечатлением “жюльверно-экзотических” повествований, я решил блеснуть перед m-lle Julie значительностью нашей семьи. У матери был младший брат, моряк, Михаил Евграфович Кардо-Сысоев, который после выпуска в офицеры отправился в кругосветное путешествие, заболел и умер за границей. В моем тогдашнем представлении, моряк, погибший в чужих странах — ясно, съеден дикарями. И вот, этим-то славным событием в нашей семье я и вознамерился блеснуть перед m-lle Julie. Но так как просто, ни с того ни с сего рассказать о нем носило бы характер хвастовства, то я подошел к этому делу очень тонко. Воспользовавшись перерывом в чтении, я обратился к матери, обычно сидевшей с нами за каким-нибудь рукоделием:

— Maman, — промолвил я с видом полного равнодушия и даже несколько рассеянно, — lequel est de nos oncles qui etait mange par les sauvages?***, — вполне уверенный, что этим “oncle” является дядя Миша, чья фотографическая карточка в необычном, каком-то нескладном штатском платье с большим цилиндром в одной руке и зонтиком в другой, снятая за границей, находится в нашем большом семейном альбоме.

Не помню, как реагировала мать на мой вопрос, как отнеслись к нему сестры и m-lle Julie, вероятно, было много смеха, но все это утонуло в постигшем меня разочаровании: он не погиб от зубов чернокожих дикарей, а попросту умер в каком-то английском порту. Вовсе не интересно!

7. Управа — Зима (6 зимних месяцев)

Управа, куда каждое утро уходил отец, помещалась на Дворянской улице в просторном одноэтажном доме, обшитом тесом и окрашенном в коричневую краску, купленном земством у какого-то из Полторацких. При доме был большой сад, обнесенный высоким забором, и пока мы жили на Солдатской улице у Трезвоновых, где не было даже самого маленького садика, мы весной часто ходили в этот управский сад, сохранивший название “полторацкого”. В саду было много высоких старых тополей с бесчисленными грачиными гнездами, в которых крикливые птицы ежегодно выводили своих птенцов, и крик их черномазых родителей, очевидно, так прочно запечатлелся в моем еще мало тронутом детском сознании, что все грачи, где бы я их ни слышал, в течение всей моей жизни остались для меня “полторацкими”, вызывая во мне ранние весенние запахи прелых листьев, сырой земли и распускающихся тополей и воскрешая в памяти врытый в землю старенький стол, на котором мы, высунув языки, деловито растирали в порошок кирпич разных колеров и мяли, и толкли пахучие почки тополя для продажи их в качестве лекарства.

В управе было два сторожа — Тимофей и Василий, оба русые с рыжеватыми бородами, очень похожие друг на друга, только Тимофей потемней и погорбоносей, чем Василий. Они часто приходили к нам по всяким управским делам, иногда кололи дрова или расчищали снег, но в моей памяти они прочно связаны с Рождеством и Пасхой. Вот они несут огромную пахучую елку по нашей скользкой-прескользкой крашеной лестнице, с которой тетя Соня со мной на руках, умудрилась благополучно скатиться на спине до самого низа и, трясясь от одолевшего ее расслабляющего смеха, никак не могла подняться на ноги. Вот они деловито устанавливают эту елку посередине спальни на крестообразной подставке, а вот они же, с намасленными волосами, с расчесанными бородами и усами, в праздничных поддевках и до блеска начищенных сапогах христосуются с отцом и матерью и получают поздравительные рубли из приготовленной кучки монет, откуда также получают свою заранее предусмотренную долю почина сторожа, почтальоны, городовые и прочий люд, так или иначе обслуживающий нас в течение года. Этой раздачей ведает мать, и мы, то и дело слышим голоса прислуги: “Наталья Евграфовна, почтальоны... Наталья Евграфовна, телеграфисты...” А то и более значительными, какими-то приглушенными голосами: “Наталья Евграфовна, священники!”, ибо и эти последние в обязательном порядке появляются на Рождество и на Пасху и, “спроворив” соответствующую коротенькую службу и окропив святой водой подвернувшихся под руку, они также получают соответствующую мзду и отправляются дальше, оставив после себя приятный запах долго не

расходящегося дымка ладана. И отца, и мать всегда зовут по имени и отчеству, слова "барин" или "барыня" отсутствуют в нашем обиходе. Мать всем без исключения, даже нищим, даже извозчикам говорит "вы" и только к Анюше и Анисье, поступившим к нам девочками-подростками, обращается на "ты".

Мы живем в Торжке с поздней осени, обычно с октября месяца и до ранней весны, редко дольше половины апреля, но все же не меньше полгода. Сейчас под конец жизни этот срок кажется мигом, а тогда, в ранние детские годы, он был целой вечностью, — каждый день вносил что-нибудь новое, а на протяжении шести месяцев еще были вкраплены Рождество с двумя елками у нас и у Швейковских, Новый год, чадная Масленица с раздутыми от блинов животами, Великий пост с меланхолическим перезвоном и, наконец, радостная, солнечная Пасха с ее несмолкаемой колокольной вакханалией. Кроме этого были еще дни рождения и именин и какие-нибудь непредусмотренные увеселения вроде любительского спектакля у Швейковских — первого театрального представления, которое мне пришлось увидеть. Сцены, т. е. возвышения на помосте не было, а часть комнаты была отгорожена расставленными на полу глиняными горшочками с цветами. Когда белый коленкоровый занавес с шуршанием отодвинулся в сторону, на отгороженном пространстве предстал перед нами Паша Сидоренко, изображавший лакея и подметавший половой щеткой комнату. У Паши были намазаны пробкой черные усики, а на голове почему-то надета барашковая шапочка бадейкой. Подойдя к зеркалу и глядясь в него, он оправил усики и самодовольно сказал: "Разве я не хорош?" Вот и все, что я помню от спектакля. Кто в нем еще участвовал, и что разыгрывалось на сцене, — ничего не помню. Должно быть, мне хотелось спать, — я сидел на венском стуле в первом ряду, ноги еще не свешивались к полу, а были прямо вытянуты вперед, — стало быть, я был не очень великовозрастен. Еще помню наш выезд наряженными — мы и Швейковские — к Вульфам. На мне был костюм английского матроса, с черной, под клеенчатую, шляпой канотье, сделанной из толстого картона и оклеенной черной глянцевой бумагой, — шляпа, сооруженная m-me Стадлин, была очень твердая и все время свешивалась у меня с головы, поэтому-то, вероятно, я особенно хорошо ее и запомнил.

Однажды между двумя столбами, врытыми по берегам Тверцы, натянули параллельно мосту толстую проволоку, и через некоторое время мы с Швейковскими отправились на мост смотреть, как по проволоке с одного берега на другой пойдет приехавший в Торжок гимнаст. Вскоре на

проволоку в самом деле взобрался немолодой мужчина в красном трико с какими-то медалями на груди и длинной палкой в руках, которая меня очень заинтересовала. Была поздняя осень, река еще не замерзла и текла черная и холодная, и мужчине в красном трико с глубоко открытой жилистой шеей, должно быть, тоже было очень холодно. Натерев подошвы мелом, он пошел по туго натянутой проволоке, которая все же со скрипом вытягивались под его тяжестью при каждом его шаге и, балансируя заинтересовавшей меня длинной палкой, наконец, добрался до другого берега. Мне лично это зрелище совсем не понравилось, мне было даже немного досадно на человека в трико, заставившего меня пережить несколько неприятно волнительных минут. Гораздо веселее были карусели в ежегодную Рождественскую ярмарку, вертевшиеся под оглушительные стоны и вздохи какой-то механической музыки. Девочки в лодочке, а я верхом на статном коне в серых яблоках, с серьезными сосредоточенными лицами, не раз проносились мимо весело улыбающегося лица матери, а потом всю дорогу до дома обменивались впечатлениями, грызя сладкий "индийский" боб или жуя "московскую мостовую".

Именины и дни рождения бывали отмечены обязательным шоколадом в желтых чашках из чайного английского сервиза, подаренного Тимофеем Николаевичем. И столь же обязательным большущим, еще теплым кренделем с утыканным изюмом и немного подгоревшими миндалинами, которые я потихоньку норовил отковырнуть. И шоколаду, и кренделю, разумеется, предшествовали подарки, которые делались не только родителями, но и каждым из нас детей. В мои именины (день рождения, 29 сентября, я чаще всего справлял на козлах при переезде из Дубровки) меня вместо обычной шерстяной курточки одевали в "кашемировую" малиновую рубашку с золотым поясом с кисточками на концах и золотыми же пуговицами в виде шариков и в бархатные коротенькие штаны. Зимние праздники — Рождество, Масленица и

полувесенняя Пасха проводились примерно как у всех. Рождество — с елкой, рождественскими подарками и сластями, Масленица — с чадными блинами, Пасха — с крашением и катаньем яиц. На Рождество какой-то полумифический мировой судья Кандыба долгое время присылал нам громадные “бабы” и розовое малороссийское сало в четверть аршина толщиной, которое мы, дети, никогда не решались даже попробовать. Потом эти посылки прекратились, а, может быть, “прекратился” и сам мировой судья Кандыба. На Новый год отец дарил нам новенькие серебряные гривенники по количеству лет, исполнившихся каждому из нас. Сумма в восемь гривенников, доставшаяся Оле, в то время как мне пришлось всего сорок копеек, казалась мне грандиозной и почти недосягаемой. С полученными гривенниками мы тотчас же мчались в недавно открывшийся Варшавский магазин, где покупали множество самых интересных вещей: хорошенькие papeterie*, флакончики пробных духов, пахучие саше, акварельные краски на картонной палитре, цветные карандаши, наклейные картинки и много других вещей, которые по возвращении домой долго и гордо демонстрировали друг другу.

На Масленице мы пыхтели и считали блины, после которых нам давали “для осадки” по десертной ложечке водки или по рюмке белого столового вина. На Пасху мы с увлечением красили и катали яйца, а мать изощрялась в каких-то коричневых пасхах из топленого творога, которые мы не особенно ценили, потому что их давали по маленьким кусочкам, и мы предпочитали вволю наесться обыкновенными белыми пасхами. Днем к матери приходили праздничные гостьи из тех, что редко бывали у нас помимо Рождества и Пасхи, — две микроскопические сестры Ольга и Марья Васильевна Лисицыны, горбоносая в черной кружевной наколке Матрена Егоровна Курбатова, Юлия Павловна Богоявленская с толстой складкой на переносице, ущемленной болтающимся пенсне, а к нам, тоже днем, приходили девочки — две Нюши, белая и черная, со стриженными головами, очень свеженькие и аккуратные, уже кончившие свое приютское житье и обучавшиеся на портних, а с ними остроносенькая Уля с вопрошающими глазами — подросток лет 10—11. Девочкам были приготовлены пакеты со сладостями и, кроме того, их угощали с рождественских подносов сладостями и орехами всех сортов, на Пасху — пасхой и куличами и катаньем яиц на разостланном в спальне ковре.

8. Прогулки

Пора, однако, описать сводно-семейные прогулки, довольно регулярно совершавшиеся нами по Торжку. Как во всяком уездном городе, новоторжские тротуары были сделаны из самого разнообразного материала: деревянные, булыжные, глинобитные, разной высоты и ширины с обязательным промежутком у каждого въезда во двор, поэтому, а также и потому, что это вообще было ниже ее достоинства, наша процессия, как воинская часть, шествовала по середине улицы, не уступая дороги встречным, правда довольно редким, экипажам, беспрекословно объезжавшим нас. Процессия двигалась в следующей последовательности: впереди всех собаки — белая косматая русская овчарка Шарик, потом тоже лохматая, но черная дворняжка, типа пуделя, Волчок, потом запряженный в детские лубяные санки, злющий-презлющий, кривоногий как такса, Левка, фаворит бабушки Души и, наконец, рядом комнатный пес, гордон Бойка. Вся эта свора носилась по всем направлениям, забегала в незапертые калитки, сражаясь с встречными собаками и неукоснительно поливая каменные тумбы, стоявшие на всех перекрестках. За собаками мчались вооруженные деревянными мечами или луками и стрелами мы с Колей и, как будто с нами, но и не отрываясь вполне от старших девочек, сестра Вера. Дальше уже спокойнее шли девочки: Надя, Оля, Таня и еще какая-нибудь сверстница — Лиза Бакунина или Оля Вульф. За ними уже степенно шли гувернантки: m-me Стадлин и m-lle Julie и с ними без умолку болтающая Варвара Гавриловна и “Варенька” Вульф. Следующая группа: Ольга Николаевна, наша мать и бабушка Душа и, наконец, замыкая шествие, отец, Тимофей Николаевич и седой великан Николай Александрович Бакунин. Такова была процессия походная, разумеется, подвергавшаяся различным отклонениям, главным образом, по линии мужчин, обыкновенно участвовавших в прогулках только в воскресные и праздничные дни. Впрочем, я упустил включить еще двух участников процессии — строптивую ослицу Муху и буланую лошадку Изабеллу; обе под седлами также часто следовали с нами, и мы с Колей поочередно садились на

них. Дамы, носившие в те времена длинные юбки, прибегали к помощи так называемых “пажей”, чаще всего в виде розоватых жгутов с застежками, которые опоясывали бедра и подтягивали юбку на любую высоту, или же в виде зажимов, свешивавшихся с пояса и подбиравших юбку с одного бока. Нельзя сказать, чтобы это мероприятие способствовало изяществу дамских фигур, хотя подобранные юбки обычно скрывались под ротондами или пальто. Особенно живописно выглядела очень розовая, очень полная Ольга Николаевна в своей короткой ротонде, вернее, накидке на лисьем меху и в высоких мужских калошах, глядевших из-под решительно поддернутой юбки. Маршрут наших прогулок, за редким исключением, был один и тот же: по Ямской улице до Ильинской площади, по Ильинскому спуску к мосту и по “другой” стороне к “валу”, вернее, высокому, насыпному холму, воздвигнутому в древние времена, очевидно, по каким-то фортификационным соображениям. Между валом и другим, уже естественным, холмом, на котором за каменными стенами с бойницами красиво раскинулись частью старинные, частью более новые церкви и службы мужского монастыря, спускалась к Тверце длиннейшая мощеная дорога, излюбленное место наших катаний на салазках или ледянках, которые мы обычно захватывали с собой. Эти катанья со взлетами на ухабах при спуске на реку были настолько соблазнительны, что и взрослые иногда принимали в них участие, и у нас даже вошло в обычай “угощать” ими изредка приезжавших к нам в Торжок гостей из других городов. Наши прогулки могли бы длиться очень непродолжительное время, если бы мы не прерывали их, заходя в магазины, расположенные на нашем пути. Первый пункт, который мы удостаивали своим вниманием, был совсем недавно открывшийся “Варшавский магазин”, занявший большое светлое помещение правой половины нижнего этажа Федухинской гостиницы. Здесь все блестело и благоухало смешанным запахом свежего лака и парфюмерии. Магазин обслуживал преимущественно дам и детей. И как обслуживал! Вместо обычного дребезжащего колокольчика у дверей честно щелкал короткий звонок, и навстречу покупателям выходил владелец магазина г-н Паричка — мужчина лет 35—40, небольшого роста, с намеком на полноту и забавно сплющенной головой с расчесанными на прямой пробор реденькими волосами, приятно восполненными остроконечной бородкой и распушенными усами. Но все это тонуло в умильно приветливой улыбке и льстивом блеске маленьких сереньких глаз, сопровождавших вкрадчивую речь на русском диалекте с характерными польскими ударениями. Осматривались полученные новинки, покупалась пара подмышников и моток шерсти, и мы следовали дальше, провожаемые такой же или еще более ласковой и умильной улыбкой г-на Парички. Вскоре после своего

приезда к нам m-lle Julie получила розовый пахучий конвертик, в котором на розовом же листочке с хорошенькой виньеткой, в самых деликатных и округлых фразах, ей делалось предложение руки и сердца г-на Парички. Говорили, что такие розовые конвертики не миновали ни одной новоторжской жительницы, мало-мальски отвечавшей матримониальным устремлениям г-на Парички. Следующий этап на нашем пути — расположенный на той же Ямской улице, только на другой стороне, магазин Тюрякова, помещающийся в небольшом двухэтажном каменном домике с квартирой владельцев на втором этаже. Здесь под долго не умолкающее дребезжание колокольчика, в темноватом и тесном помещении нас встречает или хмурого вида пожилой мужчина в надвинутой на лоб меховой шапке — владелец магазина Тюряков, или же, и чаще всего, обворожительный херувим, какие, казалось бы, бывают только на картинках, с вьющимися иссиня-черными кудрями и обольстительным извивом усов на ярко-розовом фоне лица, первоначально приказчик, а теперь супруг единственной дочери Тюряковых. Не новотора, конечно, удивил бы странный ассортимент товаров, красующихся в двух небольших витринах и на полках магазина: рядом с очень приятно выглядящими колбасами, сырами, ветчиной и фруктами — пара двуствольных охотничьих ружей; над деревянной бочкой с виноградом в пробковой крошке — медный охотничий рог на зеленом шнуре, и, чередуясь с открытыми ящиками мармелада и сине-седой сплющенной малаги — лобзики для выпиливания по дереву со всеми принадлежностями и необходимым материалом: липовыми, ольховыми, ореховыми и дубовыми тонкими досками для изготовления рамок, полочек и ящичков, модели которых развешены тут же на стене, удивляя наши детские взоры своим хитрым рисунком. Секрет фантастического подбора товаров открывается просто: херувим — виртуоз по части выпиливания всяких безделушек и владелец неплохого кофейно-пегого пойнтера, с которым не прочь иногда побродить по окрестным лесам и болотам. Приобретя дюжину пилок для лобзика,

пару досок и коробку абрикосового мармелада, тут же быстро поедаемого нами, мы продолжаем свой путь. Третья остановка у самого спуска с Ильинской горы возле крошечного галантерейного магазина, именуемого в нашем обиходе “la petite boutique”*. Магазин в самом деле совсем маленький, узенький и низенький и обслуживается крошечными, под стать ему, владельцами, мужем и женой. В лавчонке так тесно, что мы все дожидаемся на улице, пока m-lle Julie и Варенька Вульф, приобретя вуальку с мушками и булавку для шляпы, не выходят к нам.

Спускаемся под гору. Мост уже давно прельщал меня своими высокими наклонными фермами с частыми поперечинами в виде удобных ступенек, так и манивших взобраться по ним наверх. Отстав от остальных, я однажды приступил к выполнению этого соблазнительного плана, но не успел сделать и пяти шагов, как на плечо мне легла рука в вязаной шерстяной перчатке, а обернувшись, я увидел красное усатое лицо городового.

— Слезай, мальчик, сюда лазить нельзя, — промолвил он, и я, очень сконфуженный, быстро спустился вниз и побежал догонять своих.

Не знаю почему, эта первая рука предержащей власти, легшая мне на плечо, произвела на меня такое впечатление, что я до сих пор чувствую ее тяжесть, но, очевидно, в этом, по моим понятиям, было что-то постыдное, потому что я скрыл ото всех свой “конфуз” и никогда никому о нем не рассказывал. На “той” стороне в торговых рядах мы обыкновенно заглядывали в большой полутемный магазин Курковых, торговавший исключительно детскими игрушками. Не понимаю, как такой небольшой город как Торжок, мог поглощать столько игрушек, ибо деревня в этом деле, очевидно, не участвовала. Но вот, наконец, и последняя торговая точка на нашем пути — “la baba”** — расторопная и оборотистая новоторка, живущая в чистеньком деревянном домике у самого подножия вала и торгующая из большущего сундука всякими ситцами, которые почему-то считаются разнообразнее и дешевле, чем в магазинах. Скатившись несколько раз с горы, мы возвращаемся обратно по старому маршруту, но уже не заходя в магазины и только на Ильинской площади стучимся в окошко бараночной, откуда нам подают через форточку две связки горячих пахучих баранок, нанизанных на не менее пахучую мочалку. Я перекидываю нашу связку через голову, и мы окончательно направляемся домой. В это время обычно уже начинает смеркаться, в двухэтажных трехоконных домиках понемногу зажигаются огоньки, и

проворный фонарщик с лесенкой на плече и с жестянкой с изогнутым носиком в руках уже перебегает от фонаря к фонарю. По возвращении домой — обед, потом trente minutes de digestion***, потом непродолжительное чтение вслух и, по гудку на Цвылевской мельнице, в половине восьмого — молоко с принесенными баранками или маковыми рожками, а то с часто покупавшимися в окошечке женского монастыря вкусными просвирками и сон под уютную и вместе с тем таинственную, а потому жутковатую ночную колотушку. Обычно я засыпаю не сразу, и в качестве преддверия ко сну у меня перед глазами на фоне темноты начинают рисоваться самые разнообразные плоские геометрические фигурки из светящихся точек, переливающиеся одна в другую, то исчезая, то снова появляясь.

Также в качестве преддверия ко сну я часто вижу нечто вроде плота, на котором, тесно прижавшись друг к другу, стоят какие-то цветные человеческие фигурки, которые я сам себе определяю монахами, быстро и бесшумно скользящие по ярко-зеленой воде. И светящиеся геометрические фигуры, и цветные монахи на плоту были, очевидно, чисто зрительным явлением, но совершенно иного порядка был страшный сон, в точности повторявшийся несколько раз. Окно нашей комнаты с лежанкой, между кабинетом отца и столовой, ярко освещено красных заревом пожара, и в свете этого зарева на меня глядит, лукаво улыбаясь, скорее красивая женщина лет 30—40, повязанная платком. Весь страх сосредоточен в том, что окно — во втором этаже, и, следовательно, улыбающаяся мне женщина или нереально высока, или как-то умудрилась вскарабкаться на второй этаж, что добавляет к испытываемому мною страху легкое чувство гадливости. Все эти преддверия снов и страшные сны связаны в моей памяти только с домом Трезвоновых и, следовательно, закончились не позднее 6—7-летнего возраста.

9. Происшествия

Последние 2—3 года нашей жизни в трезвоновском доме изобиловали всякого рода событиями, как мелкого, так и более крупного значения. Великий фурор произвела женитьба 72-летнего Николая Александровича Бакунина на 30-летней тете Соне. Ольга Николаевна была в полном негодовании и не пожелала встречаться со своей новоявленной мачехой. Вся наша прислуга, разумеется, бегала в церковь, а потом подсматривать под окна "молодых". Впрочем, пища пересудов скоро иссякла, так как новобрачные на второй день после свадьбы уехали в казанское имение Бакуниных. Эта женитьба вызвала и другое событие: после замужества и отъезда дочери бабушка Александровна не захотела оставаться в Торжке и переехала на жительство в Москву к одному из сыновей, а в квартиру под нами приехали из Бекетова и поселились на целую зиму дедушка с бабушкой со всеми своими запахами, старенькой кухаркой Аннушкой и горничной "Аришкой", как они звали ее по старой крепостной привычке. Для нас это было большим событием, дедушку с бабушкой мы до этого видели сравнительно мало во время своих редких поездок в далекое Бекетово, а теперь мы сблизились с ними почти вплотную. Дедушка Евграф Александрович был очень чистенький, очень аккуратный, небольшой старичок с белой бородкой и накуренной желтинкой под носом. От него хорошо пахло сигаретами и одеколоном, которым он обильно обтирался. У него были очень живые светло-голубые глаза, прекрасно видевшие без очков до самой старости. Обычный его костюм состоял из незастегнутого сюртучка с бархатным жилетом. У бабушки были большие, когда-то красивые, теперь поблекшие, добрые глаза. Она с самых ранних лет была близорука, но стала пользоваться очками только в старости, да и то лишь изредка. Она не отличалась подвижностью и больше сидела в кресле за вязаньем, в то время как дедушка расхаживал взад и вперед по комнатам, попыхивая сигарой или трубкой с длиннейшим мундштуком и мурлыкая себе под нос какой-нибудь неопределенный мотив. Зато "Аришка" летала стремительными зигзагами по всей квартире. Вскоре после своего приезда дедушка купил мне ружье, стрелявшее горошиной, и я должен был являться к нему по утрам, чтобы стрелять в цель сидящего на ветке тетерева, которого он прекрасно нарисовал углем. Вскоре же произошло печальное событие: умер Тимофей Николаевич Швейковский. У него уже некоторое время стала развиваться какая-то злокачественная опухоль, которую было признано необходимым удалить оперативным путем. Не доверяя местным врачам, Ольга Николаевна поехала с ним в Берлин к

какой-то тогдашней знаменитости. Однако результаты оказались печальными, — Тимофей Николаевич после операции скончался. Пошли бесконечные разговоры, как, в каком гробу будет доставлено тело. Как примет эту утрату Ольга Николаевна. Александр Гаврилович Вульф очень обстоятельно объяснил, что гроб цинковый, что в нем сверху устроено какое-то окошечко, — я понял, что окошечко вырублено и в груди у Тимофея Николаевича, тревожно недоумевая зачем это сделано, но не решаясь об этом расспрашивать. Тимофея Николаевича похоронили в погосте Рашкино, в 3 верстах от Щербова, и тогда пошли еще более бесконечные разговоры об оставленном наследстве. Удивлялись, что Тимофей Николаевич оказался вовсе не таким богатым, как предполагалось. Приписывали это неудачным биржевым операциям последнего времени. Наде было оставлено 24 тысячи, все имение — Коле, а в пожизненное владение — Ольге Николаевне. "Бакунинское лоно" решило, что отцу следует на всякий случай, хотя бы временно, занять должность Тимофея Николаевича в банке впредь до выяснения благополучия в его делах. По-видимому, все оказалось вполне благополучным, но, уйдя из председателей управы, отец на этот пост уже больше не возвращался. На фоне этих событий как-то мало заметно промелькнула смерть от воспаления мозга Коли Павлова, черноглазого, круглолицего кадетика с кругленьким животиком, туго обтянутым мундирчиком с галунами, погонами и золотыми пуговицами — всегдашней жертвы сестры Оли, которая, не взирая на негодующие протесты мальчика, все же успевала сделать ему "тис-тис", т. е. деловито потискать его, что было высшим проявлением ее восторга. Говорили, что он простудил голову на похоронах какого-то начальства, что вызвало общее возмущение. Потом сломал ногу сам доктор Павлов на каком-то пьяном вечере. Упал, и его тащили за больную ногу. Появились на господском горизонте два молодых человека, почему-то ославленные "Х"-неудачниками и даже в какой-то мере неблагополучными: Петя Балаванский и Коля Загряжский. Говорили даже, что отец последнего Алексей Николаевич

собирается отдать его в какое-то исправительное учебное заведение. Приезжал к нам Миша Чаплин, гимназист в сером костюмчике, самый младший из шести сыновей дедушки Миши и, следовательно, наш дядя, но только на год или два старше сестры Оли. Прожил он у нас несколько дней, дразнили каким-то выдуманным генералом m-lle Julie, было очень смешно и весело, сочиняли и пели стихи "M-lle Julie бежала по дорожке и увидела генеральские ножки" и что-то еще. Потом приезжала тетя Маша Бландова со старшим сыном Колей, тоже гимназистом уже лет 11—12. Их угощали катаньем с горы около вала. Толстая тетя Маша очень смеялась. Потом Колю вывозили на танцы в клуб; в синем мундирчике с серебряным галуном и пуговицами. Мать тоже выезжала с нами в своем парадном сером шелковом платье с бисерной отделкой. Еще был у нас импровизированный бал, — задолго до смерти Тимофея Николаевича. Из нашей спальни вынесли и составили в кучу все кровати. В кабинете отца ужинали и играли в карты. Помню танцующую пару, Веру Васильевну Вульф, жену Александра Гавриловича, и долговязого кавалерийского юнкера в золотых очках — Володю Бакунина. У Веры Васильевны был такой длинный шлейф, что, развеваясь в танце, он раскидывался на всю комнату, и кавалеру надо было очень быстро вертеть свою даму, чтобы шлейф не запутался вокруг ее ног.

В Торжке создалось вольно-пожарное общество, и глава его Паша Сидоренко неожиданно сделал мне к именинам замечательный подарок — настоящее пожарное снаряжение: красную кожаную фуражку (до касок новоторжские пожарники не доросли), аккуратно смотанную в жгут крученую веревку, перекидывавшуюся через плечо и верх мальчишеского вожделения — настоящий острый-преострый пожарный топорик. Фуражку мне оставили, веревку тоже, а топорик, дав подержать его в руках и попеняв Паше за его опасный подарок, благоразумно убрали на книжный шкаф в кабинете отца — "до Дубровки".

В этом же году нам сделали башмаки на красной фланелевой подкладке и с меховой стелькой, купили "американские" коньки, и мы стали ходить на каток, устроенный на Тверце возле моста. У девочек появился какой-то "le patineur"* — не очень молодой человек, однако носившийся по катку. О нем они много шептались.

Всегда решительная в своих действиях Ольга Николаевна собственноручно остригла Колю, после чего вся его голова оказалась в каких-то забавных волосяных "лесенках". Убоявшись

такой "лестничной" стрижки, мать пригласила ко мне парикмахера, высокого старика с седой, совсем белой головой, при черных, очевидно, густо нафабренных усах. Меня тщательно укутали простыней, что сразу внесло нечто значительное в операцию стрижки, и когда парикмахер вдруг быстро и мелодично залязгал ножницами, я, глядя в зеркало, как проворно и ловко сжимаются и разжимаются его пальцы, просидел до конца стрижки, точно загипнотизированный этой "лязгающей" музыкой.

Весной у владельцев лесного склада двух молоденьких братьев Бикрицких, носивших пенсне и как две капли воды похожих друг на друга, появился первый в Торжке двухколесный велосипед с огромным передним и крошечным задним колесом. Бикрицкие жили недалеко от нас, и мы имели возможность наблюдать, как оба брата самоотверженно принялись обучаться езде на этом страшном сооружении. Сначала один брат при помощи другого усаживался в седле над большим колесом и делал попытку, заработав педалями, двинуться в путь, что почти сейчас же кончалось его полетом на землю, после чего другой брат с таким же усердием и таким же успехом повторял тот же опыт. Наконец, которому-то из братьев посчастливилось сдвинуться с места, и к великому восторгу собравшихся ребятишек, довольно лихо промчаться по краешку улицы. Не знаю, удалось ли, в конце концов, братьям Бикрицким одолеть свое громоздкое, уже и тогда, вероятно, несколько устаревшее сооружение, но нам в этом убедиться не пришлось.

Как-то раз мимо наших окон потянулся к казармам народ. Обгоняя взрослых, бежали ребятишки. Мы тоже пошли.

— Дуров будет пускать воздушный шар!

На просторном берегу Тверцы, за казармами, где пахло свежим ржаным хлебом и конским навозом, окружая кирпичный очаг, свежесложенный на середине свободного пространства, собралось уже порядочно народа. Над очагом колыхался на растянутых веревках большущий белый воздушный шар. Очаг уже не топился, и шар был туго раздут. Возле очага среди незнакомых приезжих и нескольких наших военных распоряжался плотный брюнет, ниже среднего роста, без усов и без бороды, в цилиндре и светло-серой крылатке.

— Дуров! Дуров! Анатолий Дуров!

Чего-то ждали. Показался знакомый нам вахмистр, а рядом с ним рослый солдат с чем-то визжащим и брыкающимся в мешке за плечами.

— Оказывается, полетит поросенок. Вахмистр дает своего поросенка. Если он пропадет, за него заплатят. Бедный поросеночек!

Все засуетились. Неистово ревущего поросенка стали опоясывать лямками и прилаживать над ним нечто вроде раскрытого зонтика. После долгой возни, наконец, удалось подвесить поросенка под шаром. Плотный брюнет что-то прокричал и взмахнул рукой. Четверо солдат, державших концы веревок, отпустили их, и шар под раздирающие вопли барахтающегося поросенка плавно пошел кверху. Все шеи вытянулись, следя за быстрым подъемом шара. Было тихо, шар почти не относило в сторону. Скоро поросячий визг перестал доноситься до нас, а сам поросенок обратился в белый комочек, ярко светившийся в солнечном небе.

Внезапно толпа ахнула, — белый светящийся комочек оторвался от шара и с раскрытым зонтиком стал спускаться вниз.

— В реку упадет! Беспременно в реку!

Ребятишки гурьбой помчались к реке. От берега оттолкнулось несколько лодок, и не успел поросенок обмочить кончика своих ножек, как уже был подхвачен десятком рук и под ликующие крики ребят притащен к Дурову.

— У поросенка оказалось замечательное сердце! Дуров в восторге от поросенка, он берет его с собой и будет дрессировать. Дуров заплатил вахмистру двадцать рублей! Посчастливилось вахмистру! Повезло и поросенку!

Умер от дифтерита рыженький двухлетний Саша Вульф, единственный ребенок Веры Васильевны и Александра Гавриловича, а потом у Александра Гавриловича вдруг отнялись ноги. Господи, сколько всяких шушуканий зашелестело по городу. Его жена Вера Васильевна, та самая, которая танцевала с Володей Бакуниным и у которой так далеко развевался шлейф, уехала от него. Его, кажется, обвиняли, а ее оправдывали.

А завершился последний год нашей жизни в доме Трезвоновых нашим переселением к Швейковским, после чего у нас дополнительно появилась сестра Катя, рождение которой вызвало продолжительную болезнь матери, так что как-то незаметно прошла и смерть бабушки Кати, скончавшейся от воспаления легких. А в 1890 году мы переехали в дом Школовского на Никольской улице, а Швейковские — в дом Львовых на этой же улице, но на другой стороне, через несколько домов от нас.

10. В доме Школовского. Учение

Трудно было себе представить что-нибудь более нелепое по наружному виду, чем дом Школовского. в который мы переехали. Крыша в каких-то разноцветных квадратиках с понатыканными смешными флюгерами и с двумя громоздкими башнями по ее краям, обрамленными белыми парапетами. Но внутри дом был очень приятный, — свеженький, чистый,

с окрашенными "под паркет" желтыми с черным полами. В центре — громадная комната, такая большая, что в ней по четырем углам сразу разместились и гостиная, и столовая, и наша классная, и музыкальный уголок с роялем, да еще оставалось в середине большое свободное пространство, настолько просторное, что нахлынувшие как-то к нам ряженые свободно танцевали кадриль в 12 пар, ничего не отодвигая. С одной стороны эта комната выходила окнами в палисадник на Никольскую улицу, а с другой — на большую крытую террасу в обширный сад. Зато, кроме этой большой комнаты, в квартире было только четыре, правда тоже довольно больших комнаты: кабинет отца, в котором ему, как всегда, стелилась постель на длинном диване с мягкой спинкой и боками, спальня матери и двух младших сестер, спальня трех старших девочек и комната m-lle Julie, в которой за ширмой временно стояла моя кровать. Кухня с большой комнатой для прислуги выходила во двор отдельной пристройкой. Между кабинетом отца и спальней матери была просторная передняя, а между комнатами девочек и m-lle Julie — проходная комната в кухню, в которой стоял большой стол с заправляющимися лампами, спиртовками и всякой посудной утварью. Множество комнатных растений — пальмы, фикусы, арумы и громадный филодендрон свободно устроились в большой универсальной зале, образуя в одном из углов чуть ли не целый зимний сад. Правда, наверху в двух башнях были две прекрасных светлых комнаты, но пройти в них надо было через холодный чердак, и сами они отапливались только теоретически, проходившими в них печными трубами, так что жить в этих комнатах можно было только летом, т. е. когда мы уезжали из Торжка. Впрочем, одна из башен как-то была использована в качестве приюта для двух шумливых веселых хохотушек, двух старших дочерей дяди Николая Евграфовича — Жени и Кати Кардо-Сысоевых, приехавших к нам весной и прогостивших всю Пасху. Одной было лет семнадцать, другой немножко больше, обе были красивые и задорные. Пасха была поздняя, березки уже распустились, а у нас в саду начали зацветать редкие в наших краях каштаны; Торжок гремел всеми своими многоголосыми колоколами, прифранченные пожилые новоторы и новоторки чинно восседали на скамеечках возле своих домов, молодежь топталась взад и вперед на Ямской улице по давно пылившему шоссе, а детвора катала разноцветные яйца на пригретых солнцем уже зазеленевших обочинах улицы. Женю и Катю всячески увеселяли выездами на клубные вечера и в знакомые семейные дома. Как-то раз после дневного визита к Цвылевым на мельницу, они с громким смехом вбежали в комнату.

— Тетя Наташа! Что за прелесть наш Иван Степанович! Показал нам все свои владения, мельницу, фруктовый сад, яблони все в цвету... он отломил большую ветку и галантно нам ее поднес. А Катя говорит: "Как вам не жалко, сколько яблок пропадает!" А он ее успокоил: "Ничего-с, это все пустоцвет!" И весь эффект испортил!

Этот Иван Степанович, представитель многочисленной и богатейшей семьи Цвылевых, был существо довольно трагическое. Он кончил университет, много читал, от своей купеческой родни и купеческого окружения как-то отошел, хотя свои денежные и коммерческие дела отнюдь не запускал, а напротив вел их весьма обстоятельно и успешно. Но, отойдя от своих, он к не своему дворянскому обществ, которое его явно привлекало, пристроиться не сумел. Он, вероятно, был бы не прочь связаться с ним узами брака, ибо, несмотря на свой четвертый десяток, был холост. Но из этого тоже ничего не вышло, да и наружность была крайне неблагодарная: темно-рыжий, с ярко рыжими усами (бороду он брил), с красным круглым веснушчатым лицом, крошечными глазками и "русским" неопределенным носом и в придачу ко всему с ярко выраженным новоторжским говором, — он, несмотря на то, что был вовсе не глуп и очень богат (не только по Торжку), не сумел прельстить ни одной дворянской невесты и лет десять спустя кончил свою невеселую жизнь, застрелившись в Монте-Карло и осчастливив своих родственников миллионным наследством.

Три года, проведенных нами в доме Школовского, в основном, прошли под знаком учения — подготовки к поступлению в гимназию. Обучались мы врозь, — отдельно две старших девочки и мы с сестрой Верой. Учителей перебывало у нас много, но нельзя сказать, чтобы они были удачны. Первым появился у нас довольно смазливый молодой человек по фамилии Иванов, — рекомендация Натальи Платоновны Павловой, — учитель ее старших дочерей.

— Уж такой внимательный, такой внимательный, — аттестовала его Наталья Платоновна, — ни на шаг не отстает от девочек, разве только что в уборную с ними не ходит...

Этот "внимательный" педагог, задав нам с Верой какое-нибудь письменное упражнение по арифметике или русскому языку и удобно расположившись в кресле, доставал зеркальце и гребенку и принимался расчесывать свои довольно длинные волосы и оправлять кокетливые черные усики, видимо, с приятностью вглядываясь в мелкие черты своего смазливого лица. А иногда, не меняя небрежной позы, брал в руки перо и на чистом листе бумаги начинал очень бойко расписывать: "Иванов-Соколов", заполняя этими росписями весь лист. Почему в его росписях фигурировало это дополнительное "Соколов", не знаю, может быть, для большего эффекта. Иванов-Соколов учил нас не больше недели. Его сменил некий Григорий Григорьевич, поступивший учителем и к Швейковским и живший у нас в доме. Он запомнился мне по удивительно неприятному застойному табачному запаху и по нашему с ним совместному падению. Подхваченный им на плечи во время неистового "Grossvater'a"* по анфиладе комнат и коридору под музыку Ольги Николаевны, он грохнулся вместе со мной на пол, очевидно, не без влияния дополнительного запаха водки, присоединившегося к основному табачному запаху. Он также быстро исчез, а вместо него при нас с Верой появился некий Константин Павлович Невинский, молодой учитель, недавно окончивший новоторжскую учительскую семинарию и тоже недавно женатый на воспитаннице Натальи Михайловны Ельчаниновой — шмыгающей носом Наденьке. Константин Павлович тоже недолго нас обучал, и мы все, включая и старших девочек, были вскоре сданы "оптом" очень рыхлой и чувствительной, уже немолодой особе Ольге Алексеевне Лопатиной, у которой при каждом нашем неуспехе или шалости сразу розовели слегка отвисшие щеки и мешочек под подбородком, и она с горечью восклицала очень влажным голосом:

— Какие вы нехорошие, нехорошие дети!

После какого-то особенно надрывного и многословного объяснения с Надей Швейковской она отказалась от нас и уехала из Торжка, а мы все, включая Надю и Колю Швейковских, попали в энергичные руки неизвестно откуда взявшейся очень миниатюрной, очень белокурой девушки с бойкими черными глазками — Нины Борисовны Веселовской, которая так ретиво принялась за наше обучение, что в один год довольно успешно подготовила нас к соответствующим гимназистским классам: меня в первый, Веру и Колю Швейковского во второй, сестер Олю и Таню в четвертый и Надю Швейковскую не то в пятый, не то в шестой класс. Помимо уроков с Ниной Борисовной велись еще занятия по истории, которую преподавал отец двум нашим старшим девочкам, Наде Швейковской и Гоге Вульф. Занятия происходили по вечерам в кабинете у отца и казались мне очень значительными.

Помню, как однажды, выходя после урока из кабинета, отец в ответ на какие-то очень вольные речи Нади Швейковской по адресу царей и министров, собрав сеточку морщин возле глаз, иронически добродушно заметил:

— Есть вещи, которые, на худой конец, можно делать, но про которые не следует болтать.

Кроме всех этих занятий, шли, конечно, очередные уроки с m-lle Julie по голубеньким книжкам "La Rive est fleurie"* и по славному Марго. Затем как-то ненадолго выступил на сцену немецкий язык в лице 40—45-летней freulenn Muri, поселившейся у Швейковских и ежедневно приходившей к нам. Fraeulenn Muri была такая же скучная, как и запах слежавшегося платья, исходивший от нее и, так как я уделял больше внимания прозрачным капелькам, вечно капавшим у нее с кончика носа на пыльное бархатное платье, нежели немецким вокабулам и казавшимся мне ужасно унылыми готическим буквам, то в результате наших, правда, очень кратковременных занятий, мои познания в немецком языке, кроме двух-трех десятков самых ходовых слов, ограничились важным сведением, что немецкие собаки, в отличие от наших лают "вау-вау", а не "ав-ав". Надя вскоре энергично запротестовала против капелек, растекавшихся на

пыльном бархате, и Fraeulenn Muri уехала от Швейковских, вследствие чего прекратились и наши уроки немецкого языка. Помимо этого была музыка. Сначала ее преподавала очень молчаливая, краснеющая блондинка с прыщиками на щеках, но так как результаты ее преподавания были самые плачевные, ее скоро сменила отнюдь не молчаливая и черная-пречерная, одна из упомянутых трех вестовщиц матери, Варвара Николаевна Пенкина. Она появлялась между девятью и десятью часами утра, когда кофе еще не был убран со стола, и в то время как мать, сидя за самоваром, мыла чайную посуду, отводила душу докладом о последних городских событиях, выпивала две-три чашки кофе и, выкурив столько же папирос, переходила из угла столовой в музыкальный угол с роялем, откуда под спотыкающиеся звуки Ганона начинал раздаваться ее крикливый хрипловатый голос заядлой курильщицы.

Иногда Варвара Николаевна заходила к нам вечером, и тогда мать обычно просила ее поиграть на рояле. Не знаю, насколько искусна была игра Варвары Николаевны, но мне она очень нравилась. У нее был обширный репертуар не очень сложных вещей, и мне среди них особенно пришелся по душе Ната-вальс Чайковского, который Варвара Николаевна всегда исполняла по просьбе матери. Случалось, что вечерняя музыка продолжалась настолько долго, что уже можно было ложиться спать. Тогда я торопливо бежал к себе в комнату, спешно раздевался и нырял в постель, чтобы успеть заснуть под музыку, что было для меня величайшим наслаждением.

Игре на рояле обучались три старшие девочки, я был от нее избавлен, о чем тогда не жалел, а впоследствии не раз горевал. В восполнение этой музыкальной бреши меня и Колю Швейковского стали обучать столярному ремеслу. Дело было поставлено на широкую ногу: в длинной, просторной столовой Швейковского был отведен целый светлый конец, где установили прекрасный верстак с вертикальными и горизонтальными зажимами и прочими приспособлениями, был выписан из Москвы комплект столярного инструмента и приглашен в качестве преподавателя столяр Егор, положительный, уже не молодой мужчина с гнусавым голосом и черными пятнами на твердых, точно роговых, ногтях. Егор прежде всего охаял полученный из Москвы инструмент, который так и остался лежать в своем нарядном раздвижном ящике, и обзавелся более простым и основательным местным инструментом, после чего мы под его руководством принялись пилить, строгать, фуговать, сверлить и нарезать шипы и скоро утонули в волнах душистых сосновых стружек. Видимыми достижениями в столярном искусстве были к концу зимы: у Коли — ящик для гербария с откидной доской (весил он не меньше пуда), а у меня — маленький стульчик, слегка перекошенные салазки и долго не заживавший нарыв на среднем пальце левой руки от неудачно соскочившей пилы.

11. Еще m-lle Julie

Я замечаю, что из моего повествования как-то совсем выпала m-lle Julie. А между тем она занимала совершенно определенное, значительное и прочное место в нашем семейном быту. Ей уже было под двадцать лет, она выросла и раздалась, стала носить высокую прическу вместо низкой и модные, обтягивающие фигуру, джерси. Она научилась с грехом пополам, вернее, с большим грехом, говорить по-русски, но выговор у нее был ужасный, и все специфические русские буквы или коверкались, или передавались весьма приблизительными французскими звуками. Впрочем, это ее мало смущало, и когда у нее не доставало слов или не удавались трудные звуки, она восполняла это решительностью. А говорить по-русски ей приходилось нередко, — с прислугой, в магазинах и с довольно многочисленными знакомыми, не владевшими французским языком. Правда, были у нее в Торжке и соотечественницы — гувернантки в новоторжских семействах — m-lle Ivonne Zara у Синицыных, m-lle Louise при Коле Романове, m-lle Alice у кого-то еще. Последняя была швейцаркой, и отец ее не то сам был часовщиком, не то имел близко связь с часовщиками, и наш отец получил через нее очень простенькие и недорогие часы, безотказно служившие ему до конца жизни. M-lle Julie была нрава веселого и отнюдь не скучного, да и скучать ей было некогда, ибо день ее был достаточно заполнен и классными занятиями с нами и Швейковскими, и самостоятельными или совместными прогулками, и вечерними чтениями вслух, и обширной перепиской с родными, а в последнее время с другом детства, cousin Maxime*, уехавшим в Америку и присылавшим ей оттуда длиннейшие письма с

описанием всевозможных приключений в духе Майн-Рида или Густава Эмара, постигших его в девственных лесах или безлюдных пампасах.

Тут были и переправа через реку со страшными аллигаторами, которые перекусывали пополам краснокожих носильщиков, и нападения диких зверей в непроходимых джунглях, и жуткие степные пожары, и стада свирепых буйволов, и всему этому мы жадно внимали, когда m-lle Julie взволнованным голосом читала нам вслух увлекательные письма cousin'a Maxime'a. И только много лет спустя мы не без разочарования узнали, что все это было плодом досужей фантазии cousin'a Maxime'a, мирно работавшего в какой-то американской конторе и ни разу не видевшего ни аллигаторов, ни буйволов, ни степных пожаров, которыми он развлекал свою простодушную кузину.

Умножились и уточнились за последние годы поклонники m-lle Julie. Настойчиво домогался ее руки студент-медик Васенька Лисицын, представитель многочисленной семьи Лисицыных, такой же маленький, как его братья и старшая сестра, замужняя Туполева и две незамужних девицы Ольга Васильевна и Марья Васильевна, жившие на Ильинской площади и в обязательном порядке бывавшие у нас по торжественным дням. Были менее серьезные поклонники, преимущественно из числа офицеров-гвардейцев, стройный, с русой бородкой гусар фон-Розенталь, раз навсегда поразивший меня своим сверкавшим на весеннем солнце расшитым серебром зеленым доломаном с бобровой опушкой, малиновыми гахчирами, бобровой шапкой с малиновым верхом и волочившейся по земле серебряной саблей. Был еще один длинноликий "фон" — поручик Рейнгард. Однажды, когда мы с m-lle Julie шли к бабушкам по Дворянской улице, в домике старушек Шнейдер, где снимал комнату этот "фон", открылась форточка, из нее высунулась серебряная труба, и в морозном воздухе полились страстные звуки арии из "Трубадура" Eleonora aclelio. Третий поклонник, также из числа военных, был значительно солиднее двух первых, подполковник Иосиф Антонович Липский, из поляков, с сорокалетней округлостью, редеющей шевелюрой и великолепными подусниками под квадратным подбородком слегка помятого лица. M-lle Julie, уроженка крошечного савойского городка Saint Leon de Marienne у подножия Альп, вероятно, в память своих родных гор, любила, когда мы гуляли одни, водить нас "dans les montagnes"* — небольшие голые холмики в полуверсте от города, с огромными ямами, из которых брали песок, после чего их заливали весенние воды, обращая в глубокие мутные озера. Помню, как на глазах у всей публики, — была совместная прогулка со Швейковскими, — я, будучи лет 4—5, ввалился в такое озеро и влекомый матерью за руку, едва поспевал за ней, тянул с места падения до самого дома одну непрерывную ревущую ноту, пока с меня не стащили мокрую одежду и не переодели во все сухое. Вот здесь-то, в "горах", гуляя поздней осенью, мы однажды увидали скачущего всадника, который, по приближении, оказался подполковником Липским. Его нарядный коралловый конь разбрызгивал пену, нетерпеливо приплясывая на месте, в то время как седок, чуть-чуть отвалясь назад, небрежно играя мундштучными поводьями и щеголяя безукоризненным французским языком, приветствовал m-lle Julie. Кажется, эти "горные налеты" повторялись еще раза два, но скоро выпал снег, наступила зима, и наши загородные прогулки прекратились. Однажды, шагая домой от Швейковских, я увидел у нашего подъезда светло-гнедую белоногую лошадку, запряженную в низенькие желтые санки с гвардейцем солдатом в качестве кучера. Мне, конечно, были знакомы все выезды на нашей стороне, и я сразу узнал лошадь и сани подполковника Липского. И действительно, войдя в большую комнату, я узрел в углу, отведенном под гостиную, сидевшую у стола m-lle Julie, а против нее надушенного, нафабренного, с еще более пышными, чем обычно, подусниками и просвечивающей лысиной Липского. Раскрытый семейный альбом m-lle Julie и целый ворох дополнительных фотографических карточек лежали на столе.

— Mon pere et ma mere, notre oncle Achille — le frere aine de ma mere, mes quaters soeurs: Terese, Marie, Seline et Emilie, mon frere Jule*, — обстоятельно пояснила m-lle Julie. Липский, представленный матери, сразу же заверил ее в серьезности своих намерений.

— Но, — пояснил он, — я жду ответа на письмо от моего уважаемого друга и старого однополчанина князя Мещерского, с которым всегда советуюсь во всех важных вопросах.

— Le prince ne tardera pas a me dormer sa reponse**, — пояснил он и m-lle Julie, по-видимому, принимавшей как должное такой несколько обидный и, по меньшей мере, односторонний подход к разрешению ее судьбы.

Запах духов и фиксатуара еще долго держался в комнате после отъезда неожиданного визитера, портрет которого в блестящей гусарской форме, снятый еще в молодые годы, занял достойное место в альбоме m-lle Julie, вытеснив из него которого-то из oncle'ей. Сергей Борисович Мещерский, владелец большого имения Лотошино в 50 верстах от Твери, очевидно, не посоветовал "другу и старому однополчанину" связывать свою судьбу со скромной гувернанткой, и Липский понемножку исчез с нашего горизонта.

12. Мой роман. Стоговы

Не только у m-lle Julie, но и у меня примерно в это же время тоже завязался роман.

В Торжке появились новые обитатели — совсем молоденькие брат и сестра Зееман. Брат — студент в каком-то специальном учебном заведении, часто приезжавший в Торжок, а сестра — просто девица, недавно окончившая московскую гимназию. Почему им вздумалось поселиться в Торжке — не знаю. У них, очевидно, были кое-какие средства, так как они купили на Дворянской улице лучший барский дом с мезонином, балконом и обязательными колонками, приобрели рыженькую лошадку с подстриженной гривой и, быстро перезнакомившись с новоторжским обществом, стали сами в нем бывать, а, обзаведясь старенькой родственницей, принимать у себя гостей, в числе которых видное место заняли гвардейские офицеры. Я не раз видел и брата, и сестру Зееман, и они мало интересовали меня. Но вот однажды наша сводно-семейная процессия, как всегда, шествовала по середине улицы, столкнулась в конце Ямской с рыженькой лошадкой в английской упряжи, заложенной в низенький шарабан, в котором одна, без кучера сидела m-lle Зееман. Мать и Ольга Николаевна о чем-то заговорили с ней, а мы молча стояли вокруг низенького шарабана, разглядывая его одинокую владелицу. И вот тут-то меня до самого сердца, до самого нутра внезапно пронзило чувство влюбленности в m-lle Зееман. Это было то, что французы называют le coup de foudre*, а виной всему была, без сомнения, черная повязка на лице m-lle Зееман, страдавшей зубной болью, на которую она жаловалась матери и Ольге Николаевне. Я потому отношу всю вину на черную повязку, что именно она, — я это подсознательно чувствовал, — придавала особую остроту моему увлечению. В продолжение всей прогулки и дальше весь день я носил в себе это чувство влюбленности, пока, наконец, не донес его до постели, где, прежде чем заснуть, обстоятельно высчитал, сколько лет будет m-lle Зееман, когда я по своему возрасту смогу на ней жениться и, установив, что ей к тому времени будет не многим больше двадцати пяти лет, славно заснул. Не помню, долго ли я пребывал в состоянии влюбленности, не очень тревожившей меня и приятно щекотавшей под ложечкой при упоминании имени моего "предмета" или при встрече с ним.

В одно прекрасное утро Варвара Николаевна Пенкина за очередной чашкой кофе спросила:

— Слыхали, Наталья Евграфовна, Апрелев женится на Зееман.

И в самом деле, вскоре состоялась свадьба "моей" Зееман с гвардейским уланом Апрелевым. А еще немного спустя, меньше чем через год, разразился скандал: красавица Маня Павлова сбежала с Апрелевым, а "моя" Зееман, у которой скоро должен был появиться ребенок, брошена мужем. Не знаю, чем кончилась вся эта эпопея. Как будто Зееман уехала из Торжка. Больше я о них не слыхал, но где-то во мне навсегда отпечатались стриженая рыженькая лошадка, низенький шарабан и немножко скорбная девушка с черной повязкой на щеке.

Иногда у нас во дворе появлялись распряженные деревенские сани, а в пустующей конюшне — тройка гнедых лошадей: Чижик, Соловей и Красавчик. На кухне уже сидят или белобрысый, круглолицый, широко улыбающийся кучер Филипп или же, наоборот, очень смуглый,

длиннолицый, с горбатым носом кучер Илья: приехал дядя Гроня, Евграф Иванович Стогов, муж старшей сестры. Стоговы — многочисленное семейство: четыре сына — Ваня, Гроня, Петя и Миша и три дочери: Катя, Наташа и Анна. Они живут круглый год в своем имении Почайна в 20 верстах от Торжка, а дети, по мере подрастания, отправляются в столичные учебные заведения, — мальчики в корпус, а девочки в гимназию в Москве, где начальницей наша дальняя родственница Анна Николаевна Возницына. Приезды дяди Грони всегда оживляли наш дом. Помимо того, что мы часто получали от него какие-нибудь занимательные подарки, то интересную игру, то замечательный пистолет, стрелявший палочкой с резиновой шляпкой, сочно вписывавшейся в ярко раскрашенные круги мишени, — помимо этого, его зычный голос расточает веселые шутки, то разбрасывая их куда-то в пространство, то по чьему-то адресу, не забывая ни нас, детей, ни m-lle Julie, ни весело улыбающуюся прислугу. А то дядя Гроня вдруг сядет за рояль и, собрав нас вокруг себя, пропоет с нами бравую “Дети, в школу собирайтесь” или еще какую-нибудь знакомую песенку из “Гуселек” в красной обложке.

Дядя Гроня — моряк в отставке в скромном чине лейтенанта, но зычностью голоса он, по меньшей мере, капитан, да и фигура у него капитанская, плотная и коренастая при среднем росте. У него бойкие остренькие глаза, горбатый нос и бородка клином. Обыкновенно он появляется к обеду, покончив со всеми делами и визитами в городе. В этих случаях на стол выставляется бутылка белого столового вина и, разливая его по нашим маленьким рюмочкам, дядя Гроня обязательно припевает: “Наливай сосед соседу, сосед любит пить вино!” И тут же, в утешение m-lle Julie, которая жалуется на долгое отсутствие писем из дома, бросает ей через стол: “Pas de nouvelles — bonnes nouvelles*, m-lle Julie!”

Когда дядя Гроня уезжает обратно, в тот же день, а иногда на следующее утро, мы четверо, стоя на задке и отводах, облепляем его сани. Тройка запряжена гусем и, выехав из ворот, передняя гусевая — Красавчик — мечется из стороны в сторону, не зная, куда повернуть, пока длинный кнут Филиппа или Ильи не вразумляет его. После этого мы мчимся по нашей Никольской мимо Швейковских, мимо Романовых, по Воздвиженской мимо фотографии Гребенщикова и, переехав мост со стуком подков и скрежетом подрезов, останавливаемся у магазина Мокшевых. Здесь, согласно ритуалу, мы получаем от дяди Грони по плитке Эйнемовского шоколада в ярко-красной обертке с золотыми буквами и, весело болтая, бежим вприпрыжку домой. Кроме дяди Грони, мы часто видели его старшую дочь Катю, уже совсем барышню, кончившую в Москве гимназию, высокую, худощавую, очень горбоносую блондинку, чрезвычайно бойкую на язык. Она нередко бывала в Торжке, выезжала с кем-нибудь из своих знакомых на клубные вечера и держала себя весьма самостоятельно, вызывая порой нарекания за эту чрезмерную самостоятельность. Других членов семейства Стоговых мы видели только мельком: как-то раз проездом из Москвы показался на несколько часов 14-летний кадетик Ваня со специфической кадетской хрипотцой и мальчишескими запахами.

Достав из кармана медный пятачок, он снисходительно продемонстрировал мне отпечаток двуглавого орла, получаемый на замерзшем оконном стекле, если плотно приложить к нему теплую монету. Он также снизошел до похвалы моему перочинному ножичку со штопором, привезенному мне из Москвы, чем доставил мне большое удовольствие. В другой раз приехала сама тетя Катя, толстая, рыхлая, с двойным подбородком, удивительно похожая на фельдмаршала Кутузова в моей книжке “Грозная Туча”, а с ней рыжеватая англичанка мисс Вейльд и трое детей: Анна с хорошенькой головкой на тоненькой шее и два откормленных подростка — Гроня и Петя. Она приехала показаться зубному врачу Тихомирову при его очередном приезде из Твери, пробыли там не долго, что мы успели только зрительно с ними познакомиться. Впрочем, мне вскоре представился случай попасть самому в Почайно. К нам приехали дядя Миша Чаплин, старший сын дедушки Миши, служивший офицером на Кавказе и вышедший в отставку, намереваясь обосноваться в Чаплинском имении Сосуново и принять в свои руки хозяйство от состарившегося отца. Сейчас он объезжал родных, с которыми давно не виделся и, побывав у нас, собирался проехать к Стоговым. Дядя Миша предложил матери прихватить меня с собой в качестве компаньона, к чему я, разумеется, отнесся с великим восторгом. Однако мать, которая обычно особенно не тряслась над нашим здоровьем, на этот раз

восторгом. Однако мать, которая обычно особенно не тряслась над нашим здоровьем, на этот раз не решалась дать свое согласие. Правда, стояли сильные морозы, я недавно отбил свое очередное удушье и, хотя уже несколько дней не лаял по-собачьи, все же обретался под некоторым медицинским сомнением. Было решено, что если завтра будет не больше 25 градусов и без сильного ветра, то меня отпустят, с чем я и заснул. Назавтра был яркий солнечный день, не помню, сколько было градусов, но, случайно оказавшись у нас, приятель отца Михаил Ильич Петрункевич, по профессии врач, авторитетно заявил, что никакого риска для здоровья моя поездка не представляет, и при этом еще подарил мне хорошенький выдвижной карандашик с колечком, и я, счастливый и радостный, облаченный в отцовскую пудовую медвежью шубу и его же дорожные валенки, был усажен в виде беспомощной куклы рядом с дядей Мишей в ямские сани, уже давно ожидавшие у подъезда. Отвязанный после выезда из города колокольчик заливисто распелся, притихая только в лесу под сводом покрытых инеем деревьев, ямщик весело покрикивал на лошадей, и я почти не заметил, как мы очутились у подъезда темно-красного одноэтажного, как будто составного дома, стоявшего почти “на юру” среди разбросанных низеньких хозяйственных построек с протоптанными в снежных сугробах тропинками. Это было Почайно. Конечно, вокруг наших саней забегали собаки, виляя хвостами и полаивая для порядка, конечно, по ступенькам затопали разные Дуняши, а в передней радостно заохали встречавшие нас хозяева, словом, была полностью соблюдена процедура деревенской встречи гостей. Меня в качестве беспомощной куклы выволокли из саней, раскутали и, перецеловав с соответствующими более или менее лестными дифирамбами, отдали в распоряжение сверстников. Дом в самом деле был “составной”. В том здании, к которому мы подъехали, помещались комнаты тети Кати с младшим сыном Мишей, Кати, мальчиков, Анны с ее подругой, священнической дочкой Таней Воиновой, подолгу гостившей в Почайне, мисс Вейльд, учителя Петра Петровича и еще две-три комнаты без прямого назначения. От этого здания тянулась полухолодная и полутемная галерея, соединявшая его с другим зданием, в котором на три ступеньки ниже была большая комната, объединявшая, как и у нас, столовую и гостиную, а рядом с ней комнаты дяди Грони и бабушки Анны Михайловны, которая после смерти бабушки Кати ликвидировала и Жданково, и домик в Торжке и переехала на постоянное жительство в семью Стоговых, как самую близкую ей, ибо тетя Катя была, можно сказать, подарена бабушкой Татьяной Михайловной трем младшим незамужним сестрам (была еще третья сестра Наталья Михайловна, умершая задолго до моего появления на свет), с детства жила и воспитывалась у них и от них же была выдана замуж за дядю Гроню, в котором бабушка не

чаяла души. В момент нашего приезда в Почайне были налицо все его обитатели, кроме Вани и Наташи и куда-то ненадолго уехавшего дяди Грони. К концу дня появился еще высокий, нестарый, очень разговорчивый священник в черных очках, которого все звали “Батей”. Кто-то из двоюродных братьев объяснил мне, что он носит черные очки потому, что у него нет одного глаза, после чего я несколько раз пытался заглянуть сбоку под его очки, чтобы посмотреть, как выглядит пустующее место, но мне это так и не удалось. Я не знаю другого человека, от которого исходило бы столько тепла и телесного, и душевного, как от тети Кати, — от нее прямо пашило и тем, и другим. И это “теплое начало”, разливаясь по всей почайнской атмосфере, прибавляло ей исключительную уютность. Не помню, как мы провели первый день нашего пребывания в Почайне, знаю только, что я не выходил из дома и что мы ели, потом пили чай с вареньем и домашними тянучками, потом еще ели и опять пили чай, и сколько раз повторялось это чередование, установить я не берусь. К вечеру взрослые сели за винт, в котором особенно горячее участие принимал “Батя”, а мы с Гроней и Петей отправились в их комнату, где и меня устроили на ночлег. В комнате было так жарко, что мы, еще не ложась спать, разделись и, сидя в одних рубашках на своих кроватях, о чем-то оживленно беседовали, причем мое внимание все время привлекала толщина ног обоих кузенов. Мы уже залезли под одеяла, намереваясь заснуть, когда в комнату вошла тетя Катя с блюдом холодных котлет и вазочкой с вареньем, беспокоясь, не проголодались ли мы. Толщине ног моих кузенов, очевидно, не следовало удивляться, как не следовало удивляться и тому, что у Пети вскоре сделался детский паралич, как говорили, на почве ожирения сердца. Правда, все обошлось благополучно, но почайнский пищевой режим явно выходил из пределов разумного. На другой день, после утреннего “чая” (в кавычках, так как тут была и ветчина, и котлета, и холодный жареный гусь, и еще какие-то блюда) мы с Гроней отправились на крутой берег. Осели в подвороте от усадьбы кататься на лыжах — не

отправились на крутой берег. Оседли в полверсте от усадьбы кататься на лыжах, — не теперешних спортивных лыжах, о которых тогда не имели и понятия, а на плоских, широких, коротких и тяжелых лыжах с загнутыми кверху носами, которыми пользовались при ходьбе в лесу по глубокому рыхлому снегу. Нельзя было не удивляться, почему строитель почайнской усадьбы поставил ее на пустыре, около маленького копаного пруда, когда рядом имелась прекрасная река с живописными берегами, поросшими вековым лесом. Впрочем, таких загадок в российской помещичьей действительности было немало. Вдоволь накатавшись и лежа, и сидя на своих курносых лыжах, мы, раскрасневшись от мороза, с нагулянным аппетитом, явились домой, где на этот раз очень кстати рассаживались за покрытый стол. У девочек — кузины Анны и Тани Воиновой была какая-то тайна. Сидя рядом за столом, они все время шептались, вызывая неоднократные замечания мисс Вейльд и едкие выпады кузины Кати. Когда кончился завтрак, девочки стремительно выскочили из-за стола и бросились вон из комнаты, не в силах дольше удерживать приступ накопившегося смеха. “Нечто”, прикрывавшееся тайной, было, по-видимому, очень интересно и значительно, потому что девочки в течение всего дня были им преисполнены. К этому “нечто”, вероятно, имел близкое касательство учитель Петр Петрович — узкоплечий брюнет с зачесанными назад длинными волосами и жиденькой бородкой, потому что его заглазное прозвище “петушок” нет-нет, да мелькало на фоне шушуканья и сдавленного смеха девочек.

На следующий день круглолицый и белобрысый Филипп, беседуя тенорком с лошадьми, отвез нас обратно в Торжок.

13. Сестры

Сестер уже было пять, и у каждой из них, кроме последней, толстощекой Кати, которой едва исполнился год, уже была своя, отличная от других, физиономия.

Оля, самая старшая, единственная брюнетка, достигшая в год нашего переезда в дом Школовского 11-летнего возраста, была девочка с некоторыми странностями. Очень тихая, внутренне очень сосредоточенная, она, вопреки этой внешней тихости, носила в себе преувеличенно развитые, даже испорченные чувства. Так, например, вся наша семья не любила кошек (кроме отца, относившегося к ним равнодушно), но у Оли эта нелюбовь к кошкам и, в особенности, к котятам, вылилась в какую-то мучительную ненависть, в какое-то отвращение к ним, доходившая до ужаса. С таким же неистовством она обожала собак и щенят, независимо от их породы и внешних качеств, как будто даже отдавая предпочтение бездомным и безобразным “амурам”, как именовалось у нее все собачье отродье.

— Амур!.. — кричит Оля, увидев в садике около пожарной части самого обыкновенного, ничем не замечательного пса, рассеянно поднявшего заднюю ногу над уличной тумбой, и мчится к нему, чтобы сделать свое излюбленное “тис-тис” — высшее проявление ее нежности.

Удивительно, что ни один “амур” ни разу ее не укусил, вероятно, понимая ее слабость и снисходя к ней. Такой же гипертрофией отличались и прочие ее чувства, особенно те, что вызывались и были возбуждаемы прочитанными романами, в героев которых она поочередно бывала неистово влюблена Особенно прочное место долго занимал в ее сердце вальтер-скоттовский герой Фергюс Мак-Ивор из романа Уверлей, в числе прочих прочитанного Олей, так как почти весь Вальтер Скотт на французском языке имелся у нас в библиотеке.

— Оля! Железо и гусь! — говорю я многозначительно за обеденным столом, не особенно церемонясь со смешением французского и русского и удовлетворяясь лишь приблизительным словообразованием. — Faire*.

Олино лицо заливается краской, глаза ее бегают по сторонам, но она даже не пытается протестовать.

Оле сегодня посчастливилось увидеть одновременно un militai, un bossu et un cheval blanc** и

потому она загадала какое-то очень сокровенное желание.

— Никому, никому не скажу!

И через минуту уже что-то громко шепчет на ухо Тане. Таня на полтора года моложе — девочка совсем иного склада. Это очень бойкая блондинка с пепельными штопорообразными прядками по сторонам хорошенького лица, очень способная, все очень быстро схватывающая, ничем особенно не увлекаясь, лишь бы не отстать от других. Она и впоследствии поочередно прошла и через эсерство, и через верноподданничество, и через всякие самые разнообразные уклоны в зависимости от того окружения, в котором она находилась, или от того, что в данный момент казалось ей особенно distingue***, особенно “дистенгвенно”, как, подшучивая, говорил отец, перекраивая слово на русский лад и собрав возле глаз очередные морщинки. Она уже с детских лет была чрезвычайно кокетлива и прекрасно сознавала, что у нее привлекательная наружность. Я с нею жил не в ладах, вероятно, вследствие общности многих черт характера, и, каюсь, на ней и даже на ее хорошеньком личике нередко выступали слезы от этих недоброжелательных отношений. Следующая сестра — Вера, — еще на полтора года моложе, — была, как я уже говорил, моим верным товарищем, но отколоться от старших сестер она тоже не могла, и эта раздвоенность была ее детской трагедией, так как ее потуги влиться с сестрами в одну колею, по ее внутренним данным, плохо ей удавались. Круглолицая блондинка, с рыжеватым оттенком волос, она обладала менее благодарной наружностью, чем Таня, и это огорчало ее. Очень ласковая, она часто подсаживалась к отцу, прикладывалась головой к его плечу и тихонько мурлыкала. Отец, поглаживая ее русую головку, звал ее “Рыжий кот”, что также ей не нравилось, и она умилительно просила:

— Папочка, милый, хоть при чужих не зови меня рыжим котом.

Следующий полуторагодичный интервал замыкался мной, а после меня, с тем же промежутком времени — сестрой Машей. Тимофей Николаевич Швейковский был прав, когда, отмечая Машину обособленность от прочих детей, звал ее “марьино воспитание”. Она, в самом деле, держалась особняком, больше примыкая к своей няньке Анюше, чем к m-lle Julie и, бойко болтая по-французски, объясняла, что научилась этому “по детям”. У нее был приятель, ее сверстник, хорошенький мальчик Алеша Стальгани, сын одного из гвардейских офицеров. У бедняка было

какое-то неблагополучие с ногой, и он очень проворно бегал на костылях, проводя с Машей целые часы возле дома, где жили его родители, недалеко от нас. И наружностью — правильным овальным личиком с очень маленьким ртом и одной бровью заметно выше другой, Маша мало походила на всех нас, так что даже мать говорила, что она не нашего, а стоговского отродья. Да и вкусами она отличалась от остальных: не ела никакой рыбы, не признавала любимых нами закусок, не брала в рот сыра и колбасы, а к грибам питала отвращение. Ту же самостоятельность проявляла она и в своих детских высказываниях, что часто вызывало между мною и ею горячие споры. Как-то раз, доказывая свою правоту, я в подкрепление своих слов, заключил их ходовым французским сравнением: “C’est juste comme l’or”*. Маша не растерялась. “C’est injuste, c’est injuste...”** — быстро проговорила она, оглядывая комнату в поисках достаточно верного сравнения.

— C’est injuste... comme un balon!*** — завершила она наконец свою фразу, остановив взгляд на красном с синим мячике, висевшем в сетке над ее кроватью.

По вечерам Маша нередко развлекала нас декламацией. Она становилась на высокое детское креслице уже много раз переходившее от старших к младшим, принимала соответствующую позу с очень серьезным лицом и, устремив глаза в пространство, читала какие-нибудь стихи, подкрепляя их выразительными жестами. Чаще всего, это было французское стихотворение про индюка:

Moi, je pare, moi, je me carre,
Moi, je suis grand et beau ****

или же лермонтовский “Воздушный корабль”, которое она знала наизусть, не церемонясь, однако, с отдельными словами и угощая нас к общему удовольствию такими перлами: “Зарыт он без почестей гранных, рогами в выспучий песок...”

Но верхом доставленного ею удовольствия были те случаи, когда вечером вдруг раздавался чей-нибудь возглас:

— Маша заснула!

Услышав этот знаменательный клич, мы мчались к тому месту, где уткнувшись в угол дивана или свернувшись калачиком в мягком кресле, заснула одетая Маша. Мы некоторое время молча стоим над этим комочком в клетчатом бумазейном платье, заранее смакуя ожидающее нас развлечение. Наконец, кто-нибудь приступает к действию.

— Маша, что же ты не встаешь, все уже давно отпили кофе и ушли гулять...

— Я сейчас, сейчас... — приподнимается Маша, начиная торопливо перебирать ногами.

— Не мешайте мне надевать мои штанишки... — говорит она каким-то не своим жеманным голосом, вызывая наш общий смех.

Мы долго наслаждаемся разговором с непроснувшейся Машей, пока подошедшая мать не уводит ее в спальню. Должно быть несколько позже “почестей гранных” и “выспучего песка”, но в том же доме Школовского, т. е. в течение 2—3 лет, Маша написала длинную повесть, в которой герой по имени “Живчик” проживал в подземельном обиталище с входом не то через древесное дупло, не то через дырявый пень. При Живчике в роли собаки состоял ручной лев, а сам он носил несколько рискованный костюм, — на нем “вместо панталон были надеты очень длинные чулки”. Были у Маши и стихотворные произведения, одно из которых кончается пышной строкой: “Домом же всем управляет мрачная белая вошь”.

Я не поручусь, что в Машиных выступлениях (кроме сонных, конечно) совсем не было

актерства, — дети народ ужасно хитрый, знаю это по себе. Дальше с промежутком в пять с лишком лет, следовала Катя, но она при нашем переезде в дом Школовского, как я уже говорил, едва достигла одного года. А потом, очень скоро после Кати, появилось очаровательное кареглазое существо — дополнительная сестра Вава. Окрещена она была Наташей, но так как вместо нее почему-то твердо ожидался мальчик, которого должны были назвать Васей, а на Катином, еще плохо действовавшем языке, — Вавой, то это, не столько имя, сколь прозвище, за ней и утвердилось.

14. Скарлатина

Вскоре после рождения Вавы мы все переболели скарлатиной, которая прошла у нас у нас сравнительно легко, но осложнилась у сестры Маши болезнью почек, которой она долго хворала. Посетила скарлатина и Швейковских, что было совершенно неизбежным при нашем постоянном общении, — не знаю, которое из семейств положило начало болезни. Надя проболела легко и очень быстро поправилась, а хилый Коля был на волосок от смерти. У нашей матери, всей душой страдавшей за впавшую в отчаяние Ольгу Николаевну, как-то даже сорвалось такое страшное для детолюбивой матери восклицание: “Пусть лучше умрет кто-нибудь из моих детей, а Коля останется жив!”

Местные врачи уже отказались от него, и Ольга Николаевна телеграфировала в Москву тогдашней знаменитости по детским болезням — Филатову, приглашая его приехать в Торжок. От него был получен тоже телеграфный, лаконичный ответ: “Двести пятьдесят, дорога первым классом”. Согласие было подтверждено. Филатов скоро приехал и, пробыв несколько часов при

классом". Согласие было подтверждено, Филатов скоро приехал и, пробыв несколько часов при больном, уехал обратно. Не знаю, в результате ли его советов и данных им указаний, но Коля, тяжело проболев, все же остался жив. Вероятно по совету того же Филатова, Коле, когда он начал поправляться, стали делать массаж, для чего была приглашена массажистка Екатерина Андреевна Черничина, поселившаяся у Швейковских. Коля еще не вставал, и я приходил его развлекать, что мне вовсе не нравилось. Особенно неприятно было мне, когда Екатерина Андреевна принималась тут же при мне массировать распластавшееся на постели голого Колю. Неприятного был целый букет, — и бесстыдно голое Колино тело (ему уже было лет 9—10), и запах, исходивший от этого тела, смешанный с запахом втираемого вазелина, да и сама Екатерина Андреевна, вовсе не вызывавшая моей симпатии, — поэтому я старался как можно скорее улизнуть домой. Вскоре обнаружилось, что Екатерина Андреевна подвержена лунатизму: она по ночам вставала с постели и странствовала по дому, а впоследствии, в Щербине, уже летом, умудрилась забраться на казавшуюся совершенно недоступной балку раскрытой террасы, с которой ее уже утром пришлось снимать по подставленной лестнице. Я сам в детские годы, очевидно, тоже имел склонность к сомнамбулизму. Спавшая со мной в одной комнате m-lle Julie рассказывала, что я часто просыпаюсь по ночам и, бормоча всякую ерунду, брожу по комнате, а раз, преследуя какую-то белку, пытался влезть на гладкую стену. Однажды, несколько позднее, уже после отъезда во Францию, m-lle Julie, которая поехала навестить родителей, т. е. на второй год нашей жизни в доме Школовского, когда нас в связи с отъездом m-lle Julie и появлением Вавы иначе перетасовали по комнатам, — Оля, Таня и Вера в одной, а я и Маша в другой, — я проснулся на голом железе кровати, без матраса и всего прочего. Смутно что-то соображая, я отправился на поиски своей постели и обнаружил ее распиханною по частям под диваном и креслами в большой комнате, откуда все понемногу и водворил на место.

После перенесенной скарлатины Коля стал еще более обычного неуравновешенным. Как-то раз мы с ним возились у них в саду, вооруженные булавами — ножками от старого обеденного стола, в которых мы просверлили дырки и, продев в них бечевки, носили перекинутыми через плечо. Не то дубовые, не то ореховые, но очень тяжелые, эти булавы были довольно страшным оружием. Во время нашей возни Коля, дотронувшись до вспотевшего лба, вдруг неистово закричал: "А! Кровь!" и, схватив в обе руки свою увесистую булаву, со всего размаха ударил меня по спине. Я не ожидал его нападения и не успел увернуться.

Помню, как что-то хрустнуло в меня в пояснице, — удар пришелся как раз по ней, — помню, что боль была весьма основательной, но, к удивлению, все обошлось без дурных последствий. Единоборство совсем иного характера произошло у меня примерно в то же время с младшим отпрыском семьи Синицыных — Володей. Семейство Синицыных одним боком немножко примыкало к бакунинской плеяде: мать, Татьяна Александровна, рожденная Львова (из бесчисленных разветвлений этой фамилии в новоторжском уезде) была старшей сестрой Елизаветы Александровны Бакуниной, второй жены Александра Александровича. Отец, Александр Семенович, был местный, очень популярный врач, несколько утративший под конец жизни свой престиж из-за чрезмерной склонности к спиртным напиткам, чему, впрочем, в той или иной степени, были подвержены и его коллеги — врачи Богоявленский и Павлов. В семействе Синицыных было трое детей: старшая дочь Маша, ровесница Нади Швейковской, следующая дочь Наташа, года на два моложе ее и самый младший член семейства — сын Володя, года на полтора моложе Наташи. Отличительным свойством всех детей Синицыных, пошедших больше в семью Львовых, чем по линии отца, были черные усики, проступавшие у них с самых ранних лет, потом легкая хрипотца в голосе при горловом раскатистом "р" и, что резче всего выделяло все семейство, совершенно особый специфический запах, очевидно, связанный с запахом лекарств и натираний, которыми лечилась всегда больная или мнившая себя больной Татьяна Александровна, с добавлением еще каких-то неуточнимых ароматов. Этим сильным запахом, в котором, впрочем, не было ничего особенно неприятного, была пропитана вся синицынская квартира, все их вещи, сами они и даже жившая у них гувернантка. Вернувшись домой долго спустя после визита кого-нибудь из Синицыных, я сразу же устанавливал наличие их посещения. Швейковские — и Ольга Николаевна, и Надя — относились к Синицыным иронически и даже почти презрительно. Машу считали полудурочкой, над толстухой Наташей

потешались, а Володю попросту третировали, что отчасти и вызвало мое единоборство с ним, из которого Ольга Николаевна с Надей решили устроить себе развлечение, когда Володя, бывавший редко у Швейковских, почему-то оказался у них.

— Ну-ка, Миша, поборись с Володей, ты, наверное, его одолеешь, — подзадоривали они меня.

— А ты, Володя, вряд ли осилишь Мишу, хотя ты и старше, и выше его, — подзуживали они и Володю.

Мне вовсе не хотелось бороться, а Володе тем более, но Ольга Николаевна с Надей так неотвязно приставали к нам, что мы, наконец, сцепились друг с другом. Володя был года на два — на три старше меня, на голову выше, и мне, конечно, было трудно его одолеть, что я сразу почувствовал с первых моментов борьбы. Правда, он был неловок, боролся вяло и неохотно, но все же я никак не мог с ним сладить, не прибегнув к какому-то приему, осужденному нашей мальчишеской эпохой. А побороть его я должен был непременно, чтобы не обмануть ожиданий, все время поощряемых Ольгой Николаевной и Надей, не видя иного исхода, все же прибегнул к подножке, после чего Володя грузно завалился на пол под аплодисменты зрительниц, а я вышел из этой бесславной борьбы не только без торжества, но запрятав в душе почти позорный поступок. Вскоре после нашей скарлатины Торжок посетила более страшная гостья, по счастью непосредственно не коснувшаяся нас, — холера 92 года. Явилась она зимой и, очевидно, была на исходе, так как унесла сравнительно мало жертв, но страха и мрачности она на всех нагнала совершенно достаточно. Умерших от холеры, очевидно в целях последующей изоляции, увозили на розвальнях, покрытых черной материей с мужичком-возницей на передке и с городовым с болтающейся шашкой и портфелем под мышкой на отводе саней. Такие черные розвальни, ярко запечатлевшиеся у меня в памяти, увезли и ближайшего нашего соседа у самого забора в углу нашего сада. Это, кажется, была последняя смерть от холеры в Торжке.

15. Сарпинки*

На фоне однообразной уездной жизни самые микроскопические и незначительные происшествия вырастали в целые события, создавая чуть ли не эпоху в нашем тихом семейном быту. Именно такую роль сыграли не то в первый, не то во второй год нашей жизни в доме Школовского саратовские сарпинки. Какие-то предприимчивые фабриканты в Саратове — братья Бендер — изготовляли и рассылали альбомы своих изделий, где на прекрасной плотной бумаге, обведенной золотыми рамками, под отдельными номерами были наклеены образчики всевозможных сарпинок самых разнообразных узоров и цветов, выглядевших чрезвычайно нарядно в этом красивом оформлении. Прислали такой альбом и нам.

И вот, весь наш дом, включая всех домочадцев, и не только наш, но и Швейковских, Вульфов, Синицыных и других, вдруг впал в какой-то сарпиночный раж и принялся горячо и всесторонне обсуждать, прикидывать и гадать:

— Что кому пойдет, что кому больше к лицу, что Оля, что Таня, Вера? На целое платье или блузку? Как будет выглядеть в куске и проч., и проч.

Потом отправка заказов, потом ожидание прибытия и опять обсуждение, опять вопросы:

— Кому из девочек эта голубая сарпинка, кому розовая в полоску? В образчике было гораздо лучше! Но эта розовенькая — просто прелесть!

Сарпинки заняли месяца два, если не больше. Было в этом году еще одно длительное увлечение — цветы из гофрированной папиросной бумаги — на ламповые абажуры. В Торжке почему-то жила одинокая вдова Софья Ивановна Мамышева, сестра жены известного издателя “Нового времени” Суворина. Она часто бывала у нас, и мы как-то ходили к ней в домик на Воскресенской улице смотреть ее замечательные коллекции тропических бабочек и других насекомых. Софья Ивановна была мастерица на всякие рукоделия, и она же научила нас гофрировать на вязальной

Ивановна была мастерица на всякие рукоделия, и она же научила нас гофрировать на вязальной спице цветную папиросную бумагу и делать из нее цветы.

Немалую долю развлечений доставляли нам и гвардейские полки, казармы которых были расположены совсем близко от нас. Перед казармами был обширный немощеный плац, на котором почти ежедневно производилось обучение молодых лошадей, подготовлявшихся к сдаче в полки. Это было очень занимательно, — нередко лошади, с сидевшими на них солдатами, расставлялись в тесный круг мордами внутрь, а в середине круга вставали два-три барабанщика и принимались отбивать трескучую барабанную дробь. Иногда барабанщиков сменяли солдаты с винтовками, стрелявшие холостыми выстрелами под самыми мордами лошадей. И в том, и в другом случае молодые лошади начинали беспокоиться, вскакивать на дыбы, вскидывать задом и выделывать всевозможные фокусы. В другой раз их приучали ложиться на землю, а под их защитой, за их спиной ложился солдат, стрелявший через них холостыми выстрелами. Это тоже, конечно, не обходилось без всевозможных конских неистовств. Как-то раз, когда мы стояли всей компанией на плацу, к нам подошел малознакомый, но, как и все в Торжке, хорошо знавший нас, круглолицый и рыжеватый, с бельмом на одном глазу, подполковник Цуриков и предложил покатать нас с Колей верхом, на что мать и Ольга Николаевна выразили свое согласие. Мы прошли в крытый манеж, где для нас оседлали почтенную белую кобылу, на которой мы с Колей в сопровождении верхового солдата, поочередно покатались вокруг манежа. Белую кобылу звали “Помещицей”, и Цуриков, было, вознамерился угостить дам какой-то не лишенной живости остротой на тему о помещице и помещике, но тут же осекся под взглядом Ольги Николаевны. Наши верховые прогулки в манеже повторялись еще несколько раз, а потом почтенная “Помещица”, уже вышедшая из всех возрастов и с какими-то грибами на задней ноге, была продана в Щербово за 10 рублей, где переименованная в Аспазию, довольно эффектно ходила под дамским седлом, нося на себе жившую одно лето в Щербове m-X. Вообще же, в казармах можно было иногда дешево купить выбракованных лошадей, — в том же Щербове была куплена для Нади за 40 рублей прекрасная, очень изящная молодая кобыла “Люция”, только не вышедшая ростом. Правда, покупать лошадей в казармах у офицеров надо было весьма осмотрительно, так Мише Алексеевичу* купили у кого-то из офицеров очень нарядную верховую лошадь, у которой был закрыт кончик цифры “2”, выжженной на бедре, что омолаживало ее на целых семь лет. Замазанный кончик очень скоро проступил, обнаружив подделку, что отнюдь не сконфузило продавца, ибо обмануть при продаже лошади в офицерской кавалерийской среде почиталось не зазорным поступком, а своего рода молодечеством... не ручаюсь, что все это было именно так, но, во всяком случае, оно точно так рассказывалось. Нередко на том же плацу духовой оркестр играл красивый марш и вальсы. Это было настолько хорошо, что при некоторых особенно чувствительных нотах, рвавших где-то в зимнем воздухе, даже сосало под ложечкой.

Большим развлечением были для нас и снежные туннели в дальнем, правом углу нашего сада, где зимой вдоль забора наметало огромные сугробы. В марте снег в них делался очень плотным, а мы в нем прокладывали бесконечные лабиринты, в которых, ползая на четвереньках, а то и на животе, можно было совершать целые путешествия. Эта “кротовая” жизнь была чрезвычайно увлекательна, и мы предавались ей целыми часами.

16. Во что мы верили. Мое чтение. Отъезд m-lle Julie

Отец, проведший все детство в женском полумонастырском окружении и воспитанный матерью, которая всю жизнь соблюдала наложенный на себя пост, казалось бы, должен был насквозь пропитаться религиозностью. Но этого отнюдь не было, да и бабушка, очевидно, как-то по-своему воспринимала религию, а к монастырской жизни не чувствовала никакого призвания.

“Покорно благодарю, еще пошлешь меня что-нибудь разнюхивать”, — решительно отвергала она, когда сестра ее игуменья предлагала ей вступить в монастырь. Вспоминала, очевидно, случай, когда игуменья посылала кого-то из монахинь “понюхать, откуда нехорошо пахнет”. Словом, отец религиозен не был, сильно хлебнув, надо думать, материалистических настроений в бытность свою на естественном факультете Московского университета, попав, по определению

обязность свою на естественном факультете Московского университета, попав, по определению Тургенева, “в кабалу” к естественным языкам, да и самое близкое ему бакунинское окружение отнюдь не было склонно к отечественной религии, продолжая по наследству от брата странствовать в дебрях немецкой философии. Но и туда отца, по-видимому, не влекло и, пребывая в религиозном окружении, он мечтою тянулся к естествознанию, которым ему в течение всей жизни так и не удалось вплотную заняться, и единственным, весьма скромным плодом этой мечты остался лишь “Определитель грызунов Тверской губернии”, изданный им уже в самые последние годы жизни. Отец не исповедовался, не принимал участия в религиозном обряде, не причащался, не соблюдал постов, а в церкви бывал только в Пасхальную заутреню вместе с нами, скорее в порядке соблюдения приличий, нежели религиозного богослужения.

В одно из таких путешествий к Пасхальной заутрене, когда мы во главе с отцом шли в 12-ом часу ночи по нашей Никольской улице, направляясь в женский монастырь, вдруг совсем близко от нас застучала знакомая колотушка, все ближе двигаясь к нам. Я весь насторожился и вперил взгляд в темноту. Внезапно нас осветил керосиновый фонарь, и в его же свете оказалась колотушка, скучливо болтаясь в рук пожилой женщины в стареньком пальто с поднятым воротником. Мы переглянулись и продолжали свой путь, — мы к монастырю, а женщина, удаляясь от нас, по Никольской улице. Умолкнувшая было, колотушка снова заговорила, но уже не прежним, таинственным языком, а самым обыкновенным деревянным стуком. Отломился и навеки исчез целый кусок моей детской уютной жизни.

Мать, в противоположность отцу, была, несомненно, религиозна, но, опять-таки, по-своему. Она никого не признавала, кроме Иисуса Христа, — ни Бога Отца, ни Святого Духа, делая еще некоторое послабление для Богоматери. Да и Христа она как-то не вполне уточняла, во всяком случае, не придерживалась в отношении к нему точных церковных установок и просто его любила, страдала вместе с ним и умилялась на него со всем пылом свойственного ей энтузиазма. Обряды она мало соблюдала, в церкви бывала редко, почти исключительно Великим постом и на Пасху. Постилась она первую, четвертую и Страстную неделю, да и то это был, по-моему, скорее “вкусовой”, чем религиозный пост, вызывавший у нее воспоминание детства и юности. Причащалась она вместе с нами в Петровский пост в деревне. Мать (об отце и говорить нечего) не была суеверна, не верила ни в гаданье, ни в приметы, но вместе с тем хранила в себе какие-то атавистические остаточки древнего суеверного быта. Так, например, очевидно, еще в далекую старину, в качестве универсального лекарства от бешенства, выпекались кругленькие пресные лепешки из белой муки, величиной побольше пятачка, на которых в проведенных чернилами трех делениях вписывались какие-то буквы или слоги заклинательного порядка. Такие заранее изготовленные лепешки хранились “на всякий случай” во многих домах. У матери тоже лежала в аптечке такая лепешечка, и когда мы спросили ее: “Что же, ты и нас стала бы лечить такой лепешкой, если бы нас укусила бешеная собака?” Мать ответила: “Разумеется, я отвезла бы вас в лечебницу... А лепешечку все-таки тоже дала бы”.

Нас, детей, очень слабо втягивали в религию, а в церковь, помимо причастия, ходить не принуждали. С первых детских лет мне, как и сестрам, полагалось перед сном, стоя на коленях на кровати в постели прочитать, очевидно, специально сложенную для нас коротенькую молитву: Господи, спаси папу, маму, Олю, Таню, Веру и Машу, и дай Бог, чтобы я был хорошим”. К “Маше” последовательно пристегивались Катя, потом Наташа (в молитве я не звал ее Вавой), и эта детская молитва вошла во все мое существо, что я — смешно сказать — донес ее до имени первой жены. Когда мы немного подросли, нам полагалось выучить единственную обязательную молитву “Отче наш” и читать ее на ночь вместе с нашей обычной детской молитвой. И от этой молитвы у меня до зрелого возраста сохранился коротенький фрагмент “Да будет воля Твоя”, который я, перекрестившись, произносил перед сном, а также в трудные минуты жизни, принимая его как глоток успокоительного лекарства. Ни одна из сестер, должно быть, тоже не отличалась религиозностью, иногда которая-нибудь из них постилась на Страстной неделе вместе с матерью, иногда они ходили в церковь на вынос Святых даров и бережно прикрывали от ветра зажженные свечи, чтобы донести их в целости до дома, возвращаясь от всенощной в Великий четверг.

Читать, как и сестры, я научился очень рано (по букварю Толстого), но в отличие от них, долго не брался за самостоятельное чтение, ограничиваясь слушанием французских повестей и рассказов, которые читала нам по вечерам m-lle Julie. Да и то я не всегда внимательно следил за чтением, отвлекаясь созерцанием двигающихся влажных губ m-lle Julie, мать часто понукала меня:

— Взялся бы ты за какую-нибудь книжку вместо того, чтобы болтаться без дела.

Но за книжку я взялся только года через полтора-два после того, как научился читать, т. е. годам к 5—6. Эта первая книжка была “Разоренное гнездо” Сливицкого, трогательная история медвежонка, над которой я втайне даже немножко прослезился. Следующей, если не ошибаюсь, была французская книжка (читать по-французски я научился немного поздней, чем по-русски). Эта книжка мне очень понравилась, и я потом перечитал ее несколько раз. Вскоре я вплотную пристрастился к чтению и не знаю точно, в какой последовательности за годы жизни в доме Школовского прочитал: занятные сказки про Тезея, Персея, страшного Минотавра, Горгону и других персонажей из древней мифологии под общим заглавием “Книги чудес” Готторна, сказки братьев Гримм, Гауфа, Андерсена и на французском языке сказки Перро в большой парадной книжке с цветными иллюстрациями и сказки Гофмана, иллюстрированные Гаверни. Почему у нас не было книжки русских народных сказок, не знаю. Вероятно, таких книжек тогда не издавалось. Были в двухтомном издании русские сказки, собранные Афанасьевым, но вовсе не как детская книжка, да и то они уже давно стали книжной редкостью, хотя имелись в библиотеке отца, и он их нам предлагал, но вид у них был такой скучный, печать мелкая и такая непривлекательная, что я, подержав их в руках, от чтения воздержался. Читал я только несколько сказок, помещенных в хрестоматии Галахова, да почти наизусть заучил Ершовского “Конька-Горбунка”. Пушкинские сказки, по-моему, дошли до меня позднее. Потом я читал “Охотничьи рассказы” Чистякова, “Историю маленького лорда”, “Грозную тучу” Макарова — популярный рассказ об Отечественной войне 1812 года, “Юрия Милославского”, “Князя Серебряного”, “Тома Сойера”, “Принца и нищего” и, чередуясь с этими русскими книжками, французские.

M-lle Julie жила у нас уже шестой год. За это время она успела скопить некоторую сумму денег, совершенно достаточную, чтобы съездить во Францию повидаться с родными. Отец, по ее просьбе, стал понемножку обменивать для нее русские деньги на французские, — помню разговор о высоком курсе франка, 37 копеек, вместо номинальных 25. И вот, настал день отъезда. Я по обыкновению затаил в себе грусть, тревожившую мое сердце, и в то время как все остальные напутствовали m-lle Julie, ласкаясь с ней, уткнулся в окно, внимательно изучая выезд Ивана Пахолкина, ожидавшего у подъезда. И только когда Пахолкин, приняв небольшой чемоданчик m-lle Julie, устроил его на изогнутом передке саней, а сама m-lle Julie, усевшись в сани, уже посылала воздушные поцелуи нашим сплющенным об оконные стекла носам, я все-таки не удержался и украдкой пустил несколько слезинок. И весь это день у меня скребло на сердце, и когда в сумерках мать, присев за рояль, заиграла свою меланхолическую польку, я бросился к себе в опустевшую комнату и уткнувшись в подушку, горько зарыдал.

Публикация Н. М. ЛИНД-ПРОХОРОВОЙ

Указатель имен

Принятые сокращения // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 671. — [Т. XII].

АВПРИ

— Архив внешней политики Российской Империи

Архив внешней политики Российской Империи

ГАРФ

— Государственный архив Российской Федерации

МГАМИД

— Московский главный архив Министерства иностранных дел

ОПИ ГИМ

— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

РГАДА

— Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ

— Российский государственный архив литературы и искусства

РГВИА

— Российский государственный военно-исторический архив

РО ГЛМ

— Рукописный отдел Государственного литературного музея

РО РГБ

— Рукописный отдел Российской государственной бибилиотеки

РО РНБ
— Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

РО ИРЛИ РАН

— Рукописный отдел Института русского языка и литературы Российской академии наук

ФА РАН

— Филиал Архива Российской Академии Наук (СПб.)

ЧОИДР

— “Чтения в Обществе истории и древностей российских” (при Московском Университете)

(Титульные листы) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 1—4. — [Т. XII].

1

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

2

3

РОССІЙСКІЙ АРХИВЪ

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.

— — — — — — — — — — —

Новая серия

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
Студия
«ТРИТЭ»
НИКИТЫ МИХАЛКОВА
«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»
Москва
2003

4
УДК-94 (47)
ББК 63.3(2)5ю
Р 89

Федеральная целевая программа “Культура России”
(подпрограмма “Поддержка полиграфии и книгоиздания России”)

Редакционная

коллегия

С. А. Биговчий
Г. И. Вздорнов
А. Д. Зайцев
Н. С. Михалков
А. Л. Налепин (главный редактор)
П. В. Палиевский
Т. В. Померанская
С. В. Ямщиков
В подготовке издания принимали участие
С. Т. Парсаданян, В. В. Шибаева

Компьютерный набор
А. П. Мельниковой

Компьютерная верстка
В. А. Данилова

Ответственность за археографическую подготовку текста
несут авторы публикаций

ISSN 0869-2009

ISSN 0869-2009

ISBN 5—86566—036—5

© «Редакция альманаха «Российский архив», 2003

(Концевая страница) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 672. — [Т. XII].

Р 89

«Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Выпуск XII. — М.: АНО «Редакция альманаха “Российский Архив”», 2003. — 672 с., ил.

ISSN 0869—2009

ISBN 5—86566—036—5

Альманах посвящен истории Государства Российского. В нем помещены ранее не публиковавшиеся исторические документы (дневники, воспоминания, письма, и др.), хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах. Все документы публикуются без изъятий.

Среди них — материалы к биографиям М. И. Кутузова А. А. Прозоровскому, документы о выборе девиза для герба М. Б. Барклая де Толли, письма А. А. Закревского А. Л. и К. Л. Булгаковым, письма священника П. Н. Мысловского А. Х. Бенкендорфу, Н. М. Рылеевой, Н. Д. Фонвизиной, М. Я. Фон Фоку, А. В. и И. Д. Якушкиным, записки и дневник конногвардейца и композитора Н. И. Бахметева (1828—1880-е гг.), материалы тайной миссии в Вене и на Балканах подполковника Я. Н. Озерецковского (1837—1839), несколько документов о проблеме Кавказа, в том числе памятная записка Николая I, обзор военных происшествий на Кавказе (авг. 1851 — февр. 1852 г.), отчет о деятельности Кавказского наместничества (1855—1880), воспоминания начальника конвоя Н. А. Бигаева “Последние наместники Кавказа” и др., письма первого российского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского П. Н. Стремоухову и Ф. Р. Остен-Сакену о

Туркестане (1871—1899).

В разделе “Галерея” представлен семейный альбом промышленников Прохоровых. В “Приложении” публикуются воспоминания М. В. Линда из личного архива Прохоровых-Линд.

Альманах снабжен научно-справочным аппаратом. Для историков, филологов и всех интересующихся историей.

ББК 63.3(2)5ю

РОССІЙСКІЙ АРХИВЪ

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.

Новая серия

Редакторы Т. В. Померанская, В. В. Шибаева

Издат. лицензия ЛР № 071963 от 10.09.1999 г.
Подписано к печати 23.04.2003 г. Формат 70?100 1/16.
Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. 42 п. л. + вкл. 1,5 п. л.
Усл. печ. л. 54,6 + альбом = 56,55
Тираж 2000 экз. Изд. № 30. Заказ № 1202

Тираж 2000 экз. Изд. № 567. Заказ № 1202

АНО «Редакция Альманаха “Российский Архив”»
121019, Москва, Гоголевский бульвар, 6/7, стр. 1

ГУП «Псковская областная типография»
180007 Псков, Рижский пр., 17

Указатель имен // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. — С. 650—671. — [Т. XII].

Аббас, шах 552

Аббас-Мирза 193, 194, 208, 209, 212, 216, 226, 227

Абдул-Карим-бек 474, 512

Абдулла-диван-беги, торговец 484

Абдуррахман-хан 478, 481, 490, 499, 513

Аваловы, князья 386

Авни-бей, султан 258, 262

Ага Агареф (Али Ашреф) Бек 224, 225, 232

Агаев Ахмет 415

Агапит, еп. 603

Агге, изобретатель 368

Адам, принц Вюртембергский 326, 327, 330

Аделунг Ф. П. 62—75

Адеркас Б. А. 195, 196, 210

Адлерберг В. Ф. 292, 300

Адлунг (Аделунг) А. Ф. 356, 366

Аксаковы И. С. и С. Т. 552

Акстафов 190

Алабин П. В. 529, 530

Алгебров Г. А. 530

Александр I 34, 35, 37, 38, 42—50, 52, 54, 58—60, 71, 75, 76, 78—85, 88, 90, 93, 96, 171, 221, 279, 363, 369, 370, 545, 588, 602

Александр II 97, 248, 262, 264, 267, 281, 288, 290—292, 294, 298, 300, 354, 356, 358—360, 366, 367, 449, 543, 550, 566, 588

Александр III 293, 294, 300, 448, 452, 484, 514, 543, 544, 549, 566

Александр Николаевич, вел. кн. см. Александр II

Александр Павлович, вел кн. см. Александр I

Александр, принц Баттенбергский 514

Александра Федоровна, вел. кн. см. Александра Федоровна, имп.

Александра Федоровна, имп. 82, 84, 86, 194, 196, 203, 204, 222, 256, 274, 281, 282, 290, 299, 597

Александров П. К. 277, 298

Александрова (урожд. Щербатова) А. А. 277, 298

Алексеев О. 10, 11

Алексей Михайлович, царь 9—11, 222, 545

Али Паша Ризванбегович 352—354, 364

Алибо Луи 317, 324, 364

Алмазов Б. Н. 563

Альберт-Эдуард, принц Уэльский см. Эдуард VII

Альфтан Г. А., фон 530

Амилахвари И. Г. 406, 413, 416, 429, 447

Ананский, профессор 245

Анастасия Михайловна, вел. кнж. 300

Анастасия Николаевна, вел. кн. (в 1-м браке герцогиня Лейхтенбергская) 437—439, 440, 444, 448

Андерсен Г. Х. 649

Андрей Владимирович, вел. кн. 441, 445, 449

Андроников 412, 413

Анна Иоанновна, имп. 59

Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейгская 24, 26

Анна Федоровна (урожд. Юлиана Генриеиа Ульрика, принц. Кобургская), вел. кн. 28

Анненков М. Н. 487, 482, 513

Аносов П. П. 367—370

Антипа, кап. 1 ранга 261

Анучин 541

Анциферов К. Д. 531

Апраксин, граф 268

Апраксин С. С. 518, 519

Апраксина, граф. 325, 327

Апрелев 637

Апухтин, опекун 177

Апухтина М. П. 169

Аракчеев А. А. 35, 54, 57, 59, 81, 84, 588

Арбузов А. П. 154

Аргамаков В. Ф. 531, 532

Аргутинский-Долгорукий М. З. 380, 383, 387

Армавиров, подп. 408

Арндт И. 176

Арсеньев А. В. 532, 533

Арсеньев С. Н. 172, 178

Артемовский С. С. см. Гулак-Артемовский

Архаров И. П. 44, 52

Арцышевский, полковник 267

Асоль-хан 510

Астров И. Н. 533

Аугустани, медик 344

Афанасьев А. К. 26, 28

Афанасьев А. Н. 649

Афанасьев П. А. 533

Афанасьев, волост. Голова 238, 239

Ахенбах А. 543

Ахлестышев А. Д. 250

Ахматов П. Е. 370

Ахмет-бей 258, 262

Ахшарумов В. И. 540

Аш Ф. Ю. 55

Аш, баронский род 59

Ашарин А. А. 533

Бабичев, домовладелец 608

Багратион Д. П. 429, 448

Багратион П. И. 30, 33, 208

Байков И. И. 191, 208

Бакунин А. А. 596

Бакунин А. И. 606, 607

Бакунин Вл. 629, 630

Бакунин М. А. 611, 647

Бакунин Н. А. 610, 624, 627

Бакунина Е. А. 624, 644

Бакунина О. Н. 596

Бакунины, семья 596

Балавинский А. П. 612

Балавинский П. 628

Балакирев М. А. 301

Балеев, домовладелец 91

Балкашин Н. Н. 480, 482, 513

Балкашин Н. П. 602

Балкашин Я. Н. 602, 603

Балкашина (монахиня Ермингельда) А. Н. 602, 603, 647

Балкашина В. Н. 596, 602—604, 614, 615

Балмуш П. 301

Бальзак О. 595

Бальтон 485

Бальш, девица 251

Балязин В. Н. 53

Баранов 215

Барановский А. Н. 534

Баратаев, губернский предводитель 180

Баратов 417, 426, 441, 447

Барклай де Толли М. Б. 29, 30, 35—37, 47, 50—55, 58

Барсов М. В. 534

Бартенев П. И. 76

Бартольд В. В. 498, 516

Барятинский А. И. 348, 366, 380, 382, 383, 387, 395, 406, 447

Барятинский А. П. 134, 169

Басаргин Н. В. 95

Басов А. А. 440, 448

Баталии А. Ф. 534, 535

БатуевА. П. 535, 536

Бауернфельд Эд. 360, 367

Бахметев А. А. 245, 262, 263,

Бахметев И. Н. 244, 246, 262, 263, 272, 295

Бахметев Иван 286

Бахметев Н. И. 242—301

Бахметев Н. Н. 284

Бахметева Ал-ра, дочь 286

Бахметева Ал-ра. И. 244, 274, 295

Бахметева (в замуж. Бутягина) Анна И. 244, 263, 274, 295

Бахметева (урожд. Мачеварианова) А. С. 244, 248, 263, 272, 285, 289, 295

Бахметева (в замуж. Бекетова) Евд. И. 244, 263, 272, 274, 284, 285, 295, 300

Бахметева (в замуж. Фон Гардер) Ек. И. 244, 263, 274, 295

Бахметева (в перв. Браке Наумова, во втором Оржевская) М. И. 244, 249, 263, 272, 274, 295, 300

Бахметева М. Н. 289, 292

Бахметевы, род 242

Бахмиотов Я. Х. 242

Бегичев М. Л. 213, 219, 221

Бедняков 272

Бедряга, генерал-майор 303

Безбородко А. А. 56, 59

Безгин А. Г. 420—422, 448

Безобразов О. 16

Безотосный В. М. 53

Бекетов П. И. 286, 287, 300

Бекетова Ек. П. 300

Бекир-бей Бушатлии 361

Беликов С. П. 540

Белин М. А. 547, 548

Белл А. 221

Белосельская, княгиня 369

Белоусов П. П. 548

Белявская М. И. 406

Белявский, ген.-лейт. 405, 406, 447

Беляев Н. И. 548, 549

Беляевы А. П. и П. П. 134, 169

Бем Ф. 274, 278, 280, 281, 298

Бендер, фабриканты 645

Бензенгер, доктор 288

Бенкендорф А. Х. 78, 83, 123, 136—138, 141, 170—175, 184—186, 213, 220, 281, 304, 307, 309—318, 320, 323—325, 330, 337, 347—352, 355—359, 557

Берг А. Ф. 256, 297

Бердяев Н. А. 595

Березин И. Н. 536, 537

Берже А. П. 209

Берио Ш. О. 274, 278, 298

Берман В. Л. 537, 538

Бернадот Ж. Б. 40, 52

Бернард, пианист 278

Бернардацци (Бернадоци) Иог. К. и Иос. К. 192, 209

Бертенс 483

Бертенсон, доктор 558

Бершадский С. А. 538

Бестужев (Марлинский) А. А. 133, 136, 154, 169, 170, 305

Бестужев-Рюмин А. П. 21, 26, 55, 59

Бестужев-Рюмин М. П. 96

Бетхер А. Н. 539

Бетховен Л., ван 247, 249, 289

Бибиков Д. Г. 48, 53

Бибиков И. П. 48, 53

Бибикова (урожд. Муравьева-Апостол) Ек. И. 136, 154, 170

Бигаев Н. А. 375, 402—445

Бик А. Н. 539, 540

Бикрицкие, семья 629

Бинеман, ротмистр 249

Бирон И. Э. 545, 552

Бисмарк О., фон 496, 516

Бисмарк Ф. В. 312, 363

Бич (Beech) 487

Блаватская (урожд. Желиховская) Е. П. 579, 580

Блан (Blanc) Э. 487, 490, 500, 504, 515

Бландов Коля 628

Бландова Маша 628

Блудов Д. Н. 32, 50, 552

Блудов Д. Н. 32, 50, 552

Блюхер Г. 83

Бобринская (урожд. Самойлова) Софья Александровна 219, 222

Бобринский А. Г. 60

Бобрищев-Пушкин П. С. 107, 134, 169

Бобров А. И. 31, 32, 34, 50

Бобылов, капитан 254

Богаевский А. П. 441, 449

Богатиков Н. Д. 540

Богданов А. П. 540—542

Богданов Г. К. 10, 11

Боголюбов А. П. 542—544

Богословский, штабс-капитан 372

Богоявленская Ю. П. 623

Богоявленский Н. Л. 606, 612, 644

Богуславский А. И. 544

Бойко С. А. 241

Бокова В. М. 84, 94, 170, 367, 522

Болотов А. Т. 13, 571

Болховитинов Л. М. 432—435, 443, 444, 448

Волховский 257

Борзенков 541

Борис Владимирович, вел. кн. 441, 448

Борисов А. И. 134, 169

Борисов П. И. 134, 169

Борисович, подп. 91

Бородинская (Анна) М. 160, 170

Бороздин К. А. 402

Бороздин К. А. 544

Бортнянский Д. С. 242

Бортнянский Д. С. 242

Борчевский 413, 414

Брандт М. А. 485, 514

Брандт, зоолог 579

Брейткопф 69, 70

Бриккен А. Ф. 78, 83

Брикнер А. Г. 545

Брискорн М. М. 60

Брискорны, дворянский род 56, 60

Брокгауз Ф. А. 553, 604

Брокер А. Ф. 48, 53

Бруно (Брунов) Ф. И. 256, 297

Брюс Я. В. 54, 59

Брюсов В. Я. 595

Брюхатов 75

Брянчанинов Алексей Петрович 212, 214, 216—218, 221

Будберг К. В. 250, 252, 296

Буе Ами 347, 366

Бук Магомет 380, 383

Булгаков А. Я. 29—53, 198—201, 210, 212, 213, 218, 239, 240, 249

Булгаков К. Я. 29—53

Булгакова (урожд. кн. Хованская) Наталья Васильевна 44—49, 52

Булгарин Ф. В. 98, 132, 168, 552

Булль У. Б. 276—279, 284, 299

Бунге Н. Х. 473, 512

Бургер 368

Бурнашев П. А. 247

Буссе Ф. И. 546

Буссе Ф. Ф. 546, 547

Бутенев А. П. 256, 297

Бутенев А. П. 296, 297

Бутенев К. Ф. 370—373

Бутенев, помещик 610

Бутурлин Д. П. 518, 525—528

Бутурлин М. Д. 296, 518—522

Бутурлина (урожд. Воронцова) А. И. 528

Бутурлина (урожд. Нарышкина) 518

Бутурлина М. Д. 528

Бутурлины А. Б. и П. А. 528

Бутурлины Пав. Д. и Петр. Д. 528

Бухерт В. Г. 13, 18, 517

Бюлер А. Я. 549

Бюлер Ф. А. 549—553

Ваксмут, полковник 245

Валиханов Ч. Ч. 475, 512, 513

Валихан-тюря 482

Вамбери А. 491, 516

Ванновский П. С. 487, 497, 515

Ванновский С. П. 497, 516

Варварин 114, 120, 168

Варгин 229

Варлам М. К. 51

Василев Д. 10, 11

Василий (Греков Иван Антонович), архим. 553

Васильева 177

Васильевский И. С. 553

Васильчиков А. А. 363

Васильчиков Александр Васильевич 229, 241

Васильчиков В. И. 279, 299

Васильчиков И. В. 78, 88, 94

Васильчиков И. В. 78, 88, 94

Вассиан (Топорков), инок 79, 83

Ватаци 419

Вахтанг VI 386, 387

Вегендд, майор 190

Веги-Мехмет Паша 352—354

Вейденгаммер И. И. 244

Вейльд, англичанка 638

Вейнберг А. А. 486, 514

Вейнберг Я. И. 553—555

Вележев Д. В. 453

Велизарий (Велисарий) 255, 296

Величковский Д. П. 555

Венкштерн 239

Венстер (Венкстерн)Я. Х. 173—175, 179, 181

Венюков М. И. 505, 506, 517

Веревкин М. Л. 555

Веселовская Н. Б. 632, 633

Веселовский Г. М. 555, 556

Виельгорский Матв. Ю. 277, 278, 280

Виельгорский Мих. Ю. 176, 181, 278, 280, 299

Визирев, поручик 199, 210, 224, 226, 232

Виллевальде Г. П. 543

Вильгельм I (Фридрих-Людвиг), имп. германский и король прусский 293, 300, 301

Вильгельм IV, король Великобритании 329, 365

Вильд Г. И. 467, 479, 512

Вильде Н. Е. 556

Виотти Дж. Б. 274, 298

Виргинский В. С. 12

Витгенштейн П. Х. 30, 86, 93

Витгенштейн Л. Х. 30, 86, 93

Виткевич И. В. 491, 515

Витте С. Ю. 493, 516

Владимир Александрович, вел. кн. 292, 300

Власов М. Г. 194, 209

Водовозов Н. В. 556

Воейков А. В. 50

Воейковы А. Ф. и Д. И. 557

Возницына А. Н. 637

Воинова Т. 639, 640

Вокореско А. 251

Волков А. А. 44, 46, 48, 52, 53, 171—176, 186, 221

Волконская (урожд. Бенкендорф) М. А. 557

Волконская (урожд. Раевская) М. Н. 134, 169

Волконский П. Г. 557

Волконский П. М 30, 54, 58, 59, 79—81, 83, 84

Вольтер 552

Вольф Ф. Б. 134, 169

Воробьев М. Н. 543

Воронец Я. М. 91, 94

Воронихин Н. А. 558

Воронцов А. И. 528

Воронцов А. Р. 22, 26, 525, 526

Воронцов М. С. 29, 30, 32, 33, 37, 38, 40, 50, 51, 93 262, 297, 298, 318, 364, 375, 379, 380, 387, 390, 428, 448, 478

Воронцов Р. И. 22, 26, 59

Воронцов С. Р. 51

Воронцов, фл.-адъют. 382

Воронцова (в замуж. Полянская) Ел. Р. 21, 22, 26

Воронцовы, дворянский род 55, 59

Воронцовы И. И. и М. И. 59

Воронцов-Дашков А. И. 419

Воронцов-Дашков Ил. Ив. 402, 405—432, 446, 447

Воронцов-Дашков Ил. Ил. 417, 418, 429

Воронцова-Дашкова (урожд. Шувалова) Е. А. 412—415, 417, 418, 425, 431, 444

Вохин П. В. 298

Воше В. 92, 94

Врангель 549

Вревская (урожд. Ланская) М. С. 520, 522

Вревский А. Б. 488, 490, 497, 498, 515

Вревский И. А. 382, 387

Вревский П. С. 522

Всеволожская (урожд. кн. Хованская) Варвара Петровна 192, 209

Всеволожский Н. Е. 209

Всеволожский Н. Н. 559

Вукотич Иван Иванович 326, 327, 364, 365

Вукотич Стефан Перов 343, 366

Вульф А. Г. 628, 630

Вульф В. А. 624, 626

Вульф В. В. 628—630

Вульф Г. 633

Вульф О. 624

Вульф, семья 596, 612, 622, 646

Вульфиус П. А. 559, 560

Вучичевич М. П. 326, 329, 364

Выводцев Д. И. 560

Вьетан А. 276, 278, 299

Вяземский И. А. 473, 479, 512

[illegible] 222, 346, 366

Вяземский П. А. 222, 346, 366

Габаев 420

Габерзанг, доктор 266

Гаверни 649

Гавриил (Кикодзе Герасим), еп. 560, 561

Гавриил, архиеп. вологодский 571

Гаврилов, майор 254

Гавришенко Н. А. 518

Гагарин, кн. 184, 518

Гагарин П. П. 550

Гагич И. М. 334, 335, 337, 365, 366

Гаджи Мехмет 354

Гай Людевит 351, 354, 366

Гайдн Й. 247, 249, 289

Галанин М. И. 561, 562

Галахов А. Д. 649

Галахов А. П. 288, 300

Галдинский 492

Галкин А. К. 562

Галкин А. С. 491, 515

Галлер К. 242

Ган, род 520

Ган (урожд. Фадеева) Е. А. 579

Гансен 511

Гартвиг Н. Г. 510, 517

Гассер Р. 494, 516

Гатцук Д. А. 562

Гауф 649

Гваданьини Л. и Дж. Б. 274, 298

Гварнери Дж. 281, 299

Гвоздев И. М. 562

Гедеонов 218

Гейнс А. К. 504, 516

Гейслер (Geissler) Х. В. 482

Гензельт А. Л. 282, 299

Георг Людвиг, принц Голштинский 20, 25

Георг, герцог Ольденбургский 51

Георгий Максимилианович, герцог Лейхтенбергский 437, 448

Георгий Михайлович, вел. кн. 412, 447

Герасим Павский, свящ. 97

Гермажис 485

Герне, аккомпаниатор 280

Гертель 69, 70

Гессен Ю. 9

Гессен-Дармштадская принцесса см. имп. Мария Александровна

Гетц 558

Геце П. О., фон 64, 73

Гика Е. 251

Гильман, капельмейстер 289

Гильомино, граф, генерал 258, 259

Гиппиус, майор 90

Гирс М. Н. 508, 509, 517

Гирс Н. К. 452, 484, 514

Гирс Ф. К. 452, 467, 512

Глазенап Б. А. 284

Глазунов А. И. 562, 563

Глебов М. Н. 134, 169

Глинка М. И. 280, 281, 283

Глинка Ф. Н. 78—82, 578, 582

Глонтий, соц.-дем. 422

Гнейзенау Август 80, 83

Говоруха-Отрок Ю. Н. 563, 564

Гогель И. Г. 245, 295

Гоголь Н. В. 137, 552

Голенищев-Кутузов П. В. 52, 180

Голенищев-Кутузов П. И. 173, 180

Голенищева-Кутузова (урожд. Баратаева) 180

Голицын А. Н. 74, 81, 84

Голицын Г. С. (Гри-Гри) 402—404, 406, 413, 436, 444, 446, 487, 514

Голицын Д. В. 171, 181—185, 197, 200, 201, 210, 212—221, 223, 227, 234, 239, 241, 263, 279, 577

Голицын С. Г. 255, 296

Голицын С. М. 211, 219, 221

Голицына (урожд. Васильчикова) Татьяна Васильевна 216, 222

Голицыны 27, 269, 595

Головин 91, 271

Головин Е. А. 174

Головин Н. А. 171—175, 177—179, 181—185

Головкин Г. И. 54, 59

Голышев И. А. 564—566

Гольц Б. В., барон 20, 26

Гонзаго П. Г. 214, 221

Гончаров И. А. 563

Горганов, князь 174

Гордон, английский посол 259

Горемыкин И. Л. 412, 447

Городцов, протоиерей 423

Горохов, советник губ. правления 288

Горчаков Ал-др. М. 305, 313, 314, 316, 318—321, 324, 326, 327, 332—334, 336, 337, 346, 363, 451, 491

Горчаков Ал-й. И. 40, 44, 52

Горчаков М. Д. 248, 296

Горчаков П. Д. 256, 297

Горяинов А. А. 269

Готторн 649

Гофман Э. Т. 649

Граббе П. Х. 375, 387

Граве Ф. Я. 173, 174, 181

Градовский Н. Д. 9

Гранвилль Дж. 491, 515

Грасиоле 541

Грасс Л. И. 566

Гребенщиков, владелец фотоателье 638

Грейг А. С. 283, 299

Грейг, масон 184

Грелль А. К. 567, 568

Гренар (Grenard) Ф. 500, 502, 504, 506, 516

Греч Н. И. 62, 64, 74, 98, 168, 552

Грибовский А. М. 570

Грибовский М. К. 78

Грибоедов А. С. 187, 216, 522

Грибоедова (урожд. Грибоедова) Настасья Федоровна 187, 216, 222

Грибоедовы 92

Грибоедовы М. И. и Ф. И. 222

Григорий (Воинов Николай Николаевич), архим. 568, 569

Григорьев В. В. 475, 505, 513

Григорьев Д. П. 569, 570

Гримм Я. 73, 649

Гримм В. 649

Грин, инженер 383

Гриневецкий, проф. догматики 64

Громбчевский Б. Л. 452, 481, 484, 489, 491, 505, 513, 515

Громыко М. М. 108

Гросс И. В. 278, 283, 299

Грошев, купец 461

Грум-Гржимайло Г. Е. 483, 514

Грязнов, ген. 411, 447

Гуансюй (Цзай-Тянь), император Китая 510, 517

Губастов К. А. 506, 517

Губер, полковник 614

Губерти Н. В. 570, 571

Гудович А. В. 26

Гудович А. И. 32, 50,

Гудович И. В. 56, 60

Гудович М. В. 36, 37, 51

Гулак-Артемовский С. С. 283, 284, 299

Гулям-Хайдер-хан 516

Гумберт I, король Италии 293, 300

Гумбольд А. 483, 514, 554

Гуриели А. А. 407, 447

Гурко В. И. 402

Гурко И. В. 561

Гурьев Д. А. 81, 84

Гуссейн-Али-Бек 199, 210, 224—226, 292

Густав IV 546

Гуттен-Чапский К. Э. 571, 572

Д’Аламбер Жан Лерон 25, 26

Давыдов Б. Б. 61, 241

Давыдова (урожд. Потапова) А. И. 134, 169

Дадиан (урожд. Чавчавадзе) Е. А. 402

Дадиан Д. Л. 392, 402

Дадиан-Мингрельский Н. Д. 392, 402

Дакович Я. 353

Далглейш Э. 478, 513

Даль В. И. 70

Дамбровский, аптекарь 311

Данилов 91

Данилов К. 552

Дантес Г. Ж. 280

Дашков В. А. 572—574

Дашков Д. Д. 450

Дашкова (урожд. Воронцова) Е. Р. 22, 26

Девисен (Devisen), лейтенант 488, 489

Девонширский, герцог 246

Дейбнер 482

Дельвиг А. А. 586

Дембинский, ген. 309

Демидов П. Н. 301—303

Демидов, кн. Сан Донато П. П. 293

Деникин А. И. 434, 446—448

Денисов И. С. 574

Денисов Ф. П. 57, 61

Депрерадович Н. И. 63, 273, 298

Дервиз П. Г., фон 559

Державин Г. Р. 549, 571

Джанхотов (Джамхотов) Кучук 190, 208

Джафар Кули Бек 224—226

Дживелегов А. К. 595

Джовахов, кн. 602

Джомношвили, бомбист 411

Дибич И. И. 194, 209, 252, 253, 255, 261, 262, 296

Дивов П. Г. 240, 241

Дивовы 518

Дионисий (Хитров Дмитрий Васильевич) еп. 574, 575

Длотовский В. В. 459

Дмитриев И. И. 62, 73, 549

Дмитриева 219

Дмитрий Ростовский, свт. 115, 169

Добрашинович Г. 63

Добров А. В. 575, 576

Добровский 74

Добровский М. А. 576

Добролюбов Н. А. 556

Довре Ф. Ф. 38, 52

Долгово-Сабуров В. П. 617

Долгово-Сабурова М. И. 617

Долгорукие см. Долгоруковы

Долгоруковы, семья 269

Долгоруков А. И. 173, 180

Долгоруков Вас. А. 266, 298

Долгоруков Вас. Вл. 519, 522

Долгоруков Вл. А. 267, 269, 298, 602

Долгоруков Н. С. 173, 180

Долгоруков Я. Ф. 79, 83

Дольст, барон 349

Донат (Бобинский Николай Ильич), архиеп. 576, 577

Донауров (Данауров) М. И. 56, 60

Доницетти Г. 297

Доницетти Дж. 260, 297

Достоевский Ф. М. 108

Драгомиров А. М. 403, 407, 409—411, 421, 423, 424, 446

Драгомиров М. И. 403, 409, 423, 424, 446

Дубельт Л. В. 304, 305, 315, 323, 327, 333, 337, 364

Дудин С. М. 498, 516

Дудышкин С. С. 563

Дурасов 288

Дуров Ан. 629, 630

Дурова Н. А. 552

Духовской С. М. 510, 517

Дюма А. 522

Дюме, владелец ресторана 276, 299

Дюранд 499

Дютрейль де Рэн (Dutreuil de Rhins) Ж. 500, 502, 503, 506, 516

Евневич А. И. и Е. И. 85

Евневич И. И. 84—94

Евневичи Г. Н. и П. И. 85

Евреинов, шт.-кап. 91

Евреинов А. В. 230, 239, 241

Евстафьев И. 11, 12

Екатерина II 18—26, 28, 55, 56, 59, 60, 74, 85, 214, 242, 525, 545, 551, 552

Елагин, егермейстер 217

Елена Павловна, вел. кн. (урожд. Фредерика Шарлотта Мария принцесса Вюртембергская) 280, 281, 283, 299, 365

Елена Георгиевна, герцогиня Лейхтенбергская 437, 438, 440

Елизавета Алексеевна, имп. 84, 85, 87, 93

Елизавета Петровна, имп. 14, 21, 24—26, 55, 59, 582

Ельчанинова Н. М. 632

Емельянов И. В. 315, 363

Емельянов, вл. фирмы 459

Енгель Ф. 223

Ермаков Н. А. 463, 473, 506, 511

Ермолов А. П. 30, 80, 83, 388, 389, 391

Еропкин В. М. 577

Еропкина (урожд. Смирнова) Н. А. 577, 578

Ершов Н. Г. 579

Ефрон И. А. 553, 604

Жданов М. Г. 486, 499, 514

Жедринская А. 246

Желиховская (урожд. Ган, в перв. браке Яхонтова) В. П. 579—581

Желиховский В. И. 579

Жемчужников Ал-др. М. 93, 581

Жемчужников Ал-др Н. 86, 93

Жемчужников Л. М. 93

Жемчужниковы Ал-й. М., В. М. и М. Н. 581

Жерве 351

Жером, ген. 359

Живковский, греч. еп. 317

Жизневский А. К. 581, 582

Жилинский Я. Г. 426, 448

Жилинский И. И. 534

Жиркевич А. 583

Жом А. 361, 362

Жуковский В. А. 62, 157, 170, 222, 367, 549

Жуковский П. В. 582, 583

Забелин И. Е. 574

Завадовский (Заводовский) П. В. 56, 60

Завадский, генерал 255

Завалишин Д. И. 95

Загоскина (в замуж. Жиганова) Н. 609

Загоскины 244

Загряжские А. Н. и Н. А. 628

Зайцев Б. 595

Закревский А. А. 29—53, 63, 80, 232, 241

Закревский Андрей Иванович 42, 43, 52

Залесов Н. Г. 583

Залуговский М. С. 584

Замысловский Е. Е. 584, 585

Захаржевский Я. В. 206, 211

Зворыкин Ф. Д. 585

Зееман, семья 636, 637

Зейдлиц К. К. 256, 257, 297

Зернов А. Ф. 36, 37

Зилов А. М. 173, 178, 180

Зилова П. А. 173

Зимин 579

Зиновьев И. А. 471, 489, 512

Зограф В. Ю. 585

Зограф Н. 541, 542

Золотарев, подъесаул 406

Зонтаг Г. 277, 281, 282, 299

Зосимович С. Л. 585

Зотов В. Р. 585—587

Зотов Н. М. 56, 60

Зотов Р. М. 586

Зотов, граф 176

Зубов П. А. 56, 60

Зубовы А. Н., В. Н., Д. Н. и Н. Н. 56, 59

о. Иакинф (Бичурин) 552

Иаков (Поспелов), архим. 587

Ибрагимов Ш. М. 486, 514

Иванов А. И. 549

Иванов И., кучер 279

Иванов И. И. 38, 51

Иванов Ил. И. 134, 169

Иванов Н. А. 481, 514

Иванов Н. И. 34—36, 38, 51

Иванов, учитель 632

Ивачич 354

Ивашкин П. А. 53

Иващенков А. П. 493, 516

Игнатьев В. И. 499, 501, 516

Игнатьев Н. П. 467, 512, 557

Игнатьев, полковник 583

Игумнова Т. Г. 72

Изаб Э. Л. 543

Илимский, капитан 91

Ильин Н. И. 38—40, 45, 46, 52

Ильинский, полковник 267

Ильминский Н. И. 509, 517

Имшенецкий А. И. 587, 588

Иоанн IV Грозный 79, 83, 552

Иоанн VI Антонович 26, 545

Ионов М. Е. 452, 491—494, 497, 515

Иосиф II, имп. римской империи 56, 59

Ирвинг В. 563

Исаев А. А. 596

Искрицкие, дворянский род 61

Искрицкий, коллежский советник 57

Истомин 436

Италинский А. Я. 31, 32, 34, 49

Кабазины А. и М., балерины 246, 249

Каверин 86

Казаков, шт.-кап. 91

Казембек А. К. 536

Казий Камаль-Эддин Казимир-Любомирская, кн. 328

Калайдович И. Ф. 181

Калайдович К. Ф. 62

Калам А. 543

Калинин Н. И. 40, 52

Калмыков 549

Калтбруннер 485

Каманин (Камынин) В. Д. 171, 177, 178

Каменский Н. М. 29, 31, 32, 40, 49, 50—53

Каменский С. М. 37, 40, 42, 51, 52, 246, 249, 295

Каменский, генерал-майор 91, 94

Кан Ю-вей 510, 517

Кандыба, мировой судья 623

Канкрин Е. Ф. 370

Кант И. 156

Канчи-бек 510, 517

Капнист Д. А. 488—490, 498, 504, 515

Каравелов Л. 74

Караджич В. С. 62—75, 305, 324, 329, 350, 355, 364

Карамзин Н. М. 62, 320, 364

Караогланов (Кархогланов), прапорщик 199, 210, 224, 226, 232

Кардо-Сысоев Е. А. 602, 616, 627

Кардо-Сысоев М. Е. 618, 620

Кардо-Сысоев Н. Е. 617, 618, 631

Кардо-Сысоевы Евг. Н. и Ек. Н. 631

Кариб-оглы Григорий 33, 50

Карл I, король Вюртембергский 299

Карл VI, имп. римской империи 59

Карл Баденский, принц, 82, 84

Карл Фридрих Александр, принц прусский 82, 84

Карл-Людвиг-Иоанн, эрц-герцог австр. 358, 359, 367

Карпова 246

Кассель 325, 330

Кассини А. П. 490, 492, 499, 500, 515, 516

Кассини П. В. 336, 365

Каталани Анж. 82, 84

Катта-тюря (Абдулмалик-хан) 464, 467, 474, 512

Кауфман К. П. 450, 451, 463—465, 475, 482, 485, 511, 512

Каченовский М. Т. 62

Кашкин Н. Е. 178

Кашкина (в замуж. Зилова) 178

Кашкхадамов, проф. 325, 326

Кашперов, подпоручик 199, 210, 224, 226, 232

Квашнина, девица 616

Квирога А. 82, 84

Кейкуатова, кн. 541

Кейт Роберт 20, 26

Келлерман 278

Кенгелац П., архим. 68, 71, 72, 74

Кеппен П. И. 62—65, 67, 73

Керцелли 541

Кетхудов 413

Кетчер Н. Х. 563

Кивноколовный, кол. сов. 336

Кикин П. А. 30

Кирилл Владимирович, вел. кн. 449

Кириллов И. К. 14, 18

Киселев П. Д. 30, 53, 251

Кистер, барон 294

Клад, казак 408, 409

Клерон (Clairon), унтер-офицер 274, 275

Клецель, дипломат 260

Ключевский В. О. 13, 25

Кнехт, скрипач 278

Князева Е. Е. 373

Кобеко Д. Ф. 471, 512

Кобле Ф. А. 50

Ковалевский Е. П. 347, 351, 355, 366

Кожевников М. Л. 286, 287, 289, 290

Козак, фотограф 431

Козлов В. П. 62

Коковцев В. Н. 440, 441, 449

Кокошин Ф. Ф. 213, 221

Колбаса, казак 409

Колоколов С. А. 452

Колоредо (Коллоредо), фон Франц де Паула 358, 367

Колосов Ст. 96

Колпаковский Г. А. 450, 451, 459, 511

Колчак А. В. 447

Кольцов А. В. 563, 565

Конарский Шимон 366

Кондаков В. 88, 89

Константин Николаевич, вел. кн. 282, 283, 299, 379—381, 387

Константин Павлович, вел. кн. 28, 60, 79, 82, 85—87, 89, 92—94, 196, 245, 249, 264, 269, 292

Константинова (в замуж. Муравьева-Апостол) М. К. 158, 165, 167, 170

Коперник Н. 554

Копитар (Копытарь) В. 65, 72, 74

Коптев 196

Корнеев А. А. 603

Корнеев В. Е. 186

Корнель П. 620

Корник, доктор 195

Корнилович А. О. 132—134, 169

Коробин 178

Корольков Н. И. 510, 517

Коротков 248

Корф 90

Корф А. Н. 480, 513

Корф М. А. 552

Костров, печник 240

Костюшко Т. 28

Кох Р. 487, 515

Коцалолипов Асельдербек 413

Коцебу П. Е. 256, 258, 297

Кочубей А. В. 262, 298

Кошут (Косут) Лайош 320, 321, 364

Краевский А. А. 550

Красильников П. И. 173, 178, 181

Красовский 254

Краузе, купец 239, 240

Крачковский И. Ю.

Крейц К. А. 253, 296

Кривцов Н. И. 263

Кромин Павел Евграфович 34—36, 38, 39, 45, 51, 52

Кропоткины Н. А. и П. А. 597

Круковский Ф. А. (С.) 380, 383, 387

Крупенский А. Д. 436, 448

Крылов И. А. 565, 582

Крым-Султанов (Крым-Гирей) 419

Крюковы А. А. и Н. А. 134, 169

Кузнецов, столоначальник 240

Кульков, ямщик 272

Кумани А. М. 485, 501, 514

Кунглем, капельмейстер 289

Курбан джан-датха 517

Курбатов Н. Ф. 612

Курбатов, директор пансиона 181

Курбатова М. Е. 623

Курбский А. 83

Куропаткин А. Н. 508, 517

Кусов 414

Кутайсов И. П. 57, 61

Кутузов (Голенищев-Кутузов) М. И. 27, 28, 30, 35, 45, 50, 51, 274, 638

Кутузов (Голенищев-Кутузов) П. В. 245, 267, 295

Кучка, сердарь 341

Кушелев Г. Г. 57, 61

Кэри А. Д. 478, 513

Кюхельбекер В. К. 168

Кюхельбекер М. К. 134, 169

Ла Гарп (Лагарп) Фредерик Цезарь 81, 84

Лавров Н. А. 365, 366

Ладыженская, дев. 519

Лажечников И. И. 582

Лангель, полковник 267

Ланкастер Дж. 221

Ланнер И. Ф. 259, 297

Ланская (урожд. княжна Одоевская) Варвара Ивановна 520, 522

Ланской, ген.-лейт. 267

Ланской В. С. 244, 295

Ланской С. С. 173, 522

Лаптева Т. А. 303, 528

Ларионов Е. 336, 346

Лафон Ш. Ф. 249, 274, 296

Лафонтен Ж. 620

Лебедев Ст. 528

Левашов ген.-ад. 92

Левской Ф. М. 229, 241

Левшин Д. М. 74

Легран, аккомпаниатор 280

Леер Г. А. 612

Леер М. И. 604, 612

Леер, семья 596, 612

Лемке М. К.

Лепарский С. Р. 133, 169

Лермонтов М. Ю. 366, 552, 563, 587

Либерман М. Я. 12

Ливен К. А. 57, 60

Лилиенберг, граф 337—339

Лин 239

Линд Вас. Ник. 596, 601, 604, 607, 608, 613—616, 619—624, 627—629, 633, 641

Линд Вера. В. 604, 609, 610, 612, 619, 624, 632, 633, 641, 644, 647—649

Линд Дж. 596, 604

Линд Ек. В. 640, 643, 648

Линд Мих. В. 595—649

Линд Мар. В. 604, 608, 618, 642—644, 648

Линд Нат. В. (Вава) 643, 644, 648

Линд (урожд. Кардо-Сысоева) Нат. Е. 601, 602, 607, 613—624, 628—631, 633, 636—638, 642, 643, 646—649

Линд О. В. 604, 605, 609, 610, 615, 623, 624, 628, 633, 640, 641, 644, 648

Линд Т. В. 604, 605, 624, 633, 641, 644, 648

Линд-Прохорова Н. М. 597, 649

Липиньский К. 274, 298

Липский И. А. 636

Лисицыны М. В. и О. В. 623

Лисовский Д. Л. 506, 517

Литвинов М. М. 540

Литке Ф. П. 282, 299

Литта Дж. Р. (Юлий Помпеевич) 203, 204, 210

Лихачев, сотник 421

Лобанов-Ростовский А. Б. 517

Лобанов-Ростовский Д. И. 44, 52, 80, 83

Лобанов-Ростовский Я. И. 203, 210

Лобойко И. Н. 62, 64, 73

Локкарт 481

Ломоносов, поручик 255

Лонгинов Н. М. 51

Лопатина О. А. 632

Лопухин П. В. 57, 60

Лопухин, князь 293

Лорер Н. И. 95

Луи, герцог Немурский 312, 363

Луи-Филипп, король Франции 363, 364

Луковкин Г. А. 191, 208

Лунин Б. В. 450

Лутковский С. С. 180

Лучков, подрядчик 613

Львов А. Ф. 290, 291, 300

Львов Г. В. 430, 445, 449

Львовы, семья 644

Лю Чжао-шай 478, 513

Любимов, полковник 181

Лютш Я. Я. 486, 489, 496, 499, 501, 514

Лядовы А. Н. и К. Н. 273, 298

Магмет Хан 199

Магомед-Карим-Лашкар-баши 481

Магомет-Назим 514

Мадали 517

Мад-Карим 474

Мад-Саид 474

Маевский, ген.-майор 91

Маззини (Мадзини, Маццини) Дж. 311, 363

Мазурин А. А. 212, 221

Майерс (Mayers) 479

Майн Рид 634

Макаров 649

Мак-Грегор 488

Макдональд Дж. 195, 209

Маккартней (Macartney) Дж. 453, 487, 502, 514

Макниль, доктор 195

Максимилиан Евгений, герцог Лейхтенбергский 298, 543

Максимов, профессор 245

Малама Я. Д. 409, 415, 427, 447

Малиновский, майор 91

Малиновский А. Ф. 551

Мальмгрен А. Э. 566

Мальцовы И. С. и С. А. 519, 522

Мальцова (в 1-м браке Ладыженская) 519

Мамонтов Н. И. 563

Мамулаишвили Л. К. 443

Мамышева С. И. 646

Мануцци Н. 57, 61

Мануцци, графский род 61

Маньяго, франц. солдат 224, 226, 232, 241

Маргарита принцесса Савойская 293, 300

Марин С. Н. 30

Мария Александровна, имп. 292, 300, 356, 366

Мария Николаевна, вел. кн. 271, 281, 292, 298

Мария Павловна, (урожд. принцесса Мекленбургская), вел. кн. 292, 300

Мария Федоровна (урожд. София Доротея Августа Луиза, принц. Вюртембергская), имп. 80, 85, 86, 89, 104—107, 168

Мария Федоровна (урожд. Мария София Фридерика

Дагмара, принц. Датская), имп. 293, 294, 300, 478, 543, 552

Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская см. Мария Александровна, имп.

Мартемарский, герцог 246

Мартен 500, 504, 506

Мартенс Ф. Ф. 470, 471, 477, 481, 491, 507, 512

Мартынов П. Н. 421, 422, 448

Мартыновы 563

Марченко В. Р. 81, 83

Маслов А. И. 173, 179, 180

Маслов С. А. 173, 176, 178

Матвеев А. С. 10, 11

Матюнина (в замуж. Бахметева) А. Н. 262

Матюшина (в замуж. Бинеман) О. Н. 249

Матюшкин, помещик 176

Мауляви 481,

Маурер Л. В. 260, 274, 278, 280, 281, 297, 300

Махмуд II 216, 222, 255, 256, 258, 262, 297, 344, 366

Мацнев М. Н. 249

Мацнева (урожд. Абрамович, во втором браке Булгакова) Е. А. 249

Мачеварианова (урожд. Назарьева) О. М. 244

Мединский В. Ю. 467, 492, 512

Мейендорф Е. Ф. 268, 298

Мейчик Д. М. 18, 19

Меллер-Закомельский Н. И. 383, 387

Меллер-Закомельский П. И. 222

Мельников А. А. 466, 467, 512

Мендельсон Ф. 289

Менелас А. А. 210

Менстрие 579

Меншиков А. Д. 12, 13

Меньшенин, полковник 368, 369

Меньшиков А. С. 53, 215, 221

Металлов В. 243

Меттерних Кл. 305, 307—309, 313, 314, 316, 320, 322, 324, 327, 328, 331, 347, 349—352, 354, 356—358, 363

Меттерних Мелания (урожд. Зичи-Ферарис) 307, 308, 348, 363

Мехти, шамхал Тарковский 239—241

Мещанинов, купец 185

Мещерский Н. 555

Мещерский С. Б., кн. 636

Микешин М. О. 532

Миклашевский 197

Милакович Гр. И. 361, 362, 367

Милакович Дм. 340, 354, 365

Милан I Обренович, король Сербский 614

Милан II Обренович 329

Миллер Вс. 574

Миллер Ф. И. 97, 100, 102, 104—107, 168

Миллер Я. А. 244, 295

Миллер, генерал 446

Милль 596

Милорадович М. А. 81, 84, 85, 93, 94

Милош I Обренович, князь Сербский 69, 75, 329, 350, 355, 365

Милюков П. А. 172

Мин Л. Е. 547

Минаев 595

Мирза Ага 224, 226

Мирза Баба 188, 190, 199, 223—226, 232

Мирза Багир 223—226, 232

Мирза Джафар 199, 224, 225, 232

Мирза Мустафа 224—226, 232

Мирза Таги-Хан Ферахани 188, 190—192, 194—199, 208, 223—226, 232

Мирза Юнус 464

Мирза-Масуд 191, 194, 199, 208, 223—226, 232

Мирза-Сале (Салех) 188, 194, 199, 208, 223—226, 232

Митрофанов 46

Михаил Александрович, вел. кн. 429, 444, 448

Михаил Николаевич, вел. кн. 300, 375, 391, 402, 578

Михаил Павлович, вел. кн. 264, 267, 268, 271, 273, 277, 280—282, 298, 299, 304, 326, 365

Михаил Федорович, царь 222, 552

Михайлов, генерал 424

Михнев, казак 408, 409

Мицкевич А. 419

Мишо де Боретур Александр Францевич 32, 50

Моисей, иеромонах 185

Мокшевы, владельцы магазина 599, 638

Моллер А. В., фон 284, 300

Моллер (в замуж. Муравьева) Е. А. 284

Моллер (в замуж. Глазенап) Э. А. 284

Моллер (урожд. фон Нолкен) Ю. Ф. 284, 300

Моллеры А. Ф. и Ф. Ф. 284

Мордвинов А. Н. 304, 305, 307, 308, 310—333, 336, 337, 344, 347—352, 354—360

Мордвинова (в замуж. Муравьева) Е. Н. 284, 300

Морков (Марков) Ираклий Иванович 38, 51

Морковина А. А. 615

Морозов Н. А. 587

Моцарт В. А. 247, 249, 289

Мошковский Каспер (Машковский Гаспер) 357, 366

Музаффар-хан 464, 467, 474, 512

Муно (Manour) 500

Муравьев Анд. Н. 260, 261, 297

Муравьев Арт. З. 134, 169

Муравьев М. Н. 123, 137

Муравьев Н. М. 133, 146, 169, 519, 522

Муравьев Ник. Наз. 284, 286, 300.

Муравьев Ник. Ник. 123

Муравьева (урожд. гр. Чернышева) А. Г. 118, 134, 169

Муравьева (в замуж. Моллер) А. Н. 284

Муравьева (урожд. Горяинова) В. А. 134, 169

Муравьева (в замуж. Шестакова) В. Н. 284

Муравьева (урожд. фон Миллер) Е. А. 300

Муравьева (в замуж. Бахметева) Е. Н. 284, 285, 289, 300

Муравьева (в замуж. Моллер) Е. Н. 284

Муравьева Е. Ф. 154, 170

Муравьева (урожд. Шереметева) П. В. 123, 137

Муравьева (в замуж. Пашкова) Ю. Н. 284, 286, 289, 300

Муравьевы, семья 286

Муравьевы А. М. и А. Н. 95

Муравьевы Ал-др. Н. и В. Н. 284

Муравьев-Амурский Ник. Ник. 284

Муравьев-Апостол И. И. 134

Муравьев-Апостол М. И. 96, 133—136, 152—155, 157, 158, 160, 164, 165, 167, 169, 170

Муравьев-Апостол С. И. 96, 134

Муравьев-Карский Н. Н. 194, 388—391

Мусина-Юрьева М. П. 57, 61

Мусин-Пушкин 286

Мустафа, паша Скодрали 255, 296

Мусхелов, капитан 414, 415

Мухамад-Садык Кашгари 452, 513

Мухаммед Иса 502

Мухаммедэмин (Магомет Амин) 382, 387

Муханова П. А. 552

Мысловский В. П. 121, 162, 163, 170

Мысловский Н. П. 95, 121

Мысловский П. Н. 95—170

Мышлаевский А. З. 426, 427, 448

Мюрат И. 174

Мюссе А. 595

Надежда Петровна, книж. имп. крови, в замуж. кн. Орлова 440

Назимов В. Н. 582

Налепина Д. А. 275

Наполеон 42, 43, 209, 226, 248, 258, 359

Нарбекова, девица 177

Нарышкин М. М. 95

Нарышкина (урожд. гр. Коновницына) Ел. П. 120, 134, 169

Нарышкина (урожд. кн. Четвертинская) М. А. 79, 83

Нарышкины, семья 157, 269

Насрулла-хан, эмир Бухары 456, 511

Наср-Эддин, персидский шах 293, 301

Наумов, тайный советник 14

Наумова Ал-ра (в замуж. Безобразова) 263

Науруз Али Бек 224—226, 232

Нащокин А. П. 228, 241

Неберекутина Е. В. 62, 75

Небольсин Н. А. 200, 210—212, 217—219, 221, 222, 227, 229—231, 233—235, 237—241

Невинский К. П. 632

Негош Георгий Петрович 322, 323, 364, 365

Негош Даниил Петрович, владыка Черногорский 342, 365

Негош, митр. см. Петр II Петрович Негош

Недоба Ф. И. 329, 365

Нейдгард А. И. 375—379

Нельсон 552

Нелюбов, юнкер 251

Немчинов, вл. фирмы 459

Непенин А. Г. 85

Нессельроде А. В. 550

Нессельроде К. В. 52, 63, 69, 70, 73, 75, 81, 84, 234, 239, 241, 305, 316, 318, 320—324, 330—333, 337, 355, 357, 364, 365

Нефедов Ф. Д. 541, 542

Нечаев, чиновник 176, 181

Нигри, посол 293

Никитенко А. В. 587

Никитин, граф 266

Никитины А. В. и С. В. 617

Николай I 79, 82, 83, 84, 86—90, 92—94, 123, 135, 137, 138, 171, 174, 175, 182, 184, 187, 191, 194—196, 198, 201, 203, 204, 212, 216, 220, 227, 234, 245—248, 258, 261—268, 273, 280—282, 288, 291, 295, 298, 299, 302, 304, 308, 309, 311, 312, 315, 316, 318, 321—323, 326, 327, 330—335, 338—344, 346, 348, 349, 351, 355, 356, 360, 363—365, 367, 375—379, 385, 402, 529, 549, 552, 557, 588

Николай II 428—431, 444, 446, 566

Николай Александрович, наследник цесаревич см. Николай II

Николай Николаевич (младший), вел. кн. 375, 402, 419, 425, 431—440, 442—446, 448

Николай Николаевич (младший), вел. кн. 373, 402, 419, 423, 431—440, 442—446, 448

Николай Николаевич (ст.), вел. кн. 435, 448, 506, 517, 529

Николай, епископ 185

Никольский, ст. сов. 436

Никонов М. Н. 491, 515

Нимейер 485

Новиков А. Н. 181

Новоселовы А. В. и Н. А. 599

Новосильцев Н. Н. 81, 84

Новосильцев П. П. 520, 522

Носов Н. И. 571

Носович С. И. 496

Облеухова 328

Оболенский Е. П. 95

Оболенский М. А. 551

Обольянинов П. Х. 57, 61

Обренович 66, 74

Обресков В. А. 34—36, 38, 51

Обресков Д. М. 38, 52

Обресков Н. В. 38—40, 44, 47, 51

Обручев В. А. 255, 256, 296

Овсянников 92

Огарев, подполк. 221

Оде-де-Сион К. И. 245, 295

Оденталь И. П. 51

Одоевские, семья 269

Одоевский В. Ф. 550

Озерецковский Н. Я. 304

Озерецковский Я. Н. 304—366

Озерова А. С. 578

Окуньков Ф. В. 171, 172, 177

Оленин Н. П. 613

Оленины 596, 613

Ольга Николаевна, вел. кн., королева Вюртембергская 281, 292, 299

Ольга Федоровна (урожд. Цецилия, принцесса Баденская), вел. кн. 397, 402, 578, 580

Ольдекоп К. Ф. 191, 208

Ольденбург С. Ф. 452, 496, 497, 503, 516

Ольденбург, дипломат 260

Ольденбургский П. Г. 549, 557

Омельяненко 92

Омер-паша 544

Онслоу (Онслов) 249, 296

Опочинин Ф. П. 269, 298

Опочинин, ремонтер 271, 272

Опочинина (в замуж. Горяинова) М. Ф. 269

Опочинина (в замуж. Туманская) А. Ф. 269

Опочинина (урожд. кнж. Голенищева-Кутузова) Д. М. 271, 274, 298

Опочинины, семья 269, 274

Орлов А. Ф. 75—77, 80, 83, 221, 242, 246, 255—258, 260—267, 288, 295

Орлов В. Н., кн. 436, 439, 440

Орлов Г. Г. 23, 26, 59, 60

Орлов М. Ф 75—77, 80, 83, 85, 90, 94

Орлов Н. В. кн. 440

Орлов Ф. Г. 23, 26, 59

Орлова (урожд. Кривцова) О. П. 76

Орлова-Савина П. И. 306

Орловы А. Г., В. Г. и И. Г. 23, 26, 59

Орловы, род 55, 59, 269

Оршанский И. Г. 9

Оршанский И. Г. 19

Осинин А. Т. 539

Осипов А. С. 191, 208

Оскар II (Фридрих), король шведский и норвежский 293, 300, 487, 515

Осман Паша, алб. визирь 342, 343

Осоргин М. А. 595

Остен-Сакен К. И. 550

Остен-Сакен Ф. В., фон-дер 247, 248, 296

Остен-Сакен Ф. Р. 453, 464—511, 515

Остерман Ф. А. 56, 59

Отенфельс, барон 259

Отенфельс, баронесса 259, 300

Оффенберг Ф. П. 246, 264, 267, 268, 295

Охотников К. А. 90, 91, 94

Павел I 21, 26, 56, 57, 60, 61, 88, 168, 177, 210, 522, 525, 527, 528, 546, 570

Павлов А. И., 508, 509, 517

Павлов Евсей, крестьянин 86

Павлов Коля 628

Павлов, генерал 434

Павлов, доктор 612, 628, 644

Павлова 177

Павлова Н. П. 615, 620, 632

Павловский 313

Павловы, семья 620

Павский см. о. Герасим

Падерин И. В. 466, 512

Пален И. П. и П. П. 262

Палибин 549

Пальменбах Е. А. 552

Панин Н. И. 19, 22, 23

Панин Н. И. 19, 22, 29

Панин Н. П. 545

Пантусов Н. Н. 494, 516

Панчулидзев А. Д. 244, 245, 295

Панчулидзева А. С. 244

Паричка 625

Паскевич-Эриванский И. Ф. 194, 197, 207, 209, 210, 215, 216, 227, 232, 262, 308—310, 313, 314, 316, 322, 324, 326, 363, 364

Пассек П. Б. 23, 26

Патерсон Дж. 65, 74

Пахолкин И. и Н. 601, 649

Пашино П. И. 453

Пашков А. Е. 286, 289, 300

Пашков Е. И. 244, 249, 295

Пашков, полковник 251

Пашкова (урожд. Панчулидзева) О. А. 244, 249, 286

Певцов М. В. 491, 515

Педро II, император бразильский 293, 300

Пелиховы, владельцы магазина 608

Пенкина В. Н. 615, 620, 633, 637

Первушин, вл. фирмы 459

Перевощиков Д. М. 244, 295

Перекотий, сотник 439

Перовский В. А. 581

Перовский Л. А. 286, 288, 289, 300

Перро Ш. 649

Перфильев С. В. 520—522

Перфильева (урожд. Ланская) А. С. 520—522

Песков В. 591

Пестель П. И. 96, 97

Нессель П. И. 96, 97

Петерсон Н. Л. 410, 419, 436, 447

Петр I 12, 15, 26, 54, 56, 59, 60, 79, 83, 215, 242, 252, 364, 367, 432, 543, 545

Петр I Петрович Негош 340, 364, 365

Петр II Петрович Негош 305, 321—327, 330, 334—347, 351—354, 360—362, 364, 366

Петр III 18—22, 24—26

Петр Николаевич, вел. кн. 436, 440, 443, 448

Петрищев, генерал-майор 251

Петров Ф. А. 62, 75

Петровский Н. Ф. 450—517

Петрозелиус 92, 94

Петроний (Луянович), архимандрит 344

Петрункевич М. И. 639

Пизани, почтмейстер 257

Пименов 241

Пирогов Н. И. 547

Писемский А. Ф. 587

Питирим, экзарх Грузии 423

Плансон-Ростков Г. А.

Платер Люд. 309, 363

Платеры Влад. и Луц. 363

Платов М. 34, 37

Платов М. И. 57, 61

Плаутин Н. Ф. 254

По, фр. генерал 440, 442

Победоносцев К. П. 509, 517

Повало-Швейковская О. Н. см. Швейковская О. Н.

Погодин М. П. 518—522

Пожарская Д. 597

Позднеев А. О. 171, 172, 174, 175, 177, 179, 186

Поздеев А. О. 171, 172, 174, 175, 177, 179, 180

Поздняков 42

Поздышев Я. 11, 12

Покровский 223, 232

Полевой Н. А. 549, 552

Поливанов А. А. 412, 447

Поликарпов А. А. 36, 37, 51

Полозов, генерал 603

Полторацкая (в замуж. Ельчанинова) Н. М. 612

Полторацкая М. М. 612

Полторацкие, семья 621

Полторацкий В. А. 515

Полторацкий Н. Н. 612

Полторацкий, ген.-майор 92

Полуэктовы 595

Попов В. М. 65, 74

Попов П. С. 480, 513

Попов С. И. 479, 513

Попов, ген-майор 328, 330

Попов, купец 240

Попов, чиновник 34—36, 38—40, 51

Попов, шт. каб. 427

Посошков И. 545

Потанин Г. Н. 511

Потемкин Г. А. 60, 525, 526, 552

Потоцкий Ст., гр. 210

Пржевальский Н. М. 477, 478, 483, 485, 487, 507, 513—515

Приклонский Н. М. 82, 84

Прозоровская Е. А. 28

Прозоровские 27

Прозоровские 27

Прозоровский А. А. 27, 28

Проконе Н. В. 447

Прокопович-Антонский А. А. 92, 94

Прохоров В. И. 591

Прохоров И. Н. и Н. И. 592

Прохоров Т. В. 591, 592

Прохоровы 595

Проценко А. П. 516

Пуришкевич В. М. 447

Путинцев, подхорунжий 496, 497

Путята В. И. 244, 246, 295

Пухов А. 285

Пушкин А. С. 75, 153, 170, 280, 324, 365, 366, 478, 518, 552, 565, 577, 586

Пущин И. И. 107

Пущина (в замуж. Фон-Визен) 180

Пятунин, профессор 245

Рагузский герцог 246

Радищев А. Н. 543

Радлов В. В. 494, 498, 516

Радонич Вуколай 365

Радонич Марко 326, 327, 365

Радоничи, семья 326, 327, 365

Радша 527

Раевские 595

Раевский В. Ф. 75—78, 85

Раевский М. Ф. 62

Раевский Н. Н. 30, 38, 222

Разум Я. Р. 59

Разумов, доктор 502

Разумов, солдат 502

Разумовская, графиня 175, 200, 210, 217, 239, 240

Разумовские, княжеский род 55, 59, 518, 545

Разумовский А. Г. 26, 55, 59

Разумовский Ал. К. 175

Разумовский Ан. К. 312, 363

Разумовский Г. Я. и И. Я. 59

Разумовский К. Г. 22, 26, 55, 59

Райер, хирург 487

Рамишвили, соц.-дем. 410

Расин Ж. 620

Рачинский С. А. 563

Рашков Д. П. 540

Реачек, семья 284

Рейтерн М. Х. 478, 513

Рек К. И. 231, 241

Ренар К. И. 554

Ренненкампф П. Я. 187, 188, 199, 207, 210, 213, 219, 222—227, 231—233, 237, 238

Репин Н. П. 134, 169

Репнин Н. В. 26

Рибопьер А. И. 257, 259, 297

Риккер, книгопродавец 558

Рикман П. И. 256, 297

Риттер К. 475, 513, 554

Рихтгофен Ф. П. 483, 487, 504, 514

Рихтичь, греч. еп. 317

Риэго А. 83

Робен 541

Ровинский А. П. 216, 222

Р[illegible] Л. А. 210

Ровинский. Д. А. 210

Роде Ж. П. 264, 298

Родичев Ф. И. 614

Родофиникин К. К. 32, 50, 195, 209, 323, 329—334, 364, 365

Рожнов, учитель музыки 291

Розанов В. В. 564

Розен (урожд. Малиновская) А. В. 121, 169

Розен А. Е. 95, 132

Розен В. Р. 493, 498, 500, 503, 505, 516

Розенбах Н. О. 474, 475, 483, 484, 512

Розенштрауф 91

Романов Д. Д. 612

Романов Николай 634

Романович И. К. 228, 230, 238, 241

Романовский И. П. 446

Романовы, дом 437, 440, 446

Романовы, семья 638

Ромберг Б. 278, 280, 299

Росси, граф 277, 281, 200

Росси, графиня см. Зонтаг Г.

Россини Дж. 260, 297

Ростопчин С. Ф. 36—41, 43, 44, 46, 47, 51, 52

Ростопчин (Растопчин) Ф. В. 29, 30, 34—37, 39—53, 57, 61, 175, 552

Рубинштейн А. Г. 586

Руджери (Rugeri) Ф. и Дж. 284, 299

Рулье К. Ф. 541

Румянцев Н. П. 36, 51, 62, 64—73, 83

Румянцев-Задунайский П. А. 27, 28

Руссо Александр (Алеку) 305, 317, 318, 324—327

Рушковский И. 233—235, 238

Рылеев К. Ф. 96, 97, 100, 102—104, 168

Рылеева (в замуж. Пущина) Анаст. К. 97, 98, 101, —107, 168

Рылеева (урожд. Тевяшева) Н. М. 97—107, 168

Сабанеев И. В. 30, 32—34, 37, 39, 50, 76, 77

Савина М. Г. 559

Сазонов С. Д. 412, 447

Салтыков А. Д. 256, 297

Салтыков И. П. 525, 526

Салтыков Н. И. 56, 60

Сарухан-Бек И. 271, 275

Сафдер-Али-хан 484, 489, 514

Сафонов, камергер 240

Сафронов Г. И. 73

Сахновская (в замуж. Петровская) С. А. 450

Свешников, дворник 92

Святополк-Мирский Д. И. 389—391

Севрюгин, купец 240

Сеид Азим 479

Сельский С. М. 579

Семенов А. А.

Семенов Вл., кн. 231, 241

Семенов, учитель музыки 244

Семенова А. В. 78

Семенов-Тян-Шанский П. П. 491, 515

Семино (Симоне) 194, 209, 212, 224, 226, 232

Сен-При Э. Ф. 33, 42, 50

Сент-Илер И. Ж. 541

Сентянины 246

Сенявин (Синявин) Д. Н. 80, 83

Сенявин И. Г. 287, 300

Серве А. Ф. 276—278, 280, 281, 299

Сергий, архим. 571

Сердюков М. И. 12, 13

Серов А. Н. 587

Сеславин А. Н. 82, 84

Сидоренко П. 622, 629

Сидоренко, семья 612

Сидорова М. В. 241, 449

о. Симеон (Иоанов), свящ. 173, 179

Синицын А. С. 644

Синицын В. А. 644, 645

Синицын, доктор 612

Синицына (урожд. Львова) Т. А. 644

Синицыны М. А. и Н. А. 644

Синицыны, семья 644—646

Скалон, майор 90

Скарятин Я. Ф. 519, 522

Скворцов Н. П. 189, 208

Скобелев М. Д. 531, 532

Скотт В. 641

Слепцов Н. П. 380, 382, 387

Сливицкий, писатель 649

Смирнов А. И. 577

Смирнов И. 53

Смирнов, учитель 294

Снегин, владелец булочной 608

Соболев Н. В. 456, 458

Созонович Августа 160, 170

Соколов А., Л., и Н. 609

Соколова (урожд. Чаплина) А. Н. 606, 609, 627

Солиман II 331, 365

Соловьев С. М. 18

Соловьева Г. Ф. 301, 370

Сологуб В. А. 586

Соломарецкий, унтер-офицер 176

Соломка И. Ф. 571

Соломко (Соломка) А. Д. 80, 81, 83

Солтан, граф 328, 329

Сонцов (Сонцев) П. А. 246, 262, 295

Сонцова (урожд. Черткова) Е. Д. 295

Сорокин, доктор 613

Сорохтин К. И. 227, 241

Софиано Л. П. 570

Сперавский, ген. 309

Спиридонов, стекольщик 240

Стадлин, англичанка 622, 624

Стальгани А. 642

Станислав Август (Понятовский), король Польши 27

Станкович, венг. еп. 317

Стахеев Д. И. 533

Стенбок-Фермор Я. И. 264, 298

Степанов 87

Степанов Р. С. 173, 179, 185

Степанов Я. 10, 11

Стефан Стратимировский (Стеван Стратимирович), митр. 317, 364

Стогов Е. И. (дядя Гроня) 601, 637—639

Стоговы А. Е., Е. Е. и Н. Е. 636—639

Стоговы Е. Е., И. Е., М. Е. и П. Е. 636—639

Стойкович А. И. 63, 74

Страдивари А. 298

Стратонов В. В. 419, 447

Стремоухов П. Н. 453—464, 475, 481

Строганов А. Г. 262, 298

Строганов П. А. 81, 84

Строганов С. Г. 570

Строгановы, семья 269

Строев П. М. 365

Строев С. М. 327, 365

Струве Г. Г. 332, 350, 352, 365

Струве К. В. 455, 459, 462, 463, 478, 496, 511

Суворин А. С. 646

Суворов А. В. 295, 552, 571

Суминин 92

Сурнин, штабс-капитан 91, 92, 94

Суслов А. А. 380, 383, 387

Сухозанет И. А. 369

Сухоруков В. Д. 132

Сухтелен П. П. 187, 201—204, 210, 211, 218, 235

Сыренский Л. 12, 13

Тагац 285

Тагианосов 415

Тагиев 426

Талызин И. Л. 24, 26

Тарковский см. Мехти, шамхал Тарковский

Тассо Т. 131, 169

Татищев В. Н. 13—17

Татищев Д. П. 69, 70, 73, 75, 305, 307, 325, 328, 329, 333, 334, 338, 345—347, 349, 351, 355, 363

Татищева А. П. 176

Татищева М. 176

Темирязев С. С. 219, 222

Терентьев Т. Н. 591

Терновский П. М. 244, 295

Тертий, эпитроп 490

Тест, дипломат 260

Тизенгаузен В. Ф. 414, 447

Тизенгаузен Ек. Ф. 274

Тизенгаузен Ф. И. 274

Тимофеев 421

Тихомиров, врач 608

Тихомировы 541

Тихон Задонский, еп. Воронежский 115, 169

Тихонов И. С. 27

Тихонравов К. Н. 565

Тихоцкий, есаул 432—434

Токвиль 596

Толстая (в замуж. Остерман) А. Н. 59

Толстая П. М. 274

Толстой А. И. 59

Толстой А. К. 581

Толстой В. С. 133, 169

Толстой Д. А. 478, 513

Толстой (Знаменский) Д. Н. 521, 522

Толстой Д. С. 557

Толстой Л. Н. 416, 570, 648

Толстой М. С. 173

Толстой Н. М. 271

Толстой П. А. 79, 83, 244, 295

Толстой, адъютант 218

Томов Петр (Перо) 343, 366

Томов Радивой Петрович см. Петр II Петрович Негош

Топачев, доктор 252

Тормасов А. П. 44, 46—48, 51—53, 222

Тотфалушин В. П. 53

Трезвоновы 621, 627, 630

Трейблут, фон 219, 222

Трепов А. Ф. 440, 441, 449

Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 434, 448

Трубецкая (урожд. гр. Лаваль) Ек. И. 118, 120, 134, 146—148, 169

Трубецкой В. С. 266, 298

Трубецкой С. П. 95, 96

Трубчанинов 455

Туманский М. И. 267, 269

Тундутов, кн. 444

Туполев А. Н. 612

Туполевы, семья 596, 612

Тур, домовладелец 290

Тургенев 181

Тургенев А. И. 62, 64, 65, 73, 74, 222

Тургенев И. С. 244, 587, 647

Тургенев Н. И. 78—82

Турт Ф. 299

Турчанинов П. И. 281, 299

Турчанинов П. П. 191, 208

Тутчек И. И. 254

Тышкевич, граф 440

Тюльневы, помещики 196

Тюряков, владелец магазина 625

Тютчев А. И. 154, 170

Тютчев Ф. И. 137

Убейдулах-Ага Шехович 354

Уваров А. С. 565, 570

Уваров Ф. П. 45, 52

Уваров, купец 599

Ульянин 541

Уминский, ген. 309

Унгерн-Штернберг (в замуж. Бобринская) А. В. 60

Унгерн-Штернберг Э. Р. 308, 363

Уркуарт (Уркварт) Дэвид 329, 332, 365

Ускович М. 362

Усов С. А. 541, 563

Ушакова А. П. 610

Фадеев, ген. 583

Фадеева (в замуж. Ган) 579

Фазиль Хан 224—226, 232

Фалалеева М. В. 63

Фалеев, купец 311

Фатер И. С. 73—75

Федор Алексеевич, царь 9

Федченко 541

Фельдман Д. З. 10, 12

Фельдман Ф. А. 485, 514

Фенш А. С. 222

Фердинанд I, австр. имп. 350, 366, 367

Фердинанд, герцог генуэзский 301

Фердинанд, герцог Орлеанский 312, 363

Ферик Паша 344

Феска Ф. Э. 249, 296

Фетх-Али-шах 187, 191, 195, 209, 216, 222

Фикельмон (урожд. Тизенгаузен) Д. Ф. 274

Филатов Н. Ф. 643

Филимонов 541

Филлис 435

Философов, ген. 219

Флавицкий Н. Д. 455, 456

Фогель, доктор 487

Фок М. Я., фон 131, 132, 141, 143

Фольвейлер К. 280, 281, 299

Фольц 219, 220

Фон-Визен И. А. 173, 179, 183, 184

Фонвизин Д. М. 107, 109, 120

Фонвизин И. А. 107, 109, 154, 168, 170

Фонвизин М. А. 85, 90, 91, 94, 107, 112, 115, 119, 121, 122, 168, 169

Фонвизин М. М. 107, 109, 120

Фонвизина (урожд. Апухтина) Н. Д. 107—123, 131, 132, 134, 168, 169

Фонтон А. А., И. П. и П. А. 31—34, 49

Форстенберг Пакиш, фон, 256

Франкини, переводчик 258

Франс А. 595

Франц I, австр. имп. 308, 317, 358, 363, 367

Франц I, герцог Лотарингский 55, 59

Франц II, имп. римской империи 56, 59

Франц Карл, эрцгерцог 358, 367

Франц-Иосиф I, австр. имп. 293, 300

Франциск I 127

Фрейганг В. И. 347, 366

Фрейсине Ш. Л. 487, 515

Фриде А. Я. 480, 482, 513

Фридрих В. 310

Фридрих II, прусский король 20, 25, 26, 28

Фридрих Вильгельм III, прусский король 37, 51, 82, 84, 221

Фридрих III (Фридрих-Вильгельм), король прусский и император германский 293, 301

Фридрих-Франц II, герцог Мекленбург-Шверинский 292, 300

Фридрих-Франц III 292, 300

Фрушка (Фруско) М. А. 355, 366

Хаджи-Мурат 382, 387

Харламов 437

Хатисов А. И. 417, 423

Хванский И. А. 11

Хвостов А. С. 571

Хвостов Д. И. 57, 61

Хедин (Гедин) С. А. 487, 502, 504—507, 510, 511, 515, 517

Хемницер И. И. 552

Хипчикова Дж. 191

Хитрово А. М. 274

Хитрово Ел. М. 274

Хлудов, фабрикант 457, 459

Хованская, кн. 219

Хованский Н. Н., кн. 221

Ходасевич В. Ф. 595

Ходжес 350

Хозрев-Мирза, принц 187—241

Холодовский К. 232

Храбрый, шт.-кап. 32

Христиан IX, король Дании 293, 300

Хуанг, даотай 473

Худояр-хан 460, 463, 481, 511, 512

Хыждеу (Хашдеу, Хиждеу, Гиждеу) А. 301—303

Цвылев И. С. 631, 632

Цзин-Пенг, переводчик 480, 481

Цулукадзе, кн. 413

Цуриков, подполковник 646

Цуцкин, чиновник 234, 238

Цыси, имп. 480, 481

Чавчавадзе Д. 425, 447

Чавчавадзе З. 406, 408, 413, 429

Чайковский П. И. 242

Чаплин А. М. 613

Чаплин М. М. 628, 638, 639

Чаплина А. М. 609, 610, 639

Чаплина Ек. М. 606, 609, 610, 630, 639

Чаплина (в замуж. Кардо-Сысоева) Т. М. 602, 604, 606, 610, 639

Чаплины 596

Чарторижский (Чарторыжский) А. Е. 81, 84

Чарыков Н. В. 478, 480, 513

Чевкин К. В. 252, 296

Чекмаревы, девицы 287

Черничина Ек. А. 643, 644

Черный, полк. 434

Чернышев А. И. 207, 209, 266, 298, 376

Чернышев Г. И. 518, 519, 522

Чернышев З. Г. 519, 522

Чернышева А. Г. 522

Чернышева (в замуж. Черткова) Е. Гр. 518, 522

Чернышева (урожд. Квашнина-Самарина) Е. П. 518, 519, 522

Чернышевы, род 518

Черняев М. Г. 452, 467, 475, 512

Чертков А. Д. 246, 296, 518, 519, 522

Черткова (в замуж. Шеппинг) М. Д. 246, 295

Черьяков П., кучер 251

Чжан Лаушай 466, 473

Чикин, советник 306

Чиковани, род 402

Чистяков 649

Читадзе, инсп. школ 422, 423

Чичагов П. В. 30, 36, 37, 50, 51

Чичерин В. А. 246

Чичерины, семья 269

Чоглоков, адъютант 268

Чумпалов (Чунпалов), штабс-капитан 90, 94

Шабалин, умалишенный 536

Шабер, барон 261, 262

Шавельский Г. И. 440, 441, 449

Шамиль 374, 380, 382, 383, 387

Шамшин И. И. 451

Шантени де-ля Сосей 596

Шатилов И. Я. 46, 52, 91

Шатилов П. Н. 427

Шатохин, казак 424

Шатров Н. М. 172, 174—180, 183, 184

Шаунбург (Шаумбург, Шаумбурх) 190, 192, 195, 197, 199, 208, 223, 226, 232

Шахмурад 456, 511

Шаховская, кнж. 603

Шацкий, учитель музыки 244

Шванке 274

Шварц Ф. Е. 77

Шварценберг К. Ф. 42, 52

Швейгер 558

Швейковская Н. Т. 605, 610, 611, 618, 628, 629, 632, 633, 643, 645, 646

Швейковская (урожд. Бакунина) О. Н. 601, 604, 610, 611, 614, 618, 620, 624, 627—629, 632, 637, 643, 645, 646

Швейковские, семья 596, 607, 610, 612, 622, 630, 632, 638, 643, 646

Швейковский Н. Т. 610—612, 624, 628, 632—634, 643, 644, 646

Швейковский Т. Н. 604, 610, 611, 623, 624, 628, 642

Швейцер К. Ф. 320, 329, 364

Шверин, граф 20, 26

Шекспир У. 521

Шелихов Г. И. 56, 60

Шереметев А. В. 137

Шереметев Д. С. 431

Шереметев С. Д. 294, 301, 514

Шереметева (урожд. Тютчева) Н. Н. 95, 109, 122—124, 132, 134, 137—143, 153, 154, 158, 160, 162, 164—170

Шерр 563

Шестакова 284

Шиллер Ф. 312, 563

Шильдер Н. К. 78

Шимков И. Ф. 134, 169

Ширинкин М. П. 407, 411, 421, 447

Ширинкин М. П. 407, 411, 421, 447

Ширяев, казак 408, 409

Шишкин Н. П. 490, 515

Школовский, домовладелец 630, 632, 640, 643

Шлагинтвейт А. 472, 482, 485, 494, 512

Шмелев, купец 461

Шнауберт Карл Андреевич 34—36, 38, 40, 51

Шнаунберх 91

Шнейдер 549

Шнеур Н. Я. 480, 513

Шпак, художник 532

Шпренгер А. 501, 516

Шпринг, учитель музыки 244

Шрейенцер (Шрейцерн) А. Э. 274, 280

Штейнгель 485

Штекгардт 549

Штемпель, чиновник 234

Штукен-Спис, вл. фирмы 459

Шуберт К. Б. 276, 278, 299

Шувалов П. И. 13—17

Шуваловы, семья 269

Шульгин Д. И. 198, 210—212, 217

Шуфт 558

Щедловский 86

Щербатов Ал-др. А. 560

Щербатов Ал-й. Г. 250, 296, 572

Щербатова А. М. 271

Щербинин М. А. 80, 81, 83

Щукин П. И. 18

Эдуард VII, король Великобритании 293, 301

Элиас Н. 478, 480, 481, 513

Эльтон Дж. 15, 18

Эмануель Г. А. 191, 192, 208

Эмир-Низам (Емируль-Низам, Емери-Низам) см. Мирза Таги-Хан

Энвер-Паша 418, 447

Эрдман, проф. 536

Эренбраут, столяр 285

Эссен А. А. 285

Эссен П. К. 264, 266, 298, 336, 365

Юлиана Генриетта Ульрика, принц. Кобургская см. Анна Федоровна

Юм Д. Д. 520, 522

Юнусов Алим Хаджи 467

Юргенсон П. 242

Юстиниан I, имп. 296

Юсупов, кн. 283, 284

Юсупов Н. Б. 212—214, 218, 221

Юсупов Ф. Ф. 174

Юсупова Н. Б. 299

Юсуф Хан Топчи 191

Юшневская (урожд. Руликовская) М. К. 118, 169

Яблочкин Ю. Н. 27

Языков Д. Д. 529, 534, 555

Яковлев, помещик 272

Яковлевы Л. и С. 10, 11

Якуб-бек (Магомет Якуб-бек Бадаулет) 450, 453, 463, 474, 478, 481, 511

Якубович А. И. 134, 169

Якунин, фельдъегерь 225

Якушкин В. И. 149, 153, 154, 166, 167, 170

Якушкин Е. Е. 95

Якушкин Е. И. 149, 153, 154, 166, 167, 170

Якушкин И. Д. 90, 94, 95, 96, 121, 123—125, 136, 141, 143—170

Якушкина (урожд. Шереметева) А. В. 122—126, 137—139, 141—143, 153, 154, 169, 170

Янгхазбенд (Юнгхазбенд) Ф. Э. 487—489, 514

Янчук 541

Яхонтов Н. Н. 579

Caracelli 314, 318

Oskowski 309

Poie, прусский посол 250

Pont, de 307, 328, 350

Tore Julie, гувернантка 618—621, 624, 626, 634—636, 642, 644, 647, 649

p)Valentin L. см. Oskowski